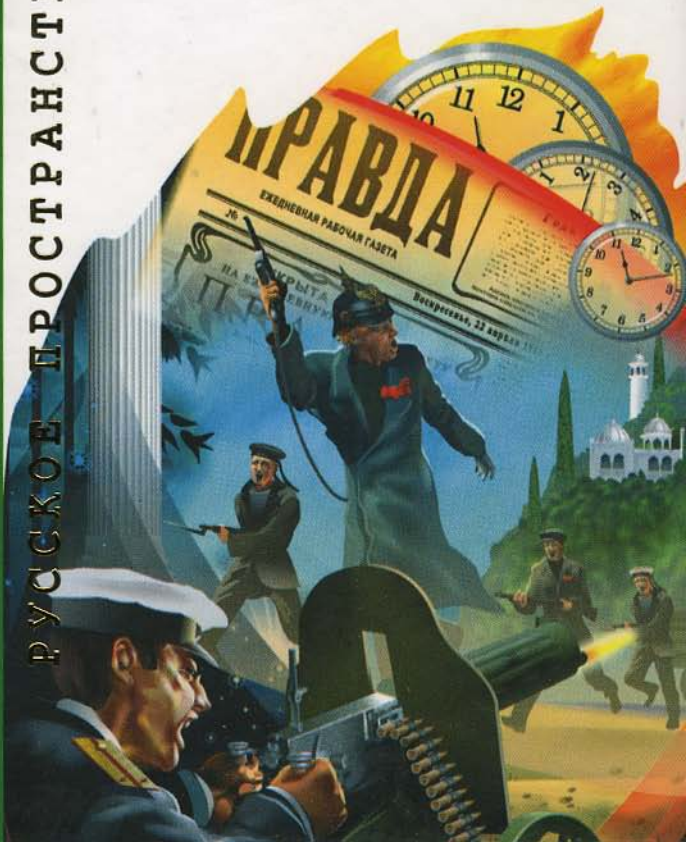
Кир

БУЛЫЧЕВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ТРАПЕЗУНДА

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Кир

БУЛЫЧЕВ

Кир

БУЛЫЧЕВ

ПОСЕЛОК
ПОДЗЕМЕЛЬЕ ВЕДЬМ
ПОХИЩЕНИЕ ЧАРОДЕЯ
ОПЕРАЦИЯ «ГАДЮКА»
ПОКУШЕНИЕ НА ТЕСЕЯ
ПОСЛЕДНИЕ ДРАКОНЫ
ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ТРАПЕЗУНДА

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Кир

БУЛЫЧЕВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ТРАПЕЗУНДА

Москва
ЭКСМО
2006

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Б 90

Составитель *М. Манаков*

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2005 году

Булычев К.

Б 90 Возвращение из Трапезунда: Фантастические романы. — М.: Изд-во Эксмо, 2006. — 864 с. — (Отцы-основатели: Русское пространство).

ISBN 5-699-15119-2

Самым главным своим литературным проектом в последние годы жизни Кир Булычев считал цикл романов «Река Хронос». Автор могучей писательской волей отправил путешествовать по реке времени молодых людей начала прошлого столетия — Лидочку и Андрея Берестовых, дав им возможность прыгать через годы, с таким расчетом, чтобы они прошли весь XX век молодыми.

Перед вами первая книга, в которую вошли романы «альтернативной истории» «Наследник», «Штурм Дюльбера» и «Возвращение из Трапезунда».

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Булычев К., 2006
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2006

ISBN 5-699-15119-2

НАСЛЕДНИК

Что войны, что чума? Конец им виден
скорый;
Их приговор почти произнесен.
Но как нам быть с тем ужасом, который
Был бегом времени когда-то наречен?

Анна Ахматова

Глава 1

Август 1913 г.

Тетя Маня проявляла настойчивость.

— Не мне же ехать к Сергею Серафимовичу. Я ему никто. А тебя он хочет видеть. Ты читал его письмо.

— Я поеду в субботу.

— За день до поезда? Это легкомысленно. Разговор будет касаться твоего будущего. Такое за полчаса не делается.

— Зачем нужны эти церемонии? Если человек хочет мне помочь, можно сделать это без Каноссы.

— При чем тут Каносса? Ты обязан проявить уважение к человеку, который столько для нас сделал.

— Я ему благодарен, да, благодарен! — сказал Андрей с вызовом.

Одна оса, поумнее, снизилась к блюдечку с медом и без помех сосала, приподняв полосатое брюшко. Вторая, глупая, вилась перед лицом Андрея, норовя вцепиться в ломоть намазанного медом хлеба. Мед стекал с ломтя, и приходилось крутить хлеб в руке, чтобы подхватывать языком капли, готовые упасть на колени. Солнце било в маленькое окошко, отражалось от самовара и от стеклышек пенсне тети Мани. Пенсне удивительным образом не шло тете, противоречило ее полному красному лицу и носу-картошке. Но тетя Маня полагала пенсне непременным атрибутом интеллигентной дамы, служащей по симферопольскому ведомству императрицы Марии Федоровны.

— Я вчера поговорила с Керимовым, — продолжала тетя, игнорируя возмущение Андрея. — Все складывается как нельзя лучше. Ахмет сегодня едет в Ялту. Он захватит Колю Беккера. Вы сложитесь, выйдет совсем недорого.

— Ты уже и это организовала? — Андрей хотел скептически усмехнуться, но мед все же капнул с ломтя, к счастью, на скатерть. Андрей взял ложку, чтобы подобрать каплю со скатерти, а глупая оса спикировала вниз, полагая, видно, что капля предназначается ей. — А почему Коля едет в Ялту? — спросил Андрей.

— Об этом спросишь у него, — резонно возразила тетя. — Ты еще будешь пить чай?

— Жарко.

— За перевалом куда прохладнее. Ирина Тимофеевна провожала вчера в Гурзуф Барятинских. Там просто рай земной. Я уложила желтый чемодан.

Андрей поморщился. Его жизнь была предусмотрена тетей в малейших деталях, и Андрей даже опасался, сможет ли управлять ею сам в Москве. Весь восьмой класс он сладостно мечтал о том дне, когда сядет в поезд и свергнет гнет тетушкиной предусмотрительности. А теперь, когда до отъезда остались считаные дни, он начал малодушничать, так как не знал, как сдают белье прачке и что следует говорить кондуктору в поезде.

— Ты отвезешь Сергею Серафимовичу банку моего черешневого варенья, — сказала тетя.

— Еще чего не хватало!

— Он специально просил меня об этом в письме. Ты же знаешь, что мама всегда варила это варенье.

Тетя Маня поглядела на мамину фотографию, висевшую на стене в черной рамке. Мама была в большой шляпе с цветами, и оттого лицо ее казалось маленьким, хотя Андрей запомнил ее как нечто большое и теплое — ему было три года, когда мама умерла. Тетя Маня забрала его из Ялты, где они жили последние годы, потому что у мамы была чахотка. Сергей Серафимович остался там. Настоящего отца Андрей не знал.

Все это было странным. Нина, сестра Коли Беккера, как-то сказала ему:

— Ты, Андрэ, такой загадочный. Я не удивлюсь, если окажется, что твой настоящий отец — Великий князь.

Андрей знал, что маму обесчестил Некто, а Сергей Серафимович женился на ней, когда Андрей был грудным младенцем, но почему-то в отличие от иных семей Сергей Серафимович, дав ему свою фамилию, не пожелал считаться его отцом. Тетя Маня говорила, что эта жестокость по отношению к сироте была одной из причин, приведших маму к ранней смерти. Андрей тоже был обижен на отчима.

...Ему было лет семь, и на лето, как обычно, он поехал к отчиму. В доме были гости. Андрюшу ласкали душистые дамы, а толстый бородатый поэт качал его на упругом колене. В саду, у столика, стройный седой Сергей Серафимович разливал по бокалам шампанское. Андрей увидел, как через дорожку к отчиму семенит громадный тарантул. Андрей испугался, что тарантул укусит Сергея Серафимовича. И он закричал:

— Папа! Папа! Смотри!

Он побежал к тарантулу, чтобы прогнать его, — совсем не испугавшись за себя. Сергей Серафимович подхватил Андрея, держа его на руках, шагнул к тарантулу и быстрым движением раздавил его. Потом сказал:

— Я не твой папа. Ты же знаешь.

Вряд ли многие слышали эти слова, дамы заверещали, поэт пожал Андрюше руку и сказал, что он — наш маленький герой. Но Андрей полагал, что эти слова были громче грома, и возненавидел отчима. Той же ночью он ушел пешком в Симферополь. Он шел всю ночь, а с рассветом заснул у нижней дороги, чуть не доходя до Ай-Даниля. Там его нашли татары, которые ехали в Ялту на базар. Он проснулся, стал вырываться и не хотел никому рассказывать, кто он и как его зовут. Татары смеялись. Один из них, усатый, крепкий, от него пахло луком и потом, держал Андрея на руках. Они довезли его до городового, что стоял у въезда в город, а тот узнал мальчика. Вышла дополнительная обида, потому что никто Андрея не хватился. Сергей Серафимович еще спал, а его экономка Глафира кормила на дворе кур. Она думала, что мальчик в своей комнате.

Глафира начала причитать, куры закудахтали, Сергей Серафимович вышел, кутаясь в длинный халат, дал городовому полтинник и пожал ему руку. Когда городовой ушел, он сказал:

— Мне неприятно думать, что я тебя обидел. Прости меня. Я хотел тебе сказать об этом еще вчера ночью, но решил, что ты ушел спать. Но если бы я позволил тебе называть меня отцом, это была бы неправда.

— Я хочу домой, — сказал Андрей.

— Я не волен тебя задерживать, — сказал Сергей Серафимович. — Глаша, покорми Андрея, а потом позови извозчика. Андрюша возвращается в Симферополь.

Глафира стала спорить, она даже топала крепкой загорелой ногой. Глафира была молодая и красивая, и Андрей был благодарен ей за то, что она ругает Сергея Серафимовича. Но тот закурил свою длинную темную трубку и ушел в кабинет...

* * *

— Ты задумался? — спросила тетя Маня. — Ты меня не слушаешь.

— Я слушаю, — ответил Андрей. — Ты сказала, что на перевале может быть дождь.

— Я сказала, чтобы ты взял с собой зонт. Я бы не хотела, чтобы ты простыл перед самым отъездом в Москву.

— Я не простыну.

— Я написала письмо Сергею Серафимовичу, — сказала тетя Маня. — Этим я избавляю тебя от необходимости самому поднимать вопрос о деньгах, так как полагаю, что тебе это неприятно.

— Спасибо.

Все-таки тетя — замечательная женщина.

Андрей допил остывший чай. Солнце поднялось выше, и квадрат света переместился со стены на пол. У Сошинских, за невысоким каменным забором, лаял Булька. Тетя Маня встала из-за стола и пошла собирать Андрею чемодан. От ее шагов вздрагивали и скрипели половицы. Осы улетели, а над блюдечком вилась муха. Вдруг стало очень тихо. Светло и тихо. Словно закончилась глава и пора перевернуть страницу.

Оставалось занести книги в гимназическую библиотеку. Тетя Маня аккуратно завернула их в голубую бумагу и перевязала шпагатом.

Андрей пошел по Госпитальной, столь многократно исхоженной и избеганной, что сделало ее незамечаемой и будто невидимой. Но тут, расставаясь с ней, Андрей увидел улицу будто впервые.

Улицы в той части Симферополя были схожими, Госпитальная — не исключение. Они состояли большей частью из приземистых одноэтажных домов, сложенных из ракушечника и оштукатуренных, выходивших фасадами в три-четыре окна на тротуары, под сень акаций. Среди этих домов не было особенно богатых или очень бедных: бедность угадывалась по осыпавшейся штукатурке или покосившимся воротам, достаток — по колоннам в два метра высотой, приклеившимся к фасаду. Настоящая жизнь домов скрывалась за высокими воротами, за узкими калитками, в глубине, в садике за домом, куда выходила веранда, где по траве бродили куры, там устраивали стирку или выносили большой стол для свадьбы. Андрей не мог бы сказать, красива улица или нет.

Перистая тень редких акаций не давала прохлады. Дождей давно не было, и город был покрыт серо-желтой пылью, от которой свербило в носу. Улица была пуста: все, у кого были в городе дела, старались сделать их пораньше, по холодку, и уже спрятались в садиках или комнатах.

Ближе к центру, на Екатерининской, вид города изменился. Появились дома в два и даже три этажа, совсем европейского вида. Первые этажи многих домов были заняты магазинами, витрины которых были укрыты от солнца полосатыми, с фестонами, маркизами. Привычному взору Андрея магазины казались бедными и скучными не потому, что были такими на самом деле, а потому, что в мыслях он гулял уже по Тверской или Никольской и симферопольское благополучие было провинциальным и мелким по сравнению со столичной жизнью, которая ожидала Андрея.

Народу и в центре было немного. Редкие покупатели брели от витрины к витрине, скрываясь порой в недрах магазинов.

Андрей зашел в кондитерскую Циппельмана — там всегда было прохладно и подавали кофе глясе со льдом. В кафе было пусто, толстенькая Фира, дочка Циппельмана, обрадовалась Андрею. Они были знакомы — ее младший брат Илья учился в одном классе с Андреем.

Она не спрашивала, что ему подать, — сразу принесла высокий бокал с кофе и отдельно на блюдце наколотого льда.

— Только не глотайте помногу, — сказала она, — может быть ангина. Я слышала, что вы уезжаете в Москву? Это так? Вы будете адвокатом? Мне рассказывал Илья, что вы будете адвокатом, как жаль, что вы нас забудете, но когда вы откроете свою практику, то я буду к вам ходить и жаловаться на соседей.

Андрей смотрел на раскаленную улицу. Как быстро течет жизнь, думал он, не прислушиваясь больше к милой болтовне Фиры, да та и не претендовала на его внимание — был бы слушатель, а слушает он или нет, разве это так важно? Через несколько дней он уже будет в Москве — предусмотрительная тетя сговорилась о недорогой комнате с полным пансионом у своей бывшей сослуживицы, это было правильно, но как бы продолжало тетину опеку даже на расстоянии. Бывают моменты, когда человек в восемнадцать лет чувствует себя страшно старым, прожившим столь долго, что непонятно, зачем жить дальше.

Это не значит, что такие настроения были свойственны характеру Андрея, — еще вчера он находился в возбуждении от предстоящей свободы и новых событий. Но то ли сегодняшняя жара, то ли нужда ехать в Ялту к отчиму стерли завтрашнюю ра-

дость. Оказалось, что расставание с Симферополем не столь радостно.

По улице проехал черный длинный открытый автомобиль с такими большими фарами, будто произошел от стрекозы. В автомобиле сидели две немолодые дамы в широкополых белых шляпах и оживленно разговаривали. Еще в прошлом году в гимназии соревновались: надо было угадать, кому из именитых людей принадлежит автомобиль или экипаж. Автомобили стали частыми гостями в городе — их приобрели многие знатные семейства, имения и виллы которых были в Ялте, Гурзуфе, Ливадии, но этот автомобиль был новым, его Андрей раньше не видел. Правда, дама постарше показалась ему похожей на императрицу Марию Федоровну — милое, доброе, домашнее, совсем еще не старушечье лицо.

Андрей подошел к стойке и положил мелочь.

— Ну как вам не стыдно, Андрюша, — сказала Фира. — Завтра вы придете к нам домой и станете давать мне на чай.

— Так вы разоритесь, — сказал Андрей. — Пол-Симферополя будут пить и есть у вас бесплатно.

— Ах, оставьте, — сказала Фира жеманно и сделала ручками движение, как в последней синефильме, которую показывали на той неделе в «Орионе».

Шагая по Екатерининской, Андрей издали увидел купол гимназической церкви, а затем белый фасад Александровской гимназии. Двухэтажное здание было погружено в летнее оцепенение.

Андрей толкнул тяжелую дверь, и она заскрипела. Он подумал, что никогда раньше не слышал, что дверь скрипит, — не было нужды подходить к этому зданию в одиночестве и тишине.

Внутри было прохладно и пусто. Справа собранием рогов охотника на оленей тянулась пустая раздевалка, дверь в швейцарскую была открыта, но комната пуста. Андрей поднялся на второй этаж, заглянул к себе в класс. Его парта была второй в дальнем ряду. На черной доске почему-то написано «Кроликъ опочилъ». Может, пройти и сесть за свою парту? Глупо — а вдруг кто-нибудь зайдет и увидит.

Андрей прошел дальше, заглянул в актовый зал. От пола до потолка возвышался портрет Александра Благословенного, именем которого была названа гимназия. Александр был в высоких ботфортах, белых лосинах и без головного убора. Вид у него был глуповатый, о чем раньше Андрей никогда не смел догадываться. Андрей непроизвольно взглянул вверх. Там висела громадная тя-

желая люстра. Именно с ней было связано его преступление в третьем классе. Тогда в зале заседал учительский совет, решавший вопрос об исключении Коли Беккера, друга Андрея, который учился классом старше и был пойман на тяжкой гимназической провинности — он подделал подпись классного наставника в дневнике, потому что трепетал перед своим отцом. Надо было совет сорвать, и они с Колей не придумали ничего лучше, как забраться на чердак, потому что знали, что один из болтов, крепивших люстру к металлической пластине, выпал и сверху можно заглянуть в зал. С собой они взяли пакет нюхательного табака и высыпали его в зал, полагая, что расчихавшиеся педагоги сами прервут роковую встречу.

Именно в тот момент сам директор, толстый низенький Федор Федорович Карабчинский, поднял, скучая, голову и увидел, как порошок тучей опускается вниз. Злоумышленников поймали, а так как Коле Беккеру и без того было достаточно неприятностей, Андрей взял всю вину на себя. Директор отвез его на извозчике домой и, стоя в воротах дома и держа Андрея за руку, кричал выбежавшей тете Мане:

— Больше он в мою гимназию ни ногой!

А отважная тетя отвечала, блестя пенсне:

— Простите, господин Карабчинский. Это не ваша гимназия, а казенная. Я оставляю за собой право обращаться к попечителю...

Андрей вежливо поклонился лукавому императору и сказал:

— Боюсь, что больше нам с вами не встретиться.

Император не ответил. Да и будет ли император отвечать вчерашнему гимназисту?

Андрей прошел в конец коридора и толкнул дверь в библиотеку.

Грудзинский был у себя. Его шаткий стол был придавлен двумя стопками книг, в ущелье между которыми блестела его склоненная лысина. Андрей поздоровался.

— Здравствуйте, Берестов. Я убежден, что ваша тетя заставила вас принести книги. Иначе бы я вас так и не увидел.

Грудзинский поднял голову, отложил школьную ручку и рассмеялся. Кончики длинных усов колыхались от смеха. Грудзинский был из ссыльных поляков, он говорил с мягким польским акцентом и был так стар, что гимназисты верили, будто он стоял когда-то во главе мятежа 1863 года.

Андрей положил книги на стол.

— Вы подали в университет? — спросил Грудзинский.

— В Московский.

— Похвально. На юриспруденцию?

— На исторический.

— Вдвойне похвально. История — мать всех наук, хотя философы рассуждают иначе. Вы будете у Сергея Серафимовича?

— Я сегодня еду в Ялту.

— Тогда не откажите в любезности, передайте ему журналы, которые я обещал, да все нет оказии.

Грудзинский поднялся из-за стола, захромал к полкам, скрылся из глаз, принялся шуршать журналами.

— Я отношусь с почтением к Сергею Серафимовичу, — слышен был голос Грудзинского. — С его умом и образованностью было преступлением заживо похоронить себя в нашей глуши.

— Вы его давно знаете? — спросил Андрей.

— Мы учились вместе в Гейдельбергском университете. В отдаленные времена.

«Странно, — подумал Андрей, — еще вчера Грудзинский был для меня одним из Взрослых. Отныне мы просто знакомы. Отчим никогда не рассказывал, что учился в Гейдельбергском университете».

Грудзинский вынес стопку журналов. Журналы были на немецком языке. В серых шершавых обложках.

— Я завидую вам, — сказал Грудзинский, — что вы имеете возможность беседовать и пополнять свои знания путем общения с паном Берестовым.

— Я пойду, — сказал Андрей. — Ахмет Керимов отвезет нас в Ялту вместе с Беккером.

— Коля Беккер здесь? Жаль, что он не зашел. Я всегда предсказывал ему большое будущее.

Старик проводил Андрея до дверей, словно принимал его в родовом замке.

— Кланяйтесь отчиму. Нижайший поклон.

* * *

Андрей вернулся домой, взял чемодан, собранный тетей. Тетка перекрестила его, передала письмо для Сергея Серафимовича. И тут как раз вошел Ахмет. Он был одет в костюм шоффэра, вернее, костюм, который должен носить шоффэр в понимании Ахмета: кожаная черная куртка, фуражка с очками, прикрепленными к тулье. Но брюки у него были, как у Андрея, — гимназические, правда, заправленные в сапоги.

— Господа, — заявил он с порога, — мотор подан!

— Ахмет, — сказала тетя, — в этой компании я доверяю только вам. Держите корзину. В ней продукты на дорогу. Андрей обязательно что-нибудь разобьет.

— Я в этом уверен, Мария Павловна, — сказал Ахмет, показывая очень белые зубы. Ахмет всегда кого-то играл. — Твоя моя мало-мало пожевать давай, барыня! — Сегодня он был татарским извозчиком.

— Поезжайте с Богом, — сказала тетя. — А то на перевале ночевать придется.

Пролетка стояла у ворот. Андрей дал Тигру кусочек сахара.

— Вы его балуете, милорд, — сказал Ахмет. Он забрался на облучок и передал Андрею корзину. — Беречь пуще ока. Особое задание Ея Императорского Величества. Надеюсь, там нет свинины, которую не переносит моя исламская честь?

— Трогай, — сказал Андрей. — Только не тряси. А то молоко свернется.

Сиденье было раскаленным. Ахмет забыл поднять верх. Андрей поднял верх и стал укреплять его. Ахмет увидел, что он привстал, и стегнул Тигра. Тот сразу взял с места, Андрей упал на сиденье, полотно накрыло голову. Ахмет расхохотался.

Коля Беккер стоял в тени акации у своего дома, держа в руке новенький саквояж. Он был в форме института путей сообщения, полупогончики надраены до блеска, белый китель излучал особое сияние.

— Господам кавалергардам наше почтение! — закричал Ахмет издали.

Коля поднял руку в белой перчатке, принимая парад.

За зиму он отрастил небольшие усики и баки. Андрей полагал, что в Коле появилось нечто фатовское, он всегда был склонен к внешним эффектам. Но человека надо принимать таким, какой он есть. Иначе растеряешь друзей. Это были слова тети, и Андрей сразу угадал их в собственных мыслях.

* * *

Коля Беккер тратил немало усилий, чтобы никто не догадался, как он жестоко, катастрофически беден. Хотя все об этом знали. Его отец работал кондуктором на железной дороге, попал лет пять назад под поезд и остался без ноги. Мать часто хворала. Существовали Беккеры на отцовскую пенсию.

Андрей своей бедности никогда не стеснялся. Может, потому, что она была умеренной бедностью. Вот если бы он сейчас разорвал брюки, это не трагедия. Для Коли такое событие было бы катастрофой.

Андрей учился с Ахметом в одном классе, Коля годом старше. Обычно дружат в своем классе, следующий год скрывается, как за пропастью. Но все трое жили в Глухом переулке, знакомы были с раннего детства. И в их отношениях — может, это и льстило Коле — табель о рангах вовсе не зависела от имущественного положения. Коля был умнее, смелее, элегантнее приятелей. У него были лучше манеры, нежели у сына разбогатевшего возчика Ахмета и обыкновенного Андрея.

* * *

С перевала спускались быстро, пока море еще светилось вечерней синью, а чем ниже, тем более воздух густел и становился парным и шелковым.

Их обогнал автомобиль. Сначала сзади ударили лучи больших фар, затем взвыл клаксон. Автомобиль был длинным, открытым, Андрей успел увидеть двух дам в белом на заднем сиденье и офицера рядом с шоффэром.

— Я знаю, кто это, — сказал Коля.

— И я узнал авто, — сказал Ахмет. — Только ты не прав, думая, что это сама вдовствующая императрица. Это ее фрейлины. Я их видел в городе. Они покупали что-то у Фока.

— А я и не говорил, что это Мария Федоровна. Я бы ее узнал.

Спор был пустым, потому что в темноте нельзя рассмотреть, ехала ли в автомобиле сама императрица. Коля был монархистом, пожалуй, единственным в их классе. Многие, как и Андрей, выступали за парламентаризм и даже склонялись к социализму. Но не Беккер. Политическая позиция Ахмета была неопределенной, то есть ее попросту не было. И Ахмет отлично без нее жил. В классе Андрея было два татарина. Но Исламов был крещеный, а Ахмет — магометанин, что вызывало в младших классах глубокую зависть Андрея, потому что Ахмет не ходил на закон Божий.

За поворотом открылись, потом снова пропали тусклые уютные огоньки Алушты.

— У дяди переночуем, — сказал Ахмет. — Он ждет.

* * *

Видно, скрип колес в доме угадали издали, потому что пролетка еще не успела остановиться, как ворота распахнулись и с фонарем в руке появился хромой дядя Махмуд, за ним пятеро его

сыновей, а в глубине двора, за платаном, выстроились, щебеча, женщины и девочки этого семейства, число их превышало всяческое воображение. Ахмет серьезно утверждал, что у дяди три жены и он присматривает себе четвертую, ибо это разрешено Кораном, от всех жен есть дети, к тому же в доме живут вдовая племянница, дальние родственники и, уж конечно, сам Керим-Оглу, общий дедушка в зеленой чалме, потому что он хаджи.

Семейство было бедным и относилось к младшему брату, отцу Ахмета, который занимался в Симферополе извозом и имел каменный дом, с почтением, но, если верить Ахмету, никогда не просило денег, все там трудились — кто на маленьком винограднике, кто торговал, кто разносил фрукты и овощи по виллам и пансионам.

Молодым людям постелили на плоской крыше. Звезды были иными, чем в Симферополе, — ярче и ближе. Воздух был напоен забытыми за год влажными запахами.

К утру стало прохладно. Андрей проснулся от шума прибоя. Он спал на спине, потому, открыв глаза, увидел светлое небо, лишенное еще цвета, но легкие, как рваное кружево, облака уже начали розоветь, подкрашенные невидимым солнцем. Конечно же, подумал Андрей, потягиваясь и ощущая силу и стремление к движению, прибрежным жителям трудно поверить в шарообразность Земли — они ведь ясно видят с берега край моря, обрыв, в который проваливается солнце, чтобы, проплутав ночь в темных подземельях, снова взойти над краем мира.

Коля Беккер еще спал — лишь прямой нос и прядь светлых волос были видны из-под кошмы. А Ахмет уже поднялся — его голос был одним из негромких голосов, гортанно и мягко сплетавшихся внизу, во дворе.

Через час, позавтракав легко — татарской простоквашей с теплыми лепешками, снова пустились в путь. Дорога сначала шла берегом моря, потом поднялась выше, влилась в недавно законченное верхнее шоссе. С его покойным строителем, скандально популярным среди молодежи романами «Гимназисты» и «Студенты» писателем Гариным-Михайловским, дружил отчим.

Верхняя дорога, прямая и широкая, прорезала, не жалея, татарские деревни, виноградники и сады. Деревни еще не пристроились к дороге, словно не заросли рубцы. Зато те, что жили у нижней, теперь значительно опустевшей дороги, остались как бы не у дел. Все, кроме приезжих, были недовольны.

Говорили мало — наговорились вчера. Когда проехали Гурзуф, Ахмет вдруг спросил:

— Коля, а ты чего в Ялте потерял?

— Ничего. — Коля было задремал, привалившись к Андрею.

— Я еду в Ялту по делу, Андрей по делу. А ты почему без дела?

— Отдохнуть хочу, проветриться... Вечером приглашаю. Познакомлю с дамами.

— Ротшильду некуда деть миллион, — сказал Ахмет. — Давай лучше я его в дело вложу.

— В восемь у гостиницы «Мариано», — сказал Беккер. — Форма одежды — выходная.

— Я не смогу, я на службе, — сказал Ахмет.

Дорога стала оживленней. Приближались к Ялте.

У Массандры съехали вниз, почти к самому морю. Среди виноградников мелькали татарские домики.

* * *

Ахмет высадил Андрея у порта.

Андрей пошел не вверх, а по берегу моря, вдоль подпорной стенки за портом. Он смотрел на пароходики и шхуны. Далеко по морю шел миноносец. Андрей когда-то хотел стать гардемарином.

Затем он свернул от моря вверх. Сразу, за первым же поворотом, стало жарче, ветерок не мог одолеть подъема. Андрей остановился и поглядел на экипажи на набережной. В порт входил пароход.

Зеленая, вогнутая, грандиозная, подобная театральному занавесу стена Ай-Петри превращала Ялту в бело-розовую бахрому, лежавшую там, где занавес касался моря.

И тогда Андрей радостно понял: он вернулся. Он и не подозревал о существовании в себе этой радости, а если она возникала в подсознании, гнал ее, стыдясь.

Наверху, замыкая кривую улочку, возникла над темной зеленью черепичная крыша белого дома.

Андрей не был у Сергея Серафимовича больше года, а казалось, что ушел отсюда только вчера. Незыблемость, постоянство этого дома выражались не в стенах или даже растениях сада — они виделись Андрею в деталях, словно он снова, через годы, поглядел на знакомую картинку волшебного фонаря, изображающую ялтинскую набережную с извозчиком, едущим мимо гостиницы «Франция», и той же дамой в черной шляпе, сидящей у чугунной решетки, что отделяет набережную от моря.

Прежде чем одолеть последний крутой подъем улички, Андрей, уморившись, поставил чемодан на плоский камень. Он уже знал, что сейчас в щель под воротами протиснется белый мохнатый Филька и помчится к нему, вертя хвостом так, что хвост станет подобен пропеллеру летящего аэроплана.

Филька выскочил из-под ворот, подбежал к Андрею и принялся прыгать вокруг, стараясь дотянуться языком до лица гостя. Ввиду малого своего размера допрыгнуть он не мог, бил передними лапами по пряжке гимназического ремня и заливался, лаял так, что звенело в ушах. Андрей подобрал чемодан и пошел к калитке. Он знал, что калитка сейчас растворится и в ней появится Глаша, темно-рыжая, белокожая, несмотря на то что весь день проводила на воздухе, налитая здоровьем и спокойным весельем. И скажет...

Калитка распахнулась. Глаша стояла в ней, держа в руке миску с размоченным хлебом, которым кормила кур.

— Андрюша, — пропела она. — Счастье-то какое!

Если тетя Маня Андрея любила, потому что ей больше некого было любить и именно он был центром и смыслом ее жизни, то Глаша видела Андрея, дай Бог, раз в год, но каждая новая встреча начиналась так, словно Андрей вышел на минутку, но даже это минутное расставание для нее — искреннее горе.

Глашу Андрей помнил с раннего детства — когда мать умерла, ему было три годика, и потому он не был уверен, воспоминания о женских белых руках и нежной ласке — воспоминание ли это о руках матери или Глаши, которая тогда была совсем еще юной девушкой, младше, наверное, чем Андрей сегодня. Но за пятнадцать лет, прошедшие с тех пор, она почти не изменилась — только стала статной и даже царственной, если в доме были посторонние. А для своих осталась прежняя Глаша — юбка подобрана, чтобы не испачкать подол в хозяйственной беготне, икры крепкие, ступни широкие, все налитое, круглое, все выпуклости тела норовят разорвать ситцевое платье. Андрей подозревал, что Глаша сожительствует с отчимом, но ревности не испытывал и обиды тоже. Мать умерла слишком давно, и отчим — свободный человек.

— Андрюша, — пропела Глаша. — Заходи, чего ты стоишь.

Она поставила миску на землю и схватила чемодан — Андрей даже не успел удержать его. Свободной рукой притянула к себе его голову, наклонила, поцеловала его в щеку, с чмоком, весело. От нее пахло здоровым телом, солнцем, травой.

— Ты языческая богиня, — сказал Андрей.

— Языческие голые бегали, — засмеялась Глаша. Зубы у нее были ровные, белые, молодые. — А нам нельзя.

— А хотелось бы?

— Андрюша, как не стыдно! Я же старая женщина, я свое отбегала.

Они шли рядом по широкой дорожке. Куры семенили за ними белой процессией, Филька на кур внимания не обращал, он носился вокруг. Сергей Серафимович вышел из двери, остановился на верхней ступеньке. Он держал в зубах длинную трубку, словно не выпустил ее за прошедший год.

— Наконец-то, — сказал он. — Я уж боялся, что ты укатишь в Москву, не попрощавшись.

Сергей Серафимович тоже не изменился. Андрей так и не знал, сколько ему лет. Что за шестьдесят — это точно. Сергей Серафимович совершенно сед, хотя волосы не поредели и даже чуть вьются. А усы, как ни странно, темные, в желтизну, от постоянного курения. В отличие от белокожей Глаши он смуглый, но это от солнца — потому что в глубоких морщинах, идущих от углов рта, и у глаз кожа светлее. Сергей Серафимович всегда чуть щурился, и лицо его было склонно к улыбке, правда, улыбка эта холодная, как бы формальная. По крайней мере Андрею она не нравилась.

На Сергее Серафимовиче была, впрочем как всегда, свободная светлая толстовка и холщовые брюки, однако он умудрялся носить эту цивильную одежду словно мундир преображенца.

— Здравствуйте, Сергей Серафимович.

Глаша рядом горестно вздохнула. Она все надеялась, что любимые ее мужчины сблизятся, найдут нужные слова, чтобы понять — ведь они самые близкие на свете! Глаша покорно и с готовностью подчинялась любому мнению или слову Сергея Серафимовича. Лишь в одном ему перечила вслух: в холодности к пасынку.

Сергей Серафимович пропустил Андрея в дверь. Но следом не пошел, а сказал:

— Иди вымойся, приведи себя в порядок. Жду тебя на веранде.

С широкой веранды второго этажа открывался удивительный вид на Ялтинскую бухту. Правда, сейчас, к середине дня, солнце немилосердно светило с зенита, отчего море выцвело, а дома на набережной скрывались в дымке. С обрыва Ай-Петри выбегали маленькие, робкие, шустрые облачка и тут же таяли от страха, увидев такой жаркий простор. Белый пароходик ошвартовался у мола. Видно было, как муравьишки-матросы сбросили трап и пассажиры спускаются на мол.

— Ну что ж, — сказал Сергей Серафимович, выходя на веранду. В руках его был поднос, на нем серебряная ладья со льдом, в которой покоилась бутылка шампанского, и два бокала. — Давай сначала отметим твое вступление в самостоятельную жизнь.

На веранде стояли плетеные низкие кресла и под стать им круглый стол. Андрей подумал, что и год, и три назад они стояли точно на тех же местах. Только шампанского ему не предлагали.

Отчим ловко открыл пробку и разлил шампанское по бокалам, не пролив ни капли. У него были большие крепкие руки с длинными пальцами. Тетя говорила, что у Сергея Серафимовича руки хирурга.

— Прозит! — сказал Сергей Серафимович.

Шампанское было холодное, шипучее, кислое. Словно специально придуманное для такой жары.

— Теперь давай письмо Марии Павловны, — сказал отчим.

— Как вы догадались?

— Догадываться не надо, — ответил Сергей Серафимович, — надо немного знать людей. Твоя тетя преисполнена гордыни разночинки. И она полагает, что ты также должен быть подвержен этой болезни. Поэтому, чтобы избавить тебя от нужды обращаться ко мне с вопросами имущественными, она предпочла пойти на жертву.

— Я также подвержен этой болезни, — сказал Андрей.

— Следует избавляться, — сказал отчим, принимая узкий голубой конверт.

Он вытащил письмо из конверта, мгновенно пробежал его глазами. Андрей отвернулся к перилам.

— Я мог бы выиграть у тебя пари, — сказал Сергей Серафимович, — пересказав содержание письма, даже не разворачивая его.

— Это нетрудно, — сказал Андрей.

— Могу заверить тебя, — сказал Сергей Серафимович, — что и без трогательного послания Марии Павловны я бы предпринял те шаги, к которым она меня призывает. Если тебя не коробит, давай обговорим эти проблемы, а потом уж с чистым сердцем приступим к обеду.

Андрей кивнул. Сергей Серафимович, который, как понял Андрей, тоже чувствовал себя неловко, старался говорить иронично, как бы показывая, что все это мелочи, не стоящие внимания.

— Мало ли что может со мной случиться, — сказал Сергей Серафимович. — Я немолод и не так здоров, как хотелось бы. К то-

му же, заглядывая в будущее, я вижу в нем трагические события и перемены.

Андрей удивился, и удивление было очевидно.

— Не поднимай бровей, — холодно улыбнулся Сергей Серафимович. — Я умнее тебя.

Люди в разговоре не говорят таких слов, тем более столь уверенно и просто. Андрей и без того допускал, что отчим умнее его, но тем неприятнее показалась реплика.

— Вы имеете в виду Балканскую войну? — спросил Андрей.

— Глупости, — сказал Сергей Серафимович. — Я имею в виду большую войну, которая начнется не позже чем через год.

— Кого с кем? — спросил Андрей. — Франция с Англией вроде бы поделили свои колонии.

— Это будет мировая война. Но никто не хочет и не может осознать масштабов этого бедствия.

— Для мировой войны, — сказал Андрей, впервые услышавший такое словосочетание, — требуется Наполеон.

— Идиотизм мировой войны заключается в том, что для нее не понадобится Наполеон. Ее будут вести банальные генералы, а в самом деле воевать будут Крупп с Путиловым.

— У нас в классе был Горяинов, — сказал Андрей. — Он называл себя эсдеком, даже ходил на собрания. Он был бы вашим союзником.

— Через год ты будешь шагать по Красной площади с трехцветной кокардой и искренне вопить: «Смерть бошам!»

— Сергей Серафимович, — обиделся Андрей, — вопить вообще не в моих правилах.

— Прости, вопить будет толпа, ты будешь сочувствовать ее позывам.

— Надеюсь, что ваше предсказание не сбудется.

Сергей Серафимович наполнил бокалы. Шампанское уже немного согрелось.

— Каждый остается при своем мнении, мой мальчик, — сказал Сергей Серафимович. — Я делюсь с тобой своими тревогами, но ты вправе счесть их стариковской воркотней.

Андрей вдруг увидел, что у Сергея Серафимовича старая шея. Кожа была не человеческой, а как у пресмыкающегося — словно у исхудавшего хамелеона.

— Я обязан думать о твоем будущем, — продолжал старик, — так как ты пока думать о нем не способен. Ты вообще бы предпочел сейчас фланировать по набережной со знакомой восьми-

классницей семнадцати лет от роду. Год в твоей жизни — дистанция экстраординарная. Для меня это — минута.

— Честное слово, я не могу встать на вашу позицию, — сказал Андрей. — Хоть у меня и нет на примете восьмиклассницы, я бы предпочел сейчас фланировать по набережной.

Возможно, это прозвучало вызовом, но Сергей Серафимович вызова не заметил.

— Не исключено, — сказал он, — что ты изменишь свою точку зрения куда скорее, чем предполагаешь. А я постараюсь тебе помочь.

— Как? Состарив меня?

— Поток времени скор и непостоянен, — сказал Сергей Серафимович, словно не обращался к Андрею, а подумал вслух.

Андрею хотелось еще шампанского, но неловко было самому взять бутылку. А Сергей Серафимович словно забыл о ней.

— Чтобы быть уверенным в том, что ты сможешь завершить образование, — сказал он, — я не хочу ограничиваться лишь денежной помощью, которая может обесцениться скорее, чем мы с тобой этого бы хотели. Однако в любом случае я открыл на твое имя счет в Московском коммерческом банке — завтра я передам тебе все документы. Я вполне доверяю твоему здравомыслию, но все же хотел бы застраховать тебя от неожиданных эскапад, которые столь возможны в твоем возрасте. Ты сможешь распоряжаться этим счетом лишь в определенных пределах.

Андрей подумал: «Как я не люблю этого холодного равнодушного человека. Как я не люблю его хамелеонью шею, его слишком светлые глаза, его выпяченную нижнюю губу, его манеру громко сосать потухшую трубку, его удивительное умение унизить человека. Сейчас я встану и откажусь от этих отвратительных подачек и уйду...»

— Не следует злобиться на меня, — сказал Сергей Серафимович, — все мои действия оправдываются заботой о тебе. Я хочу быть уверенным в том, что у тебя будут все условия для получения образования. Даже если меня не станет. Даже если война обесценит все бумаги. Мне нужно, чтобы ты получил образование.

— Нужно?

— Необходимо, — отрезал Сергей Серафимович.

Всегда, сколько Андрей себя помнил, отчим пытался его образовывать. Но странным образом. Скорее не учил, а испытывал. Каждое очередное испытание занимало от силы месяц. Как-то они излазили весь Карадаг, мокли, мерзли в палатке, дошли яй-

лой до окрестностей Карасубазара — собирали гербарий горных растений. На следующие каникулы Сергей Серафимович, забыв о ботанике, ползал с ним по скалам от Симеиза до Байдарских ворот в поисках минеральных обнажений, чтобы годом позже встретить его с сачками. Так началось энтомологическое лето, навсегда пропахшее в памяти эфиром и исколотое длинными булавками. Видно, специалиста по жукам в Андрее отчим также не обнаружил...

Андрей не мог бы сказать, что летние испытания внушали ему отвращение. И сам отчим, и все, что он говорил либо делал, были для Андрея притягательны, но, пожалуй, главной причиной постоянных неудач отчима в попытках отыскать и раскрыть дарования пасынка была его собственная внутренняя холодность, всегдашнее сохранение расстояния между всезнающим учителем и обыкновенным учеником.

А ведь Андрею, особенно в первые два года ученичества, так хотелось отличиться, и, конечно, не ради успехов в ботанике. Но отчим ни разу не догадался либо не пожелал догадаться в чем-нибудь уступить: замедлить шаг, не прийти первым. Как-то, после шестого класса, в последней их совместной экспедиции, к счастью недолгой, где они наблюдали и пытались фотографировать жизнь птиц, грызунов и иных обитателей плоскогорий за Чуфут-кале, сидя, усталый, под редким дождиком у костра, ловко и быстро разожженного отчимом, он понял, на что все это похоже.

Уже год-два, как в журналах появилась новая игра, которую некоторые именовали крестословицей, а отчим, разумеется, английским словом «кроссворд». В ней надо было вписывать слова в пустые квадратики. Очевидно, его походы с отчимом были как бы совместным разгадыванием кроссворда при условии, что ни единого слова Андрею не дали разгадать первому. Неизвестно, догадался о том Сергей Серафимович или нет, но Андрей-то был наверное убежден, что не станет ни геологом, ни ботаником, ни энтомологом, ни орнитологом. Он подал прошение в Московский императорский университет на историю.

Может, потому, что историей отчим не успел с ним заняться...

Отчим налил еще по бокалу шампанского, и Андрей взял свой бокал скорее, чем следовало, и ему показалось, что отчим опять улыбается.

Андрей поставил бокал на столик.

Сергей Серафимович поднялся легко, словно молодой. В его тренированном теле не было ни капли жира.

— Вставай, — сказал он. — Мне нужно тебе что-то показать.

Они прошли внутрь дома, в кабинет Сергея Серафимовича.

Кабинет Андрею всегда нравился. Он принадлежал не Ялте, а петербургскому профессорскому дому. С высокого потолка свисала на бронзовых цепях люстра с белым матовым абажуром, являвшая собой как бы впятеро увеличенную керосиновую лампу, хотя люстра была электрической. Пол кабинета был застелен огромным, от стены до стены, персидским ковром, и посреди него стоял овальный стол, накрытый шоколадного цвета суконной скатертью. Вокруг стола на неизменных местах стояли венские стулья. У дальней стены располагался большой письменный стол с мраморным прибором и часами: часы были ампирными, с позолоченными сфинксами и малахитовыми колонками. Между столом и голландской печью поместился высокий, красного дерева книжный шкаф, напротив, между двух окон, стояла бочка, в которой росло лимонное дерево, иногда дававшее настоящие плоды, а по обе стороны от него — глубокие черные кожаные кресла. Такой же диван — мягкий и уютный, Андрею приходилось спать на нем, — стоял справа от печи. И ничто в этом кабинете никогда не менялось, не сдвигалось с места.

В кабинете было две картины. Одна, принадлежавшая кисти Айвазовского, изображала бурю на море. Зеленые, подсвеченные прорвавшимся сквозь облака солнцем волны накатывались на зрителя, неся беспомощную, с порванными парусами шхуну. Вторая — Екатерининских времен — была портретом молодого черноволосого человека в зеленом мундире с красными отворотами и узким эполетом на плече. Резкими чертами лица он был похож на отчима.

— Садись, — сказал Сергей Серафимович, указывая на кресло.

Сам же он подошел к письменному столу, вытащил до отказа верхний ящик, нажал, не таясь, на скрытую кнопку в его задней стенке, отчего эта стенка откинулась, и отчим вынул оттуда связку ключей. Действия отчима Андрея заинтересовали, потому что никогда ранее он не предполагал за Сергеем Серафимовичем склонности к секретам, а обстановка светлого уютного кабинета не вязалась с потайными кнопками и двойными стенками.

Взяв ключи, Сергей Серафимович отошел к стене, на которой висел портрет военного, обернулся к Андрею и сказал:

— Подойди ближе. Я хочу, чтобы ты все запомнил.

Андрей послушно поднялся. Сергей Серафимович взял его за руку и провел его указательным пальцем по раме. В одном месте палец ощутил выпуклость. Сергей Серафимович нажал на эту выпуклость пальцем Андрея. Неожиданно картина сдвинулась с

места и с помощью какого-то скрытого механизма откинулась, словно дверца шкафа. За картиной образовался серый стальной сейф.

— Возьми ключи, — сказал Сергей Серафимович. — Сначала маленький. Вставь в верхнюю скважину и поверни три раза против часовой стрелки.

Андрей подчинился. Ключ двигался легко и послушно.

— Обедать пойдете? — спросила Глаша, без стука войдя в кабинет.

— Через десять минут, — сказал отчим.

Андрей отметил, что отчима не смутил приход служанки.

— Теперь поверни ручку сейфа вправо. Два раза.

Дверца сейфа, тяжелая и толстая, беззвучно отворилась.

Внутри лежали бумаги: две или три связанные шнурками кожаные тетради, синий пакет и несколько конвертов.

Сергей Серафимович вынул один из конвертов и показал Андрею. На конверте было написано:

Андрею Берестову
Вскрыть в случае моей смерти или исчезновения.

Это была странная надпись. Она звучала словно из настоящего романа, ее последнее слово могло встретиться у Коллинза или Буссенара. Но Андрей ничего не сказал.

Сергей Серафимович положил конверт на место. Затем вытащил с нижней полки толстый синий, запечатанный сургучом пакет.

— Здесь, — сказал он, — шестьдесят тысяч долларов. Я полагаю, что эта валюта имеет больше шансов пережить любую войну, нежели европейская. Здесь же акции швейцарской часовой фирмы «Лонжин». Наверное, и их не коснутся грядущие трагедии. Хотя кто знает... Что касается писем и бумаг, то ты имеешь право прочесть их, но никому, ни при каких обстоятельствах не должен их показывать. Впрочем, если у меня будет время и возможности, я постараюсь их уничтожить.

Сергей Серафимович поглядел на оторопевшего Андрея и улыбнулся, как всегда холодно, одними губами:

— Их давно надо было уничтожить — всего с собой не возьмешь. Я слишком здесь зажился.

С этими словами он закрыл сейф, взял у Андрея ключи, запер его и вернул портрет на место. Молодой офицер глядел на Андрея строго, даже сурово.

— Ты все запомнил? — спросил отчим.

— Да. — Андрей чувствовал себя неловко.

Он был бы рад уйти. Но нельзя. Чтобы отвлечься от странных поступков отчима, он подмигнул портрету. Портрет, по семейному преданию, изображал прадеда Сергея Серафимовича. «А может, это я сам», — шутил отчим, если кто-нибудь из гостей обращал внимание на сходство офицера и отчима.

— Перейдем ко второму действию семейной мелодрамы, — сказал отчим. Он пересек кабинет и у самого книжного шкафа резким движением откинул угол ковра. Затем присел на корточки.

Паркет под ковром был точно таким же, как и на открытых участках пола. Он был набран квадратами из светлых и темных планок.

— От ножки шкафа, — сказал Сергей Серафимович, ведя указательным пальцем по паркету, — третий квадрат.

Он показал на темный квадрат со стороной примерно в пядь, который ничем не отличался от соседних. Затем раскрыл прикрепленный к цепочке с часами перочинный ножик и, подцепив лезвием, приподнял одну из планок. Под паркетом обнаружилось углубление, дно которого представляло собой металлическую пластину.

— Для этого у тебя есть второй ключ, — сказал Сергей Серафимович. — Открывай.

Андрей присел рядом с отчимом и вставил ключ в отверстие в пластине.

— По часовой стрелке, — сказал Сергей Серафимович. — Два раза.

Раздался щелчок, и крышка легко открылась, обнаружив внутри такой же металлический ящичек, что лежал в сейфе. Он был набит кожаными коробочками. Сергей Серафимович взял верхнюю и раскрыл ее. В коробочке лежала золотая брошь, усеянная изумрудами.

Храня молчание, отчим открыл поочередно еще несколько коробочек, показав Андрею их содержимое — разного рода драгоценности, из которых Андрею запомнился лишь массивный перстень с опаловой камеей.

Затем он молча сложил все обратно, закрыл шкатулку, восстановил паркет и положил на место ковер. На этот раз он поднимался тяжело, ему пришлось опереться на руку Андрея. Отчим поморщился, недовольный собой, и сказал:

— Прости.

Он перевел дух, затем спрятал ключи в ящик стола, закрыл

его и окинул взглядом кабинет, чтобы убедиться, что все стоит на своих местах и не напоминает о происшедших там событиях.

— Перейдем на веранду, — сказал отчим. — Здесь душно.

И тут Андрей понял, что в кабинете и впрямь душно, настолько, что у него вспотела спина и по виску стекла струйка пота.

— Обеда-а-ать! — закричала снизу Глаша, когда они вышли на веранду.

— Три минуты, — откликнулся Сергей Серафимович.

— Вы можете секретничать и за столом!

— За столом не секретничают, — отозвался Сергей Серафимович. В голосе его было облегчение, словно он скинул тяжкую ношу.

Он прошел к столику, разлил остатки шампанского, поднял свой бокал и негромко сказал:

— За удачу.

Андрей выпил с наслаждением и жадностью.

— Глаша знает обо всем, — сказал Сергей Серафимович. — Но ей ничего не нужно.

— Я не претендую! — сказал Андрей. — Мне не нужно чужое имущество. Я не имею на это никакого права.

— Господи, он говорит о правах! — сказал Сергей Серафимович.

— Даю честное благородное слово...

— Оставь, Андрей, — сказал Сергей Серафимович. — Я тебе ничего не дарю, ничего не обещаю. Но, отлично зная тебя и полагая, что ты честный человек, я хочу, чтобы ты понимал, что являешься наследником некоторого состояния, которое ты не промотаешь с гимназистками.

— Сергей Серафимович!

— Дослушай меня! Ты пока ничего не понял. Я утверждаю, на основании моего немалого жизненного опыта, что ближайшие времена для нашей державы будут страшными и трудными. Я должен быть уверенным, что в случае нужды, в случае необходимости, о чем решать тебе, когда меня уже не будет, ты получишь резерв, который поможет тебе выжить.

— Спасибо, — сказал Андрей, борясь с растущим в нем раздражением, причины которого он еще не мог понять, — но я постараюсь сам заработать себе на жизнь.

— Дай Бог, — сухо сказал Сергей Серафимович. — А теперь обедать.

И он первым пошел к двери, словно забыл об Андрее.

Андрей спускался за ним по лестнице, глядя на седой, откинутый назад затылок отчима, и уже понял, чем он так рассержен: столько лет они с тетей жили в бедности, тетя поднимала его, Андрея, в основном на свое скромное жалованье, ибо субсидии от отчима были весьма скудны. Оказывается, тот сидел гобсеком на своих богатствах, вовсе не думая о судьбе пасынка. «Никогда в жизни, — твердил Андрей, — никогда в жизни не трону твоих проклятых побрякушек».

Глаша сидела с ними за столом, на ней был сарафан с открытыми плечами и таким низким вырезом, что Андрею были видны ее груди. И это сейчас тоже раздражало.

Глаша суетилась, все уговаривала Андрея поесть окрошки, тот отмалчивался.

— Ты что? — спросила Глаша. — Может, на что обиделся?

— Он обиделся, — сказал Сергей Серафимович, кладя трубку рядом с собой на стол. — Я бы на его месте тоже обиделся.

Андрей посмотрел на него. Сергей Серафимович опять улыбался.

— Не сердись, — сказал отчим. — Ты думаешь сейчас: почему мы с тетей Маней все эти годы жили столь скромно... Не крути головой, я знаю, что говорю. Отвечу тебе: я делал это вполне сознательно. Я знал, что ты не испытываешь нужды в насущном, но главное — не желал, чтобы ты был богаче других. Ты именно таков, как есть, потому что не имел лишнего. Будь ты богат, ты стал бы хуже. Человек должен вырасти вне власти денег.

Андрей не ответил. Ему не хотелось признаться, что мысли его оказались столь просты, что отчим разгадал их сразу, но обида так и не прошла.

— Сегодня я наблюдал за тобой, — продолжал Сергей Серафимович. — И обрадовался, что в тебе не вспыхнула алчность. Обида твоя направлена в прошлое.

Сергей Серафимович отодвинул тарелку с тушеной бараниной и начал набивать трубку.

* * *

— Ты вечером уходишь? — спросил Андрея Сергей Серафимович.

— Да, я договорился встретиться с товарищами.

— Возвращайся не поздно, — сказал отчим. — У меня будут интересные гости. И для тебя интересные.

— Спасибо.

— А сейчас поспи, — сказала Глаша. — Самая жара, чего тебе делать? Я тебе внизу постелила, в детской.

— Сиеста — святой обычай испанцев, — сказал Сергей Серафимович и направился к лестнице, наверх, к себе в кабинет.

Андрей вошел в маленькую комнату, где он всегда останавливался, потому она звалась детской. Андрей присел на кровать, и она так знакомо отозвалась скрипом пружин, словно и не расставалась с ним. Думать ни о чем не хотелось.

На столике рядом с кроватью стояла тарелка с белой черешней и ранними абрикосами. Глаша постаралась.

Андрей скинул ботинки и улегся поверх покрывала. Воздух был неподвижен и тих, только жужжали мухи. «Надо бы раздеться», — подумал Андрей и заснул.

* * *

Андрей проснулся около семи вечера. Солнце ушло из комнаты, прозрачные виноградные листья пологом светились за распахнутым окном, и в него влетал свежий ветер, дергая за занавеску, словно размахивая флагом. Вдали трепетал пронзительный женский голос, по-татарски отчитывая кого-то. Татарский Андрей знал через пень-колоду от соседских мальчишек, с детства. Потом, повзрослев, товарищи детских игр либо исчезли из его мира, либо предпочитали говорить по-русски.

От свежего, пахнущего морем ветра было приятно и лениво.

Сначала Андрей понял, что он в Ялте и это хорошо. Потом в память вторгся голос Сергея Серафимовича, и сразу вспомнилась странная сцена в кабинете, словно из романа тайн и ужасов...

Андрей потянулся и понял вдруг, что ему и дела нет до коробочек под паркетом и писем в сейфе. Этого не было в его жизни вчера, и отлично жилось... А счет в Коммерческом банке? Пускай будет счет в Коммерческом банке. По крайней мере теперь не будет угрызений совести, что ради него отчим вынужден себе в чем-то отказывать. Даже лучше...

Андрей сбросил ноги с постели и обнаружил, что гимназические брюки измялись. Это было плохо — потому что на набережной, куда он собрался, еще совсем светло и там разгуливают франты из Петербурга. Угораздило же его заснуть не раздеваясь...

Но он даже не успел расстроиться, как без стука вошла Глаша. Она несла, держа перед собой, отлично отглаженные, новые черные узкие брюки. Не говоря ни слова, она повесила их на спинку

стула. И, сложив руки на высокой груди, склонила голову. Ее зеленые глаза смеялись.

— Хорошо я придумала? — спросила она.

— Ты умница! — воскликнул Андрей, поднимаясь. — Ты ангел — но во плоти.

— Плоти во мне достаточно, — сказала Глаша, уклоняясь от его рук. Но Андрей обнял ее — искренне хотел, чтобы объятия были братскими, но как только его пальцы дотронулись до белых плеч, все в Андрее сжалось от вспыхнувшего желания, и он притянул к себе служанку, перехватил руками, чтобы прижать теснее, и ее смеющееся лицо оказалось совсем рядом, она отклонила голову, чтобы поцелуй не пришелся в губы.

— Полно, — говорила она, смеясь, — ну что ты, Андрю-у-уша...

Андрей искал ее губы, повторяя:

— Надо, надо, надо...

Глаша вздохнула, она умела как-то особенно глубоко и шумно вздыхать, и вдруг повернула к нему лицо, приоткрыла губы и сама начала целовать его, ласкать его губы языком, прижавшись всем телом, отчего у Андрея закружилась голова и рука — сам не понял, как случилось, — отыскала ее грудь, мягкую и большую.

Глаша ахнула и рванулась.

И вот она уже стоит в двух шагах, подняв руки, поправляя прическу и уже не смеясь. Андрей сделал шаг к ней, она отступила к двери.

— Не надо, — сказала она. — Ну зачем так? Я же брюки принесла.

— Спасибо, — сказал Андрей и понял, что нельзя более дотронуться до нее.

— Я тебе в матери гожусь, — заявила вдруг Глаша, словно прочитала эти слова в книге.

— Вряд ли, — сказал Андрей, и ему стало смешно.

Глаша много читала, но только романы, в «Женском журнале», в «Ниве». Романы о любви. Порой она вечером пересказывала их за столом. Пересказывала она очень смешно, со своими комментариями, романы получались еще глупее и наивнее, чем в самом деле.

— Нет, правда, — сказала Глаша неуверенно. — Мне уже тридцать три будет.

— Еще скажешь, что в люльке меня качала.

— Качала, — сказала Глаша. — Это правда. Ей-богу, качала.

Тут Андрей совсем развеселился, а Глаша почему-то обиделась и сказала:

— Ты примерь, может, не подойдут, я тебе еще вчера купила по старым, которые ты в том году здесь оставил. Но с запасом.

Она закрыла за собой дверь.

Андрей сразу примерил брюки — они были в самый раз, даже чуть узковаты. И материал был дорогой. Любопытно, Сергей Серафимович дал ей денег или она сама?

Дом Сергея Серафимовича был комфортабельным. Второго такого в Ялте не найдешь. Даже у высокой знати. К каждой спальне (их было четыре: на первом этаже жила Глаша и пустовали две — детская и гостевая, на втором — обитал лишь Сергей Серафимович) была приспособлена туалетная комната, где были умывальник, душ и фаянсовый унитаз. Андрей привел себя в порядок, помылся, достал свежую сорочку и через три минуты, поглядев в большое зеркало, убедился, что готов к боям и походам, Андрей де Берестов — гроза молодых барышень!

Сергей Серафимович был в саду. Он срезал розы — розарий у него был великолепный; как утверждала Глаша, именно увлечение розами послужило причиной его недолговременной дружбы с покойным Чеховым. Если ждали гостей, отчим готовил букет.

Это занятие столь увлекло Сергея Серафимовича, что он не заметил, как элегантно одет его пасынок. Он лишь рассеянно помахал ему. Но Глаша, которая уже успела убежать на двор, к своим любимым курам, взмахнула руками, изображая восторг и преклонение, чем рассмешила Андрея.

Андрей быстро шел вниз, по крутой улице. Море то показывалось спереди между деревьев или домов, то скрывалось; с каждым шагом становилось теплее и влажней. Уже внизу Андрей замедлил шаги, стало почти жарко. Он остановился возле ларька, в котором мрачный грек торговал сельтерской. Перед ним стояли две толстые дамы, от которых сильно пахло цветочными духами.

И именно в тот момент, когда дамы отошли со стаканами, продолжая громко осуждать какого-то Алексея Львовича, который ведет себя совершенно неприлично, а грек протянул руку к высокому стеклянному сифону, готовый обслужить Андрея, того посетила грустная мысль — его портмоне осталось на столике в детской, а мелочь — в кармане гимназических брюк. И он оказался на набережной совершенно нищим.

— Спасибо, я передумал, — сказал Андрей греку.

Можно было поспешить наверх, домой, за деньгами — но это четверть часа в гору быстрым шагом, а в восемь у гостиницы «Мариано» его ждет Коля. Но остаться без копейки денег...

— Эх, черт! — выругался Андрей и махнул рукой, толкнув девушку, стоявшую за его спиной. Да так неудачно, что у нее слетела белая шляпка.

Человек редко замечает то мгновение, с которого жизнь его изменяет ход и приобретает новое направление. У Андрея случилось иначе. Он точно знал, что переворот в его жизни произошел в тот момент, когда он сказал: «Эх, черт!» — и сбил шляпку с Лиды.

В тот момент он, разумеется, не подозревал, что ту девушку зовут Лидой. Он лишь увидел, как шляпка неровно планирует, словно аэроплан, у которого выключился мотор, намереваясь угодить в лужу, натекшую у ларька с сельтерской. И, сообразив, что, если шляпка не будет поймана, вина его усугубится, Андрей коршуном кинулся вслед за шляпкой, поскользнулся и чуть не сел в лужу, правда, шляпку успел подхватить, хотя помял ее в кулаке.

Еще мало что соображая, Андрей выпрямился и услышал звонкий девичий голос:

— Может быть, вы мне ее вернете?

Андрей обернулся к голосу, все еще думая о невезении, которое преследует его сегодня, и увидел девушку, которая протягивала к нему руку.

Девушка точно сошла с рождественской открытки, ибо была неправдоподобно и ангельски хороша, хотя следует признать, что девицы с рождественских открыток, а также розочки и вазончики оставляли Андрея равнодушным, ибо он был воспитан в правилах хорошего вкуса. Если человек читает футуристов и своим богом в искусстве почитает Гогена, он не может опускаться до мещанских красот.

Вторым ощущением, исходившим от девушки, было ощущение безмерной, неправдоподобной чистоты. Кожа, покрытая легким золотистым загаром, была без единой точки, прыщика или морщинки; она столь совершенно облекала лицо, шею и руки, словно ее сотворила не сама природа, которая всегда допускает неточности и неровности для жизненности и правдоподобия, а мириады фей и Дюймовочек, что выглаживали, вылизывали щеки и наносили на них легкий румянец, так, чтобы не нарушить общей гармонии и ничуть не противоречить цвету нежно-зефирных губ, очерченных с помощью совершенных чертежных инструментов, и подчеркнуть высокогорную белизну белков, в которых сверкали ледниковые голубые озера. Это потом Андрей сообразит, что нос Лиды вовсе не точен, как бы следовало, а мягок к кончику, лоб чуть шире, чем положено по открыточным канонам, а волосы, столь нежно и естественно вью-

щиеся и локонами спадающие на плечи, в самом деле требуют завивки, иначе распрямляются и тогда красота несколько теряет рождественский стиль. Иных дефектов в Лиде Андрей не обнаружил ни в тот момент, ни в последующие годы.

На девушке было длинное голубое платье, не доходившее до земли на вершок, отчего были видны тонкие щиколотки в белых чулках и башмачки на небольших каблуках. На груди и плечах платья проходили белые полоски, и, не будучи матроской, платье все же создавало ощущение чего-то морского.

Девушка приняла из руки Андрея шляпку и стала ее распрямлять. Шляпка была соломенной с синим бантом, и рука Андрея нанесла ей некоторый ущерб, что огорчило девушку. Она не глядела на Андрея, а водила рукой внутри шляпки, расправляя соломку.

Андрей же, не в силах оторвать от девушки взгляда, стоял столбом, не представляя, что же делать дальше. И только женский голос, произнесший повелительно:

— Простите, но ваши брюки испорчены, — заставил его заметить, что девушка не одна, а с подругой — яркой кареглазой брюнеткой с высокой, собранной в пук прической.

Более ничего заметить во второй девушке Андрей не успел, потому что, повинуясь ее голосу, обратил свой взор к брюкам. Сбоку шла полоса грязи, особенно видная на черной ткани.

— Купите стакан сельтерской, — приказала кареглазая девица, — и смойте грязь.

Андрей почувствовал вспышку ненависти к кареглазой девице, потому что у него не было двух копеек на стакан сельтерской, а сознаться в том было невозможно.

Рождественская девушка на него не смотрела, а все крутила в руках шляпку, локоны закрыли ее лицо, и видно было лишь покрасневшее маленькое ухо. Оттого наваждение покинуло Андрея, и он смог соображать. И понял, что единственный для него выход — вернуться домой, к доброй Глаше.

— Ничего, — сказал он. — Я тут близко живу.

И быстро зашагал прочь, непроизвольно похлопывая и возя ладонью по брючине, чтобы снять с нее грязь. Ему показалось, что сзади засмеялись, и он прибавил шагу.

И в этот момент его ладонь ощутила некую неровность в боковом кармане. У Андрея мелькнула мысль — не положила ли Глаша в карман носовой платок. Глаша могла предусмотреть нужду в платке.

Он угадал. Это было если не спасением, то каким-то выходом

из положения. Андрей остановился и стал затирать грязь платком и тут же задумался: не проявила ли Глафира иной сообразительности... Он провел рукой по другому карману. Пусто. По заднему карману. Тоже пусто. Нет, не догадалась... «Постой, — сказал он себе, — есть еще кармашек для часов».

Андрей запустил в него пальцы и извлек на свет — ах, Глаша, умный друг! — завернутые в синюю пятерку три серебряных рубля.

* * *

Когда Андрей вернулся к продавцу сельтерской, возле него никого не было. Андрей кинул на жестяной прилавок серебряный рубль и сказал:

— Два стакана.

Грек посмотрел на рубль с недоверием — видно, у него уже сложилось собственное невысокое мнение об этом молодом человеке — и, налив стакан, начал медленно отсчитывать сдачу медяками. Андрей выпил стакан залпом, затем вытащил платок и второй стакан пустил на спасение брюк, что ему вполне удалось. Мокрое пятно на черном было вовсе незаметно.

Скоро восемь — Коля ждет у «Мариано». Андрей вышел на набережную и быстро пошел по ней, крутя головой, потому что надеялся, что две девушки ушли не так далеко и можно будет их отыскать.

Но тут пришлось остановиться, потому что по набережной навстречу ехала знакомая пролетка. На козлах в образе шоффэра сидел Ахмет, а на сиденье — прелестная и явно знатная девица с молодым человеком с незначительным, но аристократическим лицом. Знатность девицы определялась не только скромностью ее туалета, но и тем, что единственным украшением на ней была чрезвычайно длинная, до пояса, нить жемчужных бус.

— Эй! — окликнул Андрея Ахмет. — Коля там тебя заждался!

Почему-то молодому аристократу не понравилось, что Ахмет разговаривает с прохожим, и он постучал по облучку тросточкой, которую держал на коленях.

— Простите, Ваше Высочество! — сказал Ахмет громче, чем требовалось.

Он легонько стегнул Тигра, и пролетка покатила дальше.

Когда Андрей наконец дошел до «Мариано», Коля уже ждал его там. Вместе со своими знакомыми.

К крайнему удивлению Андрея, ими оказались рождествен-

ская девушка, шляпку которой он чуть не погубил, и ее кареглазая приятельница.

При виде Андрея, нерешительно остановившегося в двух шагах, кареглазая девушка вдруг засмеялась, а Коля, не знавший причины смеха, сказал церемонно:

— Разрешите представить: мой друг — Андрей Берестов.

— Мы знакомы, — сказала кареглазая девушка. — Ваш друг совершил на нас нападение.

— Маргарита, не надо, — сказала рождественская девушка. — Андрей не виноват.

Она протянула Андрею руку. Рука была узкой, сухой, с длинными прохладными пальцами.

— Лидия Иваницкая.

— Что за тайны! — воскликнул Коля. — Неужели наш Андрей вел себя недостойно?

— Я у сельтерского киоска... — сказал Андрей. — Толкнул нечаянно.

— Судьба направляет наши действия, — сказал Коля с явным облегчением. Он любил во всем ясность. Киоск и нечаянное столкновение были объяснимы и понятны.

— Маргарита, — протянула Андрею руку вторая девушка.

— Раз уж мы познакомились, — сказал Коля, — предлагаю для начала мороженое. У господина Лагидзе. Там мы сможем неспешно обсудить, что будем делать дальше.

«Воды Лагидзе» — большой открытый павильон — располагались чуть отступив от набережной, за старым, могучим платаном. Они сели за столик у белых перил, совсем рядом журчала речка, за ней были видны окна гостиницы «Ореанда», а напротив — ряд татарских домиков, выстроившийся вдоль пляжа.

— Что будем заказывать? — спросил Коля.

— Мне — грушевую, — сказала Маргарита.

— А мне — мандариновую.

— Мороженое — крем-брюле?

— Ненавижу крем-брюле, — сказала Маргарита. — Попросите шоколадное.

Подошел официант. Коля сделал заказ, Андрей видел профиль Лиды, очерченный закатным солнцем. Лучики пробивались сквозь русые волосы и зажигали их золотом. «Господи, — молил Бога Андрей, понимая всю тщету своей молитвы, — сделай так, чтобы Коля был влюблен в Маргариту, я отдам за это все сокровища Сергея Серафимовича». Это мысленное обещание, словно миллионная ставка в Монте-Карло, сделанная босяком,

не имеющим ни су в кармане, лишь свидетельствовало о том, что Андрей смирился с проигрышем. И это было ужасно: именно сегодня, когда он встретил девушку, которая отвечала всем требованиям романтического идеала, она окажется объектом увлечения друга, то есть табу...

— Простите, — Андрей дотронулся до рукава официанта. — И еще бутылку шампанского.

Это было непорядочно, потому что Андрей отлично знал, что у Коли почти нет денег. А ведь приглашал сюда он, значит, и расплачиваться следовало ему.

— У нас только «Клико», — сказал официант, как бы давая понять, что подобные развлечения молодым людям не по карману.

— Не надо шампанского, — сказала Лида. — Зачем это?

Андрей отвел глаза, чтобы не встретить настойчивого взгляда Коли. Ему злорадно захотелось подразнить друга. Но тут же он устыдился, незаметно подмигнул Беккеру, как бы давая понять: все в порядке. Коля понял, но все равно был недоволен и не придумал ничего лучше, как взрослым голосом завсегдатая спросить:

— Сколько же вы за бутылку берете?

«Сейчас он скажет — десять рублей, — подумал Андрей, — и отказываться придется мне».

— Шесть рублей, — сказал официант. — Как везде.

— Несите, — сказал Андрей, — несите, голубчик.

— А я не испугалась, — сказала Маргарита. — Вы не знаете, а по набережной гуляет папин приятель. Когда бы вы разорились, я бы побежала к нему и одолжила.

— Не люблю хвастунов, — сказала Лида.

— Мой папа — купец второй гильдии, — сказал Андрей. — Мы торгуем скобяным товаром.

— А что такое скобяной товар? — спросила Маргарита. Она закусила полную нижнюю губу, стараясь не рассмеяться.

— По-моему, это сковородки, — сказал Андрей таким тоном, чтобы никто не подумал, что он действительно может иметь отношение к скобяному товару.

Принесли мороженое и шампанское. Шампанское было теплым и совсем не таким вкусным, как днем у отчима. Андрей старался не глазеть на Лиду, но не мог не любоваться тем, как она подносит бокал к губам, как держит ложечку с мороженым, даже как откидывает мешающую ей прядь волос.

Маргарита, как выяснилось в разговоре, гостила здесь у Лидочки. Они были знакомы домами, отец Лиды служил в управле-

нии Ялтинского порта, а раньше, много лет назад, жил в Одессе. Там они и подружились с отцом Маргариты, одесским судовладельцем Потаповым.

Коля оказывал Лиде особые подчеркнутые знаки внимания, впрочем, он был любезен и с Маргаритой.

Андрей подумал, что сейчас придет официант и надо сделать так, чтобы не подвести друга. Он поднялся с места, попросил прощения у дам и сказал Коле:

— Мне нужно сказать тебе два слова.

Они отошли к выходу из кафе. Андрей заранее сложил пятерку так, чтобы серебряный рубль лежал внутри. Он протянул деньги Коле. Тот сразу все понял и сказал:

— Не понимаю твоего гусарства. Ты что, получил наследство?

— Прости, нечаянно так вышло.

— Ты мог поставить меня в неловкое положение.

В Колином голосе появились знакомые нравоучительные интонации старшего брата.

— Ты лучше скажи, — спросил Андрей, — которая Татьяна?

— У тебя могли быть сомнения? — Коля достал портмоне, раскрыл его и вложил пятерку в кармашек, где уже лежали три рубля, а монету положил в другое отделение. Только тогда добавил: — Надеюсь, что ты будешь вести себя в рамках хорошего тона.

— Сергей Серафимович просил меня пораньше вернуться домой, — сказал Андрей. — Так что я вас скоро покину.

— И не мечтай, — сказал Коля. — Если ты мне друг, тебе придется остаться. Твое присутствие входит в мои планы.

— Мне честное слово надо...

— Ну полно, Андрюша.

И Коля быстро пошел к столу, так что Андрею ничего не оставалось, как говорить ему в спину. В таком случае лучше промолчать.

Андрей понял Колю однозначно: как и следовало ожидать, его избранница — Лидочка, хоть прямо в том Коля не признался. Происходило это убеждение оттого, что самому Андрею полногрудая, громкая, пышноволосая Маргарита не понравилась и не верилось, что она может понравиться Коле.

Когда они снова вышли на набережную, Коля предложил покататься на пароходике «Анапа», который ждал пассажиров, чтобы сделать круг по Ялтинской бухте. Но девушки воспротивились -- уже было темно, десятый час, и им скоро возвращаться домой.

Они пошли по набережной дальше, за «Ореанду», в парк.

В ресторане «Голубой залив» играл духовой оркестр, с моря донесся гудок парохода, аллеи были освещены электрическими фонарями. Идти вчетвером в ряд по аллее было трудно. Коля взял Лиду под руку и повел вперед. Маргарита спросила:

— Вы, наверное, пишете стихи?

— Почему вы так думаете? — сказал Андрей.

— Вам никто не говорил, что у вас романтическая внешность?

Андрей смотрел на тонкую фигурку Лидии. Порой она поворачивала голову к Коле, и тот склонялся к ней. Андрею очень хотелось, чтобы Лида отняла у Коли руку.

— Хотите, я почитаю вам Блока? — спросила Маргарита.

— Не знаю, — сказал Андрей.

Они вышли к обрыву над морем. Маргарита схватила Андрея за руку горячими крепкими пальцами и повлекла к Лиде с Колей.

— Послушайте, послушайте! — воскликнула она. — Этот момент требует поэзии!

Она начала быстро, захлебываясь, читать Блока и не отпускала пальцев Андрея, а ему неловко было вырывать руку. Коля скучал, он смотрел на море. Андрей увидел, как он поднял руку и положил ее на плечо Лиде.

«Убери руку, — приказывал мысленно Андрей. — Сейчас же! Лида, убери его руку. Это же неприлично!»

— Я хотела бы летать, — сказала Маргарита. — Давайте посидим здесь, полюбуемся морем.

Она первой села на лавочку и потянула за собой Андрея.

Андрей обернулся. Коля увел Лидию прочь. И ведь не кинешься следом. Ничего не сделаешь.

Маргарита закрыла глаза.

— Какая божественная тишина! — прошептала она.

Совсем рядом взвизгнула кошка, и кто-то выругался в кустах.

Маргарита смотрела перед собой. Нос у нее был крупный, костистый, щеки выдавались остро. Густые ресницы затеняли глаза.

— Они ушли, — сказала она. — Этого следовало ожидать. Вам грустно, потому что вам понравилась моя Лидочка. Моя фарфоровая девочка.

— Нет, напротив, — сказал Андрей.

— Не надо лжи, — сказала Маргарита. — Я чувствую мужчин. Я видела, как вы на нее смотрели. Потерпите и получите свое.

— Ничего подобного!

Человек более всего возражает, когда слышит о себе правду.

— Я вас скоро отпущу, но выполните одну мою просьбу.

— Пожалуйста.

— Посидите здесь со мной хотя бы десять минут и постарайтесь не думать о том, что ваш друг сейчас целуется в темной аллее с простушкой Лидочкой.

Маргарита связала платочек в узел и теперь дергала за концы, затягивая его все туже.

Андрей старался побороть в себе желание кинуться туда, в эти самые темные аллеи, чтобы разлучить Колю и Лиду. Простушка? Какое гадкое слово!

— Это все — кафешантан! — продолжала между тем Маргарита. — Я знаю этому цену!

Платок разорвался — отлетела кружевная кайма.

— Я вас не понимаю!

— В отличие от вас я знаю жизнь, — отрезала Маргарита. — У меня немало недостатков, но глупость к ним не относится. И я не терплю пошлости!

— Сколько вам лет? — не выдержав, спросил Андрей.

— Не важно. Может быть, мы с вами ровесники, но женщина всегда старше мужчины.

Маргарита смотрела в море. Стало совсем темно, и огоньки на море — верно, на рыбачьих лодках, а может, отражения звезд — были редки и неярки. Звук ресторанного оркестра долетал лишь ровным буханьем барабана.

— Лидочка — чудесное существо, — сказала вдруг Маргарита. — Добрая и в то же время эгоистическая, бескорыстная и избалованная, легкомысленная и расчетливая — она кажется себе такой, какой ее представляют влюбленные мужчины. Ей суждено страдать.

— Вы рассуждаете, словно ревнуете, — сказал Андрей.

— Скорее жалею. Ваш друг — настоящий мужчина. Завоеватель. Гунн. Если моя крепость ему не сдалась, он кинулся к другой, слабенькой.

— Коля — обыкновенный человек... Нет, я не хотел сказать — обыкновенный. Он очень способный. Он окончил гимназию с медалью.

— Еще бы, — сказала Маргарита не без злорадства, — с такими родственниками можно было бы учиться и в Александровском лицее.

— С какими родственниками?

— Вы же его друг — вам лучше знать, что его дядя барон фон Беккер один из самых богатых промышленников в Риге.

— Дядя? В Риге?

Андрей осекся. Еще мгновение, и он предаст друга. Конечно же, Коля, который так стесняется своей бедности, придумал для них красивую историю о богатом дяде и даже эту приставку — фон! Нет, он не будет раскрывать глаза Маргарите, но Ахмету он завтра же расскажет... фон Беккер! Надо же!

— Он лгал? — спросила проницательная Маргарита.

— Может быть, и есть дядя, — сказал Андрей, стараясь говорить естественно. — Я не знаю.

— Вы покрываете его.

— А какая разница? — сказал Андрей. — Неужели вы судите о человеке по его родственникам?

— Как вы наивны! — ответила Маргарита. — Я презираю титулы! Я жду восстания, которое сметет эту жалкую мишуру!

— Тогда я вам скажу, что у меня нет никакого богатого дяди в Риге. И вообще у меня никого нет, кроме моей тети, которая трудится на ниве филантропии, за что получает небольшое жалованье. И мне не на кого надеяться...

«Зачем я это говорю? — подумал Андрей. — Ведь это тоже ложь!» Сегодня днем он вместе с отчимом ползал по его кабинету и рассматривал коробочки с драгоценностями.

— Жаль, что вы бедный, — прервала филиппику Андрея Маргарита. — Иначе бы мы с вами каждый вечер пили шампанское на набережной. — Она аффектированно рассмеялась.

— Пойдемте, — сказал Андрей. — Я провожу вас. Уже поздно, и ваши родные будут беспокоиться.

— Простите, если я вас обидела. Это все мой вредный язык. Некрасивой девушке приходится быть умной.

Они шли на расстоянии шага друг от друга, Андрей стал насвистывать. Тетя всегда говорила, что свист — признак дурного воспитания. И Андрею хотелось, чтобы Маргарита убедилась в том, что он плохо воспитан. Как все пошло получилось! Весь мир построен на лжи и лицемерии, и за рождественской открыткой скрывается мушка, которая норовит попасть в сети богатенького паука...

Извозчики стояли у входа в «Ореанду». С моря потянуло подвальной сыростью, поднимался ветер и гнал перед собой волны — они бились в набережную, с каждой минутой все сильнее. Звезды заволокло мглой.

Маргарита остановилась, повернулась к Андрею. Глаза ее в полумраке были огромны и бездонны.

— Спасибо за чудесный вечер, — церемонно сказала она. Протянула ему руку, высоко, для поцелуя.

Андрей поцеловал руку.

— Я вас довезу, — сказал он.

— Прощайте, у меня есть полтинник, — сказала Маргарита.

Она легко вскочила в пролетку. Извозчик крикнул лошади по-татарски, и та легко взяла с места.

Андрей смотрел вслед Маргарите. Она не обернулась.

Настроение было испорчено окончательно. Андрей пошел было к морю, чтобы посмотреть на прибой, но тут увидел под светом далекого фонаря, что из парка идут под руку Беккер и Лида. Они были еще далеко и не могли его увидеть, тем более что были погружены в разговор. Но Андрея охватил страх, что они его заметят. Он подбежал к свободному извозчику, вскочил в пролетку и сказал адрес.

* * *

Последний рубль Андрей разменял, расплатившись с извозчиком. Извозчик ворчал, увидев, что ему придется пятиться под горку: площадка перед домом Сергея Серафимовича была занята. Там стояли три экипажа и длинное черное авто, которое Андрей видел на набережной.

«Ого, какие гости у дяди! — подумал он. — Жаль, что Коля Беккер не знал, а то бы бросил свою рождественскую Лидочку и примчался сюда». Может быть, Андрей был в тот момент несправедлив к другу, но обида и разочарование все еще владели им.

Не только дом был освещен — вдоль аллеи, что вела от ворот, горели гирляндой лампочки. Веранда второго этажа была пуста — значит, гости внизу, где в склоне вырублена широкая терраса, с которой открывается вид на бухту.

— Андрей, — послышалось из темноты. — Андрюша, друг мой!

— Ахмет? Ты что здесь делаешь?

Ахмет стоял возле забора, глядя внутрь сквозь живую изгородь.

В темноте голубым сверкнули его зубы.

— Я подглядываю, ваше превосходительство, — сказал он. — И заслуживаю самой суровой кары.

— В самом деле, скажи!

— Ты что, забыл, кто я? Я извозчик, татарский извозчик, которого, как ты знаешь, наняли высокие господа, потому что их собственный красивый, выписанный из Парижа экипаж приказал долго жить по причине неаккуратности привезенного из Петербурга пьяницы-кучера, каковой лежит в больнице со сломанной ногой.

Ахмет отрапортовал скороговоркой. Он, как всегда, кого-то изображал, но на этот раз Андрей не догадался кого.

— Черт побери, я же забыл, — сказал Андрей. — Они еще долго будут там?

— Куда им спешить?

— Тогда пошли ко мне.

— Ничего, мы здесь постоим, а вдруг господа рассердятся.

— Иногда я готов тебя убить, Керимов.

— Хорошо, пойдем, напоишь меня чаем на кухне.

— Скажи извозчикам, что ты у меня. Если нужно, тебя позовут.

Они вошли в калитку. Электрические лампочки придавали саду карнавальный вид. Со стороны террасы доносились голоса.

В прихожей горел электрический свет. Андрей отворил дверь к себе в комнату и тут же услышал голос Глаши:

— Андрюша, ты куда? Ты к гостям иди.

— Я друга встретил, — сказал Андрей. — Нам с ним поговорить надо.

Глаша держала в руках поднос с маленькими тарталетками.

— Если ты голодный, — сказал Андрей Ахмету, — угощайся.

Он взял с подноса несколько тарталеток, нарушив этим всю композицию. Ахмет не осмелился последовать его примеру.

— Кушайте, — сказала Глаша, — не стесняйтесь. Вы же, наверное, весь день за рулем?

Глаша приняла Ахмета за шоффэра.

— Ахмет, мой приятель по гимназии, — сказал Андрей строго, как бы извлекая этими словами друга из пучины, в которой пребывает прислуга.

Глаша тем временем поставила поднос на столик и привела в порядок горку тарталеток. Андрей протянул тарталетку Ахмету.

— Мы не одеты, — сказал он. — А там знатные гости.

— Что ты, там все попросту! Ты же знаешь, Сергей Серафимович не выносит церемоний.

Но Андрей отрицательно покачал головой, буквально втолкнул Ахмета в свою комнату и показал ему на плетеное кресло.

— Знаешь, что я придумал? Пойду на кухню, согрею чаю, а ты снимай сапоги и ложись поспи.

— Это дело, — согласился Ахмет. — Как хорошо встретить скромного друга в высших сферах российского общества.

Вошел Сергей Серафимович.

— Глафира сказала, что ты пришел с другом, — сказал он.

— Да, Сергей Серафимович, — сказал Андрей. — Мой друг, Ахмет Керимов, мы с ним вместе учились в гимназии.

— Очень приятно. — Сергей Серафимович протянул Ахмету руку, и тому пришлось переложить в левую только что снятый сапог. — Разумеется, если вы устали, я не могу заставлять вас сидеть с гостями.

— Не знаю. — Андрей обернулся к Ахмету.

Тот сказал:

— Я одет не как положено...

— Я наблюдателен, — сказал Сергей Серафимович. — Но советую, для вашего же удобства, — снимите эти кожаные латы, и ваши работодатели не смогут раскрыть ваше инкогнито.

Андрей ничего не сказал, потому что перехватил загоревшийся взгляд Ахмета и увидел, как рука его друга уже тянется к пуговицам кожаного пиджака.

— Мы скоро придем, — сказал Андрей.

* * *

На террасе, очерченной каменным парапетом, над которым виднелись острые вершинки растущих на крутом склоне кипарисов, Глаша обносила гостей, сидевших в соломенных креслах либо стоявших у парапета, подносом с тарталетками. Терраса была освещена такими же фонариками, как аллея в саду. И ощущение карнавала снова овладело Андреем.

— Прошу любить и жаловать, — сказал Сергей Серафимович, увидев Андрея и Ахмета. — Мой пасынок и его гимназический друг.

Гости встретили пришедших негромкими разрозненными возгласами приветствия, впрочем, особого внимания молодые люди не удостоились. Высокий, довольно молодой мужчина с мелкими незначительными чертами красивого лица продолжил свою речь.

— Порядок может быть дурным или хорошим, — говорил он, грассируя. — Но это в любом случае порядок. Александр Михайлович, — кивок в сторону высокого мужчины в белом морском кителе, — говорил здесь о несправедливости нашего строя. Да, я согласен — он несправедлив. Он во многом порочен и требует исправления. Но исправления, господа, а не гибели. Потому что в нашем обществе нет иной силы, кроме самодержавия, которая смогла бы удержать наш народ от бунта. Помните, как сказал

Пушкин: «Избави нас, Боже, от русского бунта — кровавого и страшного».

— Вы неточно цитируете, князь, — сказал Александр Михайлович.

— Важна суть. Общество наше, лишь недавно освобожденное от рабства и не избывшее его в душах, сразу же бросится искать нового царя, но царя крестьянского, страшнее Пугачева. Он же начнет косить направо и налево, пока не истребит не только слои господствующие, но и миллионы невинных.

— Мне кажется, что среди думских деятелей, — сказала пожилая дама с очень знакомым, виденным где-то ранее лицом, — есть немало интеллигентных людей, подающих большие надежды. В большинстве своем они хорошего происхождения.

— Только не говорите мне о Пуришкевиче, — улыбнулся Александр Михайлович.

— Зачем же, — обиделась пожилая дама. — Я имею в виду господ Набокова, Некрасова, Львова. Интеллигентных людей.

Она говорила с немецким акцентом. Сидевшая рядом с ней другая дама, того же преклонного возраста и той же немецкой отмытости, встречала каждую фразу соседки энергичным утвердительным кивком.

— В них самая страшная угроза, — сказал высокий господин с военной выправкой, который сидел в кресле прямо, не касаясь спинки. — Им кажется, что они ведут народ к свободе, а в самом деле они разжигают в нем самые страшные инстинкты. И если бы мне была дана возможность карать и миловать по справедливости, в первую очередь я бы покарал ваших интеллигентных протеже. Львов твердит о передаче земли труженикам. А на самом деле они тут же начнут жечь имения и убивать помещичьих детей.

Андрей узнал говорившего по фотографии в «Ниве»: это был Великий князь Николай Николаевич.

— Глаша, — сказал Сергей Серафимович, — подай гостям чаю.

— Да, уже поздно, — сказала пожилая дама. — Пора собираться домой.

— Погодите, тетя, — сказала девушка в розовом платье, — вечер такой чудесный, а у Сергея Серафимовича лучший вид в Ялте.

Девушка стояла у парапета, и Андрей тоже подошел к парапету, словно подчиняясь ее призыву.

— Вы студент? — спросила девушка.

— Я поступаю в Московский университет, — сказал Андрей.

— У Сергея Серафимовича так приятно. Совсем без церемоний. Здесь можно встретить очень интересных людей, правда?

— Я живу в Симферополе, — сказал Андрей. — Я редко здесь бываю.

Девушка взглянула на Ахмета, который подошел к ним, потому что старался держаться ближе к Андрею.

— Ваш друг магометанин? — спросила девушка.

— Я татарин, — сказал Ахмет.

— Я совсем не думала, что татары учатся в гимназиях. Не обижайтесь, я не хотела вас обидеть.

— Я не обижаюсь, — сказал Ахмет.

— И вы будете поступать в университет?

— Отец намерен послать меня в Сорбонну, — сказал Ахмет, и в тоне его прозвучал вызов, который уловила девушка.

— Татьяна! — окликнула ее пожилая дама. Девушка быстро отошла от парапета.

Глаша принесла самовар, поставила его на стол. Самовар смотрелся не на месте среди кипарисов и виноградных листьев.

— А ты правильно ответил, — сказал Андрей.

— Я не знал, сказать ей, что я кучер или о Сорбонне.

— А пожилую даму я где-то видел.

— И не узнал? — Ахмет сверкнул зубами. — Она же два года назад к нам в гимназию приезжала. Помнишь, нас в актовом зале выстроили, а какой-то первоклашка начал проситься пи-пи?

— Вдовствующая императрица?

— Мария Федоровна. А ты не знал, кто здесь в гостях?

— Я мало знаю об отчиме.

— Догадайся, кого я вожу.

— Тоже из Романовых?

— Мои хозяева — Великая княгиня Ирина Александровна и ее муж — князь Юсупов. Вон тот, который о смуте и порядке говорил. Твой отчим тихий-тихий, но что-то в нем есть.

— Что-то есть, — повторил Андрей.

Звезды, такие близкие и яркие, заволокло быстрыми облаками. С Ай-Петри скатился ветер и принялся раскачивать гирлянды фонариков. Цикады сразу примолкли.

Сергей Серафимович наклонился к князю Юсупову.

— Вы хотели поговорить с медиумом? — сказал он негромко.

— Разумеется, — ответил князь, поднимаясь с кресла. Он был скор, аккуратен в движениях, спина слишком прямая, хотелось дать ему в руку хлыст. — Я скоро вернусь, — сказал он своей прекрасной молодой жене, которая лениво, как пантера, подняла к нему античное лицо.

Сергей Серафимович отошел дальше, к вдовствующей императрице. Та кивнула в ответ на его слова и обернулась к своей спутнице:

— Ольга Петровна, вы подождете меня здесь?

Старая императрица улыбнулась добродушно, но непреклонно, и ее спутница вынуждена была подчиниться.

Великий князь Николай Николаевич сам поднялся, не дожидаясь, пока подойдет к нему хозяин дома. За ним — Александр Михайлович.

— Граф Теодор, — произнес тогда отчим.

— Я готов, — откликнулся голос из темноты. Незамеченный прежде человек встал, раздвигая виноградные листья, скрывавшие его лицо. Голос его был глубок и низок. Лицо как бы выплыло из темноты и оказалось длинным и грустным, глубокие морщины еще более вытягивали его. Глаза прятались в таких глубоких глазницах, что казались черными ямами. Спутанные вороные кудри стекали к плечам. Если бы Андрею предложили нарисовать демона, он бы изобразил нечто подобное.

Ветер, как бы испугавшись графа Теодора, взвыл и принялся дергать кусты за тонкие ветви.

Все прислушивались, молчали.

— А чай? — разрушила паузу Глаша.

Она стояла посреди террасы с подносом, уставленным чашками.

— Чай предложите молодежи, — сказал Николай Николаевич. — А мы уж дома напьемся.

— Мы скоро вернемся, — сказал Сергей Серафимович. Он взял под локоть черного человека и повел к дому.

Чаю Андрею не хотелось, и, убедившись, что Ахмет вновь занялся разговором с юной княжной, Андрей прошел в дом, намереваясь почитать у себя в комнате, пока все это не кончится, но, когда проходил мимо лестницы наверх, услышал, что сверху, из кабинета, доносится фортепьянная музыка. Играли Вагнера.

Странно. Зачем они поднялись туда? Чем занимаются?

Разумеется, шпионить дурно. Но Андрей не намеревался этим заниматься — он лишь хотел поглядеть, кто играет на фортепьяно.

Дверь в кабинет была прикрыта неплотно, так что, чуть расширив щель, он смог видеть все, что происходит внутри.

Родственники императора и Сергей Серафимович сидели вокруг стола, положив на скатерть руки. Посреди стола горели необычные свечи — большие, витые, они светились желтым пламенем, но внутри огоньков у кончиков фитилей горели яркие кро-

ваво-красные точки. От этого света лица людей изменились, как под пламенем позднего тревожного заката.

Граф Теодор стоял у стола, и свет свечей, проникая в глубь его глазниц, зажигал там алые точки, словно угольки. Зрелище было зловещим и почти невероятным. Медиум был совершенно неподвижен.

Но Андрея более удивило другое: спиной к нему у пианино сидела Глаша, которая играла столь уверенно и профессионально, столь спокойно и привычно поводила головой, чтобы откинуть с лица пышные, распущенные рыжие волосы, столь царственно прямой была ее спина, что Андрей сразу же усомнился в том, Глаша ли это.

Андрей знал, что Глаша разбирает ноты и иногда (если никто не подглядывает) музицирует. Для себя, наигрывая старинные романсы. Но это было иное...

— Как вам уже известно, — говорил отчим, — господин Теодор обладает даром общения с потусторонними силами, и он любезно согласился помочь тем из нас, кто нуждается в выяснении истины.

По совершенно замкнутой комнате пронесся вдруг порыв воздуха, и пламя свечей метнулось, закружилось, словно кто-то привязал ниточки к верхушкам огоньков и теперь дергал за них.

— Что это? — спросила Мария Федоровна. От волнения в словах прозвучал резкий акцент.

— Я не намерен обращаться к средствам, — сказал медиум, — к которым вы, очевидно, уже привыкли либо слышали о них. Ни погашенного света, ни блюдечек, ни таинственных голосов — этого не будет. Простите, если вы ждете от меня представления.

Медиум также говорил с акцентом. Но акцент был мягок и почти неуловим. Без сомнения, господин Теодор был иностранцем.

— Ну и слава Богу, — сказал Николай Николаевич. — Не выношу фокусников.

— Благодарю, Ваше Высочество, — сказал господин Теодор. — Однако обязан предупредить уважаемых гостей, что они должны будут хранить уважительное молчание, ибо от меня потребуется напряжение всех сил моего организма.

— Тишина, — беззвучно сказал Сергей Серафимович. Музыка звучала странно, и Андрей далее не узнавал Вагнера, словно Глаша импровизировала. Ай да Глаша, простая душа...

Господин Теодор закрыл глаза и чуть откинул голову.

Откуда-то сверху, гармонично смешиваясь с музыкой и перекрывая ее, начал литься тяжелый низкий звук, настолько низкий, контрабасный, что его ощущаешь скорее кожей, чем слухом.

Пальцы господина Теодора вцепились в край стола. Лицо его пожелтело, глаза светились оранжевым.

— Кого вы хотите услышать? — сказал отчим. — Скажите, Ваше Величество.

— О нет, — сказала императрица. — Я буду промолчать.

— Тогда подумайте.

Вдруг они услышали шаги. Тяжелые, приглушенные ковром, близкие шаги. Кто-то невидимый, остановившись у стола, тяжело вздохнул.

Мигнула и погасла одна из свечей.

— Я здесь, — произнес глухой голос.

— Кто? — неожиданно громко спросил Юсупов. — Кто здесь?

Губы господина Теодора были сжаты, глаза закрыты. Андрей мог поклясться, что в двух шагах от него дышит невидимый человек.

— Вы хотели видеть меня, маман? — спросил он.

Вдовствующая императрица потянулась в ту сторону, приподнявшись на стуле. Сидевший с ней рядом Николай Николаевич удержал ее, положив руку на плечо.

— Георгий, — прошептала императрица. — Это ты, Георгий?

И тут в центре тяжелой, непроницаемой тьмы задрожал голубой огонек, как свет далекой звезды. Он растворялся во тьме, рисуя на ней контуры человеческого тела. Все молчали, не в силах оторвать взоров от рождения фантома из тьмы.

И вот уже можно увидеть, а может, скорее почувствовать, чем увидеть, молодого человека, нежно красивого, худого, чуть сутулого. Он был столь бестелесен и хрупок, что видно было, как тяжелы его плечам обер-офицерские эполеты.

Андрей увидел, как императрица зажмурилась, словно прогоняя видение, потом резким движением убрала с плеча ладонь Николая Николаевича.

Все ждали, что она скажет. Как ни странно, центром этой сцены было не видение, не дух давно уже умершего в молодости от чахотки наследника престола Георгия, которого Андрей знал по литографиям, а Мария Федоровна, его мать. Даже в столкновении с потусторонними силами решение принимали августейшие особы.

— Как ты... как тебе там, Георгий? — спросила наконец императрица.

— Спасибо, маман, — ответил тот. — Мне одиноко, мне печально. Но я смирился, как смирились и вы.

— Его голос, — сказал Александр Михайлович. Белый адмиральский мундир казался голубым в этой странной темноте.

— Господа, — произнес Сергей Серафимович, — осмелюсь напомнить вам, что присутствие Великого князя в нашем обществе требует громадного напряжения духовных сил графа Теодора. Лишь считаные минуты покойный будет находиться среди нас. Я прошу вас задавать вопросы. Дух Великого князя может отвечать голосом. Вы готовы, Ваше Высочество?

— Я готов, — ответила тень Великого князя.

— Будет ли счастлива наша семья? — спросила императрица.

— Нет, — коротко ответил Георгий.

— Что грозит ей?

— Война, смута, — последовал ответ.

Неожиданно императрица перешла на немецкий язык. Она заговорила быстро, настойчиво. Андрей тут же потерял нить разговора, так как в их передовой гимназии вместо немецкого учили английский, а на немецкого репетитора, как делали в состоятельных семьях, у Марии Павловны денег не было.

Отчим, раскрыв небольшой блокнот, записывал что-то в него, не видя карандаша. Молодой князь Феликс Юсупов барабанил пальцами по скатерти, что недопустимо при спиритическом сеансе, — он, видно, с нетерпением ждал своей очереди.

Мария Федоровна спросила вновь, и Андрей услышал в конце фамилию Распутин с ударением на последнем слоге.

— Не мне судить о его роковой роли, маман, — сказал дух Георгия. — Лучше пускай члены семьи ответят, к чему они готовы.

— Мы готовы к действиям, — сказал Феликс Юсупов. — И я не одинок. Этот старец губит династию.

— Аликс молится на него, — сказал Николай Николаевич.

— Ники — слабый мальчик, — сказала Мария Федоровна.

— Мой брат должен осознать себя государем великой державы, а не вторым человеком в собственной семье, — произнес Георгий.

— Я уже обращался к племяннику, — сказал Александр Михайлович. — Однако Его Величество тверд.

— Я говорил с Иллиодором, — сказал Феликс Юсупов. Наступила короткая пауза, и Александр Михайлович воспользовался ею неожиданно.

— Георгий, — сказал он, — я нахожусь в недоумении и растерянности. Гурко отказывается передать «Муромцы» в ведение

авиационного ведомства. Но если грядет война, это может обернуться катастрофой.

— Сандрик! — крикнула Мария Федоровна. — Ты совершенно не понимаешь, что происходит.

— Мы глядим в лицо вечности, — заявил Николай Николаевич, Мария Федоровна резко возразила ему по-немецки, и разговор опять стал Андрею непонятен.

В комнате тяжело пахло благовониями, и Андрей догадался, что запах исходит от странных свечей. Видно, не один Андрей ощущал тревожный, тяжелый запах — голоса тех, кто был в кабинете, перепутывались, сплетались, поднимались нервно, до крика.

Люди в кабинете не понимали, что их дурачат. Андрей же был в том убежден. Он прикрыл дверь — резко, так, что она хлопнула, и быстро спустился по лестнице вниз. К себе идти не хотелось, он вернулся в сад. Гости, не приглашенные наверх, расположившись вокруг стола, мирно пили чай. Было скучно и тихо.

Ахмет сидел рядом с молоденькой княжной и изображал из себя таинственного контрабандиста.

Ирина Александровна отошла к парапету с незнакомой дамой. Фортепьянная музыка, еле доносившаяся из кабинета, оборвалась.

Пожилая фрейлина Ольга Петровна глядела, запрокинув седую гладкую головку, в небо, словно считала звезды.

Из дома вышла Глаша.

— Чай не остыл? — спросила она, ни к кому не обращаясь.

И тут раздался вопль юной княжны. Она вскочила.

Вскочил и Ахмет.

— Как вы посмели! — кричала она. — Как вы осмелились?

— Пардон, пардон. — Ахмет совершенно владел собой. — Я вас не понимаю.

— Это была ваша рука, — заявила княжна Татьяна. — Вот здесь. — Княжна указала пухлым пальчиком на свое колено.

— Возможно, это был дух. — Андрей показал наверх. — Вызываемые духи тянутся к женской плоти.

— Ах, какие могут быть духи! — возразила пожилая фрейлина. — Впрочем, поздно и пора домой. Там, — она показала в сторону дома, — скоро кончат?

— Идут уже, — сказала Глаша.

Андрей отошел к парапету. Он слушал вечернюю симфонию летней Ялты, состоявшую из громкого стрекота цикад, далекого пароходного гудка, пьяного голоса на улице, скрипа колес, шуршания шагов по камням тротуара и тысячи иных звуков.

Глаша подошла к нему.

— Ты зачем это сделал? — спросила она шепотом. — Я буду сердиться.

— Еще чего не хватало!

— Значит, это твой татарский дружок?

— Это был астральный дух.

— Фу! — сказала Глаша. — Какие еще астральные духи!

— Ты хорошо играешь, — сказал Андрей. — Я не знал, что ты училась.

Глаша подняла брови. Выразив таким образом недоумение, ничего не сказала.

Из дома вышли участники спиритического сеанса.

Первой попрощалась императрица. За ней потянулись остальные.

Андрей подошел к Ахмету.

— Ты что, забыл, что тебе пора на облучок? — спросил Андрей язвительно.

— Ну я схватил, — сказал Ахмет. — Я за то колено схватил, что было с твоей стороны. Ловко?

— Вы негодяй, господин Керимов, — сказал Андрей, которому стало смешно. — Лишь разница в общественном состоянии не позволяет мне бросить вам перчатку.

— Нет у тебя перчаток, — сказал Ахмет. — Но у нее очень гладкое колено, клянусь Аллахом.

— Внукам будешь рассказывать?

— Не исключаю, — согласился Ахмет. И кинулся было к воротам следом за Юсуповыми.

— Куртку не забудь! — крикнул Андрей. — В моей комнате.

Снаружи застучали копыта — первый из экипажей покатил вниз. Громыхнул мотор — шоффэр императрицы крутил ручку, заводя авто.

Сергей Серафимович стоял у ворот, прощаясь с последними из гостей. Господина Теодора не было видно. Андрей остановился на дорожке, смотрел, как Ахмет карабкается на облучок, а князь Юсупов, что уже сидит в экипаже, что-то выговаривает ему.

Андрей прошел к себе в комнату. Он думал, что ляжет и сразу заснет, — день выдался долгим и утомительным. Сел на кровать. Спать совершенно не хотелось. Дом был чужой, даже враждебный. Почему он здесь? Почему этот старый человек считается его отчимом? Что за комедию они разыгрывали перед знатными гостями? Андрей не сомневался, что стал свидетелем именно коме-

дии. И почему он позволяет себе обращаться с Андреем как с мальчишкой?

С каждой секундой раздражение все более овладевало Андреем, и он понял, что избавиться от него сможет, лишь покинув не только эту тесную душную комнату, но и сам дом... Что удерживает его здесь? Проклятые побрякушки под половицей? Он прожил восемнадцать лет без побрякушек и сам найдет себе место в жизни. Черная магия, медиумы — как все это ничтожно! Жалки и те, кто сидел вокруг стола, с индюшачьим доверием слушая голос чревовещателя, и те, кто обманывал этих индюков и индюшек. Словно два дома увидел он за день — один при свете солнца, с мирной уютной Глашей, кормящей курочек, и отчимом, подрезающим розы. И ночной: дом-балаган, дом-обманка, вертеп с Глашей, которая делала вид, что играла на пианино, тогда как, наверное, звук исходил от умело припрятанного граммофона... А молодец Ахмет! Зря Андрей на него рассердился. Ахмет оказался свободнее и смелее всех — что ж, сын извозчика подержал за коленку княжну и убедился, что коленка у нее гладкая. Молодец... «Сейчас поднимусь и уйду отсюда. Выйду на шоссе, к утру доберусь до Алушты. А оттуда до Симферополя ходит линейка». Не вставая с койки, Андрей вытащил из-под нее свой чемодан и открыл его. Потом остановился: у него все равно не осталось ни копейки — придется взять у отчима. Или у Глаши? Лучше у Глаши. И он уйдет. Навсегда. Нет, у Глаши брать нехорошо. Она узнает — начнет отговаривать. Ее обижать неловко. К тому же он как джентльмен должен попрощаться с отчимом. Да, конечно, он поднимется сейчас же наверх и сообщит, что неотложные дела требуют его немедленного присутствия в Симферополе. А жаль, что он не знает, где живет Лидочка. Он бы пробрался на рассвете к ее окнам и положил на подоконник букет полевых цветов. Она услышала бы шорох, подошла к открытому окну, щурясь и протирая еще заспанные голубые глаза, и ахнула: «Вы что здесь делаете так рано, Андрюша?» И тут Андрей поймал себя на том, что Лидочка совсем не одета, и ему стало стыдно, как будто он в самом деле уже подошел к ее окну. «А почему мне не переехать в гостиницу? Я возьму у отчима денег — у него много, скажу, что уехал в Симферополь, а сам переселюсь во «Францию». И завтра пойду на пляж, искупаюсь, а на набережной наверняка встречу Лидочку с Маргаритой». Он начисто забыл о Коле — настолько ему не хотелось о нем думать.

Теперь, когда все было решено, остался пустяк, правда, пус-

тяк весьма неприятный — надо было подняться наверх и сообщить о решении отчиму.

Андрей вышел в коридор и остановился, прислушиваясь. Из-под двери на кухню пробивалась полоска света. Там лилась вода. Глаша мыла посуду. Тусклый свет проникал сверху, со второго этажа. Значит, отчим не спит. Это хорошо, потому что будить его было бы неприлично, а ждать утра — опасно. К утру решимость может выветриться.

Андрей поднялся по лестнице. Наверху горела электрическая лампочка.

Дверь в кабинет была приоткрыта. Андрей постучал и сразу вошел, не дождавшись приглашения. Он увидел людей, испуганных его неожиданным вторжением. Господин Теодор стоял у стола, перед ним открытый саквояж, который он быстро захлопнул. Но Андрей догадался о том, что видит маэстро Теодора, только по одежде. На самом же деле без парика, лежавшего черной медузой на столе рядом с пиявками-бровями, Теодор превратился в жившего когда-то в этом доме дядю Федю, пегого, почти лысого, нескладного, страшно умного и ученого. Андрею тогда было лет семь-восемь, они гуляли с дядей Федей по берегу моря, дядя Федя был очень добрый и знал много удивительных сказок...

Рука пана Теодора непроизвольно дернулась к парику, схватить его и спрятать, но тут маэстро узнал Андрея и покраснел, словно его застали за постыдным занятием. Только крупный костистый нос остался белым.

— Ты что? — спросил раздраженно Сергей Серафимович. — Что-то случилось?

— Нет. — Андрею было неловко за свое вторжение. — Ничего. Но обстоятельства требуют... — Голос сорвался, пришлось сглотнуть слюну. — Моего немедленного возвращения в Симферополь.

Пан Теодор хмыкнул. Он уже пришел в себя. Парик и брови исчезли со стола.

— Высокий штиль, — сказал он. — Так изъяснялись маркизы.

— Извините, если я не так выразился. — Участие в маскараде дяди Феди еще более превращало все в балаган.

— Прости, что я открылся тебе не сразу, — сказал пан Теодор. — Но сначала тебя не было, а потом уж было поздно...

— Ничего, дядя Федя, — сказал Андрей. — Каждый зарабатывает деньги как знает.

— Пан Теодор сейчас уходит, — резко произнес отчим. — Позволь мне сначала проводить его. Потом поговорим.

— Ты не прав, Андрей, — сказал Теодор. — Ты же не знаешь, а судишь...

Но Андрей уже сбегал вниз по лестнице.

Он вышел в сад. Стрекотали цикады. У непогашенных фонариков беззвучно мелькали летучие мыши. Отчим и медиум прошли к калитке.

— Как говорится, с Богом, — сказал отчим. Медиум обнял его, и оба замерли на секунду.

Потом, когда калитка за господином Теодором закрылась, отчим остался возле нее, глядя на улицу. И даже не скрыл удивления, когда, наконец повернувшись к дому, увидел пасынка.

— Извини, — сказал он. — Я задумался.

Он направился к террасе, не сомневаясь, что Андрей идет за ним. Достигнув парапета, он оперся на него и сказал, глядя на море:

— В кабинете душно... Так что ты так торопился мне сказать? Ты уезжаешь?

— Да, — сказал Андрей. Весь пыл и гнев куда-то испарились.

— Тебя смутил сеанс и моя роль в нем? Сам виноват — никто не просил тебя подглядывать.

Тон отчима не осуждал и не требовал ответа. Сделав паузу, Сергей Серафимович продолжал:

— Смущает неожиданное. За годы наших редких свиданий ты составил обо мне мнение: состоятельный и несколько чудаковатый старик. Не от мира сего, далекий от тебя и неинтересный. Сегодня за день ты дважды удивился. Сначала в моем кабинете... это таинственное и театральное представление сокровищ. Вряд ли тебе оно понравилось, но наверняка нарушило твое душевное равновесие, ибо большие деньги обязательно смущают человека.

— Меня не смутили.

— Ты сам не знаешь себя. На твоем месте я бы обязательно подумал: «Зачем выжившему из ума старику эти побрякушки? Лучше бы отдал их сразу. И я бы снял квартиру в Москве, купил бы хороший дом тете Марии и шил бы у лучшего портного на Петровке».

Андрей не стал возражать, хоть и признавал этим неприятную правоту отчима.

— Не мне тебя упрекать. И ах как глупо упрекать юношу, перед которым раскинулся мир, наполненный столькими соблазнами...

Сергей Серафимович гулко откашлялся, вытащил из внутреннего кармана сюртука трубку и кисет и принялся набивать ее табаком.

— Но, ангел мой, — сказал он, доставая спички, — то, что ты увидел сегодня, — тебе не принадлежит. До тех пор, пока я жив. Я не хочу, чтобы ты превратился в богатого бездельника.

— Я не просил показывать.

— После Глаши ты — самый близкий мне человек. В этом мире, в этот момент... Я отлично знаю, что соблазн завладеть моим богатством никогда не овладеет тобой настолько, чтобы ты потерял честь. И когда я сегодня показывал тебе мои сбережения, я внимательно следил за тобой.

— Я прошел испытание?

— Опять этот задиристый тон! Впрочем, не исключаю, что на твоем месте я вел бы себя так же. Человек ищет защиты от неприятной или необычной обстановки.

— Давайте договоримся, Сергей Серафимович. Я ничего не видел и обо всем забыл. Даю вам честное слово.

— Очень мило. Во-первых, ты ничего не забыл, и я не хочу, чтобы ты забывал. Во-вторых, ты не до конца меня понял...

Сергей Серафимович сделал паузу и вдруг задал вопрос, в котором звучала просьба:

— Лучше было бы сделать это завтра, но ты ведь спешишь?

— Да, — сказал Андрей, — мне надо в Симферополь.

Он испугался, что отчим станет допытываться, с какой целью он спешит домой. Тогда придется что-то придумывать, а он не придумал заранее, и отчим сразу догадается, что Андрей лжет.

— Что же, не могу спорить. Надеюсь, ты проведешь ночь здесь и не пойдешь пешком через горы?

Отчим говорил серьезно, словно в самом деле верил, что Андрей собирается ночью идти в Симферополь, и в этой подчеркнутой серьезности была издевка, которую Андрей постарался не замечать. И напоминание о детском поступке, который, оказалось, не был забыт.

— Я уеду утром, — сказал Андрей.

— Тогда перенесем наш разговор на июнь следующего года.

— На июнь?

— Допускаю, что ты вряд ли найдешь время посетить меня на рождественских каникулах, поэтому жду тебя сразу после весенних экзаменов. Но не позже. Ни в коем случае не позже.

— Ждете катаклизмов?

— Я уверен в катаклизмах, — сказал Сергей Серафимович.

Он глубоко затянулся, и красные искры вырвались из трубки.

— Хорошо, — сказал Андрей.

— Глаша тебе даст денег на дорогу, — сказал Сергей Серафимович.

— Спасибо.

— Вот вроде и все. Ты хотел что-то еще спросить?

— Нет.

— Неправда, Андрюша. Ведь главной причиной, как я понимаю, твоего неожиданного вторжения в мой кабинет, когда ты так испугал моего друга Федора...

— Господина Теодора?

— Вот именно. Тебе не понравилось то действо, которое мы тут устроили. Не так ли?

— Зачем это было?

— Эта комедия была нужна нам для цели достойной.

— Может быть. Я же ничего не сказал.

— Тогда считай, что мы с ним карбонарии, которые таким образом смогли выведать настроения и мнения правящей фамилии.

— Вы не хотите говорить со мной серьезно.

— Нет, не хочу. Между делом ты ничего не поймешь. Глаша рассказала мне о поступке твоего друга...

— Он пошутил.

— Это безобразие, — вдруг рассмеялся Сергей Серафимович. — Хватать за коленку Великую княжну! С ума сойти! Ну и друзья у тебя, Андрюша!

— Он мне не друг. Он приятель по гимназии.

— Не спеши отрекаться. Еще не прокричал петух.

Андрей глядел вниз. Огоньков было куда меньше, чем вечером. Только выделялась цепочкой искр набережная да светились иллюминаторы парохода, что швартовался у мола.

Большая ночная бабочка ударилась о фонарь так, что он закачался, спланировала вниз и уселась на рукав Сергею Серафимовичу.

— Ты все забыл? — спросил отчим.

Андрей пригляделся к бабочке. Толстое мохнатое тело, пеструшкины крылья чуть ли не в пядь.

— Церура винула, — сказал Андрей. Вернее, сказал его язык — он сам не думал, что помнит название этой редкой хохлатки.

— Правильно, большая гарпия. Чудесный экземпляр. У меня в коллекции куда хуже.

Бабочка лениво взмахнула крыльями и поползла по рукаву, набирая разбег. Потом сорвалась и полетела в темноту.

— А славно было в горах, — сказал Сергей Серафимович. И Андрей понял, что отчим ждет подтверждения своим словам.

— Славно, — согласился он.

Небо очистилось от облаков, и звезды на нем были яркими, чистыми, словно между ними и Андреем не было ничего — ни воздуха, ни расстояния. Где-то там внизу спит Лидочка. Ее волосы разметались по подушке, она улыбается во сне...

— Как спокоен и гармоничен этот мир, — произнес отчим. — Он не ведает ни смерти, ни крови. Хотя именно сейчас вон в том доме — видишь огонек — умирает от чахотки красивая молодая женщина. Она задыхается, она просит свою мать спасти ее... Впрочем, даже эти страдания и эта приближающаяся смерть не могут нарушить общей гармонии.

Андрей смотрел на одинокий огонек на склоне горы, ему казалось, что он летит к нему, к той комнате, где распахнуты окна, чтобы впустить ночной воздух, словно он видит, как та женщина приподнялась на локте и тянется к звездам, которые она видит в последний раз...

Огонек мигнул и погас.

— Что? — спросил Андрей вслух.

— Я ошибся, — просто ответил Сергей Серафимович. — Сцена, которую я тебе нарисовал, происходит в другом доме. А там, куда ты смотрел, только что легли спать. И потушили свет.

— Вы не знали? — Андрей почувствовал себя обманутым. Отчим был самым раздражающим человеком на Божьем свете.

— Завтра встанет солнце. Перед отъездом ты еще искупаешься и, может быть, даже увидишь прекрасную незнакомку... если не увидел ее сегодня. Ты находишься в том счастливом романтическом возрасте, когда прекрасное, каким бы хрупким оно ни было, легко находит путь к твоему сердцу. Мне приятно, что ты добрый и честный человек, Андрюша.

— Люди меняются.

— Чепуха. Я тебя отлично знаю. Хотя бы потому, что куда внимательнее наблюдал за твоим ростом и возмужанием, чем тебе кажется. Мне нельзя привязываться к людям, привязанность ведет к страданию. После смерти твоей матери я старался отрешиться от привязанностей. Может быть, я тебя обижал невниманием и кажущимся равнодушием. Когда-нибудь ты поймешь, что я старался это делать ради твоего же блага.

Сергей Серафимович замолчал, словно ждал вопроса, но не дождался и продолжал:

— Неумолимый и быстрый поток времени несет нас вперед, и

там, впереди, обязательное расставание. Даже если ты можешь отчасти управлять этим потоком, поправляя курс лодки хрупким веслом, даже если тебе дано убежать от времени, оно все равно догонит тебя и сожрет. У Хроноса ненасытная пасть. Если бы ты знал, сколько мне довелось пережить... Впрочем, тебе это неинтересно, потому что пока ты не замечаешь, как стремителен этот поток. Ты видишь лишь искры, что отражаются от золотых рыбок в глубине... Иди, тебе пора спать.

— Да, я пойду. Спасибо.

Сергей Серафимович чуть приподнял брови, словно удивился быстрому согласию пасынка, потом протянул руку, и Андрей пожал ее. Рука была сильной, прохладной и сухой.

* * *

Андрей ощупью прошел к своей комнате.

У кровати горел ночник, возле него носилась наперегонки ночная мошкара. Андрей задул ночник и думал, что заснет, но сон не шел. В закрытые глаза било солнце, оно ореолом окружало профиль Лидочки. «Господи, до чего я несчастен и одинок!»

Скрипнула половица, затем запели ступеньки. Отчим поднимался к себе в кабинет. Потом за стеной звякнуло, словно ложка о стакан. Значит, Глаша еще не спит. Вдали забрехала собака.

Воображение создало образ Глаши, что раздевается за стенкой, но звуки, доносившиеся оттуда, были непонятны... Все стихло.

Андрей не помнил, как поднялся. Он очнулся у Глашиной двери. Сердце билось, как после бега. Надо было толкнуть дверь, но рука была тяжелой и не подчинялась. Андрей мысленно уговаривал Глашу: ведь ты знаешь, что я здесь, ты должна открыть дверь...

Дверь не открывалась, и, поняв наконец, что стоять далее так невозможно, Андрей толкнул дверь ладонью. Дверь была заперта. Он удивился — от кого бы заперлась Глаша? Потом постучал костяшками пальцев. Никакого ответа. Он постучал снова.

И тогда услышал, как скрипнули пружины кровати и босые ступни зашлепали к двери.

— Ты что, Андрюша? — послышался шепот из-за двери, и Андрею стало сладко оттого, что она догадалась, кто именно пришел к ней ночью, и не сердится.

Андрей с ужасом сообразил, что не подготовил никаких слов,

он не знает, что надо сказать и что положено говорить в таких случаях.

— Глаша, мне надо поговорить с тобой.

— Завтра поговоришь, Андрюша, спи.

— Глаша, я на минутку. Я только скажу два слова.

— Поздно.

— Но я тебя умоляю!

Звякнул крючок. Дверь приоткрылась.

Глаша была в длинной ночной рубашке, волосы распущены, глаза казались совсем черными. «Странно, — подумал Андрей. — Здесь совсем темно, а я ее вижу».

Одной рукой Глаша придерживала дверь, другую положила себе на грудь, прикрывая ее.

— Иди спать, — шептала она, удерживая дверь, потому что Андрей тупо нажимал на нее, норовя войти, словно в этом была его основная цель. — Иди спать, ты с ума сошел.

— Глаша, мне очень нужно, на минутку, ты же понимаешь...

— Глупый, глупый, Сергей Серафимович услышит, что же тогда будет?

— Он спит, ты же знаешь.

— Иди, Андрюша, иди, завтра проснешься, тебе стыдно станет.

Видно, сообразив, что так ей Андрея не пересилить, Глаша оторвала руку от груди и толкнула Андрея. Он перехватил ее полную горячую руку и потянул к себе. Но в этот момент наверху скрипнула дверь — то ли от сквозняка, то ли Сергей Серафимович не спал и, услышав шум снизу, вышел из кабинета. Андрей замер, а Глаша, воспользовавшись этим мгновением, захлопнула дверь. Звякнул крючок. Андрей стоял затаив дыхание. Но сверху не доносилось ни звука. А по ту сторону двери стояла Глаша. Андрей знал, что она не уходит.

— Спокойной ночи. — долетел из-за двери шепот. Андрею послышалась в нем усмешка.

Он на цыпочках дошел до своей комнаты, закрыл за собой дверь и остановился у окна. Как все неловко и глупо вышло! Он, как барин Нехлюдов в «Воскресении», пытался овладеть горничной. Это же низко! В нем не было злости на Глашу — только раздражение против своей необузданной плоти — вся унизительность его положения обрушилась на него. Он не должен был так поступать — не имел права. Если бы вчера ему сказали, что он будет ломиться в дверь служанки отчима, он с оправданным презрением взглянул бы на того человека. Что же происходит с ним?

Неужели зверь, заточенный в нем, столь силен и бесстыден, что заставляет забыть о высоком чувстве, посетившем его недавно?

В доме и в саду царила тишина. В предрассветный час даже цикады замолкли. «Глупо, глупо, глупо», — повторял Андрей, забираясь под легкое покрывало и накрываясь с головой, чтобы скорее заснуть и забыть обо всем. Ужасный день, постыдный день... Завтра с утра он уедет в Симферополь.

* * *

Утром Андрей проснулся поздно, в десятом часу.

Просыпаясь, он услышал сначала дневные веселые звуки: пение птиц, далекие голоса, квохтанье кур, звон ведра... Открыл глаза, увидел белый потолок, по которому пробежала замысловатая, похожая на Волгу трещина, и вспомнил ее — вспомнил, как в прошлом году так же просыпался в этой комнате и так же смотрел на эту трещину... Он потянулся, понимая, как хороша жизнь, и тут же зажмурился, потому что утро таило в себе обман — оно, такое светлое и невинное, сохранило память о вчерашнем. Скорее уехать... Может, выскочить через окно и, не прощаясь, покинуть дом, только бы не видеть укоризны в глазах Глаши, а то и презрительного выговора? А что, если отчим тоже услышал его ночные мольбы?.. «Господи, за что ты так наказываешь меня?»

Но если выскочить в окно — как доберешься до Симферополя без единой копейки? Искать Беккера? У него ничего нет, да и не хочется видеть его. Ахмет наверняка катает князей по горам...

— Андрю-уша! — сказала Глаша, заглядывая в окно. — Ты все на свете проспишь. Я уж два раза самовар ставила.

Глаша стояла за окном, опершись ладонями о подоконник. Она была в розовом платье с короткими рукавами и переднике, волосы собраны в темно-золотой пук.

— Доброе утро. — Андрей понял, что ничего дурного ночью не случилось. И в этом было возвращение счастья.

— Давай, давай, не залеживайся! — Глаша рассмеялась, показав ровные белые зубы. — Одна нога здесь, другая там!

Андрей вскочил с кровати, Глаша откровенно и весело глядела, как он натягивает брюки.

— Жарища сегодня будет, — сказала она. — Просто ужасно.

— Который час? — спросил Андрей. Ему хотелось как-то выразить благодарность Глаше за то, что она так легко отпустила ему ночные грехи.

— Скоро десять, — сказала Глаша. — Я тебе на кухне накрыла. Не обидишься?

— Да хоть в чулане!

Глаша ушла, и Андрей, умываясь, слышал, как она созывает кур:

— Цыпа, цыпа, цыпа... идите сюда; цыпа, цыпа, цыпа...

Андрей прошел на кухню — прохладную, светлую и чем-то иностранную, может, от белых плиток, которыми были покрыты стены, серебряного блеска кастрюль и золотого сияния тазов. Глаша застелила белой салфеткой край кухонного стола.

— А отчим где? — спросил Андрей.

— Сергей Серафимович с утра уехали, — сказала Глаша. — В Массандру, там какие-то профессора из Парижа собрались поспорить, чей виноград лучше. Ты же знаешь, он у нас большой ботаник.

Это даже к лучшему. В сущности, они уже вчера попрощались.

— Ты молочка сначала выпей, — сказала Глаша. — Знаешь почему? Его нам сверху, с Ай-Петри привозят. Там травы особенные, горные...

Глаша хлопотала, подставляла ему горный мед и черешню — это была обыкновенная, крепкая, налитая силой и здоровьем Глаша, совсем не та желанная, таинственная женщина, столь смутившая Андрея, когда он увидел ее за пианино в полутемном, наполненном жгучим пряным ароматом кабинете отчима.

— Просто чудо, — говорила она, — сегодня утром встаю — все куры, понимаешь, все без исключения снеслись. Ты только посмотри.

Она взяла с широкой полки большую миску, до краев полную яиц.

— Может, возьмешь с собой, Марии Павловне, а?

— Ну куда я с яйцами через перевал? — рассмеялся Андрей. — Я яичницу привезу.

Чай был душистый, темный, Глаша наливала его из заварного чайника с голубыми розами и щербинкой на носике. Андрею чайник был знаком уже много лет.

— Ты дальше что будешь делать? — спросила Глаша. — Сейчас домой или, может, искупаешься? В море хорошо сейчас!

— А в самом деле! — сказал Андрей. — Искупаюсь сначала.

— Только к обеду возвращайся. Я окрошку сделаю, у нас ледник хороший. Пообедаешь, поспишь, а как жара схлынет, поедешь. У нас теперь в Симферополь автобус ходит. Знаешь?

— Нет, не слышал.

— Евстигнеевы, которые раньше линейки держали, автобус купили. Немецкий. Дыму от него — ужас. К ночи дома будешь.

Все устраивалось как нельзя лучше.

— А ты небось купальный костюм не взял? Так в сундучке под твоей кроватью должен быть, еще с того года. Если, конечно, налезет. Уж очень ты широкий стал.

— А когда Сергей Серафимович вернется?

— Он к вечеру приедет. Думаю, к вечеру. Куда спешить?

Было жарко, мухи жужжали у марли, натянутой на окно. Глаша — ах! — смахнула осу, что опустилась на скат груди. И Андрей тут же вспомнил ночь — не умом, а телом вспомнил. И отвернулся.

Когда Андрей, с легкой сумкой, в которой лежали купальный костюм, полотенце и томик Леонида Андреева, спустился вниз к пляжу, мысли его совершенно покинули дом отчима, и возможность свидания с Лидочкой завладела им. С каждым шагом к набережной все большее волнение овладевало Андреем. Жара господствовала на нижних улицах и у моря, набережная как вымерла, лишь левее мола, на городском пляже, слышны были голоса, которые сливались с шумом моря, совершенно спокойного и как будто масляного, но набегавшего на гальку неожиданно пушистыми пенными волнами.

Андрей постоял немного возле того киоска с сельтерской, где впервые увидел Лидочку, словно она должна была вернуться туда, а потом долго торчал на солнцепеке над пляжем, стараясь во множестве людей разглядеть Лидочку, что, конечно же, было невозможно, тем более что в большинстве люди старались, выбравшись из моря, сразу спрятаться под полосатые тенты или зонты.

Почему же он так легкомысленно решил, что увидит Лидочку именно здесь? Ведь не исключено, а даже вероятно, что Беккер мог пригласить ее на Ай-Тодор или к водопаду Учан-Су, чтобы провести с ней время в прохладе гор и леса, а не здесь... И поняв, что Лидочка сейчас находится где-то в обществе Коли, Андрей расстроился. К тому же, вспомнив о Коле, он понял, что ведет себя не как джентльмен, потому что даже в мыслях не должен был желать встречи с Лидочкой, сердце которой принадлежит Беккеру.

Андрей спустился на пляж. Места под тентом ему не нашлось, потому он расстелил полотенце прямо на гальке, разделся и улегся с книгой, которую раскрыл, но читать не намеревался. Купальные трусы, что он отыскал в сундуке, были тесны и старомодны — полосатые, они почти достигали колен, тогда как многие

модники ходили по пляжу в куда более коротких одноцветных трусах.

Солнце палило безжалостно, и через несколько минут бесцельного разглядывания купальщиков Андрей поднялся и пошел к воде. Войдя в море по колени, он долго стоял, с удовольствием ощущая, как волны разбиваются о его ноги и брызги холодят тело. В отличие от большинства обитателей сухопутного Симферополя Андрей хорошо плавал. Сергей Серафимович специально, еще в первом классе, научил его плавать, причем разными стилями.

Преодолевая сопротивление воды, Андрей рванулся вперед и нырнул. И стал частью моря, жителем его, для которого вода ничуть не опаснее воздуха.

Андрей поплыл к сверкающей дали. Голоса и шум пляжа остались сзади, вокруг было только море, солнце, небо и он сам.

Андрей перевернулся на спину и закрыл глаза. Солнце обжигало лицо, а телу было прохладно.

И этот покой и простор изгнали из Андрея мелкие печальные мысли. Он был песчинкой в море мироздания, оплодотворенной сознанием и ощущением простора. Река времени, о которой говорил отчим, была бескрайней и чистой, как Черное море, которое никогда не станет грязным и мелким.

Когда Андрей открыл глаза и огляделся, оказалось, что его отнесло довольно далеко от берега. Он не спеша поплыл обратно, преодолевая течение и даже зная заранее, в каком месте пляжа выберется на берег.

Наконец берег приблизился, но Андрею не хотелось вылезать на солнце, и он, лениво поводя руками, замер в воде, разглядывая пляж, белые домики, поднимавшиеся по зеленому откосу к темной щетине леса, из которого торчали скалистые зубы Ай-Петри.

— Коля! — закричал женский голос совсем рядом. — Иди сюда!

Радость и разочарование столкнулись в сердце Андрея.

На берегу, у кромки воды, стоял Коля Беккер, в модных красивых купальных трусах, сложенный как греческий бог, уже успевший легонько, в красноту, загореть, так что не выделялся, подобно Андрею, своей белизной среди прочих купальщиков.

Андрей повернул голову и увидел, что в двух саженях от него по пояс в воде стоят Маргарита и Лидочка. Маргарита машет руками, призывая Колю, а Лидочка поправляет ленту, которой схвачены ее русые волосы. Обе были в красивых купальных костюмах, только на Маргарите он был голубой без узоров, а Лидочка была в зеленом костюме, рисунок на котором представлял собой волнистые линии, словно был продолжением морских волн.

Первым увидел Андрея Коля.

— Смотри, кто к нам пожаловал! — крикнул он, шагнув к воде. — Как ты выследил нас, Посейдон?

В несколько гребков Андрей выплыл на мелкое место и встал.

— Я вас не выслеживал! — ответил он. — Я только что приплыл. Вон оттуда!

Лидочка смотрела на него, рассеянно улыбаясь, как хозяйка гостю, который пришел поздно, а все стулья за столом заняты.

Коля вошел в море, рассекая коленями воду, и остановился между девушками и Андреем.

— А я думал, что ты сегодня утром уедешь.

— Я тоже так думал, — сказал Андрей с некоторым злорадством, ощущая настороженность Беккера. — Но потом решил искупаться. Вы давно здесь?

— Недавно пришли, — сказала Маргарита. Она собрала пышные волосы под специальную купальную шапочку, и оттого обнаружились широкие скулы, а нос и глаза казались куда больше. Она выглядела совсем иначе, чем вчера, — грубее и чувственней, — и это к ней притягивало.

— Ахмета видел? — спросил Коля.

— Он вчера у нас был, — сказал Андрей. И не удержался: — Вместе с Марией Федоровной и Юсуповыми.

— Какой Марией Федоровной? — спросила Маргарита.

— Вдовствующей императрицей.

Коля фыркнул, выказывая недовольство неудачной шуткой приятеля.

— Что же им у вас делать?

— Они знакомы с отчимом, — сказал Андрей. — Он пригласил для них знаменитого медиума.

— Ой! — сказала Лидочка. — Вы вызывали духов?

— Господи, какая чепуха, — сказал Коля. — Мы живем в двадцатом веке, и среди нас все еще бытуют ведьмы, медиумы и хироманты. Я почему-то представлял твоего отчима интеллигентным человеком.

— Вы не правы, — сказала Лидочка. — В потустороннее существование верят известные и уважаемые люди.

— Я не имею в виду религию, — сказал Коля. — И не отрицаю существования высшей силы. Но суеверия — увольте!

— Не знаю, — сказала Лидочка, смутившись, словно стесня-

лась собственной отсталости. — Но мне кажется, что в этом что-то есть.

— Поплыли! — предложил Андрей. — Чего здесь стоять?

Андрей отлично знал, что Коля не умеет плавать, хотя вряд ли позволит себе в этом признаться.

— Конечно, поплыли, — поддержала его Лидочка.

— Ты же знаешь, что я плаваю, как топор, — раздраженно сказала Маргарита.

— Я вас буду учить, — сказал Андрей, обрадовавшись тому, что Лидочка согласна плыть. Он надеялся на это с самого начала, потому что знал, что в отличие от прочих Лидочка — ялтинская.

— В самом деле, это неэтично, — сказал Коля. — Мы не можем оставить Маргариту одну.

— Спасибо, — сказала Маргарита и благодарно взяла его за руку. — А вы далеко не заплывайте!

Лидочка, изогнувшись назад, неожиданно выскочила из воды и резко, размашисто поднимая тонкие загорелые руки, поплыла на спине от берега. Андрей догнал ее и поплыл рядом.

— Вы не устанете? — спросил он.

— Я могу весь день плыть, — сказала Лидочка. — Я же здесь выросла.

— Меня отчим учил плавать, — сказал Андрей.

— Я его видела, — сказала Лидочка. — Он такой высокий, худой, с трубкой всегда ходит.

— Я не знал, что вы знакомы.

— Мы не знакомы, но зимой Ялта становится совсем пустая, и в ней остаются только постоянные жители. И я всех знаю в лицо, особенно если это необычный человек.

— Он ученый, ботаник, — сказал Андрей.

— Я слышала. А в самом деле у вас была императрица?

— Разве я похож на лжеца?

— А на кого похожи лжецы? — спросила Лидочка. В ней было лукавство столь близкое к наивности, что Андрей не мог, да никогда и не сможет провести между ними грань, да и сама Лидочка порой не отдавала себе отчета в том, шутит ли она либо серьезна в своей деловитой наивности.

— Лжецы носят на себе печать. Посреди лба. Как клеймо.

— Спасибо, а то мне так трудно порой разобраться, кто хочет мне добра, а кто хочет меня обмануть.

Они плыли не спеша, море было как бы продолжением их тел и этим их объединяло.

— И вы тут всегда живете?

— Да, уже шестой год, — сказала Лидочка. — У мамы начался процесс в легких, и врачи посоветовали изменить климат. Папа перевелся сюда из Одессы.

— А как сейчас ваша мама?

— Спасибо, ей лучше.

— У меня мама тоже здесь жила, — сказал Андрей.

— А потом?

— Она умерла от чахотки, — сказал Андрей.

— Здесь? Давно?

— Давно, я был совсем маленький.

— Простите, я не знала.

— Это было давно.

— Как странно встретить человека, у которого такая же беда...

— Но ваша мама выздоровеет.

— Спасибо. Поплывем обратно?

— Давайте еще немного, — сказал Андрей. — Вон до той лодки. Посмотрим, что поймал этот чудак.

— А наши не будут волноваться?

— Волноваться можно, когда что-то угрожает.

— Волнуются, когда кажется, что есть угроза.

— Это называется — пустые хлопоты.

Вблизи лодка оказалась куда больше, чем издали, — ее черный борт навис над пловцами. Толстый человек с темным лицом, в широкополой соломенной шляпе, крикнул:

— Не подплывайте, лески оборвете!

— Мы хотели у вас рыбы купить! — сказал Андрей.

— Ну что за нравы! — рассердился толстяк.

— Поплыли обратно, — сказала Лидочка. — Он ничего не поймал и боится в этом признаться.

Вдруг толстяк резко поднялся в лодке, так что она опасно закачалась, чуть не зачерпнув бортом воды. Он выпрямился, подняв со дна лодки связку крупных скумбрий, и, размахивая ею в воздухе, воскликнул:

— Это называется «не поймал»? Это так называется? Какое вы имеете право обвинять человека, ничего не зная?

Андрей так рассмеялся, что чуть не наглотался воды, а Лидочка заработала руками, как мельница, отплывая от сердитого толстяка. Она тоже смеялась.

— Вам это и не снилось! — кричал рыбак вслед.

Потом уселся на банку и резко потащил из воды одну из удочек. Серебряная рыба взметнулась вверх к солнцу и неудачно упала на шляпу рыболову, шляпа свалилась в воду, он перегнул-

ся, доставая, а потом стал помогать себе веслом, а рыба подпрыгивала в лодке. Это было смешно, они плыли и смеялись. Потом Лидочка обернулась назад и высоко подняла из воды руку, прощаясь с рыбаком, который уже снова склонился над удочками.

— Вы зимой здесь будете жить? — спросил Андрей.

— Я кончаю гимназию, — сказала Лидочка. — А вы куда?

— В университет. В Москву.

— Я жду не дождусь будущего года, — сказала Лидочка. — Мне так надоело здесь жить, как в банке, где все пауки уже знакомые.

— Я думал, что вам здесь нравится.

— Летом бывает интересно, а осенью и зимой ужасно.

— А вы что будете делать после гимназии?

— Я хочу стать художником.

— Вы рисуете?

— Я пишу акварели.

— У меня нет ни одного знакомого художника.

— Если хотите, мы можем зайти к нам. Только вам не понравится. Это только пейзажи и цветы. Я беру уроки у одной дамы.

— Мне обязательно понравится, — убежденно сказал Андрей.

Лидочка посмотрела на него внимательно. Они плыли совсем рядом — можно было протянуть руку и дотронуться.

— Коля фон Беккер ваш друг?

— Он на год раньше кончил нашу гимназию. И сосед. Мы с ним в одном переулке живем.

— В переулке?

— Да, в Глухом переулке.

— Какое смешное название. Почему он Глухой?

— Он маленький и никуда не ведет. И в нем живут небогатые люди.

— Не сердитесь, — сказала Лидочка. — Но я не люблю этих разговоров — кто богатый, кто бедный. Я, наверное, стану социалисткой. Я — сторонница равноправия людей.

Берег был уже совсем близко. Коля и Маргарита стояли по пояс в воде и разговаривали, поглядывая на море. Завидев головы пловцов, Маргарита замахала руками.

— Вы не утонули! — кричала она. — А мы уж хотели искать лодку, чтобы вас спасать.

— Маргарита — без ума от Коли, — сказала Лидочка.

Под ногами было дно. Андрей встал. Коля был мрачен.

— Нельзя заставлять других волноваться, — сказал он.

Они пошли под тент, который загодя занял Беккер.

Под тентом была расстелена циновка, на деревянном лежаке стояла корзина, которую девушки принесли из дому. В ней была снедь и бутыль красного вина, купленная Колей. Девушки сначала отказались пить вино, но за неимением воды согласились пригубить. Стаканов было только два, и пили по очереди. Андрей сделал так, чтобы пить после Лидочки. Он повернул стакан в руке, стараясь отыскать то место, которого касались губы Лидочки. Маргарита заметила это движение и громко сказала:

— Андрей, если вы хотите узнать Лидочкины мысли, не старайтесь.

— Почему?

— Они пока заняты не вами. — И громко засмеялась.

На берегу Коля чувствовал себя куда уверенней, чем в море. Он в основном говорил, и притом остроумно. Андрей бы так не смог.

Вино согрелось, сразу хмельно растворилось в крови, и жара стала сильнее.

Коля рассказал о Петербурге, как они ездили на Черную речку, где убили Пушкина, а потом о другой дуэли, которая случилась у них на курсе. Андрею не о чем было рассказывать — он был младшим. Но помогла Маргарита, которая вдруг вспомнила:

— Андрей, вы обещали рассказать нам, какой дух вчера приходил к вам.

— Сначала был голос, — сказал Андрей. Он не верил в духов и тем более не верил во вчерашний сеанс. Честно говоря, если бы он рассказывал об этом одному Коле, то признался бы, что и сам отчим не настаивает на истинности событий, признавая розыгрыш. Но Маргарита и Лидочка жаждали таинственного, и потому Андрей принялся описывать ночные события так, как если бы он глубоко в них верил.

Коля смотрел по сторонам, показывая всем видом, насколько скучен ему этот бред, Маргарита делала большие глаза и расстраивалась, что ее там не было, потому что она знает немецкий и поняла бы, о чем говорили императрица и дух князя Георгия.

Андрею с Колей досталась почти вся бутыль. В голове шумело, Андрей хотел показать, как он ходит на руках, но упал. Маргарита смотрела на Беккера. Потом получилось неловко, потому что Коля принялся врать о своих предках, утверждая, что его дедушка барон, а у его кузенов в Шварцбурге есть замок.

— Как-то к нам в дом, в Симферополе, приехала старуха. — Коля положил пальцы на кисть Лидочке, и та не убрала их. —

И спрашивает моего отца. Я попросил ее подождать в вестибюле и поднялся в библиотеку к отцу.

Андрей еле удержался от смеха. Интересно, куда он поднялся — на крышу, которую они вместе месяц назад латали? Хорош вестибюль. Два шага на два, а в углу отцовские костыли. Но, конечно же, поправить Колю он не мог. Но Лидочка вдруг убрала свою руку и спросила невинно:

— Это где, в Глухом переулке?

— Нет, — быстро нашелся Коля. — Это в другом нашем доме. На Екатерининской.

И так посмотрел на Андрея, словно был его злейшим врагом.

— *Продолжайте, — сказала Лидочка милостиво, она не поверила Коле.*

Но Коля потерял интерес к рассказу.

— Ничего особенного, — сказал он. — Это было письмо от дедушки.

Полдень прошел, небо стало бесцветным от жары, волны исчезли, и море лениво, из последних сил, лизало гальку.

Коля поднялся и пошел к морю. Остановился, обернулся и сказал:

— Лида, можно вас на минуту? Мне надо вам сказать кое-что.

Лида поднялась, как поднимается пантера, — легко, как будто это движение не требует ровным счетом никаких усилий. Она пошла к Коле, и Андрей из-под тента, снизу, смотрел ей вслед — солнце било в глаза. Коля с Лидочкой были силуэтами. Лишь волосы, пронзенные светом, горели нимбами.

Они встали рядом, потом медленно, беседуя, пошли к воде, и Андрей любовался совершенными в девичьей угловатости линиями ее тела, но в то же время не мог не видеть Колю, тоже стройного и отлично сложенного. Коля всегда следил за своим телом — он был чрезвычайно чистоплотен и более других проводил времени в гимнастическом зале, за что его буквально обожал учитель гимнастики. Дома у Коли были гантели разного веса и даже прыгалки. Как-то на спор он подтянулся шестьдесят раз на турнике. У Андрея больше десяти раз никогда не выходило.

Маргарита тоже смотрела им вслед.

— Мистер Андрей, — сказала она, — бедным духом остаются надежды.

— У меня нет надежд, — сказал Андрей.

— А вот это глупо! Я никогда не теряю надежды. И чаще всего добиваюсь своего.

Андрей пожал плечами. Еще не хватало, чтобы его учили жить.

О чем они говорят? Впрочем, ему нет до того дела. Жаль, что он проговорился случайно — впрочем, случайно ли? — о Глухом переулке. Это же ничего не изменит.

— Удивительно гармоничная пара, — сказала Маргарита. — Но ничего из этого не выйдет. Николя — мой.

— Я окунусь еще разок, — сказал Андрей. — Мне пора уезжать.

Он встал и быстро пошел к морю, чтобы они не подумали, что он хочет участвовать в их разговоре.

В голове шумело, ноги были вялыми, и Андрей сказал себе, что далеко он заплывать не будет — так и утонуть недолго.

Скользя по гальке, он пробежал мимо Коли и Лидочки и ворвался в воду, с наслаждением ощущая, как ее прохлада сопротивляется разгоряченному телу.

Он зашел по бедра, когда, к удивлению, услышал сзади голос Лидочки:

— Андрей, подождите, я с вами!

Он продолжал идти вперед, не оборачиваясь, но все медленнее, может быть, потому, что стало глубоко, по пояс, по грудь... Андрей нырнул и, когда поднялся на поверхность, увидел совсем рядом лицо Лидочки.

— Ужасно жарко, правда? — крикнула она.

— Ужасно, — сказал Андрей, которого охватило беспочвенно пустое и быстротечное ощущение полного счастья.

На этот раз они плавали недолго. Лодки с рыбаком уже не было. Лидочка сама предложила:

— Давайте вернемся, у меня от этого вина голова плохая.

— Вы в него влюблены? — неожиданно для себя спросил Андрей.

— Не задавайте глупых вопросов, — сказала Лидочка.

Коля сидел под тентом, слушал, что говорит ему Маргарита, смотрел на море. Андрей сказал, что ему пора уходить. Маргарита сказала, что, может быть, ему следует подождать; «вместе пообедаем, а потом по холодку поедете».

Коля сказал, что проводит Андрея. Он его, конечно, не задерживал.

Лидочка на прощание протянула ему руку, и Андрей заглянул ей в глаза. Глаза были спокойные, ласковые, но не более. Андрей осторожно пожал ее тонкие пальцы.

Они поднялись на парапет. Коля сказал:

— Я не ожидал от тебя.

— Прости, — сказал Андрей. — Это произошло случайно. Лидочка спросила меня, где я живу, а я ответил, что мы с тобой живем в Глухом переулке.

— Ладно, я не сержусь, — сказал Коля. — Я так и подумал, что не нарочно.

— Я ведь не спорил, когда ты сказал о втором доме, на Екатерининской, господин фон Беккер.

— Еще этого не хватало, — серьезно ответил Коля. — Тогда бы я тебя просто убил.

— Учту на будущее, — сказал Андрей. Коля засмеялся и шлепнул Андрея ладонью по плечу.

У него были очень белые зубы и добрая улыбка.

— Ладно, — сказал Андрей. — Прощай. Теперь долго не увидимся.

— Жаль, что ты поступаешь не в Петербурге, — сказал Коля. — Мы бы могли снимать с тобой комнату на двоих. С другом всегда лучше. И дешевле.

— Увидимся на рождественских каникулах, — сказал Андрей.

— Погоди, — сказал Коля. — У меня к тебе небольшая просьба. Ты не мог бы мне ссудить три рубля? Я тебе вышлю.

— Честное слово, — сказал Андрей. — Честное слово, у меня нет ни копейки. Мне дядя перед отъездом должен дать. Только мелочь...

— Тогда давай мелочь, — согласился Коля.

Андрей полез в карман своих старых брюк, там был рубль и еще шестьдесят копеек, привезенные из Симферополя.

— На безрыбье и рак рыба, — сказал Коля. — Придется искать где-нибудь Ахмета. Ты не знаешь, где он ночует?

— Вернее всего, на вилле у Великих князей. В Ай-Тодоре.

— Да, плохо мое дело.

— А у девушек занять не сможешь?

— Это недопустимо, сам понимаешь.

— Маргарита с радостью одолжит тебе, — сказал Андрей.

— Она влюблена в меня, как кошка, — сказал Коля. — Даже удивительно.

* * *

Андрей поднимался в гору, стараясь держаться узких полосок тени. Он вспотел, потому что воздух был неподвижен, и теперь жалел о том, что пил красное вино. Даже сумка с книжкой и полотенцем казалась тяжелой. В голове царила тупость, он старался

думать о чем-нибудь возвышенном, но перед глазами были коленки Лидочки и обтянутая купальным костюмом грудь.

Раза три передохнув, Андрей все же забрался на гору, к дому отчима. Здесь было чуть прохладнее. Филька вышел к воротам, язык его свисал чуть ли не до земли. Филька вежливо помахал хвостом, выказывая таким образом радость, и тут же побрел в тень. Даже кур на дворе не было — попрятались. Листья винограда лениво повисли над дорожкой, только розы гордо тянули к солнцу свои разноцветные головы. Дом был тих и будто покинут.

Андрей вошел в коридор. Там было прохладно и после солнца полутемно. Андрей толкнул дверь к себе в комнату и метнул с порога сумку на кровать. Затем он включил душ и с наслаждением долго стоял под ним, пока не замерз — вода к дому поступала с гор, всегда холодная. Растеревшись полотенцем, Андрей почувствовал, что проголодался.

Он вышел в коридор и позвал Глашу.

— Я здесь, Андрюша, — откликнулась та откуда-то издалека.

Андрей заглянул на кухню. Посреди кухни был открыт люк в подпол, оттуда как раз поднималась Глаша. Она держала в руках большой глиняный горшок, затянутый марлей.

— Держи, — сказала она, протягивая горшок Андрею. — Я обещала тебе холодной окрошки.

— Глаша, ты прелесть, — сказал Андрей. — Ты самая прекрасная и заботливая женщина на свете.

Он поставил горшок на стол, Глаша тем временем вылезла из подпола и захлопнула крышку.

На столе стояла запотевшая бутылка вина, хлеб был уже нарезан.

— Я так и рассчитала, — сказала Глаша, — что наш юный джентльмен явится к трем часам. А как калитка хлопнула — я сразу в подпол.

Она засмеялась.

— Вино будешь пить?

— Я на пляже вино пил.

— Зря, — сказала Глаша. — Там жарко, и вино небось было согретое.

— Почти горячее.

Глаша налила ему окрошки в глубокую тарелку, положила ложку густой сметаны.

— Вино надо пить за обедом, охлажденное, не спеша. Это очень полезно для здоровья. А теплую бурду на пляже пьют только пьяницы и бродяги.

— Ну тогда налей бродяге, — сказал Андрей. — Только вместе с тобой. Я не умею пить вино один.

— Значит, ты не гурман, — сказала Глаша. — Сергей Серафимович пьет вино только самое лучшее и для вкуса. Он считает, что собутыльники только мешают.

Вино выпустило пузырьки, и они побежали вверх, некоторые, ленивые, приклеивались к стенкам бокала. Бокал сразу запотел.

— А где отчим?

— Рано ему еще возвращаться.

— Думаешь, не дождусь его?

— Наверное, не дождешься. Автобус отходит ровно в половине шестого. А тебе туда минут пятнадцать идти.

— Ты что же себе не наливаешь?

— Я не одета совсем, — сказала Глаша. — Неловко вино пить в таком затрапезном виде.

— Никакой не затрапезный, — сказал Андрей. — Ты очень красиво выглядишь.

— Хоть передник сниму, — сказала Глаша.

Она поднялась, взяла из буфета еще один бокал, потом сняла передник, бросила его на табурет у плиты.

Они чокнулись. Бокалы зазвенели празднично и тонко.

Вино было холодное, как родниковая вода.

— Вкусно, — сказала Глаша. — Правда вкусно?

— Вкусно, — признал Андрей.

— Я вообще-то сладкое вино люблю, мадеру, но когда жарко — и такое хорошо.

Она вновь наполнила бокалы.

— Тебе скучно здесь, наверное, — сказал Андрей.

— Мне некогда скучать. Весь дом на мне, — сказала Глаша.

— Я никогда не знал, что ты на пианино играешь. Или это тоже фокус был?

— Играю, — сказала Глаша.

Сказала коротко, так что дальше спрашивать было неудобно.

— Ты ешь окрошку, — сказала она, — я сейчас рыбу разогрею.

Андрей ел окрошку, Глаша отошла к плите, разожгла ее и поставила сковородку. Рыба сразу начала скворчать, потянуло запахом подсолнечного масла.

Андрей хотел что-то сказать Глаше — но, обернувшись, забыл об этом, потому что она стояла близко к нему и глаз его натолкнулся на линию бедер и крепкие лодыжки, видные из-под короткого платья.

— Друзей своих видал? — спросила Глаша, не оборачиваясь.

— Видал, — сказал Андрей. Взгляд его поднялся к ее плечам.

— Небось девушки красивые, да?

— Девушки? Да, девушки красивые.

«Что я делаю? Чего я хочу? Разве я влюблен в Лиду, если я так смотрю на Глашу? Наверное, я очень дурной, испорченный человек».

— Ты что? — Глаша обернулась, почувствовав, что Андрей встал и приблизился к ней.

— Ты красивая, — сказал Андрей хрипло.

— Ну полно тебе. — Глаша улыбнулась. — Опять за старое. Какой ты смешной, Андрюша. Погоди, сейчас рыба согреется, поешь и спать пойдешь. Поспать надо, хоть бы часок после обеда.

— Я не хочу больше есть.

Глаша как-то ловко повернулась, сняв притом сковородку с плиты, и дымящаяся сковородка оказалась между ней и Андрюшей. Андрею пришлось отступить.

Положив ему рыбы, Глаша уселась по ту сторону стола, налила еще по бокалу вина и сказала:

— За твое счастье. Чтобы все у тебя было хорошо и чтобы учился ты лучше всех. И чтобы красавицу встретил, добрую. Выпьем.

От чая Андрей отказался. Второй день подряд получался нервным, неловким, неладным. «Она все понимает и посмеивается над мальчишкой. Мое горе в том, что я непривлекателен для женщин и они сторонятся меня».

— Я пойду к себе, — сказал Андрей, забыв поблагодарить Глашу за обед.

Раздевшись, он улегся на кровать и накрылся простыней. Кисейная занавеска чуть колыхалась — поднялся ветерок. Шмель, залетевший в комнату, бился о кисею, искал выхода. «Где сейчас Лидочка? Они, наверное, пошли обедать в ресторан на горе. Впрочем, нет, где Коле достать денег? Интересно, а если бы у меня были деньги, дал ли бы я их ему? Наверное, пришлось бы дать».

Вошла Глаша. Она несла стакан с компотом.

Поставила на столик. В другой руке у нее был длинный конверт.

— Это от дяди, — сказала она. — Здесь письмо и деньги на дорогу.

Наклонившись, она протянула конверт Андрею, и тот увидел в глубоком вырезе платья темную впадину между ее полных грудей. Он перехватил руку и потянул Глашу к себе. Глаша молча вырвалась, положила письмо на столик, но потом сама протяну-

ла руку, дотронулась до его щеки. Она присела на край кровати и сказала:

— Ну зачем же так, Андрю-уша, я же готовила, по хозяйству...

Андрей провел пальцами по обнаженной руке до плеча, и Глаша потянулась, будто ей было щекотно.

Андрей крепко схватил ее плечо, и Глаша послушно наклонилась к нему и позволила поцеловать себя в губы. Правда, губы ее были сухие, неподатливые, и Глаша резко отдернула голову, так что окончание поцелуя пришлось в щеку.

— Ну зачем же, зачем же, — сказала она. Андрей приподнялся, все сильнее привлекая ее к себе, волосы Глаши разметались и закрывали свет, от них уютно пахло то ли ванилью, то ли сдобным тестом.

Глаша, сопротивляясь, старалась не оказаться на кровати, но притом усилия ее были половинчатыми, как будто понарошку, как будто она боролась с Андреем так, чтобы не победить.

Андрей вновь отыскал ее губы, почувствовал, как они раскрываются навстречу его усилиям, и поцелуй получился мягким, влажным, горячим... Голова шла кругом, и мир перестал существовать... Рука Андрея нашла полную мягкую грудь Глаши. Глаша вздохнула, как будто всхлипнула, и тут рванулась так неожиданно, что Андрей отпустил ее.

— Сейчас, — сказала она, — ты подожди, миленький, сейчас...

Она кинулась к окну и быстро, рывками потянула штору. В комнате сразу стало темнее.

— А то с улицы могут увидеть, — прошептала она, возвращаясь к Андрею, и, повернувшись спиной к нему, сказала: — Ты расстегни сзади, а то пуговки тугие.

Он расстегивал маленькие круглые пуговицы, и с каждой ткань платья расходилась, чуть-чуть более обнажая спину.

— Ну что же ты... ну что же? Ну зачем? — шептала почему-то Глаша, как будто он мог что-то объяснить...

Приподнявшись, она мгновенно, одним движением сняла платье и тут же оказалась рядом с Андреем, обнимая его, прижимая к себе, лаская сильными пальцами его щеки, шею, плечи. И Андрей старался раздеть ее дальше, и это не требовало трудов, потому что Глаша была одета по-домашнему, без корсета и лифа.

А вот что было дальше, как дальше происходило? Этого Андрей не смог бы сказать, потому что он утонул в Глаше, он пропал в горячей сладости, от которой хотелось кричать, и Глаша все время почему-то уговаривала его, будто жалела, и он все слышал:

«Андрю-у-уша, Андрю-уша... Ох, беда моя, Андрю-уша... сладкий ты мой...»

Он хотел бы растерзать ее за то, что она не дает ему взорваться от сладости и желания, и он тоже что-то говорил, даже крикнул... И потом они лежали рядом, совсем мокрые от пота, жутко усталые, и Андрей был полон благодарности к Глаше, Глашеньке, его первой женщине. Хоть и было жарко, Андрей никак не мог оторваться от Глаши, он гладил ее плечи и очень хотел поцеловать ее розовый пухлый сосок, но теперь, когда все кончилось, было неловко это сделать. А Глаша медленно-медленно гладила его по голове. Она молчала.

Потом вздохнула коротко, вздох оборвался, и Андрей понял, что Глаша плачет.

— Ты что? — спросил он. — Ты зачем?

— Ой нехорошо, — сказала она. — Как нехорошо...

— Ну почему! Ты же говорила, что любишь меня.

— Ты же еще мальчик. А я старая...

— Это я сам, я сам просил. Ты не виновата.

— Глупый. Любви не просят. Ее дают и берут.

Глаша смотрела вверх. У нее был красивый четкий профиль — выпуклый круглый лоб, небольшой точеный нос, красиво очерченные полные губы и упрямый, выступающий вперед подбородок. Андрей никогда еще не разглядывал ее так. Он приподнялся на локте.

— Я люблю тебя, — сказал он, глубоко благодарный этой красивой, взрослой, чистой женщине, которая открылась ему, впустила его в себя и теперь лежала рядом, покорная и грустная.

— Это тебе кажется, Андрюша, — чуть улыбнулась Глаша. — Это скоро пройдет. Ты опомнишься и будешь ненавидеть меня.

— Никогда!

Он поцеловал ее в теплый висок. И прошептал:

— Ты моя первая женщина.

— Уж догадалась, — сказала Глаша, — жалко.

— Почему?

— Тебе бы первый раз быть с такой же, как ты, — молодой, красивой.

— Ты самая красивая.

— Никогда я не была красивой, ни сейчас, ни сто лет назад.

— А сколько тебе?

— Я вдвое тебя старше, ты знаешь. А может быть, в десять раз.

— Но я же не хотел, чтобы с другими, — я хотел с тобой...

— Зачем лжешь, мой мальчик? — Она повернула к нему голо-

ву, и глаза ее были большие, светлые и влажные. — Просто пришло твое время, а я оказалась рядом. Два дня назад ты об этом и не думал.

Андрей не ответил, потому что Глаша была права. И даже более чем права. Не два дня — три часа назад он не думал, что так будет. Он любовался Лидочкой, никак не полагая, что и ее можно так же обнимать, как Глашу. Любовался, но не желал.

А Глаша заговорила вновь, словно читала текст:

— Я думаю, что ты увидел здесь другую девушку, молодую, нежную, но то чувство, которое ты испытываешь к ней, в тебе еще не связано с любовью плотской. Ты разделил как бы любовь надвое. То, что тебе и помыслить трудно с ней, ты испытал ко мне.

— Ничего подобного, — возмутился Андрей, поражаясь тому, что Глаша прочла его мысли.

— Я не обижаюсь. Если бы я не захотела, ничего бы не было.

Она притянула Андрея к себе и стала целовать. Андрею было душно, ее поцелуи щекотали, и Глаши было слишком много, как будто Андрею дали большой шоколадный торт, первый кусок которого поедаешь с жадностью, но потом задумываешься — протянуть ли руку за вторым. Но сравнение с тортом, так и не успев толком оформиться в голове Андрея, забылось, так как от поцелуев Глаши и тесного прикосновения ее груди, ее бедер, живота в Андрее возникла дрожь вожделения, и он стал отвечать на ее поцелуи, становясь все настойчивее и грубее, и тогда Глаша стала уступать, обволакивать его, раскрываясь навстречу, горячо и влажно...

Когда Андрей лежал, вытянувшись и стараясь не прикасаться к слишком горячему телу Глаши, она лениво поднялась с постели, подобрала с пола брошенное платье и панталоны и сказала, будто ничего не было:

— Отдохни, Андрю-уша, поспи немного. Тебе ехать долго.

— Спасибо, — сказал Андрей. Он был опустошен, не мог шевельнуть пальцем и благодарен Глаше, что она первой поднялась и ушла.

Она выбежала, не одеваясь и прижав к груди свои вещи, босые ноги простучали по коридору. Андрей не знал, хорошо ему или плохо, да и не желалось думать. Кровать тихо покачивалась, словно на волнах. Потом Глаша заглянула снова, она была уже одета. Она принесла влажное махровое полотенце и спросила:

— Можно, я оботру тебя? Будет прохладнее.

— Спасибо, — сказал Андрей.

Глаша обтирала его нежно, быстро, как ребенка. Андрею сразу стало легче дышать. Глаша откинула штору.

— Спасибо, — сказал Андрей.

— Ты спи, спи, милый мой. — Глаша наклонилась и коснулась губами Андрюшиной щеки.

— Спасибо, — повторил он и мгновенно заснул.

* * *

Его разбудила Глаша.

Она сидела на стуле у кровати, видно, давно сидела, глядела на Андрея.

— Андрю-уша, — сказала она тихо, — вставай, через полчаса автобус.

Андрей от ее голоса вскинулся, уселся на кровати, увидел совсем близко ее лицо и сразу все вспомнил. Лицо было таким милым и глаза такими любящими, что Андрей сразу сказал:

— Я останусь здесь. Я с тобой останусь.

— Глупости, — сказала Глаша, чуть улыбнувшись. — Ни к чему тебе здесь оставаться. У тебя своя жизнь.

Андрей резко поднялся, и в голове все пошло крутом. Пришлось опереться на подставленную руку Глаши — та словно знала, что будет, протянула ее.

— Перегрелся ты немножко, — сказала Глаша быстро, словно не хотела, чтобы Андрей возражал ей. — Ну ничего, ветерком продует, придешь в себя.

— Глаша!

— В следующий раз приедешь, поговорим.

И Андрей сразу, с готовностью, подчинился этому решению.

— Я бы чаю выпил, — сказал он. — Можно?

— Ты компот выпей. — Глаша показала на стакан, стоявший на столике у кровати. — Я самовар не поставила, а теперь времени нет. Пора тебе.

— Ты хочешь, чтобы я уехал?

— Да, — сказала Глаша, — хочу. Так всем лучше.

Андрей хотел ее поцеловать, и Глаша покорно подставила ему губы, но отозвалась на его ласку без страсти.

— Не сердись, — сказал Андрей.

— Может, это ты на меня сердиться будешь. Мне-то что сердиться. Что было — то было.

— И все-таки ты жалеешь?

— Господи, ну и приставучий ты! — вдруг рассердилась Гла-

ша. — Я ни о чем не жалею. И если обо мне вспомнишь, так и знай.

Она говорила это упрямо, будто себя убеждала. Будто кому-то еще, невидимому, хотела доказать.

Андрей выпил компот. Компот был слишком сладким.

— Я долго спал? — спросил он, одеваясь. Он не стеснялся своей наготы перед Глашей.

— Полчаса проспал. Ничего, в автобусе доспишь, там сиденья со спинками.

— Ты меня словно гонишь.

— Гоню.

— Почему? Ты меня не любишь?

— Я тебя люблю больше... больше, чем... дозволено. Не удивляйся, потом поймешь. Но и меня постарайся понять.

Глаша помогла сложить в чемодан вещи, даже не забыла, положила туда связку крупного красного лука, который так любит тетя. Потом вдруг спохватилась. А письмо где? Где письмо Сергея Серафимовича? Конверт где? Где конверт с деньгами?

Конверт лежал на полу, у кровати, и Андрей сразу вспомнил, почему он оказался там. «Как странно, — думал он, застегивая сорочку. — Мы разговариваем, словно ничего особенного не произошло. Она даже ворчит. А я сейчас уеду, словно так и надо».

Глаша буквально вытолкала Андрея из дома.

— Ты только-только дойти успеешь. Только-только.

Андрей спустился в сад. Глаша несла чемодан следом. Филька замахал хвостом, но не подошел попрощаться. Он измучился от жары. Легкий теплый ветерок шевелил листья винограда. Велосипед отчима стоял прислоненный к стене, он был в пыли, Глаша довела Андрея до калитки.

— Ну, с Богом, — сказала она.

— Я к тебе приеду, — сказал Андрей. — Зимой приеду. На Рождество. Не к нему, а к тебе, ты понимаешь?

— Посмотрим, — сказала Глаша. — Да и говорить так нехорошо.

Андрей хотел поцеловать ее. Глаша уклонилась.

— Не надо, — сказала она. — Мы с тобой свое отцеловались.

Она стояла в калитке и смотрела вслед, пока он не скрылся за поворотом. Андрей обернулся, увидел, что она стоит, помахал рукой. Глаша подняла руку, и рука упала. Глаша плакала.

— Я вернусь! — крикнул Андрей.

Ветерок с Ай-Петри, скатываясь к морю, принялся разгонять дневной зной. Навстречу попадались люди, проехал в гору извозчик. На нем сидел давешний рыбак в соломенной шляпе. Он узнал Андрея и погрозил ему пальцем. Рыбак был пьян и весел.

И эта встреча как бы ножом отрезала то, что было в доме отчима, потому что рыбак был там, на море, рыбак был тогда, когда рядом плыла Лидочка, и над рыбаком они вместе смеялись. Встреча с ним сейчас была как бы напоминанием свыше, укором, которого Андрей до того не ощущал. Очевидно, если существовали какие-то нити, что связывали его с доброй Глашей, то с каждым шагом они истончались и ослабевали, так что случайная встреча с рыбаком, происшедшая, когда нити превратились в паутинки, оборвала их мгновенно и отбросила Андрея на берег моря.

Это возвращение было неприятным, потому что Андрюша изменил своей прекрасной даме, чего ни один порядочный рыцарь в давние времена себе не позволял. Спасительная формула «Королевам не изменяют с королевами, королевам изменяют со служанками» Андрея не спасала, потому что Глаша, будучи служанкой, конечно же, таковой не была.

Оборвав нити нежности, связывавшие его с Глашей, Андрей постарался рассуждать трезво, что с трудом ему удавалось, так как все события последних двух дней не укладывались в нормальное течение жизни и в памяти как бы громоздились одно на другое, образуя причудливую и неустойчивую пирамиду. Андрей подумал вдруг, что сейчас он может встретить отчима, который должен возвращаться с конференции, но которого он встретить бы не хотел. И от нежелания увидеть Сергея Серафимовича он ускорил шаги и даже свернул потом в небольшой переулок, путь которым был длиннее, чем по улице... Тут он остановился и уронил чемодан прямо в пыль. Он же не сошел с ума! Он своими глазами видел велосипед отчима у дверей дома, когда уходил. И даже обратил внимание на то, что велосипед покрыт пылью. Значит, отчим был дома? И не захотел его увидеть? Он догадался? Он увидел, подслушал, что произошло между ним и Глашей? Или приехал позже, когда Андрей спал? Это было бы счастьем, если позже. Но почему тогда не спустился попрощаться с пасынком? И почему Глаша так странно вела себя?

Спеша и оглядываясь, будто ожидая увидеть за собой погоню, Андрей вышел на площадь, к длинному одноэтажному зданию, возле которого выстроились извозчики и линейки, ожидавшие пассажиров в Алушту, Симферополь и Севастополь. Он остановился в тени старого тополя и стал осматривать площадь, как бы опасаясь все той же погони.

И тут увидел в стороне, в сквере над речкой, Лидочку.

Лидочка кого-то ждала, порой поднимала голову, оглядывая площадь.

Андрей ощутил удар горя. Как он счастлив был бы встретить Лидочку совсем одну, как рад бы он был допустить невероятное: что она захотела его увидеть и потому пришла сюда! Но после того как это случилось с Глашей, он не мог себе позволить посмотреть ей в глаза. Она догадается, что произошло! А он не сможет сказать ни слова в свое оправдание. Горе тут же уступило место злости на Глашу, которая была во всем виновата, — сама же призналась, что была во всем виновата! Именно из-за нее он навсегда потерял Лидочку и даже не может сказать ей прощального слова. В состоянии, близком к истерике, Андрей пошел вокруг площади таким образом, чтобы оставаться за спиной Лидочки. Но все время смотрел на нее и даже шел как можно медленнее, чтобы продлить это странное свидание, опасаясь притом, что сейчас откуда-то выйдет Беккер и Лидочка бросится к нему, сделав бессмысленной жертву Андрея и его неправедную злобу на Глашу.

Лидочка поднялась с лавочки и прошла поближе к линейкам. Андрей остановился за киоском, чтобы она, оглянувшись случайно, не заметила его. Но Лидочка, окинув взглядом площадь, вернулась к скамейке.

Андрей возобновил свое неспешное движение к автобусу и, когда до автобуса оставалось шагов сто, случайно увидел, как кондуктор поднимается по высоким ступенькам, а в кучке провожающих у автобуса возникает оживление; люди машут руками, и в ответ с автобуса несутся возгласы. Сзади из-под автобуса вырвался клуб белого дыма, это шоффэр включил двигатель.

Андрей понял, что автобус вот-вот уедет, и, забыв о том, что Лидочка может его увидеть, припустил напрямик к автобусу, размахивая чемоданом. Он успел вскочить на подножку в последнюю минуту. Чемодан застрял, Андрей дергал его, автобус медленно разворачивался на площади, кондуктор твердил что-то укоризненное, но помогал тащить чемодан, и, когда Андрей наконец уселся на место наверху, в империале, и поставил чемодан, он увидел, что автобус уже выезжает с площади, а Лидочка, выбежав на середину ее, неуверенно протянула руку в направлении автобуса, будто хотела остановить его. Но до автобуса было уже далеко, и хоть Андрею показалось, что она что-то кричит, звуки до него не доносились.

Вдруг Андрей понял, что, если он сейчас прикажет остановить автобус, соскочит и побежит обратно, к Лидочке, в его жизни произойдет нечто чрезвычайно важное. Но он не мог заставить себя открыть рот, чтобы крикнуть кондуктору.

И это было не воспоминание о Глаше — о ней в тот момент Андрей не думал, — а то странное чувство смущения, которое заставляет утопленников погибать, не издав ни звука, а жертв насилия молчать, хотя неподалеку проходят люди. Это чувство стыда перед нарушением каких-то въевшихся в кровь правил поведения, чувство настолько сильное, что оказывается сильнее страха смерти. Андрей понимал, что должен крикнуть кондуктору: «Стойте! Остановитесь!» Его губы шевелились, но с них не слетало ни звука.

Автобус выехал на дорогу, и ветви тополей закрыли и площадь, и Лидочку, стоявшую растерянно и сиротливо посреди нее.

Только где-то возле Алушты Андрей перестал клясть себя. Он даже открыл конверт, в котором была записка от отчима и двести рублей. Он вынул из пачки десять рублей, заплатил за билет, остальное положил в карман, даже не прочтя записки.

Пока автобус долго стоял в Алуште и пассажиры шумно и жадно ели горячие чебуреки, Андрей чуть было не решился нанять извозчика и вернуться в Ялту. Он взялся за ручку чемодана и тут понял, что не знает адреса Лидочки. Не бродить же всю ночь по городу? А если он встретит отчима или Глашу? Ведь Ялта — маленький городок, и все там на виду. К тому же теперь, по прошествии времени, Андрей все больше убеждал себя, что появление Лидочки на площади — совпадение, а ее жест — удивление по поводу того, что она так неожиданно увидела Андрея.

Только уже поздно вечером на последней остановке перед Симферополем, пока шоффэр заливал воду в радиатор автобуса, Андрей спустился вниз, к фонарю, что горел у придорожного ресторанчика, и при свете его прочел записку отчима. Записка была короткой. Конечно же, отчим написал ее вчера.

Дорогой Андрей!

Как мы и договаривались, даю тебе денег на дорогу до Москвы. Со счета в Коммерческом банке ты будешь получать ежемесячное пособие. Надеюсь, его хватит на скромный образ жизни. Жду тебя на рождественские каникулы.

Сергей.

* * *

Еще через месяц, уже став студентом университета и снимая комнату в небольшой квартире вдовы Глаголевой на Сретенке, Андрей получил очередное письмо от тети. В него был вложен другой небольшой конверт. Конверт был адресован Андрею Бе-

рестову в Симферополь, на Глухой переулок. В тот день Андрей спешил к одному из новых приятелей, на встречу эсдеков, к которым он уже почти примкнул, ибо под влиянием своего однокурсника Погоняйло уверовал в величие Карла Маркса. Он разорвал конверт, ничего не подозревая и даже не затруднив себя размышлением, от кого могло бы прийти письмо.

Дорогой Андрюша! — начиналось оно. Почерк был крупный, округлый, мягкий, с легким правильным нажимом. — *Думаю, что ты уж забыл обо мне, ведь больше месяца прошло, как ты уехал. Но сегодня мне приснилось, будто ты разговариваешь со мной и хочешь вернуться. Сон — это глупость, я снам редко верю, но я испугалась, что ты надумаешь написать мне, а письмо возьми да попадись на глаза Сергею Серафимовичу. А это его очень огорчит. Так что, пожалуйста, не пиши мне, если захочешь, а если не захочешь, тем лучше. А написать мне можно до востребования на ялтинскую почту.*

Ты, может, и не догадался, почему я так холодно попрощалась с тобой, хоть и сердце мое разрывалось. Сергей Серафимович вернулся раньше времени, и что он видел или слышал — одному Богу известно. Он после этого много дней пребывал в горьком состоянии духа и по сей день со мной разговаривает лишь по хозяйственным надобностям, нет между нами былых добрых отношений. Хоть я стараюсь, чтобы все шло по-прежнему. Тебя он не винит, ты не думай. Он во всем винит меня, и поделом, потому что считает тебя заместо сына и видит свою обязанность в твоем благополучии, а меня всегда полагал чем-то вроде твоей мачехи, и в его глазах поэтому мой грех велик и непростителен, как кровосмешение. Он же по-своему любит меня, и мы с ним много лет вместе прожили. Так что если ты хотел приехать к нам на Рождество, то этого делать не надо. Сергей Серафимович может не совладать со своим расстройством и сказать лишнего. Он теперь замкнулся, много пишет, часто уезжает по делам даже в Петербург, на здоровье не жалуется, но знаю, что сердце у него слабое, хотя он никому об этом не скажет.

А я по тебе, Андрюша мой, скучаю. Сейчас осень стоит, дожди, скучно, темнеет рано. И знаю, что грех, а скучаю. Ты, если соберешься написать, напиши на почту, до востребования. Но если все же приедешь на Рождество, вернее всего Сергей Серафимович и виду не покажет.

Надеюсь на щепетильность Марии Павловны, что она письмо не откроет и не прочтет.

С уважением, твоя Глафира.

Андрей стоял у окна, держал письмо в руке и смотрел, как по вечерней улице проезжают пролетки. Вода стекала с зонтов немногочисленных прохожих.

Андрей не пошел в тот вечер на сходку эсдеков. Вдруг ему это стало неинтересно.

За последние два месяца он много раз вспоминал Глашу и скорее жалел, думая, каково ей жить с таким старым человеком, как отчим. Но это днем. Ночью было иначе. Ночами ему снилось, что он вновь обнимается и целуется с ней. Но в этих снах всегда присутствовал кто-то третий, ощутимый то по кашлю, то по скрипу, наблюдающий и гневный. И это присутствие не давало слиться с Глашей.

Андрей хотел написать Глаше, но опасался, что письмо попадет в руки отчима. Он-то уже давно знал, почему их расставание с Глашей было таким странным, он понимал теперь, каково было Глаше прощаться у калитки, зная, что сверху из-за шторы кабинета на них смотрит, молчит и гневается Сергей Серафимович. Письмо возбудило в памяти все, до вздоха, до слова, до стона в страсти. Андрей даже понюхал листок, и ему показалось, что он различает легкий свежий запах Глашиной кожи. Но, конечно же, этого быть не могло, потому что прошло больше месяца с тех пор, как пальцы Глаши касались письма.

В тот же вечер Андрей написал Глаше письмо, очень горячее, полное любви и клятв вернуться. Он так и заснул, не запечатав и не отправив его. И может, к лучшему, потому что, когда перечел утром, испугался собственной нелепой и глупой страсти. Он разорвал письмо, хотел написать новое, но пора было идти на лекцию. Так он Глаше и не ответил, хотя еще не раз собирался. Правда, перед Рождеством, накупив дюжину открыток с детишками у елки, он разослал их по родственникам и знакомым, написал открытку и Глаше. Хотел было послать на адрес отчима, но потом передумал — послал на почту, до востребования. В конце после поздравлений приписал:

Скоро напишу большое письмо.

Но и после этого большого письма не написал.

* * *

В ноябре Андрей получил письмо из Петербурга от Ахмета.

Андрей — кислых щей!
Пребываю в Петербурге в хорошей обстановке, но чует мое

сердце, что в Париж судьба меня не закинет, потому что на курсах господина Берлица я занял первое место с конца. Оказывается, французский язык совсем не моя стихия. Ж'не компран па? Ты понимаешь? Я вас не понимаю. Беда другая, деньги куда-то проваливаются, и когда блудный сын вернется в Симферополь, будет громадный скандале, как говорят французы, потому что я истратился на много недель вперед, в том числе на лечение триппера (прости за подробности). Так что у меня один путь — в разбойники или в гусары. Дошло до того, что, встретив на Невском проспекте (это главная улица вашей столицы) нашего друга фон Беккера, я осмелился востребовать с него долг в размере 10 руб. Каковых у него не оказалось. Наш фон Беккер, оказывается, большая шельма. Я напросился к нему в гости, и он со скрипом и скрежетом зубовным меня привел в замечательную квартиру. Сам он снимает комнату у одной генеральши, ведет себя джентльменом и делает вид, что он — настоящий барон, ты же знаешь, как это ему удается. У генеральши есть дочка — хочется немедленно надеть на нее чадру. Нет, ты меня неправильно понял: не от отвращения, а от восхищения, от желания припрятать такое сокровище для себя одного. Нечто нежное, голубое, воздушное со странным именем Альбина. Я готов был жениться на Альбине немедленно и ради этого счастья перебежать в христианство. Но, по-моему, позиции нашего Коли нерушимы. Оказывается, генеральша убеждена, что наш Коля — барон фон Беккер, а ей всю жизнь хотелось породниться с древней знатью. У Коли в комнате на стене висит в рамке герб баронов фон Беккеров (надо бы поглядеть по гербовнику — чей герб наш друг стибрил), так что мне пришлось соответствовать моменту и утверждать, что мой прадедушка — крымский хан Гирей, который построил Бахчисарайский фонтан, возле которого лишал девичьей чести российских невольниц. Ты бы видел, как очаровательно рдели щечки у Альбины и как растерянно поднимала ее мама выщипанные брови и говорила: «Я где-то об этом читала, правда?» Коля надувался и молчал. Коньяк был славный, о ялтинских встречах разговор не поднимался, в общем, я полагаю, что господин фон Беккер из Глухого переулка скоро породнится с состоятельным семейством генерала Чичибасова.

Сам я скоро буду проезжать через Москву и, если останется хоть один лишний рубль, обязательно нанесу тебе визит.

Горячо обнимающий тебя непутевый разбойник

Ахметка.

Письмо показалось Андрею забавным. Настроение его улучшилось, и Андрей не сразу сообразил почему. Неужели он обрадовался благоприятным переменам в жизни Коли?.. Господи, нет же! Лидочка свободна!

Впрочем, радость была отвлеченной и ничем не нарушила распорядок жизни, потому что Лидочка была не более как сладким и томительным летним воспоминанием.

В Москву Ахмет так и не заехал. Видно, у него не осталось ни одного лишнего рубля.

Глава 2

Рождество 1913 г.

На рождественские каникулы Андрей приехал в Симферополь.

Тетя Маня встречала его на перроне. Шел мокрый снег. Он не таял на траве и ветках деревьев, а мостовые были черными, мокрыми, и крыши были мокрыми тоже.

Тетя Маня всплакнула.

— Как ты возмужал! — говорила она, протирая пенсне толстыми пальцами. — Ты настоящий мужчина. Как жаль, что Ксения тебя не видит! Она была бы счастлива.

Андрей оставил ее у чемодана, побежал искать носильщика. Когда он пришел с носильщиком, тетя Маня сидела на чемодане под черным зонтом и была серьезна.

— Я сама заплачу ему, — сообщила она Андрею издали.

Тетя не допускала мысли, что Андрей может не нуждаться в деньгах, и, несмотря на его протесты, ежемесячно высылала ему пятнадцать рублей. Андрей складывал ее переводы в конверт.

Пришлось ждать извозчика — они последними из пассажиров вышли на площадь. Андрей держал зонтик, а тетя все разглядывала его, словно хотела запомнить. Тетя умудрялась все превратить в расставание, даже счастливую встречу.

— Что нового? — спросил Андрей.

— Что может быть нового в Симферополе? — сказала тетя. — Мы же глухая провинция. Особенно зимой. С климатом делается что-то страшное. Ты знаешь, даже приметам нельзя верить. Я читала, что наступает перенаселение Земли и скоро грядет страшный голод.

— Кого ты видела из моих приятелей?

— Недавно вернулся Ахмет Керимов. Там произошел скандал.

— Подозреваю, — сказал Андрей.

— Нет, ты даже подозревать такого не можешь. Отец послал

его на курсы Берлица, а Ахмет умудрился пуститься во все тяжкие.

Подъехал извозчик. Извозчик был знакомый, из той, давешней жизни. Он приходился родственником Ахмету.

— Андрей! — закричал он, соскакивая с облучка. — С приездом! Совсем офицер стал!

Верх пролетки был поднят — извозчик поставил чемодан перед задним сиденьем, чтобы на него не попадал снег.

— Андрей — студент, — поправила тетя Маня.

— Фуражка вижу, шинель-минель вижу, — сказал извозчик. — Значит, офицер.

Пролетка ехала медленно, извозчик спросил:

— В Петербург живешь?

— В Москве.

— Студент, говоришь? Доктор будешь?

— Андрюша изучает историю, — сказала тетя Маня.

— Правильно! — сказал извозчик. — Изучать нужно.

Он замолчал, видно, старался понять, зачем изучать историю.

— Я не кончила, — сказала тетя Маня. — Произошел страшный скандал. Ахмет связался с сомнительными личностями и истратил деньги. Ты же знаешь, Искендер зарабатывает каждую копейку трудом, и для него это был жестокий удар. Он рассчитывал, что Ахмет получит настоящее образование. И я могу понять его.

— Про Ахметку говоришь? — обрадовался извозчик. — Ахметке голова отрывать мало.

— А что он сейчас делает? — спросил Андрей.

— Не хочешь учиться, извозчик будешь. Я его сегодня на базаре видел. Искендер ему ломовую клячу дал. Он капусту возит, хе! Такие дела.

Придется Ахмету уходить в разбойники, подумал Андрей. Долго он в ломовых возчиках не удержится.

— Коля Беккер приехал, — вспомнила тетя. — Я встретила Нину, она сказала.

— Один?

— А с кем он должен был приехать? Я не понимаю. Он уже заглядывал вчера вечером, тебя спрашивал.

На площади перед гастрономическим магазином Козлова ставили большую елку. Сам Иван Петрович в бобровой шубе стоял в дверях и покрикивал на рабочих.

Пролетка миновала гимназию. На втором этаже горел свет —

Андрей понял, что это окошко библиотеки. Тетя велела остановить у кондитерской Циппельмана. Андрей сказал:

— Я куплю. Что нужно?

— Я вчера заказала торт-пралине, твой любимый.

За прилавком стоял старый Циппельман. Он обрадовался Андрею и сразу вынес плоскую коробку.

— С приездом, — сказал он. — Вы стали настоящий мужчина. Может, выпьете чашечку кофе?

— Там тетя ждет, — сказал Андрей. — Сколько я вам должен?

— Мария Павловна заплатила, не беспокойтесь.

— А где Фира?

— Ах, вы же не знаете! Фира уже замужем. Вы представляете, я буду дедушкой.

Циппельман проводил Андрея до двери, помахал оттуда тете Мане и крикнул:

— Может, все же чашечку кофе? По-варшавски!

Когда вошли в дом и Андрей раскрыл чемодан, соображая, куда он положил подарки для тети, тетя спросила:

— А у тебя, Андрюша, есть девушка?

Спросила, как выплюнула вопрос, — видно, заготовила его заранее, готовилась и робела.

— Не бойся, жениться пока не собираюсь.

— Это было бы совершенно легкомысленно.

Андрей достал конверт с тетиными переводами и протянул ей.

— Это что такое? Подарок?

— Открой.

В конверте лежало шестьдесят рублей. Тетя пересчитала их и ничего не поняла. Андрей, гордый самостоятельностью, принялся объяснять, тетя подняла скандал из-за возвращенных денег, потом вспомнила, что Андрей голодный. За обедом она говорила без умолку, все больше о своих делах — с недавних пор она ведала городскими приютами и была преисполнена гордыней, которую старалась не показывать, и оттого гордыня была совершенно очевидна. А об отчиме она ничего не знала. Раз он прислал с оказией мешок миндаля, до которого тетя была большой охотницей. Андрей подумал, что это сделала Глаша.

В комнате было темно, снег все сыпал, тетя зажгла керосиновую лампу — до Глухого переулка электричество еще не добралось.

После обеда Андрей отказался спать, пошел к Беккерам. Их домик покосился еще более, калитка висела на одной петле. Во дворе была грязь, пришлось идти по доске, проложенной до двери.

В прихожей пахло лекарствами и чуждым этому аккуратному дому запахом русской непроветренной избы. Андрей постучал, в ответ кто-то начал кашлять. Потом кашель приблизился, дверь открылась — за ней стоял на костылях старый Беккер. Лицо его было сизым, длинный нос распух, будто он долго плакал. Он не сразу узнал Андрея и сначала даже испугался его форменной шинели, в чем наивно признался.

— Все жду, что описывать имущество придут. Ты — Берестов Андрюша, Марии Павловны сын? Ты к Коле?

Беккер запамятовал, что Андрей приходится племянником Марии Павловне. Он стоял в дверях, забыв, что надо пропустить гостя. За его спиной раздался голос Ниночки — младшей сестры Беккера, такой же длинноносой, бледной и обреченной остаться старой девой, если, конечно, не найдется для нее такого же скучного и непритязательного мужа, как собственный папа.

— Андрей, заходи же, чего ты стоишь. Папа, посторонитесь, вы мешаете.

Нина протянула длинную белую руку и протащила Андрея в щель между замершим отцом и стеной.

— Раздевайтесь, — сказала Нина. — Вы совсем промокли.

— Нет, я только из дома.

Нина забрала у Андрея зонт и шинель. Отец опомнился, подошел ближе.

— Я Колю позову, он будет рад, — сказал он.

И, не дожидаясь ответа, тяжело заковылял в глубь дома.

Нина стояла, безвольно опустив руки, лицо у нее было виноватое.

Андрей украдкой осматривался. Дом Беккеров всегда был беден, но за последние месяцы он пришел к тому же в полное запустение.

— Мама болеет, — сказала Нина, перехватив взгляд Андрея. — И папа совсем плох. А я даю уроки, и все хозяйство на мне, простите, что у нас беспорядок.

— Мы всегда были на «ты», — сказал Андрей.

— Судьба заставляет нас изменять своим правилам, — сказала Нина поучительно. — Она несправедлива к нам.

— Ничего, — сказал Андрей. — Коля скоро кончит университет, будет хорошо зарабатывать, да и ты выйдешь замуж.

— Мы никому не нужны, Андрей, — сказала Нина твердо. — Господь отвернулся от нас.

Это звучало, как в романе из «Нивы».

В комнату вошел Коля.

— Извини, что я не услышал. Я писал письмо.

Некогда красивое, высокое, до потолка, трюмо было засижено мухами, и верхний угол его был затянут паутиной. Сверкающий порядок, что раньше царил в этом доме, поддерживался Елизаветой Юльевной, матерью Коли.

— Что с мамой? — спросил Андрей.

— Плохо, — сказал Коля.

Коля провел его через большую комнату, где на диване уже лежал, посапывая, его отец — непонятно, когда он успел заснуть, — из комнаты вели две двери: одна в спальню, где обитали Нина и Елизавета Юльевна, другая в комнату Коли. Дверь к маме была открыта, оттуда донесся стон, и Ниночка поспешила туда. Коля быстро подтолкнул Андрея к другой двери, закрыл ее за собой.

Комната Коли не изменилась, только была не убрана и казалась нежилой. Коля показал Андрею на стул, а сам сел на кое-как застеленную койку. На письменном столе лежали исписанные цифрами листы бумаги. Полка с книгами, такая знакомая, потому что Коля в свое время давал Андрею стоявшие на ней томики Буссенара и Жаколио, опустела и накренилась.

— Прости, — сказал Коля, — но так вот мы живем. Ты увидел меня в трудный день.

— А что с мамой?

— У нее подозревают рак, — сказал Коля. — Она мучается болями. Но, к сожалению, у нас нет возможности купить лекарств.

— Я постараюсь помочь, — сказал Андрей.

— Я не хотел просить тебя о помощи.

— Я поговорю с тетей Маней. У них в ведомстве есть деньги на такие цели.

— Ни в коем случае, — резко сказал Коля. — Лучше умереть с голоду.

— Что ты говоришь!

— Завтра весь Симферополь будет знать, что мы нищенствуем. Подумай, как это отзовется на Нининой судьбе.

— Ладно, — сказал Андрей, — подумаем. Расскажи о себе. Как твоя Альбина?

— Ахмет рассказал? — Коля насторожился.

— Он мне смешное письмо прислал.

— Ахмет все неправильно понял, — сказал Коля. — Он всегда был шутом и останется им. Но шутить можно за свой счет, но не за счет товарищей.

— Он ничего плохого не написал.

— По глазам твоим вижу, что написал! А мною руководило лишь чистое чувство, клянусь тебе!

Коля вскочил с койки. Старые пружины взвизгнули. Он подошел к окну и отодвинул в сторону горшок с засохшим цветком. Он молчал. Из соседней комнаты донесся стон, потом голоса.

— Тебе, который может пользоваться благодеяниями отчима, не понять, что такое безысходность, — сказал Коля наконец.

Андрей видел его широкую спину, небольшой, хорошо подстриженный затылок и тонкие, алые на просвет уши.

— Мне не к кому обратиться даже за сочувствием, — сказал Коля. — Ахмет ничего не поймет и будет смеяться... Я все потерял! И ты более других можешь презирать меня.

Почему-то Андрей подумал в тот момент о десятке, которую Коля так и не отдал Ахмету. Тетя Маня панически боялась любых долгов. Может, какой-нибудь из ее предков попал в долговую яму, может, она запомнила уроки, вычитанные из французских романов, но она была убеждена и убежденность эту передала Андрею, что порядочный человек скорее умрет, чем не вернет долг.

— Ты же понимаешь, — продолжал Коля, — что я не мог прожить в Петербурге на двадцать рублей, которые присылала мать?

— Не мог.

— Наш наивный друг Ахмет, который умудрился прокутить две тысячи за несколько недель, решил, видно, что я намерен сесть на шею Калерии Иосифовне.

— Какая еще Калерия Иосифовна? — спросил Андрей.

— Дама, у которой я снимал квартиру. Тебе я могу сказать: она была уверена, что я — сын барона и состояние моего отца велико. Она готова была отдать за меня Альбину. Но моя печальная тайна раскрылась, я был изгнан из числа претендентов.

— Ой, горе мое! Ну сделай что-нибудь! — закричала за стенкой мать.

— Пошли к Циппельману, — сказал Коля. — Больше сил нет терпеть.

Андрей был рад уйти.

Нина вышла их проводить и сказала:

— Коля, постарайся, я тебя умоляю, постарайся достать опия. Хоть несколько капель.

— Я спрошу у тети, — сказал Андрей.

Снег перестал, облака разбежались, но сразу похолодало и поднялся пронизывающий ветер. Они шли быстро и почти не разговаривали.

— Ты не был больше в Ялте? — спросил Андрей. Не хотел спрашивать, но вопрос сам сорвался с губ.

— Зачем? — спросил Коля. — И откуда у меня деньги для таких путешествий?

— И девушек больше не видел?

— О, далекое детство! — вдруг засмеялся Коля. — Я помню, как ты пытался уплыть с Лидочкой в Турцию. Какое это было светлое время!

Циппельман встретил их радостно. В кондитерской было жарко, круглый, с залысинами лоб Циппельмана блестел, как смазанный жиром.

— Какая радость! Вторая встреча. Вам понравился мой торт? Я сам его делал.

— Мы его будем есть с чаем, — сказал Андрей. — Вечером.

— Правильно. Это именно вечерний торт. А сейчас будем пить кофе?

— С коньяком, — сказал Андрей. — На улице такая погода.

— Именно что такая погода. Если бы я не был так занят, я бы обязательно сам выпил рюмочку. Я ужасно беспокоюсь за Фиру. Там в Керчи такие ветры, такие ветры!

Они сели в углу, за свой столик. Циппельман принес кофе, коньяк и фотографию Фиры с ее мужем, типичным громилой.

— Вы не думайте, что он грубый, — сказал Циппельман. — У него сердце ягненка.

В кафе вошли замерзшие реалисты. Циппельман побежал делать им чай с вафлями.

Резким театральным движением Коля поднес к губам рюмку и выпил коньяк, как извозчик пьет водку.

— Все время хочется напиться, — сообщил он. — Но я не хмелею.

Андрей отхлебнул кофе. Он понимал, что ему предстоит выслушать исповедь приятеля, втайне мечтая, чтобы случилось небольшое землетрясение, которое отвлекло бы Колю от рассказа. Но землетрясений в Симферополе не бывает...

— Я был слишком доверчив. — Коля поправил прядь, упавшую на лоб. — Я доверился судьбе. Чувство, которое я испытывал к Альбине, было настолько глубоким и чистым, а она сама тянулась ко мне, как лиана тянется к стволу...

Баобаба, чуть не подсказал Андрей и понял, что рискованность сравнений и заставила замолчать Беккера.

— Пальмы, — закончил фразу Коля и помахал пальцами Ципе, словно половому. — Еще коньяк!

Реалисты обернулись как по команде.

— Сейчас, Коля, — отозвался Циппельман, — одну минутку, мой мальчик.

Чем испортил все представление.

Коля смешался, вытащил бумажник с золотой монограммой, из него — маленькую фотографию-визитку смазливой девицы. Андрей понял, что это Альбина, Коля перевернул визитку. Там было написано мелким и аккуратным почерком: «Дорогому Николаю на добрую память о наших встречах. Альбина Ч. 12 октября 1913 года».

— Красивая, — сказал Андрей. Ему приходилось так рассматривать фотографии младенцев, которые таскают с собой бабушки — приятельницы тети Мани, но фотографию возлюбленной ему показали впервые.

Циппельман принес коньяк для Коли.

— Свадьба была назначена на ноябрь, — продолжал Коля, когда Ципа отошел. — Мы даже договорились, что от моих родственников приедет только Нина — родители больны. И тут моя потенциальная теща получила анонимный донос.

— О чем?

— О том, что я — нищий, что я не фон Беккер, а сын железнодорожного кондуктора, что у меня нет ни гроша за душой... что я авантюрист и самозванец!

Последние слова Коля, увлекшись, произнес громко, и реалисты вновь обернулись.

— А кто написал? — спросил Андрей, стараясь выразить сочувствие, чтобы ни в коем случае Коля не услышал его внутреннего голоса, который, не скрывая торжества, воскликнул: «И поделом тебе, проходимец!»

— Откуда я знаю? Она мне не показывала.

— А может, не было никакого доноса?

— Как же она тогда узнала?

— Вполне естественно... она навела справки о будущем зяте!

— Здесь? В Симферополе? Почему?

— Это бывает с тещами, — сказал Андрей, и ирония Колю покоробила.

— Есть вещи, над которыми не шутят, — укорил его Коля.

— Не такая уж трагедия, — сказал Андрей. — Мы же не в семнадцатом веке живем. Ты ее любишь?

— Безумно!

Реалисты как раз вереницей покидали кафе, дожевывая вафли. Видно, у них начинался урок. Проходя, они внимательно рассматривали Беккера.

— А она тебя?

— Раньше я полагал, что наши чувства взаимны. — Коля понизил голос.

— Возьмите и обвенчайтесь, — сказал Андрей.

— Исключено.

— Почему же? Вы цивилизованные люди.

— А деньги? Ты не представляешь, в каком я положении!

— Ты знаешь такую древнюю формулу: рай в шалаше?

— Не будь наивным, Андрюша, — сказал Коля. — И не испытывай мое терпение. Альбина воспитана не для того, чтобы жить в шалашах. Впрочем — это все в прошлом...

Циппельман принес горячий кофе. Коля сидел, упрятав голову между кулаками, упершись локтями в стол. Циппельман ничего не сказал, только сокрушенно покачал головой так, чтобы Андрей это видел. Андрей молчал, потому что ему было нечего сказать: он предложил Коле выход из положения, Коля его не принял.

— Жизнь, я тебе скажу, — продолжил свой монолог Коля, — очень сложная и гадкая штука. И я — далеко не идеал. Я мечтал вырваться из нищеты, я мечтал помочь моим родителям, Нине... Для этого я пошел на хитрости. А Альбина, должен тебе сказать, знала правду и разделяла мою точку зрения. Но моя трагедия заключалась в том, что я должен был соответствовать образу состоятельного молодого человека. — Коля криво усмехнулся. — И это требовало денег. Я должен был делать скромные, но недешевые подарки будущим теще и тестю к дню ангела, я должен был покупать билеты в театр... я должен был одеваться по-человечески, наконец!

— И много ты задолжал? — спросил Андрей.

— Не так много... чуть больше тысячи.

— Ого!

— Ужас в другом — ты знаешь, откуда эти деньги?

— Ты их украл? — прошептал Андрей.

— Нет, не бойся. Но я заложил драгоценности мамы. Семейные драгоценности.

Теперь они говорили совсем тихо, сблизив головы, как заговорщики.

— Мама в угрожающем состоянии, — продолжал Коля. — Она ждет смерти. Меня вызвала Нина... Нина требует, чтобы я немедленно выкупил драгоценности.

— Она знала?

— Как бы я это сделал без ее согласия и помощи?

— А теперь мама может их попросить?

— Она уже просила. Она составила завещание, но требует, чтобы мы взяли шкатулку из банка и принесли.

— Когда?

— У меня осталось два или три дня. И нет выхода... Я буду вынужден покончить с собой.

— Ну уж до этого не дойдет! — сказал Андрей.

Коля обиделся:

— Я уйду.

Но никуда не ушел.

Время тянулось медленно — часы над стойкой постукивали маятником. Андрюша считал секунды.

«А он и не думает о Лиде, — сказал себе Андрей. — Ему и дела нет до нее. А я старался быть благородным. И отказывался видеть ее». Андрей не чувствовал, что лукавит перед собой.

— Мне не к кому обратиться, кроме тебя, — неожиданно сказал Коля. — У меня мало друзей, а друзей со средствами нет вовсе.

— Но чем я тебе могу помочь?

— Мне нужна тысяча рублей. Только одна тысяча, Андрюша. На год. Даже меньше, на полгода. Если хочешь, с процентами. Но ведь ты не возьмешь с меня процентов, правда? Только нужна полная, абсолютная тайна!

— Но у меня нет тысячи рублей!

— Ты мне говорил, что отчим открыл счет на твое имя.

— Я не могу распоряжаться счетом до совершеннолетия! Пока что я получаю только проценты. Их мне хватает на жизнь, но, честное слово, ничего не остается. Я сейчас купил билет сюда, кое-какие гостинцы, и все — я чист и гол до Нового года.

— Но твоя тетя...

— Коля, ты же знаешь, что тетя получает жалованье...

— Андрей, ты должен что-то придумать! Если ты этого не сделаешь, я застрелюсь. Это вопрос чести.

Коля обессиленно откинулся на стуле, будто пробежал целую милю. Он закрыл глаза.

— Так я и знал, — сказал он, словно Андрей отнял у него тысячу рублей, вытащил из кармана. — Так я и знал... — Он поднес руку ко лбу. Это было изящно, но Андрею жест показался слишком театральным.

— Вам подать еще чего-нибудь, молодые люди? — спросил Циппельман, не подходя из деликатности близко.

— Нет, спасибо, — сказал Андрей. — Мы сейчас уходим.

Коля поднялся, как будто эти слова были командой. Не глядя на Андрея, подошел к круглой вешалке, взял свою шинель и, не надевая фуражки, пошел к выходу. Андрей задержался, расплачиваясь.

Пасмурный день перешел в тоскливый зимний вечер. На Пушкинской зажглись желтые фонари. Люди спешили домой со службы, и потому магазины на короткое время оживились. Коля стоял у витрины колбасного магазина. Витрина представляла собой рог изобилия, из которого сыто и не спеша вываливались колбасы и рулеты бекона.

Андрей остановился, не зная, что делать дальше. Подойти к Коле? Или тот настолько обижен, что не станет разговаривать?

— Пошли домой, — наконец окликнул он Колю.

— Я не хочу в эту юдоль скорби, — сказал Коля. — И у меня нет рубля, чтобы напиться.

— Рубль у меня найдется, — сказал Андрей, впервые в жизни почувствовав себя старше Беккера. — Но напиваться смысла нет.

— Тебе ли говорить о смысле!

Андрей вынул из бумажника три рубля и протянул их Коле.

Тот посмотрел на деньги, как на мерзкую лягушку, и неожиданно ударил Андрея по руке. Деньги упали на мокрый тротуар.

— До свидания, — сказал Андрей и пошел прочь.

Он не оборачивался и поэтому не видел, поднял ли Беккер эту трехрублевку.

Андрей пришел в себя в семинарском саду. Уже почти стемнело, и здесь фонарей было мало — до ближнего метров пятьдесят. В полутьме голубела мокрая скамья. Андрей дошел до нее и, обессиленный, сел. Его знобило. Он подумал, что в поезде он долго стоял в тамбуре, потому что в вагоне было душно. Его могло продуть. Еще не хватало пролежать в горячке все Рождество.

Два человека шли по грязной, истоптанной за день дорожке. Оба были в глубоко надвинутых на брови картузах и бушлатах, подобных морским, которые любили носить мастеровые. Андрей вдруг испугался — на версту вокруг никого. Если что — не докричишься. От этих фигур веяло угрозой. Андрей понимал — самое разумное встать и уйти. Быстро уйти отсюда. Может, даже убежать. Но с Андреем так бывало в жизни не раз — он понимал, что надо сделать, чтобы спасти себя, но не делал, замирая и стараясь переждать опасность или беду.

Мужчины замедлили шаг, подойдя к скамейке, и Андрей, глядя на них и не различая в сумерках лиц, мысленно молился: пройдите мимо, пройдите, не останавливайтесь.

Мужчины остановились.

Один из них сказал:

— Студент, закурить не найдется?

— Я не курю, — сказал Андрей.

— А ты получше посмотри, — сказал второй со смешком.

— Честное слово, я не курю, — сказал Андрей и поднялся со скамейки.

— Это мы сейчас посмотрим, — сказал первый мужчина. — Выворачивай карманы.

Андрей начал отступать от них. Он боялся повернуться к ним спиной. Мужчины шли за ним следом точно с той же скоростью, как Андрей отступал. Андрей задел каблуком камень.

— Я сказал тебе, — повторил первый мужчина негромко, — показывай, что в карманах.

Андрей запустил руки в карманы и вывернул их. Ключи и мелочь посыпались на дорожку.

— Ну, что нам с ним сделать? — спросил первый. И тут Андрей узнал его голос. Года три назад он служил в гимназии истопником, и гимназисты бегали вниз, в котельную: старшеклассники покурить или сыграть в карты, те, кто помладше, — потому что там было всегда тепло и интересно.

И это узнавание сразу успокоило Андрея. В мире, в котором он существовал, были свои порядки: в нем были и люди законопослушные, и тихие, и разбойники, и жулики, но существовала определенная установленность отношений. И еще не сказав ничего, Андрей понял, что своего эти мужики обижать не будут, даже если «свой» обозначает лишь гимназиста, которого этот истопник и не помнит. Как же его звали? Тихоном?

Теперь, когда они стояли рядом, Андрей разглядел и второго. У него было скуластое крепкое лицо, узкие губы и злые глаза.

— Не буду, — сказал Андрей. — Не буду, Тихон.

— Ты кто? — Тихон приблизил лицо — от него пахнуло водкой. — Ты кто такой?

— Я у вас в котельной все свои лучшие годы пробыл, — сказал Андрей, стараясь улыбнуться. Улыбка, правда, не получилась.

— Ах ты, мать твою! Гимназист! Из Александровской? Много вас было, разве всех упомнишь. А теперь что, в студенты пошел?

— Я в Глухом переулке живу, — сказал Андрей. — С теткой. Может, знаете?

— Кто вас всех знает, — сказал Тихон без злобы. — Они у меня, стервецы, курили. — Последние слова были обращены к спутнику, который стоял — руки в карманах бушлата — и покачивался.

— Если курили, — сказал он со злобой, — чего же он папиросу пожалел?

— А я не курил, — сказал Андрей. — И сейчас не курю. Но если вам деньги нужны, возьмите.

Тут он понял, что нетактично предлагать людям деньги, которые валяются на земле. Он опустился на четвереньки — ключи были большие, они блестели, их он нашел сразу, а монеты попали в грязь.

— Да ты чего, — сказал Тихон. — Ты ничего. Бог с ними.

Он тоже встал на четвереньки, и они с Андреем шарили руками по лужам.

— Во, — говорил Тихон. — Нашел. Двугривенный.

Его спутник стоял над ними. Ему это не нравилось.

— Пошли, — сказал он. — Штаны извозишь, мать твою.

— Не, — говорил Тихон. Он был совсем пьян. — Надо помочь. Гимназисту. Тебя как зовут?

— Андреем. Андрей Берестов.

— Как же, Андрей, Андрюша! Помню. Курносенький такой был.

Конечно же, Тихон Андрея не помнил, но теперь они были заняты общим и, с точки зрения Тихона, полезным делом.

— А много денег-то у тебя было?

— Не знаю, — сказал Андрей. — Около рубля, наверное.

— Дурак ты, гимназист. Если будешь каждому карманы разевать, не напасешься.

Тут он нашел целый полтинник, и на том они поиски прекратили, потому что второй, которого звали Борисом, хотел уйти.

Они пошли к выходу из сада все вместе. Андрей протянул Тихону мокрую ладонь, на ней было два пятиалтынных и гривенник.

— Нет, — сказал Тихон, — это ты себе оставь. У нас уже полтинник есть и двугривенный.

— Давай, — сказал Борис и взял деньги у Андрея. Что Тихону не понравилось. Он стал объяснять Борису:

— Тетка у него, в очках, Марья Павловна, я ее знаю, она к соседу моему приходила, еще на Пасху, благотворительность носила. Я ее, ей-бо, знаю, ты скажи, Андрюш, я ее знаю?

— Точно, знаете, — удивился Андрей.

— Я и говорю. Она женщина справедливая и небогатая, это я точно тебе говорю.

Борис не отвечал. Но и деньги не вернул.

Они вышли на Екатерининскую.

— Слушай, гимназист, — сказал Тихон, — пошли собачьей радости вкусим за твое здоровье. Ты не думай, у нас есть.

— Я не пойду, — сказал Андрей.

— Пойдешь, пойдешь, — сказал Тихон. — Выпьем, посидим. Надо согреться.

Через три минуты они сидели в жарком, душном и, как показалось Андрею, страшно уютном зале трактира. Половой принес штоф водки и горячей жареной чесночной колбасы.

Тихон, оказывается, теперь служил кочегаром на станции, а Борис был приезжий, из Пскова, и работал в депо. К удивлению своему, Андрей понял, что спутники его — совсем молодые, а в гимназии ему казалось, что Тихон велик и стар.

В морщинках вокруг глаз Тихона, под носом, над усами была сажа, под обломанными ногтями тоже чернота. Борис был чище, одет аккуратнее. Он был мрачен и только после второй рюмки попривык к Андрею, разговорился. Они, оказывается, готовили в депо забастовку, все продумали, а приехал из Киева эсдек Мученик и велел все делать иначе. Получилось, что теперь Борис не главный, и это он переживал. А Тихон, который Борису сильно сочувствовал, достал ему выпить, но тут у них кончились деньги, а выпить хотелось — вот и подошли к студенту. Они только и собирались рупь взять, не больше, но когда студент, то есть Андрей, стал кобениться, они на него рассердились. Так что если бы не узнавание, накостыляли бы Андрею.

Потом и Борис оттаял. Он оказался славным парнем, если бы не пил, так объяснил Тихон. Он окончил реальное училище, но потом обстоятельства не сложились, Борис не объяснил — как. Пришлось уйти в механики. Он приехал в Симферополь.

— Женить Борьку надо, — утверждал Тихон. — Ты, Андрюша, нам невесту отыщи, только с образованием. Мы теперь, сам понимаешь, к свету стремимся. Предстоят большие перемены. Ты газеты читаешь? Выберем мы Борьку в Думу от революционеров. А потом, гляди, министром станет. — Тут Тихон развеселился. А Андрей вспомнил, что у него была заначенная пятерка, на самый крайний случай. Они и ее пропили.

Ушли они из трактира, когда он уже закрывался. Все трое совершенно обнищали. Железнодорожники пошли провожать Ан-

дрея, и тому было лестно и приятно, что он идет домой с двумя такими славными парнями, которые его понимают.

Когда они вышли к Салгиру, их догнал Ахметка, который возвращался домой. Ахмет отнял его у новых друзей и помог взобраться на ломовую телегу. Тихон отдавать Андрея не желал, потому что поклялся сдать его с рук на руки Марии Павловне, но Ахмет, когда узнал об этом благородном плане, вправду испугался, он представил себе, что подумает тетя Маня.

Андрей заставил Ахмета остановиться, не доезжая до дома, потому что ему надо было излить душу единственному другу, и тот послушно остановился, только заставил сначала Андрея застегнуть шинель и надеть измаранную в грязи фуражку.

Андрей рассказал ему все о Коле Беккере, и своей безответной любви к Лидочке, и о том, что он намерен завтра же ехать к Сергею Серафимовичу и просить тысячу рублей, потому что хоть Коля и подлец, но ему надо помочь, потому что жалко Нину, на которой никто не хочет жениться, и Елизавету Юльевну тоже жалко, Андрей вспомнил, что обещал принести Беккерам опий, но Ахмет сказал, что все возьмет на себя.

Тетя Маня не спала и сидела у окна, в ужасе ожидая вестника, который сообщит ей о гибели Андрюши. Она была так рада тому, что Андрей жив, что вовсе не рассердилась и сказала Ахмету, что каждый мужчина должен несколько раз согрешить таким образом, потому что в этом есть трудности возмужания. Ахмет сказал, что у него такой трудности нет, потому что он правоверный мусульманин.

Ахмет не доставил тете Мане дополнительных страданий и не рассказал о компании, в которой согрешил ее мужающий племянник. Сказал, что тот встретил товарищей по классу, а так как сильно устал с дороги, то оказался слаб.

* * *

Утром Андрей долго лежал, стараясь сообразить, что же вчера произошло. Его мозг, намеренный, видно, оберегать своего хозяина от излишних травм, сначала вспомнил, как тот общался с железнодорожниками, и долго не отдавал ему память о беседе с Беккером. Об этом Андрей вспомнил, лишь когда умывался, и ему стало так гадко, что он чертыхнулся. Тетя Маня услышала и пришла в негодование. Она решила поговорить с племянником, так как догадалась, что в Москве тот подвергается дурным влияниям.

Но Андрей опередил ее просьбой об опиуме для мадам Беккер, чем вызвал к жизни вспышку сочувственной деятельности тети Мани. Оставив Андрея завтракать, она убежала к Беккерам.

Тут появился Ахмет. Он отказался завтракать с Берестовым, но посидел с ним за столом и даже выпил чашку кофе. У Андрея разламывалась голова, но он был рад, что Ахмет пришел.

После завтрака Андрей почувствовал себя лучше. Он увел Ахмета к себе. Тот закурил папиросу «Сафо» и сообщил, что приучился к курению в Петербурге в тяжелые дни трат и загулов, и сказал потом:

— Я тебе друг или не друг?

— Друг, — согласился Андрей.

— Я могу достать тысячу рублей. Правда, не знаю, нужно ли это.

— Ты не веришь Беккеру? — спросил Андрей.

— Я не верю ему, но верю, что Беккеру позарез нужны деньги.

— Но если ты не веришь, зачем ты хочешь это сделать?

— Зачем от татарина логики ждать? — сказал, затягиваясь, Ахмет. — Мы в университетах не обучались.

— Мог бы уже быть в Сорбонне.

— Нет, не это мне на роду написано, — сказал Ахмет. — Образованным будет лишь мой бледнолицый друг. А мы, краснокожие ирокезы, будем темными, но богатыми.

Ахмет поднялся. Маленький, подтянутый, четкий в движениях. Из заморыша первых классов он вырос в красивого мужчину. Андрей чуть не сказал ему об этом. Потом решил, что это глупо. Вместо этого спросил:

— Откуда у тебя тысяча?

— Как ты можешь догадаться — она не единственная. С единственной я не расстался бы даже ради тебя. Адье.

Андрей проводил Ахмета до дверей, вернулся, посмотрел на часы. Было около одиннадцати. Голова болела по-прежнему. Андрей пошел на кухню, сварил еще кофе, но пить его расхотел, а решил полежать, пока не вернется тетя.

Он лег, и его снова начало трясти.

Когда Мария Павловна через час вернулась домой, он даже не смог встать, чтобы ее встретить. Тетя Маня начала рассказывать, как ужасно у Беккеров... потом осеклась, потрогала лоб Андрея и тут же притащила градусник. У Андрея было тридцать восемь и пять. Он все же простудился в поезде — или вчера в семинарском саду.

* * *

К счастью, у Андрея оказалась не пневмония, а просто жестокая простуда, которая прошла через три дня. Тетя Маня никого к нему не пускала, да и чувствовал Андрей себя так дурно, что не хотел никого видеть. Он лежал и думал, снова и снова повторял разговор с Колей и другие разговоры, которые хотел бы повторить иначе.

На третий день он решил поехать в Ялту и даже оделся, но почувствовал такую слабость, что лег снова на диван в гостиной.

Тут вернулась тетя и застала Андрея одетым. Она рассердилась, тем более что снова поднялась температура. Но Андрей так покорно съел все порошки, которые ему было положено есть, что тетя смягчилась. Она рассказала, что была у Беккеров. Елизавете Юльевне лучше не становилось, но боли мучили меньше. Тетя все хвалила Нину — какая она заботливая и несчастная. Она может стать кому-то замечательной спутницей жизни.

— А как Коля? — спросил Андрей.

— Вроде бы собирается уезжать. Ему надо в институт. Он подает большие надежды, и его намереваются оставить при кафедре. Ему очень трудно в Петербурге. Приходится работать вечерами — ведь семья ничем не может ему помочь.

Мария Павловна повторяла слова Нины.

Убедившись в том, что Андрей ухожен, тетя отправилась на какое-то дамское заседание, а к Андрею пожаловали неожиданные гости: Ахмет и Маргарита.

Сочетание было невероятным, но объяснимым.

Оказывается, Ахмет увидел Маргариту на вокзале, узнал ее и отвез до дома Спиридоновых — ее дальних родственников, к которым она приехала погостить. Маргарита, разумеется, Ахмета не признала, но когда он представился, обрадовалась и попросила помочь ей встретиться с Андреем. Уверения Ахмета, что Андрей болен, не были приняты во внимание.

За полгода, что они не виделись, Маргарита похудела, крупный нос еще более выдавался вперед из запавших щек, непослушные вороные волосы выбивались из-под маленькой шляпки, глаза сверкали из глубоких глазниц, окаймленных длинными ресницами и перекрытых куполами бровей.

Маргарита была одета дорого, модно, но неопрятно, с подчеркнутым презрением к одежде, что может позволить себе лишь весьма состоятельный человек.

— Не вставай, — сказала она Андрею.

Шляпу Маргарита снимать не стала, с Андреем она вела себя

как старая близкая приятельница и, когда он хотел поцеловать ей руку, сама поцеловала его в щеку и сказала:

— Если я заражусь от вас — придется вам за мной ухаживать.

— Нет, я его не допущу, — сказал Ахмет. — И не надейтесь.

Они уселись вокруг стола в гостиной, Андрей поставил на стол вазу с зимними яблоками.

— Вы бледный, — сказала Маргарита. — Но это вам идет. Это романтично.

— Расскажите о себе, — попросил Андрей. — Мне кажется, что я вас вечность не видел.

— Что со мной станется! — сказала Маргарита. — Все по-прежнему. Живу в Одессе, хожу в эту проклятую гимназию. Вырвалась сюда на каникулы.

— Я не знал, что Спиридоновы ваши родственники.

— Дальние, — сказала Маргарита. — Но я у них уже останавливалась раза два по дороге в Ялту.

Излишняя оживленность Маргариты была неестественна. Как и сам ее приезд в зимний Симферополь. Может, она хочет что-то рассказать Андрею, но стесняется Ахмета?

— Угощайтесь, — сказал Андрей. — Это хорошие яблоки из собственного сада. — Он показал на окно. Под ярким зимним солнцем была видна единственная тетина яблоня. — Вы в Ялту не собираетесь? — спросил Андрей.

— Я еще не решила, — сказала Маргарита. — Это зависит от моих дел.

— Какие еще дела? — возмутился Ахмет. — Какие могут быть дела?

— У каждого человека могут быть дела.

— Вы давно видели Лиду? — спросил Андрей.

— Я ее не видела с лета, — сказала Маргарита. — Но мы регулярно переписываемся. У нее все в порядке. А вы скоро выздоровеете?

— Я уже здоров.

— И намерены выходить на улицу?

— Разумеется, — сказал Андрей. — Не сидеть же мне все каникулы здесь.

— Я очень за вас рада. — Маргарита обернулась к зеркалу, что стояло в углу, критически осмотрела себя и поправила шляпу.

Андрей ждал чего угодно, только не такого светского визита. Ахмет тоже был растерян.

— Ну что ж, мне пора, — сказала Маргарита, поднимаясь. —

Я была очень рада вас увидеть. Надеюсь, что до вашего отъезда мы еще увидимся.

— Мы поедем на водопад, мы уже договорились. Послезавтра, — сказал Ахмет, и в его глазах было что-то собачье. В присутствии Маргариты он терял способность балагурить.

Дверь за гостями закрылась, впустив в прихожую жгучий морозный воздух. Андрей прошел к себе в комнату и лег. Все не так, все неладно...

В прихожей хлопнула дверь. Вернулась тетя Маня.

— Ты курил? — спросила она из гостиной. — Разве ты куришь?

Как будто это было немыслимым преступлением Андрея.

— Нет, — отозвался он. — Ахмет приходил.

Тетя возилась в гостиной, потом Андрей услышал, как она убирает со стола вазу с яблоками. Что-то зашуршало.

— Ахмет был один? — спросила тетя.

— А что?

— Он оставил тебе записку. — Тетя вошла в комнату, держа в руке клочок бумаги. — Но почему-то положил ее в вазу с яблоками и подписался буквой «М».

— Дай сюда! — Андрей вскочил с кровати как ужаленный и вырвал записку у тети.

На листке бумаги было написано:

Андрей! Если сможете, я жду вас у кондитерской завтра в четыре часа. М.

— Значит, Ахмет был не один, — сокрушенно произнесла тетя.

— А я не говорил, что он был один, — сказал Андрей.

Значит, Маргарите надо с ним поговорить. Но без свидетелей. Наверное, о Лиде. Конечно же, о Лиде!

— И не мечтай завтра выходить из дома, — сказала Мария Павловна.

— Ты же знаешь, что я совершенно здоров.

— В тебе таится инфекция. Ты хочешь слечь на месяц?

— Я здоров.

— Эта девушка... Ты с ней давно знаком?

— Давно.

— И она курит? Ты увлечен ею?

— Да нет же! — рассмеялся Андрей.

* * *

На следующий день было куда теплее. Маргарита ждала его на улице, не доходя до кафе. Солнце, хоть и клонилось уже к закату, светило по-весеннему, высушило мостовую, а уже разукрашенная елка возле магазина казалась анахронизмом. Маргарита была в синем расклешенном пальто до щиколоток. Издали она выкликнула подготовленную фразу, так что слышала вся улица:

— Андрей, в Ялте уже цветут розы. Куда мы пойдем?

— В кондитерскую вам не с руки?

— Не надейтесь, что меня можно скомпрометировать. Ваш Ахмет влюбился в меня. Он знает о каждом моем шаге.

— Он очень хороший товарищ, — сказал Андрей.

— Еще чего не хватало! — Маргарита громко рассмеялась. — Это вовсе не достоинство!

Они вышли к семинарскому саду. Тени от деревьев были длинными и черными, а там, где они пересекали сохранившиеся на траве ломти снега, тени казались сиреневыми.

— Чудесная картина. Настоящий Юон, — сказала Маргарита. — Вы любите Юона?

— Я его не знаю, — сказал Андрей.

От Маргариты исходило нервное напряжение. Если она говорила, то авторитетно и умно, если смеялась, то громче и заливистей всех.

— Вы отсталый провинциал, но именно это мне в вас нравится. В вас сохранилась странная чистота, которую не найдешь в столице.

— Я живу в Москве.

— Во-первых, вы живете там без году неделю. А во-вторых, Москва никогда не сможет стать столицей.

Они дошли до лавочки, на которой Андрей сидел три дня назад. Он бы не узнал этой лавочки, но на черной земле возле нее лежал гривенник. Наверняка это был тот гривенник, который они с Тихоном не отыскали. Гривенник лежал на орле, и потому Андрей его поднял.

— Вы, оказывается, бережливый, — сказала Маргарита.

Андрей не стал ей объяснять. Он хотел, чтобы она сама рассказывала. Это важнее.

Они пошли по аллее. Маргарита ступила на жухлую траву, подошла к старому дубу. Она протянула руку и оперлась о него.

— Андрей. — Маргарита вдруг заговорила другим, высоким, нервным голосом, будто все, что было раньше, более не играло роли. — Меня интересует, доверился ли вам Коля Беккер?

— В каком смысле? — Андрея позабавила сама форма вопроса, но Маргарита была серьезна.

— Знаете ли вы о его драме?

Андрей готов был уже ответить положительно, но тут спохватился, что в воображении Маргариты драмой могло именоваться нечто совсем иное, а не разрыв с Альбиной или денежный долг.

— Ваши колебания делают вам честь, — сказала Маргарита, не отрывая от Андрея пронзительного взгляда. — Вы не можете выдать доверенных вам тайн. Тогда я вам помогу. Наш общий друг имел неосторожность увлечься пустоголовой генеральской дочкой, которая, как, впрочем, и ее мамаша, рассчитывала, породнившись с ним, стать баронессой и владелицей замков в Курляндии. Когда они выяснили, что Коля гол как сокол, они безжалостно выбросили его из дома. Он же, истратив на них более тысячи рублей, оказался в безвыходном положении. Как вы видите, я все знаю.

— У Коли тяжело больна мама, — сказал Андрей.

— И это мне тоже известно! — Маргарита резким движением руки в лайковой перчатке отмела это известие, как не имеющее большого значения.

«Какая она красивая некрасивая женщина, — подумал Андрей. — В ней все преувеличено — и черты лица, и формы тела, и чувства, и слова. Но всеобщая несправедливость вмешалась и здесь. Ахмет поражен необычностью Маргариты и готов поклоняться ей, а Коля, в которого Маргарита, без сомнения, влюблена, предпочитает ей белокурую куколку. Колю она пугает... а меня? Меня тоже», — признался себе Андрей.

— Я привезла Коле деньги, — сказала Маргарита. — Но я не могу их ему передать. Он их у меня не примет. Он горд.

Воронье громко кричало в голых ветвях, собираясь на вечернее собрание. Солнце быстро клонилось к вершинам деревьев.

Андрей знал уже, что Маргарита сейчас попросит его передать деньги Беккеру и больше им не о чем будет говорить. Он испугался, что не успеет узнать о главном, и совсем не вовремя спросил:

— А как же Лида?

— Это же средневековая история! — воскликнула Маргарита, не скрывая снисходительной улыбки. — Полгода назад вашему ветреному другу захотелось соблазнить мою подружку, но я этого ему не позволила сделать. Он мог претендовать на ее тело, но никак не на руку. Кстати, она готова была увлечься вами, но вы позорно сбежали от нее на автобусной остановке.

— Где?

— Не лицемерьте, мой друг! Легкомысленное дитя любви проплакало у меня на груди всю ночь, когда вы отвернулись от нее в автобусе.

— Это неправда!

— Ах, не краснейте! Вы становитесь похожим на свеклу, и вам это не идет.

Сравнение со свеклой было неприятным, и Андрей вернулся на грешную землю.

— Вы хотите, чтобы я отдал Коле деньги?

— Да.

— И как я объясню появление у меня такой суммы денег?

— Как вам угодно.

— Он же должен будет вернуть вам этот долг?

Они стояли близко друг к другу, Андрею было видно, что глаза у Маргариты карие, а не черные, как казалось на расстоянии, а над верхней губой — нежный темный пушок.

— Он мне ничего не должен. Я его люблю. Я его люблю с первого взгляда. Вам этого, милостивый государь, не понять.

— Может быть. — Андрей пожал плечами. Ему не хотелось откровенничать. — Но что я ему скажу?

— Вы скажете, что достали эти деньги у вашего отчима. Он же богатый.

— Но я не ездил в Ялту. Он может спросить у моей тети, она скажет, что я болел.

— В Ялту можно обернуться за день. Да и не будет он спрашивать. Он будет вам благодарен на всю жизнь. Вы хотите, чтобы он был вам благодарен на всю жизнь?

— Ни в коем случае!

— Не кокетничайте, Андрей. Каждому человеку приятно быть хорошим. Ведь он просил вас, умолял.

Они покинули семинарский сад и вышли на Пушкинскую.

Смеркалось. Солнце спряталось, зажглись желтые окна в домах. Ощущение весны, столь явное днем, уже пропало. Лужи быстро затягивались хрупкой бумагой льдинок.

— А это наша гимназия, — сказал Андрей. — Мы здесь учились.

— Какая маленькая! — сказала Маргарита. — А это ваша церковь?

— Гимназическая. Но она и приходская.

— Я пойду туда завтра, завтра ночь перед Рождеством. Я люб-

лю Рождество. Даже больше Пасхи. Только не здесь и не в Одессе. Рождество надо встречать в Москве, в настоящей России.

— А что делает ваш отец? — Андрей был рад перевести разговор на иную тему, хоть и понимал, что Маргарита все равно добьется своего, а отступать ему некуда.

— Мой папа, — она сделала ударение на последнем слоге, — судовладелец.

— У него есть собственные пароходы?

— Один пароход. Но у него много грузовых судов. Андрюша, мы с вами отвлеклись от основного. Мне хотелось бы, чтобы вы сделали все сегодня.

— Но уже поздно.

— Не говорите глупостей. Со мной гулять вам не поздно, а спасти друга — вам поздно? Я вот что скажу: Андрюша, вы производите впечатление нерешительного и слабого человека. Я бы никогда не смогла в вас влюбиться. И меня искренне удивляет, что Лидочка увлеклась вами.

Андрей наконец решился. В конце концов, он тоже имеет право на прибыль, раз выступает посредником в сделке.

— Простите, — произнес он хрипло. — Вы не знаете случайно...

Он запнулся, и Маргарита не смогла скрыть иронического торжества.

— Сделайте милость, — сказала она, светски улыбнувшись, — опустите руку в правый карман своей тужурки.

Андрей подчинился и вытащил оттуда сложенный листок с адресом Иваницких в городе Ялте, который незаметно положила Маргарита.

— Не надо благодарить, — сказала Маргарита. — Это в моих интересах. Я не хочу рисковать — мало ли куда бросит судьба моего нестойкого возлюбленного.

Это было признание в бессилии любви к Беккеру. Маргарита поморщилась, будто с отвращением к своей слабости.

— Пойдемте отсюда, — сказала она.

Андрей сделал было первый шаг, но Маргарита молча удержала его за рукав и передала плотный конверт.

— Здесь тысяча, — сказала она.

Они шли по Пушкинской не спеша, будто гуляли. И надо было разговаривать, но они оба были как заговорщики, расплатившиеся за убийство и потому немногословные. Будто разговор в семинарском саду отнял слишком много сил.

— А куда вы намерены поступать после гимназии? — спросил Андрей.

— Я еще не решила, — ответила Маргарита. — И не знаю, буду ли поступать.

Она угадала следующий вопрос Андрея и решительно ответила:

— Нет, я не намерена выходить замуж. Тем более за такого слабого человека, как Николай. Простите, но я знаю ему цену.

— Тогда...

— Тогда я люблю его как мужчина женщину. Как куклу, как наркотик.

Маргарита не притворялась и не кокетничала с Андреем. Так она и думала. Хотя это не означало, понимал Андрей, что она будет следовать собственным правилам в жизни. Она была и ужасно старой, на тысячу лет старше Андрея, и совсем еще девчонкой, которая начиталась сентиментальных современных романов, где царит Эрос.

— Значит, вы намерены сидеть дома и играть в любовь?

— Не будьте пошляком! Мое сердце отдано революции!

Андрей даже остановился от удивления.

— Я никогда бы не догадался.

— А никому об этом не следует знать.

— И Беккеру?

— Беккер знает. Неизбежно, что он знает. И робеет. Если бы я была обыкновенной женщиной, ему было бы легче со мной. Но он понимает, что нас разделяет пропасть. Один ее берег — его бездуховность. Другой — мой высокий идеализм.

Маргарита говорила напыщенно, словно цитировала некий катехизис.

— А зачем вам революция? — спросил Андрей.

— Вы хотите спросить, зачем революция девице из состоятельной семьи? А вспомните о Софье Перовской, об Александре Ульянове, вспомните о графе Кропоткине и Герцене — высочайшие из революционеров те, кто пришел в революцию именно по зову сердца, а не в погоне за куском хлеба.

Они миновали центр и приблизились к району Глухого переулка, когда острый взгляд Маргариты издали, за два квартала, различил Колю.

* * *

Маргарита дернула Андрея за рукав, потянула к глинобитному забору и сразу отыскала какую-то нишу.

— Вот он, — шептала она, наваливаясь на Андрея, — это сам Бог его ведет. Сейчас, сейчас или никогда. Ну иди же... как будто случайно. И сразу скажешь: вот тебя-то я и искал!

Она сильно толкнула Андрея, и тот, еле удержав равновесие, засеменил навстречу Коле. Коля был без фуражки, воротник шинели поднят. Он чуть пошатывался.

— Коля! — окликнул его Андрей. Слова, вложенные в него Маргаритой, сорвались с языка: — Вот тебя-то я и искал!

— Да? — Коля будто не сразу узнал Андрея. — Ты зачем меня искал?

Андрей полез в карман, да не в тот, ошибся. Андрей хлопал себя по карманам. От Коли пахло вином.

— Поздно, — сказал Коля. — Мама умерла.

— Что? Елизавета Юльевна умерла?

— Отмучилась. Что делать... что делать...

— Ты за врачом? Тебе надо помочь?

— Врач там, я не могу... я не могу там быть. Маму жалко.

Коля заплакал и прижался к Андрею. Усы у него были мокрыми, ледяными.

— Тебе нельзя так, — сказал Андрей. — Ты простудишься. Пошли к нам.

— Не хочу, — сказал Коля. — Не хочу. И к тебе не хочу. Ты предатель, ты не захотел мне помочь. Завтра все выяснится. Нам ее даже не на что похоронить. Что ты понимаешь в жизни!

— Коля, я как раз хотел. Я тебя искал для этого... Вот... — Андрей наконец-то нащупал пакет, и ему пришлось отстранить Колю. — Тут тысяча рублей.

— Деньги? Ты достал? Где?

— Не важно, правда же, не важно.

Коля мгновенно протрезвел. Посмотрел на Андрея с узнаванием в смягчившемся взгляде и сказал:

— Спасибо. Конечно же, спасибо. Ты оказался лучше, чем я думал.

Он резко повернулся и пошел, потом побежал обратно.

Андрей сделал шаг следом, но остановился. Маргарита выбежала из укрытия.

— Я все слышала, — громко прошептала она. — Это так ужасно. Вам надо пойти за ним. Вы должны быть рядом. Идите, идите.

И Андрей, хоть и не хотел этого, поспешил за Колей. Он не стал его догонять, а шел на некотором расстоянии, потом, чтобы отсрочить момент визита в дом Беккеров, убедил себя, что ему надо переодеться, и свернул к себе. Тети Мани не было — она-то, конечно, у соседей. Андрей неприкаянно бродил по комнатам, потом стало стыдно — Андрей спохватился, что ведет себя плохо — надо идти к Беккерам. И он пошел туда.

Колю он не видел — тот заперся у себя, в доме появились незнакомые старушки, ждали батюшку, но тот не шел, потому что приближалось Рождество и все были заняты событиями куда более радостными. Андрей помыкался в большой комнате, затем решился и увел тетю Маню, которая также не знала, что ей делать, но не смела уйти.

* * *

На следующий день Андрей не спешил к Ахмету, полагая, что тот появится сам. Но раньше, в полдень, появился Беккер.

Он был бледен, веки распухли от слез, одет он был в поношенный гимназический мундир, который был ему тесен.

Снова набежали сизые облака, грозили снегом. Коля долго вытирал ноги в прихожей, он говорил тихо и вел себя приниженно, словно был князем, давшим обет мыть ноги нищим.

— Мне некуда идти, — сказал он. — А дома нет сил оставаться. Не прогонишь?

— Я поставлю самовар? — спросил Андрей.

— Нет. Я бы сейчас выпил рюмку водки.

— Прости, ты же знаешь отношение тети к спиртным напиткам.

— Знаю, знаю. — Коля вялым движением подтвердил свои слова.

Они прошли в комнату к Андрею. Коля закурил.

— Это жизненное крушение, — сказал он тихо, — которое ниспослано мне в наказание за все...

Андрей молчал. Коле надо было выговориться.

— Я уже никогда не буду таким, как прежде, — сказал Коля. — Тебе не приходилось видеть, как умирает человек: еще мгновение страданий... жизнь не отпускает... и тут же наступает умиротворение. Ей сейчас хорошо, правда?

— Наверное, хорошо. То есть наверняка.

— Всегда нужно помнить, чем завершается жизнь. — Коля поднялся со стула, подошел к окошку. — Все наши терзания, спешка, гонка за счастьем, за деньгами... как это мелко!

— Пока живем, куда денешься, — сказал Андрей, стараясь попасть в тон приятелю. Собственные слова казались Андрею лицемерными и искусственными.

— Мама была единственным связующим звеном между мной и этим городом, — сказал Коля. — Больше меня ничего не удерживает.

— А как же Нина с отцом?

— Раньше мы все жили на пенсию отца. Вдвоем им легче.

Коля не смотрел на Андрея. Он погасил папиросу в ящике с цветком и долго вертел окурком в земле, будто стараясь закопать — с глаз долой.

— Коля, — произнес Андрей, надеясь, что Маргарита хочет, чтобы Беккер узнал правду. — Коля, деньги для тебя достала Маргарита. Она здесь.

— Ты думаешь, я не догадался! — Коля сардонически усмехнулся и произнес: — Ха-ха-ха.

— Она просила меня не говорить тебе.

— Лучше бы ты сдержал слово! Я не просил ее влезать в мои дела. Она отлично знала, что от нее я не принял бы денег, даже если бы умирал от голода. Но теперь поздно...

— За что ты на нее сердит? Она примчалась тебе помочь...

— Она хотела меня купить. Может, ты прикажешь мне теперь на ней жениться?

— Это твое дело.

— Андрей, не сердись. Я пришел к тебе как к другу. — Коля, очевидно, сделал над собой усилие, подавив гнев и вновь прибегнув к оружию смирения. — Я хочу, чтобы ты понял психологию бедного благородного человека, который может грешить и даже преступать закон, но который не может продаться! Вспомни Достоевского, с какой гениальной силой он открыл наш русский характер.

Андрей плохо вслушивался в монолог. В ушах шумело — видно, еще не до конца прошла болезнь.

Андрей думал о том, что их с Лидой ничто теперь не разделяет. Можно сесть в автобус и поехать в Ялту. Прийти по адресу Иваницких и сказать: «Можно позвать Лиду? Я ее добрый знакомый из Москвы». — «К сожалению, — ответит ее мать, — позвать Лиду я не смогу, потому что она уехала в свадебное путешествие с поручиком Банкиным». «Ах!» — воскликнет молодой человек и умрет от разрыва сердца!

Воображаемая картинка неожиданно удручила Андрея, и он понял, что единственная возможность избавиться от сомнений — ехать в Ялту. Но как поедешь, если послезавтра похороны Елизаветы Юльевны, а на следующий день он уезжает в Москву?

Остается единственная возможность — уехать завтра с утренним автобусом, чтобы возвратиться вечером. Это означает — три часа в Ялте. Более чем достаточно, чтобы увидеть человека и услышать от него, что он тебя забыл и знать не желает...

Коля, словно почувствовав, что Андрей не слушает его, за-

молчал, потом сказал, что ему надо на деловое свидание в город, и ушел. Андрей ощутил облегчение. Он стоял у окна, глядел вслед Коле, который поежился на пороге, кутаясь в шинель, и быстрыми шагами направился к воротам.

Продолжая размышлять о том, как он поедет в Ялту, Андрей рассеянно наблюдал за Колей и равнодушно отметил для себя, что, когда Беккер отворил калитку, за ней кто-то стоял, поджидая Колю. Коля, видно, не ожидал встречи и остановился, придерживая открытую калитку. Андрей узнал человека, который заговорил с Колей, — это был кочегар Тихон, можно сказать, собутыльник Андрея, — более невероятной встречи было не придумать.

После первой секунды удивления Коля явно успокоился и мирно беседовал с кочегаром. Потом опомнился, закрыл за собой калитку. Андрея подмывало пойти следом, но он удержался — это было бы неблагородно.

Он заставил себя взять с полки книгу — попались «Записки охотника», невыносимые еще с гимназических лет. Нет, он не пойдет на улицу, а заставит себя выздороветь, чтобы завтра в Ялте быть молодцом.

Отложив книгу, Андрей пошел на кухню, поставил чайник.

Время текло невероятно медленно.

Хотелось плюнуть на болезнь, выйти на мороз, отвлечься от бестолковых мыслей... Андрей чувствовал, что готов уже сдаться, даже направился к вешалке, но тут постучали, пришел опечаленный Ахмет.

Андрей, обрадованный отвлечению, поил Ахмета чаем, а тот пожаловался, что Маргарита не явилась вчера вечером на свидание, а только что, разыскивая ее, он заглянул на вокзал и там, в станционном буфете, увидел Маргариту с Колей. Они пили кофе с пирожными и мирно беседовали.

— Ты там Тихона не видел? — спросил Андрей.

— Какого Тихона?.. А, с которым ты пил и гулял?

— Да.

— Нет... впрочем, постой! Я его видел! Я его видел у вокзала! Почему ты спросил?

— Так просто, — сказал Андрей, и Ахмет обиделся, потому что понял, что Андрей от него что-то скрывает.

Значит, Маргарита все же захотела увидеться с Колей и вся история с деньгами — не более чем притворство? Впрочем, скорее, Маргарита и в самом деле не была уверена, примет ли ее возлюбленный такой дар. А он принял. И очевидно, Коля, знавший Тихона, подрядил его отыскать Маргариту.

Впрочем, если Коля захочет, сам расскажет. И пускай он любит Маргариту, Альбину, королеву французскую — кого угодно, только забудет о Лидочке...

* * *

Вечером, когда они стояли службу в церкви, где было душно и тесно, Андрей придумал предлог для поездки в Ялту, о чем сообщил тете, когда они по ночному снежку возвращались домой. Андрей сказал, что должен навестить отчима, что тот в письме просил его приехать по причине пошатнувшегося здоровья. Тетя Маня расстроилась, в чем была доля ревности, так как полагала, что о своем слабом здоровье Сергей Серафимович должен был в первую очередь сообщить ей.

А как же похороны? Ведь нельзя не проститься с Елизаветой Юльевной?

Андрей поклялся, что обернется за сутки, — ему пришлось подчиниться требованиям тети и закутаться так, словно он собирался с Амундсеном на Южный полюс. Две фуфайки и фланелевая рубашка превратили его в существо, склонное к полноте, а тужурка с трудом застегнулась на груди. К тому же Андрей волочил кожаный саквояж с подарками дяде, от которых он отказаться не смог, дабы не вызывать подозрений. Там было и черешневое варенье, и целебный мед из Карасубазара, и фунта два особенных сладостей, изготовленных какой-то бабушкой в Джанкое, которые отчим в свой последний приезд в Симферополь изволил похвалить.

Андрей вытерпел все и за свои мучения получил у тети взаймы двадцать пять рублей, которые та, лукаво улыбаясь, вытащила из привезенного Андреем конверта.

— Я рада, что ты отказываешься от развлечений ради больного отчима, — сказала она. — Ты молод и легкомыслен, но ты добрый мальчик.

Она встала на цыпочки, поцеловала Андрея в лоб, перекрестила его и тут же вспомнила, что забыла положить в сумку пакет с припасами Андрею на дорогу.

Был уже девятый час, автобус, если его не отменили из-за снега на перевале, отходит в девять. Саквояж был тяжелым, на улице скользко и еще толком не рассвело. Андрей быстро шел по улице Гоголя, моля Бога, чтобы попался извозчик и довез его до

вокзала. Но извозчиков, как назло, не было — кто выходит ранним утром в первый день Рождества? Андрею вдруг показалось, что он идет в гимназию. Именно это утреннее зябкое неуютное чувство охватило его. Саквояж показался тяжелым портфелем, а сам себе Андрей привиделся маленьким, беззащитным перед сегодняшней контрольной по геометрии.

Извозчик попался у Пушкинской. Он, видно, сам не знал, зачем выехал в такую рань, и страшно удивился пассажиру.

Автобус стоял на площади перед вокзалом, и увидеть его было радостно, словно загадал и сбылось. Если бы автобус не поехал, добираться до Ялты линейкой — потерять день.

Автобус был наполовину пуст, хоть и задержался на полчаса, так как ждал, не подойдет ли кто еще из пассажиров. Внутри было страшно холодно — за ночь мороз выспался в автобусе, и Андрей был благодарен предусмотрительной тете Мане. Через час Андрей задремал, но вскоре пришлось проснуться — подъем к перевалу был трудным, шоффэр все грозился повернуть обратно и, может, повернул бы, если бы, на счастье Андрея, среди немногочисленных пассажиров не оказался какой-то официального вида господин в шубе с бобровым воротником, которого ждали в Гурзуфе неотложные дела.

Когда автобус стал буксовать у самого перевала, пришлось всем вылезать и толкать его. Андрей согрелся, потому что толкал честно, а господин в шубе медленно ходил сзади автобуса и давал советы. Автобус пополз назад, и господина чуть не придавило. В этом была высшая справедливость.

За перевалом открылось голубое небо и совсем другая, сказочная страна, в которой господствовал зеленый цвет кипарисов и кустов туи. В Алуште на остановке пахло чебуреками, над площадью вился вкусный дымок, он смешивался с дымом татарских домиков, тянувшихся по склонам, где видны были небольшие стада овец; проехал извозчик, который вез двух франтов в белых пиджаках и канотье. Солнце припекало так, что Андрей, забравшись в автобус, снял с себя фуфайки и попытался заткнуть их в саквояж со снедью, но тот был полон, пришлось размышлять, что делать со всеми этими подарками и припасами. Но выбрасывать банки с драгоценным вареньем и конфетами было неловко.

В Ялте, куда приехали около часа, теплый воздух был напоен морской влагой, на море протяжно гудел пароход, было совершенно непонятно, как где-то еще может быть зима, Андрей проклинал тетю с ее фуфайками — он быстро забыл о стуже на перевале. Автобус должен был возвращаться в Симферополь в четыре

часа — кондуктор объяснил, что позже ехать нельзя — надо одолеть перевал до ночи. Значит, у Андрея оставалось всего три часа, чтобы отыскать и увидеть Лидочку.

Так и не решив, куда деть тетины гостинцы, Андрей пошел вниз по берегу речки между одноэтажных сонных домиков. Улица была совсем иной, чем летом, — встречались лишь местные жители, которые не фланировали, а спешили по своим делам, совершенно не ценя сказочного климата своего города и не понимая, как драгоценно зимнее теплое солнце. Лишь изредка эту деловитость нарушали одинокие фигуры в основном пожилых людей, источавшие откровенную скуку, — в Ялте селились состоятельные отставники да оставались на зиму чахоточные.

С каждым шагом запах, влажность и особый свет, исходящий от моря, как бы овладевали городом. И если бы не нелепый громоздкий саквояж, Андрей был бы счастлив.

Андрей плохо знал Ялту, а спрашивать дорогу не умел и не любил, он решил сначала дойти до моря. Может, и потому еще, что хотелось увидеть море.

Он вышел к морю у «Ореанды», и тут ему повезло. Напротив входа, где дремали два извозчика, он увидел будку, в которой читал «Русское слово» пожилой чистильщик сапог. Андрей подошел к нему, сел незамеченным на высокий неудобный стул, поставил ботинок на подставку, и только тогда, видно, почувствовав, что ему заслонили солнце, чистильщик отложил газету и достал щетки. Он был похож на пирата, может, потому, что был одноглазым и почти черным от постоянного загара.

Молча и энергично работая щетками, чистильщик порой поднимал взгляд на Андрея, вздыхал, словно видя нечто печальное, и возвращался к своему делу.

Потом вдруг громко спросил:

— Квартира нужна?

— Нет, спасибо, — сказал Андрей, — я тут по делу.

— Вижу, что по делу, — согласился чистильщик. — Девочка нужна?

Андрей улыбнулся, потому что чистильщик был крайне серьезен.

— У меня есть девочка.

— У тебя для хорошего есть девочка, — сказал чистильщик. — А я тебе для удовольствия найду. Без меня не найдешь. Которые летом приезжают, их нет. Некого ублажать. А я найду. Недорого.

— У меня к вам другая просьба, — сказал Андрей. — Вы здесь долго еще будете?

— До вечера. Куда мне деваться?

— А если я вам мою сумку оставлю? На два часа.

— Не надо, — сказал чистильщик. — От греха подальше.

— Я вам заплачу, вы не беспокойтесь.

— А если там бомба? — спросил чистильщик. Он не шутил.

— Зачем же я бомбу вам оставлю?

— Она с адской машиной, — сообщил чистильщик уверенно. — Когда князь Думбадзе обедать поедут, она и рванет.

Андрей посмотрел на свой саквояж. Чистильщик говорил так уверенно, что даже у Андрея появились сомнения в безопасности тетиных подарков.

— А вы можете посмотреть, — сказал Андрей.

— Оставляй, — сказал чистильщик. — Мне что? Бомба-момба.

Андрей расплатился с ним. Чистильщик подвинул саквояж поближе и тут же, словно Андрея и не было, развернул газету.

Андрей быстро пошел по набережной — ему было так легко, словно с саквояжем у чистильщика остался груз, как свинцовые подошвы водолаза.

— Скажите, а как ближе к армянской церкви пройти?

— За гостиницей «Франция» налево, на Садовую.

На набережной он чуть не столкнулся с отчимом. Отчим ехал на велосипеде. Он сидел в седле прямо и держал в зубах трубку. На отчиме была кожаная куртка и черная шляпа. И весь вид его свидетельствовал о полном пренебрежении к тому, что подумают о нем встречные. Он, Сергей Серафимович, был хозяином Ялты, остальные — временными и прав не имеющими гостями.

Андрей быстро отступил за толстый ствол платана.

Вид отчима сразу разбудил в нем поток воспоминаний о летних днях в Ялте, но, свернув на Садовую, Андрей в предчувствии встречи с Лидочкой сразу об отчиме забыл.

Дойдя до новой армянской церкви Рипсимэ, Андрей остановился у высокой крутой лестницы, ведущей к ее дверям, и перевел дух. Он дышал часто, но не потому, что устал от подъема, — он очень волновался. Вытащил из кармашка серебряные часы, подаренные тетей к окончанию гимназии. Половина второго. Уже полчаса, как он в городе. Осталось лишь два с половиной. И Андрей вдруг понял, как это мало — сто восемьдесят минут. А он еще не нашел Лидочку.

Он свернул на узкую, крутую Загородную улицу и сообразил, что не знает, как ему искать Лидочку. Никакого плана — до этого момента самое важное было приехать в Ялту и найти тот дом... А потом все уладится само собой. Но теперь сомнения начали

грызть Андрея. Ведь он не знает — в Ялте ли Лидочка, а может быть, уехала из города. А может, именно сейчас побежала на свидание с каким-нибудь гусаром, который готов носить ее на руках... Почему он не расспросил Маргариту!

Идя по Загородной, Андрей почему-то был уверен, что дом Лидочки Иваницкой должен быть похож на дом отчима — такой же особняк в саду. Оказалось — это двухэтажный скучный дом, по сторонам коричневой, исцарапанной двери которого прикреплены два почтовых ящика. Значит, Иваницкие снимают квартиру. А воображение Андрея рисовало картины уютной виллы, откуда выбегает собачка, а на лай из виллы выглядывает Лидочка...

Оглянувшись, будто совершал нечто недозволенное, Андрей подошел к подъезду и прочел надпись «К.Ф. Иваницкий» на правом почтовом ящике. На левом было написано «Ираклий Згуриди» и номер 1. Логика подсказывала, что Иваницкие снимают второй этаж.

Улица была узкой, по другой стороне тянулся высокий, из каменных плит забор, за которым плотным солдатским строем стояли мрачные кипарисы. Укрыться в этом переулке было негде.

Следовало спокойно войти в подъезд, подняться на второй этаж, позвонить и спросить, дома ли Лидочка. Мало ли кто может прийти к ней по делу? А если ее нет дома? Тогда надо извиниться и спросить у ее мамы, скоро ли Лидочка вернется, так как у него, Андрея, есть поручение к ней от Маргариты и он должен его сегодня же передать. А если она дома? Если она выйдет, окинет его холодным взглядом и не узнает? Нет, она, конечно, узнает его и пригласит в комнату, а рядом будет стоять ее мама, и он будет сидеть как дурак, может, даже выпьет чаю и потом будет спешить на автобус, а Лидочка вежливо попрощается с ним... И все равно глупо стоять на улице — надо подняться на второй этаж.

Андрею показалось, что за занавеской одного из окон второго этажа кто-то стоит. Стоит и удивляется глупейшему зрелищу — молодому человеку, неподвижно глазеющему в окна. Андрей расстегнул шинель, вытащил часы. Без пяти два. Он простоял у дома, так ничего и не предприняв, минут пятнадцать. Это было так невероятно, что Андрей поднес часы к уху, заподозрив их в том, что они спешат, хотя это определить на слух невозможно.

А вдруг тот, кто смотрит на него сверху, подумает, что он не иначе как грабитель, высматривающий добычу? Мысль о том,

что о нем так подумают, была столь неприятна, что Андрей быстро пошел прочь от дома. Шагов через сто он остановился, проклиная себя за малодушие. «Зачем ты приехал в Ялту? Чтобы бегать по улицам, скрываясь от собственной тени?»

Андрей снова подошел к подъезду. Дом был тих, будто в нем никто не жил. Время утекало.

Андрей заставил себя подойти к подъезду и открыть дверь. Дверь открылась с трудом и тягостно заныла. Внутри было почти темно. Стены были покрашены в сине-зеленый цвет. Наверх вела узкая деревянная лестница со стесанными ступеньками. Из-за двери первой квартиры послышался детский смех. Андрей поднялся по лестнице. Сначала ноги его двигались быстро, но на последних ступеньках они так ослабли, что он почти остановился.

Верхняя площадка была невелика. Сквозь небольшое окно на нее падал солнечный свет. На двери была табличка: «К.Ф. Иваницкий». Андрей замер, прислушиваясь. Ему показалось, что за дверью Иваницких кто-то ходит. До двери было всего три шага, и он прошел их на цыпочках. Андрей даже протянул руку к звонку, но словно какая-то невидимая стена образовалась между звонком и пальцами Андрея, и эту стену он не мог преодолеть. Андрей никогда не отличался особой робостью, и, пожалуй, такого труса он не праздновал давно. «Ну, — убеждал он себя, — ну давай же, нажимай. Ты не делаешь ничего дурного».

* * *

Рука устала бороться со стеной и упала. За его спиной кто-то приглушенно сказал басом:

— Только безумец может покупать ставриду у Кипаниди.

Андрей слетел вниз по лестнице. Хлопнула за его спиной дверь. Андрей быстро пошел по переулку, так и не сообразив, откуда донеслись так испугавшие его слова. Вернее всего — из нижней квартиры.

У армянской церкви Андрей остановился. Все вышло так по-мальчишески. Мимо прошел, не посмотрев на Андрея, горбун с тяжелой палкой. Больше никого вокруг не было. Из церкви доносилось пение.

Андрей пошел обратно к дому Иваницких, но уже без прежней решимости, потому что не был уверен, осмелится ли вновь подняться на второй этаж. Он даже стал уговаривать себя, что приехал сюда не только ради Лидочки, а хотел увидеть зимнюю Ялту, чудесное синее море. Сейчас он пойдет на набережную, сядет там на скамейку у мола и будет смотреть, как швартуется белый пароход.

С такими невеселыми мыслями Андрей, с каждым шагом идя все медленнее, добрался до дома Лидочки, и тут его окликнули:

— Андрей? Вы что здесь делаете?

Лидочка догнала его.

— Я за вами иду от самой церкви и никак не могу поверить, что это вы. Это в самом деле вы?

Андрей остановился, совершенно спокойно (по крайней мере потом Лидочка утверждала, что он вел себя не только спокойно, но даже холодно) поклонился ей и сказал, будто и не расставался:

— Здравствуйте, Лида. Я приехал.

Андрей знал, что перед ним Лида, он видел Лиду, в переулке было солнечно, но далеко не сразу он сообразил, как Лида одета и как причесана, бледная она или загорелая, — он видел лишь почти мистический факт: Лида стоит перед ним и с ним разговаривает.

— Андрей, я так рада вас видеть! — воскликнула Лида.

— Я тоже.

— Вы в Ялте по делу?

— Нет.

— А почему вы оказались здесь? Я имею в виду — почему вы здесь — я здесь живу, вот совсем рядом — видите двухэтажный дом?

— Я знаю.

— Откуда?

— Мне Маргарита дала ваш адрес.

— Маргарита? А где вы ее видели?

— Я ее вчера видел. Она в Симферополе.

— Вот этого я от нее не ожидала. Она в Симферополе, а ничего мне не сказала. И не приехала.

— А я приехал.

— Проводите меня до дома. Это не займет много времени. А если желаете, мы можем зайти ко мне. Мы с вами так давно не виделись, целую вечность. Помните, как мы к рыбаку плавали?

Нет, Лидочка совершенно не осознавала, что происходит. Она встретила Андрея точно так, как, наверное, встречает на набережной здешних приятелей. И надо было объяснить ей, что это совсем не так, что он не хочет провожать ее до подъезда, а что он не отпустит ее никуда в те два часа, что отмерены ему судьбой.

— Лида, — сказал Андрей, впервые видя, что у нее каштановые ресницы, а на радужке правого светло-зеленого глаза есть

черная точка, как родинка, и удивляясь тому, что не видел этого раньше. — Я приехал к вам ради вас, я вас искал. Я приехал, потому что узнал ваш адрес.

* * *

Лидочка уже все поняла, поняла, что он в самом деле приехал ради нее, но нужных слов не нашла, потому что сама была растеряна и даже испугана, и спросила:

— Вы к нам надолго?

Андрей помедлил с ответом, потому что сказать о двух часах было как признаться в меркантильности, в далеком и трезвом расчете. Но сказать было необходимо — иначе время пройдет так быстро, что он не успеет ничего сказать, прежде чем уйдет автобус.

— Автобус уходит с площади в четыре, — сказал он. — Мне завтра на поезд. Я к вам убежал. И никто не знает.

Она не обиделась, чего боялся Андрей.

— Вы так далеко ехали из-за меня? Из Москвы?

— Из Симферополя. Я утром выехал, а вот теперь вас нашел.

— Я так рада, что вы приехали, — сказала она, и Андрей понял, какое слово более всего подходит к Лидочке. Она лучезарная. У нее лучезарные глаза. В глазах по лампочке, и они горят.

— У вас глаза светятся, — сказал Андрей.

— Ну что вы говорите! А вы надолго? Ой, что я говорю — у вас же автобус уходит! Хотите, я вас провожу, да?

— У нас еще есть время. Целых два часа. Мы можем пойти куда-нибудь.

— Тогда вы подождите, я папку домой занесу. Я на уроке рисования была.

Тут Андрей понял, что у Лидочки в руке большая папка, а он ее не заметил. Андрей забрал папку, Лидочка, как и положено, твердила: «Ну что вы, она совсем не тяжелая», а на самом деле боялась, что мама увидит из окна, как она идет с незнакомым студентом.

Потому у самого угла Загородной Лидочка попросила Андрея подождать, пока она положит папку и скажет маме, что уходит, но Андрей не понял, разумеется, ее истинных опасений и твердил, что донесет папку до самой квартиры.

Настояв на своем, Лидочка убежала, оставив Андрея переживать счастливую встречу, а затем волноваться и чуть не сойти с ума, потому что ее отлучка затянулась минут на пятнадцать. Воображая черт знает что, Андрей не мог понять простой вещи:

сначала надо было прийти домой и сделать вид, что ничего не произошло. Рассказать о том, что было на уроке, и в ответ выслушать мамин рассказ о том, как опасно жить в Ялте, потому что в городе развелось много подозрительных людей, а один такой сегодня целый час крутился возле дома и что-то высматривал. Потом надо было случайно вспомнить, что Лида обещала отнести Ларе Шушинской учебник Иловайского и вообще замечательная погода и нечего сидеть дома, но мама тут испугалась, вдруг этот странный человек все еще ходит вокруг дома и, может быть, мама проводит Лиду до Шушинских, потому что она сама собиралась в ту сторону. Лида уже догадалась, что подозрительный человек — не кто иной, как Андрюша, и это было очень смешно, но мамины разглагольствования надо было выслушивать с серьезным видом. Потом следовало пробраться в мамину спальню и осторожно, чтобы мама ничего не услышала и не подглядела, чуть-чуть, честное слово, чуть-чуть подкрасить губы и еще чуть-чуть попудрить нос, что дома категорически осуждалось. И только затем, подождав, пока мама отвернется, пройти на цыпочках к входной двери и оттуда, уже открыв дверь, крикнуть маме:

— Ну я пошла, скоро вернусь!

И захлопнуть дверь и убежать, прежде чем мама сообразит, что Лида уже убежала.

Правда, мама на всякий случай подошла к окну и посмотрела в переулок — нет ли там подозрительного молодого человека. К ужасу своему, она увидела, что именно он стоит неподалеку от дома и глазеет на их окна. Только мама собралась бежать вниз на спасение дочери, как Лида показалась из подъезда и на бегу стала махать руками подозрительному типу, показывая, чтобы он уходил. Тот сначала не понял, а потом стал отступать. Лида добежала до него, потащила за руку прочь, взглянув, конечно, на свое окно, и маме пришлось отпрянуть от окна, так как подглядывать неловко. А раз уж Лидина мама имела некоторый житейский опыт, то она позволила себе улыбнуться и вернулась к шитью. Она знала, что поклонники порой ведут себя подозрительно для родительского глаза. И это понятно, потому что любой поклонник в душе своей вор, он надеется похитить самое дорогое в жизни — Лидочку.

Андрей хотел было встретить Лидочку укоризненными упреками, раз она бездумно тратит драгоценное время, но она подбежала к нему так радостно и потащила за руку прочь от дома, что Андрей сдержался — он был справедливым человеком и пони-

мал, что убегающие минуты — это его вина. Он слишком мало времени уделил поездке в Ялту.

Они пошли к набережной, но гулять по ней не стали — им обоим не хотелось, чтобы вокруг были люди, — а прошли дальше за порт, к совершенно пустому городскому пляжу.

Теперь, когда они остались одни и никто не мог подслушать их разговора, они все равно беседовали о всяких пустяках, как добрые знакомые. Лидочка спросила, как выглядит Маргарита и как она себя чувствует — она так кашляла в последнее время! Андрей рассказал, что она себя хорошо чувствует, потом Лидочка принялась расспрашивать о Москве, об университете и занятиях Андрея. Андрей отвечал, и внутри его тикали часы — с каждым шагом шагреневая кожа их свидания сокращалась, а ничего не было сказано. Но вместо того чтобы заговорить о важном, Андрей также задавал вопросы о ялтинской женской гимназии, так заинтересованно, будто сам собирался туда поступить. Потом они увидели смешную хромую собачку, и Лидочка рассказала, как у них месяц назад пропала кошка и мама до сих пор не может прийти в себя.

Но все изменилось в тот момент, когда они спустились по узкой железной лестнице на городской пляж. Высокая каменная подпорная стенка отделила их и море от сухопутного мира. Здесь стояла особенная тишина, которую подчеркивало шуршание зимних волн, оставивших на гальке ночью, когда был сильный ветер, гряды почти черных водорослей. Солнце здесь грело сильнее, чем на набережной, но от воды шел острый пещерный холод. На пляже осталось несколько лавочек и голые остовы от летних тентов. Не сговариваясь, они подошли к ближайшей лавочке и сели.

И замолчали.

Потом Андрей стал смотреть на Лидочку и видел лишь ее точеный профиль. Она смотрела перед собой.

— Лида, — сказал Андрей, — я решился приехать, потому что Маргарита мне рассказала...

Андрей хотел попросить прощения за то, что не подошел к Лиде на площади, летом. Но этого говорить было не надо. И Андрей понял, что не надо. Лидочка сказала первой:

— Я очень рада, что вы приехали. Я даже не надеялась на это.

— Я не знал, где вас искать, — сказал Андрей.

— Если бы я хотела найти человека в маленьком городе, я бы приехала и нашла.

— Вы не правы, — сказал Андрей. — Я же не знал, что вы захотите меня увидеть.

Лидочка обернулась к нему. Она улыбалась, но как-то странно, уголки губ книзу.

— Чтобы узнать, хочет человек увидеть или нет, надо его найти и спросить.

— Я был уверен в другом. Пока я не узнал, я был уверен.

— В чем?

— В том, что у вас роман. С Колей Беккером. Но он мой приятель. И у нас не принято вторгаться в отношения приятеля.

— Это какая-то изящная литература, — сказала Лидочка. — Как будто я уже это читала. Значит, сердце вам ничего не подсказало. Знаете, я вам сейчас расскажу одну ужасную вещь, которую нельзя рассказывать человеку, если его мало знаешь. В тот день, когда вы уезжали, я очень захотела вас увидеть. И сказать вам, что вы неправильно все понимаете. Я знала, что так вести себя нельзя, но я как будто обезумела. Это было давно, полгода назад, я еще была совсем девочкой. Я прибежала на площадь, откуда уходят линейки в Симферополь. Но вы меня не увидели. Хотя тогда я думала, что вы не хотите меня увидеть. Вам смешно?

— Нет, — сказал Андрей. — Я вас тогда видел. Но я решил, что вы ждете кого-то другого.

Андрей взял Лидочку за руку. Пальцы были жутко холодные. Ледяные. Вместо того чтобы вырвать их, как положено юной девице, Лида сказала:

— У меня всегда руки холодные. Это какая-то ненормальность.

— А у меня горячие.

— Значит, у меня сердце горячее, — сказала Лида, потому что надо было говорить, и внешняя пустота разговора никак не соответствовала его внутреннему напряжению.

— Можно, я согрею? — спросил Андрей.

— Это безнадежно, — сказала Лида.

Андрей нагнулся и начал целовать пальцы Лиды. Она понимала, что делать так не положено, она говорила быстро и бессмысленно, словно отвлекала себя от поцелуев Андрея.

— Ну вот, вы же видите, это безнадежно... Они всегда холодные. Это у меня наследственное. У папы тоже всегда холодные руки, а вот мама устроена совсем иначе, она темная и полная, а мы с папой рыжие.

— Ну вы совсем не рыжая, — сказал Андрей, не отпуская пальцев. — Вы скорее пепельная.

— Значит, серая, да?

— Я этого не хотел сказать.

Он поцеловал ее в щеку. Щека была покрыта пушком, таким нежным, что почувствовать его могли лишь губы.

— Мы совсем замерзнем, — сказала Лида. — А вы опоздаете на автобус.

— Ну и пусть.

— Я знаю, что не пусть. Если бы было пусть, вы бы мне с самого начала не сказали. У вас завтра поезд? У вас всегда завтра поезд.

— Нет, послезавтра, — сказал Андрей. — Завтра хоронят маму Коли Беккера.

— У Коли умерла мама? Не может быть!

Лидочка высвободила пальцы и отстранилась, потому что теперь нельзя было и думать о поцелуях.

— Что с ней случилось? Он, наверное, сильно переживает, да? Они ведь были с ней очень близки. Он мне рассказывал.

Андрей не знал, что рассказывал Коля о своей маме, он мог рассказать, что она герцогиня, и Андрею лучше промолчать. Но и отмахнуться от Лидочкиной искренней озабоченности было нельзя, и Андрей сказал, что Елизавета Юльевна умерла от рака и очень мучилась, а Коля приехал из Петербурга к ее смертному одру.

— Пойдемте отсюда, — сказала Лидочка. — Честное слово, я совсем замерзла. Я ведь не думала, что буду сегодня сидеть на лавочке возле моря. Вы тоже совсем легко одеты.

Они поднялись и стояли рядом, потому что уходить обоим не хотелось.

Лидочка сказала:

— Простите, — и застегнула ему верхнюю пуговицу тужурки, — у нас предательский климат, а вы поехали даже без кашне.

— Нет, я все взял, — сказал Андрей. — У меня был тяжеленный саквояж, потому что я обманул мою добрую тетю Маню.

Они пошли с пляжа, и Андрей рассказал, как он придумал визит к отчиму и как волочил из Симферополя банки с черешней, а потом отдал на сохранение чистильщику на набережной.

— Надо все-таки отнести все вашему отчиму, а то, когда он узнает, он расстроится и будет на вас сердиться.

— Еще чего не хватало! У нас с вами остался час, понимаете?

— Понимаю, — сказала Лидочка детским голосом. — Очень жалко.

— Скажите честно, — попросил Андрей. — Мне это важно знать, вы рады, что я приехал, или это вежливость с вашей стороны?

— Какой вы глупый, Андрюша, — сказала Лидочка.

Они уже поднялись наверх и остановились у парапета. Лидочка поцеловала Андрея, но получилось неловко, потому что он как раз в этот момент поворачивал голову, и поцелуй пришелся в подбородок. Андрей потянулся к Лиде, и она ударилась лбом о его нос, притом так сильно, что у Андрея слезы полились из глаз.

Обоим стало смешно, и они стояли рядом, держались за руки, как на картине Репина «Какой простор!».

Потом оба замолчали. И Андрей видел перед собой громадное темное зимнее море, над которым двигалось многообразное небо, где хватило места и грозовым тучам, и кучевым облакам, и синеве. Точно по самой линии горизонта медленно-медленно полз белый пароход с высокой длинной трубой, дым из которой тянулся, расширяясь, будто нарисованный ребенком. Слева поднималась отлогая гора, застроенная домиками и заросшая садами, из которой, как желтый палец, поднималась башня под луковкой, а направо открывался вид на Ялтинскую бухту. Стояла мирная, сказочная, добрая тишина. И Андрей сказал себе: «Вот сейчас я совершенно счастлив. Так счастлив я не был никогда в жизни. И может быть, никогда не буду так счастлив. Я должен запомнить этот момент и помнить его всегда. И это гладкое море, и бурное небо, и зимнюю зелень склона, и колокольню, и Ялтинскую бухту, и девушку рядом со мной. Я могу сейчас повернуть голову и увижу ее и могу дотронуться до ее холодных и самых красивых в мире пальцев».

Андрей повернул голову. Лидочка смотрела на него.

— Вы знаете, что я загадала? — спросила она.

— Знаю, — сказал Андрей. Он был совершенно убежден в том, что она думала о том же, что и он. И точно так же, как он.

А Лидочка загадала совсем другое. Она загадала, что если первой встретится им женщина, то она выйдет замуж за Андрея. А если мужчина, то роман их закончится трагически.

Когда они отошли от парапета, то увидели издали велосипедиста. Андрей резко отвернулся и стал смотреть в море. Велосипедист — высокий худой старик в шляпе и с трубкой в зубах — ехал, глядя прямо перед собой. К багажнику велосипеда была привязана стопка книг. Он кинул рассеянный взгляд на хорошенькую девушку у парапета и отвернувшегося студента, потом свернул в переулок.

— Вы видели, кто это был? — спросила Лидочка. — По-моему, это ваш отчим.

— Да, — сказал Андрей. — Он уехал?

— Да, он уехал. Пошли?

— Вы почему расстроились?

— Я? Расстроилась? Ничего подобного. Мне вас стало жалко. Из-за меня вы вынуждены скрываться от собственного отчима.

Лидочке стало грустно, что их роман завершится трагедией.

Солнце садилось, тени стали длинными. По набережной вяло, как бы выполняя тяжкий долг, гуляли редкие приезжие.

Несколько человек стояли кучкой у мола и глядели, как швартовался пароходик «Алушта». Это был прогулочный пароходик, и его палуба была закрыта от солнца тентом. Зачем ему было ходить по морю в декабре месяце — загадка. Никто с него не сходил, и слышно было, как капитан ругает матроса, который никак не может замотать конец вокруг кнехта.

Гостиница «Мариано» была украшена гирляндами фонариков, и они зажглись, когда Андрей с Лидой поравнялись с гостиницей. Это мог быть чудесный рождественский вечер — неспешный и сладостный вечер с Лидочкой. В пустой зимней Ялте. Но Андрей даже боялся посмотреть на часы. Он понимал, что вот-вот ему придется бежать на автобус. Теперь, когда Лидочка знает, почему Андрей спешит в Симферополь, она никогда не согласится, чтобы он остался. Даже если бы он сам на это решился. В витрине магазина среди игрушек и сувениров стояла небольшая елка, увитая серебряными гирляндами. Из ресторана доносились нестройные звуки — музыканты настраивали инструменты. Зазвонили в церкви.

— И зачем только он там проехал! — сказала Лидочка.

— Я надеюсь, что он меня не узнал. Он не видел моего лица. Хотя, конечно, он такой, что мог узнать, но не остановиться.

— Тогда он тем более на вас обидится.

— Не знаю, — сказал Андрей. — Мы очень далеки.

— Вы его не любите?

— У меня нет к нему чувств.

— А я папу обожаю. Если с ним что-то случится, я не переживу.

— А я не знаю моего отца. Тут какая-то тайна. Даже тетя никогда мне не рассказывала о нем. С ним что-то случилось, и мама вышла замуж за Сергея Серафимовича, когда мне было меньше года.

— А потом?

— Она тоже умерла. И меня взяла тетя. Моя тетя — чудо.

— Вы с ней живете?

— Да. Она служит по ведомству императрицы Марии Федо-

ровны. Она все время о ком-то заботится. Я думаю, что ведомство должно ей дать медаль. На владимирской ленте.

Они поравнялись с громадным платаном.

— Пускай он будет моим свидетелем, — сказал неожиданно Андрей.

— Свидетелем? В чем?

— Этот платан прожил сотни лет. И проживет дольше меня. Он все знает и все видел. Я клянусь ему и вам, Лида, что никогда в жизни не разлюблю вас и не полюблю кого-нибудь другого. Никогда.

Лидочка не ответила. Она смотрела на платан, облетевший, но настолько богатый ветвями, веточками и сучьями, что крона его казалась почти непроницаемой.

Потом пошла вперед.

Андрей, не ожидавший этого, догнал ее через несколько шагов.

— Я не то сказал? Я вас обидел?

— Нет, — сказала Лидочка. — Спасибо. Я вам благодарна за эти слова. И я хотела бы верить. — Пепельная прядь выбилась из-под круглой суконной шапочки, и Лидочка остановилась, поправляя ее. Потом спросила: — А вы у какого чистильщика оставили вещи?

— Который у «Ореанды» сидит, одноглазый, на пирата похожий.

— Ой, я его не люблю! Он в тюрьме сидел. Говорят, что он убийца.

— Ну, нас с вами он не убьет. — Андрею трудно было вернуться к прежнему обыкновенному тону. И его немного покоробило то, что Лидочка, в сущности, ничем не ответила на его торжественную клятву.

Чистильщик сидел на прежнем месте. Лидочка не стала подходить, но он ее увидел.

— Все в порядке, студент? — спросил он. — А я уж думал, домой пойду. Замерз из-за тебя.

— Спасибо вам, — сказал Андрей. — А то мне надо на автобус. Сколько я вам должен?

— Сколько дадите, — сказал чистильщик.

Андрей дал ему рубль. Чистильщик сказал:

— Еще полтинник набрось. Я тут мерз, а ты с ней гулял. Нет на свете справедливости.

Андрей дал ему еще полтинник и получил саквояж. Пока чистильщик доставал его, Андрей посмотрел наконец на часы. Было без десяти четыре. Придется бежать.

Увидев, что саквояж у Андрея в руке, Лидочка пошла наверх

по речке. И Андрей поспешил следом. Лидочка была грустная и не смотрела на Андрея.

— Мне самому очень жалко, — сказал Андрей. — Но если я не уеду этим автобусом, то точно не успею на похороны.

— О чем вы говорите! — возмутилась Лидочка. — Разве я вас задерживаю? Я все отлично понимаю. И повторяю — я вам очень благодарна за то, что вы приехали.

Они быстро шли в гору, саквояж с каждым шагом становился все тяжелее. Хоть бросай его. Вообще-то его надо было бросить, конечно, не везти же обратно в Симферополь.

— Лидочка, — сказал Андрей, — вы не откажете мне в просьбе?

— В какой?

— Моя тетя варит чудесное варенье из белой черешни. Я вам отдам его.

— Нет, нельзя, это не для меня.

— Тогда мне придется его выкинуть.

— Если хотите, я отнесу его вашему отчиму.

— Нет, — сказал Андрей, — тогда он поймет, что я был здесь и не зашел к нему.

— Но я скажу, что была в Симферополе и вы мне передали.

— Он поймет, что вы лжете.

— Вы не представляете, какая я замечательная врушка, — засмеялась Лидочка. — Но если вам тяжело, я помогу вам нести. Давайте я тоже возьмусь за ручку.

— Еще чего не хватало, — буркнул Андрей.

Когда они вышли на площадь, было уже пять минут пятого. К счастью, автобус стоял на месте, и кондуктор сказал, что, как только шоффэр, который пошел попить чаю, вернется, автобус поедет. Пассажиров в автобусе было мало — лишь какая-то веселая чиновничья компания, которая специально ездила под Рождество к морю и теперь возвращалась в Симферополь. Чиновники принесли с собой несколько бутылок шампанского и бокалы. Они стояли в круг, чокались, и им было очень весело.

Андрей купил билет, и они с Лидой отошли к той самой скамейке, на которой Лида когда-то его ждала.

— Я оставляю банку здесь, — сказал Андрей. Он открыл сумку и вытащил банку оттуда. Черешни были золотыми на просвет.

— Хорошо, — сказала Лидочка, — я беру этот дар. Только не знаю, что сказать маме.

— Когда она отведает тетиного варенья, она поймет, что я — самый лучший и выгодный жених для ее дочки.

— Не говорите так, — сказала Лидочка.

— А у меня нет выхода, если я буду любить вас всю жизнь.

— Какой вы еще мальчик, — сказала Лида.

Она погладила его щеку, и Андрей хотел перехватить руку, чтобы поцеловать, но Лидочка убрала руку и сказала:

— Я здесь живу.

— Только не вздумайте в самом деле нести это моему отчиму, — сказал Андрей. — Он вас заколдует.

Из-под фуфайки Андрей вытащил пакет со сладостями и тоже положил рядом с Лидой на скамейку.

— Их делает одна бабушка в Джанкое, и секрет будет утерян с ее смертью.

— А почему вы сказали, что ваш отчим колдун?

— Не знаю. Но от него исходит что-то очень чужое, даже страшное. Хотя он ничего плохого мне никогда не сделал. Он помогает нам с тетей, фактически я учусь в университете за его счет. Но почему он живет в Ялте, чем занимается — не понимаю.

— Значит, он богатый?

— С одной стороны, он не очень богатый. Он живет довольно скромно. У него экономка и собака. Он разводит розы и сам давит вино. Удивительно, что мне даже нечего о нем рассказать.

— А почему с одной стороны?

— Я сам до этого лета думал, что он небогатый. А тут он меня провел к себе в кабинет на второй этаж и показал, что под половицей у него лежит шкатулка с драгоценностями. Представляете, он откидывает край ковра, вынимает половицы, и там, как в «Графе Монте-Кристо», — шкатулка и в ней драгоценности!

— А зачем он вам это показал?

— По странной причине — это мое наследство. Если с ним что-нибудь случится. Но мне нет дела до кладов, вы мне верите?

— Конечно, верю, Андрюша, — сказала Лидочка, и в слово «Андрюша» она вложила куда больше, чем подтверждение его незаинтересованности в богатстве Сергея Серафимовича.

Шоффэр поднялся в автобус и нажал на клаксон.

— Ой, — сказала Лидочка, — вам надо уезжать.

— Погодите, — спохватился Андрей, — я же забыл. У вас нет моего адреса.

Он стал шарить по карманам. Карандаша не было. Он побежал к автобусу и стал просить карандаш у чиновников. Они влезали в автобус, не расставаясь с бокалами. Они смеялись и шутили, один из них сказал, что они ненавидят карандаши и ломают, как только увидят. Карандаш Андрею дал кондуктор и пригрозил, что если он через минуту не сядет в автобус, то уедут без не-

го. Андрей написал свой симферопольский и московский адреса. Шоффэр жал на клаксон, чиновники высовывались из автобуса и звали Андрея. Андрей отдал бумажку с адресом. Лидочка подставила губы. Губы были сухие и горячие. Глаза полны слез. Андрей поцеловал ее.

— Я приеду! — крикнул Андрей. — Я обязательно приеду. Скоро!

Лидочка не отвечала. Она стояла, подняв руку.

Андрей на ходу вскочил в автобус и махал Лидочке.

Кондуктор сказал:

— Карандаш не забыл?

Автобус неуклюже уехал с площади. Лидочка стояла неподвижно. Потом автобус гуднул и, набирая скорость, покатил к шоссе.

Андрей смотрел в заднее окно, а потом уселся подальше от чиновников, которые его и не замечали. Они пели «Славное море — священный Байкал». За окнами автобуса пролетали чудесные мирные крымские пейзажи, и Андрей впитывал в себя их покой и красоту, одухотворенную тем, что в городе Ялте живет Лидочка Иваницкая.

Уже за Алуштой Андрей понял, что он страшно голоден, и вспомнил о пакете, который дала тетя. Он съел все, что было в пакете, а потом, когда автобус остановился перед перевалом, он пошел со всеми в трактир, который держал там старый грек, и напился со всеми черного кофе с чебуреками. Чиновники, которые считали его уже своим, купили бутылку коньяка, и пришлось с ними пить.

Вернувшись в автобус, Андрей понял, что стало холодно, и решил надеть фуфайки. И тогда обнаружил, что одна из двух фуфаек, совсем новая, пропала. Оказывается, чистильщик не ограничился рублем с полтиной. Но Андрей не огорчился. А потом он заснул и счастливо, без снов, проспал до самого Симферополя.

Глава 3

Июль — август 1914 г.

Весна 1914 года прошла для Андрея незаметно. Он стал членом кружка профессора Авдеева, который читал Средние века и полагал себя наставником молодежи. Старику льстило, когда кто-то из молодых прилюдно называл себя его учеником. Всю свою энергию и небольшие ораторские способности Авдеев об-

ращал в лекции, которые были популярны, хоть и перегружены восклицательными знаками. Вольнослушательница Олечка (впоследствии известная более в академических кругах как «княгиня Ольга») застенографировала курс лекций, а затем женила на себе профессора, чтобы сподручнее было редактировать этот единственный авдеевский опус.

Авдеев не печалился отсутствием у себя иных трудов, потому что увлекался археологическими раскопками стоянок ранних славян. От городища к городищу профессор самозабвенно занимался подсчетом бусинок и дирхемов, надеясь создать общую картину средневековой торговли и родить труд всемирного значения.

Вначале Андрей попал в сферу внимания мадам Авдеевой, которая по старой памяти посещала лекции мужа и подбирала ему неофитов для раскопок. Именно она обратила внимание на голубоглазого привлекательного студента Берестова, и именно по ее подсказке Авдеев велел как-то Андрею задержаться после лекции и, поглаживая аккуратно подстриженную под Столыпина бороду, пригласил в ближайшее воскресенье в Коломенское, где его соратники намеревались раскапывать курган кривичей.

Андрей не подозревал в себе археологической страсти, но отказаться от приглашения было неловко. Он был встречен весело и дружелюбно уже знакомыми между собой археологами, среди которых были студенты старших курсов (не только историки, но и правоведы, и филологи), а также уже не первой молодости энтузиасты, бескорыстно проводившие лето за летом в поле под комариный звон, ночуя в неуютных для горожанина избах, а то и в палатках, причем вовсе не важно было происхождение и имущественное состояние энтузиастов.

С осени до весны они коротали время, как подобало чиновникам, но с первой зеленью начинали ощущать непонятный непосвященному экспедиционный зуд и, презрев выгоды и приятности Гурзуфа или Мариенбада, делили труд и быт с желтопузыми студентами, гордясь не чинами, а экспедиционным старшинством, копались в пыльных недрах заросших ивняком и ельником городищ и оплывших крепостных валов. Это было содружество, подобное клубу для избранных, но куда более спаянное и патриотическое, ибо взгляды Авдеева и выводы из его раскопок не разделялись ни Уваровым, ни Анучиным, ни Готье, а соответственно — их спутниками и сотрудниками. Но авдеевцы были партией, сектой, боевой дружиной, чуждой расколов и внутренних дрязг.

Приобщение Андрея к археологии резко изменило его судьбу, потому что, будучи человеком общительным и податливым чужому мнению, он, без сомнения, примкнул бы к радикальному политическому течению. Как раз перед Рождеством его записали в партию эсдеков. Инициатива в том принадлежала Мише Богомолову, сокурснику, укорявшему Андрея в аполитичности и даже скупердяйстве. Теперь Андрей платил взносы в партийную кассу, но избегал сходок.

Археология внесла смысл и распорядок в жизнь. Каждое воскресенье авдеевцы то выезжали на пригородном поезде в окрестности Москвы, то отправлялись пешком в места, где сносили старые здания. К удивлению Андрея, оказалось, что Москва и губерния напичканы славянскими древностями, которые ждут своего открывателя.

В июле планировалась большая экспедиция в Вологодскую губернию, где были надежды отыскать следы ранних посещений новгородских торговых гостей.

Андрей, поначалу стеснительный, легко привыкал к людям и был неприхотлив. Так что он без труда выдержал негласные испытания весенних поездок, и княгиня Ольга приказала Авдееву взять Берестова в Вологду. Не любя ее и противопоставляя справедливому и доброму старцу Авдееву, все трепетали перед Ольгой, включая даже Иорданского, начальника департамента в Министерстве путей сообщения. И никто из археологов так никогда и не догадался, что в самом деле хитрый Авдеев лишь использовал жену в качестве непопулярного палача, который существует для того, чтобы народ более ценил доброту и справедливость несколько наивного и далекого от мирских мелочей государя.

В экспедиции были две девицы-курсистки, очень прогрессивные, с внутренней готовностью к чему-то высокому, напоминавшие ему тетю Маню. Одна из них, худая, нервная, страшно начитанная Матильда Поливода, влюбилась в Андрея, и ему было неловко, что за ним откровенно ухаживает некрасивая девушка, подавая повод для насмешек. Княгиня Ольга и профессор Авдеев, которые не терпели в экспедициях романов, смотрели на этот казус сквозь пальцы, так как Матильда, иначе Тилли, была замечательной поварихой, что немаловажно в любой экспедиции, а присутствие Андрея действовало на нее воодушевляюще.

Всю весну Андрей переписывался с Лидочкой.

Они договорились, что встретятся сразу, как кончатся занятия, а Лидочка, со своей стороны, сделает все возможное, чтобы уговорить родителей позволить ей подать в Московское училище

живописи и ваяния, куда начали принимать девушек. А это значило, что с осени они будут рядом.

Первые письма их были длинными. Андрей и Лида рассказывали о своих друзьях, родителях, маленьких событиях в жизни, Андрей к концу весны уже знал по именам и прозвищам всех учителей восьмого класса Ялтинской женской гимназии, а Лидочка во всех подробностях читала о воскресных вылазках университетских археологов. И обоим было приятно сознавать, что у них есть общая, никому более не ведомая жизнь. Лидочка в письме спрашивала, какую новую каверзу придумала княгиня Ольга, а Андрей интересовался, влюблена ли по-прежнему Оксана Попандопуло в учителя физики. Но ни в одном из писем, будто по взаимной договоренности, не говорилось о любви, даже само это слово как бы находилось под запретом. Люди воспитанные обмениваются письмами для того, чтобы узнать друг о друге; о любви же пишут лишь в изящной литературе. Двадцатый век — не время для Вертеров. Это не значило, что Андрей, ожидая очередного письма, как свидания, не старался по крайней мере отыскать намеки на чувство между строк или в словах вполне обыкновенных.

К лету письма стали короче. Во-первых, все обыденные темы уже были обговорены и известны. У обоих надвигались экзамены, к тому же Лидочке надо было сдать на медаль, чтобы иметь привилегии при поступлении в училище, а Андрей был занят не только занятиями, но и будущей экспедицией, тем более что хитрая княгиня Ольга ввела Андрея в комиссию из трех человек (Берестов, Тилли и Иорданский), которая должна была заниматься снаряжением для вологодского вояжа. А это, как ни покажется странным, требовало немалых усилий и времени.

В мае Андрей уже не с таким вожделением ждал писем Лидочки, сам умещал очередное послание на одной страничке и получал от Лиды открытки. Он не догадывался, что забывает Лидочку, а Лидочка не подозревала, что ее влюбленность в Андрея постепенно уходит, хотя нового достойного поклонника у нее не было, если не считать брата Оксаны, приезжавшего на Пасху в форме гардемарина.

О Маргарите Андрей узнавал из писем Лидочки лишь урывками. Причина тому была объяснима: Маргарита считала Лидочку милой простушкой, которой не положено знать о действительно серьезных делах. Лидочка лишь догадывалась о жизни подруги, но не всегда правильно. Когда она написала Андрею, что Маргарита провела весной две недели в Петербурге, Лидочка предположила, что причина тому — ее роман с Беккером, вернувшимся

в Институт инженеров путей сообщения. Андрей же подозревал, что ее поездка могла быть вызвана другими причинами. Для Лидочки было удивительным, почему Маргариту неожиданно исключили в апреле из гимназии — перед самыми экзаменами на аттестат зрелости. Что могло случиться?

Но обошлось — отец Маргариты добился, чтобы его дочь простили. Андрей подумал, как хорошо, что Маргарита не попала в бомбистки, — он явственно представлял себе, как Маргарита, сверкая глазами из-под густых соболиных бровей, поджидает на углу Дерибасовской коляску губернатора или ненавидимого революционерами полицмейстера.

Прочие новости Андрей узнавал из приходивших по средам, а значит, написанным за воскресенье деловым и подробным письмам тети Мани. Беккеры, Нина и ее отец, бедствовали. Тете Мане удалось добиться постоянного им вспомоществования через свое ведомство. Нина, к сожалению, должна была проводить все время дома, так как состояние ее отца было таково, что его нельзя было оставлять без присмотра. Тетя Маня нашла ей надомную работу — шить наволочки и обстегивать простыни для Евгеньевской больницы. От Коли Беккеры вестей почти не получали и были убеждены, что их любимец и надежда успешно учится в своем институте.

Ахмета не раз видели в подозрительной компании. По мнению тети Мани, компания была связана с какими-то политическими делами. Тетя Маня писала, что симферопольские татары создали националистическую партию, в которой заправляет некто Сейдамет. Это тетю удивило: она полагала, что татарам хорошо жить и без партий, потому что они занимаются извозом и торгуют фруктами.

Сергей Серафимович приезжал в Симферополь в марте и нанес визит тете Мане. Тетя Маня сообщила, что он постарел, еще более иссох, хрипит, покашливает, но с трубкой не расстается. Интересовался успехами Андрюши, и тетя Маня показала ему некоторые из писем племянника, особо те, в которых рассказывалось об увлечении Андрюши археологией. Письма произвели на отчима благоприятное впечатление. Глаша, по словам отчима, здорова.

На Пасху Андрей послал открытки с видами университета на Моховой отдельно Сергею Серафимовичу, отдельно — Глаше.

В мае он получил от отчима посылку. В ней лежала роскошно изданная с многочисленными гравюрами и линотипами книга Брэстеда «Древний Египет» на английском языке, которым Андрей к тому времени уже прилично овладел. Кроме того, там же были четыре томика Геродота в красивых кожаных с тиснением переплетах начала века с буквами «S» и «B» на корешках.

К посылке было приложено короткое письмо от Сергея Серафимовича, в котором тот поздравлял пасынка с успехами в занятиях и просил обязательно побывать в Ялте летом, до августа. Обязательно до августа, так как августовские события могут воспрепятствовать общению.

Андрей написал в ответ, что приедет в июле, сразу из экспедиции. Тем более что о том же был уговор с Лидочкой.

* * *

Экзамены кончились лишь в середине июня, и через четыре дня экспедиция Авдеева погрузилась в вагон первого класса вологодского поезда и направилась к цели своего путешествия — городищу неподалеку от Кирилло-Белозерского монастыря. От Вологды путешествовали далее на телегах, дорога заняла пять неспешных дней, потому что в пути останавливались в деревнях, профессор подолгу и со вкусом беседовал с местными жителями об известных им курганах либо городищах. В одной из деревень к экспедиции присоединились два бородатых палеографа, которые разыскивали в тех деревнях первопечатные и рукописные книги. Археологи купались в холодных голубых озерах и тихих речках, вечером у костра читали стихи, спорили о варягах и княжеских междоусобицах, и мало кто задумывался о тех современных политических происшествиях, которые волновали мир. И если даже и возникал разговор о тяжелом положении землепашцев, мздоимстве, а то и о немецком засилии при дворе или роли Распутина, разговор этот быстро угасал, так как профессор Авдеев умело переводил его на проблемы распространения славянских племен либо княжеские междоусобицы давних лет, доказывая, что в потоке времени нынешние политические события ничтожны и не идут ни в какое сравнение с важностью годов становления Российской империи и молодости нашего народа. Так что весь месяц Андрей прожил в некоем заповедном лесу, густая листва которого не пропускала буйных ветров, бушевавших на окрестных равнинах.

К радости археологов, первый же курган к югу от Белозерска вскоре дал удивительные и многозначительные находки. В нем обнаружилось погребение десятого века, в котором сохранилось

вооружение знатного воина, включая меч и шлем, подобного которому в России еще не было известно.

Самим фактом своего существования курган доказывал отвергаемый Спицыным факт распространения славян в тех местах, где следов этого племени быть не должно, а следовало искать могильники веси.

Вечерами, закончив труды, археологи собирались у своих палаток, где деревенскими плотниками был сколочен длинный стол и скамьи, которые позволяли вечером после чая собираться всем и при свете керосиновой лампы обсуждать интересующие всех проблемы и находки дня.

Порой молодежь разжигала на берегу длинного, полузаросшего осокой чистого озера костер и пела песни. Даже в полночь небо оставалось бесцветным, по нему медленно плыли перистые облака, и «одна заря спешила сменить другую».

Андрей пребывал в те недели в приятном ощущении важности и полезности трудов, которым он себя посвятил. Ему виделись особая значимость и глубокий смысл в отыскании в темной земле предметов древности. Странное, почти благоговейное чувство охватывало его в тот момент, когда его узкий нож наталкивался на неожиданное препятствие, и со всей возможной осторожностью он начинал очищать проржавевшую хрупкую часть упряжи либо обломок покрытого голубой привозной глазурью сосуда. Его воображение населяло этот лес и берег множеством людей, его далеких предков, живых и шумных, работящих либо воинственных, вовсе не помышлявших о старости и смерти, а то и сидящих, подобно ему, у прибрежного костра рядом с девицей в белом длинном сарафане, косы которой мягко лежат на гибкой спине. А там, где виден огонек лампы под навесом, где Иорданский спорит с профессором о возможном назначении найденной утром глиняной фигурки, должны тускло гореть окошки приземистой избушки, в которой мать девицы прядет кудель, напевая былину об Илье Муромце...

В серебряном ночном волшебстве мужчины становились романтичными и умными, а женщины — изящными и возвышенными. Даже Тилли обретала в этом воздухе гибкость и загадочность наяды.

Мир Андрея сузился, словно мир средневекового землепашца. Он ограничивался небом, озером, березняком на берегу и темным бесконечным бором, что тянулся до самого Белозерска. Но и в этом малом мире было привольно тщеславным мечтам о лаврах Шлимана или Брэстеда.

* * *

Первая мировая война была неизбежна, как неизбежен ливень, если над головой скопились облака со всей Европы. Война надвигалась молниями, сопровождаемыми ударами грома. Каждая из молний могла вызвать этот ливень, но пока — обходилось. Если дождь прорывался из облаков, то выливался где-то в стороне. В этой темной туче все время происходили сложные перемещения выгод и интересов, кипели заговоры, предательства, измены, создавались блоки и заключались союзы. Но если у участников этой деятельности не было сомнений в том, что война неизбежна, хотя до самого последнего момента число враждующих стран и их цели не были безусловно известны, то для жителей Европы и всего мира, которые разгуливали, трудились, пахали, торговали, влюблялись и умирали под невероятной тучей, обязательность всеобщей войны совсем не была очевидной. Нужды в войне, с точки зрения нормального обывателя, не было никакой, и противоречия между державами, неразрешимые для политиков и генералов, среднему россиянину или французу казались несущественными и уж по крайней мере недостаточными для того, чтобы разрешать их всеобщей войной.

Сегодня, разглядывая календарь памятных событий начала века, видишь в них последовательное движение к войне. Тогда же эти события были настолько не связаны между собой, что не сочетались в общую угрозу. Ну что может быть общего между устремлением России к Дальнему Востоку, ее активными действиями в Маньчжурии и попытками утверждения в Корее, что привело к конфликту с резвой, воинственной Японией, также претендовавшей на главенство в тех краях, с отчаянной сварой между французскими и германскими коммерсантами и генералами за город Фец и господство в Марокко? А что общего между аннексией Австро-Венгрией формально принадлежавшей дряхлой Турецкой империи Боснии и Герцеговины и, скажем, переговорами между Россией и Англией о разделе Ирана на зоны влияния? Да и что объединяет внезапное нападение Болгарии 29 июня 1913 года на своих недавних союзников по антитурецкой коалиции Сербию, Черногорию и Грецию и, скажем, провозглашение Албании королевством, во главе которого был поставлен один из мелких немецких князей?

Но все эти события и конфликты, вместившиеся в десятилетие перед началом Первой мировой войны, были предупредительными вспышками молний или шквалами, доказывавшими тому, кто хотел видеть, что ливень не за горами. Именно об этом

и предупреждал Андрея Сергей Серафимович, один из немногих людей в России, убежденных в том, что война начнется не позже осени 1914 года.

К тому времени завязалось несколько неразрешимых узлов противоречий: спор Австро-Венгрии и Сербии за гегемонию на Балканах, в котором Австро-Венгрию поддерживала Германия, а Сербию — Россия. Борьба Германии и Франции за Эльзас и Лотарингию, а также за господство в Северной Африке. На стороне Франции выступала Англия, обеспокоенная попытками Германии сравниться с Альбионом на морях, то есть поставить под угрозу раскинувшуюся на полмира Британскую империю.

В последние сто лет европейские державы делили между собой остальной мир и создавали колониальные империи. Они могли сосуществовать до тех пор, пока сохранялись возможности дальнейших завоеваний. Пока было куда направлять свои броненосцы и дивизии. Но к началу XX века спор между старыми колониальными державами, которые успели захватить самые сочные куски мира, и теми, новыми, которые опоздали к дележу, между Британской империей и Францией с одной стороны и Германией и Японией — с другой, стал неразрешим — пришла пора отнимать награбленное. Между этими двумя лагерями существовали и «промежуточные» державы, такие, как Австро-Венгрия, Россия и США. Австро-Венгрия, хоть и считалась дряхлой и беззубой, тоже спешила участвовать в переделе мира в первую очередь за счет умирающей Турции, Россия свои колонии в отличие от иных держав имела под боком и расширяла империю за счет слабых соседей. Очередным слабым соседом оказался Китай. Соединенные Штаты укреплялись в Латинской Америке и на Тихом океане, но там они столкнулись с Германией, которая все же успела захватить чуть ли не половину тамошних архипелагов, а также тихой сапой забраться в Китай.

Все были неудовлетворены своим положением, все надеялись приумножить свои богатства и ограбить соперников. Все ждали первого неверного движения этого соперника. Притом соперничающие группировки все время изменяли свой состав, и порой вчерашние лучшие друзья готовы были вцепиться друг другу в глотки.

К лету 1914 года германскому правительству казалось, что наступил выгодный момент. Успешно проходили переговоры с Англией о переделе между ней и Германией португальских колоний в Африке. Создалось впечатление, что англичане не ввяжутся в конфликт на континенте, если Австро-Венгрия нападет на

Сербию, а затем Германия втянет в войну Россию и Францию. В таком случае перевес будет на стороне Тройственного союза (то есть Германии, Австро-Венгрии и Италии). Рассуждая так, кайзер Вильгельм стал подталкивать Австро-Венгрию к тому, чтобы та ударила первой — и решительно — по Сербии.

Главным проводником идей Германии в Австро-Венгрии был наследник престола Франц-Фердинанд, хотя формально на престоле восседал его дряхлый дядя Франц-Иосиф.

В середине июня Франц-Фердинанд встретился с кайзером Германии в Конопиште. На этой встрече была решена война. Франц-Фердинанд заявил во время переговоров, что сейчас можно не опасаться России — слишком велики ее внутренние затруднения. Германский император благословил австрийцев на быстрый и энергичный удар по Сербии. Если Франция или Россия все же будут реально возражать, Германия с помощью Австро-Венгрии их быстро разгромит, тогда наступит очередь главного врага — Великобритании.

Далее Франц-Фердинанд отправился в главный город недавно захваченной Австро-Венгрией Боснии — Сараево. Там он решил провести большие маневры, буквально вызывая на конфликт Сербию.

В Сербии маневры были расценены однозначно — как провокация. По всей стране прокатились демонстрации. Но патриотическое общество «Черная рука» полагало, что одними демонстрациями с австрийской угрозой не справиться. Был замыслен террористический акт. 28 июня 1914 года гимназист Гаврила Принцип совершил покушение на Франца-Фердинанда. Эрцгерцог был убит.

Узнав о гибели своего союзника и друга, кайзер Вильгельм решил, что мертвый наследник австро-венгерского престола должен выполнить свой долг — довершить то, что не успел довершить при жизни. Именно его смерть стала формальной причиной согласованного с Германией австрийского ультиматума Сербии.

Правда, этот ультиматум последовал далеко не сразу. Гаврила Принцип убил Франца-Фердинанда в тот день, когда экспедиция профессора Авдеева покинула Вологду. В день начала раскопок завершились экстренные переговоры между Германией и Австро-Венгрией о том, как вести будущую войну. В те дни начала июля можно было себя тешить тем, что все еще раз обойдется и ливень не выльется. Последней гирькой на весах войны стал разговор германского посла в Лондоне с министром иностран-

ных дел Великобритании сэром Греем. Посол намекнул Грею, что Германия полагает необходимым проучить Сербию, пользуясь тем, что Россия столь слаба, что ее можно не принимать в расчет. Английский министр сокрушенно покачал головой и согласился с тем, что Россия очень слаба. Немецкий посол счел этот жест индульгенцией и признанием того, что Англия вмешиваться не станет. Этот разговор произошел 6 июля... В тот день на раскопках была теплая погода и потому много комаров.

20 июля президент Франции Пуанкаре срочно прибыл в Петербург. В течение трех дней он вел переговоры с русским императором и правительством. Посол Англии сообщил в Лондон, что Франция и Россия решили поднять перчатку, брошенную тевтонами.

Наконец, 23 июля последовал австрийский ультиматум Белграду. Сербию в нем обвиняли в попустительстве террористам и неумении вести свои дела, вследствие чего ей предлагалось отказаться от суверенитета и стать вассалом Австро-Венгрии.

Вечером того дня Тилли нашла шахматную фигурку, сделанную из кости. Авдеев предположил, что это моржовая кость. Значит, находка свидетельствует о связях славян с жителями Ледовитого побережья.

24 июля Россия объявила мобилизацию в Киевском, Московском, Казанском и Одесском военных округах, а также на Балтийском и Черноморском флотах. Англия хранила молчание. Сербия миролюбиво ответила на ультиматум, приняв почти все его пункты. Правительство Австро-Венгрии заявило, что не удовлетворено позицией Сербии, и 28 июля ее войска перешли сербскую границу.

Германскому и австро-венгерскому генеральным штабам ситуация казалась более чем благоприятной. Слабая сербская армия отступала. 1 августа был объявлен германский ультиматум России с требованием прекратить мобилизацию. Россия отказалась. Ей была объявлена война. 2 августа Германия потребовала у Бельгии пропустить ее войска, чтобы нанести удар по Франции, а на следующий день объявила войну Франции.

Но тут отлично продуманная Германией схема начала давать сбои... Англия потребовала не нарушать нейтралитет Бельгии. Германия в растерянности молчала — ведь Англия должна остаться нейтральной!

Не получив ответа от Германии, Англия также вступила в войну. Зато Италия, казалось бы, верный член Тройственного союза, вступить в войну на стороне Германии не пожелала.

Кайзер Вильгельм был в бешенстве. На телеграмме германского посла из Лондона об объявлении войны он написал: «Англия открывает свои карты в тот момент, когда ей кажется, что мы загнаны в тупик и находимся в безвыходном положении».

Кайзер был прав. Но его правда станет очевидной лишь через четыре года, когда Германия подпишет капитуляцию.

* * *

Прогремевший на весь мир роковой выстрел боснийского патриота Гаврилы Принципа до озера не докатился, как не докатился в свое время звон мечей и свист стрел под Грюнвальдом. Только через неделю, будучи на почте в Белозерске, Иорданский узнал об этом событии и привез последнюю вологодскую газету. Но трагедия в Сараево не оказала влияния на жизнь экспедиции, так как старик Авдеев убедил своих соратников в обыденности таких событий на бурных Балканах. Насколько Андрей не был готов к последствиям рокового выстрела, можно судить по строкам в письме Лидочке, которое он отправил через неделю и которое она получила уже после начала войны. Там Андрей написал буквально: «Как трудно здесь, в краю привольных лесов и зеленых лугов, думать, что где-то в мире прогремел выстрел и пролилась кровь на белый мундир случайной жертвы».

Лидочка получила письмо Андрея с опозданием, потому что в начале июля, за несколько дней до ультиматума Сербии, объявленного Австро-Венгрией, господин Потапов с дочерью Маргаритой, также успешно окончившей гимназию, прибыл на своем «Левиафане» в Ялту и уговорил Иваницких отпустить Лидочку с ними на Кавказ, куда пароход отправлялся по торговым надобностям. Известие о начале войны застало Лидочку в Поти.

Андрей узнал обо всем только к середине июля. Правда, к тому дню напряжение и тревога, разливавшиеся по Европе, проникали все глубже в беспредельные пространства России. Разумеется, в белозерской тиши неизвестно было о патриотических манифестациях в Петербурге либо австрийских угрозах в адрес Сербии, но даже приходившие с большим опозданием вести из Вологды несли в себе ощущение катастрофы.

Археологи в те дни трудились энергичнее, чем раньше, как бы стараясь приглушить трудом свои тревоги. Дни стояли жаркие, напоенные ароматом скошенной травы и сладких цветов, вода в озере прогрелась настолько, что даже княгиня Ольга в предвечерние часы опускала свое плотное тело в эту парную взвесь, а

молодежь спасалась в воде, подобно жеребячьему табуну, преследуемому слепнями.

Угловатая Тилли на удивление хорошо плавала, и вечером 17 июля после ужина она предложила Андрею переплыть на дальний берег озера, чтобы набрать там расцветших кувшинок.

С помощью Андрея Тилли набрала большой букет. Тяжелые плотные головы цветов свисали со стеблей, похожих на вареные зеленые макароны. Волосы Тилли были мокрые, они прилипли к худеньким плечам, и белые кувшинки, прижатые к груди, сделали ее похожей на русалочку. Андрей сказал ей, что она похожа на русалку. Тилли смотрела на него не отрываясь, на длинных, слипшихся от воды ресницах висели маленькие капельки воды. Вдруг Тилли широким театральным жестом отбросила букет в сторону и сказала:

— Потом я сплету из них белый венок.

Очевидно, это была цитата из какого-то неизвестного Андрею символиста. Тилли пошла вверх, Андрей — за ней.

— Заклание, — сказала Тилли, не оборачиваясь. — Я — древняя жертва.

Они отошли от воды, за орешник. Между ним и вековым еловым лесом тянулась узкая, недавно скошенная поляна. На краю ее стояла копна сена.

Неловко раскидывая на бегу ноги, будто никогда раньше ей не приходилось бегать, Тилли побежала к копне, с разбега упала на нее лицом и раскинула длинные руки, будто сраженная пулей. Андрей подошел и сел рядом. Матильда перевернулась на спину и зажмурилась от того, что луч солнца, опустившегося к самому лесу, ударил ей в глаза. Быстро дыша, она сказала:

— Я твоя.

Андрей наклонился и поцеловал темное от загара горячее плечо. Дрожь прошла по телу девушки, и она обхватила Андрея руками и привлекла к себе. Он целовал ее в жестко сжатые обветренные губы. Тилли стонала, отворачивала голову, царапала ему спину и шептала о судьбе, бросившей их в объятия, о вечности любви и, главное, о том, что она принадлежит Андрею, и только Андрею.

— Ты мой первый! — шептала она. — Я берегла, берегла себя, я клянусь, что сберегла себя!

Голые ноги были горячими, словно раскаленными, сено кололось, в нем почему-то было много сучков, и Андрей успел удивиться, что в такой момент думает о сучках.

Купальный костюм Матильды был снабжен множеством пу-

говичек, и Андрей старался расстегнуть их, а Матильда не помогала ему и умоляла быть с ней нежным и не презирать...

Когда она поняла наконец, что обнажена и беззащитна, то вдруг страшно испугалась и принялась отталкивать Андрея, заплакала и громко сказала:

— Ты же на мне не женишься! На таких, как я, не женятся!

Андрей молча и упрямо боролся с ее руками, с ногами, превратившись в насильника, и, поняв, что не может более противостоять его натиску, Тилли заплакала и сквозь слезы повторяла:

— Ты никогда на мне не женишься! Ты только хочешь меня обесчестить...

И в этой нелепой, пыхтящей, потной борьбе Андрей вдруг, так и не достигнув желаемого, почувствовал облегчение. Экстаз миновал, и сразу стало стыдно за себя и за эту заплаканную длинноносую интеллигентную девушку, которой из-за неопытности Андрея удалось отстоять свою честь.

Андрей отстранился от Тилли и сел, прислонившись спиной к копне. Ее обнаженное бедро было перед глазами, и Андрей отвернулся. Матильда всхлипнула и замолчала.

— Ты сердишься на меня? — спросила она через некоторое время.

— Нет.

— Ты сердишься, я знаю, ты сердишься. Я оскорбила тебя как мужчину. Я так стремилась к тебе, но не думала, что это так страшно. Ты должен понять и простить меня.

— Пойдем, — сказал Андрей. — Скоро ужин. Нас ждут.

— Ну как ты можешь говорить об ужине! Значит, ты в самом деле меня презираешь.

— Честное слово, я к тебе хорошо отношусь. Ты хорошая, и у меня нет оснований тебя презирать.

Матильда глубоко вздохнула и сказала:

— Иди ко мне. Я постараюсь быть покорной.

Андрей поднялся. Стараясь не глядеть на нее, он отошел на несколько шагов. Он услышал, как зашуршало сено. Матильда, не дождавшись его, поднялась и приводила себя в порядок.

Они вернулись в лагерь экспедиции перед самым ужином, исцарапанные сеном, искусанные комарами, опасаясь, что остальные догадаются, а княгиня Ольга выгонит их из экспедиции, как тех легендарных студентов, которые были изгнаны из авдеевского рая лет пять назад, потому что «обесчестили экспедицию».

Но никто не заметил их прихода. Потому что еще час назад в экспедицию приехал сотский из той деревни, где Авдеев нани-

мал рабочих, и сказал, что в губернии объявили частичную мобилизацию.

После этого раскопки продолжались почти неделю, но всем стало ясно, что полевой сезон завершается. Чиновники беспокоились, что их разыскивают. Иорданский на следующее утро уехал в Белозерск, чтобы узнать новости. Профессор Авдеев, к глубокой обиде, обнаружил, что его верные ученики ставят сегодняшние политические дрязги выше интересов вечной истории. Выйдя на следующее утро на раскопки, Андрей долго сидел неподвижно на краю траншеи, размышляя о тех, кто находился далеко, и беспокоясь о них, потому что воображение рисовало ему страшные морские сражения у берегов Ялты, турецкие и австрийские дредноуты, обстреливающие крымские берега. Потом он принялся за работу, ему повезло — он отыскал россыпь ржавых наконечников стрел, но эти наконечники говорили о сегодняшнем и вечном насилии, крови и жестокости войны. Он совершил непростительный для археолога проступок — засыпал эти ржавые железки землей и затоптал эту могилу. Никто не заметил варварства.

Вскоре пришла Тилли, которая принесла крынку холодного молока и кружку. Она знала, что Андрей любит молоко. Часто моргая, она смотрела на Андрея, потом набралась храбрости и прошептала, что он — ее избранник.

— Сегодня, — сказала она. — Я решилась. Я буду твоей. Сегодня. Прости меня, что я так плохо вела себя вчера.

Андрею не хотелось молока, но он выпил кружку под ее влюбленным взглядом.

— Наверное, надо будет уезжать, — сказал он.

— Я не могу думать об этом, — прошептала Тилли.

В раскоп спрыгнул палеограф Российский, увидел крынку и сказал:

— Вот хорошо. А то жара несусветная.

Трясущимися от злости руками Тилли налила ему в ту же кружку: палеограф не имел права вторгаться в мир ее мечтаний.

— Иорданский вернулся, — сказал Российский. — Теперь уже полная мобилизация.

— Это еще ничего не значит, — ответила Тилли с вызовом, будто мобилизацию Российский устроил ей назло.

— Мобилизация слишком дорого обходится государству, чтобы проводить ее ради сотрясения воздуха, — сказал палеограф. — Я пойду, Иорданский привез газеты и слухи. Говорят, что австрийские войска уже подходят к Белграду.

Он вернул кружку Тилли и полез из раскопа.

Андрей сунул рабочий нож за пояс.

— Ты тоже пойдешь туда?

Она приблизилась к Андрею так, что касалась его грудью.

Если бы не Тилли, Андрей, может быть, возвратился бы домой вместе с экспедицией. Но мысль о неизбежном развитии романа подвигла Андрея на немедленные действия.

После ужина, когда все сидели за столом и горячо спорили, но не о князе Мстиславе Удалом и даже не о варяжской теории, а о национальном характере пруссаков, которые, вернее всего, бросятся на поддержку своих родственников — австрияков, а также о несчастной судьбе южных славян, еще томящихся под гнетом выжившего из ума Франца-Иосифа, Андрей тихо прошел к себе в палатку и собрал заплечный мешок. К счастью, он не брал в экспедицию чемодана.

Когда он вышел и крадучись пошел прочь от навеса, то прощальный взгляд его, которым он обозревал склон кургана и берег озера, упал на патетическую тонкую фигурку Тилли, которая сидела на берегу и ждала своего неверного возлюбленного, видно, окончательно решив сегодня ночью пасть спелой вишней к его ногам. Андрей испугался, что Матильда обернется и его увидит.

Он нырнул в высокую палатку, где складывали на столе находки и вели их опись. Там он оставил записку Авдееву, что, к сожалению, ему надо срочно возвращаться в Москву и он, не желая смущать остальных, сделал это по-английски. Он надеется на прощение господина профессора и его супруги.

Затем он пошел по лесной дороге. Через час он миновал засыпающую деревню и вышел на большак. От шагов поднималась сладковатая пыль, звенели комары, неяркая на бесцветном небе луна часто скрывалась за быстрыми ажурными облаками.

К ночи он был в Белозерске, переночевал в маленькой двухэтажной монастырской гостинице, а на следующий день добрался до Вологды.

Там уже все было иначе. Дома были украшены флагами, по улицам ходили возбужденные люди с трехцветными кокардами в петлицах. Андрей еле достал билет до Москвы. Станция была переполнена народом, первый эшелон с новобранцами уходил на запад, играли сразу десяток гармошек, голосили бабы, гимназистки вручали новобранцам цветы. Кончалось 1 августа — в тот день Германия объявила России войну.

* * *

Андрей предполагал сразу же уехать в Симферополь, но задержался в Москве. Каждый день приходили все более ошеломительные новости. Лишь два дня отважная Россия, поднявшая голос в защиту маленькой Сербии, оставалась одна перед лицом могущественных врагов. У манифестов государя, наклеенных поверх названий опереточных спектаклей на круглых афишных тумбах, а то и на стенах домов, толпились люди. Наконец телеграф принес долгожданную весть — Россия не одинока! Через два дня Германия начала войну против Франции, и на следующий день гордый Альбион сообщил человечеству, что встает на защиту демократии и свободы против немилосердных гуннов.

Андрей, захваченный общим порывом, был в манифестации возле британского консульства и даже купил английский флажок, которым размахивал в ожидании вышедшего к русскому народу консула, забыв о прошлогоднем предсказании отчима. Страх за близких, охвативший Андрея под Белозерском, быстро миновал, потому что любому человеку было очевидно, что германцы и австрийцы перед лицом подобной боевой мощи и единения благородных наций не продержатся и месяца. Наши части уже готовились к вторжению в Восточную Пруссию, сербы отчаянно сопротивлялись, а бельгийская армия совершала чудеса героизма.

Андрей готов был по зову сердца отправиться на войну волонтером, но его усилия потребовались пока что в самом университете. В течение двух недель Андрей с другими добровольцами участвовал в оборудовании госпиталя, под который было выделено одно из университетских зданий. И работа эта была нешуточная, так как в первые же дни обнаружилось, что в бюрократической России существует громадный разрыв между благими намерениями и возможностями. Все, от железных коек до постельного белья и полотенец, надо было где-то доставать, выпрашивать, требовать, вымаливать и лишь затем привозить и устанавливать.

Тем временем Андрей направил телеграммы тете Мане и Лидочке. От тети Мани он получил ответную телеграмму:

Все благополучно. Буду работать в госпитале. Очень занята. Жду приезда. Береги себя. Твой долг учиться. Мария.

Андрей понял, что тетя боится, как бы он не пошел на фронт. Но Андрей еще не решил, как принести наибольшую пользу Отечеству.

От Лидочки ответа не было. Зато через два дня пришло письмо от Лидиной мамы. Видно, она уже знала о существовании Андрея и сочла необходимым не волновать молодого человека в столь опасное и трудное время. Евдокия Матвеевна писала, что Лидочка должна вернуться в Ялту в середине августа.

Склоняясь к мысли о том, чтобы записаться в вольноопределяющиеся по примеру некоторых своих товарищей, чтобы успеть принять участие в окончательном разгроме германских агрессоров и войти в Берлин вместе с победоносными союзными войсками, Андрей все же решил сначала съездить на родину. Ведь не исключено, что его участие в освободительной войне будет роковым и до внезапной смерти он никогда более не увидит ни тети Мани, ни прекрасной Лидочки, ни Глаши.

Не сказав никому в Москве о своем решении, Андрей с трудом раздобыл билет до Симферополя. Движение войск, припасов и оружия по стране сразу же нарушило привычную строгость расписаний, и Андрею пришлось простоять почти час в кассе Курского вокзала, прежде чем он достал билет в жесткий вагон.

Тетю Маню Андрей чудом застал дома. Она как раз забежала домой из госпиталя пообедать. Тетя располнела, серебряных нитей в ее темных волосах стало больше, ноги опухли, и при ходьбе она переваливалась, как утка. Она была безмерно счастлива его приезду, потому что ее замучили подозрения, не ушел ли Андрюша в действующую армию, где его сразит немецкая пуля.

Тетя призналась, что заготовила и хотела послать телеграмму, в которой требовала его немедленного приезда по причине своего сердечного приступа. Тетя уже три раза ходила на почту, чтобы послать телеграмму, но мысль о том, что она солжет Андрюше даже ради высокой цели, настолько была противна ее христианскому сознанию, что она в слезах возвращалась домой, так и не решившись на обман.

Несмотря на радость по поводу приезда племянника, тетя Маня, покормив его, поспешила к себе в госпиталь, где без нее никто ничего не мог сделать.

Проводив тетю, Андрей хотел было навестить сперва соседей, но, оказавшись в своей комнате, надолго задержался. Тетя, стирая там пыль, ничего никогда не трогала с места. Это был как бы маленький музей племянника. А так как Андрей и сам не любил расставаться с вещами, то, начав раскопки сначала в своем столе, потом на книжной полке и даже в сундучке под кроватью, он обнаружил много интересных вещей, о которых он давно забыл, но которые принялись, перебивая друг дружку, рассказывать о дав-

ней жизни некоего мальчика Андрюши Берестова, подобно тому, как наконечники стрел и грузила поведали о жизни славян под Белозерском.

Со снисходительным узнаванием Андрей отыскал стихи, писанные в шестом классе и посвященные девочке, которая уже года два как уехала из Симферополя, рисунок с натуры, изображавший цветущую яблоню, и другой, где рыцари подъезжали к замку. Там была тетрадка, на обложке которой было написано квадратными буквами «Дневникъ» и внутри три записи. Первая в целую страницу, следующая через неделю на два абзаца и третья, еще через месяц, с сообщением, что ничего нового не произошло. Старые учебники, книги, солдатики и самодельная пушка из ружейной гильзы, прикрученная проволокой к свинцовому лафету...

Взглянув на часы, которые сообщили, что он уже два часа занимается раскопками, Андрей сообразил, что прощался с детством, прощался с самим собой, которого порой с умилением узнавал, а иногда удивлялся или посмеивался. И еще он подумал, что если бы этими раскопками занимался не он, а, скажем, профессор Авдеев, то вряд ли он составил бы себе объективное мнение о человечке, которому принадлежала эта комната. В ней большое место занимали папки с гербариями и коробки с жуками и бабочками. Но это вовсе не означало, что в Андрюше жила страсть к энтомологии или ботанике. Папки и коробки остались от того лета, когда Сергей Серафимович пытался пробудить в Андрюше биологические наклонности и они многократно гуляли по скалам за Ялтой. Эти походы Андрею были умеренно интересны, и, привезя коллекции в Симферополь и порадовав тетушку, он сложил их в сундук в своей комнате и более к ним не возвращался. Тщательно сделанные, с настоящими реями, холщовыми парусами модели шхун и фрегатов были подарками тетиного поклонника, отставного капитана Евсея Семеновича, который лет десять назад жил по соседству и даже вроде бы просил руки и сердца Марии Павловны и всегда появлялся у них в доме с очередной моделью корабля. Один из корабликов размещался внутри толстой бутылки. Потом Евсей Семенович в одночасье умер от удара, а кораблики остались.

Спохватившись, что ведет себя неосмотрительно, Андрей собрался было выйти из дома, но тут вернулась запыхавшаяся тетя Маня. Готовя ужин, а затем кормя опасно похудавшего, на ее взгляд, племянника, она выкладывала скудные новости.

Ахмета она давно не видела, старик Циппельман все так же

торгует в своей кондитерской, Фира счастлива и родила мальчика, Грудзинский неожиданно уехал в Варшаву, Нина ухаживает за отцом, который совсем плох, Сергей Серафимович приезжал недели две назад.

На этот раз на мотоцикле. Он, оказывается, купил себе мотоцикл «Стэнли», блестящий и ревущий, как тысяча чертей, и тетя Маня боится, что на каком-нибудь перевале он сломает свою глупую шею. Это же надо — на старости лет!

Андрей сказал, что завтра с утра поедет в Ялту.

Ночью тетя тихо плакала.

* * *

В Ялту Андрей приехал на линейке — автобус был, оказывается, реквизирован армией. В Алуште, купив газету, Андрей узнал, что пал Брюссель и германские армии ведут пограничное сражение с французами, тесня их к западу. В Мобеже заканчивается развертывание английского экспедиционного корпуса, который должен ударить германцам во фланг и тем переменить неблагоприятно складывающиеся обстоятельства на фронте.

Два грека, сидевшие рядом с Андреем, все время спорили о том, выступит ли Турция на стороне Германии или сохранит нейтралитет. С моря дул сильный горячий ветер, и, когда дорога за Алуштой поднялась вверх, стало видно, что море покрыто белыми барашками.

Встретился грузовик, в нем сидели матросы. Потом, уже ближе к Ялте, в море показался военный корабль, и греки снова стали спорить. Один говорил, что это «Георгий Победоносец», а другой твердил, что это «Императрица Екатерина». Греки сердились, призывали в свидетели других пассажиров, но те в спор не вмешивались. Корабль казался маленьким и нестрашным.

В Ялте на набережной было безлюдно. Может, из-за войны, а может, из-за сильного ветра.

Волны были так сильны, что перелетали через парапет и растекались по мостовой до самых домов.

Вольным шагом прошли два морских офицера. К молу был пришвартован катер, покрашенный в шаровый цвет. Два матроса в тельняшках сидели, свесив босые ноги за борт, и кидали чайкам кусочки хлеба. Чайки подхватывали хлеб у пенных верхушек волн. Хоть за молом было куда тише, чем в море, катер подбрасывало вверх, но матросы на это не обращали внимания.

С Алушты Андрей дебатировал пустой вопрос: куда идти сна-

чала — к отчиму или к Иваницким. Уверенности в том, что Лидочка уже вернулась из Батума, не было, так что долг требовал визита к отчиму. Но ноги сами провели Андрея мимо великого старого платана, который на своем веку видел уже столько войн, что полагал их естественным состоянием людишек, и выше, за армянскую церковь.

Хоть Андрей никогда раньше не был в квартире Иваницких, но за последние месяцы он столько узнал о них из писем Лидочки, что уже совсем не опасался строгого взгляда Евдокии Матвеевны, которая, кстати, если, конечно, Лидочка не преувеличивала, также немало знала об Андрее и против переписки не возражала.

Так что Андрей смело поднялся на второй этаж и позвонил.

Евдокия Матвеевна оказалась почти такой, как он предполагал из Лидочкиных писем. Даже если бы Андрей встретил ее на улице, он бы ни на секунду не усомнился, что она — Лидочкина мать.

Евдокии Матвеевне было тридцать девять лет, но можно было дать меньше. Ее лицо было совсем без морщин, а волосы — без седины, значительно темнее, чем у дочери. Только лежали прямо, не вились, туго стянутые лентой на затылке. Правда, в отличие от дочери Евдокия Матвеевна была склонна к полноте.

Андрей сразу почувствовал расположение к Евдокии Матвеевне и даже радость от того, насколько она схожа с дочерью.

— Здравствуйте, — сказал Андрей, но больше ничего сказать не успел, потому что Евдокия Матвеевна его сразу перебила.

— Андрюша, — сказала она, — заходите, я вас сверху увидела, вижу — знакомая фигура, помните, как вы наш дом зимой осаждали? Да вы не стесняйтесь, проходите, только башмаки снимите обязательно, мы сегодня пол мыли, дайте я вам помогу шинель снять. Нет, в этом нет ничего дурного, я хозяйка дома, а вы — милый гость. Вот, возьмите туфли Кирилла Федоровича, они вам должны быть впору, как хорошо, что вы прямо к обеду пришли, сейчас Кирюша должен быть, с минуты на минуту. Да проходите в залу, садитесь...

Евдокия Матвеевна говорила вроде бы не спеша и негромко и вовсе не суетилась, но Андрей вскоре понял, что ни одного слова вставить в ее монолог не может, и покорился, фаталистически понимая, что Евдокия Матвеевна сама ему все расскажет.

Из кухни вошла широкоплечая, очень красивая, черноволосая хохлушка, которую, как Андрей уже знал, звали Горпиной, и была она из-под Полтавы, а у Иваницких служила лет пять, но

все грозила, что уйдет, как только появится достойный жених. Достойные женихи приходили в уютную, всю в кружевах, комнатку за кухней, но потом оказывались недостаточно достойными.

— Приихав! — сказала она. — Ондрейка! Який гарний хлопчик!

Андрей совсем смутился, потому что тут ему открылось, что в доме Иваницких он, видимо, считается женихом и о нем говорят как о существе домашнем.

Евдокия Матвеевна тут же уловила Андрюшино смущение и сказала строго:

— Горпина, я тебя умоляю, суп убежит. Дай нашему гостю прийти в себя. Он же такую дорогу перенес!

Горпина фыркнула, обидевшись, и уплыла на кухню, где сразу же громко загремела посудой.

— Простите за такую фамильярность, — сказала Евдокия Матвеевна, — но Горпина у нас член семьи.

Андрей не смог ответить, потому что Евдокия Матвеевна тут же продолжила монолог, из которого Андрей узнал, что Лидочка с Маргаритой задержались в Батуме, так как по прибытии туда господин Потапов намеревался, разгрузившись, возвратиться обратно, но там уже начиналась подготовка к военным действиям против Турции, хотя Турция, как известно, в войну еще не вступила. Так что господину Потапову приказано было (к его собственной выгоде) проследовать в Новороссийск и оттуда вернуться в Батум с грузом цемента. Разумеется, Евдокия Матвеевна очень беспокоилась, не начнется ли в тех краях война, но Кирилл Федорович утверждает, что опасности для Батума и Черного моря вообще в настоящее время нет...

Евдокия Матвеевна не успела завершить свой монолог, как пришел Кирилл Федорович. Он был в морском мундире с погонами подполковника береговой службы. Оказывается, его мобилизовали, как и других работников порта, которые связаны с военными перевозками.

Кирилла Федоровича Андрей по описанию Лидочки узнать бы не смог. Для нее он был отцом, высшей инстанцией ее мира. Для постороннего Кирилл Федорович являл собой невысокого, плотного, сутулого человека в очках в тонкой золотой оправе, заметно облысевшего и молчаливого. С Андреем он поздоровался с некоторым удивлением, а когда супруга сказала ему, что это «тот самый Андрюша Берестов», он сказал:

— Да, да, конечно же, мне рассказывали наши дамы.

После обеда Кирилл Федорович закурил сигару и, усевшись в

кресло, начал задавать обязательные вопросы об университете и экспедиции, о которой был наслышан, а со своей стороны поведал, как сложно работать в условиях военного времени.

Андрея стало клонить ко сну. Евдокия Матвеевна, заглянувшая в залу с кофе для мужчин, заметила его сонный вид и стала было требовать, чтобы он часок поспал, и даже, коварная, добавила: «Я бы могла вам постелить в Лидочкиной комнате», но Андрею стало неловко, и он, воспользовавшись тем, что Кирилл Федорович возвращается на службу, тоже вышел в город, оставив чемодан и обещав отужинать у Иваницких.

Андрей проводил Кирилла Федоровича почти до самого порта, откуда надо было сворачивать наверх, к отчиму. Разговаривали по пути они мало, оба стеснялись знакомства, к которому не стремились. Кирилл Федорович дважды забыл отдать честь встречным офицерам и был недоволен собой. Военный катер ушел, но чайки крутились над молом, ждали, что он вернется и их снова будут кормить хлебом. Ветер еще более усилился, и море заволокло мглой.

Перед тем как расстаться, Кирилл Федорович вдруг сказал с осуждением:

— Ваш отчим купил мотоцикл. Совершенно не понимаю, зачем это в его возрасте.

Филька встретил Андрея на улице и помчался рядом, подпрыгивая и стараясь лизнуть в лицо. Глаша была на дворе, она кормила кур.

— Андрю-у-уша, — сказала она, — неужто ты?

Она поставила миску с кашей на землю, обняла Андрея и прижалась лицом к его груди.

Глаша повела его в дом. Он увидел, что она похудела и шла не так упруго и весело, как раньше.

— Заходи, — сказала она. — Твоя комната тебя ждет. Где твои вещи?

— Я их оставил, — сказал Андрей.

— Ага, у Иваницких, — сказала Глаша как о само собой разумеющемся. И не надо было ничего объяснять. — Чаем напоить тебя?

— Спасибо. А где Сергей Серафимович?

— Я его в последнее время редко вижу, — сказала Глаша. — Он в Керчь укатил на мотоцикле. Все в делах.

— Ботаника?

— Если бы ботаника!

Глаша поставила чайник на горячую плиту. Они сели за ку-

конный стол. Все так же блестели медные кастрюли и тазы и стояли бокалы в буфете. И скатерть на столе была та же — белая с красными полосками. А Глаша изменилась. Даже глаза потускнели.

— Давно ты у нас не был, — сказала она. — Кажется, что тысячу лет. Спасибо тебе за открытки. Спасибо, что не забывал.

Она стала собирать на стол и молчала, хотя всегда раньше была говоруньей. А Андрей подумал, как хорошо, что нет отчима. Не надо с ним разговаривать и чувствовать себя преступником без срока давности преступления.

Чай был вкусный, как прежде. Но есть Андрею не хотелось, и это огорчило Глашу.

— Я пообедал, — сказал он.

— Ну да, конечно, у Иваницких. Красивая девушка, — сказала Глаша. — Я уж к ней присматривалась.

— Тебе тетя написала?

— Нет, зачем же? Ты тогда на Рождество приезжал, помнишь? Так Сергей Серафимович тебя с ней видел. На набережной. Мы сидели с ним, ждали, что ты придешь. А ты не пришел.

— Мне надо было уехать.

— Понимаю, понимаю, — сказала Глаша. — Да ты не красней. Легко ты краснеешь, это в жизни вредно. А Лида к нам приходила.

— К вам? Она мне не писала об этом.

— Как же. Варенье черешневое принесла. Тети-Манино. Сергей Серафимович считает, что никто лучше ее варить не умеет. С цедрой. Каждая ягодка отдельно плавает. И Сергею Серафимовичу Лида понравилась. Он так и сказал.

— А тебе?

Это не надо было спрашивать. Глаша отвернулась и сказала куда-то в сторону:

— Я же говорю — красивая девушка!

— А как ты себя чувствуешь? — спросил Андрей.

— Хвораю иногда, а так ничего. Старая стала. Четвертый десяток. Еще чаю налить?

— Нет, спасибо.

— Ты ночевать останешься?

— Не знаю еще. А Сергей Серафимович когда вернется?

— Он только вчера уехал. Дней пять будет мотаться. Еле живой вернется.

Андрей посмотрел на ходики, висевшие у буфета. Был шестой час. Еще не поздно взять вещи у Иваницких и вернуться к ночи в Симферополь.

— Сходи к Иваницким за вещами, — сказала Глаша, угадав мысль Андрея. — Ночевать будешь здесь.

Андрей вернулся только в десятом часу, потому что ужинали у Иваницких не спеша, с вином и разговорами.

К Горпине пришел кандидат в женихи, по обычаю его представили хозяевам. Он был флотский кондуктор, и чай пили все вместе, обсуждая военные перспективы. У кондуктора были громадные усы, он робел и говорил велеречиво, все ударения в словах ставил неправильно и намеревался в ближайшем будущем захватить Дарданеллы на своем миноносце «Хаджи-бей». Затем, когда кондуктор отправился к Горпине, Евдокия Матвеевна повела Андрея на экскурсию в чистую комнатку Лидочки, которую она совершенно справедливо называла светелкой. В комнате ничего от Лидочки не было — настоящая Лидочка, как понял археолог Берестов, скрывалась в ящичках письменного стола или в сундучке под кроватью. Внешне все было видимостью для мамы. Напоследок Андрей полчаса рассматривал семейный альбом фотографий, пытаясь понять, кто же кузен, кто дедушка и кого из сановных предков Евдокии Матвеевны наградили Владимиром с мечами. Андрей сказал, что обещал ночевать у отчима, Евдокия Матвеевна собралась на него обидеться, но на помощь пришел Кирилл Федорович, который сказал, что, раз у Андрея есть родственники, неприлично их обижать.

Евдокия Матвеевна поцеловала Андрея на прощание и попросила, если успеет, заглянуть еще перед отъездом.

* * *

Глаша не спала, ждала Андрея на кухне.

— Дует-то как, — сказала она. На столе стоял самовар, но Андрей от очередного чая отказался. На кухне было душновато. Глаша, которая умела шестым чувством угадывать настроения и мысли Андрея, сказала:

— Можно в сад пойти или на веранду. Но, боюсь, ветер сильный.

Ветер и в самом деле был силен. Он нес по городу пыль и сорванную листву деревьев.

Глаша открыла окно, и ветер начал рвать занавески. Было тревожно и даже страшно.

— Сергей Серафимович тебе письмо оставил. Ты его прочти, — сказала Глаша. — Может, захочешь чего спросить, я тебе отвечу.

Андрей понял, что их отношения изменились, как будто Глаша стала вдвое старше, а он еще помолодел. И даже странно было видеть ее плечи, которые он целовал.

Глаша принесла сверху письмо.

Андрей прочел его.

Дорогой Андрюша!

Возможно, приехав, ты опять не застанешь меня, но на этот раз по моей вине. Сейчас я очень занят. Война, а тем более война страшная, втянувшая в свою мясорубку весь цивилизованный мир и доказавшая, что этот мир так далек от цивилизованности, требует моего участия. Не в прямом смысле участия в убийстве, а в попытках спасти человеческие ценности, которым грозит гибель. В этом моя высшая функция, и я полагаю, что уже наступает время нам с тобой спокойно сесть и по-мужски все обсудить. Я пишу тебе это письмо, потому что убежден, что в силу своего воспитания, окружения и пределов сознания ты еще не готов к тому, чтобы осознать свое место в разразившихся событиях. Так что послушай меня. Ты можешь мне не поверить, можешь даже, если ты захвачен патриотическим психозом, презреть это письмо, но надеюсь, что ты достаточно умен, чтобы дочитать его и сделать для себя выводы.

Постарайся вспомнить наш разговор годичной давности, когда я убеждал тебя, вчерашнего гимназиста, что вскоре грядет мировая война. Тебе трудно было поверить в это, и ты постарался объяснить мои слова старческими причудами. К сожалению, сегодня ты должен признать, что мои предсказания точно сбылись и первая кровь уже льется в Восточной Пруссии, на Марне и в Галиции, уже пал Брюссель и гибнут сокровища европейской культуры, уже близок к гибели Белград. Завтра этот конфликт, разгораясь, втянет другие страны — Турцию, Японию, Италию и даже Румынию. В этом нет тайны, и если бы ты занимался изучением политики, ты понял бы, что политика подчиняется довольно простым законам, за которыми стоят интересы экономические. Так как я случайно узнал, что ты хоть и не очень активный, но эсдек («меньшевик»?), то ты должен был слышать об этих законах, которые, в частности, проповедовал Карл Маркс, известный тебе бородатый немецкий философ и экономист.

Более того, изучение состояния науки и техники, достижения которой брошены на уничтожение людей, позволяет сделать твердый вывод: именно в ближайшие годы технические средства сделают громадный скачок вперед и навсегда изменят лицо Земли. Могу

назвать тебе, без опасения ошибиться, левиафанов грядущих боев: это дирижабли и аэропланы, которые будут сеять смерть с неба на мирные города, это орудия, способные забросить снаряд за сто верст, это блиндированные машины, неуязвимые для пуль и снарядов, которые будут крушить человечков, как муравьев. Меня пугают возможности войны химической, о которой ты даже и не подозреваешь. Эта война приведет к тому, что воюющие стороны, лишенные понятия гуманизма, будут выпускать на позиции противников облака смертельных газов и тысячи людей будут умирать в корчах. В то же время я предвижу (а это предвидение также основывается на трезвых научных расчетах и моем знакомстве со многими ведущими учеными Земли), что война эта, при определенном равновесии сил, затянется на годы и превратится в войну позиционную, то есть армии зароются в землю и будут взаимно истреблять друг друга без надежды продвинуться вперед. Любая попытка прорыва будет заканчиваться поражением. Могу дать тебе пример, который происходит у нас на глазах: наше вторжение в Восточную Пруссию при слабости вооружения российской армии, плохих офицерах и выживших из ума придворных генерал-адъютантах захлебнется и кончится катастрофой.

Судьба России в этой войне прискорбна. Менее развитая, менее богатая, чем ее европейские союзники и противники, она станет поставщиком трупов, которыми будет мостить подступы к позициям германцев. Молодой и хищный имущественный класс страны начнет сказочно наживаться на народной крови, что вызовет не только напряжение и возмущение в обществе, но и по прошествии нескольких лет приведет к невиданным катаклизмам в пользу радикальных авантюристов. Дальнейшую судьбу России я боюсь предугадывать, потому что никакой научный анализ не в состоянии выявить, к чему приведет Россию война.

Все это я пишу тебе для того, чтобы ты трижды подумал, прежде чем принять участие в бойне в качестве куска мяса. Не обижайся, именно в такой роли тебя рассматривает наше увешанное орденами и аксельбантами верховное командование. Высокая миссия историка — наблюдать события и трактовать их к пользе грядущих поколений. Нет ничего грустнее, нежели образ историка, служащего лишь сегодняшнему моменту и сотворящего ложь в угоду сильным мира сего. Даже беды и трагедии славянского Средневековья могут стать наглядным уроком для потомков. Мировая война, которая бушует сегодня, урок вдвойне знаменательный при условии, если летописец эпохи сохранит трезвую голову и умение подняться над повседневностью. Зная тебя, я почти убежден, что и

ты был захвачен угаром первых дней войны и шапкозакидательскими настроениями черни. Возможно, и ты махал флажком возле английского консульства либо шагал в нестройных рядах манифестантов рядом с лавочниками, черносотенцами и верными престолу городовыми. Но это — вчерашний день и вполне понятное заблуждение молодого человека. Теперь у тебя есть время одуматься и отойти от схватки. Мои надежды связаны именно с тобой, с тем, как ты, возмужав, сможешь занять мое место в системе этого мира. Время рассказать тебе обо всем приближается. Полагаю, что тогда ты поймешь меня, и то, что откроется тебе, не испугает и не удивит тебя настолько, чтобы ты спрятался в скорлупу неучастия. Каждый из нас должен нести свой крест, и я в будущем не предлагаю тебе легкой и спокойной жизни, но вижу в ней высокое предначертание.

Если до зимы ты не сможешь вновь посетить меня, то я сам приеду к тебе в Москву.

Помни о том, что ты должен сделать в случае, если я внезапно умру или исчезну.

Обойдись бережно с Глашей. Ей по твоей вине было несладко. Она болела. Но она тебя не осуждает и любит.

Искренне твой,

С.С.

Письмо было напечатано на пишущей машинке, что было непривычно для письма — на машинках печатали лишь документы, и то не всегда. Но отчим старался использовать удобства прогресса.

— Ты его потом еще прочти, — сказала Глаша. — Я думаю, что такое письмо сразу не поймешь.

— Ты его читала?

— Нет, но знаю, о чем оно. Сергей Серафимович мыслей от меня не скрывает. Иди спать, тебе завтра трудная дорога.

Глаша была права — письмо, хоть разумность его Андрей во многом признавал, было настолько абстрактнее его собственных мыслей и переживаний, что и думать о грозных предсказаниях отчима не хотелось.

— Я поднимусь наверх, — сказал Андрей. — Погляжу на Ялту.

— Пошли, — сказала Глаша. — Только ветер там большой.

Они поднялись на второй этаж. Дверь в кабинет была заперта. Они вышли на веранду. Ветер дул упруго и постоянно. Море скрылось во мгле, но на небе сквозь редкие несущиеся тучи проглядывали звезды.

— Из Турции ветер, — сказала Глаша. — А может, из Египта.

Здесь разговаривать о вещах сокровенных было легче, чем на кухне. В темноте лицо Глаши было едва различимо, только когда она говорила, блестели белки глаз и зубы.

— Тебе из-за меня нехорошо было, — сказал Андрей, — прости.

— Глупый ты, — сказала Глаша. — Я на тебя не сердилась.

— А Сергей Серафимович?

— Я тебе писала. Он огорчен был. Любит он меня.

— Как?

— Как муж любит. И я его люблю. Если бы это у меня с другим было, он, может быть, рассердился, но не стал бы так огорчаться. Ведь в его глазах я тебе как мачеха. В этом грех.

— Какая ты мне мачеха...

— Я тоже понимаю.

Андрей приблизился к Глаше, протянул руку, но Глаша почувствовала, что Андрей словно выполняет давно взятый на себя долг. Она отошла на шаг и сказала:

— Как будто сто лет прошло.

Потом, как бы утешая Андрея, она поцеловала его в щеку, так, что получился не поцелуй, а знак душевного расположения.

— Лидочка твоя красивая, — сказала Глаша. — И добрая, по-моему. Ты бы видел, как она меня уговаривала ее не выдавать, что она это варенье нам принесла. Но я думаю, что она пришла из любопытства. Ей хотелось на нас поглядеть.

— А мне об этом не написала.

— И понятно. Пошли, что ли, вниз?

— Сейчас. А ты давно отчима знаешь?

— Куда давнее, чем ты думаешь.

— Я еще не родился?

— В этот дом я пришла, когда твоя мама умерла. Сергей Серафимович все делал для нее: и лучших врачей привозил, и лекарства из Швейцарии. Он меня раньше знал... но пока твоя мама в этом доме жила, я здесь не жила.

— А кто мой отец?

— Сергея Серафимовича товарищ.

— Но почему имя сказать нельзя? Ведь в наши дни не бывает тайных рождений и загадок. Мы же не в Средневековье живем.

— Захочет Сергей Серафимович, расскажет. Потом, когда ты будешь к этому готов.

— Но почему я не готов? Мне девятнадцать лет, я, может

быть, завтра уйду в армию и погибну. Почему за меня кто-то может решать?

— А за человека всю жизнь решают. Те, кто сильнее, или те, кто больше знает. Это от возраста не зависит. За меня тоже решали.

Глаша первой пошла с веранды. Андрей спросил ее вслед:

— Сергей Серафимович писал, что ты болела. Что с тобой случилось?

Глаша уже начала спускаться по лестнице.

— Выключи верхний свет, — сказала она.

Андрей повернул выключатель, и свет на верхней площадке погас.

— Ты не ответила, — сказал он. — Может, я могу помочь. Из Москвы. Лекарство прислать.

— Нет, — сказала Глаша, остановившись внизу лестницы. — Не поможешь ты, мой дорогой. У меня болезни женские.

— Но и от них бывают лекарства. В конце концов, почему ты должна меня стесняться?

— А правда, чего? — сказала Глаша с неожиданным раздражением. Они уже спустились вниз. Она обернулась к Андрею: — Выкидыш у меня был, вот что. Еле отходили. Зимой. Нельзя мне рожать, оказывается.

Андрей ничего не ответил. Он не сразу понял.

Глаша пошла на кухню. Он видел ее в открытую дверь. Вот она подняла самовар и понесла его в угол, на железный лист.

— Ты хочешь сказать... — Андрею не хотелось верить. Но нельзя было уйти, не узнав.

— Ничего я не хочу сказать, Андрюша, иди спать. От тебя был выкидыш. А я думала — ребеночек родится. Так что у Сергея Серафимовича были основания на меня сердиться. Но если бы не его забота, я бы померла.

— Но почему ты ничего не сказала? Мне! Почему не написала?

— Чтобы ты возненавидел меня? Старая баба, соблазнила мальчика, и теперь он, совестливый, должен свою любовь к молоденькой забыть? Даже если бы был ребеночек, я бы тебе в жизнь не сказала. Да нельзя, значит, мне...

— Прости, Глаша.

— Иди спать, дурачок. Мне еще надо прибрать. Иди-иди, не приближайся даже, и поцелуев мне твоих не надо — сам понимаешь, что все сгинуло.

Андрей прошел к себе в комнату, и у него было ощущение конца света — завершения прошлой жизни. Он лежал на узкой кровати, смотрел, как бьются под ветром занавески открытого

окна, и понимал, что больше никогда ему не лежать на этой кровати и не слышать поутру, как Глаша созывает кур, как сухим голосом отдает ей хозяйственные распоряжения отчим, потом берет велосипед и уезжает куда-то по делам... «Она страдала и была близка к смерти из-за меня! И я ничего не почувствовал, не понял, только избегал ее. Она благородная женщина, а я мелкий мерзавец!»

Глаша вошла без стука. Она была одета. Подошла к его кровати, наклонилась и поцеловала — в губы, горячо и долго. Потом с силой рванулась из его рук, выпрямилась, нервно коротко засмеялась и сказала:

— Спокойной ночи, коханый мой.

И ушла, захлопнув за собой дверь.

Андрей думал — встать ли, пойти ли к ней в комнату. Но понимал, что не нужно, даже если Глаша ждет его прихода.

Утром Глаша разбудила Андрея и сказала, что от Ялты до Симферополя теперь ходит авто. Только надо успеть подойти к девяти к «Франции».

Ветер не улегся, но был спокойнее, Глаша дала ему на дорогу слив и абрикосов. Они обсуждали, когда он приедет, — все зависит от того, останется ли он в университете.

— Оставайся, — сказала Глаша уверенно, — нельзя тебя убить. На войне первым делом таких, как ты, мальчиков убивают. За что тебе в таких же германских мальчиков стрелять? Они тебя не обижали.

— Ты не понимаешь, — сказал Андрей. — Речь идет о судьбе демократии.

— И европейского славянства, и защиты бельгийских деревень от гуннских насильников. Ты чего мне газеты пересказываешь?

Глаша проводила его до калитки. Филька сидел рядом, смотрел, склонив набок голову.

* * *

Когда Андрей вернулся в Москву, его ждало письмо от Лидочки, отправленное из Батума, в котором она рассказывала ему о перипетиях их с Маргаритой путешествия. В нем она призналась: «Рита все знает о нас. Но она моя лучшая подруга, и я ей все рассказываю. Не сердись». Лидочка писала, что ждет, как Андрей ее встретит в Москве. Ждет с нетерпением. Ждет не дождется — ведь она никогда не была в Москве.

Но осенью она в Москву не приехала.

Глава 4

Октябрь 1914 г.

Осенью Лидочка в Москву не приехала. Как следовало из печального письма, ее невольная одиссея с Потаповыми закончилась только двадцать третьего августа, и возвращались они не на «Левиафане», а совсем на другом пароходе, и не почетными гостями, а обыкновенными пассажирами второго класса. Пароход шел с потушенными огнями, потому что опасались прорыва через Босфор немецких крейсеров. Родители сильно переволновались, и, когда на семейном совете решалось, ехать ли Лидочке в Москву, чтобы поспеть к началу занятий, мать взбунтовалась. Решено было, как сообщила в письме Лидочка, отложить ее отъезд в Москву на год, пока не кончится война. Тем более что год даром не пропадет: Лидочка будет заниматься рисунком и акварелью и поступит пока сестрой милосердия в военный госпиталь, куда привозят офицеров, раненных в Галиции.

Андрей, пока суд да дело, вернулся в университет и даже пошел на лекцию профессора Авдеева, но тот Андрея игнорировал, полагая его предателем и дезертиром. На лекции была и Тилли, но она не подошла к Андрею.

В университетском госпитале дел было меньше, потому что теперь там заправляли врачи и медсестры, все кровати были расставлены и котлы для кухни установлены.

Андрей пребывал в сомнениях, и причиной их было не столько письмо Сергея Серафимовича, которое каждый день получало все новые подтверждения с полей сражений в Восточной Пруссии и Бельгии. Война обещала затянуться, но все же Андрей разделял надежды Иваницких, что она закончится к следующему лету, хотя бы потому, что зимой русские войска, привыкшие к холоду, смогут нанести германцам и австрийцам решительное поражение. Пока что поражения терпел генерал Самсонов и неожиданно взошла звезда престарелого Людендорфа. В Москве распространялись слухи о предательстве немцев, засевших в высших сферах, причем называли имена Ренненкампфа, который столь неудачно распорядился в Восточной Пруссии, погубив войска в Мазурских болотах, да и самой императрицы Александры Федоровны, на которой народная молва сфокусировала нелюбовь к правительству и царскому дому. Получалось, что слабовольный царь, в сущности, неплохой человек, но попал под влияние жены. В России вообще не терпят царских жен, которые занимаются политикой. В начале сентября, когда Андрей полу-

чил печальное письмо от Лидочки, как раз пришли вести о масштабах русского поражения в Восточной Пруссии, и газеты пытались уравновесить эти известия громкими сообщениями с галицийского фронта. В «Ниве» печатались фотографии наших отважных воинов на берегу реки Сан.

Андрей не оставлял мысли записаться в армию вольноопределяющимся, но не потому, что хотел бесстрашно пролить кровь на полях сражений. Ему неловко было оставаться молодым здоровым студентом, когда молодым и здоровым было положено находиться на фронте. В университете это было очевидно — чуть ли не половина студентов покинула Москву. Независимо от того, идти ли на фронт по убеждению или из чувства принадлежности к народу, занятия историей в университете потеряли всякий смысл. «Если я хочу стать историком, — рассуждал Андрей, — то не могу собирать факты из вторых рук. Я должен быть там, где происходят основные события». Может, поэтому Андрей был отрицательно настроен к выступлениям большевиков, когда те объявляли войну империалистической и призывали в ней не участвовать. Разумеется, война была империалистической, разумеется, гнить в окопах — не самое лучшее занятие для молодого поколения, но все же, когда воюет и страдает весь народ, говорить о ненужности войны вредно и даже подло. Потому в студенческих спорах Андрей занимал оборонческую позицию, но от партийных интересов был далек.

Но судьба, как бы узнав о его намерениях, за день до того, как Андрей подал прошение об отпуске из университета, наградила его страшными болями в животе. Два дня Андрей терпел, на третий ему стало так плохо, что квартирная хозяйка вызвала врача. Врач тут же определил аппендицит, причем в опасной, запущенной стадии. Андрея отвезли на «Скорой помощи» в больницу и сделали ему операцию. Аппендицит был гнойным, он прорвался как раз во время операции, и началось было заражение. Только через две недели Андрей оправился настолько, что смог написать письма в Симферополь и Ялту, в которых сообщал про аппендицит в тонах юмористических, как о пустяковом недомогании.

Но он провел в больнице еще неделю, прежде чем вернулся на квартиру. Сентябрь подошел к концу, к удивлению Андрея, деревья стояли желтые, в Москве прибавилось военных и больше стало легкораненых. Наступление в Галиции ничем не закончилось, война стала обыкновенной, вечером к нему зашел приятель и сказал, что Никифорова с третьего курса убили на Дунайце, а

еще один студент с их курса застрелился, потому что вернулся слепым и невеста от него отказалась.

Врач посоветовал Андрею взять небольшой отпуск для поправки здоровья и, узнав, что родственники Андрея живут в Крыму, сказал, что это лучший выход из положения.

Утром 6 октября Андрей послал телеграмму тете Мане и Лидочке, потом, подумав, еще одну — отчиму. И в тот же день после обеда получил телеграмму от тети Мани.

Телеграмма была неожиданной не только потому, что он не ждал ответа, но потому, что такое может случиться лишь с другими, о таком можно прочесть в газете или в романе. Но с нами такого не бывает.

Телеграмма гласила:

Приезжай немедленно. Ялте несчастье Сергеем Глашей. Мария.

* * *

Тетя Маня встречала Андрея на вокзале. Видно, она начала плакать задолго до прихода поезда, нос ее был малиновым, глаза сузились за распухшими веками.

— Какое счастье, что ты достал билет, — сказала она, увидев Андрея.

— Тетя. — Андрей поставил чемодан, и тетя прижалась к его груди. — Тетя Маня, скажи, что случилось? Я же не знаю.

— Я тебе послала телеграмму. Разве ты не получил?

— В телеграмме было сказано только про несчастье. Я не знаю — какое!

— Глаша в ужасном состоянии.

— Глаша? Что с ней? А Сергей Серафимович?

— Я не представляю. Господин Вревский думает, что они утащили его с собой.

— Кто? Зачем?

— Чтобы пыта-а-ать...

Тетя начала неудержимо рыдать, и Андрею было неловко, что все на них смотрят, и он постарался увести тетю с перрона. Пришлось нести чемодан и одновременно поддерживать Марию Павловну.

Только дома, отпоив тетю валерьянкой и положив ей на лоб холодное полотенце, Андрей смог добиться связного рассказа.

Случилось все четвертого октября. Ночью.

Ночь выдалась темная, ненастная, с дождем. Никто ничего не

слышал и не видел, а следы, если и были, смыло. На рассвете татарин, который разносит хворост для растопки, увидел в переулке Фильку, пса Берестовых. Пес был ранен и истек кровью. Он смог выползти на улицу, словно хотел позвать на помощь. Татарин побежал к дому Берестовых, стал кричать, но никто не откликнулся. Татарин не посмел зайти внутрь, но на его крики сбежались соседи, и вскоре пришел околоточный. В доме нашли только Глашу, она была страшно избита и изранена. Видно, грабители думали, что она умерла, и потому оставили ее. Она так и не пришла в себя. Положение ее настолько серьезно, что врачи думают, что она недолго протянет.

Рассказ тети Мани прерывался слезами, Андрей ходил по комнате, курил папиросу за папиросой, а тетя была так расстроена, что даже не заметила, что племянник начал курить.

Сергея Серафимовича не нашли. В кабинете его были следы отчаянной борьбы, весь ковер в крови, отчим сопротивлялся: отыскали вырванную с мясом пуговицу от его пиджака, мебель перевернута, в одном месте ковер отогнут и вскрыты половицы.

— Половицы? — тупо повторил Андрей.

— Да, следователь считает, что у Сергея Серафимовича был тайник. Там такая ниша, в ней могла уместиться шкатулка. Следователь считает, что грабители пытали Сергея Серафимовича, чтобы он признался, где хранит ценности.

Андрей более не слышал тетю. Он уже знал, что рассказ ее — чистая правда, потому что он, Андрей, видел этот тайник и даже знал, что в шкатулке хранились драгоценности. Все это было правдой, глупой, нелепой — так не бывает, — но правдой.

Больше тетя ничего рассказать толком не могла. Дядю ищут в окрестностях Ялты, полицейские прочесали лес за верхней дорогой, но ничего не нашли. Господин следователь Вревский уверен, что преступление — дело рук дезертиров. В районе Ялты замечена банда дезертиров, которые уклоняются от мобилизации и уже дали знать о себе дерзкими нападениями.

Сама Мария Павловна два дня провела в Ялте, но не в доме отчима — «Боже меня упаси», — а в пансионате. Но далее ждать она не могла — в Симферополе, в госпитале, ее ждали неотложные дела.

Было еще светло, и Андрей сказал, что он сразу едет в Ялту. Тетя велела подождать. Андрей решил было, что она боится остаться одна, и потому хотел пойти к Беккерам и попросить Нину побыть с тетей, но тетя ждала совсем иного. Вскоре дверь распахнулась, и на пороге появился возмужавший усатый Ахмет. Ничего не говоря, он подошел к Андрею и обнял его.

Потом сказал:

— Я позвал Нину Беккер, она побудет с вами. Вы, Мария Павловна, не беспокойтесь. А мы поехали.

— С Богом, — сказала тетя, которой, оказывается, Ахмет еще утром обещал отвезти Андрея в Ялту, если сможет освободиться.

У калитки стоял новый автомобиль, длинный, мощный, черный, как сама ночь, и сверкающий металлическими деталями, как южное небо звездами.

— Это что такое? — спросил Андрей.

— Моя новая пролетка. Больше пока ничего не могу добавить, — сказал Ахмет. — Поехали. С ветерком.

Автомобиль сразу взял с места. Ахмет вел его уверенно и лихо, стараясь показать Андрею, чего он достиг в новом умении.

— Что в Ялте? А то тетя ничего толком не рассказала, — спросил Андрей.

Ахмет повторил тетин рассказ. Ничего больше он не знал. Но в его изложении не было тетиной надежды на благополучный исход, и потому все было проще и трагичней.

— Ты тоже думаешь, что это дело рук дезертиров?

— Слушай, время изменилось, понимаешь? Война идет, жизнь стала копейка. Только это не дезертиры. Я про них спрашивал. Они ни при чем.

— Откуда ты знаешь?

— Там мой брат двоюродный. Они не убийцы. Они за белого царя воевать не хотят.

— Но их поймают и могут расстрелять. Странно...

— А ты кто? — спросил Ахмет. — Ты не дезертир? Твои товарищи проливают кровь во славу империи. А ты сидишь в Москве и кушаешь пирожные. Не морщись, я тоже дезертир. Мой папа большие деньги дал, чтобы от призыва меня освободить. Плоскостопие у меня нашлось, представляешь, как смешно?

— Но нельзя же вечно сидеть в горах.

— А кто говорит — вечно? Эти люди — наша будущая армия.

— Какая армия?

— Армия моего народа, татарская армия Крыма. Ваш Суворов Крым у нас отнял, а вы думаете, что он всегда русский был.

— Ну это было тысячу лет назад.

— Раньше мы тоже так думали. Если хочешь, я тебя на собрание национальной партии свожу, только ты ничего не поймешь,

там по-татарски говорят. Ты мне скажи — Россия за что борется? За демократию и свободу, да?

— Формально да.

— Вот именно, что формально, все-таки ты не дурак. Не зря я тебя люблю. А на самом деле она хочет других славян освобождать, тех, которых австрийцы обижают. А может быть, она лучше своих освободит? Поляков, финнов, татар, чухонцев, а?

Но сами слова Ахмета звучали странно. Подобные речи Андрей уже слышал в Москве, хотя собственного отношения к ним у Андрея не было. Империя казалась настолько незыблемой, хоть и крайне несовершенной, что прекращение ее выходило за пределы сознания. Это было все равно что отменить христианство — Андрей мог читать о зверствах инквизиции, о воровстве и прелюбодеяниях попов, мог месяцами не заглядывать в церковь, но она оставалась естественной частью жизни, как воздух и море.

— Ну освободитесь, — сказал Андрей. — А дальше что? Сделаете свое правительство, своих полицейских, а все равно Крым живет Россией. Кому вы будете продавать виноград и сдавать квартиры?

— Можно подумать, что это ты извозчик, а я студент. Пускай все приезжают. И русские, и турки, и англичане. Мы всем продадим виноград и еще таких понастроим отелей, что из Америки приедут.

— У них есть Гавайские острова.

— Если тебе нравится приезжать, значит, им тоже понравится.

— А что вы сделаете со мной, с тетей Маней, с Беккерами?

— Кто хочет, пускай уезжает, кто хочет — пускай живет. Тетя Маня останется, мы ее уважаем.

— Глупо это все и наивно, — сказал Андрей. — Хватит двух дивизий, чтобы всю вашу независимость растоптать. Придут казачки, ударит из крупного калибра «Императрица Екатерина», вот и кончилась ваша независимость. Будет только лишняя кровь и жертвы.

— Любопытно бы тебя послушать Вашингтону.

— Кому?

— Вашингтону. Или лорду Байрону. Им бы сказать — у Англии есть линкоры, а у Турции янычары. Пускай греки и американцы живут как жили, иначе будет кровь и жертвы.

— В то время не было линкоров.

— Вот видишь, когда ответить нечего, придираются к мелочам.

— Но вас же мало! Среди татар почти нет политиков, адвокатов, ученых, наконец! Кто создаст цивилизованное государство?

— А зачем нам цивилизованное государство? У тебя и у меня совсем разное понимание цивилизации. Для меня мечеть — цивилизация, а для тебя церковь. Для тебя пристав — цивилизация и казаки — цивилизация, а для меня дворец в Бахчисарае и Коран.

— Ты тоже споришь не по существу. Оттого, что вы разрушите церкви, вы не станете умнее.

— А может, и не разрушим. В Турции есть церкви.

— А погромы армян — это цивилизация?

— А погромы евреев — это цивилизация?

Они почти кричали, а мотор авто рычал спокойно, ровно, и, когда наступила неловкая пауза, Андрей подумал, что за рулем сложной современной машины, которую он сам водить не умеет, сидит татарчонок, с которым они еще недавно дрались в гимназическом саду и который, может быть, прав, потому что если империя не выдержит этой войны и рухнет, то на развалинах ее, как на развалинах Римской империи, возникнут другие государства, большие и маленькие, которые почитают себя вправе быть независимыми и добьются этого права, а какое-то из них через пятьсот лет создаст новую, свою, скажем мордовскую, империю. Какое право у него, Берестова, волей судьбы жителя этой татарской страны, претендовать на владение этими темными горами, этими золотыми ноябрьскими лесами, этим крутым берегом? Но такое понимание и примирение с историей вызывало в самом же желание спорить и сопротивляться будущему, которое пугало, потому что никак не исходило из установленного и упорядоченного прошлого.

— У нас выгодное положение, — сказал Ахмет. Он копировал кого-то, своего наставника, вождя, который вложил в него эти слова и мысли. — Если перекопать перешеек за Джанкоем и восстановить крепость у Арабатской стрелки, Россия может кинуть против нас несколько дивизий, но они в Крым не прорвутся. Финнам никогда не добиться независимости — у них с Россией слишком большая общая граница — маленькому народу такую длинную границу не защитить. А мы, татары, всегда этим пользовались. Помнишь, как царица София посылала к нам своего любовника князя Гагарина?

— Голицына.

— Вот именно. Войско, обессиленное в степях, наталкивалось на Перекоп. Вот и конец похода.

— У вас все рассчитано.

— Мы думаем, — сказал Ахмет.

— А каковы планы Турции? — спросил Андрей.

— Турки — наши старшие братья, — ответил Ахмет. — Скоро Турция вступит в войну на стороне Германии. У меня точные сведения, прямо из Стамбула. И мы можем рассчитывать на помощь.

— Как же ты себе это представляешь? Десант на турецких броненосцах? Ты забыл о Черноморском флоте, который потопит все турецкие броненосцы за полчаса. Я думаю, для турок будет страшной глупостью вступать в войну. С их армией и флотом они тут же потеряют Карс и Трапезунд. И наши войска наконец-то снова прибьют щит к вратам Царьграда.

— Тебе с такими мыслями надо сидеть в окопах, — сказал Ахмет. Он рванул машину вперед, и она отчаянно завизжала шинами по гравию, чтобы не слететь под откос.

— Осторожнее, — сказал Андрей. — Татарская революция потеряет своего солдата!

— Турция не одна. За Турцией Германия. Ты об этом подумал?

— Честно говоря, мне сейчас обо всем об этом неинтересно думать. Российская империя, татарская империя, Чингисхан. А через два-три часа я увижу дом отчима. Мне даже страшно, честное слово.

Ахмет ответил не сразу. Дорога стала круче, и в наступившей темноте Ахмету приходилось внимательно смотреть вперед, чтобы не проскочить поворот.

— Ты, наверное, все-таки подозреваешь, что это сделали наши люди? — Ахмет все еще по инерции продолжал спор. — Чтобы купить бомбы...

— И кидать их в губернаторов, — докончил Андрей.

— Не в наших принципах заниматься грабежами. Наша партия серьезная. Если она станет якшаться с бандитами, мы потеряем моральное право говорить от имени народа.

— Чепуха, — сказал Андрей. — Все революционеры, как бы они ни вели себя, оправдывают свои дела любовью к народу.

— Русские — да! Татары — нет!

Стало холодно. Ветровое стекло не защищало от жгучего ветра, который бил сбоку, стараясь столкнуть машину с дороги. Андрей не взял впопыхах шинели — в Москве было еще тепло.

— Возьми на заднем сиденье кошму, — сказал Ахмет. — Накройся.

— А ты?

— У меня кожаная куртка, ее не продувает.

Андрей накрылся кошмой. Войлок, как щит, защищал от ветра. Сразу стало тепло.

— Я все равно ничего не понимаю, — сказал Андрей. — Мой отчим никому не мешал, жил небогато. Если у него и были деньги, то никому он их не показывал.

— Те, кто грабил, знали что искать.

— А может, они только подозревали? Может, они его пытали, чтобы он признался? И он признался.

— Ты сам себе противоречишь, русский Иван. Совсем голова слабенький стал. Как так — ни с того ни с сего — люди приходят в бедный дом и думают, а не попытать ли нам этого ботаника-мотаника? Может, у него припрятана шкатулка... Интересно, что в ней было?

— Ценности, — сказал Андрей.

— Это я и без тебя знаю. А ты уверен? Может быть, там были какие-то секретные бумаги? Может быть, твой отчим был шпион?

— Этого еще не хватало!

— Слушай, Андрюша, я тебя давно знаю, ты меня давно знаешь. Ты ведь не молчальник — у тебя язык нараспашку. Тебе даже тайны доверять не стоит... Не сердись, я не ругаюсь, я констатирую.

— Констатирую.

— Брось меня учить, поздно. Я уже образованней тебя. Я чуть в Сорбонну не уехал. А ведь ты о своем отчиме ничего не знаешь. Что он за человек? Ты даже не знаешь, откуда он родом, какая у него фамилия настоящая.

— Значит, и у меня ненастоящая?

— Конечно, ненастоящая. Но ты не хозяин жизни, ты жертва обстоятельств. А твой отчим себе на уме. Может, он большая фигура, может, он немецкий резидент в Крыму. Не мигай, пока ты мне не докажешь, что это не так, я буду прав. Скажи, куда твой отчим делся? Ну пришли грабители, пришли бандиты или кто хочешь. Откуда-то они догадались, что у отчима есть деньги? Может, побили его, а то и прикончили. Но зачем увозить его с собой? Зачем и кому ограбленный человек нужен? Не нужен никому ограбленный человек. А вот шпион, который что-то знает, он нужен. Его еще пытать и пытать...

— Кончай, Ахмет, пожалуйста.

— Неприятно тебе слушать? Конечно, неприятно. Все-таки

не чужой человек. А у тебя воображение развито — картину представляешь. Но возразить мне не можешь.

— Ты думаешь, что он жив?

— Нет, не думаю. А если жив, то уже в Турции. Я, конечно, что смогу, узнаю — у меня в Ялте свои люди. Но не надеюсь.

— Может, Глаша знает?

— Если она знает, ничего не скажет, — возразил Ахмет. — Тут большая политика.

Переехали перевал. Слева мелькнули огоньки ресторанчика. Но останавливаться не стали. Мощный мотор работал как часы. В Алуште остановились, и Ахмет наполнил бензином бак из запасной, прикрепленной сзади плоской фляги, в которую вмещалось, по словам Ахмета, пять галлонов бензина.

Дальше ехали быстро, по верхней дороге. Андрею было жалко Глашу. Глаша должна жить, он сделает все, чтобы она осталась жива. Потом мысли перекинулись на встречу с Лидочкой. Он не хотел бы, конечно, чтобы встреча произошла именно в такой день... Последние письма Лиды были коротки и вежливы.

В деревне, верстах в двадцати за Алуштой, Ахмет остановил машину и, сказав, что вернется через десять минут, ушел. Возвратился он через час — Андрей успел задремать. Очнулся от тихих голосов. Говорили по-татарски. Невидимый в темноте человек помог положить в машину парусиновый мешок, в котором было что-то железное. Когда поехали дальше, Андрей спросил у Ахмета:

— Ничего нового не узнал?

— Я и не спрашивал. Здесь они ничего не знают.

— А в Крыму турецкие агенты есть?

— В Крыму все есть.

— Не бойся. Я тебя не выдам.

— Разве камень с горы можно остановить? А камни уже посыпались. Только ты не слышишь.

— Мне в самом деле политика неинтересна.

— Дурак, она не будет тебя спрашивать, что тебе интересно. Ты же песчинка в лавине.

— Постараюсь отойти в сторону.

— Как же ты отойдешь, если ты ее не слышишь? — засмеялся Ахмет.

Когда подъезжали к Ялте, Андрей спохватился, что Иваницких он не предупредил, хотя можно было телеграфировать из Симферополя. Сейчас, в одиннадцатом часу ночи, появляться

без предупреждения неприлично. А в доме отчима никого нет — да и как ночевать в доме, где произошло страшное преступление?

— Ты сам где будешь ночевать? — спросил Андрей.

— У своего человека. Конечно, ты можешь там переночевать, только тебе не очень удобно будет.

— Наверное, я остановлюсь в гостинице, — сказал Андрей.

— Во «Франции»? Или в «Мариано»?

— В «России».

— Там дорого. Там великие люди жили.

— Она наверху — оттуда недалеко до дома отчима...

— А до дома, где твоя Лидочка живет, — два шага?

— Ты провидец, Ахмет!

— Тогда у меня есть предложение — посмотрим на дом? Мне тоже интересно.

— Спасибо, мне неловко было тебя просить об этом.

— Ехать на моей машине от самого Симферополя ему ловко, а до дома доехать неловко.

Дом Берестова был неосвещен. Андрей увидел его издали, от поворота, когда машина медленно взбиралась в гору. Старинным зловещим ночным замком он поднимался над откосом. Странное чувство полной нереальности владело Андреем. Он не имел отношения к этому дому и тому страшному, что было с ним связано. Он был не более чем читателем этой повести, понимающим, что все эти ужасы созданы воображением романиста. И отчим его, странная фигура на велосипеде с трубкой, и Глаша, и Филька, что выбегает к калитке, чтобы встретить гостя, — все они — давно читанная книга.

Андрей потер виски, чтобы отделаться от наваждения.

Ахмет затормозил, не доезжая до калитки. Свет фар осветил синий мундир и оранжевый галун на синем погоне. Полицейский поднял руку, защищаясь от света фар, и шагнул вперед, положив пальцы другой руки на эфес шашки.

— Кто такие? — спросил он громко.

Андрей вышел из машины и подошел к полицейскому.

— Моя фамилия Берестов, — сказал он. — Я сын господина Берестова.

— Завтра, — сказал полицейский. — Завтра с утра будет здесь следователь, господин Вревский. А сейчас прохода нет.

— Простите, — сказал Андрей, — а вы не знаете, в какой больнице находится жившая здесь женщина Глафира?

— Не могу знать, — сказал полицейский. — Завтра приходите.

— В больницу поздно, — сказал Ахмет.

Когда машина, развернувшись, поехала вниз, Ахмет сказал:

— Мои опасения подтверждаются. Они оставили пост.

— А чего в этом такого?

— Где и когда ты слышал, чтобы у ограбленного дома, где никто не живет, через четыре дня после событий стоял ночью полицейский? Власти тоже думают, что это не простое ограбление.

Ахмет остановил машину возле «России». Широкие веранды были темными. Портье спал, положив голову на стойку. Места в гостинице были — сколько угодно. Отдавая Андрею ключ, портье сказал, что впору закрывать отель. Людям не до Ялты. А раньше в «Россию» записывались заранее. Даже Горький и Бунин.

Положив чемодан, Андрей вышел на веранду. Набережная была обозначена редкими фонарями. Между ними зияли темные ночные пространства. Это была совсем не та Ялта, что весело бурлила совсем недавно. Даже в октябре жизнь в ней не стихала до полуночи.

Невидимые волны накатывались на камни и мерно ухали, потом шуршали, уползая назад. Спать совсем не хотелось. В маленькой комнате было слишком тихо, и потому воображение начало строить картины — кричащая Глаша, Сергей Серафимович, лежащий на ковре в луже крови... Откуда они узнали о тайнике под ковром? Кому Сергей Серафимович мог рассказать о нем, кроме Андрея? О нем знала Глаша, но Глаша вне подозрений. Зачем отчиму рассказывать о тайнике другим людям?.. Шпион? Немецкий шпион? Засланный в Ялту много лет назад? И ничем не выдавший себя за эти годы? Ну даже если это так, то зачем было его грабить?

Больше ходить по комнате из угла в угол не было сил. Андрей спустился вниз. Портье снова спал, на этот раз свернувшись калачиком на скамейке у входа. Андрей прошел мимо, не разбудив его.

Он поглядел направо, туда, где темнела, закрывая половину неба, крона старого платана. Платан — свидетель... Андрей свернул наверх, к армянскому храму. Улица была совсем не освещена, ни один фонарь не горел, и только луна, прорываясь порой сквозь облака, рассеивала темень.

Не доходя до переулка, Андрей услышал сзади шаги. Он замер. Может, в иной день он и не придал бы этому звуку значения — мало ли кто возвращается поздно к себе домой? Но тут звук сразу показался зловещим. Андрей внутренне подобрался. Пошел быстрее. Шаги, заглушаемые собственными шагами и стуком забившегося сердца, тоже участились.

Андрей остановился, шаги простучали — раз... два... три... И видно, преследователь, услыша, что Андрей встал, тоже замер.

Господи, этого еще не хватало! Андрей полез в карман — в кармане лежали лишь ключи от московской квартиры и немного мелочи — это не оружие.

Что делать? Близок поворот в Загородную, где живут Иваницкие. Свернуть туда, добежать до их дома и позвать на помощь? Нет, это слишком стыдно. Может, за ним бредет подгулявший местный обыватель, который не менее Андрея боится грабителей. Андрей пошел дальше, все ускоряя шаги. Преследователь спешил следом.

И тогда Андрей испугался и побежал вниз, к набережной, где все же можно встретить людей. Его гнал безотчетный, инстинктивный ужас.

Опомнился Андрей уже у платана. Неподалеку горел фонарь. По набережной шагали в обнимку три матроса, медленно двигалась влюбленная парочка. Вот влюбленные остановились, обернулись к морю и, приблизившись друг к дружке, начали страстно целоваться. Прижавшись спиной к стволу платана, Андрей обернулся — дорожка, по которой он бежал, была пуста. Андрей обогнул ствол так, чтобы его не было видно сверху. Он старался дышать медленно и глубоко. Кружилась голова. Он считал до ста, потом до двухсот.

И тут сквозь шум волн он услышал шаги — они были совсем близко. Ранее он их не слышал из-за шума прибоя.

Метрах в двадцати от него медленно прошел человек. Он был одет в темный пиджак и татарские штаны, заправленные в чоботы. На голове было низко надвинутое кепи. Человек миновал платан, не посмотрев в ту сторону, и Андрей, касаясь спиной ствола, передвинулся от него так, чтобы не попасть на глаза, если тот обернется.

Он не мог разобрать лица преследователя, но по фигуре и движениям понимал, что тот молод.

Не обнаружив своей жертвы, преследователь вышел на набережную, посмотрел в обе стороны вдоль нее и быстро пошел в сторону гостиницы.

Андрей уже был готов и сам вернуться в «Россию», но не хотел, чтобы преследователь увидел его даже в относительной безопасности набережной. И подумал, что теперь он может спокойно дойти до дома Иваницких и мысленно пожелать спокойной ночи Лидочке.

Андрей сорвал с клумбы три астры и быстро поднялся до дома

Иваницких. Несколько раз он останавливался и затаивал дыхание, с замиранием сердца ожидая снова услышать шаги. Но никто его не преследовал.

Свет в доме не горел. Окно в комнату Лидочки было закрыто. Андрей стоял на улице, глядел наверх и мысленно повторял: «Спокойной ночи, я здесь, Лидочка».

Было так тихо, что Андрей услышал, как в соседнем доме кто-то кашлянул во сне. Андрей подошел к двери в дом и потянул ее. Дверь скрипнула. Андрей замер. Дальше он тянул ее на себя сантиметр за сантиметром, и, когда образовалась щель, достаточная, чтобы проскользнуть внутрь, он вошел и осторожно прикрыл дверь за собой. Все же она стукнула, как стучит о стол стакан, который ты хочешь поставить беззвучно. Ощупью ведя перед собой носком ботинка, Андрей подошел к лестнице. Но как только ступил на первую ступеньку, она предательски заскрипела. Андрей понял, что, пока дойдет до второго этажа, перебудит весь дом. Ничего не оставалось, как положить астры на нижнюю ступеньку.

Так же осторожно он покинул дом и снова вышел в переулок, но не успел отойти на несколько шагов, как услышал: окно в комнате Лиды открылось. Шевельнулась занавеска.

— Андрей? — услышал он шепот Лиды. — Это ты?

Андрей рванулся было назад, но тут же возник второй голос — Евдокии Матвеевны. Он был пугающе громким:

— Что случилось, Лида? Ты почему встала?

Хлопнуло соседнее окно. Андрей метнулся к забору и прижался к нему, чтобы его не было видно из окна.

— Душно, мама, — откликнулась Лида.

— Ты с ума сошла! На улице почти мороз.

Спиной касаясь забора, Андрей спустился по переулку и пошел к гостинице. Изнутри было тепло и радостно. Она почувствовала, что он здесь!

* * *

Утром Андрей спустился вниз. В небольшом зале ресторана было пусто, пожилой усач в мундире земгусара ел простоквашу. Военный летчик, штабс-капитан, левая рука на черной перевязи, сидел, насупившись, над рюмкой коньяка. Андрей попросил кофе и булочку.

В ресторан вошел Вревский.

Андрей сразу догадался, что этот человек — следователь Вревский. Не по мундиру и петлицам, а по ищущему взгляду, которым он обшарил зал. По тому, как взгляд его удовлетворенно остановился на Андрее и замер, изучая.

Вревский был совсем не похож на следователя. У него было простонародное топорное лицо, а когда он снял фуражку, под ней обнаружился светлый, соломенный бобрик жестких волос.

— Разрешите, господин Берестов, — сказал Вревский, подходя к столу, и, не ожидая разрешения, уселся. — Моя фамилия Вревский, Александр Ионович Вревский. Я приглашен для расследования дела вашего отчима.

— Очень приятно, — сказал Андрей, который за минуту до того размышлял, пристойно ли первым делом пойти к Лидочке, а уж потом заняться печальными делами. — Как вы меня нашли?

— Ялта — маленький город, — сказал Вревский. — Я даже знаю, что вы приехали на авто господина Керимова и имели беседу с урядником, охраняющим дом Сергея Серафимовича.

Официант принес кофе для Андрея. Вревский заказал чашечку по-варшавски.

— Я как раз иду к вам и думаю — хорошо бы застать вас, Берестов, в ресторане. День холодный, чашка кофе вселяет бодрость.

Несмотря на тяжелый подбородок и скулы, было во Вревском нечто лисье — от косо посаженных желтых глаз, от мелких зубов.

— А я как раз собрался к вам.

— Знаю, знаю, иначе зачем вам ехать в Ялту? Трагическое событие. И загадочное во многом. Я очень надеюсь на ваше сотрудничество. Может быть, вдвоем сможем внести ясность.

— Для меня это полная неожиданность.

— Верю. Верю. Для порядка разрешите полюбопытствовать, где вы находились в ночь преступления?

— Как так где? В Москве. В университете.

— И, разумеется, найдутся люди, могущие это подтвердить?

— Ну хотя бы моя квартирная хозяйка. Я получил телеграмму моей тети шестого. Седьмого я выехал, вчера был в Симферополе, сегодня — девятое.

— Разумеется, — согласился с улыбкой следователь. — Чтобы быть в Ялте в ночь убийства, вам пришлось бы воспользоваться аэропланом. Но я и не числю вас среди подозреваемых. Не числю, но обязан спросить. А что хотели спросить вы?

— Первое: как себя чувствует Глаша?

— Глафира Станиславовна находится в тяжелом состоянии, — сказал Вревский. — Но мы рассчитываем, что она придет в себя и нам поможет.

— Могу я ее навестить?

— Вряд ли доктор разрешит разговаривать с полутрупом.

Андрей даже поморщился. Следователь вызывал в нем антипатию. Такой молодой, лет тридцать, а уже два просвета в петлицах.

— Меня пригласили вести это дело, — сказал Вревский, как бы отвечая на невысказанный вопрос Андрея, — потому что я случился здесь по совсем другому делу. Однако, узнав о случившемся, Великий князь Александр Михайлович, который был знаком с вашим отчимом, лично попросил найти для дела опытного специалиста. Ему пошли навстречу. — Вревский наклонил голову и превратился в желтого низколобого ежика.

Он принялся пить кофе, отставив толстый крепкий мизинец, и этот жеманный жест усилил неприязнь Андрея к следователю.

— Вижу, вы покончили с завтраком? — сказал Вревский, поднимаясь и не сомневаясь, что Андрей последует его примеру. — На улице прохладно. Может быть, вам следует одеться?

— Нет, спасибо, — сказал Андрей.

— Тогда продолжим наш разговор на набережной, — сказал Вревский, — по дороге в дом господина Берестова.

Он пропустил Андрея в стеклянную дверь.

— Я вообще не сторонник формальных методов расследования, — сказал следователь, щурясь от холодного осеннего солнца и натягивая фуражку чуть набекрень, отмерив пальцем середину козырька. — Доверительная беседа на свежем воздухе может дать более, чем долгий и изнурительный допрос.

— Мне кажется, — сказал Андрей, — что вы разговариваете со мной как с подозреваемым. Но я же не имел ни физической, ни психической возможности совершить преступление.

— Что касается физической возможности, это мы проверим, а вот касательно интересов иного плана — тут все сложнее. Вы ведь наследник господина Берестова?

— Я и не знал.

— Знали, голубчик, знали. Кому как не вам наследовать его имущество?

— Есть Глафира.

— Ах оставьте, — усмехнулся Вревский. — При чем здесь Глафира?!

Одноглазый чистильщик пиратского вида сидел под балконом у ванн Роффе, рядом с ним на невысокой табуретке — молодой человек в пиджаке и кепи. «Не он ли, — подумал Андрей, —

преследовал меня ночью? Сказать об этом следователю? Ни в коем случае».

Чистильщик узнал Андрея, подмигнул ему и крикнул:

— Чистить-блистить, добро пожаловать!

Молодой человек встал и медленно пошел по набережной так, чтоб Андрей не видел его лица.

— Существует заверенное нотариусом завещание, — сказал Вревский, — на ваше имя. Оно составлено несколько странно, я с ним ознакомился, однако вы пока что прочесть его не можете, так как официально ваш отчим числится без вести пропавшим, а не усопшим.

— Значит, и вы не имели права читать завещание.

— Совершено преступление, господин Берестов. Я представляю собой правосудие, и я сам решаю, какие шаги надо предпринять, чтобы оно восторжествовало.

— Есть закон, и он выше любого следователя.

— Ах, голубчик, сейчас идет великая война и не время рассуждать о мелочах.

Откуда он научился этому «голубчику»? Наверное, был офицером, да потом выгнали. Андрей знал, что несправедлив, так как Вревский наверняка окончил университет.

— Наследник в следственной практике — наиболее очевидный подозреваемый, — рассуждал между тем Вревский. Со стороны они, наверное, казались приятелями, гуляющими после завтрака. — Вы ведь живете в Москве, нуждаетесь в средствах и не чаяли дождаться, пока старый отчим добровольно скончается. А он у вас крепкий.

— Прекратите! — сказал Андрей. — Я уйду. Я не намерен выслушивать ваши инсинуации.

— Тогда мы будем беседовать с вами в другом месте. — И тут же Вревский переменил тон на фамильярный. — Андрей, голубчик, — сказал он, — я не склонен подозревать вас более других. Но у меня сволочная служба — прежде чем отыскать виновного, я должен оскорбить подозрением многих невинных. Давайте надеяться, что я обидел вас — не более. Но в рамках исполнения своего долга. Для меня ведь была небезынтересной ваша реакция. Виновные ведут себя по-одному, невинные — иначе.

— А я?

— Черт вас знает. — И Вревский рассмеялся.

Они свернули наверх, стали подниматься в гору. С каждым шагом все более хотелось повернуть и уйти. Потому что Андрею претило войти в дом в сопровождении безжалостного человека,

который будет следить за каждым его движением, за каждым словом.

— Поймите меня правильно, — сказал Вревский. — Даже если я не буду вас подозревать, дело не станет менее загадочным. Есть версия простого грабежа, которая никак не сообразуется с исчезновением Сергея Серафимовича, есть версия политическая, которую я не исключаю. С ней не сообразуется грабеж. Скажите, кто, кроме вас, знал о тайнике в полу?

— О каком тайнике?

— Все. Попался, голубчик. Даю сто против одного, что вы о нем знали. По глазам вижу — вы плохо лжете.

— Я знал об этом тайнике, — сказал Андрей, — но, честно говоря, забыл.

— О таком не забывают. Теперь расскажите, что там было.

— Не знаю.

— Чепуха. Господин Берестов наверняка вам все показал.

Они вышли на улицу, что вела к дому отчима.

Сверху бежала Лидочка. Без шляпы, широкая юбка голубого платья развевается, как флаг. Она бежала, расставив руки, будто хотела с разбега обнять Андрея.

— Андрюша! — закричала она, не обращая внимания на следователя. — Я тебя целый час жду.

Она добежала до него, схватилась за рукава, потянула к себе, так и замерла, разглядывая его радостно. Потом поцеловала в щеку.

— Ой, как хорошо, что ты приехал, какой это ужас, я даже не спала.

И все это она сказала одной фразой.

Вревский сделал шаг в сторону, беззастенчиво разглядывая Лидочку. Она почувствовала его присутствие и, не отпуская руки Андрея, немного отстранилась.

— Ты был? — спросила она. — Да, ты вчера вечером был?

Андрей кивнул.

Толстая короткая коса была перекинута вперед гигантским колосом по синему плечу жакета.

— Ты туда? — Лидочка кивком показала на дом.

— Мне нужно, — сказал Андрей.

— Я понимаю. А потом в больницу к Глаше, да? Я все знаю. Хочешь, я с тобой пойду?

— Я не знаю, пустят ли меня в больницу.

— Вряд ли, — сказал Вревский.

— Тогда ты отсюда сразу к нам, хорошо? Я никуда из дома не уйду. Ты скорее приходи. Мы обедать будем.

Она замолчала. Присутствие Вревского с каждой секундой все более угнетало.

— Если мадемуазель позволит, — сказал Вревский, — мы должны проследовать дальше.

— Конечно, я иду. Я только хотела поздороваться. Я жду.

Лидочка отпустила руку Андрея, и он послушно пошел к дому вслед за Вревским, который умел двигаться таким образом, будто не сомневался, что за ним покорно последуют.

Андрей понял — а ведь она изменилась. Она стала другая. Но в чем изменение? Надо скорее вернуться к ней и все понять. Как хорошо, что она пришла. Что она ждала его. Как это хорошо...

Полицейский — другой, не тот, что был ночью, — ступил в сторону от ворот, пропуская следователя.

— Господин Берестов, — сказал Вревский, — ваша дама очаровательна, но нас ждут дела печальные и обязательные.

Укор в легкомыслии был очевиден, и Андрей не удержался от попытки оправдаться.

— Мы не виделись с Рождества, — сказал он.

— Сочувствую, сочувствую, голубчик, — согласился Вревский.

Он вынул из кармана ключ — знакомый ключ — и открыл дверь. В доме пахло чем-то чужим. Но определить запах Андрей не смог. Двери на кухню и в его комнату были раскрыты.

Они поднялись на второй этаж. На площадке перед дверями мелом было грубо нарисовано очертание человеческой фигуры.

— Не наступите, — сказал Вревский.

— Что это?

— Здесь была найдена госпожа Браницкая.

— Кто?

— Глафира Станиславовна.

Андрей, к стыду своему, понял, что никогда не знал фамилии Глаши. Госпожа Браницкая. Известная фамилия. Слишком известная для служанки.

— Это часть нового метода следствия, — сообщил Вревский самодовольно. — Будучи на стажировке в Париже, я провел полгода в Сюртэ. Это вам что-нибудь говорит?

Он толкнул дверь в кабинет.

— Мы исследуем сейчас отпечатки пальцев, — сообщил он. — Они у людей сугубо индивидуальны. Если сверить отпечаток

пальцев с имеющимся в картотеке, можно безошибочно определить его владельца.

— И вы сверили? — спросил Андрей.

— Пока мы отправили их в Петербург. К сожалению, в Симферополе картотеки пока нет.

Кабинет Сергея Серафимовича, всегда столь чистый, аккуратный, выверенный, был гадко осквернен. Стулья опрокинуты, стол отъехал в сторону, книжный шкаф раскрыт, и несколько книг валяются на полу. Ковер наполовину закатан, и в полу видна черная квадратная дыра. Ближе к двери — темные пятна.

— Это кровь? — спросил Андрей.

— Да. И предположительно, кровь вашего отчима. Здесь происходила борьба. И если вы соизволите наклониться, вы увидите порезы на ковре. Порезы сделаны острым оружием, вернее всего, кинжалом при нанесении ран неизвестному лицу. Опять же мы с вами можем предполагать, кто был этим лицом.

Запах в кабинете, окна в котором были закрыты, был еще более чужим и тошнотворным. Андрею захотелось уйти, и он, видно, сделал непроизвольное движение, потому что Вревский остановил его.

— Нет, голубчик, потерпите, — сказал он. — Нужно кое-что выяснить. Посмотрите внимательно вокруг — может, вы обнаружите еще какую-нибудь пропажу. Что-нибудь важное, существенное или даже мелочь... Смотрите!

Андрей стал покорно смотреть, и, как только взгляд его упал на портрет, он вспомнил, что за ним — сейф. Он чуть было не сказал об этом Вревскому, но спохватился — а почему он, в сущности, должен рассказывать Вревскому? Отчим наверняка не хотел этого.

— Так что же? Вы вспомнили, признайтесь, вы вспомнили? Что?

Вревский покачивался перед Андреем, будто гипнотизировал его. Он понял: Андрей что-то скрывает, и злился на себя за то, что упустил то мгновение, когда Андрей готов был признаться.

— Хорошо, — сказал Вревский устало, так и не перехватив взгляда Андрея. — Вы же заинтересованы, черт возьми, в том, чтобы помочь следствию! Или вы заодно с убийцами?

— Почему с убийцами?

— Да потому что и младенцу ясно, что его тело унесли и закопали или сбросили в море.

Вревский отошел к окну. Что-то за окном его заинтересовало, Андрей пошел вокруг стола, зная, что в любой момент Вревский

может обернуться. Ящики письменного стола были закрыты. Но это не означало, что туда никто не заглядывал.

Вревский обернулся от окна и спросил:

— Какие у вас отношения с Ахметом Керимовым?

— Я учился с ним в гимназии, в одном классе.

— В гимназии? Он учился в гимназии?

Андрей не поверил Вревскому, что тот об этом не знает. Вревский только хотел показать своими словами, что не считает Ахмета достойным учиться в гимназии.

— И неплохо учился, — сказал Андрей.

— Допускаю. Кстати, я попал в Ялту по делу, связанному с замыслами вашего друга. Личность подозрительная.

— Он оказал мне любезность. Иначе бы мне не добраться до Ялты так быстро.

— А, у него авто, — сказал Вревский. — И вы знаете, сколько стоит такая машина?

— Нет, не знаю.

— Ни у его отца, ни у нас с вами никогда не будет возможности честно заработать такие деньги. Вам не приходило в голову, что эта машина куплена на нечестные деньги?

— Я об этом не думал. Мне было не до этого.

— Хорошо, хорошо, оставим этот разговор. Вы будете в гостинице «Россия»?

— Да.

— Попрошу вас никуда не уезжать. Вы мне понадобитесь.

— Я специально приехал...

— Ладно, голубчик. А я так рассчитывал, что вы будете сотрудничать со следствием!

— Я сотрудничаю.

— Я вас провожу вниз.

Вревский вывел Андрея из дома. Андрей увидел, что перед калиткой стоит мотор Ахмета. Ахмет сидел за рулем. При виде Андрея он нажал на клаксон.

— Вот почему вы заговорили о Керимове, — сказал Андрей.

— Разумеется. Увидел и заговорил.

— Вы мне скажете, когда я смогу увидеть Глашу?

— Разумеется. Завтра утром в десять я жду вас у себя. В здании городского суда. Спросите меня. Больше вам нечего сказать?

— Я только хотел сказать, что вчера ночью меня преследовал какой-то человек.

— Как так преследовал? — Вревский казался удивленным.

— Он шел за мной по улице.

— Это не мой человек, — сказал Вревский. — Я узнал о вашем приезде только сегодня утром. Как он выглядел?

— Молодой, в пиджаке...

— Вы бы его узнали?

— Не уверен.

— Будьте осторожны. Мне бы не хотелось лишиться такого полезного свидетеля. Хотите, я поставлю охрану у гостиницы? Или у дома вашей прекрасной дамы? — Вревский улыбнулся.

— До свидания, — сказал Андрей. Они формально поклонились друг другу.

Ахмет открыл дверцу машины навстречу Андрею.

— Садись, — сказал он, — карета подана.

Мотор заработал, и машина сразу начала разворачиваться.

— А я этого Вревского знаю, — сказал Ахмет. — Он меня не любит. Поэтому я его в машину не позвал. Пускай прогуляется пешком.

Андрей обернулся. Вревский стоял, широко расставив ноги, руки в карманах, — смотрел вслед. Он все понимал.

— Спасибо, что ты приехал. Он меня измучил.

— Он думает, что ты из Москвы на аэроплане прилетел, чтобы завладеть сокровищами отчима. А я твой сообщник. Куда поедем?

— Выезжай на набережную, потом я покажу.

Андрею почему-то и в голову не приходило сомневаться в правильности того, что Ахмет возит его по Крыму. Да и Ахмет ничем не показывал, что он — благодетель.

Они выехали на набережную. Навстречу им катил схожий автомобиль, в котором сидели две дамы. В молодой Андрей узнал княжну Татьяну.

Дамы проводили удивленными взглядами машину Ахмета. Машин в Ялте было мало, каждая на счету и принадлежит известной персоне. Лишь в самые последние месяцы появились автомобили у армейских и флотских высоких чинов.

Ахмет помахал дамам, те поклонились, так и не разобрав, с кем раскланиваются.

Ахмет сказал:

— Узнал, да? Она до сих пор помнит прикосновение моей трудовой руки к ее изнеженной коленке. Может, жениться на ней, а?

— Ты что-нибудь еще узнал? — спросил Андрей.

— Думаешь, Ахмет всю ночь не спал, переживал, искал? Спал я без задних ног. Очень устал. Где поворачивать?

— На Садовую, к храму.

— Но одну вещь я узнал. Дезертиры здесь ни при чем. Мне точно сказали. И местные воры не знали ничего. Все думали, что он чудак, небогатый. Он хорошо свои тайны хранил.

— Недостаточно.

— А ты что в доме видел?

— Видел кровь в кабинете. И ковер ножом порезан. И место, где была шкатулка с драгоценностями.

— А ты сам о ней знал?

— Следователь меня об этом спрашивал. Знал, знал.

— И что внутри, знал?

— Там были драгоценности. Отчим показывал, но я не очень разглядывал.

— Значит, еще кому-то рассказал. Может, служанке своей, Глаше?

— Чепуха. Ее же чуть не убили.

— Сначала обещали поделиться, а потом раздумали. Вот и убили. Это бывает. Женщины — ненадежные. Когда родишься мусульманином, узнаешь, что женщина должна знать свое место.

— Вот здесь остановись, — сказал Андрей. — Пойдем со мной, познакомишься.

— Нет, не надо знакомиться. Лучше так сделаем. Я голодный, ты голодный. Бери свою Лиду, я вас на настоящем авто в ресторан повезу. На Учан-Су. Там еще открыто.

Андрей предпочел бы побыть с Лидой вдвоем, но он был обязан Ахмету, да и предложение друга было соблазнительным.

Андрей взбежал наверх. Евдокия Матвеевна была дома, она открыла дверь и поцеловала Андрея в лоб, печально, по-матерински, будто на похоронах. Андрей, который готов был закричать с порога: «Поехали в ресторан!», смутился нелепости своего поведения. Они стояли в прихожей, Евдокия Матвеевна говорила нужные слова о том, какой человек был Сергей Серафимович и как это должно быть тяжело для Андрея. Андрей соглашался и не знал, куда девать руки. Почему-то все говорили об отчиме как о мертвом. А Андрею казалось, что он его еще увидит.

— Проходите! — опомнилась наконец Евдокия Матвеевна. — Чего же мы здесь стоим?

— Простите, я потом к вам приду, — сказал Андрей. — Там внизу нас ждет мой товарищ. Он хотел нам помочь в одном деле... Мы с Лидочкой, если вы позволите...

— Как же так без обеда! Зовите своего товарища.

— Мама, не вмешивайся! — сказала Лидочка с незнакомой

еще Андрею командной интонацией. — Андрей, спускайся вниз, я через три минуты буду.

Лидочка прибежала минут через пять. Уже одетая для выхода. В доме напротив к стеклам прижались удивленные лица — видно, автомобиль еще никогда не заезжал на эту улицу. Евдокия Матвеевна тоже выглянула и не скрыла удивления.

— Мы едем обедать куда-нибудь, где мамы не задают вопросов, — сказала Лидочка, когда они устроились и машина покатила вниз. — Я по твоему тону поняла.

— Умная женщина — это еще хуже, чем красивая, — сказал Ахмет.

Машина с трудом забралась к ресторанчику у водопада Учан-Су. Лидочка и Ахмет разговаривали как давнишние приятели — хоть и виделись они мельком, но Андрей и Маргарита их как бы давно познакомили.

В ресторане они ели шашлыки, запивали их сухим вином, но Ахмет вина не пил, он попросил щербет.

Они вспоминали прошлое лето, Ахмет рассказывал о своем неудачном романе с Маргаритой и выступал в этом рассказе глупым извозчиком, который осмелился претендовать на руку прекрасной дворянки. Это было неправдой, но звучало смешно. Андрей засмеялся было, но увидел, что Лидочка даже не улыбнулась, спохватился, рассердился на себя, потому что уже несколько минут как забыл о несчастье.

Лидочка сказала:

— Я позавчера Колю фон Беккера видела.

— Где? Здесь? — удивился Андрей.

— У мола. Он в форме, еще красивей, чем прежде. Не сердись, Андрюша, этот факт меня не касается.

— В какой он был форме? — спросил Ахмет.

— Как у солдата. Только погоны такие... с разноцветным шнурком по краям.

— Ясно, — сказал Ахмет. — Наш Коля — патриот.

— Почему патриот? — спросила Лидочка.

— Вольноопределяющийся, — сказал Андрей. — Я тоже хотел стать. И если бы не эти события...

— Не говори глупостей, — сказала Лидочка, — я тебя не отпущу.

— И что тебе сказал фон Беккер? — спросил Ахмет.

— Он был рад меня видеть. Он служит где-то... В Феодосии, там береговая артиллерия.

— Хотел бы я быть таким вольноопределяющимся, — сказал Ахмет. — И патриот, и долг выполнил, и фронт далеко.

— Ты не прав, Ахмет, — сказал Андрей. — Куда его послали, там он и служит.

Ахмет не стал спорить. Детское приятельство давно уже дало трещины. А любит ли Колю Андрей? Конечно, нет... и все же это Коля Беккер, брат Нины, сосед, о котором столько знаешь и прощаешь ему то, чего не простил бы чужому.

Вино было легкое, хорошее, прохладное. От столика открывался вид к лесу, зеленому и багровому ковру, наброшенному на крутой склон. Домики Ялты казались белыми кубиками, разбросанными шалуном у воды.

— У меня из головы не идет эта шкатулка, — сказал Андрей. — Как грабители могли догадаться?

— Ты о той шкатулке, что под полом? — спросила Лидочка.

— Да, — сказал Андрей. — А в городе уже все знают?

— Что ограбили, знают, — сказала Лида, — а про шкатулку ты мне сам рассказал.

— Когда?

— Ну вот. — Лидочка смутилась. — На Рождество, пока мы с тобой автобуса ждали!

— Вот и еще один подозреваемый, — сказал Ахмет.

Андрей спохватился:

— Как могло из головы вылететь? Прости, Лида.

— Я не сержусь, — сказала Лида, но она была чем-то озабочена.

— Поехали, что ли? — спросил вдруг Ахмет. — Меня ждут великие дела, как любил говорить Гарибальди.

Андрей настоял на том, что платит он. Ахмет развел руками. При Лидочке он робел. Он довез их до дома и умчался.

* * *

После чая Евдокия Матвеевна оставила «детей» в Лидочкиной комнате, где на стенах висели голубые акварели. Лида, убедившись, что мать в самом деле ушла, сказала:

— Я очень перед тобой виновата, но я должна тебе все рассказать.

— Что случилось? — У Андрея провалилось сердце. Он сидел на стуле, любовался Лидочкой. И признание таким тоном доброго не сулило. — Ты встретила другого человека?

— Не говори красиво. Я к тебе хорошо отношусь, — сердито сказала Лидочка. — Но я должна показать тебе одно письмо.

Она раскрыла ящик письменного стола и вытащила оттуда пачку писем, перевязанную голубой ленточкой.

— Я раньше от мамы письма прятала. А потом поняла — она все равно найдет. Она у меня хорошая, но очень беспокоится. Она только делает вид, что к тебе расположена.

— А на самом деле?

— Она тебя боится. Она боится, что ты меня обидишь, соблазнишь и бросишь... Она всех мужчин боится, которые могут сделать мне больно. Ты не сердишься на нее?

— Нет.

— Вот письмо. Это письмо от Марго. Она мне прислала его еще весной. Я совсем о нем забыла. А сейчас, когда был этот разговор, я вспомнила.

Лидочка пробежала глазами первую часть письма, перевернула голубой листок и дальше прочла вслух:

— «Я видела Ахмета. Представляешь, он заявился в Одессу, где-то узнал наш адрес, подстерег меня. На извозчике с букетом роз. Ты не представляешь, какое это уморительное зрелище! Я признаюсь тебе, что была тронута. Он такой забавный. Он повел меня вечером в кафешантан. Я делала вид, что я светская львица, для которой все это, как говорят в Одессе, «семечки». На самом деле ты знаешь, что я никогда там не была. Это очень пошло, но увлекательно и шикарно, Ахмет просадил кучу денег. Я думаю, что он взломщик — он совершенно не считает денег. Я старалась при нем ни слова о my dear friend, а он и не спрашивал. Я ему рассказала о твоем романе с Андрюшей. Роман в письмах — ах как это мило! И даже рассказала, помнишь, ты мне призналась, как этот Андрюша хотел произвести на тебя впечатление и придумал романтическую историю про сокровище под полом в кабинете его дядюшки или отчима — не помню уж кого. Ахмет тоже смеялся, но он отзывается об Андрюше очень тепло. Хоть и считает его слюнтяем...»

Лидочка скомкала письмо и, как бы перенеся на него злость, швырнула в угол.

Сначала Андрей услышал и понял не ту часть, что касалась сокровищ, а мнение о его характере, которое Лидочку не удивило и не обидело. И это мнение Ахмета!

— Значит, Ахмет сказал неправду, — услышал он голос Лидочки.

— Он забыл, — сказал Андрей. — Не придал значения и забыл. Он бы сказал мне, если бы помнил.

— Андрей, ты самый добрый на свете, — заявила Лидочка. — А я так боялась, что ты рассердишься.

Постучала Евдокия Матвеевна и позвала пить чай.

— Спасибо, — сказал Андрей, — если вы не обидитесь, я уйду.

— Почему? — возмутилась Евдокия Матвеевна. — Сейчас придет Кирюша, мы посидим, вам надо быть среди людей — одиночество в вашем трагическом положении губительно. Послушайте уж моего совета.

— Я хочу попробовать пройти в больницу, — сказал Андрей. — Может быть, Глаше лучше. Может, меня к ней пустят.

— Завтра, — сказала Евдокия Матвеевна. — До завтра ничего не изменится.

Андрюша знал, что не останется здесь. Такая вот шлея ему под хвост попала, как говорила в таких случаях тетя Маня. Она говорила: «Ты, Андрюша, человек мягкий, можно сказать, бесхарактерный, и как многие бесхарактерные люди — страшно упрямый. А упрямство, учти, порок». Андрей и не мог бы сказать, что заставляло его уйти. Но Лидочка поддержала его:

— Мама, неужели ты не понимаешь, что Андрей переживает?

— Вы дорогу знаете? За церковью сразу направо, — сказала Евдокия Матвеевна. — Узнайте там, что надо Глафире. Я завтра могу прийти в больницу и принести. Может, мед ей нужен?

— Спасибо, — сказал Андрей, — я спрошу.

* * *

В больницу Андрей пришел в половине восьмого.

Он спросил внизу у сестры, что сидела за столиком, в какой палате лежит Глафира Браницкая. Хорошо, что следователь сказал фамилию. Иначе он выглядел бы странным самозванцем. Пожилая ухоженная сестра сказала с немецким акцентом:

— К ней нельзя. Состояние тяжелое.

— Вы только скажите мне, в какой палате, — попросил Андрей. — Я завтра приду и уже буду знать.

— Палата седьмая, — сказала сестра. — Для особо тяжелых. А вы кто будете?

— Я ее родственник, — сказал Андрей. — Я специально приехал.

Сестра внимательно поглядела на Андрея и, видно, поверила ему.

— Это ужасная история, — сказала она. — Женщина так изуродована. Я бы на ее месте предпочла умереть.

— А есть опасность для жизни?

— Молодой человек, я не могу с вами это обсуждать. Завтра будет доктор Власов. Мне вообще запрещено говорить. Я обязана, если кто-нибудь будет спрашивать о больной Браницкой, немедленно звонить следователю господину Вревскому. Вот видите телефон? Я сейчас должна его предупредить.

— Он меня знает, — сказал Андрей. — Я с ним уже разговаривал. Он мне не очень понравился.

Что заставило Андрея сказать это?

— Как вы правы, — сказала сестра. — Он очень груб. Но вы не беспокойтесь. Я полагаю, что ваша родственница будет жить. Приходите завтра. Сегодня она еще в беспамятстве.

Попрощавшись, Андрей вышел из дверей госпиталя и остановился снаружи, придерживая дверь, чтобы осталась щель. И стал ждать. Он ждал минут пять. Сестра вставала, уходила, принесла какую-то тетрадь. Но к телефону не притронулась. Значит, Андрей понравился ей более, чем следователь Вревский. И можно не бояться, что она донесет о визитере.

Тогда Андрей пошел вдоль высокого каменного забора до калитки. Калитка не запиралась. Андрей знал об этом, потому что много лет назад Сергей Серафимович лежал в этой больнице. У него был, кажется, колит. Это было летом, Андрей навещал его и приносил тайком запрещенный доктором табак. Отчим ждал его в саду. Они гуляли по саду, и отчим рассказывал ему о растениях, которые там произрастали. Это было в тот год, когда отчим надеялся пробудить в Андрее любовь к ботанике.

В саду было куда темнее, чем на улице. Старые деревья сомкнули кроны над голой землей. Андрей осторожно прошел к светящимся окнам.

Андрею не надо было даже вставать на цыпочки, чтобы заглянуть в палаты. За первыми тремя окнами были палаты общие. Четвертое окно, задвинутое занавеской, вело в палату, где лежала Глаша.

Андрей заглянул в щель между занавесками. Палата была освещена электрической лампой. Глаша лежала на высокой койке, на спине, неподвижно, руки были протянуты вдоль боков. Лицо было обмотано бинтами, словно у обожженной. Бинты скрывали щеки — только кончик носа и один глаз были наружу. Почему-то не вовремя вспомнился роман Уэллса «Человек-невидимка». Даже стыдно стало, что вспомнился.

Андрей осторожно толкнул раму. Вернее всего, окно заперто, но чем черт не шутит... И вдруг рама подалась, и окно со скрипом распахнулось. Андрей замер. Но никто не услышал — еще не улеглись спать дневные звуки.

Он подтянулся на руках и, когда оседлал подоконник, вдруг увидел, что Глаша шевельнулась и ее глаз открылся.

— Тихо, — прошептал Андрей.

— Слышу, — чуть слышно отозвалась Глаша.

Андрей спрыгнул на пол и на цыпочках подошел к кровати.

Он склонился к Глаше и отвел спутанные, тусклые рыжие волосы, что скрывали ухо.

— Здравствуй, — сказал он тихо. — Прости, я так долго ехал.

Обветренные, в кровавых трещинках, губы Глаши чуть шевельнулись.

— Я знаю, — прошелестел ответ. — Я все слышу. Я молчу, я глаза не открываю... вроде я без сознания. Боль-то какая...

— Глаша, Глашенька, — шептал Андрей, гладя ее безвольно лежащую руку. — Ты выздоровеешь, я тебя не оставлю.

— Ты приехал, — прошептала Глаша, — дождалась. Мне главное было — дождаться тебя, солнышко.

— Почему ты ничего не говоришь следователю?

— Я про Сережу не знаю. Может, объявится. Может, спасется... Если я сейчас скажу, еще хуже будет.

— Что хуже?

— Ты не понимаешь... Воды дай.

Стараясь не звякнуть стаканом, Андрей поднял его с тумбочки, поднес к губам Глаши. Ей было трудно пить, Андрей думал помочь, подложил ладонь под затылок Глаши, чтобы поднять голову, но она вдруг зажмурила глаз и застонала.

— Отпусти-и-и...

Глаша лежала минуту или две, закусив губу, часто и мелко дышала. Андрей молчал, он понимал, что причинил ей боль.

— Избита я вся, — прошептала Глаша. — Упала, все разбито... меня резали, ножами резали, по лицу, по груди. Они мне глаз вырезали. Я знаю...

— Глаша. — Андрей не знал и не мог ничего более сказать. Страдание ее было столь ощутимо физически, что боль передавалась Андрею, вызывая тошноту. — Кто они? Кто? Ты видела?

— Нет, темно... незнакомые... — Каждое слово давалось Глаше с трудом. — Ждать... может, Сережу увидим. Ты не уезжай, ты

тоже жди, в доме жди, понимаешь, он может раненый прийти, совсем плохой. Ты дома жди. Не бойся. Тебя никто не тронет...

И вдруг:

— А Филька сдох?

— Да. Он на улицу выбрался, как будто помощь звал.

Глаша закрыла глаз, и вокруг него была чернота. Слеза набухала, стремясь вырваться из-под века.

— Милый, — сказала Глаша, — любимый мой мальчик...

Потом она глубоко вздохнула, ей было тяжело дышать.

— Ты помнишь, что Сергей говорил? Если он скоро не придет, то возьми в сейфе бумаги. Там все написано. Сейф они не нашли?

— Нет, — сказал Андрей.

— Какое счастье! Ты его открой, если Сергей не вернется.

— Ты выздоровеешь и откроешь.

— Глупый ты мой, ничего ты не понимаешь.

В коридоре приближались шаги. Они оба услышали.

Андрей вскочил.

— Стой! — приказала Глаша. Почти крикнула шепотом. — Возьми из-под подушки, возьми скорее. Это самое главное.

Андрей сунул руку под подушку.

— Правее... я сберегла...

У двери шаги остановились. Послышался женский голос. Ему ответил мужской.

Андрей нащупал нечто плоское, тяжелое.

— Бери и беги!

Андрей выхватил эту вещь в тот момент, когда дверь начала открываться. Он кинулся к окну, перевалился через подоконник и успел краем глаза увидеть испуганное лицо сестры-немки. За ней лицо полицейского. Значит, Вревский почуял неладное, прислал проверить...

Андрей кинулся бежать по саду, было совсем темно, он налетал на стволы деревьев, где эта чертова калитка?

Калитка обнаружилась тем, что распахнулась и в нее вбежал полицейский, придерживая рукой шашку. Андрей прижался к стволу.

— Стой! — кричал полицейский. — Стой, стрелять буду!

Пока полицейский, пытаясь определиться, крутился между черных стволов, Андрей выбежал через калитку и помчался вниз. Он знал: через два дома — проходной двор...

* * *

Андрей вернулся в гостиницу почти без приключений. Почти — потому что уже на набережной его поджидал вчерашний преследователь, который, не скрываясь, поднялся за ним до самой гостиницы, отворачиваясь, когда Андрей оглядывался.

Андрей вошел в гостиницу и сквозь стеклянную дверь увидел, как человек в пиджаке прошел мимо. Но теперь Андрей был уверен, что узнает его, встретив днем.

Он взял ключ и поднялся к себе. И тут поймал себя на том, что у него не такое уж плохое настроение. Глаша жива — главное, что жива и выживет. И Сергей Серафимович может вернуться. Ведь Глаша верит в это.

Не раздеваясь, Андрей упал на кровать.

Странно все-таки, почему Ахмет забыл о шкатулке, если Маргарита рассказала о ней? Он мог забыть, но когда разговор о ней поднялся в ресторане на Учан-Су, он должен был вспомнить. Вспомнил бы и сказал. Испугался? Чего? Что Андрей заподозрит его? Чепуха, чепуха...

В дверь постучали.

— Кто там?

— Господина Берестова просят вниз, к телефону, — сказал через дверь половой.

Андрей поглядел на часы. Скоро десять. Телефоны в Ялте были еще в новинку. У Иваницких его не было.

Андрей сбежал по лестнице вниз. Телефон стоял на широкой стойке. Скучный портье протянул Андрею трубку.

— Я слушаю, — сказал Андрей.

— Добрый вечер, вас беспокоит следователь Вревский, — услышал он. — Разрешите вам задать один вопрос?

— Пожалуйста, — сказал Андрей.

— Вы были в Николаевской больнице?

— Да, я заходил туда.

Пауза. Видно, следователь ждал запирательства.

— Я просил вас этого не делать, — сказал он наконец.

— Я хотел увидеть Глашу. Это понятно в моем положении.

— Зачем же тогда вы лезли в палату через окно?

— А как же я мог еще пролезть, если меня не пустили в дверь?

— Не дерзите, Берестов. Вы нарушили порядок.

— Простите, не знал.

— Знали, голубчик, знали... Так что вам сказала госпожа Браницкая?

В вопросе был очевидный подвох. К счастью, проницатель-

ный Вревский, видно, не придал проступку Андрея должного значения. Задай этот вопрос Вревский с глазу на глаз, Андрей не смог бы убедительно солгать. Телефонный разговор хорош тем, что ты не видишь лица собеседника.

— Вы же знаете, Глаша без сознания.

— Вы убеждены в этом?

— Может быть, она спала. Я не знаю.

— Вы пытались с ней разговаривать?

— Я окликнул ее, но она не ответила.

— Вот видите, — сказал следователь. — Я же вас предупреждал. Вы могли нанести ей травму. А что вы взяли в палате?

— Я? В палате? А что я мог взять?

— Не знаю, — сказал Вревский. — Спокойной ночи. Завтра увидимся. Завтра в десять жду у себя. В здании суда.

— Спокойной ночи, — сказал Андрей с облегчением.

Портье глядел на него во все глаза.

— Так это вы приходитесь сыном господину Берестову? — спросил он.

— Да, — сказал Андрей. — Спокойной ночи.

В номере Андрей вытащил из кармана тужурки вещь, которую взял у Глаши. Она оказалась серебряным портсигаром. На крышке его были изображены лилии. Видно, там нечто важное, если Глаша даже в таком состоянии не рассталась с ним.

Андрей попытался открыть портсигар, но он был заперт. Андрей покрутил его в руках и спрятал в чемодан, под белье. Потом подумал, что, если кто-то заинтересуется его вещами, портсигар может вызвать подозрения. Он переложил его во внутренний карман тужурки, повесил ее на спинку стула.

— Спокойной ночи, Глашенька, — сказал он, надеясь, что его слова таинственным способом донесутся до нее.

* * *

С утра он был у следователя, который задал ему тысячу вопросов. Вопросы Вревский задавал многозначительно, будто каждый из них вел к признанию. Андрей отвечал спокойно, не таясь, так как не знал за собой никакой вины. Вопросы касались и прошлых отношений в семье, и круга знакомых отчима, а были среди них вроде бы совсем не имеющие отношения к делу — к примеру, где служила Глаша раньше. Андрей подозревал, что и сам следователь не знает, что делать дальше. И никакого плана поис-

ков не имеет, а от этого как бы стреляет по квадратам в надежде попасть в цель.

Если в первые минуты Андрей трусил, не понимая хода мыслей и замыслов Вревского, то после часа допроса Андрей совсем осмелел, и ему стало скучно.

— Александр Ионович, — сказал он, — в любой момент вы можете продолжить ваш допрос. Я не уезжаю из Ялты и буду здесь, пока все не выяснится.

Слова, а скорее тон Андрея следователю не понравились, видно, он сам уже понял слабость своей позиции, но, чтобы оставить за собой последнее слово, строго сказал:

— Я вас официально предупреждаю, что вы не имеете права покидать Ялту, ибо ваше присутствие может понадобиться следствию.

Если следователь думал, что последнее слово за ним, то он ошибся.

— Тогда я попрошу вас вернуть мне ключ от дома, — громче, чем следовало, сказал Андрей.

— Что же вы намерены там делать? Следствие еще не закончено. — Вревский не скрыл удивления.

— Этот дом принадлежит моему отчиму, — сказал Андрей. — И вы не имеете права меня туда не пустить. Поставьте вокруг сотню урядников, но я там буду жить. «Россия» мне не по карману.

— Вы можете остановиться у друзей, — сказал Вревский, проявляя осведомленность. — У Иваницких, например.

— Господин следователь, мне лучше знать, как мне удобнее. Если вы не согласны, то я тотчас же обращусь к адвокату.

— Зачем так строго? — ухмыльнулся Вревский. — Студенту адвокат не по карману.

Он достал из кармана связку ключей, отстегнул нужный и протянул Андрею. И того сразу охватило подозрение — не слишком ли легко согласился Вревский?

— И вы не боитесь привидений? — спросил Вревский, принимаясь писать записку полицейскому.

— Чьих? Никто не погиб и не умер в нашем доме.

— Есть только подозрения, — согласился Вревский. — Ну, с Богом. Если грабители вернутся, я не смогу вас защитить... и предупреждаю, ничего на втором этаже не трогать.

Андрей пожал плечами, выказывая равнодушие к опасности. Но на самом деле, если бы не настойчивая просьба Глаши, он не осмелился бы возвратиться в дом.

* * *

Он вернулся в гостиницу, расплатился и, наняв извозчика, отвез чемодан в дом к отчиму. Полицейский все так же тосковал у ворот, но Андрей показал ключ и записку от Вревского. Полицейский долго читал ее, шевеля мокрыми губами, потом сказал:

— Ну как знаете.

Дом был залит солнцем. Андрей поставил чемодан в детскую, но наверх подняться не решился.

На кухне на давно остывшей плите стоял чайник. Хлеб в хлебнице высох и заплесневел. Андрей выбросил его в курятник, куры завопили, услышав, что он подошел, забили крыльями. Так что пришлось вернуться на кухню, отыскать пакет с крупой и высыпать в курятник. Вода у птиц была.

Полицейский поглядывал из-за забора. Умывшись и переодевшись (белье в его шкафу было проложено лавандой), Андрей пошел к Иваницким, где его ждали с нетерпением. Евдокия Матвеевна уже готова была вместе с Лидочкой бежать на поиски. Но когда все выяснилось и Андрей рассказал о вчерашнем визите в больницу и последнем разговоре с Вревским, все немного успокоились, лишь Евдокия Матвеевна никак не могла согласиться с тем, что Андрей будет жить в том самом доме.

— Они могут вернуться, — повторяла она, округляя голубые глаза. — Вы подвергаетесь страшной опасности!

— Там полицейский, — сказал Андрей.

Но Евдокию Матвеевну он не убедил. Она так и не поняла, зачем ему жить в доме отчима, когда она готова его принять. А о словах Глаши, о просьбе ее оставаться в доме на случай возвращения отчима Андрей не стал говорить — он понимал, что еще больше испугает Евдокию Матвеевну.

Поговорить с Лидочкой дома было невозможно, потому что ее мать, обуреваемая заботой об Андрее, не оставляла их ни на минуту. Горпина напекла оладьев и стояла над Андреем, требуя, чтобы он ел их, пока горячие.

Вечером к ней приходил достойный жених, а когда он ушел — одному Богу известно. Так что Горпина была распаренная, добрая и малоподвижная.

Лидочке тоже было невтерпеж сидеть дома. И, едва дождавшись, пока кончится завтрак, она сказала:

— Мама, мы пойдем погулять.

— Куда?

— Не все ли равно. Андрею надо побыть на свежем воздухе.

Скрепя сердце Евдокия Матвеевна вынуждена была согласиться с этой мыслью. Они выбежали из дома и поспешили вниз по переулку. Евдокия Матвеевна смотрела вслед из окна и кричала:

— Лидочка, ты шляпку забыла! Лидочка, это же совершенно неприлично!

Андрею за этим криком послышалось другое: «Лидочка, я все вижу! Лидочка, я всегда рядом, не забывай об этом!» Ему стало смешно. Лидочка тоже засмеялась. Так они и добежали до набережной.

Именно в этот момент по набережной ехал Ахмет в своей машине. В машине сидели несколько татар зажиточного вида, некоторые в фесках. Были они напряжены, словно собрались на панихиду. Одинаково они обернули лица к бегущим, а Ахмет узнал и отдал честь.

Машина скрылась.

— Кто это были? — спросила Лидочка.

— Турецкие шпионы, — ответил Андрей серьезно.

Они зашли далеко на мол, разулись и уселись на краю, свесив ноги. Ветер дул редкими, но сильными порывами, чайки кружились над головами, вопили, надеясь на кормежку.

Лидочка долго молчала. Андрей тоже молчал, было спокойно, по набережной гуляли люди, как в мирное время, только на молу почти никого не было.

— Я почти не спала, — сказала Лидочка. — Ты понимаешь, о чем я думала?

— Обо мне?

— Я думала, что, если все это правда и если Маргарита рассказала Ахмету, а Ахмет проговорился бандитам, это значит, что я во всем виновата.

— Лидочка, не надо. — Андрей был совершенно искренен. — В жизни надо кому-то верить. Вот я верю тебе, я верю тете Мане. Я верю Глаше. Есть люди, которым надо верить. Если не верить, то жизнь теряет всяческий смысл. Я верю Ахмету. Когда мы его увидим, спросим его об этом. Ты увидишь, что он ни в чем не виновен. Успокойся, пожалуйста.

— Андрюша, мне очень страшно. Не только из-за нас с тобой. Еще зимой все было понятно. А потом я испугалась, что ты уйдешь воевать и тебя убьют. А я останусь твоей вдовой, навсегда, а я даже не была твоей женой. Сейчас тихо, а это нечестная тишина, потому что я знаю, что там, на западе, стреляют и убивают. Не было бы войны, никто бы не напал на Сергея Серафимовича.

— Бандиты были всегда.

— А сейчас люди изменились. Если можно убивать по приказу, если убивать хорошо, то, значит, можно убивать и без приказа. Я хочу куда-нибудь с тобой уехать. Далеко, где не бывает воины.

— А мама?

— Лучше, если бы можно было взять маму и папу с собой.

— Не надо бояться. Война скоро кончится. Ты же знаешь, что она скоро кончится, и тогда все вернется на старые рельсы. Я тебе как историк говорю. Сколько было войн в мировой истории, и всегда все возвращалось на круги своя. Наполеон прошел по всей Европе, а через десять лет никто уже не помнил о нем: как круги на воде — разошлись, и снова спокойно.

Лидочка положила голову на плечо Андрею, он обнял ее.

— Что там у тебя в кармане? — спросила она. Лидочка очень хотела, чтобы ее успокоили, чтобы думать о хорошем.

— Это портсигар. Я тебе забыл сказать. Мне его дала Глаша. Он лежал у нее под подушкой. Это что-то очень ценное для нее.

— А что внутри? Ты не смотрел?

— Он закрыт.

Андрей вынул портсигар.

— Красивый, — сказала Лидочка. — И тяжелый.

Она осторожно потрясла им, но внутри ничего не отозвалось.

— Не потеряй, — вернула она портсигар.

Солнце пригревало, но ветер был сильнее. От моря летели искры света и легкие брызги. Андрей снял куртку и накинул ее на плечи Лидочке.

— Давай уедем туда, где нет войны, — вдруг сказала Лидочка.

— А где нет войны?

— В Америке.

— Уедем в Америку, а она тоже начнет воевать.

— С кем ей воевать?

— С теми же немцами.

— Не будет она воевать. Они и без того богатые.

Издали гудел клаксон. Звук его относило ветром, и Андрей не сразу догадался, что его вызывают.

Автомобиль Ахмета стоял у начала мола.

— Я освободился от дел политических и государственных, — сказал Ахмет. — Теперь могу вас катать. Хотите поедем в Массандру?

Лидочка поглядела на Андрея. В ином случае она бы с радостью согласилась — она обожала кататься. Но сейчас ее душу терзали подозрения. Ей казалось, что Ахмет не так улыбается, что у

него очень хитрые непрозрачные черные глаза и нехорошая улыбка.

— Поехали, — сказал Андрей. — Только я плачу за бензин.

— За бензин платит нация, — сказал Ахмет.

Они сели в машину. Гуляющие по набережной останавливались, глядя на них. Молоденький поручик на костылях улыбался, рассматривая Лидочку. Андрей думал, как ему не хочется задавать Ахмету вопрос, в котором уже таилось тяжелое подозрение.

Машина тронулась с места и поехала через мост, мимо порта, к городскому пляжу, откуда дорога поднималась вверх. Но именно у порта приключилась неожиданная встреча.

Из дверей Управления порта вышел Коля Беккер. Он остановился, глядя по сторонам, будто искал глазами извозчика.

Ахмет, отличавшийся быстрой реакцией, прежде чем Андрей успел что-либо сообразить, резко затормозил, сказав: «Этот молодой человек нуждается в нашей помощи».

Коля не сразу понял, кто сидит в машине. А узнав, совсем не удивился тому, что его приятели разъезжают в «Даймлере».

— Вы очень вовремя, — сказал он, словно попрощался со всеми час назад. — Мне срочно нужно в военную комендатуру. Ты сможешь подвезти меня, Ахмет?

— Садись. Крюк небольшой.

Коля сел рядом с Ахметом, потом обернулся и протянул руку сначала Лидочке, потом Андрею.

— Я не знал, что ты здесь, — сказал он. — Что тебя привело? — Но ждать ответа не стал. — Черт знает что! Почему все неприятности должны валиться именно на меня?

Вопрос был риторическим. Никто не мог бы на него ответить.

— Что случилось у принца Гамлета? — спросил Ахмет. — Или вы Грушницкий, который намерен стреляться на дуэли с Печориным?

— Не фиглярничай, Ахмет, — сказал Коля голосом старшего.

Форма вольноопределяющегося сидела на нем ладно и даже щеголевато. Мундир был из офицерского сукна, фуражка тоже офицерская. На ногах высокие начищенные сапоги.

— Я привез сюда команду за новыми прицелами для батареи.

— Ты служишь в Феодосии? — спросил Андрей.

— Да, да! — воскликнул Коля как о совершенно очевидном для любого ребенка. — Где же еще? Пока ждали, да выписывали, да выбивали грузовой автомобиль — вокруг бюрократия, ничего нельзя сделать сразу, так немцы нас голыми руками возьмут! И вдруг у меня чрезвычайное событие. Два идиота из моей ко-

манды, видно, запили. Где они, где их искать — один Бог знает. Не самому же мне прицелы грузить! В конце концов, я несу за них ответственность. Они, может быть, гуляют с бабами в Симферополе, а я должен ехать в комендатуру и отдуваться. Ах, почему вы, господин Беккер, недоглядели, почему вы их распустили?

— Они симферопольские? — спросил Ахмет.

— Почему ты так думаешь?

— Это ты так думаешь, — сказал Ахмет. — Ты сказал, что они гуляют в Симферополе.

— Оба из Симферополя, хотя это ничего не меняет. А если они дезертировали, то я не представляю, что со мной сделают!

Коля был бледен, не скрывал волнения, но Андрей должен был признать, что он красив даже более, чем раньше. Он возмужал, и лицо его потеряло мальчишескую округлость и стало как на английском плакате «Готов ли ты защитить Родину?».

Военная комендатура помещалась на Екатерининской улице сразу за синематографом «Орион».

— Подождать тебя? — спросил Ахмет.

— Если меня не задержат, то я через три минуты буду, — принял предложение Коля.

Он вошел в здание.

— Зачем вы предложили его ждать, Ахмет? — укорила его Лидочка.

— Сам не знаю, — ответил Ахмет. — Такой вот я соглашатель. Все-таки у нашего Коли неприятности. А береговая артиллерия осталась без прицелов.

— Мне он совсем не нравится, — сказала Лидочка Андрею, видно, хотела развеять могущие возникнуть подозрения. — Честное слово. В нем есть что-то от фата.

Коля выбежал из комендатуры.

— Этого господина нет — и вообще никого нет. Они, видите ли, обедают. Как будто не война, — сообщил он, садясь рядом с Ахметом. — Будут только в два. Кстати, я смертельно голоден. Я даже не позавтракал утром из-за этих мерзавцев. Запороть бы их всех!

— И патронов не жалеть, — дополнил Ахмет. — Где прикажете обедать?

— Где хочешь.

— Мы ехали в Массандру. Ты с нами?

— Если к двум привезешь обратно.

— Будет сделано, господин Гамлет, — сказал Ахмет.

Коля поморщился.

— А ты кого возишь на этот раз? — спросил он.

— Важных шишек.

— Лучше бы пошел в армию, чем прислуживать.

— Мы, татары, люди маленькие, — сказал Ахмет.

Андрей не стал вмешиваться в разговор. Видно было, что Ахмет не склонен откровенничать.

Они обедали в небольшом кафе над морем. Вышло солнце, стало тепло, но не в тени. Коля немного успокоился и даже надеялся уже, что, когда вернется, застанет своих дезертиров на месте. Он все смотрел на Лидочку, и Андрею это было неприятно. Но Лидочка тщательно избегала его взглядов.

— Ты в больницу сегодня поедешь? — спросил Ахмет. — Я тебя могу отвезти.

— Я вчера был, — сказал Андрей.

— Чего ж молчишь? — сказал Ахмет. — Ты с ней разговаривал?

— Разговаривал. Только контрабандой. Она не хочет со следователем говорить. Ждет отчима. Боится ему повредить.

— Слушай, самое важное, — сказал Ахмет, — она их видела?

— Видела, но не узнала. Там темно было, наверное.

— О чем ты говоришь? — спросил Коля.

— Ты не понял? О Глаше. Все думают, что она без сознания, и ждут, когда она придет в себя.

— А почему она без сознания?

— Ты ничего не знаешь? — удивился Андрей.

— О чем я должен знать?

— Что моего отчима ограбили, что было нападение!

— Еще чего не хватало! Почему никто мне ничего не говорит? Лида, мы же виделись с вами три дня назад, как я приехал. Почему вы мне не сказали?

— Мы так мало говорили, — сказала Лидочка, оробев. Она отыскала под столом пальцы Андрея и схватилась за них, как ребенок.

— Все в Ялте знают, — сказал Андрей. — Мы тоже думали, что ты знаешь.

— Я не в Ялте. Я в Феодосии. Расскажите по-человечески, что произошло?

Андрей рассказал. Он рассказал скупо, как о давно прошедшем событии.

— Да... — сказал Коля наконец. — Куда катимся? Человеческая жизнь теряет цену.

Андрей смотрел на море. Далеко по горизонту серым силу-

этом двигался военный корабль. Он вспомнил, как спорили два грека по дороге из Алушты.

— Видишь? — спросил Андрей Лидочку.

— Они на учения ходят из Севастополя, — сказал Коля. — Патрулируют берег.

На фоне серого силуэта образовалось махонькое ватное облачко. Рядом с ним — другое.

— Учебные стрельбы, — сказал Ахмет, которому тоже хотелось показать свою образованность.

Облачка поплыли вверх, образуя зонтики, как бы стараясь слиться с облаками в небе. Издалека донесся тяжелый гул.

— Смотрите! — Лидочка обернулась к Ялте, что полукругом расстилалась слева внизу. В скоплении домиков недалеко от набережной поднимался черный, расширяющийся кверху столб дыма. Затем, ближе к порту, — второй.

— Что это?

— По-моему, это стреляют, — сказал Ахмет. — По-моему, это не учебные стрельбы.

— Значит, это не наш корабль?

Лидочка вскочила.

— Турецкий, да?

— А что же наши? Что же они смотрят? Этого не может быть. — Андрей смотрел, как новое облачко образовалось возле силуэта корабля, и ждал новой волны гула, ждал с любопытством, зная заранее, как человек, кинувший камень с обрыва, что сейчас снова в Ялте поднимется черный взрыв. И старался угадать — где. Он не угадал. Рвануло куда ближе к порту.

— Ну поехали, поехали же! — умоляла Лидочка.

— Может быть, переждать здесь? — спросил Коля. — С нами дама. И мы не знаем, сколько продолжится обстрел.

Но его не слушали.

Когда они въехали в город, корабль уже скрылся за горизонтом. Двухэтажный дом горел, и из него выносили вещи. В порту был разрушен склад — над ним поднимался черный маслянистый дым. Лидочка попросила остановить у здания порта. Они побежали внутрь. Там была бессмысленная суматоха, звонки по телефонам, споры. Двое матросов ввели третьего, раненого, у него была в крови щека, и он прижимал к груди кое-как обмотанную вафельным полотенцем руку.

Кирилл Федорович был на месте, он велел Лиде спешить домой и успокоить маму. От облегчения Лидочка начала плакать. Они повезли ее домой. Ахмет попрощался и уехал.

Став свидетелем бурной сцены возвращения домой дочери, «которую уже не ждали», Андрей хотел вернуться к себе, но Евдокия Матвеевна уговорила его вынести топчан в небольшой сад сзади дома, и там он лег. Андрей был благодарен Евдокии Матвеевне. Ему никого не хотелось видеть. Он лежал, прищурив глаза, и смотрел сквозь осеннюю листву на солнце. Потом незаметно заснул. А проснулся, когда уже был вечер.

После ужина он, помаявшись в нерешительности, спросил Лидочку:

— Ты не обидишься, если я сегодня попрошу у Евдокии Матвеевны твоей руки?

Лидочка удивилась. Захлопала ресницами, как ребенок, которому обещают поездку на рождественскую елку, а может, в цирк.

— Ой, что ты! — сказала она. — Сейчас?

— А ты возражаешь?

— Я совершенно ни капельки не возражаю, — сказала Лидочка решительно. — Но сейчас такое время, что ничего не известно.

— Именно поэтому я не хочу откладывать.

Лидочка взяла его за руку и повела в залу, где мама накрывала на стол.

— Мама, — сказала она, — папа уже встал?

— Иду, — отозвался Кирилл Федорович. — Иду, иду. — Он был в халате и шлепанцах. — Это был немецкий линейный крейсер «Гебен», — сказал он. — Прорвался из Босфора. Наши линкоры ведут преследование. Сегодня-завтра с ним будет покончено.

— Папа, погоди, — сказала Лидочка, — Андрей хочет сказать важную вещь.

Отец не заметил, что они стоят держась за руки. Но Евдокия Матвеевна заметила. Она смотрела на сплетенные пальцы.

— Извините, наверное, вам покажется, что сейчас не время и я еще очень молод, — сказал Андрей. — Но я прошу Лидиной руки.

— Я согласна, — быстро сказала Лида, будто боялась, что родители откажут или, еще хуже, будут смеяться.

— Ну что ж. — Кирилл Федорович, к которому все обернулись, откашлялся и сам посмотрел на жену. — Конечно, это неожиданно, но, с другой стороны, если есть чувство? Правда, Дуся?

— Идите, я вас поцелую, — сказала Евдокия Матвеевна. — Вы — хорошие дети.

Она поцеловала Андрея в лоб, потом Лиду. Кирилл Федоро-

вич ушел, и Евдокии Матвеевне пришлось звать его. Он переодевался.

— Несолидно! — смущенно откликнулся он. — Надо в мундире.

Перекрестив их, Евдокия Матвеевна серьезно сказала:

— Я рада, что вы нашли друг друга. Я не желаю Лиде другого мужа, а себе зятя. И дай вам Бог держаться друг дружки в наше жестокое время. Но пока что о свадьбе и речи быть не может.

— Мы еще и не обсуждали, — сказала Лидочка. — Ты не беспокойся.

Здесь она была командиром, и в конце концов все получалось так, как она хотела.

За ужином никто и словом не упомянул свадьбу. А Андрею в какой-то момент показалось, что свадьба уже свершилась. Давно.

И он уже много, может, сотни раз сидел за этим столом в этой зале. И даже то, что Кирилл Федорович стал говорить о политике, о наступлении в Галиции и перспективах на Средиземном море, было привычным.

Потом Евдокия Матвеевна вдруг смутилась — где постелить Андрею. Но Андрей напомнил, что ночует в доме отчима. Это привело его будущую тещу в ужас.

Когда он шел по переулку, он тихо повторил слово: «Невеста». Это было очень красивое слово.

Лидочка высунулась из окна:

— Приходи как можно раньше!

Спустившись на набережную, он увидел небольшую толпу. Толпа была неподвижна и под светом фонарей казалась театральным хором.

Оказалось, что люди рассматривали воронку, которая осталась после взрыва немецкого снаряда. Воронка была неглубока, но землю разметало вокруг, и розовый куст лежал на боку.

* * *

На этот раз дом отчима был не столь зловещ, как вчера.

Полицейский, узнавший Андрея, был добродушен. Он зашел в дом следом за Андреем и, когда тот предложил напоить его чаем, сразу согласился, сам разогрел самовар, а пока Андрей был у себя в комнатке, пошел в сад и крикнул оттуда:

— Не возражаете, если я яблочек соберу? Все равно пропадут.

Яблоки у отчима были чудесные. Он сам выводил новые сор-

та, даже ездил к одному чудаку в Козлов Тамбовской губернии, о котором был высокого мнения. «Человек не признает Менделя, — говорил отчим, — но чутьем, интуицией добивается сказочных результатов. Бербанк бы ему позавидовал. К сожалению, Россия не страна для талантов. Талант у нас не только оценить, но и использовать не умеют».

Когда обрадованный разрешением полицейский шумно полез в сад, Андрею стало жалко, что тот погубит что-нибудь из трудов отчима, и он, не решившись отказаться от непродуманного решения, вышел в сад за урядником, полагая, что в его присутствии тот особенно не разгуляется. Тем более что в саду уже было почти темно и цепочка лампочек, зажженная Андреем, придавала ему праздничный вид, словно сейчас с террасы послышатся голоса гостей и звон бокалов. Полицейский оказался не нахальным, веток не ломал, набрал разных сортов полную фуражку и, положив ее на столик в саду, сказал, что, когда сменится утром, отнесет домой, у него трое хлопчиков, пускай побалуются. Полицейский был усатый, грузный, говорил певуче и вставлял в речь украинские слова.

Андрей вынес уряднику стул, чтобы тому не сидеть ночью на камне, но тот сказал, что служба этого не дозволяет, после чего уселся на стул и тут же задремал.

На второй этаж Андрей не поднимался. Когда они расставались на ночь, полицейский сказал:

— Я вам, господин студент, туда ходить не советую.

— Почему?

— Я туда часом подымался — ну ровно вурдалаки... — Он не смог яснее выразить мысль, но Андрей понял.

Было уже около двенадцати, и Андрей улегся спать у себя, не закрывая двери в коридор, чтобы услышать, если что-то произойдет снаружи. Он думал, что долго не заснет. Он вновь и вновь повторял в памяти сцену официальной помолвки в доме Иваницких, стараясь воспроизвести, как бы для истории, каждое слово и жест действующих лиц, потом подумал, как он мало знает Лидочку, у которой обнаружился решительный характер. Наличие у Лидочки характера Андрея умилило, и в этом умилении он заснул.

Проснулся он от того, что кто-то заглядывал в окно.

Странно, но спящее сознание Андрея пробудилось не от звука, а именно от того, что в прямоугольнике окна образовался темный силуэт, закрывший луну.

Андрей открыл глаза и мгновенно сообразил, где он, почему он в этом доме. Видно, и во сне он был настороже.

Андрей лежал неподвижно, стараясь разглядеть замершую у открытого окна фигуру. Ему хотелось, чтобы это был отчим. И он даже дорисовал в воображении фигуру человека, сделав ее выше, стройнее, и тогда же понял, что ошибается.

Человек, стоявший в проеме открытого окна, не был отчимом. «Сейчас он начнет перелезать через подоконник, — понял Андрей. — Вот сейчас он протянет руку вперед... А что тогда должен сделать я? Я не успею добежать до двери. Крикнуть? Услышит ли полицейский?»

Фигура стояла неподвижно, словно статуя командора, которая никак не решит, умертвить дон Жуана или подождать... Это сравнение пришло Андрею в голову куда позже. В тот момент он лишь стал подтягивать ноги, чтобы сподручнее соскочить с кровати. Движение Андрея вызвало визг пружин, громкий в тиши, как крик ночной птицы.

Силуэт качнулся вправо и исчез за рамой окна.

Андрей соскочил с кровати и метнулся к двери. Но остановился. Проем окна был пуст. В доме тишина.

Андрей оглянулся в поисках какого-нибудь оружия. Нагнулся, схватил ботинок — ничего более весомого не нашлось — и начал продвигаться к окну. Тот человек явно стоял где-то у стены, иначе бы в этой мертвой тишине Андрей услышал его шаги.

Рама окна приближалась, и звездное, с луной посередине, небо расширялось. Медленно-медленно, стараясь не скрипнуть половицей, Андрей приблизился к окну.

Но в тот момент, когда он мог уже дотянуться до окна, послышался легкий стук убегающих шагов. Андрей увидел, как человек пробирается сквозь поредевшую листву яблонь. Человек бежал легко, он был молод. Андрей понял — это его вчерашний преследователь.

Андрей стоял у окна и думал: позвать урядника? Бесполезно. Даже все урядники Крыма не догонят того человека.

Андрей стоял у окна и вглядывался в темноту. Может, это разведчик был из банды? Сегодня они уже не придут, а завтра дождутся, когда Андрей заснет, и постараются снять его беззвучно, чтобы не услышал полицейский? Но что им нужно в доме? Неужели они в самом деле увезли Сергея Серафимовича, чтобы пытать его до тех пор, пока он не признается в существовании сейфа?

Да, сейф! Конечно, сейф. Глаша сказала, чтобы он взял оттуда пакеты. Почему откладывать это на утро?

Послышались уверенные медленные шаги. Они приближались к окну. На этот раз человек шел не таясь, ступая тяжело, и слышно было, как трещит под ногами гравий дорожки.

Андрей не успел отскочить от окна, как темная фигура надвинулась из ветвей и в лицо ударил свет фонаря. Заслоняясь, Андрей поднял руку.

— Чего не спишь? — Андрей узнал голос полицейского.

— Мне показалось, — сказал Андрей, — что в саду кто-то ходил.

— Значит, тоже показалось? А я задремал было, вдруг слышу — по переулку кто-то бежит. Дай, думаю, погляжу.

— Вот и я думаю, что он убежал.

Урядник еще минут пять бродил по саду, светил фонарем под деревьями, словно искал следы.

— Нету никого, — сказал он наконец издали. — Иди спать. Ты не бойся, хлопчик. Не вернется он.

Раздирая кусты, полицейский пошел прочь к своему посту.

Андрей сел на постель. Спать уже совсем не хотелось. Он посмотрел на часы. Половина третьего. Он подумал, что подождет полчаса, пока урядник снова задремлет, тогда надо будет пройти на кухню и отыскать там какое-нибудь оружие, к примеру — кочергу.

Придумав себе оружие, Андрей уже спокойнее вытянулся на кровати и почти сразу заснул, хотя намеревался бодрствовать до самого утра.

* * *

Тут же Андрей очнулся вновь.

Сразу посмотрел на окно. Небо чуть-чуть начало светлеть. Звезды потускнели. Луна скрылась. Почему он проснулся?

И тогда он услышал шум наверху. Не шаги, а какой-то удар, потом снова тишина. Неясный шум... И все смолкло.

Если бы Андрей услышал шаги, он наверняка позвал бы полицейского. Но шагов не было. Андрей знал, что любые шаги сверху хорошо слышны в его комнатке. Бывало, он лежал часами, слушая, как отчим мерно ходит по кабинету, и мысленно следил, как тот доходит до угла, поворачивает, огибает стол, останавливается у окна и возобновляет свое путешествие.

Шагов не было. Андрей сосчитал до ста. Потом до тысячи. Ни звука не доносилось сверху.

Тогда Андрей поднялся, натянул брюки и босиком прошел на кухню. Глаза настолько привыкли к темноте, что он без труда увидел короткую кочергу, лежавшую на железном листе у плиты. Кочерга была тяжелой и надежной.

Прежде чем подняться наверх, Андрей подошел к выходной двери и сквозь стекло постарался разглядеть полицейского. Тот сидел на стуле с внутренней стороны калитки. Голова его свесилась на грудь. Он спал. Но до него было близко — шагов пятьдесят, это успокаивало: достаточно громко позвать, чтобы он проснулся.

Андрей медленно поднялся по лестнице, вышел на темную площадку. Дверь в кабинет была приоткрыта.

Андрей заглянул в щель. В кабинете никого не было. Конечно, некто мог таиться и на веранде, дверь на которую вела через площадку, и потому Андрей, стараясь не наступить на белый контур Глашиного тела, пересек площадку и выглянул на веранду. Она была освещена предрассветной синевой. И пуста.

Что ж, решил Андрей, если здесь никого нет, надо будет взять пакет из сейфа.

Он вошел в кабинет, прикрыл за собой дверь и только сделал шаг к сейфу, как услышал тихий хрип. Близко, у самых ног.

Андрей отпрянул и замер.

Это было за пределами страха. Он даже не мог убежать. Он лишь смотрел вниз и ничего не видел.

Хрип повторился.

Он доносился из-за овального стола, стоявшего в центре кабинета.

Андрей явственно слышал, как там, за столом, на полу кто-то редко, прерывисто дышит. И в этом дыхании была боль.

— О-о-о-ой, — протянул голос. И голос был знаком.

И тогда Андрей, скинув оцепенение, в два шага обогнул стол и увидел, что на смятом завернутом ковре, возле черной в черноте дыры в полу, лежит нечто черное — лежит человек, лежит его отчим. Глаза Андрея каким-то образом получили способность видеть в почти полной темноте — либо узнавание отчима позволило воображению увидеть невидимое: отчим лежал на боку, протянув вперед правую руку и стараясь двинуться, подняться, встать...

— Сергей Серафимович? — прошептал Андрей, даже сейчас

понимая, что полицейский не должен его услышать. — Что с вами?

Он присел на корточки, дотронулся до плеча — Сергей Серафимович был в распахнутом халате, из-под которого видна была пятнистая сорочка — в кровавых пятнах. Пальцы Андрея натолкнулись на горячую липкую кровь.

— А-а-а... — Сергей Серафимович начал слово, но ему не хватило воздуха, и он захрипел. Теперь Андрей видел лицо, которое отчим пытался обратить к нему. Андрей подвел руку под горячий затылок отчима и приподнял голову.

— Вы ранены? Вам плохо... я сейчас позову доктора.

— А-а-а-ндрюша, как хорошо, что ты... Молчи, только молчи, Андрей...

Андрей поддерживал голову отчима, и это помогало тому говорить.

— Какое число? — спросил отчим.

— Десятое октября.

— Правильно... хорошо... я ушел... а ты успел...

— Вы потерпите. Там внизу полицейский, я его пошлю за врачом.

— Я велю тебе... я приказываю... нельзя. Слушай.

— Я здесь. — Андрей сказал это, потому что отчим замолчал. Он дышал часто-часто, как загнанная собака.

— Где Глаша?

— Она в больнице.

— Они нашли ее?..

— Она вне опасности, я говорил с ней.

— Ты должен заботиться о ней. Она все расскажет. Верь ей, как себе. Говори...

— Что?

Отчим молчал. Словно собирался с мыслями.

— Я живучий, — сказал он вдруг громко. — Они думали — все. Главное — возьми...

Рука отчима шевельнулась — он старался поднять ее и передать Андрею то, что было зажато в пальцах.

— Возьми... это главное.

Портсигар, который Андрей взял из разжавшихся пальцев отчима, был такой же, как тот, что он получил от Глаши.

— Спрячь... я приказываю... спрячь. Ты должен подчиняться мне. Это твое спасение. Это спасение всех нас.

Андрей понял, что кровь сочится из-под плеча отчима, и хо-

тел найти что-нибудь, чтобы перевязать старика, но тот, словно умел читать мысли, воспротивился.

— Это вторично, — сказал он. — Это пустяки. Я знаю хирургию, меня не спасти. Слишком много крови — легкие... печень... я вижу, как умирает эта глупая оболочка. Смешно?.. Смешно... Ты спрятал?

— Да, — сказал Андрей. Ему некуда было спрятать портсигар. Он держал его в свободной руке.

— Теперь открой сейф.

— Потом, — решительно сказал Андрей. — Сейчас важнее вы.

— Они ни в коем случае не должны найти сейф. Ты поймешь все, когда прочтешь письмо. Это моя последняя воля.

Голос отчима окреп, будто все остатки жизненной силы он вложил в него. Голос гипнотизировал.

— Ты помнишь, где ключи? — спросил отчим. — Отпусти меня. Возьми ключи. Скорее. Никто, кроме тебя, не должен успеть.

Андрей не мог опустить голову отчима на ковер, но, на счастье, рядом стояло кресло: Андрей положил на пол портсигар, рванул на себя подушку с кресла и подсунул ее под голову отчиму.

— Портсигар, — сказал отчим тихо, — ты забыл его.

Андрей нашарил на ковре портсигар, послушно положил в карман брюк. Потом подошел к письменному столу. Он чувствовал, как отчим неотрывно глядит ему в спину.

— До отказа, — приказал отчим.

Андрей вытащил ящик письменного стола и откинул крышку потайного отделения. Звякнули ключи.

— Нашел?.. Хорошо... — Отчим закашлялся. Андрей кинулся к нему, отчим поднял руку, отгоняя Андрея к сейфу. В углу рта отчима показалась струйка крови. Глаза отчима как будто светились во тьме, и Андрей, подчиняясь их безмолвному приказу, нащупал на раме портрета выпуклость, картина щелкнула и отошла от стены.

— Три раза... против часовой... — прохрипел отчим.

— Знаю, — сказал Андрей. Он спешил скорее выполнить приказ отчима, чтобы потом вызвать врача, чтобы отвезти его в больницу. Если все сделать быстро, то его успеют спасти...

— На верхней полке, — сказал Сергей Серафимович. — Письмо тебе. Пакет с долларами. И второй пакет — под ним. Нашел?

— Да, все нашел.

— Не потеряй, это так важно... и никто, никогда...

Голос Сергея Серафимовича окреп.

— Слушай меня. — Голос наполнил всю комнату, от него никуда не денешься, ему нельзя перечить... — Я сейчас умру. Ты уйдешь вниз. Ты ничего не знаешь. Ничего. Пускай меня найдут другие. Уйди отсюда. Спрячь в самом надежном месте... Прости, Андрюша... ты многое не понимал... я тебя любил... Я счастлив, что ты успел...

И голос оборвался. Сразу — в небытие.

Андрей не шевельнулся, не прошло и мгновения. Но Андрей знал, окончательно и без всяких сомнений, что Сергей Серафимович умер. И в сознании остался приказ отчима. Надо уйти. Никто не должен знать об их последней встрече...

Андрей склонился над отчимом. Глаза его были открыты и застыли. Андрей поднял легкую кисть руки. Она была вся в крови. Пульса не было. И все же Андрей приложил ухо к груди отчима. Сердце не билось. Андрей ладонью закрыл отчиму веки.

Он совершал эти действия ровно, автоматически, словно в них содержался некий неписаный ритуал.

Теперь можно было спуститься, сообщить в полицию.

Нет, сначала надо спрятать письмо и документы из сейфа, потом позвать полицию. Нет, сначала вымыться, переодеться...

И тут Андрея охватил ужас.

Если полицейский почует неладное и поднимется наверх, он увидит труп Сергея Серафимовича, а рядом окровавленного Андрея. Значит, продолжала работать в голове какая-то безумная логическая счетная машинка, — надо сначала вымыться, переодеться.

А вдруг отчим еще жив? Вдруг у него глубокий обморок...

Андрей вернулся к телу. Тело заметно похолодело, хотя в раздумьях прошло всего несколько минут. Нет, отчим мертв, и ничто ему не поможет. Надо выполнить его приказания...

Андрей подошел к картине, толкнул ее, чтобы встала на место. Вышел из кабинета и спустился вниз. Кинул взгляд наружу — урядник спал, сидя на стуле у калитки.

Андрей прошел к себе в комнату и быстро разделся. Было совсем темно, и Андрей боялся испачкать кровью кровать или стул. В темноте даже свежее белье не найдешь...

Андрей подумал, что окно его комнаты выходит к морю — полицейский не увидит света. Он затянул занавески и включил настольную лампу. Свет больно ударил по глазам.

Когда глаза привыкли к свету, Андрей поглядел в зеркало и испугался — он и не предполагал, до какой степени он измаран кровью. Переодеваться нельзя, пока не вымоешься. От безысход-

ности положения мысли путались, какие-то мелочи лезли в голову. Вытерев руку о край простыни, Андрей достал портсигар. Ему вдруг захотелось посмотреть, такой ли он, как у Глаши, или нет. Портсигар оказался другим — гладким, со стертым выгравированным узором. «Зачем отчиму портсигар, если он всегда курил трубку?.. Почему я теряю время? Надо уйти. Но куда и зачем? Надо умыться. Но включишь воду, полицейский сразу услышит. Значит, надо умыться и переодеться в другом месте, где полицейский ничего не услышит. Но такого места нет...» А вдруг полицейский уже смотрит на него снаружи? Андрей выключил лампу, подбежал к окну и откинул край занавески. Никого там не было — только рассветная синь...

Андрей стоял у окна и чувствовал, как утекают минуты.

Тогда он понял — выход только один: измазанные кровью вещи уложить в чемодан и, незаметно выбравшись из дома, дойти до Иваницких. Лидочка все поймет. Именно Лидочка — она теперь для него ближе всех.

Андрей вытащил из-под кровати свой чемодан, стащил с кровати простыню. Свернул простыню и белье, сунул все в чемодан. Туда же положил пакеты из сейфа, сверху — чистое белье. Захлопнул чемодан. Было тихо. Брюки снимать не стал — они темные, все равно в темноте не видно. Наконец натянул на голое тело тужурку, застегнулся...

Где-то далеко залаяла собака. Прочистил горло, собираясь пропеть, петух, но передумал.

Скорее, скорее... скоро станет светло.

Андрей посмотрел на часы — без четверти шесть.

Он выбрался в сад через окно и, пригибаясь, отводя ветки яблонь, вышел к веранде, которая обрывалась к крутому склону.

Подпорная стенка веранды оказалась выше, чем он предполагал, и Андрей понял, что на одной руке не удержаться. Он кинул вниз чемодан, и тот неожиданно гулко ударился о камень, отскочил и уткнулся в ветки куста. Андрей повис на руках — ноги не доставали до склона. Он отпустил руки и пролетел около метра вниз, кусты царапались, чемодан, рядом с которым он закончил свой полет, больно подставил обитый железом угол.

Андрею показалось, что он натворил такого шума, что сбегутся все полицейские России. Он сидел, привалившись боком к колючему кусту, и не смел шевельнуться. Но, на его счастье, крутой склон поглотил шум падения.

Андрей поднялся. Ногу пронзило жуткой болью — неужели сломал? Пересилив себя, Андрей перенес вес на ступню. Было

очень больно, но нога выдержала. Андрей взялся за ручку чемодана и увидел, что тыльная сторона кисти расцарапана колючками.

Приводить себя в порядок было некогда. Ковыляя, Андрей спустился по склону к переулку. Потом обернулся. В синем воздухе острая крыша и башенка дома Берестова казались загадочным замком.

* * *

Путешествие до Иваницких, которое заняло бы днем минут пятнадцать, растянулось на полчаса. Как Андрей ни спешил, раза три ему приходилось искать укрытия — сначала проехал водовоз, затем два рыбака с удочками в руках, громко разговаривая, обогнали его, вжавшегося в калитку. Третья встреча закончилась не так удачно: старушка в пышном лиловом салопе, в черной шляпе с вуалью вышла погулять со своей левреткой. При виде Андрея та отчаянно залаяла — видно, почуяла кровь и волнение загнанного человека. Она кидалась на Андрея, а тот побежал от нее. Старушка что-то верещала вслед...

Не смея выйти на набережную, Андрей пробирался незнакомыми переулками, попал в тупик, пришлось вернуться...

Подходя к дому Лидочки, он пошел медленнее, стараясь совладать со своим дыханием и не испугать Лидочку, а тем более ее родных своим появлением. Но, видно, дыхание его было таким шумным, что Лидочка, спавшая у окна, услышала и выглянула в окно.

Ей оказалось достаточно одной секунды, чтобы все понять.

— Поднимайся по лестнице, я открою, — прошептала она, и шепот был громче дневного крика.

Оттого, что Лидочка была спокойна, что не пришлось ее будить, наступило облегчение. Он поднялся по лестнице и, остановившись у двери, прислушался. А так как рассвет был безмолвен, то голос Лидочки из-за двери был слышен до последнего слова.

— Не бойся, мама, — говорила она, — спи. Мы договорились с Андрюшей, что, если ему станет там страшно, он придет к нам.

— С ним что-то случилось? — Это был голос Евдокии Матвеевны.

— Нет, мама. Он просто не хочет там больше быть.

— И правильно, — откликнулся голос отца. — Что за идея ночевать в таком месте? Спи, Дуся, не мешай детям.

— Но, может, что-то случилось?

— Все, — сказала Лидочка. — Спите.

Прошелестели босые шаги, звякнула цепочка, щелкнул замок. Лидочка потянула Андрея внутрь и захлопнула дверь.

— Идем ко мне, — прошептала она.

— Я слышал, — сказал Андрей, — ты молодец, ты умница.

— Девятнадцатый год умница, — деловито ответила Лидочка.

Они прошли в ее комнату. Лидочка замерла, прислушиваясь к звукам из спальни родителей, дала знак Андрею заходить внутрь, а сама сказала, обращаясь к закрытой двери в спальню:

— Мама, я же просила — не вставай. Все в по-ряд-ке.

— В самом деле, Дуся, — сказал Кирилл Федорович.

— Я сплю, я сплю, — сказала Евдокия Матвеевна.

Лидочка закрыла дверь и зажгла ночник у кровати.

— Ты только не бойся, со мной ничего не случилось, — сказал Андрей. — Это я оцарапался о барбарис... и кровь чужая.

— А я не боюсь, — сказала Лидочка твердо. — Ты здесь. Ты сам дохромал. Но, наверное, все же что-то случилось.

— Да, — сказал Андрей, — все в жутком беспорядке. Я очень хочу пить.

— Поставить чай?

— Нет, холодной воды.

— Андрей, первым делом вымойся. Я маму из комнаты не выпущу.

Это было самое разумное решение. Андрей поставил чемодан на пол. Открыл его, и Лидочка увидела окровавленную простыню. И тут она не выдержала и ахнула.

Андрей не стал ничего говорить. Он вынул из чемодана чистое белье, потом передал Лиде конверты.

— Раздевайся здесь. Кинь брюки в угол. Не бойся, я отвернусь.

Андрей разделся.

— Брюки все в крови, — сказала Лидочка.

— Не оборачивайся.

— Ты, оказывается, еще целомудренней меня, — сказала Лидочка.

Она быстро завернула в простыню его вещи.

— Ничего страшного, — сказала она. — Ванная напротив моей двери. Ты помнишь? Свет зажигается справа.

Андрей приоткрыл дверь. За дверью спальни Иваницких было тихо, но Андрей понимал — там не спят, а прислушиваются к каждому его шагу и не очень верят в версию об испуге, заставившем его прийти в гости в шестом часу утра.

Андрей прошел в ванную. Вода в ней согревалась печкой, так что придется потерпеть холод.

Он посмотрел на себя в большое зеркало — кровь прошла сквозь белье, на теле были пятна, не говоря уж о руках. Холодная, страшно холодная, невтерпеж, вода плохо смывала кровь и розовела. Андрей чувствовал запах крови, неприятный и мертвый. Он скреб себя мочалкой, чтобы было не так холодно, но, даже вымывшись, не был уверен, что стер с себя все следы крови.

И оказался прав — когда он поглядел на полотенце, на нем обнаружились розовые пятна.

Когда Андрей вернулся к Лидочке, она как раз сняла простыню с кровати, завязала в нее вещи Андрея, туда же кинула полотенце. Она уже принесла цивильные брюки Кирилла Федоровича — они были широки и коротковаты.

Узел с вещественными уликами Лидочка засунула под кровать. Затем взяла со столика баночку с кремом и сказала:

— Протяни руки, ты весь исцарапан, может воспалиться.

Движения ее тонких пальцев были нежными и летучими.

— Ты чего молчишь? — спросила Лидочка. — Ты рассказывай. Ведь случилось что-то очень страшное, правда?

— Да, — сказал Андрей, — Сергей Серафимович умер.

— Как умер? Где умер?

— У себя в кабинете, у меня на глазах.

— Значит, он все-таки вырвался от них...

— Как вырвался? — не понял Андрей.

— Вырвался и вернулся домой?

И только тут Андрей понял, что ему не приходило ранее в голову — как отчим оказался в кабинете?

— Странно, — сказал Андрей. — Он же должен был вернуться. И пройти мимо полицейского. И подняться по лестнице...

— Это не важно, — сказала Лидочка. — Главное, он дошел. Наверное, он не хотел привлекать к себе внимания?

— Конечно, это могло быть... нет, не могло! — сказал Андрей твердо. — Ты не представляешь, в каком он был состоянии — он был весь израненный, исколотый... он умирал. Нет, я не могу тебе все объяснить.

— Тише, мама услышит.

— Понимаешь, я услышал стон, хрип... он не мог двигаться. Он лежал на полу и почти не двигался...

— Не думай сейчас об этом, это ужасно. Не думай...

— Подожди, — отмахнулся Андрей. — Я совсем запутался... Сергей Серафимович исчез, причем следователь говорил, что

было столько крови и даже ковер был разрезан. А сегодня он вернулся...

— Андрюша, не надо!

— Я услышал его сверху — было так тихо, что я услышал движение в кабинете. И ты хочешь сказать, что я не услышал, как он прошел по коридору и по лестнице?

— Значит, сначала ему было лучше, а когда он попал в кабинет, ему стало плохо...

Андрей согласился с ней, потому что ее устами говорил здравый смысл. Единственный якорь в этой ситуации — здравый смысл. Но Андрей понимал, что прав был он, а не Лидочка — она ведь не видела отчима. Она там не была!

— Ты правильно сделал, что пришел к нам. — Лидочка положила руку на его колено.

— Я пришел, потому что не знал, где спрятаться. Я подумал, что они увидят, что на мне кровь... они подумают, что я его убил.

— Не говори глупостей. Почему они подумают?

— Ты не представляешь, как они думают... а я разговаривал с Вревским. Ему нужен преступник. Он всех подозревает. И я понял, что там, в доме... — Андрей замолчал. Он понял, что им руководили соображения более важные, чем только попытка бегства. Документы отчима! — Послушай, — сказал Андрей, — я тебе все расскажу, а ты скажешь, что думаешь.

И Андрей передал ей разговор с отчимом.

— Получаются два портсигара. Как в романе о шпионах, — сказала Лидочка. — Если у тебя портсигар и у меня такой же портсигар, то мы друг друга узнаем. Это условный знак. Пароль.

— Нет, — сказал Андрей. — Портсигары разные.

— Покажи.

Они положили портсигары рядом на кровать. Портсигары были совершенно разные. Одно их объединяло — они не открывались.

Лидочка наклонилась, разглядывая портсигары, и ее распущенные волосы, упав на плечо, скрыли лицо. И вдруг Андрей увидел свою невесту! Последние полчаса он видел Лидочку — не плотскую земную Лидочку, а как бы образ Лидочки, подруги... Ночная рубашка смялась и обнажила коленку. Коленка была маленькая, узкая, и можно было ее погладить. Андрей протянул руку и дотронулся до коленки. Лидочка свободной рукой легонько оттолкнула его пальцы и поправила ночную рубашку.

— Наверное, про портсигары сказано в письме, — сказала она. И добавила: — Мне бы очень не хотелось, чтобы Сергей Се-

рафимович в самом деле оказался немецким шпионом. А все идет к тому.

— А Вревский думает, что я из его банды, — сказал Андрей.

— Ты знаешь, что тебе придется сделать? — спросила Лидочка. — Ты должен вернуться в дом отчима, лечь в постель и утром вести себя так, словно ты ни о чем не подозреваешь.

— Вернуться туда?

— Любой другой твой поступок будет подозрительным.

— А если я скажу, что был у тебя?

— Глупости. Ты ночью был там, полицейский подтвердит, а под утро убежал ко мне. И тут они находят тело твоего отчима.

Лидочка задумалась... потом вздохнула и продолжала:

— Как страшно... я, наверное, совсем бессердечная. Умер человек, умер твой отчим... я бы умерла от страха, если бы была там. Андрюшенька, бедный мой...

Андрей понял, что она плачет, стараясь не плакать, и оттого плечи ее вздрагивают и на шее напряглась жилка.

— Это я бессердечный, — сказал Андрей, прижимая Лидочку к себе. — Я должен был бежать, звать людей, врача, полицейских... а я открывал сейф и слушался его. Мне не надо было слушаться. А потом струсил.

— Ты слушался, потому что уважал его, — серьезно сказала Лидочка. — Если бы ты не стал слушаться, ему было бы еще хуже. Он же сказал, что это счастье, что ты оказался там?

— Сказал.

— Значит, для него самое важное было передать тебе портсигар и пакеты. Это была его воля. Он ведь не говорил об убийцах или полиции. Он говорил о сейфе, правильно?

— Я был как загипнотизированный. Я понимал, что делаю неправильно, но все равно подчинялся ему.

— Тогда иди, — сказала Лидочка, — я своих успокою. Главное, чтобы тот полицейский не пошел проверять, где ты.

— Подожди, — сказал Андрей, — сначала надо прочесть письмо. В нем может быть написано что-то очень важное. Срочное.

— Уже скоро семь.

— И все-таки надо прочесть.

— Тогда читай, а я отвернусь.

— Лидочка, милая моя, — сказал Андрей, ощутив себя вдвое старше невесты. — Это не письмо от подруги. Теперь ты вместе со мной, навсегда как один человек, неужели ты не понимаешь таких простых вещей?

— Читай, — сказала Лидочка.

Но Андрей, как бы оттягивая момент чтения письма, сначала раскрыл другой пакет. В нем лежала толстая пачка банкнот. Ну конечно же, это доллары. Отчим показывал их.

— Это какие деньги? — спросила Лидочка, которая никогда не видела американских денег.

— Доллары. Видишь, написано: сто долларов.

— А в этой пачке их, наверное, несколько тысяч.

— Да, наверное.

Андрей вложил деньги обратно в конверт, раскрыл второй — в нем оказались рукописные листки, большие салфетки акционерных бумаг, несколько пятисотенных купюр и две общие тетради в кожаных обложках.

Оставался лишь узкий серый конверт из плотной бумаги, вдвое превышавший размером почтовый. На нем сильным бегучим почерком отчима было написано:

Андрею Сергеевичу Берестову в собственные руки.

Конверт был заклеен. Лидочка взяла с письменного стола костяной ножик для разрезания бумаг и протянула Андрею.

Андрей вскрыл конверт. В нем лежало несколько листков, написанных тем же почерком. Последний лист, видно, приложенный позже, был напечатан на пишущей машинке.

— «Дорогой Андрюша! — начал читать Андрей. — Не представляю ситуации, в которой ты увидишь эти строки. Но знаю, что ты прочтешь их уже взрослым и, надеюсь, разумным, рассудительным человеком, который может, столкнувшись с невероятным, оценить его трезво, не впадая в панику и не уповая на мистические объяснения, так любимые слабыми духом людьми».

— Погоди, — сказала Лидочка. Она подкралась на цыпочках к двери и резко приоткрыла ее. — Нет, — прошептала она, закрывая дверь. — Они спят. Или делают вид, что спят. Читай дальше, Андрюша.

— «...Несмотря на то что ты и не замечал, а замечая, сердился, я все последние годы старался воспитать в тебе если не ученого, то по крайней мере существо вполне рациональное. Я тебе казался сухарем, педантом. А тебе хотелось от меня ласки и теплоты. Впрочем, теплоту тебе компенсировали те добрые дамы, которые куда более посвятили себя твоему чувственному воспитанию, — я имею в виду замечательную Марию Павловну и Глафиру...»

— Ты чего замолчал?

— Я вспомнил, что Глаша в больнице... у нее лицо повреждено. — Андрей подумал о другом, он понял, что в словах отчима заключен укор. Хотя, впрочем, эти строки могли быть написаны более чем год назад — ведь письмо уже существовало в прошлом году. — «Я втройне обязан заботиться о твоем благополучии. Во-первых, в память о твоем отце, которого я знал и ценил, затем в память о твоей матери, которую я любил, и, наконец, в силу того великого и непонятного тебе сегодня дела, которому я посвятил жизнь».

— А кто был твой отец? — спросила Лидочка.

— Я не знаю. Никто мне не сказал. Может, это будет здесь?

Андрей сообразил, что на улице рассвело настолько, что голубой свет, проникавший через окно, уже притушил ночник, к которому он склоняется, читая. Андрей поднялся и подошел к окну.

— «Я не могу тебе рассказать всего. И не нужно. Излишнее знание взбаламутит твою душу, и я боюсь, что, читая письмо, ты и без того находишься в смятении из-за того, что происходило вокруг тебя за последние дни или часы.

Я допускаю, что в момент, когда ты читаешь эти строки, меня уже нет в живых и ты в этом убежден. В случае же, если я исчез, ты также волен распоряжаться деньгами, оставленными именно тебе, и ценностями, что находятся в шкатулке в известном тебе месте...»

— Это та самая шкатулка, которую украли?

— Да, она. — Андрей продолжил чтение: — «Однако если я не умер — то есть моего трупа (прости за неловкое слово — странно писать о себе: «мой труп») ты не видел, — значит, есть шансы нам увидеться в будущем. Когда — не знаю. Я не всегда волен располагать собой.

Итак, самое главное: если я умру, Глаша передаст тебе портсигар. Если исчезну — отдаст свой. Она окончательно высказала желание более им не пользоваться. Этот портсигар и есть загадка, которую ты должен постараться понять. И не пугаться, как пугаются люди всего, что лежит за пределами их скудного жизненного опыта.

Я перехожу к главному, и мне трудно найти слова, которые бы тебя убедили.

Дорогой Андрюша, время — это несущийся вперед поток, в волнах которого все мы обречены бултыхаться. Но представь себе пловца, который может, презрев опасности, плыть по течению, обгоняя волны. Этот пловец вырвется из движения, к кото-

рому прикован любой неподвижный, влекомый потоком предмет.

Существует устройство — называй как хочешь, — которое может превратить тебя — бессильную щепку в потоке — в активного пловца. Я рад бы объяснить тебе, как устроена эта машина, но ее устройство — за пределами моих знаний. Когда-нибудь ты узнаешь больше.

Портсигар, который ты держишь сейчас в руке, и есть эта машина.

Подобная машина времени изображена в романе Герберта Уэллса, который я заставил тебя прочесть несколько лет назад, хоть он тебе и не понравился. Правда, английский писатель, ограниченный лишь пределами собственного воображения, позволил герою двигаться произвольно, как по течению времени, так и против него. Последнее в действительности невозможно: движение времени лишь поступательно. Ты понял?»

Андрей перевел дух.

— А я ничего не поняла, — сказала Лидочка.

— Я думаю, сейчас нам и не надо понимать, — сказал Андрей. — Мы должны прочесть, увидеть... мы потом поймем.

— Читай дальше. Уже восьмой час. Меня больше беспокоит, как ты вернешься домой.

— «Пользоваться портсигаром просто. Он не открывается, да и не может открыться, потому что внутри его находятся микроскопические детали, из которых создана эта машина. Но если ты три раза с интервалом в одну секунду нажмешь на кнопку, которой портсигар якобы открывается, то на противоположном ребре появится длинный выступ, поделенный рисочками».

Андрей сказал:

— Дай сюда портсигар.

Лидочка взяла с постели один из них и протянула ему.

Андрей три раза нажал на кнопку, словно стараясь открыть портсигар. Лидочка подошла и смотрела, стоя перед ним.

На другой стороне длинным выступом появилась узкая планка, на которую был надет шарик.

Держа портсигар в руке, Андрей снова обратился к письму, как к инструкции к сложной детской игре, в которой надо разобраться.

— «Запомни — твоя рука должна двигаться очень точно. Делений на планке тридцать одно. Каждое — день. Однако если ты, прежде чем сдвинуть шарик вдоль планки, нажмешь на него, то нажатие умножит скорость твоего плавания вдесятеро. Нажал

дважды — скорость твоя возрастет еще вдесятеро. То есть каждая риска символизирует уже путь в десять, а то и в сто дней».

Андрей нажал на шарик. Тот послушно вошел в серебро портсигара и тут же выскочил обратно.

— «Теперь, — продолжал вслух читать Андрей, — осторожно веди шариком вперед. И снова нажми им в той точке, где хочешь остановиться. И ты окажешься именно на таком расстоянии во времени...» Ой! Ты что? — воскликнул Андрей.

Портсигар, выбитый из его руки Лидочкой, отлетел в сторону и упал на кровать.

— Неужели ты не понял! — криком шептала Лидочка. — Неужели ты не понял — что ты, читая, все делал?.. Если бы я не выбила его, ты бы уже улетел в будущее! Я ведь спасла тебя!

Андрей стряхнул с себя оцепенение.

— А знаешь, — растерянно улыбнулся он, — и в самом деле я чуть не нажал... — Он со страхом и почти отвращением смотрел на портсигар, лежавший на смятом одеяле. — Ничего себе, — продолжал он, задним числом все более пугаясь. — Я оказываюсь где-то там... А ты здесь.

— Не бойся, — сказала Лидочка решительно. — Я бы поплыла за тобой. У меня остался второй портсигар.

— За мной?

— Разумеется, — ответила Лидочка убежденно, — я же тебя люблю.

— А мама, папа?

— Не смей так говорить! — вдруг рассердилась Лидочка. — Ведь ничего не случилось.

— И ты поверила этому письму? Этого же быть не может!

— Твой отчим был сумасшедшим?

— Он был чудаковатый... нет, совершенно нормальный.

— А раз так, ты должен догадаться! У тебя же есть доказательства!

— Доказательства?

— Ну какой ты несообразительный! Ведь теперь понятно, почему Сергей Серафимович исчез в ту ночь, а ты увидел его сегодня. Понимаешь? Этого нельзя подстроить. Если ты представишь себе, что на него напали, его убивали, а он не мог ничего поделать — он дотянулся до портсигара и уплыл... уплыл на несколько суток вперед.

— Но почему он тогда умер?

Лидочка склонила голову набок, разглядывая Андрея, как ма-

ленького ребенка, который задает вопрос: «А где у паровоза лошадь?»

— Для него это было мгновение! Он был ранен пять дней назад. Он уже умирал пять дней назад... он убежал от них. Но для него это не пять дней, для него это несколько минут!

Андрей посмотрел в глаза Лидочки. Они отражали утренний воздух и голубизну неба. В них была глубокая, несокрушимая вера, Андрей еще пытался разобраться, сомневался, путался в мыслях, потому что отчим оказался прав, а человек не может воспринять того, что находится за пределами его опыта. Лидочка сразу приняла правила игры. И нашла всему простое и трезвое объяснение.

— Ты понимаешь, почему Глаша хотела, чтобы ты был в доме, если вернется отчим? Она знала, что он плывет в потоке времени...

— Для тебя это просто?

— Все сложное состоит из простых вещей. Читай дальше, там немного осталось. Только обязательно сегодня же в больнице спроси у Глаши подтверждения, хорошо?

— Пойдем вместе в больницу?

— Нет, пойдешь ты. Ты наследник.

— Наследник чего?

— Этого я еще не понимаю. Но знаю, что ты наследник.

Андрей продолжил чтение:

— «Помни — уйдя в будущее, ты никогда не вернешься назад. Люди, которых ты оставишь, состарятся в то мгновение, когда ты будешь нестись в потоке времени. Деревья вырастут, дома обветшают...

Теперь, когда ты знаешь главное, я скажу тебе: никогда не расставайся с портсигаром. Твоя жизнь принадлежит не только тебе, но и вечности. Отныне у тебя есть долг, смысла которого ты пока не знаешь. Помни — ни одна живая душа не должна знать о твоей тайне. Надеюсь, у тебя хватит ума это понять. Людей сжигали и за меньшие грехи...

Уже сейчас я могу сказать тебе с уверенностью, что наступают тяжелые времена, но масштабов бедствий и перемен не знаю даже я. Может быть, тебе будет грозить смертельная опасность. Портсигар — средство твоего спасения. Ты сможешь укрыться в будущем. И если будущее будет так же опасно — ты можешь и должен уйти дальше.

Помни, отныне ты иной, чем все люди на Земле. Но ты должен быть достоин своего дара. Так как за все на свете надо платить. И достойный платит честно.

Обнимаю тебя. И люблю — о чем ты, может, и не подозреваешь. Сергей». Дальше — на машинке, — сказал Андрей.

— Читай, читай, скоро восемь!

— «Дописываю эти несколько строк, ожидая твоего приезда. Мировая война, о которой я тебе говорил и которую предчувствовал, началась. Если мы встретимся, то поговорим подробно и я расскажу тебе о той роли, которая нам с тобой выпала. Когда ты вернешься памятью к странным, на твой взгляд, событиям, имевшим место у меня в кабинете прошлым летом, подумай и поверь мне, что они были частью того дела, которым я занимаюсь. Надеюсь, что в ближайшие дни мы с тобой увидимся и тогда смысл в этой приписке отпадет.

Если что-то случится со мной, тебе все объяснит Глаша. Верь ей, как мне. Она тяжело переживала то, что случилось. Будь к ней милосерден. Я не был милосерден и глубоко виноват.

Если будет нужда спастись — уходи не столь далеко. Дальние путешествия опасны тем, что мир вокруг коренным образом изменится и ты окажешься среди людей и обстоятельств, тебе непонятных и потому опасных. Если я с тобой не встречусь — тебя найдут. Еще раз прощай. Сергей». Вот и все, — сказал Андрей.

— Хорошо, — сказала Лидочка. — Теперь беги.

— Но мы же ни о чем не поговорили!

— Не будь наивным — ты должен успеть пробраться в свой дом. Если что-нибудь откроется — пускай тебя разбудят там. Понял?

— Хорошо. — Андрей все еще медлил. Переход от невероятной экстраординарности письма к будничной необходимости бежать, таясь, по улицам Ялты был слишком резок.

Но Лидочка, отняв письмо и кинув на кровать, уже подталкивала его к двери.

— Я все уберу. И буду ждать. За меня не беспокойся.

Она отворила входную дверь, и тут Евдокия Матвеевна не выдержала и окликнула из спальни:

— Это еще что такое? Андрюша уходит?

Андрей успел увидеть, как ее встрепанная голова высунулась из спальни.

* * *

Чем более Андрей отдалялся от дома Иваницких, тем яснее он понимал, насколько права была Лидочка, гнавшая его обратно.

Восемь часов. Уже рассвело. Бегут в гимназию первоклашки — веселые, вот остановились возле воронки на набережной — как интересно! Издали видно, как они машут руками. Потом спешат к морю, всматриваются в даль, ждут, а может, еще один крейсер придет, может, еще раз стрельнет?

Что с ними будет через год, через три года? Неужели страшные прорицания отчима сбудутся?

«Отчим... как не хочется думать о том, что он лежит в кабинете на ковре, будто брошенная, никому не нужная вещь. Надо идти в госпиталь и сказать обо всем Глаше. Для Глаши отчим — это вся жизнь. Что она будет делать теперь? Доживать в пустом доме? А может, мне как честному человеку надо жениться на Глаше? Лидочка поймет меня, и мы проживем втроем всю жизнь и будем несчастны... и что за чепуха лезет в голову!»

Андрей быстро шел по улице. Солнце взошло, тени еще были длинными, лиловыми; желтые и оранжевые листья, устилавшие мостовую и свисавшие с подпорных стенок, шум просыпающихся домов и дворов создавали ощущение сказочного города, где все люди должны быть добрыми и деловитыми, как гномы...

Последний поворот. В животе заныло и стало жарко. Надо будет влезть снова по откосу — но как поднимешься на подпорную стенку? Придется возвратиться мимо полицейского, Может, он еще спит? А то надо перелезть через забор — забор невысок, меньше сажени, но сложен из гладких, подогнанных друг к дружке плит.

Пока Андрей рассуждал, как проникнуть в дом, полицейский его увидел. Разминаясь, он как раз шел вдоль ограды навстречу Андрею и был удивлен не меньше, чем тот, нечаянной встрече.

— Это... — сказал он. — Вы чего? Я думал, вы спите.

— Не спалось, — сказал Андрей как можно естественней. — Встал и пошел погулять. Утро такое хорошее...

Урядник тоже опомнился.

— А как мимо меня прошел?

— Я через забор, — сказал Андрей, разводя руками. — Чего вас беспокоить. У вас служба, вы устали, задремали.

— Не дремал я, — твердо ответил урядник. — Муха пролетит — услышу.

— А я издали решил, что задремали, — настаивал Андрей. — Ну, думаю, чего беспокоить... Вон там перепрыгнул.

— Дело молодое, — согласился полицейский. — Гулял, говоришь?

— Я на набережную спустился, кофе попил, — сказал Андрей. — Готовить-то мне некогда. А вы, если хотите, поставьте себе самовар.

Тут он понял, что они стоят посреди улицы. И Андрей, обогнув полицейского, пошел наверх. Тот вздохнул и затопал сзади.

— Чаю можно, — сказал он. — Я еще яблочек сорву, если не возражаете. Ведь ясное дело — пропадут. Кто их собирать будет?

Они подошли к калитке. Дом был освещен утренним солнцем, входная дверь приоткрыта. Сейчас выйдет Глаша... воскликнет: «Андрю-у-уша приехал!», а потом на пороге появится Сергей Серафимович с длинной трубкой в зубах...

— Слухай, — сказал полицейский. — А с курями что делать?

— С какими курями?

— А в сарае куры. Их кормить надоть. И яйца несут, понимаешь?

— Возьмите их себе, — сказал Андрей.

— Нет, — сказал полицейский, хотя предложение его заинтересовало. — Может, хозяйка вернется.

— Давайте так сделаем, — сказал Андрей, — вы яйца себе возьмите. А кур кормите.

— Добре. Я жинке кажу. Она пока за яичками приходить будет, заодно и корму курям задаст.

— Спасибо, — сказал Андрей, — большое спасибо.

Он пошел к дому. По дороге сорвал длинное яблоко. Оно было налито янтарным соком.

Ступить в дверь, за которой таилась неведомая полицейскому смерть, было трудно. Андрей понял, что не может даже откусить от яблока, настолько все в нем окаменело. Урядник стоял за спиной и тяжело дышал, словно переваривал какой-то трудный вопрос. Не дожидаясь вопроса, Андрей вошел в тишину, погрузился в запах бедствия.

Он прошел к себе в комнату. Кровать была смята, простыни не было, зато на пододеяльнике Андрей сразу увидел следы крови — видно, в темноте задел да не заметил. Он стащил с кровати пододеяльник, спрятал его в шкаф, затем аккуратно застелил кровать одеялом.

Возясь с кроватью, Андрей все время прислушивался к шорохам дома — он понимал, что надо подняться наверх и посмотреть на отчима, как он там, один... как будто тот спит и требует внимания.

Андрей за те минуты ни разу не вспомнил ни о портсигаре, ни о письме. То осталось у Лидочки — здесь были другие тревоги.

Сквозь усиливающийся шум утра Андрей вдруг услышал, как к дому кто-то подъехал. Может, смена полицейскому? Хорошо бы смена — Андрею надо подняться наверх, а потом бежать в больницу и рассказать Глаше о том, что с отчимом, раньше, чем успеют другие...

В коридоре простучали короткие уверенные шаги. Замерли у двери Андрея. Раздался стук, и тут же дверь растворилась. На пороге стоял следователь Вревский.

— Доброе утро, — сказал он, — как почивали?

— Спасибо, — сказал Андрей. — Хорошо.

— Вас ничего не беспокоило ночью?

— Что должно было меня беспокоить?

— Вы никуда не выходили ночью?

— Простите, это допрос? — спросил Андрей.

— Нет, я интересуюсь вашим времяпровождением, — сказал Вревский, скулы его играли и челюсти двигались, будто он дожевывал нечто крепкое. Маленькие глаза смотрели в упор.

— Я спал, — сказал Андрей, — потом утром ходил вниз, пил кофе. Вернулся...

— Если вы не возражаете, — сказал Вревский так, что ясно было — возражения Андрея он в расчет не возьмет, — я попросил бы вас сопровождать меня в одно место.

— В какое?

— Вы узнаете по прибытии.

— Простите, но я не обвиняемый.

— Я вас ни в чем не обвиняю. Но в интересах следствия вы должны немедленно следовать со мной.

И он отступил в коридор, пропуская Андрея.

Сначала Андрей подумал было, что Вревскому уже известно о смерти отчима и он играет с Андреем, как кошка с мышкой. Они вышли в коридор, Андрей ждал приказа подняться на второй этаж, но Вревский даже не посмотрел наверх.

У калитки стояла пролетка. На козлах сидел полицейский.

— Очень трудно без автомобиля, — вдруг сказал Вревский. — В Киеве у меня автомобиль.

Андрей сел рядом с Вревским. Главное — понять, куда они повернут. Если к Иваницким — значит, его выследили ночью. Если прямо — к полицейскому управлению или суду, — значит, поймали убийц...

Пролетка повернула налево.

«Куда же?» — не сразу сообразил Андрей.

— Что-то случилось с Глашей? — догадался он наконец. — Ей хуже?

— Почему вы так решили? — Вревский впился глазами в Андрея.

— Ответьте на вопрос! — возмутился Андрей.

— Сейчас приедем, посмотрим. — Вревский отвел взгляд.

Пролетка подъехала к Николаевской больнице. У правого крыла, приспособленного под госпиталь, стояла большая синяя фура, и санитары вытаскивали из нее носилки с перевязанными солдатами.

Пролетка въехала в открытые ворота больницы, и тут Андрей испытал великое облегчение: она не свернула к главному корпусу, где лежала Глаша, а поехала по дорожке, огибая правое крыло больницы, и замерла у одноэтажного флигеля с узкими окнами.

— Прошу, — сказал Вревский.

Что здесь может быть? Может, приемный покой? Вряд ли здесь держат арестантов.

В темном коротком коридоре невыносимо пахло карболкой и чем-то еще, неживым, удушающим. Стены коридора были покрашены в коричневую краску, и потому, когда открылась дверь и Андрей шагнул в зал, там показалось особенно светло оттого, что стены были выложены белым кафелем, а сверху светили сильные лампы без абажуров, хоть снаружи было солнечное утро.

В зале параллельно друг другу стояли три больших стола. Один был пуст и была видна его блестящая металлическая поверхность. На втором лежал труп молодого мужчины — его грязные ступни Андрей видел словно под увеличительным стеклом. У мужчины была взрезана грудная клетка, и два человека в белых, измазанных кровью халатах, которые что-то рассматривали внутри ее, подняли головы при звуке шагов.

На третьем столе лежала фигура, покрытая несвежей простыней. Вревский опередил замершего в дверях Андрея и резким театральным движением фокусника отдернул край простыни.

Андрею потребовалось несколько секунд, чтобы окончательно убедиться в том, что он смотрит на Глашу.

Бинты с ее лица были сняты, и Андрей увидел синюю вспухшую ссадину, что начиналась на круглом лбу, рассекала заплывший, невнятный, как нарыв, глаз и тянулась до уголка губы. Открытая рана чернела на второй щеке — до уха. И потому узнать Глашу можно было лишь по рыжим волосам, по обнаженному

плечу, по опавшей полной груди и по руке в веснушках, что протянулась вдоль тела.

— Глаша, — сказал Андрей. — Глашенька...

И вдруг ему стало плохо. Так плохо, что он понял — его вырвет прямо здесь. Он метнулся назад, на улицу. Вревский, не поняв причины бегства, кинулся за ним:

— Стой!

Андрей вылетел из темного закутка, уперся рукой о стену морга, и его вырвало на траву.

Вревский, что выбежал следом, брезгливо отошел и отвернулся.

— Не думал, — сказал он, — и не предполагал, что такие нервишки.

Андрей с трудом слышал его голос — он доносился сквозь вату, и, впрочем, было все равно, что говорит и думает Вревский.

Когда спазмы прошли и осталась лишь такая слабость, что невозможно было оторвать руку от стены, Андрей полез в карман тужурки и достал платок, чтобы вытереть рот.

Полицейский на козлах смотрел на него с любопытством.

— Вам легче? — спросил Вревский, рассматривая вершины деревьев.

— Да... простите.

— Тогда вернемся внутрь.

— Нет!

— Ну что вы, господин студент, что за причуды! Я веду следствие. Вы должны опознать тело.

— Я опознал, опознал! Неужели вы не видите, что я опознал...

Вревский глубоко вздохнул.

— Вы заставляете меня нарушать закон, — сказал он. — Вам лучше?

Тон его смягчился, словно он пожалел Андрея.

— Давайте отойдем к лавочке.

Вревский крепко взял Андрея под локоть и повел к скамейке.

— Я тоже выполняю свой долг, — сказал он. — И долг, поверьте мне, весьма неприятный. Особенно в этом деле. Вчера вечером мне уже дважды звонили от Великого князя. Князь Юсупов прислал телеграмму, вы представляете, какой интерес к этому делу?

Вревский усадил Андрея на скамейку.

— А теперь покончим с формальностями. И я отпущу вас. Когда и при каких обстоятельствах вы видели в последний раз усопшую?

— Вы же знаете, вчера. А что с ней случилось?

— Неужели вы не знаете? — Вревский был крайне удивлен. — Я думал, что вы догадались. Служанка вашего отчима была убита сегодня ночью. Убита ножом.

— Убита?

— Только прошу не устраивать представлений! — крикнул Вревский, увидев, что Андрей вновь порывается вскочить со скамейки. — Не ведите себя как институтка!

Санитары, что тащили в отдалении носилки с ранеными, оглянулись на крик.

— Сейчас, — сказал Андрей, вырывая руку.

Рвота не шла — внутри все исходило судорогами, но из горла вырывался только кашель.

Вревский дождался, когда Андрей чуть успокоится, и продолжал, не сводя с него взгляда:

— Убийца проник через окно из сада, точно так же, как это незадолго до того сделали вы. К сожалению, эти оболтусы опять не заперли окно как следует, хотя клянутся в обратном.

Вревский поднялся и подошел к Андрею, который стоял, опершись о ствол тополя.

— Что знала Глафира такого, что напугало убийцу? Зачем надо было убивать ее? Ответьте мне — зачем?

— Честное слово, не знаю.

— А убийца боялся. Боялся, что она запомнила его? Или он уничтожал соперницу?

— Какую соперницу?

— Соперницу по завещанию? Ведь дом по завещанию отходит ей. И я имел неосторожность вам об этом проговориться.

— Прошу вас, хватит, Александр Ионович, — взмолился Андрей. — Вы же на самом деле меня преступником не считаете, так не лучше ли потратить время на поиски настоящего убийцы?.. Ее зарезали ножом?

— Смерть наступила, как утверждает доктор, мгновенно.

— Значит, — сказал Андрей, обретая решительность, — это те же люди, что напали на отчима и Глашу на той неделе?

— Почему? — Вревский поднял светлые брови. — Нож — самое удобное оружие, когда нужна тишина. Убийце главное было — не поднять шума. А что у вас с руками?

— Это? Оцарапал о кусты.

— Где же вы отыскали кусты? Вчера этого не было.

— Уж отыскал. Клянусь вам, это не имеет отношения к делу.

— Что имеет, что не имеет, решать буду я.

— Глашу надо похоронить.

— Сначала будет вскрытие. Вы уже видели, как это делается... Не отворачивайтесь. Теперь я понимаю, почему вы не в действующей армии. Вы не выносите вида крови, господин студент?

— Глаша была близким мне человеком, я очень любил ее.

— Что за любовь у молодого человека к служанке отчима?

— Можно, я уйду?

— Отлично, — Вревский поднялся первым, словно идея уехать принадлежала ему, — я вас подвезу куда надо.

— Спасибо, я сам. Мне надо побыть одному.

— Или встретиться с сообщниками? Не морщитесь, я шучу. Честно говоря, когда урядник сказал мне, что видел вас возвращающимся домой ранним утром, я счел было вас убийцей. Семейные отношения — замечательная питательная почва для убийств. Но если вы не великий актер, то, по моим наблюдениям, у вас духу не хватило бы всадить ножик в покойницу.

Вревский стоял, наступив на подножку пролетки. Он не намерен был щадить Андрея — видно, таков был его следовательский метод.

А Андрей думал — только не вывести его к дому Иваницких. Вроде бы он о них пока не подозревает.

— Так куда вы намерены?

— Мне хотелось бы отыскать моего друга.

— Ахмета Керимова? Не советую с ним знаться — это человек темный и с очень плохими товарищами. Не исключено, что он имеет отношение к этому преступлению. Как видите, я очень разговорчив, потому что испытываю к вам некоторую симпатию. Иной бы следователь связал вас с Керимовым в одну банду. И дело сделано... Садитесь. Я вас довезу до набережной, Керимова разыскивайте сами.

На набережной Андрей попросил остановить пролетку, солгав, что намерен позавтракать в кафе.

— Отлично, — сказал Вревский. — Но предупреждаю — никаких попыток убежать из Ялты. Это будет воспринято мною как признание вины. Учтите, что косвенные улики и логика следствия работают против вас. Не хватает детали, толчка, чтобы я в вас окончательно разочаровался. Так что в значительной степени ваша судьба в ваших руках. Вы будете ночевать у себя?

— Где же еще?

— Вечером я нанесу вам визит. Тогда же сообщу, как распорядиться с похоронами госпожи Браницкой.

Андрей глядел, как удаляется пролетка. Обернется или нет?

Вревский обернулся почти сразу и сказал, не стесняясь того, что на улице было немало прохожих:

— С этого момента за вами установлено наблюдение, учтите это, господин Берестов.

И уехал. Завтракать Андрей, конечно, не стал. Как и не стал искать Ахмета. Надо было добраться до Иваницких так, чтобы шпики и соглядатаи его не выследили.

* * *

Путешествие до Иваницких в лучших традициях шпионских романов заняло еще полчаса. Андрей нырял в тихие переулки, выстаивал за углами оград, неожиданно поворачивал назад... Он был так занят этими маневрами, что не оставалось времени думать. Да и так не хотелось думать! При мысли о Глаше его снова начинало тошнить...

Убедившись окончательно, что за ним не следят, Андрей вошел в подъезд дома Иваницких. Дверь открылась ему навстречу — Лидочка снова услышала, почуяла его приближение заранее.

— А я в окно не выглядывала, — сказала она, — потому что полиция может следить за тобой.

— Почему ты так подумала? — изумился Андрей.

Лидочка пожала плечами и пропустила его в коридор.

— Мама ушла на спевку. Она у меня в церковном хоре, папа на службе. Так что мы с тобой одни.

Андрей вошел в комнату.

— Господи, на тебе лица нет! — воскликнула Лидочка. — Что еще случилось?

— Глашу убили, — сказал Андрей. — Дай мне холодной воды, очень холодной. Меня вырвало.

— Сейчас. — Лидочка, ничего больше не спрашивая, побежала на кухню, а Андрей обессиленно сел на ее узкую кровать и тут же лег на спину, свесив ноги на пол.

Лидочка вошла со стаканом воды и спросила:

— Может, тебе ботинки снять? Отдохнешь? Давай сниму?

— Не надо. — Он приподнялся, взял стакан. Вода была ледяной, родниковой и сказочно вкусной. Он даже не заметил, как Лидочка присела у его ног. — Не надо снимать ботинки! — Но Лидочка так споро расшнуровала их, что Андрей не успел воспротивиться.

— А теперь говори, — сказала она. — Тебе будет легче, если ты расскажешь.

Андрей рассказал скупо, коротко, даже нехотя.

— И тебя не выследили? — спросила Лидочка, когда он закончил.

— Нет.

Лидочка подошла к окну.

— Пусто, — сказала она. — Никто не дежурит.

— Ты хорошо умеешь слушать, — сказал Андрей. — Ты совсем не ахала и не падала в обморок.

— Я уже отплакала, когда ты ушел, — ответила Лидочка. — А потом стала думать. И мне все это не нравится.

— А мне даже некогда было думать.

Андрей допил воду. Горло саднило, будто он надорвал его.

— Заходил Ахмет, — сказала Лидочка. — Искал тебя.

— Он мне нужен.

— Я знаю, я сказала, что он тебе нужен. Хотя в отличие от тебя я ему не верю.

— Что он сказал?

— Он сказал, что разговаривал с нужными людьми. Что есть подозрения. Что он обещает — за три дня он найдет тех, кто убил Сергея Серафимовича.

— Он оставил свой адрес?

— Нет. Он зайдет в шесть часов вечера.

— Ты ему не сказала, где я?

— Сказала, что обещал прийти. Я не могла с ним разговаривать! Ты ведь веришь ему, он твой друг. Но он не мой друг.

— И что же ты надумала? — Кровать чуть покачивалась, будто корабль. Андрей закрыл глаза. Было очень приятно закрыть глаза.

— Я надумала, что Глашу убил тот, кто испугался, что она видела убийцу.

— Наверное. Вревский тоже так думает.

— Но даже Вревский не знал, что на самом деле Глаша пришла в себя и лишь притворяется, опасаясь повредить твоему отчиму. И никто не знал. Только ты!

— Что ты хочешь сказать? — Андрей открыл глаза и увидел Лидочку как в тумане. Она стояла над кроватью, сжав кулачки.

— Я хочу сказать, что об этом знала и я, и главное, самое главное — ты вчера в Массандре рассказывал, что Глаша очнулась! Ты рассказывал, как проникал к ней через окно? Ты рассказывал, что она не успела назвать убийц, но назовет их завтра? А рядом сидел Ахмет! Понимаешь, тот же самый Ахмет, который знал про шкатулку.

— И ты, и я, и Коля. Все там были.

— Коля ни при чем. Он приехал после убийства и не знал о шкатулке. А Ахмет знал. Есть два подозреваемых. Ты и Ахмет! Я не хочу, как ты понимаешь, подозревать тебя.

— Ну слава Богу! А теперь, если ты успокоишься, я тебе объясню, как все было на самом деле. Постарайся встать на место грабителей. Они жили в постоянном страхе перед разоблачением. Они должны были охотиться за Глашей. А я не подумал. Просто не подумал. Вот в этом я виноват!

«Как я устал, — подумал Андрей, — сейчас закрыть глаза и поспать хоть немного, хоть десять минут!»

— Андрюша, — сказала Лидочка, — я бы на твоем месте немного поспала. Ты сейчас не можешь толком соображать — тебе просто необходимо немного поспать. А то сердце разорвется.

Она наклонилась и нежно поцеловала его в лоб.

— Подчиняюсь, — сказал Андрей.

Она угадала его самую главную мечту — самую главную. Пускай приходит Вревский, пускай придут бандиты — кто угодно... он скажет им: дайте поспать немного. И Лидочка никого не пустит...

— Никого не пускай, — прошептал Андрей.

— Я никого не пущу, — сказала Лидочка. — Я буду возле тебя сидеть, ты не думай.

Она сидела рядом и глядела на него и думала, какой он красивый. Какое у него умное и доброе лицо, и какой смешной хохолок, и как ей повезло, что она встретила его у киоска с сельтерской водой. И сразу влюбилась. Тогда и десятью минутами позже.

Впрочем, в масштабе жизни, которую им предстояло прожить, это не играло существенной роли.

* * *

Лидочка разбудила Андрея в половине второго.

— Хватит, — сказала она, — ты проспал больше часа.

— Я заснул? И не заметил. — Андрей влюбленно улыбался, потом потянулся к Лидочке. Она вскочила с края постели, от чего взвизгнули пружины.

— Приди в себя! — сказала она голосом старшей сестры.

И тут же все рухнуло — ощущение безмятежного счастья, близость Лидочки, сладкий запах ванили и лаванды...

— Черт побери! — Андрей вскочил, и его сразу повело — так закружилась голова. — Сколько времени?

Он взглянул на часы.

— Сначала выпей чаю, — сказала Лидочка, показывая на поднос с чайником, чашкой и сахарницей, стоявший на столе. — Сахар я не клала, потому что еще не знаю, сколько кусков ты любишь.

— Два, — сказал Андрей и шагнул к столу. Ему пришлось опереться на край.

— Садись пей, а я тебе расскажу, о чем я думала, пока ты спал, — сказала Лидочка.

«Господи. Глаша погибла. Глаша мертвая лежит в морге... а отчим мертвый лежит в доме. Так не может быть! Я пью чай и слушаю Лидочку, а они лежат мертвые...»

— В любой момент Вревский может заявиться к тебе домой. Он тебя подозревает. Он захочет осмотреть твою комнату. Ты уверен, что в ней нет следов крови?

— Вроде бы не должно быть — я пододеяльник снял...

— И куда положил?

— Кажется, под кровать...

— Это и есть улика против тебя!

— В чем?

— В том, что ты убийца.

— Лидочка, мне и без того худо.

— Я не хочу, чтобы было еще хуже, — сказала Лидочка. — Теперь ответь мне еще на один вопрос: наверху, в кабинете, ты уверен, что нет никаких твоих следов?

— Не знаю... не должно быть...

— Ты что-нибудь трогал пальцами?

— При чем тут мои пальцы?

— При том, что Вревский умеет отличать людей по отпечаткам пальцев. В Петербурге давно уже так ловят преступников.

— Правильно, я слышал.

— Там могут быть следы твоих пальцев?

— Могут... — Андрей представил себе кабинет и понял, насколько права Лидочка. Он ответил ей: — Я скажу, что это давно... В мой прошлый приезд.

— Разве они сохраняются так долго?

Представив себе кабинет, Андрей понял, что не закрыл ящик письменного стола, в котором есть потайное отделение. И где-то

он бросил ключи от сейфа... Картину он подвинул на место... Но если хорошо посмотреть, на ней наверняка есть отпечатки его пальцев, может, даже кровавых пальцев... А следы его на ковре? Наверняка он в темноте наступал в кровь — там всюду была кровь...

— Там много следов, — сказал наконец Андрей.

— Я тоже так думаю, — сказала Лидочка. — Значит, у нас с тобой один выход: как можно скорее ты должен вернуться в дом и все прибрать. Потом ты сам обнаружишь тело отчима.

— Что сделаю?

— Обнаружишь тело отчима.

— Лидочка, я не знаю, смогу ли...

— Не будь тряпкой. Я выбрала тебя из всех мужчин на свете. И ты должен быть лучшим.

— Свежо предание...

Два портсигара лежали на столе перед Андреем. Почему-то Лидочка их не спрятала. Андрей дотронулся до потертой поверхности ближайшего из них.

— Я их рассматривала, пока ты спал, — сказала Лидочка. — Они оба старые. Тот, который достался тебе от отчима, старше... Смотри.

Лидочка показала пальцем на выгравированные мелкие буквы, почти стершиеся оттого, что портсигар долго носили в кармане, не разберешь даже, на каком языке надпись.

— Да, он старый, — согласился Андрей.

Он подошел к окну, стараясь рассмотреть надпись.

— Скорее это табакерка, а не портсигар, — сказал Андрей. — Просто мы называем новым словом незнакомую вещь.

Он словно оттягивал необходимость решать.

— Если ты сам позовешь Вревского, поднимешь тревогу — пускай тебя снова вырвет, пускай у тебя будет истерика, что угодно, — у них будет меньше подозрений. Надо только сделать это так, чтобы они не успели первыми, — сказала Лидочка.

Какое-то движение на улице попало в поле зрения Андрея.

Он посмотрел туда. В переулке, не таясь, стоял молодой человек в пиджаке и татарских штанах. Рубаха на нем была несвежая, распахнутая почти до пояса, из-под нее видна смуглая грудь. Черные глаза шарили по окнам, и Андрей отшатнулся от окна. Успел ли?

— Что с тобой? — удивилась Лидочка. — Там кто-то есть?

— Да. — Чувствуя себя обнаженным под взглядом преследо-

вателя, Андрей сунул табакерку в карман брюк и отступил от окна.

— Кто там?

— Он следил за мной вчера, а ночью приходил к дому.

Лидочка осторожно отстранила Андрея, но к окну не подошла, а посмотрела сквозь кисейную занавеску.

— Ты думаешь, это шпик?

— А ты? Вревский не скрывает, что за мной следят.

— Может, это не полицейский, — сказала Лидочка. — Если полицейский, зачем он следил за тобой ночью?

— Но кто его мог послать?

— Я не знаю. Может, бандиты, — сказала Лидочка.

— Они нашли твой дом!

— Он тебя видел?

— Кажется, нет. Но он смотрел по окнам.

— И отлично. Пускай смотрит. Я выведу тебя через сад.

— Ты подвергаешься опасности! Если они узнают, что мы знакомы, то тогда...

— Иди, не задерживайся, — сказала Лидочка. — Я все спрячу. Так, что ни один Вревский не отыщет. Я бы пошла с тобой...

— Нет, нельзя.

— Знаю. Но очень хотела бы. Тебе будет трудно...

Андрей поцеловал Лидочку. Она прижалась к нему — и это был их первый настоящий поцелуй, когда раскрываются губы, когда встречаются языки, когда закрываешь глаза, чтобы ничего не осталось в мире, кроме этого бесконечного поцелуя.

Лидочка первой оторвалась от Андрея.

И пошла к двери. Андрей еще раз осторожно выглянул в окно. Преследователь был там, но он отошел к следующему дому и теперь разглядывал его окна. И это Андрея успокоило.

Через черный ход Лидочка вывела его в сад.

— Я буду ждать, — сказала она. — Хоть тысячу лет.

— Ты прощаешься, будто меня сегодня же посадят в тюрьму.

— Я бы не хотела, — сказала Лидочка. — Не дай Бог.

* * *

Андрей быстро дошел до Никитской улицы. Час сна помог ему — хоть голова и болела, ногам вернулась сила. Лидочка была права, понимал он: если Вревский увидит Сергея Серафимовича первым, он никогда не поверит Андрею. Любое его слово покажется ложью — и будет ложью. Ведь он провел час со Вревским и

умудрился ни слова не сказать о трупе на втором этаже. Конечно же, Вревский ничему не поверит... А если поднять тревогу самому, можно потянуть время. Зачем? Да потому, что теперь надежда на Ахмета. Он многих знает. У него все татары здесь знакомые. Конечно же, он поможет... он же обещал. Надо продержаться три дня.

Поднявшись к последнему повороту, Андрей замедлил шаги. Он почувствовал тревогу.

Прижавшись к каменной ограде, он осторожно выглянул из-за угла.

У дома стояла пролетка Вревского. Рядом с ней полицейский.

Оставалась еще маленькая надежда, что Вревский ждет Андрея в связи со смертью Глаши. И ждет его в саду или на первом этаже. Андрей осматривал дом и молил Господа, чтобы тяжелая фигура Вревского появилась между деревьев.

У калитки стоял стул, на стуле тульей вниз лежала полицейская фуражка, полная куриных яиц.

Андрей перевел взгляд чуть выше и увидел, что на веранду второго этажа вышел Вревский. Он что-то держал в руке. И было не важно, что он держал.

— Урядник! — крикнул он. — А ну-ка сюда!

Андрей отпрянул за угол. Обернулся. Надо бежать. Но куда бежать?

Там, внизу, у поворота улицы стоял, улыбаясь, ночной преследователь. Он не делал попытки приблизиться к Андрею, он был как волк, ждущий, когда загипнотизированный заяц сам побежит к нему. Куда тебе, заяц, деваться?

Андрей инстинктивно сделал шаг вперед, забыв, что его будет видно от калитки. Но его увидели не от калитки. Вревский видел улицу как на ладони. И конечно же, растерянную фигуру в студенческой тужурке.

— Господин Берестов! — закричал он. — Вас-то мне и нужно! Пожалуйте сюда.

Андрей начал отступать. Забор, возле которого он стоял, был слишком высок и гладок, чтобы через него перебраться. Бежать вниз?

Оглянувшись, Андрей столкнулся взглядом с ночным преследователем. Тот манил Андрея к себе. И улыбался.

Андрей сунул руку в карман, чтобы взять что-нибудь тяжелое.

В кармане была только табакерка отчима.

И тут же мысли, несшиеся в голове, подобно падающему с не-

ба аэроплану, буквально закричали: «Можно убежать! Можно убежать!»

До этого мгновения Андрей воспринимал табакерку и ее свойства условно, куда менее реально, чем Лидочка.

А сейчас — сейчас ему нужно было три дня. Три дня, чтобы все улеглось, чтобы Ахмет нашел убийц, чтобы избежать неминуемого позора тюрьмы и допросов. «Тетя Маня не переживет», — пролетела в мозгу нелепая фраза.

Пальцы сами шарили по ребру портсигара. Вот она, кнопка...

Раз! Андрей нажал на кнопку портсигара. Два! Он нажал еще раз. Три! Портсигар чуть щелкнул. Андрей знал — с другого торца выскочила реечка с тонкими делениями.

Из-за поворота донесся топот сапог. Андрей кинул взгляд в другую сторону. Ночной преследователь стоял на месте.

— Беги! — крикнул он.

Андрей нажал на шарик в конце реечки, и тот послушно утопился в металле.

Касаясь очередной рисочки, шарик чуть слышно вздрагивал, и странно было, что сквозь шум и крики, сквозь стук собственного сердца Андрей слышит эти щелчки и старается считать их. Сколько их было? Два? Четыре?

Из-за угла выскочил полицейский.

Преследователь что-то тащил из кармана.

Андрей нажал на шарик.

Он знал, что все сделал правильно.

Собственная рука и табакерка, зажатая в ней, исчезли.

Все исчезло.

Наступила ночь.

Кончился мир, и было лишь стремительное падение в бескрайнюю черную бездну...

Глава 5

Октябрь 1914 г.

Андрей ударился. Больно ударился. Кто-то спросил:

— Молодому человеку плохо? — Это был мужской голос.

— Ты готов обниматься с каждым пьяницей! — ответил женский на повышенных тонах.

Андрей постарался открыть глаза и ответить. Удалось это не сразу. Наконец он сказал:

— Спасибо, все хорошо. — Он увидел лишь спины прохо-

жих — солидной пары: он в сюртуке, она в длинном приталенном пальто.

Андрей сидел на мостовой, привалившись спиной к каменной изгороди. Рука затекла.

Он хотел помахать ею, но шестое чувство сказало: нельзя, в пальцах зажата табакерка.

Андрей, не глядя, спрятал табакерку в карман. Поднялся.

Стояли тусклые сумерки. Небо было серым, мелкий дождик моросил как из сита, но тужурка Андрея была еще почти сухая — ведь он попал под дождь всего минуту назад. А вот мостовой и деревьям было куда хуже. По лужам, по повисшим редким листьям, по большим каплям, падавшим с голых ветвей, по сырости в воздухе было ясно, что дождь идет давным-давно.

Только что была середина солнечного дня и небо было хоть и осенним, блеклым, но чистым — значит, провал во времени произошел. Все чудесное, чему отказывались верить сознание и чувства, сбылось и, главное, избавило от неминуемого пленения и позора.

Куда теперь идти?

С этой мыслью пришла необходимость действовать.

Андрей поглядел вперед и вверх.

Дом Берестова был пуст. Неосвещен. Полицейского у ворот нет. Калитка закрыта.

Но Андрей не посмел приблизиться в дому. Дом как будто подглядывал за человеком, ждал его, чтобы затащить внутрь. Там, за дверью, стоят, пригнувшись, полицейские и следователи... И все ждут момента, когда Андрей дотронется до двери...

Конечно, это разыгралось воображение — Андрей даже не знал, сколько дней он отсутствовал. Могли пройти часы, а мог и месяц. Андрей вытащил часы. Они лгали. Они показывали без двадцати два. Для них перерыва во времени не случилось.

Если его ищут, если история с убийствами еще не завершилась, к Иваницким идти нельзя. Город-то невелик, а у Вревского есть свои шпики.

Значит, первым делом надо попасть туда, где люди. Причем люди, его не знающие. Лучше всего потеряться среди других. Скоро будет темно, погода плохая... любой ресторанчик или кафе на набережной удобны для его целей.

Когда Андрей спускался вниз, ему встретился лишь высокий молодой священник, но Андрей не посмел спросить его, какое нынче число. Подобный вопрос привлечет внимание — лишь сумасшедший или шпион может задать его.

Выйдя на набережную недалеко от порта, Андрей сразу же увидел под тентом несколько столиков. Они были выставлены от ресторана «Таврида» и, видно, доживали последние дни. Скоро их унесут внутрь до весны.

Столиков было четыре, на них стояли керосиновые лампы. Света они давали немного: только для дружеской или любовной беседы. Одна парочка вела такую беседу — остальные столики были пусты.

Андрей смело перешел улицу и сел за столик подальше от парочки, спиной к тротуару.

Официант, что стоял в дверях ресторана и чистил ногти, сразу же подошел.

— Что прикажете?

— А чем вы меня побалуете? — спросил в ответ Андрей, стараясь изобразить небогатого прожигателя маминых денег.

— Можно из ресторана принести, — сказал официант, оценивший клиента и снова принявшийся чистить ногти.

Андрей понял, что голоден. Впрочем, он даже и без путешествия во времени давно не ел.

— Прошу тогда...

— Икорки, — перебил его официант, взявший дело в свои руки. — Икорки паюсной и грибков. Грибки у нас соленые, первый сорт. А что пить будем?

— Бульон с пирожком, — сказал Андрей, понимая, что голод все более овладевает им. — И отбивную.

— Погляжу на кухне, — сказал официант. — Если отбивных не будет, не изволите ли эскалоп? Водочки под грибки-с?

— И водочки, — согласился Андрей, который водку не любил и почти никогда не пил, даже на небогатых студенческих сборищах.

Дальнейшие свои действия Андрей рассчитал заранее.

— Голубчик, — сказал он голосом следователя Вревского. — Что у вас за газеты сегодняшние остались? Мне надо поглядеть.

— Вам «Вестник» или «Слово»?

— А симферопольская пришла?

— Нету, — сказал официант, — утром еще разобрали.

— Погляди, голубчик, — сказал Андрей. — Я отблагодарю.

Андрею не приходилось играть такие роли — сейчас бы сюда Ахмета.

Официанта не было минут пять. Андрей мысленно шел за ним. Вот он подходит к кассе, затем медленно и лениво идет к буфету или на кухню, разговаривает с приятелем о погоде. Может,

он не ялтинский, нанялся только на сезон — собирается уж на поезд. Вот он спросил про газету, и ему ответили — откуда вечером газета? Своей вечерней в Ялте не было, а вечерняя из Симферополя приходила только утром.

Наконец официант появился. Он высоко и почти торжественно нес поднос. Держа его на весу, стал расставлять на столе закуски. Поставил лафитничек.

— Я вам сельтерской принес, — сказал он, — некоторые любят запивать.

— Спасибо, — сказал Андрей. — А газета?

Официант выставил все, поправил тарелку с нарезанным хлебом, подвинул масленку, потом, будто нехотя, вытащил из кармана смятую газету, вид у нее был такой, словно по ней ходили ногами. На сгибе расплылось масляное пятно. Официант покрутил фитиль лампы, и она загорелась неожиданно ярко, как электрическая.

— Приятного аппетита, — сказал официант. — Газету у повара взял, вы уж простите, с утра по рукам ходит.

Эта вспышка разговорчивости утомила официанта, и он побрел к двери. Встал в ней, чтобы не спускать глаз с посетителей, и снова принялся за ногти.

Газета была симферопольская. Утренняя. Вероятно, сегодняшняя.

И тут Андрей не утерпел. Вместо того чтобы не спеша выпить, закусить, а потом, перед бульоном, развернуть газету, он сразу же посмотрел на первую страницу. Прямо под названием была дата: 15 октября 1914 года.

Если газета сегодняшняя — его, Андрея, не было на этом свете четыре дня. Если вчерашняя — пять. Значит, он почти не ошибся, считая щелчки в табакерке.

Четыре дня. И в городе все тихо. Как бы расспросить официанта о новостях? Не привлекая внимания. Он, правда, вялый какой-то. Андрей налил в рюмку водки, густо намазал ломоть хлеба маслом и икрой. Водка приятно обожгла глотку, бутерброд оказался вкуснейшим. Андрей подцепил вилкой крепкую шляпку рыжика и схрупал ее.

«Почему у меня такое славное настроение? Ведь ничего еще не известно, и, возможно, мне грозит опасность. Но главное ведь в ином — в том, что я чудесным образом избавился от прошлой опасности. Подобно Аладдину с волшебной лампой, я обладаю машиной, которая резвее самого быстрого коня унесет меня от любой беды. Ну что, Вревский? Поймал? Приходи сюда, вот я,

Андрей Берестов, сижу перед рестораном, хрупаю рыжик... А есть ли у меня деньги? Еще не хватало попасть в полицию...» Он лихорадочно полез в карман тужурки — там только табакерка и мелочь. В другом кармане — тоже. Деньги остались в брюках! А сейчас брюки на нем чужие. Андрею стало холодно. Он нервно оглянулся. И официант, чуя неладное, тут же проснулся, шагнул к столику и спросил с некоторой угрозой:

— Бульон подавать?

— Несите, — сказал Андрей, понимая, что наступил момент для бегства. Но наученный опытом официант лишь дошел до двери в ресторан и, не спуская глаз с Андрея, крикнул внутрь:

— Кузьма, бульон неси. И эскалоп.

И тогда Андрей вспомнил, что в тужурке лежит бумажник, в бумажнике десятка, и, проведя рукой по борту, ощутив выпуклость бумажника, сразу обессилел и даже не заметил, как официант, уже без всякой видимости пиетета, стукнул о стол бульонной чашкой, плеснув на клетчатую скатерть.

Выпив чуть теплый бульон и опрокинув еще рюмку водки, Андрей осмелел. Он уже решил, что все же подберется, как совсем стемнеет, садом к Лидочке. Он будет осторожен, чтобы его не заметили. А в крайнем случае — что ему стоит прыгнуть еще на день вперед? Лиха беда — начало! — сказал он себе и непроизвольно улыбнулся — заяц в потоке времени!

Он проглядел первую страницу. Официальные сообщения. Внизу справа пустое место — вычеркнуто военной цензурой, которая уже начала накладывать лапу на известия с фронтов. А вот и сообщение из Петрограда: «Ставка сообщает, что нашим доблестным войскам отдан приказ о переходе в наступление против Турции, нарушившей договоры о мире и соседстве и легкомысленно привязавшей свою судьбу к колеснице германского пруссачества».

«Вот война дошла и до наших краев», — подумал Андрей, забыв об эскалопе и зачитавшись шумной патриотической передовицей, в которой предсказывалось неминуемое поражение дряхлой Османской империи, живущей за счет соков, которые она пьет из порабощенных народов. Наконец-то появился враг выгодный, которого есть надежда громить не только на страницах газет, но и на поле боя.

На той же странице разбиралась стратегическая ситуация в Закавказье и чаяния армянского народа... куда мельче и скуднее говорилось о боях под Варшавой — война уже пришла на территорию Российской империи.

Громко скрипя сапогами, вошел офицер с рукой на черной перевязи. Он был слегка пьян и, обернувшись в поисках компании, увидел, что Андрей сидит в одиночестве, тут же подошел и спросил:

— Разрешите? — и, не дождавшись ответа, уселся напротив. — Сволочная погода, — сказал он. — Бой!

Официант подошел резво — куда только делась апатия.

— Бутылку шампанского! Но не какое-нибудь там... Наше, отечественное, массандровское. И два фужера.

Андрей отложил газету. Еще этого не хватало!

— Сейчас мы с тобой выпьем, — сообщил офицер.

На нем была фуражка с высоким черным околышем и загнутой назад тульей; на серебряных погонах — крылья. Авиатор, штабс-капитан. Еще недавно авиаторы были кумирами Андрея. Они с Беккером бегали на поле на окраине Симферополя, где происходили славные полеты, — он видел и Нестерова, и самого капитана Андрианиди, и бравых французов. Он знал, что такое пике и штопор, он видел, как разбился Гастон Роже, и чуть было не успел к тем, кто вытаскивал его тело из-под обломков «Ньюпора».

Андрей принялся за эскалоп, но аппетит уже пропал.

Офицер постучал пальцами по столу.

— Студент? — спросил он. — Почему не воюешь? — И тут же сам ответил: — Какого черта? Я за сентябрь трех друзей похоронил. Сам чудом жив остался. Видишь, совсем не двигаются.

Он пошевелил пальцами — пальцы и в самом деле еле шевелились.

Официант споро открыл бутылку шампанского, разлил в два фужера. Андрей начал было отнекиваться, но офицер расхохотался, показав обломки передних зубов.

— Мы бутылку шампузы с тобой усидим, а потом и до твоей водки доберемся, добро?

— Мне уже надо идти.

— Никуда тебе не надо идти, — сказал офицер. — Лишний ты тут. Никто тебя не ждет.

Лишний? Эти слова проникли до самых печенок. Летчик говорил так, словно ему была открыта некая тайна. А может быть, в мире что-то изменилось — изменилось, незамеченное еще Андреем, и мир, в который он попал, вовсе не тот, в котором он нажал на шарик?

— Извините. — Официант стоял рядом со столом и был насторожен. — Господа не будут так любезны расплатиться?

Андрей полез в карман, вытащил из бумажника десятку. При виде ее официант изобразил удивление. Он уже был убежден в неприятностях и, может, даже хотел их, скучая в опустевшем ресторане.

Штабс-капитан поднял бокал, и Андрей счел за лучшее подчиниться.

— За ваше здоровье. Ты в этом нуждаешься. Не расстраивайся...

Допив фужер и едва дождавшись, чтобы официант, все еще не отдавший Андрею сдачу, наполнил фужеры вновь, пилот вдруг сказал:

— Студент, а мне твоя физиономия знакома.

— Я не знаю. Может, на набережной встречали?

Официант тоже приглядывался к Андрею, и это было неприятно.

— Пять рублей сдачи, пожалуйста, — сказал он, надеясь рублевыми чаевыми усыпить подозрения официанта.

— Пойду разменяю, — сказал официант.

Офицер мгновенно выпил второй фужер, взял вилку Андрея, подцепил ею грибок. Потом спросил:

— Не возражаешь? — и вылил к себе в фужер водку из лафитничка.

— Пожалуйста, — сказал Андрей, готовый уже уйти, не дожидаясь сдачи.

Вернулся официант, аккуратно положил пятерку перед Андреем и снова внимательно на него посмотрел.

— Иди, иди, не твое дело, — сказал штабс-капитан.

Официант ушел. Сначала он шел медленно, но потом, у дверей, какая-то мысль посетила его, он обернулся, кинул взгляд на Андрея и быстро скрылся в ресторане. В Андрее все сжалось.

— Ты прав, — лениво сказал авиатор, — надо тебе бежать. Только послушай, Берестов, на что тебе деньги в ничтожной сумме пяти рублей? Оставь их здесь.

И он наложил свою здоровую лапу на банкноту.

— А теперь тикай отсюда! — приказал он. — Этот хлыщ к телефону побежал. Беги, Берестов.

И только когда авиатор вторично повторил его фамилию, Андрей понял, что его узнали. За эти дни в Ялте случилось нечто, неведомое Андрею, — но за ним охотятся.

— Спасибо, — сказал Андрей, поднимаясь.

— Будешь в Севастополе, — сказал авиатор, — спроси на базе

гидропланов штабс-капитана Васильева. Я тебе всегда помогу, если хочешь — удерем в Румынию!

И Васильев захохотал вслед.

Уже почти стемнело, Андрей быстро пошел прочь от ресторана. Фонари горели редко, здание порта было совсем темным. Шагов через пятьдесят Андрей заметил черную подворотню. Он шагнул в нее.

И вовремя. По тротуару застучали шаги.

— Он туда побежал, я видел! — послышался голос официанта.

Андрей оказался во дворе. Там стояли бочки. Вдоль второго этажа тянулся балкон с железной решеткой. Спрятаться в бочку, как Али-Баба?

И тут Андрей увидел белую дверь.

Он быстро пересек двор, толкнул ее. Впереди прямоугольник света — выход на соседнюю улицу.

Улица была пуста. Справа был виден белый одноэтажный каменный базар. Возле закрытого входа грудами тряпок спали бродяги. Слева был садик. Там горел фонарь — как раз между двух деревьев.

Андрей перебежал улицу и, встав поближе к дереву, снова развернул газету. Может, она подскажет, что творится?

На третьей странице была небольшая статья ялтинского корреспондента. «Драма на вилле «Астра». Андрей не сразу сообразил, что дом отчима, пока принадлежал старому хозяину, звался виллой «Астра», это название было выложено бронзовыми буквами над входом. Отчим замазал его, но, когда начиналась зима, было сыро или изморозь, буквы проступали сквозь известку.

Он пробежал статью. Она была написана бойко и не очень грамотно. «Наш корреспондент сообщал, что вся Ялта встревожена и поражена таинственным двойным убийством известного профессора-ботаника Берестова и его служанки, трупы которых были найдены в принадлежащей профессору вилле. Там же обнаружены следы отчаянной борьбы, которую вели за свою жизнь несчастные жертвы. В настоящее время подозрение пало на пасынка покойного профессора, который находился в стесненных денежных обстоятельствах. Некоторые полагают, что он был связан с бандой дезертиров, которые объявились в окрестностях Ялты. Следователь господин Вревский, приглашенный специально для расследования этого нашумевшего дела, сообщил нашему корреспонденту, что поимка скрывающегося от правосудия студента Б., против которого есть неопровержимые улики, дело

ближайших часов. Мы будем держать наших читателей в курсе событий».

Но сама статья еще не давала ответа на вопрос: как его узнал авиатор?

Ответ нашелся на последней странице газеты.

Там была помещена фотография Андрея в гимназической форме, видно, найденная в доме у отчима (не дай Бог, если они устроили обыск в Симферополе и отняли ее у тети!). Там говорилось, что разыскивается опасный преступник, скрывающийся от правосудия, Андрей Сергеевич Берестов, и давались его приметы. Значит, ему надо бежать из Ялты.

* * *

Сад позади Лидочкина дома был невелик и запущен. Хозяйка дома, которая жила в Севастополе, разрешала жильцам пользоваться его скудными плодами и тенью каштана, что стоял у забора. Садик зарос бурьяном и крапивой. Посреди садика стояла покосившаяся деревянная беседка с лавочкой без спинки. Перелезши в темноте несколько заборов и отчаявшись отыскать этот, лишь раз виденный сад, Андрей вдруг узнал беседку.

Андрей стал смотреть в освещенные окна. Шторы на втором этаже были закрыты.

Андрей стоял, размышляя, что делать далее, как из беседки до него донеслись приглушенные голоса: там кто-то сидел, и пройти мимо, не будучи замеченным, было трудно. Один из приглушенных голосов, доносившихся из беседки, показался ему знакомым.

Выражение «показался ему знакомым» не совсем точно. Он, конечно же, узнал серебряный голос Лидочки, однако мысль о том, что она любезничает с кем-то в беседке, когда он таится по темным углам в смертельной опасности, была настолько кощунственна, что, услышав голос невесты, Андрей отказался его узнавать. Это был чужой голос! Он был лишь отдаленно похож на голос Лидочки.

Эта попытка убедить себя не удалась, потому что Лидочка беззаботно засмеялась, но тут же оборвала смех:

— Простите, я забылась.

— Если ваша мама услышит, — ответил мужской голос, — она сильно удивится.

— Еще бы, — сказала Лидочка с потрясшим Андрея цинизмом. — На той неделе была помолвлена с одним, а сегодня смеется с другим.

— Эта современная молодежь! — кривлялся мужской голос. — Для нее нет ничего святого!

Андрей представил себе, как рука соперника скользит по плечу Лидочки, не встречая сопротивления. Рука присевшего на корточки Андрея инстинктивно стала шарить по земле в поисках камня или палки, чтобы убить это похотливое животное, а может, и неверную Лиду Иваницкую.

От немедленной расправы соперника спасло то, что он, вдруг понизив голос, сказал:

— Пойду загляну через забор.

— Идите, — сказала Лидочка. — Только возвращайтесь скорей. Мне одной здесь неуютно.

Зашуршали кусты. Соперник отправился вдоль дома, к забору, выходившему в переулок. На фоне неба проявился его силуэт.

Андрей не знал, что делать дальше. Он был подобен караванщику в пустыне, который весь день стремился к далекому оазису, умирая от жажды, и только сейчас понял, что его цель — пошлый мираж, который часто встречается в Сахаре.

Девушка, которая может за несколько дней бессовестно предать любимого и найти счастье с усатым гусаром, недостойна его любви. Но что остается ему, караванщику? Очевидно, направиться прямо в суд и сдаться в руки Вревскому.

И тут же Андрей, не уничтоживший в себе, а лишь подавивший ревностью нежные чувства к Лидочке, подумал: «Насколько я несправедлив? Она полюбила меня, когда я был честным человеком. И более того, старалась, с риском для себя, помочь мне. До того момента, когда я исчез. Исчез, и остались лишь слухи, сомнения и, наконец, фотография в газете с объявлением о розыске опасного преступника. Даже если она не до конца поверила в мою вину, что ей остается делать? Стать соломенной вдовой убийцы? Она должна была спасти себя, и я не вправе ее осуждать. Пускай она будет счастлива...»

Андрей поднялся и стал искать место, чтобы перелезть через ограду и исчезнуть. Двигался он замедленно, вяло, в конце концов, все равно — оставаться ли на свободе или пойти на каторгу... В то же время Лидочка могла бы и подождать. Не прошло еще и недели с того дня, как она клялась ему в любви. Клялась ли? Может, только притворялась?

Андрей поднял ногу, нащупывая выступ в камне, но нога соскользнула. Он нащупал лиану и взялся за нее.

Надо уходить горами в Россию. Или лучше нанять лодку и попытаться уплыть в Болгарию?

— Андрюша, — сказала Лидочка, подошедшая близко. — Ты чего, испугался?

— Что? — Андрей постарался вжаться спиной в камень.

— Господи, — сказала Лидочка, — мне кажется, что я тебя знаю уже двадцать лет. Правда, я лет на двадцать тебя старше.

— Прости, — сказал Андрей, неуверенно стараясь освободить рукав от ее пальцев.

— Ты перелез через забор, — сказала Лидочка. Она не спрашивала, она утверждала. — Ты услышал, как мы с Хачиком разговариваем, и тут же, обладая живым умом и нелепым характером, ты решил, что в роли третьего лишнего тебе ходить не пристало. И куда ты вознамерился идти? К господину Вревскому, который тебя ждет?

— Я, конечно, не вмешиваюсь. — Из темноты выросла фигура Хачика. — Мое дело маленькое, но господин Вревский уже отдыхают. Зачем его беспокоить?

И пока Андрей тупо пытался переваривать эти насмешливые слова, Лидочка кинулась к нему, обняла его, начала колотить кулаками по плечам и повторять громким шепотом:

— Я же говорила! Я же говорила, что ты придешь! И именно сюда! Потому что ты самый глупый на свете, но не дурак.

— Даже обидно, какой умный, — сказал Хачик. — Я думал, ты совсем в горах сгинешь и твоя девушка мне достанется. Смеюсь, не обижайся.

— Андрюшка, — продолжала шептать Лидочка, — мы тут третий вечер сидим. Я с Хачиком вечер сижу, а Хачик всю ночь один сидит.

— Зачем сидит? — сказал Хачик. — Я на скамейке лежу, Лидия Кирилловна мне одеяло выносят.

— Вы ждали меня?

— Нет, царя Давида! — сказал Хачик, раздраженный тупостью Андрея. — У тебя такая женщина, любой джигит молиться будет!

— Ничего, Хачик, ему надо прийти в себя, — сказала Лидочка.

Она повела его за руку к беседке, посадила на жесткую узкую скамейку — непонятно было, как Хачик мог лежать на ней три ночи подряд.

— Надо познакомиться, — сказала Лидочка.

— Не надо знакомиться, — сказал Хачик. Он чиркнул спичкой и подержал ее перед лицом. — Господин Берестов со мной немного знаком. Я для него, наверное, даже неприятный человек.

И Андрей узнал своего проклятого преследователя...

Хачик был не то чтобы другом, но человеком, весьма обязанным Ахмету Керимову. Настолько, что тот мог попросить его об услуге — не выпускать из виду Андрея, за судьбу которого у Ахмета были основания беспокоиться, но не маячить у того на глазах. Хачик, человек без особых занятий, наполовину грек, наполовину крымский армянин, не чуравшийся контрабанды и других не всегда легальных промыслов, был рад угодить Ахмету, но опыта слежки за людьми не имел. Так что Андрей быстро разгадал его. Это и сыграло роковую роль четыре дня назад, когда Андрей, оказавшись между двух огней, не нашел иного выхода, как воспользоваться табакеркой. Хачик, боявшийся обнаружить себя перед полицейскими, лишь манил Андрея к себе, желая прикрыть его бегство. Но Андрей его не понял.

Как человек трезвый, Хачик решил, что от волнения он упустил тот момент, когда Андрей перепрыгнул высокий забор. К тому же выводу пришли и полицейские.

Тогда Хачик скрылся с места события и поспешил к Ахмету. Ахмет отправился к Лидочке, потому что подумал: она — единственный человек, который знает об Андрее то, что неведомо Ахмету. И хоть Лидочка опасалась Ахмета, подозревая его в убийстве Сергея Серафимовича и Глаши, она выслушала его рассказ об исчезновении Андрея, не подав вида о своих подозрениях. Ахмет предположил, что Андрей убежал в горы. Лидочка согласилась.

Лидочка постаралась поставить себя на место Андрея, и, как всегда, небезуспешно. Андрюша подошел к дому, рассуждала она, и понял, что Вревский успел в кабинет раньше. Ему некуда бежать: с одной стороны полицейские, с другой — Хачик. Андрей вспомнил о табакерке и попытался повторить то, что совершил несколько дней назад его отчим. То есть с помощью машины времени нырнуть вперед на три или четыре дня, в надежде на то, что Ахмет выполнит обещание отыскать за три дня настоящих убийц.

Далее Лидочка думала так: Андрей не пойдет в дом отчима, потому что заподозрит засаду или иную каверзу Вревского. Значит, ему ничего не останется, как поспешить к Лидочке. А чтобы не выдать преследователям цели своего путешествия, он пойдет задами, через садик.

И в том, что рассуждения Лидочки совпали с действиями Ан-

дрея, не было ничего удивительного. Любой иной путь был бы для Андрея губителен. Исчезновение Андрея окончательно убедило следователя в его виновности. Разумеется, он установил наблюдение за домом Иваницких.

— У подъезда шпик стоит, — сказал Хачик. — Настоящий.

— Дураки вы с Ахметом, — сказал Андрей. — Только пугали меня.

— Я думал, я как человек-невидимка, понимаешь?

— Понимаю, — сказал Андрей. — Все это детские игры.

— На каторгу за детские игры не ходят, — возразил Хачик.

Лидочка сказала Ахмету, что у них с Андреем был уговор: если будет плохо, он укроется в горах и вернется через несколько дней, когда Ахмет отыщет убийц. Ахмет опечалился, потому что поиски убийц пока не дали результатов. Лидочка сказала Ахмету, что будет ждать Андрея у себя дома, и тот предложил услуги Хачика. Лидочка согласилась.

Вот они и ждали Андрея три дня и три ночи. Лидочке было нелегко успокаивать Евдокию Матвеевну, чтобы та не удивлялась возникшей в дочери склонности сидеть часами в садике с дочерна загорелым бродягой, который в беседке ночует и исчезает с восходом солнца.

Лидочка уже тысячу раз повторяла: «Андрюшу оклеветали. Он скрывается. Хачик его товарищ. Мы ждем Андрея».

Евдокия Матвеевна в ту же ночь многократно прошептала эту новость в супружеской кровати, но Кирилл Федорович, если и встревожился, виду не показал. Он уставал на службе. В связи с началом военных действий против Турции перевозки многократно возросли. Так что романтические причуды дочери и даже история с двойным убийством его волновали менее, чем Евдокию Матвеевну.

Евдокия Матвеевна подкрадывалась к кухонному окну, стараясь подслушать, о чем дочка шепчется с бродягой, ничего не слышала, воображала Бог знает что, пребывала в истерическом состоянии и все время роняла посуду.

Пока длился рассказ Лидочки, Андрей совсем успокоился и даже в двух словах поведал, как «спускался с гор» и еле унес ноги из ресторана.

— Конечно же, тебе надо помыться и привести себя в порядок... — сказала Лидочка неуверенно.

— Не надо приводить в порядок, — сказал Хачик. — Ахмет ждет.

Лида кивнула, подчиняясь. Ахмет в самом деле передал через Хачика, что будет ждать их у себя.

Лидочка побежала наверх сказать маме, что уходит, но вернется не поздно. И с ней будет Хачик.

— Ах этот Хачик! — драматически воскликнула Евдокия Матвеевна и проницательно поглядела на дочку. Дело в том, что лет двадцать назад Дуся неделю была бесконечно и рискованно влюблена в одного грека-рыбака. И, перенося свою незабытую страсть на дочку, опасалась Хачика куда более, чем он того заслуживал.

* * *

До дома на Чайной горке, где скрывался Ахмет, решили ехать на извозчике. За ним побежал Хачик, остальные ждали в глухом закоулке.

За эти минуты они успели многое обговорить. К счастью, они уже понимали друг друга с полуслова.

— Ты был в потоке? — спросила Лидочка.

— Да. Все оказалось так, как он написал.

— Страшно?

— Не знаю. Вернее, страшно.

— Долго?

— Очень долго. Потом я оказался здесь, и на часах была та же минута.

— Я боялась, что ты... исчез навсегда. Все может случиться.

— У меня не было выхода.

— Я думала, что, если ты улетел куда-то далеко, я буду тебя ждать. А потом испугалась втройне. Знаешь почему?

— Нет.

— Потому что я буду идти по жизни как все, год за годом, я стану старая и толстая... Я буду содержать пансион. И где-нибудь в тысяча девятьсот тридцатом году войдешь ты, молоденький и в папиных брюках. А я буду как твоя тетя. Ты ахнешь и покинешь меня.

— Глупости, так не могло быть! — Но Андрей уже понимал, что так могло быть. Они дотронулись кончиками пальцев до неизвестного, и это неизвестное схватило за пальцы ледяной хваткой и кинуло в несущийся поток.

— А если бы наоборот? — спросила Лидочка.

— Если наоборот? Это просто замечательно. Представь себе — тысяча девятьсот... тридцать восьмой год!

— Ой, как далеко...

— Я, конечно же, холост, еще хорош собой, представительный, приват-доцент Московского университета, держу свой выезд и провожу лето в Ницце...

— А я вовсе не состарилась, поэтому ты мне кажешься старикашкой.

Застучали, приближаясь, подковы — приехал на извозчике Хачик. Ехали минут пятнадцать. Сверху спереди скатывался ледяной воздух. Лидочка задрожала. Андрей заставил ее надеть его тужурку.

На Чайной горке, на узкой улице среди виноградников, извозчик без приказания остановился у высоких деревянных ворот. Хачик не заплатил ему — извозчик и не требовал платы.

В каменной ограде сразу раскрылась калитка. Там стоял мальчик с фонарем. Дождавшись, когда гости подошли ближе, он пошел по устланной плитами тропинке к белому дому под плоской крышей.

Ахмет выбежал их встретить на веранду.

— Молодец, — сказал он, обнимая Андрея. — Я даже не ожидал, что ты такой решительный. Не простудился в горах?

Потом он поклонился Лидочке, куда формальнее, чем делал это в доме Иваницких, и Андрей почувствовал, что из темноты сада и дома на них глядят многочисленные глаза.

Ахмет провел их в низкую, почти пустую комнату, пол которой был застелен ковром, на низком столике стояла яркая лампа. Вдоль двух стен шли низкие диваны, разделенные большим сундуком.

Мальчик, который провел их к дому, откинул занавеску во внутренние комнаты и поставил на стол поднос. На подносе стоял стеклянный графин с зеленым шербетом. И высокие дешевые стаканы.

Хачик, который вошел последним, разулся и уселся на диван, скрестив ноги.

— Потом расскажешь, — сказал Ахмет, — где был, что делал, под какой крышей ночевал.

Он обернулся к Лидочке:

— Пейте шербет. Моя тетя делает — на горной мяте настаивает. Очень целебный. Потом кофе приготовим.

Андрей понял, что в этом татарском доме с его другом произошло изменение — он стал чужим. То есть он оставался тем же Ахметом, и нос тот же, и глаза, и усы. Но в каждом, ставшем округлым и законченным движении, в модуляциях голоса звучал житель именно такого дома — где не нужны стулья.

— Мои люди сказали, что позавчера шпики были в доме Марии Павловны, тебя спрашивали. Напугали тетю Маню, — сказал Ахмет.

— Надо бы ей сообщить, что со мной все в порядке.

— Я уже сообщил, — сказал Ахмет. — Ее успокоили. Хотя как ее успокоишь, если она пришла на службу, а ей газету показывают, — жалко тетю Маню.

Шербет был душистым, прохладным, но слишком сладким. Мальчик принес блюдо с виноградом.

— Теперь давайте думать, господа, — сказал Ахмет. — Только ты, Андрюша, сначала скажи — ты честно ничего не знаешь?

— Нет.

— Та-ак, — сказал Ахмет и медленно прикрыл глаза. — Это обстоятельство следует принять к сведению.

Андрей сообразил, что Ахмет играет роль Шерлока Холмса.

— Посмотрим теперь, какими сведениями располагает Скотланд-Ярд и что известно нам, скромным ищейкам с Бейкер-стрит. Что ты скажешь, доктор Ватсон? — Ахмет обратился к Хачику, тот тупо поглядел на Ахмета громадными глазами и сказал:

— Хачик меня зовут.

— Ахмет, зачем вы играете? — спросила Лидочка.

— Жизнь — игра, — ответил Ахмет. — Мы — лишь пешки. А для сведения моего друга Андрея сообщаю, что следователь Вревский отыскал в его отсутствие труп господина Сергея Серафимовича Берестова, медицинский эксперт обнаружил, что Берестов скончался под утро, когда подозреваемый был в том же пустом доме, а Глаша была убита чуть позже, когда подозреваемого, как утверждает полицейский, в доме не было. Дело замечательно скроено. Остается лишь найти украденные ценности, которые наш друг закопал в горах.

— А что тебе удалось узнать? — спросил Андрей.

— Я использовал дедуктивный метод, — сказал Ахмет. — Плов кушать будете?

Андрей отрицательно покачал головой.

— Я буду, — сказал Хачик.

— Тогда иди туда. Накормят.

Хачик без сожаления ушел.

— Если бы я знал, что это ты Хачика прислал, может, все было бы иначе, — сказал Андрей.

— Ничего бы иначе не было, — сказал Ахмет. — Твоего отчи-

ма все равно бы убили, и Вревский все равно бы до тебя добрался — ему надо дело завершить, чтобы им были довольны. Бандитов еще искать надо, ловить. А ты... Какой процесс будет! Юный наследник таинственного миллионера убивает отчима у сейфа!

— Что ты знаешь про сейф?

— Что и все! Когда нашли тело твоего отчима, в той же комнате отыскали за картиной сейф. Сейф был кое-как прикрыт картиной, но на раме и на ключах от сейфа были отпечатки пальцев Андрея Берестова. Вы такого знали?

— Надо было вытереть раму, — сказал Андрей.

— Если́ ты преступник, то самый глупый на свете, — сказал Ахмет. — Мне просто жалко, какие у меня глупые друзья. Почему ключи с собой не взял? Почему раму не вытер? Почему толком сейф не закрыл? Ты же такую им улику дал! Шкатулка — первое нападение. Потом преступник пытками вырывает у старого родственника тайну сейфа и похищает пачки ценных бумаг, так?

— Глупо, — сказал Андрей.

— И я говорю, что неумно. Я от тебя не прошу отчета. Ты мне сам все расскажешь когда-нибудь на Лазурном берегу. Моя версия — другая. Моя версия, что все-таки твоего отчима прирезали бандюги. Одного из них мы уже знаем, только он ничего не расскажет.

— Почему?

— А потому что он заплатил своей жизнью за эту тайну. Когда мои люди нашли его, он был уже мертвый.

Глаза Ахмета сузились, как у китайца. Он знал куда больше, чем рассказывал. Но и сам он полагал, что Андрей от него скрывает что-то важное. Так что дружба дружбой — но полной искренности в том разговоре быть не могло.

— Вы чего замолчали? — спросила Лидочка.

Ахмет взял из вазы гроздь, высоко поднял ее и поймал губами нижнюю ягоду.

— Ты помнишь, у нас в гимназии кочегар Тихон был?

— Помню. Я его на Рождество в Симферополе видел, — сказал Андрей. — Он узнал меня.

— А зачем ты с ним в Симферополе виделся?

— Это глупая история. Я гулять пошел, вечером, поздно. А меня чуть не ограбили. Оказалось, что один из грабителей — Тихон. Повезло. Мы с ним потом напились.

— Как же, припоминаю, — сказал Ахмет со значением.

— А почему ты спрашиваешь?

— Все на свете взаимосвязано, мой друг Горацио, — сказал

Ахмет. — И чем больше я тебя слушаю, тем больше я пугаюсь. Значит, ты гулял ночью по Симферополю и встретил Тихона. Встретил Тихона, он пошел с тобой водку пить. И часто ты водку пьешь с кочегарами?

— Перестань, Ахмет. У нас нет времени.

— Сколько у нас времени, решаю я, — сказал Ахмет с неожиданной твердостью. — У нас с тобой впереди вечность, как говорил Шекспир.

Но Ахмет ошибся.

Снаружи раздался женский крик.

Топот, еще крики. Мужской приказной голос: «Заходи справа!» Ахмет вскочил. Он стоял неподвижно, крутя головой, старался разобраться в криках. Потом метнулся к занавеске, которая отделяла комнату от внутренних помещений дома.

В тот же момент ему навстречу кинулся Хачик, они столкнулись. Андрей тоже вскочил, потянул за руку Лидочку.

Сзади вбежали с револьверами и обнаженными шашками, бестолково и топотно, с полдюжины полицейских. Они мешали друг другу. Андрей прижал к себе Лидочку, потому что бежать было некуда и первый из полицейских начал тыкать в него дулом револьвера и что-то неразборчивое кричал при этом... Тут кто-то опрокинул лампу, и горящий керосин разлился по ковру, вспыхивая неверными голубыми язычками, и стало почти темно, кто-то ударил Андрея, но тот старался прикрыть Лидочку, чтобы не ударили... А его тащили, оттаскивали от Лидочки, были крики, и среди них крик Лидочки. Андрей не потерял сознания, но потом вспомнить, что же происходило в минуту между первым криком и тем мгновением, когда он, с заломленными за спину руками, в треске виноградных кустов и метании многочисленных теней, оказался снаружи, он не смог.

— Лида! — крикнул Андрей.

— Мадемуазель Иваницкая в полной безопасности, — сказал Вревский, который стоял возле черного автомобиля Ахмета, почему-то оказавшегося у ворот. Очень высокий полицейский, возвышавшийся рядом с Вревским, держал яркий фонарь, и Андрей увидел, что Лидочка, неуклюжая в тужурке Андрея, стоит совсем близко, ее держит за руку другой полицейский, а вокруг продолжается беготня, крики, потом прогремел выстрел, завопил женский голос. — Займитесь обыском, — приказал Вревский молодому ротмистру, который возник перед ним, быстро дыша и придерживая у переносицы пенсне.

— Лида! — крикнул Андрей. — Не волнуйся, все будет хорошо.

— Господин Берестов совершенно прав, — сказал Вревский. — Сергиенко, отвезите девицу Иваницкую домой к маме и передайте, чтобы она не отпускала дочь по ночам в сомнительной компании. Это может плохо кончиться.

Лидочка молчала. Андрей чуть успокоился: Вревский не намерен ее задерживать.

Когда Андрея посадили в пролетку между двумя пахнущими потом и дракой полицейскими, Вревский легко вскочил в другую пролетку и весело крикнул:

— Арестованного запереть! Я через полчаса буду.

* * *

Андрей думал, что его запрут в камеру к уголовникам, но полицейский отвел его в комнату на втором этаже. Там стояли два пустых письменных стола, на подоконнике горшки с вялыми пышными розовыми цветами. На окнах пыльные решетки.

Вревского долго не было.

Андрей подошел к окну. Оттуда был виден двор под ярким фонарем. Двор был окружен казенного вида строениями и каретными сараями.

Сумели ли бежать Ахмет с Хачиком? Лидочку отвезли домой, и, наверное, Евдокия Матвеевна даже успокоится, что дочь наконец-то дома, а неспокойного жениха надежно арестовали. Теперь уже не убежишь — Вревский этого не допустит. И табакерка не поможет — какой смысл уходить в будущее, если окажешься в той же комнате! Может быть, конечно, это здание когда-то разрушат или продадут. Но тогда — Андрей уже принялся размышлять как привыкший к полетам путешественник во времени — ты можешь вынырнуть из потока времени метрах в четырех над землей... И сломать себе шею.

Можно представить странное зрелище. Площадь. Когда-то на ней стояло здание суда, но разрушено за ненадобностью полиции в счастливом государстве будущего. Идет карнавал, играют оркестры... Вдруг в воздухе возникает странно одетый человек, падает на землю и разбивается насмерть. К нему сбегаются маски и решают, что костюм на погибшем карнавальный, ибо таких давно уже никто не носит, а выпал он с пролетавшего воздушного шара. Так и похоронят...

Впрочем, далеко в будущее уплывать нельзя. Уплыть — это

значит лишиться Лидочки. Да и неизвестно, как далеко может унести машина времени.

Кстати, как бы ее не потерять. Андрей хлопнул себя по карману тужурки и только тут сообразил, что тужурки на нем нет, — рукав сорочки надорван, измазан чем-то, а тужурки нет. Было мгновение растерянности — оказывается, он забыл, когда лишился тужурки. Потом в памяти возникла картинка: Лидочка понуро стоит рядом с полицейским, на ней его тужурка.

Слава Богу, обрадовался Андрей.

Пока ты жив, остается надежда. Ведь где-то скрываются настоящие убийцы. И как только они предстанут перед лицом правосудия, справедливость восторжествует. Почему он должен стать жертвой судебной ошибки? Граф Монте-Кристо — это для изящной словесности. Почему Ахмет вспомнил о Тихоне? Что это было? О судьбе, которая нагнала кого-то. Черт побери этого Ахмета с его стремлением красиво выражаться. Тоже мне поэт Низами!

В коридоре послышались подкованные шаги. Они остановились у соседней двери. Голоса. Потом шаги возобновились. Повернулся ключ в двери. Вошел Вревский. Щелкнул выключателем, и сверху загорелась лампочка под белым колпаком.

— Что же вы, голубчик, без света сидите? — спросил Вревский мирно.

— Я не знал, что мне дозволено пользоваться светом, — сказал Андрей. Хотел съязвить — получился мальчишеский вызов.

— Если бы нельзя, голубчик, — сказал Вревский, кладя на стол синюю папку, — мы бы выключатель за решетку убрали.

Он улыбнулся Андрею. Широко и зубасто. Видно, у Вревского были основания для хорошего настроения.

— Садитесь, — сказал он. — Пришло время поговорить серьезно.

Андрей подвинул к себе стул от другого стола и уселся.

— Помяли вас немного мои архаровцы? — спросил Вревский. — Кстати, знаете ли вы происхождение этого слова, господин студент? Был такой начальник полиции в Москве — Архаров. Его подчиненные отличались неукротимым нравом.

Вревский развязал тесемочку и открыл папку.

— Допроса официального я вести не намерен, — сказал он. — Это дело завтрашнего дня. Выспитесь в камере, позавтракаете, чем тюремный Бог послал, а потом и поговорим уже, как положено, с протоколом. И может быть, с очной ставкой. А сейчас мне хотелось бы рассказать вам о нашем деле, как я его понимаю.

Меня никто не заставляет этого делать, но я человек — и ничто человеческое мне не чуждо. В частности, любопытство.

Вревский поглядел на Андрея, прищурился, потом спросил:

— А если у вас нет настроения вести сейчас со мной беседу, то мы и в самом деле отложим все на завтра. Я уже не спешу.

— Я тоже заинтересован, чтобы недоразумение закончилось как можно раньше.

— Недоразумение? Вы упрямый человек, Берестов... ну да ладно. С чего мы начнем?

Вревский полистал папку, в которой были подшиты десятка два листов, потом захлопнул ее.

— Документы бесчувственны, — сказал он. — Жизнь куда интереснее. Итак, жил-был один студент. Жил он с тетей в Симферополе, женщиной во всех отношениях достойной. Вот кого мне искренне жаль.

— Мне тоже, — согласился Андрей. — Она вынуждена переживать из-за того, что вы не можете найти настоящих преступников.

— Ну, полно, полно...

— И какое вы имели право искать меня в Симферополе и рассказывать тете о всех этих мерзостях? Кто дал фотографию в газету?

— Итак, — Вревский постучал костяшками пальцев по синей папке, — молодой человек не любит своего отчима, близости между ними нет. Но он притом пользуется его средствами, так как отчим — человек состоятельный, хоть и расчетливый. Год назад, а может быть, ранее, перед поступлением в университет, молодой Берестов наносит визит отчиму, и тот рассказывает ему, что открыл на его имя счет в Московском коммерческом банке... Однако до завершения образования пасынок имел право пользоваться лишь процентами с положенной суммы. А этого только-только хватало на жизнь.

— Мне хватало, — сказал Андрей.

— Голубчик, — сказал Вревский, — когда я учился, то хотел стать прокурором. И знаете почему? Я люблю строить законченную картину преступления, интересуюсь душой преступника, обстоятельствами его жизни, которые могли толкнуть его на преступление. И главное: я хотел стать прокурором, потому что его речь никто не прерывает.

— Мы еще не в суде.

— Тогда тем более поимейте ко мне уважение. Я излагаю плоды моей умственной работы.

— Хорошо, — согласился Андрей. Всегда приятно обнаружить в оппоненте слабину. А Вревский был тщеславен.

— В последнюю встречу отчим, не имевший иных наследников, рассказал пасынку о том, что хранит ценности в шкатулке красного дерева, спрятанной под паркетом в кабинете на втором этаже.

— Вы знаете, что шкатулка была красного дерева? Значит, вы ее нашли?

— Вот именно! — Вревский был доволен маленьким эффектом. — Знал наследник и о сейфе в кабинете отчима. Хотя полное содержимое сейфа нам до сих пор неизвестно. Но это — дело времени. Полагаю, что там хранились некие бумаги, связанные с угнетавшей Андрея Берестова тайной его рождения.

Андрей поморщился. Вревский будто раздевал его, залезал пальцами под кожу.

— Внешне жизнь молодого Берестова в Москве была лишена особых событий. Он даже участвовал в археологической экспедиции профессора Авдеева и совершил попытку соблазнить одну из студенток, что ему не удалось и ударило по самолюбию. В беседах с той студенткой он говорил о своих честолюбивых планах — молодые люди часто раскрываются перед объектом своих вожделений.

Андрей никак не мог вспомнить, о каких честолюбивых планах он мог говорить с Тилли, но надо отдать должное Вревскому — до Тилли он тоже добрался. Не иначе как за те дни, что Андрей плыл в реке времени, он побывал не только в Симферополе, но и в Москве.

Вревский, насидевшись за столом, принялся энергично ходить, останавливаясь у окна и каждый раз пронзая холодным бледным взглядом своего пленника.

— За последний год господин Берестов дважды посещает Ялту. Хотя это путешествие неблизкое. Он был там на Рождество, а затем прошедшим летом. Что могло подвигнуть его на эти путешествия?

— Вы же отлично знаете, Александр Ионович, — сказал Андрей. — Я хотел увидеть Лидочку Иваницкую, об отношениях которой со мной вам известно.

— Господин Берестов может объяснить свои поездки по-своему, но и следователь имеет право на версию. И будьте любезны ее выслушать. Я полагаю, что вы приезжали в Ялту, пытаясь получить деньги от отчима.

— Но зачем мне деньги?

— Должен сказать вам из собственного опыта, что тихие, лишенные внешних пороков люди часто таят в себе вулканические страсти. Зачем вам деньги? Зачем деньги молодому тщеславному человеку, который знает, что у его престарелого отчима лежат без движения и пользы многие тысячи рублей, и ощущает несправедливость этой ситуации?

— Вы хотите рассказать мне что-то из Достоевского?

— Не петушитесь. Достоевский был большим знатоком человеческих душ, — сказал Вревский наставительно. — Я бы советовал читать его как следователям, так и преступникам.

— Спасибо за урок.

— Это не последний урок, который вы от меня получите, — сказал Вревский. — Итак, наш герой пытался на Рождество получить у Сергея Серафимовича некую сумму денег. Но, очевидно, безуспешно.

— Но не нужна мне некая сумма!

— У меня есть показания близкого вам лица!

— Кого?

— Пробыв в Ялте всего один день, господин Берестов срочно возвращается в Симферополь. Если бы его визит был связан с делами сердечными, я убежден, что господин Берестов провел бы в Ялте куда больше времени. Ведь были каникулы, куда спешить?

— Я должен был вернуться на похороны матери моего гимназического друга, Беккера. Вы можете проверить.

— Вы знали о смерти матери господина Беккера до отъезда?

— Знал.

— Похоронили бы и ехали в Ялту. Или поехали бы за три дня до того срока. Нет, вас держало в Симферополе совсем другое!

«Ну как ему объяснить, что я узнал правду об отношениях Коли Беккера и Лидочки от Маргариты лишь за день до похорон Елизаветы Юльевны!.. Впрочем, это уже давно не играет роли».

— У вас была совсем другая цель, — повторил Вревский. — Пахомов!

Возглас был столь неожиданным, что Андрей вздрогнул.

Тут же в дверях возникла щекастая рябая физиономия полицейского.

— Слушаюсь, вашество!

— Два стакана. Покрепче.

Полицейский исчез.

— На чем мы остановились? Ага, на вашем возвращении в Симферополь. Вы вернулись потому, что поняли — добром от

отчима ничего не получишь. И тогда в вашей голове созрел план злодейского преступления.

Вревский повысил голос, словно поставил точку.

— Что вам говорит фамилия Денисенко? — спросил он, глядя на Андрея.

— Какая фамилия?

— Де-ни-сен-ко.

— Ничего не говорит.

— Другой реакции я и не ожидал, — сказал Вревский.

Вошел полицейский. В одной руке он нес два стакана в подстаканниках, в другой — блюдце с сахаром. Он поставил стаканы и блюдце на стол.

— Спасибо, иди, — сказал Вревский. Он подвинул стакан к Андрею. — Разве это называется крепкий чай? Люди разучились делать простые вещи.

Чай был горячим. Андрей почувствовал, что замерз. Хоть в комнате было душно, через форточку тянуло холодным дождливым ветром.

— Господин Берестов прибыл в Симферополь, чтобы договориться о возможном исполнении злодеяния с нужными людьми, — продолжал Вревский. — Но исполнение было отложено на удобное время — не знаю пока почему. Может, высокие договаривающиеся стороны не поладили из-за оплаты. Может, Берестов еще колебался... а может быть, и ему не чужды человеческие чувства — как, не чужды?

Андрей прихлебнул чаю. Он думал: кто же такой — Денисенко? Никогда не слышал этой фамилии. Его предполагаемый сообщник?

— Если у вас нет комментариев, — сказал Вревский, — продолжим эту историю. Подходит лето. Сроки по платежам наступают.

— По каким платежам?

— Вы нам еще расскажете, по каким. Ситуация для Берестова обостряется настолько, что он неожиданно бросает археологическую экспедицию, оставляет на произвол судьбы девицу, ласк которой вчера еще домогался, и снова несется в Ялту. Это уже совсем невероятно! Вы мне скажете — мечтал увидеть Лидию Иваницкую. Я отвечу — ложь, молодой человек. Лидия Иваницкая, как мне стало известно, в эти дни находилась где-то между Новороссийском и Батумом на пароходе «Левиафан». Как нравится вам моя работа? Насколько тщательно я изучил дело?

— Она должна была вернуться, — сказал Андрей. — Но пароход задержался.

— Только не надо песен! — сказал Вревский. — Существует телеграф, и можно было узнать о местопребывании мадемуазель Иваницкой за два часа.

— Я не был тогда знаком с ее родителями... Впрочем, продолжайте. Мне вас не убедить.

— Правильно, — обрадовался Вревский. — Вам меня не переубедить. Иваницкая вас не интересовала. Вы отправились к своему отчиму. Провели там ночь, беседовали с госпожой Браницкой. И узнали, очевидно, от нее, что ваши просьбы вновь останутся без ответа.

— Так забрался бы я наверх, открыл шкатулку и взял что мне нужно!

— Ах, Андрей Сергеевич, зачем вам устраивать кражу в доме отчима, если подозрения в ней падут на вас, и только на вас! Нет, вы не такой идиот, как пытаетесь показаться. Вы все разведываете, принимаете окончательное решение и возвращаетесь в Симферополь. Там вы встречаетесь с людьми, которых вы намерены использовать для черной работы. Главное для вас — сделать так, чтобы никто не связал ваше имя с преступлением. Вы отдали все приказания, вы все устроили и ждете в Москве сигнала. Убедительно ли я излагаю?

— Совершенно неубедительно.

— Суду это покажется убедительным. Итак, получив сигнал, что ваше приказание выполнено, вы садитесь в поезд и, приняв скорбный вид, отправляетесь в Симферополь.

— Господин следователь, не забывайтесь!

— Ах какие мы чувствительные! Ну хорошо, хорошо. Вы приехали в Ялту, встретились со своими сообщниками и тут узнали, что они проделали операцию из рук вон плохо, к тому же похитили Сергея Серафимовича и пытали его. Вы заподозрили сообщников в обмане... их было двое, да?

— Откуда мне знать?

— Наверное, двое. Вернее всего, они вас надули. Да-да, просто надули. Шкатулку вы так и не увидели. Но обманутый, раздраженный и напуганный — вам же еще и двадцати лет нет, — вы начали метаться. Вы кинулись в больницу, вы встревожились, что госпожа Браницкая в любой момент может прийти в себя и указать на вас. Надо спешить!

Вревский отставил стакан.

— Вы не устали? — спросил он.

— Нет, — по возможности спокойно ответил Андрей. — Мне интересно наблюдать, как вы рассуждаете.

— Тогда, молодой человек, продолжим рассуждения. В тот день меня удивило решение чувствительного интеллигентного юноши провести ночь в доме, где произошло страшное преступление. Зачем ему это нужно? — спросил я себя. Наверное, подумал я тогда, Андрей Сергеевич хочет найти в доме какие-то иные ценности, о которых не знали бандиты. Я был прав!

Вревский откинулся на стуле и сложил руки на груди. Он готов был нанести удар.

— Итак, вы поднимаетесь в кабинет. В доме тихо. Ночь на исходе. Вы достаете из потайного ящичка в письменном столе ключи от сейфа, отодвигаете портрет и открываете сейф. Но стоило вам протянуть руку к пачке ценных бумаг, как вы слышите сзади стон! В дверях кабинета стоит весь окровавленный, почти при смерти от жестоких пыток, которым его подвергали ваши сообщники, Сергей Серафимович Берестов!

Андрею было неуютно. Как будто бы Вревский рассказывал историю фантастическую, придуманную им и не имевшую отношения к действительности. Но факты и фактики четко складывались, подобно кубикам в головоломке, и история звучала до ужаса правдоподобно...

Вревский перевел дух и далее говорил размеренно, не спеша, добивая слушателя:

— Вернее всего, он попытался остановить вас, потому что понял — вот кто главный организатор преступления! Вот он — неблагодарный! И вы, находясь в состоянии аффекта — я убежден, что это именно так, — по натуре вы не убийца, вы для этого слишком чувствительны, — вы кинулись прочь, но отчим пытался остановить вас, и в завязавшейся схватке вы убили его ножом.

— Это совершенная неправда.

— Это правда. Ваши отпечатки пальцев найдены везде. Ключи от сейфа валялись на ковре. В сейфе тоже предостаточно отпечатков. Ваш отчим отдал Богу душу именно в то время, когда вы были в кабинете, разве не так?

— Я отказываюсь отвечать.

— Ваше право. И без того все ясно... Вернемся же к преступлению: вы стоите посреди кабинета. Вы в ужасе от содеянного. Вы хватаете добычу из сейфа и бежите вниз. Состояние ваше истеричное. Вы понимаете, что как только Глафира Станиславовна узнает о смерти отчима, она сразу укажет следствию на вас.

— Но почему?

— Потому что достаточно сложить два и два, чтобы понять — никто, кроме вас, за убийством стоять не мог. Теперь вы спешите убрать единственного свидетеля. Вы опускаетесь по крутому откосу, бежите к госпиталю и проверенным уже путем проникаете в палату. Там вы вонзаете нож в грудь невинной женщины!

— Господи, где же я читал этот страстный монолог?

— Вы дрожите, Берестов? Я вижу, что и сейчас вы дрожите при воспоминании о содеянном!

— Нет, — сказал Андрей, — я не дрожу, потому что этого не было.

— Вы хотите сказать, что Глафиру Станиславовну убил ваш сообщник? Что ж, допускаю, допускаю, что он ждал вас в больничном саду, что это было запланировано вами заранее. А это не суть важно. Важно то, что дело против вас настолько серьезно, настолько аргументированно, что вам придется пригласить господина Плевако, чтобы он избавил вас от виселицы. Так-то, голубчик.

Вревский потянулся на стуле. Взглянул на входящие в моду наручные часы. Сплел пальцы рук и, потянувшись, хрустнул ими.

— Скоро полночь, — сказал он. — Нам с вами надо отдохнуть...

— Можно я задам вам вопрос, Александр Ионович? — спросил Андрей.

— Разумеется, я рад буду ответить. — Вревский ждал, как кот, поднявший лапу.

— Надо ли понимать, что в вашем так называемом деле нет ни одной улики против меня, ни одного свидетеля, ни одного доказательства, кроме вашей горячей речи?

Пожалуй, Вревский ожидал услышать что угодно, кроме такого заявления. Он сразу выпрямился на стуле и разъединил сплетенные пальцы.

— Что вы хотите сказать?

— То, что вам скажет любой судья.

— А убийство Берестова? А смерть Браницкой?

— Кто убил их? С таким же успехом вы можете показать на любого прохожего.

— При условии, что отпечатки пальцев этого прохожего будут в кабинете покойного.

— Отпечатки пальцев оставил я. Когда открывал сейф, чтобы вынуть завещанные мне письма и бумаги.

— И все?

— Все. Моего отчима я застал уже мертвым.

— Значит, вы нарушили закон, взломав сейф...

Вревский осекся.

Андрей позволил себе улыбнуться.

— Ради Бога, — сказал он, — судите меня за то, что я открыл сейф в принадлежащем мне доме.

Поддавшись тщеславию и склонности к высокопарной демагогии, Вревский позволил Андрею успокоиться и, слушая длинный монолог, собраться с мыслями. Вревский тоже понял это и понял, что недооценил оппонента. По расчетам Вревского, Берестов должен был сникнуть перед железными аргументами и, будучи отягощен больной совестью, во всем признаться. Тут же, этой ночью.

— Грустно, — сказал Вревский, — весьма грустно, что вы оказались столь неблагоразумны.

— Более того, я думаю, что пришло время отпустить меня. И без того вы продержали меня слишком долго. Мне придется жаловаться.

— Жаловаться? — Опершись сильными ладонями о стол, Вревский привстал и наклонился вперед. — Нет, голубчик, жаловаться вы не будете, и домой баиньки я вас тоже не отпущу. Я имею полное право продержать вас в камере с уголовниками столько, сколько пожелаю.

Он был зол. Он был очень зол, потому что потерял впустую столько времени и сил.

— На каких же основаниях, господин следователь?.. — Андрей тоже вскочил. При звуке возбужденных голосов в дверь заглянул широколицый полицейский.

— На том основании, что вы задержаны в воровском притоне со своим дружком Керимовым! Этого достаточно.

— Никогда не думал, что Керимов держит в Симферополе притон.

— Здесь держит. И похуже, чем притон... И вообще перестаньте фиглярничать, Берестов. Я знаю о вас все!

— Я убедился, что ничего не знаете.

Вревский встал.

— Можно, конечно, подождать до утра, — сказал он устало. — Но лучше закончить разговор сегодня, чтобы вы не надеялись на снисхождение. У меня в душе нет снисхождения к убийцам.

Вревский подошел к скучному железному шкафу, что стоял за его спиной, и, повернув ручку, открыл скрипучую дверь. Резким

движением он выхватил оттуда темно-красную резную шкатулку и поставил ее на стол.

— Узнаете? — Он откинул крышку. Шкатулка Сергея Серафимовича была пуста. И оттого видно было, что устилающее ее красное сукно в некоторых местах потерто.

— Узнаете?

— Узнал, — не счел нужным таиться Андрей. — Это шкатулка моего отчима.

— Пустая, — сказал Вревский.

— Пустая, — повторил Андрей.

— Хотел бы я увидеть, какие змеи извиваются сейчас в вашей душе, — сказал Вревский.

— Мне и в самом деле очень грустно сознавать, что ради ее содержимого погибли два близких мне человека, — сказал Андрей.

— Уже три, — сказал Вревский. — И не знаю, кто из них вам ближе.

Он снова открыл синюю папку, и только тут Андрей увидел, что между листами в ней вложен большой конверт. Вревский вытащил оттуда несколько фотографий. И аккуратно, напряженно, будто превозмогая желание кинуть их Андрею в лицо, разложил их на столе.

На первой фотографии был виден человек, лежащий на земле в неудобной позе, подвернув под себя ногу и бессильно откинув руку. Лицо его было неразличимо.

На второй фотографии было только лицо того человека — крупным планом. На третьей тоже лицо — с другой стороны. Человек был мертв.

— Кто это? — спросил Вревский.

Андрей молчал, узнав человека и всем нутром чувствуя опасность, грозящую от признания своего знакомства.

На фотографии был гимназический кочегар Тихон. Кто еще говорил о нем недавно? Да, конечно же, Ахмет.

— Кажется, я его припоминаю, — сказал Андрей, — но могу ошибиться. Что с ним произошло?

— Кто этот человек?

— Звали его... Кажется, его звали Тихоном.

— Фамилия!

— Откуда мне знать его фамилию? Он у нас раньше в гимназии кочегаром работал. Мы к нему в котельную бегали, кто курить, а кто в карты играть.

— И с тех пор вы его не видели?

— Нет, не видел, — сказал Андрей, искренне полагая, что не лжет, потому что ночная встреча в семинарском саду не имела никакого отношения ни к Ялте, ни к этому делу, но Андрею могла повредить.

— Честное слово?

— А что случилось?

— А то, что этот человек убит. Убит так же, как ваш отчим и Глафира. И рядом с ним валялась пустая шкатулка.

— Значит, вы нашли одного из бандитов! — сказал Андрей. — Чего же вы меня тогда здесь держите?

— Потому что этот человек — а фамилия его, впрочем, вы и без меня ее знаете — Денисенко, Тихон Денисенко, — убит тем же ножом и точно так же, как остальные ваши жертвы...

— Его тоже я убил?

— Без иронии, господин Берестов. Вы же до сих пор не ответили следствию, где вы умудрились скрываться последние четыре дня. А я вам отвечу, смотрите мне в глаза, я вам отвечу! В заброшенном летнем домике над верхней дорогой. Вместе со своими сообщниками. Где вы делили добычу. И это кончилось неудачно для вашего сотоварища Денисенко, который погиб, как всегда погибают в бандах, когда речь идет о дележе добычи.

— Я не видел этого Тихона несколько лет.

— Как вы мне надоели, Берестов!

Вревский вытащил из папки еще один лист, мелко исписанный с двух сторон.

— Это протокол допроса вашего близкого приятеля, которому нет никакого смысла вас губить, да который и не подозревает, что его показания забивают гвозди в ваш гроб, господин Берестов. Я снова иду на нарушение порядка следствия, но хочу, чтобы вы поняли, насколько глубоко и безнадежно вы увязли. Читайте... Да, погодите, чтобы не было недоразумений и чтобы вы, не дай Бог, не подумали, что ваш приятель Николай Беккер замыслил против вас нечто дурное, даю слово офицера, что Беккер встречался со мной совсем по иному делу и ваше имя всплыло при его допросе совершенно неожиданно. Господин Беккер не подозревал, что я знаком с вами, а давал показания в связи с исчезновением двух рядовых из команды, с которой он приехал из Феодосии для получения прицелов. Читайте вот отсюда...

Андрей подвинул к себе листы. Почерк был мелкий, канцелярский. Видно, писал сам следователь или писарь.

Страница начиналась с середины разговора.

Вопрос. Когда вы и ваша команда, господин Беккер, прибыли в Ялту?

Ответ. Я прибыл в Ялту на попутном моторе, который шел из Феодосии, одиннадцатого октября. Моя же команда в составе четырех солдат береговой артиллерии прибыла морем двумя днями раньше.

Вопрос. Из кого состояла ваша команда?

Ответ. В команде были солдаты Денисенко, Борзый, Чамаш и Линяев.

Вопрос. Что случилось далее?

Ответ. На второй день по моему прибытию в Ялту солдаты Денисенко и Борзый не явились ночью в помещение, выделенное им для жилья.

Вопрос. Встревожило ли вас их отсутствие?

Ответ. В первый день нет, так как я полагал, что, имея в городе знакомых, солдаты могли загулять. Однако на следующий день, не имея от них известий, я счел необходимым доложить об этом начальнику снабжения, который рекомендовал мне тут же доложить коменданту. Что я и сделал.

Вопрос. Что дали принятые меры?

Ответ. Я получил ответ коменданта, что дело о возможном дезертирстве передано в городское жандармское управление.

— Ничего не понимаю, — сказал Андрей, отдавая лист Вревскому, который внимательно следил за его лицом. — Значит, Тихон Денисенко был в Феодосии?

— Вот именно. И приехал в Ялту за день до нападения на дом Берестова.

— Но я-то тут при чем?

— А вот при чем. Вчера утром пастухами в заколоченном летнем домике у дороги на Ай-Петри в лесу был найден труп неизвестного человека. У осмотревшего труп полицейского возникло подозрение, не дезертир ли он. Дальнейшее просто — фотографии убитого, а затем и сам труп были предъявлены для опознания господину Беккеру, который узнал Тихона Денисенко. А вот пустую шкатулку красного дерева, найденную в том же домике, Беккер опознать не смог. И понятно почему — опознать ее смогли бы только вы.

— Значит, его убил второй бандит и скрылся.

— Я задал несколько вопросов господину Беккеру.

Вревский подвинул Андрею еще один лист из папки. Мертвое

лицо Тихона, глядевшего мертвыми полуоткрытыми глазами на Андрея, мешало сосредоточиться. Он отодвинул фотографию, Вревский усмехнулся и спрятал фотографии в конверт.

Вопрос. Скажите, пожалуйста, были ли вы знакомы раньше с убитым?

Ответ. До армии?

Вопрос. Да, в Симферополе или Ялте?

Ответ. Я знаю, что оба убежавших солдата, Денисенко и Борзый, родом из Симферополя. Именно потому я и подумал сначала, что они находятся в самовольной отлучке — решили побывать дома.

Вопрос. Приходилось ли вам раньше встречаться с кем-либо из этих солдат?

Ответ. Борзого я до армии не знал, но Тихон Денисенко как-то напомнил мне, что работал в нашей гимназии истопником. Но я его не вспомнил, потому что не ходил в котельную.

Вопрос. Был ли знаком с Тихоном Денисенко Андрей Берестов?

Ответ. Странный вопрос. Зачем ему быть знакомым с истопником?

Вопрос. Хорошенько подумайте, господин Беккер. И постарайтесь вспомнить. Это может значительно помочь следствию и, в частности, вашему приятелю Андрею Берестову.

Ответ. Андрею угрожает опасность?

Вопрос. Можно считать и так. В любом случае ваш правдивый ответ может ему помочь.

Ответ. Я не могу быть точно уверен, но мне кажется, что на прошлое Рождество я видел Андрея в обществе Денисенко.

Вопрос. Они были вдвоем?

Ответ. Нет, с ними было третье лицо. Допускаю, что это был друг Денисенко Борзый. Но я не уверен, так как была зима, рано темнеет. У меня была тяжко больна мать, я возвращался домой из аптеки и увидел в городе Денисенко, Берестова и, кажется, Борзого, которые выходили из трактира.

Вопрос. Вас не удивила столь неестественная компания?

Ответ. Конечно, удивила. Кстати, подтвердить это может моя знакомая Маргарита Потапова, которая шла вместе со мной.

Вопрос. Все трое были пьяны?

Ответ. Не могу ответить. Был вечер. И разве это так важно?

— Хватит, — сказал Вревский, отбирая лист у Андрея, который начал было перечитывать показания Беккера. — Что вы на это скажете? Неужели вы будете утверждать, что ваш друг и совершенно посторонняя девушка сговорились вас погубить?

— Нет, я так не думаю, — сказал Андрей, который понял, как смертельно он устал, как хочет спать... «Ах ты, хитрец, Вревский, как ты поймал Колю! Но ведь Коля ничего и не подозревал...»

— Вы встречались на Рождество с Денисенко и Борзым?

— Я случайно встретился с Тихоном, — сказал Андрей, чтобы Вревский отвязался от него.

— И с Борзым?

— Я не знаю, кто такой Борзый. Второго звали Борисом. У него такие вот широкие скулы и лоб неандертальца.

— Что ж, описание сходится. Борис Борзый. И, кстати, уже судившийся и отбывший три года по подозрению в разбойном нападении. Ну что, господин Берестов, финита ля комедия?

— Я хочу спать, — сказал Андрей.

— Я тоже, — сказал Вревский. — Мы с вами славно потрудились. Как понимаете, достижение истины — процесс трудный. Пахомов!

Полицейский появился не сразу. Андрей подумал, что он задремал.

— Я здесь, — буркнул он, появляясь в дверях.

— Отведи арестованного во вторую камеру. Там чисто?

— А чего быть нечисто, там уж два дня как никого нету.

— Ну что ж, спокойной ночи, Андрей Сергеевич, — мирно сказал следователь. — Приятных сновидений пожелать не могу.

Андрей вышел. Вревский остался в кабинете.

Полицейский провел Андрея в полуподвал, где был коридор с железными дверями по сторонам. Открыл одну из дверей. Камера была пустая и узкая, окно под самым потолком. Железная койка, застеленная суконным одеялом, умывальник, ведро в углу, от которого тянуло хлоркой. И все.

Андрей ни о чем не мог думать.

Он хотел вытянуться на койке, но полицейский велел снять ботинки и отдать ему шнурки. Андрей покорно снял ботинки.

— Погоди, — сказал полицейский, провел руками по его карманам, потом расстегнул ремень и тоже взял с собой.

Под потолком горела лампочка. Андрей хотел было попросить, чтобы выключили свет, но заснул раньше, чем захлопнулась дверь за полицейским.

* * *

Андрей проснулся от того, что заскрежетала дверь. Наверное, так скрежещет дверь в ад, подумал он. Может быть, они специально сыплют песок в петли?

Полицейский — не тот, что вчера, другой, молодой, пузатый парень — принес миску с кашей и эмалированную кружку с жидким чаем. Проверил, есть ли вода в умывальнике, приподнял крышку ведра, от которого пахло хлоркой, обнаружил, что оно пустое. Потом сказал, что днем лежать на койке не положено.

Сквозь решетку окна из-под самого потолка лилась серая сырость.

Андрей использовал по назначению поганое ведро, потом умылся. Выпил чай, кашу есть не стал. И подумал, насколько человек быстро привыкает к нелепым и унизительным условиям жизни. Волк бы метался по клетке, отказывался от еды, птица бы разбилась о прутья, а вот он, студент, человек если и не утонченный, то интеллигентный и неглупый, воспитанный в понятиях порядочности и чести, не представляющий, как можно сесть за завтрак, не почистив зубы, покорно оправляется в ведро и пьет чай из кружки, и сердце его не разрывается от мысли, что ближайшие десять, а то и двадцать лет он проведет в заточении... а может быть, через несколько месяцев в подобной же камере он будет ждать своего последнего часа, а за дверью прозвучат шаги начальника тюрьмы, врача и священника, чтобы вести его к виселице.

Но на этом рассуждения Андрея оборвались, потому что мысль о такой смерти была настолько ужасна и реальна, что он вскочил, подбежал к двери, чтобы проситься наружу, но спохватился и понял, что такой радости Вревскому он доставить не может.

Он постарался рассуждать о своем деле, искать в нем причины, которые давали бы надежду на избавление, но голова была тупой, она отказывалась думать, и Андрей вместо этого смотрел, как два воробья устроились между решетками на подоконнике и, не обращая на него внимания, мирно чирикают о своих делах...

Дверь неожиданно вновь заскрежетала, и возник давешний пузатый полицейский. Он принес Андрею его ремень и шнурки от ботинок. «Конечно же, — понял Андрей, — это так положено, чтобы я не повесился. Поэтому и отбирают».

— Одевайтесь, — сказал полицейский. — Пошли.

— На допрос? — спросил Андрей. Полицейский показался ему симпатичным. Простой парень, добрый, наверное. В Андрее

поднималась неконтролируемая льстивость, что так свойственна тяжелым больным и подследственным, — хочется быть хорошими с теми, от кого зависит твоя судьба, чтобы они поняли — ты достоин снисхождения.

— Мне сказали, я веду, — ответил полицейский. Ему было все равно, хорош ли Андрей. Он велел Андрею заложить руки за спину.

Они прошли по коридору полуподвала. За прочими дверьми камер, такими же, как та, что скрывала камеру Андрея, было тихо. Поднявшись на первый этаж, они, вместо того чтобы идти выше, где должен был ждать Вревский, повернули к двери во двор. Двор был знаком Андрею, он видел его вчера вечером из окна. Посреди двора стоял тополь, вокруг были набросаны окурки.

Моросил прежний дождь, и, пока они пересекали двор, сорочка промокла, и Андрей продрог.

Они завернули за угол безликого желтого казенного здания и, обогнув его, оказались перед входом. Там стоял солдат с винтовкой.

— Куда? — спросил он.

— К господину полковнику Николаеву, арестант, — сказал полицейский.

— Погоди, — сказал солдат. Он приоткрыл дверь внутрь и крикнул: — Тут арестанта к полковнику привели!

Сразу выскочил молоденький поручик с точным пробором посреди головы и серебряным аксельбантом. Он смотрел на Андрея широко раскрытыми глазами, будто восхищался.

— Господин Берестов? — воскликнул он. — Вас ждут!

Они вошли внутрь. Полицейский топал сзади. Поручик шел рядом с Андреем и был подчеркнуто вежлив:

— Полковник ждет вас.

Поручик повернулся к Андрею, протянул руку, чуть откинув голову назад, и представился:

— Поручик Тизенгаузен. Имел честь бывать у вашего отчима.

Поручик наклонил голову — пробор был проведен по линейке. Андрей пожал протянутую руку. Что это — чудесное освобождение, как в романе Дюма?

— Ни на минуту не допускал и мысли о вашем участии в этом жутком деле. Ни на минуту. — Поручик взял Андрея под локоть и повел по широкой лестнице наверх.

Полицейский мрачно топал сзади.

— Ты подождал бы здесь, — сказал поручик полицейскому.

— Не положено, — просто ответил тот, и стало ясно, что полицейский не отвяжется.

— Им хочется быстро соорудить уголовное дело. Шумное дело — многие у нас вам сочувствуют. Примите мои соболезнования.

Поручик постучал в дверь на втором этаже, оттуда послышалось: «Входите, входите!» Поручик пропустил Андрея вперед, преградил путь полицейскому, который намеревался было последовать за Андреем, и прикрыл дверь.

Андрей оказался в большом, светлом, в два окна, кабинете. Чуть ли не половину его занимал большой полированный стол, заваленный бумагами. За столом сидел массивный курчавый человек в форме полковника. Человек поднялся из-за стола и пошел навстречу Андрею.

— Господин Берестов? — сказал он. — Рад вас видеть. Надеюсь, что ваши несчастья временные. Очень надеюсь.

Полковник оказался низкого роста и столь широкий, будто ноги у него были отрублены по колено. Шел он мягко, шаркал ногами, и ясно было, что ему куда привычнее быть в мягких домашних туфлях, чем в высоких сапогах.

— Ай-ай-ай, — уныло сказал он. — Неужели в таком виде вам пришлось провести ночь в участке? Без теплой одежды?

— Полиция получила слишком много власти, — резко сказал от дверей поручик Тизенгаузен. — Они творят произвол.

— Вот именно, — согласился полковник. — Ведь можно простудиться! У вас нет насморка?

— Нет, — сказал Андрей.

— Я дам вам с собой капли. Мне присылают из Киева, — сказал полковник. — Вы завтракали?

Поручик хмыкнул.

— Ах да, — сказал полковник. — Какой у них завтрак! Поручик, не в службу, а в дружбу, распорядитесь, чтобы принесли чаю.

— Чай придется подождать, — сказал поручик. — Еще не ставили самовар. Но если господин Берестов не откажется, мы можем предложить ему глоток коньячку.

— Великолепная идея! — обрадовался полковник. — Вы простите, что нам пришлось встретиться в такой момент. Но это последствия тяжелого положения, в котором оказалось наше государство.

Поручик Тизенгаузен прошел к массивному сейфу, что стоял возле стола, громко повернул ручку, открыл его и вынул оттуда

початую бутылку коньяку и два стакана. Раздвинул бумаги на столе полковника и налил в каждый стакан на два пальца.

— Нам надо завести бокалы, — сказал полковник, удрученно глядя на действия адъютанта. — Просто стыдно перед гостями.

— Я распоряжусь, — сказал Тизенгаузен. Он протянул один стакан Андрею, второй взял сам.

— А мне нельзя, — сказал полковник. — Язва. Совершенно исключено.

Коньяк обжег глотку. Полковник проглотил слюну, глядя, как Андрей пьет.

— Нечем закусить. Не серчайте, Андрей Сергеевич, но мы редко принимаем гостей. Мы стали бумажными крысами. Война — это груды бумаг, вот так-то.

Тизенгаузен пил коньяк маленькими глотками, стоя навытяжку, словно соответствовал тосту на торжественном приеме.

Большие настенные часы пробили десять раз. Все трое стояли и смотрели на них, потом полковник и Тизенгаузен сверили свои часы, словно настенные часы были истиной в последней инстанции. У полковника была старинная луковица, поручик Тизенгаузен, разумеется, имел часы наручные, на черном ремешке.

— Господин поручик, — сказал полковник, — вам пора.

— Слушаюсь, Лев Иванович, — согласился Тизенгаузен, убрал стаканы и бутылку в сейф и небрежно прикрыл его.

Когда Тизенгаузен вышел, полковник обернулся к Андрею:

— Садитесь, садитесь, в ногах правды нет. Боюсь, как бы вы с собой паразитов не вынесли. Там же блохи, клопы, полное отсутствие гигиены... да вы садитесь, я не потому сказал, что опасаюсь заразить свою мебель, нет, не потому.

Мысль эта показалась полковнику столь забавной, что он залился счастливым смехом.

В дверь постучали. Поручик пропустил в кабинет Лидочку. Из-за их спин выглядывал полицейский. Он даже встал на цыпочки, чтобы убедиться, что его подопечный не убежал.

В руке у поручика была большая сумка.

Лидочка кинулась к Андрею.

— Что они с тобой сделали! — воскликнула она куда громче, чем можно было от нее ожидать. — Я не переживу! Мой бедный... — Она обняла Андрея и прижалась щекой к его сорочке.

— Да-с, — сказал полковник. — Если вы позволите, я вас на несколько минут покину. Срочные дела... так-с, срочные дела.

Полковник обнял за плечи поручика Тизенгаузена, для чего ему пришлось высоко закинуть полную руку, и они вдвоем, словно Дон Кихот с подвыпившим Санчо Пансой, покинули кабинет.

— Лидочка, милая, я так счастлив... Как тебе это удалось?

— Андрюша, времени у нас совсем мало, — сказала Лидочка. Она потянула его к окну подальше от двери.

Андрей пребывал в эйфорическом состоянии, в котором мир сконцентрировался вокруг Лидочки, как космос вокруг Солнца, ослепительного и прекрасного. Он готов был плакать от умиления и нежности. Лицо Лидочки, освещенное светом белесого дождливого утра, было бледным, и оттого глаза казались еще большими, а губы были еще более нежного, светло-пунцового цвета. Андрей принялся целовать руки Лидочке, а та не отнимала рук, но повторяла:

— Андрюша, милый, пойми, что каждая минута... каждая минута...

Вместо продолжения разговора она оказалась в его объятиях. Поцелуй был бесконечен, и оторваться друг от друга было невозможно, может, еще и потому, что оба понимали, что этот поцелуй может оказаться последним. Он — дар судьбы, могущий оказаться ее жестокой шуткой.

— Ну вот, еще пять минут потеряли, — сказала Лидочка, отстраняясь наконец от Андрея.

— Не важно.

— Сейчас все важно, — сказала Лидочка.

— Как ты это устроила?

— Лев Иванович — старый приятель папы, — сказала она. — Он военный комендант Ялты. Ты догадался?

— Нет, я понял, что он какой-то начальник, но какой — нет, не догадался.

— Я заставила папу вчера вечером пойти к нему. Они в преферанс всегда играют. Сначала я думала, что он может вмешаться, но, конечно же, Лев Иванович не может вмешаться. Знаешь, что мне помогло, — оказалось, в армии и среди местной знати Вревского не выносят. И его штучки... А поручик Тизенгаузен — он имеет на Льва Ивановича большое влияние — при слове «полиция» просто подпрыгивает до потолка. Папа мне сказал, что Вревский начал расследовать какие-то дела, связанные с военной кассой, и нашел нарушения — с тех пор они страшные враги. Но это все не важно... Главное, что Лев Иванович согласился устроить мне с тобой свидание. Но, конечно же, не в угодьях Вревского, а у себя. Он своей властью приказал доставить тебя к нему

как свидетеля по делу дезертирства двух солдат — ну ты знаешь уже, наверное... тех, кто убежал от Коли Беккера.

— Знаю.

— Тебе сказал Вревский?

— Да, он допрашивал меня ночью. Одного нашли...

— Лев Иванович мне рассказал. Его люди ездили в горы и проводили опознание. И привезли шкатулку. А потом вчера ночью прибежал Коля Беккер. Он в панике — он сообразил, что мог повредить тебе, потому что проговорился, что видел тебя в обществе этого Тихона в Симферополе. Он говорит правду?

— Конечно, правду, — сказал Андрей. — Зачем ему неправду говорить?

— Я теперь уже никому не верю, — сказала Лидочка.

Дверь осторожно приоткрылась, и в нее заглянул полицейский.

— Брысь! — крикнула на него Лидочка, и полицейский, крайне удивившись, захлопнул дверь. — Я должна тебя огорчить, — сказала Лидочка.

— Меня уже трудно огорчить.

— Прокурор подписал санкцию на твой арест. Обвинения в твой адрес ему кажутся убедительными. Ввиду твоей особой опасности для окружающих мерой пресечения избрано тюремное заключение. То есть тебя сегодня переведут в тюрьму и больше не выпустят.

— Я тоже так понял, что не выпустят, — сказал Андрей, стараясь удержаться на обломках эйфории. Но обломки уже скрылись под водой.

— Лев Иванович ничего сделать не может. Ночью я говорила с Розенфельдом.

— Это еще что за птица? — спросил Андрей.

— Это лучший адвокат в Крыму. Он сказал, что твоя участь усугубляется военным временем.

— Почему?

— Да потому, что твои сообщники — дезертиры. Розенфельду известно, что из твоего дела решено сделать урок военного времени.

— При чем тут военное время?

— Сейчас они вернутся. Лев Иванович мог дать мне только пятнадцать минут. Десять прошло. А если придет Вревский — не будет и этих минут. Андрюша, у нас нет выхода!

Лидочка расстегнула сумку и достала оттуда тужурку Андрея.

— И все же я надеюсь, что поймают второго дезертира и все уладится, — сказал Андрей. Он надел тужурку.

— Может быть. А может быть, и нет. И еще более вероятно, они все равно сделают тебя руководителем банды. Погоди... не перебивай. В кармане твоей тужурки лежит табакерка.

— Что это даст! — возразил Андрей. — Я уже сбежал на четыре дня, и стало еще хуже. Если бы я вместо того уплыл на лодке в Болгарию, было бы лучше.

— Ты должен уйти вперед больше, понимаешь — не на три дня, а на год, на два.

— И что? Очнуться снова в тюрьме? Или в этом кабинете?

— Ни в коем случае! — испугалась Лидочка. — Ты же подведешь Льва Ивановича. Он столько для нас сделал!

— Ты права. И его, твоего отца... всех подведу. Но если я сделаю это в тюрьме, то очнусь через три года в той же камере!

— Тебя поведут обратно через двор. С тобой будет только полицейский. Ты должен исчезнуть в заднем дворе, между комендатурой и управлением. Смотри. Отсюда видно.

Лидочка показала за окно — оттуда был виден проход, которым Андрей огибал комендатуру. С одной стороны прохода была стена здания, с другой — ряд кустов, за ними — зеленый забор.

— Если будут разбираться, решат, что ты прыгнул через забор, — сказала Лидочка. — Это твой любимый способ убегать от правосудия.

— На несколько дней?

— Нет, на два года, — сказала Лидочка.

— Почему?

— Ты можешь меня раз в жизни послушаться? — спросила Лидочка. — Если бы ты меня всегда слушался, ничего бы не было.

— Я с тобой не так давно знаком.

— Два года! Два года — это срок с долгим запасом. К осени 1916 года мировая война кончится.

— Она кончится раньше. Неужели ты допускаешь, что она протянется еще два года?

— По крайней мере не больше. Это раз. За это время вся история с убийствами станет древним воспоминанием. И мы вернемся в мирное, нормальное, спокойное время. Когда не стреляют, не рвутся снаряды и люди не ненавидят друг друга.

— Мы вернемся? — только сейчас сообразил Андрей. — Ты хочешь сказать, что ты согласна плыть со мной?

— А как же иначе? — Лидочка даже приподняла брови от

удивления. — А ты что, хочешь, чтобы я два года старела и встретила тебя старой девой двадцати лет от роду? Да я за эти два года убегу с гусаром.

— И не мечтай, — сказал Андрей. — Я не позволю тебе остаться.

— Вот видишь, как ты заговорил. Слушай. Сейчас придут. С минуты на минуту придут. Времени нет. Табакерка у тебя в правом кармане тужурки. Запомнил? В правом кармане. Она настроена так же, как моя. Тебе надо только нажать на шарик.

— А ты?

— Я буду смотреть в окно. Если все получится хорошо, я вернусь домой, а ночью пойду следом за тобой.

— Ты не сразу вместе со мной?

— Я должна быть уверена, что все прошло правильно. Мало ли что случится, мало ли что... К тому же у меня дома все вещи. И письма.

— Какие письма?

— Андрей, я не перестаю тебе удивляться. Письмо моей маме, что мы ночью уплываем, потому что тебе удалось бежать и оставаться здесь нельзя. Письмо твоей тете, что с тобой все в порядке...

Не переставая говорить, Лидочка начала ворошить бумаги на столе коменданта, вытащила чистый лист, взяла со стола перо, окунула его в чернильницу, изображавшую бочонок в лапах бронзового медведя, и протянула Андрею:

— Пиши, я чуть не забыла. Пиши: «Дорогая тетя, мне приходится уехать, потому что иначе меня обвинят в преступлении, которого я не совершал. Не жди от меня вестей в ближайшее время. Я жив и здоров. Как только очищу себя от подозрений, сообщу тебе. Твой любящий племянник...» — и подпись.

Андрей покорно склонился над столом и написал требуемое.

— Место встречи — платан на набережной. В шесть вечера, — сказала Лида. Андрей кивнул. Когда он подписывался, дверь открылась. Вернулся Лев Иванович. Он выглядел виновато.

— Простите, дети, — сказал он, — но вам пора расставаться. Я видел автомобиль, на котором приехал господин Вревский.

— Но это же афронт! — воскликнул поручик Тизенгаузен, также вошедший в кабинет следом за комендантом. — Он конфисковал вчера автомобиль, притом совершенно незаконно, и уже на нем разъезжает. Я бы на вашем месте, Лев Иванович, задал бы в соответствующей инстанции вопрос: по какому праву следователь Вревский разъезжает на реквизированном моторе?

— Ах, оставьте. — отмахнулся комендант. — Лучше не связываться с этими крючкотворами.

— Как так не связываться! — вскипел Тизенгаузен. — У вас, военного коменданта, нет своего автомобиля, а какой-то следователь разъезжает, словно градоначальник, генерал Думбадзе.

— Ну ладно, ладно, — сказал комендант. — Андрею Сергеевичу пора идти.

Лидочка взяла бумагу, которую подписал Андрей.

— Это прошение на высочайшее имя, — сказала она.

— Правильно! — согласился Лев Иванович. — Надо принимать меры.

Полицейский, видно, почувствовав, что пришел его час, широко открыл дверь в кабинет и замер в дверях.

— Андрюшенька, — ахнула Лидочка, — я совсем забыла. Мама прислала пирожков с капустой.

— Не положено, — сказал полицейский от двери.

— Еще чего не хватало! — возмутился Тизенгаузен. — Ни в одном цивилизованном обществе подозреваемых не морят голодом!

— А кто их морит? — удивился полицейский.

Лидочка вынула один пирожок и протянула Андрею.

— Съешь по дороге.

— Я пошел, — сказал Андрей.

— Нет, так не годится, — расстроился Лев Иванович. — Попрощайтесь, дети!

Андрей поцеловал Лидочку в щеку.

— Черт возьми! — выругался Лев Иванович, готовый пустить слезу.

Андрей отпустил руку Лидочки. Она перекрестила его.

— Будь осторожен, — сказала она.

Лев Иванович отвернулся. Поручик Тизенгаузен вытащил серебряную расческу и начал поправлять пробор.

Андрей пожал руки обоим военным.

— Господин Берестов, — сказал комендант, — если следователь Вревский будет спрашивать, где вы были, отвечайте, что я снимал с вас допрос по поводу дезертиров.

— Разумеется. Я помню.

— Дай я тебя поцелую на прощание, сынок.

Комендант поднялся на цыпочки и чмокнул Андрея в губы.

Поручик Тизенгаузен щелкнул каблуками, прозвенел шпорами и подал худую холодную руку.

Полицейский посторонился, пропуская Андрея в дверь. Ладонь он держал на эфесе шашки.

Андрей обернулся. В прямоугольнике двери вслед ему сочувственно смотрели три человека. Как будто в пантомиме, где в финале актеры замирают.

Андрей спустился по лестнице и, выйдя наружу, задержался. Сунул руку в карман.

Полицейский неожиданно толкнул его в спину и грубо, беря реванш за долгое ожидание в коридоре, сказал:

— Руку вынь!

— Что же это такое! — возмутился Андрей, останавливаясь. — Я не могу вынуть носовой платок?

— Не знаю, что у тебя там. Иди.

Полицейский возвращал себе авторитет, потерянный в комендатуре. Не вынимая руки из кармана, Андрей пошел к проходу, что вел мимо комендатуры к полицейскому управлению. Он поднял голову и увидел, что Лидочка стоит у окна и смотрит вниз. Рядом с ней никого не было.

Андрей нащупал на портсигаре шарик. «Боже мой — какая она предусмотрительная, — подумал Андрей. — Я бы никогда не догадался настроить машинку».

— Сказал тебе — руку вынь! — рявкнул полицейский.

— Какую руку? — Андрей обернулся к нему и, глядя в его маленькие, настороженные глаза, нажал на шарик. Шарик поддался пальцу, и тут же окружающая действительность исчезла.

И Андрей начал проваливаться в знакомую уже бесконечную пропасть.

На этот раз падение было куда более долгим и страшным — нечто могучее вертело Андрея, как щепку в потоке, причем вращение было не мерным и последовательным, а меняло направление так, что внутри все холодело и сворачивалось, как на высоких качелях... к горлу подкатывала дурь. А потом все пропало...

Андрей очнулся от удара — ибо, не удержавшись на ногах, он упал на каменную дорожку, что тянулась за комендатурой.

Было утро. Солнце поднялось невысоко, и в проходе за комендатурой была морозная тень, тогда как второй этаж здания был ослепительно освещен солнцем.

Если все правильно, то сейчас конец 1916 года, сказал себе Андрей и обернулся — нет ли там полицейского...

* * *

Лев Иванович, преисполненный сочувствия к дочери доброго знакомого, бубнил за спиной о том, что суд может посмотреть на это дело иначе, а хороший адвокат камня на камне не оставит...

Лидочка стояла вполоборота к нему, чтобы видеть, что происходит за окном. Когда в проходе показались Андрей и его конвоир, Лидочка подалась вперед, но, к счастью, Лев Иванович, который преодолевал сложное придаточное предложение, не заметил этого движения. «Ну, — шептала беззвучно Лидочка, — вот сейчас! Еще шаг, и будет поздно». Андрей взглянул наверх, но окно было закрыто, и вряд ли он увидел Лиду. Рука его была в кармане. Рот полицейского открылся — он кричал что-то. Андрей обернулся к нему... что случилось? Неужели не действует машинка?

И в то же мгновение Андрей исчез.

Как будто лопнул большой мыльный пузырь. Лидочке даже почудился хлопок воздуха, который устремился в оказавшееся пустым пространство.

Хоть Лидочка ждала этого мгновения, даже торопила его, страшилась, что оно не наступит, исчезновение Андрея было столь окончательным и сказочным, что Лидочка в ужасе отпрянула от окна.

— Что случилось? — перебил сам себя Лев Иванович. — Ты слушаешь меня? Может, тебе лучше уйти? Пойди отдохни, скажи маме, чтобы дала тебе валерьянки, скажешь?

Лев Иванович повел Лидочку к двери и потому не слышал приглушенных стеклом криков полицейского. Что касается Тизенгаузена, то он тем более ничего не слышал, потому что любовался Лидочкой и тешил себя абстрактными надеждами на то, что Андрея, хоть он и добрый малый, повесят и тогда можно прийти к Лидочке с искренними утешениями.

Тизенгаузен проводил Лидочку до выхода, посоветовал ей держаться молодцом, так как все образуется, и склонил, целуя ручку, слишком прямой пробор.

— Простите, — сказал он.

— Да? — Во взгляде Лидочки и напряженности ее фигуры читалось столь откровенное нетерпение, что Тизенгаузен только сказал:

— Желаю вам всего наилучшего.

Хотя собирался спросить, не играет ли Лидочка в лаун-теннис, которым он так увлекался.

Лидочка поспешила прочь по улице, хоть оснований теперь для спешки не было, Андрей, дай Бог, уже ждет ее в шестнадцатом году. Ноги сами бежали, и лиловый, обшитый по краю кружевом зонтик все время норовило вырвать встречным ветром.

Мать встретила Лидочку сразу десятью вопросами, и та ответила лишь:

— Все хорошо, мамочка, я тебе потом расскажу.

Она прошла к себе, закрыла дверь и осмотрелась...

Вроде все готово. Можно прощаться.

Сначала надо попрощаться с вещами, со стенами комнаты, с видом из окна, с беседкой в саду, с этим, особого цвета, небом 1914 года... Бог знает, какого цвета оно будет через два года.

— Как хорошо, — сказала себе Лидочка, — что Андрюша уплыл.

Она села за свой письменный стол и вытащила из сумки письма.

Мама постучала в дверь:

— Ты есть будешь? Ты ведь голодная убежала.

— А папа обедать придет? — спросила Лидочка, не открывая двери.

— Придет, обязательно придет. — Мать сразу осмелела и приоткрыла дверь. — А как Андрюша? Как он выглядит? Он очень осунулся?

— Ма-ма! — строго сказала Лидочка. — Я же просила.

Евдокия Матвеевна расстроилась и закрыла дверь с легким стуком, чтобы показать, насколько она недовольна бездушием дочери.

Первое письмо — для глаз следователя Вревского, хотя адресовано оно маме:

Дорогая мама!

Я сегодня была у Андрея. Положение его безвыходное. Следователю Вревскому удалось состряпать дело, в котором Андрей выглядит убийцей. Вревский намерен сгноить Андрюшу в тюрьме или отправить его на эшафот. Спасения нет. Как ты уже знаешь, дорогая мама, Андрею удалось бежать. Но и это не спасение. Его доброе имя погублено. Мы никогда не сможем жить с ним в мире и покое. Поэтому мы вместе добровольно решили уйти из этой жизни. Коли нет справедливости на этом свете, мы будем искать ее у Небесного престола. Не плачь, мама, не сердись на меня — другого выхода у нашей любви нет. Прощай, твоя несчастная дочь Лидия.

P. S. В нашей смерти просим винить следователя Вревского. 15 октября 1914 г. Ялта.

Об этом письме Андрей не знал — она расскажет о нем позже, при встрече. Если бы Лидочка постаралась ему объяснить свой план за те минуты, что были в ее распоряжении, Андрей стал бы возражать. Но Лидочка была убеждена, что это первое, лживое, хитрое письмо требуется написать обязательно. В ином случае их будут искать, ждать возвращения Андрея и уголовное дело не закроют. Так объяснил старый адвокат Розенфельд. В случае же, если следствие убедится, что его жертва мертва, об Андрее забудут.

Второе письмо также было адресовано Евдокии Матвеевне.

Дорогая мамочка!

Как прочтешь это письмо, ты должна его сразу сжечь. И сделать вид, что получила лишь то, что лежит в маленьком конверте. Андрюше удалось бежать. Ты об этом уже знаешь. Если мы с ним останемся в Ялте, его скоро поймают. И участь его будет ужасна. С помощью верных друзей мы бежим из Ялты. Бежим далеко. Мамочка, дорогая моя, ты должна быть готова к тому, что долго меня не увидишь, может быть, год или даже больше. Но я жива и здорова. Не беспокойся. Как только будет возможность, я тебе сообщу. Но не по почте, потому что письмо может случайно попасть в руки нашим врагам. Не сердись, что я не осталась дома, а убежала с Андрюшей. Я уже выросла, и у меня есть возлюбленный. Поставь себя на мое место, неужели ты бы оставила папу, если бы ему грозила беда?

Мама, напоминаю: сразу сожги это письмо. Правда, можешь показать его папе, чтобы он не переживал. Тебе еще придется поехать в Симферополь и рассказать тайком правду Марии Павловне Лещинской, которая живет в Глухом переулке, дом семь. Но ни в коем случае не пиши! Ты можешь нас погубить! Потому что, если они будут думать, что мы утонули, они забудут об Андрее. Но если они догадаются, что мы бежали, они будут искать нас, как охотничьи псы. Ты меня поняла?

Прости еще раз, мамочка. До встречи. Лида.

Затем Лида положила второе письмо в большой конверт, а первое, предназначенное для глаз следователя, в маленький розовый. К большому письму приколола записку Андрея для тети.

Лидочка спрятала письмо под подушку, потому что услышала, что пришел папа. Она вышла из своей комнаты. Папа снимал галоши, шмыгал крупным носом и бурчал, что, если такая погода

будет продолжаться, все изведутся от воспаления легких. Потом он увидел Лидочку и спросил:

— Ну как, Лев Иванович устроил тебе свидание?

Кирилл Федорович в глубине души никак не мог принять всерьез угрозу, нависшую над Андреем. Андрея он считал порядочным молодым человеком из хорошей семьи и был глубоко убежден, что порядочные молодые люди из хороших семей преступлений не совершают. А потому, будучи человеком служивым, полагал, что правда восторжествует сама собой, потому что в империи еще сохранился порядок.

— Да, папочка, я видела Андрея.

— И как он, скучает? Я думаю, надо подать прошение, чтобы до суда его отпустили. Это всегда делается.

— Следователь Вревский его не отпустит.

Отец разделся, прошел, растирая закоченевшие руки, в столовую, и мать крикнула ему из спальни, где она только что рыдала и потому не смогла его встретить, чтобы он немедленно шел мыть руки.

Свое предприятие Лида полагала осуществить вечером. Она боялась, что ее увидят, а для ее планов надо было исчезнуть загадочно. До вечера было безумно много времени, и после обеда она решила погулять по Ялте. Но не успела Горпина разлить суп из бабушкиной мейсенской супницы, как раздался звонок. Пришел встрепанный, разгневанный Лев Иванович.

Появление Льва Ивановича было совершенной неожиданностью для всех, кроме Лидочки.

— Лев Иванович, обедать, обедать, грибной суп на столе, вы его любите, — пела Евдокия Матвеевна, которая, как собака, почуявшая опасность, завиляла хвостом.

— Супов — не желаю! — отрезал полковник, сбрасывая шинель на руки хозяйке дома и скрипя галошами, которые никак не слезали с сапог.

— Что-нибудь произошло? — спросил Кирилл Федорович, появившись в дверях залы с газетой в руке.

— А вы не знаете? — Лев Иванович изображал гнев. Но не очень убедительно. Его почти никто не боялся. Если не считать проштрафившихся прапорщиков и фельдфебелей, задержанных патрулем в непотребном виде: что-что, а сверкнуть орлиным взором он умел. — Вы не знаете? Что он сбежал?! — повторил Лев Иванович, и галоши полетели вдоль коридора.

— Ах! Какое счастье! — воскликнула Лидочка.

— Что? Кто сбежал? — спросила Евдокия Матвеевна.

— Вот именно. — Лев Иванович, проходя в залу, ткнул перст в грудь Лидочки. — Он сбежал! Скажи, это было подстроено? Скажи, ты специально это сделала, чтобы отправить меня по этапу? Что подумает генерал Думбадзе?

— Лева, садись и расскажи по-человечески, — попросил Кирилл Федорович, который умел управляться со своим приятелем. — Кто сбежал, куда, зачем сбежал. И при чем здесь Лидия и Думбадзе?

— Я выполнил вашу просьбу? Я, рискуя карьерой, устроил свидание в моем кабинете? Они беседовали с глазу на глаз. А потом что?

— Что? — спросил Кирилл Федорович и налил из лафитничка с лимонными корочками добрую рюмку. Протянул коменданту. — Что потом?

— Потом он убежал. Особо опасный преступник! И я способствовал, да?

— Он из твоего кабинета убежал? — спросил Кирилл Федорович.

— Как он мог из моего кабинета? Там второй этаж и окно закрыто. Нет, когда все кончилось, его увели. Потом Лидочка ушла. Ну, я думаю, все обошлось. Тут врывается этот парвеню Вревский и начинает на меня кричать!

— Так что случилось, в конце концов? Ты пей, Лева, пей.

— Спасибо. Когда этого юношу вели в полицейское управление, по дороге, на улице, он прыгнул через забор — и был таков.

— Лев Иванович, я ровным счетом ничего не понимаю, — вмешалась в разговор сообразительная Евдокия Матвеевна. — При чем здесь вы? При чем комендатура? Вы принимали у себя...

— Лева не принимал, а допрашивал, — поправил жену Кирилл Федорович. — И после допроса отправил обратно. И где-то потом, в неизвестном месте, при невыясненных обстоятельствах, арестант исчез. Может быть, убежал, а может быть, отправлен на каторгу.

Кирилл Федорович налил и себе, они выпили с комендантом, и комендант, повторяя порой: «А чего же Вревский, а? Нет, ты скажи, какой мерзавец этот Вревский — говорит, что меня самого упечет... ну, Вревский!..» — постепенно пришел в себя и даже развеселился, представив, как полиция носится по Ялте в поисках преступника.

— А он — приятный молодой человек, — сказал Лев Иванович, успокоившись, и Кирилл Федорович добавил, что он из хорошей семьи.

— Ну, от семьи уж ничего не осталось, — вздохнул комендант.

— У Андрюши есть тетя в Симферополе. Она его воспитывала. Она служит по ведомству императрицы Марии Федоровны, — сказала Лидочка.

— Очень похвально, — сказал комендант, будто это его окончательно утешило. Он остался обедать и ушел в шесть часов.

Время до вечера тянулось невыносимо медленно. Мужчины всерьез обсуждали политические пустяки, мама нервничала, сердце ее подсказывало, что все неладно, и более всего ее смущало, что Лидочка не бежит искать своего мальчика. Евдокия Матвеевна подозревала, что побег был устроен не без участия ее дочери, но лучше, если она ошибается. Ведь если Андрюша пойдет на каторгу, то молодость возьмет свое — Лидочка найдет себе другого жениха, и все образуется. Только нельзя об этом говорить. Порядочные люди так себя не ведут... Теперь же, когда он убежал, можно всего ожидать. За ним сейчас гоняются полицейские, и его могут застрелить. И неизвестно, чего ждать от Лидочки. Русская история полна дурных примеров. Достаточно вспомнить о женах декабристов... «Она такая непосредственная и благородная. Ну почему мы не воспитали ее циничной? Ах, что я несу! Кому нужен цинизм? Девочка влюблена, и нужно оценить ее благородное чувство...»

Лидочка бродила по своей комнате, брала вещи и отбрасывала их. Еще вчера ей казалось, что она будет не в силах оторваться от пуповины своей семьи, своей комнаты, кроватки и бывших игрушек, — она была домашним котенком, который привык спать на своей подушечке в своем уголке. Еще вчера, собирая втайне от мамы свою сумку, она чуть было не положила в нее любимую вышитую подушечку. Но на рассвете выбросила из сумки все, что связывало ее с домом. И сейчас, раз уж мама не сможет проверить, она начала аккуратно класть в сумочку — в маленькую, учтите, сумочку, потому что она не знала, какие сумки может протащить с собой машина времени, — только вещи абсолютно необходимые и ничего из того, что можно купить в любом магазине. У них с Андреем достаточно денег на первое время.

Лидочка оборвала пуповину еще утром, когда увидела через окно, как исчез Андрей. Теперь же ею владело лишь одно жгучее нетерпение: скорее присоединиться к нему, потому что он ее ждет, потому что без нее он может пропасть... скорее! Но скорее было нельзя, потому что надо дождаться сумерек.

В сумке, той самой, с которой она выходила в город, нашлось место для всех документов Сергея Серафимовича и для ее маленьких драгоценностей — колечка, подаренного покойной бабушкой к шестнадцатилетию, и золотых часиков, которые дал папа к окончанию гимназии. Туда же она положила кожаный кошель с предметами туалета: мылом, зубной щеткой, ватой, кремом — всем, что может понадобиться немедленно. Потом, подумав, положила туда и жестяную коробочку с таблетками от кашля, бинтом и пластырем, в сумку еще вместилась фуфайка и теплые чулки. Вот вроде и все. Если не считать фотографии папы с мамой.

Теперь самое трудное:

— Мама, я пойду погуляю по набережной.

— Лидочка, ты сошла с ума! Разве сегодня погода для гуляния?

— Мамочка, у меня голова разламывается. Ты забыла, сколько у меня сегодня переживаний?

— Я все понимаю, но лучшее для тебя — лечь спать. Завтра проснешься со свежей головой.

— Мама, я полчасика погуляю и вернусь.

— Уже почти темно!

— Зато дождь кончился.

Дождь в самом деле перестал.

— Все равно возьми зонтик! — Мама, отступив с передовых позиций, решила заднюю линию не отдавать.

— Мама, ну зачем зонтик, если дождя нет?

— Или ты берешь зонтик, или ты никуда не идешь! — Мама билась, как спартанцы под Фермопилами.

— Ну ладно, ладно. — Лидочка зашла к себе в комнату. Теперь надо было действовать стремительно. Пока мама полагает, что она победила. Через две минуты она опомнится.

Сумка была заблаговременно привязана к длинной веревке. Лидочка мгновенно опустила ее через окно на мостовую — в это время никого на улице не было. Теперь письмо. Ни в коем случае нельзя оставлять его на столе — мама прочтет его через пять минут. Письмо должно быть в почтовом ящике. Отец вернется, проводив Льва Ивановича и погуляв по свежему воздуху, примерно через час. Он всегда, возвращаясь домой, открывает почтовый ящик.

Лидочка взяла зонтик, надела шляпку.

— Мамочка, — сказала она, — я пойду.

Евдокия Матвеевна окинула дочь подозрительным взглядом: но та даже сумочки не взяла. А мать знала, что ни одна воспитанная женщина не отправится в плавание без ридикюля.

— Только не задерживайся. Зонтик взяла?

— Ты же видишь!

И только не расплакаться, только не броситься маме на шею: мамочка, мамочка любимая, единственная, драгоценная! Мамочка, я не хочу от тебя уходить, я не хочу, чтобы ты плакала, мамочка, прости меня...

— Что с тобой? Ты идешь?

— Иду, мама.

Лидочка не осмелилась поцеловать маму, потому что глаза были настолько полны слез, что при прикосновении к маминой щеке слезы наверняка хлынут через край — и тогда все погибло.

Лидочка, считая про себя, чтобы не сбиться с шага, дошла до двери, открыла ее, не оглядываясь, не задерживаясь, захлопнула дверь, кинула письмо в щель почтового ящика, висевшего на двери, — все! Этим как бы отрезана прошлая жизнь.

Тук-тук-тук, знакомо проскрипели под ногами ступеньки. Бабах! — хлопнула притянутая пружиной парадная дверь.

Три шага вдоль стены, чтобы взять сумку, и вдоль же стены бегом, чтобы мама не успела выглянуть из окна, — это самый опасный момент. От поворота улицы Лидочка оглянулась — вроде бы успела.

С каждым шагом, отдалявшим ее от дома, Лидочка все более уходила в будущее, погружалась в мысли о том, что ей еще предстояло сделать.

Во-первых, пройти набережной за «Ореанду», спуститься к морю у края городского парка, к пляжу, где имеют обыкновение гулять по утрам немногочисленные обитатели небольших пансионатов.

Это путешествие заняло минут двадцать, и никто из знакомых, к счастью, не встретился. В парке фонари были совсем редкими, и между ними провалы густой темноты, пробегать которые было страшно. Даже не за себя страшно, а из-за Андрюши. Он очутится в шестнадцатом году, а ее нет. Он будет искать и не найдет, он начнет опрашивать, и ему скажут, что именно 15 октября 1914 года прекрасную юную девушку Лидию Иваницкую нашли зарезанной в городском парке, куда и днем девушки поодиночке теперь не ходят. И Андрюша содрогнется, считая, что виноват в ее гибели...

Лидочка так ясно представила себе картину Андрюшиного горя, что не заметила, как добежала до берега. Хоть октябрьский вечер был тих, море встретило ее усиливавшимся грохотом. Еще десять минут назад, когда она проходила мимо платана, волны

накатывались на берег полого и без грохота. А пока Лидочка шла парком, разыгрался самый настоящий шторм — видно, море раскачивалось где-то у Турции, и волны побежали оттуда к Крыму. Шторм был злобным — гневливость его подчеркивалась безветрием. Небо было темно-серым, но сквозь облака прорывались желтые и оранжевые зловещие отблески. Само море казалось почти черным, а пена и брызги, вздымавшиеся, ударившись о гальку, были белыми, как привидения, и фосфоресцировали.

Несколько секунд Лидочка стояла, завороженная этим зрелищем, а потом поняла, что шторм — это совсем не страшно и не плохо. Если бы они в самом деле отправились топиться, шторм не только помог бы им сделать это быстро, но и выбросил на берег улики. А улики у Лидочки были заготовлены. И лежали в сумке. Одна ее почти новая туфля (вторую она еще вчера вечером выбросила на помойку на соседней улице), большая яркая заколка для волос с искусственными жемчужинами, которую мама сразу узнает, а главное — кружевной подол от нижней сорочки.

Лидочка спустилась к воде и пошла вдоль пляжа. Стараясь не замочить ног, она дождалась, пока очередная волна отхлынула от берега, и, спускаясь следом за ней, намочила улики. Но тут новая волна поднялась так неожиданно и так резво кинулась на Лидочку, что ей пришлось со всех ног, скользя по гальке, бежать наверх — но все же пальцы волны настигли ее, и брызги промочили юбку.

С мокрыми уликами в руках Лидочка пошла вдоль пляжа, отыскивая место, куда волны имеют обыкновение выкидывать остатки одежды утопленников. Туфлю она заткнула между двумя каменными глыбами, заколку воткнула в гальку, а кружевной лоскут закинула к кустам.

Полюбоваться плодами своего труда было некогда, да и темно. Лидочка пошла дальше по пляжу и тут поняла, что нет смысла искать укромное место, потому что любое место может оказаться плохим или хорошим — разве угадаешь?

Найдя углубление в нависшей скале, возле которой лежала большая плоская плита, Лидочка уселась на плиту и вытащила табакерку.

Когда она еще рано утром устанавливала шарики на обеих табакерках так, чтобы не разминуться с Андреем, получилось, что они должны будут встретиться ровно через два года — в октябре 1916-го. Теперь же, мысленно повторив движения пальцев, Лидочка начала сомневаться. И в том, что она правильно рассчитала время, и в том, что на обеих табакерках поставлены одинако-

вые деления. Не было уверенности, что обе машинки будут работать одинаково.

Господи, а вдруг Андрей не услышал про то, что она будет ждать его ежедневно в шесть часов у платана? Ведь она может оказаться в будущем утром, а он — вечером. Ведь может так быть?

Лидочка, щурясь — она была немного близорука, но стеснялась этого и от всех скрывала свой порок, даже от мамы, — разглядывала такую маленькую и тонкую реечку и миниатюрный шарик на ней. Правильно ли она все поставила? Точно ли так же, как Андрею? Тогда было светло, и она не должна была ошибиться.

Надо было нажать на шарик и перенестись в осень шестнадцатого года. Только и всего — Андрей говорил, что этот перелет почти незаметен. А вдруг он не хотел ее пугать? Вдруг это плавание полно ужасов и кошмарных снов?

Андрею легче было начать путешествие, потому что ни в первый раз, ни во второй у него не было секунды, чтобы поразмышлять. Лидочка же сидела на берегу, поблизости ни души...

«Не заставляйте меня спешить!» Подождет ее Андрюша полдня, ничего с ним не случится! А вдруг она состарится на два года за это путешествие? И это будет как бы летаргический сон — уничтожение, сожжение времени на костре любви!

Хватит пустых рассуждений! Все в порядке! Андрюша в безопасности в октябре 1916 года. Письмо в почтовом ящике. Улики разбросаны. Погони нет... «Мне страшно? Нет, мне не страшно, мне не нужно бояться — через несколько секунд я встречусь с Андрюшей».

Шумело море, сердилось, что Лидочка не досмотрит шторма.

На всякий случай, чтобы не потерять сумку в пути, Лидочка обняла ее левой рукой, крепко прижала к груди. Правой подняла табакерку к глазам и нажала на шарик.

И мгновенно рухнула в черную пропасть...

ШТУРМ ДЮЛЬБЕРА

Глава 1

Декабрь 1916 г.

Я чувствовал, как неведомая сила охватывает меня и разливается теплотой по всему телу. Вместе с тем я весь был точно в оцепенении: тело мое онемело. Я пытался говорить, но язык мне не повиновался, и я медленно погружался в сон, как будто под влиянием сильного наркотического средства. Лишь одни глаза светились надо мной каким-то фосфорическим светом, увеличиваясь в один яркий круг.

До моего слуха доносился голос старца, но слов я различить не мог, а слышал лишь неясное его бормотание.

В таком положении я лежал неподвижно, не имея возможности ни кричать, ни двигаться. Только мысль моя еще была свободна, и я сознавал, что постепенно подчиняюсь власти загадочного и страшного человека.

Но вскоре я почувствовал, что во мне, помимо моей воли, сама собой пробуждается моя собственная внутренняя сила, которая противодействует гипнозу. Она нарастала во мне, закрывая все мое существо невидимой броней. В сознании моем смутно всплывала мысль о том, что между мной и Распутиным происходит напряженная борьба и в этой борьбе я могу оказать ему сопротивление, потому что моя душевная сила, сталкиваясь с силой Распутина, не дает ему возможности всецело овладеть мной.

Так Феликс Феликсович Юсупов-младший писал в своем дневнике в конце ноября 1916 года.

В обычные дни князь не вел дневника, ленился, хотя полагал это полезным для внутренней дисциплины. Записи появлялись в моменты душевных волнений, к примеру, накануне свадьбы с Ириной. Тогда казалось, что Александр Михайлович, имевший, кажется, иные планы для своей старшей дочери — как-никак

племянница императора! — наотрез откажет Юсупову. Но заступницей выступила Ксения Александровна, мама Ирины.

— Сандрик, — сказала она, не смущаясь присутствием Феликса, — ты забыл, как ночи не спал, уверенный в том, что батюшка тебе мою руку никогда не отдаст?

Феликс с детства был влюблен в тетю Ксению, и, возможно, не последней причиной его увлечения красивой, но холодной Ириной была безнадежная юношеская любовь к грубоватой, полной жизненной силы Ксении Александровне, которую обожавший ее отец называл «барышней-крестьянкой».

Наверное, в такой ситуации легче бы разобраться Фрейду, но Фрейда Феликс так и не прочел. Году в двенадцатом, когда он учился в Оксфорде, кто-то из тьюторов предложил ему прочесть труд австрийского гения. Но труд был напечатан в Берлине готическим шрифтом, прочесть его было выше сил русского князя.

Теперь уже все позади. Третий год Ирина — его друг и жена. Она стала ему ближе любого из мужчин. Может, оттого, что у Феликса не было друзей. Феликс был откровенным англоманом, хотя в столице ходили сплетни о том, что курса в Оксфорде он не одолел и потому по возвращении из Лондона вернулся в Пажеский корпус. К тому же Феликс не скрывал, а даже бравировал печоринским презрением к петербургскому высшему свету, ненавистью к продажным чиновникам и выжившим из ума генералам, которые тащат Россию к военному поражению.

Одиночество Феликса определялось и тем, что он, воспитанный в атмосфере превосходства его семьи по отношению к этим выскочкам Романовым, оставался монархистом, для которого близость к правящему дому составляла смысл жизни. Может, таким его воспитала мама, которая долгие годы состояла в близких фрейлинах Марии Федоровны, полагая себя как бы членом романовского семейства.

Феликс сумел отбросить мамино «как бы».

Он сам — член семейства. Он — муж Великой княжны, его дети будут племянниками и племянницами императора и, при определенных обстоятельствах, даже смогут претендовать на корону. Как бы ни были знатны Юсуповы, ни один из них не поднимался так высоко.

И в то же время Феликс оставался подобен Потемкину или Зубову. Он стал одним из Романовых через постель. И для высшего света никогда не станет настоящим Романовым. Значит, он должен быть более Романовым, чем все Романовы, вместе взятые.

А как это можно сделать?

Приблизиться к Николаю и возглавить армию?

Чепуха! Николай был холоден к Феликсу и почти игнорировал его.

Другие Великие князья? Более всего было равнодушных. Что он есть, что он пропал — проходимец!

Может, так о члене одного из древнейших родов (правда, из татарских мурз) и не думали, но Феликсу все время чудился шепот за спиной.

Уехать бы снова в свою любимую Англию, да и там ему вряд ли откроется настоящая дорога к славе.

Ирина тоже была рабыней тщеславия, она тоже была спесива, а ее брак оказался мезальянсом. Увлекшись блестящим мужчиной, она выиграла его, она утерла нос всем остальным Великим княжнам, которые исчезали навечно в каких-то Гессенах и Вюртембергах, но радость достижения рассосалась, а Феликс оказался в тупике — со всех сторон на него глазели враждебные физиономии, все двери были закрыты...

Феликс понимал, что для него существует лишь один выход — он должен стать Спасителем Отечества, новым князем Пожарским, благо война открывала некие новые области применения сил. Нет, не на фронте, тот путь был бы тупиком. Решать все надо в нервном центре страны — в Петербурге.

Как в доме Александра Михайловича, где молодые проводили большую часть времени, так и в светских салонах военные и политические проблемы обсуждались весьма горячо. Осень 1916 года не принесла успехов на фронте. Наступление провалилось, Австро-Венгрию не удалось вышибить из войны, и если австрияков немного потеснили, то немцы на севере продолжали успешно наступать, они уже оккупировали важнейшие западные губернии — всю Польшу, Прибалтику, грозили Малороссии и Белоруссии, а вскоре приблизятся и к Петербургу. На Западном фронте надежды, которые вспыхнули было со вступлением в войну Североамериканских Соединенных Штатов, к концу года угасли — американский корпус не смог внести в войну перелома. А все разговоры о том, что немцы остались без горючего, едят крыс и мечтают свергнуть кайзера, оставались не более как разговорами. Может, и ели — Бог их разберет, но и получали от того патриотическое наслаждение.

Русскому уму нужна ясность. Ясность заключается в имени врага. Как только врага обнаружат и уничтожат, наступит рай-

ская жизнь, и по кисельным берегам будут бродить молочные коровы, проваливаясь в кисель по самые рога.

Во время войны наиболее популярным становится крик: «Предали!» Он дает возможность бежать в тыл, не боясь обвинений в трусости. Предать могли только те, кто в этом предательстве заинтересован. Конечно, соблазнительно пустить в дело евреев, но известно, что немцы их не жалуют, да и среди генералов евреев, как назло, почти не нашлось. Зато в России, где правящее семейство за последние двести лет стало немецким по крови, а подпирали трон лица немецкой национальности, из которых династия и черпала кадры губернаторов, генералов и полицмейстеров, не надо было показывать пальцем — куда ни ткни, упрешься в немца.

До войны в том не было беды. От немца исходил порядок и продовольствие. Во время войны положение изменилось.

Сложность заключалась в том, что лица с немецкими фамилиями в шпионы не шли, потому что, как настоящие немцы, они были более русскими, чем русские, и, уж конечно, настоящими российскими патриотами. Продавали Россию, если находилось кому заплатить, вполне русские типы, умевшие при том кричать «Предали!» и «Держи вора!».

Сам государь император был вполне приемлем, с бородкой, тихий, похож сразу и на мужика, и на английского короля. Потому что с последним был в родстве через немецких предков. Зато его жену Александру Федоровну русский мещанин не принял — уж очень она была гордая и холодная, даже улыбаться не умела. Над государем в постели измывалась — впрочем, так ему и надо, — рожала только дочек, а потом разродилась наследником, еле живым. В этом можно было усмотреть злой умысел.

Наследника, как в итальянском фарсе, лечили всевозможные врачи и шарлатаны, государыня большую часть времени проводила в монастырях и соборах — такой богомольной царицы из русских бы не отыскать. И пока государь подавлял революционеров, проигрывал войну каким-то малоизвестным япошкам, а потом и вовсе ввязался в войну с собственным кузеном Викки, русский народ искал виноватых.

И тут как нельзя лучше помог Распутин. Вполне русский человек, сибиряк, конокрад. Такого шарлатана русская история и не припомнит. Это был гипнотизер, сексуальный гигант — воплощение всего, в чем столь нуждался малокровный двор, дрожавший над малокровным наследником.

Чем дольше тянулась война, чем хуже были дела на фронте и

дома, тем явственней виделся образ врага и виновника наших бед. В разных слоях общественности его именовали по-разному, не сознавая, что речь идет об одном и том же козле отпущения.

Социалисты имели в виду прогнивший режим и немецкую династию в целом.

Мещанство ненавидело царицу и всяких там при ней Штюрмеров и Ранненкампфов. Царицу даже никто не звал русским православным именем, на которое она по крещению имела право, — Александрой Федоровной.

Ее именовали Алисой.

Знать и политики правого толка не смели поднять лапу на государыню, как бы она ни была противна их духу. Зато утверждали, что Алиса, сама того не ведая, попала в моральный плен к подлому развратнику Распутину, а подлый развратник давно уже находится на содержании немецкой разведки. Сам император — жертва этого гнусного заговора, и если бы удалось найти способ, чтобы избавиться от самозванца, тогда все пойдет как надо — заиграют трубы, пойдут в бой сытые полки, испуганно спрячется социалистическая крамола, мы вступим в Берлин, захватим проливы, возьмем Царьград и, может, даже прибьем к его воротам щиты, что делали наши предки в тех случаях, когда их не хотели пустить в город, зная, что они нечисты на руку.

Шли месяц за месяцем, год за годом, и сколько бы людей, близких и далеких, ни открывали глаза императору и императрице на то, что они находятся в плену у самозванца, те и в ус не дули. Нравился им Распутин, верили они в его целительные силы и вовсе не верили родственникам и политикам, даже маме князя Юсупова не поверили, пришлось Зинаиде Николаевне возвращаться ни с чем.

Распутин, как и положено российскому временщику, беззастенчиво брал взятки, пил по-черному, спал с цыганками и графинями, существовал в окружении истеричных дам и продажных мужчин, умело влиял на назначения в верхах России, но, разумеется, ничего изменить не мог — от того, занимал ли пост Хвостов, Трепов или Штюрмер, сумма не менялась. С Распутиным или без него империя катилась в пропасть, а имперская знать сидела по гостиным и стенала — как избавиться от Распутина? как спасти Отечество?

Эти стенания продолжались бы до самой революции, которая была близка, если бы не комплекс неполноценности князя Феликса Юсупова, который повлиял на течение российской исто-

рии. Но, как оказалось, это не сделало князя Феликса российским Бонапартом.

Слово «убить» не произносилось в салонах, хотя витало в воздухе. Некогда предки собиравшихся там князей резали друг друга и более удачливых временщиков, не гнушались порой и императорами. Но к концу 1916 года они выродились и уже не смели рискнуть — не смели поднять руку на особу хоть и порочную и низкого происхождения, но приближенную к императору. Поднимешь, а что потом? Что сделает с тобой государь?

Когда Юсупов понял, что именно он должен избавить Россию от Распутина, он поделился этой, пока еще туманной, мыслью с прекрасной Ириной.

Ирина отнеслась к рассуждениям мужа трезво и даже деловито.

— Феликс, — сказала она. — Может быть, в этом и есть твой шанс. Если ты спасешь Россию, спасешь империю раньше, чем это сделает Дмитрий Павлович или кто-нибудь другой из Великих князей, который наймет пару убийц, тебе не будет равного в России.

— Ты предлагаешь нанять убийцу? — с деланым возмущением, а в самом деле с некоторым облегчением спросил Феликс.

— Ни в коем случае, — ответила Ирина. — Подвиг такого рода нельзя путать с уголовщиной. Если ты хочешь убить Распутина, то именно твой кинжал должен вонзиться в грудь временщику.

Феликс замолчал.

Вся эта сцена его смутила. Он полагал, что Ирина бросится отговаривать его, умолять... она же толкает его... может, к тюрьме? к казни?

— Не бойся, — сказала Ирина, — никто не посмеет поднять руку на героя. Вся Россия будет носить тебя на руках.

Феликс пожал плечами. Ему не было дела до того, как себя поведет Россия, если его в то время зарубят шашками жандармы.

Разговор на том закончился и возобновился вновь, когда Ирина собралась на юг, в имение своего папа, чтобы избавиться от петербургского кашля.

Они обсуждали ее отъезд, и вдруг Феликс вспомнил один из ялтинских вечеров трехлетней давности.

— Ты не помнишь такого... Сергея Серафимовича? — спросил он.

— Берестова? Мы были у них. Такой седой, благородный джентльмен. Его потом загадочно убили, — ответила Ирина.

— Я помню, что в тот вечер был спиритический сеанс. И мы

говорили о Распутине. О том, что его надо убить, чтобы спасти страну. А может, это мне только кажется?

— Тогда Распутин не был столь опасен, — сказала Ира.

Она поежилась, глядя перед собой. Вспомнила:

— Какой был страшный человек тот медиум у Берестова. Помнишь?

— Общение с тайными силами не проходит даром, — попытался улыбнуться Феликс.

Тот разговор с Ириной, которая вскоре уехала на юг, был еще одной песчинкой на весах.

Феликс не относился к героям — в нем даже не было военной косточки, как в его отце, чересчур бравом, но недалеком офицере. Он и на фронт не спешил, хотя на него по этой причине поглядывали косо.

Впоследствии в исторических исследованиях, написанных в основном после Октября, будут приняты фразы типа: «В конце 1916 года в среде крайне правых политиков и в окружении императора преобладали намерения физически устранить Распутина, которого все, даже члены императорской семьи, считали виновником военных поражений».

Это было не совсем так.

За десять лет в России не нашлось ни одного смельчака, который бы перешел от слов к делу. Все смельчаки состояли в партии эсеров и уничтожали губернаторов и полицмейстеров. Распутин как представитель крестьянства вызывал у них презрение, но не считался кандидатом в мученики.

Должен был появиться человек, для которого смерть Распутина — не только освобождение России от наваждения, но и источник корыстного интереса, пересиливавшего любые опасности, проистекающие от поступка.

Ирина, которая и была мотором в том семействе, не переставала подталкивать робевшего Феликса. Как-то, озлившись, он даже рявкнул: «Ты-то найдешь себе другого мужа, а я новую голову не отыщу». Ирина взглянула на него, чуть склонив голову, — она умела так смотреть, как на насекомое, и вышла из комнаты. Он помаялся с полчаса, пошел просить прощения. Ирина чуть усмехнулась и ответила, что не обижена.

В тот день, когда Феликс решился познакомиться с Распутиным, он совершил шаг, не позволяющий думать об отступлении. Если ты, Феликс Юсупов, близкий к престолу, богатый и красивый, пошел в товарищи к конокраду, значит, тебе не место среди

чистых. Особенно если ты пошел на это именно для того, чтобы протиснуться в среду чистых.

Феликс с Ириной тщательно продумали дебют своей партии.

На Мойке, неподалеку от дворца Александра Михайловича, в котором в 1916 году, пока шел ремонт в юсуповском особняке, поселились молодые, стоял дом Головиных, фактической главой которого за неимением в Петербурге мужчин была Маша Головина, некогда приятельница Феликса. Уже не первый год она себя открыто почитала в верных сторонницах Распутина, в свете над ней посмеивались, впрочем, ей до мнения света и дела не было.

Феликс нанес Маше визит. Навел разговор на Распутина, что было несложно, выслушал панегирик старцу. Феликс осмелился внести нотку сомнения.

— Как же, — спросил он, — такой праведный, как ты говоришь, человек может проводить жизнь в кутежах и разврате?

Маша покраснела и стала отмахиваться ручкой от Феликса, как от осы:

— Ты попал в сети клеветы! Так говорят враги старца! Ведь враги нарочно подтасовывают факты, чтобы очернить его в глазах государыни.

— Но мне говорили, что в «Вилли Родэ», где он чаще всего бывает, у него есть собственный кабинет. Он там танцует с цыганками...

— Замолчи, если не хочешь, чтобы я навсегда с тобой поссорилась!

Добившись молчания, Маша вдруг сказала:

— Возможно, старец и делает это.

— Вот именно!

— Погоди! Если он так делает, то только для того, чтобы нравственно закалить себя путем воздержания от окружающих соблазнов.

Фраза была так ловко построена, что Феликс понял: она заготовлена и отрепетирована заранее.

— А министров твой старец назначает и снимает ради нравственного совершенствования?

— Феликс, давай прекратим разговор об этом. Он ничего не даст. Ни мне, ни тебе. Лишь останется осадок. Если ты хочешь, то я тебя представлю Григорию Ефимовичу. Скажу, что ты хочешь его видеть. И тогда ты сам сможешь убедиться, какой это святой человек!

Феликс сделал вид, что размышляет.

Обстоятельства складывались в его пользу. Ему даже не пришлось просить о встрече. Он даже мог показать сомнение... что он и сделал.

Маша Головина позвонила Юсупову через неделю.

— Завтра у нас будет Григорий Ефимович, — сказала она. — Ты еще не раздумал убедиться лично в том, какой это человек?

— Я готов, — ответил Феликс.

Все, Рубикон перейден.

— Тогда я жду тебя завтра, к чаю. К четырем часам. Григорию Ефимовичу я уже сказала о твоем желании с ним познакомиться. Он отнесся к этому тепло, даже радостно. Он любит новых людей... Он хочет, чтобы люди его понимали. Я сказала, что ты женат на племяннице государя. Оказывается, он об этом знает.

«Еще бы, — подумал Феликс, — десять лет в Петербурге — он собрал сведения обо всех. Ему лестно знакомство со мной».

Распутин опоздал, вошел шумно, как хозяин, облобызал Машу и ее мать, подбежавших под его благословение, как гимназистки.

Он был точно такой же, как на фотографиях и литографированных портретах. Но одна черта, не увиденная на фотографиях, привлекла внимание Феликса. Это были его глаза.

Они были малы и бесцветны, посажены очень близко друг от друга и так углублены в череп, так затенены бровями, что терялись в орбитах и поблескивали оттуда, как два холодных хрусталика. Даже трудно было порой понять, открыты глаза или нет, но чувство, подобное пронзающей тебя игле, заставляло держаться настороже. Во взгляде, как понял Феликс, таилась нечеловеческая сила.

Старец опустился на соседний с князем стул и завел нервный, быстрый, сбивчивый разговор.

С Распутиным всегда было трудно говорить. Мысли опережали возможности его речи, он не договаривал фразу, бросал на половине, начинал новую. Он пересыпал речь неопрятными словечками и стремился приставить к словам уменьшительные суффиксы, что в его речи не давало комического эффекта, потому что он оставался личностью значительной и даже страшной.

И Феликс испугался того, что намеревался убить этого человека.

«Он же догадается, что я думаю. Он сотрет меня в порошок. Как подойти к нему с кинжалом?»

Распутин похвалялся близостью с государем, словно Феликс

об этом мог не слышать. Но Головины слушали его так, будто он открыл им глаза на правду жизни.

Потом разговор перешел на врача Бадмаева, которого травят придворные завистники, а он знает все травки. И тут Феликс догадался, каким образом он сможет приблизиться к Распутину, не вызывая подозрений.

— Меня собирались к нему вести, еще в детстве.

— Чем же в детстве ты страдал, мой ласковый? — спросил Распутин.

— У меня, насколько я себя помню, бывают головокружения. Я вообще теряю способность двигаться.

— И болит?

— Нет, болей я не испытываю, — сказал Феликс. — Но порой теряю сознание.

Головины смотрели на Распутина, приоткрыв изящные ротики, словно ожидали, что он сейчас превратит гадкого утенка Феликса в лебедя.

— Ясное дело, — сказал Распутин. — Нуждаешься ты, голубчик, в сильном моем влиянии. Придешь ко мне, не бойся, зла я еще никому не сделал. Поможем. А теперь еще по чашке чаю, и мне идти надо. Государственные дела призывают.

Не делал зла, произнес про себя Феликс. Если бы ты ограничился легковерными дамочками или гусарами с перепою, тебе бы цены не было. Но твои государственные дела и есть страшный вред для России.

Феликс все более убеждал себя в том, что он несет крест, врученный ему свыше... «Вот он, сидит передо мной, дьявол во плоти, губитель моей России. А я, как белый жертвенный паладин, выхожу на открытый бой с обнаженным мечом».

— Ты чего задумался? — спросил Распутин. — Или оробел? Тебе передо мной робеть не след. Ты лучше скажи, умеешь на гитаре играть и петь? Или врут про тебя?

— Я играю немного...

— Ох уж притворяешься... Сейчас со мной выйдешь. Не спешишь?

— Нет, Григорий Ефимович, не спешу.

Они вышли на мороз. Григория Ефимовича ждал автомобиль с заведенным мотором, чтобы не заглох. Шоффэр был в шубе и меховой шапке. У Феликса авто не было — ему идти от Головиных до своего дворца два шага. Но он почувствовал укол ненависти к этому мужику, который осмелился приехать на собствен-

ном авто, тогда как он, Юсупов, таится даже от собственных слуг.

— Садись, — сказал Распутин, копаясь пальцами в длинной черной бороде. — К цыганам поедем.

— Стоит ли?

— А ты, Феликс, не рассуждай. Никто тебя не увидит. Мы ресторан закроем, всех вышвырнем. Меня ждут.

И тогда Феликс, вздохнув, подчинился, потому что, раз уж ты пошел на жертвы, вряд ли стоит останавливаться на полдороге. Да и любопытно поглядеть — что же такое распутинский кутеж. О них в Петербурге чего только не говорили.

Кутеж оставил гудящую голову, стыдные и вовсе не разгульные воспоминания и память о чувстве постоянного страха — а вдруг появится кто-то из знакомых?

После этой бурной ночи Распутин стал благоволить к красивому камер-пажу. Несмотря на слухи, Григорий Ефимович не был склонен к содомскому греху, впрочем, как сам признавался, по пьяному делу баловался и мальчиками. Но любил баб.

Вот и на лечебном сеансе, когда Феликс отчаянно боролся с гипнозом, он князя трогал, оглаживал, чуть не слюнявил, но знал меру и предел.

Лечил он князя в своей спальне — небольшой комнатке в обширной, многокомнатной, но тесной и неуютной квартире на Фонтанке.

Вдоль одной стены стояла узкая кровать, небрежно застеленная спальным мешком из лисьих хвостов, — подарок, как сказал старец, от Анны Вырубовой, его главной покровительницы и почитательницы. Напротив кровати стоял громадный сундук, в нем можно было упрятать медведя, а опершись о него спинкой, раскинуло лапы подлокотников старое продавленное кожаное кресло — в нем-то и полулежал Феликс, пока старец совершал над ним свои действия.

В красном углу висело несколько образов, горела лампада, на стенах в рамках, а то и без — прикнопленные, висели портреты государя, государыни и их детей, а также лубочные картинки, изображавшие сцены из Священного Писания, — такие листки можно было купить на базаре по пятаку.

— Все, — сказал старец, — поднимайся, пошли чайком побалуемся. После сеанса обязательно надо горячим настоем жилы разогреть.

В столовой на овальном столе кипел золотопузый самовар, стол был накрыт скатертью, на ней расставлены блюда и тарелки

со сладостями, до которых Распутин был большой охотник. Полюбившемуся Феликсу он подвигал тарелки и хвалил халву, конфеты и печения. Феликс глядел на толстые, расплющенные на концах пальцы — под ногтями черно — и холодно, разумно радовался решению — он отравит Распутина. Он подсыплет яда в пирожные. Где бы отыскать надежного доктора?

— Гитару принес? — спросил Распутин, хотя знал, что гитара у князя с собой. Сам отобрал гитару, встретив у черного хода — на секретности визита настоял князь.

Князь, все еще находясь в некотором трансе, потому что его воображение диктовало ему сцены смерти Распутина, пел задумчиво, негромко, в основном цыганские романсы, которыми прославился в Оксфорде.

Распутин сидел, опершись о ладони согнутых в локтях рук, всхлипывал и твердил, что пение Феликса — ангельское. И что он ни попросит — старец ему сделает. Хочешь любую бабу, даже Великую княгиню? И тут же спохватился, захохотал, вспомнил, что у Феликса уже есть Великая в женах.

— Но, может, хочешь министерское место? Какое министерство тебе по нраву? Ведь ты будешь получше министром, чем эти старые грибы? Ты орешка попробуй, в сахаре орешек, а потом еще нам сыграешь.

Феликс понимал, что ему хочется подчиняться старцу, хочется угодить ему. Это наваждение, от которого надо избавиться. Если не избавишься, Распутин разоблачит тебя и убьет. И Феликс радовался тому, что осознает опасность и потому будет в силах с ней бороться.

На прощание старец принялся упрашивать Феликса, чтобы он как-нибудь привел с собой красавицу жену. Обещал, что посмотрит, здорова ли она, а если нужна помощь, то помолится за нее. Он говорил вроде бы серьезно и доброжелательно, но глазки пронзали страхом, а по лицу блуждала гадкая ухмылка — может, она и привиделась князю.

Медлить более было нельзя еще и потому, что Феликс подлежал мобилизации — все члены императорской фамилии, ее младшего поколения, были на фронте. Впрочем, удивляться тому не приходилось — по традиции все без исключения, даже хронически больные принцы, с раннего детства были приписаны к полкам, кончали кадетские корпуса и офицерские училища. Это тоже сыграло плачевную роль в истории России — ее правящая верхушка, если не считать наследника престола, который получал более широкое образование, состояла из кадровых офицеров

армии или флота, то есть к современной политической жизни была не приспособлена. Впрочем, и сам Николай II лучше всего чувствовал себя во главе полка, на параде или на учениях. Но уже в штабной комнате он терялся, потому что офицером был старомодным, бесталанным, для парадов, а не для танковых сражений. Беда русского командования, когда все определяла близость к престолу, была связана, разумеется, с деградацией самой империи. Ведь в наполеоновских войнах император не смел после первых неудачных попыток командовать Кутузовым и Барклаем. А вот Плевну в 1877 году штурмовали долго и неудачно — августейшие полководцы на роль Наполеонов не годились.

Феликсу помогло то, что казалось ему проклятием, — он не принадлежал по крови к царской семье, и никто не мешал его отцу дать сыну гражданское образование. Отец полагал, что Оксфорд откроет сыну истинную карьеру в современном государстве. Оксфорд ничего не открыл, только прибавил сплетниц и врагов. И Феликс, уже по собственному разумению, резко сменил карьеру и по возвращении из Лондона отправился в Пажеский корпус. Он стал камер-пажом, правда, с опозданием. Но теперь после трех лет войны камер-пажей стали отправлять на фронт.

Так что надо было торопиться со своими планами.

Главного кандидата на роль соучастника подобрала Феликсу Ирина. Им нужен был член императорской фамилии. Если не будет Великого князя, то Феликс рискует оказаться на каторге, как бы ни радовалось общество. Великий князь станет щитком. Но где найдешь такого, кто не струсит, не спасует перед фактом измены государю? Кто не выдаст заговор по глупости — быть участником провалившегося заговора позорно, и тут рискуешь оказаться посмешищем.

Ирина недаром собирала сплетни и слухи. Она нашла соучастника там, где, казалось бы, и не отыщешь такового. Им был Дмитрий Павлович, кузен государя, сын отщепенца в семействе, ибо Павел Александрович умудрился жениться вторым браком на разведенной жене полковника. Незнатной женщине, да еще разведенке, нечего было делать во дворце. Павел прожил несколько лет в Париже, а сейчас командовал гвардейской дивизией без особого успеха и желания — но он исполнял свой долг. А сыну не досталось даже дивизии. И сын не скрывал своей ненависти к Распутину и его клике, за что был в немилости. Ему тоже хотелось стать спасителем Отечества.

Феликс позвонил Дмитрию Павловичу. Сказал, что должен встретиться по неотложному делу.

Знакомство их было чисто светским, в их кругу так по телефону не разговаривали. Из этого следовало, что дело не бытовое, не семейное... Дмитрий Павлович согласился принять Юсупова в пять часов.

Феликс подготовил речь перед Дмитрием Павловичем. В ней были сакраментальные слова о том, что уничтожение Распутина спасет царскую семью, откроет глаза государю и он, пробудившись от страшного распутинского гипноза, поведет Россию к победе.

Но Феликсу даже не пришлось держать речь. Через несколько минут Дмитрий Павлович, сначала принявший Юсупова официально и даже сухо, предложил перейти к делу.

Он был достаточно умен, чтобы сообразить, что судьба принесла ему в лице этого красавчика шанс спасти Отечество и кузена.

— По правде говоря, — сказал подобревший Дмитрий Павлович, звеня в колокольчик, чтобы принесли по чарке доброй водки за успех предприятия, — я с внутренним негодованием узнал, что вы были замечены в последние недели в обществе этого изверга. И при первых ваших словах я заподозрил интригу.

— Это невозможно, я человек чести. Я согласен взять на себя исполнение смертного приговора старцу. Мне важнее ваше сочувствие, чем участие. Ваше имя не будет запятнано.

— Запятнано? — Дмитрий Павлович был выше ростом, чем его гость, он принадлежал к той кавалерийской породе Романовых, что до конца жизни оставались поджарыми. Походная форма сидела на нем ладно, как на ветеране, не думающем о том, чтобы она сидела ладно. — Запятнано? — повторил Дмитрий Павлович, глядя в окно кабинета. — Это благородное пятно. Пятно чести. Наступает время жертвовать собой ради идеи, ради империи. Если мы с вами, князь, не возьмем на себя риск замарать наши фраки, то грош нам цена. История приговорит нас к забвению.

Это были высокие слова, и они прозвучали искренне. Князь Юсупов был посланцем небес, призванным спасти князя от забвения.

— У меня есть помощник, — сказал Юсупов. — Штабс-капитан Васильев. Военлет. Он находится в Петрограде на излечении после ранения. Мы с ним познакомились в Ялте. Ирина встретила его на благотворительном вечере, и вот на днях он появился здесь.

— Вы намерены привлечь к заговору иных лиц? Я не советую.

— Я полагаю, Ваше Высочество, поговорить с кем-то из ведущих монархистов. Политиков. Может так статься, что нам пригодится поддержка определенной части общественного мнения.

Дмитрий Павлович не скрыл улыбки.

— Подстилаете сено, князь? — спросил он.

— Моя цель состоит не в простом убийстве, не в дворцовом перевороте, — возразил Юсупов, — а в акте гражданского сознания. Мне хочется объединить в нем аристократию, царское семейство и верных престолу политиков.

— Но помните, — сказал Дмитрий Павлович, — что за пределами узкого круга заговор превращается в предмет для разговоров и обязательно провалится.

— Я помню об этом.

— Тогда действуйте, с Богом. Я не смогу вам помочь на этом этапе, так как через несколько дней возвращаюсь на фронт.

— Я возьму на себя самую отвратительную часть заговора, — сказал Феликс. — Я буду общаться с этим человеком. Я должен быть хитрым, как змий.

— Именно об этом я хотел вам напомнить. С Богом, я благословляю вас на благородное дело. Будьте осторожны, мой друг.

И они подняли по рюмке за успех предприятия.

На прощание договорились — ни одной бумажки, ни одной строчки, могущей повредить заговору. Все переговоры только устно, только в надежном месте, только без свидетелей.

И когда они расстались, Феликс кинулся к Ирине с радостной вестью. Теперь следовало подыскать известного влиятельного думца, у которого есть те же проблемы, как у Юсупова и Великого князя. А может, иные, но могущие толкнуть его к отчаянному акту убийства.

Сначала Юсупов посетил профессора Маклакова. Его прочили в премьеры конституционного правительства, он был уважаем банкирами и адвокатами — само воплощение здорового консерватизма.

Маклаков выслушал Юсупова, который в этой беседе не ставил точек над i, ибо собеседник его не был связан кастовыми интересами с Феликсом и мог, несмотря на данное слово, поведать миру с трибуны Государственной думы о существовании заговора.

Но Маклаков отлично понял Юсупова. Понял и оробел.

У него был образ, утвержденный мнением общества. И в образ консервативного профессора убийство никак не вписывалось. Если Маклаков окажется участником заговора, он никогда уже не вернет себе облик интеллигента с чистыми руками. К тому же Маклаков отлично понимал, что Распутин — лишь надводная часть айсберга и империя рухнет, в чем он не сомневался, не из-за Распутина, а по причинам куда более глубинным и неотвратимым.

Так что Маклаков ничего не выигрывал, а слишком многое терял.

Он ответил Юсупову уклончиво, дал слово никому не обмолвиться о визите князя. И они расстались, понимая, что Маклаков в заговоре участвовать не будет.

И тогда решено было обратиться к крикуну и демагогу.

Таких в Думе было несколько. Но последовательно злобный, монархист из монархистов — один. Пуришкевич. Респектабельный джентльмен с бородкой, в пенсне.

Такие есть в каждом русском парламенте. Их движущая сила — ненависть. Причем ненависть крикливая, очевидная настолько, что порой кажется наигранной. Набор врагов у Пуришкевича (они же враги короны и национального духа) был устрашающим. Если бы они когда-нибудь объединились, Пуришкевич рухнул бы под грузом их чувств. Но враги никогда не могли объединиться. Одни по причине несходства характеров или политических позиций, другие потому, что не принимали или делали вид, что не принимают Пуришкевича всерьез.

Разумеется, Распутин в устах Пуришкевича был пугалом номер один, он не раз выступал с требованием избавиться от старца ради спасения Отечества. И в отличие от Маклакова Пуришкевич был достаточно безответственным типом — он отлично подходил в качестве третьего (если не считать таинственного штабс-капитана) участника заговора тщеславных циников. Убить Распутина? Это гениальная мысль! Давно только об этом и мечтаю. Для этого есть исполнитель? Еще лучше. Я сделаю все, чтобы заговор удался.

Пуришкевич видел себя во главе правительства доверия, которое придет ради спасения Руси, правительства честных монархистов, в котором он возьмет в руки власть.

Далекоидущие планы заговорщиков были обречены на провал, потому что сама постановка вопроса — ликвидируйте Распутина, и Россия вздохнет свободно! — была порочна.

Но выступить катализатором процессов, кипящих под крышкой котла российского общества, они были способны.

* * *

Устраивая вместе с Сергеем Серафимовичем спиритический сеанс в Ялте перед войной, пан Теодор понимал, что жизнь и смерть Распутина станут одним из узловых моментов в истории России, и потому старался не выпускать из виду старца и тех, кто

мог реально ему противостоять. Ему было приятно сознавать, что уже в 1914 году он заметил молодого Феликса Юсупова. Сейчас же Феликс настолько близко сошелся с Распутиным, что Петроградский Совет был вынужден обратить на это внимание. Феликс докатился до того, что ездит с Распутиным к цыганам, безумствует там и — вы не поверите! — играет на гитаре в сомнительных компаниях, словно жалкий тапер. И до этого докатился владелец юсуповских миллионов!

Теодор из своих источников знал, что все не так просто. Феликсу не было нужды в Распутине, тем более что он не стремился к карьере и тщеславие его могло бы обойтись без дружбы с временщиком.

Феликс что-то замыслил, понял Теодор. И так как его роль в нашем мире заключалась, в частности, в том, чтобы знать о событиях, могущих повлиять на пути развития земного общества раньше, чем они произойдут, он удвоил внимание и попытки проследить за каждым шагом Юсупова.

Поэтому Теодор знал о беседе Феликса с Дмитрием Павловичем, о его разговорах со штабс-капитаном Васильевым, который вообще переселился во дворец Юсуповых на Мойке, так как неудобства, связанные с ремонтом, его не удручали. Зато он мог исподволь подготавливать сцену для драматического действия.

Теодор даже пошел на то, чтобы познакомиться со штабс-капитаном. Авантюра с Распутиным, в которую военлет с удовольствием впутался по причине своего беспутного характера, не занимала целиком его времени и мыслей. Потому он посещал увеселительные заведения, правда, не высшего толка, так как денег у Юсупова просить не хотелось, да Феликс и не был самым щедрым из друзей. В ресторане «Каприз» напротив Елагина острова он встретил как-то поляка или серба с густыми черными бровями и огненным взором, они славно посидели, и Теодор, как звали нового друга, заплатил по счету. Это расположило к нему Васильева, и он поведал другу детства (к тому времени Теодору удалось внушить Васильеву, что он — его друг детства) все, что он знал о заговоре. И обещал держать Теодора в курсе дел, тем более что живой ум штабс-капитана подсказал ему, что Теодор — человек не жадный и готов в будущем угощать бедного пилота.

* * *

Пуришкевич рекомендовал в заговор еще одного человека — толстого и мрачного доктора Лазаверта, которого он представил как идейного борца за интересы самодержавия. Доктор Лазаверт

от идейности не отказывался, но сразу же заговорил с Юсуповым о гонорариуме. Он произносил это звучное слово со смаком, будто речь шла не о деньгах, а о букете цветов либо Нобелевской премии.

Юсупов обещал доктору щедро оплатить его услуги. Доктор был нужен, потому что убийство предполагалось цивилизованным, а не азиатским преступлением. Доктор должен был составить яд и потом проверить, помер ли Распутин.

Когда заговорщики вчетвером впервые встретились во дворце Александра Михайловича (Дмитрий Павлович еще не возвратился из Могилева) и разрабатывали детали плана, то решено было не привлекать к делу слуг. Но кто-то должен был управлять авто. Васильев был готов на это, но Юсупов указал на то, что с рукой на перевязи ему будет нелегко это сделать, к тому же такой шофэр запомнится случайному взгляду.

Тогда Пуришкевич предложил кандидатуру доктора Лазаверта. Лазаверт признался, что обучился этому искусству на фронте, когда занимался поставками медикаментов в госпитали, а теперь намерен даже приобрести себе автомобиль. Он был готов вести авто. На том и порешили.

В начале декабря Юсупов два раза встречался с Распутиным, который демонстрировал свою любовь к князю, они подолгу беседовали. Распутину было лестно выступать перед слушателем, который не заискивал перед ним, а казался улыбчивым и любезным.

Юсупову было нелегко сохранять вид легкомысленный и беззаботный. Он жил в ощущении убегающего времени. Зима была в разгаре, на фронтах затишье, но в городах было неспокойно, железные дороги работали все хуже, и начались перебои с хлебом. Даже самые горячие патриоты уже не смели кричать о жертвах во имя победы. Нужно было подстегнуть страну, прежде чем она вырвется из рук властей и поплывет, кружась, к водовороту. В любой момент затея Юсупова могла лопнуть, и с каждым днем риск все увеличивался. Ведь если в тайну посвящены пять человек, значит, реально о ней знает дюжина. Ведь не смог же Феликс скрыть приготовления от Ирины, хоть ему и удалось уговорить ее уехать в Крым, не столько ради ее безопасности, сколько опасаясь настойчивых требований Распутина познакомить его с женой. Женщины непредсказуемы — Ирина тем более.

Если о заговоре узнавали власти, то, желая того или нет, они обязаны были принять меры. И Юсупову грозила опасность очутиться в Петропавловской крепости, ничего не совершив. Но

была и другая опасность, тоже реальная — некая вторая группа, желая также пробиться в бессмертие, опередит Юсупова и получит все лавры и терновые венцы.

Юсупов назначил покушение на середину декабря. Благо сам он пользовался полным доверием старца. Но ведь и это — не вечно. Старец капризен и подозрителен. В любой момент по навету или по справедливости Юсупов лишится доверия Григория Ефимовича. И тогда провалится заговор, который именно на доверии жертвы и основывался.

В одну из последних встреч Распутин и вовсе испугал Юсупова. Он откровенно заговорил о мире.

Они сидели в тесной, заставленной темной тяжелой мебелью гостиной, пили чай. Распутин хватал с подноса эклеры и кидал их в рот, как орехи. Губы его блестели, пальцы лоснились от жира.

— Вот что, дорогой, — говорил он наставительно. — Хватит воевать, довольно крови пролито, пора кончать всю эту канитель. Разве немец не брат тебе? Господь говорил: «Люби врага своего, как любишь брата своего», а какая же у нас любовь получается? Сам-то все артачится, да и Сама чего-то уперлась: не иначе как их опять там кто-нибудь худому научает, а они развесили уши, слушают! Тьфу ты! Но ты не думай. Я своего добьюсь. Я их уломаю. Они все по-моему сделают, хоть и спешки нету...

— Нет! — вырвалось у Юсупова. — Мир — это позор для России! Вы, Григорий Ефимович, о нашей национальной чести подумали?

— Национальная честь — это не для нас, мужиков, — возразил старец. — Вы же знатные, о людях и думать не можете. Только я один и пекусь о народе. Вот покончим с этим кровавым делом и объявим правительницей Александру с малолетним сыночком, а Самого пригласим в Ливадию, на отдых... Вот-то будет радость ему огородником заделаться. Устал он больно, отдохнуть надо, а глядишь, в Ливадии, около цветочков, к Богу ближе будет. У него на душе много есть чего замаливать... одна война чего стоит! За всю жизнь не замолишь!

— А как же Дума? — спросил Юсупов.

— Говорунов сразу разгоним. Ишь надумали! Против помазанников Божьих пошли! Давно пора их к чертовой матери послать... всех, всех, кто против меня кричит, — всем худо будет!

«Надо не забыть, — думал Юсупов, — все пересказать Пуришкевичу. Он в последние дни избегает меня. Дмитрий Павлович тоже испугается конца войны. Кому нужен мир без победы? Всем нужна победа, тогда и будем мириться».

— Вот евреи просят меня свободу дать, — гудел голос Распутина. — Чего ж, думаю, не дать? Такие же люди, как и мы с тобой, Божья тварь.

Когда вечером того же дня Юсупов рассказывал Пуришкевичу о последнем визите, он добавил кое-что от себя.

Он поведал о том, как их беседу якобы прервал звонок в дверь, тогда Распутин отвел его в спальню и велел не высовываться. А сам принял гостей в кабинете. Оттуда Юсупову были слышны голоса, и он, конечно же, не утерпел, выглянул в щель. Оказалось, что в гостях у старца собралось несколько неприятных типов, у четверых был, несомненно, еврейский облик, трое других были белобрысые, с красными лицами и маленькими глазами.

— Вся эта группа производила впечатление грязных заговорщиков, — закончил свой рассказ Юсупов. — Распутин же сидел среди них с важным видом и что-то им рассказывал. Заговорщики посмеивались и записывали его слова в свои черные книжечки.

Пуришкевич кивал, давая понять, что понимает подсказку Юсупова — противоестественный союз мирового еврейства с тевтонскими шпионами угрожал самому существованию России.

— Мы не можем терять ни минуты, — сказал политик. — Я готов к выступлению.

— Дмитрий Павлович днями будет в Москве, — сказал Юсупов.

* * *

На последнем совещании заговорщиков, которое происходило в санитарном поезде Пуришкевича, был разработан план, как сказали бы через полсотни лет, «сценарий» убийства.

Подобно мальчикам, планирующим набег на соседский сад, который стережет вредный сторож, группа взрослых мужчин просидела три часа, разложив на столе бумажки, чертя на них стрелы и крестики, потом, обо всем договорившись, сожгли их в печке, чтобы не осталось даже пепла. А затем все заговорщики кинулись по берлогам, чтобы занести события и решения рокового дня в свои дневники, ибо все без исключения вели дневники, в которых намеревались оправдаться перед потомством.

Решено было следующее: Юсупов приглашает Распутина посмотреть свой холостяцкий уголок в доме родителей на Мойке, где как раз кончался ремонт. Приглашать старца надо на ночной кутеж, потому заехать за ним требуется в полночь.

Следует отравить Распутина пирожными, начиненными цианистым калием. После чего вынести труп Распутина во двор и погрузить в автомобиль Великого князя, так как на радиаторе этого авто был укреплен великокняжеский флажок и полиция не имела права этот автомобиль останавливать.

Точнее место, куда надо сбросить труп, поручалось отыскать князю, который может проехать по подходящим местам в том же авто.

Затем заговорщики поклялись, что ни один из них не проговорится об участии остальных в покушении и будет отрицать осведомленность об убийстве.

Каждый понимал, что эта клятва по крайней мере условна. Обстоятельства могут сложиться так, что сознаться окажется выгодным. И вряд ли кто из заговорщиков удержится от соблазна.

Ирина срочной телеграммой просила мужа не начинать ничего, пока она не возвратится из Крыма. Никто из заговорщиков не подозревал, что движущей силой их предприятия была стройная застенчивая женщина редкой робкой красоты.

Ирина простудилась, и пришлось начинать без нее, так как 16 декабря стало последним сроком — надвигался Новый год, государь вернется в Петербург из Ставки — заговорщики не смели совершить убийство в его присутствии. Хотя царя считали слабовольным, у него могло хватить воли, чтобы пресечь заговор или быстро раскрыть его.

У Феликса возникло небольшое осложнение — 17-го утром ему надо было сдавать в корпусе экзамен по тактике, прогулять его — навлечь на себя ненужные подозрения. Следовательно, надо было провести убийство с наименьшей потерей сил... к тому же даже такому холодному человеку, как Юсупов, было нелегко готовиться шестнадцатого к экзамену, если ночью предстояло стать спасителем Отечества и убить — все же ему раньше этого делать не приходилось — очень живого, сильного и хорошо относящегося к Феликсу человека. Впрочем, Феликс старательно занимался весь день шестнадцатого декабря, и это помогало ему не думать о предстоящей ночи.

В час дня Феликс сделал перерыв в занятиях и, вызвав авто, отправился во дворец Юсуповых на Мойке.

Феликс приказал остановить авто, не сворачивая к подъезду.

Окна в комнату, где все произойдет, — узкие, почти вровень с землей, — выходили на речку. Набережная была пустынна, и в снегу редкими экипажами и телегами были промяты колеи.

Несмотря на середину дня, в окнах горел свет и мелькали очертания людей. Там кипела работа.

— Могли бы завесить окна! — закричал князь от дверей, сбежав в подвал.

Старый камердинер Василий Иванович, человек верный, ездивший с Феликсом в Англию, который командовал убранством комнаты, ничем не показал удивления.

Прошел, перешагивая через вещи, к окнам, задернул уже повешенные шторы, сразу стало темно.

— Лампы принесут к вечеру, — сказал Василий Иванович.

— Бог с вами, — отмахнулся Юсупов, не признавая упрека, — открывайте окна, только не шумите и не мелькайте. Не хочу, чтобы весь город знал.

Феликс глядел, как слуги вешали на стены ковры.

Он сам придумал и нарисовал комнату, стараясь, чтобы она понравилась гостю.

Ловушка была сделана из винного погреба дворца. Комната была мрачная, узкие окна давали мало света. Ровный гранитный пол рождал холод, стены были облицованы серым камнем, своды побелены. Казалось бы, невозможно превратить этот подвал в приятное жилище, но Феликс был уверен, что сможет сделать так, чтобы старец согласился выпить чаю, не спешил и не волновался.

Две невысокие арки делили подвал на неравные части. Узкая часть была прихожей — оттуда дверь вела на лестницу. Если подняться по ней на пролет, выйдешь во двор, а еще выше располагался кабинет Феликса, лежавший как раз над подвалом. Лестница эта была винтовой, из темного дерева.

Вошедший в прихожую со двора сразу видел две большие разноцветные китайские вазы, стоявшие в нишах.

Пройдя под арку, он оказывался в широкой части подвала, которая должна была имитировать столовую.

Сюда Юсупов велел принести много темной мебели, зная, что именно так обставлена гостиная в доме Распутина. Обтянутые кожей стулья, мягкие черные кресла теснились между шкафов и буфетов, еле уместившихся по стенам и снабженных ящиками и ящичками. Между креслами, стульями и шкафами размещалось несколько инкрустированных столиков, на них стояли кубки из слоновой кости и фарфоровые вазы.

Во весь пол был расстелен пышный персидский ковер, а в углу, где ковра не хватило, положили шкуру белого медведя.

В центре комнаты располагался овальный стол, за которым предстояло сидеть Григорию Ефимовичу.

Удовлетворившись тем, как идут работы по приготовлению комнаты, Феликс отдал последние указания Василию Ивановичу — купить побольше печений, пирожных и всяких сладостей, а также принести из подвалов доброй мадеры. К одиннадцати часам вечера следует накрыть наверху, в кабинете, чай на четверых и внизу на двоих и ничего не жалеть, словно будут гулять человек пять.

* * *

В одиннадцать Феликс возвратился в подвал. Он совершенно подготовился к завтрашнему экзамену — успел!

В подвале его ждал только Василий Иванович. Хоть дом и протопили после ремонта, в подвале было сыровато и зябко. Василий Иванович сидел на корточках перед камином и кормил его деревянными чушками. При звуке быстрых шагов Феликса он с трудом поднялся, и Феликс подумал, как он уже стар. Ведь Феликс помнил его с детства — точно таким же, без перемен.

— Людей отпустил? — спросил Феликс.

— Так точно.

Феликс прошел вокруг стола. Стол был уставлен сладостями густо, словно собирались пировать большой компанией. Мадера была открыта. Феликс хотел было попробовать — мадера была своя, из маминого подвала в Ай-Тодоре, но тут же спохватился — его остановил иррациональный страх — словно мадера уже отравлена, будто кто-то обогнал Феликса и подготовил ловушку для самого охотника.

— Ты иди, — сказал Феликс.

Василий Иванович удивился:

— А кто же подавать будет?

— Я сам.

— Тогда я останусь, ваше сиятельство. От меня будет польза.

Феликс усмехнулся. Преданность слуги, как в хорошем английском романе, всегда трогала его.

— Василий, — сказал он, пытаясь не дать волнению отразиться в голосе. — Чем ты дальше будешь отсюда сегодня ночью, тем лучше.

— Я понимаю, что не с девицей остаетесь, — сказал Василий.

— Какая может быть девица — ты бы первым княгине донес.

— Может, и не донес бы, — сказал Василий Иванович.

— Тогда иди, иди, справимся. Завтра с утра пораньше приходи. Понадобишься.

Василий Иванович колебался. Он не мог ослушаться князя, но не хотелось оставлять его. Тревожно.

Феликс подтолкнул слугу к дверям и сам вышел за ним следом.

И вовремя.

Во дворе, переступая с ноги на ногу, словно морж, в обтекающей бобровой шубе, покачивался доктор Лазаверт. Он пришел раньше остальных гостей.

— Вы на извозчике? — спросил Феликс вместо приветствия.

— Не беспокойтесь, — ответил доктор высоким, как бывает у больших толстых людей, голосом, — я расплатился на углу Невского.

Было темно, мела поземка, яркий фонарь покачивался от ветра над входом в подвал. Еще один фонарь был на набережной, недалеко от ворот, он тоже качался и гонял длинные тени на золотом снегу.

Две фигуры — высокий князь и приземистый Пуришкевич — возникли в воротах, сначала силуэтами, подсвеченные сзади, потом их осветил фонарь над дверью.

— Мы не опоздали? — громко спросил Пуришкевич.

— Нет, все в порядке, — сказал Феликс.

Великий князь стянул с руки перчатку, все смотрели на это и ждали, когда же он освободит длинные пальцы. Затем Великий князь поздоровался за руку со всеми заговорщиками.

Наступила пауза, ее прервал Феликс.

— Добро пожаловать, так сказать, — произнес он с кривой усмешкой.

Намек на шутку не прозвучал.

Феликс первым открыл дверь в дом и пошел вниз по винтовой лестнице. Остальные чуть задержались, и Пуришкевич спросил оттуда:

— А мы где будем?

Хотя знал, еще вчера осматривали место.

Из кабинета Феликса на верхнюю площадку вышел штабс-капитан Васильев. Юсупов и не заметил, как он прошел наверх.

— Нет, нет, — сказал Дмитрий Павлович, — сначала посмотрим, как вы все подготовили, княже.

В столовой было тесно. Все стояли вокруг стола, обозревали тарелки и блюда с пирожными, словно макет поля боя, какие устанавливают в военной академии на занятиях по тактике.

— Начнем? — спросил Феликс. Голос сорвался, пришлось откашляться и повторить вопрос. Феликс был зол на себя за такое мелкое проявление слабости.

Он открыл дверцу резного шкафа черного дерева и достал оттуда заготовленную коробку.

Пуришкевич посмотрел на нее жадно, Феликс подумал, что он оголтелый человек. Очень опасный.

Доктор Лазаверт подошел к столу поближе, шуба мешала ему.

— Позвольте, — сказал штабс-капитан и стащил шубу с доктора. Он кинул ее на кресло. И Феликс подумал — только не забыть ее здесь. Только не забыть. Все может сорваться из-за пустяка.

В коробке была небольшая широкогорлая склянка, и в ней — несколько палочек цианистого калия.

Доктор взял блюдце, положил на него палочку и принялся разминать ее чайной ложкой. Палочка была не очень твердой и послушно рассыпалась в порошок. Доктор растирал порошок, он был при деле и успокоился — он мог не думать об убийстве, достаточно заняться приготовлениями к медицинскому опыту.

— Пирожные, — приказал доктор Феликсу, словно хирург, который велит сестре милосердия подать ему скальпель. Феликс подвинул коробку с пирожными.

— Вы уверены, что он любит именно эти пирожные? — спросил доктор.

— Да, я видел, как он их пожирал, — сказал Феликс. — Как грязная скотина.

Он пытался раззадорить себя.

Пирожные оказались эклерами — доктору было нетрудно отделить верхнюю половину и положить по толике порошка в шоколадный крем. Остальные следили за движениями рук доктора, словно учились делать так сами, в следующий раз.

Никто не произнес ни слова, пока доктор, нашпиговав последнее, десятое пирожное, не распрямился и не ссыпал остатки порошка в коробку.

— Что-то спина болит, — сообщил он, — видно, погода меняется.

Штабс-капитан Васильев, единственный из всех, нашелся и ответил:

— Судя по приметам, грядут морозы, и значительные притом.

— А в рюмки будем насыпать? — спросил Феликс.

— Рискованно, — сказал доктор. — Он может заподозрить,

если Феликс Феликсович откажется пить с ним. Лучше не рисковать.

— А пирожные? — спросил Пуришкевич. — Князь тоже откажется.

— Я не люблю сладкого, — сказал Юсупов. — Григорий знает об этом.

— Следует сделать на столе некоторый беспорядок, — вдруг заговорил Великий князь. — У вас были гости и ушли. А убрать не успели. Разоренный стол вызывает доверие. Одни гости ушли, другие пришли, вы человек гостеприимный, но порядка в доме нет.

Все придвинулись к столу и с облегчением начали разрушать созданную слугами картину — наливали в чашки чай, разворачивали конфеты и оставляли их рядом с блюдцами. Васильев даже плеснул чаю на скатерть и выдержал осуждающий взгляд хозяина дома.

Пуришкевич налил себе мадеры, выпил и потом спросил:

— А вы уверены, доктор, что не успели отравить?

Все нервно засмеялись, смеялись долго, не могли остановиться.

— Пора ехать, — сказал Феликс, самый молодой, но и самый выдержанный и холодный.

Доктор первым перестал смеяться. Еще вчера было обговорено, что он поведет автомобиль, потому что с этого момента ни один из слуг, даже самых верных, допущен к тайне не будет. Кроме доктора, вести авто было некому — у Васильева рука на перевязи, Пуришкевич и близко к машине не подходил — его возили на думском авто. Вот и остался толстый Лазаверт, единственный безыдейный заговорщик. Ему что мертвый Распутин, что живой — было безразлично.

Наверху в кабинете Феликс приготовил доктору костюм шофэра — кожаную куртку, фуражку с квадратными очками, прикрепленными к околышу, краги. Костюм был тесноват, но доктор не жаловался, ему трудно было подобрать костюм по размеру.

Там же Юсупов облачился в длинную доху и меховую шапку со спущенными наушниками, чтобы скрыть лицо.

Потом в кабинете присели на дорожку. Словно перед долгим и опасным путешествием к Северному полюсу.

— С Богом, — сказал Дмитрий Павлович, словно старший по званию.

Гости втроем остались наверху и приготовились к долгому ожиданию, а князь с Лазавертом сошли во двор, доктор сел на водительское место, а князь стал крутить заводную ручку. К счастью, мотор был славным, английским «Роллс-Ройсом», несмотря на мороз, завелся после нескольких оборотов.

Во дворе осталась вторая машина, Великого князя.

Через несколько минут автомобиль остановился на улице, не доезжая нескольких саженей до дома, а Юсупов пошел к воротам. Там стоял дворник, он не хотел пускать Феликса, но тот сказал, что господин Распутин его ждут и велели прийти с черного хода, чтобы не беспокоить агентов охранки.

Дворник не узнал князя, на что тот и рассчитывал, оставаясь в темноте за воротами и поднимая воротник дохи, словно замерз. Пришлось дать ему четвертной. Дворник помял ассигнацию в пальцах и пропустил гостя.

В черном ходе было темно. Завизжала, кинулась из-под ног кошка. Все-таки Россия — всегда Россия, размышлял Юсупов, ощупью поднимаясь наверх. В доме живет диктатор империи, его надо охранять днем и ночью. И что же? Охранники сидят в парадном подъезде, а с черного хода любой может подняться к старцу неузнанным, в худшем случае подкупив дворника. Ну ладно, не хватает агентов — так повесьте лампочку!

Феликс не был уверен, нужная ли ему дверь перед ним. Но на дверях черного хода не было табличек с номерами квартир.

Он тихонько постучал, рассчитывая на то, что если квартира чужая, то обитатели ее спят и не услышат, что кто-то скребется с черного хода.

Тут же из-за двери послышался приглушенный голос старца:

— Кто там?

— Григорий Ефимович, это я, Феликс. Приехал за вами, как договаривались.

Оба таились, словно мальчишки, которые собрались за яблоками в монастырский сад.

Загремела цепочка. Затем скрипнула задвижка — без помощи хозяина с черного хода войти нелегко.

На кухне тоже было темно. Только у Распутина в руке свечка.

— Ты чего закрываешься? — Распутин подозрительно смотрел на шапку с опущенными ушами и поднятый воротник.

— Мы же сговорились, — нашелся Юсупов, — чтобы сегодня про нас никто не знал.

— Верно, верно, — сказал старец.

Он тоже был взволнован — он ждал визита в знатный дом, ибо был тщеславен и в глубине души пресмыкался перед знатью. Потому проклинал и клеймил князей и графов за то, что не любят народ и не помогают государю править Россией.

Они прошли в спальню, где Распутин, бывший до того в длинной ночной рубахе, натянул черные бархатные шаровары, белую шелковую рубашку, вышитую васильками, подпоясался малиновым шарфом. И сразу стал похож на скомороха или на актера, изображающего русского мужика. Шуба и бобровая шапка валялись на сундуке, и Распутин молча одевался, потом сунул ноги в высокие валенки.

— Теперь и идти можно, — сказал он.

Теперь и умирать можно, мысленно поправил его Юсупов.

— Ну что, сначала к цыганам или потом? — спросил старец. — А то ждут нас там.

— Можно и к цыганам, — стараясь казаться равнодушным, произнес князь.

Распутин сразу всполошился.

— А что? К тебе нельзя? — спросил он. — Мамаша приехали?

— Не беспокойтесь, — сказал Феликс. — Мама с Ирэн в Крыму, еще не приехали. У меня сегодня товарищи были, да разъехались.

— Не люблю твою мамашу, — признался старец, направляясь к кухне. — Небось с теткой Лизаветой дружит. Они все на меня матушке клевещут. Матушка мне их клеветы сразу передает. Не получится у них.

Во дворе старец сказал:

— Хочу посмотреть, как ты дворец отремонтировал. Люди хвалят, говорят, как царский.

— Сейчас и посмотрите, — сказал Феликс.

Вдруг его начала молотить дрожь, и он, чтобы скрыть ее, сказал:

— Что-то сегодня мороз сильный.

— К утру еще сильнее будет, — ответил Распутин. — А ко мне днем Протопопов приезжал. Знаешь зачем? Не выходи, говорит, из дому два дня. Есть сведения, что тебя ночью убивать будут. Или сегодня, или завтра. Ничего себе, даже охранить не могут. За что им батюшка деньги платит?

Распутин говорил не уставая, ворчал, но без злобы, хотя Феликсу, конечно же, было страшно слушать эти слова — словно старец испытывал его, намекал на то, что обо всем ему известно.

— Поедем, поедем. — Князь старался казаться спокойным. Он взял с сундука шубу и стал надевать ее на Распутина. Если бы нож — сейчас бы ударить его — никто не догадается. Или еще лучше — пистолет! Нет, так нельзя, у него в комнатке за кухней прислуга спит.

— Деньги-то, деньги забыл! — Распутин вырвался, открыл сундук. Пачки денег лежали там, завернутые в газеты. Распутин вытаскивал деньги из бумаги и совал в карманы шубы.

— Столько денег? — Князь не удержался, вопрос получился глупым.

— Сегодня получил, — ответил старец. — Добрые люди принесли. Мне добрые люди много денег приносят, а я их на добрые дела пускаю. Я их и не считаю, на что мне деньги считать, что я — Митька Рубинштейн, что ли?

Распутин рассмеялся, но, когда пошли по черному ходу, оборвал смех, чтобы не разбудить прислугу.

Они очутились на площадке лестницы. Дверь закрылась, и наступила полная темнота. Юсупову стало страшно, как никогда в жизни. Он даже присел от страха, опершись о стену, — сейчас Распутин задушит его, обязательно задушит. Он обо всем догадался и только ждет момента, чтобы разделаться с Феликсом.

Князю было страшно жалко себя, такого молодого, талантливого, красивого, у которого вся жизнь впереди. И какое право имеет этот темный старец, мошенник и совратитель женщин, убить его?

Он хотел закричать, но крик не получился, а снизу, с нижней площадки лестницы, послышался грубый голос Распутина:

— Ты чего застрял? Темноты боишься, что ли?

— Иду. — Феликс не сразу заставил себя последовать за старцем. Внизу хлопнула дверь. Распутин вышел во двор.

* * *

В доме Распутин хотел было идти наверх, к кабинету, но Юсупов за рукав шубы потащил его вниз.

— Там все накрыто, — сказал он.

Только бы друзья не зашумели! Распутин чуткий, как лесной зверь.

— Почему в подполе? — удивился Распутин. — Ты мне не говорил. Что же, ты меня в дворницкой принимать будешь?

— Я люблю те покои. — Юсупов вел его вниз по лестнице, толкнул дверь в подвал. — Никто не побеспокоит, можно с друзьями посидеть. У меня сегодня уже были, только ушли. Видишь, я слуг отпустил, некому со стола убрать.

— Ну и правильно, что отпустил. — Вид стола с остатками чаепития успокоил Григория. Он повесил шубу на вешалку в узкой комнате, а сам прошел в столовую. Но садиться не стал, а по-

вторил: — И чего этот Протопопов меня оберегает? Я ведь заговорен от злого умысла. Пробовали, не раз пробовали меня жизни лишить, да Господь все время просветлял. Вот и Хвостову меня погубить не удалось. Прогнали Хвостова, где он? А я вот тут, добро людям несу. А кто меня тронет, тому плохо придется.

Если бы Юсупов был в заговоре одинок, если бы не было товарищей, что сидели над головой, шептались и ждали, он не посмел бы тронуть старца. Но сейчас отступать нельзя — жизнь один раз дается, сегодня не сделаешь обязательного, и упустил свой жизненный шанс!

— Шоффэр у тебя толстый, на шоффэра непохожий. Иудей?

— Француз, — сказал Феликс. — Жан.

— И лицо у него такое странное — где я его видел?

— Да в моей машине и видел.

— У тебя другой был, рыженький.

— Они сменяются, — сказал Юсупов.

Им овладело нетерпение. Надо все сделать скорее — пока не сорвалось. Как будто тянешь тяжелого сома и думаешь, порвет ли он леску — еще минутку... уже берег близко. Но вот сорвался, ушел в глубину!

Распутин уселся за стол, оглядел тарелки и блюда, словно полководец поле боя с вершины холма.

Юсупов сразу подвинул ему блюдо с пирожными.

— Вы эклеры любите, Григорий Ефимович, — сказал он.

Несколько секунд пальцы Распутина висели над блюдом с пирожными, потом он убрал руку.

— Нет, сладкие больно.

— Мадеры?

Все. Охота началась. Сомнения покинули Феликса. Он знал, что Распутин не выйдет отсюда живым.

Юсупов налил чаю. Самовар был велик и потому не остыл. Но угли в нем потухли. Распутин пил, не замечая, что чай едва теплый. Он начал рассуждать о том, как спасет Россию, и перешел на близкую свадьбу дочери, которую отдавали за офицера, георгиевского кавалера, что его весьма волновало — он вот-вот породнится с настоящим дворянином.

Разговаривая, Распутин протянул снова руку и взял пирожное с блюда. Юсупов смотрел, как он подносит пирожное ко рту, как рот раскрывается, шевелятся губы, а пальцы у Распутина — плохо мытые, с черными ногтями.

Юсупов готов был закричать заговорщикам: «Он съел пирожное! Конец! Сейчас он упадет!»

И было не страшно — только бы скорее кончилось.

— Ты чего так смотришь? — спросил Распутин. — Будто привидение увидал.

Распутин засмеялся. Он не боялся в гостях у князя. Почему-то в его голове жило убеждение, что князья гостей не обижают.

Он взял еще одно пирожное.

Юсупов налил в бокал мадеры.

— Попробуйте, Григорий Ефимович, — сказал он. — Из Ай-Тодора, с наших виноградников.

Распутин отпил мадеры, похвалил ее и спросил:

— Ну, поедем к цыганам? Чего здесь засиживаться?

— Поедем, конечно, поедем. — Он утвердительно кивал и ждал, когда же Распутин будет падать?

В подвале пахло дешевым одеколоном Распутина и ваксой. Хорошо, что не дегтем сапоги мажет.

Мадера Распутину понравилась, и он пил бокал за бокалом, закусывая отравленными эклерами. На блюде их почти не осталось. «Неужели доктор что-то спутал? Нет, так не может быть! Я не соберусь с силами повторить все снова!»

Распутин поднес руку к горлу и отставил рюмку.

— Вы что? Болит? — с надеждой спросил князь.

— Нет, просто першит, — ответил старец.

Он ласково улыбнулся князю, и тот понял, что еще минута — и он убежит отсюда.

И вдруг выражение лица старца изменилось. Его брови сошлись к переносице, лоб пересекся морщинами. Он дышал быстро и лихорадочно.

— Что с вами? — с надеждой спросил князь.

Распутин уронил голову на руки и глухо произнес:

— Налей чаю. Жажда мучает.

Юсупов начал наливать чай, он видел, как трясутся его руки, но остановить дрожь был бессилен. Только бы не заметил Распутин... Ну почему он не умирает! Он же должен давно умереть!

Неожиданно Распутин уперся ладонями в стол и поднялся. Сделал несколько шагов по комнате, увидел гитару Юсупова.

— Сыграй, голубчик, что-нибудь веселенькое, — попросил он. — Люблю, когда ты поешь.

Юсупов покорно взял гитару. Тяжкое, тупое чувство провала овладело им.

Он запел «Степь да степь кругом...».

— Не то, — сказал Распутин, — совсем не то. Я же веселенького просил.

— Не могу, — искренне ответил Юсупов, — настроение невеселое.

Юсупов пел и смотрел на часы.

Оказывается, уже пошел второй час, как Распутин сидит в подвале.

— Спой еще, к цыганам не поеду, — сказал Распутин. — Тяжко мне...

Он прикрыл глаза, словно задремал.

Более Юсупов не мог выдерживать этого поединка.

— Я сейчас приду, — сказал он.

— Ты куда?

— По-маленькому, отлить, сейчас вернусь.

— Ну иди, потом и я схожу. — Распутин вяло улыбнулся.

Юсупов выбежал из комнаты и в несколько прыжков преодолел два пролета лестницы.

Его шаги услышали. Когда он распахнул дверь, за ней стояли Пуришкевич и Васильев.

Юсупов приложил палец к губам.

— Он жив? — спросил Великий князь. — Не вышло?

— Яд не подействовал! — сказал Юсупов.

— Этого не может быть! — откликнулся доктор. — Как медик, я ответственно заявляю вам, что яд совершенно свежий и доза его достаточна, чтобы убить роту.

— Может, он выплюнул? — спросил Пуришкевич.

Юсупов только отмахнулся. Ему показалось, что за спинами его сообщников стоит знакомый человек, которому здесь быть не положено, но он никак не мог приглядеться к нему и узнать.

— Мы пойдем все вместе, — сказал Пуришкевич, — мы накинемся на него и задушим.

Все двинулись к выходу из кабинета. Ими руководило нетерпение, чувство волчьей стаи.

Феликс расстался с Распутиным, но не со страхом перед ним. Он представил себе, как, мешая друг дружке, вся эта компания вваливается в подвал и Распутин, который жив и здоров, встречает их, подняв стул или схватив в руку бутылку вина. Еще неизвестно, кто возьмет верх.

— Стойте. — Князь загородил соратникам дорогу. — Я сам. Мне только нужен револьвер. Дмитрий Павлович...

Дмитрий Павлович был в походной форме, ремень через плечо, на нем кобура.

Великий князь не раздумывал, расстегнул кобуру и протянул револьвер Юсупову.

Возвращаться в кабинет не стали. Так и стояли на лестнице, уверенные в том, что ожидание вот-вот закончится.

Юсупов оказался почти прав.

Распутин был жив. Он сидел за столом, опустив голову. Юсупов стоял в дверях, сжимая за спиной рукоять револьвера, сейчас бы и выстрелить... Распутин поднял голову и мрачно поглядел на князя.

— Чем ты меня отравил? — спросил он. — В животе все жжет. Дай-ка мадеры. Может, полегчает?

Юсупов вздохнул с облегчением. Можно еще на минуту отложить убийство.

Свободной рукой он налил в рюмку мадеры, Распутин выпил ее одним глотком.

— Так-то лучше, — сказал он. — А теперь поехали к цыганам.

— Поздно, — ответил Юсупов.

— Они привыкли. Бывает, в Царском задержат меня дела, так я ночью на авто к ним еду. Они ждут. Мыслями-то я с Богом, а телом с людьми.

Он подошел к буфету. Внутри на полке стояло хрустальное распятие.

— Красивая вещь, — сказал он.

— Вы бы помолились, — помимо воли вырвалось у Юсупова.

Распутин обернулся к Феликсу и смотрел на него покорно, внимательно, как будто не узнавая.

Юсупов повторял про себя: «Господи, дай мне сил! Дай мне сил, Господи!»

Он вынул руку из-за спины, поднял пистолет и направил его на старца.

Странно, но тот не увидел этого движения. Он ждал.

Покорно, как будто они с князем сговорились заранее.

Куда стрелять? В сердце?

Юсупов прижал дуло револьвера к розовой рубашке и нажал на спуск.

Распутин страшно взревел, как раненый зверь.

Он грузно повалился навзничь на медвежью шкуру, покрывавшую пол.

На выстрел откликнулись нетерпеливые громкие шаги — остальные заговорщики кинулись по лестнице вниз, кто-то из них неловко задел выключатель, и свет в подвале погас.

Кто-то налетел на Юсупова, вскрикнул. Юсупов боялся ступить в сторону, чтобы не наступить на труп.

— Свет! — закричал он. — У двери выключатель.

Свет вспыхнул почти сразу.

Комната была полна людьми. Распутин лежал навзничь, кулаки сжаты на груди, на розовой рубашке расплывается кровяное пятно.

— Он жив, — прошептал Пуришкевич.

Лицо Распутина подергивалось от судороги. Будто он силился открыть глаза.

Юсупов поднял было пистолет, но остерегся выстрелить.

Он не хотел, чтобы кровь залила медвежью шкуру.

Лицо Распутина застыло, кулаки разжались.

— Все, — сказал Лазаверт, но наклоняться и проверять не стал — ему было достаточно того, что он видел.

Юсупов наклонился, Пуришкевич помог ему, и они стащили тело с медвежьей шкуры на каменный пол.

И тут все забыли, что делать дальше. Конечно, был план вывезти тело на речку и кинуть в прорубь подальше от дворца, но сразу перейти к этому прозаическому делу не хотелось. Да и Юсупов был так измочален последними часами. Холодный Дмитрий Павлович произнес слова, которых все ждали:

— Я предлагаю, господа, подняться в кабинет и выпить по рюмке за успешное завершение нашего предприятия.

На лежащего в углу Распутина никто не смотрел. Даже любопытства не было. А может, боялись его.

Все с облегчением потянулись прочь из подвала. Юсупов вышел последним, выключил свет и запер подвал на ключ. Он не хотел, чтобы кто-то случайно забрел туда и увидел.

Лестница была освещена скудно, и Юсупов, поднимавшийся последним, посмотрел наверх — еще на пролет. Но там было темно и пусто. И все же тревога его не оставляла.

Сначала в кабинете было тихо. Юсупов сам разлил по рюмкам мадеру, такую же, какой угощал Распутина.

Дмитрий Павлович коротко поблагодарил Феликса от имени нации за его подвиг, и все стоя выпили за здоровье князя.

Затем занялись делами.

Лазаверт в виде шоффэра и штабс-капитан Васильев, изображавший Распутина — в его шубе и шапке, а также Великий князь, сжавшийся на заднем сиденье, инсценировали отъезд Распутина из дворца — мало ли кто мог следить за Юсуповым!

Машина должна была завезти Дмитрия Павловича в его дворец, чтобы он мог пересесть в свой, крытый автомобиль и вернуться на нем к Юсупову. На этом автомобиле и вывезут тело Распутина.

Приготовления заняли несколько минут. Переодетый Васильев и его спутники покинули дворец. Юсупов остался в узкой прихожей подвала, откуда только что вынесли распутинскую шубу.

В доме, кроме него, оставался лишь Пуришкевич, который поднялся в кабинет и набрасывал что-то в большом черном блокноте, возможно, свою завтрашнюю речь в Думе. Завтра перед освободившейся от кошмара Россией откроются новые дали.

Смутная тревога мучила Юсупова. Не могло все так легко и просто кончиться — неправильно это.

Он прошел в большую комнату. Распутин все так же лежал на полу. Лишь пятно крови на рубахе расплылось шире. Нет, он мертв, он не мог остаться живым!

Юсупов смотрел на Распутина и думал, почему он не жалеет его и вообще не испытывает никаких чувств. Как будто не имеет к смерти этого чернобородого человека никакого отношения.

И вдруг у него все внутри сжалось.

Веко Распутина заметно дрогнуло.

Старец сначала открыл левый глаз, затем правый.

Он смотрел на Юсупова. Будто только что проснулся.

Это кошмар, такого быть не может...

Ноги приклеились к полу, он хотел крикнуть, но голос не повиновался.

Вдруг Распутин вскочил на ноги. Нет, так не поднимается немолодой, почти убитый человек. Он вскочил, как резиновая игрушка — подпрыгнув, — и тут же вцепился в горло Феликсу.

— Феликс! — повторял он негромко, но со злобой... а может, с мольбой? — Феликс...

Юсупов все же вырвался, потому что в нем удесятерились силы, — он боролся за свою жизнь.

Он кинулся прочь и, столкнувшись, чуть не сшиб с ног человека, который от дверей снимал ручным переносным аппаратом эту страшную сцену на синема.

В тот момент Юсупов был слишком перепуган, чтобы его узнать и даже удивиться его появлению.

Он ворвался в кабинет и закричал Пуришкевичу, уютно устроившемуся за княжеским письменным столом:

— Он жив! Он уйдет!

— Револьвер! — Пуришкевич вскочил из-за стола. — Где ваш револьвер?

— Я вернул его Великому князю! А ваш? Дайте ваш!

— Нет, — отрезал Пуришкевич.

Если до того момента он был лоялен и довольствовался вторыми ролями в спектакле, то сейчас наружу вырвалось его действительное отношение к Юсупову:

— Вы умудрились погубить дело, мальчишка! Теперь пора действовать мужчинам.

Может быть, это была цитата, может быть, Пуришкевич придумал эти слова когда-то по другому случаю. Но сейчас он был грозен и убедителен.

Он бегом направился к двери, отстранил темную тень — человека со съемочным аппаратом — и выбежал на лестницу.

Он увидел, что Распутин уже поднялся из подвала на лестничный пролет.

— Он не выйдет! — крикнул Юсупов. — Там заперто.

Но на деле дверь была открыта.

Распутин скрылся в темноте за дверью.

Остался лишь его хрип и невнятный звук голоса.

Юсупов прислонился к стене. У него опустились руки.

Все впустую! Погибла жизнь. Тюрьма, может, казнь — и за что? Он же все сделал. За всех!

— Нет! — закричал Пуришкевич. — Не позволю!

Он кинулся на двор, чуть не сшибив по пути Юсупова и человека с киносъемочным аппаратом, нахально снимавшего фильму, словно он был у себя дома.

Наконец Феликс узнал его.

Он пришел из далекого прошлого, из довоенного года, из вечера у высокого джентльмена в Ялте, которого потом убили... Это же медиум!

Юсупов думал о медиуме отрешенно — это не имело отношения к главному. Но легче думать о медиуме, чем о собственной судьбе.

Снаружи донесся выстрел. Потом еще один.

Может, еще не все потеряно? Может, его догнали?

«Но у меня нет оружия!» — хотел было сказать Юсупов, но не к кому обратиться. Он поднял руку и с удивлением увидел, что держит в руке тяжелую резиновую дубинку, которую дал ему Маклаков, отказавшись участвовать в заговоре. Помог, чем мог.

Юсупов выбежал во двор как раз в тот момент, когда раздался третий выстрел.

Распутин был уже у открытых ворот; еще два шага — и он на улице.

Пуришкевич отставал от него шагов на двадцать. Он стоял и палил из револьвера.

Распутин упал в сугроб. Пуришкевич догнал его и почему-то ударил каблуком в висок. Потом отшатнулся.

— Я попал! — крикнул Пуришкевич, обернувшись к Юсупову.

И побежал к дому.

— Вы куда? — спросил Юсупов.

Слова гулко раздавались в сверкающей морозной ночи.

— Меня нельзя видеть! — откликнулся на бегу Пуришкевич. — Меня здесь не было!

Юсупов чуть было не улыбнулся. Убийца в конечном счете оказался трусом, но издевка мелькнула и пропала — он пошел к сугробу. Наполовину утонув в нем, лежал Распутин — Юсупов уже не верил старому хитрецу. Он опять обманывает!

Но Юсупов ничего не успел сделать — с улицы послышались голоса.

В открытые ворота бежал городовой! Этого еще не хватало!

Юсупов кинулся к воротам.

— Тут стреляли, вашество! — Городовой был молод, простоват и напуган.

— Ничего страшного. — Юсупов выталкивал городового из ворот — только бы он не увидел лежащего тела. — У меня гости были, офицеры. Выпили, постреляли, дело молодое.

В волнении Юсупов не замечал, что выталкивает городового резиновой дубинкой, но городовой видел и дубинку, и тело, лежавшее у сугроба, возле которого неподвижными тенями маячили фигуры слуг, выбежавших на выстрелы из людской. Там же стоял медиум из Ялты, продолжавший снимать фильму, хотя никто его уже не замечал.

Выйдя со двора, городовой куда-то быстро пошел, придерживая шашку. Юсупов почувствовал облегчение и кинулся к Распутину.

Тот лежал, но не в той позе, в которой Юсупов его оставил.

Он еще жив?

Не может быть!

Нервы князя окончательно не выдержали, и он побежал внутрь, к себе в кабинет, где спрятался Пуришкевич.

Пуришкевич стоял в кабинете у окна, наблюдая за событиями во дворе.

— Что с вами, князь? — спросил он. — Почему вы не принимаете мер? Разве вы не видите, что там посторонние?

Юсупов был готов убить своего сообщника. И Пуришкевич даже отступил, увидев, как судорожно дернулась рука князя с зажатой в ней резиновой дубинкой.

— Выпейте воды, — сказал он. Он взял со стола стакан и стал лить в него из хрустального графина, но промахивался, и вода брызгала на ковер.

Юсупов отмахнулся от воды.

— Где Дмитрий Павлович, наконец? — сердито воскликнул Пуришкевич. — Мы же должны увезти тело.

В дверь кабинета постучали.

Юсупов сделал было шаг к двери, но дверь уже отворилась ему навстречу.

Там стоял камердинер Василий Иванович.

— Простите, ваше сиятельство, — сказал он ровным голосом вымуштрованного слуги, — там вернулся городовой. Они вас просят.

— Я сам! — сказал Пуришкевич. — Я сам поговорю. Я умею говорить с народом.

Поведение его было нелогично — только что он боялся огласки и тут же забыл об этом. Юсупов хотел было остановить думца, но передумал — пускай бежит. «Только бы Распутин был мертв. Если он оживет снова, я этого не вынесу!»

Городовой переминался с ноги на ногу возле сугроба. Слуги тоже стояли там.

Юсупов услышал, как Пуришкевич излишне громко, как с трибуны, объясняет городовому:

— Знаешь, кто с тобой говорит?

— Не имею чести, вашество...

— С тобой говорит член Государственной думы Владимир Митрофанович Пуришкевич. Неужели не слыхал обо мне?

— Так точно, слыхал.

— Выстрелы, которые ты слышал, убили Распутина. Того самого мерзавца и самозванца, который продавал нас немцам и губил батюшку-царя и наших героев-солдатиков!

Господи, как все это лживо и фальшиво! Юсупов не подходил ближе.

— Если ты любишь царя и свою Родину, — продолжал речь Пуришкевич, — ты будешь молчать! И это относится и к вам, господа. — Жест в сторону слуг.

«Он добьется совершенно обратного эффекта. Он нас всех выдаст!»

— А теперь иди прочь и забудь о том, что видел. Забудь!

— Так точно!

Городовой пошел прочь. Он шел неуверенно, будто с каждым шагом ему приходилось вновь решать задачу, слушаться ли голоса разума и дисциплины или этих господ, которые убили Гришку Распутина?

Пуришкевич остался без аудитории, но это его не смутило.

— А теперь, голубчики, попрошу перенести тело внутрь!

Слуги послушно потащили тело Распутина к открытой дверце в подвал.

Пуришкевич командовал ими, но до тела не дотрагивался.

Распутин лежал на лестничной площадке, откуда вели ступеньки вниз, в подвал, где его убивали, и наверх — в кабинет.

Там горела верхняя лампа, и Юсупов, подошедший к телу, смог разглядеть, как зверски был убит временщик. Лицо было обезображено многими ударами... Но вдруг Юсупов увидел, как вновь дрогнуло веко старца...

Это уже случалось не раз за ту ночь. И никогда Юсупов не сможет точно сказать, что это случилось на самом деле или было плодом его взболтанного воображения.

Но Юсупов окончательно сорвался с катушек.

Неожиданно для самого себя он кинулся к трупу и принялся бить его резиновой дубинкой, ударять сапогами и притом вопил, матерился, как извозчик... а слуги, которые только что принесли труп и не успели уйти, и Василий Иванович с Пуришкевичем, стоявшие выше на пролет, замерли от невероятного ужаса этой сцены.

Любопытно, что впоследствии все участники этого злодейства написали мемуары, и во всех мемуарах сцена избиения трупа стала как бы кульминацией этой ночи.

«Я ринулся на труп и начал избивать его резиновой палкой... В бешенстве и остервенении я бил куда попало... Все божеские и человеческие законы в эту минуту были попраны», — признавался князь.

Ему вторил Пуришкевич: «Он не мог поверить в то, что Распутин уже мертвое тело, и, подбежав к нему, стал изо всей силы бить его двухфунтовой резиной по виску с каким-то диким остервенением и в совершенно неестественном возбуждении.

Я, стоявший наверху у перил лестницы, в первое мгновение ничего не понял и оторопел, тем более что, к моему величайшему изумлению, Распутин даже и теперь еще подавал признаки жизни. Перевернутый лицом вверх, он храпел, у него закатился зрачок правого глаза... Но я пришел в себя и крикнул слугам скорее оттащить Юсупова от убитого, ибо он может забрызгать кровью и себя, и все вокруг и в случае обыска следственная власть, даже без полицейских собак, по следам крови раскроет дело.

Слуги повиновались, но им стоило чрезвычайных усилий оттянуть Юсупова, который как бы механически, но с остервенением, все более возраставшим, колотил Распутина по виску... Наконец его оттащили. На него было страшно смотреть, до такой степени ужасен был его вид, с блуждающим взглядом, с подергивающимся лицом, он бессмысленно повторял: «Феликс, Феликс, Феликс...»

Под монотонное бормотание рехнувшегося Юсупова Пуришкевич велел слугам принести материи, чтобы обернуть труп и связать его.

Юсупов потерял сознание.

Вернувшийся на авто Лазаверт осмотрел его и сказал, что теперь князь будет спать.

Пуришкевич велел ему подсобить слугам и втащить труп Распутина в крытое авто Дмитрия Павловича, но тут Лазаверту стало плохо, он отбежал в сторону, и его вырвало на снег. В перерыве между спазмами он сказал Пуришкевичу, что виновата его комплекция.

Дмитрий Павлович сам сел за руль. Они со штабс-капитаном и управились, скинув труп в полынью с Петровского моста.

* * *

Юсупов проснулся часа через три. Не без помощи Пуришкевича, который собрался уйти до рассвета. Он не сразу вспомнил, что произошло.

Пуришкевич велел Василию Ивановичу пожертвовать одной из дворовых собак.

В сарае было два пса, они должны были сторожить дом, но в ту ночь их не выпускали. Василий Иванович из револьвера Пуришкевича застрелил пса в сарае, потом вместе с Пуришкевичем, которому нравилось планировать и устраивать заговоры, протащили тяжелое кровоточащее тело пса по двору, где бежал Распутин, и бросили его в сугроб туда, где Распутин окончательно упал, добитый Пуришкевичем.

— Вы знаете ваш урок, — сказал Пуришкевич.

Юсупов стоял рядом, ежился на холоде в накинутой на плечи шубе. Казалось, он с трудом соображает, что же произошло.

Василий Иванович от имени остальных трех или четырех слуг, что собрались проводить хозяина, заверил Пуришкевича, что они сейчас же начнут замывать подвал и лестницу.

Тогда Пуришкевич взял Юсупова под руку и вывел его на набережную.

Пошел легкий искристый снежок, искорки легко порхали под фонарем. Извозчик вовсе не удивился, увидев пьяных загулявших господ. Пуришкевич отвез Юсупова до дворца Александра Михайловича, а сам поехал домой.

Юсупова встретил Федор, брат его жены. Федор был восторженным юнкером, который давно заподозрил, что Феликс занимается делами секретными и государственными. Феликс в свое время не удержался — в порыве откровенности признался юноше, что намерен убить Распутина.

Федор не спал всю ночь — он догадался, что Феликс совершит свой подвиг именно этой ночью.

Он встретил Феликса в передней. Он был бледен и курил не переставая.

— Слава Богу! — кинулся он к Феликсу. — Наконец ты... так что же?

— Распутин убит, — ответил Феликс голосом полководца, который только что разгромил Наполеона, — но больше я ничего тебе не скажу. Я смертельно устал и хочу спать.

Юсупов уснул без задних ног. Но в десять его разбудили.

Оказывается, его желал видеть у себя полицмейстер Казанской части генерал Григорьев по делу, не терпящему отлагательства.

Юсупов привел себя в порядок и вышел в кабинет, где его ждал генерал.

— Вы хотите спросить меня о ночных выстрелах в доме моих родителей? — спросил Юсупов.

Он был свеж, подтянут, доволен собой. Он сделал шаг в историю, и теперь его ничто не остановит. Но вести себя надо осмотрительно, неизвестно, как поведет себя императрица. Что она заставит сделать своего мужа? Потребуется ли мученик Новой России?

Мучеником Юсупов становиться не намеревался.

Генерал Григорьев был толст, потлив, собирался на пенсию, и для него визит к Юсупову был неприятен и опасен. Он тоже не знал, чем обернется дело, и его терзали самые мрачные предчувствия. Что бы ни случилось во дворце Юсупова, будут искать стрелочника. А когда ты так велик и толст, голубчик, то мимо тебя не промахнешься.

— Я хотел бы спросить вас, ваше сиятельство, — сказал Гри-

горьев, — не был ли вчера ночью у вас в гостях Григорий Распутин?

— Распутин? — Юсупов был искренне удивлен. — Мы с ним знакомы, но чтобы он посмел явиться ко мне в дом? Нет, это исключено!

— История странная и даже загадочная, — сказал генерал.

— Вы расскажете мне, что случилось?

— К сожалению, долг повелевает мне сохранить служебную тайну.

— Но, может быть, вы сначала выпьете рюмочку коньяку, ваше превосходительство?

После рюмочки генерал помягчел — она стала как бы знаком того, что он пришел не в дом к подозреваемому, а посещает отпрыска одного из самых знатных и богатых родов империи.

— Представляете, Феликс Феликсович, — рассказал генерал. — Ко мне только что заявился пристав и поведал удивительную историю. Оказывается, он получил рапорт городового, что дежурит по соседству с вашим дворцом. И тот утверждает, будто с ним случилось вот что: он услышал ночью выстрелы, доносившиеся из вашего дома. Когда он прибежал туда, то его встретил человек, назвавшийся членом Думы Пуришкевичем, который признался, что Распутин убит, и взял с городового слово молчать об этом. Городовой утверждает, что также видел тело, но рассмотреть его не смог.

— И вы поверили в эту чепуху? — Юсупов был возмущен.

Он был на самом деле возмущен. Но не Пуришкевичем.

Да, мы все хотим войти в историю, но история не приемлет нахрапа. Неужели он себя уже видел российским диктатором? Такой диктатор может все погубить — в результате все мы окажемся в камере предварительного заключения и Пуришкевич будет вопить на весь мир о парламентской неприкосновенности, которую, к счастью, в России еще не придумали.

— Это прямо невероятная история, — возмутился Юсупов. — Ваш городовой — большой путаник. Позвольте я вам расскажу, как было дело.

Генерал послушно кивал — ему нужно было объяснение, он жаждал объяснения.

— У меня ужинали друзья. В том числе Великий князь Дмитрий Павлович, Пуришкевич и несколько офицеров. Когда гости разъезжались, я услышал два выстрела. Сбежавши вниз, я увидел собаку, лежащую на снегу. Оказывается, один из моих гостей решил дать салют в честь хозяина дома и, неосмотрительно выстрелив из револьвера, убил собаку.

Генерал Григорьев покорно качал головой. История с собакой была шита белыми нитками. Для того чтобы их увидеть, не надо быть жандармским генералом.

Юсупов, увлекшись, реакции генерала не почувствовал. В его воображении придуманная картина уже наложилась на действительную и вытеснила ее.

— Я вызвал городового, — продолжал князь, — чтобы объяснить ему причину. К тому времени гости разъехались, остался только Пуришкевич. Он и беседовал с городовым. Насколько я понимаю, он сравнил собаку со старцем и вслух пожалел, что убили собаку, а не Распутина. Вот ваш городовой, смущенный этими речами, и перепутал...

Генералу было грустно. Он уже не сомневался в том, что слухи о смерти Распутина в юсуповском дворце полностью подтверждаются неловкой ложью князя.

— Теперь мне все ясно, — сказал генерал. — Не скажете ли вы мне фамилии офицеров, которые были у вас в гостях?

— Поймите меня правильно, — ответил Юсупов. — Дело это пустячное, но может получить огласку в левых газетах. Мои друзья — люди семейные, их репутация может серьезно пострадать.

Генерал поднялся.

— Я доложу градоначальнику о ваших словах, князь, — сказал он. — Надеюсь, что недоразумение будет рассеяно.

— Я и сам хотел бы посетить градоначальника, — сказал Феликс. — И все ему рассказать. Спросите его, когда он сможет меня принять?

Генерал откланялся.

Федор ждал Юсупова в гостиной.

— Ну что? Они подозревают?

— Надеюсь, что я его запутал, — улыбнулся Феликс.

Федор был растерян.

— Я не совсем понимаю тебя, — сказал он. — Я думал, что, совершивши этот подвиг, ты, подобно Бруту, выйдешь к народу и провозгласишь себя убийцей тирана. Почему же ты молчишь и таишься?

— Тиран убит, — ответил Феликс после короткой паузы. — Наше дело сделано. Мы не стремимся к власти... К тому же Пуришкевичу как убийце может грозить опасность...

Зазвонил телефон, и Феликс поспешил к аппарату.

Он не смог объяснить Федору, что в самом деле находится в растерянности куда худшей, чем в момент убийства.

Не только Россия вела себя не так, как они ожидали, — ничего пока не произошло, так же дворники мели снег и шагали запасные роты к вокзалу, а в оперетке давали «Летучую мышь». Но и внутри себя Феликс не ощущал никакой радости, никакого торжества. Словно соблазнил горничную и теперь презираешь себя и ее. И боишься дурной болезни, и боишься, что узнает мать и выпорет тебя, и больше всего боишься любовника горничной, дворника Матвея. Сравнение было нелепым, слишком приземленным, но Юсупов не мог от него отделаться и даже украшал несуществующий адюльтер скоромными деталями.

Прошел буйный бой, охота, погоня, ощущение смерти — ты впервые убивал человека! И пришел тягучий страх. То, к чему Юсупов так стремился день назад, обернулось неожиданно страхом... И даже известно, когда наступил перелом, — когда он избивал мертвого человека дубинкой, когда из тебя, боярина в двадцатом поколении, вылез подлый трусливый мерзавец. И останется с тобой на всю жизнь. Ты уже не сможешь стать спасителем нации — истерика на лестнице останется с тобой навсегда.

Как только полицмейстер ушел, позвонила Головина.

— Что вы сделали с Григорием Ефимовичем? — закричала она, не здороваясь.

— Клянусь вам, я ничего не знаю!

«Ну почему я не сознаюсь сейчас? Через полчаса весь Петроград, весь мир будет знать имя человека, освободившего империю от проклятия».

— *Вы клянетесь? — рыдала в трубку Маша Головина.*

— Разумеется, клянусь.

— Тогда приезжайте и сами расскажите маман. Она умирает от ужаса.

Юсупов повесил трубку и, заложив руки за спину, принялся бегать по кабинету. Что делать? Скрыться? Уехать в Крым? Или вести линию полной невиновности? Тогда придется ехать к этим глупым курицам.

И поехал.

Его встретили слезами и запахом валерьянки.

Феликс подробно и терпеливо врал, уже сам начиная верить в убитую собаку и глупого городового.

Но государыня не находит себе места! Старец пропал!

Юсупов потребовал помощи куриц во встрече с Александрой Федоровной. Он хочет лично рассказать императрице всю правду.

Маша Головина бросилась к телефону и стала дозваниваться до Царского Села. Ей казалось, что если Феликс ни в чем не виноват, то старец найдется. Загулял где-то, уехал в Сибирь — все может случиться со святым человеком...

— Государыня согласна тебя принять! — радостно объявила она.

Юсупов уже был не рад, что напросился на встречу. Царица может разоблачить его.

И тут, на счастье или несчастье, позвонил телефон — из Царского!

Императрица сообщала, что посоветовалась с близкими людьми и категорически отказывается видеть Юсупова. И не верит и не будет верить ни единому его слову.

Феликс был уязвлен. Он хотел сказать правду! Маша тоже растерялась, ей хотелось верить Феликсу. Но когда он начал было говорить, что все равно поедет во дворец, сама же стала отговаривать, потому что боялась, что оттуда он уже не вернется.

Юсупов пошел домой пешком, благо недалеко. Через несколько шагов встретил однокашника по Пажескому корпусу, который радостно сообщил новость:

— Феликс, Распутина убили!

— Не может быть. Кто убил?

— У цыган. Ввязался в пьяную драку, кто-то из офицеров застрелил.

— Слава Богу.

Дома Юсупов узнал, что градоначальник генерал Балк согласен принять его у себя в двенадцать.

Балк был сдержан и неулыбчив, хотя они были с Юсуповыми знакомы домами.

Он расчесывал двойную бороду маленьким гребешком, кивал и молча слушал рассказ о собаке и пьяных друзьях. Потом неожиданно сказал:

— К сожалению, я должен попросить вас не покидать столицу. По указанию императрицы я должен произвести тщательный обыск во дворце Юсуповых. Надеюсь, вы не будете возражать отправлению правосудия?

— Буду! — вскинулся Юсупов. — Вы забываете, что моя жена — племянница государя и наше жилище как жилище члена императорской фамилии неприкосновенно. Пока не будет отдано распоряжение императора, никто не смеет войти в дом.

Балк не стал спорить. Ему менее всего хотелось впутываться в

эту историю. Он обещал связаться со Ставкой и отпустил князя, который ринулся во дворец.

Юсупов оказался прав в своих опасениях. Несмотря на строжайший приказ камердинеру проследить за уборкой в подвале, Феликс без труда нашел пятна и следы крови и даже перламутровую пуговицу от рубахи Распутина. А на снегу пятен было еще больше. Пока Василий Иванович мыл пол в подвале, Юсупов с помощниками забрасывал снегом красные пятна на снегу.

Убедившись, что дома все в порядке, Юсупов помчался к Дмитрию Павловичу. Оставаться одному было невмочь.

Дмитрий Павлович принял Юсупова с радостью — ему тоже было одиноко без подельщиков; штабс-капитана Васильева и доктора Лазаверта он приглашать не мог или не хотел, Пуришкевич готовил на вокзале свой санитарный поезд, на котором должен был вечером отбыть на фронт, так что Юсупов был единственным возможным собеседником.

Дмитрий Павлович уже подробнее рассказал, как они топили труп Распутина. Он был завернут в синюю материю и связан веревками. В машине оказалась шуба старца, его сапоги и шапка. Дмитрий Павлович потребовал было, чтобы вещи отвезли к Лазаверту и сожгли, но когда доктор взбунтовался, шубой обмотали ящик с инструментами. Шубу кинули в прорубь, ящик вывалился из нее, и шуба не хотела тонуть, закрыв почти всю черную гладь проруби.

Они вытащили из машины и перевалили через перила моста синий сверток, страшно тяжелый и неподатливый. Говорили шепотом, боялись разбудить часового в будке, на том конце моста. Труп ушел в воду и потянул за собой шубу. Вроде бы обошлось.

Но мотор застыл и долго не заводился. Великий князь, Лазаверт и Васильев по очереди крутили ручку, солдат даже проснулся, выглянул из будки, и видно было, как он стоит под дальним фонарем и вглядывается в темноту...

Юсупов договорился с князем, что они будут держаться своей версии о случайных выстрелах и собаке, потом Юсупов пошел во дворец тестя.

Новости были неприятными.

Оказывается, во дворце побывала полиция. Снимали допрос со всех слуг и выясняли, когда Юсупов уехал из дому и каким он вернулся под утро.

Ничего опасного для Феликса в этих допросах не было — хуже был сам их факт. Кто-то посмел нарушить неприкосновенность жилища самого Александра Михайловича, несмотря на то

что Балк поклялся никого без распоряжения императора не посылать.

А вдруг уже есть распоряжение императора?

Юсупов не мог сидеть дома и ждать событий. Он предпочел их опережать. Через полчаса он был уже в Министерстве юстиции у Макарова с протестом против действий полиции.

Министр Макаров, с седой бородкой, мягким голосом и округлыми движениями маленьких рук, был слишком вежлив. Юсупов еще раз повторил свой рассказ о прошедшей ночи и попросил разрешения покинуть вечером Петроград и отправиться в Крым, в Ай-Тодор, где его ждет молодая жена. Макаров сказал, что не видит препятствий к отъезду.

Затем Юсупов побывал у председателя Думы Родзянки, который уже знал правду или догадывался о ней, потому что горячо обнял Юсупова и стал шептать нечто нежное о спасении нации. На прощание он заявил, что Родина Юсупова не забудет.

Можно было ехать домой собираться к отъезду.

Вроде бы все обстояло хорошо, главное сейчас — скрыться из Петрограда и отсидеться в Крыму. Благо тело Распутина не нашли, и Дмитрий Павлович полагает, что его уже вынесло течением реки в залив.

Федор поехал провожать Феликса на вокзал. В автомобиле он спросил, не боится ли тот ареста.

— Нет, — уверенно ответил Феликс. — Сам министр юстиции разрешил мой отъезд.

Он уговаривал себя и Федора, хотя боялся, что все сорвется. На вокзале они увидели полицейских. Слишком много полицейских для обычного вечера.

— Меня торжественно провожают, — сказал Юсупов, и голос его дрогнул.

До поезда дойти они не смогли.

В зале их встретил жандармский полковник, который сообщил, что князю Феликсу Юсупову запрещено покидать столицу, он должен вернуться в дом Великого князя Александра Михайловича и оставаться там под домашним арестом. Это повеление Ее Величества.

* * *

Тем же вечером государыня своей властью задержала всех участников покушения, что говорило о немалой осведомленности полиции и правительства.

Весь Петербург горячо обсуждал обстоятельства гибели Распутина, колесо раскручивалось, восторженные дамы и пьяные полковники звонили Юсупову, в воображении которого уже разыгрывалась его казнь на Сенатской площади и для которого роль спасителя нации уже потеряла привлекательность. Лучше бы уехать в Крым без визита к Макарову!

Заговорщикам, которые все же рассчитывали на то, что Распутина не отыщут, сильно повредила экзальтированная сестра императрицы Елизавета Федоровна, мужа которой, брата царя Сергея Александровича, убили революционеры. Впрочем, никто в России его не жалел. Елизавета Федоровна, полагавшая, что Распутин — слуга дьявола, давно уже рассорилась с сестрой. Узнав об исчезновении Распутина, а также об участии в его убийстве Дмитрия Павловича, она не придумала ничего лучше, как послать Великому князю поздравительную телеграмму с просьбой передать ее благодарность Феликсу Юсупову. Протопопов велел снять с телеграммы копию и передал ее императрице, которая решила, что Елизавета — участница заговора и, может быть, его руководительница.

Одной цели Юсупов уже добился. Если неделю назад он был на периферии внимания двора, то теперь все Великие князья и княгини, находившиеся в оппозиции к Александре Федоровне, считали своим долгом поговорить с Феликсом по телефону и справиться о его здоровье.

Частым гостем у Юсупова стал Великий князь Николай Михайлович, либерал и ученый, глава семейной оппозиции Николаю, полагавший, что его племянник ведет страну к катастрофе. Почтенный старец рассказывал Феликсу новости и вел себя как родной дядя. Он же и поведал Юсупову самое страшное: императрица требует немедленной казни Юсупова и Пуришкевича и тяжкого наказания для Великого князя. Протопопов уговаривает ее подождать возвращения императора из Ставки, куда уже направлена телеграмма. Тот же Николай Михайлович добавил, что по получении известия о смерти старца государь возрадовался и говорил приближенным, что наконец-то освободился, что готов наградить убийц... Впрочем, Николай Михайлович и сам до конца не верил последней версии, но полагал ее полезной. Пускай Юсупов надеется на лучшее. Мы не дадим тебя в обиду!

19 декабря из Ставки приехал государь.

Он проехал прямо в Царское Село и никого не захотел видеть. Надежды Николая Михайловича развеялись как дым.

Государь заперся с женой.

В доме Александра Михайловича собрались почти все члены царского семейства. Это была демонстрация поддержки Юсупову.

Нигде, кроме официальных приемов во дворце, он не видел стольких Романовых сразу.

Великие князья не расходились, они как бы закрывали своими телами молодого спасителя нации.

Юсупов повеселел. Его мечты начинали сбываться.

Николай Михайлович заявил во всеуслышание, что именно таким, как Феликс, он видит министра внутренних дел.

— Нет, премьера! — крикнул князь Федор.

— Может, и премьера.

И тут зазвонил телефон.

Это было подобно финальной сцене в «Ревизоре». Сообщили, что только что найдено тело Распутина.

* * *

Один из агентов полиции случайно увидел на Петровском мосту «черную калошу № 11 черного цвета, покрытую свежими пятнами крови». Он доложил своему начальнику, и калошу отправили домой к Распутину, а мост осмотрели. На нем нашли следы автомобильных шин и многих ног. Причем следы шин тянулись до самых перил моста.

Тогда поиски тела Распутина в доме Юсуповых были прекращены, и полицейские кинулись к мосту.

Сам министр юстиции и петроградский прокурор прибыли на мост.

Там агенты показали чинам новую улику — на перилах моста в одном месте снег был сброшен, словно через них в реку переваливали нечто тяжелое.

Были вызваны водолазы. Два часа они ныряли возле моста, ничего не нашли и заявили, что если тело и было, его унесло в залив, так как течение Невы в том месте весьма быстрое.

Но в тот момент один из полицейских, что бродили внизу по льду, высматривая, нет ли там еще какой-нибудь улики, увидел в щели между льдинами рукав шубы.

Тут же начали рубить лед у того места. Стоял сильный мороз, но никто не уезжал с моста, даже старенький Макаров.

Работали энергично, и через пятнадцать минут во льду была пробита новая полынья, а из воды извлекли примерзший ко льду снизу труп Распутина.

Тело старца было обезображено — видно, перед смертью его жестоко пытали. Руки и ноги туго стянуты веревкой.

Тело перенесли на берег и заперли в дровяном сарае.

Через некоторое время к Петровскому мосту прибыли министр внутренних дел Протопопов и начальство Охранного отделения. Прокурор Галкин начал снимать протокол наружного осмотра трупа. Судебный врач показал, что в теле Распутина находятся две пули — одна в области груди, другая в шее. Оба ранения смертельные.

После этого тело отвезли в Чесменскую богадельню и начали вскрытие. Но вскоре по приказу императрицы вскрытие было прекращено, тело старца облачили в монашескую одежду, положили в богато убранный гроб и увезли в неизвестном направлении.

А между тем почти все газеты писали о смерти Распутина в восторженных тонах, утверждая, что теперь наконец-то положение на фронтах переменится к лучшему, взяточничество и разврат прекратятся, страна в едином порыве рванется к новым победам.

Под разными предлогами в церквях служили благодарственные молебны. А в театрах после представления публика требовала государственного гимна и даже повторения его на бис. И все понимали, почему играют гимн и почему в столь горячем порыве вся публика смахивает нечаянные слезы радости.

Два дня никто не знал, что происходит за стенами дворца в Царском Селе. Даже ближайшие родственники царя, жаждавшие открыть ему глаза на истинную суть событий, были лишены такой возможности.

Утром 21 декабря в Петербург примчался шурин царя, командующий авиацией адмирал Александр Михайлович, тесть Феликса Юсупова. Он просил аудиенции и получил ее.

Николай любил своего кузена Сандрика, веселого и доброго. Александр Михайлович был олицетворением человеческих черт, которых столь не хватало императору.

Александр Михайлович просил о снисхождении к убийцам, мотивируя свое заступничество интересами страны. Он доказывал, что жестокое наказание отвратит от царского дома подданных императора, и без того недовольных тем, что олицетворял Распутин. Александр Михайлович отыскал какие-то слова, что перевесили аргументы императрицы.

Выслушав Сандро, государь отпустил его, а сам, несмотря на

жгучий мороз, со всей семьей отправился хоронить Распутина, о чем никто не узнал.

В своем дневнике от 21 декабря император записал:

В 9 ч. поехали всей семьей мимо здания фотографий и направо к полю, где присутствовали при грустной картине: гроб с телом незабвенного Григория, убитого в ночь на 17-е дек. извергами в доме Ф. Юсупова, кот. стоял уже опущенным в могилу. Отец Ал. Васильев отслужил литию, после чего мы вернулись домой. Погода была серая при 12° мороза. Погулял до докладов. Принял Шаховского и Игнатьева. Днем сделал прогулку с детьми. В 4 1/2 принял нашего Велепольского, а в 6 ч. Григоровича. Читал.

* * *

Александр Михайлович привез приказ императора с наказаниями для участников заговора:

Дмитрий Павлович отправляется на Кавказский фронт в распоряжение генерала Братова. Поезд Великого князя должен был отойти в два часа ночи.

Юсупову было предписано немедленно отправляться в Курскую губернию в имение Ракитное. Его поезд отходил в ту же ночь.

Через два дня в Ракитное прибыл Александр Михайлович, демонстрируя этим солидарность с преступным зятем, а затем приехала и Ирина, которая жалела лишь о том, что не была в Петербурге в ночь убийства.

Убийство Распутина ничего не дало — ни убийцам, ни врагам, ни сторонникам старца.

Может быть, даже ускорило распад России, ибо показало еще раз бессилие царской власти, неспособной защитить своих друзей и наказать врагов.

Юсупов провел в Ракитном всего два месяца.

* * *

Зима была холодной, скудной и злой.

«Настроение в столице, — сообщало Охранное отделение в середине февраля, — носит исключительно тревожный характер. Циркулируют в обществе самые дикие слухи... все ждут каких-то исключительных событий и выступлений как с той, так и с другой стороны».

24 февраля Охранным отделением было сообщено для сведения полицейских приставов: «23 февраля с 9 часов утра, в знак протеста по поводу недостачи черного хлеба в пекарнях и мелочных лавках, на заводах и фабриках Выборгской части начались забастовки рабочих... в течение дня прекращены работы на 50 предприятиях, где забастовали 87 534 рабочих».

К вечеру 24 февраля бастовало больше 150 тысяч рабочих, а солдаты, которых посылали разгонять демонстрации и митинги, начали отказываться стрелять.

Император отправил командующему Петроградским округом генералу Хабалову телеграмму:

25 февраля. 21 час. В генеральный штаб. Хабалову. Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией. Николай.

Глава 2

Март 1917 г.

Дело об убийстве Сергея Серафимовича Берестова и его служанки Глафиры Браницкой не было закрыто, но после исчезновения основного подозреваемого оно пылилось на полке в железном шкафу следователя Вревского. Там же лежало дело о смерти Тихона Денисенко и дезертирстве Бориса Борзого. Иной следователь на месте Вревского с облегчением выкинул бы из памяти мертвый груз, но во Вревском было нечто от бульдога — раз сомкнув челюсти, он с трудом мог отпустить добычу. И неудивительно, что в один из последних своих дней в Ялте он достал дела из шкафа, перелистал и вызвал к себе все еще служившего в Феодосии прапорщика из вольноопределяющихся Николая Беккера. Но так как не был убежден в полной непричастности Беккера к давним событиям, то обставил вызов как формальность, связанную с закрытием дел.

В конце февраля 1917 года Беккер поднялся в кабинет на втором этаже. И сразу узнал комнату — ничего не изменилось, только стены стали еще темнее да больше пыли в углах, куда, видно, не доставала щетка уборщика. Тот же стол справа от двери, та же лампа под зеленым абажуром и такой же Александр Ионович. Следователь приподнялся при виде Беккера, показал ему на стул, но руки протягивать не стал, показывая этим, что находится при исполнении обязанностей.

Усевшись по другую сторону стола, Беккер понял, что изменения, хоть и небольшие, коснулись и следователя. Он несколько обрюзг, его желтоватый бобрик стал короче — как у немецкого маршала Гинденбурга, от чего лицо казалось еще более грубым, чем раньше.

Вревский объяснил Беккеру, что вызов связан с закрытием дел, так как следователь отъезжает в Киев.

Затем Вревский осведомился, хорошо ли Беккер доехал, как дела в Феодосии, где следователь не был уже полгода.

Беккер сказал, что в Феодосии за всем очереди — ни крупы, ни сахара. Хорошо еще, что большинство обывателей имеет свое хозяйство и потому поддерживает жизнь плодами труда своих рук.

— В Петрограде совсем плохо, — сказал следователь. — Вы читали о забастовке женщин? Да-да, двадцать третьего жены рабочих вышли на улицы — там буквально голод.

— Я не видел последних газет. Почему они не объявят военное положение?

— А наше российское авось? Я думаю, что на самом верху также полагают, что обойдется. Ведь обходилось раньше...

— Не могу согласиться с вами, — сказал Беккер. — Всегда должны находиться люди, которые берут на себя ответственность. Подобно князю Юсупову.

Вревский с интересом рассматривал Беккера, отмечая для себя мелкие частности, незаметные не столь тренированному глазу. На длинных несильных пальцах, хранящих следы загара, две белые полоски. Значит, перед поездкой в Ялту Беккер предпочел снять перстни, которые обычно носил. Не хочет показывать следователю, что богат? А вот материал, из которого пошит мундир, хорош! Даже хочется пощупать сукно...

— Князю Юсупову, женатому на Великой княжне Ирине Александровне, было спокойно идти на уголовное преступление, — сказал Вревский, — он знал, что ненаказуем.

— Вы сочувствуете Распутину?

— Я сочувствую закону. Не жертве, нет. Жертва может быть отвратительна. Но закон должен соблюдаться. Иначе в государстве наступит хаос.

Вревский поднялся, повернул ручку плохо покрашенного железного шкафа, достал с верхней полки две синие папки, вернулся к столу и положил их рядом, так что получился синий квадрат.

— Ну что ж, — сказал он. — По правилам я должен передать эти папки другому следователю...

— Когда вы уезжаете?

— В марте возвращаюсь в Киев. Но другого следователя нет. Некому заниматься этим делом. Хотя как юрист и как сыщик я жалею... искренне жалею. Дело фактически закрыто.

Беккер чуть откинулся на стуле, будто сообщение о закрытии дела принесло ему облегчение.

— Эти два дела, как вы отлично знаете, тесно связаны, — сказал Вревский.

Он положил короткопалую ладонь на правую папку: «Дело об убийстве г-на Берестова С.С. и г-жи Браницкой Г.Г. неизвестными лицами».

— Это первая половина загадки, — сказал следователь и перенес ладонь на вторую папку, на которой тем же писарским почерком было написано: «Дело о без вести пропавших солдатах феодосийской крепостной артиллерийской команды Денисенко Т.И. и Борзом Б.Р.». — А это вторая.

— Жалко Андрея, — неожиданно сказал Беккер.

— Ах да, вы же вместе учились, — с попыткой сочувствия произнес Вревский. — Вы даже приятельствовали.

— Да, я любил Андрея. Он был добрым, совершенно безобидным юношей. Знаете — это я познакомил его с Лидой Иваницкой...

— Он был добрым и безобидным... — задумчиво повторил следователь. Он встал и еще раз повторил: — Он был добрым и безобидным! А я ведь не исключаю, что отчима и его служанку убил ваш друг.

Набычившись, Вревский смотрел на Беккера, словно перед ним был Андрей Берестов. Потом отвернулся к окну и сказал куда спокойней:

— Старались, спешили, планировали побег!

— Побег? — удивился Беккер. — А разве не установлено со всей очевидностью, что Лида покончила с собой?

— Нет, не было это установлено, — отрезал Вревский. Он отошел к окну и стал смотреть вниз, сплетя пальцы рук за спиной. И Беккер зачарованно смотрел, как сплетаются и расплетаются пальцы.

— Но ведь даже вещи... я помню, что море выкинуло вещи. Я читал, — сказал Беккер.

— Как раз эти вещи и убедили меня в обратном. — Вревский обернулся к Беккеру, опершись ладонями о край узкого подоконника. — Именно эти вещи — клочок кружева, заколка, туфелька Золушки — столь растрогали прессу и общественное мнение, что все убедились: следователь Вревский — чудовище, затравившее бедных возлюбленных.

— Честное слово, я не понимаю...

— Сейчас поймете! Конечно, какие-то вещи могло сорвать волнами с тела утопленницы. Но уж очень удачно все эти вещи оказались на оживленном пляже. И были узнаваемы!.. Я был зол, что меня одурачили. И я рассудил: если туфелька подброшена, значит, вторая спрятана — куриные мозги гимназистки додумаются до того, что туфелька должна быть одна, но не додумаются надежно спрятать вторую. Знаете, что я сделал? — Вревский плотоядно усмехнулся — он вновь переживал момент своего торжества — победу логики над уступившим ему умом жертвы. — Я послал полицейских проверить помойные баки вокруг дома Иваницких. Так просто! Особенно по тем дорогам, что вели к морю. И уже к полудню мне принесли вторую туфельку. Просто?

— Дедуктивный метод?

— Профессия, голубчик, профессия. В нашем деле не обойтись без собачьего нюха. Я ничего не должен брать на веру.

— Значит, вы подозреваете все человечество?

— Недостойную его часть.

— Вы опасный противник, господин Вревский.

— Еще какой опасный! Вы и не подозреваете! Если бы не загруженность делами и нежелание возиться месяцами без ощутимых достижений, я бы внимательнее пригляделся к вам.

— Ко мне?

На красивом, несколько огрубевшем и потерявшем юношеский пушок и юношескую мягкость черт лице Беккера отразилось удивление.

— А вы подумайте: пропавшие солдаты — из вашей команды. Оба ваши земляки. К тому же вы совершаете, на мой взгляд, совершенно нелогичный поступок: вдруг даете показания против вашего гимназического друга, которые могут послать его на виселицу. Именно вы, а не кто другой.

— Я никаких показаний не давал!

— Давали, голубчик, давали. Именно от вас, и только от вас, я узнал, что Берестов был замечен в компании Денисенко и Борзого в Симферополе.

— Я и не подозревал, что мои слова могут повредить Берестову.

— Ах, святая наивность! Один солдат убит, при нем найдена похищенная шкатулка. Пустая. Второй солдат в бегах. А вы ни о чем не подозреваете.

— Я не знал, что Берестов связан с этим делом!

— А теперь знаете?

— Не ловите меня на слове! Я не знал, не знаю и знать не намерен.

— Но Берестова в обществе преступников видели?

— Я ничего не придумал! Маргарита Потапова может подтвердить!

— Она подтвердила, — сказал рассеянно Вревский, глядя в окно, и Коля не поверил равнодушию следователя. Внутри все сжалось от нехорошего предчувствия.

— Вы ей написали? — спросил Коля, чувствуя, как неестественно звучит его голос.

— Разумеется, — ответил следователь, не глядя на Колю. — Тогда же, когда вы дали свои показания.

Он резко повернулся к Коле и вперил в него тяжелый взгляд.

— Мой долг — проверять сомнительные показания.

— Почему сомнительные? — «И зачем я ввязался в этот разговор, — проклинал себя Коля. — Лучше было бы мне промолчать».

— Потому что они вызвали во мне новые подозрения.

— А почему вы молчали? — нашелся Коля. — Два с лишним года молчали?

Вревский тяжело положил ладони на синие папки.

— Кончим об этом, — произнес он. — Этот разговор никуда не приведет. И те сведения, которые я получил касательно вас, тоже останутся здесь. — Вревский стукнул ладонью по папке. — Из тяжких преступлений, дай Бог, только каждое пятое раскрывается. И то по глупости обвиняемых. Вы же не дурак.

Беккер готов был изобразить негодование — он истинно испытывал негодование. Но потом понял, что следователь ждет именно негодования. Беккер стиснул зубы, глядя на железный сейф.

— Молчите? — сказал Вревский с разочарованием. — И правильно делаете — сколько мы узнаем, когда подозреваемый возмущен!

— Я полагал, что я свидетель.

— Свидетели вон там, по улице ходят. А все, кто попадает ко мне сюда, подозреваемые. И не думайте, что вы — исключение.

Они сидели друг против друга, как старые знакомые, которым не о чем более беседовать, но которые не расстаются, потому что испытывают взаимную неловкость — кто-то должен оказаться менее вежливым и подняться первым.

— А какова судьба Лиды? — спросил после тягучей паузы Беккер. — Вам о ней что-нибудь известно?

— Я был убежден, что они бежали на лодке. Но на море в тот вечер поднялся жестокий шторм. Несколько рыбачьих лодок было опрокинуто. Я полагал, что судьба догнала Берестова и Иваницкую. И искренне удивился, узнав, что этой осенью Берестов объявился в наших краях.

— Андрей не заслужил смерти!

— Что ж — стремясь уйти от одного наказания, мы находим себе другое, куда более жестокое. Не убежал бы Берестов, был бы жив.

— А как он погиб? Я слышал от общих знакомых, но не знаю подробностей.

— Случайный выстрел комендантского патруля.

— А что известно о Лиде Иваницкой?

— Возможно, она мертва. Но так не хочется закрывать следствие!

— Что же вас удерживает?

— Интуиция... нет, не интуиция. Опыт. Я почти уверен, что в самое ближайшее время многое изменится. Произойдут события, которые помогут нам узнать правду. Ведь не бывает идеальных, совершенных преступлений, как не бывает красавицы без изъяна.

— Ну уж тут вы преувеличиваете! — Беккер потерял первоначальную настороженность, как бы развел руки в боксе, забыв о коварстве противника.

— Почему же? Если я вижу совершенную женщину, то думаю, каким же образом ей удалось скрыть неведомый мне пока изъян? И проверяю — не длинна ли ее юбка, не слишком ли густа вуаль?

— А кого вы имеете в виду?

— Вам обязательно нужно, чтобы я кого-то имел в виду? Я могу признаться — но ведь это ничего не изменит.

— Мне любопытно.

— Любопытство не просто порок, но и опасный порок. Допустим, что совершенная красавица под слишком густой вуалью для меня вы, прапорщик. Порой я думаю, что если бы я не увлекся Берестовым, то куда большего достиг бы, обратив внимание на вас.

— Еще не поздно, — сказал Беккер, проводя пальцем по усикам. Жест получился опереточным.

— Не знаю, не знаю, — вздохнул Вревский. — Уж больно времена ненадежные...

— Вы боитесь будущего?

— Я русский человек, — сказал Вревский. — Авось обойдется. Авось государь придумает наступление или французы возьмут Берлин... Впрочем, даже если в нашей богоспасаемой России будет бунт... Следователи и палачи нужны любому режиму.

— На ваше место может оказаться немало желающих.

— Хватит, Беккер. Потрепали языками, и хватит, — сказал Вревский тоном, которому не возражают. — Перейдем к делу.

Они говорили до обеда. Впрочем, это был не разговор — это был допрос, однообразный, ходящий по кругу, изматывающий жертву. Беккер чувствовал, что он теперь жертва, и ненавидел Вревского за эту жестокость и Андрея за то, что тот погиб, избегнув уготованной ему судьбы и как бы подставив на свое место Колю.

Но еще более удивило Колю то, что в разговоре с постоянством, исключающим случайность, стало упоминаться имя Маргариты. Коля был убежден, что Вревский никак не связывает ее с этими событиями, да и не было к тому оснований. Так что же тогда произошло, неизвестное Коле и, может быть, опасное для него?

Ничего, видно, не добившись от Беккера, проголодавшись, Вревский объявил, что прерывает разговор до понедельника 6 марта и просит Колю не отлучаться из Ялты либо возвратиться туда с утра в понедельник.

* * *

27 февраля был последний день империи. Со следующего дня, оставаясь еще императором, Николай уже был бессилен что-либо сделать.

Да и решения его кажутся сегодня робкими, как у больного, который старается убедить себя, что все обойдется, что все не так уж и страшно... В тот же день император написал своей жене: «После вчерашних известий из города я видел здесь много испуганных лиц. К счастью, Алексеев спокоен (Алексеев — начальник штаба верховного главнокомандующего), но полагает, что необходимо назначить очень энергичного человека... Беспорядки в войсках происходят от роты выздоравливающих, как я слышал».

Рота выздоравливающих — нелепый, наивный бабушкин слух — возникла в соображениях императора уже после того, как Родзянко телеграфировал из Думы: «Правительство совершенно бессильно подавить беспорядок. На войска гарнизона надежды

нет. Запасные батальоны гвардейских полков охвачены бунтом... Гражданская война началась и разгорается».

Командующий Петроградским военным округом генерал Хабалов сообщал, что потерял контроль над столицей и верных войск у него не осталось. В Ставке решили сменить генерала и послали Иванова с полком георгиевских кавалеров, словно надеялись ковшиком вычерпать море.

Следом двинулся император. Рано утром поезд поехал к Петрограду, император намеревался взять судьбы страны в свои руки и отправить в казармы мифическую роту выздоравливающих.

Но железная дорога была в руках восставших. Царский поезд после нескольких неудачных попыток прорваться к Петрограду повернул на Псков и замер.

Там царь уже более получал телеграммы, чем посылал их. Он покорно брал ленты, выползавшие из аппаратов. Телеграфировали командующие фронтами:

Великий князь Николай Николаевич требует передачи престола наследнику.

Генерал-адъютант Брусилов умоляет отказаться от престола!

Генерал-адъютант Эверт предлагает передать власть Государственной думе.

В Петербурге верноподданные вожди Думы метались между вариантами власти, стараясь спасти видимость империи, — престол предполагалось отдать Михаилу. Гучков и Шульгин поехали в Псков принимать у царя отречение. В Таврическом дворце заседал уже Петроградский Совет рабочих депутатов во главе с Чхеидзе.

Когда император в своем вагоне подписал Акт об отречении от престола, он сказал окружающим, что хочет попрощаться с матерью и потом уедет на юг, в Крым.

На следующий день, понимая, что революция зашла слишком далеко и сама идея монархии умерла, Михаил также отрекся от престола, и власть перешла к Временному правительству во главе с князем Львовым, представлявшим в Думе Всероссийский земский союз, организацию, что, в частности, заботилась о больных и раненых солдатах и была императором нелюбима.

Министром юстиции в правительстве стал стриженный бобриком трудовик Керенский.

В считаные дни революция победила во всей стране — потому что, как оказалось, империю защищать было некому.

Император еще несколько дней провел в штабном вагоне в

Могилеве. 4 марта из Киева приехала его мать. Погода держалась морозная, но император много гулял.

7 марта новыми властями императору было велено переехать под охраной в Царское Село, там воссоединиться с семьей и ждать дальнейших распоряжений.

Все вокруг совершали поступки. Дурные или отважные, трусливые или талантливые. Император не был способен на поступки. Он ждал обстоятельств, не пытаясь воздействовать на них.

Государя искренне и глубоко обижало то, что он так сразу стал никому не нужен. Даже из газет вылетели упоминания о нем, вытесненные актуальными новостями и реальностью политической борьбы. Поэтому, возвращаясь поездом в Царское Село, Николай Александрович мечтал о торжестве справедливости, о верных долгу и присяге генералах, адмиралах и простых офицерах. Эти люди обязательно соберутся с силами и защитят империю.

В Царском Селе его встретили «душка Аликс и дети», все здоровые, кроме Марии, у которой еще не прошла корь.

Свобода никогда не приходит сразу, в окончательном, порой страшном в своей окончательности виде. Ее первые шаги сегодня пугают своей смелостью, но кажутся микроскопическими уже через неделю.

Существует определенный стереотип развития свободы.

Сначала (этот шаг может быть неожиданным для обывателя) происходит формальный момент революции. Голодные и недовольные выходят на улицу, потому что рассчитывают стать счастливыми.

И они штурмуют Бастилию. Или свергают русского императора.

Бастилия взята. Революция победила. Всем кажется, что свобода безгранична — ничего подобного ранее не случалось.

Император превращается в простого гражданина, а в стране формируется первое правительство.

Правительство тут же начинает подвергаться давлению слева, потому что ожидание сочных плодов революции сменяется растущим разочарованием.

Верноподданные Родзянки и Шульгины недолго удерживаются у власти, потому что эти революционеры недостаточно революционны.

Проходит полгода со дня светлой революции, и она уже никому не кажется светлой и победоносной. Отречение Николая было напечатано на машинке, отречение его брата Михаила напи-

сано от руки. Михаил призывал уже не к улучшению монархии, а к победе Временного правительства Думы. Вскоре ореол легитимности, окружавший монархов, исчезает. Романовы и граждане Капеты становятся обычными заключенными в обычных тюрьмах.

Революции катятся к демагогии и жестокости.

После законопослушных Родзянок у власти несколько месяцев держится куда более левый Керенский, но в октябре он уступает главенство большевикам. Революция озверевала, упившись кровью. Диктатура пролетариата далеко превзошла террор французских якобинцев, но суть движения была одинаковой. И даже казнь монархов, включая членов семей, — знак революционной трусости диктатур: ибо все диктатуры и диктаторы мира едины страхом лишиться власти и погибнуть, и страх этот исходит от того, что они мерят подлость противников собственной подлостью.

Но главное сходство революций в том, что через полгода после их начала любой человек, попавший в их тенета, в силу того только, что жил в городе или стране с такой неладной судьбой, с умилением и ностальгией вспомнит первые недели революции, когда она, как веселая распутная дева, шла по улицам и полям, а гробы с первыми жертвами несли по центральным улицам на вытянутых руках и пели скорбные марши. И революция не только брала, брала, брала, но и обещала дать или даже что-то давала.

В первые дни любой революции раскрываются двери тюрем, выходят на волю заключенные. Даже карманники в такие дни полагают себя жертвами политического террора и надевают алые банты. В первые дни революции самые главные враги народа — полицейские и тюремные стражники. Некоторых из них убивают. Остальные переодеваются в штатское и ждут момента, когда их услуги понадобятся снова. Так и случается, потому что раскручивающейся машине революционного террора необходимы специалисты заплечных дел.

Но упаси Боже попасть полицейскому на глаза революционной толпе в первый, светлый день революции!

* * *

...В Ялте громили здание суда и полицейские участки.

Всем уже было ясно, что в России произошла революция, что она необратима, что царя более нет, и, помимо хождения по городу с красными бантами или повязками, следовало принять ме-

ры по вещественному оформлению революции. Надо было оставить потомкам некое революционное действие, которое будет внесено в учебники истории.

Штурм здания суда с последующим сжиганием дел был в интересах вовсе не революционеров, дела которых были пропуском в бессмертие и должны храниться в музеях, а тем лицам, которые не хотели, чтобы свободные потомки когда-то узнали о слабости духа, продажности, предательстве лиц, числившихся в революционерах. Эту точку зрения разделяли и уголовники, которые понимали, что их делам лучше бы и не существовать. Власть всегда власть — спохватится, снова посадит.

В толпе, что собиралась с утра возле здания суда в Ялте, заводилами были именно уголовники, а может, и тайные полицейские агенты, хотя они вперед не лезли, а шумели из недр толпы.

Ввиду того, что у народа, собравшегося на кривой площадке, еще не было опыта брать штурмом государственные учреждения, то должно было пройти некоторое время, прежде чем штурмующие разгорячатся достаточно для поступков. Так что вначале получился очередной митинг, на котором выступала чахоточная студентка Чернякова, не пропустившая за последние три дня ни одного митинга — ни дневного, ни ночного. Разумеется, до революции она не сталкивалась с ялтинской полицией, ее дела в суде не было, и ее требования разобрать по кирпичику этот символ монархического произвола были бескорыстны. Затем долго говорил гимназист восьмого класса, прирожденный оратор, но дурак. Попытался выступить Косичкин от Городской думы, но его быстро выгнали — толпа постепенно накалялась, потому что дело двигалось к обеду и многим пора было уходить, но без настоящего события уходить не хотелось.

Беккер, стоявший на дальней окраине толпы, вроде бы и принадлежал к ней, и в то же время оставался только свидетелем, несколько раз поглядывал на часы, стараясь мысленно поторопить революционеров, — нетерпение и надежда пробраться в здание суда смешивались с желанием не пропустить дневного пароходика на Феодосию.

В тот день он еще думал, что вернется в свою часть.

Покинув после разговора с Вревским здание суда и прочтя газеты, Беккер понял, что в Петрограде в самом деле бунт превратился в революцию, получая тем самым индульгенцию от истории.

Последующие три дня он провел в нервной нерешительности, разрываясь между желанием сесть на пароход и вернуться в

Феодосию либо укрыться на Кавказе в надежде, что после революции никто никогда не вернется к делу об убийстве Берестова-старшего. Но в то же время Беккер боролся с этим желанием, понимая, подобно простому уголовнику, что дело, лежащее в сейфе, всегда остается бомбой замедленного действия, и тем более опасной бомбой, раз Беккеру неизвестно, что же известно Вревскому. Беккер понимал, насколько важно для его будущей жизни прочесть содержимое двух синих папок.

Сейчас, стоя позади толпы, Беккер придерживал под шинелью большой гвоздодер — он заранее подготовился к сегодняшнему дню.

Надежда, приведшая Беккера на площадку перед судом, зиждилась на том, что газеты и телеграммы со всех сторон России сообщали именно о нападениях революционеров на суды и полицейские участки. В последние два дня люди приходили к суду и искали приготовлений к штурму. Не увидев приготовлений, уходили домой. А вчера наконец-то матросы и солдаты, а также рыбаки из соседних мест разгромили тюрьму и выпустили заключенных. Заключенные были большей частью контрабандисты и мошенники, а также дезертиры, не поместившиеся на гауптвахте. Узнав об этом, Беккер предположил, что нападение на суд и полицию состоится завтра, ибо местный темный люд с разгромом тюрьмы обрел настоящих вождей.

Беккер не ошибся. Толпа собралась с утра, но все никак не решалась на штурм ялтинской Бастилии, теряя время в спорах и призывах, а Беккер боялся, что из Симферополя пришлют жандармов и толпу разгонят.

К счастью для Беккера, проголодавшаяся толпа решила все же пойти на штурм. Начал его подросток в смятом цилиндре, обтянутом красной тряпкой. Его как бы выбросило из толпы, и он легко, почти не касаясь башмаками ступенек, взбежал к дверям затаившегося дома.

Сразу все замолчали, а Беккер сделал шаг назад, ближе к углу дома, понимая, что, если начнется стрельба, он успеет спрятаться.

Парень в цилиндре начал бить кулаком в дверь. Удары получились негромкие, они таяли в зимнем воздухе, разозленные шумом вороны поднялись с деревьев и летали, каркая, над площадью.

— Молчат! — закричал парень, оборачиваясь к напрягшейся толпе. — Трепещут народного гнева!

Толпа ответила утробным гулом, чтобы еще более испугать врагов народа, засевших за толстыми стенами.

Парень ударил плечом в дверь. Дверь была толстая, надежная. Она даже не дрогнула.

Толпа была возмущена трусостью полицейских и судейских. Тут, презрев опасность, к парню подбежала чахоточная Чернякова в лиловой шляпке, и они начали бодать дверь вдвоем.

Толпа подбадривала их криками, постепенно сдвигаясь к входу в суд, оттого что в каждом было желание участвовать, но желание пока робкое, таящееся в недрах толпы. Внутренний напор становился все более цепким и тягучим, пока не разрядился внезапным оглушительным звоном — кто-то из толпы кинул камень в окно второго этажа — стекла вдребезги. На несколько секунд стало совсем тихо, многие даже отступили назад в опасении мести за такой поступок... А потом — по стеклам! Посыпались камни.

Кидали все: и мальчишки, и пожилые дамы. Это было бурное развлечение, и люди спешили кинуть — хоть что-то, хоть кусок промерзшей грязи, — только бы успеть, пока еще остались невыбитые стекла.

Все больше становилось помощников у подростка и чахоточной. Вместе с ними они бились в дверь, но та не поддавалась.

Очевидно, надо было взломать замок, но пока что никто до этого не додумался — может, потому, что во взломе замков есть нечто, противоречащее честному революционному штурму.

Беккер, с нетерпением наблюдавший за этими событиями, уже пришел к убеждению, что в здании суда нет ни души — это чувствовалось и по тому, как покорно разлетались стекла, и по гулкой пустоте, которой отзывался дом на удары в дверь.

И тогда Беккер принял решение, выделявшее его из толпы, потому что оно шло наперекор ее решениям и вкусам.

Протиснувшись за спинами заполнивших площадь людей, Беккер вошел в полуоткрытые ворота за зданием суда. Оттуда во двор. Двор был совсем пуст, и черный ход заперт. Беккер достал гвоздодер, подцепил его острым раздвоенным концом дверь у замка и с натугой вывернул язычок. Дверь распахнулась — быстро и послушно. Внутри было пусто. Шум толпы сюда не долетал. Из революционера, штурмующего Бастилию, Беккер превратился сразу в банального взломщика, которого можно взять за воротник и отвести в участок.

Беккеру хотелось бы попасть в кабинет Вревского раньше, чем в здание ворвутся революционеры, но шансов на то было немного. Единственное, что утешало, — никто, кроме Беккера, не имел уже готовой программы действий.

Поднявшись на второй этаж, Беккер повернул направо по

пустому коридору. Окна коридора выходили на улицу. Осколки стекол устилали коридор, будто лужицы. Они отражали синеву казенных стен и серое небо. С улицы доносились голоса — Беккер осторожно подошел к окну и выглянул наружу, стараясь сделать это так, чтобы самому не попасть кому-нибудь на глаза. Но никто и не обратил на него внимания: толпа утекала, как песок в песочных часах, в открытую дверь — ее только что взломали или открыли.

И тут же шум переместился с улицы внутрь здания, превратился в топот многих ног по лестнице, в хлопанье наугад раскрываемых дверей, крики и голоса, совсем иначе звучащие в казенных стенах.

Беккер испугался, потому что бунтовщики, ворвавшись в коридор, могли принять его за полицейского и невзначай убить.

Он не помнил точно, какая дверь ведет в комнату к Вревскому, и побежал по коридору, стараясь угадать ее или вспомнить номер, и тут понял, что множество сапог и башмаков стучат по коридору, гонясь за ним. Беккер не посмел обернуться — он уткнулся лицом в стену и замер.

Шаги, запах людей и шум дыхания пронеслись рядом и промчались далее — видно, его приняли за своего, взявшего Бастилию чуть раньше остальных.

И когда Беккер увидел спины сотоварищей, он сразу же успокоился и пошел сзади, разглядывая двери. У третьей остановился, потому что узнал ее и вспомнил номер.

Он толкнул дверь, почему-то уверенный, что она откроется, и удивился, обнаружив, что дверь заперта. Беккер стоял в недоумении, забыв о гвоздодере.

На помощь ему неожиданно пришла чахоточная Чернякова, уже обретшая некоторый опыт по штурму Бастилии. Она приподняла юбку, подпрыгнула, сильно и резко ударила подошвой высокого зашнурованного башмака по филенке и пробила ее рядом с ручкой. Для такого подвига ей пришлось взлететь, но тутто ее подстерегла беда — башмак ушел внутрь, а голову потянуло вниз, к полу.

К счастью, Беккер не растерялся, рванул девицу на себя, освободил ее ногу и, подержав некоторое время головой вниз, перевернул легкое и горячее тело — девица ничуть не испугалась.

— Открывайте! — приказала она. — Путь свободен!

— Спасибо, — сказал Беккер, ставя Чернякову на пол. — Вы были очень любезны.

— Мы увидимся... на баррикадах, — сказала девица, впри-

прыжку убегая по коридору — видно, почувствовала, что кому-то еще понадобится ее помощь.

Беккер сунул руку в отверстие в филенке, повернул ручку изнутри, дверь открылась, и он оказался в кабинете, где еще столь недавно был бесправен и напуган, а сегодня вернулся как бы мстителем, хотя его мучитель отсутствовал.

Беккер прошел к железному шкафу и с помощью гвоздодера, помучившись минут пять, взломал его старый замок. Внутри было много синих папок, и Беккер, чувствуя наслаждение от возможности вести себя так, кидал папки на пол. Кто-то заглянул в дырку в двери и крикнул:

— Так их, давай! Жги!

Нужных папок все не было — Беккер уже опустился на корточки, вороша на нижних полках, хотя помнил, что Вревский доставал папки сверху.

Не найдя папок, Беккер принялся ползать по полу, разбрасывая синюю груду папок, лелея надежду отыскать нужную. Папок не было и там.

По коридору бегали люди, кто-то кричал издали:

— Ты керосину неси, керосину! Так быстрее загорится!

Беккер понял, что революционеры решили устроить большой пожар. Но он не мог уйти. Шкаф был пуст. На полу искать бессмысленно. Донесся взрыв криков — радостный взрыв. Беккер понял, что это означает, — удачное начало пожара.

Беккер постарался думать спокойно. Куда еще могли деться папки? Может быть, они в столе?

Ящики стола были заперты. Беккер начал взламывать их гвоздодером и выкидывать из них бумаги, старые растрепанные тома кодексов и уложений. Поднялась пыль.

— Беги! — сунулась черная рожа из коридора. — Сгоришь!

Дым полз в дверь.

Беккер продолжал взламывать ящики. Ящиков было шесть — папки нашлись в нижнем, правом, под пустыми бумагами... Коля уже убедил себя в том, что Вревский увез их в Киев.

Папки остались в кабинете случайно. Вревский намеревался забрать их с собой, надеясь распутать дело. Поэтому спрятал к себе в стол, ключ от которого пока не сдал.

Неожиданно отъезд перенесли на несколько часов вперед — шоффэры суда и комендатуры опасались оказаться на перевале в темноте: по слухам, там подстерегали татарские бандиты.

Поэтому у Вревского не хватило времени вернуться в суд за своими вещами и папками...

Было трудно дышать. Глаза слезились. Беккер выбежал в коридор. Коридор был в дыму, и дым заползал наружу через выбитые окна, отчего воздух быстро перемещался, создавая едкие сквозняки. Впереди грозно трещало. Беккер выглянул в окно — дым закрыл видимость. Но на площади было много народу — любовались делом своих революционных рук. Можно бы выпрыгнуть, но второй этаж высокий, в недобрый час поломаешь ноги.

Беккер сориентировался и побежал к черной лестнице.

Она тоже была вся в дыму, и непонятно, что ждет внизу — выход или столбы пламени?

Беккер решился. Он скинул шинель, закутал в нее голову и побежал по лестнице вниз, стараясь бежать быстро и не задумываясь, лишь бы все скорее кончилось.

Через несколько секунд он оказался во дворе.

Беккер привел себя в порядок и вышел задами мимо военной комендатуры на другую улицу.

* * *

Беккера сжигало нетерпение.

Почти бегом он миновал два квартала, пока не увидел небольшой сквер, где под каштаном стояла черная от влаги деревянная скамейка. Под ней сохранился голубой снег, а вокруг была бурая с зелеными весенними пятнышками трава.

Беккер уселся на скамейку, положил папки на колени. Сверху оказалось дело о дезертирах. В конверте — несколько уже виденных им фотографий убитого солдата. Отдельно — фото раскрытой шкатулки. Протоколы допросов, письма из Симферополя по установлению личностей... дальше, дальше! Коля не стал читать документы, успеется. Он отложил папку и раскрыл вторую, берестовскую. Она была куда толще и потрепаннее первой — видно, ее чаще открывали. Протоколы, записи допросов, фотографии... Коля листал быстро, но тщательно, чтобы не пропустить какой-нибудь важной бумаги.

Листок оказался столь мал и строчек на нем так немного, что Коля проглядел его сначала, не остановившись. И лишь через минуту сообразил, что строчки были написаны крупным, с обратным наклоном, почерком Маргариты.

Милостивый государь!

Вы просите подтвердить показания, которые Вам дал господин Беккер относительно нашей встречи с господином Берестовым в

компании двух пьяниц. К моему глубокому сожалению, вынуждена Вам сообщить, что не имела чести гулять по Симферополю в обществе господина Беккера, которого знаю лишь как приятеля моей подруги. Я не имею представления, о каких пьяницах и каком господине Берестове идет речь, и не знаю, зачем господину Беккеру понадобилось впутывать меня в эту некрасивую историю.

С уважением

Маргарита Потапова.

Одесса. 23 ноября 1915 года.

Коля еще раз перечитал записку Маргариты.

Она его предала!

Ну кто тянул ее за язык?

Ведь Вревский неизбежно должен насторожиться, получив такое письмо. Вот почему он спрашивал о Маргарите во время последнего допроса.

«Маргошка, Маргошка, чего же ты испугалась? Я вовсе и не собирался впутывать тебя в это дело. А упомянул твое имя, потому что хотел, чтобы следователь мне поверил. Ведь мы же с тобой там были?! Мы же видели Берестова! И пьяниц этих — тоже видели! А если мы видели их, не исключено, что и нас кто-то заметил. Так что честность — лучшее оружие».

Впрочем, Беккер не сердился на Маргариту. Она была вправе отречься от него, потому что он не спросил разрешения, прежде чем упоминать ее имя в разговоре с Вревским. Грустно... как быстро проходит женская любовь!

Коля осторожно вырвал письмо Маргариты из синей папки, смял его и хотел было выкинуть, но передумал. Он достал из кармана шинели зажигалку, сделанную из винтовочного патрона, и, зажегши ее, поднес язычок пламени к уголку письма. Письмо легко и весело занялось почти невидным в яркий солнечный день пламенем. И рассыпалось в прах. Лучше, чтобы показаний Маргариты Потаповой не было.

* * *

Когда Коля Беккер по вызову следователя покинул Феодосию, Россия, без сомнения, была монархией, и иные способы управления ею казались делом отдаленного и невероятного будущего. Когда же — менее чем через две недели — он сошел с парохода «Алушта» в Севастополе, Россия уже давно (по крайней ме-

ре так казалось) и окончательно стала республикой, словно никогда и не была в ином положении.

Коля понял, что прошлое не вернется, когда первый камень разбил стекло в здании ялтинского суда и во всей России не нашлось никого, кто постарался бы защитить достоинство империи.

Убедившись в этом, он рассудил, что ему не следует возвращаться в Феодосию. Так может поступить лишь человек, сознательно упускающий свой шанс. Там, в диком углу, революция может означать лишь смену вывесок. Коле были нужны вольные просторы.

Вряд ли можно считать Колю дезертиром, сам он себя таковым не считал, потому что присягал на верность государю императору, который добровольно отрекся от престола. В будущем же Коля не намеревался никому присягать. Если уж государь император не оправдал ожиданий, можно ли ждать защиты от Гучкова?

Итак, в России не было императора, а в Российской армии стало прапорщиком меньше.

В Севастополе Коля рассчитывал на гостеприимство Раисы Федотовны, кондукторской вдовы, у которой был шестилетний сын, любивший дядю Колю. И сама Раиса любила Колю, но никогда не выказывала желания оставить Колю в своем побеленном домике за белым забором у белого тротуара. Впрочем, забор и тротуар были изобретением вечно пьяного и шумного дурака — генерала Веселкина, коменданта Севастопольской крепости, того самого, что хватал, проезжая по Нахимовскому проспекту, гимназисток, не по форме причесанных или одетых, и развозил на коляске по домам. Заборы и тротуары белили, потому что город по ночам не освещался, чтобы его не отыскали рыскающие по морю турецкие подлодки. Зато обыватели находили дорогу домой под светом звезд.

Днем к Раисе идти было нельзя — она работала в магазине готового платья на Николаевской, а мальчика отдавала одной доброй немке, что держала киндергартен — группу детей, с которыми гуляла и обучала их немецкому языку.

Поэтому Коля решил, что он походит по городу, присмотрится, посидит в кафе и заявится к Раисе после шести.

Он не спеша дошел до памятника Корнилову и уселся возле него на скамейке, наблюдая за гуляющими по площади. Матросов было немного, это объяснялось тем, что вице-адмирал Колчак, командующий флотом, не давал командам воли и половина флота у него всегда находилась в море, вторая занималась убор-

ками, ремонтом и погрузкой. Чаще, чем матросы, встречались солдаты из крепостной артиллерии и гарнизонных рот. Они собирались в кучки, оживленно обсуждали что-то, будто спешили все решить, прежде чем вернутся моряки.

Возле Коли остановились, разговаривая, два солдата. Коля отвернулся от них, чтобы не встречаться взглядом. Солдаты не заметили афронта, сели на скамейку, продолжая беседовать, и задымили вонючей махоркой. Революция быстро меняла нравы — посмели бы недавно солдаты днем в центре города усесться на скамью, закурить и даже не спросить разрешения у сидящего там прапорщика!

Солдаты говорили не о революции, а об их артельном, который жулик, пробы ставить негде, и мяса в супе почти не бывает.

Но тут же революция возникла и в их разговоре, потому что солдаты намерены были не только скинуть артельщика, но и отделаться заодно от какого-то штабс-капитана, который всем надоел.

Потребности у солдат были невелики, и Коля подумал, что свержение императора — несоразмерно большая плата за свободу скинуть еще и артельщика.

Никого пока что революция не воодушевила — все ее опасались. В том числе и Раиса Федотовна. Она как раз вернулась со службы, кормила своего сына Витеньку, который несказанно обрадовался дяде Коле, хоть тот и не привез никакого гостинца.

— Какое счастье, — сказала Раиса. — Хоть какой-то мужик дома. Вы надолго?

— Пока на несколько дней, — ответил Коля.

Раиса Федотовна была мягкая, невысокая, склонная к полноте женщина — у нее были длинные и пышные волосы, которые она распускала в моменты ласк и грозила шутя: «Я тебя ими задушу!»

Раиса начала целовать Колю раньше, чем Витенька успел доесть котлетку, Витеньке нравилось, как мама целует дядю Колю, и он не хотел спать, а хотел смотреть, что будет дальше.

Его, конечно, выгнали, уложили, но он, стервец, через час неожиданно вошел с трехлинейной лампой — крошка в длинной, до пят, ночной рубашечке и горящим от любопытства взором.

— Я подслушивал, — сообщил он. — А теперь буду подглядывать. А вы меня будете бить?

Никто его бить не стал — всем стало смешно.

Потом Раиса рассказывала Коле о новой книжке, которую читала, — лечебник о естественном природном исцелении. Коля хотел узнать, что нового в городе, но Раиса только знала, что все

скупают, несмотря на дороговизну. «А один татарин купил смокинг, ты представляешь?»

Под кожей Раисы была мягкая плоть, словно желе, но пахло от нее приятно. Раиса ничего не требовала, зато хорошо кормила и добродушно ворчала, когда Коля забывал вытереть ноги или вымыть руки перед едой.

Коля спал беспокойно — он всегда не высыпался на новом месте. К тому же часа в три Раиса разбудила его влажными поцелуями.

— Еще, мой дорогой, — шептала она, — только Витеньку не буди, он такой нервный.

Утром Коля проснулся от разговора за стенкой, в прихожей. Уже было светло, Раиса ушла. Витенька топал и пел боевую песню. Потом он заглянул и сказал:

— Не спишь, дядя Коля? Ты солдатиков раскрашивать умеешь? А то Мученик совершенно не умеет.

— Какой еще Мученик? — потянулся Коля. Ему было легко и приятно. Кровать была мягкой и нежной, простыни пахли Раисой и лавандой, собственное тело было ловким и послушным.

— Ну тот, который с мамой на кухне разговаривает. Он раньше на этой кровати спал.

— Вместе с мамой? — спросил Коля.

— А то как же, — сказал Витенька. — На всех разве напасешься? У нас другой кровати нету. Вот и приходится думать — то ли со мной спать, то ли с мамкой, а со мной нельзя — раздавите.

Вошла Раиса, в халате, волосы распущены до пояса, от двери ловко дотянулась до Витеньки, дала ему подзатыльник.

— Елисей Мученик приходил, — сказала она. — Все политикой занимается. Я ему говорю — на что вам, евреям, политика? Ведь погромят потом. А он хи-хи да ха-ха. В Ялту уезжает. Говорит, по торговым делам, а я знаю — агитировать.

— Витенька сообщил мне, — сухо сказал Коля, садясь на кровать и спуская ноги.

— Уж он-то сообщит, — ответила Раиса, — недорого возьмет. А ну кыш отсюда!

Раиса присела на кровать рядом с Колей, поцеловала его в щеку мягкими губами. Коля отстранился.

— Не ревнуй, — сказала Раиса, — и пойми: я тебе не жена и не любовница. Ты ведь тоже ко мне приехал, потому что квартира нужна. А Елисей добрый, солидный, эсдек, может, после революции будет большую роль играть. Так что я ему не говорила, что ты у меня есть.

— И на том спасибо, — мрачно сказал Коля. Неприятно было сознавать, что Раиса кругом права. Если бы она прибежала с утра, воскликнула бы, как она любит Колю, предложила бы жить здесь, обещала бы свою верность — ему тоже было бы неприятно. Менее всего он намеревался привязывать себя к этому сложенному из плит, под черепичной крышей белому домику, сопливому мальчику Витеньке и мягкой шелковой наседке Раисе. Но неожиданная в ней трезвость и даже жесткость, освобождая Колю от обязанностей, чем-то унижала.

— И только не вздумай, — сказала Раиса, искренне и весело улыбаясь, — попрекать меня. У меня после мужа никого, кроме тебя и Мученика, не было. На что мне? Вставать будешь? Завтрак на столе.

— Что в городе? — спросил Коля за завтраком.

— Елисей говорит, — ответила Раиса, намазывая ломоть булки ломким, из погреба, маслом и кладя сверху шмат ветчины, — что немцев резать будут. Одного уже зарезали. Или застрелили. А я его спросила: а как вам, евреям? Ведь вас всегда в первую очередь? А он смеется и говорит — нас погодят, потому что мы Россию немцам не продавали.

Коля представил себе этого Мученика, из анекдота — длинноносого, с пейсами, обсыпанного перхотью и говорящего с глупейшим акцентом.

— Говорят, — продолжала Раиса, — что патрули у всех документы проверяют. Как увидят немецкую фамилию — сразу к стенке.

Она посмотрела на Колю, склонив голову. И Витенька, подражая маме, тоже склонил голову. Раиса знала, что фамилия Коли — Беккер — куда как немецкая.

— Я документы дома оставлю, — сказал Коля.

— Ты далеко не уходи, — сказала Раиса. — Неладен час кто заподозрит.

— Я буду осторожен, — сказал Коля. Он понимал, что нельзя сидеть, держась за юбку этой женщины. Революцию не пропускают, даже если кто-то охвачен шпиономанией.

У Раисы были пиджак и пальто, оставшиеся от мужа. Коле уже приходилось в них ходить по улицам, когда он не хотел встречи с патрулем. Но на этот раз наряжаться шпаком в городе, где две трети мужчин — военные, не захотелось.

— К обеду будешь? — строго спросил Витенька, которого собирали гулять на улицу.

— Буду, буду, — сказал Коля, уже не сердясь на Раису.

Та почувствовала, что Коля не сердится, и сказала ему тихо:

— Я Елисею сказала, что теперь ты у меня. Чтобы он больше не надеялся.

Она поднялась на цыпочки и поцеловала Колю в губы.

* * *

У Раисы Федотовны еще недавно был супруг. Этому большому деловитому мужчине нравилось что-нибудь делать руками. Он всегда чинил, строил и почитал своим долгом оберегать Раю от тяжелого труда. Муж был крепким, вечным, и Раиса ночами просыпалась от счастья, потому что можно было потянуться и всем своим мягким телом обволочь это теплое сопящее бревно. Она прижималась к мужу и боролась со сном — казалось греховным тратить на сон минуты такого счастья.

Год с лишним назад муж умер — за несколько минут умер, от разрыва сердца. Раиса так до конца и не поверила в то, что его больше никогда не будет, но первые недели брала с собой в постель Витеньку, так страшно было спать одной. Последнее время у нее появлялись любовники — правда, было их немного, чтобы соседи не особо злобствовали. Ходил Мученик, который говорил, что сделает революцию и станет министром, приезжал прапорщик Коля Беккер. Мученик, как местный, никогда не оставался ночевать, хоть и был вдов. Коля — ночевал. И порой Раиса просыпалась ночью от счастья, что вернулся муж, но оказывалось, что это — Коля. И хоть Коля был вдвое моложе мужа и куда лучше его телом и лицом, никакого счастья не получалось — от Коли не исходило защиты и надежности. Раиса поднималась, шла на кухню и там плакала.

* * *

Коля вышел на улицу — хотел сначала дойти до Нахимовского, купить там газет.

На скамейке у ворот Раисиного дома сидел гладкий, благородный молодой человек романтической внешности — орлиный нос, курчавые черные волосы, карие блестящие глаза. Человек был в широкополой шляпе и крылатке и при всей непохожести на Максима Горького казался почти его близнецом.

При виде Коли человек вскочил и пошел рядом с ним, отставая на полшага.

— Прошу прощения, — сказал Коля, — вы хотите что-то сказать?

— Вы обо мне должны были слышать, — сказал уверенно романтический человек. — Я — Мученик, Елисей Мученик. Я должен вам сказать, что люблю Раису Федотовну, да и давно люблю. Потому я попрошу вас покинуть этот дом, чтобы не ставить под сомнение репутацию дамы моего сердца.

Мученик был гневен, он махал длинными руками, не думая, что его могут услышать прохожие, и в любой момент, как показалось Коле, в его руке мог сверкнуть булат.

В то же время он был нестрашен, как распустивший перья чибис, старающийся отвести от гнезда куда более крупного хищника.

— Простите, — Коля не выносил, когда ему начинали указывать, особенно те, кого он считал стоящими ниже себя, — какое вы имеете право так разговаривать со мной?

— Право любви! — воскликнул Мученик. — Право страданий!

В своем пафосе Мученик был забавен, и Коля великодушно простил его.

— Не суетитесь, — сказал он. — Я уеду. Кончу дела и уеду. Мое отношение к Раисе чисто приятельское — она приютила меня на несколько дней.

— Вы даете мне слово? — воскликнул Мученик. — Вы искренне не претендуете на ее руку? Вы не увезете ее с собой?

Театральность этих восклицаний выходила за пределы разумного. Или Мученик был сумасшедшим, или ломал комедию.

— Слово джентльмена, — сказал Коля, полагая, что Мученику приятно такое выражение, ибо джентльмены дают слово только себе подобным.

— Замечательно, — заявил Мученик куда более трезвым голосом. — Видите лавочку, мы сейчас посидим на ней и выкурим по папироске. У меня хорошие папиросы — я только что привез их из Керчи. Мне приходится немало ездить.

Они уселись на лавочку под каштаном. Было тихо, мирно, никакой революции в этом садике не намечалось.

— Я человек двухслойный, — признался Мученик. — Внешне я солидный и респектабельный торговый посредник. В душе — страстный революционер и романтик. Я еду делать свои дела и зарабатывать деньги. Это для обычных людей. Затем я переодеваюсь, меняю личину и оказываюсь одним из самых страшных революционеров Крыма!.. О нет, не смотрите на меня так, господин прапорщик! Я сам никогда никого не убил, но я организатор.

Люди подчиняются мне, не подозревая чаще всего, что оказываются игрушками в моих руках.

И Мученик показал Коле свои руки — руки музыканта или хирурга. Очень красивые руки.

— У меня прекрасные руки, — сказал Мученик. — Меня долго учили музыке. Считается, что ребенок из небогатой еврейской семьи должен учиться музыке. Я ненавидел ее. Я перекусывал струны в пианино. Я уже в пять лет стал из-за этого революционером. В десять я устроил котел с супом, который упал на голову учителю музыки. Его увезли в больницу с тяжелыми ожогами. Вот так.

— Сколько вам лет?

— Тридцать. Но я проживу еще шестьдесят. В моем роду все страшно живучие.

— А Раиса согласна?

— Она обязательно согласится, — сказал Мученик, запуская пальцы в буйную вороную шевелюру. — Я люблю ее. Я люблю ее безумно и готов ей все простить. Такого тела я еще не трогал! И поэтому я на ней женюсь, чтобы ни один мальчишка вроде вас — вы меня, конечно, простите за резкость — не смел трогать ее грязными руками!

— Но она православная, а вы иудей, — сказал Коля, который совсем не обиделся на Мученика.

— Потому я утроил свои усилия и приблизил революцию. Революция очищающим девятым валом сметет все условности рас и наций, она отменит ваши замшелые религии и предрассудки. Вы хотите жениться на дочке султана — прошу вас, сделайте милость! Раисочка обвенчается со мной в храме революции! Их построят на всех углах.

«Ну и хватит, — подумал Коля. — Он мне надоел. Он и в самом деле думает, что я хочу жениться на этой медузе. А у него, наверное, была толстая мама или горничная, за которой он подсматривал в уборной. Читайте Фрейда и все поймете».

— Желаю успеха, — сказал Коля.

— Вы мне симпатичны, — сказал Мученик. — Я возьму вас к себе! Мы с вами далеко пойдем. Сейчас людям с нерусскими фамилиями лучше числиться среди победителей.

— Вы имеете в виду немцев? — спросил Коля.

— Немцев? А почему бы и нет? В конце концов, должны когда-нибудь взяться за немцев! Почему надо преследовать только евреев?

— Может, это только слухи?

— Слухи? Нет, на этот раз это не слухи. Сегодня ночью чуть было не взорвали «Императрицу Екатерину».

— А при чем тут немцы?

— Злоумышленник мичман Фок покончил с собой, — сообщил Мученик торжественно, будто о кончине императора.

А так как Коля не задал следующего вопроса, а Мученику не терпелось рассказать — не на каждом шагу встречаются слушатели, которые еще не знают самого главного, то Мученик сам продолжил:

— Он спустился в бомбовый погреб, и тут его схватили матросы.

* * *

Распростившись с Мучеником, Коля пошел в центр города, полагая там узнать новости. Газет в киосках не было, и газетчиков тоже не видно. Очевидно, все раскупили раньше.

На улицах было много бездельного народа — правда, матросов почти не встречалось. В большинстве ходили солдаты, гимназисты, чиновники и просто люди разного звания.

Проехал открытый черный автомобиль «Руссо-балт». На заднем сиденье сидел вице-адмирал, еще нестарый, с сухим острым лицом, фуражка надвинута на брови. Адмирал был сердит, не смотрел по сторонам и, когда в толпе раздались приветственные крики, даже не обернулся на них.

Рядом с адмиралом сидел морской офицер, с черной бородкой и выпирающими красными щечками. Офицер что-то говорил, склонившись к адмиралу, крики удивили его, он прервал свою речь и стал оглядываться, не понимая, что происходит.

Картинка промелькнула и исчезла.

— Это кто? — спросил Коля у путейского чиновника, скучного и согбенного, но с красным бантом на груди и красной повязкой на засаленном на локте рукаве шинели.

— Вы не знаете? — удивился чиновник. — Адмирал Колчак. Командующий флотом. Надежды нашей революции связаны именно с ним.

И чиновник вызывающе посмотрел на Колю, будто вызывая его на спор.

Впереди были слышны крики, звук клаксона. Беккер понял — что-то случилось с машиной командующего флотом. Он поспешил туда и был не одинок — звук возбужденной толпы, вместо того чтобы отвратить обывателей, еще непривычных к насилию и исчезновению городового как последней инстанции

при беспорядках, влек зевак к себе. Людям хотелось смотреть — первый этап любой революции театрален, и люди, независимо от степени участия, спешат использовать свое право увидеть и послушать, как делается история, хотя не видят в этом саженцев будущих тюрем и казней.

Беккер увидел, что автомобиль адмирала остановился, потому что улица была перекрыта толпой, в которой черные матросские бушлаты соседствовали с серыми солдатскими шинелями и партикулярными пальто. Правда, шинелей было более всего.

Шоффэр адмиральского авто нажимал на клаксон, но толпа не желала пропускать его, и тогда адмирал Колчак встал, держась тонкими пальцами за переднюю спинку. Голос у него был высокий, в промерзшем воздухе пронзительный.

Крики и требования толпы были уже понятны адмиралу, и он готовился ответить ей.

— Господа! — крикнул в толпу Колчак. Он поднял непропорционально длинную руку. Под ярким мартовским солнцем видно было, что кожа у него матовая, оливковая, и Коле он показался схожим с римским патрицием — крупный, с горбинкой, нос, темные глаза, узкие губы. Будто видел этот портрет в зале римских копий в Эрмитаже. — Господа, я сейчас же направляюсь на «Екатерину»!

Толпа замолчала, схватив машину в плотное кольцо.

— Я так же, как и вы, огорчен известием о смерти мичмана Фока!

Толпа неприязненно загудела.

— Я повторяю — огорчен, потому что этот молодой человек куда больше принес бы пользы Отечеству, если бы сложил голову на поле боя.

— Какому Отечеству? — выкрикнул из толпы солдат в папахе набекрень. — Немецкому небось?

— Какой дурак решил, что мичман Фок — немецкий шпион? Кто подсунул вам эту зловредную сплетню? Ну! Я вас спрашиваю!

Разумеется, толпа не отвечала, но несколько оторопела.

Беккер удивился, увидев, какие плохие зубы у адмирала — они, должно быть, его всегда мучают, — даже на расстоянии двадцати саженей видно было, что в верхней челюсти справа остались лишь черные пеньки. Коля не подозревал, что беда адмирала — следствие голодных, изнурительных путешествий в Ледовитом океане.

— Я даю слово офицера и русского дворянина, — кричал Кол-

чак, — что Павел Иванович Фок такой же русский, как и мы с вами! Он происходит из старой дворянской семьи в Пензенской губернии. Там и сейчас живут его родители и невеста. Они не подозревают еще, что осиротели. Они посылали сюда защитника Отечества и честного офицера. А такие, как вы, затравили его и довели до самоубийства!

Толпа молчала, но за этим скрывалось глухое рычание, почти беззвучное недовольство пса, которого порет хозяин, а пес не может взять в толк, за что на него такие напасти — он же рвал брюки гостю, защищая дом!

— Если мы будем устраивать здесь травлю честных людей, потому что нам не нравятся их фамилии или форма носа, это будет на пользу только настоящим немецким шпионам. Фамилия у настоящего шпиона, скорее всего, будет Федоренко или Иванов. Сейчас, когда Россия переживает годину тяжких испытаний, нас сможет спасти только единство и строжайшая дисциплина. Тогда мы сделаем то, к чему толкает нас историческая справедливость. Мы ударим по проливам, по Константинополю. Перед вами откроются золотые ворота Османской империи... Но если вы будете убивать честных людей — вас возьмут голыми руками. Вперед, к победе! Да здравствует свободная Россия!

— Урра! Да здравствует! — вопила раздавшаяся под напором автомобиля толпа.

Беккер несколько успокоился — в адмирале было некое качество, дававшее ему право распоряжаться людьми. То есть существование Колчака в Севастополе давало надежду на торжество порядка.

Коле захотелось поглядеть на флот, на те корабли, что стояли на якорях в Корабельной бухте. Если повезет, он увидит, как катер адмирала подлетит к «Екатерине».

Стоя на бульваре, перед открывшимся видом на море, Коля понял, что отсюда ему никогда не догадаться, какой из кораблей «Екатерина», а какой «Севастополь». На таком расстоянии размеры съедались и все корабли казались игрушечными. Между кораблями сновали катера, на серой воде замерли ялики рыбаков. В бухту сел неизвестно откуда взявшийся гидроплан. Он затормозил, приподняв носы поплавков, а с кораблей, нагнувшись, глядели на него блохи — матросы.

— Прапорщик! — окликнули над самым ухом.

Коля вздрогнул, резко обернулся. Рядом стоял морской кондуктор, за ним — два солдата-артиллериста.

— Чего надо? — Коля машинально ответил в тон окрику. Он не желал казаться наглым. Так получилось.

— Надо нам твои документы, — сказал один из солдат, и от того, как плохо слушались его губы и какая зловещая, но неуверенная улыбка блуждала на его губах, Коля понял, что он пьян.

— Вы не патруль, — сказал Коля. Получилось посередине — между вопросом и утверждением.

— А вот это тебя не касается, — сказал солдат.

— Простите, — вмешался менее пьяный кондуктор. — У нас революция, господин офицер... Вы тут стоите, смотрите на боевые силы флота с неизвестными намерениями, что вызывает наши опасения.

— Разве мне нельзя смотреть?

— Покажешь документы и будешь тогда смотреть, — сказал второй солдат, скуластый, узкоглазый, похожий чем-то на Борзого и потому особо неприятный Коле.

Первый солдат снял с плеча винтовку. Лениво снял, будто это движение не имело отношения к Беккеру, но в то же время показывая, что именно против Беккера и было оно направлено.

— Нет у меня с собой документов, — сказал Коля. — Зачем мне их таскать, правда? — Ему было неприятно услышать собственный, на октаву выше, чем обычно, заискивающий голос.

— Не повезло тебе, прапорщик, — сказал кондуктор. — Хотел ты — не хотел, но как немецкого шпиона и пустим в расход.

— Ну ладно, пошутили, и хватит, — сказал Беккер.

— А мы не шутим.

— Если вам деньги нужны, у меня немного совсем...

— А вот это усугубляет твою вину, — сказал скуластый солдат.

Кондуктор толкнул Колю в спину, и тот послушно пошел по бульвару. Немногочисленные прохожие смотрели мельком, стараясь не поворачивать головы, не привлечь к себе внимания.

— В экипаж? — спросил первый солдат.

Голос его донесся издалека, словно Коля шел в стеклянном стакане, а все люди, и его солдаты, и те, кто ходил по бульвару, — все остались за пределами этого стакана.

— А может, выведем к морю и капут? — спросил второй солдат. — Очень мне этот прапорщик не нравится.

— Отведем в экипаж, — сказал уверенно кондуктор. — Пускай все будет по закону. Обыщут, если немец или шпион — в расход.

Хоть эти слова тоже долетели издалека, они пронзили тупую покорность Коли. Тот молодой и жаждущий жить человек, кото-

рый спрятался за сердцем, услышал и понял, что именно этого допустить нельзя.

Между тем время шло, и надо было придумать спасение раньше, чем они дойдут до экипажа. Но в голове ничего не было — пусто. Будто он, Коля Беккер, прыгал вокруг запертого дома, стучал в дверь, в окна, но никто не отзывался.

— Ты чего молчишь? — Кондуктору надоело идти молча. Он догнал Беккера. — Тебе что, жить не хочется?

— А что делать? — спросил Коля заинтересованно, искренне, будто кондуктор был доктором, могущим спасти от тяжкой болезни.

— Как что делать? Дать нам документы, доказать, что ты не немец и не шпион ихний, — простое дело! Где у тебя документы?

— Где?.. Дома, — сказал Коля. — Дома лежат. Я же не знал.

— Врет, что не знал, — сказал скуластый, — как же это в военное время в Севастополе без документов? Его нынче из Турции перекинули. — И он засмеялся, словно сказал что-то очень смешное.

— А где живешь? — спросил кондуктор, он и в самом деле почему-то проникся к Коле симпатией, а может, был добрым человеком.

Коля уже знал, что он сделает.

И оттого, что он представил себе собственные действия, стало легче, словно он их уже совершил.

— Есть у меня документы, — сказал Коля, — все есть, только дома лежат. Не верите — два шага пройдем, покажу.

Тут же завязался долгий и пустой спор между конвоирами, потому что одному из солдат лень было идти, он вообще хотел в экипаж. Второй склонялся к тому, чтобы Колю расстрелять. Говорил он об этом громко, чтобы слышали прохожие. А кондуктор решил было отпустить пленника. Но, на несчастье Коли, к ним тут прибился худой телеграфист с красным бантом, который стал требовать соблюдения революционной дисциплины. В конце концов один из солдат отстал, а его место занял телеграфист.

Телеграфист стал рассказывать, как мичман Фок взорвал «Екатерину», и, хоть слушатели отлично знали, что «Екатерина» стоит у стенки и ничего плохого ей мичман Фок не сделал, слушали они внимательно, будто хотели этим показать: знаем-знаем, на этот раз не удалось, а на следующий — мы не допустим.

У Коли был ключ от квартиры Раисы. Он открыл дверь. Витеньки, к счастью, не было дома, самой ей рано было возвращаться.

— Погодите здесь, — сказал Коля, — натопчете.

— Нашел глупых, — обиделся телеграфист. — Мы тут будем стоять, а ты через окно — и бежать.

— Тогда снимайте сапоги, — сказал Коля. — Это не мой дом.

— Ничего, — сказал телеграфист, который был агрессивнее остальных, потому что не был уверен, что его принимают всерьез. — Вымоешь.

И он решительно пошел в гостиную. Там осмотрелся и заявил:

— Богато живете!

Раиса жила небогато, каждому ясно, но телеграфист был готов увидеть богатое шпионское лежбище и увидел его.

— Давай неси, — сказал кондуктор. Они с солдатом остались у дверей, чтобы не наследить. Но от телеграфиста остались грязные следы на половиках и половицах.

Коля прошел в спальню, там на стуле стоял его саквояж.

Он вынул документы и протянул их кондуктору.

Когда кондуктор читал их, из залы вернулся недовольный телеграфист.

— Сколько можно ждать? — спросил он.

У Коли мелькнула мысль, что телеграфист задерживался, чтобы что-нибудь реквизовать. То есть свистнуть. Но некогда было выяснять — кондуктор рассматривал документы. Что-то ему не понравилось.

— А фото? — спросил он наконец.

— Фотографию у нас не клеят. С будущего года обещают.

— Покажи-ка, — велел телеграфист. Он поднес к носу, обнюхивал по-собачьи книжку в серой обложке, взятую Колей в синей папке — деле об убийстве Сергея Серафимовича. — Студенческий билет. Ясно. Берестов, Андрей Сергеевич.

— Чужие документы, — сказал солдат. Он их не читал, даже не глядел на них. Может, ему хотелось уйти, может, расстрелять Колю.

— А что еще? — спросил кондуктор.

— Ну вот, вы же видите — проездной билет. Единый. На мое имя. Московский трамвай.

— А кто подтвердить может, что ты — это ты? — спросил кондуктор.

— Сейчас никого дома нет. А вы приходите вечером.

— Вечером он предупредит, — сказал телеграфист, продвигаясь к двери. — Вечером он всех подготовит.

— Ну что я могу поделать? — Коля обезоруживающе улыбнулся кондуктору, которого выделял и уважение к которому подчеркивал.

— Пошли, — сказал кондуктор. — Чего мы к человеку пристали.

— Я в Симферополе живу. В Глухом переулке.

— И в самом деле, — сказал телеграфист.

«Что же он уволок? — думал Коля. — Ведь Раиса подумает на меня».

— Нет, я думаю, раз уж столько времени потеряли, — сказал солдат, — поведем его в экипаж. Там проверят.

Этот момент нерешительности разрешила своим неожиданным появлением Раиса.

Она открыла дверь в прихожую и увидела, что там стоят незнакомые люди.

Ей бы испугаться, но законы революции, позволяющие вооруженным людям входить в любую дверь и брать что им вздумается, включая жизнь любого человека, эти законы еще не были усвоены Раисой. Впрочем, они еще не стали законами и для тех, кто привел Колю.

Коля от звука ее голоса сжался. Еще мгновение, и она убьет его. Убьет, не желая того. Сейчас она скажет: «Коля».

— Это я! — почти закричал Беккер. — Это я, Андрей. Ты слышишь, Рая? Это я, Андрюша! Меня на улице задержали, документы потребовали, а у меня с собой не было.

Сейчас она удивленно скажет: «Какой еще Андрюша?»

Но Раиса скорее чутьем, чем умом, угадала, что надо молчать. В доме опасность. Угроза.

Телеграфист уже вышел в прихожую и, задев Раису, пошел к двери. Та отстранилась, чтобы пропустить его.

И тогда солдат, самый недоверчивый, спросил:

— А как будет фамилия твоего постояльца?

— Чего? — спросила Раиса.

И в тот момент Коля понял, что же взял телеграфист.

И в этом было спасение.

— Держи вора! — закричал он. — Держи вора! Он серебряную сахарницу со стола унес!

А так как видимость законности еще сохранялась, то телеграфист кинулся к двери и замешкался, спеша открыть засов. Раиса сразу сообразила — вцепилась ему в плечо. И тут уж было не до документов, потому что телеграфист выскочил на улицу и побежал, высоко подбрасывая колени. Раиса неслась близко за ним, но все не могла дотянуться, а Коля бежал за ней, понимая, что с каждым шагом удаляется от опасности. Правда, и кондуктор с солдатами топали сзади, но Коля понимал, что не он уже цель их погони.

Впереди показался господин в распахнутой шубе, похожий на Шаляпина, он ринулся к беглецу, чтобы помочь преследователям. Телеграфист увернулся и выкинул сахарницу. Сахарница была круглая, без крышки — крышку потеряли уже давно. Она покатилась по камням мостовой, Раиса побежала за ней, а кондуктор и солдат обогнали Колю и скрылись за углом, преследуя телеграфиста.

Коля дошел до угла и увидел, что они все еще бегут, огибая встречных.

Раиса стояла, тяжело дыша, прижимала сахарницу к груди.

— Зря я тебе ключи дала, — сказала она.

— Скажи спасибо, что я живой остался, — сказал Коля.

— Спасибо, только не тебе, а мне. Может, еще чего в доме украли?

Оказалось, что ничего больше телеграфист украсть не успел, зато наследил, и Раиса была недовольна, даже не смеялась, когда Коля попытался юмористически рассказать, как воспользовался случайно найденными документами какого-то Берестова. Коля стал целовать Раису, но та уклонилась от ласк, сказав, что сейчас из киндергартена придет ее Витенька.

Но ближе к вечеру они помирились.

* * *

5 марта командир «Екатерины» напечатал в «Крымском вестнике» письмо, в котором сообщал, что мичман Фок Павел Иванович — чистый русак из Пензенской губернии. Там же говорилось, что в ночь с третьего на четвертое, будучи на вахте, мичман проверил часовых в подведомственной ему носовой орудийной башне. Затем он хотел спуститься в бомбовый погреб, но часовой, не доверяя немцам, не пустил Павла Ивановича. Часовой был напуган недавним взрывом на «Императрице Марии», взрыв был именно в бомбовом погребе. Говорили, что это дело рук немецких шпионов.

Павел Иванович, получив такой грубый отказ, счел свою офицерскую честь полностью погубленной. Он поднялся к себе в каюту и тут же застрелился. Но застрелился не потому, что в самом деле испугался разоблачения, как говорили досужие сплетники в городе, а в глубоком душевном расстройстве.

Более того, командир дредноута сообщил, что торжественные похороны мичмана Фока по постановлению команды состоятся 6 марта в десять утра.

* * *

Следовало пережить 5 марта.

Пережить — значит выиграть партию в игре, где ставка — Россия.

Окно выходило на площадь, было раннее утро — даже бездельников и зевак на площади еще не было: соберутся через час-другой.

Перелом в судьбе должен был свершиться именно сегодня. Все, что делалось дальше — по мере свободы и инициативы, — было задумано другими, и славу тоже делить с другими. Когда приехавший якобы на отдых генерал Жанен, соглядатай Клемансо, воодушевляясь, слушал планы Колчака и по карте следил за воображаемыми движениями флота и десантов к Константинополю, он делал вид, что заслуга в этом плане принадлежит именно деятельности и энергии Александра Васильевича, но тот-то знал, что решения принимаются даже не в Петрограде — скорее в Париже.

Сегодня будет не только испытание его силы и умения управлять людьми, но и его стратегического чутья.

В России два флота — Балтийский и Черноморский. Остальное — флотилии, не стоящие упоминания. Даже если они называются Тихоокеанским флотом, так и не пришедшим в себя после Порт-Артура. Балтийский флот вроде бы главный — под боком императора, на виду. Но всю войну простоял на якорях. Кроме экипажей субмарин да тральщиков, мало кто нюхал порох. Флот без цели — флот, наверняка уже разагитированный социалистами, готовый к слепому бунту и в будущем, — страшная опасность для порядка в государстве — за три года безделья и мужеложства по кубрикам и гальюнам из балтийских моряков создались отряды черных убийц. Об этом Александр Васильевич говорил Жанену и Ноксу, старался убедить их. Но союзные представители только вежливо кивали, не давая себе труда задуматься. Согласился только генерал Алексеев, но станет ли он реально главковерхом — одному Богу известно.

На Черном море он, Александр Васильевич, сознательно и последовательно проводил в жизнь разработанную программу. У него была великая цель, цель настоящего флотоводца и вождя — отнять у Турции проливы. То, что не удалось князю Олегу, удастся Александру Колчаку. Этой идее Колчак был предан с момента своего вступления в командование Черноморским флотом и до последнего дня на этой должности. В отличие от десятков куда более заслуженных и высоких чинами генералов и адмиралов, князей и министров Александр Васильевич отлично понимал, что страна движется к пропасти и единственное, что может остановить ее от падения, — это победа в войне. Победа спишет все — после побед революций не бывает. И если удастся выиграть эту гонку — они толкают к пропасти, а мы оттягиваем оттуда, — будет спасена империя. Империя, республика — не суть важно, хоть Колчак и не считал себя демократом, рассуждая, что демократия хороша для европейских стран, где хабеас корпус и прочие законы о личности уже пятьсот лет как существуют и любой швейцарец скорее поставит яблоко на головку сорванцу, чем поступится свободой. В России нужна твердая рука. Рука, которая приведет к порядку, потому что даже в Англии сначала был Вильгельм Завоеватель, а лишь через много лет — парламент.

Поэтому Александр Васильевич завел на флоте строгие порядки и поддерживал их неуклонно, добиваясь одного: матрос должен быть сыт, но занят, занят так, чтобы ни минуты свободной, чтобы отработал — только спать! Но сыт.

Флот был поделен на отряды. Отряды поочередно уходили в крейсерство, до самых турецких и болгарских берегов, несли охранение, проводили стрельбы. Как только возвращались в Севастополь, тут же начиналась погрузка боеприпасов и угля, уборка и ремонт — и так до следующего выхода в море. Матросы редко выходили на берег — это объяснялось войной. И не бунтовали. И даже не было среди них столько агитаторов и недовольных, как в пятом году, когда восстал «Князь Потемкин». Правда, Александр Васильевич был не столь наивен, чтобы полагать, будто на флоте все идеально и что Севастополь, бастион порядка, устоит в море бунтов, готовых охватить Россию. В частности, адмирал с опаской поглядывал на город, где, словно тифозные микробы, вылезали на свет мастеровые многочисленных морских и иных фабрик и мастерских, запасники и резервисты, а также солдаты береговых частей. Так что водораздел проходил не только между Севастополем и Россией, но и внутри Севастополя — между флотом и берегом.

Печальный инцидент с мичманом Фоком, хоть и был улажен, на самом деле ничего еще не решал. Вечером Колчаку доложили, что в городе происходят аресты лиц, коих подозревают в немецком происхождении. В городе подготовлены манифестации. Именно завтра и следует противопоставить анархии порядок.

Чепуха, чепуха... Александр Васильевич все стоял у окна, не замечая, как течет время. Всю жизнь он презирал Романовых, всегда надеялся на то, что скоро они исчерпают свою карму и па-

дут, потому что веревки, которыми привязаны эти гири к ногам народа, уже сгнили. И уж кого-кого, но Александра Васильевича нельзя было заподозрить в приспособлении к обстоятельствам. Милая, талантливая Аня Тимирева могла бы подтвердить, что еще в конце прошлого года он писал ей, «что готов был приветствовать революцию, которая установила бы республиканский образ правления, отвечающий потребностям страны». Он был искренен — он всегда был искренен с возлюбленной. Но не всегда договаривал до конца. Колчак был убежден, что России нужен республиканский строй, чтобы он успел ворваться в Дарданеллы и прибить свой червонный щит к вратам Царьграда: красный цвет — цвет власти.

Придется стать паладином революции — раз уж нет иных на эту должность. Еще несколько дней назад даже для себя самого эти мысли были табу — запечатаны семью печатями. А сегодня? Сегодня можно спокойно и трезво взвесить шансы на будущее основных деятелей России. Сила человека определяется не только и не столько его способностями и амбициями, как той поддержкой, на которую он может рассчитывать. Корнилов популярен в армии, в ее правом крыле, но за исключением ударного полка не имеет частей, непосредственно ему подчиненных и верных. Рузский и Брусилов — штабные полководцы, скорее исполнители, чем вожди. Вице-адмирал Максимов, командующий Балтийским флотом? Он ничем не командует... А вожди политические? Лидеры эсдеков — говоруны либо темные лошадки, скрывающиеся по Ментонам и Базелям, — вряд ли у них есть поддержка более чем нескольких сотен таких же заговорщиков. Эсеры — Чернов? Спиридонова? Крестьяне могут клюнуть на их призывы отдать землю, но крестьянство — слишком расплывчатая категория. В России оно ни на что не способно, кроме вспышек слепого бунта. Остаются правые. Дума. Родзянко. Милюков. Гучков. О либералах вроде Львова и Керенского можно и не думать — они ничтожны...

Как ни поверни — в России нет лица, имевшего бы организованную и дисциплинированную поддержку, подобную той, что имеется у Колчака в Черноморском флоте. У Колчака. Он думал о себе в третьем лице, отстраненно, будто читал книгу о жизни великого человека... А не поздно? Тебе сорок семь, Александр Васильевич, у тебя неладно со здоровьем, в тебе нет того задора и силы, как десять лет назад.

Но отказаться от исторического шанса спасти Россию, повернуть ее историю в спасительном направлении — значит не выполнить предначертания судьбы, а за это судьба жестоко отомстит.

— Жребий брошен, — сказал Александр Васильевич вслух и оглянулся — не слышит ли кто. Но он был в кабинете один.

Александр Васильевич взял со стола колокольчик. Звон его был мелодичен, но проникал за много стен. Адъютант тут же появился в дверях.

— Все ли в порядке? — спросил Колчак.

— Как вы приказали, Александр Васильевич, — ответил адъютант.

— Через час?

— В десять ноль-ноль, — сказал адъютант.

* * *

В десять ноль-ноль утра 5 марта вице-адмирал Колчак и прочие высшие чины Севастополя и Черноморского флота закончили слушать литургию, совершаемую в Николаевском соборе епископом Сильвестром. После этого процессия крестным ходом двинулась от собора на Нахимовскую площадь, к Графской пристани.

Здесь уже были выстроены для парада сводные команды кораблей, запасной полк, а также отряды гимназистов и реалистов. Народу собралось множество. Хоть о параде стало известно лишь в восемь утра, но народ в городе уже несколько дней ждал какого-то большого праздничного события, которое было бы достойно революции и душевно бы соответствовало ей.

Именно потому Колчак и устроил парад с молебном и оркестрами. Инициатива в решениях должна была исходить от него, потому что в ином случае нашлись бы желающие взять власть в свои руки.

Мартовский день выдался солнечный, даже припекало. Зеленая трава выбивалась на косогорах и на бульваре... Солнце отражалось в воде, и было весело.

Там же, на Графской пристани, епископ Сильвестр отслужил молебен во славу народного революционного правительства и всего российского воинства. Затем, когда священнодействие закончилось, он позволил адмиралу перейти к следующему этапу праздника.

Александр Васильевич пошел вдоль строя матросов и солдат, останавливаясь, и громко, высоким, пронзительным, слышным по всей площади голосом, выкрикивал:

— Народному правительству — ура! Верховному главнокомандующему — ура!

Матросы, солдаты, а особенно гимназисты весело и дружно подхватывали: «Уррра! Ураааа...»

Завершив обход войск, Александр Васильевич поднялся на ступени Морского собрания, откуда и принял парад. Оркестр играл церемониальный марш, части с различной степенью выучки разворачивались и проходили по площади мимо адмирала. Колчак стоял на шаг впереди остальных генералов и офицеров, держа ладонь под козырек черной фуражки. Тонкие губы были тесно сжаты.

Обывателям, которых накопилось уже несколько тысяч, зрелище парада было по душе. Многие стояли, украшенные красными бантами и розетками, над толпой виднелись два или три красных флага. Но ни Колчак, ни иные лица, принимавшие парад, никаких бантов и ленточек себе не позволяли — тем более что пока и не было указаний из Петрограда по части дальнейшей судьбы армейского церемониала.

Когда последний отряд реалистов, сопровождаемый оркестром, прошел мимо собрания и площадь опустела, если не считать зрителей, не спеша расходившихся по домам, потому что было уже около часа и пора обедать, Колчак обратился к стоящим ближе прочих генералу Веселкину и епископу Сильвестру и произнес благодушно:

— Кажется, мы успели.

Глупый Веселкин хохотнул, не поняв, чего же успели, и сказал:

— Пора, пора, желудок пищи просит!

И сам захохотал.

— Свой долг перед революцией мы сегодня выполнили, — заметил ехидный Сильвестр, и остальные вокруг засмеялись.

— Впрочем, вы правы, — позволил себе улыбнуться Колчак. — Мы заработали обед. Революционерам уже поздно начинать демонстрации.

Он был уверен, что достаточно долго отвлекал внимание горожан и нижних чинов.

* * *

В час уехали обедать к Веселкину, полагая, что праздником революция завершилась. Но не учли, в том числе и умный Александр Васильевич, что дальнейшие события могут включать

иных участников, вовсе не тех, что прошли парадом или отхлопали в ладоши.

Пока шел обед, сложилась иная ситуация.

Бухта была буквально наполнена шлюпками, катерами, яликами, баркасами — шло первое воскресенье после революции, и если в будний день матроса можно заставить красить палубу или грузить уголь, воскресный день — святое дело, отдых. На то есть закон и порядок.

Всю неделю матросы на кораблях питались слухами и случайными новостями. Все жаждали узнать — что же случилось. Ведь если революция — это нас касается или нет?

Матросы сходили на Графской пристани, встречали знакомых из других команд и экипажей, мало кто спешил на свидание — наступал день политики, а не любви. Даже для самых от политики далеких, даже не знавших, что такое политика, новобранцев.

Обычно матросы, сходя на берег, на Графской пристани или Нахимовском не остаются — зачем маячить на глазах у начальства? Они переходят туда, где тише, — на Исторический бульвар, а то в Татарскую слободку или на Корабельную сторону, к полуэкипажу.

К полуэкипажу тянулось больше всего народу. Там, на громадном плацу, окруженном казармами, и оставались. В полуэкипаже народ самый осведомленный, они не грузят уголь, к ним попадают газеты — они на берегу.

Почему-то Александр Васильевич, который все старался предусмотреть, объединяющей роли полуэкипажа не учел, как не учел и святости воскресного дня. Впрочем, если бы учел — может быть, задержал бы течение революции в Севастополе на день-два. А потом все равно колесо судьбы, катившее по России, взяло бы свое — и закрутило бы и Севастополь, и Черноморский флот, и весь Крым так же, как это случилось во всех других городах и гарнизонах.

Часам к трем во дворе полуэкипажа скопилось несколько тысяч человек — большей частью матросов. Но было немало солдат и портовых рабочих. Чтобы ощутить силу, хотелось быть вместе со своими. И когда своих стало много, потом очень много — ощущение силы пронизало весь плац. Ораторы, которые поднимались на большие ящики, стащенные на середину плаца, сначала говорили то, что узнали из газет, — говорили о Петрограде. Но вскоре оказалось, что революция имеет иное понимание — кто-то первый вдруг выкрикнул:

— А у нас революции нету! Ее адмиралы в кармане держат!

Толпа радостно загудела — эти слова были важнее, чем то, каков состав Временного правительства в Петрограде.

Ораторы выстроились в очередь. Толпились, спешили сказать. Всех слушали, если недолго. Ораторы произносили слова, которые можно говорить жене или другу, но вслух, для всех, с трибуны их никогда не произносили и не думали, что будет возможно.

К невозможному в политике человек привыкает за несколько минут. Шок короток — как, неужели это и мне можно? На глазах рождаются ораторы, никогда ранее не витийствовавшие за пределами своего кубрика, а оказывается, вполне приемлемые ораторы, потому что куда лучше Гучкова или Шульгина отражают желания тех тысяч, что стоят вокруг разинув рты, слушают, удивляются сопричастности к великим делам.

— На улицах городовые, как при царе!

И царь уже далекое историческое прошлое, хоть и прошло-то три дня, как его скинули.

— А политических еще из тюрем не выпустили! Куда это годится?

И уже в углу плаца собрались, создают комиссию по освобождению заключенных.

И наконец кто-то, солдат, выкрикивает самую крамолу:

— Вызвать сюда Колчака! Пускай ответит народу, что это делается!

Эта крамола пришлась по душе — потому что иначе получался тупик. Говорили о безобразиях друг другу — и никто не слушал. Значит, все так и останется? А вот если вызвать Колчака, если сказать ему всю правду, командующий послушает, и что-то произойдет.

Никто на плацу еще не понимал, что само обращение к Колчаку как к инстанции, которая обязана распоряжаться, принимать меры и командовать, подразумевает подчиненность этой массы людей адмиралу. Никто еще не решался объявить себя или себе подобных инстанцией решающей — себе подобные оставались пока просителями.

В той части толпы, что была ближе к казармам, произошло возмущение, словно по ней пробежала волна — центром волны был невысокий человек в черной фуражке, его выталкивали толпой к трибуне и наконец выбросили на ящики. Человек оказался капитаном первого ранга со странной фамилией Гсетоско, который служил командиром полуэкипажа и по требованию активистов только что говорил по телефону с адмиралом Колчаком, который вернулся в Морской штаб после обильного веселкинского обеда. Александр Васильевич сам взял трубку...

Каперанг Гсетоско говорил сбивчиво, был напуган, хотя Колчак знал его как рассудительного, спокойного человека. Он произносил «митинг», «президиум», «представители», и Александр Васильевич старался не показать раздражения и в то же время внушить собственной выдержкой спокойствие растерянному каперангу.

— Передайте членам президиума, — говорил Александр Васильевич тихо, а Гсетоско тут же повторял слова набившимся в комнату людям, — что я поручаю вам, господин капитан первого ранга, ознакомить публику с текущими событиями и положением дел в столице. Сам же я занят неотложными делами и не смогу приехать.

Отказ адмирала вызвал гнев толпы. Гсетоско заперли в кабинете, а двух лейтенантов послали в Морской штаб гонцами.

Толпа вовсе не намерена была расходиться, и в ней возник уже спортивный азарт. Ей нужен был именно Колчак — никто другой. И иные кандидатуры отвергались немедленно — требовалось переспорить самого адмирала.

Противостояние кончилось тем, что на плац гневно ворвался «Руссо-балт» адмирала.

Колчак поднялся на сиденье раньше, чем остановился автомобиль, и потому сразу оказался выше ростом, чем остальные. Так с автомобиля он и говорил — не так громко, — многим не было слышно, но все молчали, откричав торжествующе: «Колчак приехал! Ура! Наша взяла!» — и, придя в благодушное настроение, замолчали и слушали адмирала, полные милосердия к поверженному противнику.

Александр Васильевич полагал, что само его появление успокоит толпу. Потому он сухо и быстро сказал, что не имеет новых вестей из столицы, а завтра, по получении новостей, разошлет их по кораблям.

Больше говорить было нечего, и Колчак собрался — и все это увидели — приказать шоффэру ехать прочь. А ехать-то надо было через толпу — автомобиль стоял почти в центре плаца.

От этого жеста или намерения жеста в толпе, расходясь к ее краям, пошел недовольный гул. Получалось, будто Колчак приехал только для того, чтобы сделать выговор за непослушание.

Гул все рос, а толпа начала напирать на автомобиль. На ящик взобрался телеграфист и кричал:

— Пускай господин адмирал выскажет свою точку зрения на нашу революцию!

Колчак пытался, надеялся переждать зловещий, в несколько тысяч глоток гул, но сдался, и не потому, что оробел, а за отсутствием опыта таких встреч. До того он встречал толпы матросов разведенными по шеренгам. И он заговорил, а толпа затихала, стараясь уловить те, особенные слова, что доступны командующему:

— ...Мое мнение заключается в следующем: в данный момент и в той обстановке, которая нас окружает, нам не следует предаваться излишней радости и спешить с необдуманными решениями.

По мере того как Колчак успокаивался и замирала толпа, голос адмирала крепнул, а площадь, в старании слушать, становилась покорной.

— Вам известно, что война не кончена, армия и флот должны вынести максимум напряжения, чтобы довести ее до победного конца. Враг еще не сломлен и напрягает последние усилия в борьбе. Если мы это забудем и все уйдем в политику, вместо победы мы получим жестокое поражение. Боевая мощь флота и армии должна быть сохранена. Матросы и солдаты должны выполнять распоряжения офицеров! Это будет залогом наших успехов на фронте!..

Когда Колчак закончил свою короткую речь, на площади еще некоторое время царила тишина, так как неясно было, как же адмирал: за революцию или за что еще?

Но что положено делать, никто не знал, пока из толпы не донесся отчаянный крик, будто человека озарило и он боялся, что упустит момент и не успеет сделать самое важное.

— Телеграмму! — вопил надтреснутый голос, перебиваемый кашлем. — Телеграмму!

— Телеграмму! — подхватили люди, тысячи глоток.

Колчак был растерян. Он не сразу понял, даже наклонился к флаг-офицеру, который сидел рядом с шоффэром. Тогда Колчак облегченно улыбнулся.

Он поднял длинную руку.

— Я с радостью разделяю... — закричал он, и на этот раз голос адмирала завладел всей площадью. — Я разделяю ваше стремление. Сегодня же будут посланы в Петроград телеграммы, в которых будет выражена твердая поддержка Черноморским флотом Временного правительства. Завтра же телеграммы будут напечатаны в газетах!

И тут толпу охватило облегчение: главное было совершено — было принято решение. Было достигнуто единство!

Отъезжавшего Колчака провожали криками «ура!», вверх летели бескозырки и папахи.

Александр Васильевич уже не верил, что в Севастополе будет мир, и понимал, что его отъезд, какими бы криками ни провожали его матросы и солдаты, вызовет не успокоение, а новые сомнения и стремление участвовать и далее в великих событиях, хотя никто толком не знал, как лучше это сделать.

Колчак домой не поехал, а уединился в своем кабинете в Морском штабе, потому что там была связь с Петроградом, хотя, впрочем, из Петрограда не поступало достойных внимания вестей. Там революция по случаю воскресенья отдыхала, упиваясь недавней победой.

* * *

Коля Беккер робел выходить в город, но Раисе, умаявшейся за день за уборкой и готовкой, хотелось погулять по свободной России, и она сказала Коле, что рассчитывает на его общество.

Коля, размякший после сытного южного обеда под домашнюю настойку, попросил только, чтобы прогулка произошла попозже — ему хотелось спать. Раиса не стала спорить. Они не могли лечь вместе, потому что в любой момент мог прибежать с улицы Витенька, и Коля был тому рад — он как провалился в сон.

Раиса разбудила гостя через полтора часа, она была в нижней рубашке и горячими щипцами завивала волосы. Коля с облегчением подумал: какое счастье, что эта женщина — не его жена, что он может в любую минуту уйти отсюда и забыть Раису. И сознание такой свободы было приятно и даже расположило к этой толстеющей вульгарной мещанке. Пускай это сокровище достанется Мученику.

Когда Коля, наученный горьким опытом, хотел было надеть пиджак, Раиса воспротивилась — она хочет гулять с офицером. На его опасения она ответила с ухмылкой:

— Ангел ты мой! Так кто же в Севастополе посмеет моего мужика тронуть?

Как ни странно, эти слова убедили и успокоили Колю. Он сам был родом из небольшого города, в котором некоторые фигуры, вроде бы и не имеющие официального статуса, пользовались полной неприкосновенностью и авторитетом.

Так что Коля отправился гулять по вечернему Севастополю

под руку с Раисой — в бумажнике студенческий билет Андрея Берестова и его же единый билет на московский трамвай.

Билет Берестова был взят Беккером из синей папки, где в числе прочих дел лежал конверт с бумагами арестанта Андрея Берестова. Разумеется, убегая, Берестов взять их не мог. Вначале Беккер не намеревался каким-либо образом использовать чужие документы, но обстоятельства заставили его это сделать. Оказалось, что этот шаг, предпринятый в минуту отчаяния, в самом деле вполне разумен. Революция должна дать возможность начать новую жизнь. Надо раствориться, стать незаметным, обыкновенным, как все, и именно с такой позиции можно двигаться вперед. И куда лучше быть Андреем Берестовым, нежели Николасом фон Беккером. Думая так, Коля усугубил свое положение — фон Беккером себя называл только он сам.

Был вечер, стало примораживать, на лужах, что натекли за день, появился хрустящий лед. К шести большие толпы собрались на Историческом бульваре, у городской управы. Городская управа заседала, и люди хотели знать, какие будут решения. По обе стороны толпы скопилось немало трамваев, пролеток и автомобилей, которые, не в силах пробиться, уже устали звонить и гудеть. Но толпа шумела так, что гудков не было слышно. Время от времени на верхней ступеньке управы появлялся кто-либо и сообщал, как идет заседание в Городской думе.

Когда Коля с Раисой под руку подошли к толпе и даже вклинились в нее, насколько можно было, в дверях появился красный, распаренный городской голова Еранцев, на груди которого, поверх жилета, висел на цепи серебряный знак.

Еранцев умолял людей не мешать работе, утверждал, что Дума принимает меры — все жандармы будут арестованы и полиция разоружена. Но из толпы уже требовали разоружить и всех офицеров, потому что хороший офицер — это мертвый офицер.

Услышав эту филиппику, в толпе засмеялись, и соседи спрашивали: «Что он сказал?», «Что там сказали?» Фразу передавали, и она катилась по площади до трамваев, и все смеялись. Коля впервые услышал смех, вызванный предложением кого-то убить.

— Может, пойдем отсюда, а? — спросил Коля.

— Погоди, раз уж пришли, — ответила Раиса.

— Мы непрерывно вызываем по телефону господ Колчака и Веселкина! — кричал потный Еранцев. — Но в Морском штабе никто не берет трубку.

Еранцев ушел внутрь, на ступеньки поднимались люди из толпы — лица их в сумерках были плохо различимы, а свет на

улице не зажигали. После каждой речи в толпе кричали «ура!» — люди замерзли и криками согревались.

На ступени поднялся солдат крепостной артиллерии. Говорил он хорошо, видно, был городской. Он сказал, что офицеров здесь нет — офицеры скрываются, готовят заговор — хотят вонзить ножи в спину революции.

Тут же рядом появился матросик — бушлат нараспашку, видна тельняшка.

— Я знаю — они в морском собрании в карты играют, коньяки распивают. Пошли туда! Возьмем всех на цугундер и спросим: а ну, за кого вы — за народ или за царя?

Тут уж кричали «ура!» так громко, как никому иному не кричали.

Раису почему-то это обидело. Она начала громко говорить, обращаясь к окружающим:

— Ну что же это за порядки? Зачем так на офицеров говорить? Ну, Коля, возрази! Выйди и скажи, Коля!

— Офицер! — закричал мужик рядом с Колей. — Здесь он! Пускай говорит! Чего попрятались?

— Пускай говорит! — шумели вокруг.

— Ну вот, — сказал Коля укоризненно Раисе, но та была уверена в себе.

— Иди, — сказала она. — Почему не пойти.

Колю толкали в спину, тянули за рукав.

— Давай! Давай! — кричали издалека. — Где офицер?

Колю вытолкнули из толпы на лестницу — он выпрямился, оправил шинель, фуражку.

— Разве это офицер? — закричали из толпы. Но кто кричал, Коле было непонятно, потому что все лица были серыми пятнами — все одинаковые. Да и сам он для людей был лишь силуэтом на фоне открытой двери в городскую управу, вестибюль которой был ярко освещен.

— Какой это офицер? — кричали совсем рядом. И еще кто-то засвистел: — Это же прапорщик!

— Господа! — закричал тогда Коля, который понимал, что, если не найти нужных слов, его могут растоптать, избить, убить. — Вы не правы, господа! Офицерство совсем не однородное! Я сегодня стоял рядом с адмиралом Колчаком! Это настоящий патриот — он тоже за революцию!

Несколько человек закричали «ура!». Дальше по бульвару, те, кто ничего не слышал, подхватили, крик прокатился вдаль. У управы давно уже молчали, а окраины толпы все шумели.

— Вспомните лейтенанта Шмидта! — Коля поднял руку, как Суворов, который шел впереди своих гренадеров. — Он был золотопогонником, но отдал жизнь за свободу народа... Гарантия свободы — сплочение всех сторонников Временного правительства!

Коля говорил и еще — ему кричали, ему свистели, впрочем, мало кто понимал или слышал, что говорил этот худой высокий прапорщик. Самый упрямый из трамваев двинулся, пробиваясь сквозь толпу. На темной улице особенно ярко светились его окна.

Коля хотел спуститься к Раисе, но за его спиной уже стоял сам городской голова и еще какие-то чины из Думы. Еранцев тянул Колю внутрь здания:

— На минутку, господин прапорщик. На минутку.

В вестибюле толпились люди состоятельного и весьма напуганного вида.

— Мы вам искренне благодарны за то, что вы успокоили толпу, — сказал Еранцев.

Один из гласных, тучный и тоскливый, протирая пенсне, добавил:

— Мог быть мордобой или даже смерть, да, смерть!

Остальные в вестибюле недовольно зашумели — гласный был нетактичен, никто не намеревался говорить о смерти.

— Господа! — возопил тучный гласный. — Вы забываете о судьбе мичмана Фока!

— Надеюсь, никто из нас не последует его глупому примеру, — отрезал Еранцев. — В десять здесь будет адмирал. Давайте выберем президиум. — Еранцев обернулся к Коле: — Надеюсь, вы не откажетесь представлять наше боевое офицерство.

— Неужели не найдется более достойного офицера? — спросил Коля. Он вспомнил, что Раиса стоит на улице, среди солдат, в темноте, ждет его — надо спешить.

Но Еранцев тут же повлек Колю, расталкивая людей, толпившихся на лестнице, на второй этаж, к буфету, чтобы подкрепиться, а вокруг в тесноте и различии мнений согласовывали состав президиума. Пока спорили, Коля успел съесть холодную куриную ножку и запить хорошей мадерой.

Колчак прибыл в Думу в десять ноль-ноль. Его приближение издали анонсировалось перекатывающимся криком «ура!», что приближался по бульвару.

Включили привезенный прожектор и им осветили ступени управы. Колчак стоял прямо, не щурился, хотя лицо было мертвенно-белым — свет прожектора бил прямо в глаза. Колчак сообщил, что приветственные телеграммы правительству посланы. Затем он дал согласие на разоружение полицейских и жандармов. Караул у казначейства и учреждений будут пока нести матросы.

Затем Колчак прошел внутрь управы, и там, в зале, наполненном гласными Думы, а также зрителями, заседание продолжалось. Отвечая на вопросы, Колчак вел себя сдержанно и ничем не выдавал ни усталости, ни раздражения. Что ж, показывал он каждым жестом и словом, вы так хотите. Я ваш верный слуга. Соратник.

Правда, не все так это понимали. Возмутителем спокойствия оказался вертлявый вольноопределяющийся, который стоял у сцены и держал в руке блокнотик. Он выкрикивал свои вопросы невпопад и нагло, чем вызывал восторг гимназистов и мальчишек, набившихся на галерку.

Вот этот вольноопределяющийся и оказался соломинкой, сломавшей спину верблюду. Колчак неожиданно остановил Еранцева, сделал шаг вперед и со злобой, сквозь зубы, но достаточно громко спросил:

— Вы кто такой, ну?

И в глазах, и голосе Александра Васильевича была такая сила, что зал послушно замолк, а вольноопределяющийся вытянулся во фрунт и покорно сообщил:

— Вольноопределяющийся Козловский, ваше превосходительство!

Галерка шумела, свистела, поддерживая Козловского. Колчак замолчал. Он смог пристыдить, испугать одного человека, но не мальчишек, защищенных от него расстоянием, высотой и обществом себе подобных.

И тогда Коля понял, что он может и должен помочь адмиралу. Коля встал, прошел несколько шагов к краю сцены и, подняв руку, закричал:

— Тишина!

Голос у Коли зычный, глубокий.

— Я требую, — продолжал Коля, и все замолчали, — немедленно вывести из зала этого подонка! Он позорит весь город. Он позорит революцию!

Второе выступление за вечер оказалось даже более успешным, чем первое.

— Долой! — закричали в зале.

— Нет, — перекрыл шум голосов Коля. — Так не пойдет. Господин Еранцев, поставьте вопрос на голосование!

Проголосовали. Через три минуты Козловский покорно пошел к выходу. На демократических основаниях. Галерка свистела разрозненно и неуверенно.

Когда собрание кончилось, Колчак остался на сцене, разговаривая с гласными.

Еранцев увидел, что Коля намерен уйти, сказал:

— Нет, ты теперь наш, ты теперь политик.

Он под локоть повел Колю на сцену.

Они подошли к группе беседующих, и Колчак, не оглядываясь, почувствовал их приближение. Он резко повернулся к Коле и сказал:

— Спасибо, прапорщик. Вы оказали мне ценную услугу.

— Ну что вы, ваше превосходительство, — искренне смутился Коля. — Это был мой долг.

-- Мы намерены привлечь молодого человека к нашей деятельности, — сказал Еранцев.

— Похвально, — согласился Колчак.

Он улыбнулся открыто и дружески — он умел это делать и знал эффект открытой улыбки на сухом жестком тонкогубом лице. И протянул руку.

Пальцы адмирала были холодными и чуть влажными.

— Рад с вами познакомиться, — сказал Колчак. — Прапорщик...

— Берестов, Андрей Берестов.

— Где служите?

— В Симферополе. Здесь я в отпуске по семейным обстоятельствам.

— Завтра прошу вас быть в моем штабе на борту «Георгия». Вам будет удобно в десять утра?

— Так точно, — сказал Коля. — Разумеется.

Еранцев полуобнял Колю за плечи и запел:

— Не забудь, что ты наш — наш, наш...

Раиса дождалась Колю. Она пробралась в зал, только он ее не заметил, и видела его триумф.

Она ждала его у выхода, выскочила из темноты, подхватила под локоть — Коля даже испугался.

— Что он тебе говорил? — спросила она.

— Кто?

— Ах, не притворяйся — Колчак, — засмеялась Раиса и ущипнула Колю за локоть. — Сам адмирал. Думаешь, я не видела?

— Он завтра ждет меня.

— Ой, Пресвятая Богородица, — пропела Раиса. — И за дело! Ты как того, прапорщика, осадил. Ты смелый!

Раиса поднялась на цыпочки и поцеловала Колю в угол рта.

— Погоди, — сказал Коля, — домой придем.

— Сама еле терплю, — сказала Раиса. — Я как волнуюсь, сразу желания возникают. И аппетит!

Это показалось ей очень смешным.

Улицы были совершенно темными, только белели заборы да полосы по краю тротуаров. В конце концов, Веселкин не такой уж дурак.

— Может, адмирал тебя к себе возьмет, — сказала Раиса.

— Ну уж... оставь.

— А как мне тебя теперь звать? — засмеялась Раиса. — Колей или Андрюшей?

— Как хочешь.

— А зачем ты имя поменял? Может, его полиция ищет?

— Я тебе обязательно расскажу, — сказал Коля. — Ты не бойся. Я честный человек.

— А мне на что твоя честность? — засмеялась Раиса. — Мне мужик нужен, а не монах.

Глава 3

Март 1917 г.

Путешествие Лидочки, бесконечное, пока длилось, показалось мгновенным, когда она очнулась. Как обморок. Лидочке раз в жизни пришлось упасть в обморок, на молебне в гимназии, прошлой весной. Ей было душно, потом стало тошнить, и все поплыло. А когда она открыла глаза, легкие были наполнены отвратительным запахом нашатыря. Ей сказали, что она пробыла в обмороке минут десять, пока все суетились, бегали за доктором и искали нашатырь. Именно эта краткость даже долгого беспамятства лежит в основе тех религий и учений, что проповедуют переселение душ, — смерть в них становится секундным переходом в иное состояние.

Еще не открыв глаза, Лидочка поняла, что проснулась ранней весной.

Наверное, это стало ее первой мыслью, потому что, отправляясь в путешествие и страшась его, Лидочка начала думать — куда она попадет. А когда завершила путешествие, подумала, что та-

кой холодный, но уже включающий в себя пробуждающиеся запахи завтрашней листвы, теплоту уже греющего солнца воздух бывает лишь в марте.

Лидочка открыла глаза и зажмурилась вновь, потому что в лицо ударил солнечный луч.

Она повернула ладони к земле и поняла, что лежит на гальке, к счастью, сухой. И даже не очень холодной. Видно, солнце за день согрело ее. За день? Конечно же — солнце справа, на западе. И уже садится. Значит, скоро вечер.

Лидочка села, опершись на ладонь, и галька под ладонью разъехалась, отчего пришлось коснуться холодных и мокрых голышей, что скрывались под верхним прогретым слоем. Лидочка встала. Пляж был пуст — ни одного человека. Лидочка перевела взгляд на море — море также было пусто. Впрочем, в такое время года, да еще к вечеру, ялтинские рыбаки в море не выходят.

Чайки кричали, дрались вдали у воды — но это был единственный звук, и оттого было тревожно.

«Я оказалась в будущем весной вместо осени. Может, сломалась машина? Если я здесь одна... Тогда надо скорее домой — а то вдруг родители куда-нибудь уедут?» Лидочка поймала себя на том, что идет, ускоряя шаг, скользя по гальке, к тропинке, чтобы скорее подняться наверх... И тут она остановилась с облегчением.

Глупая, сказала она себе. Почему надо ждать? Если ты отстала, нажми снова на кнопку — только аккуратнее, и догонишь.

Лидочка даже рассмеялась — глупые страхи! И в мгновение ока море и крики чаек перестали казаться зловещими.

«Не исключено, — рассуждала Лидочка, — что Андрюша уже ждет меня у платана. Может, даже сегодня. В шесть часов. Каждый день — в шесть часов...»

Лидочка поднялась наверх и быстро пошла по узкой аллее к выходу из сада, мимо пустой эстрады, металлических прутьев, что держат летом тент у шашлычной, мимо заколоченного ресторанчика... Сад был совершенно пуст и беззвучен, и оттого тревожные мысли возникали вновь.

Если табакерка могла ошибиться на полгода, она могла ошибиться и на пять лет? И на десять? Она могла забросить ее за десять лет, а Андрюшу — за сто... Что знает она об этой табакерке? Почему так легко доверилась ей?

— Выхода не было! — сказала Лидочка вслух, будто хотела отогнать кем-то навеваемые сомнения. — Что мы могли сделать?

Никто ей, разумеется, не ответил, даже эхо молчало.

Лидочка быстро шла к набережной, с каждым шагом все более оказываясь во власти воображения, рисовавшего ей картины пустого города, подобно умершим городам будущей Земли, как описывал их Герберт Уэллс. Сейчас начнет темнеть, и изысканные, слабые, изнеженные элои спрячутся в развалинах своих замков, отдав землю во власть страшных морлоков. А она? Беззащитная, никому не нужная, никому не известная...

Захотелось спрятаться — в теплом темном углу, где тебя никто не отыщет до тех пор, пока не придет мама и не велит идти ужинать. Лидочка даже оглянулась в поисках убежища, но за исключением заколоченного на зиму киоска с плохо, но весело нарисованным белым медведем, держащим в когтях стаканчик с мороженым, никакого иного убежища поблизости не было.

«Но может быть... может быть, спаси Господи и помоги, Пресвятая Дева, не оставь меня здесь одну, я же ни в чем не виновата...» В ушах звенело от страха, и потому пожилой женщине, что подошла совсем близко, пришлось раза три окликнуть Лидочку, прежде чем та услышала.

— Не бось, не бось, — сказала женщина, сама отступив назад от перепуганного взгляда девушки. — Я тебя не трону, я только спросить хотела — ты дубков не возьмешь? Глянь, какие дубки, розовые, желтые, пышные, как хризантемы, — дешево отдам, домой пора... Да ты не бось, не бось...

— Ой, — сказала Лидочка, готовая расплакаться от благодарности к этой женщине, — я не боюсь, я от неожиданности. Давайте я вам корзинку донесу, помогу...

— Не надо, — твердо ответила женщина, сообразившая, что с Лидочкой лучше дела не иметь. — Иди куда знаешь.

— Я могу купить, — нашлась Лидочка. — Сколько за букет?

— Купишь? — недоверчиво спросила женщина.

— А как же?

Лидочка открыла свою сумку, большую, набитую, сразу запуталась в плотности переплетенных вещей, но, к счастью, быстро отыскала кожаный кошелек.

— За рубль, — сказала женщина твердо. — За рубль букет.

— Что же так дорого? — удивилась Лидочка.

— А где ты дешевые видала? Деньги-то чего стоят? Деньги ничего не стоят.

Женщина поставила корзинку на скамейку и поправила серый платок. Щеки и подвижный от постоянного шмыганья длинный нос были красными.

Лидочка нашла серебряный рубль и протянула женщине как

раз в тот момент, когда та, отобрав два хилых дубка, размышляла, добавить ли ей третий. Женщина увидела серебряный рубль и была поражена этим настолько, что не могла скрыть удивления.

— Вы что? — спросила Лидочка. — Если не хотите серебряный, тогда разменяйте, у меня только пятерка — и вот рубль.

— Беру! — крикнула женщина, словно прикрикнула на кошку. — Давай!

Она выхватила рубль, потом вытащила из корзины, не глядя, еще несколько дубков и протянула Лидочке.

— На счастье, — сказала женщина. — Дай Бог тебе жениха хорошего.

— Ой, спасибо!

Глядя вслед женщине, Лидочка с наслаждением ощущала, как узлы, в которые собрались ее нервы, расслабляются и становится легче дышать...

— Морлоки цветов не покупают и цветами не торгуют, — сказала вслух Лидочка, — значит, это не далекое будущее, а наше.

Лидочка шла дальше, и вскоре перед ней открылась вся длина вогнутой набережной, и на ней точками и блошками раскиданы неспешные человеческие фигурки. Город был жив, а это главное...

Проходя мимо «Ореанды», возле которой, как обычно, дежурили извозчики и стоял закрытый черный автомобиль, Лидочка пожалела, что не спросила у торговки цветами о сегодняшней дате.

Только Лидочка так подумала, как увидела, что по набережной, волоча ноги, бредет мальчишка, прижимая к груди пачку сложенных газет. Он был прислан свыше, чтобы избавить Лидочку от терзаний.

Пожалуй, газетчик менее всего удивился бы, если б Лидочка спросила у него, какое сегодня число, нежели тем, что девушка скупила по штуке все оставшиеся у него газеты: и «Таврию», и «Русское слово» двухдневной давности, и газету «Ялтинский вестник», и новую — «Таврическую правду», доставленную вчера из Симферополя.

Мальчишка долго еще смотрел, как жадно эта странная девушка впилась глазами в газеты. Словно из тюрьмы сбежала, подумал мальчишка, потому что у него старший брат и отец были в Сибири за контрабанду и теперь в семье надеялись, что революция их скоро выпустит, как выпустила тех, кто был в ялтинской тюрьме.

Девушке не грех бы причесаться. А то стоит как чучело гороховое, не замечает, что шляпа у нее на ухо съехала...

Лидочка чувствовала невысказанные мысли мальчишки, не зная, что чувствует их, — само путешествие во времени не проходит бесследно для организма, попавшего в поток и пересекающего, обгоняющего время. Мало кто еще, даже за пределами Земли, задумывался о конкретных проявлениях этих перемен, но те, кто начал путь раньше, кто прошел через несколько прыжков, уже догадывались о приобретении особых качеств, в том числе умения угадывать мысли — не читать, но именно угадывать. Но ни Лидочке, ни Андрею никто не успел и не смог рассказать о цели их путешествий и, конечно, об их новых качествах или ощущениях.

Проглядывая первую страницу «Таврии», Лидочка поправила шляпку и заправила под нее выбившуюся прядь волос.

Она уже поняла, что совершила ошибку, но ошибку, пожалуй, выгодную для себя, — она прилетела в день 5 марта 1917 года, то есть на несколько месяцев позже, чем нужно. Значит, Андрюша, если у него все в порядке, уже давно ждет ее, может, всю зиму, коли не догадался сделать новое движение в будущее, чтобы догнать Лидочку.

Сегодня 5 марта, воскресенье, до вечера время есть, можно осмотреться и понять, что произошло за два с лишним года ее отсутствия в городе.

Лидочка аккуратно сложила газеты и отправилась искать публичный туалет — раньше ей там бывать не приходилось, мама полагала это заведение негигиеничным!

Старухе, похожей на престарелую императрицу Екатерину Великую, Лидочка заплатила полтинник (как поднялись цены!) за бумажную салфетку и мыло. И увидела себя в зеркале. Она долго и внимательно разглядывала свое лицо в поисках морщинок — ничего не отыскала, хотя цвет кожи ей не понравился — можно подумать, что она выбралась из подземелья. И глаза лихорадочно блестят, словно поднялась температура.

Как только Лидочка умылась и причесалась, тут же вернулся интерес к газетам. Лидочка уселась в сквере на лавочке и погрузилась в чтение.

Больше всего ее волновало, кончилась ли война. Она почти не сомневалась в том, что война кончилась — войны не бывают такими долгими. Важно было, кто победил и что сделали с побежденными. Хотя и здесь особых сомнений у Лидочки не было — победят «наши», Антанта, потому что противники окружены со

всех сторон, лишены топлива и припасов. Это было известно уже осенью четырнадцатого года и потому должно было быть втрое более очевидным весной семнадцатого.

Но узнать о войне Лидочке не пришлось, потому что первым большим заголовком в «Таврии» были слова: «ЗАСЕДАНИЕ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА. РЕЧЬ МИНИСТРА КЕРЕНСКОГО».

...Ты идешь в лес, ты рассчитываешь найти белый гриб. Ты не очень удивишься, если узнаешь, что другие грибники тебя обогнали и все белые грибы собраны. Ты согласен даже собрать свинушки или сыроежки. Но если вместо белых грибов в лесу ты видишь маленькие мотоциклы, ты, наверное, решишь, что сошел с ума.

Нечто подобное пережила Лидочка, поняв через несколько минут чтения, что в России свергнут законный император. Разумеется, не надругательство над священной особой потрясло ее — в ее круге о Николае никогда не говорили иначе как с презрением, она была страшно разочарована, что не присутствовала при этом событии, что оно разворачивалось и происходило — как и вся революция — без ее участия. Это было подобно тому, как проспать приход Деда Мороза.

Оказалось, что теперь в России есть Временное правительство князя Львова, а государь заточен с семьей в Царском Селе. Люди празднуют свободу и ждут выборов в Учредительное собрание, а Лидочка из-за этой проклятой табакерки, которая не может толком отправить человека в будущее, пропустила самое главное событие в жизни страны. Все видели революцию, все участвовали в ней... Все, кроме Лидочки.

Теперь выгонят генерала Думбадзе, решила Лидочка. Он типичный угнетатель и царский сатрап. И тут же взгляд Лидочки упал на сообщение:

ОТЪЕЗД ГЕНЕРАЛА ДУМБАДЗЕ В СИМФЕРОПОЛЬ

Известного ялтинского градоначальника, с именем которого связаны как светлые, так и многочисленные темные страницы в истории нашего города, вызывают наверх — возможно, в Петроград, где он должен будет дать ответ перед народными избранниками о своих сомнительных деяниях, —

смело утверждала газета, и Лидочке было приятно сознавать, что ее позиции и позиции газеты совпадают.

Лидочка перевернула газету, поглядела на последнюю страницу, где большую часть текста занимали объявления, а над ними несколько кратких колонок — куда более кратких, чем в 1914 году: «Вести с полей боев».

Война все шла и шла, война еще не кончилась... Это было второй невероятной новостью после пропущенной революции.

* * *

До темноты, до редких фонарей и холодных звезд, Лидочка просидела на набережной, глядя издали на платан. В восемь часов Андрюши все не было, и окоченевшая Лидочка побежала по набережной, совсем забыв о том, что ее могут увидеть и узнать, ведь половина Ялты — ее знакомые. Но уже темнело, народу на набережной было мало, да местные жители и не ходят на набережную — что там делать?

Надо было думать о ночлеге, и хоть более всего ей хотелось вернуться домой и увидеть маму, именно этого делать не следовало, пока она не отыщет Андрея и не узнает, что за это время произошло дома.

Добежав до ряда гостиниц, Лидочка замерла, не в силах решить вопрос, куда идти дальше. За свои восемнадцать лет она в гостинице никогда не останавливалась и даже толком не знала, как это делается.

Уже обнаружилось, насколько непродуманно и не подготовлено было ее путешествие. А ведь Андрюше, понимала Лидочка, куда хуже, потому что у него совсем нет денег — она даже забыла ему передать. Когда одна мысль подавляет все прочие, о деньгах забывают. К примеру, в настоящем душераздирающем романе у героини никогда не заболит живот.

Лидочка решила выбрать гостиницу чистую и имеющую хорошую репутацию. Это было несложно, потому что репутации гостиниц были всем известны.

Сначала она зашла во «Францию», но там у нее потребовали документы — а какие могут быть документы у вчерашней гимназистки, которая живет со своими родителями?

Остановилась Лидочка в номерах «Мариано», где было тихо, пустынно, холодно, а портье долго разглядывал Лидочку. Лидочка вписала фамилию — Берестова. Портье — желтый, скучный, цветом и блеском лысины как старый бильярдный шар — прочел фамилию, и она ему ничего не сказала. Потом получил деньги за три дня вперед (как же иначе, если мадемуазель без багажа?), кинул на стойку ключ с большой деревянной грушей и сказал:

— С водой перебои, повар уволился — кушать будете в кафе, но если скажете мне или горничной — принесем чаю.

Глаза у портье были шоколадные, непроницаемые, будто взболтали какао без молока.

Лидочка поднялась на второй этаж — номер был длинный, как пенал. У двери был прикреплен рукомойник, в котором не было воды. Шкаф, кровать и столик вытянулись в струнку, иначе по ширине аршинной комнаты ничего бы не поместилось. Окно было узкое и выходило на двор.

Лидочка стояла у темного окна, глядела в ночь, в тщании понять — что же с ней происходит.

Ее не было в этом городе — несколько мгновений? Или два с половиной года? Угадать, сколько же в самом деле прошло времени, было невозможно. Сама она не постарела — по крайней мере так сказало зеркало. Значит, для нее прошло несколько секунд — ну ладно, пускай день... А здесь же в самом деле минуло два с половиной года. И никуда от этого не денешься. Значит, получается, что Лидочка как бы была в летаргическом сне или заколдована злой мачехой. Она спала, прекрасная и неподвластная времени, а весь мир катился вперед по своим законам — умирали и рождались люди, играли свадьбы и погибали на войне — сколько же людей погибло на войне, если война, оказывается, идет уже три года! А чем это кончится? Как мы учили в гимназии — Тридцатилетняя война, Столетняя, война Алой и Белой розы?

Лидочка пыталась вызвать горничную звонком, но никто не откликался, хотя Лидочка слышала, как где-то в конце коридора ссорились женские голоса. Лидочка пошла туда и нашла сразу двух горничных, но они не хотели носить воду, а собирались на заседание женского совета, потому что женщины должны участвовать в революции и бороться за свои права. За водой Лидочка ходила на кухню и оттуда принесла целое ведро. Она тащила это ведро и думала, как быстро люди ко всему привыкают — еще день назад (а для остальных два с половиной года назад) никому и в голову не пришло бы идти на кухню за водой. Нет воды — мы покидаем вашу паршивую гостиницу, и ищите клиентов где-нибудь в другом месте!.. Лидочка понимала, чувствовала, что жизнь изменилась, потому что теперь некому жаловаться. Лидочка беззащитна — и все обыкновенные люди потеряли свои права. Они получили свободу, которую дают людям революции, но это великое право совсем не означает свободы в повседневной жизни — они лишь делают эту жизнь хуже, а людей злее, так что правами могут пользоваться лишь сильные и плохие, а остальные лишаются и тех прав, что происходили у них от существования порядка.

Вымывшись холодной водой, Лидочка пошла на набережную — она проголодалась и надеялась, что ей удастся чего-нибудь купить, если не в кафе, то в магазине, и принести с собой в номер.

Магазин Тарасова, что выходил фасадом на набережную, оказался закрыт, зато по вкусному запаху Лидочка отыскала чебуречную на улице и стоя съела, штука за штукой, пять чебуреков, чем вызвала уважение чебуречника.

— Ты ешь, — сказал он, — а я буду тебя показывать — какие у меня вкусные чебуреки, какие хорошие чебуреки!

Старик говорил добродушно, и Лидочка не обиделась. А торговцу было скучно, потому что никто, кроме Лидочки, к нему не шел.

На удивление мало встретилось Лидочке на набережной знакомых. Почему-то ей казалось, что каждый второй будет узнаваем, — но нет, встретилась ей одна соученица по гимназии, которая шла с подпрапорщиком и, конечно же, никого вокруг не видела, встретился пожилой мужчина из соседнего дома — Лидочка с ним и в старой жизни не здоровалась, а сейчас — тем более.

Лидочка дошла по набережной до платана-свидетеля, но никого там не было, и ноги незаметно привели ее к родному переулку.

«Я только погляжу на окна, — уговаривала себя Лида, — и сразу уйду. Сначала надо найти Андрюшу. Ведь если мне придется снова уплывать в будущее, мама этого не переживет».

Окна на втором этаже не горели, значит, родителей не было дома. Может, они ушли куда-то в гости. Почему-то это показалось обидным, будто родители все эти годы должны были сидеть вечерами дома, слушая, не звякнет ли звонок, не вернется ли единственная дочь.

Впрочем, вернее всего, мать задержалась в госпитале, а отец — в порту.

Тогда Лидочка решилась — она быстро взбежала наверх и, достав из сумочки ключ, сунула его в замочную скважину.

Но ключ не повернулся. Он вошел до половины и не повернулся.

Лидочка замерла в растерянности — ключ должен был повернуться легко, но не поворачивался.

Она начала дергать его, стараясь повернуть, и тут услыхала

изнутри коридора шаркающие шаги — шаги дошли почти до двери и замерли.

Таких шагов в доме быть не могло.

— Кто там? — донеслось изнутри — и голос был совершенно чужим, старческим, совершенно чужим.

В доме жили другие люди. Вернее всего, другие.

Лидочка вытащила ключ и сбежала вниз по лестнице. Звонить к соседям внизу и спрашивать их, где Иваницкие, она не посмела.

Лидочке не хотелось думать, что за эти годы дома случилось что-то плохое. Такое она просто изгнала из головы.

Лида вернулась в гостиницу, ничего не узнав и никого не найдя, а устала так, словно весь день таскала дрова.

Портье дремал за стойкой, обратив к подходившим сверкающую под многоламповым бра лысину. Лидочка попросила ключ — лысина ушла назад, появились шоколадные глаза.

— Мадемуазель Берестова? — сказал он. — Вас спрашивали.

— Кто? — Сердце от неожиданной радости пропустило удар.

— Немолодой мужчина, — сказал портье, — очень худой, но, по всему судя, солидный господин.

Может, Андрюша так переоделся и замаскировался?

— Плешивый, худой и весь в черном — и с такой эспаньолкой — как у Мефистофеля, простите, в опере. — Портье постарался улыбнуться, но мышцы его лица были к такому не приучены, и потому вместо улыбки вышла гримаса.

— Спасибо, — сказала Лидочка, забирая ключ. — Я знаю.

Она ничего не знала и не понимала — конечно же, это был не Андрюша, по описанию тот человек не мог походить и на отца, даже если тот каким-то чудом узнал, что Лидочка в Ялте... Да и кто знал, что Иваницкая и Берестова одно лицо? Значит, ошибка.

Лидочка поднялась по скрипучей лестнице на второй этаж — зеленые стены коридора были изукрашены водорослями и лотосами. Дверь была коричневая. Лидочка открыла ее, зажгла свет.

В номере было, разумеется, пусто, но у Лидочки возникло ощущение, что там либо кто-то есть, либо кто-то был недавно. Трудно объяснить такую уверенность, но ничего мистического в ней не было — следы чужого запаха, неладно поправленное покрывало на кровати, на полу под сдвинутой ножкой кресла обнажился квадратик, обрамленный пылью... кто-то наверняка был в номере и осматривал его, трогал и передвигал вещи, что-то искал.

Лидочка нервно схватилась за сумку, которую держала под мышкой, — все ее ценности — и деньги, и бумаги Сергея Серафимовича — были с собой, она не смела расстаться с ними ни на секунду. Так что грабитель или сыщик, что осматривал комнату, ушел ни с чем.

Вот так-то, сказала себе Лидочка, почему-то обрадовавшись, что обхитрила жулика. Но тут же испугалась — ведь человек, обыскивавший ее номер, если он искал что-то ценное или известное ему самому, также понял, что Лидочка унесла ценности с собой. И если он в самом деле что-то знает или подозревает, то вернется ночью, когда она будет спать, или нападет на нее на улице, чтобы вырвать сумку.

Но такого человека быть в Ялте не могло — разве кто-то отправился в путешествие во времени следом за Лидочкой! Но могло быть другое и куда более страшное — Андрюша, прибывший сюда раньше, попал в руки к преступникам, которые пытали его и выманивали из него тайну, а теперь ищут Лидочку, чтобы отнять у нее деньги.

Нет, сказала она себе, эта история слишком романтическая, из приключенческого романа. Надо искать более простое объяснение. А более простое означает, что Лидочку приняли за кого-то другого. Мало ли Берестовых на свете...

Лидочка попробовала замок — замок был самый простой, его ничего не стоило отжать ножом. И крючок болтался без дела — не за что было его закидывать.

Все-таки Лидочка заперла дверь. Какой ни есть — но замок.

Несмотря на усталость, спать расхотелось. Она взяла сумку и стала думать — куда ее спрятать, чтобы грабитель, вернувшись, ее не нашел. Она подставила к шкафу стул и положила сумку на пыльный верх шкафа, но потом поняла, что если грабитель высок ростом, он без труда заглянет на шкаф и увидит сумку. Положить ее под матрас? Грабитель первым делом будет искать именно под матрасом и под подушкой, туда кладут свои секреты все женщины и дети.

Так она и стояла с сумкой в руке посреди комнаты, словно окаменела от невозможности решить задачку — как подыхающий от голода буриданов осел.

В коридоре глухо пробили часы. Лидочка считала их астматический бой: девять. Гостиница еще не стихала — по коридору проходили, разговаривая на возвышенных тонах, пьяные люди, хлопали двери — снизу доносился звук молдаванского оркестрика. На улице послышалась нестройная песня.

В дверь постучали.

Вот он! Лидочка стояла у окна, прижав к груди сумку. Пальцы ее тут же жутко замерзли — отнять у нее сейчас сумку значило отломать пальцы — иначе не возьмешь.

Постучали снова. «Проверяет, — поняла Лидочка, — здесь я или нет. Если я не откликнусь, он начнет взламывать замок».

— Откройте, — раздался голос. — Я смотрю в замочную скважину и знаю, что вы в апартаментах.

Голос был пьяный, глухой и неповоротливый.

Лидочка молчала, она прикрыла ладонью сердце, чтобы оно стучало не так громко.

— Вы будете моей, чего бы то ни стоило, — сказал голос. — Я видел вас и понял — обладание вами превратилось в смысл моей жизни. Вы меня слышите? Да ответьте мне, в конце концов! Неужели вам нужно, чтобы я ломал дверь?

После недолгой паузы последовал удар в дверь.

Лидочка отбежала на цыпочках к окну — посмотрела вниз — в комнате не было балкона, внизу, метрах в четырех, был тротуар.

— Мас-ка! — сказал голос из-за двери. — Ма-ас-ка! Я тебя знаю! Ты будешь моей! Соединись со своим пилотом!

Человек засмеялся и тут же продолжил трезво:

— На втором этаже есть камин. Я видел у печки ухват. Его достаточно, чтобы взломать дверь. Клянусь честью! Жди, птичка!

Лидочке слышно было, как преувеличенно твердые шаги удалились по коридору. За каждым тянулся хвостик тонкого звона — на нем были сапоги со шпорами!

Она считала секунды и не смела подойти к двери — пьяный мог караулить за углом. Но если он принесет лом или что-то подобное, то легко вскроет дверь.

Лидочка решилась. Она схватила сумку и приоткрыла дверь. Коридор был пуст. Тусклая голая лампочка светила из остатков разбитого абажура.

Лидочка со всех ног побежала по коридору и, когда увидела, что одна из дверей впереди резко открывается, — побежала еще быстрее, надеясь проскочить это место, но не успела и столкнулась — больно, висок расшибла — с лохматым мужчиной в синих очках, одетым в старую солдатскую шинель, — даже в тот момент Лидочка сообразила, насколько породистость носа и осанка не соответствуют одежде. Мужчина охнул, Лидочка вскрикнула, отлетая к стене:

— Простите, я нечаянно!

Мужчина покачал пышной шевелюрой и произнес:

— Такие времена, такие нравы. Вы не помните, как это звучит по-латыни?

Лидочка тут же побежала дальше — лестница была темной, дверь внизу прикрыта, но не заперта — через минуту Лидочка оказалась в фойе.

Портье с удивлением повернул голову, и Лидочка поняла, что он более всего похож на кондора или грифа с картинки из папиного Брэма. Голова голая, костяной желтый клюв и жабо вокруг тонкой шеи — шарф, замотанный, видимо, от простуды.

— Если так будет продолжаться, — закричала Лидочка, полагая, что говорит внушительно и негромко, — я тут же иду в полицию! Что это такое?

— А что такое? — спросил заинтересованно портье. — Я ничего не слышал.

— Полиция! — сказал лохматый мужчина в синих очках, спустившись по главной лестнице и подходя к стойке. — Полиция сама скоро будет в тюрьме, а пока что она прячется по домам. Власти, должен вам сказать, больше нет. Никакой власти! Каждый — сам власть! Наступили времена апокалипсиса, о которых наша партия предупреждала. А вы, девушка, возьмите платок и промокните кровь.

Откинув полу шинели, мужчина вытащил чистый платок и протянул Лидочке.

— Эта девица, — пояснил он, обернувшись к портье, — пыталась меня забодать. Я возмущен до глубины души!

Лидочка приложила платок ко лбу. Она посмотрела — на платке была кровь, немного, но была.

— Как только вас отпускают папа и мама, — проворчал мужчина. — Смочите платок водой. Георгий Львович (это относилось к портье), пропустите ребенка за стойку, пускай она возьмет графин.

— Я сам, — сказал портье, — разрешите платочек.

Лидочка покорно отдала платок.

— А вы отбываете, мосье Мученик? — спросил портье у старика.

— Тише, я здесь инкогнито, — театрально прошептал мужчина. — Я секретно проверял нашу организацию. Меня не должны узнать.

— Если вы думаете, кто-нибудь поверит тому, что вы солдат, — сказал портье, — то глубоко ошибаетесь.

— Я не солдат, а бывший солдат, — ответил Мученик. — Не ездить же мне в такие дни в собственной бобровой шубе?

Покачиваясь и стараясь при том делать вид, что совсем не пьян, по главной лестнице спускался широкоплечий военлет с рукой на черной перевязи.

— Глоток воздуха! — воскликнул он театрально, обернувшись к портье. — Желаю здравствовать!

Лидочка узнала голос и хотела спрятаться за лохматого. Но военлет не обратил на нее внимания, а Мученик спросил:

— Что вам надо?

— Господин Васильев, — сказал портье, — в одиннадцать я запираю двери!

— Еще чего не хватало! Это гостиница, а не приют благородных девиц!

— Такие времена, — сказал мужчина в синих очках, — такие нравы.

— Вот и отлично, — сказал Васильев. — Тогда вы, господин Мученик, дадите мне триста рублей. А я вас не застрелю.

— Погуляйте, — сказал Мученик, — проветритесь. Я не знаю никакого Мученика. У меня чистые документы на Иванова.

Васильев выругался и хлопнул дверью, выходя на улицу.

Лидочка отошла к зеркалу, рассматривая себя критически и чуть ли не враждебно. Она ожидала, пока портье освободится. Тот почувствовал, что Лидочка ждет, и спросил:

— Что еще, мадемуазель?

— Я прошу вас перевести меня в другую комнату.

— Это еще почему? Разве ваша плоха? Раньше никто не жаловался.

— Ко мне ломились — вон тот господин, он врывался ко мне и угрожал, что высадит дверь.

— Это ошибка, — сказал портье. — Он не вас искал, клянусь честью, не вас. Пока он был в Петрограде, его пассия Фурсова уехала с одним земгусаром. Честное слово. — И портье засмеялся высоким тихим смехом, глядя на Мученика, который должен был знать, почему это воспоминание так забавно.

— Первым делом, как доберусь до Севастополя, поставлю там вопрос о милиции... — сказал Мученик. — Как во Французской республике.

— Не спешите, — сказал портье. — Во Французской республике тоже начали «Марсельезой», а кончили гильотиной.

— Гильотина порой не мешает, — решительно заявил Мученик.

— Как бы не добрались до евреев, — сказал портье.

— Кстати, о девушке, — улыбнулся Мученик, которому замечание портье было неприятно. — Я бы на вашем месте пошел навстречу ее желанию. Не дай Бог, ваш Васильев сломает дверь. Ночью он не станет разбираться, та ли это женщина или иная.

— Хорошо, — не стал спорить портье. — Переходите в соседний. Хотя я не гарантирую, что Васильев не станет стучать и туда.

— Спасибо. — Лидочка вернулась к стойке и поменяла ключ. — Я должна вам доплатить?

— Бог с вами, — отмахнулся портье. — Вещи перенести? Ах да, вы же путешествуете налегке!

Разумеется, Лидочка меняла номер не из-за Васильева. Ее больше волновал второй человек, тот, кто обыскивал ее номер и наверняка вернется.

* * *

Новый номер тоже выходил во двор, но под окном были кусты и зелень.

Теперь, когда Лидочке было уже не так страшно, она спокойно разложила на столе свои вещи, пересчитала деньги и задвинула сумку под кровать. Потом уселась в низкое кресло под торшером и пожалела, что у нее нет с собой книжки для чтения. Она чуть было не отважилась попросить книгу у портье, но часы показывали половину одиннадцатого — может быть, грабитель уже подбирается к старой комнате...

Когда Лидочка проснулась, было совсем темно и тихо.

Так тихо, что из соседней комнаты был слышен каждый осторожный шаг. Лидочка вскочила — она сразу вспомнила, почему сидит одетая в кресле.

Она права — он явился! Лидочка глубоко вздохнула, чтобы унять биение сердца, потом на цыпочках подошла к двери. Осторожно-осторожно, чтобы никто не догадался, Лидочка приоткрыла дверь на узенькую щелочку. В коридоре было полутемно, но после кромешной темноты комнаты Лидочке пришлось зажмуриться.

Сейчас таинственный грабитель должен выйти. Лидочка считала про себя. Она досчитала до ста. Никто не выходил. Но что же тогда он делает в номере? Он же убедился, что Лидочки там нет. Неужели все равно обыскивает? Было тихо. Лидочку стало трясти от холода — из коридора тянуло, как из подвала. А надо стоять неподвижно — чуть переступишь с ноги на ногу, начинают поскрипывать половицы.

Тихо. Гостиница спит. Даже самые пьяные военлеты Васильв-

евы уже успокоились. А у грабителя наверняка случился сердечный припадок. Не может человек вести себя так тихо! А если он тоже затаился? Так и стоят они за дверями и ждут — у кого первого не выдержат нервы!

Только разница в том, что у него есть нож! Нет, пистолет! А она беспомощна.

От нахлынувшего страха Лидочка чуть было не побежала вниз, к портье. Ее удержало лишь опасение, что грабитель окажется проворнее и догонит.

Что же делать?

Лидочка приоткрыла дверь чуть шире и высунулась из нее, чтобы лучше слышать, что происходит в ее бывшем номере. Но оттуда не доносилось ни звука. Может быть, заглянуть туда?

И вдруг звук донесся. И был он в тиши настолько неожиданным и непонятным, что Лидочка отпрянула внутрь и захлопнула за собой дверь.

И ей понадобилось более минуты, чтобы понять, что означает равномерное рычание собаки Баскервилей, готовящейся совершить смертельный прыжок.

А когда Лидочка догадалась, она не поверила себе самой и, вновь выглянув в дверь, долго прислушивалась, пока не убедилась окончательно, что грабитель заснул и потому громко храпит.

Она прождала еще минут десять, не менее, пока не убедилась: ни один человек не смог бы так долго, разнообразно и буйно изображать храп.

Потому она в два шага перебежала пространство между дверьми и смело отворила дверь в свой бывший номер. Там горел ночник — кровать была разворошена, словно целый полк принцесс разыскивал в ней горошину. Поперек кровати лежал навзничь, скрестив на груди здоровую руку и руку в черной повязке, военлет Васильев. Он и храпел.

И вот тогда Лидочка поняла, как смертельно устала за день. Еще бы не устать, если ты утром еще была в четырнадцатом году, а вечером пытаешься заснуть в начале семнадцатого, да еще скрываешься от разного рода грабителей и соблазнителей.

Не таясь, Лидочка вернулась в новый номер. Лениво разделась — мыслей не было никаких, даже об Андрюше думать не было мочи, — бросила, не складывая, одежду на стул и помыться забыла, чего с ней не случалось в жизни. Потом натянула на нос одеяло — от пододеяльника пахло соленой водой и дешевым мылом. И заснула.

* * *

Она проснулась через какое-то субъективное мгновение — может, через час, а может, больше, — но той же ночью. Неясный, то ли лунный, то ли звездный, то ли отраженный земной свет наполнял комнату чуть ощутимой синевой, в которой можно было разгадать силуэты предметов. Она проснулась от страха — утомительного давнего страха, от которого не бежишь и не прячешься, а лишь говоришь безнадежно: «Снова?» — и хочется закрыть ладонями глаза, чтобы не видеть и не знать, что произойдет дальше.

В комнате медленно двигался темный силуэт — он был бесплотен, но непрозрачен. Движения его были неверными и замедленными, как под водой. И Лидочка сразу угадала, что это не Васильев, а настоящий грабитель, и если от обыкновенного человека можно убежать, спрятаться, можно закричать и позвать на помощь портье, от этого лучше и не пытаться бежать — никуда не денешься, не спрячешься. Грабитель передвигался столь уверенно и спокойно, что казалось, превращался в тонкую змею, проникая между стульями. И руки его в черных перчатках, невидимые, но ощутимые, уже тянулись к ее горлу...

Лидочка пискнула — предсмертным заячьим голоском.

Черная тень замерла — видно, от неожиданности, потом ступила назад, рассыпался непонятный и зловещий грохот.

Тут же мужской голос взревел:

— Черт побери, понаставили стульев!

Тяжелое дыхание.

И после паузы:

— Зажгите ночник, раз уж вы все равно не спите!

Это было спасением — Лидочка трясущейся рукой нащупала выключатель на ночнике. Зажглась лампа под толстым зеленым стеклянным колпаком. Комната сразу уменьшилась в размерах, съежилась, стала обыкновенной.

Посреди комнаты, наклонившись набок, почесывая ногу в черной штанине — видно, ударился, — стоял очень высокий плешивый человек с глубокими глазницами, в которых поблескивали невидимые, антрацитовые глаза.

— Так-то лучше, — сказал человек, усаживаясь в дешевое плетеное кресло лицом к постели. — Прошу прощения, что вторгся к вам среди ночи, но мне завтра на рассвете уезжать и я не мог задерживаться. Впрочем, если бы вы не сменили комнату, я бы пришел к вам куда раньше, и мне не пришлось бы вас будить.

Его голос был ворчлив, даже раздражен, но в то же время он будто защищался, будто был не совсем уверен в себе, — и Лидочка сразу почувствовала это.

— Сейчас же уйдите! — сказала она, правда, тихо, словно не желая, чтобы ее услышали. А это значило, что она вовсе не так испугана, как была всего минуту назад.

— Я готов уйти, — согласился гость, мирно и спокойно, словно они встретились на скамейке в солнечном парке. — Однако я полагал, что ваше женское любопытство должно было задать мне вопрос — кто я, зачем преследую вас, чего хочу. Не сродни ли я насильнику, что заснул в соседнем номере?

— Он не насильник, — сказала Лидочка. — Я его совсем не боюсь. Он раненый военлет и ищет свою возлюбленную.

Гость фыркнул:

— Сначала я должен задать вам несколько вопросов.

Лидочка опустила ноги на пол, чтобы ринуться к двери.

— Да погодите вы! — рассердился гость, правильно истолковав ее намерения. — Успеете убежать за несуществующей полицией. Неужели я произвожу впечатление грабителя и бандита?

— Не все бандиты на одно лицо, — сказала Лидочка. — Но нормальные люди по чужим комнатам не лазают.

— Хорошо, я все объясню. Это не займет много времени. Я должен сознаться, что когда, будучи здесь проездом, увидел вашу фамилию, это весьма заинтересовало меня. Весьма. Фамилия Берестовых не так уж часто встречается в России, а уж в Ялте — она почти исключительна. Заинтересовавшись, я хотел понять, ваша ли это фамилия или фамилия вашего мужа, хоть вы и не выглядите достаточно взрослой, чтобы быть замужем.

— А уж это не ваше дело!

— Это не мое дело? Совершенно согласен. Вернее, был бы согласен, не будь фамилия Берестов связана с трагическими и загадочными событиями.

— Вас Вревский послал? — спросила Лидочка и поглядела, далеко ли до окна. В крайнем случае она выбросится в окно, потому что лучше смерть или увечье, чем стать игрушкой в руках Вревского или угрозой Андрюше — ведь ясно же, что им нужен Андрюша!

— Вревский — это следователь, который вел дело о Берестовых?

Лидочка кивнула.

— Вы позволите курить?

— Не позволю! Мне это противно.

— Ладно, ладно, только не сердитесь. Ни мне, ни вам не нужно, чтобы прибежал портье или толпа обывателей. Нет, меня не посылал Вревский, я в жизни его не видел. Я покинул Сергея Серафимовича за несколько месяцев до его смерти. И был настолько далеко от этих мест и времен, что смерть его, случившаяся ранее, не стала мне известна, пока я снова не попал в эти края. Мне стоило больших трудов узнать, что же случилось. Но я узнал даже, что главным подозреваемым оказался Андрей Берестов, пасынок Сергея Серафимовича, в виновность которого, будучи близко знаком с покойными, я не мог поверить. Но Сергей Берестов погиб. Андрей Берестов исчез. Исчезли некоторые документы, важные не только для Берестовых, но и для всех нас. И вот, кружась здесь в попытках понять, что же в самом деле произошло, я узнаю, что некая молодая особа, которая называет себя Лидией Берестовой, приехала в Ялту неизвестно откуда и поселилась в «Мариано». Поэтому я и позволил себе проникнуть вчера в ваш номер и проверить, нет ли там не принадлежащих вам бумаг, и понять, кто же вы такая, имеете ли отношение к Андрею Берестову. Ясно?

— И что вы узнали? — спросила Лидочка.

Теперь все стало иначе. Раньше — неизвестный грабитель, таинственный враг, угроза. А сейчас — сейчас напротив нее сидит цивилизованный человек, в черном костюме, причесанный и ухоженный, ведет себя в меру вежливо, даже улыбается и, конечно же, не собирается набрасываться на Лидочку с побоями. И в то же время в Лидочке поднимался страх — иной, чем прежде, не таинственный, а самый понятный и конкретный. Этот человек в самом деле разыскивает Андрея. И не так важно, Вревским он послан или теми, кто убил Сергея Серафимовича. Важно, что этому человеку нужны документы и, может быть, деньги Андрея. И если она жестом или взглядом выдаст, что бумаги лежат в ее сумке, — только руку протяни, не остановится ни перед чем, чтобы их отнять...

— Я полагаю, — отвечал между тем грабитель, — что вы — Лидия Иваницкая, которая была невестой или, скажем, близкой подругой Берестова и исчезла одновременно с ним в октябре 1914 года — то есть два с половиной года назад. Можете поверить, что добыть эту информацию мне было нелегко — в России сейчас горят бумаги. И всегда находятся люди, готовые и желающие сжечь архив или хранилище. Во время бунтов и революций бумаги вызывают не только раздражение — буйную ненависть

революционеров, может, потому, что на бумаге закреплен свергаемый порядок вещей.

— И что вы еще узнали?

— Я узнал, что, вероятно, вы помогли бежать Андрею из-под стражи. Я прав?

— Это нечестно. Вы знаете обо мне так много, а я даже не знаю, как вас зовут.

— Конечно, вы правы, мы же с вами раньше не встречались. Андрея я видел, разговаривал с ним. Могу считать, что знаю его с младенчества, а вас встречать не приходилось. Но даже то немногое, что мне о вас известно, заставляет меня проникнуться к вам искренним уважением...

— Вы не сказали...

— Можете называть меня паном или господином Теодором. Так принято. Даже мой друг Сергей Берестов часто именовал меня именно так. Можете спросить об этом Андрея. Если вы его отыщете.

— Господин Теодор, — спросила Лидочка, — вы все выяснили, а может, знаете, где мои родители?

— Разумеется, знаю. И не бледнейте, не ломайте пальцев. Ваши родители живы-здоровы, только у меня не было нужды их видеть.

— А где они?

— Они живут в Одессе. Вашего отца перевели туда по службе, а ваша мать часто приезжает в Ялту в надежде, что вы уже вернулись. Наверняка она оставляет какие-то весточки для вас. Вы не пробовали обратиться на почту рестанте?

— Ой, конечно, спасибо! — воскликнула Лидочка. — Конечно же, до востребования! Я завтра же пойду.

— Вы чудо, — улыбнулся снова Теодор. — Сколько вам лет?

— Мне? Уже восемнадцать.

— Вот видите. — Теодор откинулся в кресле и сплел длинные пальцы. Улыбка была как приклеенная. — Разве можно так себя выдавать?

— Выдавать?

— Если вам восемнадцать, сколько вам было два с половиной года назад?

Теодор рассмеялся скрипучим смехом человека, который так редко смеется, что не знает, насколько неприятно его смех звучит для окружающих.

— Осталась последняя загадка, — сказал Теодор, вдоволь насмеявшись, — откуда у вас второй транслятор?

— Транслятор?

— Небольшой прибор, похожий на табакерку. Прибор, который дает возможность плыть во времени. Один вы получили или унаследовали от Сергея Серафимовича. А второй?

— Второй был у Глаши. Она же отдала его Андрею!

— Так я и думал. Все сходится. Теперь, прежде чем я скажу вам главное, моя девочка, — сказал Теодор отеческим голосом, — скажите мне, где бумаги Сергея Серафимовича.

Но Лидочка была уже готова к этому вопросу — разговор давно двигался именно к нему.

— Их спрятал Андрей, — сказала она спокойно, по крайней мере ей казалось, что она говорит спокойно. — Он успел их спрятать.

— Где? Неужели он не сказал вам где?

— А зачем? Зачем они мне?

— Чтобы отдать тем, кому они принадлежат.

— Простите, но ваши вопросы мне кажутся чересчур настойчивыми. Задавайте их Андрею.

Теодор помолчал. Потом сказал тише:

— Впрочем, вы правы. Вряд ли у вас было время, чтобы обсуждать содержание этих бумаг.

Теодор медленно поднялся с кресла и навис над Лидочкой.

— Разумеется, я мог бы проверить — не обманули ли вы меня, не скрываете ли бумаги здесь, — но мне так хочется вам верить! К сожалению, так часто обманывают те, кто по всем законам божеским и человеческим должен быть безукоризненно честным. И знаете почему? Для людей благородных и искренних ложь во спасение близких оказывается выше абстрактной честности. Вряд ли вы это сейчас поймете. Но предупреждаю — берегитесь честных людей. Уж они обманывают так обманывают!

Теодор на цыпочках подошел к двери и приоткрыл ее, прислушиваясь, но неожиданно для него некто из коридора рванул дверь на себя, и не ожидавший этого Теодор потерял равновесие и буквально вывалился в коридор — это было как в цирке, где мим борется с собственной тенью. Потеряв равновесие, Теодор упал на колени, а над ним возникла дурацкая физиономия военлета Васильева.

— Ты здесь, моя крошка? — спросил он сонно. Но, приглядевшись, он понял, что Лидочка — не его дама сердца, и сказал: — Экскьюзе муа, поняла?

Теодор быстро и ловко вскочил с пола и толкнул Васильева в грудь. Но для того, видно, толчок не был неожиданностью. Он

его парировал, и после этого получилось так, что мужчины как бы обнялись и начали толкаться и рычать.

Лидочка кинулась на помощь Теодору, повисла на Васильеве, стараясь разжать его пальцы, — все они забыли, что всего четыре часа утра. В коридоре начали открываться двери, люди высовывались в коридор, ругались, проклинали пьяниц.

Теодор вывернулся, ловко заломил Васильеву руку за спину, и из руки, звякнув, выпал пистолет — Лидочка даже и не успела разглядеть, как Васильев успел его вытащить. Затем Теодор повел согнутого Васильева к лестничной площадке и ударил ниже спины. Васильев исчез.

Лидочка подбежала к Теодору.

— Он вам не сделал больно? — спросила она.

— Нет, ничего, — сказал Теодор. Он спрятал в карман пиджака пистолет Васильева. — Не стоит оставлять ему пушку, правда?

— У него рука раненая.

— Я его знаю уже три года — он не расстается с черной повязкой, — сказал Теодор. — Вернемся к вам в номер — здесь нас могут услышать. У меня осталось две минуты.

Теодор закрыл за собой дверь, прошел к окну и стал отрывать клейкую бумагу, чтобы раскрыть его. Рама раскрылась со скрипом, и из окна потянуло холодом.

— Слушайте и не перебивайте меня. Вы не встретите Андрея. Вы меня поняли? Здесь вы не встретите Андрея.

— Что вы говорите! Не смейте!

— Не перебивайте, говорю вам! — В дверь постучали. — Вы должны уйти еще на сто дней вперед. Но только осторожно. Никогда не ставьте указатель между рисок. Вы меня поняли? Завтра же или сегодня — лучше сегодня — аккуратно уйдите на сто дней вперед. Иначе потеряете Андрея...

Дверь раскрылась. В ней стоял портье. За его спиной — другие лица. Теодор прыгнул на подоконник и исчез в синеве. Всей толпой люди от двери побежали к окну и стали смотреть вниз и что-то кричать вслед убегающему Теодору.

Портье первым повернулся к Лидочке, вспомнил о ней.

— Как он здесь оказался? — спросил он строго, будто именно Лидочка была во всем виновата.

— Я же вам говорила, я же говорила! — чужим кухонным голосом закричала на него Лидочка. — Я же просила, умоляла перевести меня в другой номер!

Портье даже опешил и развел руками. Он сказал, обращаясь не к Лидочке, а к прочим свидетелям:

— Я перевел, как и просили, а почему-то он здесь оказался.

— И ваш военлет Васильев здесь оказался! — Лидочка тоже апеллировала к свидетелям. — Что, я его тоже привела?

— Это безобразие какое-то, — сказал господин в ночном колпаке и длинной белой ночной рубашке.

Неясно было, кого он обвиняет. А может, он и сам не знал.

— Вот что, — сказал портье, — пойдете со мной, мадемуазель. Будете досыпать в швейцарской — мне вход в нее виден, — я за вами буду присматривать. И не возражать! — последнее было рявкнуто по-фельдфебельски.

По охваченной рассветной дрожью публике прошел гул. Некто, облеченный доверием и авторитетом в дни, когда не стало ни доверия, ни авторитетов, взял на себя ответственность за жизнь юной особы.

— Ясно, — сказала Лидочка. — Спасибо вам большое.

* * *

В швейцарской стоял старый кожаный диван, когда-то мягкий, но теперь весь словно горная система — пружины неровно торчали сквозь порванную кожу. Поверх пружин был положен плед, от которого пахло псиной и табаком.

Лидочка больше не заснула. Лидочка думала. И ей казалось, что если она уснет, так и не решив загадок, возникших здесь, то случится нечто страшное.

Кто тот господин Теодор? Посланник Вревского? Грабитель? Или, может быть, в самом деле тот, за кого себя выдает, — друг покойного Сергея Серафимовича и также путешественник во времени? Ведь если есть один путешественник, если их два — может быть и десять, и сто... А вдруг каждый десятый человек умеет путешествовать во времени и именно от этого возникает недонаселенность мира в давние эпохи и перенаселение, о котором столь много писали в газетах, в мире сегодняшнем и завтрашнем? Может быть, в самом деле сотни и тысячи людей, подобно Лидочке, несутся в будущее, чтобы избавиться от страхов и несчастий нынешнего дня, и там, завтра, собираются, подобно божьим коровкам по весне, чтобы в покое обсудить свою давнюю жизнь? Нет, эта мысль никуда не годится — если бы путешественников во времени было много, кто-то, не имеющий табакерки, давно бы узнал об этом и, узнав, позавидовал. А позавидовав, сообщил другим людям. Значит, почти наверняка обладание табакеркой редчайший дар... Дар? А если так, он предусматривает

дарителя? Ведь не Сергей Серафимович выдумал и изготовил табакерку и портсигар. Наверное, нужна для этого специальная лаборатория, а то и фабрика, и, уж конечно, не российская, а немецкая. Левши подковывают блох только в произведениях патриотически настроенных российских писателей.

Господи, тут клопы! Лидочка, панически боявшаяся клопов, вскочила с дивана и пересела на стул. Потом осторожно выглянула из приоткрытой двери. Портье дремал, положив голову на скрещенные на стойке руки. Лидочка хотела перейти на кресло в холл, но потом поняла — лучше остаться здесь, в уголке, в темноте, где ее никто не видит.

Если господин Теодор — путешественник во времени, это многое объясняет, и тогда ему можно верить. Впрочем, а почему ему надо верить? Если его поведение в первые минуты разговора можно было понять — он искал бумаги и хотел узнать подробности о случившемся с Сергеем Серафимовичем, то последние его слова все разрушали. Почему он, вместо того чтобы выхватить у Лидочки сумку, начинает говорить о какой-то ошибке, что совершила Лидочка, неаккуратно поставив риску на шкале табакерки... или как ее называют путешественники во времени? Транслейтор? Нет. Транслятор. Зачем ему понадобилось именно в последнюю минуту пугать Лидочку? И говорил он так нервно, так быстро, как человек, который решил объясниться в любви после того, как ударил колокол к отправлению поезда. Чего он потребовал от нее? Чтобы она немедленно перешла еще на сто дней вперед. «Если хотите, я сам поставлю вам срок», — а она тогда схватила сумку и прижала ее к груди, выдав этим местонахождение табакерки и показав, что не доверяет пану Теодору. Вот тут-то ему и надо было хватать сумку — все равно убежит. А он печально покачал головой и не сделал попытки овладеть сумкой и табакеркой. «Вы потеряете Андрея». Что означают эти страшные слова?

Портье тяжело закашлялся. Лидочка замерла.

Слышно было, как он поднялся и подошел к двери в швейцарскую. Лидочка хотела было кинуться к дивану и хотя бы сделать вид, что спит, но отвращение перед клопами было сильнее ее.

Портье удивился:

— А это что такое?

— Не хочется спать.

— Боишься?

— Клопов боюсь.

— Это так... Если бы три года назад мне сказали, что в «Мариано» будут клопы, я бы собственными руками его задушил.

— Вы бы лучше клопов задушили.

— Они живучие, — неожиданно усмехнулся портье, и лицо у него стало добрее. — Я тебя знаю? Видел?

— Может быть, — сказала Лидочка. — Я здесь раньше жила. До войны. Потом уезжала.

— Знакомая фамилия. И что-то у меня с ней связано. Какое-то воспоминание.

— Вы тоже из-за меня не выспались, — сказала Лидочка.

— Ничего, постояльцев немного. Ты постарайся поспи. Клоп до смерти не закусает.

Портье ушел. «Сейчас он вспоминает, — подумала Лидочка. — Он думает и к утру обязательно вспомнит — зачем я сказала ему, что здешняя?» И тут же в ушах зазвучал голос Теодора — он грозил ей, что если она не нажмет на кнопку, то никогда больше не увидит Андрюшу... Но почему?

— Почему? — спрашивала она Теодора. — Почему?

Но он уходил, не оборачиваясь, и, уже заснув, Лидочка поняла, что видит сон.

* * *

Утром Лидочка пошла на почтамт и там получила целую пачку писем «до востребования» от мамы, которая не уставала ей писать в расчете на Лидочкину сообразительность. Лида отписала маме, что у нее все в порядке, она здорова и надеется, что сможет в ближайшие месяцы ее увидеть. Обратного адреса на конверте она не написала из осторожности и опасения не столько Вревского, сколько маминого немедленного приезда.

Она много думала, не подчиниться ли совету Теодора, но в конце концов решила им пренебречь. Она не может рисковать — лучше уж дождаться Андрюшу, чем рисковать разойтись с ним снова.

Глава 4

Март — апрель 1917 г.

Формально переговоры вел Фриц Платтен. Он был респектабельным швейцарцем. Германский советник в Берне мог принимать его, не привлекая особого интереса корреспондентов и не

рискуя потерять лицо. Впрочем, опасения дипломата были не столь уж обоснованны. При том, что сделка, которую они с Платтеном готовы были совершить, призвана была перевернуть судьбы мира, мало кто ожидал, что перемены в мире могут исходить именно отсюда — от русских социалистов, которые, числом несколько десятков, давно уже жили на подачки сочувствующих, проводя дни по тихим библиотекам Женевы и Базеля, либо так же спокойно и аккуратно, подчиняясь швейцарскому воздуху, вели дискуссии о судьбах революции в России. Журналисты полагали, что судьбы революции решатся именно в России, а судьбы Европы — на полях Бельгии и Франции, в крайнем случае на Дарданеллах, но уж никак не в Швейцарии.

Журналисты ошибались. Будь Александр Васильевич Колчак чуть более везуч, а секретные агенты Германии чуть менее прозорливы, все могло бы произойти иначе.

До Цюриха сведения о революции дошли лишь на третий день. Владимир Ильич Ленин узнал обо всем, когда собирался после обеда в библиотеку. Он уже надел пальто и потянулся за мягкой серой шляпой, как в дверь зазвонили отчаянно и нервно, отчего Владимир Ильич поморщился — он знал, насколько это было неприятно хозяйке, обладавшей обостренным слухом.

Ворвался Бронский. Бронский был без шляпы и растрепан, будто спал на бульваре. Не вытерев ног, он закричал с порога:

— Вы ничего не знаете? В России революция!

— Голубчик, — оборвал его Ленин, — прихожая не место для политических бесед. Давайте пройдем в комнату, и вы мне все расскажете.

Бронский был потрясен столь спокойной реакцией Ленина на новости. Но Владимир Ильич умел владеть собой, и лишь слишком крепкая хватка пальцев, сжавших тонкие косточки локтя Бронского, выдавала волнение Ленина.

Ленин не дал Бронскому долго разглагольствовать. Он спросил, вычитал ли тот новости из газет либо получил их иным путем.

— Ну каким же иным? — удивился Бронский. — Ко мне почтовые голуби еще не летают.

— Тогда дайте мне сюда газету и помолчите, пока я ее прочту, — сказал Ленин.

И когда он кончил читать — дважды, но быстро, мгновенно скользнул взглядом по скупым строкам — сообщениям различных агентств и корреспондентов — более домыслы, нежели знание обстановки, — когда Ленин кончил читать, впитал в себя всю

информацию, он кинул взгляд на замершую у дверей Надежду Константиновну — точно знал, где она должна находиться именно в эту секунду, и сказал ей — не Бронскому же, который не пользовался доверием и уважением:

— Я давно предупреждал об этой революции. Наши социал-демократы проморгали момент. Мы должны немедленно, повторяю, немедленно вернуться в Россию.

— Это невозможно, Владимир Ильич! — воскликнул Бронский.

— Это так опасно, Володя, — сказала Надежда Константиновна.

— Революционер не должен бояться опасностей, — сказал Владимир Ильич. — В конце концов, сделаем себе парики, сбреем бороды и проникнем прямо в центр! В центр событий! — И Владимир Ильич показал указательным пальцем направление к центру событий.

Эмигранты еще не покинули пределов законопослушной нейтральной Швейцарии, но мысленно они уже неслись к беззаконной России. Сначала возник проект Мартова — ехать домой через Германию, обещав Германии и Австро-Венгрии передать за пропуск через их территорию нужное, может, даже грандиозное число пленных немцев. Совещание, где выступил со своим проектом велеречивый Мартов, было 19 марта — Мартова никто не поддержал. Все полагали, что на родине у власти находятся в большинстве своем политические противники эмигрантов, и не в их интересах выменивать себе врагов, вступая в сомнительные отношения с другими врагами.

Лишь Ленин поддержал эту идею — сначала безуспешно, на собрании, потом у Мартова дома, где пытался влить в него уверенность. Но тот уже потерял кураж — через всю Германию ехать было страшно.

Давно уже Ленин не был столь энергичен и боевит. За двое суток он побывал у всех мало-мальски достойных внимания эмигрантов, встретился с деятелями немецкими и швейцарскими — отыскал Платтена и Гримма — и даже добился негласного постановления эмигрантской группы уполномочить Гримма на переговоры со швейцарским правительством.

Швейцарское правительство не пожелало вести переговоры, потому что не видело в них никакого смысла. Парвус подключил вездесущего Ганевского — тот начал нажимать кнопки в Берлине. Его люди дошли до Генерального штаба: неужели не ясно, что прибытие в Россию группы влиятельных пацифистов, противни-

ков войны и врагов престола, еще более нарушит баланс сил в России и толкнет ее к поискам выхода из войны, а может, и капитуляции? Так что когда Фриц Платтен начал переговоры с германским посольством в Швейцарии, то уже имелись негласные инструкции способствовать переговорам, однако не было инструкций принимать решения. Решения будет принимать Берлин. Там еще оставались сомневающиеся, и чем выше, тем больше, — в провозе русских пацифистов через Германию было нечто постыдное, до чего не опускаются тевтонские рыцари. Кронпринц полагал, что воевать надо честно, а не засылая в тыл противника чуму или бунтовщиков, готовых на любую сделку ради того, чтобы прорваться к власти. Кронпринц не любил революционеров, даже в тех случаях, когда их можно было использовать в интересах державы. Кайзер, занятый проблемами более важными, не был поставлен о переговорах в известность.

Переговоры тянулись до конца марта. Ленин потерял терпение.

Утром в пятницу произошел разговор с Надеждой Константиновной.

Владимир Ильич буквально ворвался на кухню, где Крупская жарила омлет.

— Все! — воскликнул он с порога, терзая в крепкой руке смятую газету. — Больше терпеть нельзя ни часу — промедление смерти подобно! Надюша, пойми, они укрепляют свои позиции. Не сегодня-завтра эсеры раздадут крестьянам землю и полностью одурачат пролетариат. Где мы тогда будем? На задворках истории?

— Но ты же знаешь, Володя, — ответила Надежда Константиновна, — что тебе нельзя волноваться.

— Я больше волнуюсь от безделья! Мы должны ехать. Ехать!

— Фриц сказал, что со дня на день он ждет решения из Берлина.

— Фриц может и не дождаться. Его-то ничего не торопит.

— И что же делать? — Надежда сняла сковородку с плиты.

— Я знаю. Надо достать паспорт шведа. Или норвежца. Да, лучше всего норвежца. Никто не знает норвежского языка...

— Володя, ты руки вымыл? Ты же с улицы пришел.

— Иду, иду...

Ленин бросил газеты на стол и кинулся в туалет к умывальнику.

— Наденька! — донесся оттуда его голос. — Наденька, ты не

знаешь, у исландцев есть заграничные паспорта или они ездят по датским?

— Иди в комнату. Я ничего не слышу.

За столом Владимир Ильич разъяснил жене свой план:

— Первое — мы достаем паспорт. Норвежца или шведа. И по этому паспорту мы едем через Германию.

— И как только к тебе кто-то обращается по-шведски, все проваливается, — сказала Надежда Константиновна. — Омлет не соленый?

— Чудесно, чудесно. Тогда это будет глухонемой швед. Да! Великолепно, — Ленин бросил вилку, вскочил и подошел к окну. — Это будет глухонемой швед или даже глухонемой норвежец. Тебе приходилось встречать глухонемого норвежца?

— Володя, не волнуйся, — сказала Крупская. — Садись за стол. Омлет остынет.

— Господи! — Ленин опустился на стул, руки бессильно упали на скатерть. — Сколько лет я ждал этого момента, я положил жизнь ради того, чтобы приблизить его, и, смею тебе сказать, без моей деятельности эта революция могла бы произойти на десять лет позже или не произойти совсем.

— Я это знаю лучше всех, — печально ответила Крупская.

— Да, милая. — Владимир Ильич протянул руку через стол и дотронулся до пальцев жены. — Я знаю и потому именно с тобой могу поделиться своей тревогой. Если я не попаду в Россию в течение двух недель, мое место займут другие люди.

— Другие люди в партии? — спросила Надежда Константиновна. — У тебя в партии нет соперников.

— Я не хуже тебя это знаю. Но при благоприятных обстоятельствах и в мое отсутствие некоторые постараются стать моими соперниками, претендовать на место наверху и, может быть, оттеснить меня.

— Лев Давыдович?

— Он не в партии. Но ради этого вступит. Есть и Зиновьев, и Каменев. Ты всех знаешь. Пока я жив, они не посмеют поднять головы.

— Но могут прийти другие, молодые, наглые, которых ты сейчас не учитываешь, — сказала разумная Надежда Константиновна.

— Партия погибнет, потеряет значение, как только потеряет меня. Власть уже захватили и теперь консолидируют эсеры и псевдосоциалисты, демагоги вроде Керенского. В России опасен не Гучков, нет, бойся Чернова — оратора, крикуна!

— Значит, ты не имеешь шансов?

— А я — демагог, — сказал Ленин и рассмеялся.

Он смеялся высоким голосом, откинув голову, рыжая с проседью бородка выпятилась вперед, как острие меча.

— Ты меня позабавила! — сказал он.

Ленин начал быстро есть омлет, заедая его хлебом, — он ломал булку, забрасывал в рот маленькие кусочки хлеба. Он думал о том, что с годами Надежда стала его «alter ego», она произносит вслух те его мысли, которые он не смеет или не хочет произнести сам. И она, конечно же, не сможет жить без него. Если с ним что-то случится, она тут же умрет, тут же... ему стало жалко Надежду, как будто смерть, о которой он рассуждал, относилась вовсе не к нему...

— Омлет совсем остыл, — сказал Ленин.

— Я принесу кофе, — сказала Надежда Константиновна.

* * *

Идея с глухонемым шведом при всей ее авантюрности и нереальности начала приобретать конкретные формы. Недаром Мартов как-то говорил, что под личиной доктринера и начетчика в Ульянове скрывается авантюрист, гимназист, начитавшийся Густава Эмара и стремящийся на Амазонку. И это опасно, потому что стремление к авантюрам он переносит на всю Россию, и не дай Бог ему дорваться до истинной власти — он может вылепить из России настоящего монстра.

Многие смеялись, но те, кто знал Ленина многие годы, даже не улыбались. Человеческой привязанности к нему не испытывал почти никто, потому что трудно привязаться к человеку, который не только может, но и готов пожертвовать любой привязанностью ради власти. Впрочем, это отличительная черта многих больших политиков, иначе они не становятся большими политиками.

В конце марта 1917 года стремившемуся в Петербург Ленину помог случай, что неудивительно, так как Ленин именно его и искал. Некто Нильс Андерссон, шведский социал-демократ, близкий знакомый Гримма, оказался в Женеве. Он был из тех сытых, вскормленных на хорошем молоке и доброй пище, в чистоте и уюте молодых людей, которых так тянет отведать дерьма для внутреннего равновесия, что они готовы устроить кровавую революцию на Мадагаскаре, только бы выдраться из скорлупы респектабельности. Нильс Андерссон мечтал побывать в России

и с винтовкой в руке, по колено в грязи и крови, насаждать там социальную справедливость. Гримм обещал ему место в первых рядах бойцов, но ранее он должен совершить для русской революции благородный поступок — принести жертву, которая, в сущности, даже и не является жертвой, — одолжить свой паспорт товарищу Ленину, одному из вождей русской социал-демократии, ее левого крыла, — да вы видели его, товарищ Андерссон, в Стокгольме! О да, я, конечно, имел счастье видеть одного из вождей русской социал-демократии. И пока что я буду ждать нового паспорта вместо мнимо утерянного, я буду собирать деньги для России.

Так и вышло, что совершенно нереальный план удался — Ленин отправился через всю Германию под видом глухонемого шведа.

Но прежде чем отправиться, по крайней мере неделю, весь конец марта, Владимир Ильич с увлечением и тщательностью, с которой он всегда приступал к новым занятиям, изучал язык глухонемых, правда, не шведских, а немецких, так как уроки немецких глухонемых были доступнее. Тем временем и Нильс Андерссон давал Владимиру Ильичу уроки шведского языка.

Надежда требовала, умоляла разрешить ей поехать вместе с Лениным, но тот был неумолим. Он полагал, что риск узнавания при таком варианте удваивается. Он предпочел ехать с братом Фрица Платтена Карлом Платтеном, невероятно отважным, правда, рассеянным молодым человеком, швейцарский паспорт которого вызывал доверие. А Надежда должна была отправиться с остальной группой в закрытом вагоне, который, судя по сведениям Фрица, немцы все же готовы были предоставить, — правда, еще неизвестно, когда и с какой скоростью он будет добираться до Дании.

31 марта — всего месяц миновал с начала русской революции, и еще не все было потеряно для Ленина и большевиков — Владимир Ильич в котелке, синих очках, без бороды, в пальто с поднятым бархатным воротничком вошел в вагон второго класса. За ним шла, сдерживая слезы, Надежда Константиновна. Бронский нес чемодан, а Карл Платтен шагал последним, держа в одной руке русско-немецкий словарь, в другой — книгу Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», по которой намерен был в дороге изучить русский язык.

Незамеченным остался стоявший на перроне агент русского охранного отделения Петров, не изменивший долгу по случаю революции и надеявшийся, что его услуги будут нужны любому

режиму в России. После отправления поезда, дождавшись ухода Крупской и Платтена-старшего, Петров прошел на телеграф и послал невинно звучащую телеграмму в Петербург, где говорилось, как и положено в шпионских телеграммах, о тюках с хлопком и игрушках из миндальных косточек. В самом же деле получатели должны были понять, что известный и опасный социалист Ульянов-Ленин возвращается в Россию под видом глухонемого шведа и едет таким-то поездом. Так что можно принять меры.

Полковник Ряшенцев, оставшийся на своем месте и в своем кабинете, хоть правительство и сменилось, счел своим долгом сообщить о донесении тому из министров, кто, по мнению полковника Ряшенцева, был наиболее толковым и перспективным в этом сборище старых говорливых баб из Думы.

Министр юстиции Александр Керенский, получив донесение, не испугался так, как ему следовало бы испугаться, потому что недооценивал силу и ум Ленина. Поэтому он, поблагодарив полковника Ряшенцева, передал его секретное донесение господину Чхеидзе, состоявшему председателем Петроградского Совета, который, будучи социалистом и политическим соперником Ленина, должен был принять меры. Господин Чхеидзе не любил Ленина, но отдавал ему должное как умелому тактику и мастеру политической интриги. Ленин был соратником Чхеидзе, вложившим немало сил и принесшим жертвы (как и все семейство Ульяновых) на алтарь революции. Мог ли Чхеидзе возражать против возвращения Ленина, как и прочих социалистов, из Швейцарии? Разумеется, нет.

Так что агент Петров остался в Женеве наблюдать за приготовлениями к отъезду остальных революционеров, полагая, что авторитетные лица в Петербурге заготовят кандалы для Ленина, в чем он глубоко ошибся.

Основные опасности для глухонемого шведа лежали на территории Германии. Путь этот был относительно недолог, он должен был занять не более суток, если, конечно, не вмешаются трудности военного времени, которые, к крайнему раздражению Владимира Ильича, горячего поклонника немецкого железнодорожного порядка, уже чувствовались по всему пути. На некоторые станции, в частности в Кельн, поезд прибывал с пятиминутным опозданием.

До Франкфурта ничего достойного интереса не произошло. Помимо Ленина и Платтена-младшего, в купе был лишь один пассажир из Женевы, швейцарский вице-консул в Стокгольме,

который был удручен тем, что вынужден ехать, сидя целые сутки во втором классе. Он был относительно молод, но нес на себе вневозрастную печать чиновника из министерства иностранных дел, которые изготавливаются, как подумал с улыбкой Владимир Ильич, во всем мире по одной выкройке.

Платтен выбегал на каждой станции за газетами — и не зря, потому что новые газеты — новые вести из России. И хоть Германия была от России оторвана и своих корреспондентов там не имела, могучая сила телеграфа и радиоволн позволяла получать новости даже из враждебных стран в тот же день. Так что утренние газеты в Штутгарте несли информацию о намерениях русского Черноморского флота выйти в море и совершить демонстрацию в сторону Босфора. Прочтя это, Ленин фыркнул, засмеялся и чуть было не сказал Карлу: «Нет, вы только посмотрите, до чего докатились эти газетчики». Но спохватился, в последний момент кинул взгляд на севшего во Франкфурте плотного глазастенького бюргера, сопровождаемого плотной и тоже глазастенькой женой, — впрочем, она могла быть и его сестрой.

Бывают моменты обоюдного недоброжелательства — такое случилось в купе: с первого взгляда бюргерская парочка невзлюбила Ленина, а тот почувствовал к ним ту глухую, глубокую, темную ненависть, которая охватывала его при упоминании фамилии Романовых — убийц, бездарностей, ничтожеств, держащихся цепкими пальцами за престол и потому низвергавших Россию в бездну. И надо же, надо же так случиться, что свержение их произошло без участия Ленина! Впрочем, он понимал, что настоящего свержения еще не было — Романовы, убийцы его брата, убийцы многих святых, благородных людей, еще живы и готовы к реваншу. Его, Ленина, исторический долг — вырвать с корнем всю эту кровавую камарилью! А для этого надо оказаться в Петрограде, изгнать железной метлой Керенских, Церетели, Гучковых и прочих говорунов. И самому взять власть.

Бюргеры глядели на Владимира Ильича одинаковыми голубыми глазками, будто им более некуда было глядеть, а Ильич вынужден был смотреть в окно, чтобы не сталкиваться с ними взглядом.

Не исключено, что шпики, думал он, не успокаиваясь вовсе, хоть за окном проплывали столь милые его сердцу аккуратные и чистые немецкие деревни и кирхи. Очередной Мариендорф возник за округлым холмом, выверенным для гармонии пейзажа белыми домиками, стянутыми темными деревянными помочами. Вот и станция со слишком начищенным колоколом на перроне и

слишком чистым начальником у колокола. Когда еще удастся увидеть снова эти места, столь чуждые русскому сердцу и столь милые сердцу Владимира Ильича! Окончательным осуществлением жизненной цели и мечты была не революция в России, а переход ее сюда, возможность отыскать сплоченные социалистические силы, мирно дремлющие сегодня под красными черепичными крышами Мариендорфа, олицетворением которых был Карл, Карлуша, углубившийся в Ленина так, что можно из пушки стрелять над самым ухом, — внутренне чистый, организованный, порядочный человечек. Именно здесь — в Германии, в Швейцарии — и будет построен настоящий социализм. России, несмотря на кажущуюся легкость переворотов и революций, да и склонность народа к мятежу, до настоящего социализма не дорасти. Нет, не дорасти.

— Нет, — сказал Ленин по-русски, — не дорасти! Вот так-то!

И рука его потянулась к блокноту и карандашу, что лежали у него на коленях, чтобы занести на бумагу некоторые мысли, что могут оказаться полезными в предстоящих дискуссиях с соратниками по революционной борьбе.

И он не увидел, как усмехнулся вице-консул, как сузились глазки бюргера, как сжала его кисть цепкими крестьянскими пальцами его жена. Но это все увидел и услышал, несмотря на чтение, Карлуша Платтен. Он отложил, даже отбросил в отчаянии книгу и, толкнув Ленина в плечо, начал изображать пальцами язык глухонемых, а губами стараясь передать испуганно обернувшемуся Ленину всю опасность их положения. Швейцарский дипломат обернул к ним злое холеное лицо и с некоторой усмешкой наблюдал за соседями, в которых угадал жуликов и мошенников, хотя, впрочем, не знал пока целей их мошенничества.

Владимир Ильич, уже углубленный в нужную и срочную работу, лишь отмахнулся от нелепых и непонятных знаков Карла Платтена, так как в авантюрах его интересовали лишь разработка плана и самое начало действия — рутина поддержания авантюры его обычно тяготила. Он мог сбрить бородку, чтобы обмануть этих самых шпиков, но затем забывал брить ее ежедневно. Начисто упустив из памяти, что он — глухонемой, Владимир Ильич счел жесты Карлуши не более как нелепой игрой и отмахнулся от игры.

Карл, бросив опасливый взгляд на соседей по купе — никто из них не скрывал своего интереса к ним с Лениным, — счел за лучшее сделать вид, будто ничего не произошло, а Ленин между

тем, вовсе увлекшись работой, начал напевать, не размыкая губ, танец маленьких лебедей из «Лебединого озера».

Более до самого Кельна событий не произошло. В Кельне была стоянка двадцать минут, но кондуктор, проходя по вагону, объявил с нескрываемой скорбью человека, который привык к неизменной точности немецкого айсбана, что отправление поезда задерживается еще на пятнадцать минут.

Вокзал в Кельне расположен близко от центра, над ним буквально нависает серая громада Кельнского собора.

Ленин выразительно ткнул пальцем в пачку газет, лежащую на сиденье между ним и Платтеном, быстро поднялся, как только поезд замер у перрона, и принялся одеваться. Платтен последовал его примеру.

На перроне было ветрено. Ленин застегнул верхнюю пуговицу и надвинул пониже шляпу. Платтен принялся упрекать его за поведение в купе.

— Ничего подобного! — Ленин, как и все великие люди, не любил признавать мелких житейских ошибок. — И если я даже что-то произнес, гарантируемо, что никто в купе этого не услышал.

— Вы забываете, что Германия охвачена шпиономанией, — возразил Платтен. — Вас могли принять за английского шпиона.

— Пускай они это только докажут! — возмутился Ленин, которому была отвратительна мысль о принадлежности к английской секретной службе — Англию в отличие от Германии он никогда не любил, в англичанах было много темного, тупого, и главное, они, по мнению Владимира Ильича, были тайно нечистоплотны и склонны к содомии.

Полицейский агент, который уже шел за ними в достаточной близости, чтобы слышать их слова, мысленно улыбнулся, так как каждому агенту приятно сознавать, что он вышел на настоящего шпиона. Агента послал следом за Лениным и Платтеном голубоглазенький бюргер, в действительности же криминальный советник Ганс Фридрих Розенфельд, уже во Франкфурте заподозривший в шпионаже транзитных пассажиров из Женевы.

Криминальный советник из Франкфурта, ехавший в купе со своей женой Гертрудой, а также агент в Кельне, который спешил по перрону вслед за социалистами, и знать не знали об Ульянове-Ленине и мало представляли себе значение российской революции. Зато были уверены в том, что английские агенты буквально наводнили Германию, и потому были на страже и следили — не попадется ли агент в их поле зрения.

Ленин и Платтен подошли к газетному киоску. Платтен расплатился за газеты — сюда уже поступили газеты с севера Германии и даже из Голландии и Дании. Не отходя от киоска, Владимир Ильич разворачивал газеты, отыскивая сообщения из России. Одно из сообщений заставило его выругаться по-немецки сквозь стиснутые зубы.

— Тише! — прошипел Платтен, оборачиваясь и с недовольством замечая совсем рядом молодого человека в сером пальто и с определенным наклоном головы, что выдавало его принадлежность к секретной полиции.

— Что тише? — ответил Владимир Ильич. — Что тише? Знаете ли вы, что Керенский назначен военным министром? Не сегодня-завтра он объявит себя диктатором!

— О, камрад Ленин, — сказал Платтен громким шепотом. — Вы же — глухонемой швед!

— Я — глупый швед! — ответил Ленин, игнорируя предупреждение Карла. — Если не случится чуда, я опоздал! К тому же нас никто не слышит.

— Простите, — сказал кельнский агент, подходя ближе и давая рукой сигнал Гансу Фридриху Розенфельду, чтобы тот возвращался к поезду. — Но вы ошибаетесь. Я вас слышал. И вам придется снять вещи с поезда и проследовать за мной в управление.

Ленин взмахнул руками, пытаясь изобразить речь глухонемого, но агент лишь устало улыбнулся, как положено улыбаться героям, завершившим трудную и опасную операцию по обезвреживанию группы английских шпионов.

* * *

16 марта 1917 года Ялтинский Совет направил телеграмму в Севастопольский Центральный Военный исполнительный комитет (ЦВИК), в которой говорилось, в частности, следующее:

...Имеются также сведения, что Великий князь Николаевич, подавший в отставку с поста главнокомандующего, на который он был назначен Временным правительством, и поселившийся вновь в своем имении Чаир, а также бывшая императрица Мария Федоровна ведут совещания с Великими князьями. Агентами Совета установлено, что совещания проходят, в частности, в комнате, не имеющей окон, в имении гражданки бывшей императрицы, о чем нам сообщил убежавший из имения лакей Иванов Петр. Позавчера

состоялся съезд заговорщиков на даче предводителя дворянства Попова, где находится скрытый радиотелеграф, которым Великие князья подают сигнал крейсеру «Гебен». Гражданка бывшая императрица вместе с подозрительными лицами совершает таинственные поездки в черном автомобиле. Связь с германским военным командованием поддерживает житель Ялты граф Тышкевич...

Александр Васильевич Колчак положил это донесение, переданное ему из ЦВИКа полковником Верховским, на стол в адмиральской каюте «Императрицы Екатерины», где он держал свой флаг. Сам же Александр Васильевич быстро ходил по каюте — шаги съедались толстым ворсом ковра, останавливался на секунду у раскрытого иллюминатора, резко поворачивался — кидал издали убийственный взгляд на бумагу, лежавшую на столе. Подходил к ней, намереваясь разорвать, но не рвал, а замирал у двери, где рядом с Верховским стоял Коля Беккер, он же мичман Берестов.

— Ну ведь идиоты? — вкрадчиво, будто и в самом деле хотел узнать, так ли это, спросил Колчак у Верховского. — Мария Федоровна во главе заговора! Как вам это нравится?

Верховский сочувственно склонил голову. Но не более. Он знал, что положение адмирала шатко — неизвестно было, что решат в Петрограде. Севастопольский Совет был адмиралом недоволен, потому что тот никак не желал признавать революцию. То есть формально он ее признавал и присягнул Временному правительству, но не скрывал того, что на первом плане для него остается победа над германскими варварами и их турецкими союзниками, а это может быть достигнуто лишь путем укрепления боевого духа войск и флота, то есть строжайшей дисциплиной, которой, оказывается, мешают митинги и шествия. Совет же, независимо от того, что думал каждый член его в отдельности, зависел от настроений береговых частей и матросов экипажей. А те с каждым днем все менее желали побеждать Германию и соблюдать дисциплину и все менее любили строгого учителя. Полковник же Верховский хотел сберечь голову и желательно пост, даже если это было связано с нелояльностью к Колчаку.

Коля Беккер в отличие от Верховского глубоким искренним вздохом выразил полное согласие с Колчаком. Беккеру было нечего терять, зато он был многим обязан Александру Васильевичу. И только ему. Ведь именно вице-адмирал, умевший ценить преданность и еще более находчивость, после инцидента во время митинга вызвал к себе прапорщика Берестова и предложил ему

перейти на флот с повышением в чине и пребывать далее для особых поручений при особе командующего. Карьера Беккера, сделавшая столь скорый и неожиданный скачок, приобрела новые очертания. Ведь за три года прозябания в Феодосии в крепостной артиллерии он поднялся всего-навсего от вольноопределяющегося до прапорщика. Здесь же за неделю он стал мичманом флота, сшил себе мундир у хорошего портного, и, когда Колчак увидел его впервые в штабе, он несколько секунд, несмотря на свою замечательную зрительную память, никак не мог сообразить — кто же этот знакомый ему высокий, стройный мичман.

— Берестов? — сказал он с некоторым вопросом, потом уже без вопроса: — Берестов Андрей Сергеевич! Вы рождены для морской формы.

За прошедшие дни Беккер пытался вжиться в структуру морского штаба, что было нелегко сделать, а Колчак ему ничем не помогал, полагая, что щенки учатся плавать, только будучи скинуты в воду. В ином случае пловца не получится. Разумеется, у новых коллег Беккера не было к нему никакого расположения. Беккер попал в свиту, которую его новый знакомец капитан-лейтенант Сидоренко, человек, принадлежавший к обидчивой породе украинских националистов, называл сворой. Он должен был ждать поручений, тогда как каждый из прочих людей, окружавших Колчака, имел свое дело, занятие или основания для безделья. Впрочем, последних было мало — они быстро пропадали, если острый взгляд адмирала выхватывал их из толпы, как трутня из роя пчел.

— Мы не можем игнорировать этот глупейший донос, — сказал Александр Васильевич, совершив еще один круг по каюте. — Потому что от нас именно этого и ждут. Мы игнорируем донос, копия его летит, если уже не улетела, в Петроград, где у нас с вами немало врагов.

Верховский кивнул, соглашаясь с тем, что у адмирала много врагов, а Коля вскинул голову, изящно устроенную на высокой шее, потому что оценил слово «мы», сказанное адмиралом.

— И это именно сейчас, когда наша настоящая работа идет полным ходом и достаточно мелочи, чтобы все погубить.

Верховский кивнул, показывая, какая работа их объединяет с адмиралом, но Коля кивнуть не посмел, потому что в святая святых его не допускали.

— Не сегодня-завтра из Петрограда посыплются панические телеграммы, — уверенно сказал Колчак. — У них тоже на шее сидит Совет, и они еще больше нас боятся потерять власть. Меня в худшем случае отправят в Соединенные Штаты закупать оружие или консультировать по минному делу, а им придется идти в отставку... если не на эшафот.

— Достаточно послать туда доверенного человека, — сказал Верховский, — чтобы он установил на месте, кто лжет.

— Вот это, господин полковник, — Колчак остановился напротив Верховского и кончиками сухих пальцев взял его за пуговицу на груди, — было бы роковой ошибкой. Мы должны откликнуться на этот грязный и глупый донос, словно свято верим в каждое его слово. Мы соберем, причем гласно, все возможные комиссии, советы и союзы! Бейте в барабаны, полковник!

— Слушаюсь, — неуверенно отозвался полковник и совершил незаконченное движение плечами, будто собирался уйти, не двигаясь с места.

— Сегодня же с копией письма делегировать представителей Совета и ЦВИКа в Петроград к Керенскому! Включить в комиссию самых серьезных дураков Севастополя. Остальные должны создать грандиозную комиссию. Грандиозную. Но совершенно секретную. Эта комиссия совершенно тайно должна будет обследовать резиденции всех Романовых и близких к ним лиц. Секретно, Верховский. Так, чтобы весь Крым знал и смеялся. Теперь вы все поняли?

— Теперь я все понял, — улыбнулся Верховский улыбкой гимназиста, догадавшегося, что корень из четырех — два.

— Идите. А вы, мичман Берестов, задержитесь на минутку. У меня будет к вам другое задание.

* * *

— Ну и как у вас дела? — спросил Колчак, усаживаясь в кресло и показывая Беккеру на соседнее. Садясь, адмирал нажал какую-то невидную для Беккера кнопку, потому что тотчас же отворилась дверь и вошел матрос в белой блузе с подносом, на котором стояли две рюмки, хрустальный графин с коньяком и черная пузатая бутыль.

— Рюмку коньяка, лейтенант? — спросил Колчак, показывая движением руки поставить поднос на столик.

— Благодарю вас, — сказал Коля.

«Что ему нужно от меня? Конечно, не исключено, что адмирал нуждается в преданных людях — достаточно заглянуть в исторические труды, чтобы понять: ни один великий полководец

не входил в историю, не окружив себя заранее верными маршалами. Именно умение отыскать этих будущих соратников и есть главная черта таланта покорителя вселенной».

— А я побалуюсь виски, — сказал адмирал, сам наливая себе из черной бутылки, и в Коле возникла жгучая зависть и обида — обида была от той легкости, с которой Колчак, видно, берегший виски, а коньяк имевший в избытке, не удосужился предложить рюмку — одну маленькую рюмочку Коле.

«Жалко, — неожиданно подумал Коля, — жалко, что у меня нет собаки, я бы приходил домой и ее бил», — и он улыбнулся этой детской и очень правильной мысли.

— Вы хотели что-то сказать? — спросил Колчак.

— Нет, ваше превосходительство.

— Давайте договоримся, Коля, — сказал Колчак, — когда мы на людях — я принимаю только формальное обращение мичмана к вице-адмиралу. Но здесь, вдвоем, без свидетелей... Ваше здоровье.

Коля поднял рюмку и заметил, как дрогнула его рука.

Адмирал назвал его Колей. Это не было галлюцинацией.

— Допивайте, допивайте, — сказал Колчак добродушно. — В такое трудное время доверие — основная связь между людьми. Все остальное слишком опасно — ни страх, ни деньги не могут обеспечить длительную преданность — преданность в страшные дни всеобщего предательства. Доверие! А доверие должно быть взаимным!

— Вы не спрашивали меня...

— Зачем? Чтобы заставить тебя лгать? А так твоя маска оказалась прозрачной, и контрразведка полковника Баренца за полдня узнала о тебе столько, сколько ты знаешь о себе сам.

Коля хотел подняться, но Колчак уловил движение, сказал жестко:

— Сиди. Умел врать, умей и слушать. Почему взял документы Берестова?

— Он мне сам их дал, ваше превосходительство!

— Меня зовут Александром Васильевичем, и наш уговор я не отменял. Когда же он успел их тебе дать?

— Я видел его перед бегством. Перед бегством в Румынию. Он хотел, чтобы я передал их его тете. Но тетя умерла, а документы остались у меня.

— Он жив?

— Нет, он погиб. Я бы не посмел взять бумаги живого человека.

— Бунтовщиков испугался?

— Как я могу доказать каждому пьяному матросу, — сказал Коля, — что я такой же русский, как он?

— Разумно. Но чтобы больше мне не лгать. Никогда. Ты хочешь еще что-то сказать?

— Нет, Александр Васильевич.

— Почему ты оказался в Севастополе? Почему дезертировал?

— Здесь тоже делаются дела, Александр Васильевич. Вы смогли бы провести такие дни в феодосийской глуши?

— Я действую иначе. Виски хочешь?

— Нет, спасибо.

— Ты неглуп. Ты догадался, что это моя последняя бутылка. Не посылать же авизо в Одессу? Ладно, Беккер... или фон Беккер?

— Просто Беккер.

— Разумеется, просто — вариант с «фон» годился только до войны. Мне надо, чтобы ты немедленно выехал в Ай-Тодор. Знаешь, где это?

— Разумеется.

— Поедешь туда инкогнито. Отвезешь мое письмо вдовствующей императрице. Оно никому не должно попасть в руки. Только императрице. От этого зависит судьба России, которая тебе, Коля, не должна быть безразлична.

— Когда выезжать? — Коля поднялся.

— Немедленно.

* * *

Коля добрался до Ай-Тодора с ветерком; на штабном моторе. Шоффэр, немолодой матрос Ефимыч, был неразговорчив. Когда за Байдарскими воротами дорогу впереди перегородило овечье стадо и пришлось простоять минут пять на людной дороге, шоффэр откинул полу бушлата, расстегнул деревянную кобуру «маузера» и так сидел — рука на рукояти. Видно, имел приказ охранять пассажира.

За Байдарскими воротами поехали вниз, из тумана и холода, спускавшегося с гор, в весеннюю теплынь моря. Проехали Симеиз, и Коля вспомнил далекое лето, Лидочку — милую, смышленую ялтинскую девочку, ставшую спутницей несчастного Андрюши. Коле было искренне жалко Андрея — ничего против него он, разумеется, не имел и, сложись обстоятельства иначе, рад бы отдать руку за своего товарища. Впрочем, он ничего плохого Ан-

дрею и не сделал — тому не стоило суетиться и слушаться Ахмета. Ахмет... вот еще одна потеря. Где он? В Стамбуле?

Дворец императрицы в Ай-Тодоре, который она делила со своим племянником Александром Михайловичем, был скромен, и густая растительность тем более скрадывала его размеры. Коля хлопнул себя по груди, проверяя, на месте ли письмо. Он делал это уже сотый раз за дорогу, и грудь немного побаливала. Потом поправил синие очки — как у слепого. Это он сам придумал, чтобы его случайно не узнали по дороге. Автомобиль проехал открытые ворота, остановился у подъезда. Шоффэр поднялся по ступенькам и позвонил в звонок. Дверь долго не открывали.

Сидя в автомобиле, Коля достал из коробки на сиденье фуражку, надел ее вместо кепи, что было на нем для конспирации, снял синие очки, положил их во внутренний карман.

Дверь во дворец открылась — пожилой лакей в красной, обшитой желтым басоном ливрее высунулся из нее, испуганно спросил:

— Вам чего?

— Господин офицер от командующего флотом к императрице! — отрапортовал шоффэр неожиданно громко и четко. Коля и не подозревал, что у него такой голос.

— Ну и слава Богу, — сказал лакей. — Пускай господин офицер внизу подождут.

Он приоткрыл дверь шире, чтобы разглядеть автомобиль и Колю в нем. Вид его удовлетворил, дверь раскрылась еще шире, и лакей стал виден весь. На нем были черные штиблеты и белые чулки.

Коля, думая, что на него смотрят из окон, легко и изящно выскочил из авто и прошел к двери, на ходу расстегивая львиные головы — застежку черного плаща.

Он передал плащ лакею — бакенбарды висели у того по щекам, как брыли дога. Лакей аккуратно подхватил плащ, но так и остался с ним в руках, словно забыл, что надо делать дальше.

В прихожей было холодно, не топили, и сыро. По лестнице спустилась горничная в белом передничке и наколке.

— Я слышала, слышала, Жан, — отмахнулась она, видя, что лакей хочет объяснить. — Пойдемте за мной, господин офицер.

Горничная была миниатюрная, точеная и очень чистенькая. Коля подумал, как она изящна и изысканна в постели.

— Вы надолго? — спросила горничная. Такие вопросы горничные не задают, но если ты так хороша, к тому же служишь императрице...

— Я сегодня же уеду, — сказал Коля. — Но думаю, скоро вернусь.

— Возвращайтесь, — сказала горничная. — У нас совсем мужчин не осталось. Вы не представляете, как все разбегаются. Даже смешно.

Продолжая говорить, горничная, не стучась, вошла в библиотеку, где в кресле, колени накрыты пледом, сидела императрица. Оттого, что шкафы с книгами были столь высоки, а императрица столь ушла в мякоть кресла, чтобы сохранить тепло, она казалась маленькой и беспомощной. И сознание того, что перед ним сама российская императрица, жена и мать императоров, наполнило Колю сознанием важности собственной жизненной миссии, и он почувствовал, что глубоко, до слез, растроган этим моментом.

— Наташа, — сказала Мария Федоровна с акцентом, — так не хорошо разговаривать с молодыми офицерами.

— Других нету, Мария Федоровна, — сказала Наташа, в ответе не было нарочитой наглости — была фамильярность, которую позволяют себе верные слуги. — Господину офицеру от моего разговора веселее. Ему здесь не оставаться, ему на фронт, под пули.

— Я с посланием от командующего флотом, Ваше Величество, — сказал Коля.

— Оставь нас, Наташа, — сказала императрица горничной.

Наташа тут же вышла из комнаты, не выказывая обиды или спеси. Игра есть игра. Так же выходит из комнаты изгнанная хозяином собака, зная, как опасно испытывать хозяйское терпение.

— Я вас слушаю, поручик, — сказала Мария Федоровна, не зная разницы между чинами морскими и сухопутными.

— Разрешите передать вам письмо от вице-адмирала Колчака. — На маленьком овальном столике у локтя, где лежали французские книжки, вязанье и какие-то женские предметы, государыня отыскала костяной ножик для бумаги, вскрыла конверт и, надев очки, принялась читать, с трудом разбирая почерк. Потом отложила конверт и подняла голову. Коля увидел, что ее щеки покраснели.

— Господин поручик, — сказала она, — отправитель этого письма просит передать ответ вам на словах. Мой ответ будет таков: я готова вступить в отношения с господином адмиралом, о котором имею весьма высокое мнение. Что касается присутствующих... Александр Васильевич упомянул Николая Николаеви-

ча. Разумеется, его кандидатура бесспорна. Если Петр Николаевич в имении, я пошлю человека — пускай он будет...

Императрица задумалась.

Дверь дернулась, открылась, ворвался ветер, возникший от слишком быстрого движения одетого в адмиральский мундир, средних лет подтянутого человека с правильным приятным лицом.

— Этот господин полагает, — воскликнул он с порога, не видя Колю, — что грузовик и мотор ему нужны для освобождения народа от нашей с тобой власти? Ничего подобного! Он будет на них перевозить вино!

— Мой дорогой, — сказала императрица по-французски, — разреши тебе представить господина поручика...

— Берестов! — сказал Коля. Получилось громко. — Берестов Андрей Сергеевич, к вашим услугам.

— Очень приятно. Александр Михайлович, — сказал племянник императрицы. — Вы не сын покойного Сергея Серафимовича?

— Нет, — твердо сказала императрица. — У меня идеальная память на лица. Наш гость — не пасынок Сергея Серафимовича.

— Я знаю, о ком вы говорите, — поспешил с ответом Коля. — Но я слышал, что он погиб.

— Невероятная трагедия, — сказала императрица. — Это была такая милая семья.

— Скажите, мичман, — обратился к нему Александр Михайлович, — вы не в Севастополе служите?

— Так точно, Ваше Высочество, — сказал Коля, ощущая, как приятно во рту складываются слова — величество, высочество... как естественны они в разговоре.

— Будьте любезны передать там мою жалобу на начальника севастопольской авиационной школы, который потребовал, чтобы я вернул предоставленные мне грузовик и автомобиль.

Коля вспомнил, что Александр Михайлович был командующим авиацией. Он только что уволен от этой должности Временным правительством. Конечно, ему обидно — чернила еще не высохли, а какой-то начальник школы уже требует казенное имущество.

— Я сегодня же доложу о вашей жалобе господину командующему флотом, — сказал Коля.

— Вы меня крайне обяжете, крайне обяжете. — Великий князь был неуверенным в себе человеком. Но магия титула оставалась. Должны, видно, пройти месяцы, прежде чем титул станет клеймом.

— Сандро, — сказала императрица, не скрывая раздражения, — господин Колчак сообщает, что ходят слухи о нашем заговоре против Временного правительства. В Севастополе собирают комиссию, чтобы нас расследовать!

— Нас? Расследовать? Еще чего не хватало!

— А почему бы и нет? — сказала Мария Федоровна. — Мы не присягали новой власти и мечтаем о том, чтобы она пала.

На обратном пути Коля приказал шоффэру проехать по набережной Ялты. Тот был недоволен и не скрывал недовольства, умудряясь не сказать при этом ни слова. Но Коля был в синих очках, цивильном кепи, и вряд ли его кто-нибудь мог узнать.

Не узнала его и Лидочка, которая как раз вышла на набережную, убежденная, как и вчера, что сегодня Андрюша придет к платану. Лидочка увидела автомобиль и успела отойти в сторону, чтобы не попасть под него. Она видела и странного седока — молодого человека в черном морском плаще, сером кепи и синих очках, напомнившего ей английского сыщика Шерлока Холмса, который любил переодеваться. Конечно же — в машине сидел переодетый человек! Но и чем-то знакомый — прямой посадкой головы на длинной шее, линией плеч, скрытых морским плащом. Ощущение знакомства не вылилось в узнавание, и Лидочка отвела взгляд, хотя успела заметить, что синие очки повернулись к ней, как бы изучая.

Коля, разумеется, узнал Лидочку и чуть было не окликнул ее, так обрадовался встрече. Оказывается, он соскучился по ней! Как она похорошела! Сколько прошло — почти три года? Ей уже двадцать один! Значит, она не погибла, как все думали! Значит, она вернулась?

Автомобиль уже миновал «Ореанду» и повернул наверх по плохой мостовой вдоль речки, к повороту на шоссе, а Коля все оглядывался, словно мог увидеть Лидочку.

Сначала он решил, что обязательно приедет в первый же свободный вечер в Ялту, чтобы повидать Лидочку. Но тут же он вспомнил, что живет под именем и по документам Андрея — не дай Бог, если она случайно узнает!

* * *

На следующее утро Коля доложил адмиралу о поездке к императрице.

Колчак подошел к столу. Достал оттуда отпечатанный на машинке листок бумаги.

— Комиссия уже создана, — сказал он. — В ней тридцать три члена. Тридцать три богатыря... Все члены ЦВИКа. Цвик-цвик-цвик... Это или кур сзывать, или из Гофмана. Откуда?

— Скорее из Гофмана, Александр Васильевич, — сказал Коля.

— Точно — муниципальный советник бундесрата Герберт Цвик. Здесь у меня список комиссии — вчера утвердили на Совете. Вот здесь расписание их секретных визитов. Под различными причинами. Четвертого апреля — Ливадия, пятого — Чаир, шестого — Дюльбер и так далее. Да, смотрите-ка, не забыли дачу эмира бухарского. Разве он здесь? Значит, здесь. Эту бумагу надо будет сегодня же отвезти императрице, надеюсь, вам это не в тягость, лейтенант? Впрочем, погодите, зайдите потом к каперангу Немитцу, нашему демократу. Если у него есть свободная минутка от встреч и братаний с матросами, пусть подпишет приказ о назначении вас моим адъютантом. Не благодарите. Так удобнее и приличнее — не мичмана Беккера посылаю, а существо десятого класса с аксельбантом.

В тот день Коля возил второе письмо к императрице и потому не успел заказать аксельбант и вколоть в погоны четвертые звездочки. Но когда горничная Наташа — четкие каблучки, круглая попка — сказала, впустив его в прихожую: «Наш поручик приехал», Коля позволил себе ее поправить:

— Я лейтенант, Наташа. Это равно штабс-капитану от инфантерии.

— Фи! — сказала Наташа, отстраняя его руку, по-отечески тронувшую ее плечо. — Меня и генералы за эти места трогали.

— Где они, твои генералы! — парировал Коля. — А я здесь и молодой.

— Вы красивый, — деловито согласилась Наташа. — Как же не понимать.

Государыня Мария Федоровна встретила Колю как старого знакомого. И даже было странно подумать, что два дня назад он знал эту старую женщину только по картинкам в «Ниве». Александра Михайловича не было, но в библиотеке их ждал Великий князь Николай Николаевич — сухой, как говорится — версту проглотил, старик в сапогах, начищенных столь зеркально, что в них отражались книжные шкафы, и голова кружилась при взгляде на такое совершенство.

Мария Федоровна сказала ему о письме Колчака и о комиссии Совета, что приедет искать царский заговор.

— Садитесь, лейтенант, — сказал Николай Николаевич, — мы здесь без чинов. Дайте письмо, Мария Федоровна, я проглядю его. Какое у них расписание? Ага, ко мне в Чаир шестого! Ничего они не найдут.

— Там нечего находить, — сказала Мария Федоровна, как бы предупреждая Великого князя.

* * *

В тот день Колю оставили в Ай-Тодоре к обеду, и он был представлен супруге Александра Михайловича, добродушной и хлопотливой Ксении Александровне, сестре императора, а также внучатой племяннице императрицы Татьяне, склонной к романтическим увлечениям. Коля, разумеется, не знал, что она в некотором роде старая знакомая его бывших друзей — Ахмета и Андрея, потому что была среди гостей в давнишний предвоенный вечер на вилле Сергея Серафимовича Берестова, и Ахмет имел наглость схватить ее за коленку, тогда куда менее округлую. Впрочем, никто, кроме Ахмета, уже не помнил о том инциденте.

— Для визитов нашего юного друга, — сказал за обедом Александр Михайлович, — нужно веское оправдание.

— Вы правы, — сразу согласилась императрица. — Я уже подумала, что вокруг слишком много соглядатаев.

Коля молчал, потому что, к своему стыду, об этом не подумал. Между тем как императрица была права.

— Так что мы предлагаем, — императрица улыбнулась уголками губ, — чтобы господин Берестов увлекся нашей Таней.

Щеки Тани зарделись, Александр Михайлович захохотал, Коля готов был присоединиться к его смеху, но его опередила Таня:

— Меня никто не спросил! Как вы смеете!

— Таня, — успокаивала ее императрица, — никто не требует, чтобы ты в самом деле увлеклась нашим курьером. Он ведь тоже не испытывает к тебе нежных чувств...

— Предпочитая чары Наташи, — добавил Александр Михайлович, и Ксения Александровна тут же сделала ему выговор по-французски.

В конце концов Мария Федоровна восстановила за столом мир, и обед завершился договоренностью о романе Коли и Тани, после чего императрица удалилась к себе читать толстую семейную Библию на датском языке.

«Заговор императрицы» оказался весьма кстати. В ближайшие дни Коле пришлось несколько раз побывать в Ай-Тодоре, и уже без автомобиля, который был слишком очевиден. От Сева-

стополя до Ялты Коля добирался катером, а оттуда брал извозчика.

Таня была с ним холодна, но без враждебности, и Коля предположил, что ее мягкое сердце занято иным мужчиной. И даже высмотрел подозреваемого на эту должность.

Что же касается плана Колчака опередить общественное возмущение и отправить по виллам императорской фамилии специальную комиссию, то эта затея провалилась: слухи о создании комиссии докатились до Петрограда и вызвали там слухи о монархическом заговоре в Крыму, о том, что там готовится мятеж и отделение Крыма от России, будто бы английское правительство уже высылает в Черное море дредноут на помощь заговорщикам, хотя в высшей степени было непонятно, как дредноут прорвется сквозь не покоренные еще турецкие Дарданеллы. Результатом возросших до небес слухов в Петрограде стала следующая телеграмма военного министра Временного правительства № 4689 от 17 апреля:

Немедленно обеспечить Южный берег Крыма от контрреволюционных попыток и контрреволюционной пропаганды.

Колчак выругался. Как последний матрос — так сказала бы покойная мама Коли Беккера. Излишнее внимание к виллам Романовых не входило в его планы. Если там не удовлетворятся его действиями, могут вывезти Романовых в столицу. Это опасно при переменах революционного климата. А адмиралу члены правящей фамилии были нужны в Крыму живыми. Следовало быстро и энергически отреагировать на петроградские подозрения. Желательно было перестараться. И потому родился следующий приказ по Черноморскому флоту:

Срочно. Секретно. Полковнику Верховскому. По приказанию Временного правительства предлагаю вам отправиться в город Ялту с членами Севастопольского Центрального комитета депутатов армии, флота и рабочих и, по соглашению с местным комиссаром, принять мероприятия для обеспечения Южного берега Крыма от контрреволюционных попыток и контрреволюционной пропаганды.

На следующий день с кораблей флота и из частей гарнизона были выделены специальные команды наиболее революционно настроенных солдат и матросов в количестве 1500 человек, которые были разбиты на специальные отряды под общей командой председателя ЦВИКа вольноопределяющегося Сафонова, а над этими отрядами приняли командование более пятидесяти членов ЦВИКа. Координировал усилия полковник Верховский, имевший приказ адмирала как можно дольше занять охотой за ведьмами всех сознательных матросов и руководителей ЦВИКа.

25 апреля экспедиция двинулась в наступление на Ялту с суши и моря. Сухопутные силы на автомобилях и грузовиках, десант был посажен на военные транспортные суда «Дания» и «Король Карл».

* * *

В первом часу ночи в двери дворцов в Чаире, Ай-Тодоре, Дюльбере, обезлюдевшей совсем Ливадии, в ворота дач графа Тышкевича, предводителя дворянства Попова и некоторых иных известных на побережье людей, не скрывавших своих монархических симпатий, начали стучать. Стучали одинаково — нарочито громко, часто, будто целью стучавших было не разбудить хозяев, а выломать саму дверь.

Такой стук, призванный не только разбудить, но и смертельно перепугать хозяев, был придуман, как считают некоторые историки, в Варфоломеевскую ночь и широко использовался потом русской полицией.

Обыски всюду начались в час ночи 26 апреля, а завершились от пяти до шести утра. Владельцы вилл и дворцов, а также их немногочисленные слуги провели ночь, сидя на виду у задымивших и забросавших ковры окурками сознательных матросов и солдат.

Владельцы усадеб вели себя по-разному. Некоторые возмущались, некоторые были угодливы, но были и такие, кто не обращал на обыски внимания, словно те были каждодневной неприятной обязанностью. Горничная Наташа и Жан церберами стояли у двери в спальню занемогшей вдовствующей императрицы и не позволяли туда проникнуть ни одному мужчине. Так что поручик Джорджилиани, который командовал обысками во дворце, вынужден был привезти на казенной машине из Ялты родственницу вольноопределяющегося Зороховича, которая была допущена в спальню и вышла оттуда через шесть минут, утверждая, что ничего предосудительного не нашла. Родственнице было под шестьдесят, она робела перед квартальным — так что живая императрица была для нее страшнее архангела Гавриила. Все шесть минут она простояла с внутренней стороны двери, не смея сесть,

как ни склоняла ее к тому Мария Федоровна, и не смея взглянуть на государыню.

Ни в Ай-Тодоре, ни в других дворцах не было найдено ничего предосудительного, но так как найти что-то требовалось, во дворцах был конфискован ряд предметов.

Более всего пострадал Великий князь Николай Николаевич, который лишился своей коллекции охотничьего оружия, состоявшей из трех десятков ружей и ножей, а также восемнадцати винтовок и трех револьверов, и окованного железом сундука с перепиской личного характера.

На даче предводителя дворянства Попова вместо предполагаемого скрытого радиотелеграфа был обнаружен синематографический аппарат. Секретная комната, где якобы собирались заговорщики, оказалась всего-навсего фотографической лабораторией, а съезд подозрительных лиц, состоявшийся в том доме, — помолвкой графа Тышкевича-младшего с дочерью герцога Романовского. Таинственный черный автомобиль принадлежал императрице Марии Федоровне, на нем она совершала прогулки в сопровождении своей дочери Ксении Александровны. Все перечисленные выше подозрительные предметы, включая фотографическое оборудование, оружие и автомобиль с шоффэром, были реквизированы от имени революции.

На этом отягощенная добычей экспедиция с победой возвратилась домой. Колчак уже 27 апреля доложил обо всем Временному правительству. И наутро пришел ответ: решительные действия Севастопольского ЦВИКа признаны правильными и своевременными, Черноморскому флоту и Совету выносится особая благодарность Временного правительства.

Для того чтобы опасные Романовы не смогли захватить Крымское побережье, пользуясь удобным расположением своих вилл и дворцов, Севастопольский Совет по предложению адмирала Колчака принял мудрое решение: свезти всех представителей семейства и их прислужников в одно место, которое легко охранять как внутри, так и снаружи.

Был избран Дюльбер, дворец Петра Николаевича.

Петр Николаевич, поклонник Востока, сам начертил когда-то план дворца и набросал его купола и стрельчатые окна. Придворный архитектор Краснов, создавший почти все дворцы в Крыму, послушно сотворил мавританский дворец, подобный строениям в Гренаде и Альгамбре. Этот дворец стал воплощением Востока, как его понимали российские вельможи.

Комендантом дворца, куда свезли всех Романовых, стал поручик Джорджилиани, ярый революционер, скрывавший свое княжеское происхождение, о чем дознался полковник Баренц.

В своих мемуарах, опубликованных через много лет после тех революционных дней, Великий князь Александр Михайлович писал:

Поручик достал план Дюльбера, на котором красными чернилами были отмечены крестиками места для расстановки пулеметов.

«Ялтинские товарищи, — сообщил он, — настаивают на вашем немедленном расстреле, но Севастопольский Совет велел мне защищать вас до получения приказа из Петрограда. Я не сомневаюсь, что Ялтинский Совет, где верховодят большевики, попробует захватить вас силой. Дюльбер с его стенами защищать легче, чем Ай-Тодор».

Я никогда не думал о том, что прекрасная вилла Петра Николаевича имеет так много преимуществ с чисто военной точки зрения. Когда он начал ее строить, мы подсмеивались над чрезмерной толщиной его стен и высказывали предположение, что он, вероятно, собирается начать жизнь Синей Бороды. Но наши насмешки не изменили решения Петра Николаевича. Он говорил, что никогда нельзя знать, что готовит нам отдаленное будущее. Благодаря его предусмотрительности Севастопольский Совет располагал в 1917 году хорошо защищенной крепостью.

Джорджилиани поселился во флигеле дворца.

Работы по срочной разборке бумаг Николая Николаевича поручили рабочему Мигачеву, социал-демократу. Тот обратил внимание на находившуюся в сундуке докладную записку стратегического плана захвата Босфора и Дарданелл через Анатолийский берег, составленную герцогом Лейхтенбергским совместно с капитаном первого ранга Немитцем. Проект не получил хода, потому что военная обстановка тому не благоприятствовала.

Колчак ознакомился с проектом, а на следующий день вызвал к себе Немитца, которого не любил за либерализм, полагая карьеристом. Колчак, ценивший ясные головы у подчиненных, сообщил, что послал в Петроград представление на присвоение Немитцу звания контр-адмирала и делает его начальником штаба операции под кодовым названием «Ольга».

На этом либеральные речи Немитца были закончены, и его вотще ждали в Совете и ЦВИКе и на митингах, которые потеряли за последние недели размах и громкость речей. Немитц, будучи специалистом, с увлечением окунулся с головой в подготовку похода Черноморского флота.

* * *

Из Ялты вернулся Мученик.

— Называйте меня Еликом, — сказал он, встречая Колю в зале домика Раисы. Он сидел за столом, одновременно вальяжный и взъерошенный, и Раиса смотрела на него с доброй жалостью. — Я привез ящик массандровских вин — царская коллекция. Их больше не будет. Раиска сказала, что вы с ней дружно живете и она вами довольна. Это хорошо. Я рад, так именно — я рад.

В глазах Мученика была собачья просьба — не бери мою Раю! Я потерплю, пока ты здесь. Мы же с тобой джентльмены?

— Я сейчас уезжаю, — сказал Коля.

— Опять в Ялту? Скажи, Елик, зачем он туда ездит?

— Как зачем? — Мученик подмигнул Коле и повернулся к Раисе. — Как зачем, когда вся Ялта знает, что у господина Берестова есть замечательная любовница. Княжна Татьяна! — И Мученик стал смеяться. — Прекрасна, как ангел небесный, как демон, коварна и зла.

Коля с удовлетворением отметил, что Елисей, как и севастопольские сплетницы, поверил версии, придуманной императрицей.

— Елик, бросьте свои шутки! — рассердилась Раиса. — Мне еще не изменяют!

Мученик совершил роковую мужскую ошибку — он полагал унизить соперника, а в результате невероятно возвысил того в глазах Раисы. Может быть, Елик врет — нет там княжны. А что, если есть? Ну, если не княжна, то хотя бы графиня? Откуда у Коли автомобиль с шоффэром, который всегда молчит и носит под бушлатом «маузер» в деревянной кобуре? Откуда у Коли лейтенантский чин, если всего несколько дней назад он был прапорщиком из вольноопределяющихся?

— Раиса, — Коля вынул из кармана солидную пачку пятерок, — я буду завтра в Ялте, но очень прошу, поговори завтра с тем портным, который шил мне этот мундир. Мне нужен парадный, под эполеты и высокий ворот. Надеюсь, тебе хватит денег.

— Еще чего не хватало! — сказала Раиса гневно. — Я вам, извиняюсь, не жена!

— Все, что останется, возьмешь себе, — сказал Коля. — Витенька давно просил паровоз.

— Уууу! — загудел Витенька. — А Мученик принес мячик! Кому он нужен? Если хочешь, Коля, я его тебе подарю.

— Спасибо, оставь его себе.

— Это странно, — сказал Мученик. — Зачем вам, господин Берестов, два имени?

— Так меня мама в детстве звала, — сказал Коля.

— Разумеется, — согласился Мученик, уловив угрозу в участившемся дыхании Раисы. — Давайте выпьем. Посидим, выпьем, давайте?

Коля, не желая того, почувствовал, как изнемогал Мученик от ревности и унижения. Ради высокой любви он оставил на время свою идеальную подругу — Революцию и приволок из Массандры ящик с вином; но ящик не стал пропуском к счастью. Желающий счастья всему человечеству Елисей Мученик не мог желать счастья Андрею Берестову, который, возможно, даже не Андрей Берестов, а черт знает какой конспиратор.

Раиса стала собирать на стол, а Мученик понял, что должен уйти. Мученик поднялся, стал прощаться — и вышло совсем уж неловко, демонстративно. Раиса почти не уговаривала его: уходишь — уходи. Но была обижена — гости не должны уходить, когда их тарелка уже на столе, каждый знает.

А Мученик ушел. Он шагал по вечерней улице, вниз, к гавани. Он думал о несправедливости судьбы. Ему, Елику Мученику, никогда ничего легко не доставалось. Но он добился многого, к чему стремился. Он хотел быть сытым — он давно уже стал сытым. Он хотел стать образованным — он окончил Коммерческое училище в Одессе. Он хотел стать состоятельным — и основал процветающую посредническую фирму на паях с французским капиталом. Но он понимал, что счастье и состояние нежатся под дамокловым мечом случайности, потому что Мученику выпало родиться в рабской империи. И он стал революционером. Упаси Боже! Нет, не тем, кто кидает бомбы, а тем, кто руководит массами. Революция получилась, но счастья не было.

В прошлом году, зайдя в магазин, он увидел ту самую женщину, которая ему снилась в сексуальных снах начиная с отроческого возраста, и возжелал ее. Революция еще не была завершена, и сам Мученик еще не обеспечил постоянного счастья для себя, своей семьи и всего человечества. Мученик стал приходить к Раисе, но она, даже отдаваясь ему, Елисея не полюбила.

Берестов же был красив и мускулист...

Мученик отлично понимал, где ему обещают, а где его обижают. Он даже понимал, что Раиса его не обижает и не хочет обижать — нет, она добрая, но плотоядная женщина, а он, Мученик, — хищник в политической борьбе, но не способен быть хищником в постели, потому что в постели он жаждет быть одно-

временно страстным и нежным, ибо воспитан на поэзии Блока и Бальмонта.

Шатаясь, словно пьяный — а ведь ни одной бутылки не открыли, Мученик клял себя за наивность. Раньше он думал, что в жизни всего важнее революция, оказалось — женщина. Революция свершилась и требует от него всех сил — как ревнивая жена. А он не способен отдавать ей силы — он хочет убить этого Колю-Андрюшу! Он хочет отнести мягкую и страстную Раису Федотовну на пышную кружевную кровать и сказать ей: ты моя супруга!

На углу Нахимовского проспекта Мученика встретил рабочий Мигачев, который намеревался доложить на ячейке партии социал-демократов о бумагах Николая Николаевича, которые он как член комиссии тридцати трех прочел, но не знал, что делать дальше. Мученику некуда было бежать. Поэтому он постарался забыть о Раисе и, обняв передового, но еще политически малоразвитого рабочего за плечи, повел по проспекту, раскланиваясь с прохожими, потому что многие знали в лицо столь известного политика.

* * *

Автомобиль уже стоял у дома. Ждал его за углом, чтобы не привлекать внимания. Шоффэр, старослужащий матрос Ефимыч — человек пожилой, солидный, громоздкий, отличавшийся презрением к опасности и крайней флегматичностью, — уже привык к поездкам с Колей и сам облекал их в покровы тайны, придумывая всем конспиративные клички. Коля без труда принял эти правила игры.

— Поздравляю, — сказал Ефимыч, — с новой звездочкой.

— К старухе? — спросил он, усаживаясь на заднее сиденье.

Старуха означала, как нетрудно догадаться, вдовствующую императрицу.

— Нет, сначала вызывает король, — прошептал шоффэр.

Король означало Колчака. Ефимыч дал ему эту кличку, потому что хотел, чтобы вице-адмирал хотя бы в условном языке был выше всех.

Коля поглядел на часы. Был уже шестой час.

— Мы не успеем в Дюльбер, — сказал он.

— Мое дело передать приказ.

Поехали к Александру Васильевичу на квартиру, что он снимал для Темиревой. Считалось, что Ольга Федоровна о ней не подозревает. По случаю недавнего приезда возлюбленной Александр Васильевич был в элегическом настроении. Что не отвлекало его от дел.

Вестовой принес поднос — на нем стояли коньяк и виски. Колчак бросил быстрый взгляд на Колю, вспомнил, потом улыбнулся тонкими губами и спросил:

— Коньяк, виски?

Положение Коли изменилось. И он, оценивая слова адмирала, сказал:

— Виски, только немного.

— Как далеко зашел ваш роман с княжной Татьяной? — спросил Колчак.

— Я хотел бы, чтобы он зашел дальше.

— Учтите, Берестов, в нашем революционном Отечестве звание «княжна» лишь недостаток, гиря на ногах.

— Я должен предложить ей руку и сердце?

— Ах, стервец! — засмеялся Колчак. — Впрочем, почему не попробовать?

— К сожалению, — сказал Коля, — я не пользуюсь расположением княжны.

— А она вашим?

— Ни в коем случае! У нее кривые ноги.

— И это вас остановило?

— Вот именно, Александр Васильевич.

— Ну ладно, ладно, не дуйтесь. В конце концов, меня не интересуют ваши любовные дела — хотя я хотел бы, чтобы вы познали любовь.

— Спасибо.

— Не иронизируйте, лейтенант. Я сам люблю и не стыжусь этого чувства... Перейдем к делу. Вы смогли убедить Джорджилиани и соглядатаев из Ялтинского Совета, что увлечены только княжной?

— Я старался.

— Пустые слова, свидетельствующие о провале.

— Нет, не о провале. Татьяна сама увлеклась черными усами тюремщика Джорджилиани.

— Сказочное совпадение!

Коля отхлебнул крепкого душистого виски. Он слышал о том, что виски положено пить с содовой, но так как Александр Васильевич пил его просто, как водку, он не посмел спросить о воде.

— Ваш поздний визит не вызовет подозрений?

— Надеюсь, что Джорджилиани поможет мне. Он добродушен и невнимателен, как поющий соловей.

— Отлично. — Колчак налил себе вторую рюмку. — Я передаю вам письмо, Берестов. Надеюсь, это последнее письмо. Вы проследите, чтобы государыня сожгла его при вас.

— Как всегда, — сказал Коля. — Голова у нее работает четко.

— В письме уточняются детали совещания. Согласие императрицы получите устно. Чем меньше будет бумажек, тем безопаснее.

Колчак поднялся и с бокалом в руке подошел к окну, откуда открывался вид на порт. Там перемигивались огоньки, слышно было, как урчали паровые сердца грузовых кранов и лебедок, доносились гудки и свистки пароходов и боевых кораблей. Порт был оживлен даже более, чем днем, потому что ночью любой звук и свет усиливаются.

— Подойдите, Коля, — сказал Александр Васильевич. — Смотрите и слушайте. Это последний день перед великим походом. И от его исхода зависит судьба каждого матроса, судьба ваша, судьба капитанов, кораблей, наконец, судьба моя и судьба России. А начало зависит от тайны. А тайну во всем ее объеме знаю лишь я. Долю ее, достаточно важную для того, чтобы все погубить, знаете и вы, мой юный друг. Так что даже если вы попадете в лапы социалистов или матросов, если вас будут пытать и убьют — вы должны молчать. Вы поняли, лейтенант?

— Так точно, ваше превосходительство, — ответил Коля, понимая, что он отвечает сейчас как морской офицер. И не важно сейчас, что он вчерашний артиллерийский прапорщик из вольноопределяющихся, что чины он получил в подарок от адмирала и от имени революции. Теперь же он, Беккер, обязан победить революцию.

— С Богом, — сказал Колчак. — Надеюсь, если мы победим, вам будет уготовано достойное место в анналах нашей империи.

От двери Коля не удержался, обернулся — маленький рядом с вертикальной вытянутостью шторы, стоял вице-адмирал Колчак с бокалом виски в сухой руке. Он был серьезен, губы сжаты. Он не смотрел на Колю, которого уже изгнал из сознания, — он смотрел на бухту, на рейд, на сигнальные огоньки на клотиках кораблей. Он был в будущем. Один.

Коля сбежал к машине.

— Поехали, Ефимыч. А то совсем поздно.

* * *

Карл Платтен видел, разумеется, как задержали и увели протестующего Владимира Ильича. Он бежал рядом с агентом, который крепко держал Ленина за руку, хотя тот и не старался вырваться, и уговаривал его, что произошла ошибка, что их поезд вот-вот отбудет, а там вещи, что лучше вернуться к поезду и там разрешить это недоразумение.

Агент, не останавливаясь, рявкнул:

— Вот и бегите. А то на самом деле поезд уйдет!

— Да, да, голубчик, — сообразил Владимир Ильич. — Скорее к поезду. Карл, скорее! Там все наши вещи! Там мои рукописи! Бегите! Меня найти легче, чем вещи.

— Истинно, — сказал агент. — Натюрлих.

Платтен все еще стоял в неуверенности, но тут Ленин крикнул:

— Какого черта вы теряете время?

Ему показалось, что он слышит гудок паровоза, донесшийся сюда, за пределы вокзала.

Платтен принял решение и, неумело подкидывая тонкие ноги, побежал к вокзалу.

Владимир Ильич понял, что Платтен не успеет добежать до поезда, а если и успеет, то не снимет багажа, — как жаль, что для сопровождения ему дали мальчика, а не опытного конспиратора! Но право же — сейчас важнее спасти чемоданы, чем голову Ленина, которой в Германии никто не угрожает.

Они поравнялись с Кельнским собором, и Владимир Ильич невольно запрокинул голову, придерживая шляпу, чтобы ощутить полет этой невесомой серой громадины.

— Это величайшее произведение человеческих рук, — сказал Ленин.

— О нет, — возразил агент, оказавшийся начитанным и думающим немцем. — Кельнский собор — произведение немецкого духа. Без возвышения мастеров посредством идеала собор бы не стал таким чудом света, как не стали соборы в вашей стране, господин русский.

Агент уже догадался, что поймал русского разведчика.

— Вы не были в моей стране, — вдруг обиделся Ленин, — и не видели наших соборов. И не знаете российского духа!

— Я допускаю это, — сказал агент, вынужденный остановиться. — Но вы сами вполне искренне отдали Кельнскому собору пальму первенства.

— Именно потому, что знаю, сколько кирпичей было поло-

жено в его стены, сколько лет потребовалось мастерам и каменщикам, чтобы возвести их! Я знаю объем труда, стоимость и то, как одни люди угнетали других в процессе этого труда.

— Ах, господин шпион, — сказал агент. Владимир Ильич удивился, услышав такое обращение, и понял, что арест вовсе не был случайным. — Ах, господин шпион, — сказал агент. — Вы же сами забыли о кирпичах и угнетении — потому что вы видите результат. И человечеству нужен только высокий результат, а не низкие беды тех, кто строил храм. С таким же успехом вы могли бы рассказывать мне о гастрите тенора, поющего в «Лоэнгрине». А мне не важен его гастрит! Мне важен тембр его волшебного голоса.

— И то и другое является житейской реальностью, — возразил Ленин. — Только гастрит находит себе выход в заднем проходе, а голос — в бронхах, то есть проходе верхнем.

И тут они оба услышали гудок поезда, и оба поняли, что отходит именно тот поезд, в котором час назад ехал Владимир Ильич, стремясь в объятия великой русской революции. С некоторой надеждой Ленин, когда они возобновили движение, оглядывался, но Карл Платтен был неопытным революционером и, конечно же, не догадался рвануть стоп-кран, объяснив это необходимостью сойти с поезда именно в Кельне. И вот сейчас... нет, невероятно, надо быть реалистом, а так не хочется быть реалистом... вот сейчас Карлуша покажется из-за угла, волоча в руках по чемодану. Ленин так хотел это увидеть, что передал необъяснимым путем желание германскому агенту, тот остановился и минуты две глядел назад, тоже мечтая, чтобы показался Платтен. Но потом агент взял себя в руки, понял, что желает того, чего желать не положено, но не рассердился, а улыбнулся — у него было хорошее настроение рыбака, влекущего домой большую щуку. Ленин отчаялся увидеть Платтена и потому шел молча, покорно, размышляя о позиции, которую предстоит занять на близком допросе, и утверждаясь во мнении, что образ глухонемого норвежца — лучший выход из положения.

А Платтен, ворвавшись в купе за две минуты до отхода поезда, не обратил внимания на то, что вице-консул стоит в коридоре, а супруги Розенфельд сидят на диване, вежливо улыбаясь.

Платтен начал собирать чемоданы, запихивая в них вещи, что были извлечены для пользования в дороге. Он боялся ошибиться и положить к себе вещь, принадлежащую его несчастному спутнику. Прозвенел колокол на перроне, поезд в ответ загудел и дер-

нулся, начиная движение к северу. Платтен в отчаянии кинул взгляд на кран торможения, но не дотронулся до него, потому что рядом с краном была табличка на пяти языках, запрещавшая пользоваться им без особой к тому необходимости. Пока же Платтен размышлял, не наступила ли необходимость, поезд разогнался, и дергать за кран было поздно.

Платтен был европейцем, более того, швейцарцем, и не мог нарушать порядок. Именно потому мировая пролетарская революция была обречена на провал — ведь в любой революции первым делом надо дергать за краны и нарушать правила перехода улиц. Иначе революция называется эволюцией.

К тому времени, когда Карл Платтен сдался, а супруги Розенфельд предварительно изучили содержимое шпионских чемоданов и убедились, что шпионы не устроили в купе тайников, вошел полицейский в сопровождении носильщика. Платтена сняли с поезда на ближайшей же станции. Он долго не мог понять, зачем же германская полиция так коварно разлучила его с Лениным, а Ленина — с багажом.

Никто никогда не объяснил этой тайны Карлу Платтену. Оскорбленный и раздосадованный, а более того удрученный провалом миссии, молодой человек впал в глубокую ипохондрию и на десятый день заключения, так и не промолвив ни слова, повесился на неосмотрительно оставленных ему подтяжках.

Владимир Ильич не знал ничего о судьбе Платтена и надеялся, что вскоре инцидент разрешится именно с его помощью. А тем временем шел розыск родственников умершего Платтена, и первая версия о том, что Ленин с Платтеном — шпионы, в конце концов не выдержала испытания.

Несмотря на долгие, изнурительные допросы, Ленин продолжал держаться за версию о том, что он — глухонемой швед. Правда, быть до конца последовательным ему не удавалось, ибо он все более выходил из себя и порой кричал на тюремщиков и следователя Шикельгросса на немецком языке. Но потом спохватывался и молчал днями напролет.

Так прошел апрель. И лишь в начале мая Платтену-старшему, похоронившему брата в Гамбурге, удалось отыскать Владимира Ильича в кельнской тюрьме, и еще две недели потребовалось Ганецкому и некоторым другим политическим деятелям, чтобы выцарапать Ильича на волю.

Но к тому времени положение в России изменилось.

* * *

Когда автомобиль Беккера съехал на дорожку к дворцу Петра Николаевича, уже совсем стемнело. Утомленный нервным днем Коля дремал на заднем сиденье. Но как только мотор резко повернул к воротам, Коля проснулся и начал шарить рукой по сиденью в поисках форменной фуражки.

Из будки вышел часовой, всмотрелся в темноту. Ефимыч сказал ему:

— Не узнал, что ли?

— А кто вас узнает, разъездились по ночам, — беззлобно ответил часовой.

— Поручик здесь? — спросил Коля, когда машина въехала в открывшиеся ворота.

— К господам пошел, — сказал солдат. — Вы ему скажите, комитет серчает — пьет ваш поручик.

— Пьет или другим пить мешает? — спросил Коля.

— К господам пошел, — сказал солдат.

Фонарь освещал его сверху, от чего не прикрытыми тенью от папахи оставались лишь кончик носа и подбородок.

— Поехали, — сказал Коля Ефимычу.

Лакей Жан отворил дверь и принял шинель. В последние поездки Коля перестал маскироваться — только заменял в дорогу фуражку на нейтральную солдатскую папаху.

— Как дела? — спросил Коля голосом старого друга семьи. — Все ли здоровы?

— Спасибо за внимание, ваше благородие, — откликнулся Жан с улыбкой. Может, так же спрашивал его посол английский или шах персидский? Бог знает, отчего улыбаются слуги. — Все здоровы-с.

Жан принял шинель, и Коля привычно прошел в большую гостиную. Он надеялся, что Татьяны с императрицей не будет.

Молодые люди играли навязанные им роли, не скрывая своей неохоты, но старшие заговорщики не придавали этому значения.

Несколько раз Коля прогуливался с Таней по дорожкам Дюльбера так, чтобы их видели солдаты и слуги, раза три они сидели на веранде у всех на виду. Гуляя и сидя на веранде, молодые возлюбленные кое о чем разговаривали. В частности, они поставили под сомнение необходимость романа как конспиративного хода. Пока никто Романовыми не интересовался, приезды и отъезды лейтенанта также никого не интересовали. Когда же ими заинтересуются, то его визиты скорее вызовут подозрение, потому что в их роман никто не поверит...

Коля быстро вошел в гостиную, но императрицы там не было. Коля оглянулся — где ее искать? В этом пустеющем день ото дня дворце не было слуг, которые могли бы провести тебя куда следует.

Коля повернул в библиотеку. В библиотеке на диване возились, словно гимназист и гимназистка на вечеринке, поручик Джорджилиани и княжна Татьяна. Татьяна уютно попискивала и вроде бы сопротивлялась, а Джорджилиани подвывал умоляюще, словно нищий на набережной.

Это было отвратительное зрелище.

Нет, не нужна была Коле Татьяна. Не любил он ее — но это не означает, что можно заниматься паскудством на диване, когда в любой момент могут войти.

— Встать! — неожиданно для себя закричал Коля начальственным голосом.

Возлюбленные, отталкиваясь ладонями, расцепились, и Татьяна, путаясь в складках, стала оправлять лиф, стараясь спрятать грудь.

— Как вы смеете! — кричал Коля, забывшись. — Как вы смеете, когда в любой момент могут войти! Вам что, не терпелось настолько, что вы не могли спрятаться куда-нибудь на чердак?

Джорджилиани, плотный невысокий брюнет, списанный за некие грехи из гвардии в запасной пехотный полк и как оппозиционер попавший на должность при пленных Романовых, вдруг оробел, вскочил и дрожащими пальцами оправлял мундир. Коля со злорадством наблюдал, как поручик неправильно застегивал пуговицы, от чего одна пола была на пуговицу выше другой.

— Андрей Сергеевич! — от двери сказала Мария Федоровна. — Что за шум?

— У меня были к тому основания! — Коля гневно обернулся к императрице.

Мария Федоровна, не подозревая, видно, что на свете есть люди, которые могут не знать французского языка, обратилась тогда к Коле с длинной и гневной французской тирадой. Коля слушал, стыдясь сознаться в собственном невежестве.

Татьяна громко зарыдала и выбежала из библиотеки.

Джорджилиани, не смея побороть роялистских устремлений и грузинского почтения перед старухой, стоял красный, злой, по стойке «смирно» в нелепо, наперекосяк застегнутом мундире и оттого был смешон.

— Нехорошо, молодые люди, — сказала Мария Федоровна. — Вы забыли, где вы находитесь.

— Я надеюсь, что ко мне это не относится?

— Силянс! — оборвала его императрица. Обернулась к Джорджилиани: — Поручик, попрошу вас покинуть дворец и вернуться к исполнению своих обязанностей.

— Ваше Величество...

— То, что вы наш тюремщик, господин поручик, не дает вам права вести себя в моем доме подобно солдату. Идите.

Джорджилиани, не пытаясь оправдаться, четко повернулся и затопал к выходу. Шея у него была такая красная, будто кровь выливалась сквозь поры.

— А вы, господин Берестов, могли бы и не кричать в моем доме, — как бы завершая фразу, произнесла императрица.

— Простите, Ваше Величество, — сказал Коля, чувствуя облегчение, как в детстве, когда закончился нагоняй от мамы.

— Хорошо, что вы приехали, — сказала императрица иным, обыкновенным голосом. — Я так волновалась с утра. У нас плохие новости.

Они прошли в малую гостиную императрицы. Там ждала Наташа.

— Наташа, подожди снаружи, — сказала императрица. — Садитесь.

На самом деле она совсем не сердилась на Беккера — либо не давала себе воли.

— Сегодня днем, — сказала императрица, — Ялтинский Совет принял постановление об аресте всех Романовых. Как и следовало ожидать, толпа выразила шумную радость по поводу этого требования. Более того, какой-то гражданин эмиссар зачитывал якобы телеграмму из Петербурга, где излагалось схожее мнение Временного правительства.

— Когда они хотят вас арестовать?

— Я поняла, что завтра.

— Этого нельзя допустить.

— Вы так полагаете? — спросила Мария Федоровна. — И что же вы намерены предпринять?

— Я не могу принимать таких решений. Вы же знаете, государыня.

— Ах, Берестов, я не ожидала от вас отважных решений. Мой опыт общения с людьми давно уже подсказал, что вы полководец в мечтах, а в жизни — исполнитель чужих решений. Не обижайтесь, в этом нет ничего плохого, это тоже достоинство, и редкое. Будь у Николая достаточно таких исполнителей, как вы, он бы не потерял престола.

Все равно обидно — злобная старуха! Еще неизвестно, что будет завтра. Да, он подчиняется чернозубому адмиралу, он подчиняется, потому что это ему выгодно. Когда в адмирале пропадет надобность, роли переменятся, государыня!

Видно, эти мысли как-то отразились на лице Беккера, потому что Мария Федоровна вдруг поморщилась, как от неожиданного укола зубной боли.

— Простите, капитан, — сказала старуха. — Я запамятовала вас спросить: что вас привело сюда сегодня?

— Письмо от Александра Васильевича, — сказал Коля, нарочно подчеркивая этим свою близость к адмиралу. — С указанием точного места и времени решительной встречи.

— Боюсь, что письмо опоздало, — сказала императрица. Она протянула холеную, совсем не старческую руку. Коля достал письмо.

Императрица прочла письмо. Оно было коротким.

— Вы должны его сжечь, — сказал Коля.

— Сожгите сами. У вас есть спички?

Коля поджег письмо.

— Вы знаете его содержание? — спросила императрица, глядя, как письмо обугливается, занимаясь огнем. Чтобы не обжечься, Коля перехватил его за другой угол и пошел к камину.

— Послезавтра в три часа пополудни, — сказал Коля. — Более терпеть нельзя. Решения уже приняты.

— Но завтра нас арестуют!

— Пусть только посмеют! Послезавтра здесь будет весь Черноморский флот.

— Можно подумать, господин Берестов, — сказала императрица с раздражением, — что вы не ездите сюда инкогнито и не скрываетесь по углам. Можно подумать, что мой сын не является пленником в собственном дворце. Я не знаю, в кого намерен стрелять ваш Черноморский флот, и предпочитаю быть живой, хоть и в тюрьме, чем погибнуть ради сомнительных интересов адмирала Колчака.

— Но вы же согласились участвовать!

— До тех пор, пока участие это не ставило под угрозу жизнь мою и моих близких.

— Я доложу обо всем адмиралу.

— И поспешите сделать это.

В гостиную вошла Татьяна. Она была напудрена, но краснота длинноватого носа и глаз пробивалась сквозь пудру.

— Простите, — обратилась она к императрице. — Но у меня к вам два слова, которые я хотела бы сказать наедине.

— Татьяна, сейчас не время для приличий. Считай, что господина Берестова в нашем дворце нет.

— Вы правы, бабушка, — сказала Татьяна с детским торжеством. — Этого человека нет. Это фантом.

Коля не счел нужным возражать, унижаться в глазах спесивых аристократок.

— Господин Джорджилиани, — сказала Татьяна, — просит моей руки.

— Какая глупость!

— Совсем не глупость, бабушка, в наши дни. Вахтанг происходит из грузинской княжеской семьи...

— Ах, милая, — сказала императрица, подходя к трюмо и открывая стоявший там пузырек с нюхательной солью. — Каждый второй грузин — князь. У них слишком много князей для такой маленькой нации.

— Мы завтра же уедем в Грузию, — сказала Татьяна, — с утра.

— Ты глупа, — после короткой паузы сказала императрица. — Но я тебя не неволю. Я, конечно, желала бы увидеть твою свадьбу иной...

— Подождите! — не выдержал Коля. Не потому, что Татьяна была нужна ему, но в решении княжны был нонсенс, подтверждающий гнилость и смерть романовской династии: с какой легкостью Великая княжна бросается в объятия проходимца, забыв о своем долге перед династией.

— Не надо слов, — сказала императрица, строго поглядев на Колю. — Ты свободна, Татьяна. Можешь поступать, как тебе вздумается.

Татьяна поцеловала бабушке руку и вышла из комнаты, бросив через плечо торжествующий взгляд на Колю — как бы получая развод от опостылевшего мужа.

— Ну и что вы скажете? — спросила императрица, когда за Татьяной закрылась дверь.

— Она пожалеет об этом.

— Глупости. Я не об этом. Откуда мы знаем, пожалеет она или нет? Я о сроке, который установил ей Джорджилиани.

— Я не понял вас.

— И очень жаль. Завтра, сказал Джорджилиани, они уезжают в Грузию. Завтра утром. Вы спрашивали о том, насколько обоснованна моя тревога о завтрашнем нашем аресте и препровождении в Симферополь. Как видите — мы получили доказательство.

— Это могло быть совпадением.

— Даже если вспомнить, что поручик Джорджилиани — начальник караула?

— Это еще ничего не доказывает. — Коля уже понимал, что императрица права.

— Упрямый юноша! — сказала императрица. — Не вздумайте говорить с поручиком — вы сделаете еще хуже.

— А я и не намеревался, — сказал Коля, который только что хотел сделать именно так.

— Тогда подождите меня здесь, я напишу записку адмиралу.

Пока императрицы не было, Коля имел возможность подумать. Он подошел к трюмо.

На полочке стояло множество пузырьков с духами, эссенциями, мазями — Коля не разбирался в них, но взял один небольшой флакон, чтобы сделать приятное Раисе. Он еле успел положить флакон в карман, как вернулась императрица.

— Я надеюсь, — сказала она, — что адмирал прочтет его сегодня.

— Через три часа, — сказал Коля.

— Даже если вам придется разбудить его.

— Хорошо, Ваше Величество, — сказал Коля.

Мария Федоровна привлекла Колю к себе, он послушно наклонился, и императрица поцеловала его в лоб, затем оттолкнула сухой теплой рукой и перекрестила.

— Не сердитесь на старуху, — сказала она. — Вы хороший мальчик.

Колю проводила горничная Наташа. Коля обнял ее в коридоре и поцеловал. Наташа засмеялась, переведя дух:

— Потерял княжну, взялся за меня?

— Дура, — сказал Коля, — у тебя грудь красивее.

Коля уселся в машину, снял фуражку, надел папаху. Ефимыч поднял брезентовый верх — но все равно дуло так, что Коля перелез на переднее сиденье. Конверт был без надписи. И заклеен. Хороший мальчик — поцелуй в лобик, — а ведь не доверяет!

— В Севастополь? — спросил Ефимыч.

— Через Ялту, — сказал Коля. — Я хочу на минутку заехать в Ялтинский Совет.

— Поздно уже, десятый час, — сказал Ефимыч. — Нету там никого.

— Посмотрим, — сказал Коля. — Посмотрим — и дальше.

— Бензина мало, — сказал Ефимыч. — И опасно.

— Ты с солдатами разговаривал? — спросил Коля.

— Они поручиком недовольны.

— Это я знаю! — сказал Коля. — А насчет завтрашнего дня ничего не говорили?

— Нет. А что? Завтра они сменяются.

— Хорошо, хорошо. Ты поскорей поезжай.

— Поскорее нельзя — фары слабые, дороги темные. За войну знаете какие ямы на шоссе стали? У нас в штабе на той неделе Сидоров, вечная ему память, в такую яму угодил — мотор под откос.

— Это когда интендант погиб?

— Два интенданта.

Коля велел остановить мотор в двух кварталах от Ялтинского Совета, который занял — цепь совпадений — дом городского суда. Потом пошел к зданию. Некоторые окна были освещены, люди толпились у входа, переминались с ноги на ногу на холоду. Коля надвинул пониже папаху и решительно направился к входу.

Он знал уже — революционный опыт накапливается быстро, — что в места, куда тебе входить не положено, надо входить так, словно положено. Никаких сомнений.

— Вы куда, гражданин? — спросил его голос.

Коля не оборачивался и не видел хозяина голоса.

— Мне Мученика нужно, — сказал Коля. — Товарища Мученика.

— Какого там еще Мученика? — рявкнул голос.

— Елисея Борисовича, — откликнулся другой голос, изнутри здания. — Только он уехал в Севастополь. Час как уехал.

Коля не осмеливался обернуться, потому что в Ялте он мог быть известен — с гимназических времен. Он топтался в дверях, мешал проходить.

— А завтра он будет? — спросил Коля, незаметно перемещаясь в темноту.

— Эй, Хачик, завтра он будет?

— Завтра он должен быть. Как же завтра без него? — Снова смех. Потом какой-то строгий голос — совсем уж издали — оборвал неуместный в революционном учреждении смех:

— Ну, раскудахтались, воины! На весь свет кричать будете? Кто там Мученика спрашивает?

— Я завтра приду, — сказал Коля и быстро пошел прочь в надежде, что за ним не побегут.

В самом деле не побежали.

Он быстро шел к автомобилю по берегу речки, и веселый гул скоро перекрыл голоса, доносящиеся от Совета.

— Поехали в Севастополь. По крайней мере я узнал, что они на завтра что-то планируют.

На этот раз новая случайность задержала Беккера. Машина не пожелала заводиться. Ефимыч руки себе оторвал, крутя ручку стартера, потом Коля сменил его — в переулке, где они остановились, было совсем темно. Ефимыч достал фонарик и открыл капот. Он ушел с головой внутрь, и из мотора доносились лишь его приглушенные ругательства. Потом он вынырнул из мотора и сказал:

— Полчаса придется погодить, никак не меньше.

— А нельзя короче?

— Откуда я знаю, господин Берестов? — обиделся Ефимыч. — Ну откуда я знаю? Буду стараться.

Было жутко холодно. Шинель продувало насквозь.

— Я тогда вниз спущусь, — сказал Коля, — в кафе посижу.

— В каком кафе?

— Во «Франции» — это ближе всего.

* * *

Когда Лидочка вернулась из ежедневной прогулки к платану и поужинала в небольшом кафе возле гостиницы, где ее уже знали, и жена хозяина сама делала ей яичницу с ветчиной, она раскрыла «Свободную Тавриду» в надежде увидеть если не упоминание об Андрюше, то хотя бы какую-нибудь ниточку к розыску его. Скоро месяц, как Лидочка ждет его, не смея отойти от платана, у которого она изучила каждую морщину коры.

Лидочка разулась, надела шлепанцы — незаметно для себя она обросла каким-то добром: и книжками, и бельем, и новой юбкой, и теплыми ботиками, — если теперь придется уезжать, без чемодана не обойтись. Как раз вчера Лидочка побывала в магазине Тарасова и купила там вполне приличный, из натуральной кожи, варшавский чемодан, небольшой и даже элегантный. А сегодня собралась приобрести под цвет чемодана ридикюль, который присмотрела в лавке на набережной.

Усевшись в кресло, Лидочка начала проглядывать газету, внимательно, не пропуская ни строчки, — все равно некуда спешить. Теперь до десяти она никуда не двинется, а в десять они будут с портье Георгием Львовичем пить кофе — он его сам заваривает в швейцарской.

Газетные новости были обычными — к ним Лидочка уже привыкла: споры в Петроградском Совете, перемещения во Времен-

ном правительстве, Керенский — новый военный министр... Никаких сведений о бесследно пропавшем вожде эсдеков (большевиков) Ульянове-Ленине. Гучков подозревает международный социалистический заговор. Возможно, В. Ульянов-Ленин уже в Петрограде...

Митинг в Симферополе. Рабочие железнодорожных мастерских требуют ввести восьмичасовой рабочий день. Видный эмиссар Елисей Мученик выступил на митинге в поддержку требований рабочих. Эту фамилию Лидочка запомнила. Мученик успевал быть в трех местах одновременно. Состоялось заседание Ялтинского Совета — приняты важные решения. Из выступления вездесущего Мученика (когда он успел приехать из Симферополя в Ялту?): «В те дни, когда нация должна объединиться в единый тяжелый революционный кулак, чтобы раздавить гидру контрреволюции, атмосфера благодушия опасным болотом растекается по Южному берегу Крыма. Романовы пользуются плодами труда своих рабов, отдыхая в имениях, построенных кровью и потом крепостных...» Наверное, он худой, чахоточный, изможденный и озлобленный ссылками и каторгой. Он мстит Романовым за своих товарищей.

Ниже — мелким шрифтом: сообщение из Севастополя. Вчера там состоялось собрание запасных в полуэкипаже, посвященное плохому состоянию зимнего обмундирования. Капитан первого ранга Гсетоско заверил слушателей, что состав с шинелями и бушлатами уже покинул Киев. После капитана Гсетоско выступил адъютант командующего флотом лейтенант А. Берестов. Он познакомил собравшихся с обстановкой в Питере и ответил на многие вопросы. Он сказал, в частности, что флот стоит перед большими событиями — нужно быть готовыми отразить любое нападение германо-турецких дредноутов...

Сначала, выхватив глазами «А. Берестов», Лидочка чуть было не кинулась собираться — ехать в Севастополь. Но потом перечитала и поняла, что это — однофамилец. Конечно же — однофамилец! Андрюша никогда не служил по флоту, а уж для того, чтобы стать лейтенантом, следует прослужить лет десять. Странное совпадение. Конечно же, она съездит в Севастополь... может быть, завтра. Она посмотрит на того офицера. Ей ведь достаточно посмотреть издали.

Лидочка отбросила газету и хотела было взяться за книжку. Книжки она брала в пустой и холодной городской библиотеке. Ей казалось, что, кроме нее и одного чахоточного студента, никто туда не ходит. Это был исторический роман Конан Дойла,

она сама отыскала его на полке — библиотекарь, мрачный, закутанный в серый платок — лишь нос наружу, не возражал, чтобы Лидочка сама выбирала книги. И удивлялся: зачем она приносит книжки обратно?

Она прочла полстраницы. Потом захлопнула книжку. Посмотрела на часы. Нет, последний автобус на Севастополь давно ушел, и лучше будет поехать туда завтра на пароходе. Если не будет шторма. А какое расписание пароходов до Севастополя?

Лидочка уговаривала себя, что Андрюши нет в Севастополе. Это какой-то другой человек, моряк, может, даже немолодой. Важнее оставаться здесь — в Ялте. Только последняя дура помчится в Севастополь.

Убедив себя в бессмысленности такого поступка, Лидочка натянула ботики, быстро оделась и сбежала вниз.

Портье стоял на своем месте за стойкой.

— Лидия? — удивился он. — А я еще не ставил кофейник.

— Я на минутку, Георгий Львович, — сказала Лидочка. — Я на набережную и обратно.

— Может, дать тебе сопровождающего? — сказал портье. Он показал на группу постояльцев, лениво перекидывавшихся в карты за столиком у входа в закрытый ресторан.

— Ни в коем случае! — засмеялась Лидочка, закутываясь шарфом, чтобы защититься от острого весеннего ветра, что несся с моря. Она побежала по скудно освещенной набережной к причалу, где висела доска с расписанием пароходов.

Было уже совсем темно — часов десять, не меньше. Волны за парапетом угадывались только по белой пене... Лидочка добежала до доски с расписанием. Сюда долетали брызги от моря, она сразу окоченела, а фонарь был так далеко от расписания, что не было возможности прочесть, когда же отправляется первый пароход в Севастополь.

Лидочка растерянно оглянулась — о таком препятствии она не подумала. Может, вернуться в гостиницу и попросить у Георгия Львовича фонарь? Пока Лидочка размышляла, ветер неожиданно усилился и принес с собой такой плотный и холодный заряд брызг, что Лидочка кинулась бежать от моря. Впереди была лишь ярко освещенная витрина кафе «Франция», единственного открытого в это время на набережной.

Завидев бегущую от моря женскую фигуру, швейцар «Франции» приоткрыл дверь и впустил Лидочку. За последний месяц она уже не раз бывала здесь.

— Вы что на ночь глядя? Простудиться решили? — Швейцар

был ворчлив, усат, броваст — фуражка с золотым галуном на самые глаза.

— Ой, не говорите! — ответила, задыхаясь, Лидочка. — Не думала, что живой добегу.

— Ну погрейтесь, кофейку выпейте. У нас сегодня тихо, бандюжников нету, офицеры тоже по номерам отсиживаются.

— Спасибо. — Лидочка наслаждалась теплым уютом кафе.

Она прошла в небольшой зал и сразу увидела Колю Беккера — в форме морского офицера, повзрослевшего, ставшего еще красивее Колю. Он сидел за столиком один, перед ним стояла чашка кофе и рюмка коньяка. Она обрадовалась, увидев его, но не потому, что соскучилась или была одинока. Коля — именно тот человек, который объяснит ей, кто такой А. Берестов, адъютант командующего флотом. Коля наверняка его видел и обратил внимание на это совпадение.

Лидочка прошла через весь полупустой тихий зал, подошла к столику и спросила лукаво:

— У вас свободно? Вы позволите девушке к вам присоединиться?

Дама за соседним столиком, что сидела в обществе грузного тоскливого полковника, сделала возмущенную мину:

— Ну и нравы!

Коля поднял голову, увидел Лидочку и сказал:

— Я как раз о тебе думал.

Он поднялся и подвинул стул, предлагая Лидочке сесть.

Словно они расстались вчера — добрыми приятелями. И встретились как договорено.

— Ты что здесь делаешь? — спросила Лидочка.

— Могу тебе задать такой же вопрос, — сказал Коля. Он взглянул на дверь. — Ты одна?

— Одна, — сказала Лидочка.

«Даже в самой безопасной ситуации нельзя нарушать правил конспирации, — ругал себя Коля. — Что мне стоило потерпеть на холоду, пока Ефимыч починит мотор? Что потянуло меня в это чертово кафе?» Нет, не Лидочка его пугала — хоть и екнуло нерадостно сердце, когда увидел ее рядом со столиком. Увидел бы ее заранее — скрылся бы. А ведь знал, что она в Ялте. Но чтобы Лидочка, недавняя гимназистка, смело входила одна в вечернее кафе, в такое время! Что должно было произойти с ней?

В тот момент Коля не думал о том, что он — Андрей Берестов. Странно, но, когда увидел мельком Лидочку на набережной не-

сколько дней назад, сразу подумал — где же сам Берестов? Но сейчас ни о чем не подумал.

Изменилась ли Лидочка? По первому взгляду, с Лидочкиной хрупкой красотой ничего не произошло. Но, наверное, это не так — все мы меняемся. И Лидочка осунулась, глаза стали больше и тревожнее. Волосы причесаны иначе — плотно стянуты в пучок на затылке. И это насилие над волосами чуть-чуть оттягивает уголки глаз кверху и резче обозначает скулы. В лице появляется нечто ориентальное.

— Я здесь на минутку, по делу — еду в Севастополь, но вот машина сломалась.

— Ты там служишь?

— В штабе флота.

— Ты получил новые чины? Я плохо в них разбираюсь.

— Ничего интересного, — сказал Коля. — Служу. Как все. Кого-нибудь из знакомых видела?

— Давно никого не видела, — сказала Лидочка.

— Тебе кофе заказать?

— Без сахара.

Коля поднялся и пошел искать официанта. Лидочке было слышно, как за портьерой он ссорится с официантом, потому что официанту не хочется служить, а хочется заседать в Совете.

— Я обратил внимание, — раздраженно сказал Коля, возвращаясь и садясь за столик, — что простонародье ждет от революции не столько благ материальных, как возможности поговорить на пустые темы.

— Тебе не нравится революция?

— Почему? Мне она нравится. В определенных пределах. Например, для меня она открыла дорогу — во времена революционных потрясений открываются пути для смелых и умных людей. Не будь революции, я сидел бы в береговой артиллерии и ждал, пока приплывет «Гебен» и расстреляет меня вместе со всей батареей. Но ты расскажи, что с тобой было эти годы.

— Я уезжала.

— Куда?

— Куда, с кем — это долгий разговор.

— А зачем вернулась?

— Коля, я разыскиваю Андрея.

Кофе был теплый, жидкий — то ли кофе, то ли плохой чай. Молока официант не принес.

— Андрея? А вы... разве он... — Коля был удивлен.

— Мы потеряли друг друга. А мне его надо найти. Я думала, что ты мог встречать его или видеть.

— Нет, я его не видел... — Коля ответил как бы с оттяжкой — это была не пауза, но заминка. И Лидочка, готовая к неискренности, сразу уловила это.

— Не видел или ничего не знаешь? И фамилии не встречал?

— Я ничего не знаю об Андрее. Ты прости, что я не могу с тобой побыть. Но мне надо срочно возвращаться в Севастополь. Ты у родителей живешь? По старому адресу?

— Ты в Севастополь на машине? — спросила Лидочка. Они странно разговаривали, будто почти не слышали собеседника. Даже отвечая на вопросы, в самом деле думали о другом. О своем.

— Да, сейчас уже еду. Ты прости.

Коля достал аккуратный бумажник. У Коли всегда все было аккуратное — и бумажник, и ножик, и носовой платок. Он достал оттуда деньги, положил на стол.

— Мы обязательно увидимся, — сказал он.

— Погоди, — сказала Лидочка. — Ты возьмешь меня с собой.

— Еще чего не хватало!

— А почему? — Лидочка поднялась тоже. — Мне срочно нужно в Севастополь.

— Не на ночь же глядя.

— Мне все равно. Вместо того чтобы четыре часа болтаться завтра на пароходе, я доеду с тобой. И спокойнее. И к тому же на билете сэкономлю.

При последних словах Лидочка улыбнулась, словно приглашая Колю разделить шутку.

— Я и не подумаю тебя брать, — сказал Коля. — Это служебная машина.

Они уже оделись и, продолжая разговаривать, вышли на улицу.

— Наш автомобиль перегружен? — иронизировала Лидочка.

Коля понимал, что она пойдет с ним до автомобиля — и что тогда делать? Какая незадача! Она же назовет его Беккером!

— Коля, я бы не стала тебя просить, если бы не нужда. Ты послан мне Богом, буквально послан.

Ветер несся с моря, колючий, бешеный, порывистый, он нес с собой ледяные капли — будто был ноябрьским, а не майским. Лидочка ухватилась за локоть Коли.

— Где твой автомобиль? — Лидочке приходилось кричать.

— Вон там, за углом. Но я тебя все равно не возьму. Севастополь не место для благородных девиц.

— Город как город! — ответила Лидочка. — Я там жила. Не придумывай глупостей, Беккер!

С каждым шагом автомобиль был все ближе. Мерное урчание двигателя донеслось сквозь шум ветра. В лица им вспыхнули фары.

— Ваше благородие! — послышался голос в относительной тишине переулка. — Я здесь! Мотор как часы работает.

Тут только Ефимыч увидел, что Коля не один, с девушкой, которая повисла у него на руке.

— Здравствуйте, — сказала Лидочка. — Я очень прошу — возьмите меня с собой — мне очень нужно в Севастополь. Срочно.

— Мое дело маленькое, — сказал Ефимыч. — Как господин Берестов?

— Что? — Лидочка обернулась к Коле. Фары били ему в лицо, как лампа на столе Вревского: тот любил поворачивать свет лампы в лицо подозреваемому преступнику — чтобы ослепить.

Коля закрылся ладонью от света.

— Ефимыч! — крикнул он. — Выключи фары! Я же ничего не вижу!

— Коля! — сказала Лидочка. — Что это значит?

— А что случилось?

— Как он тебя назвал?

— Лидочка, завтра я вернусь, даю тебе честное слово — жди меня в том же кафе. Я тебе все расскажу. Честное слово.

— Нет, Коля, я еду с тобой. А если ты меня не возьмешь, я найму за любые деньги извозчика, и он меня к утру довезет до Севастополя. И я тебя все равно найду.

— Лида, ты же ничего не понимаешь.

— Тогда поехали, и по дороге ты мне все расскажешь.

— Лида, я не могу взять тебя с собой.

— Господин матрос, — Лидочка рванулась к машине, — господин матрос, скажите, как зовут вашего начальника?

Ефимыч понял: лейтенант Берестов оставил здесь девицу и скрывается от нее. Может, даже представлялся под чужим именем, а теперь она узнала настоящее. Смешно, конечно, но нам что за дело до господских утех? Ефимыч хмыкнул и счел за лучшее не услышать вопроса.

Лидочка между тем вырвала руку у Коли, подбежала к машине, повернула ручку задней дверцы и влезла внутрь.

— Лидия! — Коля старался говорить с ней, как говорят с маленьким непослушным ребенком как раз перед тем, как начать

его пороть: доводы рассудка исчерпаны, терпение лопнуло, еще мгновение...

— Поехали! — крикнула Лидочка изнутри — она исчезла под поднятым верхом автомобиля.

Коля протянул руки внутрь мотора, намереваясь вытащить Лидочку. Он водил руками в темноте, рычал от бессильной ненависти к ней. «Господи, — крутилось у него в голове, — Господи, я целовал ее и клялся ей в любви, Господи, избавь меня от этого кошмара!»

Коле удалось схватить Лидочку за горячую руку. Чуть не сломав ей пальцы, он рванул Лидочку к себе, но короткий предупреждающий звук клаксона пронзил его нетерпение и ненависть. Не отпуская рвущихся пальцев Лидочки, он обернулся:

— Что?

— Патруль!

Коля и сам увидел, как в переулок завернули — то ли на шум, то ли по ритуалу обхода — два солдата с винтовками. Первый, что шел впереди, принялся снимать с плеча винтовку:

— Стой! Что за шум?

Коля отпустил пальцы Лидочки и прыгнул в машину.

— С дороги! — крикнул Ефимыч, нажимая на газ. — Дорогу Черноморскому революционному флоту!

Автомобиль кинулся на солдат, как медведь, и те расступились, освобождая дорогу. Они что-то кричали следом, но машина, набирая скорость, катилась под откос к главной дороге.

Управляя автомобилем, Ефимыч не оглядывался и ничего не говорил, точно ничего и не произошло. Но ему было слышно любое громкое слово с заднего сиденья, поэтому Коля с Лидочкой говорили тихо, и Лидочка имела как бы преимущество перед Колей — в любой момент она могла повысить голос или позвать Ефимыча.

— Ну чего ты добилась? — Коля шепотом наклонился к уху Лидочки. — Зачем тебе это? Лучше сойди. Сойди у «Ореанды», еще не поздно. И вернешься домой. Или мы можем тебя довезти до дому — ты за армянской церковью живешь?

— Мне не надо домой, — сказала Лидочка, не заботясь особенно, услышит ее шофер или нет. — Я хочу знать правду. И думаю, что смогу ее узнать именно в Севастополе.

— Что тебе нужно узнать?

— Мне нужно узнать, кто такой лейтенант Берестов, о котором написано в сегодняшней «Тавриде». Он выступал на митинге в полуэкипаже и рассказал о положении дел с революцией.

— Если ты узнаешь правду, ты уйдешь?

— Не знаю, Коленька, не знаю. Эта правда должна меня убедить.

Глаза привыкли к темноте, и Коля видел, как блестят Лидочкины глаза. Ничего не было видно, но глаза блестели.

Ялта осталась позади — пошли низкие татарские сакли с каменными заборами между ними.

— Ты уже догадалась, — прошептал Коля. — Ты же догадалась, что я взял фамилию Берестова.

— Зачем? — спросила Лидочка дрогнувшим голосом. Признание Коли вдруг испугало ее. Если он так спокойно говорит о том, что он — Берестов, значит, можно? Значит, с Андрюшей что-то случилось?

— Лидочка, я тебе завтра объясню. Я не могу везти тебя в Севастополь. Останови, Ефимыч, дама сойдет.

— Коля, — сказала Лидочка, — ты можешь меня убить, но добром я не уйду.

— Лида, ты что говоришь!

— Ты можешь выкинуть меня из мотора, но я завтра же приеду в Севастополь и найду тебя!

— Лида!

— Ваше благородие, остановимся или дальше ехать?

— Останови, — сказал Коля, решившись.

Машина съехала к обочине. Город уже кончился — близко к дороге подходил обрыв. По обрыву падал маленький водопадик — в палец толщиной. Но шумел как настоящий.

Коля повлек Лидочку за собой. Они шли в свете фар — может, Коля и сам не хотел оказаться в темноте. Они уходили от машины, а фары следили за ними, как два глаза светящейся стрекозы.

— Слушай, — сказал Коля, когда ему показалось, что Ефимыч уже не услышит, — я подробнее потом все расскажу. А сейчас я только коротко, хорошо?

— Говори.

— Мне случайно попали документы Андрея.

— Как так случайно?

— Понимаешь, это уже было давно... полгода назад. Я не хотел ими пользоваться.

— Коля, расскажи все по порядку. Что с Андреем?

— Ты не знаешь? Ты честное слово не знаешь?

— Что я должна знать?

— Что Андрея... нет.

— Почему ты так говоришь? Как ты смеешь?

— Не кричи, Лида. Я знаю, что вы с ним вместе бежали, я не спрашиваю, что произошло и почему ты одна, — я же не спрашиваю. Я понял, что ты осталась там, а он вернулся, да?

— Ты не то говоришь! Ты должен говорить правду!

— Я сказал правду. Я сказал... Когда стало известно про смерть Андрюши, Вревский передал мне его бумаги. Ну зачем они Вревскому?

— Кто тебе сказал, что Андрея... нет?

— Ну это же все знают!

— Ты его обокрал! Ты украл его документы, зачем ты это сделал?

— Клянусь тебе всем святым, что эти документы я получил от Вревского. Он закрыл дело, он отдал мне весь пакет, чтобы я отвез в Симферополь Марии Павловне. Но ты... да погоди ты! Но сначала я не мог уехать — не было отпуска, а потом революция — я попал в Севастополь...

— Нет, — повторяла Лидочка, отходя от Коли, и тот шел за ней по слабеющей дорожке света. — Нет, этого не может быть!

Вдруг она замерла, подняла руку — тень ее была жутко длинной, она уходила в бесконечность, сливаясь с чернотой.

— Если все так, почему ты — Андрей Берестов? Почему не передал тете Марусе, а взял?

— Это самое простое, — сказал Коля. — Когда я приехал в Севастополь, там начались гонения на людей с немецкими фамилиями — тебе этого не понять. И я вспомнил, что у меня есть документы Андрюши. Они же ему уже не нужны. И я их позаимствовал. В этом не было плохого. Если кто и имел на это право — только я. Я же его друг.

— Я тебе не верю! — Лидочка побежала по дороге, в темноту, и ей было все равно, куда бежать, потому что все потеряло смысл: и плавание во времени, такое долгое, и жертвы, и расставание с родными и со своим временем — все теряло смысл без Андрюши.

До той минуты Лидочке не приходила в голову мысль, что с Андреем могло что-то случиться. Она убедила себя, что он опоздал — он все еще плывет по волнам времени, и она его дождется. Известие о смерти Андрея было настолько невероятно и подло, что об этом можно было пока и не думать — нужно было только изобличить Беккера, который все это придумал. Он объявил себя Андрюшей ради какой-то своей выгоды. И в то же время, убегая от Коли, она убегала от страха, который он нес в себе, — ведь он мог повторить, что Андрюша умер.

Коля пробежал за ней несколько шагов и остановился, потому что исчезновение Лидочки во тьме было выходом — вот и нет ее. А куда убежала? Не знаю — наверное, домой, к мамочке.

Но неожиданно на этой сцене появился третий персонаж, которому ранее была уготована роль зрителя.

Ефимыч нажал на газ и, гудя, медленно двинул машину вперед. Коля чуть не попал под колеса, отскочил к обрыву, балансируя на краю, — яркие лучи света гнали перед собой темноту, пока не выхватили из нее светлую фигурку Лидочки.

И та остановилась, как бы прижатая светом к дороге.

Клаксон призывно гуднул два раза. Он звал ее, и Лидочка вернулась к машине. Ефимыч открыл дверцу, и Лидочка взобралась внутрь. Послышались частые шаги — подбежал Коля.

— Это что? — Он задыхался от быстрого бега и гнева. — Ты что? С ума сошел? Да ты понимаешь, что сделал? Ты же меня задавить мог!

— Не дай Бог! — серьезно ответил Ефимыч.

Машина закачалась на рессорах — рядом с Лидочкой устроился Коля.

Он молчал и тяжело дышал, как будто долго бежал в гору, Лида тоже молчала — в голове у нее была экзаменационная тупость: ни одной мысли, ни одного чувства.

Коля перевел дух и сказал:

— Мы подвезем тебя до дома?

— Нет, — сказала Лидочка тоже спокойно — все уже кончилось. И она была сильнее Коли — не только потому, что у нее обнаружился неожиданный союзник, но и оттого, что она ровным счетом ничего не боялась и ей было нечего терять — а Коля и боялся, и терял.

— Чего ты хочешь? — спросил Коля.

— Мы поедем в Севастополь, — сказала она. — Я возьму у тебя документы и бумаги Андрея. Я тебе не верю. Я должна увидеть их собственными глазами.

— Но где ты будешь ночевать? Мне же надо в штаб. Немедленно. У меня очень важные дела.

— В гостинице переночую.

— Ты не попадешь в гостиницу, ты не представляешь, как переполнены гостиницы в Севастополе.

— Да не волнуйся ты за меня! — Лидочка повысила голос. — На вокзале подожду, на пристани, ничего со мной не случится.

— Делай как хочешь. Я покажу тебе эти документы, — сдался Коля.

Наступила тишина — ее лишь подчеркивал ровный шум мощ-

ного мотора, который со скоростью пятьдесят километров нес вперед «Руссо-балт». Фары выхватывали скалы, поросшие колючками, а затем уходили в пустоту, когда машина делала поворот.

И тут Лидочка заплакала. Она еще не верила, но уже понимала, что так могло случиться.

— А ты точно знаешь? — спросила она тихо.

— Я хотел бы, чтобы было иначе, — искренне ответил Коля. — Я бы очень хотел, чтобы он был жив. Неужели я бы позволил себе взять это, если бы Андрей был жив?

— А как это случилось? С Андреем?

— Я не знаю. Мне Вревский не рассказал. Кажется, что его узнали — была перестрелка, и он погиб.

— А где... где Андрюша... где его похоронили?

— Я не знаю.

— Ты лжешь. Ты, конечно, лжешь!

— Наверняка об этом было в газетах, — сказал Коля. — Ты можешь проверить. Возьми в библиотеке подшивки газет за осень прошлого года. Там написано — я помню, что писали.

— Хорошо, — сказала Лидочка, — ты прав. Мне надо было раньше догадаться про библиотеку.

Ефимыч затормозил так резко, что пассажиров кинуло о спинки переднего сиденья. Коля умудрился привстать и понял, что дорогу перегородило упавшее дерево.

Мотор остановился — Ефимыч высунулся из мотора, вглядываясь в темноту. И в движении его была тревога, которая сразу передалась пассажирам.

— Что там? — спросил Коля.

Ефимыч сказал:

— Люди.

И они сами увидели людей — из-за дерева не спеша вышли три человека. Двое с винтовками. Один, первый, с револьвером в руке. Одеты они были так, что казались на первый взгляд военными, но потом ты понимал, что они, скорее всего, не военные люди. Одежда была военной, но ни погон, ни петличек, ни кокард у них не было.

— Выходите! — крикнул тот, кто стоял первым, и помахал револьвером, показывая, что нужно выходить.

— Это кто такие? — спросила Лидочка.

— Бандиты, ясное дело кто, — сказал Ефимыч, вылезая из автомобиля.

— Погоди, — Коля остановил Лидочку, которая хотела было

последовать примеру шоффэра. Захрустела бумага. Чуть не оторвав пуговицы, Коля расстегнул черную шинель и вытащил из-за пазухи небольшой конверт. — Спрячь, быстро. — Коля смотрел, как вооруженные люди шли к машине. Один остановился и, проводя руками по бокам Ефимыча, обыскивал его.

— Что это? — спросила Лида.

— Спрячь. Далеко, как можно дальше. Тебя не будут обыскивать, а меня будут. И машину будут обыскивать.

— Почему?

— Я думаю, что Ялтинский Совет узнал о моих делах и послал погоню. Если они найдут письмо — мы погибнем. Скорей же!

Лидочка быстро спрятала конверт за корсет — конверт был теплым — это было странно и почти забавно, — он хранил тепло Колиного тела, а Андрюшино тело холодное...

* * *

Лидочка дрожала, но от горя, а не от страха. Коля сделал несколько шагов навстречу бандитам, встал к ним почти вплотную — заговорил:

— Я хочу знать, кто посмел остановить мой мотор?

Главный бандит оттолкнул Колю, тот не ожидал толчка, пошатнулся, на секунду его речь прервалась.

Ефимыч отошел к Лидочке, подхватил ее, потому что увидел, что она теряет сознание.

— А ну пошли! — приказал главный бандит. Пистолет он направил на пленников.

— Погоди, — сказал Ефимыч, — видишь, барышне дурно!

— Барышню можешь здесь бросить, — сказал бандит. Второй почему-то рассмеялся. И заговорил, смеясь, не по-русски. Ефимыч был из Пскова, он не догадался, что за язык. А Коля понял — татарский. Правда, он его знал плохо. Плохо, но достаточно, чтобы понять слова бандита: «Оставь и меня здесь. Я посмотрю, она не убежит».

— Молчать! — сказал главный бандит по-русски. — Все молчать!

Ефимыч взял Лидочку на руки, она была легкая, тонкая, он понес ее следом за главным бандитом. Потом шел Коля, потом еще один бандит. Тот, который смеялся, остался у автомобиля.

Они шли недолго, по заросшей кустарником просеке, поднимаясь от дороги вверх, свернули за выступающую скалу и оказались на поляне, где стояла небольшая каменная, в одно окно, хи-

жина, перед ней горел костер, у костра сидели несколько человек. Никто не встал навстречу.

Главный бандит заглянул в слабо освещенную дверь хижины.

— Не приходил? — спросил он по-татарски. Только Коля его понял.

— Скоро придет, — откликнулись из хижины.

Ефимыч опустил Лидочку на землю у костра, но не рядом, а за спинами сидевших там бандитов. Голову ее он положил себе на колени.

— Воды дай, — сказал он.

Люди у костра оглядывались. Потом один из них зачерпнул кружкой из котелка, висевшего на костре, и протянул Ефимычу.

— Ранили или больная? — спросил он.

— Плохо ей стало, испугалась, — сказал Ефимыч.

— Это бывает, — сказал бандит.

Ефимыч принялся дуть на воду. Коля стоял неподалеку, руки за спину. Во всей этой сцене была какая-то задумчивость, замедленность, будто действие происходило во сне или под водой.

Так продолжалось минуты три-четыре. Ефимыч дал Лидочке хлебнуть горячей воды. Она закашлялась. Ефимыч помог ей сесть рядом, на тонкие бревна, лежавшие у костра. Он поддерживал ее. Лидочка плохо соображала.

Из хижины вышел пожилой татарин — если о прочих нельзя было сказать, татары они или русские, потому что одеты они были в военную одежду, то этот человек был одет как татарский крестьянин.

— Ты их обыскал? — спросил он. Опять же по-татарски. Уверенный, что никто из пленников его не поймет. Не мог же он догадаться, что этот морской офицер вырос в Глухом переулке в Симферополе, где каждая третья семья — татары?

— Они не будут стрелять, — сказал тот.

— Ты не знаешь. Ты бумагу возьми.

— Встань — пойди сюда, — сказал бандит Коле. По-русски.

— Зачем?

— Тебе сказали. И подними руки.

— Вы не имеете права! — сказал Коля. — Я представляю Черноморский флот. Вы понимаете, что это значит? Одного выстрела шестидюймовки достаточно, чтобы от вашего логова ничего не осталось.

— Твоя шестидюймовка не знает, куда стрелять, — сказал бандит. — Пускай стреляет. А ты руки подними — подними, подними, я тебя не обижаю, это порядок такой.

— И обыщите машину! — раздался голос из хижины. Голос был знаком Коле.

Коля понял, что они искали письма из Ай-Тодора.

Коля осторожно кинул взгляд на Лидочку. Она могла понимать татарский. Только бы не испугалась и не отдала письмо.

Бандит провел руками по бокам Коли, по ногам, между ног. Полез во внутренний карман — вытащил бумажник. Коля терпел — он пытался уговорить себя, что все это происходит не с ним — что он читает роман Кервуда или Жюля Верна. Руки у бандита были холодные, а изо рта пахло луком. Было противно, но Коля терпел. И думал сейчас не о себе, а о том, что нужно спасти письмо. Это странные бандиты, они ведут себя совсем не как бандиты — они ищут письмо. Если бы не татарская речь, Коля не сомневался бы, что засада подстроена Ялтинским Советом, который подозревает Колчака в связи с Романовыми. Но это были крымские татары. Значит, у Ялтинского Совета есть свои татарские банды?

Бандит сказал:

— Застегивайся. — И понес бумажник Коли своему начальнику.

В одной руке у него был бумажник. Во второй — маленький флакон.

— Это что такое? — спросил татарин строго. — Это яд, да?

Коля не сразу сообразил, что это флакон французских духов, взятый им с трюмо императрицы в подарок Раисе.

— Духи, — сказал Коля с облегчением. — Понюхай, если не веришь.

Теперь наступила очередь Ефимыча.

— Давай подними руки, обыскивать буду, — сказал бандит.

— Мы его у машины обыскали, он пустой, — прозвучало в ответ.

Пожилой татарин зашел в хижину и передал тому, кто был там, бумажник Коли и пузырек с духами. Как жаль, что окошко в хижине так мало и расположено высоко, тысячу рублей отдал бы за то, чтобы увидеть рожу этого ялтинского агента. Ведь не выходит! Значит, узнал Колю и не хочет, чтобы и тот узнал его.

— Эй! — крикнул старый татарин, выйдя из хижины. — А что там в автомобиле?

Как бы в ответ на вопрос из темноты вышли люди.

— Нет, — сказал первый. — Ничего нет.

— Должно быть! — раздался голос из хижины. — У женщины ищите!

— У нее ничего нет! — сказал Коля быстро. — Клянусь честью, у нее ничего нет! Мы только что встретились.

Увидев, что бандиты обернулись к сидящей у костра, обняв колени, Лидочке, Ефимыч встал и вытащил из костра полуобгоревший сук.

— Только троньте, — сказал он. — Только троньте.

— Зачем бабу трогать? — сказал молодой бандит. — Сам трогай.

— Они могли спрятать письмо, — настаивал голос из хижины.

Коля тоже двинулся к Лидочке.

— Сначала убейте меня, — сказал он.

— А почему не убить? — сказал молодой бандит, поднимая «маузер» Ефимыча. Медленно-медленно...

Коля понял, что пришло время рискнуть. Он так волновался, что татарский язык вернулся к нему, будто он играл на дворе десять лет назад. И он закричал на жаргоне городских татарских мальчишек:

— Не смей трогать мою невесту! Только попробуй! Я уйду в ад, но возьму с собой ваши души! Пусть ваших невест щупают чужие лапы! Пусть вашу мать обыскивают русские! Идите сюда, собаки!

Все стояли, будто пораженные громом, словно у них на глазах морской офицер превратился в дива.

Затрещали сучья. От дороги на поляну у костра быстро вышел Ахмет Керимов.

* * *

Он остановился на краю освещенного костром круга и, медленно поворачивая голову, пронесся глазами по лицам участников прерванного сражения.

Он увидел своих товарищей-бандитов. Они стояли полукольцом, спинами к костру, будто стая волков, которые остановились перед старым оленем. Он увидел Ефимыча, затем — Колю Беккера. И сделал еще шаг вперед, чтобы понять, кто же та женщина в сером пальто и сбившейся набок шляпке, что сидит у костра, — и узнал Лидочку.

Затем услышал, как из хижины снова звучит голос:

— Ну идите же! Что там у вас происходит?

Ахмет вдруг широко улыбнулся — почему-то ему эта картина показалась забавной.

— Всем вольно, — сказал он. — Перемирие.

— Что такое? Керимов, это вы? Зайдите ко мне, — послышалось из хижины.

— Погодите, — ответил Ахмет. — Я, кажется, встретил друзей, которых не видел целую историческую эпоху. Ведь мы расстались с вами в империи, а встретились в республике.

Остальные бандиты, слыша, насколько спокоен и весел Ахмет, тоже заметно успокоились, распрямились, отступили назад.

— Махмуд, дорогой, — сказал Ахмет, — расскажи, что происходит.

Пожилой татарин ответил по-татарски, говорил он длинно, другие вмешивались, помогали. Коля перестал понимать — в ушах шумело, начала болеть голова.

— Кто такой? — спросил Ефимыч. — Кто этот молодой?

— Так не бывает, — сказала Лидочка. Но осталась сидеть.

Конечно, так бывало, но только в приключенческих романах, где герои, уже привязанные к столбам или кострам, уже взошедшие на плаху, чудесным образом слышат боевой клич своих друзей. И спадают оковы, гремят барабаны — наши победили! Впрочем, Лидочка в этот момент не задумывалась, насколько такое сравнение правомочно, — ей никто не грозил смертью. Хотя неизвестно, чем бы все кончилось.

— Все ясно, — сказал Ахмет, который говорил по-русски из уважения к гостям — незваным и невольным гостям. — Отведите девушку в дом. Ей холодно.

Пожилой татарин быстро заговорил по-татарски. Коля понял: он напоминал, что в доме гость, который не захочет, чтобы его видели.

— Пускай уходит, — сказал Ахмет по-русски.

Одновременно с этими словами из дома быстро вышел высокий человек в длинном черном пальто и надвинутой на лицо шляпе. Левую руку он держал перед лицом, чтобы его не узнали.

— Господин эмиссар! — окликнул его Коля. — От вас, Елисей, я этого не ожидал.

Человек в пальто засмеялся — смех был приглушен — и унес этот смех, свернув за угол дома.

Все смотрели туда, где скрылся человек из хижины, молчали, будто он обязательно должен был что-то сказать.

И тот сказал — из-за угла хижины донесся голос:

— Керимов, ты за это ответишь!

Ахмет не обернулся на крик.

— Лида, — спросил он, — ты сама пройдешь или тебе помочь?

— Спасибо, Ахмет, — сказала Лида. — Я сама.

Коля подошел к Ахмету. Протянул руку. Ахмет поздоровался с ним.

— Спасибо, — сказал Коля, — как всегда, Ястребиный Коготь, друг бледнолицых, прискакал вовремя.

Он тоже вошел в хижину. Там было тепло, теплее, чем снаружи. У дальней стены протянулась низкая широкая скамья. Перед ней на грязном коврике стояла керосиновая лампа — от нее тянуло копотью и запахом горелого керосина. Он смешивался с ароматом французских духов, украденных в Ай-Тодоре.

— Садитесь, — сказал Ахмет. — Извините, что так получилось. Я не знал, что увижу вас.

— Для нас это тоже неожиданность, — сказал Коля, оглядывая себя, словно ища непорядок в своем туалете. — И приятная притом.

Лидочка рассматривала Ахмета — почти месяц она провела в одиночестве, никого не видя, если не считать бывших соседей и соучениц, которых Лидочка избегала, чтобы не отвечать на вопросы, — и вдруг за один час встретила сразу двоих. И, подумав так, Лидочка снова рухнула в пучину своего горя.

— Как вы сюда попали? — спросил Ахмет.

А Лидочка, не в силах терпеть неизвестность, перебила его:

— Ахмет, скажи, что с Андреем? Где Андрей?

— Ты не знаешь?

— Ахмет, ты же его друг. Скажи правду!

— Я думал, что ты знаешь... или тоже...

— Ты его видел? Ты разговаривал с ним?

— Нет, но мне сказали... я думал...

— Врешь! — закричала Лидочка, как базарная торговка. — Врешь, негодяй! Вы все врете, вы все завидуете ему! Вы хотите, чтобы он умер!

И тут Лидочка увидела краем глаза, что Коля показывает пальцем у своего виска — показывает Ахмету, что она, Лидочка, не в себе. И Ахмет чуть заметно кивает.

— Не надо этих заговоров! — кричала Лидочка. — Я все понимаю.

— Эй! — сказал Ахмет обыкновенным голосом, видимо, зная, как тонки стены хижины. — Принеси воды.

Но Ефимыч уже поднялся — он вышел из хижины и вернулся со стаканом теплой воды, из которого уже поил Лидочку.

— Извини, — сказал Коля. — Давай в следующий раз все обсудим. Главное — что мы встретились. Мне надо спешно вернуться в Севастополь.

— Погоди, — сказал Ахмет, — десять минут ничего не решают. Сначала ты ответь мне на пару вопросов.

Он стоял, сложив руки на груди и набычившись, словно Наполеон.

— Можешь не задавать, — сказал Коля. — Я знаю, что ты хочешь спросить. Есть ли у меня письма от Романовых Колчаку, которых Ялтинский Совет подозревает в сговоре с Морским штабом и даже хочет их арестовать... Видишь, я тоже кое-что знаю. Больше того — к тебе приехал эмиссар из Ялты или из Симферополя — не знаю откуда. Фамилия его — Мученик. Я с ним знаком — он из Севастополя. Я думаю, он тебе и заплатил, чтобы перехватить наш мотор и обыскать нас — а может, и пустить в расход. Ну что молчишь? Я в чем-нибудь не прав?

— Звучит глупо, — сказал Ахмет. — В твоих устах, эффенди, мои действия кажутся действиями необразованного бандита, а я, как всем известно, чуть было не окончил Сорбонну.

Ахмет отпустил длинные волосы, на нем был английский френч без погон, широкие щегольские синие галифе и блестящие сапоги.

— Я не хотел тебя обидеть, — сказал Коля. — Но как ты знаешь, от уровня вежливости смысл не меняется.

— Ах как красиво! — отозвался Ахмет, но лицо, тревожно подсвеченное снизу лампой, было резким и зловещим. — Только учти, что меня нельзя нанять или купить. И моих людей тоже. Мы сознательные борцы за счастливое будущее свободного татарского народа.

— Ну вот, — усмехнулся Коля, — теперь ты заговорил еще красивее. Учти, я не возражаю против свободы татар Крыма.

— Боюсь, что ты не понял, — сказал Ахмет. — Мы требуем не только свободы — для всех, для татар, для русских, для хохлов, — мы требуем независимости Крыма.

— Как так независимости Крыма? Это что-то новенькое.

— Надо газеты читать. В Симферополе уже создан комитет.

— Ну хорошо, пускай независимость. Неужели это играет сейчас хоть какую-нибудь роль?

— Конечно, играет. Ты намекнул, что Мученик нас купил. Мученик не может купить Керимова, потому что они с Мучеником союзники. Оба они — и Мученик и Керимов — боятся, что адмирал Колчак и его офицеры захватят власть в Крыму и задушат революцию, что они будут вешать на деревьях и татарских, и русских, и еврейских революционеров, а Керимову тогда висеть

рядышком с Мучеником. Теперь ты понял, насколько это серьезно?

— Это теория, Ахмет. Это теория, которую придумали неполноценные люди. Есть Российская империя, и наш с тобой долг, Ахмет, вернуть ей величие и не дать ее распродать.

— Теперь наши позиции выяснились, герр фон Беккер, — сказал Ахмет и делано рассмеялся.

Коля посмотрел на Ефимыча, тот сидел, глядя на пустую кружку. Он не мог не слышать. Но может быть, он не вслушивался?

— Я могу тебе сказать совершенно честно — я бывал на вилле императрицы. И не раз, — сказал Коля.

— Знаю, еще бы не знать.

— Если ты так информирован, то ты знаешь, почему я там бывал.

— Не подозреваю.

— У меня сложились свои, особые отношения, — тут Коля замолчал, словно подбирал соответствующие моменту слова, — личные интимные отношения с одной молодой особой... Ну, влюбился я, черт побери! В княжну Татьяну.

— У нее коленки красивые? — спросил заинтересованно Ахмет и, не дождавшись ответа, сокрушенно добавил: — Опять опоздал! А ведь мы с ней были близки!

— Ты шутишь?

— Ни в коем случае, — ответил Ахмет. — И знаю, что ты лжешь. Не стал бы ты сейчас крутить роман с княжной или с кем-то из камарильи — слишком опасно. Не для тебя такая забава.

— Ахмет, нам пора ехать, — сказал Коля. — Ты не будешь нас задерживать? Дорога дальняя.

— Нет, — сказала Лидочка, глядя на Колю в упор. — Я останусь у Ахмета. Ахмет отвезет меня в Ялту. Хорошо, Ахмет?

Ахмет удивился — ему неясны были отношения Коли и Лидочки, он чувствовал недоговоренность, но не вмешивался.

— Хорошо, — сказал Ахмет. — Я, правда, в Ялту не собирался...

— Я прошу тебя.

— Хорошо! Я же сказал — хорошо!

— А я поехал в Севастополь, — сказал Коля. — Прикажи вернуть мой бумажник.

— Да поезжайте вы все, куда хотите! Поезжайте! — Ахмета неожиданно охватила вспышка злости — непонятно к кому, — он

выбежал из хижины, и сразу его резкий голос зазвучал снаружи — он по-татарски отчитывал тех, кто сидел у костра.

— Ты серьезно решила тут остаться? — спросил Коля. — Не боишься?

— Поезжай, Коля, хорошо?

— Ладно. Счастливо тебе оставаться.

— Спасибо, — сказала Лидочка, подходя к Ефимычу и протягивая матросу узкую ладонь.

— Не за что, — мрачно ответил тот. — Вы не расстраивайтесь так. Обойдется. Наверно, ошибка.

— Письмо, — сказал Коля. — Быстро, пока он не вернулся!

— Какое письмо? — не сразу поняла Лидочка.

— Которое я тебе дал. Да тише ты!

— Прости. — Лидочка стала доставать письмо. Коля стоял рядом, ему так хотелось рвануть на себя лиф ее платья, чтобы выхватить письмо — именно чтобы выхватить. И Лидочка чувствовала его нетерпение — совсем иное, чем у мужчины, который мечтает о ней...

Коля выхватил у нее письмо — он не хотел быть грубым, но он очень спешил, и Лидочка понимала, что он прав: если кто-нибудь, в первую очередь Ахмет, увидит письмо, будет плохо.

Коля едва успел — он еще не вынул руку из кармана плаща, так и замер. Вошел Ахмет.

— Вы еще здесь? — спросил он равнодушно и протянул Коле бумажник.

— До встречи, — сказал Коля, пожимая на прощание руку Ахмету. — Мне повезло, что я встретился с тобой.

— Тебе точно повезло, — согласился Ахмет.

— До свидания, Лидочка, — сказал Беккер.

Он поцеловал ей руку. Лидочка была так подавлена, что не успела ее отдернуть.

— Ефимыч! — сказал Коля и первым пошел к выходу из хижины.

Матрос вышел следом, не оборачиваясь и не прощаясь.

Закрылась дверь.

— Их не тронут? — спросила Лидочка.

— Конечно, их не тронут, — сказал Ахмет. — Письмо у тебя было?

Лидочка не ответила.

— Чего ты его защищаешь?

— Я его не защищаю. Мне все равно...

Заглянул молодой парень — Лидочка впервые увидела чело-

века, грудь которого крест-накрест была перетянута пулеметными лентами.

— Все готово, — сказал он.

— Едем! — сказал Ахмет.

Пролетка стояла на дороге, дерево куда-то делось, автомобиль Коли тоже исчез.

— Они уехали? — спросила Лидочка.

— Конечно. Прости, у меня нет автомобиля. Помнишь, какой был? Помнишь?

— Ну конечно, Ахмет.

Молодой парень, обвязанный пулеметными лентами, уселся на облучок. Ахмет достал из-под ног кожух, накинул его на Лидочку.

— Будет холодно, — сказал он. — Тебе куда ехать? Домой?

— Нет, в гостиницу, — сказала Лидочка. — Ты разве не знаешь, что мои в Одессе?

— Знаю, что в квартире живут другие, — сказал Ахмет.

Парень в лентах зацокал на лошадей, легонько хлестнул одну, пролетка стала разворачиваться.

— Почему ты сюда приехала? — спросил Ахмет. — Я чуть язык не проглотил, когда увидел тебя. Я точно думал, что ты умерла.

Лидочка протянула руку, дотронулась до кисти Ахмета.

— Я теплая, — сказала она.

— Это просто чудо.

— Я ищу Андрея.

— Лидия, не шути.

— Тогда ты скажи мне — что случилось с Андреем. Только честно. Ведь я для этого осталась с тобой и попросила меня подвезти.

— А что сказал Коля? — ушел от ответа Ахмет.

— Он сказал, что Андрей погиб, он знает это наверняка. Поэтому он и стал Андреем Берестовым.

— Что?

— Ты и этого не знаешь? Ахмет, ты меня удивляешь — я сегодня встретила Колю впервые за много лет — и уже знаю. А ты не знаешь.

— Какой Андрей? Ты скажи по-человечески.

— Следователь Вревский — помнишь такого?

— Еще бы — он налет на дом моего дяди делал. Мотор реквизировал.

— Следователь Вревский передал Коле Беккеру документы Андрея, чтобы тот отвез их Марии Павловне. Но Коля попал в

Севастополь и стал жить по документам Андрея. Потому что Андрею они уже не были нужны.

— Значит, что же получается — Андрей умер, а Коля стал Андреем?

— Он сказал, что как друг Андрея он имел на это моральное право. Что он его духовный наследник.

— Мерзавец он, а не наследник, — сказал Ахмет. — Жаль, что я раньше не знал, — я бы ему высказал свою точку зрения!

— Но все это пустяки, все это не главное...

— Что же главное? — спросил Ахмет, хотя и знал ответ.

— Андрей. Что с ним случилось? Кому верить? Я ведь жду его.

— Я знал... до сегодняшнего дня думал, что Андрей умер. И даже был на его могиле.

— На могиле? Где?

— Я могу показать. Это не в Ялте.

— Ахмет, ты мне покажешь его могилу?

— Конечно, покажу. Я ходил туда, я рубль дал, чтобы за могилой смотрели. А то как Мария Павловна умерла...

— Мария Павловна?

— Она не пережила... Но ты в самом деле не знаешь?

— Клянусь тебе всем святым, что не знаю.

— А где же ты была три года?

— Далеко. Очень далеко. Ты отвезешь меня на кладбище?

— Завтра. Если я не приеду, значит, к тебе приедет мой связной, ты его знаешь.

— Кто?

— Хачик.

— Хорошо. Я буду ждать.

— Только ты не расстраивайся. Сейчас мне надо возвращаться, но я приеду. И может быть, Андрей и не умер? Ведь ты жива?

Пролетка въехала на окраинную улицу.

— Не переживай, — повторил Ахмет. — Все на свете так странно.

— Ты можешь меня здесь отпустить, — сказала Лидочка, — мне два шага осталось.

— Нет, я погляжу, как ты в гостиницу войдешь.

— А патруль тебя не остановит?

— Патруль меня не остановит. Я — человек-невидимка, читала?

И Ахмет засмеялся, по-старому, будто ничего и не было.

* * *

Беккер вернулся в Севастополь в половине третьего ночи.

Он остановил автомобиль у дверей Морского штаба, выключил мотор. С трудом, из последних сил, снимая кожаные перчатки, вылез из машины. Часовой, сонный и замерзший, перегородил штыком дверь.

— Ты что, не видишь? — спросил Беккер без злобы, но с глубокой уверенностью в том, что никакой часовой не посмеет его остановить. Он отвел штык вверх, не отпуская его, нагнулся и прошел под ним, как под низкой притолокой.

В вестибюле горела тусклая лампочка. Коля, стараясь шагать твердо, вошел в приемную адмирала. Лейтенант Свиридов, ночной дежурный, спал на черном кожаном диване, придвинув телефон к изголовью.

— Степа, — сказал Беккер, опускаясь в кресло возле дивана. — Степа, проснись. Скажи, где Александр Васильевич?

Степа вскочил, потянулся к телефону, потом сообразил, отпустил трубку и стал протирать глаза.

— У нее, — сказал он, прокашлявшись. — Сколько времени?

— Скоро три часа.

— Ты откуда?

— Из Дюльбера.

Свиридов запустил пальцы в черную шевелюру. Морщась от боли, он растаскивал ее по прядям.

— Что-нибудь случилось?

— Не задавай глупых вопросов, Степа. Позвони адмиралу.

— Ты с ума сошел, Берестов. Сам же сказал — три часа ночи, а ты его из теплой кроватки. Он же оторвет мне голову.

— Ты как думаешь — я приехал сюда в три часа ночи из Ялты, приехал один, потому что моего шоффэра по дороге убили — сам я контужен и еле держусь на ногах, — приехал и разбудил тебя ради собственного удовольствия? Ради шуток?

— Шоффэра убили? Ефимыча? Что случилось? Бандиты?

— Бандиты, из которых состоит вся Россия. Будешь звонить или нет?

— Может, ты сам?

— Ты дежурный — тебе положено.

Степа нагнулся, поднял с пола телефон, поставил его на край стола, но трубки не снял.

— Что-нибудь случилось с императрицей? — спросил он с повышенной заботливостью, будто собирался тут же нести ей стакан воды.

— Бери трубку! — закричал Коля. Глаза у него стали бешеные. Он начал расстегивать кобуру, пальцы его тряслись. — Я из этого «нагана» сегодня пристрелил трех человек! Одним больше, одним меньше — какая разница! Какая разница, Степа? Решается судьба России, а ты никак не можешь решить, положено или не положено будить адмирала?

Степа, не отрывая глаз от руки Беккера, которая ушла по ладонь в деревянную кобуру, схватил трубку.

— Девушка! — кричал он и крутил ручку вызова. — Девушка, вы меня слышите? Вы что, решили поспать? Алло! Алло! Ну вот... а то как сквозь землю провалились. Знаю, сколько времени! Лучше вас знаю. Срочно, четыре — двадцать четыре! Да, прямой. Да, из Морского штаба! Я лучше знаю, кто когда спит, а кто нет!.. Вот видишь, — сказал Свиридов, глядя, как Коля застегивает кобуру. — А ты берсекнул!

— Чего? — не понял Беккер.

Свиридов уже пришел в себя. Он взял со стола зеркало и поглядел на себя. Покачал головой, недовольный видом синей ночной щетины, встрепанных волос, припухших век и мешков под черными глазами.

— Это особое состояние, в которое впадали древние викинги во время битвы. Такой герой крушил и своих, и чужих — после боя его обязательно убивали свои же. Понял?

— Разберемся, — сказал Коля. — Ну, скоро?

Свиридов отложил зеркало, прикрыл ладонью трубку и ответил:

— Это спросишь у беззубого.

И тут же, услышав ответ, другим голосом произнес:

— Простите, ради Бога, это Степа Свиридов. Да, случилось. Скажите, пожалуйста, Александру Васильевичу, что лейтенант Берестов просится срочно переговорить с ним. Берестов, да, Андрей Берестов. Сколько времени? Три часа ночи.

Свиридов протянул трубку Беккеру, а сам снова взял зеркало, прошел к дивану, сел, сапог на сапог, принялся выдавливать угорь из большого пористого носа.

Коля взял телефонную трубку. Она была теплой и пахла какой-то помадой — видно, от Свиридова.

— Я вас слушаю, — хрипло произнес Колчак.

— Александр Васильевич, я только что прибыл из Дюльбера Мне нужно поговорить с вами.

— Это настолько важно?

— Я не паникер, ваше превосходительство, — сказал Беккер.

— Та-ак... Дорогая, достань порошок аспирина, — сказал адмирал. — И стакан воды. Вы меня слушаете, Берестов? Прошу вас немедленно прибыть сюда. Сколько времени вам потребуется?

— Семь минут.

— Отлично. Я предупрежу охрану.

Ровно через семь минут Коля Беккер увидел одетого и будто бы еще не ложившегося адмирала Колчака.

— Здравствуйте, — сказал адмирал, оглядывая Колю. — Садитесь. На вас лица нет. Еще не спали?

— Не пришлось, Александр Васильевич. Такие события...

— Тогда рассказывайте. Только коротко.

— Ее Величество, — сказал Коля, который уже отрепетировал краткую речь, — получила сведения, что Ялтинский Совет принял постановление об аресте всех членов царского семейства.

Колчак кивнул, будто именно этого сообщения и ожидал.

— Они будут арестованы сегодня. Для этого в Ялту подтянуты какие-то верные Совету части и отряды мастеровых. Возможно, и банды крымских татар.

Колчак поднял бровь.

— Они существуют, — сказал Коля. — Я их видел три часа назад.

— Продолжайте.

— Царское семейство будет перевезено в Симферополь, в тюрьму, затем, возможно, — на север.

— Временное правительство в курсе дел?

— Не знаю, — сказал Коля. — Вот письмо от императрицы.

— Я же просил — ничего не писать! — сказал адмирал.

Из полуоткрытой двери в гостиную проскользнула тонкая женская фигура в золотистом пеньюаре.

— Но сейчас особый случай, — возразил Коля.

— Особые случаи устанавливаю я, — сказал адмирал, протягивая руку.

Коля отдал ему письмо.

— Что же вы, лейтенант, — брезгливо произнес Колчак, — ногами его топтали?

— И ногами тоже, — сказал Беккер. — Ялтинский Совет подстроил мне засаду на дороге. Руководил засадой известный эмиссар Совета Елисей Мученик. Он оставался, так сказать, за сценой. А произвел эту акцию отряд крымских татар. Так что для спасения письма — именно его они и искали — мне пришлось пойти на некоторые шаги...

— Какие?

— Я выкинул это письмо в кусты. В последний момент. Так что, обыскивая нас, они ничего не нашли.

— А шоффэр? Не проговорился?

— Он не знал о письме.

— Вы держались за нашу версию?

— Да, я клялся, что бываю в Дюльбере из-за княжны Татьяны.

— Поверили?

— Вряд ли. У них свои люди во дворце.

— Разумеется, — согласился Колчак.

— А поручик Джорджилиани предложил Татьяне руку, сердце и политическое убежище в Грузии.

— Вот пострел! Наверное, из князей? Впрочем, там все князья.

— В Совете знают куда больше, чем им нужно.

— Обезумевшие гимназисты и местные шмули — ничего, мы их приструним. И как вам удалось вырваться?

— Мы воспользовались тем, что бандиты напились, и бросились бежать. К сожалению, в темноте погиб шоффэр. Я добрался один.

— И письмо в темноте отыскали?

— Как видите, я помнил, где оно лежало.

— Вас не ранили?

— Моя пуля еще не отлита, ваше превосходительство.

— Далеко это было от Ялты? Я имею в виду засаду?

— Недалеко, версты три-четыре от Чайной горки.

Колчак разорвал конверт. Прочел письмо. После секундного колебания протянул его Коле. Коля понял — если у адмирала и были подозрения, он отверг их. Либо счел более выгодным забыть о них, когда каждый человек на счету.

Записка была по-русски, без подписи. Не очень грамотно императрица сообщала о том, что утром или в крайнем случае днем все они будут арестованы. Надежда на то, что Колчак пришлет за ними корабль, чтобы спасти. Иначе все может кончиться трагедией.

Увидев, что Коля кончил читать, адмирал протянул руку и взял у него письмо. Сложил, спрятал в карман.

— Может так случиться, что это письмо станет самой драгоценной реликвией в российской истории. А может быть — если мы с вами потерпим поражение, — за эту бумажку и гроша ломаного не дадут.

Коля провел рукой по глазам, как бы отгоняя дремоту. Он хотел спросить, может ли он уйти отдыхать. Но Колчак, угадав его мысли, сказал сам:

— Пока я буду собираться, Софья Федоровна сделает нам кофе.

— Иду, иду, — раздался звонкий голос.

Жена Колчака скользнула в комнату, неся поднос с кофейником и чашечками. Как и когда она успела сделать кофе — осталось тайной. Коля любовался ею, особенно свойственной только знатным дамам и спутницам великих людей статью.

— Пейте, Андрюша, — сказала она, улыбнувшись Коле, как доброму старому знакомому, хоть и видела его второй или третий раз в жизни.

— Дай ему полстакана коньяку. Он перенервничал на службе России, — сказал Колчак, разливая кофе. — Но не больше, а то у него коленки подогнутся и он заснет.

Колчак молча выпил кофе. Он быстро ел и пил, как будто полагая, что принятие пищи — процесс ненужный и почти постыдный. Может быть, в нем сидел тайный чревоугодник.

Когда адмирал с Колей спустились вниз, машина уже ждала у подъезда, ворча мотором и заливая светом фар всю улицу.

* * *

— Прошу вас, лейтенант, — сказал высоким елейным голосом полковник Баренц, вкрадчивый начальник контрразведки. Коля поежился, зная, что Баренцу известно о нем куда больше, чем хотелось бы.

— Конечно. — Коля покорно пошел за полковником, злясь, что приходится тратить время на Баренца, когда в кабинете Колчака принимаются драматические решения.

Но по мере того как он рассказывал о ночных событиях, вспоминал, как все было, вспоминал свой страх и унижение, Коля все более проникался желанием найти и перебить всех этих татар. Об Ахмете он не думал — впрочем, Ахмет в городе, что ему делать в горах?

— Кстати, о вашем шоффэре? — спросил Баренц, поправляя очки в тонкой золотой оправе. — Вы видели его мертвым?

— Я видел, как он упал, — сказал Коля. — Но у меня не было времени вернуться. Меня бы тоже убили.

— Возможно, возможно, — как врач, сомневающийся в рассказе пациента, произнес полковник.

— Может, он и жив, может, его взяли в плен. Но он упал. Я видел, как он упал. Больше я ничего не знаю.

Баренц оставил Колю в приемной и без доклада прошел в кабинет командующего, где оставался минут десять.

Коле хотелось спать, но в то же время перенапряжение заставляло пульс биться вдвое быстрее, чем обычно. Состояние Коли было близко к лихорадочному.

Коля подошел к окну. За окном еще не начало светать — только пятый час. В блестящих радиаторах и стеклах съехавшихся к штабу автомобилей отражался свет из окон штаба, словно это были не машины, а гигантские блестящие жуки.

— Лейтенант Берестов! — воскликнул Свиридов. — Пред светлые очи!

Колчак сидел за столом. Баренц стоял почтительно — чуть-чуть склонившись, как позволяло достоинство.

— Мы договорились с полковником, — сказал он. — Вы будете сопровождать отряд Баренца, который должен найти и обезвредить банду, что устраивает засады на главной дороге Крыма. Я полагаю это чрезвычайно важным. Как только операция будет закончена, отряд полковника Баренца и вы, Берестов, едете в Дюльбер. Остальные указания получаете только от меня в Дюльбере.

* * *

Внизу их с Баренцем ждал большой грузовик с высокими бортами. В кузове были положены доски, на которых в пять рядов сидели солдаты — сытые рожи из контрразведки. Коле приходилось их видеть. Коля подозревал, что их набирали из бывших полицейских и жандармов. Но, в конце концов, кто-то должен охранять порядок.

Баренц залез в кабину, за ним его помощник, поручик, но Беккера туда не позвали, хотя, если потесниться, хватило бы места и ему. Пришлось остаться в кузове вместе с нижними чинами. Утешать себя тем, что еще вчера ты ездил на своем авто с собственным шоффэром. Кстати, мотор куда-то исчез. Его у подъезда не было.

Солдаты были в толстых шинелях, под ними фуфайки, на головах папахи — готовились по погоде. А Коля был только в тонком флотском плаще и фуражке. Так что воспаление легких — наверняка.

Но показывать, что страдаешь от несправедливого обращения

какого-то полковника, нельзя. Коля не хотел даже поднимать воротник шинели. И терпел больше часа. Он сидел в первом ряду, от прямого ветра прикрывала кабина. Сонные, поднятые среди ночи солдаты сжались в кучу-малу — Колю приняли в нее, вот он и не замерз, а заснул, как и все, и скоротал дорогу.

Когда проснулся, машина уже остановилась. Полковник Баренц в щеголеватой бекеше и серой папахе стоял на шоссе, запрокинув голову, негромко покрикивал на солдат, чтобы скорее вылезали, а солдаты нехотя просыпались, ежились, не хотелось отделяться от товарищей и вылезать на ночной холод.

Было зябко. С гор дул ледяной ветер. Облака неслись, выскакивая из-за хребта, и уходили к морю, разбегаясь по рассветному морозному небу.

Коля посмотрел на часы — почти восемь.

— Ну как, лейтенант? Приехали? — спросил Баренц, сонно и недобро щурясь. Гладкое желтоватое лицо с опухшими веками черных глаз, длинные баки и длинные черные ресницы придавали лицу контрразведчика нечто опереточное. — Где-то здесь вы попали в засаду?

Коля поглядел вдоль дороги. Слева — поросший лесом крутой каменистый склон, справа — откос вниз, к виноградникам. У самой воды несколько белых домиков. Тихо, только воет ветер.

— Как разберешься? — искренне сказал Коля. — Это же ночью было, а я не за рулем.

— Но когда ехали от засады к Севастополю, ведь вы были за рулем.

— Конечно, — сказал Коля. — Ефимыча убили.

Разговор был спокойный, деловой, но за каждым словом, особенно за построением фраз, Коля чувствовал подвох и допрос.

— Ну и как же мы найдем злоумышленников? — спросил Баренц, пощипывая конец бакенбарда.

— Я полагал, что по моему описанию вы все определили, господин полковник, — сказал Коля.

— Но мне же нужно проверить ваши показания.

— Могли обойтись без меня, — сказал Коля.

— Я выполняю приказ адмирала. Ему хотелось, чтобы за вами был глаз да глаз, — улыбнулся Баренц так, словно сейчас скажет: я пошутил!

Но Баренц так и не сказал.

— Теперь тише! Чтобы муха не пролетела! — приказал Баренц, и его солдаты — было их человек до тридцати — быстро и

уверенно разделились на две шеренги и пошли по обеим обочинам шоссе.

Сзади послышался поскрип — показалась повозка, запряженная лошадкой и груженная мешками, — татарин ехал на базар в Ялту. Татарина согнали с дороги, Баренц быстро прошел туда и, пока солдаты копались в мешках, разговаривал с татарином. Тот отрицательно качал головой. Баренц настаивал, грозил. Татарин стал показывать вперед и выше дороги, и Коля понял, что он подтверждает: на поляне были люди. И тут Коля испугался даже больше, чем ночью. Тогда все произошло быстро и неожиданно, а сейчас будет бой, и в этом бою у него, Беккера, есть задача — неприятная и неизвестно как выполнимая — убить Ахмета, чтобы он не назвал Колю настоящим именем. Мысль о том, что ему необходимо убить школьного приятеля и соседа, была тошнотворной — хотелось отогнать ее, и Коля стал смотреть на то, как идут солдаты. Это их, солдатское дело — стрелять и убивать.

По жесту Баренца одна из шеренг стала ловко подниматься по склону, видно, желая обойти поляну с тыла.

И тут Коля увидел рядом с дорогой, параллельно ей, толстый ствол платана, срубленного еще недавно, — листья только чуть пожухли.

— Вот то дерево, — сказал Коля, — которым они дорогу перегородили.

— Молчите, — прошипел Баренц. — Без вас знаю. Ваше участие больше не понадобится. А то еще угодите под пулю...

И Баренц быстро пошел кустами, не поднимаясь прямо к поляне, а обходя ее.

Чуть помедлив, Коля все же пошел следом за солдатами, потому что хотел присутствовать при событиях. Но хоть чувство мести к татарским бандитам в нем не угасло, он понимал: лучше будет, если здесь никого не найдут и не будет стрельбы.

Коля старался идти тихо, ступать в след шедшему впереди солдату и воображал себя Лермонтовым при Валерике, Александром Марлинским, а может, безымянным героем кавказских войн, сосланным на Кавказ за тайную дуэль, за роман с Великой княгиней...

Впереди, где ничего не было видно и казалось, что кусты протянутся еще долго, раздался гортанный предупреждающий крик, потом выстрел, потом было сразу много выстрелов, и они звучали не только впереди, но и вокруг Коли, и ужас их заключался в том, что ни врагов, ни друзей не было видно. Коля отступил за толстое дерево и прижался к нему всем телом. Перед глазами, в

пяти сантиметрах, была серая кора, и можно было различить каждое ее волоконце.

Выстрелы прекратились так же неожиданно, как начались.

Коля постоял некоторое время за деревом и осторожно пошел вперед.

Он не смотрел на часы и потому не знал, сколько времени продолжалась перестрелка.

На поляне ходили и стояли солдаты. Один из солдат сидел на траве, и санитар перевязывал ему руку. Солдат ругался, а его товарищ, наклонившись к нему, протягивал зажженную цигарку.

Баренц и его поручик стояли над двумя убитыми бандитами. Больше тел на поляне не было.

Коля подошел к Баренцу с замиранием сердца — он боялся увидеть Ахмета, потому что тогда получилось бы, что он предал товарища по гимназии. Но оба бандита были ему незнакомы. И Коля пожалел, что Ахмета среди них не было.

— Куда вы запропастились, лейтенант? — с раздражением спросил Баренц. — Я уж за вами людей посылал.

Коля не стал ему отвечать.

— Вы кого-нибудь из них знаете?

— Нет, — сказал Коля.

— Жаль. Впрочем, это не играет роли — остальные успели уйти.

— А в хижине? — спросил Коля.

— В хижине пусто. Только чайник, — сказал поручик.

— Ладно, — сказал Баренц. — Будем считать, что змеиное логово, которое устраивало засады на верных слуг его превосходительства, нами уничтожено в отчаянном бою.

Коля понял, что Баренц вновь издевается над ним, но так ловко, что не придерешься, не скажешь: зачем вы меня обижаете? «Я? Вас? — скажет Баренц. — Да вы с ума сошли». И все вокруг будут смеяться.

Коля огляделся, ему было неуютно — они стояли на открытом месте, а вокруг был чужой лес. И если Ахмет наблюдает за ними из леса, он может выстрелить. И скорее всего, в Колю.

— Поехали, — сказал Коля. — Главные события будут не здесь.

— Тонко подмечено, прапорщик, — сказал Баренц, а Коля не стал поправлять его, потому что оговорка Баренца была не случайной.

* * *

Утренняя Ялта была оживлена более, чем положено в будний день. К скудному еще базару тянулись телеги и повозки, груженные перезимовавшим или тепличным товаром, с моря поднимались рыбаки, несшие корзины с пойманной на заре серебряной добычей. Немногочисленные покупатели собрались к площади перед беленым каменным входом рынка. Движение в другом направлении происходило ближе к городскому Совету. Грузовик контрразведки проехал неподалеку от Совета, и Коля увидел, как перед домом строится отряд красногвардейцев, состоящих из солдат, гимназистов и цивильных бездельников, многие из них с винтовками, а в стороне от толпы в окружении группы солдат стояли два пулемета-«максима».

Когда грузовик проезжал мимо, его сначала приветствовали криками, полагая, что это подкрепление, но когда грузовик не изъявил желания остановиться — над его бортами торчали папахи с кокардами, а в кабине можно было различить офицеров в шинелях с погонами, каковые были непопулярны среди революционеров, — то советские поняли, что едут их противники, и стали ругаться им вслед. На ступеньки Совета выбежал одетый в длинную серую шинель и в немецкой каске с шишаком сам Елисей Мученик, поднял кулак, грозя грузовику, и Коле захотелось вернуться, чтобы расстрелять Мученика. Но он понимал, что это не в его власти и даже не во власти Баренца, — куда важнее было успеть к Дюльберу прежде, чем Романовы будут арестованы.

Кто-то из революционеров выстрелил — то ли в воздух, то ли вслед грузовику, и выстрел далеко разнесся над Ялтой. Коля подумал, что он может разбудить Лидочку, и почувствовал к ней острую нежность. Вчерашний день был глуп и нервен, а сегодня он понял, что, несмотря на все, юношеское чувство не прошло бесследно.

Не доезжая до Дюльбера, грузовик свернул с дороги и замер в кустах. Солдаты ждали, не вылезая из кузова. Баренц приказал Коле взять одного из солдат и дойти до караульного поста — узнать, что творится во дворце. В случае чего — два выстрела.

Коля не стал спорить и обижаться, что выбрали его, а не поручика: Колю знали караульные и Джорджилиани.

Колино воображение не переставало строить драматические и весьма реальные картины засады у входа в Дюльбер, которой приказано уничтожать любого офицера, приближавшегося к дому императрицы. И его подозрения усилились, как только он увидел, что у ворот, которым положено быть запертыми, не было

обычного часового. Ворота были приоткрыты, а вокруг было пусто.

Солдату тоже стало жутко. Он чуть замедлил шаги, чтобы отстать от Беккера, и тому это показалось забавным. Он засмеялся и пошел вперед. Если тебе отводят место храбреца, его приходится занять.

Коля пошел быстрее, в то же время мышцы ног его были напряжены, чтобы можно было отпрыгнуть в сторону при любом необычном звуке — щелканье затвора, окрике, даже выстреле...

Но ничего такого не произошло.

Только когда до ворот оставалось не более двадцати шагов, послышался женский смех. Его перебивал мужской голос.

На дорожке, ведущей к воротам, показались хмельные от любви княжна Татьяна и поручик Джорджилиани. Держась за руки, встрепанные, будто только что из стога, они прошли мимо Коли и обалдевшего солдата. Джорджилиани попытался отдать Коле честь, но рука не добралась до виска, потому что вновь упала на плечо Татьяны.

— Андрей! Андрюша! — сказала Таня. — Не пытайтесь меня остановить.

— Послушай, Джорджилиани, — строгим голосом произнес Коля. — Что у вас происходит?

— Мы там не нужны, — сказал Джорджилиани. — У нас своя жизнь.

Они поспешили дальше, и только тут Коля увидел спрятанную за кустами пролетку, на запятках которой были привязаны три чемодана. Джорджилиани подхватил Татьяну на руки, она захохотала, он взвалил ее в пролетку, сам вскочил рядом, подхватил вожжи, и лошадь почти сразу двинулась вперед.

— Кто такие? — спросил солдат.

— Княжна, — сказал Коля.

— Добрая баба, — сказал солдат.

Он уже куда смелее пошел к воротам и, заглянув в подкрашенную желтым сторожку, увидел, что там идет большой карточный бой между солдатами охраны и несколькими матросами в бушлатах и бескозырках — Коля сразу понял — из охраны адмирала. Значит, Колчак уже здесь.

В дверях рыльцем наружу стоял пулемет.

— Кто старший? — строго спросил Коля, останавливаясь в дверях.

Только сейчас его заметили.

— А, гости! — поднялся навстречу унтер-офицер из охраны. — Добро пожаловать.

Унтер был сильно пьян.

Один из матросов, что наблюдал за игрой, легко поднялся, переступив через пулемет, и сбежал по ступенькам к Коле. Коля узнал в нем переодетого мичмана Вольского.

— Все в порядке, — сказал он. — Мне велено передать, чтобы вы, лейтенант, сразу шли во дворец, а контрразведка пускай занимает позиции — чтобы по дороге не прорвались.

— Вы покажете им, где занимать позиции? — спросил Коля.

— Сейчас пошлю человека. А вы идите к адмиралу.

Коля быстро прошел ко дворцу. Лакей Жан, который встречал его, был в солдатской рубахе и брюках навыпуск.

— Они в малой гостиной, — прошептал он конфиденциально.

Когда Коля вошел в малую гостиную, там как раз была пауза — Наташа разносила гостям чай. Коля формально доложил о прибытии.

— Хорошо, хорошо, — сказал Колчак. — Я и не ждал, что бандиты будут сидеть и ждать, пока мы приедем. Тело вашего шофэра нашли?

— Нет.

— Странно. Зачем им его увозить?

— Я должна вам сказать, адмирал, — произнесла старая императрица, — что ваш молодой посланец, Андрей Сергеевич, был нам крайне полезен. Не забудьте его наградить.

— Он достаточно награжден, — сказал Колчак и чуть улыбнулся.

— Сейчас не время для наград, — сказал Великий князь Николай Николаевич.

Кроме них, в комнате сидел скучный Александр Михайлович. Поодаль чета Юсуповых: сам Феликс и его жена, прекрасная Ирина Александровна.

— Вы правы, — сказал Колчак. — Кончится революция — займемся наградами.

— И главная будет вам, господин адмирал, — сказала императрица. — В эти трагические для престола и нашего семейства дни вы оказались единственным, кто не покинул нас и не предал идею самодержавия.

— Вы не правы, Ваше Величество, — сказал Колчак. — Верных трону и Отечеству немало. Но иные не имеют моих возможностей.

— Когда вы сегодня подъехали, я стояла у окна, — сказала им-

ператрица. — Я решила, что это из Совета и нас арестуют — мысль о казематах или каторге была для меня ужасна, и я подумала: «Господи, почему еще в Петербурге я не запаслась ядом?»

— Надеюсь, такая мысль вам больше никогда не придет в голову, — сказал Колчак.

Он допил чай, поставил чашечку на инкрустированный столик.

— Времени у нас мало, — сказал Николай Николаевич. — Главную задачу мы решили. Государем становится законный наследник престола цесаревич Алексей.

— Господи, помоги ему, — перекрестился Александр Михайлович.

— Регентшей назначается государыня императрица, — сказал Николай Николаевич.

— До совершеннолетия Алеши, — сказала Мария Федоровна.

— С переходом короны по закону к последующим наследникам.

— Это мы решим, господа, — вмешался Колчак. — Сейчас мало времени.

— Сколько бы ни было времени, Россия не простит нам, если мы будем торопить исторический момент, — сказал Александр Михайлович.

— И вы, Великий князь, — сказал Колчак, — становитесь главнокомандующим.

— Я постараюсь послужить России в меру моих сил, — ответил Николай Николаевич, признавая главенство Колчака.

Коле было интересно угадывать — а это кому, а это кому? Не иначе как адмирал получит командование военно-морскими силами. В случае удачи заговора сразу появятся сильные конкуренты Александру Васильевичу. Надо затвердить место заранее.

В дверь без спросу сунулся лакей Жак.

— Едут! — сказал он слишком громко для небольшой комнаты. — Уже поворотом проехали.

— Не беспокойтесь, — сказал Колчак. — Там мои люди. Я в них верю. Андрей, проверьте, все ли в порядке. И быстро назад.

Коля быстро пробежал к выходу из дворца.

— А мы сверху, с башенки, — говорил, семеня рядом, Жан, — нам с башенки далеко видно, сэр.

Коля не успел дойти до ворот, как послышались первые выстрелы. Но, как выяснилось, раздались они не от подъезжающих советчиков, а перестрелка вспыхнула между караулом дворца и матросами, что мирно сражались в карты. Сигнал к разоружению

караула последовал от полковника Баренца в тот самый момент, когда колонна красных стрелков революции имени революционера Лафайета приблизилась, ничего не подозревая, к самым воротам и могла быть истреблена и рассеяна прицельным огнем. Но команда Баренца была занята ликвидацией четырех караульных у дворца. Стрельба вспугнула и насторожила нападающих и заставила их рассредоточиться и укрыться.

Когда Коля (Жан предпочел остаться во дворце за защитой дубовой двери) добежал кустами до сторожки, Баренц стоял возле нее, глядя, как оттуда вытаскивают труп караульного. Рядом с ним стояла кучка матросов, окруживших остальных трех караульных, один из них был ранен. Правой рукой он поддерживал левую, морщился, а из рукава капала кровь.

— Вы что здесь стоите? — спросил Коля, не успев даже выйти из кустов. — Что вы делаете?

— Что надо, — ответил спесиво Баренц.

— Отряд из Ялты уже здесь! С секунды на секунду они ворвутся во дворец!

Все еще не зная, верить или не верить Коле, Баренц сделал шаг на дорогу, глядя вдоль нее, и сказал, поправляя монокль, делавший его похожим на какого-то прусского князя:

— Чепуха!

Из кустов у дороги раздался нестройный залп. Кто-то вскрикнул рядом с Колей. Коля отпрыгнул и успел увидеть, как медленно падает Баренц. Все вокруг кинулись врассыпную. Баренц приподнялся на локте и громко захрипел:

— В цепь! В цепь! По противнику прицельный огонь! Где пулеметы?

Матрос разворачивал пулемет у входа в сторожку, но пулеметы нападающих вступили в дело раньше. Они начали строчить по шоссе.

Матрос так и не успел развернуть пулемет, он упал на него, прикрывая собой, словно пули грозили пулемету более, чем человеку.

Коля увидел пулемет нападающих, который засеивал площадку у въезда в Дюльбер зернами пуль. Матросы и солдаты Баренца разбежались и беспорядочно отстреливались через голову спрятавшегося за угол сторожки Коли. И Коля вдруг понял, что сейчас враги пойдут в атаку и первым делом найдут и убьют его. Пути назад ко дворцу, такому каменному и надежному, не было — открытое пространство перед ним простреливалось. Сам же дворец был нем и глух — может быть, все из него уже убежали.

Сквозь прямые стебли зацветающих тюльпанов можно было видеть, как на дорогу под прикрытием пулеметного огня спускались люди. Оставалось так мало времени, и надо было решать. Причем Коля уже знал, как надо было решать, но все в нем противилось этому решению. Коля обернулся — ну хоть кто-нибудь был бы рядом! Но рядом никого! Все убежали, спрятались, предали его!

Коля разозлился. И как бывало с ним, в злости он терял обычную осторожность.

Неожиданно для всех — а видели его сотни глаз — Коля не побежал назад, на что рассчитывали стрелки, а прыгнул вперед, к пулемету, свалил с него тело матроса, который превратился таким образом в бруствер.

Коля развернул пулемет в сторону дороги и не столько увидел, сколько почувствовал, где в кустах и за камнями скрываются готовые к штурму враги.

Под его руками пулемет послушно ожил, и Коля повел высокую мушку вправо. Вдруг из кустов выскочил человек в черной гимназической шинели, закрутился на дороге в каком-то танце, а потом, дергаясь, упал — на помощь к нему побежал из-за кустов второй гимназист и потащил товарища, и Коля, уже поняв, что первого гимназиста убил он, отыскал мушкой и убил второго юношу.

Но тут в ответ забил советский пулемет, и Коле пришлось залечь, потому что пули били по щитку, изгибая и даже пробивая его. А когда длинная, казалось, бесконечная очередь вражеского пулемета оборвалась, Коля приподнял голову и вдруг, к удивлению, правда, без страха, словно это касалось не его, а кого-то другого, увидел, что уже совсем близко подбегают нападающие. Коля только-только успел дать очередь, чтобы они упали, прижались к земле. Но крики уже раздавались сзади: часть нападающих оказалась там, обойдя сторожку. Среди них тяжело бежал Мученик. Он размахивал громадной деревянной кобурой, забыв вытащить из нее револьвер, и что-то кричал. На голове Елисея был немецкий «пикельхельм» — каска с надраенным прусским орлом на лбу.

Коля не мог развернуть пулемет и потому стрелял вперед. Кончилась лента. Пулемет перестал дергаться в руках.

А Коля забыл, как перезаряжается пулемет. Он ударил кулаком по каменной ступеньке и тут увидел, что к поясу мертвого матроса прикреплены две гранаты на длинных деревянных ручках. Он хотел было взять гранаты, но прямо на них упал человек в

белой сорочке и черных брюках. Коля отпрянул — и услышал его голос в щелкающем, многоголосом шуме:

— Молодец, лейтенант! Иду к тебе вторым нумером!

Человек в белой сорочке уже заправлял ленту в пулемет, видно, решив, что Коля — ас пулеметного дела, гнушающийся сам заправлять ленту. А Коля сообразил, что к нему на выручку прибежал князь Феликс Юсупов, убийца Распутина, которого он только что видел во дворце.

— Спасибо! — крикнул Коля и на секунду оглянулся, потому что движение врагов, снова поднявшихся, как замолк пулемет, замедлилось.

Коля увидел, что от дома, не кланяясь пулям, стройный и легкий, к воротам бежит адмирал Колчак и кричит:

— Вперед! Чего попрятались! Вперед, молодцы!

И за ним поднимаются матросы, будто ждали этого крика.

— Давай! — рассердился вдруг Коля на князя, который слишком медленно заправлял ленту, — время то сжималось, то растягивалось непомерно, и нельзя было сказать — долго ли возится с лентой Юсупов.

— Готово! — крикнул князь, и Коля сразу же начал стрелять, сгоняя с дороги нападающих, — он увидел, как убегает, припадая на правую ногу, человек в немецкой каске с шипом сверху. Он стрелял только в него — только в Мученика! И тот исчез в кустах.

— Все! — сказал князь Юсупов, поднимаясь от пулемета. — Убежали.

В поле зрения появился адмирал Колчак — он вывел свой отряд за ворота. И, тут же сообразив, что на виду стоять неразумно, закричал:

— Ложись! Занимай оборонительные позиции.

Матросы и солдаты Баренца послушно укладывались на землю, выискивая укрытия. Кто-то, тяжело дыша, упал рядом с Колей, избрав в качестве прикрытия его пулемет.

Убедившись, что его сухопутные части способны сами продолжать войну, Колчак тоже прилег у пулемета.

Он сделал вид, что заглянул к Коле специально, и, перекрывая треск выстрелов, что все чаще гремели вокруг, крикнул:

— Да оставь ты пулемет нижним чинам! Ты мне во дворце нужен!

Выглянув из-за щитка, свободной рукой он подтянул к пулемету солдата. Потом улучил момент, вскочил, пригнувшись, и пропал за углом сторожки.

Следом за ним поднялся Юсупов, сказал:

— До встречи, Андрей.

И тоже исчез.

Коля понял, что и ему следует бежать во дворец. И тут его храбрость кончилась.

В Коле наступило спокойствие, что бывает уже вечером, когда труба прогремела отбой и неубитые солдаты стягиваются к своим бивакам, моля небо, чтобы назавтра бой не начался новый.

Но на самом деле бой еще гремел и не намеревался кончаться. И перебежать к дворцу оказалось более трудным, чем лежать у пулемета.

Выстрелы смолкли, но не потому, что бой завершился, а потому, что все, очевидно, прицелились в Беккера.

— Э-ге-гей! — раздался зычный крик спереди. Коля поглядел в щель щитка — на дорогу выхромал Мученик, по обе стороны его шагали два угрожающего вида советчика с револьверами и шашками наголо.

Мученик не был вооружен, он держал в руке небольшой белый флажок.

— Мы предлагаем переговоры! — кричал он. — Прекратим братоубийственную вражду! Товарищи солдаты! Граждане свободной России! Бросайте оружие и переходите к нам, потопим в море угнетателей Романовых! Хватит им пить нашу алую кровь и насиловать наших жен.

— Так стреляйте же! — прошипел Коля солдату.

— Нельзя, лейтенант, — ответил солдат. — Они же с белым флагом.

— Какого черта — с белым флагом! — закричал Коля, вырывая рукоятки пулемета у солдата. Корень всех его зол и неудач был в этом опереточном генерале — в солдатской шинели и прусском «пикельхельме», из-под которого торчали рыжеватые лохмы. — Эмиссар! — бормотал Коля. — Я те покажу, эмиссар!

— Нельзя, — повторял солдат, мешая Коле, и тот отталкивал его.

Крики Коли донеслись до Мученика, который, размахивая белым флажком, начал отступать, но не побежал, как побежали его спутники, боевые советчики с револьверами.

Коля смог наконец нажать на гашетку, пулемет выпустил две или три пули, и ленту заклинило.

— Я же говорил, — произнес над ухом солдат, — я же предупреждал, ваше благородие.

— А идите вы все куда подальше! — рассердился вконец Коля

и, решившись, поднялся и пошел ко дворцу. Он не оглядывался, будучи уверенным, что никто не будет в него стрелять. А если даже и стреляли, он этого не услышал.

Дверь во дворец открыл князь Юсупов. Жан стоял за его спиной.

— Вы истинный герой, господин Берестов, — сказал Жан. — Вы также, князь. Я доложу о вашем подвиге Ее Величеству.

Коля внутренне улыбнулся — и сам не понял сначала, что же смешного в словах Жана. Потом сообразил: смешное было не в словах, а в том, что доклад об отличившихся на поле боя офицерах намеревался делать ливрейный лакей.

— Дурак, — сказал устало князь Юсупов, — ты боишься, что я доложу раньше и все поймут, что ты праздновал труса.

— Я не герой и не офицер, — ответил Жан смиренно, но нагло.

— Пошли смоем эту грязь, лейтенант, — сказал Юсупов.

Коля с благодарностью согласился.

* * *

В малой гостиной почти ничего не изменилось.

— Мы наблюдали из окна, — сказала Мария Федоровна, — подойдите ко мне, мон анфан.

Юсупов и Коля подошли к императрице.

Старуха встала, каждого притянула сухой ладонью к себе, поцеловала в лоб.

— Спасибо, — сказала она по-русски.

На диване сидел полковник Баренц. Голова его была аккуратно перевязана. У виска сквозь бинт просачивалась кровь. Рядом стояла горничная Наташа со стаканом воды. Полковник был в беспамятстве.

— Положение наше неприятно, — сказал Колчак. — Охрана оказалась совершенно не готова к быстрому наступлению противника.

— Ими командовал Мученик, — сказал Коля. — Я его узнал.

— Это не важно, — сказал адмирал. — Моя охрана плюс отряд Баренца — все вместе не более пятидесяти штыков. По дороге наступают около двухсот, но еще столько же занимаются сейчас обходным маневром, пытаясь выйти ко дворцу вдоль моря. И это куда более опасно. С той стороны у меня только один пулемет и шесть матросов.

— Но вы телеграфировали в Севастополь? — спросила императрица.

— Связь нарушена, — сказал Колчак. — Разумеется, я рассчитываю на адмирала Немитца. На то, что в решающий для России момент он поймет, что судьба страны важнее, чем лавры революционера.

— Он из хорошей семьи, — сказала Мария Федоровна.

— Многие из ваших врагов, императрица, происходят из хороших семейств, — сказал Колчак.

— Чего же мы ждем? — спросил Юсупов.

— Мы ждем миноносца, который должны прислать за нами из Севастополя. Иного пути отсюда нет — мы не можем прорываться сушей, рискуя жизнью Ее Императорского Величества.

— Я не боюсь смерти, — сказала императрица.

— Вы нужны России живая, — мягко улыбнулся Колчак, не показывая зубов — он всегда помнил о своем недостатке.

— А как мы узнаем, идет ли кто-нибудь к нам на выручку? — спросил князь Юсупов.

— Наверху, на башне, мы оставили наблюдателя. — Колчак поднялся. — Нам нельзя терять время, — продолжал он. — Берем только самое необходимое. Я не смогу выделить носильщиков. За исключением государыни, все сами несут свои вещи. Вы возражаете, князь?

— Наташа, — сказала императрица, — мы возьмем только мою шкатулку и самое необходимое из одежды. Нам не понадобятся солдаты. — Императрица не скрывала гордости своим решением. — Жаль, что Таня оставила нас...

Слова императрицы оказались как бы пророческими — тотчас же дверь широко отворилась, и в ней показался Жан, который поддерживал под мышки бесчувственную княжну Татьяну. Лакей потащил княжну к дивану и посадил ее рядом с Баренцем.

— Ах, что с ней сделали! — воскликнула императрица.

Ирина Александровна присела на корточки рядом с диваном.

— Таня, — сказала она.

Та простонала, но не ответила. Ирина Александровна, не глядя, завела за спину руку, и князь Юсупов, как в отрепетированном номере, вложил в пальцы стакан с водой. «Из рукава он его вытащил, что ли?» — подумал Коля.

Таня отпила глоток.

Колчак отошел к окну и поманил к себе Колю.

— Лейтенант, вы умеете метать гранаты? — спросил он.

— Очень давно, на учениях, — сказал Коля.

— Когда появится катер и мы будем уходить к морю, вам придется задержаться — вы прикрываете нас на случай, если бунтовщики прорвут ограждение. Гранаты в моей машине, под сиденьем.

— Ой! — закричала Татьяна. — Я не хочу жить! Я не буду жить!

Она пришла в себя, и это было хуже, чем беспамятство.

— Что с тобой случилось? Что случилось? — спрашивала Ирина Александровна.

— Они перегородили дорогу — они смеялись, они сказали, чтобы мы все отдали, все... потом они... Вахтанг стал сражаться, я просила его — не надо, не надо... они убили его, а меня...

— Мерзавцы! — воскликнул Юсупов. И он был искренен в своем гневе. — Я пойду! Я буду стрелять, пока не перебью все их кривые рожи!

— Феликс! — закричала на него императрица.

Со звоном разлетелось и тут же с грохотом посыпалось осколками по паркету оконное стекло, разбитое случайной пулей.

Это сразу отрезвило всех.

— Прошу всех перейти на первый этаж. Оттуда мы выходим к морю, — приказал Колчак.

— А как же полковник Баренц? — тихо спросил у адмирала Коля.

Диван представлял собой драматическую картину, словно просился на кисть исторического живописца. На нем, откинувшись, сидел и часто дышал полковник Баренц, с головой, завязанной промокшим от крови бинтом. А в ногах у него сидела в полузабытьи княжна, подняв руку, обнаженную выше локтя, потому что рукав был разорван. Дорожная, доходящая лишь до щиколоток юбка княжны также была порвана и измарана.

— Полковник? — повторил Колчак. — Полагаю, ему будет лучше остаться здесь. Они могут вызвать ему врача. А так мы его погубим, не довезя до миноносца.

Коля смотрел на княжну и думал: не успели, не успели, не успели... и почему-то это имело отношение и к нему, и к адмиралу, и к императрице.

— Берестов! — услышал он голос адмирала. — Вы почему здесь стоите? Я же приказал вам взять гранаты.

— Простите, — сказал Коля. — Я думал, что это не сейчас.

— Именно сейчас! Вы что, полагаете, что я должен быть вам по гроб жизни обязан за те подвиги, которые вы совершали час назад? Они — наше прошлое. Остаться живыми и вырваться из этой мышеловки — вот наша задача сегодня. Идите!

— Слушаюсь.

— Постойте. Сначала поднимитесь в башенку. Там сидит наблюдатель. Узнайте у него, какова обстановка. Если есть срочные новости — бегите сюда. Ясно?

Как только Коля вышел из гостиной и стал искать путь на чердак, он попал в ту часть дворца, что выходила к воротам, и потому сразу стали слышнее выстрелы и доносились даже крики. Стекла в окнах с этой стороны были разбиты, и солнце, попавшее в проемы, по-утреннему весело отражалось в осколках.

Не у кого было спросить, где эта нужная лестница. Коля поднялся по одной и попал в коридор, куда выходили спальни. Он заглянул в спальню императрицы, дальше не пошел — время было на исходе. Пришлось снова спуститься на первый этаж. Коля понимал, что нельзя признаться адмиралу в неспособности отыскать путь на башню.

Перебежав через холл, где на полу сидел, прижавшись спиной к деревянной панели, раненый солдат в одном сапоге — вторая нога была кое-как замотана, Коля увидел лесенку поуже и по ней выбрался на чердак и чуть было не получил пулю в живот, потому что никто не предупредил Колю, что на чердак попадают, условно постучавшись. Коля открыл дверь, и тут же наблюдатель — матрос, глядевший на море, — обернулся и выстрелил в него из «маузера».

Коля отпрянул за косяк и оттуда закричал:

— Ты чего? Убить захотел? Не видишь, что ли, погоны?

— А ты кто? — спросил матрос.

— Я от адмирала, лейтенант Берестов.

— А чего же он не сказал, что стучать надо по-особому?

— В следующий раз постучу — некогда сейчас этим заниматься, — сказал Коля. — Я зайду?

— Ладно, заходи. Видел тебя в штабе. Только ты, лейтенант, будь поосторожнее. Дырку получишь. Простое дело.

Коля не стал вдаваться в разговоры с матросом; здесь было просторно — крыша уходила в башенку, балки были исполосованы птичьим пометом. Одно окно выходило на море, из второго было видно шоссе.

— Адмирал спрашивал, не видны ли наши? — спросил Коля.

— Если бы появились, я бы прибежал, — сказал матрос. — Нету наших. Да и что ждать — пока соберутся... Это здесь время медленно идет, а в Севастополе быстро.

Матрос дал Беккеру бинокль, и он посмотрел на море. Море

было пустынным, даже рыбаков не видно — чувствуют, что идет война.

Потом он посмотрел в другую сторону — на шоссе.

Шоссе вилось вдоль моря, и далеко-далеко видна была нестройная колонна людей.

— Это кто? — спросил Коля.

— Подкрепление Советам идет, — сказал он. — Сюда бы да хорошую роту — разогнали бы вмиг. А то твои контрразведчики только людей лупить и водяру пить умеют.

— Я не из контрразведки, — сказал Коля.

Пуля ударила в раму окна, отколола кусок дерева, и он вонзился Коле в рукав, чуть уколов руку.

— Осторожнее, — сказал матрос. — Нам ведь все равно — от Баренца ты или из экипажа. Живи и дай пожить другим.

Он осторожно выглянул из-за рамы и сказал:

— Пошли! Опять пошли!

И, как бы услышав его, от сторожки ударил пулемет.

Сверху было отлично видно, как перебегают, приближаясь к воротам, нападающие, такие маленькие сверху. Коля пытался разглядеть среди них Мученика.

— Вот где надо пулемет ставить! — сказал Коля. — Отсюда!

— Отсюда трудно попасть — далеко, — ответил матрос. — Только если к дому подберутся.

Впрочем, поздно было тащить сюда пулемет, даже если бы был лишний. Пока дотащишь — они уже добегут до дворца.

— Что же они делают? — спросил Коля. — Почему их не остановят?

— А ты что, не видишь, что их сверху с горы огнем поддерживают? — ответил матрос. — Нашим не высунуться.

Солдаты, что лежали у пулемета — а Коля уже воспринимал этот пулемет как собственность, как источник своего подвига, — вдруг вскочили и побежали, бросив его.

— Ну куда же, мать вашу! — Коля высунулся из окошка, начал грозить кулаком. Но солдаты не слышали его, они бежали ко дворцу, потом один из них упал и остался лежать на дорожке, а второй спрятался в кустах. Другие солдаты, что таились в зелени, тоже поднимались и отбегали к строениям. Некоторые падали.

Коля понял, что ему надо бежать вниз, потому что, кроме него, некому остановить бегство. И как только он сделал шаг от окошка, ему стало очень больно в правой руке, ниже локтя, словно ее пронзили раскаленным железным штырем — так больно, что Коля даже закричал, садясь, скрюченный, на пол.

— Задел, да? — спросил матрос. Но почему-то, не дожидаясь ответа, он пошел к двери и исчез, но Коле было так больно, даже тошнило, что он не обратил внимания на бегство матроса.

Пальцам левой руки, которая держала за локоть правую, стало очень мокро и горячо, будто он помочился на эти пальцы. И Коля понял, а потом увидел, что это кровь, и ее было очень много. Коля никогда еще не видел столько человеческой крови сразу — даже на войне, которая раньше обходила его стороной. Но это была его кровь, и надо было что-то делать, иначе вся кровь вытечет. Надо перевязать руку — но как это сделаешь, если так больно и одна рука не действует...

Слабость была ужасная. Коля постарался встать, но ноги его не держали, он пытался говорить с ними, как с живыми, — он стал уговаривать их: если ноги не поднимут его тело, то оно останется здесь лежать, пока не придет эмиссар Мученик в «пикельхельме», чтобы убить Колю.

И вдруг понимание возможности смерти обрушилось на Колю первозданным ужасом — ничего подобного ему не приходилось в жизни испытывать. Даже когда умирала мать и он увидел тот момент, что отделял ее жизнь от смерти, и был тот момент обыденным и неинтересным, он не испытал понимания, что смерть существует и она всегда рядом. И он понял, что нет ничего особенно удивительного и даже трагического для всех остальных людей в том, что здесь, на чердаке, будет валяться труп красивого молодого человека, лейтенанта Черноморского флота, который лишь начинал жить и делать свою карьеру, который не успел по-настоящему полюбить и испытать счастье...

Думая так и то смиряясь с неизбежностью смерти, то ужасаясь ее и борясь с ней, Коля медленно продвигался к приоткрытой двери, за которой начиналась крутая лестница вниз.

Он потерял чувство времени и не знал, то ли прошли минуты, то ли час с тех пор, как он был ранен.

Порой он старался утешить себя, повторяя чьи-то слова: «Ранение в руку? Какой пустяк! От этого не погибают», то старался подсчитать, сколько крови находится в человеке и сколько из него вытекает. Как задачка о двух бассейнах...

— На помощь! — закричал Коля. — Спасите!

Снизу раздался невнятный крик, и Коля со всей очевидностью, без сомнения понял — внизу, на первом этаже, уже люди Мученика. А Колчак и Романовы давно ушли, и никто из них не вспомнил о Коле Беккере — или об Андрее Берестове. И Коля даже уловил иронию в том, что забыли они не его, а ту маску, ко-

торую он надел, чтобы выжить. И если бы не надел, вернее всего, сейчас коротал бы спокойно время у своей феодосийской пушки...

Звать ли их — или истечь кровью здесь?

Коля понимал, что сейчас должны возникнуть картины его детства, но картины детства не возникали, и в голове только крутились слова, сказанные перед смертью... кажется, сыном Наполеона: «В моей жизни было два достойных упоминания события — я родился и умер».

— На помощь! — со злостью ко всем людям кричал Коля. Пускай он умрет — пускай это будет, но не один, не забытый на чердаке покинутой виллы! Не так, чтобы через год здесь отыскали скелет в разорванном, насквозь прогнившем мундире... И Коля сам удивился способности своего мозга создавать такие яркие картины.

И злость на человечество помогла Коле подняться на ноги — раненая рука повисла вдоль тела, а левой он придерживался за стенку. Таким образом, почти в забытьи, он миновал два пролета — на третьем ноги предали его, и он полетел вниз, но боли не почувствовал. И вообще ничего не почувствовал до тех пор, пока, проходя по комнатам дворца, его не увидел Елисей Мученик, потерявший в последней атаке свой черный «пикельхельм».

— Господи, — сказал он, — силы небесные! Андрей Сергеевич! Как вас угораздило!

Сказал он это искренне, потому что ему не хотелось сражаться с возлюбленным Раисы Федотовны.

Елисей Борисович Мученик был готов служить революции и мировой свободе, готов был сражаться на всех баррикадах планеты, но это не означало, что он был кровожадным человеком. В этом он был схож с иными вождями революционных течений и возмущений, которые остались в памяти человечества как варвары и садисты, хотя никогда такими не были. Вряд ли Наполеон смог бы отрубить голову даже самому отъявленному, с его точки зрения, преступнику — но подписать приказ о казни заложников или мародеров он мог без зазрения совести, даже перед обедом. Он казнил как бы не конкретных людей, а враждебные его высоким целям идеи. Он убирал препятствия с дороги к прогрессу. И не дай Бог вам оказаться таким препятствием. Но стоит такому вождю увидеть страдания одного человека, которого он знает лично, как в нем просыпаются гуманизм и человеческое сострадание.

Мученика, который Колю не любил и любить, конечно, не

мог, при виде потерявшего сознание, лежащего у лестницы окровавленного соперника охватила не только жалость, но и искреннее негодование к судьбе, которая заставляет людей становиться врагами и убивать друг друга. Если бы рядом оказался врач и предложил Елисею Борисовичу отдать половину своей крови для спасения жизни Андрея Берестова, Мученик ни секунды бы не колебался. Он бы всю кровь отдал — лишь бы его соперник жил!

Вначале Мученик решил было, что Коля умер, и постарался обнажить голову. Но «пикельхельм» был уже потерян, потому пальцы Мученика запутались в шевелюре, там и остались. Вождь революционеров стоял над Колей, а мимо пробегали его соратники, продолжая наступление.

И тут Коля потянул вперед руку и застонал — высоко-высоко, будто заплакал младенческим голосом.

— Люди! — закричал тогда Мученик. — Идите сюда, кто может! Человеку плохо и ему надо помочь!

Он так убедительно кричал, что появился солдатик, который как раз и искал Мученика, потому что нес в руке потерянный прусский «пикельхельм». Солдатик считал его необходимым для вождя, как бы источником дополнительной силы.

— Молодец. — Мученик надвинул шлем на брови. — Надо перетащить его — на диван или куда-нибудь.

— На лавку положим, а? — сказал покорно солдатик.

И они вдвоем, измаравшись кровью и уморившись, потому что бессильного раненого человека тащить очень непросто, перетащили Колю на жесткую резную дубовую скамью, что стояла у стены прихожей. Мученик обернулся в поисках чего-то мягкого, чтобы положить под голову Беккеру, но ничего не нашел.

А тут в вестибюль дворца из внутренних помещений выбежал телеграфист и спросил:

— Чего дальше делать? Они не сдаются.

— А мы их сейчас в море утопим, — ответил Мученик и засмеялся, без злобы, а просто как человек, нашедший красивое решение геометрической задачи. Затем наклонился к Коле, поцеловал его по-братски в холодный лоб и сказал: — Выздоравливай, дурачок!

На этих странных словах Коля очнулся и увидел склоненное к нему лицо Мученика. Лицо тут же отодвинулось и исчезло. Елисей убегал от него, за ним телеграфист, а оттуда, куда они бежали, гремели выстрелы. Поэтому слабый крик Коли, мольбу не покидать его революционеры не услышали.

Коля попытался сесть на лавке, но не смог — был слишком

слаб и слишком болела рука. У них, конечно, санитаров нет, подумал он о врагах. И его охватила ненависть к Мученику, который так подло оставил его умирать.

* * *

Адмирал Колчак вывел к молу небольшую группу людей, отдавшихся под его покровительство. Он велел Марии Федоровне, жене Александра Михайловича Ксении Александровне, все еще пребывавшей в безумии княжне Татьяне, а также Юсуповой и горничной Наташе спрятаться сбоку от пирса. На их счастье, пирс, выдававшийся саблей в море, в том месте, где встречался с волнами, образовал стену, достаточную, чтобы защитить женщин от случайных пуль.

Перелетая через пирс, пули падали на излете в маслянистое море, поднимая фонтанчики вокруг поднявшейся из воды бронзовой статуи русалки с незаконно прижитым младенцем на руках.

С женщинами остались старшие Великие князья. Сам же Колчак и Феликс Юсупов, который не желал отсиживаться со стариками и женщинами, переползли выше, к началу пирса, где было куда опаснее. Последние солдаты и матросы охраны с трудом сдерживали напор Советов, которые, захватив дом и сад, уже вышли к узкому пляжу. Офицеров у Колчака не осталось. Полковник Баренц был ранен, а Андрей Берестов и поручик из контрразведки пропали — возможно, были отрезаны и убиты в доме.

Положение было, можно сказать, безнадежным. Оставалось уповать лишь на то, что помощь, как положено в авантюрном романе, прискачет в последний момент на быстрых конях. Но Колчаку вполне обоснованно казалось, что последний момент уже наступил, а на горизонте все не было следов катера.

Отряды Ялтинского Совета, к счастью, недостаточно подвижные, но в двадцать раз превосходившие севастопольцев числом, взяли передых — то ли спешили пограбить дворец, то ли нашли винный погреб.

В этот момент затишья со стороны моря послышался треск, и в воздухе возник гидроплан. На крыльях у него были русские опознавательные круги. Он облетел дворец и пляж — Колчак, сидевший на холодной гальке спиной к пирсу, лишь поглядел ему вслед, не зная, чей он.

Никаких враждебных действий гидроплан не произвел, помахал крыльями и удалился — вслед ему стреляли из кустов.

Через двенадцать минут он опустился возле «Императрицы Екатерины», и военлет Васильев сообщил, что Колчак на берегу.

Встревоженные появлением гидроплана, который сочли вражеским разведчиком, Советы начали наступление. Они во множестве выскакивали из кустов и страшно кричали, подбадривая себя.

С криками они бежали по гальке, увязая и скользя в ней.

Колчак приказал единственному пулемету открыть огонь, и тот стрелял из-за пирса. Люди на гальке кричали, и некоторые стали падать. Упавшие отползали обратно к кустам, а два пулемета сверху открыли огонь по пулемету Колчака, но не смогли его подавить. Только ранили пулеметчика, и Колчак заменил его одним из матросов.

Прошло не более пяти минут, как Советы снова кинулись в атаку. Впереди отважно вышагивал человек в длинной шинели и прусском шлеме. Он вытянул вперед руку с «маузером» и время от времени стрелял из него.

За ним, густо и отчаянно, перли солдаты, гимназисты, рабочие и прочие люди, которые знали, что врагов за пирсом очень мало, так что осталось совсем чуть-чуть...

Императрица и Великие князья, прижимаясь спинами к пирсу, чтоб их не заметили с берега, отошли к самой воде — дальше было некуда. Колчака задело пулей, сбило фуражку и оцарапало голову. Кровь струилась по лбу. Пулемет замолчал — то ли кончились патроны, то ли убило матроса. Колчаку надо было приподняться, чтобы увидеть, но приподняться он не мог.

И вот тогда случилось чудо.

Оно не повлияло бы на исход боя — если бы не растерялся сам эмиссар Мученик.

...Подводная лодка всплыла в полукабельтове от берега. Это был отчаянный по отважности маневр. Вода, стекая с нее, пенилась и шумела так, что слышно было на берегу, эмиссар остановился, и за ним остановились все нападающие. Уж очень внушителен и строг был черный конь, что прискакал на выручку адмиралу.

Субмарина еще не закончила подъем, как люк в рубке откинулся и оттуда на палубу выскочил офицер. За ним — матросы.

Два или три матроса побежали вперед, к носу, где стояла подобранная, маленькая, словно оса, пушка... Другие матросы вытаскивали из рубки надувную лодку.

Все это заняло минуту. И всю эту долгую минуту, впервые в жизни признав поражение ранее, чем оно наступило, Елисей Борисович Мученик стоял посреди пляжа, вытянув вперед руку с «маузером».

Потом, со значительным и роковым уже опозданием, он выстрелил из «маузера». Пуля пролетела возле мола и бессильно упала в воду, не долетев до субмарины.

Феликс Юсупов, не растерявшийся, что потом дало основание к награждению его орденом Святого Георгия, в два прыжка добежал до пулемета, возле которого никого не было, лег рядом и начал стрелять по противнику.

И противник побежал назад.

А когда к пулемету присоединилась скорострельная пушка субмарины и первый ее разрывной снаряд поднял тучу земли между нападающими и дворцом, бегство их стало неудержимым.

Не убежал только Елисей Мученик. Он медленно отступал, продолжая стрелять и не замечая, что в «маузере» давно уже нет патронов.

И он стал центром всей картины. Именно к нему тянулись пули из пулемета, за которым лежал князь Юсупов, именно ему предназначался следующий снаряд с субмарины, именно в него, страстно желая сам убить этого эмиссара, стрелял из револьвера вице-адмирал Колчак...

Но Мученик продолжал отступать и, наверное, скрылся бы в доме, если бы в тот момент из дома не вышел окровавленный, придерживающий здоровой рукой раненую Коля Беккер. Он не был вооружен, но ненависть его к Мученику была столь велика, что тот, не в силах преодолеть давление воспаленных глаз Коли, остановился и даже готов был уже отступить — но отступать было некуда, потому что, догнав Мученика, в него впились десятки пулеметных и револьверных пуль, а новый снаряд с субмарины взорвался как раз между Мучеником и лейтенантом Берестовым, убив обоих мгновенно.

Можно описать, что думал Коля в последнее мгновение, но мысль его неинтересна — она заключалась лишь в бешеном желании убить Мученика, сделать так, чтобы тот перестал жить. И, увидев ослепительный звон последнего взрыва, поглотившего Елисея, и зная уже, что этот взрыв принес конец, смерть ему самому, Коля возрадовался космической радостью свершения мести за то, что Мученик своим существованием отобрал у него, Беккера, все, что было: и Лидочку, и Раису Федотовну, и Стамбул — отобрал, но сам погиб. Это было хорошо.

Торжество Беккера, секундное, а может, и менее чем секундное, захватило его настолько, что он не заметил, как умер.

Впрочем, никто не замечает, как умер или заснул.

После этого выстрелы сразу прекратились, и наступила оглушительная, звонкая тишина.

...Адмирал Колчак принял рапорт капитана субмарины, который сообщил, что, ввиду повреждения в главном двигателе, миноносец, выделенный для вывоза Романовых, остался в порту. Тогда начальник штаба флота контр-адмирал Немитц, выяснив, что в районе Ялты находится для учебных стрельб субмарина «Камбала», и связавшись с ней по радиотелеграфу, приказал следовать к Дюльберу.

Колчак был суров — вина командира отряда миноносцев была непростительна. За день до отбытия флота в дальнее плавание отказывает машина у миноносца! Но он признал, что при тех обстоятельствах адмирал Немитц действовал правильно.

И как только он сообщил это Юсупову как единственному собеседнику, над горизонтом показался дым — на выручку флагману шел мателот «Императрица Екатерина», новейший русский линкор.

Колчак сам сообщил императрице, что через полчаса здесь будет линкор.

— Действительно? — спросила Мария Федоровна. — А я полагала, что помещусь и на субмарине.

Колчак приказал перенести к берегу всех раненых и убитых — никого не осталось во дворце.

Конечно, оставался некоторый риск — сейчас Ялтинский Совет связывается по телеграфу с Петроградом, шлет возмущенные депеши — машина Временного правительства начинает скрипеть и крутиться... Не успеют!

Матросы принесли Колю и положили на гальку. Лицо его было спокойным, и не видно было, куда попал убивший его осколок.

— Вы воспитываете настоящих героев, — сказала по-французски императрица. — Он был хороший мальчик. Я к нему привязалась.

— Он был один из моих лучших офицеров, — сказал Колчак. — Россия его не забудет.

Матросы принесли найденный на дороге труп поручика Джорджилиани, который был изуродован десятками пуль и сабельных ударов. Так никогда и не выяснилось, кто был виновен в его смерти — отряд ли Ялтинского Совета, который категорически

отказался принять за это ответственность, либо татарские националисты из банды Ахмета Керимова, которые мстили Колчаку за смерть своих товарищей.

Третьим в том ряду положили полковника Баренца, который скончался от ран, так и не придя в сознание.

Монумент, поставленный в Ялте в десятую годовщину этих событий, представляет собой бронзовую фигуру императрицы Марии, у ног которой расположились те герои России, что определили ее судьбу: к императрице протягивает руку адмирал Колчак, как бы предлагая спуститься с пьедестала. Еще ниже, демонстрируя единение сословий, склонились к пулемету князь Феликс Юсупов и подобный Адонису молодой офицер Берестов, происхождение которого в последующие годы оказалось так и не разрешенной тайной истории, подобно тайне Железной Маски. За его спиной, вглядываясь вперед и почти сливаясь с камнем, стоит полковник Баренц, и, наконец, внизу лежит, опираясь на локоть и прижав руку к груди, в которой вот-вот перестанет биться сердце, поручик Джорджилиани — тоже фигура таинственная, потому что историки не понимают, что же он делал во время штурма Дюльбера. Остальные фигуры на постаменте — обобщенные. Не надо искать в них сходства с действительными солдатами и матросами, что сражались, спасая императрицу и империю, но все они без исключения увенчаны достойными лаврами, наградами и пенсиями.

Великая княжна Татьяна пережила всех действующих лиц этой драмы и скончалась в Ментоне, в Швейцарии, в 1986 году в возрасте девяноста лет, окруженная скорбящими родственниками. Захоронение ее праха состоялось в Петербурге, в Александро-Невской лавре при большом стечении публики.

* * *

Колчак и императрица перешли на борт «Императрицы Екатерины».

Когда катер подходил к адмиральскому трапу, Александр Васильевич был еще в сомнении, объявлять ли экипажу о том, что за гости прибыли на борт, но оказалось, что команда уже выстроена на шканцах и встретила появление Марии Федоровны громовым «ура!».

Независимо от того, с какими чувствами кричали матросы — то ли искренне радовались, то ли поддаваясь общему настроению и не смея ему противиться, то ли уже начало сказываться

разочарование в революции, которая третий месяц шумела на площадях, а жить становилось все хуже и порядка не стало вовсе, — в любом случае кричали матросы громко, как бы получая наслаждение от силы собственного дружного крика и правильности строя.

Дабы не терять времени и воспользоваться настроением команды, адмирал Колчак обратился к морякам с короткой и неожиданной речью.

Он заявил, что сейчас, когда страна охвачена волнением и беспорядком, необходимо взять на себя ответственность за ее судьбу. Не возьмем мы — возьмут враги, которые только и ждут, чтобы мы занялись внутренней грызней и междоусобицами. А кончится это тем, что германцы войдут в наши дома, будут измываться над нашими женами и невестами, а по всей России прокатятся грабежи и убийства. Останавливать эту трагедию будет поздно. А сегодня мы еще можем повернуть колесо истории, потому что мы, Черноморский флот, объединены, сильны, вооружены — мы железный кулак России, которым она разгромит всех врагов.

— Потому сообщаю вам, матросы и офицеры! Государыня императрица Мария Федоровна согласилась взять на себя регентство над наследником цесаревичем Алексеем до его совершеннолетия!

Колчак сделал паузу, такую долгую, чтобы смысл его последних слов дошел до ума самого тупого матроса. И второе «ура», прогремевшее над крейсером, долго набирало силу, зато и долго не стихало.

Мало кто знал об этой старой женщине, что стояла на свежем ветру с адмиралом Колчаком. Да и лица двух высоких господ, что стояли за ее спиной, были малознакомы — лишь самые сообразительные и памятливые из офицеров и матросов вспомнили: худой — это бывший командующий, дядя царя, попавший в немилость к Гришке Распутину, а тот, кто пониже ростом, — бывший командующий авиацией.

Главное заключалось в том, что государыня императрица во плоти пришла на их корабль, пришла просить их помощи и поддержки, выделив «Императрицу Екатерину» из числа прочих дредноутов. Что судьба империи зависит сейчас от них. И когда один баталер из социалистов свистнул на слова Колчака, локтями и тумаками его затолкали в задний ряд, а потом и вовсе выкинули из строя. И это не укрылось от глаз адмирала.

Севастопольский матрос всегда чувствовал превосходство над

солдатами и сухопутными людьми — он желал, чтобы его уважали и выделяли, чтобы его просили сделать революцию, свергнуть царя или изгнать германца. И его всегда просили. Прошли времена пятого года, когда глупые вороватые командиры могли кормить матросов гнилым мясом — за качеством мяса сам адмирал Колчак следил неустанно, да и для других командиров урок не прошел даром. Так что матросы были сыты, а их вольнолюбие определялось в значительной степени тем, что революционеры умели просить громче, настойчивей и со слезой. Теперь Колчак тоже отыскал козырь — императрицу.

Вряд ли его ход увенчался бы успехом, если бы он решил провозгласить царем любого из Великих князей. Покровительствовать можно женщине; покровительствовать напыщенному Великому князю — позор для революционного матроса.

— Господа матросы! Господа офицеры! — Колчак поднял ладонь, обратил ее к строю, чтобы остановить шум. — По велению государыни императрицы сегодня наш флот выходит в открытое море. Во исполнение царской воли приказываю: всем кораблям первой линии взять курс зюйд-вест! Наша цель — священный город русского православия — Константинополь. Скоро наши двенадцатидюймовки заговорят возле его стен. Ура!

Матросы кричали, заходясь в восторге, им вторили прослезившиеся офицеры. Казалось, что этот единодушный крик летит над морем к берегу, доносясь до голубых, крутых склонов Ялты.

В тот миг были забыты все идейные споры и посулы социалистов. Взятие Константинополя, священного города, стало куда более важным, чем повседневное благополучие. И подобно крестоносцам, бедным крестьянам, устремившимся к Иерусалиму следом за Петром-пустынником, матросы линкора готовы были перенести любые муки и, может, даже пожертвовать жизнью ради великой цели.

Когда Колчак, опустошенный и измотанный, спустился в каюту императрицы, чтобы пожелать ей спокойного отдыха, та плакала. Возле нее на коленях стоял Александр Михайлович.

— Александр Васильевич, голубчик, — произнесла старая императрица, — на вас теперь только и надежда. Ошибиться нам нельзя.

— Согласен, Ваше Величество, — согласился Колчак. — В случае неудачи нам с вами лучше остаться за рубежом.

— Господь с вами, что вы говорите, Александр Васильевич! — почти рассердилась императрица. Но тут же улыбнулась: она

полностью зависела от этого нервного подвижного адмирала с блестящими глазами.

Потом Колчак позволил себе краткий отдых, чуть более получаса. Выпив полстакана виски, он улегся на диван в своей каюте.

Глаза были прикрыты, но бешеные скачущие образы прошедшего боя настойчиво мельтешили перед глазами. Грустно, что ты не молод, думал адмирал. И некому увидеть твое тщание, оценить твой порыв и заслуженно вознаградить. Но что сокровища мира для Беккера, которому не суждено насладиться наградами и почестями, которые он заслужил...

Колчак потянулся, открыл глаза и, преодолев вспышку головной боли и головокружения, заставил себя подняться в рубку радиотелеграфа, чтобы узнать, что происходит в Севастополе.

Новости из Севастополя его обрадовали. Дредноуты первой линии Черноморского флота уже снялись с якорей и взяли курс зюйд-вест. Первый и второй отряды миноносцев шли в охранении. Немитц, который остался в Морском штабе в Севастополе, как и было уговорено, для обеспечения связи между участниками грандиозной операции, сообщил также, что как на кавказском фронте, так и в Галиции наши войска ограниченными силами двинулись вперед, преодолевая сопротивление не только противника, но и своих солдатских Советов и даже Временного правительства, которое ревниво отнеслось к инициативе генералов и адмиралов, пошедших на наступление, не согласованное с военным министром Керенским.

Больших успехов эти войска не добились, да и не могли добиться, потому что главная цель решалась только флотом Колчака.

* * *

Операция, которую предпринял адмирал и те генералы, которые знали о ней, была не только рискованной, но и недостаточно подготовленной, иными словами, была авантюрой, как ее уже называли в Генеральном штабе и в военном министерстве. Предложив в свое время этот план, Колчак, Алексеев и Иванов встретили сопротивление наверху и отказались от наступления.

Их послушанию поверили в Петрограде, а из Севастополя не поступило своевременных доносов.

Это объясняется тем, что полностью в курсе дела были лишь три человека, а частично — несколько штабных офицеров. Последние были весьма заняты повседневными делами и могли в

случае надобности искренне заявить, что проводили подготовку к большим маневрам, не догадываясь, что маневры станут боевыми действиями. Все же остальные участники этого предприятия — а было их в штабах и управлениях несколько сотен человек — полагали, что участвуют в обычной штабной и интендантской деятельности — мало ли для каких надобностей требуется тройной боекомплект на линкорах, дополнительные торпеды на миноносцах либо корпия для госпитального транспорта? Наибольшие трудности возникли в связи с топливом и продовольствием, но весь расчет Колчака строился на том, что нападение будет внезапным, результаты его сокрушительными и снабжение флота возьмет на себя поверженный неприятель. Длительного похода флот, почти не обеспеченный десантом, выдержать не мог.

Отряды флота, подобно тому, как собирается воедино некое фантастическое чудовище, до того существовавшее в виде отдельных частей, прибыли на рандеву в рассчитанные сроки. Погода была сносной, в меру облачной и ветреной, раза два за часы, пока флот дрейфовал в тридцати милях южнее Севастополя и вне пределов видимости многочисленных в порту зевак и немецких агентов, а также соглядатаев Совета ЦВИКа и Временного правительства, начинал моросить холодный дождь. Волнение не превышало четырех баллов.

Сходившиеся на рандеву крейсера и миноносцы резво перемигивались сигнальными вспышками, плескались флажки сигнальщиков, между кораблями сновали катера, развозившие депеши и приказы. Постепенно до разумения тех командиров и офицеров, что не были в курсе дел, доходила вся дерзость решения Колчака, и некоторых одолевал озноб опаски. Со времен адмирала Ушакова, штурмовавшего Ионические острова, русский флот не предпринимал еще попытки взять укрепленную сухопутную твердыню, каковой являлся Стамбул, вернее, охранявшие его форты. И вот наступил решительный миг. Но Советы и революционные власти, которым можно было пожаловаться, были далеко.

Колчак не позволил командирам кораблей и тем матросским Советам, что образовались уже на некоторых судах, проводить собрания и митинги по поводу того, брать Константинополь или не брать. И запрещение митингов, объясненное походными условиями и близостью неприятеля, ввергло в растерянность социалистических агитаторов. Лишь на миноносце «Керчь», где командиром был старший лейтенант Кукель, верный сторонник

Керенского, да на транспорте «Евфрат», команда которого была разагитирована анархистами, произошли возмущения. Колчак, для которого самое важное заключалось в том, чтобы вывести флот в море, мог не опасаться уже того, что несогласные сорвут его начинание. Поэтому он приказал «Керчи» возвращаться в Севастополь, подняв сигнал: «Позор трусам и изменникам», но, нуждаясь в «Евфрате» как в госпитальном судне, Колчак приказал крейсеру «Император Траян» взять транспорт на прицел его шестидюймовок, что крейсер и совершил, после чего выступление анархистов стихло. Кукеля же судил в октябре в Севастополе военный трибунал и приговорил к пятнадцати годам каторжных работ.

Все остальные корабли эскадры, будучи поставлены в известность, что предстоят не учения, а настоящий штурм Константинополя, выразили по меньшей мере одобрение и даже радость по поводу похода. Поход начинался именно так, как рассчитывал на то Александр Васильевич.

Кильватерная колонна Черноморского флота, возглавляемая линейным кораблем «Императрица Екатерина Великая», включала также линкор «Евстафий», немного устаревший, но еще вполне готовый к боям «Ростислав», «Пантелеймон» — бывший «Потемкин». Замыкал колонну «Георгий Победоносец», тридцатилетний ветеран, который, однако, свободно держал скорость в пятнадцать узлов, и Колчак мог рассчитывать на огневую поддержку его шести двенадцатидюймовых орудий главного калибра.

Шесть крейсеров, более дюжины миноносцев и тральщики несли охранение и как пастушьи собаки подгоняли к стаду толстозадые транспорты и ленивые канонерки. К сожалению, состояние моря не давало возможности использовать гидропланы, но все подходы к турецким берегам были достаточно разведаны, и вряд ли турки смогли в последние дни придумать нечто необычайное.

Через три часа после выступления эскадры Колчак приказал отряду тральщиков под охраной второй флотилии миноносцев идти вперед на полных парах для того, чтобы уже в сумерках начать разминирование подходов к проливам. Но более всего Колчак надеялся на добытые разведкой карты минных полей у входа в Босфор, где были указаны проходы для турецких кораблей и недавно выходившего на очередное крейсерство немецкого «Гебена». Так что акция тральщиков должна была подтвердить или опровергнуть правильность трофейной карты. К утру, когда

«Екатерина» оказалась в пределах видимости турецкого берега, с тральщиков сообщили, что карта не солгала.

Море было окутано туманом — природа как бы смилостивилась над адмиралом и его флотом, имевшим столь мало шансов на успех. Волнение стихло, облака висели так низко, что смешивались с туманом. Дредноуты шли малым ходом, стараясь незаметно подкрасться к цели. Если не обращать внимания на искры в столбах дыма да утробное урчание корабельных машин, флот был незаметен и неслышен. Турецкая береговая охрана, убежденная в том, что Россия безнадежно погрязла в своих политических спорах и проблемах, приближение флота проморгала.

Без единого выстрела, подобно «Летучим голландцам» железного века, следуя за миноносцами, линкоры один за другим вошли в Босфор, развернули башни главного калибра против султанского дворца, военного министерства, стоявших на рейде двух турецких и одного немецкого крейсеров и в шесть часов одну минуту изготовились к бою.

Александр Васильевич Колчак, когда истекали последние минуты перед началом сражения, спустился в каюту императрицы Марии Федоровны, как и было договорено ранее, и сказал:

— Прошу вас на боевой пост.

Именно туда, а не в кают-компанию, как было бы удобнее, поднялась императрица. Там уже собрались офицеры штаба флота и корабля. Там же, чувствуя себя неладно, всей шкурой ощущая высокое торжество момента, стояли выборные от нижних чинов. Именно там, а не в кают-компании, Колчак объявил:

— Господа, Ее Величеству пристало более, чем нам, простым смертным, дать сигнал к началу решающего боя.

— Сыны мои, — произнесла старая императрица, — от имени Родины вашей, от имени всех женщин нашей империи, от имени дедов и пращуров, положивших головы во славу родины, я призываю вас подняться на смертельный бой с недругом нашего государства и веры!..

На боевом посту не было Коли Беккера, и некому было скептически усмехнуться, как умел только Коля, так как сочетание торжественных русских слов с ощутимым акцентом создавало некий курьезный эффект, которого никто не уловил.

А на известной картине академика живописи Бродского государыня изображена с простертой в сторону золотых минаретов Стамбула тонкой рукой. Адмирал Колчак и другие чины флота, а также Великие князья Николай Николаевич и Александр Михайлович стоят полукругом, внимая ее словам и, конечно же, не

улавливая акцента. Все в картине могло бы быть правдой, но, как утверждает в своих воспоминаниях оппозиционер и либерал адмирал Немитц, Великих князей на боевом посту не было, потому что их забыли пригласить.

После речи государыни ее увели вниз, хотя бы потому, что гул орудий главного калибра совершенно невыносим для непривычного уха. К тому же неизвестно было, как повернется дело. Поэтому по приказу Колчака с правого борта была спущена шлюпка, в ней во время всего боя находились шесть гребцов. В случае опасности императрица должна была покинуть корабль. Однако, когда Колчак сказал об этом императрице, Мария Федоровна ответила по-французски:

— Мы в одной лодке, мой адмирал. И глупо вылезать из нее посреди моря.

Государыня попросила адмирала никому никогда о шлюпке не рассказывать. Адмирал сдержал свое слово, но проговорился кто-то из гребцов, и года через три «Русское слово» напечатало рассказ об этом, но это уже не вызвало сенсации.

Ровно в шесть часов двадцать три минуты утра одновременно громыхнули все орудия главного калибра, а также артиллерия миноносцев и вспомогательных судов... Читатель, желающий ознакомиться с ходом боя и его деталями, может обратиться к специальным популярным изданиям.

* * *

По всем законам авантюра адмирала Колчака должна была провалиться. Но случайности играют немалую роль в истории. Ведь и слоны Ганнибала обязаны были простудиться в Альпах.

Смерть султана Турции Абдул-Гамида, а также всего военного совета, заседавшего в столь ранний час и обсуждавшего сведения разведки о движении русского флота к югу, которая наступила от прямого попадания двенадцатидюймового фугаса в зал заседаний, парализовала управление Стамбулом. Энергичные действия немногочисленного десанта с русских кораблей, захватившего береговые батареи, военное министерство и генеральный штаб, а главное, разумеется, начало борьбы за власть между младотурками и сторонниками Кемаля Ататюрка, привели к такой дезорганизации, что из города в первую очередь убежали генералы, которые и должны были организовать сопротивление.

Панические слухи о событиях в Стамбуле были разнесены телеграфом по всему миру. В тот же день наступление русской Кавказской армии от Трапезунда к Стамбулу развернулось сказочными темпами — еще трое суток, и первые русские самокатчики увидели воды Мраморного моря, а гидроплан, перелетевший оттуда и опустившийся на Босфоре у борта «Екатерины», принес радостные поздравления Колчаку от командующего Кавказским фронтом.

Колчак, вторые сутки не спавший, осунувшийся, с лихорадочно сверкающими глазами и нарушенным пробором, продолжая свою игру, ответную телеграмму отправил не от своего имени, а от имени императрицы Марии Федоровны, Божьей милостью регентши Российской империи. От себя же он послал другую телеграмму — копия во все армии, в Петроград, в Севастополь — в Париж, Берлин и Лондон. В ней сообщалось о только что завершившемся обряде в соборе Святой Софии, наконец-то возвращенном Православной Церкви после почти пятисотлетнего исламского унижения. В соборе вершилось торжественное коронование государыни императрицы Марии по древнему византийскому обряду, а также «in absentia» ее внука цесаревича Алексея. Депеша из Стамбула, подписанная главнокомандующим и военным министром Великим князем Николаем Николаевичем, а также командующим объединенным флотом России и морским министром адмиралом Колчаком, приказывала привести во всех частях и гарнизонах Российской империи к присяге государыне Марии Федоровне и государю Алексею всех генералов, штаб- и обер-офицеров, а также нижние чины. Провести церемонию присяги во всех учреждениях и учебных заведениях империи. В случае неповиновения этому приказу применять меры наказания военного времени.

Далее — телеграфные аппараты были заняты круглые сутки, а телеграфисты падали без памяти от изнеможения — следовал манифест императрицы-регентши и множество указов.

Турция вышла из войны на четвертый день после падения Стамбула. Это нарушило без того непрочное равновесие в Европе и оголило южный фланг австро-венгерских армий. Последовало внешне неожиданное, но неплохо подготовленное Иозефом Пилсудским восстание Польской военной организации и легионов. Галиция отпала в несколько дней.

Объединившись с русской Юго-западной армией, поляки ударили, тесня австрийцев и венгров, а оттуда на помощь славянам уже спешили чешские боевые дружины.

Мир, подписанный в многострадальном Брюсселе 8 июня 1917 года, лишил Германию большинства колоний, возвратил

Франции Эльзас и Лотарингию, даровал выстраданную независимость чехам и западным полякам и подвел черту под многовековым существованием Священной Римской империи. По случаю заключения мира в России была объявлена амнистия многим революционерам. В очередной раз растворила свои ворота Петропавловская крепость, выпуская на свободу проведших в ней по месяцу, а то и более, членов Временного правительства во главе с Милюковым, иже с ним министров Керенского, Терещенко, Некрасова, а также вождей недавно шумного и властолюбивого Петроградского Совета и его председателя — социал-демократа Чхеидзе.

Следует отметить, однако, что громко отмеченная и восхваленная газетами амнистия коснулась лишь верхушки политического айсберга. Весна 1917 года успела умножить озлобление в России — тысячи были невинно либо случайно убиты и забиты до смерти, искалечены и разорены. Неудивительно, что после крушения Временного правительства поднялась волна мести — погромщики убивали поднявших было головы евреев, а полицейские вылавливали тех, кто недавно громил тюрьмы и полицейские участки, и возвращали заключенных в отведенные им камеры. Так что на каждого амнистированного пришлось до ста оставшихся в заточении — но о них не принято было вспоминать и заступаться.

В закрытых автомобилях с опущенными на окнах шторками освобожденных политиков перевозили в Гавань на Васильевском острове, где их ожидал трехпалубный «Серафим Саровский».

Молчаливые преторианцы — черноморская гвардия Колчака — провожали растерянных людей к трапу.

Некоторые чувствовали неладное, даже подозревали, что их отвезут подальше в море и там утопят. Политиков никто не успокаивал и не разубеждал. Белая ночь окутывала море нереальной бледной пеленой, лишенные теней и даже четких форм тела и предметы казались невесомыми и словно относящимися к миру привидений.

Когда Керенский поднимался по невероятно крутому трапу на верхнюю палубу, он услышал, что на причал выехала кавалькада автомобилей. Он остановился. Конвоир стал подталкивать его в спину, чтобы шел дальше. Керенский не подчинился.

Дверцы моторов открылись, и, ежась от ночной свежести, сжимаясь в маленькую беспомощную толпу, на причал выбра-

лись Романовы — Николай и Александра Федоровна, сопровождаемые детьми, дядькой, врачом и верными фрейлинами.

Позже, когда, издав долгий тоскливый гудок, «Серафим Саровский» отвалил от стенки и изгоняемым политикам разрешено было покинуть каюты, ибо они более не считались заключенными, Керенский отыскал в салоне Львова. Они курили и неспешно, как после поминок, беседовали. Оба полагали, что для них высылка из страны в преддверии реакции — очевидное везение.

— У нас будет время осмотреться и собрать в кулак демократические силы, — рассуждал князь Львов.

— Боюсь, что возвращение наше — дело проблематичное. Новое правительство решило убрать с пути все режимы, которые, на их взгляд, скомпрометированы.

— Чем же, позвольте спросить, скомпрометировано мое правительство? — язвительно и обидчиво спросил князь.

Керенский не стал отвечать — за широкими окнами салона первого класса были видны гуляющие по палубе под утренним ярким солнцем Великие княжны — принцессы русской державы, которые покидали Россию в одной лодке с теми, кто лишил власти их коронованного отца.

В тот день Керенский, удивляясь соседству императорской фамилии, не мог знать наверняка, что решение выслать царскую чету было единодушно принято семьей Романовых и поддержано высшей знатью империи.

На «Серафиме Саровском» революционеры пребывали в основном в каютах второго класса, лишь некоторые из них, как, например, управляющий делами совета министров Набоков, имевшие значительные средства, смогли оплатить первый класс.

Владимир Дмитриевич Набоков, англизированный джентльмен, воспринимавший чехарду молниеносных событий последних недель скорее как забавную, чем страшную, фантасмагорию, гулял со своим сыном Володей, начинающим энтомологом, по верхней палубе, глядя, как удаляются и тают в дымке форты Кронштадта — последние камни родной земли.

— Я никогда не вернусь сюда, — сказал Володя Набоков, стройный высокий юноша. — Они высылают из России ее лучшие умы. Россия обречена на прозябание.

— Лучшие умы никогда не были нужны нашей Родине, — улыбнулся отец юноши.

Набоков рассеянно поклонился царской чете, что медленно шла по палубе, стараясь не глядеть по сторонам, хотя палуба первого класса была пуста.

Керенского и Чхеидзе судьба привела в Женеву, как раз когда после мытарств в немецкой тюрьме туда вернулся Ленин. Но они не встречались, потому что совершенно по-разному смотрели на возможности и перспективы русской революции.

Вскоре морскому министру Колчаку было предложено выйти в отставку. Он сделал свое дело. Колчак покинул Россию — он доживал свои дни в Филадельфии.

* * *

Ахмет не приехал к Лидочке, как обещал, не по своей вине — после разгрома его убежища отрядом полковника Баренца он ушел в горы. Не иначе как по возвращении в Севастополь Коля Беккер доложил в контрразведку о том, где лагерь Керимова. Поэтому Ахмет был зол на Колю, и злость эта, смешанная с горем из-за гибели двух его товарищей, распространялась на всех русских и даже на Лидочку и покойного Андрея Берестова.

Но, уйдя горами за Байдарские ворота и далее — почти до Бахчисарая, Ахмет не знал о быстро развернувшихся событиях в Дюльбере.

И уж разумеется, его отряд никак не принимал участия в убийстве Джорджилиани и насилии над Великой княжной. Это были выдумки реакционных газетчиков и тех патриотов, что требовали выселения татар из Крыма. Правда, безрезультатно, потому что умные и трезвые головы в Петрограде (вновь переименованном в Петербург в 1918 году) понимали, что, выслав татар, вы тут же подрубите сук крымской экономики. Крым освоен татарским земледельцем и погибнет без татарина.

Только через две недели, приехав тайком в Симферополь, чтобы увидеть родных, Ахмет узнал все новости сразу — столько новостей, что можно сойти с ума от их разнообразия и невероятности.

Ахмету рассказали о воцарении Марии Федоровны, о взятии Стамбула, что лишало татар всяческих надежд на успешную борьбу за автономию, о капитуляции Австро-Венгрии.

Ахмета искали по горам жандармы, которые вернулись в свои кабинеты и разгоняли Советы и редакции социалистических газет, так что ему пришлось вскоре распустить отряд, как распущены были и другие татарские отряды в Крыму. Ахмет, зная, что в Симферополе на него могут донести, решил скрыться на время у дяди в Алуште.

Он попал в Ялту лишь в середине июня, когда весь мир торжествовал по поводу победы над грубыми и невежественными тевтонами, которые вознамерились покорить цивилизованные страны. Со смерти Беккера прошел месяц, месяц с той ночи, когда они виделись с Лидочкой.

Вся злость Ахмета на предательство Беккера, на русских угнетателей и даже на Лидочку давно уже растворилась, ибо полная безнадежность борьбы чаще всего заставляет борца искать иных путей самоутверждения. Ахмет не знал еще, какой он изберет путь, но желание увидеть Лидочку, вина перед ней все росли. Ведь, в сущности, Лидочка — единственная, кто связывал теперь Ахмета с таким недавним и таким светлым прошлым.

Правда, надежды увидеть Лидочку почти не было — зачем ей ждать месяц обещанной встречи? Она уже уехала, может быть, отыскав могилу Андрея Берестова, а может быть, решив не искать ее.

Зная, что шансов у него почти нет, все же с утра, как приехал в Ялту, Ахмет отправился к гостинице «Мариано».

Было жарко — один из первых по-настоящему жарких дней, когда море замирает, будто в него налита не вода, а густое масло, когда море и небо сравниваются цветом и потому теряется линия горизонта, а рыбацкие лодочки кажутся черными жучками, неподвижно повисшими в воздухе.

Публика на набережной была оживленна и криклива — еще не уморились от жары, еще приветствовали ее. Среди гулявших было немало военных — выздоравливающие отпускники, а то и те, кого революция сорвала с мест, а возобновленный порядок еще не вернул на положенное место.

Ахмет остановился перед стеклянной дверью в гостиницу, разглядывая свое отражение, — вроде бы он одет соответственно месту и времени. Был Ахмет в плотно посаженном на голову канотье, чесучовом костюме и легких белых ботинках. Для убедительности он крутил в руке тросточку. Дымчатые очки завершали его туалет.

Он толкнул дверь. Зазвенел колокольчик.

Стоявший за стойкой худой пожилой портье с желтой лысиной, напоминавшей бильярдный шар, сказал:

— Простите, но все номера заняты.

— Я хотел бы повидать госпожу Иваницкую, — сказал Ахмет. — Возможно, она остановилась у вас под фамилией Берестова.

— Как? — Портье вздрогнул. — Вы господин Берестов? Вы пришли?

— Нет, я его друг, — сказал Ахмет. — Я его друг по гимназии. А где госпожа Берестова?

— Вы господин Керимов? — сказал портье. — Заходите, пожалуйста. Она вас давно ждет.

В голосе портье был укор человека, который знает о тебе куда больше, чем тебе бы хотелось.

— Я не мог раньше, — сказал Ахмет. — Я был далеко.

— Я представляю, — сказал портье. — Если вы тот Керимов, которого до сих пор ищет полиция.

— Нет, — сказал Ахмет. — Конечно же, я не тот Керимов.

— Впрочем, мне это не важно. Даже если вы Джек-потрошитель.

— Я и не Джек-потрошитель, я совсем не говорю по-английски, — сказал Ахмет. — Но могу ли я понимать вас так, что Лидочка Иваницкая все еще здесь?

— А куда ей деваться, — сказал портье, — если она до сих пор не верит, что Андрей Сергеевич умерли? А вы мучаете ее — нельзя целый месяц подряд питать ложные надежды.

— Она у себя? — спросил Ахмет.

— Поднимитесь. Комната четырнадцатая.

Ахмет всей спиной чувствовал недобрый взгляд портье — будто тот был обманутым отцом соблазненной девицы.

«Я тут совершенно ни при чем!» — хотелось крикнуть Ахмету, но он, разумеется, не крикнул — поспешил по лестнице на второй этаж.

Лидочка открыла дверь и встретила его обыкновенно, словно он отходил за папиросами, но задержался. Ни трагедий, ни слез — ничего, что так пугало Ахмета в женщинах.

— Здравствуй, Ахмет, а я уж боялась, что ты не придешь.

— Я понял по поведению цербера внизу. Он много знает.

— С кем-то надо разговаривать, — сказала Лидочка. — А я здесь уже три месяца живу. Сначала мне казалось, неделя — невыносимо долго. А теперь я не могу тебе сказать, что давно сюда приехала.

— Тебе, наверное, деньги нужны!

— Ты заходи, Ахмет, заходи. Я, честное слово, рада, что ты обо мне вспомнил.

Ахмет снял канотье и хотел было ловким движением закинуть шляпу куда-нибудь, как положено при светском визите. Но в этой скудной комнатке некуда было кидать канотье.

Лидочка села на кровать — та устало заскрипела, как голодная медведица. Показала Ахмету на стул напротив. Ахмет наконец-то

разглядел ее — Лидочка была в скромном коротком, до половины икр, сером платье. Единственное украшение на нем — белый кружевной воротничок. Волосы строго забраны назад — никогда не догадаешься, что Лидочке чуть больше двадцати лет — не из-за морщинок или ввалившихся глаз, — но в позе, походке, движениях рук Лидочки появилось что-то старческое, как у монашки, которая подолгу остается наедине с собой и уже не хочет иного общества.

— Ты болел, да? — спросила Лидочка. Она будто сама не верила в уважительную причину исчезновения Ахмета, но давала возможность ему спасти лицо.

— Нет. — Ахмет разгадал эту беспомощную деликатность слабого человека. — Я был совершенно здоров, как адмирал Петров. Что станется с татарином, а?

— Ахмет, я же ничего от тебя не требую и ни в чем тебя не виню.

— Я сам себя виню. Только, честное слово, Лидочка, я к тебе пойти не мог. Нас сильно расколошматили — еле ноги унесли в горы. Там сидели. Совсем недавно я в Симферополь вернулся, там тоже носа не покажи. Потом у дяди прятался, в Алуште. Я и здесь незаконно.

— Прости, я совсем забыла, что тебе нельзя! — Лидочка даже покраснела, испугавшись, что Ахмет сочтет ее слишком требовательной.

С улицы донеслись медные, начищенные звуки духового оркестра.

— Что за праздник? — спросил Ахмет.

— Сегодня должны прибивать щит.

— Что? — не понял Ахмет.

— Сегодня цесаревич Алексей вместе с адмиралом Колчаком будут прибивать красный щит к воротам Константинополя. Бред какой-то. Ты думаешь, они будут его гвоздями прибивать?

— Это плохо, — сказал Ахмет. — Каждый обыватель тычет пальцем: «Ты татарин, ты предатель, ты неверный». Чувствую себя как еврей, пересекший черту оседлости.

— Глупый, — сказала Лидочка, — это же твоя земля.

— Это раньше Крым был татарской землей, но мы отдали его вам, русским, не потому, что хотели, а потому, что были слабее. Значит, вы ничем нам не обязаны. Можете выгнать всех татар в Сибирь.

— Ты с ума сошел!

— Ты не слышала, какие разговоры ведут русские патриоты.

— Хочешь, пойдем вниз, я тебя чаем напою. У меня в кафе все знакомые.

— Нет, мне нельзя.

— Ты рискуешь, что сюда пришел?

— Когда мы с тобой в последний раз встретились, была, если ты помнишь, революция и свобода. Сейчас нами правят Романовы — только не тот недотепа, что раньше был, а железная старуха и ее адмирал. Нам, бандитам, лучше носа не высовывать. Очень много желающих применить к нам военный трибунал. Но я знал: я приеду и покажу тебе могилу Андрюши...

— А знаешь, — Лидочка несмело улыбнулась, — я сама все выяснила. Потому что думала — нет тебя, совсем нет... Может, ты погиб. Или уехал. Все может быть. Я стала сама искать. По кладбищам.

— И нашла?

— Нет, не нашла. Очень сложное время было. Каждую ночь перестрелки, потом социалистов расстреливали — почти две недели охотились, пока не ввели в Ялту полк Дикой дивизии. Я далеко ездить боялась. К тому же я ждала — а вдруг Андрюша придет на условленное место...

Лидочка поглядела на Ахмета так светло и спокойно, что тот уверился в ее помешательстве.

— Не нашла я Андрюшину могилу, — сказала Лидочка. — На разных кладбищах была, даже на маленьких. Я не посмела написать моим родителям... может, мне придется уехать дальше, тогда они будут сильно переживать. А они из-за меня напереживались достаточно. Но я съездила в Симферополь, пошла в Глухой переулок, а там узнала в церкви, что Мария Павловна скончалась от разрыва сердца...

— В позапрошлом году, — сказал Ахмет виновато, будто недосмотрел. — Я думал, что ты знаешь, я не знал, что ты так далеко была.

— Потом я написала Маргарите. Маргарита подтвердила. Она тоже слышала...

— Как я был в нее влюблен, но она предпочла этого проклятого Беккера! — неожиданно воскликнул Ахмет.

— Не надо так говорить!

Лидочка поняла, что Ахмет не знает о смерти Коли, — впрочем, она сама узнала об этом из газеты, где описывались похороны «Героев Дюльбера».

Там были фотографии: «Миноносец «Хаджи-Бей» с прахом героев прибывает в Севастополь», «Гробы с прахом героев Баренца, Берестова, Джорджилиани во Владимирском соборе», «Отпевание», «Похороны героев», «Портреты героев», справа налево: «Полковник В. Баренц», «Лейтенант флота А. Берестов», «Поручик Г. Джорджилиани». Лидочка тогда пережила несколько минут новой боли — забыв, что имя Андрея узурпировал Коля Беккер. А потом, увидев на фотографии Колю, поняла, что тому теперь предстоит лежать в могиле под чужим именем, и некоторые люди будут знать об этом. Корреспондент «Таврии» взял интервью у какой-то Раисы Федотовны — «гражданской супруги Андрея Сергеевича». У Коли была дама в Севастополе? Что она знает? Какое право имеет она называть себя женой Андрея Берестова?.. Потом, когда прошло, Лидочке стало жалко Колю. Пускай он не всегда был хорошим — но все же он был свой, он был их приятель и приятель Андрюши. И носил его имя с честью. Да, да! Именно с честью! И погиб, спасая императрицу. Впрочем, Лидочка, как и все ее семейство, никогда не числила себя в монархистах. Как и положено российским интеллигентам, Иваницкие были республиканцами. На месте императрицы могла быть иная, просто пожилая женщина, и тогда подвиг Коли, погибшего за пулеметом, становился даже более героическим, но для простого народа, конечно же, важнее всего было слово «императрица», будто остальных спасать не положено. Впрочем, времена так быстро стали меняться, и меняться к худшему, так энергично полезли из щелей те, кого обидела или побила революция и которые спешили теперь отомстить! Лидочки это не касалось — она старалась ни в чем не участвовать и не заводить знакомств, — но другим людям, даже тем, кто по горячности чувств и стремлению к высоким идеалам справедливости бегал по улицам, нацепив красные банты или повязки, а то и выступал на митингах, им порой приходилось несладко — и наказания, вспоенные местью, оказывались десятикратно превышающими проступки.

— А что? Что случилось? — спрашивал Ахмет. — Что с Колей?

— Коля погиб. И это точно, — сказала Лидочка. — Я в газете прочла. Во время штурма Дюльбера.

Она сама не могла бы объяснить, что заставило ее позабыть о том, что Коля жил и погиб под именем Андрея. Скорее всего, это был стыд, ощущение предательства... будто она обязана была уберечь память Андрея от самозванца. Но не уберегла...

Ахмет сказал:

— Значит, это они по пути из Севастополя напали на наше убежище, а потом поехали в Дюльбер. На том же грузовике. А там их штурмовал отряд Мученика. И Коля погиб? Жалко.

— Мне тоже жалко.

— Конечно, жалко, — сказал Ахмет. — Я всех Беккеров знал, у него сестра хорошая, бедная очень. Мы вместе купались в Салгире, за грушами лазили. Ах! Жалко, что не могу собственными руками до него добраться! За моих товарищей! Я бы его так разделал, что хоронить с почетом было бы нечего.

— Не надо так, Ахмет.

— Я же говорю — у меня сложные чувства. У меня всегда сложные чувства — я не такая простая натура, как кое-кому кажется. Мне его жалко и убить его все равно хочется. Я ведь знаю, как Сергей Серафимович умер.

— Я не хочу больше ни о чем вспоминать, — сказала Лидочка. — Все мертвые. Я так спешила и Андрюшу заставила — думала, нам будет легче, он спасется от Вревского, а оказалось, что я сделала хуже. Мне портье рассказал — он все знает. Говорят, что Андрей появился здесь осенью. Ночью. Когда был комендантский час. Его заметили. Он стал убегать, его случайно убили. Это так?

— Я его мертвым не видел. И на похоронах не был. Только тетя Мария Павловна приезжала. Она и умерла после этого, почти сразу. Если бы не он — разве тетя Маруся признала бы чужого?

— Я не верила и теперь не хочу... — сказала Лидочка. — Не знаю, что мне делать. Может, улететь на много лет вперед, когда все люди станут счастливыми и свободными, как ты думаешь?

— Это когда же будет? — спросил деловито Ахмет, будто они обсуждали поездку в Керчь.

— Не знаю, — ответила Лидочка, почти готовая уже рассказать обо всем Ахмету, потому что надо кому-то рассказать. Но вдруг спохватилась, что Ахмет отберет у нее табакерку и может использовать ее для того, чтобы воевать, убивать людей и мстить. Он хороший для своих, но жестокий к чужим и врагам. И для него важнее всего — убить врага.

— Если хочешь, я тебе покажу его могилу, — сказал Ахмет. — Я знаю, где она.

Ему хотелось, чтобы Лидочка рассказала, что же вышло между ними, почему они потеряли друг друга. Лидочка понимала, что Ахмет имеет право на ее доверие, и потому она сказала ему часть правды. Будто она помогла Андрею бежать из-под стражи и они должны были встретиться. Но потеряли друг друга. В поисках Андрея она вернулась. Рассказ был неубедителен, он рождал куда больше вопросов, чем давал ответов. Но Ахмет и это вытерпел и не стал ставить под сомнение слова Лидочки. Зачем? Захочет — расскажет потом.

Когда они вышли из гостиницы, за ними увязался сутулый человек с очень пышными усами, в теплом, не по погоде, пиджаке. Но ни Ахмет, ни Лидочка не ждали слежки и потому не оборачивались. На набережной было празднично от жаркой погоды и бурных новостей со всех краев света. Мальчишки бегали с газетами, и вокруг них возникали небольшие толпы — все ждали, прибили или не прибили щит к вратам Царьграда, будто от этого зависела их жизнь.

Ахмет отыскал извозчика — цены были дикие, еще полгода назад извозчик зарабатывал пятьдесят рублей в месяц — сейчас он потребовал столько, чтобы доехать до Алупки.

— А почему Андрюша там? — спросила Лидочка.

Она надела темную шляпку с вуалеткой, и Ахмету показалось, что она была на ней летом тринадцатого года, когда они познакомились.

— Не знаю, что его туда понесло, — сказал Ахмет. — Тамошний полицейский его застрелил, а Мария Павловна не смогла добиться, чтобы разрешили похороны в Симферополе. Они тянули — никак не могли сообразить, его застрелили или он сам застрелился.

Ахмет не улыбался, Ахмет говорил равнодушно — об очень далеком событии, и Лидочке показалось, что он уже тяготится встречей, — Ахмет всегда был подобен бенгальскому огню.

— Слушай, — сказал он извозчику, — я еще двадцать рублей приплачу — только поезжай быстрее, а?

Извозчик был русский, толстозадый, краснолицый — раньше все извозчики были татарами, а теперь приехали русские, кто-то им помогал обустроиться и охранял от местных конкурентов. Жизнь в Крыму менялась быстро и становилась злее. В Севастополе расстреляли матросов, которых обвинили в убийстве мичмана Фока. Лидочка не знала, кто такой мичман Фок и за что его убили.

Сзади в отдалении пылил закрытый автомобиль, и Ахмет сказал:

— Где те сладкие времена, когда мы ездили на собственном моторе?

Пролетка миновала узкие улицы Алупки, где веранды вторых этажей почти смыкались над головой, а аккуратная булыжная мостовая была покрыта лиловым одеялом лепестков глицинии. Затем по хорошей ровной дороге проехали мимо вилл и пансио-

натов, где обитали воспрявшие духом с концом революции и разрухи чахоточные больные. Здесь, на окраине Алупки, от дороги отделилась ветвь, ку-де-сак, то есть тупик, который упирался в массивное, совсем новое желтое, но претендующее на облик древности церковное здание, повторяющее внешним видом, но никак не духом средневековый византийский храм. Возле церкви на широкой площадке лежал еще не убранный строительный мусор — то ли ее достраивали, то ли ремонтировали...

Извозчик остановил пролетку, не доезжая метров трехсот до церкви, и только тут Лидочка с внезапным спазмом сердца поняла, что она приехала к Андрюше. Андрюша лежит здесь, за кирпичными белеными воротами, на кладбище, поднимающемся круто по склону, и даже ясно с первого взгляда, где его надо искать... Там, наверху, у каменной стенки, ограничивающей кладбище. Догадаться об этом было несложно — внизу, у дороги, деревья, которые окружали памятники и плиты, уже успели вырасти и затеняли землю, а наверху они были невелики, как кусты, редкие саженцы поднимались возле плит, подчеркивая их обнаженную сиротливость...

От раскрытых железных ворот вверх вела центральная аллея, или, скорее, центральная лестница кладбища. Кладбище было небогатое, большей частью на нем хоронили чахоточных, которые померли в пансионах и их родные не имели средств либо желания перевозить их домой. Порой среди скромных памятников встречались монументы побогаче — они принадлежали алупкинским домовладельцам либо врачам. Почему-то Лидочка, которая поднималась, все замедляя шаг — не от усталости, а от нежелания ног приближать ее к встрече с Андреем, внимательно читала надписи на плитах, отмечая, что среди погребенных чаще всего встречаются молодые польки и младенцы, не достигшие года.

Наверху было почти жарко. По-весеннему зеленая и яркая трава росла там неплотно, обходя камни и россыпи щебня. Кто-то, посадивший там саженцы деревьев и кустов, ухаживал за ними, подвязал и даже, как видно, поливал — темные круги влажной земли еще не высохли вокруг тонких стволов.

Лидочка повернула направо и, угадав, пошла к светлой плите.

На плите было написано:

«Андрей Берестов. Погиб 16 октября 1916 года в возрасте 21 года».

Могила была ухожена, вокруг плиты выполото, песок подметен.

— А кто ухаживает за могилой? — спросила Лидочка.

Ахмет пожал плечами. И Лидочка вспомнила, что это он платит кому-то.

— Спасибо, — сказала она.

В ней не было горя. Куда тяжелее было в первый день, когда Ахмет сказал о смерти Андрюши. Значит, это проклятая табакерка забросила его в осень. На четыре месяца раньше, чем ее, и он оказался здесь совсем один. Он думал, что войны уже нет, а его убили... Сейчас это просто кладбище. Ты знаешь, что в этой могиле похоронена вдова купца, в этой — действительный статский советник из Варшавы, в этой — девица Григорянц, а в этой — невинно убиенный Андрей Берестов. Но к ней, к живой и чувствующей Лидочке, это не имеет отношения. Потому что это случилось очень давно.

От Лидочки требовалось какое-то особенное поведение — его ждал Ахмет, ждала и она сама от себя. «Что надо сделать? Броситься на плиту, разметав волосы? Рыдать — на кого ты меня покинул? Или просто сидеть на лавочке, грустно опустив голову?.. Что за циничные мысли? Здесь же похоронен мой муж, мой единственный любимый человек, ради которого я уехала в чужой мир, в чужое время. А он умер...»

— Я пойду погуляю, — сказал Ахмет. — Немного погуляю и приду. Минут через десять. Хорошо, Лидия?

— Спасибо, — сказала Лидочка. — Приходи.

— Я тебя обратно в город отвезу.

— Спасибо.

Ахмет пошел вниз — и сразу исчез за кустами. Здесь, вдали от дороги и в стороне от домов, бурлила июньская жизнь — Лидочка еще не была в этом году за городом, — стрекотали кузнечики, над могильными памятниками реяли во множестве бабочки и стрекозы, за ними с веселым щебетанием носились птицы, кузнечики выпрыгивали из молодой травы, а пчелы, облагодетельствовав пышные кладбищенские ромашки и клевер, тяжело жужжали к своим ульям. Этот громкий и сочный гомон природы отделил Лидочку от всего мира, и, только погрузившись в это кипение звуков, она осталась наедине с Андрюшей и услышала снова его голос, увидела его глаза.

Но тут в мозгу что-то щелкнуло, и видение Андрюши исчезло, и снова вернулся шум кладбища. Не было Андрея, ушел. Исчез. И как бы в попытке вернуть его Лидочка спросила вслух:

— А что же мне теперь делать?

Андрей не ответил. Только большой шмель тяжело ударился,

не рассчитав, о плечо Лидочки и испуганно сделал свечку к самому небу.

Как будто кончилась целая жизнь. В ней была любовь, приключения, бегство... А теперь надо ехать в Одессу, встречаться с мамой и папой — они будут рады, они будут счастливы... и уже Андрюши не будет никогда, и не будет даже памяти о нем, потому что их связывали два случайных поцелуя, одна прогулка, один долгий заплыв до лодочки с рыбаком... остальное — только попытка будущего. Но будущего не случилось.

Дурак этот полицейский. Конечно же, Андрюша убит невинно — если бы не романтические глупости Лидочки, он бы сейчас был жив. Ощущение предопределенности судьбы, которое Лидочка не могла сформулировать, овладело ею — потому что казалось, что она уже сидела на этом кладбище, у этой или подобной могилы, и все уже случилось тысячу лет назад...

Далеко-далеко раздались какие-то крики. Они не могли относиться к Лиде и этому мирному кладбищу. Но не смолкали, хоть Лидочка и поморщилась, чтобы их отогнать. Лидочка поднялась и сбежала по дорожке вниз.

У ворот кладбища двое полицейских набросились на Ахмета, крутили ему руки. Канотье упало на траву. Ахмет ругался и отбивался как бешеный.

— Ахмет! — Лидочка кинулась к Ахмету. — Остановитесь! Что вы делаете? Как вы смеете? Я буду жаловаться!

Оказалось, что бежать до Ахмета далеко, — пока она добежала, его уже втащили в закрытый мотор, и тот сразу же взял с места.

* * *

— Ахмет! — кричала Лидочка, пытаясь догнать мотор.

Задняя дверца авто приоткрылась, и оттуда почти по пояс высунулся очень толстый краснолицый полицейский. Он принялся грозить Лидочке пальцем и при этом смеялся, показывая зубы в золотых коронках.

Потом его отделило облако пыли. И все исчезло — словно не было никогда и Ахмета.

Вокруг Лидочки рвались нити, рвались с легким треском, оставляя ее в пустоте, где ничто тебя не поддерживает, никто не притягивает к себе хотя бы ниточным натяжением. Сзади могильная плита — оборванная нить к Андрею. Впереди клуб пыли — бывшая ниточка к Ахмету.

— А платить кто будет? — спросил извозчик. У него было неприятное скуластое лицо, скулы прижимали глаза к бровям неровно, косо, словно архитектор этого лица был ленив и пьян.

— У меня есть деньги, не бойтесь, — сказала Лидочка.

— Покажи. — Извозчик начал спускаться на землю. Пролетка закачалась под его тяжестью, и Лидочка поняла, что ей надо испугаться: этот человек — насильник и грабитель. Теперь-то, в этом звенящем и клокочущем мире, никто не услышит ее криков и боли, да и не будет она кричать — не будет она кричать, потому что воспитанные девушки никогда не позволяют себе кричать. — Покажь деньги, — повторил извозчик, ступив на землю и улыбаясь.

— Сейчас, — сказала Лидочка с меньшим страхом, чем должен был бы ее охватить. В сумке было все, что связано с ее жизнью, — деньги, бумаги Сергея Серафимовича... Сейчас он все отнимет, а она тем временем убежит.

Но тут же Лидочка, к своему ужасу, поняла, что на ней — высокие шнурованные башмаки на высоких каблучках, на них никуда не убежишь.

Лидочка держала сумку перед собой и сказала, стараясь быть убедительной:

— Уйдите, а то я буду кричать.

Извозчик усмехнулся еще шире. Он надвигался на нее молча, и это было хуже, чем угрозы и крики.

С неожиданной резвостью извозчик прыгнул вперед, а Лидочка не успела отскочить, потому что наткнулась каблуком на край плиты и чуть было не упала. Она завела руку с сумкой за спину, а извозчик схватил ее за плечи и, когда старался дотянуться до сумки, невольно обнял Лидочку. Он притянул ее ближе, все еще стремясь к сумке, но Лидочка начала биться — и даже не столько от страха, как от отвращения, — так сильно и затхло воняло от извозчика чесноком и потом. И тут извозчиком овладело желание — настолько сильное, что он забыл о сумке и деньгах и, действуя вряд ли сознательно, начал возить руками по ее спине, все ниже и ниже, и старался при этом повалить ее на траву.

А Лидочка не кричала, только старалась избавиться от вони извозчика — отворачивала голову от него и боялась, что ее вырвет, и старалась, чтобы ее не вырвало, но этот проклятый извозчик навалился на нее всеми своими восемью пудами, и оттого тело ее конвульсивно сжалось, извозчик почувствовал неладное, он даже успел несколько отстраниться, но рвота измарала ему

щеку и плечо, — и извозчик в растерянности отпустил Лидочку и стал отталкивать ее от себя, крича:

— Ты что, что ты, психованная? Ты что?

А Лидочка перевернулась на живот и, встав на четвереньки, пыталась облегчить свой желудок — и наверное, со стороны в этой сцене было нечто комическое, но не было никого, кто бы оценил этот комизм, потому что голос, прозвучавший над ее головой, как только тень загородила Лидочку от солнца, был совершенно серьезен и даже формален.

— Если я досчитаю до десяти, а ты, мерзавец, еще будешь здесь, — сказал очень знакомый голос, — то ты уже никуда не уедешь. Никуда.

— Слушшаассь, — запел невнятно извозчик. Потом затопали его убегающие сапоги.

Лидочка хотела поднять голову, чтобы увидеть и поблагодарить своего спасителя, но новый пароксизм рвоты настиг ее и заставил, стыдясь, отползать от него на коленях.

— Я принесу воды, — сказал тот голос, и Лидочка была благодарна тому, что он отошел. Она достала из сумки носовой платок.

Когда пан Теодор — а это был он — Лидочка узнала его, когда он спешил от церкви, неся глиняный горшок с водой, — вернулся, Лидочка уже была похожа на человека и даже могла смотреть на Теодора без стыда и ужаса.

Лидочка прополоскала рот и напилась родниковой ледяной воды. Потом намочила платок и вытерла себе лицо и шею. И стало хорошо — только очень хотелось спать.

По невысказанной договоренности они отошли от кладбища и сели на каменную скамью у церкви.

— Спасибо, — сказала Лидочка. — А что с Ахметом?

— Я не знаю. Этот мир — не мой мир, — ответил пан Теодор.

День был такой сверкающий, солнечный, что Лидочка впервые смогла заглянуть в глубину глазниц Теодора и увидеть, что глаза у него синие-синие.

— Нет сомнения, что Ахмет будет в тюрьме. Как я понимаю, у властей достаточно оснований к его аресту, — сказал Теодор.

— Его надо спасти! Он же из-за меня здесь оказался.

— Его нельзя спасти, — сказал Теодор. — И вместо этого вам лучше всего отсюда уйти. И как можно скорее. Из-за вас я второй раз прерываю свое путешествие и сам немалым рискую.

— Как рискуете?

— Как любой путешественник — рискую застрять в этом варианте.

Теодор сорвал веточку и отгонял назойливых мух. Почему-то в этом месте они вились вокруг людей.

Лидочка посмотрела на кладбище — крутой склон порос кустами и молодыми деревцами.

Она подняла руку. Пальцы дрожали.

— Я до сих пор перепугана, — сказала она. — Так гадко все получилось. И то, что меня вырвало...

— Пожалуй, вам повезло, — серьезно ответил Теодор.

— Ой, я бы умерла!

С Теодором можно было разговаривать откровенно — он был как близкий родственник. Она не ощущала этого ночью в гостинице, но сейчас чувство было очевидным.

— Я испытывала какую-то гордость от того, что берегу себя для Андрея, для своего мужчины... А теперь Андрея нет. Но я это берегу. Значит, для кого-то другого?

— Глупышка, — сказал Теодор. Но не осудил ее и не посмеялся. Просто он знал нечто, выходящее за пределы Лидочкиного знания.

Подул ветерок, хороший, свежий ветерок. Мухи куда-то отлетели.

— Очевидно, — сказал Теодор, потягиваясь, словно засиделся. Во рту у него была травинка, и он ее неспешно жевал, от чего порой его речь становилась невнятной. — Очевидно, когда я предупредил вас в гостинице, что вы попали в чужой мир, это было непонятно. Слишком мало было у вас информации. Но сегодня иначе. Или вы все поймете и подчинитесь мне, или останетесь здесь и будете искать свое счастье в одиночестве.

Лидочка не перебивала его — у нее был упадок сил, даже руку поднять нет возможности.

— Вы меня слушаете? Не спите еще?

— Слушаю, Теодор.

Смешное имя. Какое-то собачье. Пудель Теодор.

— Я буду краток. Подробные беседы оставим на будущее. Они обязательно состоятся как путь к овладению тайной, что сделает вас иной, чем все люди. А вы еще иной не стали. Этому надо учиться. Сегодня урок первый. Теоретический — потому что практические занятия вы проходите уже два последних месяца. И пока ничего не поняли.

— А разве это можно понять?

— Кое-что можно.

Лидочка подумала, что совсем не загорала в этом году. Раньше никогда не боялась загара, а в этом году забыла загорать. Она

прислонилась спиной к теплому камню церковной стены и закрыла глаза. Голос Теодора звучал как фонограф — ненастоящий голос. Но она слушала его, не делая усилий.

— Я думаю, что, живя эти два месяца в одиночестве, вы задумывались уже, что значат эти табакерки и кто владеет ими.

Лидочка кивнула.

— Мы не мистические существа из сумеречного мира — мы такие же люди, как вы, Лидочка. Каждый из нас — давно или очень давно — получил при определенных обстоятельствах табакерку и был научен ею пользоваться. Но кто был первым, я не знаю, и те из нас, с кем я знаком, этого тоже не знают.

— А как вы меня отыскали?

— Вас нашел не я.

— А кто?

— Вы не знаете ее.

Лидочка поморщилась — она задавала неумные вопросы. В конце концов — какое ей до того дело?

— В связи с этим, — произнес Теодор, не отрывая глаз и повернув лицо к солнцу, — я мог бы сделать предложение. Не хотите ли вы, моя госпожа, сделать небольшую операцию? Совсем небольшую и не очень болезненную.

Так и не раскрыв глаз, Теодор запустил длинные сильные пальцы в верхний карман своей легкой куртки и вытащил оттуда нечто круглое, блестящее, подобное горошине.

— Зачем это? — спросила Лидочка.

Теодор лениво приоткрыл глаз и протянул горошину Лидочке.

— Назовем это локатором, — сказал он.

Горошина была маленькой, но весьма увесистой, словно сделана из золота.

— Если вы согласитесь поставить локатор, мы всегда будем знать, где вы. И будем знать, живы ли вы.

— А я могу позвать вас на помощь?

— В сущности, вы сделать этого не можете, — сказал Теодор. — Но если нужно будет найти вас — я это сделаю быстро.

— А кто будет меня искать?

— Кому надо, — ответил Теодор, отворачиваясь, чтобы подставить солнцу другую щеку.

— Значит, это поводок? — сказала Лидочка.

— Почему вы называете это поводком? — спросил Теодор. — Ведь локатор нужен только для того, чтобы отыскать вас в ином измерении.

— Я это уже слышала. Но если меня можно отыскать в другом измерении, в третьем измерении, значит, меня можно найти за углом и в моем доме. И может быть, приказать мне — иди, иди сейчас же!

— Чепуха, — сказал Теодор неубедительно. — Кому это нужно?

— Кому? А кто сделал такой красивый локатор? Вы?

— Нет.

— Но кто? Кто?

— Тот, кто сделал табакерки, — сказал Теодор.

— Вы его видели? Вы с ним разговаривали?

— Мне трудно ответить на этот вопрос. С одной стороны, можно сказать, что разговаривал. Но не видел... нет, я не видел. Сергей, может быть, видел... Вы видели когда-нибудь Бога?

— Или дьявола? — спросила Лидочка.

— Так вы, оказывается, спорщица?

— Вы лучше скажите, зачем все это? Зачем табакерки? Зачем нам дают эту приманку? Чтобы мы стали совсем чужие и нам можно было приказывать?

Теодор сел, потянулся. Он не был ни оскорблен, ни затронут Лидочкиными словами.

— Об этом думали и даже спорили люди не глупее вас, — сказал он, — но то, что вы задумались, — хорошо. Вы будете нужны.

— Кому?

— Всем нам. Как и мы будем нужны вам. Но я могу сказать с полной уверенностью: никому из нас ни разу не было приказано дурное.

— Значит, что-то было приказано?

— Приказано одно — узнавать, собирать информацию, которая умирает с каждым поколением. Узнавать правду.

— И это — цель вашей жизни?

— Я знаю цель повседневную, но не знаю высшей. Мы наблюдаем, мы фиксируем события и обстоятельства. Порой мы исполняем просьбы, пришедшие извне. Но просьбы эти не касаются больших перемен. Мы получаем просьбу уйти в будущее, в конкретное время, в конкретное место. Разрешить конкретную загадку.

— А в прошлое вы можете? — спросила Лидочка. Спросила не случайно, а потому, что надеялась на это. Если бы можно было поставить табакерку на задний ход и вернуться в 1913 год! И оказаться рядом с Андреем до начала всех событий.

— Прошлое уже совершилось, — сказал Теодор, — оно уже

есть. Как можно изменить то, что уже совершилось? Вы можете обогнать время, но не можете вернуться. В прошлом вы существовали, и вам еще предстояло пережить все, что вы пережили.

— Значит, все кончено?

— Я здесь потому, что могу исправить некоторые ваши ошибки.

— Мои ошибки?

— Да. У меня есть опыт — я давно в пути, я знаю ловушки времени.

— А сколько вам лет? — Лидочка спросила как бы из вежливости. В самом деле ее это не интересовало.

— На это у нас с вами, путников времени, есть два ответа. Мне сорок шесть лет физиологически. Столько я просуществовал. Мне шестьсот сорок один год, два месяца и один день — столько я проплыл в реке времени. Не морщите свой носик, девочка. У вас тоже двойной ход времени. Вам восемнадцать с половиной лет — столько вы прожили. И двадцать один год по обычному земному счету. Вы поняли?

— Это просто, — сказала Лидочка, не открывая глаз. — Но вам слишком много лет.

— Не знаю. Жизнь проходит одинаково быстро — шестьсот лет равны тридцати. Вы поймете это лет через сто.

— Что? Я? — Тут Лидочка очнулась. — Хватит! Я ни шагу больше не сделаю. Мне нужна была табакерка, чтобы не расставаться с Андреем. Теперь возьмите ее!

— Дослушай меня. — Теодор мягко отвел руку Лидочки с выхваченной из сумки табакеркой. — Я расскажу об одном удивительном свойстве реки времени. Оно было открыто тысячи лет назад моими коллегами и, может быть, является настоящей целью нашего с вами существования.

— Но я ни при чем! Я же не просила вас!

— Наши неофиты, новые путники, тщательно выбираются и готовятся — обычно это дети путников. Тайна должна сохраняться в узких пределах. Андрей был избран для этой цели со своего рождения.

— Он отличался от обычных людей?

— Он был обычный, как вы. Но в его подготовку вмешался случай. Сначала погибли его родители...

— Они были вашими путниками?

— Да. Потом погиб Сергей Серафимович, который усыновил Андрея. Он тоже был один из нас.

— И Глаша, — сказала Лидочка.

— И Глаша.

— Но нам с Андреем табакерки достались случайно.

— Что такое случайность? Впрочем, теперь вы одна из нас. Когда вы встретитесь с Андреем...

— Я уже встретилась. — Лидочка показала на кладбище, закрытое кустами от их взоров.

— Здесь вы не можете встретиться с Андреем. Здесь он умер.

— А где-то он жив? — Лидочка вцепилась в руку Теодора — перехватило дыхание от неожиданной, дикой надежды, которая опровергала все — и реальность плиты, и окончательность смерти.

— Есть надежда, что он жив, — продолжал Теодор, глядя мимо Лидочки, поверх ее головы, в синеву неба. — Несть числа Землям и Вселенным. Пока мы существуем в своем, единственном, где нам суждено родиться, жить и умереть, мы не подозреваем, что могут быть иные миры. А эти миры есть...

— Я ничего не понимаю! Объясните же!

— Представьте себе вокзал. От платформы отходит поезд. Он движется по одному-единственному пути. Но за пределами станции от этого пути начинают отделяться другие, тупиковые. Если ты едешь по главному пути, то рано или поздно попадешь в пункт назначения. Если ты ошиблась и свернула на развилке в сторону, ты попадешь в тупик. Понимаете?

Лидочка отрицательно покачала головой.

— Представьте, что ваш поезд избрал ложный путь. Сначала вы не почувствуете разницу — ведь за окном тот же пейзаж. Те же дома и деревья. Но по мере того как пути расходятся, меняется и пейзаж за окном. И через час пути из Симферополя вы видите из окна не Джанкой, а Карасубазар.

Теодор встретился глазами с Лидочкой, но остался, похоже, неудовлетворен тем, что в них увидел.

— Пока вы жили обыкновенно, ваш путь был предначертан и исключителен. Но вот вам в руки попала табакерка. И вы приобрели способность вырваться из потока времени и нестись скорее течения. И сразу уподобились паровозу, который рискует ошибиться стрелкой.

— Но какой мир настоящий? — Лидочка начала догадываться.

— Умница! — обрадовался Теодор: видно, уже разуверился в способности Лидочки понять его. — Есть целый ряд признаков, по которым можно понять, находишься ли ты в мире основном, на главном пути, либо попала ненароком в ответвление. Главное, запомните: чем дальше расходятся колеи исходящих миров, тем

больше накапливается в тупиковом мире несуразностей, нелогичностей, тем ближе он к саморазрушению. Вы не найдете отличий в первый месяц, может, даже в первый год раздельного существования, но постепенно начинают нарушаться причинно-следственные связи...

— Я попала не на тот путь? — Лидочка спросила быстро, будто опасаясь, что Теодор передумает и назовет настоящим миром тот, в котором Андрюша умер.

— В настоящем мире, когда я покидал его, — сказал Теодор, — Андрей жив и ищет вас.

— Теодор, миленький!

— Девушка, нас могут увидеть, — усмехнулся Теодор.

— Какая я дура! Как я смогла смириться с его смертью! А ведь минуту назад я в нее верила.

— Как доверчивы люди!

— Только не смейте говорить, что пошутили!

— Я не шучу.

Лидочке хотелось воскликнуть: «Ну скорей же! Полетели в настоящий мир!» — но она сдерживалась. Словно боялась сглазить.

— Мира, в котором мы с вами находимся, — произнес Теодор, — можно сказать, не существует. Происхождение его непонятно — есть мнение, что он создается человеческим воображением.

Слепень опустился на щеку Теодора и укусил его, прежде чем тот успел его согнать. Теодор хлопнул себя по щеке. Слепень избег удара.

— И слепня тоже не существует? — спросила Лидочка. Ей хотелось смеяться.

— Ни слепень, ни люди, обитающие здесь, не подозревают, что они — фантомы.

— Как мы не подозреваем, что мы — фантомы, — сказала Лидочка.

— Они мучаются, им больно, они погибают...

— А я?

— Что вы?

— А где «я» этого мира?

— Вас здесь нет. Иначе вы не могли бы здесь появиться.

— Может быть, на этом кладбище...

— Не знаю. Все может быть. Возможно, отсутствие вас и есть та стрелка, что отправила поезд в ложном направлении.

— А там тоже есть адмирал Колчак?

— Вы об этом узнаете очень скоро. Пора уходить. Этот мир опасен тем, что его разрушение может начаться в любой момент, и тогда нам отсюда не вырваться. Так уже бывало...

— Пошли же!

— Наши интересы совпадают. Мои минуты и секунды расписаны. Из-за вас я нарушил многие свои планы. Вы готовы уйти отсюда?

— Конечно! Только я не заплатила за гостиницу.

— Этой гостиницы нет!

— Как слепня, который укусил вас?

— Вы заплатите за гостиницу у себя.

— А что будет с Ахметом?

— Настоящий Ахмет — в вашем измерении. Этого Ахмета нет, он фантом, он вам кажется.

— А слепни кусаются, — повторила Лидочка. Что-то не сходилось в рассказах Теодора. Но понимание этого было за пределами ее здравого разума.

Лидочка открыла сумку. Табакерка была теплой.

— У меня все вещи в гостинице, — сказала Лидочка. — Я приеду к нам совсем раздетой.

— Купите, — сказал Теодор. — Никогда не бойтесь расставаться с вещами — это основная необходимость вашей жизни.

— Вот так, в одном платье...

Теодор засмеялся жестяным голосом. Он брал реванш за отступление в споре с Лидочкой. Лидочка повернула табакерку и спросила:

— Ставить надолго?

— Ставьте за месяц вперед. Поставили? Теперь дайте сюда, я проверю.

В какое-то мгновение Лидочка колебалась. Теодор нетерпеливо кашлянул и, угадав ход ее лихорадочных мыслей, сказал:

— Не бойтесь, не отберу и не убегу с ней. Вы не чужая — вы уже одна из нас.

Лидочка отдала ему табакерку. Он проверил, правильно ли стоит шарик.

— Ложитесь на камень, — сказал Теодор, — чтобы не удариться, когда плывете.

— А вы? Вы разве не поплывете со мной?

— Мне еще надо снять параметры этого мира и зафиксировать его. Некоторые миры, созданные на перелете, подверженные катаклизмам и нелогичным тенденциям развития, могут стать опасными основному миру. Мне потребуется дня три, что-

бы разобраться, вычислить, когда и как этот побочный мир погибнет.

— Вы будете в Ялте?

— Сейчас, как только вы улетите, я поеду в Ялту. Оттуда в Москву. Надо узнать — занимает ли эта альтернатива всю Землю или только часть ее.

Лидочка кивнула:

— Тогда отдайте двенадцать рублей портье и скажите Ахмету, что я жива, но уезжаю.

— Вы упрямы как баран!

— Это мне мама говорила.

— А если Ахмета уже нет? — спросил Теодор.

— Что вы хотите сказать?

— Что его убили при попытке к бегству. Вам пора. Нажимайте!

Лидочка прижала к груди сумку и другой рукой, глядя на Теодора, нажала на шарик.

И улетела в черную зыбь и жуть времени.

Когда она очнулась, был такой же жаркий день, только Теодор исчез. А когда Лидочка прошла по кладбищу, то вместо могилы Андрея она увидела там плиту, под которой был погребен прапорщик Семенов А. И., умерший в 1906 году.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ТРАПЕЗУНДА

Глава 1

Снова март – апрель 1917 г.

Буквально за два дня до Февральской революции, покончившей с монархией в России, следователь Вревский вызвал к себе служившего в Феодосии прапорщика Николая Беккера.

Дело об убийстве Сергея Серафимовича Берестова и его служанки Глафиры Браницкой не было закрыто, но после исчезновения основного подозреваемого оно пылилось на полке в железном шкафу следователя. Там же находилась еще одна синяя папка: «Дело о без вести пропавших солдатах Феодосийской крепостной артиллерийской команды Денисенко Т.И. и Борзом Б.Р.».

Не зная о причине вызова, Беккер был обеспокоен и всю предыдущую ночь не спал, уговаривая себя, что все обойдется.

В одиннадцать часов утра Беккер поднялся на второй этаж и вошел в кабинет. Там ничего не изменилось, только стены стали еще темнее да больше скопилось пыли в углах, куда не доставала щетка уборщика. За столом, у лампы под зеленым абажуром, сидел вовсе не изменившийся Александр Ионович.

При виде Беккера следователь поднялся и показал на стул, но руки не подал, что Беккер счел плохим предзнаменованием.

Вревский разглядывал Беккера с любопытством, будто отыскивая перемены в его лице. Не найдя таковых, объяснил, что вызов — пустая формальность, связанная с отъездом Вревского в Симферополь к новой должности.

Достав из покрашенного в коричневый цвет железного шкафа две синие папки, он положил их перед собой.

— Эти два дела, — сказал он, — тесно связаны.

Под его правой рукой покоилось дело об убийстве Сергея Серафимовича Берестова, под левой ладонью — дело о дезертирах.

— Все же вы утвердились во мнении, что убийцей мог быть один из моих солдат? — спросил Беккер.

— У меня нет окончательного мнения, — ответил Вревский. — Я не исключаю вины Андрея Берестова.

— Я всегда говорил вам — это исключено! Он был добрым человеком. И безобидным.

— Оставьте эти причитания для барышень, — буркнул Вревский. — Невинные не устраивают побегов.

— А вы уверены, что это побег? Я слышал, что они покончили с собой.

— Не играет роли. Они убежали, инсценировав самоубийство. Но потом их лодка попала в шторм. Шансы на то, что они остались в живых, ничтожны.

— И раз один подозреваемый избегнул вашей кары, — попытался улыбнуться Беккер, — вы ищете другого.

— Не другого — других. Пропавшие солдаты — из вашей команды. Они притом ваши земляки. Одного из них затем находят убитым. Рядом — пустая шкатулка Берестова. Как мне не подозревать!

— Но при чем тут я?

— А разве я вас уже обвинил?

— Вы меня вызвали сюда.

— Из любопытства. Только из любопытства. Допустим, что все же убийцы и грабители были солдаты. Откуда они узнали о ценностях? О шкатулке?

— Не знаю.

— А я думаю, что от человека, близкого к Берестову. Или к его родственникам.

— Вот и ищите, — сказал Беккер с раздражением. — Могу предложить версию.

— Пожалуйста.

— Один из солдат был любовником служанки Берестова. И она с ним поделилась тайной.

— Вы не знали эту женщину?

— Нет.

— То-то и видно... А можно я предложу версию?

— Я весь внимание.

— Берестов поделился тайной со своим гимназическим другом Беккером. А у Беккера стесненное денежное положение. Беккер готов на все!

— Александр Ионович!

— Это же только предположение. Но если было так, то я вам сочувствую.

— Почему?

— Потому что вы не получили никаких денег. Ваши сообщники вас надули. Это бывает в уголовном мире.

— Простите, Александр Ионович, я хотел бы узнать, с какой целью меня вызвали из Феодосии?

— Только чтобы поставить вас в известность о закрытии дела, которое вас касается. Дела о сбежавших солдатах. Вот и все...

* * *

Через неделю, оказавшись в Ялте, Беккер увидел, как толпа громит здание городского суда.

В первые дни революции по всей России прокатилась волна расправ с полицейскими, нападений на полицейские участки и тюрьмы. А так как старые власти в Ялте не оказывали революции никакого сопротивления, следовало предпринять какой-нибудь революционный шаг, оставить в воспоминание потомкам решительное действие, которое войдет в учебники истории. Таким действием и стало взятие городского суда.

Вовремя присоединившийся к толпе Беккер смог пройти в кабинет срочно уехавшего в Симферополь следователя и отыскать у него в столе две синие папки.

Переехав в Севастополь, Коля взял папки с собой.

С того дня, сначала незаметно, по сантиметрам, а потом все очевиднее, рельсы истории принялись разбегаться. Но на этот раз все наши герои оказались в основном потоке времени.

* * *

В двадцатых числах марта Фридрих Платтен, швейцарский социалист, человек солидный, вхожий в германское посольство, подписал с Германией письменное соглашение, по которому германская сторона брала на себя обязательство провезти русских революционеров через свою территорию. В условиях соглашения был ряд любопытных пунктов, о которых в свое время не распространялись. Враги социалистов — потому, что их не знали, а сами социалисты — потому, что не хотели огласки. В соглашении говорилось, что едут все желающие, независимо от их взглядов на войну. В их вагон не имеет права входить ни один германский чиновник или военный без разрешения Платтена. Никакого контроля, никакой проверки багажа — если русские и везут бомбы, они смогут воспользоваться ими лишь по ту сторону границы. Социалисты обязуются добыть в обмен за себя не-

сколько германских пленных... Последний пункт превращал соглашение в сделку скорее гуманного, чем политического характера. Был он лжив — никто не верил, что вот-вот из-за горизонта покажутся «пикельхельмы» германских собратьев!

Но германцы, соблазненные дьяволом революции, господином Ганецким, уверовали в то, что эти большевики скоро развалят русское государство — тогда можно будет взять украинские степи голыми руками.

Ганецкий не обманул. Прежде чем рухнуть, германская империя без всякой пользы для себя сожрала половину России.

Переговоры шли в Берне, а большинство эмигрантов обитало в более добром, уютном Цюрихе. Когда из Берлина телеграфировали, что протокол подписан, Владимир Ильич бросился в комнату, начал кидать в чемодан вещи и говорить Надежде Константиновне:

— Первым же поездом! Посмотри расписание, когда ближайший поезд на Берн.

До ближайшего поезда оставалось всего два часа.

— Поезжай один, я приеду завтра, — уговаривала Владимира Ильича Крупская. Но он был неумолим — он требовал совместного отъезда и, как всегда, победил. За час сорок три минуты Ульяновы сложили книги и нехитрое имущество, уничтожили все компрометирующие письма. Переоделись. Владимир Ильич сбегал в библиотеку и по дороге даже успел купить библиотекарше небольшой букетик тюльпанов, не пожалев на это трех минут и двух почти последних франков. Надежда Константиновна за это время расплатилась с хозяином Камерером, вместе с ним проверила, все ли в порядке в оставляемой квартире, снесла вниз часть вещей — остальные стащил сам Владимир Ильич, а потом побежал искать извозчика.

Первым же поездом Ульяновы успели в Берн. Там, в Народном доме, уже собрались их друзья и знакомые — Зиновьевы, Усиевичи, нервная и привлекательная Инесса Арманд, буйный Мартов, упрямый Дан, Ольга Равич, Харитонов, Розенблюм, Абрамович из Шо-де-Фон и просто Абрамович, Бойцов, Миха Цхакая, Сокольников, Радек — светила социалистической мысли, бунтари, заговорщики, мечтатели... Всего их было тридцать человек, если не считать четырехлетнего кудрявого сына одной женщины, принадлежавшей к еврейской партии Бунд. Мальчика звали Робертом, он полюбил Сокольникова и больше никого не хотел слушаться.

Вагон был первого класса: к русским социалистам немцы

приставили хороших поваров, которые кормили сытно, как мало кто из них питался в последнее время.

— Это тебе, Ильич, не глухонемой швед, — смеялся Зиновьев, который знал о несбывшихся планах Владимира Ильича поехать через Германию под видом глухонемого скандинава.

И Ленин согласился, что тот, отвергнутый, план был авантюрен — любая случайность, проговорка, ошибка могли привести к аресту. А вдруг Ильича приняли бы за английского шпиона?

Все смеялись над такой возможностью, и Радек даже нарисовал карикатуру — на фоне Кельнского собора два дюжих немецких агента ведут согбенного Ленина в тюрьму, а на груди у него табличка: «Агент коварного Альбиона».

Ленин подолгу стоял у окна. На чистеньких перронах небольших станций, возле чистеньких домов столь милой его сердцу Германии были видны только старики или инвалиды — война уже подскребла последние остатки мужчин. Даже в полях трудились женщины и дети, Германия была близка к концу своих сил, своего терпения, и Ленин, не зная еще, что ждет его дома, начал размышлять о революции в Германии — революция легче всего поднимается именно там, где терпение народа находится на крайнем пределе.

31 марта тридцать товарищей были в Стокгольме. Это была нейтральная земля — главная и самая опасная часть путешествия была завершена. До России оставался буквально один шаг. В Стокгольме русских товарищей встретили шведские коллеги.

Их привели в зал, украшенный красными знаменами. Там состоялся небольшой митинг, респектабельный и соответствующий характеру аудитории и гостей.

Некоторое время, пока Петроград и Стокгольм обменивались телеграммами, эмигранты томились в Швеции. Временное правительство не пожелало впустить в Россию двух человек из тридцати. Въезд был запрещен Платтену и Радеку как иностранным подданным.

Потом была Финляндия — родные, шатучие, старенькие, пропахшие потом, водкой, колбасой вагоны третьего класса. Так закончилось воскресенье, 2 апреля, начало пасхальной недели. Солдаты, ехавшие в вагоне, угощали мальчика Роберта куличом.

Миновали Выборг — до Питера оставалось несколько часов. Вагон заполнился народом, большей частью солдатами и мешочниками. За окнами, на платформах финских станций, стояли безоружные русские солдаты — видно было, что армия рассыпается.

Усиевич высунулся в окно и закричал:

— Да здравствует мировая революция!

Солдаты на перроне не успели сообразить, что кричит этот странный барин, и проводили его удивленными взглядами. Владимир Ильич сцепился с бледным поручиком, сторонником войны до победного конца. Они так громко и горячо спорили, что вокруг собралась толпа солдат и мешочников — всем хотелось послушать ученых людей.

На этот раз не было ни повара, ни официантов — хорошо, что в Стокгольме шведские социалисты снабдили товарищей колбасой, булками и другим, давно не виданным в России провиантом. Эмигранты разделились на группы и уничтожали припасы. Вагон наполнился дразнящим ароматом иностранной пищи, что отделило эмигрантов от своих, местных.

К Териокам успели подчистить все, собрали вещи и прилипли к окнам — шли дачные места, многие здесь когда-то жили летом, купались в чистой Маркизовой луже и рыбачили. Дачи в Куоккале выглядывали из-за заслонов сосен — вокруг них не было заборов — только полоски дикого камня.

Перед станцией Белоостров рельсы разбежались. Там, на платформе, стояла кучка людей в пальто и шляпах — с залива дул свежий ветер, они ждали давно и сильно замерзли.

Было уже темно, Мария Ильинична бегала вдоль состава, выкрикивая: «Володя! Володя! Где Ульянов, товарищи?» Усиевич закричал из окна:

— Мы здесь! Идите сюда!

Вагоны были не освещены, и люди угадывали друг друга только по голосам.

Встречающие влезли в поезд и прошли в нужный вагон. Ильич выбежал к переходному тамбуру и обнял сестру. Он прослезился. Все были рады — трудно было поверить, что товарищи смогли прорваться сквозь страшные опасности путешествия через Германию.

— Трудно поверить! — восклицал Шляпников.

— Нас арестуют? — тихо спросил Владимир Ильич, увлекая сестру в сторону, в пустой закуток кондуктора. — Нас обязательно арестуют.

— Не думаю, — авторитетно ответила Мария Ильинична.

Шел к концу понедельник, 3 апреля. На площади перед Финляндским вокзалом собралось немало народа: революция испытывала острый дефицит в лидерах — слишком быстро они возвышались и бывали низвергнуты толпой, готовой к эйфории и разочарованиям. На этот раз приехали самые настоящие, самые непримиримые вожди — Мартов, Ульянов, Зиновьев, Цхакая и другие, согласившиеся на долгое изгнание, но отказавшиеся от компромисса с царским режимом.

Когда поезд медленно остановился, почти упершись трубой паровоза в белое с желтым железнодорожно-готическое двухэтажное строение вокзала, солдаты и мешочники из первых вагонов устремились вперед и буквально смели депутацию, которая пришла встречать коллег.

Лишь когда толпа схлынула, большевик Чугунов, знавший Ленина по школе в Лонжюмо, отыскал Владимира Ильича, окруженного товарищами по путешествию.

Он начал совать ему в руки картонную книжечку, и Ульянов, не сообразив, отталкивал книжечку, полагая, что от него требуют автограф.

— Разрешите! — закричал Чугунов, так что люди вокруг замолчали. — Разрешите вам, товарищ Ульянов, вручить партийный билет Выборгской организации нашей партии под номером шестьсот! Шестьсот! — повторил он. — Шестьсот, — словно эта цифра имела магическое значение.

В зале вокзала, куда ввалились шумной, веселой, гудящей толпой приезжие, было пусто. У дверей уже стояли караулы. Некоторые из эмигрантов почувствовали холодок в груди — это было похоже на арест.

Но из небольшой группы людей в центре плохо освещенного зала отделился господин в черном пальто с бархатным воротником. Он снял котелок и пошел навстречу приехавшим.

— Я рад приветствовать возвращение на родину наших признанных борцов за свободу! — хрипло воскликнул он. В речи оратора чувствовался кавказский акцент.

Речь председателя Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов грузинского социалиста Чхеидзе была короткой и соответствовала моменту. Ленин, который не выносил Чхеидзе со времен партийного раскола, вертел головой, отмечая все мелочи, столь привычные уже петроградцам, но новые, на его цепкий взгляд. И то, что караул был вооружен и хорошо одет, но без погон, и то, что женщины в Петрограде следят за европейской модой, и то, как осунулся и постарел Чхеидзе...

— Что там, на площади? — обернулся Ленин к Чугунову. — Вы собрали людей?

— Там несколько сотен человек.

— Говорить буду я.

— Но не все пришли встречать вас, — ответил наивный Чугунов, который не сделает карьеры в партии и государстве. — Здесь же сам Мартов!

Ленин покосился на Мартова, который уже мотал седеющей гривой, ожидая, когда сможет достойно и красиво ответить на приветствие Чхеидзе.

— Спасибо! — громко сказал Ульянов, как только Чхеидзе закончил речь. Он протянул ему руку. — Еще раз спасибо.

Торжество Мартова было скомкано. И еще более скомкано, когда Ленин сказал:

— Дела партийные и советские никуда не денутся. А нас ждет народ.

Он показал вперед, на арку, ведущую из вокзала на площадь.

Это было совершенно не по-товарищески по отношению к Чхеидзе, который поздно вечером, не жалея своего времени, приехал встречать эмигрантов, это было не по-товарищески по отношению к остальным эмигрантам, не менее известным в народе, чем Ульянов. Но пора женевских и цюрихских дискуссий кончилась. Все как дети, повторил мысленно Ленин полюбившийся глупый стишок из эсеровской газеты, все как дети, день так розов, ночи нет...

Широкими быстрыми шагами Ленин пересек зал — один по гулким плитам, — вышел, сопровождаемый догнавшими его большевиками, на ступени вокзала, — морской прожектор, привезенный из Кронштадта, ударил ему в лицо, и фигурки на ступенях вокзала приобрели особое, высвеченное значение.

— Выше! — сказал Ленин. — Я не могу говорить отсюда — меня не видно.

— Мы приготовили автомобиль, — сказал Чугунов. — Товарищ Керенский всегда выступает с автомобиля.

— Чепуха. Автомобиль недостаточно высок, — сказал Ленин. — Это чей броневик? Не враждебный?

— Прислан Советом для охраны, — сказал Чугунов.

— Вот оттуда я и скажу речь!

— Ну что вы, Владимир Ильич, вы же ушибетесь, — сказал Чугунов.

— Володя, ты обязательно упадешь, — сказала Мария Ильинична.

— Пускай говорит Сокольников. Он моложе и крепче, — сказала Инесса Арманд.

Владимир Ильич только отмахнулся от них. Все они — друзья, родственники, близкие люди — оставались еще во вчерашнем

дне — в эмиграции, в пути, в теоретических дебатах. Лишь Ленин увидел в темной, уставшей от ожидания, но ждущей все же толпе ту силу, которую только он может схватить и держать в кулаке, — тогда он непобедим. Разожмешь кулак на минуту — она вырвется и сожрет тебя. И это понимание, это чувство толпы делало его сильнее всех, кто окружал его или противостоял ему.

И когда Ленин полез на броневик, ему стали помогать — в нем была сила. И он сказал свою речь!

* * *

Совсем уж ночью Ленин побывал в особняке любовницы Великих князей, очаровательной коренастой балерины Кшесинской, где располагался штаб его партии. Ему принесли чаю в чашке, которой столь недавно касались пальцы любовника балерины. Здесь собрались функционеры партии, некоторые ворчали — слишком поздно. Они еще не привыкли к тому, что революция не знает времени суток.

Рано утром, переночевав у сестры, а вернее, проведя остаток ночи за разговорами, Ленин, сопровождаемый женой и Марией, поехал на Волково кладбище.

Там он стоял, ежился, ни с кем не говорил, ни на кого не смотрел — перед могилами мамы и сестры Оли. Родные умерли без него — он не смог даже проститься с ними, и, как человек буржуазный, твердых семейных устоев, Ленин чувствовал себя глубоко виноватым перед мамой и Оленькой. Он не пытался безмолвно оправдываться перед ними, но скорбел о нелепости жизни, которая разрывает связи между самыми родными и доверчиво близкими людьми. И он искренне жалел, что мама так и не смогла дожить до этих дней — и не смогла оказаться на исчерченной лучами прожекторов площади перед Финляндским вокзалом, где он смело выхватил всю честь и славу встречи у своих соперников. Мамочка умерла, удрученная и униженная хождениями по равнодушным и тупым высоким инстанциям, умоляя за жизнь брата, потом за его, Володину, свободу... Она бы еще жила и жила, если бы не эти Романовы, если бы не гнусная машина, созданная ими, если бы не отвратительная азиатчина России. Сегодня ночью, стоя на броневике и видя под собой запрокинутые синие во тьме лица сотен людей, он понял, что сделал еще один шаг к отмщению.

— Спи, мама, — прошептал Владимир Ильич, — спи, Оленька.

Он высморкался и медленно пошел с кладбища. Надя догнала

его, взяла под руку. С другой стороны шла Маша. И так случился миг, когда никто более не нужен, когда мир смыкается.

Извозчик ждал у ворот — вчера Мария Ильинична передала Володе небольшую сумму из партийной кассы, и они смогли позволить себе раскатывать на извозчике.

Владимир Ильич помог взобраться в пролетку жене и сестре, потом уселся сам.

— Это тебе не броневик, — пошутила Мария, и Владимир Ильич не рассердился, а рассеянно улыбнулся.

— Куда ехать, барин? — спросил извозчик.

— На Херсонскую? — Ленин сомневался, правильно ли он помнит адрес Бонч-Бруевича.

— Херсонская, три, — сказала Мария Ильинична.

* * *

Вынырнув из потока времени, Андрей очутился в том же узком проходе между зданием комендатуры и высоким каменным забором. Дул страшный ветер, стонали и хрипели почти невидимые в рассветной мгле деревья. Окна везде были потушены, и такое было ощущение, что во всем городе — ни души.

«Может, и к лучшему, — подумал Андрей, — что я очутился здесь на рассвете, — по крайней мере есть время осмотреться».

И тут же его охватило беспокойство за Лидочку — как она там, плывет ли еще в потоке времени или уже ждет на набережной?

Стоять на месте было холодно, да и нетерпение не давало оставаться недвижным. Андрей поднял воротник студенческой тужурки — стало чуть теплее — и осторожно пошел в сторону судебного здания. Во дворе он остановился, глядя на темные окна второго этажа и выискивая глазами кабинет Вревского. Не преуспев в этом, Андрей обогнул здание суда и через полуоткрытые ворота вышел на улицу.

Там было темно — единственный в поле зрения фонарь на перекрестке. Второй, тусклый, в разбитом колпаке, еле светил над входом в суд. Прибитая к двери белая картонка привлекла внимание Андрея. Ему с чего-то вдруг показалось, что это — объявление о поиске и вознаграждении за его голову. Факт того, что он отсутствовал на этом свете более двух лет, не вмещался в сознание.

Кривыми буквами на картонке было выведено:

ЯЛТИНСКИЙ ГОРОДСКОЙ СОВЕТЪ
СОЛДАТСКИХ И РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВЪ

Картонка частично закрывала стеклянную вывеску «Городской суд», угол которой был отбит.

Во всем в этом была несуразность — кто посмел разбить вывеску, кто посмел наклеить на нее какую-то нелепую картонку о «совете»? Кто с кем советуется? Рабочие с солдатами?

Порыв ветра с моря заставил Андрея поежиться — где же спрятаться? Он пошевелил пальцами в карманах и понял, что у него нет с собой ни копейки, ни бумажки — ничего. Все отобрано при обыске, когда его сажали в камеру. Он как бы не существует. Не ко Вревскому же идти с жалобой — отдайте мой студенческий билет и двадцать рублей, что были в него вложены!

Под утро каждый город являет собой наиболее пустынное зрелище. Даже припозднившиеся гуляки уже добрались до дому. А первые дворники и торговцы, что съезжаются на базар, еще не поднялись.

Андрей быстро пошел вниз к набережной, припрыгивая, чтобы согреться. Никто не встретился ему. Постепенно светало.

Глупость положения заключалась в том, что Андрей не мог сунуться даже в ночлежку, потому что у него не было ни гроша.

Андрей пошел быстрым шагом, хотя быстрый шаг не согревал — ветер выдувал все тепло, что набирало тело от движения, надеясь отыскать какую-нибудь шаланду или пароходик, где можно спрятаться. Опыта у Андрея по этой части никакого не было, а холод мешал сосредоточиться и придумать выход. Может быть, отправиться в полицейский участок и заявить, что тебя обокрали? Ты студент из Петрограда, приехал на лечение и вот — такая незадача — ни копейки... Пока будут разбираться, можно выспаться. В плане обнаружился недостаток: в разгар этого душещипательного разговора открывается дверь, и входит Вревский, впрочем, достаточно одного из полицейских, которые знают Берестова в лицо. Нет, план этот слишком рискованный. Попасть в тюрьму, из которой с такими приключениями убежал, может лишь существо весьма глупое.

Набережная была пуста. Здесь было светлее, чем в городе. Можно гасить фонари.

Андрей пошел еще быстрее, чтобы не думать о пронизывающем ветре, и тут впереди увидел выходящих на набережную трех солдат — все трое с винтовками за плечами. Андрей еще толком не разглядел их, но уже всей шкурой почувствовал — это патруль. Патрулю холодно и скучно, и он, конечно же, остановит студента.

Андрей тут же свернул в дверь — дверь была не заперта. За ней был черный неосвещенный вестибюль. А куда дальше — неиз-

вестно. Андрей нащупал рукой правую стену и пошел вдоль нее, ощущая пальцами шершавость масляной краски. Вот впадина, ниша — это еще одна дверь, дверь заперта. Снова стена...

Сзади хлопнула входная дверь.

— Эй, где ты? — послышалось оттуда. Значит, они увидели, куда он скрылся.

Сзади загорелся ручной фонарь.

В эти мгновения руки и ноги Андрея действовали самостоятельно, как у зайца, которого со всех сторон обложили волки.

Андрей забрался под лестницу, в тесное пространство, куда хозяева или жильцы дома втискивали, по русскому обычаю, то, что уже никогда никому не пригодится, а выкидывать жалко; там стояли старые сундуки с тряпьем.

Солдаты потоптались у входа, водя лучом фонаря по подъезду, не уверенные, безвреден беглец или крайне опасен и вот-вот выстрелит из револьвера. В конце концов осторожность победила, и патруль ушел, а Андрей понял, что не было бы счастья, да несчастье помогло. Он оказался загнан в сухое, относительно теплое место, и, устроив гнездо в тряпках, Андрей проспал часа три до тех пор, пока начавшийся день не заставил многочисленных и шумных жильцов этого подъезда выскочить на лестницу и начать беготню и свары над головой Андрея. Андрей вылез из-под лестницы и тут же столкнулся нос к носу с юной девушкой, которая шла с ведром воды. Девица вылила ведро ему под ноги и завопила, словно увидела дракона.

Когда же Андрей, подгоняемый криком, вылетел из подъезда и, движимый инстинктом самосохранения, нырнул в подворотню, он встретился с двумя грузчиками, что несли громадное зеркало в резной раме. Андрея они не заметили, зато он целую секунду мог глазеть на себя. Он не закричал и не убежал подобно той пугливой девице, потому что был смелым и выдержанным мужчиной. Он попытался вжаться в стенку, чтобы его не заметило страшное ночное существо, вурдалак, покрытый густым слоем паутины, тянувшейся за ним белыми кисейными хвостами, лестничной пылью, скрывавшей черты лица и руки, с волосами, стоявшими вертикально и цветом своим и общим видом схожими с громадным куском пакли.

Андрей в ужасе зажмурился, а когда через секунду открыл глаза вновь, то грузчики с зеркалом уже миновали его, и Андрею ничего не оставалось, как поверить в то, что чудовище — не кто иной, как он сам.

Андрей кинулся следом за грузчиками, которые уже внесли

зеркало в черный ход гостиницы «Мариано» — там было в тот момент пустынно. Андрей огляделся и, на счастье, увидал то, о чем и мечтать не смел, — туалетную комнату для служебного персонала гостиницы, не только с писсуаром, но и умывальником, возле которого висело вафельное полотенце и лежал обмылок.

С помощью этих предметов, а также расчески Андрей за какие-нибудь две минуты смог привести себя в видимость порядка и, когда вышел вновь во двор, вдруг сообразил, что светит солнце, стало тепло и жизнь замечательна, но зверски хочется жрать.

Несмотря на мытье и чистку, Андрей все равно выглядел сомнительно, и гулять по набережной ему не следовало. Проблемы еды, убежища, тепла оставались — даже газету купить было не на что. Правда, с газетой тут же образовалось — он увидел край газеты, торчащий из урны, и вытащил ее, подумав, как быстро человек, становясь нищим, теряет обычную стеснительность, ограничивающую жизнь добропорядочного обывателя. Сколько раз Андрею приходилось удивляться тому, как нагло ведут себя босяки, а сейчас он понял, что куда ближе к бродягам, чем к законопослушным ялтинцам.

Газета от 17 апреля 1917 года, судя по бумаге, была относительно свежей — только неясно, вчерашней или ранее. Дело в том, что урна в сквере была туго набита мусором, мусор даже вываливался из нее. Значит, и на самом деле произошли пертурбации, так как при пертурбациях у нас первым делом перестают убирать улицы.

Характер пертурбаций, название которым было «революция», Андрей вскоре извлек из газеты, которая сообщала о дебатах в Петроградском Совете, решениях Временного правительства, приезде в столицу вождей эсдеков Мартова и Ульянова, о митинге у Финляндского вокзала. Тут же следовал комментарий редактора «Таврии», в котором тот убедительно доказывал, что Ульянов и его присные были пропущены через Германию германским правительством, потому что они существуют на немецкие деньги для того, чтоб разорить Россию, а затем передать ее немцам. Но самое ужасное: война еще продолжалась и военные действия происходили как во Франции, так и в Прибалтике.

Миллионы человек сидели в окопах, погибали, страдали от ран, мучились простудой и вшами. О судьбе Николая и царского семейства в газете не сообщалось — так что Андрей не знал, жив ли император или, может быть, его уже обезглавили, как гражданина Людовика Капета.

Странно это было — только вчера Андрей жил, вернее, сидел

в тюрьме, в государстве невероятно прочном, тысячелетнем, как Рим, и вечном. Убегая от Вревского, Андрей с Лидочкой вовсе не думали, что такое государство может рухнуть или в нем может произойти настоящая революция.

И вот нет этого вечного государства...

А Андрей, не изменившись, не проживши более дня, оказался вовсе в иной эпохе. Теперь он должен найти здесь Лидочку и попытаться с ней вместе начать какую-то жизнь. Но как искать, если... И только тут Андрей осознал весь ужас события: ведь она, вернее всего, уже год как здесь! И совсем одна! Андрей опоздал на год! Собирался прыгнуть на два года вперед...

Об этом Андрей подумал, уже стоя на набережной так, чтобы держать в виду древний платан. Дерево еще только распускалось. Листья, легкие, изрезанные, были нежного, салатного цвета.

Андрей понял, что офицеры, идущие по набережной — видно, большей частью выздоравливающие из госпиталей, — выглядели необычно и бедно.

Потом он сообразил: офицеры были без погон. Погоны были сняты совсем недавно, даже материя на плечах мундиров и шинелей была темнее.

Революция.

Солдаты не отдавали офицерам чести — это тоже понимаешь не сразу. Сначала чувствуешь неладное, потом решаешь, что солдат просто задумался и сейчас получит выговор. Но офицер отворачивается, морщится, делает вид, что ничего не произошло, что так и надо.

...Лидочка стольким рисковала, пронося табакерку для Андрея! Но почему ты думаешь, что она решилась последовать твоему примеру?

Ведь в плавании по времени есть одна особенность — его можно отложить. Отложить на любой срок. Потому что жалко оставить папу и маму, жалко расстаться с друзьями, которых, может, и не увидишь через два или три года. Всякое бывает. Почему ты должен плыть один, в неизвестности, во тьме, когда это же путешествие можно совершить со своими близкими и друзьями. Что могло заставить Лидочку кинуть все, чтобы не расставаться с Андрюшей? И имеет ли он, Андрей, моральное право требовать от другого человека подобной преданности? Да, проще всего представить себе, что Лидочка решит ждать Андрея в нормальной скорости бытия. И так прошел год, второй — и природа взяла свое. Лидочка встретила другого человека, может быть, более достойного, чем неудавшийся студент и уголовный преступник.

И вышла за него замуж. И не исключено, что Андрюша сейчас увидит Лидочку на набережной — один ребенок в коляске, второй семенит, держась ручонкой за край юбки. А рядом выхаживает следователь Вревский... нет, это слишком гадко — Лидочка не пойдет на такое. Рядом идет Коля Беккер — вот это вполне возможно!

Незаметно для себя Андрей начал сердиться на Лидочку, словно она уже совершила все те поступки, которые Андрей ей приписал. Он уже ревновал ее к Коле Беккеру. Тут он себя оборвал — нельзя же так плохо думать о людях!

Свернув газету в трубочку, Андрей смело пошел по набережной, не зная, куда идет, и забыв о безопасности, — в голове было пусто и легко, — и это ощущение, вернее всего, проистекало от голода.

Разумеется, у платана Лидочки не было. В любом варианте ее не могло там быть. Сейчас еще утро — в такое время не ходят на свидания.

Андрей решил было пойти домой к Иваницким. Пускай Лидочка все сама расскажет. Он пошел к армянской церкви, но тут же спохватился, сообразил, что если Лидочка последовала за ним и ее еще нет в Ялте, — каким он покажется ее родителям? Конечно, самое разумное сейчас поехать в Симферополь к Марии Павловне, но нищему до Симферополя далеко, как до Луны.

* * *

Утро превращалось в теплый ветреный день, такой весенний, что хотелось сходить с ума, бегать за собаками, прыгать с обрыва вниз... Делать все, что нельзя. Наверное, все настоящие революции должны происходить только весной. Рожденные в такие дни, они вызваны к жизни добрыми, животворящими чувствами. К чему хорошему может привести революция, происшедшая посреди лета в самую жару, как во Франции в 1789 году? Допустима ли революция осенью, в ноябре, когда идет дождь или дождь со снегом и мокрые листья превращаются под ногами в слизь? Такая революция вызовет к жизни людей угрюмых, готовых угнетать своих ближних — только чтобы удержаться на своих холодных сумеречных тронах. Нет, осенняя революция немыслима! А что касается русской революции, начавшейся на переломе к марту, можно сказать только, что она поспешила, ей бы подождать, пока кончатся ночные заморозки и прилетят певчие птицы.

А то в ней останется внутренняя зябкость и неустроенность для бездомных людей.

Размышляя так, Андрей взбирался в гору. Позади остались парки, примыкающие к набережной, виллы, что скрываются среди кипарисов и чье присутствие выдают лишь каменные ворота в стиле модерн. Остались позади и улички двухэтажных каменных домиков с шумными внутренними дворами либо маленькие пансионаты, которые растянулись на сотни миль по всем берегам Черного и Средиземного морей — от Батуми до Гибралтара, где утром горстка небогатых постояльцев встречается за скучным завтраком, а вечером за невкусным обедом. И ночью, обнимая своего возлюбленного, подруга горячо шепчет ему на ухо: «Уедем! Уедем немедленно из этой дыры! Здесь больше существовать нельзя!»

Выше пошли улички татарских домов, без окон наружу — за дувалами, сложенными из камня. Над дувалами видны вершины фруктовых деревьев, а порой через каменную изгородь свесится виноградная, пока еще даже без листьев, лоза.

Андрей долго не мог отыскать нужный дом, хотя, казалось, дорога к нему два дня назад была проста — ведь никуда не сворачивали. Потом остановился в гнутом, без окон и домов, переулке, словно в траншее, пробитой каким-то землеройным насекомым, и постарался сообразить — ведь был он здесь два с половиной года назад, осенью, вечером. Представь, голубчик, как это могло выглядеть осенним вечером?

Деревянная калитка в доме, к которому направился после некоторого раздумья Андрей, открылась, будто его там ждали.

В калитке стоял, почесывая босыми пальцами одной ноги икру другой, юноша — Андрей сразу его узнал: ведь видел его подростком всего два дня назад. Это был ялтинский родственник Ахмета, который приносил им тогда фрукты и напиток.

— Добрый день, — сказал Андрей.

— Добрый день, — как эхо, только тоном выше, подхватил юноша.

— Я ищу Ахмета Керимова, — сказал Андрей.

Юноша ничего не ответил, а отвел взгляд в сторону, будто его заинтересовали голуби, опустившиеся на забор.

— Вы меня слышите? — сказал Андрей. — Я ищу моего друга, Ахмета Керимова. Я друг Ахмета Керимова. — Андрей готов был говорить по складам, чтобы вбить слова в упрямую голову юноши. — Мне нужно видеть Ахмета. У меня к нему важное дело.

— Что такое? — раздался голос из глубины двора. Спрашивали по-татарски. Андрей отлично понимал и говорил по-татарски. Как и Коля Беккер. Татары в Ялте были глубоко убеждены, что русские их языка не знают — то ли не способны, то ли им не дал такого счастья Аллах. И им странно даже допустить, что в том же Симферополе татары и русские, одинаково небогатые, живут рядом в одинаковых скромных домах и вместе играют и учатся. Ведь на Южном берегу Крыма русские — это большей частью отдыхающие или болезненные люди. И их дети, конечно же, не играют с татарами.

— Тут пришел человек, — ответил юноша.

— Зачем пришел?

— Хочет видеть дядю.

— Откуда пришел?

Рядом с юношей в проеме показался пожилой татарин, который щелкал орешки. Его лицо тоже было знакомо Андрею. Он холодно смотрел на Андрея, который поклонился ему.

— Простите, — сказал Андрей все так же по-русски. — Я был в этом доме давно, осенью четырнадцатого года. Мы приезжали сюда, к Ахмету. Ахмет мой друг. Потом приехала полиция, нас схватили и увезли. Но Ахмет убежал. Вы помните?

— А что тебе нужно? — лениво спросил пожилой татарин.

— Мне нужен Ахмет Керимов.

— Я не знаю такого человека, — сказал пожилой татарин. Но калитку они не закрывали. Хотели послушать, что еще скажет Андрей.

— Я убежал из полиции, — сказал Андрей. — Я давний друг Ахмета. Я был у него в доме в Симферополе.

— Странный человек, — сказал юноша по-татарски, глядя мимо Андрея. — Ему сказали, а он не понимает. Это нехорошо.

— Вы мне не доверяете, — сказал Андрей. — Может быть, вы правы. Но тогда позвольте мне написать письмо для Ахмета. Когда он придет к вам, вы дадите ему мое письмо.

— Я не знаю Ахмета, — сказал пожилой татарин.

— Но вы возьмете мое письмо?

— Я не возьму письмо, — сказал татарин и ушел внутрь двора.

— У вас есть бумага и карандаш? — спросил Андрей.

— Откуда в нашем бедном доме карандаш и бумага? — спросил юноша.

— К сожалению, у меня сейчас нет денег, — сказал Андрей. — Дайте мне взаймы лист бумаги. Потом я верну.

— Пускай пишет, — донесся голос изнутри. — Проведи его на айван, пускай пишет.

Андрей тут же сделал движение вперед и этим удивил юношу.

— Ты куда? — спросил тот.

— Я хочу пройти на айван, — сказал Андрей по-татарски, — чтобы ты принес мне карандаш и бумагу и я написал письмо твоему дяде Ахмету.

— Что? — Юноша был потрясен.

— Сколько тебе говорить? — Андрей отстранил его.

Юноша молча шел следом.

На галерее Андрей увидел низкий столик. Женщины, что выбивали ковры, быстро ушли со двора, прикрывая лица платками, но смотрели на Андрея заинтересованно и весело. Он отметил, что внутрь дома его не пригласили.

Пожилой татарин встал в отдалении.

— Вы желаете есть? Или пить? — спросил он.

— Спасибо, я выпью катыш. — Андрей решил, что к кумысу принесут лепешку.

Он написал записку Ахмету. В ней сообщил, что приехал в Ялту. Ждет Лидочку. Хотел бы видеть Ахмета. Что он придет за ответом завтра.

Когда он кончил писать, юноша принес поднос с оловянным кувшином с кумысом и лепешку на тарелке.

Из-за занавески, прикрывавшей вход в дом, был слышен женский смех. Малыш на толстых, перетянутых ниточками ножках приковылял на веранду и замер в изумлении перед зрелищем настоящего чужого человека. Он протянул руку к блестящей пуговице на тужурке Андрея.

Андрей старался пить кумыс медленно, чтобы съесть побольше лепешки, не показавшись голодным, — из-за занавесок за ним наблюдали.

Пожилой татарин кончил читать записку, передал ее юноше, который унес ее в дом.

— Может быть, Ахмет завтра придет, — сказал пожилой татарин. — Может, не придет. Тебе есть где жить?

— Я еще не знаю, — сказал Андрей.

— Мы не можем оставить тебя здесь. За этим домом могут следить.

— Даже сейчас?

— Может быть. Тебе нужны деньги, эффенди?

— Я буду благодарен вам, — сказал Андрей.

Татарин протянул Андрею двадцать пять рублей. На устах императора Александра II блуждала загадочная улыбка.

— Я тебя помню, — сказал татарин. — Ты Берестов. Андрей. Ты убил своего отчима и его женщину.

— Это придумали. Я никого не убивал.

— Ахмет тоже так думает. Значит, я тоже так думаю. Завтра приходи вечером, когда темно, и не приведи за собой никого.

— Хорошо, — сказал Андрей.

* * *

Обретенная вера в человечество, подкрепленная кумысом, лепешкой и двадцатью пятью рублями, сразу изменила краски мира на куда более радужные. В конце концов, все складывается отлично. Татары узнали его и оказались людьми порядочными, и Ахмет, разумеется, скоро появится. Впрочем, при таких деньгах мы — миллионеры! Денег должно хватить до Симферополя — до тети Маруси.

Андрей понял: вот чего он хочет более всего — увидеть тетю, посидеть с ней за чаем в низенькой комнатке в Глухом переулке, а потом заснуть на своей железной койке с шарами на спинках, из которой он давно вырос, но так привык поджимать ноги, что поджимает их и на вольных диванах.

— Значит — в Симферополь! А пока хорошо бы взглянуть на дом Берестовых.

Андрей поднимался по улице к дому отчима, не таясь и, в общем, не опасаясь нежеланной встречи. Он был здесь чужой.

Осознание собственной чужеродности пришло не сразу — только сейчас, когда большая часть дня уже миновала.

В Андрее все более накапливалось реальное осознание прошедшего времени. Оно складывалось из малых деталей — из того, как вырос татарский мальчик, превратившийся за несколько минут в юношу, из того, как облупилась краска на новеньком вчера фасаде гостиницы «Крым», как изменились — сказочно и невероятно — газеты и те новости, что они сообщали. Как изменилось все — подчеркивая этим, что совсем не изменился Андрей. И не только осталась царапина на тыльной стороне кисти, не только не постарела кожа лица — не одряхлела одежда. Нельзя же носить студенческую тужурку два с половиной года и вовсе ее не износить! Нельзя же — Андрею даже стало на секунду смешно — не менять столько времени нижнего белья и не заметить такого конфуза. Люди вокруг за это время сменили множество носков и панталон. Все, за исключением Андрея Берестова. И, вернее всего, Лидии.

Почему человек, думал Андрей, карабкаясь в гору и отступая к каменной подпорной стенке, чтобы пропустить громоздкий грузовик — такого он в четырнадцатом году и не видал, — так привыкает к тому, что должно бы вызвать в его душе переворот. Почему он идет по городу Ялте уже после революции, как Рип Ван Винкль, проснувшийся после многолетнего сна, но не падает в обморок, а лишь отмечает, как счетовод: грузовик совсем другой, юбки стали по крайней мере на пядь короче, и непривычному к такому зрелищу Андрею хочется деликатно отвернуться от девицы, которая топает ему навстречу, заголив ноги почти до колен.

...А вот и дом Берестовых.

Вот кто изменился за эти годы — родной, несчастный, такой невезучий дом. В нем новый хозяин — интересно, у кого они купили этот дом? У Андрея Берестова — нет, он преступник, значит, у Марии Павловны — но ее могли и не признать наследницей, — может быть, виллу откупила Ялтинская управа? Впрочем, тебя, Андрей, это не касается.

Андрей остановился у невысокой каменной изгороди. Новый хозяин почему-то выкорчевал розарий и гибридные яблони — все свободное место он засадил виноградом: получилась целая плантация.

Андрею захотелось поглядеть на нового хозяина, который так глуп, что срубил яблони и розарий, давшие бы ему куда больший доход. Но хозяина он так и не увидел — зато во двор вышла хозяйка, очень толстая гречанка или армянка со множеством детей. Они суетились вокруг нее, как муравьи вокруг скарабея.

«А она спит в моей комнатке, — подумал Андрей, — а может, там спят сразу трое ее детишек? А что же они сделали с мебелью? Продали, вот что сделали!..»

Андрей, не оборачиваясь, пошел прочь от дома, расстроенный более чем когда-либо за этот день, потому что он воочию увидел, что сделало время с дорогим для него местом, — и тут же уколола злость на Лидочку — не утащила бы она его сюда, он, может быть, что-нибудь сделал бы с домом, спас его.

Ему не хотелось сейчас думать о том, что он сидел бы в тюрьме. Как можно думать о тюрьме, если ты идешь по весенней улице?

Несмотря на укол злости, а может, благодаря ему, Андрей вместо того, чтобы сразу идти к линейкам, вдруг побежал к армянской церкви. Чтобы случайно не встретить кого-нибудь из

Иваницких, он выбрал путь задами, к садику дома, где стоит беседка, в которой Лидочка с Хачиком когда-то ждали его.

Уже начало вечереть — весеннее солнце опустилось в пышную подушку облаков. Сразу похолодало. Андрей уверенно добрался до последнего забора и, прежде чем перелезть через него, заглянул внутрь. И увидел, что в окне Лидочки уже зажегся свет, — там мальчик, который поставил лампу на стол, склонился и что-то пишет. А в саду, приведенном в порядок и подметенном, бегают сразу трое мальчиков.

— Молодой человек, — окликнул одного из бегающих мальчиков Андрей.

Откликнулись сразу все — три схожие физиономии обратились к нему.

— Здесь Иваницкие живут? — спросил Андрей, показывая на второй этаж дома.

— Здесь мы живем, — строго сказал мальчик.

— А как ваша фамилия?

— Мы Гидасповы, — сказал старший мальчик.

— А где же Иваницкие? — спросил Андрей.

— А Иваницкие живут в Одессе.

— И давно они живут в Одессе?

— А мы не знаем, — взял на себя инициативу младший брат, — мы приехали, а они уже уехали.

— Так откуда же ты знаешь, что они в Одессе?

— Так все говорят! — обрадованно сообщил средний брат.

— И Лидочка?

— Кто?

— Дочка у них, Лидочка, — сказал Андрей, понимая, какую глупость он несет, — откуда детям знать про Лидочку.

— Нету у них дочки, — сообщил старший брат. — Утонула она. В море. Это страшная трагедия.

— Они покинули Ялту, чтобы не видеть этих страшных мест, — сказал младший.

И по словам, и по интонации Андрей понял, что мальчики буквально цитируют слова взрослых — те, что они слышали тысячу раз. Он так и представил себе: пришли очередные гости, садятся за самовар, а мама Гидаспова или папа Гидаспов говорят: «А знаете, кто жил здесь раньше? Нет? Это же удивительная, трагическая история! Страшная трагедия...»

— Спасибо, — сказал Андрей мальчикам. — Идите домой, а то замерзнете.

— А мы лучше знаем, — ответил строго старший.

* * *

На поездку в Симферополь пришлось выложить почти все деньги — только и осталось, чтобы перекусить на площади перед автобусом. Автобус вроде был тем же самым, что ходил здесь в начале войны, но был ободран и помят, словно приходился братом-неряхой пай-автобусу.

Автобус был набит. Настолько, что Андрей простоял до Алушты на одной ноге между сдвинутыми в бастион мешками и крепостными стенами чемоданов. И народ в автобусе изменился — куда-то делись отдыхающие, люди воспитанные, чисто одетые и в основном добродушные. Зато возникла и наполнила автобус малороссийская чернь, громкоголосая и агрессивная, появились и цепкие, голодные, ободранные жители грязных городков Донбасса и южной России.

Да и кондуктор за прошедшие годы приспособился к новым людям и новым нравам. Он ловко карабкался по баррикадам, кричал и ругался, как торговка на базаре.

Путешествие оказалось страшно утомительным, и, когда, уже в темноте, под мелким моросящим дождиком, добрались до Симферополя, Андрей оперся о стену дома, чтобы кровь снова потекла по венам. Последний час он даже сидел, но на одной его коленке разместилась половина бравого казака, а на второй — бидон с медом.

Отдышавшись, Андрей пошел к себе домой.

Вечер скрывал изменения в Симферополе, даже если они и были значительны. Тем более что фонарей на улицах осталось немного — в каждую революцию фонарям достается прежде всего.

Над губернаторским домом висели красные флаги, и у освещенного входа, несмотря на поздний час, стояли солдаты с винтовками.

К входу подъехал автомобиль с глядевшим назад пулеметом на заднем сиденье. В автомобиле рядом с шоффэром сидела некрасивая худая женщина с прямыми, коротко постриженными волосами. Она легко соскочила на тротуар. Женщина была в кавалерийской шинели, которая достигала земли, и полы ее развевались на ходу.

Показавшийся на пороге губернаторского дома пожилой сухой человек в пенсне сказал с прибалтийским акцентом:

— Товарищ Островская, это никуда не годится. Ни вас, ни мотора — с утра! Нам же выезжать!

— Товарищ Гавен! — залепетала Островская. — Я была в типографии. Вы же знаете ситуацию.

Они вошли вдвоем в дом, и солдат отдал им честь. Оживленно разговаривая, скрылись в здании.

Это был совсем другой мир — словно он, Андрюша, был французским матросом, ушедшим в плавание за год до Великой революции, и вернулся прямо на Гревскую площадь, чтобы увидать казнь Людовика и обнимающихся Дантона и Робеспьера.

Андрей остался бы здесь поглядеть на этот новый мир, но он так устал, что решил отложить знакомство с революцией на завтра. А сейчас объятия Марии Павловны — и спать, спать, спать...

Но здесь его постигло горькое разочарование.

Дом был заперт, причем замок даже проржавел. Андрей стучал, потом пытался сломать замок, но тщетно.

Он так обессилел, что, не добившись ничего, сел на каменную тумбу возле своих ворот. Там его и увидела Нина Беккер, которая возвращалась домой из Думы, где служила теперь машинисткой.

Она отпрянула, увидев черную фигуру, сидящую у соседних ворот, — чуть было не убежала. Но потом угадала Андрея.

— Андрей Сергеевич, — сказала она, — неужели это вы?

— Нина! Здравствуй. Что случилось? Где Мария Павловна?

— Пошли ко мне, — сказала Нина, — пошли скорее, ты же простудишься, тут очень холодно.

— Где тетя, скажи мне, в конце концов!

— Тети твоей нет, ты извини меня, но я ничем не могла помочь, я даже не знала. Она сразу умерла, очень легко, почти не мучилась, честное слово, Андрей Сергеевич.

— Какой я тебе Андрей Сергеевич! — вдруг озлился Андрей. — Мы с тобой одногодки были.

— Да, конечно, вы меня извините, Андрей Сергеевич, но прошло столько времени, столько лет...

— Да, конечно, — сказал Андрей. — Значит, моя тетя умерла?

— В прошлом году, Андрей Сергеевич.

— От сердца?

— У нее была грудная жаба. Но она совсем не мучилась.

— Спасибо. А где ключ? Или кто-то живет?

— Нет, что вы, никто не живет! А ключ знаете где? Ключ в бывшем полицейском участке. Это теперь государственная стража, милиция. Но вам туда нельзя ходить, пошли лучше к нам, я теперь совсем одна, я вас в Колиной комнате устрою и все расскажу. А второй ключ у меня есть. Мария Павловна будто знала, что вы зайдете.

И Андрей понял, что Нина права. Это был все же родной дом и Нина — родная душа.

Нина вскипятила воды, налила цинковую ванну, чтобы Андрей помылся с дороги. И он не отказался. А пока она готовила ванну, он пил чай за столом, накрытым ради его приезда белой застиранной скатертью, и закусывал чай сухим печеньем, хотя предпочел бы, чтобы Ниночка сварила ему котел картошки. И чай был скуден, и сухарики, и Нина была худа, бледна и бесцветна. А в доме все углы были темными, и в них таились тени вековой бедности и ожидания перемен. Именно здесь, слыша, но не слушая, как говорит, говорит, говорит Нина, Андрей вдруг глубоко, как никогда раньше, понял Колю Беккера, его постоянное стремление вырваться из этого мира пыльных привидений и летучих мышей, от которых остался только неслышный шум крыльев. Коля не мог убить этот мир, потому что он был частью его, и он носил его постоянно — а как трудно было поддерживать в белоснежной чистоте белый костюм и светлую улыбку, когда за ночь пыль разъедает и материю, и душу. Если бы Андрей попал сюда — всю жизнь посвятил бы, чтобы убежать и вытащить отсюда Нину... а получилось, что дом этот, как гиря, тянул назад и темные углы втягивали живых — маму, отца, пленили Нину и чуть было не заключили в камеру с паутинными решетками самого Колю, навсегда испуганного этим домом, ненавидящим его, как можно ненавидеть посланного небом идиота-сына, которого и убить нельзя, иначе кого же тогда любить?

— Андрюша, ты меня слушаешь?

— Слушаю, Нина, слушаю.

— Утром соседка постучалась в окно и видит — Мария Павловна лежит на кровати, не раздеваясь, — видно, прилегла на минутку. А лицо у нее такое спокойное и совершенно умиротворенное. Она не мучилась, а встретила смерть смиренно, как подобает христианке, и слышала пение ангелов...

Оказывается, когда Мария Павловна совсем разболелась и почувствовала, что ее смерть близка, она написала завещание, в котором передавала все свое небольшое имущество, а главное — дом, Андрею Берестову. И никто до его возвращения не должен был входить в дом или что-нибудь в нем менять. Завещание это было воспринято скептически, потому что никто не верил в возвращение Андрея. Но оспаривать его не стали — у тети не было других наследников, да и наследство ничего не стоило. Правда, ключ от дома пришлось передать в полицию, потому что Андрей

продолжал оставаться в бегах. Если он возвратится, то должен будет получить ключ в полицейском участке.

Потом Мария Павловна призвала к себе Нину и отдала ей вторые ключи от ворот и дома для Андрея, чтобы, вернувшись, Андрей мог без помощи полиции прийти в свой дом...

Нина достала ключи из нижнего ящика комода, где хранила их под бельем, но сейчас, когда уже стемнело, не было смысла идти к себе домой. Дом промерз за зиму, там холодно и темно. А свечу не зажжешь — сразу заметят соседи и могут позвать полицию. Так что визит домой лучше перенести на утро. На чем и порешили.

Нина рассказала, что Коля переехал в Севастополь, — оттуда он написал ей поздравление ко дню ангела, но обратного адреса не оставил, потому что находится на секретной службе. Андрей улыбнулся — он понял, что Коле просто не хотелось, чтобы Ниночка нагрянула к нему — наверное, он своим коллегам и товарищам рассказал, что его сестра — баронесса ослепительной красоты, а теперь не желал, чтобы объявилась эта баронесса в потертом мамином салопе.

Сидеть здесь весь вечер и слушать скучные рассказы Нины Андрей был не в силах. Он сказал, что пойдет погулять.

— Я с тобой, — сразу сказала Нина.

— Нет, — возразил Андрей. — Если меня кто-нибудь узнает, то придется убегать, а ты не умеешь бегать.

— Но мы погуляем здесь, подальше от центра.

— Именно в центре мне и хотелось побывать.

Нина замолчала. Ее никогда не приглашали гулять, она привыкла к этому, но все равно каждый раз обижалась.

— Шла бы ты в монастырь, — не очень деликатно сказал Андрей, натягивая тужурку. — Там и дело, и забота, и не скучно.

— Мне нельзя, — возразила Нина, — у меня хозяйство, дом. К тому же я замуж пойду. Я буду хорошей хозяйкой, не веришь?

— Верю.

Провожая, Нина умоляла Андрея, чтобы он не ходил темными переулками — там грабят. Она даже стала рассказывать, кого и когда ограбили, но Андрей уже не слушал.

Он оглянулся от угла — Нина стояла у ворот и смотрела ему вслед. Господи, подумал Андрей, до чего же ей одиноко!

Фонарей в городе стало втрое меньше, да и те, что были, горели плохо. Прохожих было мало — и только мужчины. На Пушкинской, у витрины — Андрей запомнил этот момент — ему

вдруг стало страшно в этом чужом обреченном городе, и он поспешил обратно.

Нина ждала его за калиткой. Вернее всего, она так и простояла за калиткой те полтора часа, что Андрей гулял. Увидав вопрос в глазах Андрея, она быстро сказала:

— Прости. Мне стало так скучно, что я вышла тебя встретить. Минуту назад.

Она шла рядом с ним, говоря монотонным высоким голосом:

— Знаешь, Андрюшенька, когда я обыкновенно живу, приду со службы и от усталости буквально валюсь — нарочно так, чтобы не скакать. А сегодня ты приехал и сидел, чай пил, а я поняла, что завтра ты уедешь, и такое одиночество на меня напало, ты просто не представляешь.

— Представляю, — искренне сказал Андрей. — Тебе замуж пора.

— Ох, кто меня возьмет, я же некрасивая, — сказала Ниночка. — Сам же мне монастырь предлагал. Я понимаю.

— Это неправда, — сказал Андрей почти убежденно, — для того чтобы выйти замуж, быть счастливой и сделать счастливым другого человека... — Андрей перевел дух, словно говорил с амвона перед онемевшей аудиторией старых дев, — не нужна яркая красота. А ты привлекательная и умеешь вести дом...

— Я всю жизнь мечтала о горничной, я ненавижу мыть пол. Кто мыл пол, тот никогда не станет богатым.

— Прекрати эти пустые речи! — сказал Андрей. — Я тебе даю слово, что ты еще найдешь свое счастье. Вот посмотри, я сам не такой уж красивый, а ведь не расстраиваюсь.

— Вот и возьми меня замуж, — сказала громко Нина, и после длинной неловкой паузы она покраснела, пальцами стала поправлять завязки пелерины и сказала: — Ты только не воображай, что я серьезно, я просто тебя поймала на лжи. Ты солгал мне.

— Нет, — сказал Андрей, — я не лгал. Но мое сердце обещано другой девушке. Я не могу ее обмануть.

— И где же она? — спросила Нина со злостью. С такой неожиданной злостью, что Андрей, не понимая, против кого она направлена, осекся. Потом сказал:

— Вот если у нас с ней не получится, я приеду к тебе и женюсь.

— Слово? — спросила Нина.

— Слово, — сказал Андрей.

Они вернулись в скрипучий паутинный дом.

Ниночка достала чистое белье и постелила Андрею в комнате

Коли. Они говорили о разных людях — больше о тех, кого уже нет, — так получилось, что вокруг обоих была пустота. Но если Андрей мог увидеть и понять одиночество Нины — оно было на виду, на глазах, то Нина многого не знала об Андрее. И разговаривала с ним как со старшим — а Андрей уже стал моложе ее.

Нина спала в маминой комнате.

Андрей сел на Колину кровать, узкую и скрипучую, и увидел, какой толстый слой пыли на письменном столе и какая густая паутина в углу комнаты. Он хотел было сказать Нине, что если ее и не возьмут замуж, то из-за этой паутины и пыли, но потом подумал — она обидится. Ведь она думает, что эта пыль и запущенность от бедности.

— Я хотела сдавать, — сказала Нина из-за перегородки — Андрей уже погасил лампу у себя, дверь в соседнюю комнату была открыта, и была видна длинная тень Нины, которая ходила там, раздевалась, что-то еще делала, порой заглядывала в комнату к Андрею. — Сейчас в Симферополе довольно много приезжих — с севера едут, тут теплее и сытнее, можно сдать, но как-то даже на вокзале предложила одной паре — милые такие люди, но им не понравилось: они сказали, что представляли все каким-то горным, южным, а здесь почти подвал. Больше я не сдавала, не предлагала. Впрочем, мне много не нужно — на хлеб хватает, и Бог с ним... — Последние слова звучали совсем уж по-старушечьи.

Андрей ничего не сказал.

— Ну что ж, будем спать, — промолвила Нина. Заскрипели пружины ее кровати. Потом, как шуршание бумаги, — ее шепот — она молилась.

За окном было синее небо и на нем — как нарисованная — луна. Точно такой же вид был и из его окна — окна их выходили в одну сторону.

«Вот сейчас в соседней комнате лежит девушка, которая мучается от того, что она одинока, и никто не хочет ее обнять, целовать, сделать женой. И может быть, она даже ждет, что я приду к ней, — ведь она оставила дверь открытой. А совсем недавно я сам мучился — я хотел, чтобы меня целовала Глаша, — и Глаши нет давным-давно. У меня еще не зажила царапина на пальце, а Глаша уже превратилась в прах».

Заскрипела кровать в соседней комнате.

— Ты не спишь, Андрюша? — спросила Нина.

Андрей не хотел было отвечать, а потом подумал, что этим он может обидеть Нину.

— Нет, не сплю, — сказал он.

— А какая она, твоя девушка? Я ее знаю? Она здешняя?

— Нет, она из Ялты.

— Коля мне говорил о ней?

— Может быть. — Андрей не стал спорить, но он знал, что Коля никогда не делился с сестрой своими тайнами. И относился к ней снисходительно, а порой и с презрением.

— Ты любишь ее как женщину или платонически?

— По-разному, — сказал Андрей. — Когда как...

— А вы были... вы были с ней близки?

— Нет, — сказал Андрей и удивился собственному ответу — об этом он не думал.

— Если ты был близок с другой девушкой, ты бы ей не изменил?

— Не знаю, — сказал Андрей.

Кровать Нины заскрипела резко, как будто она подпрыгнула на ней. Но тут же зашлепали шаги — оказывается, Нина пошла на кухню. И слышно было, как журчит вода, — она наливала себе из чайника.

— Ты хочешь пить? — спросила Нина громко.

— Спасибо.

— Так принести или нет?

— Спасибо, принеси.

Нина вошла, подобная привидению. Нечто белое, высокое, грациозно плывущее в воздухе, чуть касаясь земли.

Она была в одной рубашке. Волосы были распущены.

Луч лунного света, упавший на нее, высветил голубизну лица и ослепительно вспыхнул в стакане с водой.

Андрей привстал — неловко принимать от дамы воду лежа, если ты не болен, но, привстав, он замер, так как понял, что совсем обнажен и его движение может быть неправильно истолковано.

Нина присела на край кровати, и жидкие пружины сжались так, что Андрей съехал к краю, навалившись бедрами на Нину, но та словно не заметила этого и, наклонившись, подложила ладонь под затылок Андрея, приподняла его голову, чтобы удобнее было пить, — от этого движения висок Андрея коснулся ее груди — от Нины исходил такой жгучий жар, что Андрею почудилось: вода сейчас окажется горячей. Но вода была прохладной.

— Пей, — шептала Нина, — пей, мой милый...

И в шепоте было столько страсти, словно Андрей пил не воду, а амброзию, после чего должен кинуться в вакхические пляски...

Парадокс этой сцены был в том, что Андрей даже в горячей, шипучей темноте отлично знал, что на постели, прижимаясь к нему бедром и грудью, сидит сестра Коли, существо некрасивое, доброе и обделенное жизнью. Он отлично понимал, что Нина ждет от него ласки, что ей страшно и одиноко в этом пыльном паучьем доме, но Андрей не мог соответствовать ей.

— Ты напился? — спросила Нина.

— Спасибо.

Нина молчала. Андрей слышал, как она дышит, — легко, но часто, как собака, учуявшая хозяина.

— А ты Колю давно видела? — спросил Андрей.

— Он в Севастополе, — сказала Нина. — Он поступил во флот.

— Это очень интересно, — сонно сказал Андрей.

Он со вкусом потянулся в постели — пружины взвизгнули от такого насилия.

— Ну, спокойной ночи, — сказал он.

— Спокойной ночи, — печально сказала Нина.

Андрей стал уже засыпать. Завтра с утра надо пойти в свой дом, может быть, там есть какие-нибудь вести от тети Маруси или от Лидочки. Тетя Маруся с ее любовью к письмам наверняка оставила ему весточку. И Андрей даже знал — где. В правом ящике его письменного стола. Как всегда. Об этом только они с тетей Марусей знали... И что же, она больше не напишет?..

Мысли покатились куда-то с горки... Но тут кровать вздрогнула, Андрей чуть не свалился — так резко вскочила Нина.

— Я тебя ненавижу! — закричала она.

Андрей рывком сел на кровати, не совсем соображая, что произошло.

— За что? — глупо спросил он.

— Как ты смел... как ты смел захрапеть?

Нина рыдала в той комнате, но Андрей не решился ее утешать.

* * *

Когда Андрей проснулся, его взгляд упал на вершины тех же тополей, что росли и перед его окном. Но он спал не дома, а в комнате Коли Беккера, и ночью случилась глупая история с Ниной, и та на него обиделась. Наверное, она права, потому что, окажись на ее месте красивая девушка, он вел бы себя иначе.

Андрей спустил ноги на пол и встал, стараясь не шуметь.

Затем быстро оделся и прошел в большую комнату. Там было

пусто. Дверь в маленькую комнатку, где спала Нина, была открыта. Кровать ее измята, не убрана, но Нины не видно.

Андрей обошел весь домик — благо там негде было спрятаться. Никаких следов Нины. Какая-то тайна «Марии Целесты». Андрей прошел на кухню. Чайник был холодный. Часы с маятником в большой комнате прохрипели восемь раз. На вешалке в прихожей было несколько разных пальто, плащей, накидок различной степени ветхости.

Тогда Андрей пришел к выводу, что Нина побежала с утра на базар, чтобы что-нибудь купить гостю на завтрак. Неизвестно было, сколько ждать хозяйку, и Андрей, умывшись, решил, что, пока суд да дело, он сходит к себе. Он взял ключ со стола и натянул тужурку.

Выйдя из калитки, он посмотрел в обе стороны вдоль переулка, не желая, чтобы его увидели, — Бог его знает, какие указания дал Вревский на подобный случай. Переулок был пуст, заборы высоки, и вряд ли кто увидит его из окна.

Андрей вошел в калитку своего дворика. Здесь следовало быть осторожнее, потому что в этот же двор выходили окна соседнего дома. Но терять нечего — и Андрей быстро прошел к чуть покосившейся двери. Рука с трудом повернула ключ в заржавевшем замке. Андрей потянул дверь на себя, она нехотя открылась, и изнутри дома повеяло подвальным сырым холодом.

В прихожей было темно, и влажный холод отбил знакомый запах дома.

Андрей вошел в маленькую гостиную. Здесь было еще холоднее, чем в прихожей. Стол был без скатерти — темный и сырой, зеркало запотело — наверное, из-за того, что сквозь щели в окнах в зимний мертвый дом начал проникать весенний теплый воздух.

Вещей стало куда меньше — видно, многое из мелочей добрые соседки разобрали по домам. Андрей заглянул в комнату тети — ее кровать была аккуратно заправлена, но не так, как это делала тетя Маня. Андрею стало больно. Наверное, потому, что кровать — это самое свое. И если ее заправили не так, как привычно, значит, тебя уже нет окончательно.

Андрей стоял, глядел на тетину кровать и плакал. Он сам не замечал, что плачет. Он, наверное, лет пять уже не плакал. А тут заплакал. Только когда слеза покатилась по щеке и капнула на руку, Андрей понял, что плачет, и перестал плакать.

Надо взять с собой тетину фотографию — где же альбом? Вот он, под зеркалом в большом ящике вместе с девичьими дневниками тети, которые она вела лет сорок. Альбом распух от фото-

графий-визиток толстых дам и суровых чиновников, групповых и семейных снимков на картонных паспарту со множеством медалей на обороте над именем и адресом фотографа.

Андрею жаль было оставлять альбом здесь, в холоде и сиротстве. Но взять его с собой он не мог. Андрей перелистал его и отобрал две фотографии тети Мани — девичью и взрослую в пенсне, а также снимок матери, неудачный, расплывчатый. Почему-то мать не любила фотографироваться, или, может быть, фотографии ее остались у Сергея Серафимовича? Почему мы ни о чем не думаем вовремя? Где их теперь искать?

Была ли в альбоме фотография отца, Андрей не знал. Об отце в доме не говорили.

Закрыв альбом, Андрей хотел было положить его обратно, но тут из него выпала фотография-визитка Сергея Серафимовича, будто просила забрать и ее. На визитке Сергей Серафимович был куда благообразнее и глаже, чем в жизни.

Андрей огляделся и вдруг понял, что больше он сюда никогда не попадет. И тогда дом показался ему схожим с тонущим кораблем. И прежде чем волны времени поглотят его окончательно, требуется спасти с него самое необходимое.

Осознав это, Андрей поспешил в прихожую, вытащил с низких антресолей старый чемодан и, открыв его посреди комнаты, стал складывать в него вещи, которым нельзя было умирать.

Первым в чемодане оказался альбом, потом любимые тетины подсвечники, некоторые книги и старые тетрадки Андрея. Андрей открывал ящики столов и комода, он укладывал в чемодан, почти не глядя, лишь самое ценное — и чемодан распух так, что потом пришлось сесть на него, чтобы запереть.

Отдельно Андрей взял пакет, ожидавший его в нижнем правом ящике стола. На пакете было написано: «Андрюше в собственные руки». Там были письма от тети Маруси — она, оказывается, два года писала Андрюше, раз в неделю, глубоко убежденная, что Андрюшу, когда он вернется, будут интересовать новости Глухого переулка и некоторых других мест города Симферополя. Но о Лидочке в письмах не было ни слова. Лежали там немногочисленные «ценные бумаги» тети Маруси и облигации военного займа.

Там было завещание тети Маруси, завернутое и выправленное по всем правилам. По нему Андрей становился наследником всего ее имущества. И что трогательно, в пакете было новое портмоне, как бы напутствие молодому человеку, а также наличные деньги, более ста рублей пятерками и трешками, а в отдельном кармашке даже мелочь — все предусмотрела дорогая тетя.

* * *

Андрей не стал задерживаться в Симферополе. Лидочки здесь не было. Он отволок чемодан к Нине и оставил его с запиской — просьбой сохранить.

Обратно в Ялту Андрей поехал на извозчике с ночевкой в Бахчисарае.

К Ялте подъезжали в сумерках. Извозчик перестал рассуждать, тоже уморился — ему приходилось многократно слезать и идти рядом с лошадью, помогая ей.

Вокруг щебетали миллионы птиц, празднуя весну, жужжали первые насекомые — будто и тут бушевала революция.

На всей дороге встретилось лишь две маленькие деревни да усадьба лесника, который вышел к ним, узнал извозчика, поздоровался. Они поделились с лесником табаком, лошадь отдыхала, лесник говорил, что здесь еще недавно была банда, «ваша, татарская», но вроде бы милиция третьего дня их прогнала.

Они поехали дальше — скоро должна была быть яйла, оттуда начнется спуск к Ялте. Полдень уже миновал.

Лошадь совсем уморилась. Андрей сошел с пролетки и шагал рядом, тем более что было приятно вдыхать морской воздух.

С горы скатывались серые быстрые облака, которые скользили по вершинам деревьев.

Когда впереди, на очередном повороте Андрей увидел двух всадников, они показались порождением тумана, столь неподвижны и неслышны они были.

Но татарин-возчик сразу начал осаживать лошадь и заговорил, словно обращался к языческим богам, обитающим тут. Он твердил, что у него ничего нет и у пассажира ничего нет, что можно все карманы показать, но всадники не двигались и ничего не отвечали.

Один из всадников соскочил на дорогу и быстро подошел к повозке. Он был в военной одежде без погон.

Андрей узнал его, когда он подошел к самой пролетке, улыбнулся и сказал:

— Подвинься, чего расселся, граф Монте-Кристо!

Затем Ахмет впрыгнул в пролетку и крикнул возчику по-татарски:

— Гони, друг! Тебе повезло, что встретил Ахмета Справедливого!

Возчик изобразил неестественную радость по поводу этого события. Пролетка тронулась, а второй всадник с лошадью Ахмета на поводу поехал сзади.

— Ну, ты совсем не изменился, покойничек! — сказал Ахмет. — Совсем такой же.

— А ты возмужал, — сказал Андрей.

— Правильная формулировка, — сказал Ахмет.

Он отпустил усы, на голове у него была низко сидящая небольшая каракулевая папаха, в углах глаз и губ обнаружились первые морщинки — возможно, не от возраста, а от жизни на свежем воздухе, под ветром и дождем.

— Мне сказали, что ты приходил, — сказал Ахмет. — Только я не смог в тот же день тебя найти. Занят был. Не сердись.

— За что я могу на тебя сердиться? — Андрей был рад, что увидел Ахмета и тот тоже обрадовался.

— Ты в глубине души думаешь, что, когда ты, белая кость и голубая кровь, свистнешь, татарские мальчишки должны бежать с кувшинами мыть тебе ноги, — не отрицай, не спорь! Я люблю страдать от унижений.

— Как ты меня нашел?

— Мне вчера сказали, что ты отправился в Симферополь. Я послал туда телеграмму, и мне ответили, что утром тебя видели у Марии Павловны в доме.

— Я все забываю, что мы живем в двадцатом веке.

— А где ты пропадал столько времени?

— Далеко, — сказал Андрей. — Потом расскажу.

— А как Лидочка?

— Она должна сюда приехать. Я буду ждать. Только я не знаю точно, когда она приедет.

— Вряд ли тебе разумно ждать на виду у всех. Обвинений с тебя никто не снимал.

— Знаю, Ахмет. Наверное, мне следует пожить в деревне неподалеку от Ялты. Ты сможешь достать квартиру? Деньги у меня есть.

— Деньги — не проблема, — сказал Ахмет. — Мы, разбойники, их не считаем и храним в пещере в сундуках. Слышал, наверное?

— С каких пор ты разбойник?

— Я тебя сейчас в мою сторожку отвезу, — сказал Ахмет. — Есть у меня в лесу под Ялтой такое убежище.

Они ехали по яйле, свежий ветер пригибал молодую траву, небо стало громадным. Скоро начнется спуск к Ялте.

— Но мне надо каждый день приходить на место встречи с Лидочкой. Я думаю, что она со дня на день должна здесь появиться.

— Если разок не придешь, я своего аскера пришлю.

— А что расскажешь о себе? — спросил Андрей.

— Тебя в самом деле интересует, чем я занимаюсь?

— Ты мне предложил пожить с тобой. Я тебе благодарен, но могу же знать — кто ты, мой хозяин, кто твои друзья и враги. Ведь мне достаются и те и другие.

— Разумно. Тогда слушай. Никакой я не бандит. И не убийца. Но власти меня не любят. Любые власти.

— А кто же тебя любит?

— Мои люди.

— Это очень похоже на бандита. Самого обыкновенного, — сказал Андрей. — Даже Робин Гуда любило хотя бы местное население.

— Вот именно, — обрадовался Ахмет. — Я забыл, как его звали, а спрашивать неудобно. Я — Робин Гуд Ялтинский.

Пролетка резво покатилась по вьющейся в сосновом лесу дороге к Ялте.

— Продолжай, — сказал Андрей, хватаясь за край разогнавшейся пролетки, чтобы не свалиться под откос.

— Я борец за свободу, — сказал Ахмет, — и не смейся! Я ушел в лес, чтобы добиваться справедливости, чтобы вернуть Крым тем, кто его всегда населял.

— Сарматам или скифам? — спросил Андрей.

— Твоя острота попала мимо цели, — сказал Ахмет. Он не смотрел на Андрея — глядел вперед, говорил тихо, медленно, словно подстраиваясь под мерный скрип колес. — Во мне течет скифская и сарматская кровь. Во мне есть кровь греков и турок — я не знаю, из какого сплава Аллах выковал мой народ, но мы недаром не раз и не два брали штурмом твою Москву.

— А теперь ты хочешь взять штурмом Симферополь?

— Я не сержусь на тебя, Андрей, — сказал Ахмет, — потому что ты мой друг.

— А когда захватишь власть, поставишь меня к стенке!

— Мы никого не хотим ставить к стенке. Мы хотим только своей власти на своей земле, своей религии, своего права.

— Кто тебе запрещает ходить в мечеть?

— Мне не надо запрещать или разрешать. Это решаю я сам.

— Мне кажется, все это несерьезно.

— Ты провел эти годы где-то в холодильнике! — возмутился наконец Ахмет. — Неужели ты не видишь, что ваша дряхлая Римская империя разваливается?! Это же, как говорил Лермонтов, страна рабов, страна господ. В ней не только сильный и богатый

угнетает слабого, но и один избранный судьбой народ измывается над прочими, малыми народами! И этому пришел конец. Завтра империи не будет.

— Значит, ты собрал отряд Робин оглы Гуда и отправился освобождать свою страну?

— Мой отряд — не единственный. Мы — зародыш будущей армии. Судьбу страны решит народ, Учредительное собрание.

— И здесь тоже Учредительное собрание? Может, и хана подыщете?

— Андрей, я знаю, что ты не хочешь меня обижать, но ты все время обижаешь, потому что ты русский и тебе вроде бы можно иметь все то, чего другие не имеют. И потом спрашивать так, свысока: «А зачем тебе свобода, бедный ребенок?»

— А зачем? — упрямо повторил Андрей. — Раньше тобой правили из Петербурга, издалека, а вместо господ далеких вы хотите посадить себе на шею своих, местных — так они будут похуже петербургских. Поглупее.

— С этим тоже можно поспорить, — сказал Ахмет. — У нас общая история, общий язык, главное — общая вера. А тебе я напомню — зачем вы, русские, устраивали битву на Куликовом поле? Хотели вместо господ далеких, ордынских, посадить себе на шею своих?

— Все, сдаюсь! — засмеялся Андрей. — Ты победил меня формальной логикой. По тебе Сорбонна плачет.

— Мы будем посылать наших детей в Сорбонну, — сказал Ахмет.

С каждой минутой воздух становился теплее и влажнее. Пахло морем. Все чаще на дороге встречались прохожие, большей частью татары из деревень, что были расположены вдоль дороги и над Ялтой, где разводили виноград и пасли овец.

— Ты думаешь, что судьба империи тревожна? — спросил Андрей.

— Я уверен. Ты не представляешь, что творится в других местах. Я знаю, что Грузия и Армения готовы отложиться, что независимости требуют Польша и Финляндия, Эстляндия и Курляндия.

— Бред какой-то! — в сердцах воскликнул Андрей. — Эстляндская республика! Ты знаешь, я не шовинист и не черносотенец, но скажи, пожалуйста, чем будет заниматься Эстляндская республика? Молоко в Петроград на продажу возить?

Но получилось не смешно, потому что Ахмет не поддержал Андрея, а Андрей вдруг понял непоправимую истину: Ахмет стал

старше его. На три года старше. Еще вчера они были одногодки, а теперь, оказывается, Ахмет прожил почти три года лишних. Прожил в спорах, может быть, лишениях и опасностях...

— Ты в тюрьме сидел? — спросил Андрей.

— Недолго, — сказал Ахмет, — четыре месяца. Меня революция освободила.

Ахмет — и старший... И он больше знает не потому, что он умный, а потому, что он учился, когда Андрей плыл по течению с закрытыми глазами.

— Ладно, еще посмотрим, — сказал Андрей вслух. — Может, и обойдется.

— Все-таки ты типичный русский, — сказал Ахмет недовольно, — когда дело касается свободы — ты первый. Да здравствует свобода для нас! А как только разговор идет, чтобы дать свободу другим, ты сразу на дыбы: как они посмели?

* * *

Ахмет отпустил извозчика на шоссе верстах в пяти от Ялты.

— Ты с извозчиком расплатился? — спросил он.

— Да.

— Такая дорога плохая! Как домой поеду? Совсем поздно! — начал стенать извозчик, обращаясь то к Ахмету, то к Андрею. Но Ахмет его оборвал:

— Раньше надо было торговаться.

Извозчик не стал спорить. Уехал.

— Нам предстоит небольшая пешая прогулка под названием «моцион», — сказал Ахмет.

Он послал своего спутника с лошадьми вперед, а они с Андреем прошли еще версты две лесом до хижины. По дороге они больше уже не спорили, а говорили о вещах обычных, будто расстались всего неделю назад, — о тете Марусе, о Беккерах. Но более всего Андрея изумили новости о Маргарите.

Оказывается, ее исключили в пятнадцатом году из гимназии. И не зря. Теперь она считается среди одесских эсеров одним из первых людей. Злая, худая, как увидит врага революции — сразу норовит его расстрелять...

— Ну уж ты и преувеличиваешь, — рассмеялся Андрей.

— Почему?

— Потому что у нее папа судовладелец.

— А у Софьи Перовской? А у Александра Ульянова? У них па-

пы генералы — а каких крошек вырастили! Подожди, доедем до моего убежища, я тебе такое покажу, что просто ахнешь!

— А о Вревском не слышал?

— Говорят, он в Киеве. Но ты не думай, что все обошлось, — мне кажется, Вревский до конца жизни будет тебя искать. Раз он считает тебя убийцей.

Некоторое время они шли молча. Потом, как бы завершая разговор, Ахмет произнес:

— Ты свои великоросские взгляды с моими аскерами не обсуждай. Они в гимназии не учились. А если в гнев войдут, зарежут тебя, мон шер ами, поздно будет расстраиваться. Мне и без того трудно объяснять, почему я русского к нам в лес привел. Им даже девушку нельзя, даже брата нельзя — а тебя привел, ай, как нехорошо!

— Я могу пожить в лесу отдельно от вас, — сказал Андрей.

— Не говори своих обычных глупостей!

— Спасибо, Ахмет.

— А я хотел спросить: если придет время, что я буду бежать и скрываться, ты тогда скроешь меня в своем доме, дашь приют беглому крымскому татарину?

— Посмотрим, — сказал Андрей. Возражать было бы глупо.

Когда они пришли в отряд, аскеры уже спали, их встретил только дежурный, который если и удивился приходу Андрея, виду не подал.

Воины Ахмета жили в двух деревянных сарайчиках, наверное, они остались от чабанов, что пасли здесь овец. Каменную сторожку занимал Ахмет.

Ахмет провел Андрея в сторожку. Вскоре его адъютант, задав корм коням, принес чайник и чашки. Ахмет снял башмаки и переобулся в мягкие желтые мешты.

— Ты не демократ, — сказал Андрей.

Они сидели на больших войлоках. Адъютант разливал чай и передавал чашки старшим.

— Ты обещал что-то показать, — сказал Андрей.

— Допьем чай, не спеши. Я не демократ, — сказал Ахмет.

Часовой, заглянув снова, спросил, будут ли они есть мясо. Только холодное. Они отказались.

Ахмет поднялся, снял с низкой полки плоский кожаный кошель.

Из него вытащил свернутый вдвое номер «Синего журнала». Раскрыл его и передал Андрею, а сам взял с пола керосиновую

лампу и поднес к странице, на которой раскрыл журнал, чтобы Андрей мог разглядеть фотографию.

На фотографии была изображена Маргарита.

Если бы Андрей не ждал увидеть именно ее, он никогда бы не догадался, что видит девицу, так влюбленную в Колю Беккера. Маргарита сильно похудела — высокие скулы были туго обтянуты кожей, нос был костлявым, переносица норовила прорвать тонкую кожу. Глаза стали огромными, короткие прямые волосы не закрывали шею.

— Она раньше завивалась? — спросил почему-то Андрей.

— Революция ее изменила, — сказал Ахмет с неожиданной горечью.

Маргарита была в кожаной куртке.

Фотография изображала ее по пояс. По сторонам, отступив на шаг, стояли два матроса. Из тех революционных моряков, которые ринулись в последний и решительный бой, перестав притом стричься, мыться, увешав себя «маузерами» и «лимонками» и с наслаждением опустившись в невероятные глубины жестокости и разгула. Лица их были плохо пропечатаны и скрывались в тени.

Андрей прочел подпись под фотографией:

«Маргарита Яростная, один из новых вождей одесских социалистов-революционеров, которую подозревают в совершении перед революцией ряда отчаянных эксов».

— Почему вдруг — Яростная? — спросил Андрей.

— А у них у всех клички.

— Интересно, а когда мы были знакомы...

— Я думаю, что тогда она еще не была одним из вождей.

— Свет, свет поближе!

Андрею, который рассматривал фотографию, показалось знакомым лицо одного из моряков, охранявших Маргариту.

— Ты его не знаешь? — спросил Андрей.

— Никогда не видел.

— Наверное, мне показалось.

— А кто это?

— Был такой человек... друг кочегара Тихона. Его звали Борис. Борис Борзой, если не ошибаюсь.

— И что?

— Похоже, что я ошибся, — сказал Андрей, — фотография нечеткая.

— Фотография нечеткая, — согласился Ахмет. Но согласился слишком быстро и легко, вызвав в Андрее недоверие. Ни к селу ни к городу Ахмет добавил: — Что-то я давно Беккера не видел. А когда-то он ее у меня увел.

* * *

Ахмет зря опасался — аскеры приняли Андрея спокойно. К тому же он говорил по-татарски, и это сразу выделяло его из русских. Русским языком в отряде не пользовались, не потому, что не знали, — не хотели. Даже с Андреем говорили только по-татарски.

Жизнь в отряде была неудобной и для Андрея — пустой.

Всего в отряде было человек около двадцати — точнее не скажешь, потому что некоторые приходили и уходили по семейным надобностям. Отряд ни с кем не воевал — иногда небольшие группы аскеров уходили куда-то, возвращались усталые, покрытые пылью. За лагерем было устроено стрельбище, но стреляли редко, берегли патроны. Бывший урядник Рахим учил аскеров рукопашному бою. Но вообще-то Андрею казалось, что он попал в татарский лагерь бойскаутов. Каждый вечер в шесть часов кто-нибудь из аскеров, одевшись получше, уходил в Ялту к платану, на встречу с Лидочкой. Так как Ахмет не рассказывал им, зачем Андрею нужна эта встреча, аскеры были убеждены, что Андрей подпольщик, принадлежащий к иному, чем они, но союзному революционному движению, и ждет он связную.

Раза два приезжал из Бахчисарая некий господин Озенбашлы — толстый, пожилой и очень важный татарин, один из лидеров национальной партии. Говорили, что в будущем курултае ему дадут министерский пост, а может быть, он станет президентом. Когда Озенбашлы приезжал, аскеры просили Андрея уйти на охоту или просто погулять по лесу. Видно, Озенбашлы проводил с молодыми аскерами какие-то воспитательные беседы, а когда Андрей спросил об этом у Ахмета, тот отмахнулся, выказывая неуважение к господину будущему министру.

Ахмет появлялся каждые два-три дня и обычно ненадолго.

У аскеров были винтовки, но не у всех. И еще был пулемет, правда, пока без патронов. Патроны должны были скоро привезти — купить в каком-то гарнизоне. Но покупка срывалась, и Ахмет из-за этого переживал — ему казалось, что настоящий боевой отряд должен иметь пулемет или пушку.

Никто Андрея не контролировал, никто за ним не следил. Порой он уходил далеко в горы, чаще его влекло к Ялте. Он проходил по крутому лесистому склону, по виноградникам выше города. А порой, если было настроение, спускался к окраинным домам.

Его удручала мысль о будущем. Что будет, если Лидочка не сегодня-завтра появится здесь?

А что дальше? Придется ехать куда-то подальше от родных мест, возможно, в Сибирь, и там искать работу, место в жизни. А все их корни — здесь, на юге, в Крыму. По собственному опыту Андрей знал, что в Москве он скучает по Крыму. Почему перелетные птицы стремятся к северу, чтобы там вывести птенцов и потом вернуться на юг, в теплые края? Не потому ли, чтобы оценить благодать родных мест, не потому ли, чтобы дать возможность птенцам в раннем детстве увидеть суровую природу Севера, а лишь потом обрадовать их полетом в тепло, на родину?

Чепуха, поправил он сам себя, никто не мешает нам уехать на юг, на Кавказ, например, или в Среднюю Азию. Жить, допустим, среди сартов в Коканде... Нет, Андрей не хотел бы жить «среди кого-то». Ведь недаром татары организовали отряды и готовят свою революцию. А это значит, что и другие народы тоже готовят свои маленькие революции. Если в России начнется большая заваруха, все восстанут и разойдутся жить по своим законам. И по-своему они правы: когда Андрей спорил с Ахметом, он не подумал, что иные точки зрения могут иметь право на существование. Уехать в страну, которая принадлежит другому народу, это значит стать иностранцем: как бы хорошо ты ни изучил их язык, как бы тщательно ни выучил их обычаи, как бы искренне ни принял их веру, — ты все равно будешь иностранцем. И будешь стремиться к таким же, как ты, изгоям. Не будучи евреем, ты станешь евреем, потому что твоя судьба определит тебе место на свете, где своими ты сможешь назвать только кучку своих близких, а за пределами этого круга — ты всем чужой. Андрей слышал в университете от кого-то из приятелей, что в Палестине образуются еврейские поселения — на Земле обетованной. Евреям тоже нужно место на земле, куда ты можешь приехать и сказать: «Это моя страна!..»

Андрей оборвал нестройное течение своих мыслей. Будучи человеком подвижным и живым, он был лишен нормального общения и находился как бы в тюрьме без стен. Пожалуй, впервые в жизни у него появилась возможность остаться наедине с собой — мало кому выдается такая возможность в девятнадцать лет. Впрочем, если и выдается, молодой человек обычно ею не пользуется.

Это не означает, что Андрей проводил все свободное время, обдумывая свою прошлую (и будущую) жизнь или анализируя ее. Куда чаще он думал о крепких ногах прошедшей мимо деревенской девушки или о следах кабана. Ему порой давали ружье — в отряде было одно, гладкоствольное, — специально для охоты.

Стрелять из него было трудно, потому что, как шутили аскеры, любая птица может обогнать его пулю или улететь от нее за гору. И все же Андрей из всех времяпрепровождений предпочитал именно прогулки с ружьем. Он мало и редко убивал, но порой возвращался с добычей.

Однажды в своих путешествиях он забрел на руины небольшой крепости на скале над морем. И когда он извлек из спекшейся, перемешанной с камешками земли обломок амфоры, сердце сладко заныло, словно он увидел любимую девушку.

Он задержался на площадке часов пять — пришел к хижине уже в темноте, и Ахмет, оказавшийся там, устроил ему разнос. Андрей не обиделся. Он вытащил из карманов завернутые в бумагу куски черепицы и обломки амфор и — самую ценную из находок — донышко небольшого сосуда с процарапанными на нем греческими буквами.

— Погляди, — сказал он Ахмету. Ахмет был уставшим, злым. — Представляешь — две тысячи лет назад здесь жил человек, который вот это нацарапал.

— Я тоже царапал, когда маленьким был, — сказал Ахмет, — такие неприличные слова — ты просто не представляешь.

— Что-нибудь случилось?

— Странное дело, — сказал Ахмет, — нас всего ничего — зачем же склочничать, драться за власть? Мне власть не нужна, тебе не нужна — зачем она ему?

— Кому?

— Это внутренние дела маленького татарского государства. — Ахмет попытался улыбнуться.

Андрей в ту ночь долго не спал. Стоило закрыть глаза, и он видел освещенную солнцем площадку между обломанными зубцами стен и уходящие в породу черепки сосудов. А может быть, там, глубже, скрыта голова чудесной Менады...

И тогда он задал себе впервые вопрос — может, потому, что испытал счастье более острое, чем память о счастье встреч с Лидой: что мне, Андрею Берестову, дороже на этом свете? Бесконечное ожидание Лидочки, которая может и не появиться в ближайший год, или же острое счастье охотника за древностями, искорки которого Андрей впервые ощутил на Севере? И Андрей знал: он, как пьяница на свидание к бутылке, пойдет завтра и послезавтра на ту маленькую, заваленную обломками каменных плит и спекшейся глины площадку, чтобы, нарушая строгие законы археологии, охотиться без ружья на хитрую безмолвную добычу.

* * *

В апреле вице-адмирала Колчака в Севастополе не было. И это, хоть и не стало решающим фактором в революционном движении на Черноморском флоте, все же сыграло отрицательную для дисциплины и порядка роль. Александр Васильевич проявил себя человеком недостаточно упорным — он склонился перед необходимостью подчиняться непоследовательным приказам Временного правительства, лавировать между Советом и офицерами флота, прислушиваться к иностранным советникам и в то же время игнорировать их советы. В Петрограде Колчак в конфиденциальных разговорах с правыми в правительстве и с главами союзнических миссий муссировал уплывающую из рук идею штурмовать Стамбул и, победив, не только переломить ход войны, но и возродить династию в Константинополе.

Но даже самые страстные ненавистники революции не могли выработать окончательной позиции по этому вопросу, потому что были скованы повседневными интригами и мелкими интересами. Казалось бы, победа в войне нужна правительству, но нет — возникает опасность реставрации монархии в России, то есть потери власти и престижа. Поэтому нам нужна победа в войне, но такая, которая бы сохраняла наши интересы. А какова она, именно такая победа, — черт ее знает! Да, конечно, говорили генерал Жанен и его западные коллеги, это будет манифик, если русские возьмут Стамбул! Но не нарушит ли это баланса сил в послевоенной Европе, не повредит ли это колониальным интересам Франции и Великобритании, не желающих дальнейшего укрепления России на востоке... И так далее...

Первый правительственный кризис в Петрограде, прошедший на глазах у Колчака и, можно сказать, с его пассивным участием, многому научил Александра Васильевича. Главное — убедил его в необходимости выйти из игры, так как участие в ней ведет к обязательному проигрышу.

Колчак уже был в Петрограде, когда 18 апреля Милюков опубликовал ноту, в которой умолял западных союзников поверить в то, что иного желания у России, как положить живот на алтарь общей войны, и быть не может. Возражая оппонентам, обвиняющим Россию в том, что она замыслила сепаратный мир с Германией, премьер Милюков уверял союзников, что именно теперь всенародное стремление довести мировую войну до решительной победы лишь усилилось благодаря сознанию общей ответственности всех и каждого.

Никто не чувствовал этой ответственности, никто в этой

стране не хотел воевать. На следующий день начались демонстрации солдат и рабочих, которым надоела война и непонятная им игра в демократию. Навстречу двигались демонстрации из имущих районов, которые оказались куда слабее, чем рабочие и солдатские манифестации. Начались столкновения между колоннами демонстрантов. Газеты писали, что демонстранты, организованные большевиками, употребляли оружие, но большевики эти сообщения отвергали.

20 апреля, когда бурлил уже весь город и волнения начали раскатываться по стране, у военного министра Гучкова на Мойке собрались главнокомандующий армией генерал Алексеев, командующий Петроградским военным округом генерал Корнилов и командующий Черноморским флотом вице-адмирал Колчак. Алексеев сообщил, что армия ненадежна, Корнилов подтвердил — против правительства демонстрируют части столичного гарнизона. Корнилов предложил единственное решение — применить силу против застоявшихся в городе и обалдевших от непрерывных митингов и демонстраций резервных частей. Если вывести их из города и заменить частями более надежными, есть надежда удержать ситуацию в руках.

Колчак, доложивший, что Черноморский флот остается еще нормальной воинской единицей, сказал, что рассчитывать на сохранение такого положения наивно. Следует учитывать к тому же рост малороссийского национализма и стремление отдельных прохвостов захватить Севастополь и флот как символ величия Украины.

Гучков пытался спорить, Алексеев и Корнилов, лучше понимавшие ситуацию в стране, были настроены мрачно. Яростный Корнилов еще надеялся одолеть ситуацию с помощью нагайки. Он рассчитывал организовать отборные части, чтобы разогнать агитаторов.

После этой встречи правительство Милюкова подало в отставку, Гучков отдал пост военного министра социалисту Керенскому, в правительство вошли и другие социалисты. Корнилов и его сторонники в армии стали готовить мятеж, полагая, что путь, по которому идет Россия, смертельно опасен. Колчак же стал собираться в Севастополь. Он понял, что планы победы в войне провалены его же собственными начальниками. С этого момента он как бы потерял внутренний стержень — сочетание надежды и гордыни. Коле Беккеру он сказал:

— Я не верю больше в возможность удержать в руках флот. Он неминуемо разложится. Тогда тысячи матросов — канониров,

сигнальщиков, кочегаров, электриков — совокупность морских специалистов, в единении с дредноутом или эсминцем представляющих грандиозную силу XX века, — превратятся за считаные дни в стадо анархистов, в неуправляемую массу избалованных волей бесплатно жрать, бесплатно одеваться, насиловать и грабить преступников. Они разбегутся по всей России, но не для того, чтобы найти себе место в поле или у станка, — они годами, не имея и не желая иного занятия, будут вмешиваться в судьбы сражений, они будут шумны, жестоки и грозны по отношению к слабому, но трусливы и ненадежны при столкновении с сильным. Они будут дурны как организованные воинские силы, но в то же время они станут преторианцами революции, так как не будет им равных в дворцовых переворотах грядущей гражданской войны, в восстаниях и мятежах, в грабежах и набегах.

Коля Беккер сопровождал адмирала в Петроград и присутствовал при некоторых переговорах как его адъютант. Слабость, которую питал Александр Васильевич к Коле, несмотря на предостережение начальника контрразведки полковника Баренца, основывалась не только на уме и умении вести себя в сложных обстоятельствах, что Коля уже доказал своему патрону в первые дни революции, но и на убеждении адмирала, что настоящих помощников можно отыскать лишь самому, случайно, — в ином случае ты обречен на то, чтобы благоволить к ставленнику какой-нибудь клики и никогда не доверять ему до конца. В своем штабе Колчак более всего доверял молодым адъютантам — Берестову и Свиридову.

— Я не Бонапарт, — откровенничал Колчак, сидя в купе пульмановского вагона, что не спеша вез их с Колей на юг по зеленеющим украинским увалам, кое-где подсвеченным свежей белизной хаток и указательными знаками тополей, — Бонапарт сам стремился вырвать власть. Я равнодушен к власти, но остаюсь человеком долга. Я жду, когда меня призовет история. Это мой недостаток. Я могу упустить шанс.

— Я полагаю, что вы самый деятельный человек, которого мне приходилось встречать, — сказал Коля.

— Ты встречал еще слишком мало выдающихся людей. И если Господь сбережет тебя во время той страшной войны, что надвигается на нашу страну, ты еще многих увидишь так же близко, как меня. Только меня среди них не будет...

— А вы?

— Неумный вопрос. Я проиграю. А в наступающей игре ставка — только жизнь.

— Вы были у мадам Персонье?

— Я не верю ей, — сказал Колчак, и Коле стало ясно, что отважный полярный путешественник и почти завоеватель Стамбула все же тайком посетил известную петербургскую гадалку.

Покачиваясь на рессорах в мирном и таком домашнем купе, за столиком, где стояла бутылка хорошего коньяка и икра в серебряном ковшике, а булочки еще были свежие, глядя на этого взбудораженного и неуверенного в себе человека, Коля подумал: твоя карта уже бита, вице-адмирал, никогда тебе не стать полным адмиралом... никогда не стоять на командном мостике. Не сегодня-завтра тебя сковырнет Совет, ты уже знаешь об этом и ищешь пути бегства. Тебе не Стамбул сейчас нужен, а нора, где укрыться.

Угадывая многое в других людях, Коля обладал лишь умением угадывать плохое, мелкое, словно более крупные, широкие качества души и характера были неразличимы для его взгляда. Потому представление, которое составлял себе Коля о собеседнике, было крайне точно в негативных мелочах, но никак не подтверждалось в большом.

— Мне предлагают командировку в САСШ, — продолжал между тем адмирал. — Как консультанту по минному делу. Как ты знаешь, я в этом смыслю. Полагаю, что американцам я нужен как черная лошадка в будущей политической борьбе за Россию, а Временное правительство готово и даже жаждет меня отпустить, чтобы не создавать конфликтов на Черном море. Вместо меня они быстро назначат либерала Немитца и в результате собственными руками погубят флот как боевую единицу!

— А я? — спросил Коля.

— Ты? — Адмирал вдруг задумался о судьбе Коли или сделал вид, что этот вопрос лишь сейчас пришел ему в голову. — Взять тебя в САСШ я не могу, потому что к этому нет никаких оснований. Еду я как частное лицо, и мне не положена свита. Но я был бы рад, если бы ты остался в Севастополе.

— В качестве кого?

— В качестве моих глаз и ушей, — сказал адмирал, наливая твердой рукой в металлические стопки себе и Коле. — Мы не знаем, как повернется судьба и призовет ли она меня сюда снова. Но пока человек живет, он надеется. И я надеюсь. И хотел бы, чтобы ты делил со мной эту надежду.

— Но вы же сами говорите, что флот скоро рассыплется.

— Скоро, но не сразу. И в какой форме это произойдет — не знаю. Ты, конечно, можешь сегодня же выйти в запас, и я подпи-

шу тебе все нужные бумаги. Но подумай хорошенько — еще вчера ты был лишь прапорщиком береговой артиллерии из вольноопределяющихся. Сегодня ты — лейтенант флота, и в этой суматохе вряд ли кому придет в голову внимательно проверять твое происхождение.

— А Баренц?

— Полковник Баренц знает не только о тебе — обо мне и многих сильных мира сего. Но излишнее знание в периоды революций — самая опасная роскошь. Тебя он не тронет.

— Пока вы здесь.

— До моего отъезда мы сообразим тебе, мой юный друг, следующий чин. Старший лейтенант флота равен капитану в армии — что бы ни случилось с нашей страной, такой чин дает тебе некий иммунитет.

— Или приближает меня к веревке.

— Коля, ты слишком осторожен. Но я ни на чем не настаиваю. Я мог бы сделать тебя капитаном второго ранга, но ты еще так молод, тебя принимали бы за ряженого.

Колчак улыбнулся, не разжимая губ.

В его последних словах не было желания обидеть, только констатация факта.

— Я подумаю.

— Тебе дается время до прибытия в Симферополь, — сказал Колчак. — Боюсь, что события будут развиваться там с такой скоростью, что неизвестно — уеду ли я сам или меня вышвырнут.

— Что вы говорите, Александр Васильевич!

— Страна катится к хаосу. Выпьем за то, чтобы нас миновала чаша сия и чтобы мы с тобой мирно умерли от старости.

* * *

Колчак с Беккером вернулись в Севастополь 25 апреля. Скоро состоялось делегатское собрание в цирке Труцци, и Колчак держал там речь. Цирк был полон черными бушлатами. Солдаты — серая масса шинелей — держались как бы на втором плане, уступая в Севастополе первенствующее место морякам.

Колчак был откровенен и резок. Он понимал, что хуже всего, если в век газет и радиотелеграфа его уличат во лжи.

— Армия устала и потеряла интерес к войне, — говорил Александр Васильевич.

Зал ответил на эти слова вздохом, согласился — воевать уже не хотел никто. И Коля, который сидел в первом ряду, понял, что

даже за те немногие дни, что Колчак отсутствовал в городе, его власть над черной толпой резко ослабла.

— Быть может, — говорил Колчак, — ни в одной части не сказалось так отсутствие дисциплины, как на Балтике. Реформировать начали необдуманно. Флота на Балтике, к сожалению, не существует.

Коле хотелось встать и уйти — уйти и никогда не встречаться больше с адмиралом, на котором видна была несмываемая печать поражения. Но, как ни странно, его удерживало здесь обещание Колчака оформить документы на получение им чина старшего лейтенанта. Если бы Колю попросили объяснить, что толкает его оставаться в Севастополе ради ступеньки в иерархии, которую не сегодня-завтра отменят, Коля ответить бы не сумел. Была в том и доля русского «авось обойдется», и тщеславия — в двадцать два года стать старшим лейтенантом флота...

— Может быть, то, что я сказал, — заканчивал между тем свою речь Колчак, — заставит вас проникнуться сознанием, что если мы не оставим партийных споров, то погибнем... Если мое сегодняшнее тягостное сообщение заставит вас поговорить с теми солдатами и матросами, которые с вами в ротах и на судах, дабы помочь спасению Родины, я буду считать свою задачу выполненной.

Когда за кулисами к Колчаку подошел городской голова Еранцев с поздравлениями по поводу великолепной речи, Колчак отмахнулся.

— Бисер перед свиньями, — сказал он. — В лучшем случае отсрочка на несколько дней.

— Мы сможем удержать их в узде, — сказал Еранцев.

— Вы бы посмотрели им в глаза, — возразил Колчак. — Они меня уже не любят.

Колчак был прав. Его выступление в цирке Труцци было пировой победой. Несмотря на то что команды основных линкоров и полуэкипаж приняли громогласные постановления о поддержке адмирала и командования, в которых кипела скупая матросская слеза, обещание мира и свободы было соблазнительнее. «Екатерину Великую», на которой держал флаг адмирал, переименовали в «Свободную Россию».

С начала мая Колчак вступал во все более острый конфликт с Севастопольским Советом. Ставший старшим лейтенантом Беккер видел, как падает популярность адмирала на флоте, но Колчак, все более озлясь, как бы нарочно вызывал на себя огонь.

17 мая в Севастополь был вынужден приехать военный ми-

нистр Керенский, который пытался очаровать и матросов, и офицеров, не преуспел ни в том, ни в другом, но вызвал лишь новую вспышку возмущения против Колчака. 5 июня грандиозный митинг в Севастополе выказал недоверие командующему флотом. Митинговали круглые сутки. Было принято постановление о сдаче офицерами личного оружия и отправлена депутация к Колчаку с требованием, чтобы и он подчинился решению масс.

Коля как раз был у Александра Васильевича, в тот день мрачного и злого. В каюте находился и контр-адмирал Лукин, которого Совет и делегатское собрание назначали новым командующим флотом.

Тогда и заявилась комиссия с требованием сдать оружие.

Комиссия была разномастная. В ней состояли прапорщики, матросы и даже телеграфист — все страшно возбужденные и поддерживавшие свою решимость некой совместной ритуальной ненавистью к адмиралу.

Колчак выслушал слишком громкое, считанное с бумажки постановление. Он был спокоен.

Он снял со стены свою георгиевскую саблю. Но, вынимая ее из ножен, он двинулся к группе революционеров, стоявших в дверях. Прапорщик Легвольд протянул руку, намереваясь взять саблю.

— Погодите, — сказал адмирал мирно. — Следуйте за мной.

Комиссия послушно пошла за адмиралом на верхнюю палубу.

Там стояли группами матросы — в стороне несколько офицеров. «Свободная Россия» была настроена нейтрально.

Адмирал подошел к борту. К нему были обращены сотни глаз.

— Слушайте мой приказ, — сказал он высоким голосом. — Во избежание дальнейших насилий над офицерами и подчиняясь постановлению делегатов флота, я предлагаю офицерам добровольно сдать свое оружие, себя также лишаю оружия...

Он сделал паузу. Было тихо так, что ленивые удары небольших волн в борт линкора казались громкими. Кричали чайки — потом и они смолкли, будто подчинились торжественности минуты.

— Я отдаю мое оружие морю! — воскликнул адмирал.

Он выхватил саблю из ножен, поцеловал ее клинок и широким жестом кинул ее за борт.

Палуба ахнула — это была реакция не только на вызывающий поступок адмирала, но в нем выразилась и жалость к сабле — такой красивой, дорогой, георгиевской сабле, сделанной на заказ златоустовским мастером. И этот жест уже к вечеру стал известен

последнему мальчишке в Севастополе, а завтра всей России. «Вы слышали, как адмирал Колчак бросил в море свое георгиевское оружие?..»

Колчак резко обернулся к маленькой кучке только что очень уверенных в себе людей. Он победил комиссаров, понимая, что слаб для открытого возмущения.

Повернувшись, как на параде, Колчак пошел к трапу — каблуки зацокали по ступенькам.

Коля Беккер, спеша, прежде чем спадет колдовство момента, отстегнул от портупеи кортик и побежал к борту.

— Лейтенант, вы куда? — крикнул вслед опомнившийся Легвольд.

Но Беккер уже успел выкинуть свой кортик за борт и смотрел, как он косо и четко, не подняв и капли, рыбкой вошел в воду.

Жест Беккера вернул всех к действительности.

Коля хотел уйти следом за адмиралом, но его остановил один из членов комиссии, человек немолодой и очень громогласный:

— Молодой человек, вам велели сдать оружие, а не передать рыбам. То, что дозволено Юпитеру, категорически воспрещено телятам.

Кто-то в комиссии засмеялся — с облегчением. Самое неприятное было позади.

Коля побежал следом за адмиралом.

Он догнал его в каюте, куда, не подумавши, ворвался без стука.

Адмирал сидел в кресле, погрузив голову в ладони.

— Кто? — вскинулся он. — Кто еще?

— Это я, — сказал Коля. — Я тоже кинул кортик!

— Ну и дурак, — ответил адмирал Колчак.

Коля сразу осекся. Словно набежал на стену.

— Чего стоите? — грубо спросил Колчак. — Вы свободны, прапорщик! Кончено. Все кончено, а вы тут, видите, раскидались кортиками. Вы на него и права не имеете...

— Но ведь вы...

— Когда это делаю я — я совершаю точно выверенный акт, которому суждено войти в историю. И это уже вошло в историю. Когда же это совершаете вы, вы пародируете мой исторический акт. Неужели вам надо объяснять элементарные вещи?

Коля вернулся домой подавленный и разбитый, словно весь день таскал камни.

Раиса была дома, она стала собирать обед, ее сын закидал Колю вопросами:

— Дядя, а дядя, где твой ножик? Ты его потерял?

— И в самом деле! — сказала Раиса.

Коля только тут спохватился: что он наделал! Кортик был особенный, заказной, дорогой: его купила ему на день рождения Раиса, заплатила тридцать пять рублей — это при ее небольших средствах! Раиса последние дни тешила себя надеждой на то, что Коля на ней женится. Даже перестала принимать своего поклонника Елисея Мученика, когда тот приезжал в Севастополь по революционным делам.

— Нас разоружили, — сказал Коля. — Даже у адмирала отобрали саблю.

Одна была надежда, что никто не прибежит завтра к Раисе, не сообщит, что он кинул кортик вслед за адмиралом, хотя никто его за руку не тянул — мог бы спрятать дома, как все офицеры.

— Как же так! Как же так! — закудахтала Раиса. — Чего же ты не сказал, что это мой подарок?

Раиса была так расстроена крайностями революции, что плакала весь вечер. И тогда Коля понял, что пора подумывать о другой квартире, хоть он и привязался к Раисе Федотовне и ее мальчишке.

Но на следующий день Колчак вызвал к себе Колю и принял его с глазу на глаз.

— Слушайте меня внимательно, — сказал он. — Я уезжаю. Когда вернусь, не знаю, но точно вернусь. И надеюсь, что мое возвращение сыграет некоторую роль в истории нашей Отчизны. Я не могу пригласить вас с собой в Америку, но обращаюсь к вам с просьбой остаться здесь в штабе моими глазами и ушами. Вопрос стоит не только в вашей преданности, но и в том, что вы умный человек, вы увидите то, что пройдет мимо внимания Баренца или Свиридова...

«Так, — отметил про себя Коля, — теперь мы знаем, кого он оставляет здесь помимо меня».

— Я оставляю вам адрес, по которому можно будет сообщать мне, что вы сочтете нужным. Когда вы мне понадобитесь, я вам сообщу об этом через доверенного человека, который скажет вам, что пришла посылка от тети из Одессы, надо ехать получить ее. Пока что прошу вас об одном: берегите себя, не ввязывайтесь в авантюры, постарайтесь быть угодным правительству — будьте мудрым и осторожным, как змий. Обязательно зайдите к полковнику Баренцу и получите от него пакет. Прощайте, мой молодой друг.

Они обнялись. От адмирала пахло хорошими мужскими духами и помадой для волос.

Затем Коля прошел к начальнику контрразведки полковнику Баренцу, которого он недолюбливал, зная, что именно полковнику Колчак давал указание проверить его прошлое.

Баренц передал Коле небольшой пакет.

Дома Коля обнаружил, что в нем — три тысячи рублей пятирублевками. На расходы из особого адмиральского фонда.

Колчак уехал из Севастополя на следующий день. Коля провожал его на станции. Было много народу, хоть адмирал того не хотел. Пришли даже делегации матросов от кораблей; самая большая — от «Свободной России».

Из Петрограда, почти не задерживаясь, Колчак отплыл в Америку, где пробыл больше года.

* * *

— Андрюша, — сказал Ахмет доверительно, — ты своей археологией-мархеологией, пожалуйста, подальше от моего отряда занимайся. Мои аскеры тебя не поймут. Для них ты или осквернитель могил, или искатель клада. Первого они зарежут как мерзавца, второго — чтобы завладеть его богатствами. Не знаю, какой вид смерти тебе приятнее.

— Ты же знаешь, что я ничего не нашел и даже не ищу, — мне просто нравится копаться в земле.

— Это меня очень беспокоит, Андрюша. Нормальный человек в земле не копается. Значит, ты ненормальный.

Андрей послушался Ахмета и перенес свои археологические раскопки подальше от лагеря, куда аскеры не заходили, — на безводный пустырь за Ласточкиным гнездом. Там над морем он в своих прогулках нашел фундамент небольшого строения и остатки стен из тщательно подогнанных плит, скрытых колючим кустарником, который надежно прятал Андрея от случайного взгляда со стороны дороги.

Копать было трудно — порода внутри стен часовни, как окрестил свой археологический памятник Андрей, представляла собой спекшийся сплав из песка, камней и черепицы, а орудия Андрея были первобытными — кирка, лопатка и широкий рыбацкий нож. Неподалеку от часовни Андрей отыскал нечто вроде собачьей конуры — видно, осенью там прятался сторож виноградника. Раздобыв кошму, Андрей зачастую не возвращался в убежище к аскерам, а ночевал возле своих раскопок.

Несмотря на неуверенность в будущем и непрочность сегодняшнего дня, на непривычное одиночество, на царивший во-

круг разброд, Андрей был необыкновенно счастлив. Ощущение счастья происходило от непривычного, но понятного чувства радости человека, который нашел свое жизненное занятие, прикосновение к которому необходимо, как любовь, как еда. Другому человеку недоступно счастье от возможности копаться в ссохшейся земле, доставать ржавые железки и замирать в глубинном восторге перед возможностью превращения округлого края керамики в целый, сохранившийся сосуд.

Как находка спутника жизни, так и находка собственной работы — явление, к сожалению, редкое. Существуют семьи, которые скреплены обычаем, привычкой, обязанностями, терпением. Куда реже встречаются семьи, в которых обстоятельства и время превратили обязанность в радость, подчинение обстоятельствам — в кажущуюся свободу выбора. Это как бы благоприобретенное, заработанное десятилетиями счастье. То же происходит и с трудом. В большинстве случаев люди терпят свой труд, ожидая момента пенсии, как освобождения от рабства. Но совсем редко — и в человеческих союзах, и в отношении человека с работой — стороны совпадают, как половинки разорванной пополам открытки.

Вологодская экспедиция была лишь подготовкой Андрея к встрече с возлюбленным трудом. Там было интересно, но сам процесс раскопок еще не овладевал Андреем как состояние, близкое к экстазу. Главное произошло весной, в Крыму. Видно, к тому моменту и завершился процесс его духовного созревания.

Андрей рано утром просыпался в кособокой хижине, под жесткой кошмой. Волосы были влажными от росы, ложе из прошлогодней соломы было колючим и пахло гнилью.

Еще не открыв глаз, Андрей начинал думать о работе. Не о Лидочке, не о судьбах России. Он представлял себе, что его ждет раскоп, что сегодня случится невероятная находка: допустим, греческая статуя, надпись с именами местных властителей. Пожалуй, нет другого занятия на свете, цель которого заключалась бы в том, чтобы отыскать Неизвестное. Любой ученый, практик, может либо словами описать желаемый результат, либо изобразить его визуально. Но археолог мечтает о том, чего сам не знает. Все величайшие открытия в археологии заключаются именно в этом.

Раскапывая гробницы фараонов, Картер не мог знать и даже не осмеливался мечтать о том, как выглядит посмертная маска Тутанхамона либо украшения на его мумии. Представлял ли себе Шлиман, отправляясь на поиски Трои, что отыщет драгоценно-

сти, которыми он украсит свою прекрасную Елену? Половина настоящих археологов бросила бы свое занятие, если б они знали точно, где и что найдут.

Ранее труд археолога был малозаметен и близок к преступлению, ибо археологи были грабителями могил по заказам вельмож, увлекающихся античностью. Теперь же существуют колоссальные институты и экспедиции, масса справочников и правил, определяющих труд археолога, — но в самом-то деле ничего не изменилось! Археолог тот же авантюрист, гробокопатель, грабитель, охотник за сокровищами, но теперь он совмещает в одном лице и наемного грабителя, и вельможу, потому что награбленное у вечности он волочит к себе — в музей, в институт, в сокровищницу. И не поддавайтесь обману, когда услышите горячие речи археологов, что их волнуют лишь типы стеклянных бус либо особенности орнамента горшков дьяковской культуры. Чушь все это — поглядите в глаза археологу, когда под его рукой в породе сверкнула золотая пуговица королевского одеяния... или палец античной статуи.

Нет, не деньги и не денежная стоимость предметов волнуют археолога. Разумеется, он не лишен определенного тщеславия и с интересом и удовлетворением читает в газете бойкий репортаж о его находке, в котором сообщается, что вазе, найденной им, и цены нет, а нечто подобное было продано на аукционе «Сотбис» за два миллиона долларов. Но это вторичное. Главный момент в жизни — кульминация его любви к археологии миновала куда раньше — тот момент, когда Нечто еще Неведомое, но Невероятное показалось из-под земли.

Ах, думают непосвященные, какой неинтересный труд! Все время в пыли, все время согбенный, вдали от благ курортной цивилизации. Жара и жажда, пыльные бури и проливные дожди...

Археологи сами распускают подобные бредни о своих несчастьях. Говорить о климатических неудобствах для археолога — все равно что утверждать, якобы пираты вели неподвижный образ жизни, будучи ограничены в движениях тесными бортами своего кораблика. И какой человек пойдет в пираты, если там так скучно, неделя за неделей тянется однообразное плавание — только волны вокруг и солонина на обед! И все это ради нескольких часов боя, который может и не принести добычи!

Андрей блаженно потягивался на своем неудобном ложе, радовался тому, какой сухой и теплый выдался май в Крыму. Потом спускался вниз, к морю, чтобы совершить утреннее омовение, завтракал куском сыра или лепешкой, а различные мысли

одаривали его своим посещением. Разумеется, он помнил о том, что ждет Лиду, и ходил к заветному платану. Как-то его посетила мысль, что Лида появится только осенью. Может быть, самому проплыть еще полгода?

И тут же Андрей отмахнулся от таких мыслей. Это значит — пропустить целый сезон раскопок! Осенью особо не поработаешь. Нет уж, лучше мы подождем Лидочку с пользой для дела.

Андрей не был по-настоящему профессиональным археологом — впрочем, много ли их было тогда в России, да и во всем мире? Кое-чего он насмотрелся в экспедиции и узнал на семинарах профессора Авдеева. Так что он принял некоторые меры для того, чтобы его раскопки не показались коллегам варварскими. Для этого он на куске картона изобразил план своей часовни в масштабе 1:10. Затем Андрей разделил его на квадраты и начал планомерно снимать слои земли. Правда, практически сделать этого он не сумел, потому что в западном углу часовни находок встречалось много, а у противоположной стенки — ничего, ровным счетом ничего. Будь у Андрея хоть один рабочий, он бы приказал ему выгрести землю из пустого угла ради того, чтобы опускаться в прошлое последовательно, но рабочего не было, а самому копать впустую плотный грунт не хотелось.

9 мая Андрей проснулся в предчувствии особенно счастливого открытия. Его не смутило даже то, что от съестных припасов остался всего огрызок лепешки. Но солнце грело замечательно, работа захватила его, и он забыл о голоде.

Примерно в десять утра пришлось отложить кирку и взять в руки нож, потому что изменившийся цвет породы подсказал, что близко лежит некий металлический предмет.

Андрей принялся соскабливать с темного пятна светлую землю. Было еще не жарко, Андрей работал обнаженным по пояс и успел загореть, как местный рыбак. Из-за сильного загара волосы выгорели и казались светлее кожи лица, а зубы белели, как у негра.

Нечто крупное загородило солнце.

— Что мы видим! — послышался самоуверенный утробный баритон. — Мы видим жалких кладоискателей, которые и не подозревают, что здесь уже побывал в конце прошлого века граф Уваров, а также Крестинский с компанией.

Андрей вскочил, не выпуская ножа, но не смог разглядеть визитера или визитеров, потому что они стояли спинами к солнцу.

— Эй, юноша, с ножиком осторожнее! — раздался другой голос. Молодой, с кавказским акцентом.

Андрей отступил и приставил ладонь ко лбу. Теперь он мог разглядеть, что в гости к нему пожаловал не Вревский, чего Андрей всегда опасался, а компания дам и барышень, в которой было лишь двое мужчин. Обладатель кавказского акцента был в форме поручика, у него было крупное восточного типа лицо с тяжелым носом, черные кудри выбивались из-под фуражки.

Баритон принадлежал профессору Авдееву, бывшему покровителю и наставнику Андрея по Московскому университету.

Княгиня Ольга узнала Андрея и всплеснула руками:

— Берестов! Андрюша! Блудный сын нашего сообщества! Ты что здесь делаешь?

— У меня летняя практика, — сказал Андрей, смутившись своего вида и того, что он был застигнут за делом предосудительным — за частными раскопками на чужой земле.

— Чудесная шутка! — возрадовался профессор Авдеев. — Ваше Величество, прошу любить и жаловать! Этот бандит — мой любимый талантливый ученик, Андрей Берестов.

— Очень приятно в такие дни увидеть юношу, которому интересы науки дороже, чем участие в митингах и манифестациях, — сказала императрица Мария Федоровна, которую Андрей узнал не сразу, хотя видел ее близко в доме своего отчима.

Андрей смущенно поклонился.

— Берестов? — сказала императрица. — Берестов? — Она покатала в сознании фамилию, как шарик, но не вспомнила. Обратилась к молодой девушке, стоявшей рядом. Господи, это же княжна Татьяна, которую стервец Ахмет за коленку схватил, понял Андрей. — Что мне напоминает эта фамилия? — спросила княжну императрица.

Татьяна пожала плечами и ответила длинной французской фразой, которую Андрей не понял.

Оказывается, профессор Авдеев остановился в Ялте по дороге на раскопки в Трапезунд. Он был приглашен в гости знавшей о нем еще по довоенным временам императрицей Марией Федоровной, скучавшей под домашним арестом на вилле Дюльбер, которую охранял бравый поручик Джорджилиани. Сочетая приятное с полезным, профессор повел высокопоставленных знакомых на экскурсию по окрестностям их имения, дабы показать некоторые забытые, таящиеся в зарослях памятники античности и Средневековья, которыми столь славен Крым. И надо же было на руинах встретить студента Берестова! Встреча эта была приятна профессору — значит, он смог заложить нечто важное в душу этого молодого человека, если тот даже в такое время продолжает

заниматься любимым делом. Так что все прежние обиды и недоразумения были тотчас забыты, и Андрей получил приглашение к профессору, остановившемуся со своей свитой в гостинице «Ореанда».

Андрей отнекивался; потом честно признался, что у него нет костюма для того, чтобы пойти в гости.

— Ах, пустяки, — сказала княгиня Ольга, — неужели мы не придумаем чего-нибудь? Нет, не надо оправдываться и объясняться. В эти ужасные времена вполне приличные люди оказываются в безвыходном положении! Если бы вы знали, что творится в Москве!

— И здесь не сладко, — сказала вдовствующая императрица. — Я вам скажу честно, что мечтаю об одном — покинуть это обезумевшее государство.

— Как я вас понимаю! — сказала Ольга. — Мне порой жаль, что я русская.

— Но долг есть долг, — сказал профессор Авдеев.

Этот разговор происходил уже не на раскопках, а в беседке Дюльбера, где Андрей чувствовал себя одетым в лохмотья бродягой, какие бывают только в операх.

Княжна Татьяна глядела на него с девичьей тоской, любуясь загорелыми мышцами, видными в прорывах рукава, а поручик Джорджилиани, очевидно, имевший свои виды на княжну, тяжело вздыхал и часто покидал комнату, как предположил Андрей — чтобы наточить нож, которым он зарежет соперника.

В дом Андрея все же не пригласили, да он и не пошел бы. Императоры и императрицы чувствуют предел дозволенного.

Автомобиль императрицы был реквизирован революцией, так что обратно в Ялту поехали на извозчике, который, оказывается, ждал с утра перед воротами, потому ворчал, по виду мадам Авдеевой почувствовав, что его долгое стояние не будет оплачено как должно.

На коленях у Андрея лежал объемистый сверток, который принесла к отъезду очаровательная полногрудая горничная Наташа. Как сказала на прощание Мария Федоровна, эти вещи остались после Великого князя Гавриила Константиновича, который здесь когда-то жил. Андрей стал отнекиваться, но с ним никто не разговаривал — ему приказали рассматривать подарок не более как дружескую помощь хорошему человеку в тяжелые времена.

— Надеюсь, что и мы, слабые женщины, можем рассчитывать

на вашу помощь, — сказала императрица, протягивая на прощание руку.

Андрей поцеловал сухие прохладные пальцы вдовствующей императрицы — ныне опальной, плененной женщины без прав и имущества, и произнес:

— Я буду счастлив положить жизнь за Ваше Величество.

Это совсем не означало, что Андрей в одночасье стал монархистом. Он оставался социалистом и сторонником равенства всех людей. Но в одном конкретном случае, когда речь шла о Марии Федоровне, он отступал с социалистических позиций и, как честный человек, ощущал себя рыцарем Ланселотом.

* * *

Вечером на ужин к Авдеевым Андрей пришел в охотничьем костюме Великого князя, который был худее, но выше Андрея. Увидев гостя, княгиня Ольга тут же потащила его в номер, там велела снять сюртук и почитать последний номер «Русской старины». Тем временем она принялась что-то распарывать и перешивать, потому что была настоящей женой археолога — она умела шить, готовить, перевязывать раны, торговаться с поставщиками и ругаться с рабочими.

Вскоре пришел профессор Авдеев, начал расспрашивать, что делал Андрей последние три года. Андрей не очень убедительно рассказал, что был в армии, его контузило и он приехал в Крым. Тетя его, единственная родственница, скончалась — вот он и занялся раскопками.

— Судьба! — гудел профессор Авдеев, шагая по номеру между ящиками с экспедиционным добром, которое они везли из Петербурга и хранили на виду, чтобы не растащили революционеры. — Сама судьба привела тебя сюда. Надо же было именно мне оказаться в нужном месте в нужную минуту. Фатум! И ты никому ничем не обязан?

— Я? Никому.

— Замечательно. Мне нужен умный, преданный делу помощник, — сказал профессор Авдеев и посмотрел на жену, словно отговорил текст, отрепетированный заранее, и забыл слова дальше.

— Но я не знаю, куда вы намереваетесь ехать.

— Это дело второе, — прогудел Авдеев. — Едем мы в Турцию копать Трапезунд. Трапезундскую империю. Это тебе что-нибудь говорит?

— Очень немного. Византия, Средние века, царица Тамара...

— Достаточно, — сказала Ольга. — Ты выдержал экзамен. Если тебе позволяет здоровье, лучшее для тебя — поехать с нами. Нам остро не хватает интеллигентных сотрудников. Из старой компании с нами смог поехать только палеограф Российский. Ты его помнишь?

— Конечно, помню.

— Он полиглот и отличный специалист. Из-за близорукости его не взяли в армию.

Андрей приоткрыл было рот, чтобы спросить, не приедет ли нескладная Тилли.

— Что касается наших девушек, — продолжала Ольга, — то вопрос остается нерешенным. По крайней мере Матильда — ты ее должен помнить — обещала приехать позже...

— Платить мы тебе много не сможем — сами едем не за золотом, — загудел Авдеев. — Но голодать не будешь.

— Он согласен, — сказала княгиня Ольга, откусывая нитку и протягивая куртку Андрею. — Не очень убедительно, но крепко.

Андрей обещал подумать, хотя в душе сразу согласился с археологами. Ожидание Лидочки в значительной степени определялось чувством долга. Он обязан был ее дождаться и сделать так, чтобы ей было хорошо. А вот чувство, близкое к любовному томлению, Андрей испытывал именно от возможной поездки в Трапезунд. Это настоящие раскопки! Это же сказочное везение, которое выпадает археологу раз в жизни! «Но, конечно же, я не поеду, конечно, останусь, потому что Лидочка обидится, что я предпочел экспедицию...»

В таком ожесточенном состоянии человека, который уже принял благородное решение отказаться от счастья ради долга и потому крайне несчастлив, Андрей и объявился в отряде аскеров.

Появление Андрея в зеленой куртке и черных брюках, из-под которых выглядывали носки кое-как почищенных рваных ботинок, вызвало в лагере небольшую сенсацию. Аскеры окружили Андрея и дали волю своему застоявшемуся остроумию.

К счастью, Ахмет, который собрался уехать в тот вечер в Симферополь, задержался и вышел на шум.

Андрей потребовал уделить ему хотя бы пять минут времени, Ахмет вздохнул и согласился.

Они отошли в лес, и там Андрей изложил Ахмету свою дилемму: либо он ждет Лидочку и отказывается от дела своей жизни, либо едет в Трапезунд, но Лидочка ему этого не простит, и вообще он может ее упустить...

Тут Андрей совсем смешался и замолк.

— В Трапезунд тянет? — спросил тогда Ахмет.

Андрей кивнул.

— Я тебя понимаю, — сказал Ахмет. — Это Турция, настоящая страна, великая держава — тебе надо съездить туда, потому что со дня на день вас оттуда вышвырнут.

— Ты серьезно?

— Совершенно серьезно. После правительственного кризиса в Петрограде любому ребенку, кроме тебя, ясно, что Россия больше воевать не может и не станет. И окончательно в революции победит тот, кто сможет внятно доказать всей стране, что воевать не нужно. Сейчас это все понимают, а сказать никто толком не может.

— Честно говоря, Ахмет, все это мне не очень интересно.

— Тогда поезжай в Трапезунд. Если только ты не намерен осквернить могилы ислама.

Последнюю фразу Ахмет сказал вполне серьезно.

— Извини, я тебе не сказал, — спохватился Андрей. — Все совсем не так, как ты думаешь. Когда в шестнадцатом году наши войска захватили северную Турцию, туда поехал профессор Успенский, он специалист по Византии, по христианству. Мы ищем там остатки Трапезундской империи. Ее создали грузины. О царице Тамаре слышал?

— Конечно, она, как демон, коварна и зла.

— Я обещаю тебе, что мы не тронем ни одной мусульманской святыни.

— Тогда поезжай.

— Нет, я не могу.

— Мои аскеры будут каждый вечер ходить на набережную. Как только Лидочка приедет, я ее устрою, а тебе дам телеграмму.

— Ахмет, ты настоящий друг. — Андрей кинулся обниматься, словно Ахмет открыл невероятный путь к решению задачи.

— Только тогда возвращайся сразу, — сказал Ахмет, — а то я сам на ней женюсь.

* * *

Транспорт «Измаил» отходил в семь часов утра, когда уже поднялось солнце. Аскеры, к удивлению Андрея, были огорчены его отъездом, долго желали счастья и проводили Андрея до шоссе. Там ждала крытая повозка. Правил один из аскеров, Ахмет сидел рядом с Андреем. По дороге Ахмет передал Андрею письмо в белом конверте и сказал:

— Отнесешь и отдашь.

— Хорошо, — сказал Андрей равнодушно. Он смотрел в щель между плечом аскера и пологом, с каждым шагом все более раскаиваясь в том, что предает Лидочку. Он повернул конверт — на нем ничего не было написано.

— Я бы не хотел, чтобы оно попало к чужим, — сказал Ахмет, — это важное политическое послание.

— Бог с ними, с вашими играми, — сказал Андрей, — враги, республики, партии, выборы — неужели не надоело?

— А ты кто, Господь Бог, да? Всем не наплевать, а ему наплевать! Пока девушку желаешь, наплевать, пока в Трапезунд хочешь, наплевать, а потом спохватишься — поздно будет.

— Ты даже не сказал, куда отнести письмо, — сказал Андрей.

— На улице, что ведет вверх от порта, в угловом доме — кофейня. Над дверью деревянный фрегат и написано «Синдбад» — латинскими буквами. Не забыл? Спросишь Юсуфа, отдашь письмо. Как в романе про шпионов. Добро?

— Сделаю, — сказал Андрей.

Транспорт, покрашенный в неуютный шаровый цвет, стоял у пирса. Погрузка заканчивалась. Последними на борт поднимались серые солдаты в одинаковых папахах, с одинаковыми лицами. Шли они уныло, как на похороны. Ахмет протянул Андрею темные синие очки. Андрей отказался — очки больше привлекут внимание. Он надвинул пониже на глаза кепку, обнялся с Ахметом и аскером, который вез их. Авдеев, что стоял у борта, увидел Андрея и стал махать:

— Берестов, скорее! Берестов, мы отчаливаем!

Голос его разносился по всей набережной.

Андрей готов был убить профессора. Он взял себя в руки, помахал в ответ. Пограничников наверху не было — стоял лишь матрос, весь в пулеметных лентах, с «маузером» в деревянной кобуре, с громадным чубом из-под бескозырки — одет по самой последней революционной моде. Он пересчитывал солдат, впрочем, отвлекался, смотрел на чаек и снова начинал считать. На Андрея он не обратил внимания.

Пройдя мимо матроса, Андрей поглядел вниз. На пирсе стояла повозка — рядом Ахмет и его аскер. Ахмет поднял руку.

Андрей помахал в ответ.

К нему спешила мадам Авдеева.

— Как хорошо, вы вовремя, а я все считаю места — никому нельзя доверять. Теперь вам с Российским придется мне помочь.

Каюта, которую Андрей делил с Мстиславом Аполлинарьевичем Российским, милейшим человеком, погруженным в тайны

палеографии, была заставлена экспедиционными ящиками и мешками так, что пройти между ними было невозможно. Авдеевы все экспедиционное добро сплавили подчиненным.

Путешествие оказалось неожиданно долгим — транспорт сначала пошел в Новороссийск, чтобы взять дополнительный груз для Трапезунда, там получили сведения, что поблизости видели немецкую субмарину — так что транспорт отстаивался два дня, пока из Севастополя не пришел миноносец «Керчь». В сопровождении его двинулись дальше. В каюте было душно. Профессор Авдеев обладал удивительным даром превращать в лекцию даже просьбу передать соль. Его трудно было долго выносить. Андрей все чаще думал о Лидочке, и становилось страшно, что она могла сгинуть в волнах реки Хронос.

На пятый день «Измаил» достиг Трапезунда — под этим названием скрывался заштатный турецкий городок.

Глава 2

Май 1917 г.

Андрей проснулся от крика чаек. В недрах транспорта что-то загрохотало, Андрей соскочил с койки и кинулся к открытому иллюминатору, сквозь который лился яркий, рассеянный свет.

Бухта, в которой замер, покачиваясь, громоздкий «Измаил», была наполнена легким, пронизанным косыми лучами только что вставшего солнца туманом. Посмотрев в сторону грохота, Андрей успел увидеть, как разматывается якорная цепь и ныряльщиком, раскинув лапы, летит к воде якорь. Вот он коснулся воды и превратился в столб брызг — но грохот продолжался, потому что цепь все выскакивала из клюза, звено за звеном.

Близкий берег лишь угадывался сквозь туман, и хотелось отвести в сторону белесую кисею.

Проснулся Российский.

— Приехали? — спросил он, потягиваясь. — Я думал, не дождемся.

— Приехали, — сказал Андрей, преисполненный счастливым чувством первого настоящего путешествия.

— Тогда вы позволите мне оккупировать унитаз, коллега? — спросил Российский.

Андрей только отмахнулся от старого тридцатилетнего циника, который тут же прошлепал за перегородку, где были унитаз и умывальник.

И тут кисея тумана медленно и торжественно поползла в сторону, занавес открылся, и Андрей увидел древнюю землю Трапезунда.

Современный торговый и ремесленный город занимал долину вдоль моря. Дома там были разномастные, в основном невысокие, среди них тянулись склады и мастерские — берег являл собой не парадную сторону, а скорее обыденные и захламленные зады города.

Далее, поднимаясь на плоскую террасу, начиналась старая часть Трапезунда с узкими улочками, уютными домами под черепичными крышами, мечетями, столбами минаретов, маленькими, неожиданно возникающими площадями с фонтанчиками посредине, отрезками крепостных бастионов, что стали кое-где задними стенами домов. И над всем этим переплетением улиц, переулков и тупичков поднимался холм, где некогда располагалась цитадель и дворец трапезундских императоров — повелителей, малоизвестных даже профессиональным историкам, но тем не менее самых настоящих императоров средневекового государства, оплота христианства в Малой Азии. Таинственная, неведомая археологам и не тронутая ими, а потому трижды желанная земля, таящая множество тайн, открылась перед Андреем. Только невероятное везение, сказочное стечение обстоятельств смогли закинуть сюда Андрея Берестова, и он понял, что до конца дней своих будет благодарить судьбу за такой подарок.

К «Измаилу», бросившему якорь на рейде, спешили лодки торговцев и перевозчиков — крикливого портового люда.

Здесь уже была самая настоящая Азия — шумная, корыстная, бурная. Трапезунд, занятый русскими войсками во время летнего наступления 1916 года, так и остался прифронтовым городом, так как с тех пор русские лишь немного продвинулись вперед к бурым и розовым холмам, что поднимались в отдалении, громоздясь к горизонту настоящими горами.

Прошлым летом и осенью в Трапезунде уже работали три археолога из Петроградского университета во главе с профессором Успенским.

Результаты первого сезона, при ограниченных средствах, в окружении далеко не всегда дружественного греческого и турецкого населения, оказались обещающими, но не более. А хотелось сокровищ, статуй и свитков. Вместо того чтобы укрепить средствами экспедицию Успенского, Московский университет, вечно соперничавший со столичным, прислал свою экспедицию — авдеевскую, снабженную лучше, чем петроградская, так как в по-

следний момент княгине Ольге удалось заручиться поддержкой мецената и подрядчика Георгия Метревели, который желал, чтобы археологи обязательно нашли в Трапезунде что-нибудь древнегрузинское.

Авдеев мог, не кривя душой, обещать меценату, что его пожелания будут выполнены.

Для этого были основания: во время дворцового переворота в Византии, случившегося в 1185 году, был свергнут и зверски замучен император Андроник. Как и положено в византийских переворотах, победители поспешили убить или ослепить всех близких родственников свергнутого императора, так как опасались соперничества и мести. Особенно жестоко принято было расправляться с мальчиками — возможными наследниками. Так что двум маленьким внукам Андроника — Алексею и Давиду — была уготована ужасная судьба.

Таинственным образом два мальчика исчезли из Константинополя. И объявились вскоре при дворе грузинской царицы Тамары, которая приходилась им родственницей. Факт родственных связей известен всем летописцам и современникам царицы, но в чем они выражались, летописцы не сочли нужным сказать.

Византийские царевичи, законные наследники трона, росли в Тбилиси, играли со своими грузинскими сверстниками, называли царицу Тамару тетей (что отражено в документах) и стали, пожалуй, больше грузинами, чем византийцами.

Неизвестно, как бы сложилась их дальнейшая судьба, потому что Грузия, хоть и была в те годы могучим и процветающим царством, сражаться с самой Византией — одряхлевшей, но могучей мировой империей — не могла.

Алексей и Давид оставались козырем в грузинской политике, но козырем, спрятанным в рукаве, — показывать их пока было некому.

Но тут произошла катастрофа. Очередной, четвертый крестовый поход, в который собралось рыцарство всей Западной Европы, вместо того чтобы освобождать от неверных Иерусалим, направил все свои силы против Константинополя. Византийцы не были готовы к такому коварству, и потому объединенная армия крестоносцев взяла штурмом Константинополь и свергла императора, отчего империя рассыпалась на ряд независимых владений.

Вот тут и наступил звездный час царицы Тамары.

Она собрала армию и послала ее на запад вдоль южного берега Черного моря, покоряя византийские гарнизоны и громя гу-

бернаторов. В ее армии скакали бок о бок два молодых отважных грузинских рыцаря — два наследника византийской короны.

Когда успешный поход грузинской армии завершился, Тамара не только отомстила византийцам за смерть Андроника, но и выкроила для своих воспитанников обширные земли по южному берегу Черного моря с центром в Трапезунде.

Там Давид и Алексей были коронованы императорами Трапезундской империи, а их потомки правили Трапезундом четверть тысячелетия, несмотря на то что все эти годы небольшая империя находилась в полукольце врагов. Но умелая и хитрая политика императоров, сила многонациональной торговой элиты Трапезунда, сложные и конфликтующие интересы соседей — все это позволяло Трапезунду сохранять независимость, а жителям его торговать, рыбачить, пахать землю, строить дворцы и церкви, писать книги, петь песни...

— Я освобождаю туалет, — сообщил торжественно Российский, обладавший чувством юмора висельника. — Вам не кажется, коллега, что еще в прошлом году там кто-то забыл дохлую крысу?

— Мстислав Аполлинарьевич, неужели нельзя обойтись без таких шуток? — взмолился Андрей.

— Для вашего юного возраста вы слишком впечатлительны. А может, в прошлом году «Измаил» перевозил сыр? Вы читали повесть Джерома Клапки Джерома «Трое в одной лодке»?

Андрей с сожалением оторвался от лицезрения бухты. С лодок, подошедших к высоким бортам транспорта, неслись крики: торговцы предлагали все — от сувениров и лепешек до женщин.

Через полчаса археологи в последний раз собрались за завтраком вокруг своего стола, обычно отмеченного присутствием капитана транспорта, капитана второго ранга Белозерского, старика с расчесанной надвое седой бородой, орла времен защиты Севастополя, который не смог отсиживаться в своем имении в годину испытаний и вернулся из запаса к действительной службе.

На этот раз капитан был занят разгрузкой.

Авдеев обвел строгим взором свою немногочисленную компанию — супругу княгиню Ольгу, палеографа Мстислава Аполлинарьевича Российского, отличного специалиста, но невыносимого остряка, а также фотографа Тему Карася, хромого родственника княгини Ольги, которого та пристроила в экспедицию, и никто, кроме самого Карася, не знал, умеет ли он фотографировать или намерен сбежать через Турцию в Египет и греться там на солнце. Наконец взгляд Авдеева остановился на самом молодом участнике похода — Андрее Берестове. Именно к нему оказались обращены слова речи профессора:

— Мы вступаем на древнюю землю, которая должна наградить нас славой или бесчестием. И это касается не только меня.

Тут профессор замолчал и растерянно поглядел на супругу, будто она забыла положить ему в карман отпечатанную на «Ремингтоне» торжественную речь.

— В конце концов! — воскликнул профессор после паузы. — Неужели каждому из вас не ясно? Это наша святая земля — это наш Иерусалим.

Почему-то все стали улыбаться, словно профессор сморозил глупость. Только Андрей не улыбался. Он понял профессора и разделил его высокое чувство.

* * *

Все гостиницы пыльного Трапезунда были переполнены русскими офицерами, прибывшими по различным делам, а также коммивояжерами и откомандированными Земского Союза, Союза городов, благотворительных ведомств и закупочных организаций. Грабить в Трапезунде было нечего, а если что и было, то исчезло уже год назад. Теперь все торговали или занимались контрабандой. Начиналось второе лето русской оккупации, город привык к этой неестественной жизни, будто всегда находился в ближнем тылу российской армии.

Приезжие офицеры роптали ввиду невозможности попасть в гостиницу. Все места были заняты нуворишами, распухшими от поставок и спекуляции армейским добром.

Успенский не пришел встречать экспедицию Авдеева, а прислал одного из своих сотрудников, голубоглазого блондина лет двадцати пяти, Ивана Ивановича. Фамилию свою этот человек, похожий на гимназиста, проведшего лет десять в выпускном классе и забывшего побриться, произнес столь неразборчиво, что никто ее не понял. Он и сообщил, что экспедиция Успенского вот уже вторую неделю занята на раскопках храма Златоглавой Богородицы и профессор Успенский не может отлучиться.

— Естественно, — проворчал Авдеев, — я иного и не ожидал. Скажите мне, молодой человек, а обеспечена ли наша экспедиция жильем, как я просил профессора Успенского два месяца назад?

— Вы и не представляете, — ответил Иван Иванович, не зная, куда спрятать громадные корявые кисти рук, вылезавшие из об-

трепанных бахромой рукавов гимназической куртки. — Комнаты достаются с боем, как добыча на войне.

— И вам добыча не досталась?

Иван Иванович, которого вскоре Российский прозвал крестьянским сыном, развел своими ручищами-лопатами, признавая поражение.

— И где же мы будем жить? — спросил заинтересованно Авдеев.

Иван Иванович оглядел многочисленные свертки, ящики и сундуки московской экспедиции, вздохнул по-бабьи и произнес робким басом:

— А у меня комнатка-то маленькая.

С этого момента начала действовать княгиня Ольга. Она раздобыла какого-то возчика, забрала мужа и, оставив прочих сторожить вещи, отправилась к коменданту города.

Долгое ожидание, сопровождаемое попытками нападения на багаж грязных местных мальчишек, с которыми криками объяснялся Иван Иванович, было окрашено лишь рассказом добродушного крестьянского сына об особенностях археологической экспедиции в прифронтовой полосе.

Никому эта экспедиция не была нужна, тем более после революции, когда Археологическое общество лишилось высоких покровителей, а надежда на то, что Трапезунд и все эти края навечно вошли в состав России, в последние месяцы подтачивалась множеством тревожных слухов, сильным разложением армии и такой продажностью всех чинов, о какой в самой России и не подозревали. В Трапезунде царил пир во время чумы, причем пировали кому не лень и все за казенные деньги. Передовые части, что держали позиции на горах за Трапезундом, никак не желали оставаться в окопах и митинговали, бросая посты. И лишь крайнее нежелание самих турок воевать спасло русское воинство от полного потопления в Черном море.

Профессор Успенский, глава экспедиции и большой авторитет в византиеведении, предпочитал изучать рукописи и надписи на стенах бывших церквей, чем копаться в пыли в поисках черепков. По возвращении из Трапезунда Успенский был намерен выпустить ряд статей о различных памятниках того края, а также монографию по истории Византийской империи. Под стать Успенскому были и его сотрудники, готовые часами нюхать пыль манускриптов и обозревать порталы храмов, но неспособные взять в руки лопату, кисточку или скальпель.

Иван Иванович, вполне привыкший к странностям жизни в Трапезунде военного времени, ничего не понимал в наконечниках стрел и черепках, зато был специалистом по фресковой живописи средневековой Византии. Помимо этого он оказался и знатоком жизни вообще — пока они беседовали, сидя на тюках, сложенных у пирса, к нему время от времени подходили разные люди, большей частью греки, потому что многие турки уехали из Трапезунда, а греки, как единоверцы русских, чувствовали себя законными владельцами города, не желая верить в неизбежное возвращение торжествующего ислама.

Греки о чем-то деловито совещались с крестьянским сыном, передавали ему пакеты, которые Иван Иванович укладывал в суму, висевшую у него на плече. Хоть Российский с Андреем старались деликатно отворачиваться и не задавать вопросов, все же их разговор настолько часто прерывался появлением очередных подозрительного вида личностей, что Российский не выдержал и спросил:

— Черт побери, вы самый популярный человек в Трапезунде?

— Я? Да вы что! — широко улыбнулся крестьянский сын, выпятив вперед массивный подбородок. — Без крутежа тут не удержишься — помрешь. Неужели вы думаете, что на нашем содержании вы продержитесь больше трех дней?

— И вы торгуете? — спросил Андрей, и в его вопросе было видно такое чистое удивление, такая уверенность в том, что археологи в отличие от остального населения планеты взяток не берут и в темных сделках не участвуют, что Иван Иванович вовсе расхохотался и начал колотить себя кулачищами по острым коленям.

— Я не только торгую, — заявил он, отсмеявшись, — я занимаюсь контрабандой и играю на бирже, только что не ворую.

— Но зачем, зачем? — настаивал Андрей. — Вам же некогда копать.

— Вы не знаете моего распорядка дня, — возразил Иван Иванович. — Я, к вашему сведению, никогда не отлыниваю от ученых занятий и нахожусь на лучшем счету у господина профессора.

— Но чем здесь можно торговать? — спросил Российский, который не выказал никакого удивления или возмущения.

— Здесь? Тем, что приходит из России, и тем, что можно отправить на нашу любимую родину, — сказал Иван Иванович. — Я — мелкая сошка, и поэтому меня не трогают большие акулы. Мне бы просуществовать и вернуться домой обеспеченным человеком.

— Зачем? — спросил Андрей.

— Затем, что я хочу жениться, купить небольшое имение,

чтобы хозяйствовать со своей будущей супругой. Я, милостивый государь, из крестьян, я люблю землю более, чем историю.

— Странно, — сказал Андрей, краем глаза видя, как Российский поднимается с тюка и медленно, подобно собирателю бабочек, крадется к зданию пакгауза, стоящему в нескольких метрах.

— Что странно?

— В России идет революция. Многие люди полагают, что вообще надо разделаться со всеми помещиками, отнять имения и все разделить поровну. Солдаты бунтуют, а вы рассуждаете так, словно ничего не произойдет.

— Если я буду думать о дурном, — возразил крестьянский сын, — то я опущу руки и стану ждать смерти. А это мне не свойственно. Вы знаете, кто мой любимый писатель?

— Нет.

— Могли бы и догадаться — Максим Горький. И не его книжки — Бог с ними, с его книжками, в них он часто выступает слюнтяем и интеллигентом. Меня он интересует как фигура, как человек, сделавший сам себя. Без помощи покровителя или общества. Я ощущаю родство с ним. Он бы меня понял.

Подошел очередной грек. Иван Иванович заговорил с ним по-гречески, и довольно бегло притом, затем вытащил из бездонной сумы пакет, перевязанный бечевкой, за что получил от грека иной формы сверток. Потом грек раскрыл бумажник черной кожи и, пересчитав, вручил Ивану Ивановичу целую пачку незнакомых на вид денег.

Пока шел обмен пакетами и деньгами, Андрей поднялся и пошел к началу улицы, ведшей от пирса. Он сразу увидел кофейню «Синдбад» и деревянный фрегат над запертой дверью. Видно, было еще рано. Андрей подошел к Российскому, сидевшему на корточках перед сложенной из каменных плит стеной пакгауза.

— Что вы нашли? — спросил Андрей.

— Да вы посмотрите, студент! — ответил Российский, не оборачиваясь. — Это же греческая надпись десятого века. Именно десятого века, и скорее всего — первой половины.

— Это редкость? — спросил Андрей, боясь спугнуть ту творческую углубленность, что владела Российским.

— Это большая редкость. Трапезундская империя упрочилась здесь в начале тринадцатого века, до того это была глухая византийская провинция. Я не знаю другой надписи десятого века из этих мест. Вот только сохранность... — Российский кончиками пальцев погладил стертые буквы.

— Вижу, надпись нашли, — сказал, подходя, Иван Иванович. — Здесь их тысячи. Сначала христиане уничтожали храмы римской эры, используя камень для своих построек, затем их дома, дворцы и церкви с таким же энтузиазмом крушили турки. Чудо, что здесь что-то осталось.

— Выгодно продали? — не без сарказма, как ему показалось, спросил Андрей.

— Весьма выгодно, — добродушно ответил Иван Иванович.

— А что здесь идет? — спросил вдруг Российский, выпрямляясь и почесывая острую бородку.

— Мы вывозим отсюда хороший табак, — с готовностью ответил Иван Иванович. — Он хорошо идет у нас. А еще лучше — опиум.

— Опиум? — удивился Андрей. — Для медиков?

— Есть люди, которые курят опиум.

— Но это опасно, — сказал Андрей. — Может образоваться вредная привычка.

Он пользовался сведениями из журнала «Вокруг света».

— Неизбежно, — сказал Российский. — И человек чахнет, не в силах существовать без этого зелья. А это уже распространено в России?

— Пороки гнездятся повсюду, — уклончиво ответил Иван Иванович. — Пошли к нашим вещам — к ним подкрадываются байстрюки!

Размахивая торбочкой на веревочной ручке, Иван Иванович побежал к экспедиционному багажу, звуками изображая сразу паровоз и стреляющую картечью батарею.

От кучи вещей, подобно тараканам, беззвучно кинулись в разные стороны оборванные портовые мальчишки. Иван Иванович подобрал с земли камень и со злостью запустил вслед воришкам. Камень попал одному из них в ногу, тот завопил и начал сильно прихрамывать.

— Ну зачем вы так! — сказал Андрей.

— Ничего нельзя оставить, ни на секунду, — проворчал Иван Иванович. — Ну вот... — Он показал, что один из вьюков был вспорот и оттуда наполовину вытащен рулон парусины.

— А что же им нужно от нас? — спросил Российский, имея в виду международную торговлю, а не воришек.

— Массу вещей из тех, что цивилизованная европейская страна может подарить своему отсталому восточному соседу. — Он вытащил из кармана тесных гимназических брюк дешевые стальные часы на цепочке и принялся крутить их на пальце. — И так далее, — сказал он, — и прочее.

Из-за края пакгауза завороженно смотрели на часы мальчишки.

Потом они исчезли, и показалась повозка — на более высоких колесах, чем Андрей привык в России. В ней сидели Авдеевы и подполковник в черной кожаной тужурке с серебряными погонами военного медика.

— Ого, — сказал с уважением Иван Иванович, — кого подцепили!

— А кого? — спросил Андрей.

— Подполковник Метелкин — главный ветеринар Трапезундского участка. Фигура. Подозреваю, что ваш профессор поэнергичнее нашего.

— Это наша жена поэнергичнее, — сказал Российский.

— Мальчики! — крикнула княгиня Ольга. — Все в порядке!

Когда пролетка остановилась и фатоватый подполковник Метелкин, с вожделением обозревая зрелые формы профессорши, помог ей сойти на землю, княгиня Ольга объяснила, что все члены экспедиции будут размещены в лучших номерах гостиницы «Галата», за что экспедиция и русская археологическая наука должны быть по гроб жизни благодарны Илье Евстафьевичу, который был так любезен и так далее...

— Я преклоняюсь, — прошептал на ухо Андрею Иван Иванович, — там не смог устроиться даже генерал-майор Зайнчковский. Только Метелкин... — И он развел ручищами.

Профессор Авдеев был и рад победе археологии, и смущен нескрываемым восхищением, с которым Метелкин обращался к его жене. Так что он сразу направился к багажу, давая лишние указания сбежавшимся грузчикам. Это вызвало беспорядок в их толпе, так что в конце концов и грузчиками занялся подполковник Метелкин.

Подполковник Метелкин был образцом стареющего светского льва. Он был крайне высок ростом, его маленькая голова с пышными усами была всегда чуть откинута, узкие плечи отведены назад, небольшой, твердый на вид живот существовал как бы самостоятельно в виде авангардного отряда. Длинные ноги подполковник ставил по-балетному, но с ухарским вывертом, так что сапоги его находились в сложном движении и всегда излучали сияние. Волосы подполковника были расчесаны на замечательный пробор и чуть вились, а взгляд был с такой поволокой, что вызывал дрожь в некоторых дамах.

С археологами, которых представила ему княгиня Ольга, подполковник был снисходительно вежлив, дав Российскому и возникшему неизвестно откуда Теме Карасю подержать свою узкую

мягкую кисть. Но когда княгиня Ольга произнесла: «А это Андрей Берестов, младший, но далеко не последний сотрудник нашей экспедиции...» — подполковник вдруг замедлил движение руки и, откинув еще более голову, принялся изучать Андрея столь бесцеремонно, что тому стало не по себе.

Он даже отвел глаза и посмотрел на крестьянского сына, надеясь найти у того сочувствие, но Иван Иванович смотрел на Андрея с нескрываемым удивлением.

— Разве мы с вами встречались? — спросил наконец Андрей, прерывая затянувшуюся паузу.

— Не имел чести, — ответил подполковник. — Хотел бы знать, что привело вас в наши края.

— Андрей Берестов, — повторила Ольга Трифоновна, решив, видно, что подполковник не расслышал ее слов, — наш младший, но далеко не последний сотрудник.

— И надолго к нам? — спросил Метелкин, понизив голос, словно эти слова предназначались только для Андрея.

— Как и все, — сказал Андрей.

— Да, конечно, — поспешно согласился Метелкин, хотя по-прежнему был растерян. Но больше к Андрею он не обращался.

Тем временем откуда-то появились два солдата с винтовками, которые встали возле экспедиционного багажа. Метелкин поручил им заботу о грузе, а сам отвез гостей в отель, в пышное, как кремовый торт, но давно не подновлявшееся трехэтажное здание, перед входом в которое сидели сразу четыре чистильщика ботинок, а двери открывали два швейцара в обшитых позументами потертых ливреях.

Отель «Галата» в Трапезунде летом 1917 года был самым фешенебельным заведением, пожить в котором почитали за честь даже генералы и адмиралы, приезжавшие сюда с инспекциями и строжайшими проверками, не приносившими ожидаемых результатов. В действительности, как и предупреждал Иван Иванович, отель был прибежищем крупных спекулянтов и темных дельцов. Так что появление в «Галате» археологической экспедиции с ее сундуками и тюками, с более чем скромными на вид сотрудниками вызвало некоторое презрительное удивление среди челяди, пока челядь не узрела припозднившегося подполковника Метелкина.

Тогда все стало на свои места. Откуда-то из-за стеклянных дверей в стиле провинциального модерна с примесью ориентального борделя, из-за занавесок, издающих хрустальный звон, поя-

вились юноши в красных фесках, готовые немедленно разнести багаж экспедиции по апартаментам.

Метелкин беседовал с портье. Они склонились друг к другу через широкое отполированное поле стойки и взволнованно шептались, словно обговаривали ночной мальчишник. В конце концов денежные проблемы, ко всеобщему удовлетворению, были улажены, подполковник сам вручил ключ от апартаментов люкс профессорше и велел прочим сотрудникам — а именно Андрею, Теме Карасю и Российскому — самим забрать ключи от своих номеров.

Княгиня Ольга сияла, как женщина, вознесенная на недосягаемую высоту бескорыстным поклонением паладина, ее муж изображал пренебрежение к житейским благам, давая притом понять, что Метелкин старается исключительно ради его прекрасных профессорских глаз. Карась боялся, не случилось бы чего с его камерой и треногой. Российский ничего не боялся и думал о надписи десятого века, а Андрей смертельно хотел спать, потому что ночью трижды вылезал на палубу, чтобы первому увидеть таинственные берега Турции.

Экспедиция, сопровождаемая десятком носильщиков, поднялась на второй, устланный коврами этаж, где рассталась. Здесь оставалось начальство — остальным судьба определила комнаты этажом выше.

Комнаты были в конце длинного коридора. Там потолок был пониже и двери скромнее, чем на втором этаже, но сама комната Андрею понравилась — она выходила на улицу справа от входа в «Галату», откуда начинался подъем к цитадели, где виднелись обломанные зубцы крепостных стен и башен, а далее, за бурыми холмами, поднималась серо-голубая под полуденным солнцем громада горы с развалинами на вершине. Андрей поднял жалюзи и открыл окно, чтобы изгнать затхлый запах непроветренной комнаты. Он впитывал в себя чистоту воздуха и полуденную умиротворенность жаркого дня, когда даже мальчишки убираются с улиц, чтобы заснуть в полутьме задней комнаты.

Ему захотелось запомнить это мгновение, эти звуки и этот вид из окна, и он медленно переводил взгляд с предмета на предмет, как бы фотографируя их глазами.

Когда взгляд Андрея достиг угла улицы, то он увидел полного человека в черном костюме, в черном котелке, что не соответствовало времени и жаре. Раньше Андрей его не замечал. Он глядел на Андрея и, встретившись с ним взглядом, приподнял толстую трость, как бы приветствуя Андрея.

Андрей пожал плечами — он был в этом городе всего часа два и, разумеется, не мог иметь здесь знакомых. Человек в черном размеренно пошел к гостинице. Андрей чуть наклонился вперед, пытаясь разглядеть незнакомца, а тот и не намеревался скрывать лицо. Он приподнял котелок, чтобы Андрей лучше мог разглядеть его лицо, оливковое, полное, с большими черными глазами, сросшимися бровями и напомаженными волосами.

— Господин Берестов? — внятно, но с акцентом произнес незнакомец, закидывая голову.

— Это я, — согласился Андрей.

— Андрей Сергеевич, если не ошибаюсь?

— Но я вас не имею чести знать, — сказал Андрей.

— Я вас упустил в Севастополе, в апреле, — сказал незнакомец. — Я приехал, а вы были в отъезде.

— Я не был в Севастополе в апреле, — ответил Андрей.

— И я так думаю, — согласился незнакомец. — Я же вас не застал.

— Извините, — сказал Андрей.

— Это вы меня извините, — сказал вежливо незнакомец, надевая котелок. — Я к вам сейчас приду, хорошо?

— Зачем?

— Ах! — расстроился незнакомец. — Меня все в Трапезунде знают. Но такое несчастье, что господин Берестов меня не признает. Я к вам сейчас приду. А вы мне откройте дверь, это вас не затруднит?

И, не дав Андрею ответить, незнакомец скрылся за углом.

Через три минуты он уже стучал в дверь номера. В этой встрече была интрига — как будто ты раскрыл свежий номер «Вокруг света», прочел первую главу нового романа Буссенара или Пьера Бенуа и теперь ждешь, каждый день заглядывая в почтовый ящик, когда же наконец будет продолжение...

— Войдите, — сказал Андрей.

— Это я, — сказал незнакомец, открыв дверь и остановившись там, как бы давая Андрею возможность как следует себя разглядеть. — Мое имя Сурен Саркисьянц. Меня многие знают.

— Чем могу быть вам полезен? — спросил Андрей, указывая гостю на стул. — И откуда вы знаете мое имя?

— У меня сегодня одно имя, завтра другое имя, даже родная мама уже забыла, какое имя было у меня с самого начала. Скажите, Андрей Берестов, что вы для нас привезли?

— Я? Для вас?

— Не надо маневров. Вам известно, чьи интересы я представ-

ляю. — Саркисьянц широко улыбнулся, и Андрею показалось, что он заглянул в жерло огнедышащего вулкана, — все зубы господина Саркисьянца были увенчаны золотыми коронками — золотого сверкания было не меньше, чем от полотна Репина «Заседание Государственного совета».

Господин Саркисьянц был невелик размерами, но очень ладно и округло скроен, подобен тюленю, покрытому, чтобы пережить холодную зиму и ледяную воду Арктики, ровным и упругим слоем жира. Как ценной тюленьей шкурой, этот жир был обтянут тугим черным костюмом, а по жилету стекала солидная золотая цепь.

— Поймите меня правильно, я негоциант, — заявил господин Саркисьянц. — Вам известно такое слово? Я обладаю большими средствами, которые вкладываю в различные предприятия. Так что любая безделица для меня радость. Золотые часы есть? Нет? А серебряные часы есть? Нет? А остальные часы есть? Нет. Скажи, а фотоаппарат у тебя есть? А бинокль у тебя есть? А то, о чем вслух не говорят, у тебя есть?

— Я не знаю, что это такое.

Господин негоциант расхохотался. Он просто трясся от остроумия господина Берестова. Потом вытянул на золотой цепи из кармашка, словно якорь, часы и громко щелкнул их крышкой, отчего зазвучала мелодия «Ах, мой милый Августин, Августин, Августин...». Тут господин негоциант стал непроницаемо серьезен. Он извлек визитную карточку с золотым обрезом, протянул Андрею и сказал:

— Мы с вами, Андрей Сергеевич, будем делать большие дела. Я вас проверил. Все в порядке. Вы мне понравились. Так я и передам заинтересованной персоне.

С этими словами негоциант каким-то неуловимым образом оттолкнул задом стул, который послушно отъехал на два аршина и остановился. Затем, уже стоя, перехватил трость и, коротко поклонившись, исчез, словно был плодом воображения Андрея.

Андрей отлично знал, что Сурен Саркисьянц ему не приснился и не привиделся. А это означало лишь одно: где-то у Андрея есть двойник, вернее всего, в Севастополе. Что очень странно. Более того, его двойник каким-то образом связан с армянским негоциантом.

Менее всего Андрей мог бы предположить, что этим двойником стал его гимназический приятель Коля Беккер, оставшийся в Севастополе после отъезда Колчака в Америку.

Участие в трапезундских операциях, правда, не весьма актив-

ное и широкое, Коля начал принимать еще в апреле, при Колчаке. В конце концов, многие в штабе флота и его службах приторговывали с Трапезундским гарнизоном и тамошними негоциантами как купленным на собственные деньги, так и казенным добром.

С отъездом Колчака Коля Беккер и Свиридов стали теснее сотрудничать с помощниками подполковника Метелкина, который в значительной степени мог считаться генералом российских торговых людей. Беккер и Свиридов были нужны трапезундцам потому, что, с одной стороны, всегда знали заранее об акциях флота и армии, как благоприятных для тайной торговли, так и вредных для нее. С другой стороны, именно эти офицеры в штабе помогали обеспечить перевозки добра на военных и транспортных судах под видом боеприпасов, обмундирования и черт знает чего еще. Военные грузы никем не досматривались. Ни Коля, ни Свиридов не знали об истинных масштабах контрабанды или о ее организаторах — они были винтиками передаточных инстанций. Еще в мае полковник Баренц из контрразведки предложил Коле съездить в Трапезунд с ревизией. Коля сначала согласился, но потом, наслушавшись рассказов о нравах тамошних контрабандистов, предпочел сказаться больным. Баренц был недоволен, но ему ничего не оставалось, как самому собираться в путь: из Трапезунда приходили тревожные вести — конкуренты «севастопольской группы» намеревались перехватить рынок...

* * *

Андрей снял сапоги и, усевшись на кровати, принялся рассматривать свою комнату. Центр номера занимала кровать, которая вызывала подозрения, что в этом номере останавливались обычно джентльмены с небольшими гаремами. Помимо кровати, балдахин над которой был частично сорван, в комнате стояло ободранное голубое мягкое кресло, женское трюмо с пустыми бутылочками и баночками и круглый столик на шатучих паучьих ножках. Пол был устлан потертыми коврами.

Андрей откинулся на постель, не разбирая ее. Она оказалась мягкой, податливой и невероятно скрипучей. «Что же происходит, когда на нее ложится гарем?» — подумал Андрей и тут же заснул.

Проснулся он только к вечеру от непривычных звуков под окном. Город уже очнулся от послеобеденного отдыха и набирал вечерние темпы и шумы. Кричали мальчишки, звенели и вопили

продавцы воды и шербета, верещал бродячий фокусник, матерились два пьяных русских прапорщика, завывали прохожие торговцы из лавочек, что выходили на улицу, размером напоминая платяные шкафы.

В дверь постучали — это был Тема Карась, фотограф, которому госпожа Авдеева поручила оповестить археологов, что общий ужин для экспедиции будет подан в ресторане отеля «Галата» и потому всех просят по возможности одеться подобающим образом. Тема был крайне расстроен — у него была лишь зеленая студенческая тужурка, потому что Тему выгнали за увлечение фотографией из Лесного института, а впоследствии все деньги он тратил на химические реактивы, треноги и линзы для своих аппаратов, так что до остального руки не доходили. К счастью, в гардеробе Великого князя, пожертвованного Андрею императрицей, оказались лишние брюки для Темы, которые, правда, пришлось подвернуть.

Сам Андрей никаких трудностей не испытывал — замшевая охотничья куртка с золотыми пуговицами вполне могла сойти за генеральскую униформу экзотической, допустим, лихтенштейнской армии.

Труднее оказалось с проблемой туалета, ибо в гостинице такой пышности «удобства» оказались в конце синего, украшенного цепочкой матовых лампионов под потолком коридора и были заняты каким-то русским человеком, который в ответ на робкие запросы Андрея отвечал, пользуясь всеми красками русского языка, как плохо его желудок переносит острую местную пищу и напитки. В конце концов этот ругатель вышел и оказался низеньким, одновременно облысевшим и взлохмаченным поручиком по интендантству и, не попросивши прощения, побрел прочь. Зайдя внутрь, Андрей вспомнил чью-то мудрую фразу, что уровень цивилизации определяется чистотой ее туалетов.

Помыться удалось в номере, где возвышался грандиозный мраморный умывальник, созданный, видно, Скопасом, на котором стоял наполовину наполненный таз. Так что Андрей, выходя к обеду, был удручен и разочарован.

Но стоило Андрею вновь выйти в коридор и, спустившись на этаж по закругленной с позолоченными перилами лестнице, очутиться на престижном втором этаже, где располагались номера господ Авдеевых — место сбора экспедиции, как его настроение изменилось.

Ступив на мягкий ковер второго этажа, Андрей окунулся в мир неги и разврата, сомнительных удовольствий и сладострастия, невиданных денег и неслыханного коварства. Андрей всей шкурой почувствовал, что пребывание экспедиции в гостинице «Галата» грозит ей моральной, а может быть, и физической гибелью, неминуемой опасностью потонуть в болоте порока.

Но, почувствовав это, Андрей не воспротивился опасности. Его девятнадцатилетнему, не искушенному в пороках телу стало шекотно и сладко от предвкушения вседозволенности.

Дверь в номер профессора Авдеева была преувеличенно велика, и хотелось поставить по обе ее стороны по гигантскому гвардейцу с алебардой и желательно в тюрбане.

Постучавши, Андрей вошел в номер, который был так же роскошен, как коридор, так же пышен, но далеко уступал ему в размерах. Очевидно, архитектор этого здания полагал, что его посетители будут большую часть времени гулять по коридорам, а в номера забегать лишь для удовлетворения овладевшей ими страсти. Номер, намного превышавший тот, в котором обитал Андрей, был почти весь занят двуспальной кроватью под расшитым стеклярусом балдахином. Плотный профессор сидел на краю кровати и громким голосом доказывал Российскому, что надпись десятого века в районе трапезундского порта существовать не может, потому что это противоречит науке. Андрей знал, что профессор ровным счетом ничего не смыслит в греческих надписях.

Тема Карась сидел в кресле, покрытом чем-то блестящим, и заворачивал обшлага брюк. Российский слушал гневные филиппики Авдеева и смотрел в окно, за которым ничего, кроме синевы темнеющего неба, не было видно. Вошла восхитительная госпожа Авдеева в блеске купеческой зрелости. Российский как-то сказал, что ее хочется сорвать и жевать, обливаясь соком. Плечи ее были обнажены, в руке страусовый веер.

— Все готовы? — спросила она, оглядывая комнату, где все вытянулись при ее появлении и даже муж не удержался и вскочил, задрав бороду, будто от этого мог стать выше.

Княгиня Ольга прошла вдоль строя, только что не проверяя зубы. Андрею поправила галстук, Теме велела почистить ботинки, а Российский ей совсем не понравился — слишком он был мят и засыпан перхотью, и видно было, что она готова оставить его дома, но не оставит, потому что для палеографа это будет вовсе не наказанием, а подарком — он наверняка стремится к недочитанному труду Шампольона или Брэстеда. Так что и Российского взяли.

Пока Ольга Трифоновна инспектировала свою дружину, Анд-

рей задумался о странной участи русских женщин. По воспитанию своему и месту в семье они играют скорее роль главенствующую, чем подчиненную. В семействе, в имении, в усадьбе, в литературном салоне — куда ни поглядишь, правят российские дамы. Они и образованней, и умней мужчин и не отвлекаются на мелочи вроде политики. То есть по праву и возможности русское общество могло бы стать матриархальным, и это пошло бы ему на пользу. Но законы общества, его родовые, древние, дремучие боярские нравы требуют, чтобы женщина ограничивала свою деятельность домашним хозяйством. И сколько же остается нерастраченных сил, загубленных судеб — сколько министров, сколько Путиловых и Пироговых не смогли найти своего выхода в жизни. Если революция и может принести нечто полезное, то это будет не столько земля крестьянам, о которой говорят, но никто ничего не смеет предпринять, а открытие дороги для русских женщин. И вот, рассуждал Андрей, пройдет несколько лет, и русские женщины займут достойные места — будут у нас женщины-министры, женщины-сенаторы, женщины-миллиардерши. Будут они подобны нашей княгине Ольге — могучие, пышущие российским здоровьем, со взбитыми прическами, может, порой чересчур самоуверенные, но знающие свое дело и видящие цель в своей жизни. И будут с завистью глядеть на Россию Англия и другие страны, которые и мечтать не посмеют о том, чтобы дама была у них премьером. А у нас будет!

Рассуждая таким образом, Андрей не заметил, как они вышли из номера и спустились в вестибюль гостиницы, дурно освещенный и замызганный оттого, что там было слишком много случайного народа — спящих на чемоданах офицеров или дельцов, которым не нашлось номера, заблудившихся пьяниц и личностей, которые избрали вестибюль местом для заключения своих сделок или тайных переговоров.

Появление экспедиции вызвало некую сенсацию между собравшимися. Попробовав взглянуть на экспедицию со стороны, Андрей вынужден был признать, что удивление окружающих обоснованно.

Впереди небольшой процессии шествовала крупная дама в расцвете лет, одетая в вечернее платье, оставляющее обнаженными соблазнительные части ее прекрасного тела. Под руку эту даму держал низкий пожилой мужчина с черной бородой, массивным носом и злыми глазками из-под очков. Почетным эскортом эту пару сопровождали три молодых человека, один в замшевом костюме для придворной охоты, второй в потертой студенческой

тужурке и сползающих слишком длинных брюках, и наконец третий, в стареньком пиджачке, с отсутствующим взглядом, будто попавший сюда совершенно случайно.

Пересекши вестибюль, эта пятерка вошла в страшно дымный и душный, кричащий, поющий, прогуливающий деньги зал ресторана.

Метрдотель, завидя археологов в дверях, кинулся к ним и на добром греческом языке обратился к Андрею, приняв его за главу процессии. А так как никто греческого не знал, то археологи начали кивать головами и кивали, пока их не провели за стол у сцены, и там Авдеев сердито обратился к Российскому:

— Я всегда полагал, что вы знаете греческий! Куда он делся?

— Я знаю, как писали греки три тысячи лет назад, — ответил Российский. — Но они давно пишут иначе.

— А где он? — спросил тогда Авдеев у своей жены. Он был агрессивен и не уверен в себе.

— С минуты на минуту, — ответила Ольга Трифоновна, будто бы и в самом деле имевшая право знать о планах подполковника Метелкина.

Они расселись за столом, оставив место Метелкину между Авдеевыми.

Ресторан оказался велик и высок, будто он заполнял собою всю гостиницу, и происходило это оттого, что потолка и лепнины не было видно — настолько густо собирался наверху табачный дым и чад из кухни.

За столиками сидели в основном русские офицеры и гражданские люди, но были и местные, по крайней мере так показалось Андрею. Конечно же, он не мог утверждать наверное, видит ли перед собой дельца из Одессы или грека из Синопа.

Женщин в ресторане было немного, и Андрей мог бы поклясться, что, за исключением княгини Ольги, все остальные, молодые, одетые и накрашенные ярко и вульгарно, относились к числу гетер. Но и в этом вопросе Андрей не был достаточно компетентен.

Метелкин пришел с опозданием, и из-за этого им пришлось просидеть минут двадцать за пустым столом, слушая плохой оркестр и непристойные крики офицеров. Метелкин вошел быстро, на этот раз он был не в кожаной тужурке, а в хорошо сшитом мундире. Он попросил прощения у княгини Ольги и бурлившего от негодования Авдеева и, дав знак официанту, смог заставить того в мгновение ока расставить на столе блюда и салатницы, чтобы успокоить изголодавшихся археологов, — благо шум стоял

такой, что лишь господин Метелкин, поочередно наклоняясь то к ушку Ольги Трифоновны, то к уху ее супруга, мог поддерживать светскую беседу.

Андрей решил как следует поесть — еще днем Иван Иванович предупредил, что жалованья, положенного университетом, недостаточно даже на кофе.

Обжигаясь жирным бараньим супом, Андрей обратил внимание на то, что оркестр перестал играть и в зале от этого наступила кратковременная тишина. Подняв голову, он увидел, что оркестр отодвигает стулья, чтобы освободить на сцене больше места, а завсегдатаи ресторана хлопают в ладоши, ожидая приятного зрелища.

И в самом деле зрелище, представшее глазам Андрея, было для него необычным и экзотическим. Под томительную восточную мелодию на сцену вышла молодая женщина в ярких зеленых шальварах, широком, расшитом блестками лифе и подобии легкой чадры. Живот ее, плечи и руки были обнажены. Эта женщина начала танцевать, совершая движения бедрами и животом, что приводило офицеров в восторг, хотя Андрея оставило равнодушным. Он признавал, что фигура танцовщицы была почти безупречна, черные волосы так же хороши, но сам танец не требовал особого умения.

По окончании танца зрители не были удовлетворены и начали бурно хлопать в ладоши и кричать «бис!».

Танцовщица спустилась со сцены и начала продвигаться между столиками, ловко избегая жадных пальцев офицеров и нуворишей, стремившихся хотя бы дотронуться до нее.

Она прошла совсем близко от стола археологов, вызвав в Метелкине пароксизм восторга.

— Аспасия! — закричал он. — Душа моя! Я твой верный друг!

Легким округлым движением руки танцовщица как бы вернула его на место, с которого подполковник ветеринарной службы уже готов был сорваться, и тут же обратила свой взор к Андрею. И тогда Андрей впервые увидел глаза Аспасии — совершенно зеленые, болотные, сверкающие куда более, чем положено человеческим глазам, — глаза пантеры с человеческим зрачком, обрамленные такими длинными и густыми ресницами, будто лесные озера в окружении густых елей. Глаза чуть сощурились, и до Андрея донесся шепот:

— Берестов, я жду тебя...

Андрей не знал, услышал ли кто-нибудь этот шепот, но движение Аспасии и ее внимание к Андрею были отмечены многими.

— Не ошибись! — закричал подполковник Метелкин. — Федот, да не тот! Но ты пробуй, пробуй...

Подполковник начал хохотать, танцовщица уже была у соседнего стола, а затем, проскользнув у самой двери, исчезла из зала.

Княгине Ольге стало совершенно невтерпеж в этом вертепе.

— Мы благодарны вам, Илья Евстафьевич, конечно, благодарны, но тяжелая дорога, а здесь так шумно и дымно... Нет, что вы, конечно же, оставайтесь...

Андрей-то знал, что княгиня Ольга взбешена. И этим паршивым ресторанчиком, и поведением мецената Метелкина — и собой, потому что поддалась его ухаживаниям и оказывала ему знаки внимания. Но весь ее гнев и негодование выльются на профессора Авдеева, тем более что сам Авдеев ничего бы не смог поделать без помощи Метелкина, а его хваленый профессор Успенский, как кот, берегущий свою территорию, даже не захотел с ним встретиться.

Княгиня Ольга рассчитывала на то, что вся экспедиция демонстративно покинет вертеп, но ее ждало еще одно разочарование — Андрей Берестов поднялся вместе с ней, но сказал:

— Я останусь еще немного. Можно?

— Я бы на вашем месте... — сказала Ольга Трифоновна, но потом махнула рукой, понимая, что здесь настаивать бессмысленно. Она постарается наказать Андрея потом — к этому у нее будет масса возможностей. Не оценив ситуации, с Андреем решил остаться фотограф Карась, которому ресторан казался олицетворением сказок Шахерезады, о чем он и сообщил Андрею, когда остальные ушли. Вскоре вернулся подполковник Метелкин. Он ничего не понял и спросил Андрея:

— Она чего, Ольга Трифоновна, какая муха ее, а?

— Она вас приревновала к танцовщице, — сказал Андрей, наклонившись к подполковнику, чем привел того в отличнейшее настроение.

Оркестр уже играл одесские мелодии, вышел вертлявый певец, который старался отбивать чечетку.

Метелкин позвал за стол нескольких офицеров, заставил их доесть не использованные по назначению археологами блюда, заказал еще несколько бутылок коньяка и сладкого местного вина. Фотограф быстро опьянел и клевал носом, стараясь не заснуть, Андрей спросил у Метелкина, кто такая Аспасия.

Метелкин поднял палец и сказал:

— Не надо песен, Андрюша!

Танцовщица более не появилась, и Андрей жалел об этом. Но

несмотря на крепкий и очень душистый кофе, что принес ему официант, сонливость взяла свое. Андрей спросил Метелкина:

— А что делать с Карасем?

— Не обращай внимания, — сказал подполковник, — иди встречай Морфея, а я... — Тут подполковник снова прижал палец ко рту, и глаза его сделались до противности глупыми.

Андрей не знал, должен ли он давать на чай официантам — он уже понял, что в Трапезунде ходили самые различные деньги и даже существовала широкая категория лиц, которая строила свое благосостояние на торговле русскими рублями, турецкими лирами, греческими драхмами и валютами совсем уж несусветными. Заметив и правильно расценив колебания археолога, Метелкин отмахнулся и крикнул:

— Идите спать, господин Берестов!

Андрей склонился перед таким проявлением вежливости и вышел из зала, веселье в котором лишь набирало силу.

В вестибюле также было довольно людно, и, несмотря на то что большие часы, висевшие над стойкой портье, показывали десять часов, кипение страстей разгоралось — сюда выходили из ресторанного зала, чтобы поговорить наедине, сюда забегали люди с улицы, кого-то спрашивали, кого-то требовали, ссорились и мирились, на длинном диване под пальмой в кадке сидели в рядок три весьма разукрашенные брюнетки в коротких юбках и матросских блузах. Андрюша понял, что это — проститутки, и ему стало неловко и даже чуть страшно оттого, что он может сейчас — и никто этому не удивится — подойти к этим девицам и купить тело любой из них. У Андрея даже лоб вспотел от такой мысли, и, истолковав его взгляд по-своему, одна из девиц окликнула его на плохом русском языке:

— Солдатик, пойдем, хорошо?

Андрей поспешил прочь, и вслед ему был слышен смех.

Андрей вышел на улицу. Освещена она была плохо — фонарей всего два, возле самой гостиницы. Далее улица освещалась лишь светом из окон. Так как электрического освещения в большинстве домов не было, свет этот был тусклым. Дальше по улице видны были ярко освещенные открытые двери и окна кофеен, что придавало ей атмосферу некой театральности.

Из темноты возникли два белых глаза и, страшно светя, надвинулись на Андрея, который отпрянул к стене, не сообразив сразу, что это автомобиль, настолько автомобиль был чужд этому антуражу. Из автомобиля, остановившегося перед «Галатой», выскочил офицер и помог сойти толстому генералу, императорский шифр на золотых погонах которого сверкнул, как драгоценный камень. Генерал и офицеры, сидевшие в моторе, рассмеявшись какой-то шутке, исчезли внутри гостиницы.

Андрей решил выйти к морю. Вечер был слишком теплым, безветренным, словно ты находишься в комнате с плотно закрытыми окнами и форточками. Запахи города слагались из ароматов восточной кухни, миазмов, плохой канализации и тех неуловимых запахов, что накапливаются в каждом южном городе столетиями. Порой уже сто лет назад источник аромата исчез, но, вцепившись в соседние запахи, он продолжает вливаться в общий аромат города.

Андрей пошел вниз по улице, он знал, что надо идти под гору — в конце концов выйдешь к морю.

На площади паслось стадо столиков, вынесенных из небольших харчевен, на столиках стояли керосиновые лампы, за столиками сидели греки и негромко разговаривали, из кофейни доносилась греческая песня, совсем такая же, как в Балаклаве или Керчи.

Посреди площади шарманщик крутил ручку хриплой шарманки, игравшей нечто немецкое, на плече у него неподвижно торчал белый попугай, а на шарманке горела большая свеча.

Из-за медленно ползущего облака выглянула тонкая старая луна, черное дно площади стало серебристым, а тени черными. Навстречу Андрею шел патруль. Три солдата — винтовки с примкнутыми штыками, — молодой поручик с повязкой на рукаве.

— Молодой человек! — окликнул поручик Андрея. — Вы куда пошли?

— Добрый вечер, — сказал Андрей, не обидевшись на оклик. — Как вы догадались, что я русский?

— Опыт, — сказал офицер, а солдаты засмеялись.

— Я в гостинице остановился, — сказал Берестов.

— А не позволите ли вы посмотреть на ваш документ? — вежливо спросил офицер.

Солдат зажег электрический фонарь, и офицер, взяв временное удостоверение Берестова и пропуск в военную зону, добытые для него Авдеевым, прочитал их и вернул Андрею.

— Неужели интендант? — спросил офицер, и Андрей понял, что ему не хочется, чтобы его приняли за торговца или спекулянта.

— Это потому, что я в гостинице живу, — сказал Андрей. — Нет, нас устроили в гостинице, но вообще-то мы — экспедиция, мы будем изучать здешние храмы.

— Какие здеся храмы, — сказал один из солдат. — Здеся одни ихние мечети.

— Вы не правы, — возразил Андрей. — Когда-то эти мечети были построены как православные церкви, а потом сюда пришли турки и приспособили их для себя.

— Вот я и говорю, — сказал второй солдат. — Это все наша земля, русская.

— Вы, я вижу, у нас первый день, — сказал командир патруля, — и правил наших не знаете. Здесь случаются и грабежи, и убийства. Обстановка, я вам доложу, тревожная.

— Почему? — спросил Андрей. — Город кажется очень мирным.

— Он сейчас кажется мирным, — сказал поручик, — а вы бы сюда попали год назад, когда наша армия сюда вступила, — стон стоял!

— Да, я тут был, — сказал первый солдат. — Это точно, что стон стоял. Сколько их порезали, сколько пограбили — уму непостижимо.

— Кто грабил? — не понял Андрей. — Турки?

— Какие турки? Турки бежали отсюда, — сказал поручик. — Это греки. Их, конечно, теоретически можно понять — столько лет они были лишены даже элементарных человеческих прав. Но вы не представляете, какие звериные темные инстинкты проснулись в толпе. Шел грабеж, совершались убийства, поджоги, осквернялись мечети и кладбища...

— Девок насиловали, — сказал солдат. — Сам видал.

— Я боюсь, — сказал поручик, — что, когда мы уйдем отсюда и турки вернутся, снова будет резня. Только наоборот.

— В этом беда всех многонациональных империй, — сказал Андрей. — Такое случалось и в Древнем Риме.

— О Древнем Риме не знаю, — улыбнулся вдруг поручик, который был, очевидно, славным малым, — не бывал. Но что в России мы то же самое получим, не сомневаюсь.

Он приложил руку к фуражке, потом протянул ее Андрею:

— Поручик Митин, Юрий Константинович.

— Берестов, Андрей Сергеевич, — сказал Андрей. Он с радостью пожал руку этого простоватого, курносого, с хитрецой в глазах поручика. Так в первый же день он обзавелся знакомым.

Возвращаться в гостиницу Андрей отказался, сказав, что грабить у него нечего, — в крайнем случае он убежит.

Патруль направился дальше, а Андрей, спросив для верности о кратчайшей дороге к морю, свернул с площади направо и по-

шел узкой кривой улицей, мостовая которой углублялась к центру, там по канавке стекала черная вода, от которой плохо пахло. У домов, как правило, был каменный, сложенный из плит первый этаж, второй же, деревянный, выдавался над первым. Над головой дома почти смыкались, оставляя лишь узенькую щелку темного неба. Андрей шел, осторожно переставляя ноги и придерживаясь левой рукой за стенки. Порой наверху из открытых окон доносились голоса людей, которые, может, пили чай или говорили о войне и возвращении турок, а может, о рыбной ловле. Заплакал ребенок — в ответ зазвенели женские голоса, успокаивали в три голоса. Улица была короткой — потом она расширилась в еще одну площадь. У ее края стояла превращенная в мечеть чудесная романская церковь. Полумесяц на месте креста, ясно видный на фоне подсвеченных луной облаков, казался недоразумением.

Обогнув церковь, Андрей пошел широкой, изъезженной телегами, повозками и моторами улицей, что вела через нижний город к порту. Вскоре он оказался возле моря.

Захламленный и забросанный ящиками, мешками, частями поломанных машин, просыпанным добром — всем, что остается возле причалов порта военного времени, — пляж тянулся вдаль.

Андрей пошел вдоль берега, у самой воды. Цепочками ярких огней был виден «Измаил». Видно, на ночь разгрузка была прервана, и возле выгруженного добра, кое-как накрытого брезентом, шагали часовые. Еще несколько солдат сидели вокруг костра на берегу, и было странно здесь слышать, как они поют «Степь да степь кругом...».

Дальше, в стороне от порта, от грязных причалов начинался песчаный берег, отороченный черными полосами водорослей. Андрей остановился. Было тихо — голоса солдат сюда почти не доносились.

Как в сказке — за морем ждет меня моя суженая. Может, уже стоит там, по другую сторону этой водной громады, смотрит на юг и думает, куда же задевался ее ясный сокол. А ты, Андрей Берестов, согласен ли сейчас прыгнуть еще на три месяца вперед, чтобы ускорить встречу с Лидочкой? «Нет, — ответил он, — это положено мне судьбой — я и так украл у себя почти три года, пропустил очень важные события, которые видели другие люди. Как будто проспал. И могу ли я отказаться от экспедиции в Трапезунд, от раскопок в столице императоров, от открытий, которые, может быть, сравнятся с открытиями самого Шлимана? Нет, я не согласен больше бежать. Лидочка, не сердись и подожди меня.

Я тебе за все очень благодарен, но спешить не буду. Я приду к тебе, как только ты появишься здесь, тебе даже не придется долго ждать...»

С моря потянуло зябким ветерком, волны стали громче набегать на песок и внятно шуршали, убегая с него.

Андрей решил возвращаться той улицей, где была кофейня с фрегатом. Может, она открыта наконец — надо же отдать письмо. Несмотря на темноту, Андрей быстро нашел кофейню, но она была заперта, на двери пыльный замок, а в окнах нет света.

Сначала идти было легко — луна светила почти над головой, и Андрей шагал уверенно, не наступая в выбоины. Затем улица свернула направо, и Андрею пришлось подчиниться этому изгибу. Ничего, сказал он себе, сейчас она снова повернет налево. Но улица упорно шла в ненужном направлении, и неизвестно было, что лучше: поворачивать обратно или продолжать путешествие. Наконец Андрей добрался до перекрестка, откуда темный переулок, шириной чуть больше сажени, вел наверх, и Андрей нырнул в эту щель.

Подъем был почти незаметен, и Андрей прошел шагов двести, следуя неверным изгибам переулка, воздух в котором был куда более спертым и неприятным, чем у моря. И тут он услышал сзади шаги.

Шаги могли принадлежать кому угодно. В конце концов, в этом переулке жили люди, и кто-то из них мог припоздниться и вот теперь возвращается домой. Мог быть такой же путник, как Андрей, — идет из порта короткой дорогой... Но уговоры не помогали. Потому что шаги были очень осторожными. Настолько осторожными, что Андрей слышал их далеко не все время.

Андрей прибавил ходу. Он вспомнил, как когда-то в Ялте за ним тоже стучали шаги и оказались шагами Хачика.

К сожалению, здесь не приходилось рассчитывать на заботу гимназических друзей. Впрочем, и оснований бояться тоже не было — чего бояться здоровому молодому человеку в каком-то несчастном, не то турецком, не то греческом городке, кстати, оккупированном родными российскими воинами. Ничего страшного, сейчас ты замедлишь шаги и дашь ночному чудаку себя догнать... Он попросит у тебя закурить...

Уговаривая себя, Андрей тем не менее шагов не замедлял, а ждал, когда переулок вольется в какую-нибудь площадь, посреди которой горит фонарь и гуляют русские патрули... пока что переулок тянулся бесконечно — правда, от него ответвлялись закоулки или проходы, но они были еще темнее и уже.

Отчаявшись отделаться от погони и поняв, что ему остается побежать и сломать ногу либо затаиться, Андрей, увидев темную щель между домами, на цыпочках завернул в нее и прижался спиной к каменной стене дома. Преследователь достиг его укрытия, и легкие шаги человека, знающего, куда он идет, приостановились у входа в закоулок. Видно, преследователь сомневался, не спрятался ли туда гяур. Андрей затаил дыхание, и в горле его начало першить, что, как известно, всегда происходит со шпионами и любовниками, спрятавшимися в шкафу.

В полной тишине, казалось, в самое ухо Андрею, мужской голос спросил что-то по-турецки. Второй голос ответил изнутри закоулка. Язык был похож на татарский, но смысла вопроса Андрей не понял. Зато ответ: «Его здесь нет» — он, конечно же, понял. Надо же было ему из всех закоулков избрать тот, в котором его подстерегал второй преследователь. Андрей напрягся, чтобы прыгнуть на первого преследователя и освободить себе путь, но не успел, потому что окно над головой с треском отворилось и оттуда раздался отчаянный женский вопль, который Андрей, не зная греческого языка, мог с достаточной долей уверенности перевести примерно так: «Сколько можно шляться по ночам под чужими окнами, бандиты и грабители!» После того послышался стук, звон — и заготовленное заранее ведро воды обрушило свое содержимое на участников ночной сцены. Андрей не знал, какая часть воды досталась ему, — поначалу показалось, что все ведро, но по воплям в два голоса на смеси слов татарских и греческих Андрей понял, что ведро было достаточно велико и досталось всем.

Он отряхнулся и решил, что теперь наилучшее время, чтобы убежать, и, оттолкнув кричавшего турка, он помчался вверх по переулку. Он готов был бежать, пока не упадет от усталости, но через несколько десятков шагов оказался на довольно обширной площади с мечетью и торговыми рядами.

Площадь была достаточно освещена луной. Андрей обернулся и увидел, как из переулка выбегают два человека и бегут к нему, бегут молча и быстро, так что никаких надежд на ошибку не оставалось. Любой человек, желающий поговорить с тобой или выяснить отношения, обязательно тебя окликнет, покажет жестами, что намерен привлечь твое внимание, — эти двое бежали, как собаки Баскервилей, в полной тишине, будто онемев, оскалясь и не тратя ни грана энергии на крики или жесты. Их задача — догнать, загрызть.

Взгляда, брошенного Андреем через плечо, было достаточно, чтобы увидеть, что в руке первого сверкнул нож.

Андрей выбрал самую широкую из улиц, ведущих от площади, притом ту, что вела, по его расчетам, к центру.

Андрей мчался так, как никогда в жизни. Улица была темной, но впереди было светлее — там горели окна. Неожиданно совсем рядом отворилась дверь и кинула на мостовую прямоугольник света. Несколько человек выходили из кофейни. Андрей повернул к открытой двери, он хотел спрятаться там, словно свет отпугнет грабителей.

— Пустите! — крикнул он людям, которые остановились в дверях, не сообразив еще, что происходит.

Те сразу загалдели по-гречески и стали отталкивать Андрея, словно отдавая его на растерзание бандитам. Они смеялись, а Андрей по-русски кричал им:

— Вы что, не видите, это же бандиты!

Преследователи остановились шагах в двадцати, они стояли, готовые кинуться на свою жертву вновь.

Один из греков что-то громко спросил у преследователей.

Те не ответили.

Андрей всей шкурой понял, что возникшая пауза в его пользу.

Второй грек задал тот же вопрос, но уже настойчивее.

Последовал ответ. Краткий. Злой.

И тут же — взрыв голосов тех греков, что окружили Андрея. Один из них даже отделился от группы и пошел к нападавшим, но бандит поднял нож острием вверх, как бы любуясь им, медленно шагнул навстречу греку. Тут же из дверей таверны выскочил толстый мужчина. Он опрокинул один из пустых столиков, что стояли на мостовой. Потом вытянул руку вперед, и Андрей понял, что у него в руке пистолет. Последовала вспышка и негромкий за возбужденными голосами выстрел. Воплем откликнулся один из нападающих, и нож, звякнув, упал на каменную мостовую — заблестел ярко и холодно. Андрей лишь поворачивал голову — туда-сюда, как зрители на соревнованиях по лаун-теннису.

Раненый турок сел на мостовую, он нагнулся к вытянутой ноге и быстро говорил — злобно и отчаянно, но его товарищ, вместо того чтобы помочь, побежал прочь, и его никто не задерживал, потому что все сгрудились вокруг раненого и галдели так, словно поймали самого дьявола.

В домах открывались окна, и голоса, большей частью женские, спрашивали, что произошло. Андрей стоял в стороне и не

знал, что ему делать дальше, и тут ему на плечо легла рука. Он чуть не лишился чувств от страха — так это было неожиданно. Оказалось, всего-навсего поручик Митин.

— Прибежали на шум, — сказал Митин, — вижу, знакомая фигура. Зря вы тут стоите — мало ли что. Идите-ка спать. Вас это не касается.

— Спасибо, — сказал Андрей, — сейчас воспользуюсь вашим советом. А разве вас не интересует, что здесь произошло?

— Мы никогда не узнаем. Мы их тарабарщине не обучены.

— К сожалению, все не так, — сказал Андрей. — Виновник всего переполоха — я. Это за мной бежали.

И он рассказал Митину о том, что произошло. В это время пришел местный полицейский в феске, сонный и злой, и началось долгое выяснение. Откуда-то появился фельдшер, который начал перевязывать стонущего бандита, на что последовали возражения и новая волна криков. Юрий объяснил, что на Андрея напали турецкие грабители, но они забежали за ним в греческий квартал, куда, пока русские не ушли, туркам появляться без нужды не следует.

— Впрочем, давайте я вас провожу до гостиницы, — сказал Митин. — Я тут одного солдата для порядка оставлю, но, думаю, они без меня разберутся.

До гостиницы оказалось совсем недалеко — кофейня, у которой ранили бандита, располагалась на той же улице.

— Как же меня выследили? — спросил Андрей.

— Наверное, пока вы по берегу моря гуляли, — сказал Митин. — Там всегда ошивается всякая шантрапа. А когда вы отправились домой переулками, они решили воспользоваться моментом.

— Но один из них подстерегал меня на полдороге.

— Они тут все переулки знают — как вы у себя дома. Вы сами откуда?

— Я из Симферополя.

— А я москвич, — сказал Митин. — Коренной москвич.

— Я в Москве учусь, в университете, — сказал Андрей. И замолк. Потому что он учился там по земному счету столь давно...

— Я там многих знаю, — сказал Митин. — Я сам из вольноопределяющихся. Только с зимы пятнадцатого в школу прапорщиков пошел.

Они остановились у гостиницы.

У дверей стоял мотор, в котором спал шоффэр.

— С завтрашнего дня мы начинаем раскопки, — сказал Андрей. — Я буду рад, если вы найдете время нас навестить.

Митин поблагодарил его и откланялся.

Андрей вошел в вестибюль. Запахи перегара, дешевой помады и чеснока были настолько густы, что Андрей остановился в дверях, не в силах преодолеть эту стену.

В вестибюле, как и прежде, дым стоял коромыслом.

Андрей чувствовал смертельную усталость, при которой никого не хочется видеть и слышать, — только бы забраться в норку и заснуть. Портье достал из ячейки ключ Андрея на отполированной тысячью рук деревянной груше.

— Вас спрашивали. — Он достал из ячейки визитную карточку.

Андрей с удивлением прочел на карточке имя, написанное по-гречески и по-французски:

Мадам А.И. Теофилато, антрепренер

Внизу быстрым тонким почерком было приписано по-русски: *Завтра в 2 часа пополудни в «Луксоре»*. И неразборчивая подпись.

— Кто мне оставил записку? — спросил Андрей.

Портье, сверкающий намазанными помадой волосами и усами, угрожающе торчащими до ушей, высоко поднял густые черные брови и сказал что-то по-гречески.

— Я не понимаю, — сказал Андрей. — Кто оставил мне записку? Чья это карточка?

На это портье совершенно серьезно ответил длинной фразой по-французски, которого Андрей, к сожалению, почти не знал.

Ладно, разберемся, сказал себе Андрей.

Он пошел к лестнице. Путь его лежал мимо длинного дивана, на котором как приклеенные сидели в ряд три девицы легкого поведения, а сбоку уместился, уткнув трость в пол и положив на ее набалдашник полные изнеженные руки, господин негоциант Сурен Саркисьянц.

— Добрый вечер, господин Берестов, — произнес он, не поднимаясь с места, — лишь его крупный нос поднялся и уперся Андрею в грудь, будто господин Саркисьянц намеревался его клюнуть. — Заприте на ночь дверь, — сказал он. — У нас небезопасно.

— Спасибо, — сказал Андрей. — Я запру.

— Спокойной ночи.

Три девицы обратили к Андрею намазанные помадой и румянами рожи.

— Спокойной ночи.

Андрей поднялся на третий этаж. Почему-то на лестнице он

встретил совершенно в дым пьяного подполковника Метелкина, который волок по коридору, обняв за талию, толстую женщину в черном платье и белом переднике сестры милосердия. Наколка с красным крестом была сбита набок, и медсестра все старалась ее поправить и при этом громко говорила:

— Илья Евстафьевич, вы же пользуетесь моей беззащитностью.

— Молчи, сука, — повторял Метелкин.

Зрелище было неприятное, и Андрей хотел обойти эту парочку, но Метелкин, хоть и смертельно пьяный, сказал:

— Берестов, Берестов, из уважения к вашему положению в преступном мире дельцов и интриганов, к которому имею честь принадлежать, передаю вам Марию Валентиновну во временное содержание. Нате, подержите, потом вернете мне.

— Как вы смеете! — Медсестра наконец поправила наколку и начала рыдать.

Андрей поспешил к себе в номер.

Дверь Андрей запер изнутри, а потом, движимый тревогой, сунул ножку стула в ручки двустворчатой двери — теперь, чтобы открыть ее, надо было сломать стул.

Усталость была такая, что Андрей с трудом заставил себя умыться и еле доплелся до постели.

Постель была сказочно мягкой, но белье пахло плесенью.

Андрей заснул сразу, без снов.

...Он проснулся посреди ночи от страшного, испепеляющего чувства.

Он лежал некоторое время неподвижно, закрыв глаза и прислушиваясь к тому, что происходит с ним...

Андрей вскочил с постели, понимая при этом тщетность борьбы.

Клопы в гостинице «Галата» оказались и многочисленнее, и злее родных ялтинских и симферопольских клопов — видно, сменяющие друг дружку цивилизации тысячелетиями вырабатывали в них злобу, умение бить из-за угла и исчезать в складках мягкой перины.

* * *

Завтрак проходил в сером, будто бы еще не опомнившемся от набега гуннов ресторанном зале, где нашелся лишь один стол, который сумели убрать изможденные официанты, покрыть его серой в пятнах скатертью и отыскать где-то, видно, в соседнем

трактире, кувшин йогурта и лепешки. Кофе, правда, был отменный.

Официанты передвигались как сонные мухи, метрдотель отсутствовал, и вместо него распоряжалась мелко завитая дама средних лет с множеством подбородков, верно, хозяйка гостиницы.

Все сотрудники экспедиции Московского университета пришли к завтраку вовремя, и все не выспались из-за злобных клопов. За завтраком сидели несвежие, потрепанные и даже пыльные, обсуждали методы борьбы с этими паразитами, которых гостиничные хозяева вовсе не считали за бедствие.

Как было уговорено, профессор Успенский должен был прийти к завтраку, чтобы потом провести коллег по достопримечательностям Трапезунда. Но вместо профессора появился крестьянский сын Иван Иванович, умытый, свежий, белокурый, розовощекий и красногубый. Оказывается, сообщил он, профессор неожиданно занемог, его свалил приступ лихорадки. Поэтому проводить экскурсию будет он, Иван Иванович. После чего молодой помощник Успенского уселся за общий стол и славно позавтракал, объяснив вполголоса Андрею, которого почитал уже за приятеля, что хозяйка в том доме, где стоят постоем археологи Успенского, экономит на завтраках и они почти голодают. А жалованья, разумеется, не хватает на сытую жизнь.

— Если бы, — продолжал он, когда они вышли из-за стола и проследовали в вестибюль, — если бы я не приторговывал контрабандой, наверное, помер бы с голоду. Другие ничего, они в пище сдержанные, а мне много нужно, чтобы поддерживать жизнь.

Они сели с Андреем на тот диван, где вчера ночью помещались три проститутки и негоциант Саркисьянц. Иван Иванович блаженно вытянул ножищи в крепких пыльных сапогах. Фотограф пошел наверх за камерой и припасами для съемок, Авдеевы — переодеться перед экскурсией и обсудить проблему, действительно ли занемог профессор Успенский или это дипломатический афронт. Российский, воспользовавшись свободной минуткой, вышел на улицу и уселся на ступеньки гостиницы, углубившись в очередную растрепанную книжку в серой обложке — труды какого-то немецкого института.

— Как бы его за немецкого шпиона не приняли, — сказал крестьянский сын, ковыряя в зубах спичкой.

— А что, здесь есть шпионы?

— Я думаю, каждый второй здесь немецкий шпион, остальные — английские.

— Зачем? — удивился Андрей.

— Так положено. Шпионам надо заниматься делом, узнавать новости, сообщать их по начальству и плодить интриги, чтобы скомпрометировать и свергнуть нашу власть.

— А мы?

— Что мы?

— Мы молчим?

— Ни в коем случае! Наша разведка и контрразведка занимаются тем, что ставят палки в колеса немецкой и подчиненной ей турецкой разведке, не говоря уж об английской разведке и совсем уж хилой французской.

— А вы их видели?

— Кого? Шпионов? — Иван Иванович добродушно захохотал. — Все, кто может, записываются в шпионы. Иначе как проживешь? И вас скоро будут вербовать. Не может быть, чтобы с вами не случилось происшествий за вчерашний вечер. Нет, не говорите, я никогда вам не поверю.

— А я и не спорю, — улыбнулся Андрей. — У меня был странный визитер, а затем на меня напали бандиты.

— Замечательно, — сказал Иван Иванович. — Можно умереть от смеха.

Но от смеха он не умер и даже не улыбнулся. А спросил:

— И кто же был ваш визитер?

— Это был негоциант, армянский негоциант, Сурен Саркисьянц. И что интересно — он знал, как меня зовут.

— Последнее неудивительно — с момента, как вы расписались в гостиничной книге, ваше имя известно всему Трапезунду. Но странно...

— Что странно?

— Что первым прибежал этот старый лис. И что ему было нужно?

— Я так и не понял. Знаете, как будто он разговаривал не со мной. Как будто видел не меня, а другого человека.

— Не очень убедительно. — Иван Иванович чуть наклонил голову и рассматривал Андрея, как экзотический цветок.

— А вы его знаете?

— Я всех знаю, — сказал крестьянский сын. — Я здесь уже второй сезон копаю. Я знаю куда больше, чем мне бы хотелось.

— А кто этот Саркисьянц?

— Катран, черноморская акула. Человеку она не страшна, это шакал акульего мира.

— А чем он занимается?

— Посредничеством. И шпионажем. Я не знаю, Андрей Сергеевич, в какой роли он обращался к вам. А что случилось с бандитами?

— Я пошел гулять вечером к морю...

— Добровольно?

— А когда я шел обратно, то за мной увязались двое. Ей-богу, неинтересно рассказывать — они, видно, меня увидели на берегу. Меня греки выручили, а потом патруль...

— Подождите, так не рассказывают. Начнем сначала.

Но Андрею не удалось начать сначала, потому что вернулись Авдеевы, потом пришли остальные члены экспедиции. Предупредительность Метелкина, который продолжал опекать экспедицию, была трогательной. У входа в гостиницу их ждал автомобиль с красным крестом, намазанным на дверце. Самого Метелкина не было, но шоффэр сообщил, что поступает в распоряжение госпожи Авдеевой. Профессору Авдееву эти слова были неприятны, но он смолчал.

Наличие автомобиля превратило экскурсию в приятное времяпрепровождение. Было еще не жарко и не очень пыльно. Центральные улицы кишели народом. Чумазые и почти голые мальчишки сразу увязались за мотором, они прыгали и отчаянно кричали: «Дай!», «Бакшиш!»

Автомобиль катил по Трапезунду, который был мирным и нестрашным, и Андрей никак не мог сообразить, где же он пробегал, задыхаясь от ужаса, — город как город, скорее азиатский, чем европейский, разоренный войной, но еще не разрушенный ею.

Иван Иванович начал экскурсию с собора Богородицы Златоглавой, который стоял неподалеку от гостиницы и был официозом времен Трапезундской империи.

Они оставили мотор на улице, а сами вошли внутрь — храм был в свое время превращен в мечеть.

Иван Иванович показал гробницы возле собора, похожие на беседки. Успенский еще в прошлом сезоне доказал, что некогда четыре столба, соединенные арками, поддерживали почти плоскую черепичную крышу. Когда Успенский вскрыл могилу, оказалось, что там похоронен местный мусульманский святой и следов от захоронения императора не сохранилось. Не весьма продуманное политически, хотя продиктованное исключительно интересами науки, предприятие профессора вызвало негодование турок, и комендант на всякий случай воспретил археологам копать другие могилы.

— Господин профессор, — сказал он, приехав на раскопки

верхом на тяжелом коне и не слезая с него, оттого возвышаясь над седобородым профессором, как статуя командора над дон Жуаном, — когда мы окончательно прижмем этих турок к ногтю и здесь будет Трапезундская губерния, я сам вас попрошу, копайте ихние мощи, ядрена вошь, а не нравится, пускай убираются к своему Аллаху. Но сейчас результат на фронтах еще не определен, а турки вокруг как клопы. А то еще начнут резать вас — а мне охраняй.

Профессор вынужден был покориться и перенес свои изыскания в другое место.

Иван Иванович забавно передал в лицах диалог Успенского с комендантом. Потом повел гостей по двору церкви, заставленному небольшими древними постройками, отчего он казался лабиринтом. Иван Иванович объяснил, что в самом храме Златоглавой Богородицы хоронили трапезундских митрополитов, а императоров и их родственников погребали на церковном дворе, а потом их гробницы использовались турками как могилы для своих святых и знати.

Успенский полагал, что императорские останки можно отыскать, потому что турки часто клали поверх христианских погребений деревянный пол. Но эти открытия откладывались до победы России над Турцией.

Авдеевы не выспались, слушали Ивана Ивановича плохо, все норовили сцепиться между собой и выплескивали раздражение на окружающих. Фотограф Тема ставил свою треногу на пути и всем мешал, а Российский как увидел в углу какую-то надпись, так и пропал.

Затем археологи осмотрели храм Святого Евгения, где их встретил грек с голодными глазами. Он стал жаловаться Ивану Ивановичу, а Иван Иванович объяснил, что местные турки грозятся убить греческого сторожа. Святой Евгений некогда был патроном Трапезунда, и его храм считался первым в империи, но был изменен многочисленными переделками и пристройками. Особенно странно выглядел стоявший рядом с собором минарет — тонкий и с балкончиком для муэдзина.

Цитадель, куда они поднялись пешком от храма Святого Евгения, представляла собой небольшую неровную площадь, окруженную мощными стенами и сохранившимся почти на всем протяжении глубоким рвом. Великая мощь стен и полуразрушенных башен была такова, что Андрей понял, почему столь небольшой город мог именовать себя столицей империи. Столь высоки были

стены Трапезунда, столь близко к облакам находились вершины башен и главной из них — башни Святого Иоанна.

К счастью для историков, вход в цитадель во времена турецкого владычества был дозволен лишь по служебным делам — селиться там, ломать или строить что-нибудь было запрещено, потому резиденция императоров не была разрушена правоверными.

Теперь же цитадель оказалась густо населена русскими солдатами, потому как там расположились армейские склады и комендатура.

Солдаты и офицеры, ходившие по площади, с недоверием и даже насмешкой поглядывали на странную компанию, которую притащил с собой крестьянский сын, но никто не мешал ходить всюду, где им того хотелось.

Авдеев сказал с торжеством отличника, который вспомнил нечто, забытое самим господином учителем:

— Фундамент римский. Даю голову на отсечение, что вы не заметили, что фундамент римский. Я видел подобные плиты в Баальбеке.

Он пошел петухом по площади, Иван Иванович пожал плечами и сказал негромко:

— Об этом в любом учебнике написано.

Но Авдеев ответа не услышал, а стал постукивать носком сапога по углу казармы, будто ждал от этой стены какого-то особого, только для него предназначенного отзыва.

Подошел приятного вида господин с моноклем, в форме инженера-полковника. Иван Иванович представил его как господина Керна.

Господин Керн, вежливо поклонившись, сообщил заученно, что для снятия культурного слоя надо будет поднять девяносто семь тысяч кубических метров земли, что потребует не менее пяти тысяч рублей расходов. Археологи покачали головами, следом за Успенским соглашаясь с немыслимостью такой задачи. Иван Иванович сказал, что Успенский зимой постарается найти в Петрограде каких-нибудь меценатов, чтобы летом 1918 года сделать здесь массу ценных находок, а кроме того, поднять землю из башен, что даст возможность выйти к подземным ходам, соединявшим дворец и башни цитадели. А господин Керн добавил, что профессор Успенский уверен, что именно в подвалах и подземных ходах цитадели и хранится библиотека трапезундских императоров.

Авдеевы стали спрашивать о библиотеке, словно намеревались завтра же представить ее на суд мировой общественности, и

Иван Иванович терпеливо разъяснял. Затем Авдеевы утомились и приняли любезное приглашение полковника Керна последовать в его скромный кабинет и освежиться там прохладительными напитками. Остальных Керн почему-то не позвал, но никто не был на него в обиде: день был свежий, нежаркий, никто не устал, Тема сквозь пролом в стене стал снимать вид на гору Бос-тепе, где стояли русские батареи, стерегущие Трапезунд, а также античный алтарь Митры. Андрей договорился, что поедет туда с Иваном, когда тот получит разрешение коменданта, — военные не любили, когда лишние люди появлялись на передовых позициях. Иван добавил, что офицерам не хочется показывать гостям, в каком состоянии находится армия, очевидно, что иного выхода, как бежать отсюда, у русской армии нет.

Иван провел Андрея в одну из башен, второй этаж которой во времена империи занимала небольшая церковь. Там сохранилась средневековая фреска. На ней в ряд стояли высокие чины Трапезунда — они строго глядели перед собой, одинаково бровастые и глазастые. У центральной фигуры на голове был обруч, наложенный на красную шапку, с обруча свисали цепочки. Иван сказал, что, вернее всего, это император Алексей — основатель империи.

Они вышли из башни и присели на солнышке, у конюшни с фундаментом римского времени, глядя на море, на маленький серый «Измаил» посреди бухты и совсем уж малюсенький, в цвет транспорта, миноносец «Керчь».

— А вы сами где копаете? — спросил Андрей.

— В этом сезоне мы раскапывали храм Святого Евгения, потом вернулись в храм Златоглавой Богородицы. У нас плохо с деньгами. А чем займется профессор Авдеев?

Андрей подумал, что говорят они о своих профессорах, как кучера о барах.

— Бог его знает. Я не думаю, что он оставит большой след в науке о Трапезунде.

— Я уже заметил. Но ему хотелось бы удивить мир.

— Угу, — согласился Андрей. — И это меня тревожит.

— Я тебя понял, — сказал крестьянский сын. — Тут заразная обстановка. Все в этом городе или шпионят, или воруют, или занимаются контрабандой. И даже почтенному профессору на второй день уже хочется отхватить кусок у вечности, желательно быстро и подешевле. Ничем не отличается твой профессор от подполковника Метелкина.

— А твой? — оскорбился Андрей за своего барина.

— Мой — весь в науке. Он не разменивается на ученые дета-

ли, тратит месяц на надпись, которую прочли уже до него, и жутко спорит на страницах шести статей со всеми своими существующими и вымышленными оппонентами по поводу формы венца у трапезундского императора.

Андрею надоело сидеть. Он прошел к пролому в стене, чтобы видеть голубые горы, святилище Митры и мечеть на горе, которую, как сказал Иван, наши бравые солдаты превратили в казарму. Впрочем, почему они должны ночевать под открытым небом?

Иван прошел следом за ним.

— Ты обещал рассказать про свои вчерашние приключения, — сказал он. Андрей отметил про себя, что за годы, пока его не было, люди стали проще в общении, куда быстрее переходили на «ты», что русским несвойственно.

Андрей рассказал о Сурене, о ночном бегстве и раненом турке. Но визитную карточку госпожи Теофилато он не показал — даже трудно объяснить почему. Может быть, потому, что визитная карточка пахла пряными духами, то ли потому, что в ней была настоящая тайна и Андрею хотелось, чтобы с ним произошло пускай опасное, но удивительное приключение вроде тех, что выпадали на долю пленников сераля или путешественников по Аравии.

— Не думаю, что это случайные бандиты, — сказал Иван. — Скорее всего, ты кому-то мешаешь.

— Кому же я, прости, могу мешать?

— Законный вопрос, — ответил Иван Иванович, глядя на Андрея прозрачнейшими простодушными глазами. — Если, конечно, тебе нечего скрывать.

— Клянусь, мне нечего скрывать!

— Не спеши, Андрей. Всем есть что скрывать, даже мне, хоть я и предельно очевиден. Я убежден, что, если в тебе хорошенько покопаться, иголочки под ноготочки запустить, на дыбе тебя подвесить, — ой сколько интересного из тебя высыпется! Да не отмахивайся, мой любезный друг, лучше скажи, что ты делал ровно год назад, ровно два года назад, скажи, с кем ты встречался в прошлом августе... Мне кажется, что ты уже бледнеешь и теряешь уверенность в себе.

— Ну ладно, я согласен, — сказал Андрей, чтобы не спорить.

— Вот! Уже достижение! — Крестьянский сын расхохотался так, что из-за башни появился палеограф Российский с записной книжкой в руках.

— Вы меня звали? — спросил он.

Узнав, что его не звали, он, облегченно вздохнув, исчез вновь.

— Для того чтобы избавиться от бедствия, надо точно знать, за что оно тебя преследует, — сказал Иван.

— Но я, честное слово, не знаю, кто меня преследует!

Иван оперся спиной о теплые плиты стены, закурил и угостил турецкой папиросой Андрея.

— Я тебе кое-что объясню, — сказал он. — Может быть, это поможет тебе. Давай посмотрим, кто может быть в тебе заинтересован. Я имею в виду наш трапезундский преступный мирок. Охотились на тебя турки, заигрывал негоциант Саркисьянц. Если турецкая банда хотела тебя убрать, значит, ты нужен их врагам — греческой банде или русским посредникам.

— А ты, Иван, к кому примыкаешь?

— Ой, Андрей, спроси чего-нибудь полегче, как говорят у нас в Одессе. Я кошка, которая гуляет сама по себе.

— Для покупки имения?

— Для покупки имения, Андрюша. И не пугай меня революцией. Революция свое дело уже сделала, она дала погреть руки новым господам. Господа кадеты и трудовики будут зарабатывать сами и дадут заработать остальным. Ты не представляешь, какой замечательной державой станет наша Россия через десять лет! Наша славная революция сковырнула самые главные препятствия в присоединении России к мировому сообществу цивилизованных государств — феодальную монархическую систему. Называй ее как хочешь — командной системой, бюрократической системой. Главное — она сметена!

— Это под сомнением! — радостно крикнул фотограф Тема Карась, который незаметно установил свою треногу и сделал снимок, ослепив вспышкой магния. — Уже новые бюрократы полезли из всех щелей, а другие только переименовались, — сообщил он. — В России ничего не поделаешь: революция не революция — все равно будут вельможи, скалозубы и молчалины. Мы обречены!

Тут Тема подхватил треногу и камеру и поволок их, забыв о своей филиппике, к пролому в крепостной стене.

— Почему в России столько философов-любителей! — возмутился Иван. — Все дают советы, все что-то знают заветное. А работать никто не желает.

* * *

Андрей спросил у поручика Митина, как пройти в кафе «Луксор». Тот как раз заглянул в отель, где, по его словам, продавали хороший трубочный табак.

— Вы тоже торгуете табаком? — спросил Андрей, не желая обидеть поручика. Но тот вдруг вскипел:

— Хватит того, что вся армия продалась, каждый спешит схватить свой кусок золота или дерьма. А что происходит в России, что будет с нами завтра, вам плевать?

— Зачем распространять обвинение на всех? — сказал Андрей. — Даю вам честное слово, что, пока не приехал сюда, я слыхом не слыхивал о контрабанде. И сам не собираюсь этим заниматься.

— Мне бы хотелось верить, — сказал поручик. — Но что я могу подумать о человеке, который, только прибыв в Трапезунд, тут же устраивает ночные прогулки с перестрелкой, а затем спрашивает дорогу в пресловутый «Луксор»?

— А чем плох «Луксор»?

— Послушайте, Берестов. Вы мне задали вопрос, как пройти в кафе «Луксор». Я вам сейчас расскажу туда дорогу. Но и вы ответьте мне на простой вопрос: что вас влечет именно в это заведение?

— Меня пригласили, — сказал Берестов, стараясь казаться невинным в утаивании правды. Он не лгал. И уговаривал себя: «Я не лгу — я лишь недоговариваю».

— Разумеется, пригласили, — саркастически улыбнулся поручик Митин. — Туда редко приходят без приглашения.

Но более вопросов он задавать не стал, а, выведя Андрея на мостовую, где за столиками сидели греки и пили кофе, сказал:

— Два квартала пройдете, свернете направо. Второй дом от угла.

Последовав совету поручика, Андрей отправился по улице, где все дышало миром и спокойствием. Ни близкая война, ни национальная рознь, ни бедность и разруха не чувствовались там. Точно такой же она была и сто лет назад в ее неспешности и установившихся веками человеческих отношениях, которые прерываются периодами кровавых раздоров, но затем вновь возвращаются в берега нормальности.

Солнце пекло, как в середине лета, но настоящая летняя жара, устоявшаяся, проникшая в глубины дворов и под сень монастырских галерей, еще не наступила. Андрей подошел к фонтану и под внимательными взорами молодых греков подставил ладони под струю и напился. Греки заговорили между собой, конечно, об Андрее. Андрей достал платок, вытер руки, греки снова заговорили, потом засмеялись, и Андрей почувствовал в голосах и смехе недоброжелательство. Один из парней даже сделал движение в его сторону, но незавершенное и в то же время оскорбительное.

Смех послышался и со стороны столиков у края площади, где сидели греки постарше.

Андрей не мог ответить и понимал, что отвечать нельзя. Он пошел дальше. Он завернул за угол. В первом доме был большой мануфактурный магазин — узкая дверь, по обе стороны которой громоздились колонны, сложенные из рулонов тканей, вела в темное прохладное чрево — оттуда выбежал молодой приказчик с аршином в руке и затараторил на смеси греческого и русского языков. Андрей не стал оборачиваться, и в спину ему полетело ругательство — атмосфера недоброты окружала освободителей, исчерпавших свою благородную миссию.

Вывеска «Луксор» висела поперек тротуара. Красные буквы были обрамлены цветами и стеблями папируса. Дверь была раскрыта — инвалид на деревянной ноге, подпрыгивая, выметал изнутри сор.

Маркизы на окнах были спущены, и вид у «Луксора» был крымский, будто Андрей уже видел это кафе на набережной Ялты.

Но, когда он вошел и зазвенели длинные бисерные гирлянды, что заменяли внутреннюю дверь, он сразу осознал разницу.

Столики в большом и низком зале располагались полукругом, оставляя в центре место для невысокой эстрады. По обе стороны ее тянулись длинные стойки баров, задние стенки которых были стеклянными, как стеклянным оказался и потолок, с которого свисали погашенные сейчас люстры. Один из баров был темен, а над вторым горела цепочка разноцветных электрических лампочек, которые, отражаясь многократно в стойке и на потолке, придавали всему залу атмосферу детского рождественского праздника.

Эта мирная семейная атмосфера несколько дисгармонировала с девушками, что сидели на высоких круглых табуретах вдоль стойки. Двух из них Андрей узнал по вестибюлю «Галаты», другие были ему незнакомы. Девушки лениво перекидывались словами. Были они большей частью полными брюнетками и почти все одеты в подобие матросских костюмов с короткими черными юбками, а их толстые ноги были обтянуты тонкими фильдеперсовыми чулками.

Посетителей в кафе не было, если не считать военлета с рукой на черной перевязи, который вошел как раз перед Андреем и громко, как и положено завсегдатаю, воскликнул:

— Сливовицы и содовой! На полусогнутых!

Буфетчица — полная, но крепкая девица тоже в матросском костюме, с высокой грудью и мускулистыми руками — тут же откликнулась:

— Хватит тебе, штабс-капитан.

— Нет, не хватит, Русико! — возразил штабс-капитан Васильев. — В меня еще вмещается.

Он увидел стоящего в нерешительности Андрея и сказал ему, как старому знакомому:

— Берестов, не стойте бараном — закажите что-нибудь и девицу, если вы любите этим заниматься с утра.

Буфетчица вышла из-за стойки, принесла военлету подносик, на котором стояла высокая рюмка сливовицы и вспотевший стакан содовой.

Васильев попытался ущипнуть Русико за крепкую ногу, но та была готова к этому и увернулась.

— Отстань, — сказала она, — какой из тебя кавалер. Сегодня за чей счет пьешь?

— За счет государства, — сказал военлет и достал из кармана очень широких галифе целую пачку красненьких. Тут же спрятал их и неприятно засмеялся.

— Садитесь ко мне, Берестов, — сказал он. — Помните, я вас в Ялте встретил — еще червонец у вас стрельнул. Помните? Вы тогда попались или потом попались?

— Простите, господин Васильев, — сказал Андрей. — У меня здесь встреча.

— Смотри-ка, вспомнил, — усмехнулся военлет. — Но долг сегодня отдать не могу, екскьюзе муа. В следующий раз.

— Платить будешь? — спросила буфетчица, которая далеко не отходила, но каким-то таинственным образом у нее в руке возник листок бумаги. — Вот твой счет за этот месяц, — сказала она.

— Что удивительно, — сказал Васильев, игнорируя счет, — она же грузинка. И на такой позорной работе. Нация рыцарей, нация цариц — и вдруг буфетчица в борделе.

— Платить будешь? — спросила Русико.

Васильев отрицательно покачал головой.

Русико сказала Андрею:

— А вы посидите там в сторонке, сейчас мадам придет.

Андрей послушно отошел — и вовремя, потому что по знаку Русико приковылял инвалид на деревянной ноге. Шел он без костыля, уверенно, но медленно — Андрей сразу увидел, какие у него могучие, длинные, почти до земли, руки.

Русико заговорила с инвалидом на непонятном Андрею языке.

Тот медленно, не глядя Васильеву в глаза, двинулся к летчику.

Васильев одним глотком выпил сливовицу, неожиданно схватил рукой, что была на перевязи, стул и стал отступать к выходу.

Инвалид шел к нему, будто ему было все равно — человек это или дерево, — как будто какая-то сила наставила на путь заводную игрушку и та следовала приказу.

Васильев убежал бы из «Луксора», но одна из девиц в матроске так быстро и ловко успела оказаться сзади военлета и подставить ему ножку, что тот пошатнулся, и в этот же момент инвалид настиг его и толкнул в грудь так, что Васильев упал.

Девицы — и те, что сидели за стойкой, и те, что были за столиками, — во главе с Русико кинулись на поверженного военлета. Тот отбивался, ругался, кричал, что ему щекотно, что ему яйца оторвут, причитал, будто деньги не его, а казенные, на покупку гидроплана, и Андрей, думавший было, что надо выручать офицера, вдруг понял, что он наблюдает нечто вроде игры.

Васильев урчал, девицы визжали, Андрей хотел уйти, и надо было уйти, но зрелище девиц, заголяющихся бесстыдно и ползающих по военлету, притягивало своим срамом.

— Господин Берестов, давайте отойдем, — услышал он женский голос. Голос был глубокий, хрипловатый и в то же время легкий, слова давались владелице голоса без всякого труда — они сами формировались глубоко в ее гортани и выплескивались наружу. Приятно было слышать этот рокот, а Андрей его уже слышал — это был голос Глаши, чуть более низкий, но похожий по тембру и богатству.

Андрей обернулся, ожидая увидеть Глашу либо человека, на нее очень похожего, но увидел вчерашнюю танцовщицу, хотя узнал ее не сразу, — вчера вечером ее лицо было грубо и ярко загримировано.

Аспасия была вовсе не похожа на Глашу. Если в Глаше все было скромно, скрыто, как бы в полутонах, несмотря на яркость голубых глаз и рыжеватых волос, то Аспасия была как знамя под ветром. Она оглушала и ослепляла с первого мгновения, и потому, наверное, она предпочитала открыть обозрению в танце свой живот и руки, но не лицо — именно в ее лице и таился главный непреодолимый соблазн — совершенство ее лица было совершенством дикой человеческой самки, олицетворением тех особенностей женского лица, что тут же вызывало в скрытой подавленной похотливости монаха крик: «На костер ее, она ведьма!» Такие женщины редко доживают жизнь до конца спокойно — их убивают, как убили сестру Аспасии — Кармен.

Нос Аспасии был невелик и имел маленькую горбинку, а ноздри были раздуты и живы, как у лани, ищущей запах волка, губы были слишком полны, почти негритянские, но цвет их был настолько нежно-розовым, а подбородочек, чуть выдающийся вперед, являл собой такое совершенство округлой линии, что мысль о недостатках лица просто не приходила в голову.

И несмотря на то что Аспасия старалась выглядеть скромно — ее чуть вьющиеся, цвета воронова крыла волосы были забраны в узел на затылке, ни глаза, ни губы, ни щеки не накрашены, простое домашнее, дневное, правда, недешевое на вид, серое платье с длинными рукавами и кружевным воротничком закрывало до половины шею, — эти попытки придать себе вид скромницы сокрушительно проваливались — попытка скромности еще более возбуждала желание.

— Простите, господин Берестов, — сказала Аспасия, — за такой беспорядок.

Она подняла руку, и рука нерешительно повисла в воздухе, — и тут Андрей понял, что не только его внимание было приковано к ее чрезвычайно тонким пальцам, но и внимание всех присутствующих — включая одноногого инвалида и военлета Васильева, выбравшегося из-под груды женских тел.

— Васильев, — сказала Аспасия без попытки быть хотя бы вежливой, — чтобы я вас не видела здесь в течение недели.

— Ася! — возопил военлет. — Аспасия! Я не выживу.

Он потянулся было к ее руке, но рука быстро отошла в сторону, и Васильев схватился за спинку стула, чтобы удержать равновесие.

Госпожа Аспасия Теофилато крепко взяла Андрея за локоть и повела к чистому столику чуть в стороне от стойки.

Васильев, бормоча что-то, ретировался, девицы вернулись к стойке, Русико, не ожидая приказа, принесла и поставила на стол две рюмки коньяка и чашечки кофе, сваренного именно к тому моменту, когда он понадобился Аспасии.

Андрей понимал, что Аспасия не может быть такой же продажной женщиной, как остальные обитательницы этого заведения, но она не была здесь и случайным человеком — иначе почему она танцевала танец живота в «Галате»? Рассуждая так, Андрей не мог не любоваться Аспасией, хотя старался делать это не очевидно, чтобы не дать повода укорить себя в невоспитанности. Хотя слово «любование» вряд ли передает чувства, с которыми мужчины смотрели на Аспасию, — скорее это называлось вожделением, но Андрею в тот момент было не до анализа собственных чувств.

— Простите, я так плохо выгляжу, — сказала Аспасия, ответив на взгляд Андрея.

— Ну что вы...

— Только, пожалуйста, не говорите мне комплиментов. Вы знаете — я фаталистка и не исключаю в жизни невероятных поворотов. Может быть, судьба заставит нас сблизиться, может быть, не дай Бог, сделает нас врагами. Сейчас же мы с вами знакомые, даже не приятели, хотя ваш вид мне приятен и внушает доверие.

Тут Аспасия засмеялась низким горловым смехом:

— Нет больших плутов, чем те, кто вызывает доверие с первого взгляда. А вы как думаете?

— Себя я за плута не считаю.

— Выпейте коньяк. Его делает мой дедуля, он живет в Синопе. Вы бывали в Синопе?

— Не приходилось. — Андрей отхлебнул глоточек такого душистого, крепкого и жгучего коньяка, которого пробовать не приходилось.

— Чудесно? — спросила Аспасия и посмотрела на Андрея так открыто и добродушно, что возникло веселое и озорное желание чмокнуть красавицу в щеку. Но Андрей, разумеется, удержался.

— Очень вкусно, — сказал Андрей. — А вы так хорошо говорите по-русски.

— Почему бы мне плохо говорить, — спросила Аспасия, — если я родилась и выросла в Феодосии? У меня там братья остались и тетка. А вы, судя по говору, тоже с юга?

— Я симферопольский, — сказал Андрей.

— Вот уж не люблю Симферополь, — сказала Аспасия, — хоть у меня там тоже родственники есть. У меня много родственников, хоть пруд пруди. — Она начала отгибать пальцы — вовсе не так, как делают русские, которые, считая, загибают пальцы. — В Бахчисарае есть, в Керчи — ой как много, в Ялте есть и даже в Севастополе. И я все знаю, что где случилось.

Она рассмеялась, и Андрей поразился чистоте и белизне ее зубов — их было много, они были крупные, ровные и белоснежные.

— Я в Симферополе в Глухом переулке жил, — сказал Андрей. — Вы знаете?

— Нет, не знаю, — огорчила его Аспасия. — А вы кондитерскую Циппельмана знаете?

— Ну конечно же! Пирожные эклер с шоколадной начинкой!

— А Фиру, дочку хозяина, знаете?

— Отлично знаю.

— Она замужем за моим кузеном! — радостно сообщила Аспасия.

— И у них ребенок, — сказал Андрей.

— У них трое. Малыш и двойня, — сообщила Аспасия с гордостью, словно сама родила всех детей Фиры.

Коньяк она пить не стала, а отпила кофе — Русико принесла еще по чашечке, чтобы кофе был горячий.

— Можно я вас буду просто Андреем звать? Ведь мы с вами будто давно знакомы.

— Конечно, зовите.

— А в Феодосии меня часто Асей звали. Один гимназист по мне сох и стихи читал: «Ася, ты мое несчастье!» Смешно?

— Смешно.

— Андрюша, ты только не подумай чего, — сказала Аспасия. — Ты, конечно, видишь, какое у меня дело. У меня здесь и варьете бывает, по ночам, а еще номера. Ты это понимаешь?

— Понимаю, — сказал Андрей и покраснел, хотя в полутьме этого, наверное, не было видно.

— Ты не стесняйся, Андрюша, — сказала Аспасия. — Это дело мужское, обыкновенное, ничего такого нет. Только девочки должны быть чистые и без болезней. Мне, знаешь, приходится трех-четырех каждый месяц в деревню возвращать — я же не могу у офицера спросить: вы больной, ваше благородие, или нет? Они мне девочек и губят. Стыдно просто ужасно.

— Но разве это... необходимо? — неумно спросил Андрей, но Аспасия вовсе не засмеялась. Она вообще была склонна к умным разговорам и тогда теряла чувство юмора, оставшееся у нее для обыденных житейских ситуаций.

— Это необходимо, — сказала Аспасия, — потому что иначе в мужчине происходит застаивание соков и он становится опасным.

— А монахи? — спросил Андрей.

— Монахи? Монахи, Андрюша, знают особое слово — их учат, я точно знаю. Но есть некоторые, которые забываются, — из них такие развратники получаются, ты не представляешь.

Андрей вдруг испугался, что Аспасия, которая считает это занятие нужным, тоже подрабатывает в этом доме терпимости и позволяет себя ласкать пьяным военлетам.

Но спросить об этом он, конечно же, не осмелился.

Но осмелился на другой вопрос:

— А почему вы вчера танцевали в «Галате»?

— А я ведь танцовщица. Я с семи лет начинала. Меня украли. Честное слово. И я даже в настоящем гареме жила — совсем девочкой, только это неинтересно. Лучше вам, Андрюша, не знать — но меня танцам учили. Я деньги люблю. Я такая голодная девочкой была, что теперь, когда денег у меня много, я, Андрюша, не могу остановиться — а мне тысячу рублей платят за один вечер — два танца, три танца, — они же бешеные кобели и все воруют, пока их солдаты всех к стенке не поставят, они спешат деньги прогулять.

Нет, подумал Андрей, собой она не торгует.

— Вы, Андрюша, не стесняйтесь, вы можете пользоваться моими девочками без денег — когда угодно. Я вам Русико советую, она хорошая и по-русски хорошо говорит. И чистая. Она за стойкой, видите?

— Нет, спасибо, — сказал Андрей. — Мне не нужно...

— Ну ладно, ладно, — сказала Аспасия, — я не для того вас сюда заманила, чтобы девочками покупать. Вы понимаете, я вас по делу позвала. И торопилась, как узнала, что на вас вчера напали.

— Вы и это знаете?

— Это банда Османа Гюндюза, страшный человек, вы, Андрюша, не представляете. Они могут ради денег на все пойти.

— Но я-то при чем?

— А как же? — удивилась Аспасия и положила ладонь на пальцы Андрея. Ладонь была жесткой, прохладной и уверенной в себе.

— Аспасия, — сказал Андрей, — честное слово, вы мне очень симпатичны, вы даже себе не представляете, до какой степени.

— Я все отлично представляю. И цену себе знаю на кобелином рынке. И даже знаю, мальчик мой, — она как бы имела право на такое обращение, потому что сразу стала вдвое старше, — знаю, что скоро, если меня кто не зарежет или не обезобразит, я лишусь своей красоты и буду просто толстой старой бабой, и тогда меня смогут спасти только большие деньги. Так что мне твоя симпатия, Андрей, приятна, потому что ты лучше, чем я ждала, — даже удивительно, зачем тебя на такое дело послали.

— Меня не посылали, — искренне возразил Андрей, — я сам попросился.

— А это больше похоже, — согласилась Аспасия. — Ты мог попроситься, потому что не умеешь свои ходы просчитывать заранее. Лентяй ты...

Они словно давным-давно были знакомы с Аспасией, и это было грустно, потому что Аспасия, понимал Андрей, никогда не станет его возлюбленной — искры, волны, какие посылал его организм, возвращались от Аспасии притушенными, чуть теплыми, ласковыми и семейными. Да и мог ли Андрей претендовать на внимание такой красавицы — подобные ей рождаются раз в столетие, ради них погибают царства и стреляются герцоги. И обычно такие красавицы несчастны, потому что их добиваются наглые, сильные, плохие люди — одинокого благородного рыцаря пристрелит наемный убийца в трех лье от замка, а негодяй подъедет к замку во главе сверкающего латами войска...

— Почему лентяй? — спросил Андрей.

— Не притворяйся, — поморщилась Аспасия. — Ты все отлично понял. Но мне не жалко и повторить — меня очень интересует вопрос: что ты задумал? Я очень хочу знать.

Русико принесла еще по чашечке горячего кофе. Ее мускулистые прямые ноги были обтянуты белыми чулками. Аспасия подождала, пока девушка отошла. Обернулась к Андрею.

— Аспасия, мне, честное слово, очень приятно сидеть здесь с вами, — сказал Андрей. — Я бы век так сидел. Но, к сожалению, я не понимаю ни слова из того, что вы говорите. Я ничего из себя не изображаю, я ничего не задумал.

— Андрей, — сказала Аспасия, — я все равно заставлю тебя решить по-моему. Если ты решил играть на подполковника Метелкина — ты погибнешь, как погибнешь и связываясь с турками.

— Честное слово, меня все с кем-то путают. И мне это очень грустно, потому что я хочу заниматься археологией, а за мной по ночам бегают убийцы.

— Не просто убийцы, — сказала Аспасия, — а люди Османа Гюндюза. Ты лучше скажи мне, что заставило вас в Севастополе изменить свое мнение? Что тебе донесли? Обо мне? Говори, я не боюсь правды! Я же вижу — ты шастаешь по городу, пытаешься что-то выяснить. Но ты здесь чужой — ты не уедешь отсюда живым!

Госпожа Аспасия раскрыла сумочку из золотого стекляруса, достала оттуда золотой портсигар — дамский, узкий, достала из него, нервно щелкнув алмазиком-замочком, длинную коричневую сигаретку. В мгновение ока рядом оказался инвалид, который поднес госпоже огонь. Аспасия глубоко затянулась сигаретой, и запах, распространившийся вокруг, был терпким и приторным.

— Аспасия, — сказал Андрей, — попытайся допустить, что

произошла ошибка. Ты ведь думаешь, что я связан с торговлей. Правда?

Аспасия кивнула, глядя на него в упор. У Андрея даже захватило дух от такого взгляда, он сглотнул слюну...

Андрей молчал. Сил говорить более не было. В те минуты он не вспоминал о Лидочке. И не потому, что меньше любил ее, — Аспасия не относилась к числу обычных людей — она была небожительницей, которая могла выбрать себе любого мужчину, заставить его повеситься на площади или зарезать ее саму. Это была женщина-проклятие, женщина-наказание, женщина-пытка, которая в виде особой милости может оставить тебя в покое.

— А кто же ты? — спросила Аспасия, неожиданно опуская глаза, словно смущенная чем-то.

— Я студент, — сказал Андрей. — Я приехал с экспедицией Авдеева. Я думаю, об этом знает весь Трапезунд.

— Весь Трапезунд знает другое, — сказала Аспасия. — Он знает, что из Севастополя приехал большой человек, которого зовут Андрей Берестов, что этот человек приехал ко мне, потому что мы будем принимать большие решения — скоро русским войскам уходить из Турции, надо искать новые пути товарам, заменять людей — если мы не хотим погибнуть, надо делать быстро. Теперь тебе ясно?

— Нет, не ясно.

— Понимаешь, все понимаешь! Вчера приезжает «Измаил». Мы знаем — наш человек на «Измаиле». Мы сразу спрашиваем капитана: где господин Берестов? Но мы не волнуемся, не беспокоимся, потому что господин Берестов знает, куда идти, с кем встречаться, — он знает, что его ждут у самого корабля. Он должен сделать знак...

Аспасия подняла правую руку и щелкнула пальцами:

— Вот так. И мы знаем: большой человек из Севастополя здесь.

Аспасия выдохнула, сделала паузу — она была актрисой, и речь ее была театральным монологом. Далее она говорила трагично:

— Господин Берестов на борту! Но господин Берестов не подает нужного знака, господин Берестов остается на набережной и уезжает с Метелкиным. Потом Метелкин везет его в «Галату», которую контролируют люди Метелкина, а господин Берестов делает вид, что его вообще в городе нет. А ночью он вдруг отправляется гулять по ночному Трапезунду. Где гуляет господин Бере-

стов? С кем хочет встретиться, почему не хочет встретиться с верными людьми — кто мне ответит на эту загадку?

— А где вы учились? — спросил Андрей.

— В гимназии, — совсем не удивилась неожиданному вопросу Аспасия, — в Керченской женской гимназии, только не окончила — я сбежала с театром Брусиловского после шестого класса.

Андрей отметил для себя, что в таком случае версия о похищении Аспасии в гарем в нежном семилетнем возрасте не соответствует действительности.

— И зачем вы меня отвлекаете? — сказала Аспасия капризно. — Почему вы не можете сказать мне правды?

— Правда одна, — сказал Андрей. — Я в самом деле Берестов, Андрей Сергеевич, что записано в моем временном свидетельстве, — желаете посмотреть?

— Мы уже смотрели, — сказала Аспасия спокойно, признавая этим, что вещи Андрея обыскивали.

— Все остальное — ошибка. Я тысячу лет не был в Севастополе, я никогда в жизни не занимался торговлей.

Андрей откинулся на спинку стула и прихлебнул дедушкиного коньяка.

— Андрюша, — сказала Аспасия, — я на все ради тебя готова. Не ради тебя — ради правды. Мы теряем дни, часы — это может оказаться роковым. А ты играешь в какую-то глупую игру. То ли потому, что открыл уши для злобных сплетен, то ли ты попросту дурак.

— Ну уж и дурак, — сказал Андрей, которому почему-то нравилось дразнить такую красивую женщину.

— Если вчера ночью у турок не получилось, то сегодня получится обязательно, — сказала Аспасия. — И тебя мы спасать не будем.

— И вам не будет меня жалко? — спросил Андрей. Коньяк был настолько крепок и душист, что в голове Андрея легонько и приятно зашумело. И он стал куда смелее и увереннее в себе, чем раньше.

— Нет, — резко сказала Аспасия и поднялась. — Мне не будет жалко глупого мальчишку. В Севастополе должны знать, кого посылать. И если послали тебя, значит, они недостаточно уважают меня. В таком случае я найду других партнеров.

Она была даже менее красива — злость никогда никого не красила, она сужает глаза и делает неправильной линию губ.

— Вы свободны, Андрей, — сказала она. — Я вас и пальцем не трону. Но теперь сами ищите себе охрану.

— Ну ладно, Аспасия, — сказал Андрей, которому вдруг надоела игра в каких-то казаков-разбойников. — Произошла ошибка. Честное слово, я другой Берестов. Есть же вторая Аспасия в Греции?

— Аспасий много. Но Аспасия Теофилато — одна.

— Сомневаюсь, — сказал Андрей.

— И Андрей Сергеевич Берестов в Севастополе тоже один. Таких совпадений не бывает!

— Вот приедет завтра ваш настоящий Берестов — тогда поймешь, что бывает.

— Иди, — сказала Аспасия.

Она по-королевски завершила аудиенцию. Но когда Андрей обернулся от входа, он увидел, что она смотрит ему вслед. И он понял, что Аспасия не совсем уверена в том, что поступает правильно.

Андрей развел руками, послал Аспасии воздушный поцелуй. Дедушкин коньяк еще продолжал на него действовать.

На улице был такой ослепительный и жаркий день, что Андрей зажмурился.

* * *

Поведение Андрея и его очевидная искренность смутили Аспасию. Ошибка казалась ей невероятной, но в жизни бывают и более невероятные случаи.

Ничего не оставалось, как подослать к Метелкину верного Сурена. Конечно же, Метелкин предпочел бы, чтобы к нему пришла сама Аспасия, но дело есть дело — Аспасия всегда предпочитала за услуги платить деньгами, а если телом, то чужим. Метелкин уже имел возможность в этом убедиться и смирился.

Метелкин сразу сообразил, что хочет разузнать у него негоциант. И признался, что и сам готов был попасться на удочку, но, к счастью, в недавнюю поездку в Севастополь он побывал в Главном штабе флота и видел там лейтенанта Берестова — ничего общего с археологом Берестовым не имеющего. Рассказав это, Метелкин долго смеялся — Аспасия желала создать собственную Трапезундскую империю, наладив прямые связи с Севастополем, в обход Метелкина. И кончилось это конфузом — как же не смеяться подполковнику!

Еще смешнее было то, что на ту же удочку попались и турки. Гюндюза хлебом не корми — дай сделать пакость Аспасии и ее грекам. Вот он и послал своих людей убить русского агента. И археолог Андрюша — тут Метелкин буквально упал на стул от сме-

ха — чуть было не отдал Богу душу только потому, что в Севастополе у него обитает однофамилец. Правда же забавно, господин Саркисьянц?

Господин Саркисьянц сказал, что не видит ничего смешного в возможной гибели молодого человека и даже намерен довести через своих людей до слуха Гюндюза, что Берестов трапезундский и Берестов симферопольский — разные люди. Только Гюндюз не поверит!

Так что Аспасия потеряла интерес к Андрею, сохранив, правда, к нему симпатию. Андрей же начал тосковать и вечерами, возвращаясь с раскопок, взял за обыкновение гулять по улице мимо «Луксора» — он слушал музыку и голоса, но войти не смел.

Господин Сурен Саркисьянц также не показывался, убийц никто не подсылал — три дня прошли в трезвой археологической жизни, и Андрею было чуть обидно от того, что он перестал быть центром внимания стольких враждующих сил. Он даже Ивана крестьянского сына видел только раз и то случайно — когда тот привозил от Успенского забытые Авдеевым в Москве бумажные пакеты для находок. С Андреем они поговорили минут пять — ни о чем, посетовали оба, что дела не дают увидеться, — так и расстались. Один вечер Андрей провел с поручиком Митиным — тот заглянул к Андрею, даже вытянул его вниз в ресторан. Андрей сначала отнекивался стесненными имущественными обстоятельствами, но потом сдался — не из-за Митина, а из-за гложущей тоски по Аспасии. Это было как болезнь, как стремление курить, как нечто ненормальное, нецивилизованное. Андрей никому даже не сказал о своем свидании с Аспасией.

Они с Митиным посидели внизу, за одним столиком с двумя известными здесь арабами — английскими шпионами, которые много шутили и сами смеялись своим шуткам. Когда Андрей поднялся к себе в номер, он понял, что там кто-то был, перевернул все его вещи и весьма неаккуратно положил их на место, будто нарочно хотел дать понять хозяину, что его обыскивали.

Андрей проверил — не пропало ли чего. Все было на месте. Значит, это были не грабители. Андрею не было страшно, что в его вещах рылись, но очень противно. Как будто он наверняка знал, что у тех людей грязные руки. Ему даже не хотелось оставаться в комнате, где только что были эти нечистые люди. Потом он понял, что пойдет к Аспасии и велит ей прекратить эти шутки. Вот сейчас пойдет — покажет!

Наверное, Андрей был слегка пьян — они пили с Митиным и английскими шпионами сладкое местное вино, иначе бы он не

отправился так поздно один на улицу. Но все в нем перепуталось, и не последнюю роль в его решении сыграло терзающее стремление хотя бы увидеть Аспасию. По крайней мере теперь есть предлог поговорить с ней.

Андрей вышел из гостиницы. У входа, как всегда, было людно — он даже узнал одну из девиц Аспасии. Митин еще оставался в ресторане. Ночь за пределами огней гостиницы была черной и душной.

Пройти Андрею было всего ничего — метров пятьдесят до угла, потом за угол, там второй дом — «Луксор».

На тротуаре, в кафе, в лавках, что еще были открыты, толпилось немало народа — была суббота, завтра местный праздник.

Противоположная сторона широкой улицы была темной — почему-то все оживление сместилось к одной стороне. Андрей сошел с тротуара на мостовую — ему показалось, что там, где нет встречных и никто не толкается, прохладнее.

Он дошел до перекрестка — как раз над головой его горел фонарь. Навстречу по мостовой ехала пролетка — лошадь шла мерно, — тук-тук подковы по каменной мостовой, Андрею показалось странным, что один человек сидит в пролетке, а второй идет рядом по мостовой и мирно с ним беседует.

Андрей шагнул в сторону, чтобы пропустить пролетку, и в этот момент человек, шедший рядом с ней, сделал шаг к Андрею, и в руке у него оказался нож.

Человек прошипел что-то — не надо было быть большим лингвистом, чтобы понять смысл угрозы.

И в тот же момент человек, что сидел в пролетке, соскочил с нее, схватил руку Андрея и так ловко завел ее за спину, что Андрею пришлось согнуться и покорно повернуться к пролетке.

— Лезь, — сказал тот, кто держал его сзади. Было больно. А нож второго человека метнулся вверх и прижался лезвием к горлу — у его хозяина было тупое озлобленное лицо, ему ничего не стоило полоснуть ножом по горлу.

Андрей хотел сказать что-то, но человек с ножом увидел, как движутся губы, и нож надавил на горло.

И через несколько секунд Андрей уже сидел в пролетке, по обе стороны от него уместились, сжимая его, два пахнущих потом и опасностью человека. И никто на улице или не заметил, или не захотел замечать этого события.

Стыдясь или не догадавшись закричать, Андрей молча боролся с похитителями, пытался вырваться, но у горла Андрея вновь возник нож — на этот раз его молодой сосед действовал смело и

открыто, потому что пролетка покинула центр и катила по узким уличкам нижнего города.

Путешествие было недолгим, и Андрей даже не успел прийти в себя и осмыслить, что с ним произошло. Ему было больно и неудобно от того, как его держали, притом пролетку трясло.

Пролетка остановилась возле приоткрытых ворот на узкой улице. Андрея грубо втолкнули в неосвещенный двор, и вскоре он оказался в обширной низкой комнате, на полу и стенах которой были ковры. Там их ждал малорослый человек в феске, с короткой, в проседь, бородой и веселыми, в лучиках морщин, глазами. Лицо его, освещенное с обеих сторон шандалами на высоких подставках, казалось очень живым, тем более от игры теней и света.

— Добро пожаловать, господин Берестов, — сказал мужчина с восточным, таким знакомым по Крыму акцентом. — Долго вы собирались к нам в гости.

— Я и сейчас к вам в гости не собирался, — огрызнулся Андрей. — Велите меня отпустить.

— А вы садитесь, садитесь, — сказал седобородый, упершись маленькими черными выпуклыми, совсем как у мышки, глазами в Андрея, стараясь пробуравить его. — Рефик, дай гостю подушку.

Тот, что был с ножом, кинул Андрею подушку.

— Садитесь, садитесь, — сказал седобородый. — Чай пить не будем?

— Не будем.

— Деловые люди, да?

— Не знаю, как вы, а я спать собрался.

— Долго спать будешь, — сказал седобородый и стал смеяться — все лицо собралось в морщинки и напомнило Андрею клубок бурой шерсти — каждая ниточка видна, — а в клубке спрятались две черные бусинки.

— Давай знакомиться, — сказал седобородый, — Осман Гюндюз — так меня зовут. Меня все боятся — от Синопа до Константцы. Как мое имя слышат, в обморок падают, да?

Молодые люди закивали головами, хотя вряд ли что-нибудь поняли.

— Вы хорошо знаете русский язык, — сказал Андрей.

— Я в России бывал, много раз бывал, торговал немножко. А что тебе Аспасия говорила?

— Она не подсылала бандитов.

— Может, это не я подослал, — сказал Гюндюз, — может, Суренчик. А может, сам русский подполковник Метелкин послал?

Кто их знает — все в Трапезунде тебя ждали, все тебя любят. А ты и не знал, правда?

— И не подозревал, — сказал Андрей.

Гюндюз не казался страшным либо злым. Наверное, с ним можно договориться. Может, хоть он поймет, что Андрей здесь ни при чем.

— И я не знал. Зря ты сюда приехал, Берестов. Такой молодой, красивый аскер, генералом бы стал, — а к нам приехал, голову потерял. Зачем ехал, ай, ай, ай! — закручинился Осман Гюндюз, но слишком театрально, а глазки внимательно наблюдали за Андреем.

— Честное слово, я не имею к вашим делам никакого отношения, — сказал Андрей. — Я уже говорил госпоже Теофилато, что произошло недоразумение. Видно, здесь ждали какого-то другого Берестова.

— Красиво придумал, мальчик. Только мы никого не ждали. Честное слово даю — никого не ждали. И теперь дело очень важное, да?

— Какое дело?

Ноги затекли, пришлось пересесть так, чтобы положить их вбок, — и как эти турки сидят, подложив под себя пятки?

— Такое дело, какое у тебя с этой сукой Аспасией. — Лицо стало злым, разгладилось на мгновение и снова собралось в морщины. — Говори, зачем приехал?

— Не смейте со мной так разговаривать, — оскорбился Андрей.

Тут же один из молодых бандитов ударил его в висок. От неожиданности голова дернулась, Андрей упал, ушиб локоть о твердый пол и на секунду перестал ощущать окружающий мир.

Он с трудом поднялся, потирая локоть и легонько мотая головой, чтобы вернуть мозги на место.

— Я все знаю, — сказал Осман. Он говорил так холодно и сладко, что ясно было, как он по-змеиному смертелен. Андрей испугался — настолько, что готов был бы рассказать обо всех тайнах Аспасии или Метелкина, если бы только знал какую-нибудь тайну!

— Что... вам нужно? — произнес Андрей, стараясь сглотнуть слюну. — Ну что вам нужно?!

— Нам нужно все. Нам нужно все знать. Зачем ты приехал. И пока ты не расскажешь, о чем вы договорились, ты отсюда не выйдешь.

— Я ничего не знаю!

И тут случилось страшное — то страшное, за пределами которого уже нет страха. Молодой бандит полоснул его по горлу острым лезвием, и Андрей явственно почувствовал — не нужно было глаз, чтобы видеть, как нож разрезал кожу, как лопались, сопротивляясь, сосуды и хлынула кровь. Еще мгновение, и лезвие перережет трахею.

И именно в тот момент — даже не было очень больно — Андрей понял, как проста и близка смерть, — она была в миллиметрах от лезвия ножа — и все. И тебя не будет. И тогда уже будет не страшно.

Наверное, в интересах Гюндюза было бы куда лучше избить Андрея, запугав его болью и вселив надежду избавиться от нее. Но удар ножа стал первым испытанием на пути превращения Андрея в особое существо, нужное неведомой силе для непонятных целей. Вечный странник, бессмертный, но не имеющий бессмертия, он был обязан отличаться от прочих людей глубоким пониманием тех таинств жизни и смерти, от которых нас так тщательно и глупо оберегают инстинкты, привычки и обычаи. Он должен пощупать языком смерть еще в начале своей сознательной жизни.

Что и произошло с Андреем.

— Эй! — закричал Осман с отвращением и негодованием. Он выхватил свой нож — Андрей видел смутно, в полузабытьи — и кинулся с ножом на молодого бандита. Тот, бросив нож — Андрей услышал глухой стук ножа о ковер, — убежал из комнаты, а второй бандит почему-то начал смеяться высоким голосом — глаза Андрея были открыты, хотя он плохо соображал, что же происходит, и потому ему непонятно было, почему Осман бьет сапогами второго бандита, почему он кричит, зовет кого-то. И потом прибежали другие люди, но от них существовали только лица, а Андрей, уже потеряв сознание, старался все проверить — перерезана ли у него глотка или нет, он старался проглотить слюну. Но не мог — будто судорога свела горло. И с отвратительным чувством невозможности глотать Андрей потерял сознание, а пришел в себя в полутемной комнате, на низкой кушетке, накрытый каким-то одеялом, и сразу же потянулся пальцами к горлу — горло было перевязано, а сам он был раздет. Комната была пуста, и дверь закрыта.

Андрей окончательно поверил в то, что жив, и смог на этот раз проглотить слюну, хотя оказалось, что глотать больно, — и уже спокойно заснул.

Снова он проснулся в той же комнате. Через узкое окно про-

бивался острый и тонкий луч солнца, и в нем медленно крутились многочисленные пылинки. Андрей сразу вспомнил, что произошло с ним вчера, но не испугался. Это уже миновало, как сигнал о том, чтобы человек не суетился и не разменивался на мелочи, потому что все может кончиться мгновенно, закрыл глаза — и все. Дети иногда зажмуриваются, полагая, что тогда и их не видно. «Меня нет!» — кричит ребенок. Оказывается, дети правы. Именно так и завершается жизнь: ты закрываешь глаза, и кто-то другой за тебя говорит: «А его уже нет!»

Андрей провел рукой по повязке на шее, потом сел на низком ложе — было тепло, но не душно — откуда-то проникал свежий воздух. Хотелось пить.

Андрей решил исследовать сначала свою тюрьму, потому что раньше всех органов его тела проснулся мочевой пузырь. Андрей усмехнулся, вспомнив, что в приключенческих романах такие проблемы героев совершенно не волнуют. Просидев трое суток взаперти в роскошном будуаре без окон и дверей, герой тут же готов к длительным беседам с тюремщиками.

Андрей поднялся и пошел к двери. Дверь была заперта. Он постучал, никто не откликнулся. Андрей осмотрелся, выясняя, нет ли другого выхода, и тут увидел, что за ложем в углу стоит ночной сосуд, вернее, предмет, который можно почитать ночным сосудом. Андрей взял этот сосуд и с наслаждением опустошил мочевой пузырь, и как раз в разгар этого действия дверь с отвратительным скрипом отворилась, и вошла девица в черном платке с тазом в одной руке и кувшином в другой. Андрей отвернулся от девицы к стене, проклиная здешние обычаи. Девица, ожидавшая увидеть лежащее тело под одеялом, также была удивлена, взвизгнула, уронила таз и, прижимая к себе кувшин, убежала в коридор.

Сам господин Гюндюз принес белье Андрея и злополучный кувшин. Он извинился за недоразумение.

— Это я виноват, — сказал Андрей, поджидавший его, сидя на ложе и закутавшись в одеяло.

— Моя родственница, — сказал Осман, — не привыкла к таким случаям. Она чуть Богу душу не отдала, понимаешь?

И тут он принялся смеяться, а лицо его стало клубком шерсти.

— Ты можешь, конечно, помыться внизу, где все моются, — сказал он. — Но будешь стесняться, и другим нехорошо. Одевайся.

Белье Андрея было еще чуть влажное.

— Вы стирали его? — удивился Андрей.

— Это была глупость, — сказал Осман. — Не надо было сти-

рать. Но уже поздно — постирали. Простирали, чтобы кровь смыть, понимаешь?

— Да, конечно. — Андрей понял, что крови на одежде, наверное, было немало. Значит, они намерены его отпустить. Иначе, даже постирав одежду, ее не стали бы возвращать.

Одеваясь, Андрей понял, что за ночь нечто изменилось, — это был совсем другой Гюндюз. Не враг, а как бы хозяин дома, в котором Андрей остановился переночевать и у которого вчера за ужином случайно облили одежду томатным соусом. Но, может, это хитрость?

— Простите, а который час? — спросил Андрей.

— Уже утро. Восемь часов половина.

— Меня уже хватились, — сказал Андрей.

Интересно, что ответит Осман на этот вопрос.

— Не волнуйся, — сказал тот. — Скоро будешь в гостинице.

— И что я скажу?

Андрей как бы присоединился к игре, правил которой не знал, ее вел Осман, делавший вид, что ничего особенного не произошло.

— Скажешь, что на тебя напали, все скажешь — только имени не скажешь, — сказал Осман, и черные глазки сверкнули в полутьме, как отполированные бусинки.

— И это? — Андрей показал на свою шею.

— Очень страшно расскажи — как тебя пытали...

— А потом?

— А утром ты убежал.

— И это я всем скажу?

— Всем скажешь. И Аспасии скажешь, и Метелкину скажешь.

Андрей кончил одеваться и теперь чувствовал себя увереннее.

Поэтому он смог задать главный вопрос.

— Что изменилось? — спросил он. — Вы узнали, что я — другой Берестов? Что произошла ошибка?

— Может быть, — сказал Осман.

Он подошел к Андрею ближе — оказалось, что он на голову ниже своего пленника, достал из кармана пиджака длинный конверт.

— Расскажи, — сказал он, — кто тебе его дал?

— Ахмет, — сказал Андрей. — Мой друг Ахмет Керимов.

— Зачем ты молчал, не отдавал? А что было бы, если бы мои аскеры тебя зарезали?

— Это место было закрыто. Кофейня у порта. С кораблем.

— Это правда, — согласился Осман, словно Андрей сразил

его сильным аргументом в ожесточенном споре. — Этого ты не знал.

— Я решил, что за письмом придут.

— Правильно решил, — согласился Осман. Он улыбался неуверенно и даже застенчиво — видимо, с его точки зрения, он совершил большой промах. И вдруг сердито закричал: — Откуда я мог знать, шайтан тебя побери, что в Крыму два Берестова есть! Откуда мне знать, а? Теперь кричать будешь, теперь Керим кричать будет, Сейдамет скажет, что старый дурак. Ты-то им все расскажешь, конечно, расскажешь... — И неожиданно вслед за этой страстной речью последовало маленькое слово «да?» с вопросительным знаком в конце, который скрывал в себе такую надежду на порядочность посланца из Крыма, который, может быть, и не такой плохой человек, который, может быть, и не будет жаловаться тем, кто его послал.

Андрей понимал, что, в сущности, Осману не столь важно, будет жаловаться на него Андрей или нет. Вряд ли он так уж боялся крымских татар.

— Прости меня, друг, — сказал Осман.

— Это было недоразумение, — сказал Андрей великодушно, но его великодушие было напускным — ничего он не забыл и не простил. Но сейчас куда важнее было вырваться отсюда.

Гюндюз уселся на ложе, показал Андрею рядом с собой, начал говорить с ним о здоровье Ахмета, о татарских делах. Андрей, разумеется, знал мало: жил он только в отряде Ахмета и не видел ни татарских политиков, не знал их сил и намерений в Симферополе. Но он старался показать, что знает куда больше, чем говорит, и, возможно, ему это удалось. В конце концов Гюндюз сказал:

— Лучше тебе сейчас идти, Андрей. Чем раньше ты пойдешь, тем меньше тебя будут искать. Кому нужно, чтобы русский полк перекапывал выгребные ямы и колодцы, как уже случалось этим летом. Пожалей своих земляков.

В этих словах была скрыта издевка, но ее можно было не замечать.

— Мы с тобой еще много раз встретимся. Будь спокоен, Андрей, пока я жив, ни один волос не упадет с твоей головы.

Осман говорил чуть более торжественно, чем требовалось, но Андрей думал только об одном — скорее уйти отсюда, из этого замкнутого полутемного, наполненного шепотом и шуршанием дома.

Андрей поднялся.

— Тогда проводите меня, — сказал он.

— Нет, так уйти нельзя, — сказал Гюндюз.

Он хлопнул в ладоши. Из дальних комнат кто-то отозвался «иду» — Андрей понимал многие слова. Потом вошел незнакомый подросток. Он нес миску с темной жидкостью.

— Сними повязку, — сказал Гюндюз.

— Зачем?

— Она слишком чистая, мой друг. Мы повяжем другую — грязную.

Он достал из кармана мятый платок. Андрей признал правоту турка. Он смотал повязку — она присохла спереди, было боязно ее отрывать, — Осман протянул сухую руку и резко рванул повязку к себе.

— Пускай кровь идет немножко, — сказал он.

Он протянул платок.

— Сам завяжи. На тебя бандиты напали. Куда-то затянули, в какой дом, ты не знаешь, глаза завязанные были, — пытали, денег требовали, убить хотели, а потом ты сбежал от них — еле убежал. Сам придумаешь, только дом не помнишь, никого не видел. Чем меньше знаешь, аскер, тем лучше для тебя, долго жить будешь.

В темной глиняной миске, которую принес юноша, была, по уверениям Гюндюза, куриная кровь.

— Закрой глаза, — сказал седобородый Андрею.

Андрей подчинился. Осман зачерпывал широкой ладонью кровь и мазал ею ворот и грудь Андрея.

— Не смотришь за дураками, — ворчал он, — всегда напутают. Я не велел им твое белье стирать, а они думали, что тебе амба. Выстирали женщины, чтобы продать, хороший, говорят, пиджак, зеленый, и рубашка хороший — богатый аскер был.

— Вы часто спешите? — спросил Андрей, не в силах скрыть дурного отношения к Гюндюзу. Но тот будто не слышал злости в голосе Андрея.

— Я редко спешу, — ответил он. — Мои женщины очень недовольны, они уже деньги подсчитали, а оказывается, ты будешь живой!

Андрей приоткрыл глаза, думая, что размазывание куриной крови кончилось. Но Осман словно ждал этого момента, плеснул остатками крови ему в лицо.

— Да вы что!

— Пускай так будет, — рассмеялся Гюндюз. — Так лучше поверят. Ты лучше рукавом вытирайся — скорее засохнет.

Ощущение было отвратительное — липкая кровь воняла, костюм был погублен. Все это было как бы продолжением ночной

экзекуции, и Андрей не верил словам Гюндюза, полагая, что тот был бы рад убить Андрея — и концы в воду, но что-то, непонятно что, переменило его намерения.

Главное — уйти отсюда, уйти отсюда, повторял про себя Андрей. Этот кошмар скоро кончится.

— Тебе завяжут глаза, потому что не надо знать, на какой улице идешь.

Стало темно — цепкие пальцы взяли Андрея за руку и повели — сначала по плиткам пола, потом наверх по лестнице. Сзади голос Османа сказал:

— До встречи, аскер.

Андрей почувствовал, что они вышли из дома, заскрипела дверь, воздух стал теплым и душистым от цветов. Под ногами была утоптанная дорожка. Женские голоса звучали совсем рядом:

— Это он? Зачем хозяин его отпускает? Это особенный человек...

Потом скрипнула калитка, и Андрей почувствовал, что перед ним пролетка. Он взобрался в нее, пролетка поехала, он хотел было считать повороты, но потом понял, что это не поможет, — ему никогда не отыскать тот дом. И не нужно искать...

* * *

Люди Гюндюза сняли с Андрея повязку на неизвестной улице и быстро уехали. Андрей пошел по улице вверх, чувствуя себя неловко от того, что у него испачканы костюм и сорочка. Некоторое время никто ему не встретился.

Он вошел на небольшую площадь — вернее, перекресток, но, как назло, там не оказалось фонтанчика.

Хлопнула дверь — из дома вышла гречанка с кувшином и направилась в улицу направо, и Андрей пошел за ней, поняв, что она выведет его к воде. Но он не учел того, что женщина может обернуться.

К сожалению, так и случилось. Женщина обернулась — видно, на звук шагов, и отлично рассмотрела Андрея, шагавшего по солнечной стороне улицы.

Гречанка отчаянно закричала, уронила кувшин — Андрей, вместо того чтобы сразу убежать, кинулся почему-то поднимать кувшин, а гречанка поняла, что кровавое чудовище несется, чтобы ее задушить. Из ближайшего дома выскочил толстый мужчина с палкой, и Андрей постарался объяснить ему, что происходит недоразумение, — мужчина размахнулся, чтобы проломить пал-

кой голову Андрею, и тот помчался по улице, хотя это лишь казалось ему, что он мчится по улице, на самом деле он бежал медленно, прихрамывая.

За Андреем уже бежала небольшая толпа, и он выжимал из себя всю возможную скорость, понимая, что преследователи забьют его до смерти, полагая его вурдалаком.

К счастью, он выбежал на знакомую широкую улицу и кинулся к двум русским солдатам, что торговались у открытой лавки. Соотечественники сначала тоже было оробели — тем более их смутила вопящая толпа, что неслась за Андреем, но Андрей нашел нужный крик, который всегда помогает, если на сцене появляется русский солдат.

— Спасите, братцы! — кричал он. — Наших бьют!

Солдаты поняли его однозначно — виноваты именно те греки, что гнались за Андреем. Лишь по счастливой случайности греков не перестреляли, и вся эта история закончилась шумными переговорами, появлением патруля, что, к счастью, тоже занимался покупками на улице, и вскоре Андрей оказался в городской больнице, окруженный сочувствующими и страшно любопытными согражданами.

Раны Андрея оказались, в общем-то, неопасны, синяки и ушибы тоже оставляли надежду на выздоровление, так что Андрей пропустил лишь один день раскопок.

Госпожа Авдеева велела ему лежать, не поднимая головы, сделала какие-то вонючие примочки и объявила себя его старшей сестрой. Она долго и увлеченно массировала Андрея и была недовольна, что пришел сам профессор, который утробно смеялся и уверял окружающих, что состояние Андрея — типичный пример последствий романтической вылазки в исламской стране. Он сказал, что и сам пролежал как-то целый месяц в Тегеране по такой же причине. Подполковник Метелкин тоже пришел навестить Андрея и расспрашивал его. Андрей держался версии, предложенной Османом, и Метелкина разочаровал. Тот говорил:

— Нет, не может быть, чтобы вы, такой молодой, и не заметили никаких деталей!

Приходил и поручик Митин — он привел с собой капитана из контрразведки. Капитан был толст, добродушен — таким в разведке делать нечего, решил Андрей. Он тоже остался недоволен показаниями Андрея, будто ждал точного адреса, чтобы нагрянуть туда с пулеметами и пушками. Иван крестьянский сын заявился, когда остальные разошлись. И сказал:

— У вас, очевидно, есть причины молчать о том, где вы были

и кто вас мучил. Но учтите, что здесь никто вам не поверил. И я тоже не поверю. Хотя бы потому, что человек, который умудрился посреди бела дня уйти из дома, где его держали, и не заметить, что это был за дом, — отличается отвратительной наблюдательностью.

— Я отличаюсь отвратительной наблюдательностью.

— А я уверен, что вы были в руках Гюндюза. И он вас отпустил? О чем это говорит?

— О чем?

— О том, что Гюндюз никогда никого не отпускает живым. Так что вам есть о чем подумать, невинный археолог Берестов.

Глава 3

Лето 1917 г.

Андрею досталась полуразрушенная башня цитадели, второй этаж которой некогда был придворной церковью первых Комнинов, а внизу, по мнению Успенского, похоронили императоров Алексея и Давида — рыцарей, проведших жизнь в войнах и не преисполнившихся гордыней. Все большие храмы Трапезунда — создание их потомков, которым достался более установленный быт и порядок.

Предположение Успенского так и не было доказано — он лишь исследовал фреску, сохранившуюся на внутренней стене башни, и со свойственной ему виртуозностью, привлекая на помощь свидетельства десятков средневековых авторов, фресок и книжных миниатюр, доказал, что две центральные фигуры на фреске в силу длинных цепочек, ниспадающих с венца к плечам, носят либо титулы императоров, либо севастократоров, что, несомненно, подтверждает гипотезу о захоронении трапезундских императоров именно здесь, а не во дворе храма Златоглавой Богородицы.

Летом 1917 года Успенский и его группа были заняты раскопками в храме Святого Евгения, которого Успенский полагал патроном Трапезунда. Профессор мечтал отыскать в храме погребение самого святого, считая, что такая удача оставила бы куда больший след в науке, чем гробницы греко-грузинских императоров.

Авдеев занялся дворцом Комнинов, питая тайную надежду отыскать библиотеку императоров, о которой много говорили средневековые летописцы. Везде по цитадели были видны следы

начатых и оставленных вскоре раскопок Успенского. Ямы затянуло грязью и засыпало пылью, а кое-где их сровняли солдаты, так как траншеи и ямы мешали интендантам, что заняли цитадель своими складами, депо и мастерскими, а в пригодных для жилья строениях оборудовали конторы.

Неудивительно, что к новому нашествию археологов хозяева цитадели отнеслись отрицательно, и тут авторитет подполковника Метелкина был не столь велик, как среди жуликов и контрабандистов. Так что мадам Авдеевой пришлось пустить в ход все свое тяжеловесное обаяние, а Авдееву — московский гонор, чтобы интенданты смилостивились над непонятными им существами. Археологи привели с собой в цитадель греческих землекопов, чем генерал-майор Ломейко, комендант Трапезунда, был недоволен. Авдеев предложил использовать в качестве рабочих русских солдат и платить им за это, но эта идея вызвала у Ломейко возражения.

— Господин профессор, — сказал он, — наша держава находится в состоянии тяжелой войны. Я не знаю и знать не хочу, почему ваши спутники не держат в руках винтовку... — Тут генерал сделал паузу, надеясь, может быть, что Авдеев со своими сотрудниками изъявит желание пойти на фронт добровольцами, но ответа не дождался и закончил свою мысль так: — Но мои солдаты, все до единого, нужны на своих боевых постах.

Генерал Ломейко был стар, бугрист и неуверен в движениях. Он сам уже не воровал и не мог контролировать подчиненных, поэтому был им удобен и даже любим.

В конце концов все, разумеется, уладилось: греческие землекопы начали лениво махать лопатами и кирками, а среди населения города распространилась уверенность в том, что горластый профессор из Москвы ищет сокровища императора, потому что купил секретную карту.

Рабочих у Андрея было всего трое, они проявляли рвение лишь первые два часа, по холодку, но как только воздух прогревался, укладывали инструменты на землю и шли пить кофе, и ничто не могло заставить их вернуться раньше трех часов пополудни.

Андрей, впрочем, и не возражал против ухода рабочих. Он оставался один в тишине и мог не спеша рассмотреть углубившуюся траншею, проверить, не вылезает ли из ее серой стены наконечник стрелы или обломок сосуда, разобрать кучу породы — тяжелой, перемешанной с камнями, и выудить из нее все интересное — работы как раз хватало до обеда. Потом он спускался вниз, в небольшую кофейню. Там уже наладились какие-то зна-

комства, и Андрей с улыбкой отвечал на дежурные вопросы, нашел ли господин доктор свой клад? Попытки его объяснить даже наиболее интеллигентным офицерам, что его интересует не клад, а само знание, вызывали усмешки.

Порой к нему подсаживался тот или иной старожил и объяснял, что Андрей ищет клад неправильно, и даже находились люди, готовые за долю в находке нарисовать план, где нужно искать.

Нижний этаж башни был завален спекшейся смесью земли и камней — когда-то сверху рухнула кровля, потом перекрытие второго этажа, а через пролом в стене и набралось за столетия немало земли и пыли. И все это было сцементировано так, что впору взрывать. Так что землекопы вгрызались в завал медленно и за три недели прошли чуть больше аршина.

Находки также были не очень интересны, потому что истинный пол церкви находился на неизвестной глубине под завалом, пройти который еще предстояло. И все же по мере того, как продвигалась работа, все чаще встречались наконечники стрел и обломки оружия, даже каменные ядра от катапульт — следы осад и сражений у цитадели; на стене, очищенной от породы, проявился верх фрески, относившейся к первому этажу церкви, — там были видны летящие серафимы и облака.

Башня защищала от солнца и порывов яростного горячего ветра, скатывавшегося с гор. Особой осторожности работы пока не требовали — Андрей и не ждал находок, а греки, будучи христианами и в святом месте, копали осторожно.

В июне началось генеральное наступление на всех фронтах — отчаянная авантюра Временного правительства. Разумеется, готовилось оно и в Трапезунде, вернее, на позициях к югу и западу от него, видных в пролом башенной стены. Там, за холмом Митры, на месте святилища римского времени иногда вспыхивали белые облачка — шла артиллерийская дуэль с турецкими батареями.

В городе было оживление — все время приплывали подкрепления, но снабжение их было из рук вон плохим, и настроение солдат тоже оставляло желать лучшего.

Запоздалые газеты приносили из России тревожные слухи: в стране шла грызня — ссорились политики, все твердили, что необходимо немедленно вытащить Россию из пропасти, в которой она находилась, пора наконец прекратить говорильню, иначе найдутся антинародные силы, которые будут действовать именно от имени народа. Они придут к власти, и тогда будет плохо

всем, в первую очередь самому народу, не говоря уже о состоятельных классах общества. Если мы не хотим анархии, необходимо взяться за дело.

Поручик Митин иногда приходил к Андрею в башню на раскопки. Андрей устраивал перекур и усаживался рядом с ним в проломе башни. Они глядели в сторону гор, на святилище Митры, где изредка поднимались белые ватные разрывы. Поручик желал, чтобы наступление провалилось, чтобы Россия заключила сепаратный мир с Германией, потому что, если этого не сделать, будет следующая вспышка революции, когда поднимутся все темные рабские массы России и сметут все, что посмеет встать на пути. Андрей не соглашался с новым приятелем, потому что полагал, что в России есть немало здоровых демократических сил, которые еще не сказали последнего слова.

— Вы не знаете русского народа! — горячился Андрей, которому в те моменты казалось, что он разделяет мысли и чаяния русского народа, — он вспоминал лица встретившихся ему на жизненном пути добрых солдат или мастеровых, вспомнил и Глашу, и Марию Павловну, потому что они тоже были представительницами русского народа. — Наш народ переболеет болезнью роста. Да, это нелегкая болезнь, но ростки справедливости, побеги демократии, живущие в русской крестьянской общине, — все это дает нам надежды...

К согласию спорщики не приходили, что, впрочем, не мешало им оставаться добрыми приятелями, будто бы оказавшимися случайно на водах или на морском курорте и соединенными взаимной симпатией, которая завершится на вокзале в день разъезда.

* * *

Ни одна душа не обращала на Андрея внимания. Никто не нападал на него в темных переулках, никто не старался проникнуть в его номер, никто не стрелял в него — жизнь сразу потускнела и стала такой же, как жизнь археолога в Вологодской губернии.

На третий или четвертый день после освобождения из подвала турецкого дома Андрей возвращался с раскопок крытым базаром. Во-первых, эта дорога была прохладнее, чем проход по улицам, во-вторых, Андрею всегда было интересно бродить полутемными проходами базара, мимо многочисленных лавочек и магазинов, где с перегородок свисали роскошные ковры, в полутьме лавочек поблескивали надраенные медные кувшины и чеканные блюда, где громоздились штуки ситца и шелка...

Прямо на базаре, на главной его улице, Андрей нос к носу столкнулся со своим мучителем, загадочным и могучим главой турецкого клана контрабандистов господином Гюндюзом. Сердце Андрея вздрогнуло. Это было слишком обыкновенно, словно господин Гюндюз не мог существовать в дневном Трапезунде, а был лишь порождением его знойных ночей.

Андрей не знал, должен ли он показывать, что знает этого страшного человека. И пока он размышлял, господин Гюндюз, проходя рядом, чуть улыбнулся и поклонился, как бы оставляя за Андреем право узнавать себя либо не узнавать.

Андрей поздоровался — но уже со спиной господина Гюндюза.

И тут же увидел, что за Османом идут два молодых человека. Один из них обернулся, и Андрей узнал своего мучителя Рефика. И узнавание было настолько неприятным, что рука Андрея непроизвольно поднялась к горлу, как бы прикрывая тонкий шрам. А турок лишь усмехнулся и исчез в толпе.

Не раз Андрей проходил мимо заведения госпожи Аспасии Теофилато, но только днем — вечером, когда оттуда доносилась музыка «Сиртаки» и пьяные голоса, Андрей показаться там не мог. А днем «Луксор» был пуст, тих, и когда Андрей как-то осмелился и, отодвинув звенящие струйки, шагнул внутрь зала, перед ним появился инвалид на деревянной ноге, державший в руке неизменную щетку.

— Госпожи Аспасии нету, — сказал он по-русски, — и не будут.

Более Андрей не заглядывал в «Луксор», надеясь, правда, что в один прекрасный день гречанка будет снова танцевать в «Галате». Он даже принял за обыкновение спрашивать у портье, возвращаясь с раскопок:

— Госпожа Аспасия у нас сегодня не танцует?

И тот, полистав зачем-то свой блокнот, куда записывал резервации, отвечал:

— Госпожа Аспасия у нас сегодня не танцует.

Никто не интересовался Андреем.

И от Лидочки не было никаких вестей.

Основную тайну — почему же вдруг все бандиты и контрабандисты Трапезунда потеряли интерес к Андрею Берестову — помог разгадать крестьянский сын Иван Иванович.

Как-то вечером он зашел в «Галату» — у него были дела к Авдеевым, заглянул к Андрею, предложил выпить по чашке кофе, только не в вонючей «Галате», а в соседней кофейне, за столиком, вынесенным на тротуар.

Был жаркий вечер после раскаленного дня. Горячая волна воздуха пришла откуда-то из Палестины или египетских пустынь. Над Трапезундом висела пыль, днем все ползали, как дохлые мухи, еле перебирая лапками, и старались пересидеть день в тени.

Иван сказал, что экспедиция Успенского, видно, не дотянет до осени. Деньги кончались, из Петербурга новых не присылают, а те, что остались, быстро теряют в цене.

— А вы ссудите своему профессору, — сказал Андрей. — Верно, у вас еще осталось?

— А имение? — улыбнулся крестьянский сын. — Имения тоже дорожают.

— Сожгут пугачевцы ваше имение, — сказал Андрей. — Лучше отдайте неправедно заработанные деньги профессору Успенскому на пользу великой науке.

Иван Иванович рассмеялся, но невесело. В последние дни он был озабочен. Лето еще только начиналось, и Андрею казалось странным, чтобы такой преданный науке человек, как Успенский, вдруг свернул дела и покинул Трапезунд. Тем более что на фронте скоро начнется наступление, и тогда можно будет следом за нашей армией побывать в иных византийских городах, которые пока еще находятся в турецких руках.

— Да, — сказал крестьянский сын, — вас может интересовать случайная информация, которую мне принесла на хвосте одна птичка. Вы были правы. Берестовых — два. Нашелся ваш двойник.

— Я же говорил! — сказал Андрей. — А мне не верили.

— Я сам не верил, — признался Иван Иванович. — Уж очень невероятное совпадение.

— Что же оказалось?

— Оказалось, что вы, милостивый государь, чудом остались в живых.

— Честно говоря, — сказал Андрей, — я все эти дни оглядываюсь через плечо и удивляюсь, почему никто не обращает на меня внимания?

— Потому что все знают, что интересующее их лицо, старший лейтенант Андрей Берестов, инспектор севастопольского картеля, уже две недели лежит в лихорадке.

— Ты и это знаешь!

— И еще многое. Этот Берестов должен был плыть с вами на «Измаиле». Была бы комедия в духе Гольдони, если бы два Андрея Берестова плыли вместе и прибыли вместе в Трапезунд.

— А что теперь?

— А теперь вместо Берестова прибыл другой человек.

— Какой?

— Знать не знаю и тебе не советую, — ухмыльнулся Иван.

И тут Андрей ему не поверил.

* * *

Когда в июне началось летнее наступление и белые пушинки выстрелов над горой исчезли, отодвинувшись от Трапезунда в сторону желанного Стамбула, постоянное внимание к раскопкам и археологам в цитадели ослабло: как и положено, обнаружилось, что в передовых частях не хватает снарядов и патронов, госпитали остались без бинтов и корпии, сапоги разваливаются, затворы заедают — все раскрадено и растащено. Приезжали высокие комиссии, следовали строжайшие разносы, а наступление постепенно затухало, не достигнув ни одной из поставленных целей.

Всем было не до Андрея, греки приходили теперь даже не каждый день, делая Андрею самим приходом своим величайшее одолжение, и, уж конечно, не желали пачкать рук грязной работой.

Разгребая как-то после их ухода куски породы, Андрей понял, что в правом углу башни траншея прорезала первоначальный пол церкви.

Разумеется, это открытие вызвало подъем сил в Андрее, и он даже попытался ломом, оставленным одним из землекопов, углубить яму. Ничего у него не вышло — слишком слежалась земля за столетия. Уморившись, Андрей вынужден был вернуться в «Галату» и там поджидал возвращения с раскопок своих товарищей.

Чтобы не пропустить своих коллег, Андрей уселся на диване в вестибюле. Время было полуденное, около четырех, самое тихое в «Галате». Из ресторана донесся звон ножей — там накрывали к вечеру столы, из бара послышались голоса — кто-то пробовал начать веселье. Зазвонил телефон — из-за тяжелого занавеса выскочил шустрый портье, схватил трубку, быстро заговорил по-гречески. Андрей так и не научился этому языку — знал только несколько обязательных на базаре или в кофейне слов. Большие электрические фены медленно крутились над головой, разгоняя горячий воздух, — электричество в Трапезунде работало плохо, станция выключалась, когда желала. Вечером напряжение пада-

ло, и лампочки светили тускло. Тогда приносили свечи или керосиновые лампы.

Андрею хотелось подняться к себе, вымыться, переодеться — и исчезнуть до ночи.

В вестибюль вошел шикарный Сурен Саркисьянц, петухом прошел к дивану, поклонился Андрею, как старому, но не очень нужному знакомому, и сел на другой конец дивана, вытянув ноги в пыльных штиблетах и опершись о трость отставленной рукой.

Затем он откинул голову и смежил веки — негоциант отдыхал.

За дверями остановился автомобиль. Зазвенели бисерные нити. Вошел подполковник Метелкин, с ним незнакомый Андрею высокий худой офицер с жестким тонким лицом — в этом лице тонко было все: и губы, и нос, и щеточка усов.

Метелкин не заметил Андрея — он шел на полшага сзади незнакомого офицера, и торс его был чуть наклонен вперед.

— О нет, господин полковник, — услышал Андрей, когда офицеры проходили мимо. — Не извольте беспокоиться, неприятности я беру на себя.

Портье нюхом почуял, что происходит, отложил телефонную трубку и вытянулся по стойке «смирно», пока Метелкин и приезжий полковник прошли мимо.

Они поднимались по мраморной лестнице, и все, кто остался в вестибюле, смотрели им вслед.

Андрей увидел, насколько Саркисьянц поглощен этим зрелищем, и рискнул спросить:

— Господин Саркисьянц, этот полковник вместо Берестова?

— Разумеется, господин Берестов. — Сурен обернулся к нему только после того, как офицеры скрылись в коридоре второго этажа. — Это полковник Баренц, они приехали только вчера.

— А Берестов заболел?

— Вот именно, — вежливо улыбнулся Саркисьянц. Андрей понял, что факт обладания определенной фамилией ставит Андрея чуть выше остального человечества. Иванову Сурен ничего бы не ответил.

— Так что же вы не идете наверх? — спросил Андрей.

— Мы знаем свое место, — сказал негоциант. — И знаем свое время. Понимаешь?

Андрей кивнул и снова погрузился в ожидание Авдеева. Было так же тихо и жарко, почти как снаружи, на улице. А фены кружились слишком медленно, чтобы поколебать толщу воздуха.

Снова зазвенели бисерные занавески, и в вестибюль быстро вошла прекрасная Аспасия. Правда, не каждый бы догадался, что

это Аспасия, потому что мадам Теофилато была в широкополой шляпе и под густой вуалью, хотя это не очень помогало — второй дамы с такой фигурой в Трапезунде не было.

Госпожу Теофилато сопровождала Русико, облаченная в одежды сестры милосердия, с небольшим, кокетливо нашитым на белом переднике красным крестом. Белая наколка, также с красным крестом, придавала Русико вид совершенно невинный, даже отрешенный. Русико держала в руках четки и перебирала их, что было излишним.

Войдя, Аспасия сразу же поглядела в сторону дивана — увидела Сурена Саркисьянца и вскочившего Андрея.

Саркисьянц ничего не сказал, лишь приподнял трость, показывая ею наверх, и чуть наклонил голову.

Андрей сказал:

— Добрый день, Аспасия.

— Добрый день, мой мальчик, — ответила добродушно гречанка.

Она быстро прошла к лестнице. Поднявшись на несколько ступенек, обернулась, откинув вуаль, и поглядела на Андрея. С улыбкой. Опустила вуаль и пошла наверх — Русико в двух шагах сзади.

Сурен Саркисьянц будто заснул — голова его опустилась к рукояти трости. Было тихо и скучно. Так что слышно было, как лениво жужжат на кухне бесчисленные мухи.

Это был тот самый ленивый и тяжелый для передвижений час между второй половиной дня и вечером, когда нельзя принимать решения и совершать резкие движения.

В тот момент, когда, стараясь побороть дремоту, Андрей уже решил отправиться в кофейню рядом с гостиницей, чтобы взбодриться, подкатила машина, добытая Метелкиным для Авдеевых. Авдеевы были потные, злые — видно, ругались по дороге. Их единение, столь крепкое в России, начало давать трещины, и Андрей подозревал, что виной тому притязания подполковника Метелкина, вызывающие в Авдееве вспышки ревности.

— Ах, оставь, — сердито сказала профессорша, входя в вестибюль. — Ты мелочен!

За этим последовал взгляд сверху — затылок профессора как раз маячил где-то под мышкой у супруги. Раньше Ольга Трифоновна такого себе не позволяла — профессора лелеяли и обожали.

— Что случилось? — Ольга Трифоновна увидела Андрея, поднявшегося с дивана. — Что-нибудь серьезное? Почему Илья здесь?

Андрей не сразу понял, что княгиня Ольга увидела снаружи мотор подполковника и решила, что с ним что-то приключилось.

— Господин Метелкин проводит здесь совещание, — сказал Андрей. — Я жду господина профессора по поводу экспедиционных дел.

— Господи, не надо так меня пугать, — сказала княгиня Ольга и направилась к лестнице. Ее батистовая блузка, пропотев, приклеилась к плечам и груди. Портье обалдело глядел на пышные формы Ольги Трифоновны — видно, в жизни ему не приходилось видеть столько упругой женской плоти сразу.

— Что еще у вас? — Авдеев стремился следом за женой, и ему не хотелось задерживаться с Андреем.

— Мы нашли в башне первоначальный пол, — сказал Андрей.

— И что, что? — спросил профессор, глядя, как княгиня Ольга достигла площадки второго этажа и остановилась, переводя дух.

— Если там погребения, — сказал Андрей, — то надо будет поставить охрану.

— С чего вы решили, что там погребения?

— Но это логично!

— Логично, логично! Я не знаю, сколько еще будет продолжаться эта несчастная экспедиция! А вы мне о каких-то саркофагах.

Тяжело дыша, Авдеев поспешил вверх по лестнице, следом за женой.

Андрей почувствовал взгляд — конечно же, господин негоциант смотрел на эту сцену во все глаза и смеет подмигивать Андрею. Этого еще не хватало!

Андрей поднялся, взял ключ у портье и пошел к себе на третий этаж. В номере Андрей подошел к окну, чтобы поднять жалюзи, — солнце светило с его стороны в первую половину дня — сейчас эта стена гостиницы была в тени.

Он взялся за шнур, чтобы потянуть жалюзи наверх, но случайно увиденное на улице заставило его замереть. На той стороне улицы, в узком углублении между двумя домами, таились два человека — напряженно, неподвижно, зловеще. И одного из них Андрей узнал — это был Рефик.

Зачем они здесь? Ведь Аспасия прошла к полковнику Баренцу и они совещаются там с Метелкиным.

Может быть, турки намерены взять гостиницу штурмом и перебить участников совещания? Для этого они устроили засаду? Куда выходит окно номера Баренца? Этого Андрей не знал. Но

если готовится покушение, значит, окно его расположено под окном Андрея. В лучшем случае Осман Гюндюз приказал своим молодцам следить за конкурентами, в худшем — расправиться с ними.

Андрей неподвижно глядел в щели жалюзи, стараясь найти на загадочной картинке самого Османа Гюндюза либо других его янычар.

Две греческие девочки в одинаковых синих коротких платьях с ранцами на спинах пробежали по улице совсем рядом с затаившимися турками — если и заметили их, то не обратили внимания. Шоффэр и солдат, сидевшие на переднем сиденье автомобиля Метелкина, проводили их взглядами и тоже не увидели турок. Неожиданно мотор закачался — это солдат, сидевший рядом с шоффэром, соскочил и пошел в кофейню, видно, хотел попросить воды.

Дом напротив был ниже гостиницы — крыша его, почти плоская, обрамленная довольно высоким парапетом, находилась на уровне глаз Андрея. Из чердачного окна не спеша вылезли два человека — один с винтовкой, другой с пистолетом в руке. Другим оказался Гюндюз. Добрый дяденька с животиком, который так любит детей и ненавидит насилие.

Жалюзи чуть шевельнулись от ветерка, но Андрею показалось, что само появление турок на крыше вызвало некое возмущение в воздухе.

Согнувшись, почти на четвереньках, скрытые от постороннего наблюдателя высоким парапетом, Гюндюз и его стрелок добрались до круглого отверстия в парапете, служащего для стока дождевой воды. Они легли плашмя на крышу, и Гюндюз первым заглянул в отверстие. Потом дал посмотреть стрелку. Андрей понял, что они смотрят на второй этаж и, вернее всего, в апартаментах Баренца окно открыто.

Теперь Андрей почти убедился в близком штурме гостиницы, который предпримут турки, и понял, что надо спешить вниз — отыскать комнату Баренца и предупредить Аспасию.

Интересно, думал он, не двигаясь с места, словно заколдованный неспешными и уверенными действиями турок, а если бы не было Аспасии — выбрал бы он позицию стороннего наблюдателя или все же поспешил бы предупредить Метелкина и Баренца как единоверцев и компатриотов?

Гюндюз с пистолетом чуть отполз в сторону, чтобы стрелку с винтовкой было удобнее целиться. И только тут Андрей сообразил, что Гюндюзу вовсе не надо штурмовать отель, — для его це-

лей достаточно было одного или нескольких патронов. Если этот стрелок — снайпер и он убьет Баренца, то Гюндюз добьется своего. Но вторым выстрелом он может убить и Аспасию.

Стрелок улегся за парапетом, подвигал локтями, устраиваясь поудобнее. Гюндюз охранял его — вот он приподнялся, сел на корточки и выглянул из-за парапета. Успокоился. Затем провел взглядом по окнам третьего этажа — не наблюдает ли кто-нибудь за ними с верхнего этажа гостиницы? Андрей отошел на шаг, хоть и был уверен, что сквозь жалюзи его не увидишь.

Затем Гюндюз вновь улегся и спросил о чем-то стрелка.

Стрелок кивнул и осторожно потянул затвор. Звук затвора явственно прозвучал в тишине улицы. Но услышали его лишь два бандита, скрывавшиеся в тени. Один из них полез за пазуху. Солдат вернулся из кофейни и начал взбираться на свое место в моторе.

Теперь стрелок целился.

Андрей физически чувствовал, как он ведет мушкой за человеком, которого видит в номере.

Уже не было времени бежать вниз, чтобы предупредить, — оставались секунды, может быть, доли секунды...

Кричать? Что кричать? Андрей не умел кричать.

Еще полсекунды... А что же делать?

И тут, поняв, что времени не осталось вовсе, Андрей метнулся к столу, схватил с него настольную лампу — тяжелую, на бронзовой ножке — зеленый широкий стеклянный абажур рухнул на пол — и вдребезги! — шнур не поддавался — видно, штепсель был туго воткнут в розетку. Андрей рванул — шнур выдержал — еще секунда! Андрей рванул так, что потерял равновесие, схватился, падая, за жалюзи, и это несчастье помогло ему — жалюзи рухнули. Андрей успел отскочить, чтобы не попасть под их сеть, и оказался у открытого окна с лампой в руке. Ему ничто теперь не мешало, и он, не думая, тут же метнул лампу — изо всей силы метнул ее через узкую улицу — только в отчаянии можно было кинуть так, чтобы попасть в плечо стрелку в тот момент, когда он уже спускал курок.

От боли и неожиданности стрелок с воплем вскочил на ноги — видно, он решил, что обвалилось небо, чуть не свалился через парапет, и, видно, так больно было ему, так сильно его ударила бронзовая нога лампы, что он откинул винтовку и схватил себя за плечо.

Гюндюз тоже вскочил, но был осторожнее — сразу же согнулся, кинулся было к стрелку, но замер, стараясь понять, что же

произошло, и тут же увидел Андрея, все еще стоящего в открытом окне и сосущего окровавленный, видно, порезанный шнуром палец.

Андрей успел заметить, что бандиты, бывшие на улице, выскочили на мостовую и кинулись было к машине Метелкина, но, когда загремели выстрелы, замерли, а потом кинулись прочь по улице. За ними бежал Сурен.

А стреляли из окна под Андреем. Потому что, продолжая вопить от боли, стрелок начал вздрагивать, словно кто-то невидимый ударял его по груди палкой, — и потом он стал хрипеть, перевесившись через парапет, чуть было не свалившись на мостовую. Гюндюзу надо было бы бежать, но, видно, им овладела злость и чувство мести, потому что он успел еще три раза выстрелить в Андрея, так и не догадавшегося даже отступить внутрь комнаты.

Андрей был словно загипнотизирован бешеными глазами Гюндюза, его кричащим открытым ртом и черной дыркой ствола, что глядела прямо в него и вспыхивала белым огнем. Ни до, ни после этого Андрей в жизни не видел момента выстрела в себя, в упор, с расстояния в десять метров — улица была узка, и парапет близок. Но Гюндюз стрелял снизу вверх, и он не успел выстрелить в третий раз, как его достала пуля солдата, что стрелял снизу из машины, а может быть, это была пуля Русико, которая стреляла из окна апартаментов, а может быть, пуля самой Аспасии или русских офицеров — все стреляли в стоявшего у парапета Гюндюза, из его пуль лишь одна пропахала волосы Андрея над виском, и странно, кожа почти не кровоточила, но вспухла, и волосы долго не росли на этой дорожке.

Гюндюз не упал, а осторожно, мягко лег так, чтобы спрятаться за парапетом, хотя это уже не играло никакой роли, и еще многие стреляли в него, а он этого не чувствовал. Рефик с товарищем успели убежать, а Андрей вдруг потерял все силы. Он отступил от окна и сел в кресло. Его стало подташнивать, и было очень жарко.

Андрей закрыл глаза — но тут же открыл, потому что дверь распахнулась и вбежал подполковник Метелкин, который был фатом, пижоном, бездельником, но не трусом, и, когда понял, что Гюндюз и его помощник убиты, решил узнать, кто же начал все это сражение, кто неведомый помощник и, возможно, спаситель.

Вид комнаты Андрея свидетельствовал о страшном разгроме, потому что были сорваны жалюзи и занавески, шнуром лампы

все стащено с кровати, а посреди этого беспорядка в кресле полулежал археолог Андрей Берестов, почти в беспамятстве.

Второй прибежала Аспасия, которая была фаталисткой и полагала, что ее нельзя убить, а когда ее убьют, она уже об этом знать не будет. Быстрее Метелкина, который стоял в дверях и старался сообразить, кто и почему начал сражение, она поняла, что это сделал Андрей, и потому с порога приказала Русико принести воды — чистой воды и бинт — и сама, хоть Метелкин и был врачом, не допустив никого, промыла небольшие раны Андрея, забинтовала руку и густо намазала йодом голову. Андрей пришел в себя и был счастлив видеть обеспокоенное и оттого очень простое и ласковое лицо Аспасии — такое лицо Аспасии мало кто на свете видел и увидит, это было беззащитное лицо, Глашино лицо, только для самых родных людей, которых на самом-то деле у Аспасии почти не осталось. Андрей постарался улыбнуться, и Аспасия сказала ворчливо:

— Не подымай голову, все вы тут с ума посходили.

Полковник Баренц уселся верхом на стул, обернув его спинкой к Андрею, — подпер подбородок кулаками, и поза его была задумчивая и располагающая к общению.

— Разрешите полюбопытствовать ваше имя и отчество, молодой человек, — сказал он.

Андрей ответить не успел и расположения к откровенной беседе с незнакомым полковником Баренцем не почувствовал.

Аспасия заразительно рассмеялась, и, сообразив, видно, что здесь смешного, рассмеялся и подполковник Метелкин, главный ветеринар трапезундского участка. Баренц повернул сухое, без мяса, лицо туда, сюда — не любил, если все что-то понимают, а он, грозный начальник контрразведки Черноморского флота, чего-то не понимает.

— Гіростите! — сказал он громко и вызывающе.

— Так он же Берестов! — смеялась Аспасия. — Андрей Берестов! Тот самый, которого они прошлый раз убивали!

— Как так Андрей Берестов? — строго спросил Баренц.

Соучастники принялись объяснять полковнику причину всеобщего комедийного недоразумения, а внимание Андрея было привлечено появлением профессора Авдеева, который с порога грозно спросил:

— Что это такое, Берестов?

А за ним вплыла зрелая красавица тридцати шести лет и спросила еще громче и удивленнее:

— Андрей, когда вы это все успели? Мы же с вами только что расстались.

— Успел, — смущенно сказал Андрей.

— А госпожа профессор, — смеялась Аспасия, — госпожа профессор думает, что господин Берестов буйствовали по пьяному делу!

— Ах, что вы! — вальяжно поднял руку Метелкин. — Вы ошибаетесь, мон шер! Ваш юный друг проявил себя героем.

Авдеевы не успели еще сообразить, в чем заключался героизм их молодого сотрудника, как солдаты снизу, не придумав ничего лучшего, внесли в комнату Андрея, и без того набитую народом, окровавленное тело убитого Османа Гюндюза, при виде которого госпожа Авдеева упала в обморок, а Метелкин начал выталкивать солдат с телом в коридор.

— Тебе легче? — спросила Аспасия Андрея.

— Мне совсем легко, честное слово, — сказал Андрей.

— Ой, только не влюбляйся в меня, — сказала Аспасия тихо, — я же не могу твоей любви ответить, а тебя хорошая девушка ждет, такая девушка, что я тебе завидую, какая девушка тебя любит.

Андрею было неловко, что Аспасия заглядывает в его мысли.

— Я совсем не это имел в виду, — вскинулся он.

— Вот и замечательно, вот и мило, — сказала гречанка. — Мы с тобой потом обо всем поговорим.

Русико помогла Метелкину увести обмякшую профессоршу, а сам Авдеев, движимый любопытством, остался, потому что жаждал узнать, что произошло на территории его экспедиции.

Тем временем полковник Баренц, отмахнувшись от профессора, которому пришлось беседовать с Суреном Саркисьянцем, отвел Андрея к окну и попросил рассказать, что и как тот видел. Слушая, он не выказывал ни осуждения, ни одобрения действиям Андрея. Подошла Аспасия.

— Ведь ты был на виду, — сказала она. — Это только чудо, что Осман в тебя не попал, — он в монету попадал с десяти шагов. У меня метка есть, только в таком месте, что нельзя смотреть.

Баренц приподнял бровь — он умел это делать аристократически.

— Теперь они не сдадутся. Пока мы их всех не выведем, не сдадутся, будут мстить за Османа, — сказала Аспасия. — Жалко. Я бы могла его не убивать — зачем ворошить гнездо ос?

— Но они же стреляли в тебя?

— А может, в русского полковника? — спросила Аспасия, не стесняясь того, что Баренц стоял рядом и все слышал.

Она смотрела на Баренца открыто, даже весело — она была как охотник, приманивающий тигра. И Андрей с жуткой и безнадежной грустью понял, что он никогда не будет тигром, хищником, которому готова отдаться Аспасия, потому что таковы ее правила игры.

— Простите. — Баренц легко выдержал ее взгляд. — Сейчас у меня есть вопрос к молодому человеку.

Баренц отвел Андрея на два шага в сторону, насколько позволял шкаф. И хоть не дотрагивался до Андрея, тому казалось, что спиной вдавлен в стенку шкафа.

— Я искренне благодарен вам и постараюсь отплатить добром за оказанные мне услуги, — сказал он формально. Глаза у полковника Баренца были светлы и холодны, как кусочки обкатанного волнами агата. — И рассчитываю на вашу дискретность. Я здесь неофициально.

— Ну конечно, — сказал Андрей, смешавшись.

— Надеюсь, что мы с вами еще встретимся и поговорим за доброй чаркой вина, — сказал Баренц с облегчением — он поверил в искренность Андрея. Наверное, понял, что тот не опасен. — *Я хотел бы задать один нескромный вопрос, и вы вправе мне не отвечать.*

— Пожалуйста, — сказал Андрей, стараясь оторвать свои глаза от настойчивого взгляда Баренца и увидеть, что делает Аспасия.

— Берестов. Андрей Берестов — это ваше настоящее имя?

— Разумеется! Какое же еще!

— И кто-нибудь может это подтвердить?

— Да кто угодно! Хотя бы профессор Авдеев. Он три года назад читал мне лекции в Московском университете.

Баренц оторвал взор от Андрея и кивнул в сторону профессора. Профессор допрашивал Аспасию, и та с удовольствием в лицах показывала, какой здесь произошел бой.

— И вам неизвестны ваши однофамильцы? — спросил Баренц.

— Клянусь честью, нет. Но здесь я столкнулся с недоразумением и понял, что однофамилец у меня есть. В Севастополе.

— Вот именно, — сказал Баренц. — Он чуть постарше вас, а может, и вашего возраста, повыше вас ростом, волосы русые, лицо правильное; сложен пропорционально.

— Такому описанию соответствуют тысячи людей, — сказал Андрей.

— Вы правы, — сказал Баренц. — Спасибо. Большое спасибо за беседу. Позвольте задать последний вопрос: вам что-нибудь говорит фамилия Беккер? Николай Беккер?

— Мы с ним вместе учились в гимназии.

— Ну разумеется! Все объясняется так просто!

И он быстро покинул комнату, лишь на секунду задержавшись возле Аспасии и кинув ей короткую фразу. У Андрея сжалось сердце, потому что он увидел, как быстро Аспасия подняла голову к Баренцу, как послушно кивнула.

Впрочем, утешил себя Андрей, у них общие дела, им же предстоит снова совещаться, как провозить табак и прочую контрабанду. А ведь непосвященный никогда не догадается, что связывает этих людей — лощеного полковника контрразведки, греческую красавицу, армейского ветеринара, убитого турецкого бандита... Для полного комплекта не хватает крестьянского сына Ивана Ивановича.

Иван завтра посмеется, узнав о торжестве христианских кланов над магометанским противником.

* * *

На следующее утро в башню заявились два солдата. Их привел пожилой фельдфебель из комендатуры и сказал, что они будут стеречь раскопки от злоумышленников. Солдаты были рады такому занятию. Они уселись в тени, подальше от пыли, которую поднимали землекопы. Землекопов тоже стало больше, и Андрею приходилось быть внимательным — в рвении, более показном, чем истинном, греки готовы были уничтожить все, что встречалось на пути; они ждали великого клада — весь город знал о кладе, который вот-вот найдут русские. Солдатам приходилось отгонять зевак.

Андрей увлекся работой настолько, что возвращался в гостиницу поздно, усталый, вымотанный, почерневший от солнца и посеревший от пыли. Он всегда старался пройти мимо дверей «Луксора» — один раз увидел в дверях Русико, которая стояла там в халате, куря большую трубку. Она помахала Андрею и сказала:

— Зайди, мастика выпей.

— Видишь, какой я пыльный, — сказал Андрей.

— Будешь чистый — приходи, — сказала Русико. Она двинула

ногой, полы халата разошлись, и стало видно ее крепкое колено. — Я сама тебя любить буду.

И засмеялась.

Раза два в те дни заходил Иван Иванович. Ему тоже было некогда — Успенский гнал работу, заставлял крестьянского сына снимать копии с фресок и протирки с надписей. А Ивану надо было думать о покупке имения.

— Ты заблуждаешься, — говорил он, попыхивая слишком душистым табаком, — если полагаешь, что турки из банды Гюндюза простят тебе смерть вожака. Я бы за твою жизнь и гроша ломаного не дал.

— Но я же его не убивал! Я хотел только спасти Аспасию!

— Аспасию, или полковника Баренца, или даже ветеринара Метелкина — какая разница! В результате твоего действия погиб Гюндюз — большой человек, глава семьи.

— Я не ожидал от тебя дифирамбов в этот адрес.

— А я отдаю человеку должное, — отвечал Иван Иванович. — Мне приходилось с ним сталкиваться. Тебе тоже. И мы оба живы. А он, подарив тебе жизнь, — мертв.

— Он ничего мне не дарил. Если кто-то и дарил, то мой крымский приятель Керимов. Если бы Гюндюзу было выгоднее меня убить, он бы убил.

— Ты говоришь о том, что могло быть, я — о том, что произошло. И мне твоя жизнь дороже жизни всех турок, вместе взятых, потому что ты приятный человек и христианин. Потому я и пытаюсь вдолбить в твою круглую головку, что на тебя открыта охота!

— Я думаю, что здесь все охотятся друг за другом.

— Будь осторожен, Андрюша, умоляю тебя.

Андрею было неприятно, что Иван Иванович так с ним говорит, — в его словах была снисходительность аскета к юному распутнику, могущему заразиться дурной болезнью, тогда как аскет знает — он-то в безопасности!

Может, поэтому Андрей не стал ему говорить, что вечером в тот же день, когда погиб Гюндюз, негоциант Саркисьянц подстерег Андрея в вестибюле гостиницы и показал ему двух квадратных греков с небритыми подбородками. Эти люди теперь стерегли Андрея, он встречал их в самых неожиданных местах — то один из них оказывался с ним за одним столиком в кофейне, то другой почему-то усаживался в ряд с чистильщиками сапог, но забывал взять с собой щетки. Вот и сейчас, пока Иван Иванович читал свои предостережения, Спиро — тот, кто повыше (Коста — тот, кто пониже), — изображал одного из землекопов — он единственный из них не снял рубашки, и Андрей знал почему — под рубашкой прямо на голом теле была портупея с небольшим пистолетом. Андрею льстило обладание собственными телохранителями и понимание того, что об этом знают все, кому нужно в городе. Это был жест, сделанный Аспасией, и Сурен сказал о нем:

— Сколько раз я говорил Аспасии: Осман — ненормальный человек, убийца! В один прекрасный день он забудет, что такое честная торговая конкуренция, и захочет тебя убить!

— А что Аспасия?

— Аспасия смеялась над старым Суреном. Даже когда шакалы Гюндюза стали охотиться за тобой, русским, которого нельзя трогать, Аспасия все равно мне не верила. И если бы не ты, где бы была наша красавица? В гробу, отвечаю тебе.

— А после того дня?

— После того дня я сказал Аспасии: они будут мстить. У тебя один выход — испугать их. И она позволила мне нанять людей из отряда Димопуло. Теперь Рефик знает...

— Вместо Гюндюза Рефик?

— Я думаю, Рефик. Наверняка никто еще не знает.

— А что знает Рефик?

— Рефик знает, что, если тебя тронут, или меня тронут, или Аспасию, не дай Бог, тронут, их здесь с корнем вырежут.

— А когда русские уйдут?

— Когда русские уйдут, тогда и будем думать, — сказал Сурен неискренне.

Так что теперь Спиро делал вид, что ковыряет ломом в почве, Андрей со скукой слушал крестьянского сына.

«Никто не видел, — говорил он себе, — как я кинул лампой в стрелка, никто из тех, кто жив. Но если не видели, за что им меня ненавидеть?»

На площади у башни затормозил мотор — в башню вошел, отираясь пыльным платком, профессор Авдеев.

Андрей поднялся ему навстречу.

— Что нового? Скоро будет погребение?

Авдеев теперь сделал ставку на сенсационное погребение первых императоров. Ему нужна была слава — он должен был написать несколько статей во французские и английские журналы, а может быть, и монографию «Как я нашел гробницы императоров Трапезунда». Успенский их не нашел, а он нашел, «русский Шлиман» — будут его называть журналисты. И Авдееву хотелось, чтобы его так называли.

Но пока гора породы, перемешанной с камнями, росла на площади перед башней, а гробниц не было. Может быть, их уничтожили турки еще пятьдесят лет назад?

При виде профессора землекопы начали сильнее махать ломами, солдаты встали в углах башни и принялись строго смотреть перед собой.

Профессор изнемогал от жары. Он уселся на плиту в тени, под стеной. Андрей велел старшему землекопу напоить профессора. Тот зачерпнул воды из бочонка, который привозили каждое утро от родника. Вода согрелась, но Авдеев пил ее жадно, давая струйке стекать по бороде и по волосатой черной груди.

— Моя интуиция подсказывает, — сказал он, напившись, — что мы находимся на пороге значительного исторического открытия. Не сегодня-завтра.

Иван Иванович незаметно пожал плечами.

— Когда найдете первую гробницу, — сказал профессор, — тут же вызывайте Карася, хоть из-под земли.

Авдеев собрался было встать и отправиться дальше руководить раскопками в иных местах, но, поднявшись, схватился за грудь, побледнел и другой рукой стал шарить за спиной, чтобы снова сесть на камень.

— Что с вами? — шагнул к нему Андрей.

— Ничего, ничего, сердце... Мое старое больное сердце, которое не хочет работать — как все вокруг. Не хотят работать, и все тут. — Профессор криво усмехнулся. Он уселся на камень и откинулся, чтобы опереться спиной о стену.

— Давайте я помогу вам дойти до машины, — сказал Андрей.

— Нет, не стоит, меня не стоит сейчас двигать — по этой жаре каждый шаг для меня может оказаться последним. И, как назло, Ольга занемогла...

— У нее лекарство? — спросил крестьянский сын.

— Вот именно — сердечные капли, мое спасение.

— Я съезжу, — сказал Андрей.

— Будьте любезны, и как можно скорее. Мне не хочется умереть в такой неэстетичной позе.

Профессор храбрился, старался шутить, и Андрею стало его жалко.

Он выбежал на раскаленную площадь, дозвался шоффэра, который укрылся в тени на той стороне площади, и через пять минут был в «Галате».

— Госпожа Авдеева у себя? — крикнул он на бегу.

Портье, размягченный жарой до желеобразного состояния,

попытался шевельнуть языком, но Андрей уже видел, что ключа на месте нет, — значит, княгиня Ольга дома.

Город был поражен зноем, убит им, растоплен, и единственным человеком, передвигавшимся быстро, оказался Андрей. Вот это несоответствие двух скоростей существования и чуть не послужило причиной трагедии.

Андрей спешил спасти профессора, поэтому он не успевал подумать о деталях собственного поведения. Остальные люди были размягчены и потому не успевали отреагировать на слова и поступки Андрея. Так случилось и у дверей Ольги Трифоновны — у них с профессором были соседние апартаменты.

Андрей коротко и громко постучал — он спешил спасти профессора.

Никто ему не ответил. Он постучал еще раз — так же пулеметно, — в ответ прозвучало какое-то мычание, и Андрей принял его за разрешение войти. Он толкнул дверь, она не поддалась — Андрей толкнул ее сильнее, совершенно не рассчитав своих сил, и сорвал крючок, на котором держалась дверь. Дверь распахнулась, Андрей вбежал в апартаменты и пробежал несколько шагов по инерции, прежде чем сообразил, что он не видит ничего вокруг, — жалюзи были опущены, шторы сдвинуты, и потому в комнате было полутемно и вроде бы даже чуть прохладнее, чем снаружи.

Стараясь понять, куда попал, Андрей оглядел большую, заставленную мебелью комнату, взор его упал на преувеличенно широкую кровать под розовым балдахином. На кровати лежало невероятное существо — у него было несколько ног, много рук, но отсутствовало лицо. И лишь проморгавшись, Андрей сообразил, что на ложе находятся любовники, замершие в страстной позе, так что пятки задранных полных ног Ольги Трифоновны находятся на уровне груди Андрея. Перепуганные стуком в дверь и грохотом появления Андрея любовники замерли, вернее, окаменели... Андрей сам растерялся настолько, что стал вести себя как человек, нарушивший всего-навсего мирное чаепитие.

— Простите за беспокойство, мне только надо взять капли для профессора. Ему дурно с сердцем. Я возьму и уйду, не беспокойтесь, я на минутку.

Ответом была тягучая пауза, в ходе которой Андрей смог, хоть и не хотел того, разглядеть ягодицы ветеринара и впившиеся в эти ягодицы сильные пальцы профессорши.

— Да скажи ты ему, в конце концов! — глухо отозвался наконец голос Метелкина. — Пускай возьмет!

— На столике, на столике у зеркала, — так же приглушенно сказала Ольга Трифоновна, и ее пятки начали медленно опускаться к простыне, а пальцы оторвались от ягодиц.

— Вы отдыхайте, отдыхайте, — сказал Андрей, потому что молчать было совсем уж неприлично, — я не хотел вас отрывать.

— Какое уж отдыхайте, — зло сказал окончательно опомнившийся Метелкин, слезая с профессорши, которая сразу отвернулась на бок, подальше от Андрея, натянула на голову простыню.

Андрей подошел к столику, там стояло несколько пузырьков.

— Простите еще раз, — сказал он, — а какой пузырек?

Ответа не было. И Метелкину пришлось вмешаться:

— Ольга, тебя же спрашивают, какой пузырек?

— Зеленый, — прозвучало чуть слышно, и плечи княгини Ольги начали дергаться — она рыдала.

— Берите и уходите, — строго сказал Метелкин. — Что за манера у вас, Берестов, всегда оказываться в ненужном месте и в ненужное время?

Андрей не смог разобрать, какой пузырек зеленее прочих, и потому сгреб все и начал рассовывать по карманам.

Совершенно обнаженный Метелкин подошел к Андрею.

— Юноша, — сказал он, — я надеюсь на вашу порядочность.

— Простите, — сказал Андрей, — я спешу, профессору плохо.

Он ушел, громко хлопнув дверью и этим показывая свое неодобрение, хотя, впрочем, ему было уже смешно, — история была достойна того, чтобы рассказывать ее знакомым, но делать этого нельзя. А жалко. Жалко бывает, что ты взял на себя функцию порядочного человека и всю жизнь приходится соображать — чего можно, а чего нельзя порядочному человеку.

Когда он вернулся в башню и стал вытаскивать из карманов пузырьки, оказалось, что один из них пролился — он удушающе пахнул, но, к счастью, это оказался не самый нужный из пузырьков.

Профессор сидел на краю плиты из белого мрамора. Его зоркий взор тут же заметил лишние флаконы.

— Что случилось с Ольгой Трифоновной?! — вскричал он.

— Ничего особенного, — сказал Андрей. — С ней все в порядке.

— Тогда объясните, какого черта вы собрали все лекарства из моего номера, включая средство от мозолей, и притащили сюда?

— Простите, профессор. — Андрей старался изобразить из себя не очень умного, но преданного спутника великого человека. — Но Ольга Трифоновна принимала ванну, и я не мог ее побеспокоить. Она крикнула мне через дверь, чтобы я взял лекарство со столика перед зеркалом.

Этим инцидент, казалось, и завершился.

Авдеев, правда, слег, потому что у него случился конфликт с женой. И виноват в том тоже был Андрей. Он послужил камешком, который сдвинул с места лавину.

Возвращаясь домой, Авдеев вспомнил о странной. на его взгляд, истории с пузырьками.

Андрей же не имел никакой возможности предупредить княгиню Ольгу о грозящей опасности, да и понадеялся на то, что профессор не придаст этой истории большого значения. Будучи человеком молодым, Андрей был убежден, что пятидесятилетние люди (таким был профессор Авдеев) не придают значения плотской любви. Он ошибался.

Госпожа профессорша встретила мужа ласковой кошечкой — она так надеялась, что Берестов ее не выдал.

А Авдеев нанес коварный и точно рассчитанный удар. Подобно Отелло, он задал вопрос:

— Как ты сегодня помылась, дорогая?

И, как назло, Ольга Трифоновна ответила ему чистую правду:

— Лучше бы ты и не спрашивал! Ты же знаешь, как плохо я переношу жару, а сегодня воды с утра не было — еле упросила гарсона принести мне полкувшина. Никто ничего не хочет делать!

— Кто у тебя был? — спросил тогда Авдеев, уже второй месяц подозревавший жену в неверности.

Жена, правда, ни в чем не созналась, а Авдеев допил все микстуры. Он подозревал всех, даже Андрея Берестова, потому что ему так не хотелось подозревать благодетеля экспедиции.

На следующий день Авдеев на раскопки не приехал. Андрею помогал Российский и верный крестьянский сын. Карася с фотоаппаратом они найти так и не смогли. Иван Иванович сказал, что он убежден — Карась чей-то шпион, он, вернее всего, не наш, потому что он фотографирует наши укрепления. Все посмеялись и забыли.

К обеду наткнулись на край крышки саркофага.

* * *

Греки трудились отчаянно, весь Трапезунд жил в нетерпении, а мальчишки забрались на вершину башни и, рискуя жизнью, свисали с обломанных зубцов, глядя на сцену раскопок с двадцатиметровой высоты.

Приехал Метелкин. Он делал вид, что страшно интересуется

археологией, и под предлогом получения конфиденциальной археологической информации увлек Андрея наружу, где стал допрашивать: не проговорился ли тот профессору о виденном вчера.

Когда Андрей твердо сказал, что ничего предосудительного профессору не сболтнул, только вынужден был выдумать про ванну, Метелкин ахнул, а потом принялся бить себя маленькими руками по бокам, чертыхаться, вертеться и признался, хихикая, каким образом Авдеев заманил в ловушку и уличил свою неверную жену.

Затем Метелкин вытащил из бумажника стопку денег и сказал:

— Это вам. Пятьсот рублей. Я знаю, как вы поиздержались.

— За что вы меня покупаете? Я не намерен доносить, — удивился Андрей.

— Можете поделиться с вашими коллегами — я знаю, что старый скряга вас грабит.

— Почему же вы раньше об этом не подумали? — спросил Андрей, все еще не протягивая руки за взяткой.

— Потому что раньше я был занят другим, — ответил Метелкин. — Но это не взятка, а плата за будущие услуги.

— Говорите, — сказал Андрей. Деньги были дьявольски нужны и ему, и Российскому. И взять их было неоткуда — не заниматься же торговлей табаком?

— Ничего дурного я вам не предлагаю, — сказал Метелкин. — Но должен вам признаться — я безумно люблю Ольгу Трифоновну. Ее тело сводит меня с ума. И это взаимная любовь!

Метелкин пошевелил усами.

— Нам трудно встречаться. В городе всюду глаза. Авдеев настороже.

— Вам нужна эта башня? — спросил Андрей, стараясь сохранить серьезную мину.

— Эта? Нет, — так же серьезно ответил Метелкин. — Нам нужны ключи от вашего номера. Авдеев не догадается туда сунуться.

— За пятьсот рублей?

— Если вам понадобится, я дам еще.

— А моя лояльность? — спросил, стараясь не улыбаться, Андрей.

— Почему вы должны быть лояльны только к профессору, а не ко всей его семье?

Андрей подумал, что Метелкин довольно цепок в споре. И он

никак не мог придумать аргументов, почему он должен отказаться от этих денег и от кофе — он и так уже задолжал в кофейне.

Ложно истолковав заминку, Метелкин вытащил еще «катеньку». Налетел ветер, и громадная сотенная банкнота затрепетала, как флаг.

— Смотрите, — сказал Андрей, — как бы люди Гюндюза не стали стрелять по моей комнате.

— Ах, — сказал Метелкин. — Как будто я не знаю, что Аспасия вам придала двух телохранителей!

— Это она вам сказала?

— Все знают, — сказал Метелкин.

— А вы снимите отдельный номер, — вел арьергардный бой Андрей.

— Свободных номеров теперь в «Галате» нет даже для меня — вы просто не представляете, во сколько бы это мне обошлось.

— А я дешевле?

— Вы значительно дешевле. И потом, знаете, все-таки свои, русские люди, я могу быть уверен.

Глупая была какая-то ситуация. С одной стороны, никаких оснований отказаться от денег не было, с другой — ни один дворянин из хорошего романа не согласился бы их принять.

Метелкин, как бы уловив колебания, быстро сказал:

— Даже белье Оля будет приносить с собой. Совершенно чистое. Так что с точки зрения гигиены вы застрахованы, хотя мы оба, ха-ха, очень чистоплотные люди...

Метелкин был растерян и слаб в этой растерянности. И Андрею было жалко его, вынужденного просить у мальчишки, унижаться...

В конце концов Андрей взял деньги.

* * *

Утро следующего дня выдалось ветреным, неуютным — ветер гнал серую пыль, но жара от этого не уменьшалась — только еще более сушило во рту и забивало глаза.

Греки пришли раньше Андрея, чего за ними обычно не наблюдалось. Они сидели в ряд перед входом в башню и были рады начать раскопки до прихода Андрея, отыскать сказочный клад и сбежать с ним в Аргентину или Бейрут, но над ними возвышались солдаты, примкнувшие к винтовкам штыки, будто ждали рукопашной. В башню они никого не пускали и потому бранились с греками.

Комендант выделил дополнительно целый взвод для охраны площади и стен цитадели, потому что в тот день не только мальчишки, но и дедушки семейств готовы были лезть на стены, чтобы не упустить знаменательный момент.

Иван Иванович пришел следом за Андреем; они спустились в раскоп вместе с греками и велели им откинуть ломы и лопаты — породу отковыривали долотами, отвертками и ножами, потому работа шла медленно, вызывая нетерпение окружающих.

Часов в десять приехал Авдеев. Он был встрепан, глаза опухли, под одним — синяк. Вместо того чтобы спуститься в раскоп, профессор принялся объяснять окружающим, как он ударился ночью об угол шкафа. Но никому до этого не было дела.

— Ты ночью звуки слышал? — спросил шепотом крестьянский сын.

— Я на другом этаже, — ответил Андрей.

— Вся гостиница должна была шататься, когда над профессором проводили экзекуцию.

— К счастью, у меня крепкий сон, — сказал Андрей.

Каменный саркофаг, в котором, если его уже не ограбили, должны были лежать останки первого императора Трапезунда, был весьма прост. Крышка его была двускатная, как у дома.

Уже можно было разглядеть, что крышка плотно примыкает к саркофагу и шов чем-то замазан. Это взволновало археологов.

Напряжение росло: обедали все по соседству, землекопы и не помышляли уйти домой — перекусили кое-как в кофейне, даже Авдеев не покинул раскопки. После обеда приехал соперник — профессор Успенский. Пришлось прервать работы, пока Успенский осматривал саркофаг и потом заявил, что, разумеется, эта гробница принадлежит какому-то местному чину и, судя по форме крышки, гроб изготовлен во второй половине четырнадцатого века.

Когда Успенский, полный презрения к соперникам, вознамерившимся найти то, чего он не нашел, покинул башню, Андрей услышал снаружи его голос:

— Еще чего не хватало! Какие могут быть сокровища в христианской могиле! Наг ты в мир пришел, нагим его и покидаешь. Понятно?

Раздался голос возчика, застучали копыта — Успенский не мог позволить себе ездить на моторе.

— Надеюсь, вас не поколебали выводы коллеги Успенского? — спросил Авдеев, стоявший у входа в башню.

— Нас ничего не поколеблет, — ответил крестьянский сын, и

Авдеев сообразил, что на его раскопках трудится шпион Успенского.

— Позвольте! — воскликнул он. — Вы что здесь делаете?

— Помогаю вам, — сказал Иван Иванович, глядя на профессора наивными голубыми глазами.

— Нам, простите, не нужно помощи, мы, простите, сами справимся. Еще чего не хватало!

Авдеева просто трясло от негодования.

— Я попросил Ивана Ивановича мне помочь, — сказал Андрей. — Мне одному не справиться.

— Вот я и вижу, что вы ни с чем не можете справиться, Берестов! — закричал профессор. — Только подглядывать и подрывать репутацию честной женщины!

Андрей не понял, какую честную женщину он обидел. Он хотел узнать об этом, но Авдеев сам раскрыл тайну:

— И не пытайтесь утверждать, что моя жена — женщина высоких нравственных устоев — вот именно, клеветник!

Ветер задул сильнее. Пыльное облако скрыло Авдеева на несколько секунд, а когда пронеслось, обнаружило начальника экспедиции серым, как мышь.

— Если вы не удовлетворены, — закричал тогда Андрей — видно, пыльная жара и напряжение последних дней всех немного свели с ума, — то я могу подать в отставку! Я немедленно ухожу!

Андрей откинул в сторону кисть, которой сметал пыль с саркофага, и полез из ямы. Иван Иванович стал его удерживать.

— Пусть я останусь один! — Профессор бросился навстречу Андрею, они столкнулись и никак не могли разойтись — получилась куча-мала, в которой помимо археологов участвовали землекопы и один из солдат, нечаянно слишком приблизившийся к гробнице.

В конце концов Андрей оказался вне башни. На него смотрели сотни зрителей — оказывается, толпа прорвалась сквозь охранение, и теперь местные жители наблюдали за ссорой русских, которые, видно, не могли поделить клад.

Кипя праведным гневом, Андрей перебежал площадь и оказался в городе. Было жарко. Ветер нес с гор отдаленный рокот — это могла быть гроза, а могла быть и канонада — наступление русской армии уже захлебнулось, и теперь в бессмысленных боях она растеряла остатки дисциплины, уважения к флагу и командиру. В городе все больше появлялось дезертиров, которые называли себя борцами за революцию. Влияние немногочисленных

большевиков с каждым днем росло, потому что их лозунги были простыми — долой!

Войну — долой! Помещиков — долой! Офицеров — долой! Временное правительство — долой! Лозунги были предельно понятны и приятны бунтующему сердцу. И в самом деле — всем все надоело. И даже странно было, что фронт еще держится, орудия еще стреляют, командиры еще не растерзаны солдатами.

«Что я здесь делаю?»

Андрей подошел к фонтану на небольшой треугольной площади, намочил в его струе голову, напился. За фонтаном была небольшая церковь — не старая, он никак не мог вспомнить, как она называется, — потом вспомнил: церковь Святого Георгия. Успенский полагал, что она основана во времена империи местными грузинами. Да и квартал за церковью именовался кварталом Лазов. Андрей вошел внутрь. Там был небольшой дворик, обнесенный аркадой, в каменный пол которого были врезаны погребальные плиты. Андрей медленно пошел по прохладной тени галереи — на некоторых плитах надписи были греческие, на других — грузинские.

«Что я здесь делаю?»

Андрей вошел в церковь — она была мала, свет в нее падал сквозь окна в барабане. Там было извечно прохладно. И, конечно же, пусто. Но кто-то зажег свечку перед образом святого Георгия — черным, древним, даже не разберешь, кто изображен.

Андрей взял с подноса тонкую свечку, положил на поднос рубль — зажег свечу от той, что уже горела. Он стоял, держа свечу наклоненной, чтобы воск накапал на полочку перед иконой. И тогда он неожиданно встрепенулся и отошел на несколько шагов от образа. Он молился, чтобы не было в нем злобы, которой и без того столько вокруг, чтобы вернуться скорее домой и увидеть Лиду.

Темная фигура поднялась справа, но Андрей понял, что это женщина, притом молодая. Женщина перекрестилась на образ святого Георгия, потом легонько поклонилась Андрею. И только тогда Андрей узнал Аспасию.

Надвинутый на брови платок, спадавший на плечи, черная, почти монашеская одежда настолько не соответствовали привычному облику Аспасии, что Андрей не сразу ее узнал.

— День добрый, госпожа Теофилато, — сказал Андрей, голос у него был хриплый и сорвался.

Аспасия еще раз поклонилась — то ли Андрею, то ли святому — и пошла прочь.

И в тот же момент Андрей понял, что не может далее молиться — слова молитвы куда-то испарились и исчезло даже раздражение против самого себя, не говоря уж об обиде на Авдеева и Метелкина.

Андрей догнал Аспасию на площади у фонтана. Да она и не спешила скрыться. Ветер рвал ее платок и таскал за подол платье — Андрей любовался ее грацией.

— Я рада была вас увидеть. Отойдемте в тень.

Они подошли к стене церкви — здесь была тень и безветрие.

— Я тоже очень рад, — сказал Андрей. И смешался. Он испугался, что Аспасия сейчас попрощается и уйдет. Надо было что-то сказать, чтобы удержать ее. — Вы часто сюда ходите? — спросил Андрей.

— Когда надо, — сказала Аспасия.

— Да, я хотел сказать вам спасибо за... как это назвать... за охрану. Только это накладно, и никто не собирается на меня нападать.

— Никто не собирается, потому что есть охрана, — сказала Аспасия. — Пока они знают, что ни один шаг ты не делаешь в одиночестве, я спокойна.

— Но я много шагов делаю в одиночестве.

— Когда? Сейчас? — Аспасия оглянулась — никого не увидела. Но не поверила своим глазам и позвала негромко: — Спиро!

Где он скрывался — такой здоровый, почти квадратный мужчина, Андрей не понял, но в следующее мгновение он стоял возле фонтана, протянул широкую ладонь, дал воде остудить ее, потом вытер ею лоб.

Аспасия сказала ему несколько слов по-гречески, и Спиро отошел в тень.

— Вот видишь, — сказала Аспасия. — У тебя плохие глаза, Андрей.

— Смешно, — сказал Андрей, недовольный собой: значит, так легко следить за ним, так легко подкрасться к нему...

— Что у тебя нового? — спросила Аспасия, интуиция у которой была развита фантастически, — она почувствовала душевное состояние Андрея и поспешила изменить его.

— У нас? Саркофаг нашли.

— Когда?

— Сегодня, — сказал Андрей. — Авдеев его сам раскапывает.

— А ты?

— Меня он выгнал.

— Тебе надо там быть. Это не простой гроб.

— Без меня обойдутся, — сказал Андрей.

— Потом пожалеешь.

— Ты и в археологии разбираешься? — спросил Андрей.

— В древних вещах? Конечно, понимаю. Я сама древняя, как этот мир. Ну, мне пора.

— До свидания, — сказал Андрей.

Когда Аспасия, не оглядываясь, высокой стройной монашкой пошла по улице, к удивлению Андрея, из двери одного из домов вышла другая женщина, такая же высокая, но более плотная, чем Аспасия. Проходя мимо Андрея, она вдруг подмигнула ему.

Увидеть Русико в монашеской рясе — это совсем уж невероятно!

* * *

Андрей вернулся в гостиницу, чтобы вымыться, но воды опять не было. Он спустился вниз, выпить кофе в ресторане, с каждой минутой ему становилось все тоскливее, будто он упускает не просто раскопки, а Бородинское сражение, — сидит, пьет кофе, а там вдали французы штурмуют Багратионовы флеши.

Часам к четырем Андрей не выдержал и отправился обратно в цитадель. Но успел только выйти на улицу.

В тот момент, когда он ступил на мостовую, из-за угла показался покрытый пылью автомобиль, в котором мирно разместились Авдеев, Российский, Карась и Иван Иванович. Они оживленно обсуждали свои дела и не заметили Андрея, который хотел было ретироваться, но столкнулся в дверях с каким-то офицером и задержался.

Авдеев первым вылез из автомобиля, увидел Андрея и без всякой злобы или обиды воскликнул:

— Как жаль, что вы отлучились, коллега! Это будет открытие мирового значения!

— Профессор хочет сказать, — сказал Российский, — что саркофаг не поврежден и сохранились замазки и печати, которыми были соединены крышка и корыто гробницы.

— Завтра, — профессор, потирая руки, вошел в гостиницу, — завтра великий день! — Голос его разнесся по всему вестибюлю, и можно было подумать, что речь идет о взятии Стамбула.

Ранние посетители ресторана, ошивавшиеся у входа в ожидании, когда Мекка откроет свои врата, смотрели на профессора изумленно, и ему льстило всеобщее внимание.

Пыхтя и обливаясь потом, профессор затопал к себе на второй этаж, а Иван Иванович отправился с Андреем в ресторан, где

поведал, что после бегства Андрея профессор постепенно отошел, может быть, даже осознал, что был не совсем прав. Потом так увлекся процессом расчистки гробницы, что о существовании Андрея забыл.

— Господин Авдеев, — продолжал Иван, — поделился со мной своими планами. В четверг на той неделе ожидается сюда старый знакомец — транспорт «Измаил», который привезет подкрепление и боеприпасы. В этом Авдеев видит знамение судьбы и потому считает, что за ближайшие дни сокровища из гробницы надо изъять, и тогда экспедиция благополучно отбудет на родину под звуки фанфар.

— А вы остаетесь?

— Успенский будет работать, пока мы все не умрем с голоду или не попадем туркам в лапы.

— Зачем ты мне все это рассказываешь? Не иначе как что-то задумал.

— Я задумал? Пожалуй, да. Я хочу уехать вместе с вами.

— Скопил на имение?

— Андрей, оставь, пожалуйста, этот издевательский гимназический тон. Я старше тебя почти на десять лет.

И непонятно было, обиделся Иван или шутит.

— У меня и через десять лет не будет имения. — Андрей все же сменил тон. — Не вижу в том нужды. Надеюсь, и не увижу.

— Мы живем внутри лавины и, набирая скорость, летим под откос. А надо выбраться на твердое место.

— А где это твердое место?

— Вернее всего, в Швейцарии, — сказал крестьянский сын. — Или на крайний случай в глубинах России, каких еще не достигла цивилизация. Главное — переждать.

— А здесь оставаться невыгодно?

— Совершенно невыгодно. Я думаю, что вся эта военная авантюра в Турции продлится еще месяц-два, а потом начнется бегство.

— Жаль, — сказал Андрей, — я бы предпочел побыть здесь еще. Здесь интересно.

— Ты мечтаешь отыскать золотую тиару трапезундских императоров! Все мы хороши, мой юный друг. — Иван поправил прилипшие ко лбу соломенные волосы.

— А это мы узнаем завтра, — сказал Андрей.

Спиро он увидел на улице, тот курил, сидя на приступочке у дома.

Ветер поднялся такой, что срывало листья с деревьев и пыль,

что неслась по улицам, свивалась в смерчи. Небо стало темным, лиловым и все продолжало темнеть.

Но дождь пошел не сразу — он как бы тянул время, надеясь, что население Трапезунда помрет от духоты и сильной бури. Так продолжалось часов до восьми вечера. Неспособный даже пошевелиться, Андрей лежал обнаженный на мокрых липких простынях и поражался силе духа и тела его соотечественников, потому что снизу из ресторана доносились громкие песни интендантов и земгусаров, приехавших сюда разворовывать армию.

Наконец в темноте начали вспыхивать молнии — сначала их сопровождал ровный отдаленный гул, в который сливались отдельные удары грома, но затем молнии стали ярче и ближе, а гром стал трещать, рвать парусину над самым городом. И это еще был не дождь — дождь начался после получаса сухой грозы и ударил столь обильно и мощно, будто в небе прорвался нарыв именно над Трапезундом.

Андрей заснул, но ночью проснулся, и пришлось искать одеяло, уже спрятанное в шкаф, — так похолодало.

Потом Андрей проснулся снова — на этот раз от тревоги. Ему показалось, что, пользуясь дождем, злоумышленники пробрались в башню и раскрыли саркофаг. Беспокойство Андрея было столь велико, что ему привиделось, будто он встает, одевается и бежит через город, под дождем, спасать саркофаг от грабителей.

Сон был очень убедительный — Андрей ощущал холодные струи дождя и жгучий пронизывающий ветер. Какие-то темные фигуры разбежались при его появлении, и, не видя их лиц, Андрей тем не менее отлично знал, кто есть кто: вот бежит, унося что-то под пиджаком, господин Сурен Саркисьянц, вон сверкнул кинжалом Рефик, а там скользит по стене, стараясь стать совсем невидимым, телохранитель Спиро... Разогнав тени, Андрей спускается в башню и видит, что крышка гроба сброшена и по ней пробежала трещина. Внутри, закутанная в черную ткань, словно в саван, лежит человеческая фигура — Андрей наклонился, чтобы распутать ткань и увидеть, кто же скрывается в саркофаге, но фигура отворачивает закутанное лицо, пытается освободить руки. Андрей все же срывает ткань — сверху молотит дождь, и ткань от него становится тяжелой и расползается от ветхости... Андрей не удивляется, увидев, что в ткань завернута Аспасия, — он хочет помочь ей выбраться наружу, потому что она может простудиться, а то и утонуть в этом проклятом гробу, но Аспасия не узнает его — она обхватывает его руками, привлекает к себе, чтобы он лег в ту же гробницу, и Андрей понимает, что с рук кра-

савицы сошло все мясо — это кости скелета, которые вцепились в него так сильно, что ему не вырваться из объятий. Андрей начинает в ужасе отламывать пальцы один за другим — но поздно! Вернувшиеся черные тени уже сдвигают крышку саркофага, чтобы заточить навечно там Андрея и Аспасию...

Андрей проснулся в ужасе.

Он отлежал руку — сердце болело — сон еще не кончался — не хотел кончаться — одеяло казалось еще крышкой гроба, но Андрей уже знал, что находится во власти кошмара, — еще чуть-чуть, и он вернется к нормальной жизни, в которой не обнимаются со скелетами.

За окном хлестал ливень — точно такой же, как во сне, фонарь на улице болтался, закидывая порой обрывки света в комнату. Сама гостиница была темная и тихая, будто постояльцы ее лежали, боясь высунуть нос из-под одеяла, и ждали, когда успокоится стихия.

Как приятно было понять, что в самом деле не надо вылезать под дождь, — все тихо, нормально, чудес в жизни все-таки не бывает. А если и бывают, то нас это не касается. А где ты был три года, Андрей Берестов, где ты гулял? Это ли не чудо? Нет, это какое-то научное достижение — наука в наши дни научилась многим вещам, которые еще вчера представлялись людям чудесными: можно передать звук через море — это называется радиотелеграф, можно записать звук на черном кружочке, который именуется граммофонной пластинкой, можно увидеть на белом полотне туманные движущиеся картины, можно сесть в повозку без лошади, и она повезет тебя, или в металлическую птицу, которая поднимет тебя в небо. Твой отец в молодости и не подозревал об этих удивительных изобретениях, которые стали обыденностью XX века. Возможно ли человечеству двигаться и далее по пути фантастики? Да, сказал себе Андрей, даже если разум отказывается верить в это. Еще вчера они с Митиным обсуждали новые машины, созданные англичанами и названные лоханками — танками. Здесь, на трапезундском театре, их не было, но на Западном фронте такими бронированными чудовищами уже обзавелись все армии. Теперь можно представить себе войну грядущего! Войну середины XX века, когда в небо будут подниматься целые эскадрильи военных самолетов и поливать пулями и снарядами мирные села и города, а громадные цеппелины будут сбрасывать на них громадные бомбы.

Андрей мысленно содрогнулся, представляя, куда может завести людей наука, поставленная на службу смерти. Однако он

надеялся на то, что человечество, наученное горьким опытом мировой войны, не захочет повторять ошибки в удесятеренном масштабе. Ведь должен быть прогресс, о котором пишут философы!

Впрочем, Андрей повернулся на правый бок, — мы до этого не доживем, как говорила тетя Мария... И тут же Андрей замер от понимания, что из всех людей на Земле он может дожить до любой самой страшной войны будущего, если таковая случится, — потому что он пловец в реке времени.

Ночью все воспоминания выглядят резче, красочнее и живее; ничто — ни звук, ни свет — не отвлекает тебя от них. И ты видишь кабинет Сергея Серафимовича — но не тот мертвый кабинет, где ты в последний раз увидел отчима, а кабинет еще довоенный, по которому отчим разгуливает, жестикулируя и разгорячась от собственных слов. И предсказывает грядущую войну. Она была близка, уже на пороге, но поверить в нее невозможно...

Андрей заснул и проснулся, когда уже рассвело. За окном сверкало свежее, отмытое за ночь солнце и било прямо в глаза — конечно же, вчера вечером Андрей не опустил жалюзи.

Андрей вскочил, быстро умылся — вода шла из крана! — сбежал вниз, в кофейню. Мостовая была очищена от пыли, воздух свежий, прозрачный. И люди на улицах какие-то посвежевшие, звонкие, на крытом рынке, которым Андрей пробежал к цитадели, — веселый утренний говор тысяч людей. Но Андрею показалось, что шум стихал, когда он приближался, и вновь, после короткой паузы, возникал за спиной. Будто люди замирали и шептали: «Вот он, тот самый молодой талантливый археолог, который отыскал гробницу первого императора Трапезунда!»

Только уже пробежав рынок, Андрей сообразил, что этичнее было бы постучать Авдееву и подождать его — чтобы прийти на площадку вместе. Но тут же Андрей успокоил себя тем, что все равно лавры открывателя гробницы достанутся профессору Авдееву. Андрей лишь помогает ему.

Было еще рано, цитадель должна была лишь пробуждаться — большие армейские фуры, что приехали с позиции за снарядами и патронами, за продуктами и бинтами на склады, лишь выстраивались к недавно открывшимся воротам и дверям различных складов. Возчики и присланные сопровождать груз солдаты собирались кучками, обсуждая новости на фронте и в тылу.

Перед башней стояла группа военных — они глядели в дверь, и Андрей понял, что центр их внимания — гробница, которую сегодня будут вскрывать.

Андрей подошел к группе людей, скрывавшей ход в башню. Люди негромко переговаривались, но в тоне голосов Андрею что-то не понравилось. Он стал проталкиваться, и его сначала не пускали, а потом, узнав в лицо, расступались.

Внутри башни стоял комендант и несколько офицеров — внизу, в яме, — греки-землекопы, так и не раздевшиеся для работы и не разобравшие инструменты.

Причина заминки стала понятна Андрею с первого взгляда.

Ночью кто-то вскрыл гробницу, сдвинул ее мраморную крышку, которая валялась рядом. Треснув пополам, точно как во сне Андрея. Внутри узкого мраморного гроба лежал полуразвалившийся костяк мужчины в разорванной, полуистлевшей черной ткани.

Ночью кто-то ограбил гробницу первого императора Трапезунда.

* * *

Грабителям помог ливень. Когда солдатам, охранявшим раскоп, стало невмочь стоять под ливнем в башне, у которой не было крыши, они перебежали в дежурное помещение — шагах в ста от башни. Они были глубоко убеждены, что ни одна живая душа не может в такой ливень выбраться из дому.

Следы ограбления были обнаружены лишь при смене караула, час назад. Никто не захотел брать на себя ответственность и вызывать профессора, военные ограничились тем, что глазели на учиненный разгром и рассуждали, что могло быть в саркофаге.

Появление Андрея внесло определенное облегчение. Это был выход из положения, который пришел сам по себе.

Андрей смотрел на разоренную гробницу и проклинал себя за то, что не послушался вещего сна — не пошел ночью защитить гробницу, — именно он, Андрей, виноват во всем...

Он спрыгнул вниз. Сверху на него глядели офицеры.

Еще вечером было не поздно — надо же было понимать, что кто-нибудь обязательно попытается открыть саркофаг в поисках сокровищ. Надо было самому остаться там — всего одна ночь! Больше ему никогда в жизни не отыскать подобной гробницы... Вот так гибнет дело жизни из-за минуты лени или небрежения!

Преступником мог быть любой, понимал Андрей. И греки-землекопы, и сами солдаты, соблазнившиеся рассказом о богатствах царской могилы, и люди Аспасии — а почему бы и нет? Это могли быть турки из банды Гюндюза — каждый считал себя достойным клада.

Андрей присел перед разворошенной гробницей. Он старался понять, что здесь могло быть вчера. Андрей увидел, что кости правой руки разбросаны, рассыпаны, тогда как кисть левой руки лежит неповрежденной. Значит, и в этом сон был вещим... но зачем отламывать пальцы? Конечно же — на пальцах правой руки были перстни, и вместо того, чтобы аккуратно поднять их, ночной грабитель в темноте, под дождем, помогая себе фонариком, тащил то, что блестело, отбрасывая ненужное, — даже если это были останки императора.

Череп лежит на боку, в одном месте он проломлен — на черепе должна была быть диадема — царский венец, который так мечтал увидеть профессор Успенский.

В яму спрыгнул Иван Иванович.

— Я чувствую себя полным идиотом, — сказал он. — Даже ребенок бы догадался, что ночью кто-нибудь шустрый обязательно полезет в гроб за сокровищами. Жалко... очень жалко.

Иван Иванович присмотрелся к разгрому, присвистнул.

— Мы упустили великий шанс, коллега, — сказал он.

— Знаю, — согласился Андрей.

— Всегда дослушивай, что говорят старшие, — сказал крестьянский сын, — мы упустили с тобой шанс прославить на весь мир профессора Авдеева. Вскоре нам предстоит стать зрителями сцены под названием «Крушение великой мечты».

— Ты циник, Иван.

— Жизнь приучила. Но в этом есть справедливость. Гробницу должен был открыть мой Успенский. А теперь — никто.

— Здесь был венец и перстни, — сказал Андрей.

— Кольчуга почти вся сгнила, — сказал Иван, — а это видишь, остатки деревянных ножен — у него был меч. Меч тоже исчез.

— Кто это мог сделать? — спросил Андрей.

— Кто это мог сделать? — подхватил как эхо господин комендант.

— Любой, — сказал Иван Иванович, — любой из жителей этого города и боец российской армии. Кроме того, немецкая, а также французская и английская разведка, не говоря уж о младотурках.

* * *

Профессор Авдеев приехал на машине часа через полтора, он дожидался, пока Карась наладит аппаратуру для торжественных снимков. По дороге они заезжали за Успенским, но тот сказался больным.

Госпожа профессорша облачилась в белое платье с пуфами — она надеялась, как Елена Шлиман, сняться в диадеме.

С профессором случился сердечный приступ. Его отнесли в кабинет к коменданту города, и Метелкин привез главного врача военного госпиталя — тот был зол, его оторвали от работы: с передовых непрерывно поступали раненые.

Андрей с Иваном Ивановичем тщательно просеяли содержимое гробницы — им удалось отыскать не найденный грабителем золотой перстень.

В гробу нашлось немало мелочей, представлявших археологический интерес, — бляшки, которыми были украшены ножны меча, остатки наборного пояса, нательный крестик из аметиста...

А тем временем город полнился слухами о богатствах, которые якобы таились в саркофаге. Версий существовало столько же, сколько рассказчиков. Правда, первыми среди грабителей называли именно русских, которые провели честных греков.

Подчистки в башне заняли три дня. В последний день Андрей работал один — Иван сбежал собирать долги со своих собратьев по темной профессии. Успенский отпустил его с экспедицией Авдеева, потому что крестьянский сын сообщил, что его отец при смерти. Успенский отдал Ивану причитающееся ему до осени жалованье.

Профессор Авдеев провел в госпитале три дня. Так что Метелкину и княгине Ольге, неуклонно предававшимся любви, ключ Берестова не понадобился. Несмотря на вернувшийся зной, они не покидали кровать под балдахином, и по ночам Ольга стонала так, что слышно было Андрею этажом выше. Ольга похудела, помолодела и являла собой вид драной кошки с темными кругами вокруг глаз.

— Я плохо выгляжу, — говорила она Андрею и, видно, всем, кто готов был ее слушать, — я так переживаю за супруга. Произошло крушение его жизненной мечты.

В промежутках между страстными лобзаниями Метелкин с профессоршей занимались делами сомнительного свойства, о чем Андрей бы и не догадался, если бы не острый взгляд Ивана Ивановича.

— Я голову даю на отсечение, — сказал он Андрею, — что под видом вашего экспедиционного барахла в Россию уйдет большая партия груза. Так что, вернее всего, в Севастополе вас будет встречать сам полковник Баренц.

— Зачем везти с нами, когда можно просто погрузить на «Измаил»?

— Даже в совершенно разваливающемся государстве, — наставительно сказал Иван, — продолжают существовать таможня, пограничники, комендатура и законы военного времени. Конечно, всех можно купить, но в наши времена это слишком дорого стоит, а то они возьмут деньги и тут же сожрут тебя с потрохами. С русскими людьми, а особенно русскими чиновниками, нельзя заключать честных сделок — они сразу же начинают искать, кому бы тебя перепродать. А что может быть лучше и благороднее, чем груз научной археологической экспедиции — добытые в трудах и раскопках черепки и железки.

— Но Авдеев! — сопротивлялся Андрей. — Он же обязательно догадается!

— Во-первых, груз будет не столь уж велик — особенно если это опиум, во-вторых, где гарантии, что жена не взяла в долю господина Авдеева?

— Ты что! Он же профессор университета.

— Браво, Берестов! Но ты забыл, что профессора тоже любят деньги. А раз у Авдеева не вышло со славой, он может легче согласиться на денежную компенсацию.

Андрею не хотелось верить, но на стороне Ивана была логика и спокойный неотразимый цинизм.

* * *

За день до отъезда Метелкин устроил проводы экспедиции и примирение с профессором Авдеевым. Пришли все археологи и Иван Иванович, который в последнее время сблизился с Авдеевым и стал его верным помощником. Андрею надоело подшучивать над Иваном, да и не до него было в последние дни — Андрей целыми днями работал в башне, рисуя планы различных культурных слоев в ней, копируя фрески и делая протирки надписей. За последние двадцать рублей он даже уговорил Тему Карася сделать снимки раскопок.

Российский спросил его:

— Вы из упрямства копаетесь в башне?

— Не только, — сказал Андрей. — Я хочу написать о ней статью, в которой объединилась бы ранняя история Трапезунда и жизнь императоров вместе с находками, сделанными там.

— Археология не терпит новшеств, — возразил Мстислав Аполлинарьевич. — Даже через пятьдесят лет археологические статьи будут такими же неудобочитаемыми.

— Нет, — сказал Андрей, — археология родит поэтов!

На проводы Андрею идти не хотелось, и он вышел на улицу. Ветер дул с моря, по закатному небу плыли разноцветные облака — зеленые, розовые и сиреневые. Аспасия ехала в небольшой крытой карете, которые еще порой встречались в Трапезунде и умиляли Андрея своей патриархальностью.

Андрей узнал Аспасию по движению руки, показавшейся в приоткрывшейся дверце, когда карета остановилась, чуть не доезжая до «Галаты». Как бы ожидавшая этого сигнала одна из девиц из заведения Аспасии быстро вышла из гостиницы и передала в карету небольшой сверток. Андрей сразу отвернулся, чтобы не показывать своего любопытства, но Аспасия заметила его и окликнула.

Андрей подошел к карете. На козлах сидел одноногий инвалид. Аспасия была в черной шляпке с вуалью, но теперь Андрей уже мог угадать ее по движению руки, по повороту головы, линии шеи — он с закрытыми глазами мог угадать ее приближение.

— Залезай внутрь, — сказала Аспасия.

— Сюда?

— Не бойся, блох здесь нету. Мы прокатимся немного, поговорим — пять минут, не бойся, твои даже не успеют заметить.

Андрей забрался в карету.

Аспасия велела инвалиду ехать и тут же, перегнувшись через Андрея, захлопнула дверцу кареты, окошки в которой были забраны тонкими решетками, — угадать, кто сидит внутри, было невозможно.

Закрывая дверь, Аспасия прижалась грудью к локтю Андрея, он непроизвольно сжался, Аспасия засмеялась воркующе.

— Сейчас бы тебя соблазнить, — сообщила она, обернув лицо к Андрею, — тот закрыл глаза и лишь вдыхал — нет, не запах ее, а само присутствие.

— Аспасия... — начал Андрей хрипло.

— А вот этого не надо, — сказала Аспасия. — Ты мне спас жизнь, и потому я не могу быть с тобой, как с другими мужчинами. Я тебе как-нибудь потом все расскажу. Хорошо?

Рука Андрея дотронулась до ее плеча, и пальцы сами вцепились в его совершенную округлость.

— Андрюша, — сказала Аспасия, — меня просили тебе передать — человек, которого ты ждешь, уже приплыл.

— Кто приплыл? — Андрей не мог понять гречанку.

— Тот человек, та девушка, она уже приплыла в Ялту. Мне сказали, что ты все поймешь.

— Да, — сказал Андрей, стараясь отодвинуться от Аспасии

еще больше и ощущая ее слова как издевку, хотя, конечно, в них никакой издевки и не было — он опять был мальчиком на пиру взрослых, и ему опять положено было сказать взрослым «спокойной ночи» и идти в детскую. «Твой любимый мишка ждет на стуле...» У него чуть не вырвалось: «Мне не нужна ни одна девушка в мире, кроме тебя!» И может, Аспасия ждала именно такого вскрика — и Андрей молчал, закусивший губы, злясь на себя и на Аспасию, а больше всего на Лидочку. Мы более всего злы на тех, перед кем виноваты.

— Понял? — спросила Аспасия, будто с разочарованием. А она не терпела соперниц. Даже не соперничая с ними.

— Да, — сказал Андрей. — Спасибо. Я выйду?

— Сейчас. Мы вернемся к «Галате», я не могу заставить тебя ходить пешком по улицам. Спиро сегодня на свадьбе у своего кузена, а Коста простудился. Ты у меня без охраны. Если что — беги к Русико, она сидит в вестибюле на диване.

Карета остановилась.

— Я не приду тебя провожать, — сказала Аспасия. — Ваш пароход уходит слишком рано. Но я знаю, что еще увижу тебя. Я ведь все предчувствую. И сегодня предчувствовала, что потеряю тебя.

— Но ты же ничем не показала...

— Я не хотела ничего показывать. И главное, помни, ты хороший, ты порядочный, ты чистый мальчик, а я плохая.

Аспасия положила на ладонь Андрея небольшой твердый сверточек.

— Спрячь в карман и не разворачивай, пока твой пароход не уйдет в море. Ты обещаешь?

— Обещаю, — сказал Андрей, стараясь вглядеться в черты лица Аспасии. Только это было сейчас важно. Он готов был расплакаться от страха потерять навсегда Аспасию.

Аспасия протянула длинные сильные руки, обхватила Андрея за плечи и поцеловала его, обмякая от встречного поцелуя, от резкости и силы, проснувшейся в Андрее, который уже не мог справиться со своим телом. Ее горячий язык ворвался к нему в рот, она застонала, и это состояние поцелуя, подобного которому Андрею еще не приходилось переживать в жизни, поцелуя более значимого и страстного, чем сам акт любви, заставляет онеметь все тело, замереть, как птица под ладонью, чтобы ничем не поколебать это хрупкое сооружение страсти.

Аспасия оторвалась, откинув голову, оттолкнула Андрея.

— Мне больно, — сказала она. — Ты мне делаешь больно. Не надо.

— Извини, — сказал Андрей, как только отыскал голос.

— Уходи, — сказала Аспасия.

На этот раз Андрей сам открыл дверцу кареты и спрыгнул на мостовую. Аспасия отодвинулась в глубь кареты, и можно было лишь угадать сияние ее глаз. Инвалид что-то сказал Андрею, потом стегнул лошадь, и карета покатила прочь.

И только когда карета уехала, исчезла, Андрей начал понимать, что со стуком ее колес кончилась целая жизнь, кончился Трапезунд и люди, которые живут там, а завтра кончится сама Аспасия. И с каждой минутой, с каждой милей все более настоящей будет становиться Лидочка — единственное существо, плывущее вместе с ним в потоке времени. Все остальные люди — миражи, хоть кажутся настоящими, потому что завтра Андрей и Лидочка могут попрощаться с ними и умчаться, допустим, в 1941-й — далекий счастливый год, и там они будут такими же молодыми и здоровыми, а остальные люди окажутся в прошлом...

И от этой мысли, преисполненной гордыни, вызвавшей странную, нездоровую радость, Андрей тут же начал сползать к унынию одиночества, к утомлению избранности: очень мало есть на земле людей, для которых одиночество — обязательная принадлежность избранности — кажется желательным и естественным. Отринув всех окружающих его как существ, не обладающих Даром, он вскоре начал тосковать от невозможности разделить этот Дар со всеми, кто ему мил и близок. И нужен ли Дар, если он навсегда лишает тебя возможности страдать и наслаждаться красотой Аспасии Теофилато?

Андрей остановился в вестибюле — на диване сидели в ряд три проститутки. Русико в матроске и короткой юбке-клеш ходила по вестибюлю и, увидев Андрея, обрадовалась — подошла к нему, улыбаясь смущенно, отчего образ воительницы и амазонки куда-то пропал, словно Русико сняла маску. У нее тоже подарок для Андрея.

Она вытащила из-за корсета не очень умело связанные варежки.

— Возьми, — сказала она, — там в России холодно будет. Носить будешь, меня вспомни.

Андрей смутился, не знал, как надо поблагодарить Русико. Она сама протянула руку, и Андрей поцеловал ей руку.

Военлет Васильев, который в эту минуту вышел из ресторана и держал путь в отхожее место, остановился и захлопал в ладоши.

— Прелестно, — возопил он. — Прелестно! Мы целуем лапки шлюхи.

Андрей кинулся было к нему, но Русико ловко остановила его.

— Андрюша, — сказала она, — этот Васильев такой подлец, что нельзя об него пачкаться. Я сама ему отрежу одно место.

Русико не шутила. Она настолько не шутила, что Васильев, выматерившись, поспешил уйти.

Андрей поднялся к себе. Он примерил варежки — они были связаны из грубой белой шерсти, которую привозят с гор и продают на крытом рынке. Они были ему катастрофически малы. Их надо будет отдать Лидочке. Только неизвестно, можно ли сказать ей, кто их вязал.

Собрав вещи, Андрей уселся в кресло, стараясь вспомнить, что еще надо было сделать... Но вспомнить о подарке Аспасии он не успел, потому что дверь распахнулась и вошел подполковник Метелкин. Шевеля усами, он изысканно попросил Андрея освободить номер, потому что они с Ольгой Трифоновной желают погрузиться в море любви.

— Вы с ума сошли, — сказал Андрей. — Авдеев перевернет всю гостиницу.

— Его мы уже положили спать.

— Нет, — сказал Андрей, — я сам спать буду.

— Тогда отдай деньги, — сказал Метелкин.

— Я их истратил, — ответил Андрей.

— Мерзавец, но уважаю, — сказал Метелкин. — Так с нами и надо. Любовь всегда наказуема.

Он начал плакать, стоя у двери. Он плакал тихо, и слезы лились на большие усы. Андрей выругался и стал искать ботинки.

— Я пошутил, — сказал Метелкин, — я тебя проверял. Она меня разлюбила. Я останусь здесь и буду поклоняться Аспасии.

— Уйдите, — сказал Андрей. — Уйдите скорее.

— Понял, — сказал Метелкин и ушел.

Глава 4

6 сентября 1917 г.

Восхождение на «Измаил» было подобно подъему на пятый этаж доходного дома. На рейде было волнение, катера и баржи приставали к транспорту с подветренной стороны. По трапам не-

сли носилки с ранеными, из здоровых на транспорте уезжала часть интендантства.

— Когда интендантство возвращается домой, — сказал Иван Иванович, — это очень плохой знак для военной кампании. Может быть, она уже проиграна.

На этот раз в каюте, которую опять разделили Андрей и Российский, было куда меньше экспедиционного добра. Зато ящики загромоздили гостиную двухкомнатной каюты люкс профессорской четы. Андрей был убежден, что к археологии большинство этих ящиков и мешков отношения не имеет.

Фотограф Карась должен был разделить каюту с Иваном Ивановичем, но тот заявил Авдееву, что покупает каюту за собственные деньги, чтобы плыть в одиночестве. Просьба была, разумеется, исполнена, и выиграл также Карась, расположившись со всеми удобствами посреди камер и треног в соседней каюте.

Подполковник Метелкин, как и следовало ожидать, приехал проводить экспедицию, сам следил, как грузят ящики и мешки.

Когда солнце уже село, «Измаил» начал разводить пары. Андрей стоял у поручней, глядел, как в лодки и катера спускались провожающие и торговцы, спешившие сделать свои дела в последние минуты.

Внимание Андрея привлекла лодка. Молодые турки, сидевшие в ней, были одеты в плащи и черные шляпы. Третий, только спустившись, поднял голову и, будто узнав Берестова, поднял руку, приветствуя его. Андрей узнал Рефика.

Лодка отчалила, и два гребца, сидевшие в ней, начали грести в сторону солнца. И через две или три минуты Андрей уже потерял силуэт лодки из виду.

Что делал Рефик на «Измаиле»? Впрочем, нетрудно сообразить: экспедиция Авдеева не единственная банда контрабандистов, что отплывает сегодня на транспорте. Значит, и конкуренты тоже загрузили трюмы своим табаком или опиумом.

Когда стемнело, «Измаил» наконец отчалил. Его сопровождал миноносец «Фирдониси». Шли без огней, прижимаясь к берегу, курсом на Батум. Из Севастополя сообщили по беспроволочному телеграфу, что в Черное море опять прорвалась германская субмарина.

Стюард заглянул в каюту, проверил, опущена ли черная шторка.

Российский сидел за столом, разложив перед собой кипу оттисков драгоценных для него надписей, и, водя лупой над листом, шевелил губами, будто вел какую-то священную мелодию.

Андрей развернул сверток, переданный ему Аспасией. В нем лежала серебряная рукоять кинжала.

Андрей спустился в буфет, там было теплое пиво, бублики и бутерброды с черной икрой — разорение чувствовалось здесь куда более, чем в Трапезунде. Андрей поужинал пивом с бутербродами, в буфете было пусто и скучно — все сидели по своим каютам, лишь за соседним столом пили чай три сестры милосердия неопределенного возраста, усталые настолько, что нельзя было сказать, старые они или молодые. Сестры ели, глядя перед собой. На белом переднике одной из них было кровяное пятно — транспорт вез три сотни раненых, их было больше, чем здоровых пассажиров.

Андрей вернулся в свой коридор. Он помнил, что его каюта — шестая по правой стороне, но, видно, обсчитался и толкнул дверь в следующую за своей каюту Ивана Ивановича. И спокойно вошел, рассчитывая увидеть за столом Российского, но вместо него увидел Ивана, который стоял, наклонившись над столом и разглядывая нечто темное, металлическое, схожее с толстой книгой.

— Прости, — сказал Андрей, — я дверью ошибся.

Иван Иванович резко обернулся и старался встать так, чтобы прикрыть телом лежавшую на столе книгу. Он ерзал задом по ребру стола, и это было бы смешно, если бы не бешеные от злости глаза крестьянского сына.

— Ты что? — шипел он. — Ты чего, тебе что надо? Иди, иди отсюда...

— Прости, Иван, — сказал Андрей, послушно отступая к двери, — я же не думал, что тебе помешаю.

И только когда он уже был за дверью, в коридоре, Иван Иванович перестал ерзать у стола и оторвал взгляд от Андрея.

Андрей закрыл за собой дверь — получилось нескладно. Менее всего он намеревался шпионить за Иваном — ведь тот и не скрывал, что занимается контрабандой, и Андрею дела до того не было.

Конечно же, Иван Иванович испугался от неожиданности — мало ли кто мог зайти в незапертую комнату.

Иван Иванович выглянул из своей каюты.

— Андрюша, — сказал он, — ты напугал меня. А с перепугу я мог бы в тебя и пулю всадить.

— Надеюсь, у тебя нет револьвера, — сказал Андрей. Он уже держался за ручку своей двери.

— А то заходи ко мне, — сказал крестьянский сын, — посидим, у меня коньяка немного осталось.

— Спасибо, — сказал Андрей, — не хочется, а то еще снова испугаешься.

И он вошел к себе, где, мирно пыхтя, Российский расшифровывал надпись XIII века.

* * *

Утром «Измаил» должен был оказаться в видимости Батума. Но незадолго до того, как в рассветной мгле возникли высокие лесистые берега Грузии, в Трапезунде начали разворачиваться события, имевшие прямое отношение к транспорту и даже более того — к экспедиции профессора Авдеева.

Рефик Мидхат по прозвищу Ылгаз, заменивший покойного Гюндюза во главе турецкой семьи контрабандистов, тот самый, который столь упорно преследовал Андрея Берестова, а перед самым отплытием «Измаила» побывал на его борту, ночью растолкал своего верного помощника Халиба и отправил его со срочным поручением. Сам же велел принести себе крепкого кофе и, усевшись на низкий диван, стал ждать, удастся ли его план.

Халиб быстро добежал до дома, в котором жил армянский негоциант Сурен Саркисьянц, и условно постучал в калитку. Халиба не ждали, но Сурен не стал терять время — он быстро оделся и спустился к неожиданному ночному гостю.

— Сурен, — сказал Халиб, — у меня есть очень важная новость. Она касается близких тебе людей. Но я не могу подарить ее тебе — если Рефик узнает, что я пришел к тебе, мне не жить на свете.

Сурен был опытным человеком и понял, что Халиб его не обманывает. Он и в самом деле знает новость, за которую можно хорошо заплатить. Жизненный опыт заключается как раз в знании, когда нужно платить, а когда можно и не платить.

— Сколько? — спросил Сурен Саркисьянц.

Халиб хладнокровно назвал сумму, которая даже для привыкшего к большим оборотам Сурена была непривычна.

— Во-первых, у меня нет таких денег, и ты об этом знаешь, — сказал он Халибу. — Во-вторых, нет новости, которая стоила бы так дорого. В-третьих, ты не сможешь ее никому больше продать.

— Сурен, — сказал Халиб, — я сейчас пойду к Метелкину-паше, он мне заплатит такие деньги и даже больше.

— Тогда почему ты пришел сюда?

— Чтобы ты тоже заработал, — сказал Халиб.

— Ясно, — сказал Сурен. — Ты не знаешь, как пройти в кре-

пость и разбудить господина Метелкина, не получив пули в затылок.

— Вот именно.

Говорили они по-турецки, который негоциант знал даже лучше, чем простонародный турок Халиб.

Сурен был убежден, что Халиб пройдет в любую крепость и найдет господина Метелкина. Значит, Халибу надо, чтобы новость, за которую он намерен ограбить Саркисьянца, Метелкин услышал не из уст Халиба, которого он не знает, а из уст Сурена, его старого знакомого. Сурен решил обдумать эту мысль на досуге, а пока что назвал сумму в десять раз меньшую, чем та, которую требовал Халиб.

Халиб сказал:

— Я очень сожалею, что у нас разговор не получился. Потому что хоть ты и армянин и неверный, но ты достойный человек и о тебе всегда с уважением отзывался господин Осман Гюндюз, да будет хорошо ему на небесах.

Сурен зевнул и сказал:

— Мне жаль, что ты нарушил мой сон, сосед. Была ли в том нужда?

— К сожалению, Сурен, — сказал Халиб, — ты будешь всю жизнь грызть локти из-за своей похабной жадности. Потому что мои слова стоят больше, чем весь этот город.

Сурен понимал, что Халиб в самом деле принес важные вести. Конечно, он преувеличивает их значение, конечно же, он хочет вытащить из Сурена вдвое больше, чем стоят эти новости, — но кто скажет, как ценить новости?

— Ты хоть намекни, в чем дело, — сказал Сурен. — Где ты видел, чтобы серьезный негоциант бросал деньги просто так, под пустое обещание.

— Я не делаю пустых обещаний, — рассердился Халиб и снова начал разыгрывать комедию ухода. — Я пошел к Метелкину. Я проберусь к нему, не опасайся, Сурен. Но ты не получишь ни пары прибыли.

— Ты хочешь сказать, что Метелкин даст мне больше, чем ты получишь от меня?

— Клянусь Аллахом.

— Любая половина твоей цены, — сказал тогда Саркисьянц, — ты знаешь, как я рискую!

— Деньги наличными, — согласился Халиб.

— Ты сошел с ума! Кто хранит дома наличные?

— Ты получил эти деньги и еще немного больше вчера после

обеда, — сказал Халиб. — Ты не успел их спрятать. А банку ты не доверяешь.

Сурен развел руками. Он не мог не улыбнуться, хотя тут же начал высчитывать, кто из близких перекуплен турками.

Они прошли в кабинет Сурена, тот достал деньги из сейфа, и Халиб медленно пересчитал их. Большие часы, стоявшие на полу, пробили два раза. Было два часа ночи.

Когда Халиб кончил свой короткий рассказ, Сурен не стал делать вид, что информация, полученная им, на самом деле ценности не представляет. Он проводил Халиба до ворот и закрыл ворота за ним. Затем он уселся за стол в своем кабинете. Ему было о чем подумать, хотя совсем не оставалось времени, чтобы думать. Долг повелевал ему немедленно бежать к Аспасии и сообщить ей новости. Однако он понимал, что Аспасия ему ничего не заплатит за его рассказ, да и безумие было бы просить у нее денег — Аспасия скорее пойдет с ним в постель, чем расстанется с монетой, при условии, что в постель с Суреном она не пойдет ни за какие деньги. Но не сказать ничего Аспасии — означало предательство, и неизвестно еще, как гремучая гюрза отомстит Сурену за это. Следовало найти путь, на котором можно приумножить отданные Халибу деньги и в то же время не рассердить госпожу Теофилато.

В конце концов после пятиминутной внутренней борьбы победила корысть, и Сурен, накинув темный пиджак и надвинув на уши котелок, несмотря на то что ночь была достаточно теплой, отправился в цитадель, где в бывшем доме для приезжих при губернаторе Трапезунда теперь располагались номера для штаб-офицеров комендатуры и интендантства. Там жил подполковник Метелкин. Выгода проживания в номерах заключалась в том, что за них можно было и не платить, и в то же время ты был застрахован в какой-то степени от воровства и даже грабежей.

Было половина третьего ночи, когда округлая фигура негоцианта в черном котелке и пиджаке с поднятым воротником появилась на площади цитадели, которую бдительно охраняли солдаты. Правда, в это время они, разумеется, спали, для чего у въезда на площадь были выставлены деревянные скамьи.

Сурен привидением деловитого свойства смело прошел между деревянными скамейками, отмахнувшись от могучего храпа часовых, и быстро пересек площадь, ярко освещенную лунным светом.

Окна в двухэтажном доме для штаб-офицеров, разумеется, не горели, входная дверь была заперта. Однако Сурен не стал утруж-

дать себя попытками пробиться через парадный подъезд, а, не снижая скорости, обогнул дом и, толкнув заднюю дверь, поднялся на второй этаж. Добравшись до двери номер 6, он попробовал, не заперта ли она. Дверь была заперта. Тогда Саркисьянц постучал в нее условным стуком — именно так стучала в дверь Метелкина Русико до того, как Метелкин увлекся профессоршей и покинул на время свою прежнюю возлюбленную.

Метелкин вскочил почти сразу — застучал босыми пятками к двери, приоткрыл ее и, не выглядывая, прошептал:

— Заходи, заходи, я уж тебя заждался.

Что было ложью, потому как Метелкин только что спал без задних ног.

Сурен скользнул в дверь, закрыл ее за собой, и Метелкин по запаху понял, что его провели.

— Кто? — спросил он строго. — Кто посмел! — отступая при этом назад, где на спинке стула висела портупея с кобурой.

— Это я, Саркисьянц, у меня срочное дело. — Негоциант заговорил быстро, но по возможности внятно: — Прости, что разбудил.

— Что? — Метелкин уже не сердился — он был быстрым на мысли и слова человеком. — Что-нибудь с Аспасией?

— Нет, с «Измаилом», можно я сяду?

— Только свет я зажигать не буду, — сказал Метелкин, — не хочу, чтобы завтра весь гарнизон знал.

— И правильно делаешь, — сказал Сурен. — Ко мне только что приходил Халиб. Знаешь Халиба?

— Это тот, которого Гюндюз посылал на мокрые дела? — спросил Метелкин.

— Он продал мне новость.

— За сколько?

— За тысячу лир.

— Уменьши цифру в сто раз — поверю. — Заскрипели пружины — ветеринар уселся на кровати. — А ты садись, садись.

— Спасибо. Я в самом деле заплатил эти деньги. Вот расписка.

Негоциант издали показал Метелкину белую бумажку. Хоть лунный свет и проникал в окно, понять, что на бумаге написано, не было возможности.

— Ты не такой идиот, чтобы прибежать сюда в три часа ночи, — сказал Метелкин. Он взял графин с водой и налил себе в стакан. — Что случилось? Почему ты побежал ко мне, а не к Аспасии?

— Потому что Аспасия не вернет мне денег, которые я заплатил.

— Говори.

— В транспорт «Измаил» заложена мина.

Метелкин неудачно двинул графин, и тот рухнул со столика, грохнулся об пол — вдребезги!

— Ах, черт! — Метелкин выпрямился. — Кто положил? — спросил он. — Немцы?

— Это знает только Рефик. Рефик говорил с незнакомым Халибу человеком. Рефик сказал, что он все исполнил и отомстит за смерть Гюндюза.

— Что еще известно? Ну говори, говори — уж скоро утро! Какая бомба?

— В каком смысле?

— Если ты пронесешь на транспорт гранату, ничего не случится — ты только убьешь человека; должна быть большая бомба, большой заряд, который может сделать отверстие в борту, такое, чтобы транспорт пошел ко дну. Нужен целый ящик динамита.

— Там есть целый ящик динамита.

— Не может быть! Враки! Груз транспорта досматривался. Ящик со взрывчаткой никто бы не пропустил.

— Пропустили.

— Почему ты так уверенно говоришь?

— Потому что был груз, который не досматривали. Груз московской археологической экспедиции.

— Ты с ума сошел! Я сам все проверял!

— Вы уверены?

— Ни в чем нельзя быть уверенным. Давай на радиотелеграф!

— Погодите, господин офицер, — сказал Сурен. — Вы только все погубите.

— Там триста раненых! — воскликнул Метелкин. Сурен зашипел на него, и Метелкин, продолжая кричать, перешел на шепот: — Там погибнут люди!

— И все же, прошу вас, не спешите.

— Почему? Меня ничто не остановит. — Метелкин рыскал по полу в поисках сапог.

— Разреши обратить твое внимание, — сказал Сурен, — на остальной груз археологической экспедиции. Конечно же, забота о людях — первейшая задача. Но вы уверены, что хотите, чтобы сейчас, в панике и спешке, кто-то начал вскрывать все ящики экспедиции? И если там окажутся не черепки, а что-то другое — если будет так, ты уверен, что профессор Авдеев и его супруга не вспомнят твоего имени?

Метелкин перестал надевать сапог.

— Это конец карьере, — сказал он после паузы.

— Боюсь, что да, — согласился Сурен, он был кроток и терпелив, как агнец. У него был план, как получить деньги с Метелкина, но с перепуганного и разъяренного Метелкина ни черта не получишь.

— Но мы же не можем все так оставить!

— Не можем, — согласился Сурен и тоже замолчал.

— Ну говори, говори! — страстно зашептал Метелкин. — Ты должен что-то придумать.

— А с другой стороны, — сказал Сурен, — если ничего не предпринимать, то погибнут не только люди — погибнет весь ваш груз.

— Наверное, на «Измаиле» и ваш с Аспасией есть, — заметил зло Метелкин.

— Сущие пустяки, — сказал Сурен. — Твое положение куда хуже.

— Неужели ничего нельзя придумать?

— Почему нельзя? И если ты компенсируешь мне расходы, которые я понес, заплатив турку, я постараюсь подсказать выход.

— Сколько? — спросил Метелкин.

— Две тысячи.

— Никогда!

— Я должен половину отдать Аспасии — иначе она меня убьет.

— Я получаю такие деньги за три месяца.

— Твой груз на «Измаиле» стоит в двадцать шесть раз больше, а ты вот-вот его лишишься.

— Черт с тобой! Но учти, что если ты не придумаешь выхода, ты отсюда живым не выйдешь.

— Ты очень нервничаешь, господин офицер, — сказал Сурен. — Нельзя в твоем возрасте так нервничать.

— Говори.

— Минутку — я пересчитаю.

Сурен принялся пришептывать — он считал деньги у окна при свете луны. Метелкин ходил по комнате в одном сапоге и готов был убить армянина.

— Там адская машина с часами? — спросил он.

— Может быть, — ответил Сурен. — Халиб считает, что взрыв будет утром.

— Почему?

— Спросите у него.

— Так что ты придумал?

— Я знаю одного человека, который может предупредить капитана «Измаила». Вы доверяете капитану?

— Он же в море!

— Это мое дело. Главное, чтобы капитан поверил.

Метелкин задумался.

— Для этого, — сказал он наконец, — надо написать ему письмо.

— Если вы напишете письмо, — сказал Сурен, — то я могу это письмо передать.

— Утром транспорт уже будет в Батуме. Сейчас три часа ночи. У тебя есть крылья?

— Вот именно, — сказал негоциант, — если вы так настаиваете, я могу сказать: письмо должно догнать транспорт на самолете.

— Где ты найдешь такого летчика?

— Самолет дорого стоит, — сказал Саркисьянц. — Но он поднимется в воздух через час.

— Я не могу платить, пока ты не докажешь, что не водишь меня за нос.

Пришла очередь оскорбляться Сурену, и он сделал это куда более эффектно, чем турок Халиб. Он направился к двери, как графиня, которой дворник сделал неприличное предложение. Он отворачивался от догнавшего его Метелкина, он вообще ничего не хотел слышать и не хотел брать ни копейки от человека, столь глубоко его оскорбившего.

Потом понял, что нервы Метелкина на пределе и он в любой момент может выхватить револьвер и пустить пулю в сердце Сурена.

— Хорошо! — прошептал Сурен, вытирая лицо твердым котелком. — Я даже скажу тебе, полковник, что я сделаю, — я пойду к Аспасии. У нее в заведении наверняка сидит сейчас один военлет, который ради ее прекрасных глаз сделает все, что нам нужно.

— Васильев! — воскликнул Метелкин.

— Но он не полетит ночью нелегально, без разрешения командира эскадрильи, рискуя репутацией и, может быть, погонами, он не полетит ни за какие деньги.

— Аспасия в самом деле сможет его уговорить!

— Ей не надо его уговаривать.

— Сколько? — Метелкин вдруг понял, что и в самом деле забрезжила слабая надежда на спасение.

— Пиши письмо капитану Белозерскому, — сказал Сурен, — а я пока посчитаю, во сколько это все нам обойдется.

Сурен достал из жилетного кармана махонький блокнотик, к нему был прикреплен серебряный карандашик на тонкой цепоч-

ке. Пока Метелкин, морща лоб и высунув от усердия язык, писал письмо капитану «Измаила», Сурен подвел итог.

— Три тысячи, — сказал он. — Ровно.

— Две тысячи, — сказал Метелкин, слюнявя конверт.

— Три тысячи ровно, — сказал Сурен. — Моих здесь было триста, я от них отказываюсь. Туркам я заплатил тысячу. Аспасия меньше чем за тысячу не станет ввязываться в эту историю, и Васильеву тоже придется отдать тысячу.

— Ему зачем? Он родную мать зарежет ради прекрасных глаз.

— Аспасия не может дать ему того, чего господин штабс-капитан так жаждет. А капитану надо будет купить дежурного на аэродроме, поднять механика, заправиться горючим и еще взять запасные бидоны, чтобы залить бак на обратную дорогу, — и это еще не все его расходы.

— Две пятьсот.

— И если ты будешь торговаться, полковник, то поезд уйдет.

* * *

Госпожа Аспасия не спала — она никогда не ложилась, пока ее заведение было открыто. «Луксор» закрывается в пять, а то и в шесть часов утра, пока есть господа интенданты — грех закрываться раньше.

Сурен прошел к стойке, у которой дремали перегрузившиеся анисовой водкой прапорщики, почему-то оказавшиеся здесь, а не на фронте. За стойкой стояла Аспасия, которая заменяла Русико. Та отошла в свою комнатку, чтобы усладить какого-то приезжего земгусара.

— Сурен? — удивилась она. — Я не помню, чтобы ты лег спать позже одиннадцати.

— Ты права, — сказал Сурен, кладя котелок на стойку и садясь на высокий стул. — Но надо спасать людей. Люди могут погибнуть.

— Погоди, — сказала Аспасия, — вернется Русико, и ты все расскажешь.

— К сожалению, — сказал Сурен, всегда так послушный Аспасии, — мы не можем ждать — каждая минута на счету.

Они прошли за стойку, и там в узком пространстве, занятом бутылками и коробками, Сурен рассказал, что случилось.

— Что мы можем сделать? — Аспасия приняла сведения всерьез.

— Мы можем послать Васильева — это единственная возможность, не поднимая великого шума, отыскать ящик и выкинуть за борт. Если же мы открытым текстом направим туда радиотелеграмму, то о грузе, который везет профессор Авдеев, через пять минут будет знать все Черное море — это уничтожит не только Метелкина! Вы меня поняли?

— Не надо мне объяснять, — сказала Аспасия. — Сколько там нашего груза?

— Немного, но груз важный. Ты же знаешь, госпожа.

— Метелкин дал письмо? Сколько заплатил?

— Полторы тысячи, — сказал Сурен. — Пятьсот для передачи Халибу, пятьсот для вас и пятьсот для Васильева.

— Неужели ты не поторговался больше?

— Я начал с двух тысяч.

— Дурак, — сказала Аспасия, — начинал бы с четырех. Где деньги? Где письмо?

Сурен передал госпоже Теофилато пятьсот лир и письмо Метелкина капитану Белозерскому. Дальнейшее зависело от госпожи Аспасии.

— Позови мне Васильева — он в углу, ты знаешь где.

* * *

Как раз в эти минуты Халиб сидел на корточках перед Рефиком, который откинулся на подушках. Халиб пил чай.

— Половина четвертого, — сказал Рефик. — Уже пора действовать.

— Этот шакал Сурен бегает по городу уже целый час.

— Любопытно, сколько он зарабатывает на комиссии? — подумал вслух Рефик. — Я думаю, он ограбит Метелкина.

— Его дело, господин, — сказал Халиб. Он покосился на пачку денег, полученную им от Сурена. Деньги лежали на низком столике у дивана, куда он положил их. Все. Он не посмел взять. Рефик знал, что Халиб не взял себе. — Они знают об адской машине.

— Ты не забыл завести на восемь?

— Тикает, — кивнул Халиб.

Рефик улыбнулся, показав белые сахарные зубы.

— Сейчас они уже посылают туда телеграф, — сказал Рефик. — Можешь посмотреть на часы — через два часа генералы в Батуми и адмиралы в Севастополе уже будут знать, что на «Измаиле» большая партия контрабанды. Завтра в Петербурге будут знать.

— И Метелкин надолго сядет в тюрьму.

— И этот паршивый профессор, и его Берестов, который предал нашего отца Османа, — все сядут. И правильно. Зачем превращать военный корабль, госпиталь, святое место, в склад контрабанды?

— Это грех, — согласился Халиб.

— Умный человек мстит чужими руками, — сказал Рефик.

Они весело рассмеялись. Потом они пошли спать, потому что завтра долгий, трудный день. Близки уже войска освободителей — не сегодня-завтра начнется бегство неверных. Метелкин пропадет как дым, русские офицеры исчезнут как дурной сон, а что касается греков и армян и самой отвратительной из них, приспешницы сатаны, соблазнительницы и держательницы борделя Аспасии Теофилато — худшей из худших, хоть и желаннейшей из желанных, то она не уйдет отсюда живой. Ее распнут солдаты-победители и превратят в кучу кровавого мяса — и она умрет, вопя о милости, — так будет отомщен славный Осман Гюндюз — в это верил его ученик и наследник по прозвищу Ылгаз.

* * *

Андрей проснулся от страшного кошмара — кто-то догонял его, чтобы утопить, но лица того, кто гнался, он не видел. Андрей открыл глаза и посмотрел на иллюминатор; тот был четко виден в темноте голубым кругом — значит, уже светает: еще три часа хода, и будет Батум.

Спать не хотелось. Андрей приподнялся на локте — Российский спал на спине, подняв вертикально бородку и легонько деловито посапывая, будто спешил выспаться, чтобы вернуться к своим любимым рукописям.

Андрей оделся и поднялся на палубу — ему хотелось увидеть, как из моря поднимутся далекие горы кавказского берега, — точно такими их много сотен лет назад увидел Одиссей и спутники Язона. Там их ждала Медея и удивительные приключения. Ради золота.

На пустой и оттого обширной верхней палубе транспорта было прохладно и влажно — от поднявшегося тумана поручни и стойки были в каплях и потеках влаги, рифленая палуба под ногами была мокрой.

Издали зазвучали гулкие частые шаги, словно кто-то стучал на большом железном барабане — часто и мерно. Андрей обернулся — по палубе бежал матрос в белой робе и холщовых клешах. Он пробежал мимо Андрея, не посмотрев на него.

Гул башмаков по железу затих в отдалении.

Впереди по курсу корабля все еще висел туман, так что море и небо сливались там, впереди, в белесой дымке.

Андрей пошел по палубе — под парусиновым навесом стояли в ряд несколько десятков коек, что, видно, не поместились внизу, — на них лежали одинаково накрытые одеялами и одинаково держащие руки на одеялах раненые — они спали либо лежали, глядя вверх. Между кроватями медленно шла медицинская сестра в черном платье и белом с красным крестом переднике. Вот она остановилась у койки, губы ее шевельнулись — она говорила что-то солдату, потом пошла дальше, снова остановилась — на этот раз недалеко от Андрея, снова нагнулась и провела ладонью над лицом глядевшего в небо раненого. Когда рука поднялась — глаза его были закрыты. Сестра перекрестила умершего, потом потянула простыню и закрыла ею его лицо. И пошла дальше, заглядывая в лица.

Над Андреем, словно крепостная башня, поднималась дымовая труба, дым был обильным и черным — наверное, это было плохо: такой столб дыма виден издали. Андрей посмотрел в море в поисках миноносца сопровождения «Фирдониси» и увидел, как тот возник из тумана, видно, замедлил ход, позволяя «Измаилу» догнать себя. Он был нем и безлюден. И даже дым над его короткой, наклоненной назад трубой был почти не виден.

Андрей смотрел вперед и дождался желанного момента — постепенно туман истончался и море становилось видным все далее перед носом «Измаила». Это движение совпало с подъемом солнца — край его показался почти прямо по курсу транспорта, и яркий свет пробился сквозь поредевший туман. Чем более поднималось солнце над морем, тем быстрее таял, исчезал туман, и когда Андрей зажмурился от ослепительных лучей поднявшегося над горизонтом светила, туман уже исчез, не оставив о себе воспоминания, кроме мокрых поручней, стоек и палубы. Солнце быстро нагревало воздух, металл начал сохнуть, и кое-где над палубой поднялся легкий пар.

Море открылось далеко впереди, но ожидаемого кавказского берега Андрей не увидел — лишь легкую голубую, чуть темнее неба, дымку, которую можно было принять за полоску оставшегося тумана. Андрей понял, что если он побудет еще полчаса на палубе, то сможет различить берег.

И тут в ровный и привычный уже гул двигателей корабельных машин, в шум волн, разрезаемых форштевнем «Измаила», вмешался новый, непонятный звук. Не ожидая, что такое стрекота-

ние может послышаться сверху, Андрей сначала окинул взглядом море, но море было пусто. И только потом Андрей поглядел на небо и увидел, что корабль догоняет гидроплан с русскими опознавательными знаками на крыльях. Самолет летел настолько низко, что видна была голова пилота, свесившегося вниз и делающего свободной рукой знаки Андрею, которые могли быть истолкованы как «стой!».

Андрей не мог остановиться или остановить «Измаил», как следовало, видно, понимать жесты летчика, но потом он увидел, что, летя совсем низко, даже откачнувшись в сторону, чтобы не налететь на трубу или не задохнуться в черном дыме, пилот продолжает энергично махать рукой, и Андрей понял: он пытается обратить на себя внимание тех, кто находится на капитанском мостике.

Затем аэроплан пропал из виду, но почти сразу появился вновь — он совершил круг над «Измаилом».

До Андрея донесся звонок, короткий, как приказ, затем тон корабельных двигателей изменился — они застучали реже и не так громко, палуба дрогнула под ногами — корабль замедлял ход.

Гидроплан снова скрылся. Андрей, стоя у поручней, все ждал, когда он появится, а тем временем «Измаил» все замедлял ход, и тут Андрей увидел, как сбоку появился миноносец «Фирдониси», и цель его маневра стала понятна Андрею, когда он увидел, что самолет уже находится не в воздухе, а, замедляя ход, плывет по спокойному утреннему морю, покачиваясь на своих поплавках. Миноносец резко замедлил ход неподалеку от самолета, и Андрею было видно, как с него спускают шлюпку.

Вся эта сцена медленно перемещалась назад, потому что торможение транспорта происходило куда медленнее, и он все еще продолжал идти вперед, оставляя сзади гидроплан и миноносец.

Но пока еще эта сцена разворачивалась в достаточной близости от Андрея, настолько, что он мог видеть детали и даже узнать летчика, который довольно легко выскочил на плоскость гидроплана и пошел по ней, держась за стойки, чтобы встретить шлюпку с миноносца. Усатая физиономия летчика была Андрею отлично знакома — это был военлет Васильев в облегающем голову пилотском шлеме, кожаном костюме и высоких крагах, а на шее, как черное ожерелье, висела пустая повязка, на которой военлет носил якобы раненую руку.

Андрей посмотрел вдоль борта. Он увидел, что за эволюциями миноносца наблюдают три сестры милосердия, санитар в белом,

измазанном кровью халате и усатый доктор с узкими серебряными погонами. Андрей поглядел на часы — было половина седьмого утра. Лучи солнца вспыхивали на мелкой утренней ряби. Васильев, присев на корточки, передал офицеру, что был в шлюпке, длинный конверт. Откозырял и начал медленное обратное путешествие по крылу в открытую кабину. Перед тем как забраться в нее, он поглядел на «Измаил», увидел зрителей и помахал им рукой. Сестры милосердия стали радостно махать в ответ, как будто военлет специально прилетел, чтобы доставить им удовольствие.

Вместо того чтобы вернуться к своему кораблю, шлюпка с миноносца направилась к «Измаилу», который тем временем уже совсем остановился. Гидроплан и шлюпка остались так далеко позади, что четырем гребцам в ней пришлось поднапрячься, догоняя «Измаил».

Андрей видел, как матросы побежали к борту, чтобы опустить веревочный трап. Наклонившись, он увидел, как трап, развернувшись, коснулся воды.

Между тем Васильев занимался очень будничным и совсем не пилотским делом — он достал из кабины большой бидон и наливал из него в открытое в носу самолета отверстие сверкающую под солнцем жидкость. Он наполнял бак бензином, потому что иначе не хватило бы горючего на обратный путь. Васильев вылил бензин, положил пустой бидон в кабину, потом уселся и опустил на глаза очки. Гидроплан остался настолько далеко сзади, что приходилось наклоняться над поручнями, чтобы увидеть его... Вот Васильев включил мотор, винт лениво повернулся, еще раз, еще... мотор чихнул и замолк. Андрей так внимательно вслушивался в голос мотора, что пропустил момент, когда лейтенант с миноносца поднялся на палубу транспорта и побежал к мостику, чтобы передать письмо.

Что могло быть в нем? Какая срочность заставила послать самолет вдогонку за «Измаилом»?

— Какая может быть срочность, чтобы послать самолет за нашей калошей? — услышал Андрей голос, вторивший его мыслям.

Это Иван Иванович бесшумно подошел и встал рядом.

— Я проснулся, — сказал крестьянский сын, — потому что не люблю неожиданностей. Почему бы «Измаилу» останавливаться посреди моря?

— Сейчас узнаем, — сказал Андрей.

Иван Иванович пошел вперед по палубе.

— Ты куда? — спросил Андрей.

— Попробую подняться на мостик и подслушать, — сказал Иван Иванович. — Может быть, им сейчас не до меня.

Андрей не стал ничего говорить, только пожалел, что эта мысль пришла не ему — не бежать же теперь следом за Иваном?

Так что Андрею оставалось лишь наблюдать.

Андрей повернулся к морю. Гидроплан начал разгоняться, поднимая своими лаптями белые бурунчики, — он несся по мелкой ряби все быстрее и вот, под возгласы сестер и взмахи их белых платочков, взлетел наверх, сделал круг над «Измаилом» и взял курс на юго-запад. Андрей долго смотрел ему вслед, пока гидроплан не превратился в точку и не исчез в чистом синем небе.

Становилось тепло, хоть шел всего восьмой час.

Медсестры отошли от борта — вернулись к своим обязанностям.

Андрей увидел, как с мостика быстро спускается группа людей, возглавляемая самим капитаном «Измаила» Белозерским. Белая борода капитана развевалась от быстрого движения, за ним спешили два офицера, и замыкал шествие Иван Иванович, который уже вел себя так, словно следование в кильватере за капитаном — его привычное занятие. Когда группа проходила мимо Андрея, из-за надстройки выбежали два матроса и присоединились к шествию.

Тут уж и Андрей решил не тушеваться. Он пошел за капитаном, и когда офицер, шедший рядом, спросил его:

— Вы зачем?

Андрей ответил:

— Надо! — Он был убежден, что надо, что чрезвычайное происшествие каким-то образом связано именно с их экспедицией.

Уверенность не обманула Андрея — процессия вошла в коридор, что вел к каюте профессора Авдеева. Перед его дверью все остановились. Капитан постучал костяшками узловатых пальцев в дверь и, когда никто не откликнулся, постучал куда громче.

— Что? Что? — донесся испуганный голос из-за двери.

— Это я, Иван Петрович, — ответил капитан. — Капитан второго ранга Белозерский. Я прошу вас немедленно отворить дверь.

— Что вы, что вы! — послышался ответ — глухо — через дверь. — Вы забываете, что сейчас всего семь часов утра?

— Меня не волнует, сколько сейчас часов утра, — сказал капитан. — Откройте и попросите вашу супругу быстро одеться.

— Я удивлен, — сказал Авдеев, приоткрывши дверь, чтобы удобнее было переговариваться. Авдеев был в длинной ночной рубашке, на голове красный байковый колпак, и усы уложены в

особые футлярчики, чтобы не мялись, — зрелище было более чем комическое, и один из офицеров, помоложе, не удержался, громко фыркнул.

Авдеев смотрел на капитана и офицеров снизу вверх, его черные глаза метали молнии, он сорвал футлярчики с усов, те разлетелись в стороны, как черные тараканы.

— Госпожа Авдеева, — сказал капитан, — мне надо войти! Если вы не оденетесь сами, то я войду, не обращая на вас внимания.

— Евграф Михайлович! — не выдержал тут Авдеев, отказавшись от формальных обращений. — Вы что, рехнулись, что ли?

Тогда капитан Белозерский отстранил маленького плотного Авдеева в сторону, шагнул в каюту, затем обернулся и поднятой ладонью приказал остальным ждать в коридоре. И захлопнул за собой дверь.

Оставшиеся в коридоре молчали. И понятно почему — все надеялись услышать, о чем будут говорить в каюте, ведь никто толком не знал, что привело капитана в каюту в столь неурочный час.

Голоса гулко доносились из-за двери, они были приглушены, перебивали друг друга, потом наступила пауза — Андрей понял, что капитан показывает Авдееву письмо, полученное им с гидроплана. Молчание длилось минуты три — после этого снова возникли голоса.

Затем дверь в каюту открылась — в ней стоял Белозерский.

— Я еще раз говорю, — сказал он, — во избежание опасности, риска я прошу всех посторонних удалиться — и в первую очередь вас, мадам! — Это относилось к профессорше.

— И не подумаю, — ответила та, — это клевета!

— Мы все проверим и выясним, клевета или нет, — произнес капитан, разглаживая белоснежные усы. — Но рисковать вашей особой я не намерен. И вообще попрошу всех посторонних удалиться. Приступайте, прошу вас, лейтенант Прохоров.

Вперед вышел молодой лейтенант с напряженным бледным лицом.

— Господин Прохоров — наш минер, — сказал капитан. — Ему будут помогать два нижних чина, которые также разбираются в минах. Заходите, господа... то есть граждане.

Во время монолога Авдеевы все же покинули свою каюту и стояли в коридоре, где было тесно, но никто не хотел отходить от двери.

Лейтенант Прохоров остро взглянул на профессора, который ему не нравился, и спросил:

— Сколько у вас кают?

— У меня? Одна.

— Сколько кают у вашей экспедиции?

— Вот эта, — сказала Ольга Трифоновна, — потом каюта Карася, каюта Российского с Берестовым.

— У кого в каюте есть груз — ящики, мешки?

— И чемоданы? — спросил Андрей.

— Да, — сказал за Прохорова капитан Белозерский. — Нас все интересует.

— У всех есть, — сказал Андрей.

— Тогда будьте готовы представить эти вещи для осмотра, — сказал капитан.

— Но вы объясните нам наконец, почему нас подвергают обыску! — сказал Андрей.

— С удовольствием, — сказал капитан, которого обуревало нетерпение. — У меня есть сведения, что в одно из мест, принадлежащих вашей экспедиции, подложена бомба.

— Нет, я не поверю, не поверю! — сказала Ольга Трифоновна.

— Мой долг — принять меры, — сказал капитан.

— Попрошу не отлучаться, — сказал Прохоров, глядя на Андрея и Ивана Ивановича, — как только мы кончим здесь, перейдем к вам.

— Бред сивой кобылы, — сказал Иван Иванович, — неужели вы думаете, что я сам подложил бомбу и теперь ее перепрячу?

— Я ни о чем не думаю, — сказал Прохоров. — Приступайте! Посторонних, включая ваше высокоблагородие, — последнее относилось к капитану, — прошу покинуть коридор. Соседние каюты пусты?

— С этой стороны пуста, а здесь — мы с Российским, — сказал Андрей.

— Мичман, — обратился Белозерский к другому офицеру, — выведите людей из соседних кают, но тихо, умоляю вас, тихо — скажите, что прорвало трубу и нужен ремонт, понятно?

— Так точно, — ответил офицер.

Пока офицер поднимал соседние каюты, Андрей разбудил Российского сам. Прохоров и солдаты заперлись в каюте Авдеева.

Ольга Трифоновна рыдала, Авдеев, накинувший халат поверх ночной рубашки, обнял ее и повел, утешая, прочь.

Иван и Российский ждали в салоне.

— Это какая-то шутка, — сказал Иван, — кто-то хочет поглядеть, что у нас в багаже, — я точно говорю. Грабь награбленное! Это революция! Хотел бы я знать, кто провернул такую операцию. Но предупреждаю: я их не пущу копаться в моих вещах!

Иван Иванович объяснил, что капитан Белозерский решил нажиться за счет Метелкина.

— Но там был военлет Васильев! — сказал Андрей.

— Какой еще военлет! — огрызнулся Иван. — Что это меняет?

Андрей не стал объяснять, но он знал, что, если письмо привез военлет Васильев, значит, послала военлета Аспасия. А зачем Аспасии губить Метелкина?

Изгнанные из кают соседи Андрея перешептывались и ругались, стоя в салоне вокруг рояля. Авдеевы сидели, обнявшись, на большом диване.

Андрей отошел в коридор, откуда было удобнее наблюдать за дверью в каюту Авдеевых. Вряд ли он боялся взрыва — взрыв находился за пределами воображения.

Дверь в каюту приоткрылась — высунулась голова Прохорова. Капитан Белозерский, который как раз подходил к двери, спросил:

— Ну что?

— Кажется, адская машина, — сообщил Прохоров. И этим сразу изменил ситуацию на борту транспорта «Измаил».

Капитан Белозерский замер, стал выше ростом, рявкнул, не подходя ближе:

— Вы уверены?

— Она тикает, — сказал Прохоров.

— А на какое время поставлена? — спросил он.

— Как же я увижу! — рявкнул Прохоров.

— Остановить работы, — приказал капитан. — Надо срочно эвакуировать всех вокруг и приготовить шлюпки на воду.

Капитан провел дрожащей рукой по лбу, и Андрей понял, насколько он стар и растерян.

— Если мы остановим, — сказал Прохоров, они разговаривали, разделенные десятью метрами гулкого коридора, — эта штука может рвануть в любой момент. Лучше вы идите наверх на палубу, но молчите. А мы попробуем.

— Голубчик, миленький, Прохоров, — сказал капитан, — вы же понимаете: если что, я вам по гроб жизни буду обязан — у меня триста раненых на борту... Господи, нам бы до Батума доплыть!

За его спиной, оттолкнув Андрея, возник Авдеев.

— Я попрошу, — сказал он, не услышав предыдущего разговора, — обращаться с экспедиционным имуществом осторожно!

— Идите вы к чертовой матери! — закричал капитан тонким голосом и замахнулся на Авдеева сухим кулачком.

Тот опешил и, пятясь, засеменил в салон под защиту жены.

Прохоров закрыл дверь и исчез в каюте. Капитан сделал было движение, чтобы уйти прочь, но не смог — он оперся спиной о стену и быстро дышал, как загнанная собака. Андрей вспомнил, что на столе в салоне стоит графин, прошел туда и быстро, не глядя вокруг, налил воды из графина в стакан.

— Что там? — спросил Иван.

— Адская машина, — шепнул Андрей.

— Этого еще не хватало! А мне надо в каюту, взять одну вещь.

— Лучше быть поближе к лодкам, — сказал разумно Российский.

Иван сделал было движение следом за Российским, но потом передумал и кинулся в коридор — его дверь была первой от угла, — капитан смотрел перед собой и не заметил Ивана. Иван нырнул в каюту. Андрей поднес стакан с водой капитану.

— Спасибо, — сказал тот, не глядя на Андрея и не заметив, кто принес воду. Он пил маленькими глотками, потом протянул стакан Андрею. В это время Иван выбежал из каюты. Он прижимал к груди плоский кожаный чемодан.

Андрей стоял, держа стакан в руке. Капитан смотрел на закрытую дверь. «А я зачем здесь стою? — подумал Андрей. — Я же не должен сходить с этого корабля последним».

Андрей понес стакан в салон — салон уже опустел: видно, все поспешили наверх. Над головой стучали шаги — Андрей понял, что по кораблю начала распространяться паника.

Надо подняться наверх, сказал он себе и вместо этого — ну что за кошачье любопытство — вновь шагнул в коридор. И увидел, что капитан стоит у каюты Авдеевых. Дверь туда отворилась, и навстречу капитану вышел лейтенант Прохоров.

— Вы здесь, ваше высокоблагородие? — спросил он.

— Здесь, — сказал капитан тихо.

— Ну тогда заходите, поглядите. — Прохоров был расслаблен и спокоен — Андрей почти подбежал к двери и скользнул внутрь следом за капитаном. Прохоров не возражал.

Посреди каюты стоял смеющийся солдат и держал в руке будильник. Круглый будильник. Будильник четко тикал. Слышно было во всей каюте.

— Что? Что это? — спросил капитан.

— Адская машина, — ответил Прохоров. — Издеваются, понимаешь? Гады, издеваются, шутники чертовы!

Он выхватил будильник из руки солдата и шмякнул им об пол. Будильник неожиданно весело зазвенел.

— Ну зря вы, ваше благородие, — сказал солдат, — я бы его домой взял.

— Я не понимаю, — сказал капитан и тут же полез в карман, достал черный бумажник, вытащил оттуда два червонца.

— Мы выслушиваем ящики, в одном тикает — значит, чертова машина! Ну мы и перепугались, — сказал Прохоров.

— Наклали в штаны, вашество! — радостно сообщил солдат, глядя на червонцы.

— Возьмите, голубчики, — сказал капитан, — выпейте за мое здоровье. Вы же сколько Божьих душ спасли — дайте я вас поцелую!

Пока капитан целовал покорно наклонивших головы солдат, Андрей спросил Прохорова:

— А что, в ящике ничего больше не было?

— Почему? Было. Табак. И тряпки.

— А он не мог взорваться?

— Да как же, черт побери, может взорваться будильник?

— В этом должен быть смысл, — сказал капитан. — Только мы его не знаем.

По коридору бежал мичман.

— Евграф Матвеевич! — кричал он издали. — По «Измаилу» слухи носятся — люди требуют вас.

— Господи, ну скажи им, что все в порядке! Все в по-ряд-ке! Я сейчас же выйду. Вот видите, — сказал капитан, оборачиваясь к Андрею, как к сообщнику. — Люди в море очень подвержены панике. Что я им скажу? Я вас попрошу, молодой человек, отыщите вашего профессора и заведите к себе в каюту — в любое место, где его не увидят, — они же с супругой порождают панику, как тигры в овечьем стаде.

Далеко идти за профессорской четой не пришлось. Авдеевы нашлись у трапа за салоном, окруженные небольшой толпой перепуганных и преисполненных невнимательным сочувствием пассажиров.

— Немедленно! — громко и властно сказал капитан, завидя их. — В каюту, в каюту, в каюту! Нервный припадок — еще не основание бегать по кораблю и устраивать панику. Вот доктор подтвердит. — И капитан широким жестом представил собравшимся Берестова. Андрей вынужден был признать мудрость капитана — лишь медицинский авторитет мог успокоить людей.

— Да, — сказал Андрей, стараясь не улыбаться, — я попрошу вас в каюту, Иван Петрович, и вас тоже, Ольга Трифоновна.

Заплаканная княгиня Ольга спросила:

— А там все кончили?

— Ольга Трифоновна, — вмешался капитан, — вам все почудилось, именно почудилось. Господин доктор вас проводит.

Авдеев посмотрел на Андрея подозрительно — он не понимал, зачем понадобился такой маскарад, но опасался сказать лишнего.

Авдеевы пошли по коридору обратно в сопровождении Андрея, а капитан остался у трапа, преградив дорогу любопытным, так что источник раздражения и паники был надежно изолирован.

— Что там? — спросил Авдеев. — Этот кошмар кончился, да? Ничего не нашли?

— К сожалению, нашли, — сказал Андрей.

— Что?

— Андрей, как вам не стыдно! Вы обязаны сохранять к нам лояльность, — взмолилась Ольга Трифоновна.

— Да, — поддержал ее муж. Они держались за руки — короткий Авдеев и гренадерская княгиня Ольга, — в этот момент страха они забыли о своих сложных отношениях с окружающим миром — они превратились в немолодых испуганных детей.

Капитан Белозерский догнал их — видно, ему удалось успокоить пассажиров. Андрей как раз открыл дверь в свою каюту. Капитан втолкнул профессорскую чету внутрь.

— Ну что там нашли? — Авдеев требовал правды, обращаясь уже к капитану.

— Кому-то, — сказал капитан, — очень нужно было, чтобы содержимое вашего груза было предано гласности, чтобы тюки и ящики были вскрыты при множестве свидетелей, и там, внутри, оказался бы будильник. Это смешно и грозит вам гражданской смертью. И, как я понимаю, не только вам.

Тут капитан спохватился, что дверь в каюту открыта и в дверях все еще стоит Андрей.

— Простите, — сказал капитан бесцеремонно и захлопнул дверь. Щелкнул замок. Андрей мог бы и возмутиться, но ему стало смешно: все они — от такого величественного и чистого в помыслах капитана Белозерского до московского профессора Авдеева, — все они были связаны одной ниточкой корысти, воровства, контрабанды. Вокруг кипела революция, полыхали страсти, страна катилась в пропасть, а они спешили нажиться. Уж лучше Иван Иваныч, циничный крестьянский сын, собирающий денежки на свое имение, которое сожгут крестьяне раньше, чем новый барин успеет в него перебраться.

Но какова их солидарность! Каковы возможности! Послать гидроплан из Трапезунда вдогонку за «Измаилом», потому что пользоваться радиотелеграфом слишком опасно — новость бы дошла до слуха тех, кому о ней слышать не дозволено.

Иван Иванович шел по коридору. В руке он держал свой чемодан.

— И что они нашли? — спросил он.

— Будильник, — сказал Андрей.

Они вышли на палубу. К удивлению своему, Андрей увидел, что солнце уже поднялось довольно высоко — по голубому небу быстро бежали кучевые облака. «Измаил» уже снова набрал ход — впереди виден был голубой берег Батума — он потерял воздушность.

Иван Иванович отошел в тень надстройки и поставил чемодан на палубу.

— Сколько осталось ходу, интересно? — сказал он.

— Я думаю, часа через два будем в Батуме, — сказал Андрей. — Интересно, они могли нас в самом деле взорвать?

— Это не так легко, — ответил Иван Иванович. — Надо протащить на транспорт сотню фунтов взрывчатки и разместить ее не в каюте, а в более жизненно важном месте корабля. А так любительски транспорт не взорвешь. Попугать — можно! И наверное, они потирают руки.

— А зря потирают — наши оказались хитрее, — сказал Андрей, подставляя солнцу лицо: лучи приятно нежили и грели кожу.

— Ты голодный? — спросил Иван.

— Страшно. Но вряд ли у них что есть. Потерпим до Батума.

Иван вытащил из кармана пиджака тряпку, в ней была луковица и кусок хлеба.

— Это очень демократично, — сказал он. — Но, наверное, ваше сиятельство не откажутся.

— Не откажусь, — сказал Андрей.

И в этот момент некто, обладающий невероятно наглой силой, толкнул их сзади. Потеряв равновесие, они упали вперед.

«Измаил» как будто налетел со всего хода на скалу или на берег, хотя под ним было триста саженей глубины, белый фонтан брызг поднялся выше мачт — транспорт наткнулся на плавучую мину, и так неудачно, что взрывом разворотило весь нос, куда тут же хлынула вода. Натолкнувшись на взрыв, корабль начал, теряя скорость и будто обезумев, совершать эволюцию, разворачиваясь кормой, — все медленнее по мере того, как нос «Измаила», погружаясь в воду, заставлял палубу наклоняться.

Но это заняло все же несколько минут.

* * *

Страх пришел к Андрею впервые именно в тот момент. Раньше им двигало любопытство. Он не терял способности наблюдать за людьми. Здесь же все было иначе — через секунду после взрыва он испугался. Испугался настолько, что между ним и всем миром вдруг возникла тонкая, почти прозрачная и в то же время странно непроницаемая стена, как бывает при горячке, — гул в ушах и в голове, слабость в ногах и некая замедленность движений рождаются телом и мозгом, чтобы легче спастись, чтобы не отвлекаться ни на что, кроме своего спасения.

Андрей не помнил раньше такого страха — раньше были испуги. Ты испугался упасть с обрыва и карабкаешься, цепляясь за корни, — это быстрый, преходящий испуг, о котором не помнишь через десять минут. Ты испугался пройти через кладбище, но прошел — и забыл. Здесь же был страх, который командовал тобой. В нем не было вариантов — через сколько-то минут транспорт потонет, и нужно оказаться либо в шлюпке, либо, держась за что-то, на поверхности воды — только не остаться на «Измаиле», который утянет за собой, в глубину, всех, кого сможет.

Андрей провел себя по груди и плечам, соображая в то же время, не забыли ли они внизу в каюте чего-нибудь необходимого. Руки не зря совершили это движение — ведь Андрей был лишь в брюках и сорочке, и карманы его были пусты. Впрочем, денег или ценностей у него не было... где портсигар?! Где портсигар?..

Конечно же, он в кармане тужурки — во внутреннем кармане тужурки, рядом, в том же застегнутом кармане, где лежат документы и оставшиеся сто рублей.

Корабль все более кренился вперед, и Иван Иванович, подняв свой чемодан, крикнул:

— Надо ближе к шлюпкам!

Шум воды, шум двигателей, крутящихся все более натужно, все растущий шум от множащихся человеческих криков создавали оглушительный и в то же время неслышный звон в ушах и голове.

— Мне надо вниз! — сказал Андрей Ивану.

— Ты сошел с ума! Что ты там забыл?

— Надо.

— Через пять минут ты уже не выберешься.

Андрей все это понимал, и все в нем требовало бежать следом за Иваном — прыгать в море, спасаться... Но внизу остался портсигар, который неожиданно показал Андрею, что уже обладает над ним некоей властью, необъяснимой доводами рассудка.

— Назад! — отчаянно закричал вслед Андрею Иван Иванович, но Андрей уже не слышал его. Он кинулся вниз по трапу — благо они не успели далеко отойти от него — с таким отчаянием и обязательностью, будто в глубинах тонущего корабля остался его собственный ребенок.

Навстречу поднимались люди — Андрей видел их лица, но не в состоянии был их запомнить, словно смотрел на них сквозь кисею, а столкновения с ними он лишь отмечал в сознании.

Он пробежал пустой салон и оказался в длинном, почему-то наклонном коридоре, по которому бегали — именно бегали, как будто не в силах найти выход, люди, а затем он удивился, потому что из безликой массы людей выделился капитан Белозерский, который вырывался от Авдеева, повисшего на нем. За Авдеева держалась его супруга и однообразно кричала — это было карикатурно и неестественно и потому еще, что Авдеевы были облачены в халаты поверх ночных рубашек, а капитан был при полном параде — он кричал Авдеевым:

— Милостивые господа, милостивые господа, я буду вынужден применить силу!

Андрей готов был прийти на помощь капитану, но внутреннее нетерпение заставило пробежать мимо — ворваться в каюту. Куртка висела на спинке стула, и Андрей начал натягивать ее, никак не попадая в рукав. В то же время он обшаривал глазами каюту, ища, что бы еще взять с собой, но брать-то было нечего. Корабль ощутимо вздрогнул и еще более накренился. На столе лежала большая черная записная книжка Российского — туда он записывал свои мысли по поводу расшифровки важных надписей. Она поехала к краю стола. Андрею стало жалко, что труд Российского пропадет, он схватил эту книжку и почувствовал облегчение, как ребенок, нашедший в углу под кроватью закатившийся туда красивый шарик.

Наконец он попал в рукав, натянул тужурку, стукнул себя ладонью по карману, где лежал портсигар, и от этого сразу успокоился. Андрей понял, что если корабль сейчас быстро пойдет ко дну, увлекая его за собой, то он успеет перенестись с помощью портсигара на несколько дней в будущее и у него будет шанс выплыть. Андрей, уже не суетясь, открыл дверь в коридор и был удивлен тем, что там темно, — видно, вода добралась до жизненных центров транспорта и электричество выключилось.

Андрей помнил, куда бежать, и даже примерно знал, сколько шагов от каюты до салона. Он побежал и тут же врезался в какого-то человека, который глухо вскрикнул и попытался вцепиться в Андрея, но Андрей вывернулся.

— Идите за мной, сюда! — крикнул он.

— Иду, иду, — откликнулось сразу несколько голосов.

Вот и салон. Здесь светло — дневной свет вливается в иллюминаторы. Видно, насколько круто накренился «Измаил» на нос — у лестницы образовалась кучка кричащих и мешающих друг другу людей. Теряя равновесие, они мешают друг другу подняться наверх и уже не понимают, что им надо сделать, чтобы спастись.

Андрей подбежал к людям, топтавшимся у лестницы, и резко рванул на себя толстого мужчину, который застрял на подъеме и, вцепившись в соседей, полностью перекрыл лестницу.

— Спокойно! — закричал Андрей что было сил, но не его голос, а освобождение лестницы сыграло основную роль — люди кинулись наверх, толкаясь чемоданами, схваченными в спешке и безумии вещами. Уже поднявшись наверх, в ослепительное, доброе солнечное утро — в такое утро не бывает трагедий, в такое утро люди не могут погибать, — Андрей увидел вдруг не людей, а вещи, которые люди несли, чему они отдали предпочтение. У некоторых были чемоданы, и малые и, чаще, объемистые — вот пожилая чета, еле живые, волокут чемодан, который размером больше их самих, — словно собираются на этом чемодане плыть, как на плоту. А этот мужчина несет картину — в большой массивной золотой раме — картина плохая, даже Андрею это понятно, — но почему-то именно она воплотила сейчас для этого человека самое дорогое, что нужно унести с тонущего корабля. Мимо пробежала женщина в шубе, надетой на один рукав, второй рукой она прижимала ребенка...

Палуба накренилась настолько, что на ней было трудно стоять.

Андрей ринулся к борту, где более всего толпился народ. Но добежать не успел, потому что увидел, как совсем молоденькая сестра милосердия в невероятном отчаянии и напряжении сил волочит носилки с раненым, другой конец носилок отстукивает по ребристой поверхности палубы — будто барабанщик учится стучать; у раненого забинтована голова — расширенные страхом и волнением глаза блестят, и он невнятно повторяет: «Брось, брось... оставь...», и в этом слышна его отчаянная надежда, что девушка не оставит его — хотя по здравом размышлении непонятно, куда она может оттащить носилки — как будто часть палубы утонет обязательно, а другая, может быть, и спасется. Андрей, не размышляя, подхватил носилки, и они отнесли их к борту.

— Спасибо, — сказала девушка. Она стояла рядом с носилками, опустив руки, безмерно уморившись. Раненый закрыл глаза. Они победили, они дошли до барьера.

Откуда вообще взялись эти носилки?

Андрей поглядел в сторону тента на верхней палубе... Но ведь там койки — отлично видно, как высокий священник с крестом в руке осеняет койки, и раненые глядят на этот крест, надеясь на его силу и утешение. Правда, не все — некоторые, кто может двигаться, ползут, подпрыгивают, карабкаются к борту — за ними белыми хвостами волочатся бинты — и вклиниваются в толпу, что бушует у борта, надеясь на место в шлюпке.

Андрей перегнулся через поручень — до воды еще далеко. Андрею никогда не приходилось нырять с такой высоты, но, наверное, времени терять уже нельзя. Андрей поглядел вперед: горизонт поднялся, он был куда выше палубы — это от крена, — нос уже ушел в воду почти до палубы, и корабль вот-вот потеряет устойчивость и тогда — Андрей видел это на фотографиях — колом пойдет в воду.

Крик вокруг стоял несусветный — Андрей смотрел, как люди ползут по шлюпбалкам, по тросам — муравьями, — срываются в море, кричат, исчезают, так и не добравшись до шлюпок. На глазах у Андрея шлюпка, переполненная людьми, перевернулась — медленно и ловко, как дельфин, желающий скинуть с себя докучливых наездников.

В толпе у борта Андрей увидел и Авдеевых — они бились за место поближе к шлюпкам. Госпожа Авдеева — голова ее возвышалась над толпой — тянула за руку мужа и расталкивала прочих. Андрей подумал, что, если транспорт сейчас не перевернется и не потонет, они все же добудут себе место в шлюпке. Капитана рядом с ними не было — он, наверное, наверху на мостике, потому что даже самый бестолковый и трусливый капитан в тот момент, когда его корабль тонет, оказывается на мостике. В этом есть какой-то капитанский рок, оправдывающий капитанов за все дурное, что они сделали ранее.

Корабль задрожал, как бы примеряясь, чтобы удобнее уйти в теплую воду, и сквозь крики, несущиеся от борта, Андрей услышал страшный вой, долетающий снизу сквозь иллюминаторы, и он понял, что это крик сотен раненых, заточенных на нижних палубах, у которых нет никаких шансов вырваться наружу.

Господи, какой высокий борт у «Измаила»! Ты стоишь, словно на крыше четырехэтажного дома! Может быть, найти трап на нижнюю палубу и спуститься туда, чтобы безопасно прыгнуть в воду?

И Андрей, понимая уже бессмыслицу таких надежд, потому что времени на это никто ему не даст, поймал себя на том, что бежит вдоль борта, ища ход вниз. Он в отчаянии остановился. «Нельзя!» — кричал он себе. Может, даже вслух. «Измаил» все быстрее скользил внутрь моря, стараясь спрятаться там от солнца, избавиться от криков и отчаяния, он не в силах был терпеть крики людей.

Может быть, Андрей и дальше терял бы время и погиб на «Измаиле», если бы не увидел, как молоденькая сестра милосердия, также подбежавшая к борту, вдруг начала совершать непристойные движения — она схватилась обеими руками за подол своей черной юбки и подняла ее, выпрямившись, показав длинные стройные ноги в серых с завязками чулках и панталоны, обшитые по краю розовыми кружевами. Андрей даже замер — оказывается, и в смертный миг человека можно удивить настолько, что он забывает о гибели. Андрей смотрел — без вожделения, а потрясенный зрелищем, которого не могло случиться на «Измаиле». Но в следующий момент девушка стащила через голову платье — вместе с нижней сорочкой, — тогда Андрей понял, что она раздевается для того, чтобы платье не утянуло ее на дно. Девушка отбросила платье. Сзади неслась вопль толпы — там все еще дрались за место в шлюпках. Девушка легко перемахнула через поручень — Андрей смотрел на нее как околдованный, — она держалась одной рукой за железные перила, другой перекрестилась. Затем сильно оттолкнулась от борта и по дуге — все быстрее и круче — полетела вниз к воде. Андрей, склонившись, наблюдал за ней, молясь, чтобы она не разбилась о воду.

Поднялся фонтан брызг. Не отрывая взгляда от воды и жаждая увидеть, как покажется голова девушки, Андрей повторил ее действия: не расшнуровывая, он стащил с ног ботинки, сорвал с себя тужурку — потом в последний момент портсигар как бы завопил: «Не забывай!» Андрей переложил его в карман брюк — туда же — хоть все равно промокнут — документы. И теперь уж ничего не удерживало его — да и времени на раздумья не было. Андрей четко повторил движения девушки. Он оттолкнулся от борта и полетел. Полет был долгим — он успел о многом подумать, пока летел к воде, но о чем думал — не запомнил. И тут последовал сильный удар, выбивший из него воздух и чуть не погубивший Андрея. Тут же он начал погружаться вниз и слишком рано заработал руками, чтобы вернуться на поверхность — его еще влекло вглубь, а он уже пытался вырваться, и на то уходила энергия и запас воздуха. А когда он начал все же подниматься наверх, то уже

не выдержал и вдохнул воды — но, к счастью, в тот момент, когда его голова уже дотронулась до ее поверхности. Кашляя и отплевываясь, теряя сознание от того, как больно рвались бронхи от смеси воды и воздуха, он все же оказался на поверхности, он был жив, кашляя, он вернул себе умение дышать, откинув голову и проведя ладонью по глазам — он смог открыть глаза — он был жив!

Но как только Андрей открыл глаза, он сообразил, что борт «Измаила» слишком близок к нему — буквально нависает над ним — руку протяни и дотронешься. Андрей отчаянно замахал руками, чтобы отплыть как можно дальше, — и по мере того, как он плыл, к нему возвращался разум и способность соображать.

Андрей перевернулся на спину — теперь «Измаил» был метрах в пятидесяти — еще близко. Корабль оставался на плаву, хотя нос его скрылся под водой, а корма поднялась настолько, что был виден бешено вращающийся винт. Андрею хотелось увидеть отважную сестру милосердия — неужели ее утянуло вглубь?

Понять ничего не удалось — Андрей был в воде не один; в отдалении виднелись другие черные шарики — человеческие головы, а еще дальше была видна перегруженная шлюпка, ощетинившаяся головами, как ежик иголками, — а совсем далеко Андрей увидел серую полосу — борт миноносца, который спускал шлюпки, но опасался подойти ближе к транспорту.

Андрей поплыл прочь от «Измаила», уверенный, что спасется.

Вдруг, не оборачиваясь, он понял, что сзади произошло нечто страшное. Андрей оглянулся и увидел, что «Измаил», встав вертикально и скидывая с себя букашек — человечков, что еще цеплялись за палубу, не смея покинуть ненадежную сушу корабля, замер на три или четыре секунды и вдруг как отрезанный ухнул в воду — гвоздем, железным штырем, и море ухнуло, кинувшись на то место, которое он только что занимал. Андрей не смотрел более: он быстро поплыл прочь и не слышал, но ощущал всей шкурой, как кричат раненые в чреве «Измаила».

А потом вдруг сразу стало спокойно и солнечно.

Корабля не было — никогда не было, — только спокойное искрящееся море вокруг с множеством купальщиков, лодок и всяких плавучих предметов.

А берег Кавказа уже близок настолько, что можно различить у воды строения батумского порта и мачты кораблей, что стоят в порту.

* * *

Если бы не брюки — в брюках даже хорошему пловцу плавать трудно, — происшествие с Андреем окончилось бы для него приятным купанием в теплой воде. Скоро — ведь из Батума наблюдали гибель транспорта — здесь будут катера и лодки, все поспешат спасти людей. Только мало кто спасся, по крайней мере триста раненых так и остались на нижних палубах.

Андрей решил было плыть к миноносцу, размышляя, стащить ли брюки, — но тогда останешься вообще и раздетым, и разоренным.

«Ладно, всегда успею». Неподалеку раздался крик:

— Андрей! Андрюша! Помоги! Скорее!

Андрей поплыл на крик — голова человека была совсем рядом, но разглядеть ее черты все не удавалось — солнце отражалось от морской ряби и било в глаза.

Оказывается, звал его Иван Иванович — он плыл, продевшись в спасательный круг, но при том мучился, потому что на этот же круг он норовил поставить свой чемодан, с которым так и не расстался, но круг не выдерживал дополнительного веса и переворачивался — крестьянский сын отчаянно откидывался назад, чтобы создать противовес чемодану, но видно было, что в этой борьбе он изнемогает и скоро вынужден будет сдаться.

— Андрей, — прохрипел Иван Иванович, — спаси...

— Да ты брось чемодан, — сказал Андрей. — Нас обязательно спасут, ты не бойся. И брось чемодан.

— Я не могу его бросить, — сказал Иван Иванович, подтягивая к себе чемодан и пытаясь перехватить ручку другой рукой. — В нем вся моя жизнь. Это сокровище... Андрей! Наука... нам этого... не простит.

Чемодан потянул Ивана к себе, и тот вынужден был окунуться, следуя за чемоданом, и это движение было комическим со стороны, но наверняка ужасным для Ивана Ивановича, — так и не выпуская чемодана, он последовал за ним в глубину, спасательный круг встал на ребро, и на поверхности в его кольце оказались лишь ноги крестьянского сына и его длинные полосатые трусы.

Андрей в два гребка оказался рядом и, обхватив крестьянского сына руками за пояс, дернул его на себя — сопротивление чужого тела было велико. Андрей почувствовал, что вот-вот надорвется — но все же хоть и с неохотой, море выпустило голову Ивана — глаза выпучены, рот раскрыт, лицо перекошено мучительной гримасой — он жадно дышал — все-таки удержался, не на-

хватался воды! И главное, пальцы его были судорожно сплетены вокруг ручки чемодана.

Андрей, чувствуя, что инерция движения закидывает Ивана назад и сейчас он снова уйдет в воду, только затылком вперед, поддержал его, стараясь свободной рукой освободить чемодан из его пальцев, но Иван зарычал — хотя только что был почти в беспамятстве — и стал рваться из рук Андрея. Андрей понял, что в помраченном сознании Ивана осталась лишь одна цель — спасти чемодан.

— Ну и черт с тобой! — закричал Андрей. — Так ты сам погибнешь и еще меня утянешь.

— Я поделюсь, ты поймешь, — хрипло закричал Иван. — Это нельзя погубить — это важнее для нас... это важнее, чем Шлиман, клянусь, это будет наша с тобой общая находка.

Андрей отлично понимал, что в чемодане лежит груз опиума, стоящий немало тысяч рублей, — светлое будущее, каким оно представляется корыстолюбивому мозгу Ивана Ивановича.

Иван плакал — странно было видеть и угадывать слезы на мокром от морской воды лице.

— Андрей, я тебя умоляю... я назову сына твоим именем!

Почему именно это обещание должно было растрогать Андрея, неясно, но Иван оставил его напоследок как тяжелую артиллерию.

Во время обмена репликами Андрею все время приходилось поддерживать и чемодан, и его владельца. Он устал и начал крутить головой в надежде увидеть какую-нибудь доску или бревно, чтобы можно было положить на него чемодан. В рассказах о кораблекрушениях по соседству с терпящим бедствие героем всегда оказывается доска или бревно, но ничего подобного Андрею не попалось — впрочем, много ли бревен и досок на палубе военного транспорта?

Так что Андрею, чтобы не слышать более стенаний крестьянского сына, пришлось плыть рядом с ним, поддерживая проклятый чемодан и подгребая одной рукой.

Плыть таким образом было нелегко, и Андрей уже готов был плюнуть на все и отправить чемодан на дно, как увидел, что на них надвигается нос шлюпки — это была шлюпка с миноносца, в которой было уже немало спасенных. К счастью, вода была теплой. Матросы сначала отказывались взять на борт переполненной шлюпки чемодан, но Иван Иванович кусался, вырывался из их рук, предпочитая сгинуть в пучине вместе с чемоданом. Пришлось вступиться Андрею, он сказал офицеру, который командовал шлюпкой, что в чемодане важные научные материалы. Лейтенант смилостивился. Чемодан был спасен.

Когда шлюпка подошла к миноносцу и надо было подниматься на его, такой низкий после борта транспорта, борт, Ивана Ивановича оставили силы — он лежал на дне шлюпки, прижимая к себе чемодан. Андрею пришлось вместе с чертыхающимся матросом втаскивать Ивана и чемодан на палубу, где Иван отказался опускаться в кубрик, потому что боялся утонуть, когда и миноносец утонет.

Андрей потерял интерес к свихнувшемуся археологу и пошел по узкому и такому тесному миноносцу, заглядывая в лица тех, кого подняли на борт, — почему-то ему так хотелось найти девушку, прыгнувшую с верхней палубы в море и подавшую Андрею пример, — он был уверен, что узнает ее. Спасенные женщины — большей частью сестры милосердия — были закутаны в простыни и одеяла; их звали внутрь, но почти никто не согласился. Как и Иван Иванович, они более всего сейчас боялись закрытого пространства.

Андрей взглянул туда, где потонул «Измаил». Там было совсем тихо и спокойно — только одна из шлюпок медленно пересекла это пространство, на котором виднелись плавающие предметы, но не было более видно человеческих голов.

Андрей представил себе, что обтекаемое акулье тело «Измаила» уже достигло дна, подняло тучу ила и осторожно и важно устроилось на вечную постель в мертвой, без живых существ, глубине Черного моря. Внутри корабля еще не все погибли — в некоторые помещения вода не проникла, переборки и двери удерживают пузыри воздуха. И там, в кромешной тьме, не понимая еще, что никто никогда не придет к ним на помощь, ползут к дверям раненые, разматывая по полу бинты, и зовут сестер или доктора, и есть среди них сестры, которые не побежали наверх со здоровыми, а остались с немощными, потому что в том был их христианский долг. Они не думают о смерти, только о долге, и сейчас, в последние минуты, пока не хлынула, не прорвалась холодная вода, сестра милосердия шарит руками в темноте, отыскивая стонущих и зовущих ее страдальцев и стараясь тихим голосом утешить их, обещая помощь и спасение, а может, и сама веря в то, что помощь придет... И радостно откликаются раненые на стук в переборку — стук снаружи! И не знают, что стучат такие же, как они, жильцы еще одной обреченной планеты — еще одного пузырька воздуха.

С палубы миноносца Андрею было видно, как из глубины моря вырвался воздушный пузырь, взболтнув спокойную воду и разбегаясь по морю концентрическими кругами.

* * *

На борту миноносца было тихо, а может быть, Андрей, занятый наблюдениями и погруженный в мысли, ничего не слышал. Но его вывел из задумчивости шум машин миноносца, слышный на маленьком корабле куда явственнее, чем на транспорте, и даже передающийся трепетом железной палубы под ногами. Миноносец начал делать широкую эволюцию, как бы совершая печальный круг почета над местом гибели «Измаила», затем он постепенно разогнался — и вот уже перед его носом появился белый бурун, «Фирдониси» взял курс на Батум.

На месте гибели транспорта миноносец был не одинок — сюда уже подтянулись рыбачьи шаланды и яхты, подоспели два буксира из порта, а чуть далее дрейфовала канонерская лодка «Воитель». При виде уходящего к порту миноносца прочие суда тоже начали поворачивать к берегу, за исключением небольших шаланд, хозяева которых занялись мародерством или, если сказать лояльнее, очисткой моря от предметов, выброшенных водой из «Измаила».

Андрей, убедившись, что больше на поверхности воды не осталось ни одного живого человека, повернулся к палубе. Прижимаясь к надстройкам, сидели и стояли люди. Андрей увидел Ивана Ивановича, сидящего на корточках, прижимая к груди бесценный чемодан, — он встретил взгляд Андрея и виновато улыбнулся, но Андрей не ответил на улыбку. Он не смог бы объяснить ему, что винит его в исчезновении той сестры милосердия — будто Андрей успел бы отыскать ее и спасти, если бы не этот проклятый и никому не нужный чемодан.

— Андрей, — позвал его Иван.

Андрей вынужден был подойти ближе.

— Присядь, — попросил Иван.

Андрей присел на корточки рядом с крестьянским сыном.

Сейчас все в нем раздражало — даже то, что ранее нравилось: былинная внешность, голубизна доверчивых очей и соломенные волосы, теперь потемневшие и прижатые к узкому черепу.

— Ты только не думай, что я завтра забуду, — сказал Иван. — Ведь ты бы мог уплыть — кто бы об этом узнал? Мог бы и утопить меня, — опять возникла робкая улыбка, — я же плавать почти не умею. А ты помогал. На берегу будем, я тебе покажу, ради чего ты жизнью рисковал. Это теперь наше общее. — Андрею послышались заглавные буквы во всех этих словах.

— Ладно, не надо, — сказал Андрей. Зачем обижать человека, который искренне к тебе расположен?

— Ты меня презираешь, да? Но ты не прав в этом, совершенно не прав. Я бы всю контрабанду потопил собственными руками, но есть вещи святые.

— Не говори загадками, — сказал Андрей.

— Я не могу говорить открыто — об этом еще рано знать. Не дай Бог, это они увидят — ты не представляешь, — они пойдут на все, чтобы лишить нас...

— Уже скоро берег, — сказал Андрей. — Надо собираться.

От промокших брюк ногам было неприятно, Андрей провел рукой по штанине — портсигар на месте.

— Как только мы отыщем с тобой надежное место, — сказал Иван, — я все тебе открою. Мне понадобится твоя помощь.

Иван все обнимал чемодан, и пальцы его были голубыми от холода и давнего напряжения.

Андрей поднялся и пошел на нос миноносца.

— Только не думай кому-нибудь сказать, — прошелестел вслед Иван. — Я тебя найду под землей, клянусь всем святым!

Ну вот, подумал Андрей, вот вам и филантропы. Чуть что, сразу стреляют.

На носу, где было больше места и берег был как бы ближе, у носового орудия собралась толпа спасенных — некоторые грелись на солнце, другие все еще кутались в матросские одеяла. Берег надвигался быстро, миноносец весь дрожал, норовя как можно скорее принести на берег скорбную весть.

С облегчением Андрей увидел у самого орудия чету Авдеевых, которые стояли подобно парной статуе, изваянной греческим классиком на тему «Мать защищает свое дитя от нападения циклопов». Матерью была Ольга Трифоновна, она обнимала мужа за плечи, и тот, приложившись толстой красной щекой к ее почти обнаженной массивной груди, охваченный за шею могучей рукой Брунгильды, блаженствовал — глаза его были пусты от иных чувств и мыслей, кроме облегчения от того, что пребывание в шлюпке закончилось и вообще это недоразумение скоро выяснится. Андрей хотел было привлечь к себе внимание Авдеевых и спросить, не видели ли они Российского, но потом решил, что всему свое время — разговаривать не хотелось. В сущности, корабль и все люди на нем погибли из-за Авдеевых, хоть и ни один суд не признает их вины, — именно из-за них транспорт застопорил ход и остановился, поджидая письма с гидроплана. От этого изменения его курса и произошло столкновение с миной, иначе оставшейся бы в стороне.

Вдруг сердце Андрея пропустило удар — от неожиданного,

радостного узнавания. Та сестра милосердия, что прыгнула с борта, оказывается, стояла совсем рядом с ним, закутанная в мужской плащ, так же, как и остальные, глядя перед собой и умоляя берег скорее приблизиться. Узнав девушку и желая подойти и сказать ей слова благодарности за смелый пример, который спас его, Андрей замер, жестоко пронзенный иным узнаванием. Вдруг он понял, что увиденная сестра милосердия — родная сестра той, что осталась в пузыре воздуха на нижней палубе «Измаила» после того, как он ушел уже глубоко под воду; ту, утешавшую раненых в кромешной тьме, Андрей видел лишь в воображении, но никаких сомнений в правоте у него не было. Андрей не мог, конечно, объяснить себе, откуда пришло к нему это знание. До гибели «Измаила» он не видел ни одной из сестер и не подозревал об их существовании. Это мгновение познания, основанного на постижении истины вне видения, было первым в цепи подобных событий, качеств, что старался заложить в Андрея еще Сергей Серафимович, заложить впрок, исподволь, чтобы они проявились уже в зрелом возрасте и помогли выжить в особых обстоятельствах, куда может попасть путешественник во времени. Но в тот момент Андрей с усилием отмахнулся от озарения, потому что озарение это было трагично. Должен ли он подойти к закутанной в одеяло сестре милосердия и сказать, что ее сестра погибла ужасной смертью внутри транспорта? В том ли его долг? Или в укрытии этой истины и оставлении в сердце сестры вечной надежды на спасение?

Андрей увидел, что девушка почувствовала его непроизвольно настойчивый взгляд и обернулась к нему тревожно, неуверенно. Андрей быстро отвел глаза.

Тем временем миноносец начал замедлять ход. К спасенным вышли два матроса с большим металлическим термосом и подносом со стаканами — они предлагали согреться крепким чаем. На приближающейся набережной видны были люди — много людей, — весь город выбежал смотреть, как подходит «Фирдониси» со спасенными с «Измаила».

Город встретил швартующийся миноносец гробовым молчанием тысяч людей, но потом, когда матросы побежали по пирсу, закидывая концы на кнехты, толпа кинулась к миноносцу с таким шумом и криками, словно вся она состояла из близких родственников.

В толпе выкрикивали имена — и набережная гремела оглушительно, отчаянно, и матросы стали отгонять людей, которые норовили вскарабкаться на борт миноносца.

Андрей обернулся. Авдеевых не было видно — будто они убежали вниз, не было видно и Ивана. А девушка, потерявшая сестру, перегнувшись через леер, махала руками, не замечая, как сполз с нее морской плащ, в ответ ей кричал, подпрыгивая от счастья, совсем молоденький поручик с «Георгием» на груди.

Андрей стоял, погруженный в оглушительную яму шума, который его не касался, и понимал, что придется подождать, прежде чем удастся сойти на причал. Он начал размышлять, как ему лучше всего добраться до Ялты. Может быть, миноносец на обратном пути зайдет туда? Андрей полез в карман еще мокрых брюк, достал оттуда промокший бумажник, сжал между ладонями, выжимая воду. Бурая вода — значит, чернила на бумагах погибли — полилась на палубу...

Его толкнули — люди лезли на миноносец, — какая-то пожилая женщина потянула его за рукав и строго спросила:

— Где здесь раненые? Я не вижу раненых. Мой муж полковник Симонов был на транспорте «Измаил».

Другая женщина оттолкнула ее, сунула под нос Андрею фотографию гимназиста.

— Он теперь изменился, — сказала она, — но узнать можно. Вы его видели, да?

Лица возникали вокруг, как в быстром танце, — Андрей понял: он был здесь единственным человеком, у которого можно было что-то спросить, — он стоял один, без дела, неподвижно, будто ждал вопросов.

Андрей попросил прощения у старика, всем схожего с капитаном Белозерским, но без бороды. Старик хотел узнать, есть ли спасенные на других судах, и Андрей сказал, что есть. Дальше оставаться было нельзя — миноносец уже был полон родными и близкими раненых, видно, предупрежденными заранее и съехавшимися с разных мест России.

Вдруг Андрей испугался: а что, если известие о гибели «Измаила» телеграфом дойдет до Ялты и Лидочка решит, что и он, Андрей, погиб? Как сделать, чтобы успокоить ее? Надо срочно телеграмму — добраться до телеграфа и послать.

Андрей прошел на корму миноносца — здесь не было столпотворения. Он перемахнул через леер и спрыгнул на причал — до него было чуть больше сажени. Гул толпы доносился приглушенно, направление движения людей было от берега на миноносец — сейчас же Андрей был за спинами толпы.

Он пошел прочь, ускоряя шаги, потому что у него начала болеть голова от чужой боли и страха.

Он свернул за угол пакгауза. И увидел странную картину: по раскаленному солнцем пустырю между пакгаузами, не видя никого вокруг, удалялась трагикомическая чета Авдеевых. На этот раз они шли под руку, запахнув халаты, но не в силах подоткнуть белые ночные рубашки, которые волочились по земле. В свободной руке Авдеев держал красный ночной колпак, пронесенный сквозь все испытания. Волосы Ольги были распущены и стекали ручьями по плечам.

Для них это была беда куда большая, чем для Андрея или Ивана. Они потеряли все и рискуют еще, если будет расследование, потерять и доброе имя... А где Российский? Андрей так и не видел его...

* * *

Навстречу Андрею бежал Ахмет.

Он был в кожаной черной куртке и кожаной кепке с длинным квадратным козырьком. Черные брюки заправлены в надраенные сапоги.

— Эй! — кричал он. — Я же говорю, что ты здесь! Я тебе кричал, ты меня не видел, черт полосатый!

Андрей кинулся навстречу Ахмету.

Они обнимались, тискали друг друга, Ахмет бил Андрея по плечу и кричал:

— Зачем пугаешь, шайтан лохматый! Ты о нас подумал?

— Где Лидочка?

— Лидочка? Ты зачем у нас на глазах утонутие устроил? Ты зачем нас заставил так переживать? Я твою Лидочку еле из моря вытащил — она плыть хотела, только поздно уже было. Я ей сказал, что ты обязательно выберешься, страшно живучий, правда?

— Вы все видели?

— Мы сюда час как пришли. Мы услышали — на улице люди кричат, в порт бегут, «Измаил» на мину налетел. Мы прибежали — никакого «Измаила», нам это легко переживать?

Не переставая говорить, Ахмет тянул Андрея к краю причала, где у кнехта стояла Лидочка и смотрела, как по трапу спускаются на причал спасенные, — ждала, появится ли среди них Андрей.

Она почувствовала, что сзади бегут Андрей и Ахмет.

— Сейчас будет в обморок падать, — сказал Ахмет.

Но Лидочка в обморок не упала — она побежала к Андрею, пробежала несколько шагов и обессиленно остановилась. У нее даже не было сил поднять руки. Она стояла покорно и ждала, пока Андрей добежит и обнимет ее, а она смотрела на него, и глаза у

нее были красные, заплаканные, а щеки совсем бледные, без загара — да и какой загар, если она прилетела сюда прямо из глубокой осени! Волосы, собранные в неплотный узел с вырывающимися из него вьющимися прядями, лежали неаккуратно — она была, к счастью, сейчас некрасива — потому к счастью, что она была специально сделана богами для него — каждый изгиб ее тела был изготовлен так, чтобы вписаться в соответствующий изгиб мышц Андрея, — они с Лидой были сделаны, чтобы слиться в одного человека, но об этом никто не знал. Это было знание для Андрея — его великое открытие. Аспасия либо иная красавица могла быть куда прелестнее и соблазнительнее Лидочки, но никакая Аспасия никогда не станет его женщиной.

Глава 5

Осень 1917 г.

Премьер-министр Временного правительства господин Керенский нанес визит бывшему императору, находившемуся под арестом в Царском Селе.

Он сообщил Николаю, что правительством принято решение отправить царское семейство в город Тобольск — традиционное место российской ссылки, в город, грузно поднявшийся в Сибири усилиями тамошних купцов и ссыльных.

Господин премьер-министр объяснил императору, что меры эти принимаются ввиду необходимости побороть угрозу государству слева — в первую очередь со стороны большевиков, уже пытавшихся поднять революцию в июле и все еще не смирившихся с поражением.

Императору, который Керенского не любил, потому что тот по природе своей был выскочкой, было страшно — не за себя, а за девочек и больного наследника, который может не перенести трудной дороги. Когда же Александра Федоровна вечером, по отъезде Керенского, принялась было рыдать, полагая, что за таким решением разночинцев Временного правительства скрывается смертный приговор царскому семейству, бывший государь возразил, что и сам многих направил в Тобольск и далее на жительство, но бунтовщики возвращались, окрепшие телом и бодрые духом. «Кстати, — сказал он, — и сам вождь большевиков Ульянов, если не ошибаюсь, провел в тех краях несколько лет». Впрочем, этот рассказ современника может быть не более как сплетней — какая нужда императору изучать биографию вождя

социал-демократов, которых он, как и большинство российских обывателей, считал немецкими шпионами?

По просьбе отца Анастасия принесла географическую карту империи, и они начали смотреть, как туда поедут. Оказалось, что через Тюмень, оттуда рекой до самого Тобольска.

— Господи, какой знак! — воскликнула императрица. — Я вижу в этом Божье провидение. Мы же будем проплывать мимо дома отца Григория!

1 августа царский поезд, на вагонах которого было написано «Японская миссия Красного Креста», чтобы не вызывать излишнего любопытства в пути и не способствовать попыткам освободить императора, отбыл из Петербурга. Драгуны, что составляли конвой, распевали унылые песни — за окнами пульмановских вагонов тянулись нескончаемые леса. Поезд мало стоял на станциях — только заправлялся водой и углем. Принцессы глядели на местность сквозь щели в занавесках — никогда не думали они, что так придется им впервые путешествовать по своей державе.

Уже вечером 4 августа состав прибыл в Тюмень. Пользуясь темнотой, семейство Романовых и сопровождавшую их свиту перевезли на пароходы «Русь» и «Кормилец», что стояли у пристани.

Каюты и сами пароходы венценосным пассажирам понравились — принцессам и Алексею можно было ходить по палубам, читать на свежем воздухе и музицировать в пассажирском салоне. Кормили пристойно, впрочем, Романовы не были привередливы к пище.

Весь день 5 августа «Русь» шла вниз по реке — берега были покаты, течение быстро, вода холодна, и воздух казался хрустальным. Николай сказал жене, что, наверное, такой воздух способствует здоровью местных жителей. Недаром же Григорий был столь крепок телом и духом.

Миновали село Покровское — большое крепкое село, сбегавшее к самой реке. Стояли у борта и смотрели на дома, стараясь угадать, в каком из них жил раньше столь трагически покинувший их Распутин. «Вспоминали друга», — записал вечером Николай в дневнике.

Николай думал, не рассказать ли Аликс о намеке Керенского — тот дал понять императору, что от Тобольска куда ближе до Японии и Североамериканских Соединенных Штатов, чем до Петербурга. Но потом решил не говорить и не возбуждать лишних надежд в Александре Федоровне, ведь она так надеялась на

то, что их отпустят в Англию, но социалисты подняли скандал в Думе, и этот план, такой гуманный и разумный, рухнул.

6 августа — через неделю после отъезда из Царского Села — царская семья прибыла в Тобольск.

* * *

Как и положено реформатору, Керенский к концу лета попал между молотом и наковальней. Преодолевая кризис за кризисом, освобождаясь при том от соперников и окружая себя все более близкими по духу людьми, он никак не укреплял (хотя казалось обратное) своего положения. Обещания, которыми он покупал себе право руководить страной, не сбывались, и наступал момент, свойственный карьерам деятелей переходного типа в России, когда его слова, действия, повадки, голос начали вызывать насмешки и служить основой для анекдотов, а то и поводом для ненависти.

Притом нельзя забывать, что положение Керенского было куда более выгодным, чем положение иных русских реформаторов, — ему не надо было бороться с верхушкой российского чиновничьего аппарата — именно эта верхушка была сметена революцией. Правда, оставался аппарат средний и низший, который продолжал нести свое приспущенное знамя и работать все с большим замедлением, словно машина, которая катится по рельсам, хотя топка паровоза уже остывает.

Керенский умел значительно произнести слова о великой войне за спасение цивилизации, о едином порыве армии и народа и, будучи человеком долга, делал все от него зависящее, чтобы Россия продолжала войну до победного конца. Но когда он оставался наедине с генералами, которые делали вид, что советуются с ним по военным вопросам, он видел не лояльные лица, а оскаленные физиономии тех злых мальчишек, что так били его в Ташкенте, где прошло его детство. Керенский знал, что если он будет старательно учить заданный урок, то город Симбирск, где он родился, когда-нибудь назовут Керенским, но стоит ему оступиться, генералы натравят на него безликую серую солдатскую свору — чтобы растерзать.

В среде высшего офицерства, понимавшего, что Керенскому власть долго не удержать, зрело желание оказаться той силой, которая сменит Керенского. Следовало спешить: Керенский мог пойти на союз с враждебными силами — скажем, заключить с гуннами сепаратный мир. Такого на самом деле случиться не

могло — союзники не допустили бы. Но генералы редко живут в реальном мире — они умеют пустить по кругу нелепый слух и сами поверить в него.

В России не было традиции военных переворотов. Армию обычно использовали и отправляли в казарму. Но в 1917 году армия была воюющей, поглощавшей большую часть ресурсов и усилий государства. Россия жила ради армии, а не армия ради России.

Если Керенский был лишь помехой, то боялась армия левых демократов: вот кто был повинен в бедах России. Это они, демократы, армию якобы не любили, не ценили и, что самое страшное, мешали народу любить своих генералов.

Для армейской верхушки не было разницы между породами демократов, что сыграло грустную роль в истории белого движения. Для генерала равными врагами был эсдек Ульянов и кадет Милюков.

Для Керенского разница в обличье демократов была очевидна и кардинальна. Он сам был умеренным демократом, и для него левые радикалы, как эсдеки, так и эсеры, были наковальней. С каждым днем средний слой, та разумная часть общества, на которую мог опереться Керенский, становился все тоньше — разочарование в Керенском было разочарованием в судьбе. Керенский не мог накормить Россию и победить Германию. Он лишь старался сделать это. Старания его были не видны, результаты ничтожны. Поэтому, видя, как тяжелеет молот, как готовятся к перевороту озверевшие от падения дисциплины и митингов генералы, понимая, что растут силы левых радикалов, Керенский мог мечтать лишь о том, что он успеет убрать с наковальни свою хрупкую голову, прежде чем по ней ударит молот. А если удастся так сделать, то молот ударит по наковальне, и ему предстоит выяснять, кто же из них крепче.

Тем временем молот изготовился к удару, во главе армейского заговора стал энергичный и простой генерал Лавр Корнилов.

Первоначально переворот должен был состояться во время Государственного совещания в Москве 12—14 августа. Подготовкой к нему стали страстные выступления против Временного правительства и радикальной части делегатов совещания. Монархист Шульгин заметил в те дни, что, если бы пять месяцев назад кто-то посмел вслух подобным образом высказаться о революции, его бы растерзали на части. Ораторы требовали ликвидации Советов и строжайших мер против эсдеков.

Но уверенность правого крыла совещания была поколеблена,

когда эсдеки, имевшие сильные позиции в профсоюзах, объявили в Москве всеобщую забастовку, на которую откликнулись почти полмиллиона человек.

25 августа, полагая, что армия сможет одолеть радикалов, Корнилов потребовал передачи ему всей военной и гражданской власти.

Умеренные и правые министры, что еще оставались в кабинете Керенского, подали в отставку. Некоторые из них надеялись, что Корнилову понадобится свое правительство и они в него войдут.

Керенский принял отставку министров и в лучших традициях Великой французской революции объявил Корнилова врагом народа.

Корнилов, получив анафему Керенского, тут же предал анафеме премьер-министра, объявив его тоже врагом народа. Верные Корнилову части пошли на Петроград: Кавказская туземная «Дикая» дивизия шла на Царское Село, 1-я Донская казачья — на Гатчину, и остальные дивизии третьего конного корпуса — прямо на Петроград.

И произошло то, чего не предполагал ни Корнилов, ни командующий шедшими на Петроград дивизиями генерал Крымов по прозвищу Железный Человек, ни сам Керенский.

Сведения об армейском перевороте вызвали всеобщее негодование. Возродилась формула, рожденная во Франции, — «Революция в опасности!». Еще вчера ты проклинал это правительство, ворчал, что в магазинах нечего купить, что глава государства только и умеет, что бесконечно разговаривать и посещать различные города, махать руками перед народом и давать ему пустые обещания. Но тот же обыватель, проклинавший правительство, понимал, что впервые в его жизни и в жизни его предков — это правительство создано им, что Советы, заседающие на нашей улице, — это его органы власти и все вместе — это его свободная Россия, от обладания которой он еще не устал, как молодой любовник.

Кондуктор трамвая, гимназист или ткач, которые поспешили с утра 27-го числа искать сборные пункты, чтобы выйти на фронт против казаков и черкесов — непопулярных по прошлым годам «цепных псов царизма», — были безоружны и, кроме энтузиазма, вряд ли что-либо могли противопоставить конным сотням донцов, но пехотные полки, расквартированные в Петербурге и благополучно почивавшие на лаврах после того, как свергли царя, и

не желавшие отправляться на фронт, завели броневики и выкатили пулеметы.

Но пустить их в дело не смогли. Мятеж рассыпался: железнодорожники загнали составы с карателями на запасные пути, а агитаторы из Питера поспешили разъяснить казакам, что дело их проиграно.

Так произошла невероятная победа Временного правительства — в войне между генералами и Керенским был сделан лишь один выстрел: узнав, что конница отказывается продвигаться к Петрограду, застрелился Железный Человек, командующий наступлением генерал Крымов.

Керенский победил.

И в этом была неправда. И чтобы осознать, что это неправда, Керенскому понадобилось некоторое время, а времени на размышления у него не было. Он продолжал говорить, говорить, говорить, полагая, что теперь-то времени у него в избытке.

А в самом деле победили в этой бескровной войне большевики — хоть и были почти в подполье, хоть и были гонимы и все еще несли на себе каинову печать германских шпионов, якобы приехавших в Россию из Швейцарии в запломбированном вагоне. Именно они доказывали, что нельзя верить генералам, и оказались правы.

Наступила мирная пауза — силы, занятые перетягиванием каната, как бы переводили дух, приспосабливались, как лучше упереться ногами в скользкий глинистый грунт, пугали друг друга криками и угрожающими жестами. В партийных центрах шла возня — боролись за власть, считали голоса избирателей.

А под внешним покровом спокойствия зрели и все более проявлялись новые силы — силы национальные, так как империя была многоязыкой и держала народы в узде железной рукой. И первой из колониальных держав Россия отпустила вожжи, объявила громогласно о том, что свобода должна быть распространена на всяк сущий в ней язык. И языки не намеревались оставлять эти обещания на бумаге.

Пока в Петербурге и Москве большевики и эсеры спорили о том, как свергнуть Керенского, все сильнее была мысль национальная — мысль об уходе малых народов из империи против воли России, кто бы ни стоял во главе ее.

Осень 1917 года для большинства российских обывателей, не подозревавших о потайных течениях политики, была обыкновенной, заполненной житейскими трудностями, надеждами на скорое окончание войны. Надо было зарабатывать на хлеб на-

сущный, раздобывать одежду и обувь, в которых испытывался недостаток, отправлять детей в гимназию или кадетский корпус, лечить стариков, собирать урожай и ждать, когда же все ужасное останется во вчерашнем дне, потому что живем мы так плохо, как никогда раньше не жили, но надо немного потерпеть, и мы заживем, как до войны...

* * *

Гостиницу «Белград» в Батуме содержал Отар Ахвледиани. Она представляла собой двухэтажное старое здание, сложенное из толстых бревен и обнесенное галереями, на которые выходили двери номеров, до войны она именовалась пансионом «Вена», в начале войны Отар переименовал пансион в честь многострадальной сербской столицы, отменил общие завтраки и обеды в обширной столовой первого этажа, а установил там бильярд. Штабные офицеры играли на бильярде и громко ругались, отчего деревянные галереи содрогались и скрипели. В углу бильярдной помещалась стойка, за которой стояла жена Отара и быстро разливала чачу или вино клиентам, которые спешили вернуться к столу.

От порта до гостиницы было рукой подать, тем более что у Андрея вообще не было багажа, отчего он вдруг почувствовал неловкость и начал рассказывать Ахмету и Лидочке, что вез из Трапезунда прессованный инжир в подарок Лидочке.

Говоря так, он не смотрел на Лидочку, как будто бы смотреть на нее было запрещено гаремными правилами, будто она принадлежала Ахмету или султану турецкому, а Андрей был ни при чем.

Лидочка шла рядом, но не брала его под руку, Ахмет шагал с другой стороны, тоже на некотором расстоянии — все трое были напряжены, и всем было неловко, но чувство это исходило от Андрея — он так и не мог еще перейти от гибели «Измаила», от собственного чудесного спасения, к обыденной безопасности Батума. Ахмет с Лидой появились слишком неожиданно, и в них еще Андрею предстояло поверить.

А так как Андрей не мог и не стал объяснять причину своего состояния, то его друзья решили, что он чем-то недоволен, и оба испытывали обиду — как люди, пришедшие в гости с дорогими подарками и вместо благодарности услышавшие предложение унести эти подарки обратно.

У порта стояли пролетки — все извозчики Батума съехались к порту, заслышав о том, что везут потопших.

— Мы без вещей, — сказал Ахмет, — мы пешком дойдем.

Ближние горы казались коричневыми, а дальние — изумрудными; из кофеен пахло молотым кофе, в них сидели греки и грузины и глядели на миноносец. Событие сегодняшнего дня было не сравнимо ни с одним событием последних лет. Андрей провел ладонью по шву брюк, шов еще был влажным — так недавно Андрей плыл по морю.

Гостиница «Белград» пряталась за деревьями и была почти не видна с дороги.

Они вошли внутрь, и тут же, как принесенная ветром, появилась худенькая невесомая старуха с благородным лицом.

— Он живой! — воскликнула старуха, словно Андрей был ее родным сыном. — Я же говорила, что он живой!

Мадам Ахвледиани знала, что муж Лидочки должен приплыть на «Измаиле», и, разумеется, знала, какое ужасное несчастье приключилось с этим пароходом. Она места себе не находила, пока Ахмет с Лидочкой были в порту. Ее супруг Отар тоже был, конечно, в порту, и кому-то приходилось оставаться в номерах — так что мадам томилась от неизвестности, — и тут такой подарок судьбы!

Мадам Ахвледиани желала приготовить что-нибудь для молодого человека, который избегнул смертельной опасности, но гости отказались. Сказали, что поедят в городе — не беспокойтесь. Сейчас переоденутся и пойдут в город.

Они поднялись в комнату к Ахмету — комнаты Лидочки и Ахмета были рядом, на втором этаже. В комнате было прохладно — галерея давала плотную, прохладную тень. Посреди комнаты низкие плетеные кресла окружали столик, на котором стояли кувшин с водой и стаканы.

— Ну что ж, с приездом, — сказал Ахмет. — Надо бы выпить за твое спасение, но я теперь не пью.

— И хорошо, что не пьешь. Независимо от религии, — сказала Лида.

Между ними была какая-то мысленная связь, близость, которая рождается от долгого общения. И Андрею она была непонятна и не очень приятна — словно он был лишним. Они его встретили, они о нем заботятся, они сейчас поведут его в магазин, чтобы купить одежду и ботинки, они его будут кормить обедом...

Андрей неожиданно встал и сказал:

— Жарко. — Он открыл дверь и вышел на галерею.

Он представил, как они переглянулись за его спиной и как Лидочка пожала плечами. Андрея потянуло пройти до края галереи и поглядеть, нет ли там лесенки вниз. Стараясь не шуметь, Андрей пошел по галерее и, когда дошел до ее конца, увидел, что лесенки там нет, но можно спрыгнуть на очень зеленый склон горы, уходящий сзади дома так круто наверх, что первый этаж казался отсюда подвалом.

Потом надо уйти склоном подальше от гостиницы, до самого моря, затем по гальке, вдоль воды, на север, и идти, пока не устанешь и не заснешь. А проснулся — пошел дальше, и так день за днем, пока не растворишься в этой стране и не забудешь сам себя. И будет у тебя другое имя, и какая-то скромная работа, а все, что было до этого, — исчезнет и забудется.

Стоя у перил галереи, Андрей мысленно уже шел берегом моря, вдоль самой воды, порой поднимаясь повыше, чтобы не достала на излете мягкая волна.

Он не услышал, как подошел Ахмет.

— Ты сердишься? — сказал Ахмет. — А почему, не поймем.

— Ты уже за двоих говоришь? — спросил Андрей.

— Нет, я только за себя, но с уважением. А если ты, дурак, что-то думаешь, то ты и есть дурак, — сказал Ахмет.

— Я ничего не думаю, — сказал Андрей.

— Я сегодня уеду, — сказал Ахмет. — Нечего мне возле вас крутиться. И вообще вы мне все надоели — слишком тонко организованные натуры.

— Спасибо за заботу. Я не ожидал тебя здесь увидеть.

— И недоволен?

— Доволен и очень тебе благодарен за все.

— Наконец-то догадался спасибо сказать. Только мне твое спасибо не нужно. Ты лучше Лидочке спасибо скажи.

— Почему?

— Будь моя воля, дождались бы тебя в Ялте. Ничего бы с тобой не случилось.

— Вот уж верно, — улыбнулся Андрей.

— Ну и что? — воинственно произнес Ахмет. — Не каждый же день тонут транспорты! Один утонул, и хватит. А ты хорошо плаваешь.

— Надо было тебе удержать Лиду в Ялте, — сказал Андрей. — Ведь могло быть, что мы не пошли бы в Батум.

— Если бы да кабы, — заметил Ахмет, — то мой друг лежал бы на дне Черного моря.

Андрей пожал плечами — спорить не хотелось. Почему он должен быть всем благодарен? Они ждут благодарности.

— По крайней мере я бы ни о чем не беспокоился.

— Не капризничай, герцог, — заметил Ахмет, гладя указательным пальцем черные усики, которые совсем ему не шли и делали лицо хитрым. — Мы четверо суток тащились по Черному морю от одного грязного порта до другого на самой вонючей рыбацкой шхуне в мире. Ты знаешь, как пахнет попорченная скумбрия? И каюты там нет — только тряпкой отгородили от кубрика, а в кубрике трое мужчин, не считая меня, — так твоя Лидочка спешила, чтобы тебя снова не упустить. Мне стыдно, герцог.

— Тем более мне неприятно, что из-за меня вы пошли на такие жертвы, — упрямо, подавляя стыд, сказал Андрей.

— Чарльз Гарольда читал? — спросил Ахмет. — Очень на тебя похож. Одинокий, и никто не понимает.

— Чайльд Гарольда, — поправил Андрей. — Это знает каждый гимназист.

— Да я болел, — сказал Ахмет. — У меня была скарлатина, когда вы изучали лорда Байрона.

— Что-то вы много болели, Керимов Ахмет, — передразнил Андрей Дылду, — придется мне побеседовать с вашим отцом.

— Ой, господин надзиратель, — взмолился Керимов Ахмет, — мой папа такие больные, такие несчастные, такие бедные! Пожалейте меня!

Ахмет так чистосердечно завопил, что во внутренний двор выбежала мадам Ахведиани и замерла, запрокинув седую птичью головку, а дверь в галерею открылась, оттуда высунулся батюшка в черной сутане и с распущенными по плечам волосами, с расческой в руке — вид у батюшки был крайне женственный и голос оказался очень высоким.

— Господи, — сказал батюшка, — ни минуты покоя.

Он машинально продолжал причесывание волос, медленно водя гребнем во всю длину прядей.

— Дети, — сказал Андрей сурово, — ну прямо дети! Попрошу разойтись по классам. Не позорьте меня.

— Вот именно, — сказал батюшка и ушел внутрь комнаты, как рыбина в глубину.

* * *

Когда они пошли в город, то в магазине мужского готового платья братьев Захариади они увидели знакомого батюшку, с волосами, заплетенными в длинную, но жидкую косицу. Батюшка покупал себе брюки с красными лампасами. Он стыдливо объяс-

нял продавцу, что брюки — для брата, живущего под Ставрополем, но Ахмет тут же придумал драматическую историю о роковой любви батюшки к одной казачке, из-за чего тому приходится переодеваться казаком.

Они купили Андрею приличный костюм и всю остальную одежду, а Ахмет от себя, хоть Лидочка и возражала, небольшой, из натуральной кожи несессер.

— Это тебе на целый век, — сказал он Андрею.

А Андрей, который теперь способен был услышать в обычных словах совсем иной, связанный с его судьбой смысл, кивнул и сказал:

— Может быть, и на век.

Лидочка не слышала этих слов, она выбирала для Андрея запонки — они должны были быть скромными и в то же время достойными ее Андрюши. Запонки продавались с небольшой витрины, где лежали ремни, свернутые в тугие часовые пружины, заколки для галстуков, брелоки и цепочки для часов.

— У тебя часы хорошо идут? — спросила Лидочка.

— Что с ними станется?

— Они же в воде были.

Андрей спохватился, что нечаянно забыл об утренних событиях. Он поднес часы к уху — они молчали.

— Давай лучше починим, — сказал он.

— А может, новые купим?

— Я к ним привык, — сказал Андрей, — их мне отчим подарил в шестнадцать лет.

— Как знаешь, — сказала Лидочка. — Тогда пошли покупать ботинки.

На улице стало жарко и влажно — здесь было куда влажнее, чем в Трапезунде, может быть, оттого, что горы были покрыты пышными лесами, стекавшими к самой воде и готовыми поглотить Батум, если отсюда уйдут люди. Андрей уговорил друзей выпить сельтерской. Они уселись под навесом, и вкус сельтерской вдруг напомнил Ялту тринадцатого года и первую встречу с Лидочкой.

— Я сначала у тебя шляпу сбил, а потом познакомились, помнишь? — спросил Андрей.

— А я тогда думала, что тебе понравилась Маргарита.

Андрей накрыл ладонью кисть Лидочки.

Ахмет сказал:

— Не буду я с вами ходить по магазинам, не дело это для джигита.

— Спать — вот дело для джигита, — сказал Андрей.

— Встретимся за обедом, — сказал Ахмет, — Лидочка тебя проводит. Она знает. Мне сегодня уезжать, а дела еще не сделаны.

Ахмет церемонно откланялся.

— Если хочешь ревновать, — сказала Лидочка, — то оснований у тебя нет никаких. Ахмет сделал для нас больше, чем ты думаешь.

Андрей смотрел на Лидочку и старался найти в ней перемены — или хотя бы отражение перемен, происходящих в мире. Он как бы проверил — и в этом тоже была ревность, — на месте ли родинка на виске и так же ли правая бровь чуть выше левой.

Они еще долго просидели в том кафе и разговаривали. Они втягивались в разговор постепенно, и разговор, становившийся все более доверительным, возвращал им ощущение близости — Лидочка рассказала ему, как провела несколько дней без него, пока ждала вести из Трапезунда, как потом Ахмет нашел место на шхуне и как ужасно было это путешествие.

— Ну это зря, — говорил Андрей, — это совсем не нужно было. В море сейчас так опасно... ты же знаешь...

— Я рада, что приехала сюда.

На Лидочке было летнее платье с глубоким вырезом, открывавшим даже выемку между грудей, и в ней поблескивала капелька пота. Андрею вдруг захотелось поцеловать именно это место. И Лидочка перехватила его мысль, ее рука поднялась, закрывая вырез. Но тут же она улыбнулась и опустила руку.

— Здесь жарко, — сказала она.

— Получается, что ты моя должница, — сказал Андрей, смущенный тем, как Лидочка подсмотрела его мысль, — я тебя жду почти три месяца, а ты — две недели.

— Глупенький, какие две недели! Я чуть ли не полгода здесь прожила. Даже на твоей могиле была.

— Что? Я не понял, прости, я не понял шутки.

— Это не шутка. Я расскажу тебе все, только, если можно, не сейчас.

— Почему не сейчас?

Лидочка уже взяла себя в руки.

— Потому что это долгая история, а нам сначала надо купить ботинки. А то такие, как ты, утопленники все раскупят.

При этом слове настроение Андрея, так поднявшееся за последние минуты, рухнуло вниз, как с обрыва. Слово «утопленники», не означавшее для Лидочки ничего, кроме напоминания о собственном страхе, пока они ждали прихода миноносца, Анд-

рею обернулось воем из открытых иллюминаторов «Измаила» и черными шариками человеческих голов на засоренном море вокруг транспорта.

— Извини, — сказала Лидочка, — я не подумала.

— Ничего.

— А это что было? Мина?

— Наверное, мина, — сказал Андрей. — Но это случилось, как раз когда искали другую мину.

— Другую?

— Но это тоже длинная история.

Андрей взял Лидочку за пальцы и, склонившись к ним, поцеловал — пальцы были прохладными, несмотря на жару.

Лидочка освободила руку и сказала:

— Здесь не принято.

— Мне плевать, — сообщил Андрей. — В конце концов, все знают, что ты моя жена.

— Кроме меня, — сказала Лидочка.

До обеда они успели побывать еще в трех магазинах. Андрей заметил, как оскудели прилавки за последние месяцы. Лидочка сказала, что так теперь везде — во всей стране. В России инфляция, и выражается она в исчезновении товаров — торговцы, ожидая будущих подорожаний, припрятывают товар, а промышленники не спешат поставлять его, тоже ожидая подорожания. Всем, кто что-то делает или продает, подорожание выгодно. А денег у тех, кто работает, больше не становится. И все понимают, что революция будет снова, только еще более кровавая и жестокая — уж очень народ разочарован в первой революции.

Андрей вполуха слушал ученические рассуждения Лидочки. В будущую новую революцию он не верил — наступала острая реакция на переживания этого утра, голова болела, движения стали какими-то замедленными, словно он продвигался в воде. Даже наклоняться, чтобы примерить ботинки, было трудно.

А еще хуже стало за обедом, особенно когда Ахмет уговорил его заказать по старой памяти шампанское. Он громко поспорил с Лидочкой, кто платит за обед, а у Андрея стала кружиться голова, и ему казалось, что он слышит, как совсем близко, внутри его, работает машина «Измаила», и он снова стоит в коридоре возле каюты, в которой разоружают адскую машину...

Лидочка почувствовала, что Андрею не по себе, и сказала, что надо вернуться в гостиницу. Андрею пора отдохнуть. Ахмет хотел было, чтобы они остались и выпили еще кофе, но Андрей согласился с Лидочкой — он был ей благодарен.

Они отошли довольно далеко от гостиницы, на улице не было видно ни одного извозчика — пришлось брести пешком, стараясь держаться в тени деревьев.

Навстречу им ехал извозчик.

В коляске сидел крестьянский сын Иван Иванович. При виде Андрея он пригнулся. Андрей догадался — схватился за злосчастный чемодан со своими контрабандными сокровищами.

Андрей хотел было засмеяться и рассказать друзьям о том, как они с Иваном Ивановичем тащили по морю проклятый чемодан, но извозчик уже уехал, а сил начинать рассказ не было.

— Сейчас, — сказал Ахмет, — он отвезет и вернется за нами.

— Нет, он не вернется, — сказал Андрей.

— А ты откуда знаешь?

— Иван Иванович заплатит ему любые деньги, только чтобы не вернулся и не сказал нам, куда он его отвез.

— Ты его знаешь?

— Мы вместе копали в Трапезунде и тонули на «Измаиле».

Еле живыми они добрели до гостиницы. Первым делом они ополоснули лица и руки в саду, где был устроен рукомойник. Здесь, под сенью больших деревьев, было прохладнее, и Андрею даже показалось на мгновение, что он сможет обойтись без сна. Но Лидочка знала лучше.

— Мертвый час, — объявила она, как в киндергартене. — Господа, мертвый час!

— Целый час? — обрадовался Андрей.

— Через час я вас бужу, мальчики, — сказала Лидочка. — Нам еще нужно о многом договориться, прежде чем Ахмет уедет.

Они поднялись на второй этаж.

— Вот наш номер, — сказала Лидочка.

Номер был таким же, как у Ахмета, — двухспальная широкая кровать, плетеные кресла и столик.

Лидочка быстро стала разбирать кровать.

— А ты где живешь? — спросил Андрей. Язык действовал с трудом. Глаза закрывались. Его покачивало, потому что «Измаил» еще не утонул, он несся по волнам к Батуму.

— Здесь же, — сказала Лидочка.

— Но я буду толкаться, — сонно пробормотал Андрей.

— Я не хочу спать, — сказала Лидочка.

Андрей не стал спорить.

— Отвернись, — сказал он, — мне надо раздеться.

— Я погуляю в саду, — сказала Лидочка.

— Спасибо, — сказал Андрей, которому не терпелось, чтобы Лидочка ушла — при ней ему неловко было раздеваться.

Андрей сел на край кровати, снял ботинки и уже не помнил, как раздевался дальше, — его начало укачивать... он снова был на транспорте, и надо было вырваться оттуда, чтобы не утонуть, как все остальные... сон был тяжелым, неровным, потным...

Андрей проснулся только вечером. И ему показалось, что он совсем не выспался, хотя проспал более трех часов.

* * *

Вечерело. В комнате было жарко. Свет заходящего солнца протянулся через весь пол и достал до кровати. Жужжали мухи.

Лидочка налила себе воды, и горлышко графина звякнуло о стакан.

— Сколько времени? — спросил Андрей.

— Седьмой час.

— Ужасно, — сказал Андрей. — А я как будто совсем не спал.

Он потянулся, откинул простыню.

— Все еще жарко, — сказала Лидочка.

Андрей смотрел на нее. Она стояла к нему вполоборота, пила воду, и солнечные лучи, наталкиваясь на нее, создавали вокруг оранжевое закатное сияние, которое точно обрисовывало линию груди и, пронизывая юбку, очерчивало ноги.

— Ты почему смотришь? — спросила Лидочка, оборачиваясь к Андрею и ставя стакан на столик, а солнце, подобно лучам рентгена, продолжало, незаметно для Лидочки, выдавать взору Андрея линию ее ног, словно Лидочка была совершенно обнажена.

— Иди ко мне, — сказал Андрей.

— Зачем? — спросила Лидочка низким, как бы не своим голосом, но подошла, остановилась в шаге от постели. Андрей приподнялся на локте и протянул к ней руку. Его пальцы дотронулись до ее бедра.

— Ты что? — спросила Лидочка, не двигаясь с места.

Андрей вскочил как животное — в мгновение. Он стоял рядом с Лидочкой в одних трусах — не заметил, как разделся, засыпая.

— Знаешь что, — сказала Лидочка. — Здесь, если идти кустами, по тропинке, — она не смотрела на него, а смотрела мимо на дверь, — то до моря шагов сто — не больше. Пошли искупаемся? Я ждала, когда ты проснешься, ну пошли, ладно?

Андрей приблизился к Лидочке так, что каждой клеткой своей кожи ощущал близость и теплоту ее тела — между ними был лишь незначительный слой воздуха.

— Не надо, — сказала Лидочка совсем тихо и подняла глаза на Андрея — на мгновение — и сразу же отвела взор, как будто испугалась, увидев что-то в глазах Андрея.

— Я люблю тебя, Лида, — сказал Андрей.

— Я тоже, — сказала Лидочка. — Пошли купаться, да?

Она сделала движение, чтобы отдалиться от Андрея, но, хотя он до нее не дотрагивался, не смогла двинуться, словно притянутая магнитом.

Андрей положил ей руки на плечи, еле прикрытые легкой тканью платья, и потянул к себе, и Лидочка покорно и мягко прижалась к нему и приоткрыла губы, чтобы встретить его поцелуй.

Это был совсем иной поцелуй, чем прежде, — поцелуй был лишь первым шагом на пути к любви, и потому он был иной, совершенно открытый, податливый и даже беспомощный поначалу, — но с каждой секундой он становился все более настойчивым. Настойчивость эта исходила не только от Андрея — Лидочка всем телом своим, грудью, животом, бедрами гладила Андрея, раскрываясь перед ним и приглашая его войти в нее, только в те мгновения Лидочка и не подозревала, что ее тело зовет Андрея, — она лишь сладко, до головокружения, целовалась с Андреем и даже, как ей казалось, удерживала Андрюшу, который совсем потерял голову, от неразумных действий, от слишком горячих лобзаний — именно такими были пролетающие в голове утешительные и чуть лицемерные мысли Лидочки, а диктовались они телом, которое жаждало обмануть строгий девичий разум, который вот-вот прервет безумную сладость объятий, — потому что так не положено! Так себя хорошие девушки не ведут!

И тело, обманывая Лидочку, старалось продлить наслаждение — еще на секундочку, — видишь, ничего страшного не произошло! — и еще на секундочку... Господи, чего же такого в том, что язык Андрея ласкает ее язык, где он научился такому... и он прижимается к ней животом, бедрами... я же не знаю, что он делает... я в любой момент могу остановить его... Сейчас я остановлю его... мне ничего не стоит остановить его, но еще секундочку, пускай он поцелует мне шею — это же так приятно...

— Андрей! Андрюша... не надо! — Ее губы шептали эти не обязательные слова, которых Андрей мог и не слышать — а если и слышал, то отвечал на них так же несвязно, соглашаясь, со всем соглашаясь. — Андрюша, я не хочу, — шептала она, и тут ее охватил смертельный и сладкий ужас понимания, что она опо-

здала остановить Андрея, потому что она потеряла равновесие — совершенно непонятно, как это могло произойти столь мгновенно — в открытых на секунду глазах возникли темные планки потолка, — и тяжесть Андрея, который уже лежит на ней, и его руки — как она хочет, чтобы его руки скорее сорвали все с нее — она готова помочь — она готова раздеть и Андрея — но нельзя же! Все равно она его остановит, она не допустит этого... ну скорей же! — Андрюша, я прошу тебя... — Он совсем обезумел! Как остановить его?

А тело Лидочки, не рассказывая об этом настороженному и готовому к сопротивлению мозгу, устраивалось, двигалось, чтобы Андрею было удобнее — чтобы он мог скользнуть в нее — как можно глубже... ну как же он, глупенький, не может войти в нее? Ну чуть повыше... я тебе помогу...

Не смей ему помогать!

Она старалась что-то сказать, но, как назло, Андрей закрыл ей рот поцелуями, и невозможно было вырваться из-под его невероятного, уничтожающего ее веса — он был ужасным насильником, безжалостным, но она была непокорна, по крайней мере ей так казалось, и за это он в момент высшей сладости и сладчайшего желания, заставлявшего ее дрожать, словно от страшного холода, в этот самый момент он посмел сделать ей больно, и, когда она стала биться, потому что было на самом деле больно, он, по-мужицки грубый, не пожалел ее, не пощадил, а она никак не могла изгнать его, только чувствовала, как в ней вновь возникло вожделение, смешанное с болью, и оттого еще более острое.

— Да, — повторяла она, — мне больно, да, уйди... — Впрочем, может быть, слова были иными — ни она, ни Андрей никогда не вспомнили их и не пытались проверить — были ли вообще слова или был только стон и недолгий лихорадочный пароксизм удовлетворения...

И тут же оба почувствовали жару и духоту, поняли, что они совсем мокрые, к тому же в крови... Она лежала на спине, хотелось плакать, потому что все вышло совсем не так, как должно было выйти, — любовь должна быть из-под венца, прохладной, нежной... Лидочка никогда не любила брутальности и не одобряла Маргошкиного преклонения перед мужской силой и грубостью. Любовь — это нежность. И она не могла подозревать, что ее Андрей может оказаться... таким эгоистом. И думая так и отвернув голову, чтобы не видеть лица Андрея, она искренне не любила его и даже презирала себя за то, что оказалась недостаточно сильной, чтобы противостоять грубой силе. Она уже не помнила,

как несколько минут назад стонала от наслаждения, возбуждая и соблазняя Андрея.

Глядя на пустую бурую стену гостиничного номера, слыша, как кто-то идет по галерее — совсем рядом, она поняла, что вся гостиница слышала, как Андрей рычал и мучил ее... «А я? Я кричала, отбивалась? Я не помню, но, наверное, я кричала. Как я теперь покажусь мадам Ахведиани?»

Андрей чувствовал себя виноватым — он понимал, что ради собственной страсти он обидел Лидочку — навязал ей свое бессердечное и похотливое решение.

— Лидочка, — сказал он, приподнимаясь на локте, но она еще более отвернула от него лицо. — Лидочка, прости, так получилось...

Она не ответила.

— Я, честное слово, тебя люблю... и не брошу, не бойся.

— Как глупо! — разозлилась вдруг Лидочка. — Почему меня это должно пугать?

— Тебе больно? — Андрей произнес это с такой тревогой, что Лидочке стало не так противно.

— Ничего, потерплю, — сказала она, хотя ей не было больно.

— Я позову доктора? — Андрей сел, опустив ноги с постели.

— Не надо доктора, — сказала Лидочка. — Лучше оденься и принеси воды.

Лидочка натянула на себя простыню.

— Делай, как тебе сказали, — заявила она голосом убитой по неосторожности Дездемоны.

* * *

К тому времени, когда солнце зашло и с моря потянуло прохладным ветерком, оказалось, что Лидочка не столь разгневана на подавленного Андрея, как ей казалось раньше. И даже его требование первым делом с утра бежать в церковь, чтобы обвенчаться или хотя бы записать гражданский брак, вызвало у Лидочки снисходительную добрую улыбку женщины, вдвое старше этого кающегося мальчика.

Все еще настороженные, смущенные, но проникнутые взаимной нежностью, в сумерках возлюбленные отправились на поиски Ахмета, чтобы вместе поужинать на набережной, прежде чем Ахмет уедет.

Но Ахмета они не застали. Мадам Ахведиани передала им от него записку, в которой Ахмет кратко, сделав в трех строчках

шесть грамматических ошибок, сообщал, что отправился, как и собирался, в Ялту, а попрощаться не смог, потому что «вы были заняты». Он желал счастья и ждал встречи. И все.

Записка привела Лидочку в ужас. Она догадалась, что Ахмет приходил прощаться в самый неподходящий момент. Ей даже расхотелось есть, и она вернулась в номер. Но Андрей сходил на набережную и принес миску душистой горячей долмы, охапку зелени, кофейник с кофе и лаваш.

Они славно поужинали, а потом Лидочка сама предложила пойти погулять к морю.

Берег был совсем пуст, и небо над морем было фиолетовым от нависших облаков — в эти облака давно уже спряталось солнце, но темнота еще не наступила. И тогда Андрей понял, что он глядит на то место, где погиб «Измаил», — сегодня же утром! Не может быть, чтобы в один день могло вместиться столько событий.

На море смотреть было страшно — потому что глаза отыскали именно ту точку, в которой скрылся транспорт, и, проследив вглубь, на несколько сотен саженей, он увидел явственно, будто в действительности — с Андреем сегодня уже было такое, — лежащую на борту черную громаду теплохода. И почему-то Андрею казалось, что иллюминаторы корабля зеленовато светятся — и к ним изнутри прижались лица раненых, которые все еще живы и надеются на помощь.

— Что с тобой? — спросила Лидочка.

— Ничего, я вспомнил.

— Может, тебе не надо купаться? — спросила Лидочка.

— Я сегодня уже плавал. Ничего не случится.

Но Лидочка была права: когда он вошел по колени в воду и волны, маленькие и ласковые, начали толкаться о ноги, ему стало страшно, что именно сейчас к берегу вынесет тела погибших.

И он не смог поплыть. Кое-как помывшись, он вышел из воды, уселся повыше на берегу и стал смотреть на Лидочку, которая деловито стирала, будто всю жизнь только этим и занималась.

— Если тебе неприятно у моря, ты иди в гостиницу.

— Узел надо донести, — сказал Андрей.

— Не бойся, Андрюша, я донесу.

И только тут Андрей понял, что она разговаривает с ним так, словно между ними произошло нечто обыкновенное — не требующее изменения их отношений, не ведущее к обиде или расставанию, чего он так испугался.

В полумраке он видел лишь ее гибкий и быстрый силуэт, и образы погибшего корабля незаметно исчезли.

Они вернулись в гостиницу в полной темноте — узел с мокрым бельем оказался страшно тяжелым и неудобным, кусты хватали за плечи и узел. Андрей и Лида ломились к дому, словно стадо слонов, и с галереи на них смотрел уже знакомый батюшка, который причесывал перед сном свои бесконечные длинные волосы.

В комнате горела настольная керосиновая лампа под зеленым абажуром. Андрей стал рассказывать о раскопках и последнем путешествии «Измаила». Лидочка сказала, что не очень хорошо себя чувствует и хочет лечь. Андрей вышел на галерею. Он почти ожидал увидеть там батюшку, но вместо этого увидел, как по галерее, удаляясь от него, идут под руку супруги Авдеевы. В страхе, что они оглянутся, он прижался спиной к стене. Но они не оглянулись.

Андрей вернулся в комнату.

— Потуши лампу, — сказала Лидочка.

Андрей прошел к креслу и сел в него.

— Я немного почитаю, — сказал он.

— Конечно, спокойной ночи, — сказала Лидочка, истолковав его слова как нежелание приблизиться к ней. Она сама виновата, теперь надо терпеть. Сама виновата.

А Андрей просто робел — он понимал, что надо ложиться в кровать, и понимал, что он захочет повторить то счастье, что испытал вечером, но этого делать нельзя, чтобы снова не сделать больно Лидочке. Но как победить собственное тело?

Он просидел минут двадцать, ожидая, что Лидочка уснет. А Лидочка старалась дышать ровно, чтобы он не догадался, что она хочет заплакать.

Наконец Андрей подошел к кровати. Глаза Лидочки были закрыты. Может, лечь на полу?

— Я не буду тебе мешать, — сказала Лидочка тихо. — Ложись.

Он разделся и осторожно лег так, чтобы не касаться ее. Но старая кровать, тут же прогнувшись в середине, скатила его в центр, к Лидочке. Они оказались как на дне гамака.

— Прости, — сказал Андрей. — Это кровать.

Она не ответила, и тогда он осторожно и нежно поцеловал ее в щеку. Лидочка обернулась к нему и стала нежно-нежно, медленно-медленно целовать его брови, глаза, нос, губы... И, задыхаясь от нежности, он вошел в нее. Так они стали мужем и женой.

* * *

Уйдя подальше от оживленных улиц города на пустынный берег, Андрей с Лидочкой устроили большой совет. Сначала они гуляли по берегу, но потом поднялись подальше — отыскали поваленное бревно.

Было еще утро, совсем не жарко.

В сущности, они оказались бездомными и бесприютными.

Что им оставалось?

Уехать в Ялту и скрываться там в лесу вместе с аскерами Ахмета — уже наступала осень, а дальше что делать? Ждать новой революции? Ведь когда бежали сюда, в семнадцатый год, то были убеждены, что к этому времени закончится война, что отыщутся настоящие убийцы отчима. Но ничего подобного не случилось. И даже попытки Ахмета и его друзей помочь Андрею в Ялте отыскать настоящих убийц ничего не дали.

Можно вернуться в Симферополь, хотя остается опасность, что появится Вревский. И что же делать в Симферополе? Торговать? Устроиться на службу? Нет, надо пробиться в Москву. Но она так далека и почти недостижима...

— Как жалко, что я не революционер, — сказал Андрей, любуясь профилем Лидочки и совсем не жалея, что он не революционер, а думая, что сегодня вечером он ляжет в постель с этой девушкой, она обернется к нему, прижмется всем телом и обнимет. От этой мысли Андрея обуяло такое немедленное и острое желание, что он потянулся к Лидочке, а та, уже научившись чувствовать его настроение, отстранилась и сказала лукаво:

— Нет, ты что! Ты же теперь на мне не женишься!

— Женюсь! — закричал Андрей.

— А я не соглашусь — вы не герой, господин студент.

— Это еще совершенно неизвестно, — сказал Андрей, — должен сказать, что, когда мы плавали в воде после гибели «Измаила», я помог Ивану спасти его чемодан.

— Нет, ты не герой, — повторила Лидочка убежденно, и слышать это было обидно, а возражать — невозможно.

— Значит, ты хочешь, чтобы я стал революционером? — спросил Андрей, стараясь остаться в пределах шутки.

— Только выбери себе что-нибудь умеренное.

— Умеренного не бывает. Чтобы стать героем, надо кинуть бомбу.

— Ни в коем случае! Мне нужен не герой.

С невысокого холма, на котором они сидели, берег был виден далеко — линия его, ровно отороченная полосой гальки, тянулась гигантским узким серпом до самого горизонта. Кое-где по берегу бродили маленькие человечки — они искали что-то среди водорослей, выкинутых на берег. В руках некоторых были палки и багры. Один из людей в закатанных по колени штанах вошел в воду и начал багром вытаскивать из воды какое-то бревно.

Андрей приподнялся. Он уже понял, что люди подтащили к берегу человеческое тело и начали его раздевать.

— Подожди, я должен...

— Ты куда?

— Там человек! Там человек — утонул.

— Не надо, — сказала Лидочка уверенно, — мне сегодня утром госпожа Ахвледиани сказала — со вчерашнего вечера местные жители ищут, что выкинуло с «Измаила».

— Это с «Измаила»?

— Я не хотела тебе говорить, тебе, наверное, неприятно.

Андрей все же поднялся и начал спускаться с холма. Он хотел увидеть лицо утопленника — он боялся и желал знать, кто это. Он же ничего не знает о судьбе Российского и Карася.

Андрей быстро сбежал с холма и направился к людям, что стаскивали с трупа одежду.

Один из них при виде Андрея обернулся к нему и угрожающе поднял багор.

— Давай отсюда! — крикнул он.

Это был местный турок, он был обнажен до пояса — грудь и плечи его были покрыты густыми черными волосами.

— Андрюша, пойдем отсюда, — сказала Лидочка и тут же добавила, уже обращаясь к турку: — Мы уйдем, мы сейчас.

— Пусти, — сказал Андрей, — я же там был.

— Он там был, — сказала Лидочка, как бы прося у турок прощения за назойливость Андрея.

Андрей остановился. Он смотрел на человека — тот был ему незнаком. Турок сел на корточки и стал стаскивать с пальца обручальное кольцо. Лидочка потащила Андрея прочь. Второй турок глядел вслед, приподняв багор.

— Ну чего ты добьешься? — говорила Лидочка. — Чего? Они же тебя убьют.

— Неужели некому охранять берег?

— Пошли, пошли в гостиницу.

Но Андрей сопротивлялся.

— Надо похоронить, — говорил он, — похоронить же надо!

Несмотря на Лидочкины возражения, он все же пошел к военному коменданту.

Пока они отыскали этот дом, стало совсем жарко. Самого коменданта не было — отбыл в Тифлис, но попался сочувствующий прапорщик в пенсне. Он тут же стал звонить в управление тыла и, когда там никто не отозвался, пообещал отыскать какого-то офицера, который ведал охраной побережья.

Когда они вернулись в пансион, Андрея начало трясти — наступила запоздалая реакция на вчерашние события. Лидочка даже хотела позвать врача, но Андрей умолил ее не спешить. Мадам Ахвледиани принесла настой, сделанный ею для господина Отара. Настой был горьковатый, пахнул мятой.

Андрей заснул и спал часа два. Разбудил его прапорщик из комендатуры. Оказывается, он включил Андрея в комиссию по погребению погибших на «Измаиле». По странному стечению обстоятельств, от городских обывателей туда оказался включен господин Отар Ахвледиани, а от пассажиров еще профессор Авдеев. Остальные были военными, и возглавлял их комиссар милиции. Со следующего дня Андрей с горячностью отдался этому делу. Он ощущал себя в долгу перед теми, кто погиб на «Измаиле». Авдеев же после первого заседания стал манкировать обязанностями. Он был подавлен событиями и более всего потерей прибыли, о чем доверительно сообщила Андрею Ольга Трифоновна.

— Надеюсь, Андрюша, даже на Страшном суде никто не узнает о том, что случилось в нашей каюте? — говорила она, тяжело вздымая массивную грудь.

* * *

Оказалось, что всего на борту «Измаила» в тот день было пятьсот сорок три человека. Хоть цифрам этим нельзя было верить, они давали приблизительное представление. Спаслось чуть более ста человек, из трехсот раненых в живых осталось не более дюжины. Андрей сначала думал, что всех остальных «Измаил» утянул в глубину, но оказалось, что это не так. В последующие дни море выбрасывало на берег все новые и новые тела. Тела привозили и моряки. Первые дни местные мародеры грабили и раздевали трупы и собирали по берегу вещи, выброшенные волнами. Но уже к вечеру второго дня, после визита Андрея в комендатуру, вдоль берега пошли солдатские патрули, и местные жители, огрызаясь и чувствуя себя лишенными веками освященной добычи, умерили дальнейшие походы к морю.

Труднее всего было собирать трупы и везти их в морг при госпитале городской больницы. Понятное дело, морг был переполнен, и уже на следующее утро главный врач приказал выкопать братскую могилу и неопознанных покойников предать земле. Возле морга толпились родственники — из тех, кто ждал транспорт в Батуме или успел приехать из близких мест. Так получилось, что команда «Измаила» была в большинстве своем вольнонаемная и набрана именно в Батуме.

У морга разыгрывались душераздирающие сцены, и Андрей старался не ходить туда без крайней нужды. Но самая страшная история произошла на четвертый день, на самом берегу.

Родители одного из кочегаров «Измаила» в тщетной надежде отыскать сына выходили многократно на берег и осматривали все тела. Вечером море разыгралось, и у них возникла надежда, что волнение выбросит их сына. Старики поспешили к морю, а в то же время туда пришли местные мародеры, движимые подобными же надеждами. Пошел дождь, поднялся сильный ветер, и с наступлением темноты солдаты, которые патрулировали берег, попрятались от непогоды. Так что, когда родители кочегара увидели группу турок, раздевающих раздувшееся, почти неузнаваемое тело их сына, никого, кроме них и мародеров, на берегу не было. Произошла драка, в которой родители кочегара были зверски убиты, но и убийцы немало пострадали — один из них скончался, потому что отец кочегара был вооружен.

Андрей был вызван туда и успел к берегу одним из первых. На всю жизнь он запомнил воющий из темноты ветер, несущий с моря мокрые брызги и запах соли, колеблющиеся фонари у самой воды, тела стариков, лежащие по обе стороны трупа их несчастного сына, и выше — отползший от воды мародер, даже в смерти сжимающий в клешне левой руки размокший ботинок кочегара. Выли и причитали родственники грабителя, окружившие его тело.

Все кончилось, рассуждал Андрей, возвращаясь в тот вечер под дождем в гостиницу. Теперь они мертвы все трое — сын, отец и мать (он знал уже, что кочегар был единственным ребенком у родителей), и некому печалиться и лить слезы — стало лучше, чем было вчера, когда на свете были живые люди, сердца которых разрывались от скорби по сыну, — теперь они уже ушли от земных забот и горестей. Значит, все хорошо кончилось. Ведь он, Андрей, теперь также никому уже не сможет принести горя — родных его более не существует. «Человек должен быть один. Зачем мы стремимся добровольно наложить на себя путы страданий? Может, я плохой христианин, если так рассуждаю? Или уже не христианин? Когда я в последний раз был в церкви?..»

Ветер стих, дождик моросил уныло, по-осеннему, и Андрей понял — Господи, наступает осень! Настоящая осень 1917 года — года революции, года великих потрясений. Завершится ли он мирно или последние месяцы чреваты новыми потрясениями? Сможет ли Временное правительство удержать страну над пропастью? Глупо, когда правительство само себя зовет временным. Отказывает себе в постоянстве, значит, вправе судить и рядить в нашей азиатской стране. Оно неразумно, как меньшевики, — согласившись на такое название, эти эсдеки подписали себе смертный приговор — какой же простой русский человек захочет следовать за маленькими, слабыми... временными. Все партии должны быть *большими,* и все правительства — *постоянными!*

* * *

За несколько дней Андрей осунулся, похудел. Пожалуй, он единственный в комиссии отнесся к своим обязанностям серьезно, хотя менее остальных был готов к этой работе, — его сотоварищи прожили день за днем три военных года, Андрей их пропустил.

В те дни с Андреем случился курьезный эпизод, которому он не придал тогда значения. Он возвращался из комендатуры поздно, устал, потому что весь день провел, мотаясь между моргом и берегом: в тот день была непогода и выбросило много тел — их надо было найти, охранить от мародеров и перевезти в морг, где они никому не были нужны.

Андрей представил, как ему сейчас придется тащиться до гостиницы — полчаса, не меньше, по неосвещенным улицам, — и загрустил. И тут же, как бы в ответ на невысказанные мысли, сзади послышался стук копыт и скрип колес — Андрея догнал извозчик, который возвращался к себе домой, и ему оказалось с Андреем по дороге.

Лицо извозчика показалось Андрею знакомым, о чем Андрей ему сказал. Тот в ответ засмеялся и сказал:

— Как же! На той неделе вы мне рукой махали. Вы еще с усатым парнем были и девушкой-гимназисткой. А я Иван Иванович вез.

— Точно! — обрадовался узнаванию Андрей. — Но вы же видели нас одну минуту, не более.

— Я бы, может, и не запомнил, — сознался извозчик, — но Иван Иванович очень вам не обрадовался. Гони, говорит, гони.

Вот я и поглядел — думаю, что может в таких птенцах, вы уж простите меня, быть опасного для Ивана Ивановича?

— А вы его знаете?

— Он не то чтобы местный, но до войны наезжал сюда, его сестра здесь дом имеет.

— Имение? — сорвалось у Андрея.

— Какое там имение — слово одно... Так и зовется: дача Покровской. Она на лето комнаты сдавала, кто приезжал на купания.

Андрей хотел рассказать об этом Лидочке, но, когда он вернулся, она уже спала — свернулась калачиком в плетеном кресле возле лампы, — ждала-ждала Андрея и заснула.

Андрей старался ходить тихо, на цыпочках, но Лидочка проснулась, была виноватая, и Андрею стало смешно.

А на следующее утро в паршивом настроении от неизбежных дел наступающего дня он забыл об Иване крестьянском сыне.

* * *

Не имевшему своего дома Андрею пансионат «Белград» казался олицетворением домашнего очага — теплоты и уюта. Когда он подходил, еле волоча от усталости ноги, к этому дому, Лидочка ждала его на галерее — ее силуэт был подсвечен сзади желтым светом из открытой двери в комнату.

Лидочка угадала Андрея издали, когда он проходил под фонарем по дорожке, ведущей к пансионату.

Было слышно, как ботинки Андрея шуршат по мелкой гальке. Лидочка подняла руку, узнав Андрея.

— Завтра надо будет сходить в церковь, — сказал Андрей, войдя в комнату. — А то мы с тобой не обвенчаны и живем в грехе.

— Не шути этим. — Лидочка покраснела.

— Не хочешь, не надо, — сказал Андрей, — я согласен жить в грехе.

Он попытался обнять Лидочку, но она вырвалась.

— Что там? — спросила она. — На море?

— Плохо, — сказал Андрей. — Потом расскажу.

Лидочка не стала настаивать.

— У меня тоже новость, — сказала она, — смотри.

Она протянула ему конверт. Адресованный господину и госпоже Берестовым. Батум, почта, до востребования.

— Как ты догадалась? — спросил Андрей.

— Господин Отар принес — у него там кузен служит.

— Ты прочла?

— Разумеется. Я сразу догадалась, от кого.

— От кого?

Андрей ждал от письма дурного и потому не спешил его открыть.

— От пана Теодора, — сказала Лидочка.

— От пана Теодора?

— Ты забыл?

— Ты с ним была в том, другом времени... — вспомнил Андрей, — где меня, по твоему утверждению, уже убили.

— Это так, и в том нет ничего смешного.

Андрей разорвал конверт.

Письмо начиналось с добрых вестей. Господину Теодору удалось установить, что угроза безопасности Андрея, и без того незначительная после закрытия дела в ялтинском суде, вовсе исчезла, потому что в начале сентября гражданин следователь Вревский покинул службу и отбыл в Новороссийск к родственникам, которые пристроили его компаньоном в небольшом деле по поставкам сапог для армии. Так что теперь Андрей может спокойно возвратиться в Симферополь.

Мне также было бы полезно ваше пребывание в Симферополе, — продолжал пан Теодор. — *В ближайшие недели я побываю в этом городе. Возможно, мне понадобится ваша помощь. Так что я прошу вас, Андрей и Лида, пожить в Симферополе до конца декабря.*

Андрей перевернул страницу письма, и Лидочка воспользовалась заминкой, чтобы сказать:

— Если бы не он... и не твой отчим, нас бы здесь не было.

— И может быть, к лучшему, — буркнул Андрей.

— А я так не думаю. По крайней мере я с тобой.

Андрей продолжил чтение:

Надеюсь, вы не будете сердиться на меня за то, что я бесцеремонно вмешиваюсь в вашу жизнь. Но если вы возьмете за труд задуматься, то согласитесь, что связи между мной и вами, между всеми нами, пловцами в реке времени, по необходимости куда более тесные, нежели между нами и всеми обитателями Земли. Миллионы людей, окружающие вас сегодня, не более как фигурки за окном летящего вперед поезда. Не успели вы приглядеться к ним — и они уже исчезли в недосягаемом прошлом, словно растворились в мареве на горизонте. И лишь ваши попутчики в вагоне или в следующем по-

езде, куда вы перешли после пересадки, остаются с вами достаточный промежуток времени, чтобы вглядеться в их лица и понять их тревоги. И совсем ничтожное число людей в этой Вселенной оказываются вашими попутчиками надолго. Для вас пока я — единственный постоянный спутник. И не следует роптать на судьбу — вы вольны остановиться и остаться там, где вы сейчас находитесь. И подобные случаи уже бывали. Но скажу — и не потому, что я претендую на роль пифии, а только основываясь на собственном опыте, — что вы уже не сможете отказаться от движения впереди потока и вне потока. Это болезнь, и, как больной давний, хронический, могу сказать, что в этом наше с вами проклятие и наше с вами счастье. Счастье быть иными. Так что я надеюсь, через несколько недель вы будете в Симферополе и мы с вами неспешно поговорим.

Ваш Теодор.

— Я согласна с ним, — поспешила сказать Лидочка, прежде чем Андрей разразился гневной филиппикой. — Сейчас уже не время рассуждать — кто виноват. Так случилось. Мы оторвались с тобой от корней, и нас несет, как перекати-поле.

— И не подумаю соглашаться с тобой, — сказал Андрей после паузы, словно своим вмешательством Лидочка выбила у него оружие. — Я живу здесь, я самый обыкновенный человек.

— Только моложе Ахмета, своего ровесника, на три года.

— Не цепляйся к деталям, — сказал Андрей. — Разница несущественна. Да, нам с тобой пришлось убежать из того года, потому что мне грозила опасность. И я тебе благодарен за то, что ты разделила эту опасность со мной. Но теперь — ты же видишь, — Андрей показал на письмо, которое Лидочка положила на стол, — Вревского нет, дела об убийстве отчима нет. Мы с тобой живем вместе. И нет никакой нужды более убегать в будущее.

— Я мечтаю о том же. Ведь я по натуре домоседка. Скорей бы кончилась война!

— Теперь уже скоро. Надо читать газеты. Дни Германии сочтены.

— А если начнется новая война?

— С кем же?

— Не надо саркастического тона, Андрюша. Может, с Турцией, с Китаем.

— Лучше скажи — с марсианами!

— А если будет война внутри России?

— У нас была революция! Больше не будет.

— Все равно я с тобой не согласна. Я не зарекаюсь.

За ужином Андрей возобновил спор.

— Мы с тобой как птицы, — сказал он, — как домашний гусь Мартин, который летал в Африку.

— Я подозреваю, что, вернувшись в птичник, Мартин забыл про Африку, — возразила Лида. — Женился, развел детей. Нужна ли Африка домашним гусям?

— Нужна, — сразу ответил Андрей, — чтобы не попасть на сковородку. Домашние гуси не знают, что от сковородки можно улететь. А мы знаем.

Лидочка пожала плечами, поднялась из-за стола, начала убирать тарелки. Они теперь столовались в своей комнате — это было дешевле и чище, — в Батуме уже были случаи холеры, которую принесли из Турции солдаты.

Она понесла посуду на веранду, чтобы спуститься на задний двор и там ее помыть. Андрей смотрел ей вслед — платье Лидочки было чуть тесно, это было прошлогоднее платье.

В дверях Лидочка остановилась, гневно обернулась и сказала:

— Не смей так смотреть на меня!

— Почему?

— Потому что ты меня раздеваешь — я всей спиной чувствую.

— У меня и в мыслях такого не было! — возмутился Андрей. — Я просто смотрел.

— Тогда мне тем более обидно, — непоследовательно сказала Лидочка и исчезла с глаз.

* * *

Покинуть Батум оказалось нелегко. Андрей рассчитывал, что ему помогут в комендатуре, — не зря же он две недели занимался, в сущности, филантропической деятельностью. Но обнаружилось, что шапочные знакомства, заведенные Андреем среди тамошних военных чиновников и врачей, ничего не могли дать — он все равно оставался чужим. К тому же с началом отступления на кавказском фронте обнаружилось немало влиятельных беглецов, которым было необходимо вырваться из Батума в Крым или Одессу.

Андрей ходил и в порт, разговаривал там со шкиперами и матросами, не гнушался и малыми шхунами, но безрезультатно.

С Авдеевым Андрей общался не более, чем необходимо. Он продолжал числиться в экспедиции, которая закончилась так неудачно, — даже рабочие тетради и записи, прорисовки и оттиски

надписей — не говоря о ящиках с находками — покоились на дне Черного моря. Авдеевы, вложившие все свои средства, как понимал Андрей, в табак или другие контрабандные товары, были разорены. Им даже трудно было собрать денег, чтобы отъехать в Москву. Пока что Авдеев обивал пороги батумских тыловых управлений и гудел в тесных пыльных кабинетах, выпрашивая компенсацию.

В последний раз Андрей виделся с ними, когда хоронили Тему Карася. Карася море выбросило на четвертый день. Андрей добился выдачи тела экспедиции и похоронил в отдельной могиле. Он даже купил цветов, а Лидочка соорудила из них большой венок с лентами, на которых было написано золотом по белому: «Незабвенному Артемию Иосифовичу Карасю от друзей и сотрудников по экспедиции». После похорон Андрей представил Авдеевым Лидочку. Пока батюшка в небольшой кладбищенской церкви скороговоркой отпевал Карася — розового, гладкого, он был совсем не похож на утопленника, — Ольга Трифоновна успела рассказать Лидочке о жутком и безвыходном положении утонувшей экспедиции. Ольга сама уже верила в бескорыстие свое и супруга.

Российского так и не нашли.

Вскоре Авдеевы уехали в Тифлис — оттуда они полагали более удобным добраться до Москвы. В Тифлисе жили коллеги Авдеева. Андрея они с собой не позвали — более того, забыли попрощаться. Может, боялись, что Андрей будет проситься с ними.

Сентябрь стоял жаркий, душный, налетали грозы, и на море поднималось волнение. Всю ночь струи дождя колотили по окнам, и слышно было, как ухают валы, разбиваясь о гальку.

* * *

От духоты, шумных нервных ливней и безнадежности Лидочка стала капризной и раздражительной. Она не говорила, что жалеет о прошлом, но Андрей подозревал, что она именно так и думает. После первых двух ночей в их отношениях наступило похолодание — Лидочка испугалась, что у нее будет ребенок, именно сейчас, когда неизвестно, где самим приклонить голову. Андрей ложно истолковывал ее состояние — виня себя в грубости и все более опасаясь, что в один прекрасный день Лидочка предложит ему расстаться.

В понедельник с утра Андрей пошел в порт. Лидочка осталась в гостинице: у нее болела голова и немного лихорадило — Андрей

испугался, не схватила ли она малярию, и велел не вставать с постели, обещав купить в аптеке хины.

Когда он подошел к порту, то увидел, что у пирса стоит транспорт, переоборудованный из пассажирского парохода. Он привез солдат. Андрей подошел, чтобы узнать, куда и когда транспорт намерен отправиться дальше, но никто ничего толком сказать не мог.

И тут его окликнули:

— Андрюша! — Аспасия, в темном длинном платье сестры милосердия и шляпе с вуалью, бежала к нему, подобрав край юбки.

— Госпожа Аспасия! Вы что здесь делаете? — Андрей обрадовался, увидев ее. Движения ее фигуры, наклон головы, линия пальцев — все это вызвало в нем прежние чувства, и в то же время Андрей, о чем Аспасия и не подозревала, повел себя как настоящий женатый господин — то есть оглянулся через плечо и даже отступил на полшага, как будто был уже виноват в неверности.

— Андрей! Как приятно родную физиономию увидеть, ты не представляешь! Ну как ты? Отойдем в тень, тут испечься недолго... иди сюда, дай на тебя погляжу — я уж волновалась, не знала, что с тобой. Но я думала, выплывешь!

— Господи! — загремел над ухом звучный баритон. — Неужто ты живой, а я за упокой твоей души литургию заказал. Ты мне теперь двенадцать рублей должен.

— Гриша, не говори так! — сказала Аспасия возмущенно.

— Не говорю, не говорю, знаю, ты мне эти деньги дала.

— Гриша!

Андрей понял, что военлет Васильев не лжет, — Аспасия в самом деле заказала литургию. Теперь ей неловко об этом вспоминать — вдруг Андрей обидится.

Но Андрею не было обидно — наоборот, он был растроган.

Они стояли в тени рифленого железного пакгауза. Кричали чайки, солнце было ослепительным, но уже не таким жарким, как две недели назад.

— Авдеевы уехали в Тифлис, — сказал Андрей. — Российского я так и не видел — и не знаю, где он, что с ним.

— Может, утоп? — спросила Аспасия.

— Не знаю, поэтому надеюсь. А вот Карась, фотограф наш, утонул. Мы его похоронили.

— Господи, прими душу грешную. — Аспасия перекрестилась.

— Нам Покровский нужен, — сказал Васильев. — Ты Покровского не видел?

— Ивана Ивановича?

— Ивана Ивановича, — подтвердила Аспасия. — О нем потом поговорим. Ты лучше расскажи — как устроился? Ты свою девушку встретил? Живете с ней?

— Встретил, — сказал Андрей, смутившись, будто эта встреча была изменой Аспасии. А в сущности, так оно и было.

— Я рада, — сказала Аспасия.

— А вы почему здесь?

— А ты давно Покровского видел? — загремел Васильев. Андрей подумал: чего-то не хватает. Черной повязки!

— Как ваша рука? — спросил он.

— Как надо, — ответил Васильев. Жестом фокусника он вытащил из кармана галифе черную ленту.

— Гриша, — сказала Аспасия, — у нас с тобой дело.

— Драпаем, — сказал Васильев упрямо. — Но в трудный момент кто рядом с Асей? Я, пьяница, никуда не годный штабс-капитан, лучший пилот на всем Черном море — вот кто рядом!

Васильев был пьян. Не настолько, чтобы шататься, но пьян.

— Трапезунд сейчас — плохое место, — сказала Аспасия, — но я оттуда не убежала. Я думаю — вернусь.

— Что, пришли турки? — Андрей не читал об этом в газетах, но газеты стали такими ненадежными. Они забывали о важном и тратили время на споры между партиями и радетелями за народ.

— Нет еще, — сказала Аспасия.

— Вы будете здесь жить?

— Нет, одного человека найдем и уедем.

— Покровского? А зачем он нужен?

— Когда ты его видел?

— На второй или третий день после того, как мы утонули. Наверное, он уехал. Если бы он остался, я бы его увидел.

— У нас к нему дело, — сказала Аспасия. — Если бы ты знал, где его найти, я бы тебе по гроб жизни была благодарна.

Андрей знал адрес его сестры. И у него не было оснований не помочь Аспасии. Но его остановил взгляд пьяного военлета и напряжение в голосе Аспасии — оба дышали часто, как гончие псы.

Конечно же, гончие псы!

— Чего он натворил? — спросил Андрей, попытавшись улыбнуться.

— Натворил? — Васильев был поражен. — Ваня? Мой друг Ваня, он — само послушание.

«Мой друг Ваня!» — это уж никуда не годилось.

Все осталось там, за морем. Выстрелы, ночные погони и блеск

кинжалов отлично укладывались в экзотическую жизнь Трапезунда. Но Андрею так не хотелось продолжения этого в тихом Батуме!

— Вы замечательно сели на воду, — сказал Андрей Васильеву. — Очень ловко.

— Ничего особенного, — ответил летчик, — море было гладкое, как стеклышко. Не посадка — шутка. Так где же отыскать Ваню?

— Честное слово, не знаю. — Он обращался к Аспасии.

— Я верю, Андрюша, — сказала гречанка. — Где тебя искать, когда соскучусь?

— Мы живем пока в пансионе Ахвледиани. Тебе каждый скажет.

— Если мне нужно будет, я к тебе Гришу пришлю, — сказала Аспасия. — Мне появляться не с руки.

— Почему?

— Твоя девушка будет ревновать, — сказала Аспасия уверенно. — Она сразу догадается, как ты по мне сохнешь.

Андрей открыл было рот, чтобы возразить, но Аспасия захохотала, Васильев ей вторил.

Аспасия сняла шляпу, большая булавка в камешках упала на мостовую. Васильев поднял ее — Аспасия узким рукавом платья вытерла лоб. Ее жест был вульгарен.

— Вы на самолете прилетели? — спросил он.

— На «Кочубее» приплыли, — сказала Аспасия. — Он предлагал, но я лучше три раза утону, чем один раз с самолета упаду.

Больше говорить было не о чем.

— А он тебе про Поти ничего не говорил? — спросил Васильев.

— Кто?

— Кто-кто, Покровский, конечно.

— Нет, — с чистым сердцем ответил Андрей.

— Жалко, — сказала Аспасия.

Андрей понял, в чем странность разговора, — все время, о чем бы ни шла речь, мысли Аспасии и военлета были заняты Иваном. Им было трудно поддерживать разговор на иные темы.

Андрею хотелось уйти. Но вместо этого он спросил с неожиданной для себя настойчивостью:

— Чего вам сдался Иван? Скажите по-человечески!

— Не важно, — сказал Васильев, глядя мимо Андрея.

Андрей ничего более не добился. Он предложил отвести приезжих в кафе — «Воды Лагидзе», освежиться вкусными напитками. Васильев фыркнул, когда понял, что его намерены угощать

водой. Аспасия с лучезарной улыбкой сказала, что они уже завтракали.

Аспасия обещала обязательно навестить Андрея до отъезда. Васильев хлопнул Андрея по спине и задержался, когда Аспасия пошла вдоль набережной.

— Ссуди червонец до лучших времен, — сказал Васильев.

— Неужели бедствуете? — Андрей не мог скрыть неприязни к Васильеву.

— От нее лишнего не дождешься. Я получаю, что мне положено, что мне нужно для души и тела, а деньги, прости, зарабатываю сам.

— У меня нет с собой денег, — сказал Андрей.

Аспасия остановилась и оглянулась.

— Гриша! — крикнула она. — У Андрея нет с собой денег.

Васильев восторженно выругался.

— Как она меня, мать ее, знает, а?

Его крепкие пальцы мгновенно заглянули в нагрудный карман Андрюшиной рубашки. Но там было пусто.

— Ну ты хитер, — сказал Васильев, — ты хитер. Дай червонец, а то Вревскому скажу! — Он звонко рассмеялся, показывая золотые зубы, и чуть вперевалочку, блестя сапогами с кавалерийскими шпорами, поспешил за Аспасией.

Разумеется, ни Аспасия, ни Васильев более не показывались. Андрей вдруг испугался за Ивана, хоть и ничего их не связывало. Но он не хотел ему беды, а эта парочка, как лиса и кот из «Пиноккио», просто сочилась опасностью и обманом.

И, расставшись с ними, Андрей вдруг понял, что чары Аспасии, чуть было не овладевшие им вновь при встрече, потускнели. Словно близость Лидочки защищала от них... Смешно!

Рассказывая о встрече Лидочке, Андрей подумал вслух: «Может быть, доехать до Ивановой сестры, предупредить археолога?»

Лидочка отговорила Андрея — ей все эти люди были чужды и дела их непонятны. Какие-то контрабандисты и жулики обманывают друг друга. Почему Андрюша должен вмешиваться?

Лидочка никогда не выходила на ночную улицу Трапезунда, не слышала его ночных звуков, не знала его запахов и тревоги. К тому же хоть она и не стала говорить Андрею, но сама мысль о том, что у Андрея появилась приятельница — по профессии своей содержательница публичного дома, была ей отвратительна.

Это настроение Лидочки, наложившееся на невозможность уехать из грязного чужого Батума, привело к их первой в жизни

глупой ссоре, после которой они не разговаривали и были несчастны.

Наконец Андрей решил оставить Лидочку и уйти на поиски дома Покровских. Но тут Лидочка не удержалась и расплакалась, и стало не до ухода.

Лидочка долго не могла успокоиться, даже когда они помирились и потом засыпали, она с тоской думала, как хорошо бы сейчас вернуться к маме — именно к маме, — все иные люди на Божьем свете чужие, даже Андрей совсем чужой — и непонятно, за что она должна лежать с чужим мужчиной в одной кровати...

С утра на следующий день прибежал племянник дяди Отара и сказал, что есть один человек, который знает, как поехать в Ялту. И в самом деле оказалось, что на следующий день в Батум придет фелюга, которая везет товар в Евпаторию. Надо было договориться с нужными людьми. Поиски нужных людей и бесконечное их ожидание, потому что нужные люди в самом деле ничего не знали, но более всего боялись, как бы Андрей не догадался, что они ничего не знают, и не отказал в комиссионных, заняли весь день. Затем с вечера ждали фелюгу и смотрели с надеждой на море, над которым клубились лиловые цвета греческого траура, — погода портилась. Фелюга заявилась к рассвету, и ее шкипера удалось увидеть только после обеда, когда он выспался.

* * *

Фелюга была одесская. Ее хозяин, он же шкипер Михай Попеску, плотный, коротконогий романтик в капитанской фуражке с крабом червонного золота, о чем знало все Черное море, но украсть фуражку не смог ни один биндюжник, торопился вернуться домой к концу октября. Фелюга была недогружена, вот он и взял пассажиров.

Михай Попеску был, по обыкновению, пьян и весел — он перебудил весь пансион, подарил возмущенной мадам Ахвледиани сандаловый крестик, освященный в Иерусалиме, и выпил с Отаром бутылку киндзмараули. Андрей с Лидочкой как раз собирались спать, но сон пришлось отложить, потому что они понравились капитану Попеску и он решил тут же, не теряя ни минуты, выйти в море, ночью, не взяв груза. Еще час все уговаривали Попеску подождать до утра и, конечно же, уговорили.

Лидочка ушла спать в половине третьего ночи, а Андрею пришлось остаться — Михай его не отпускал. И ясно было, что если

он обидится, то придется ждать следующей оказии до Крыма; когда она объявится — неизвестно.

В коротеньком Михае был удивительный запас энергии — он был как бы увеличенным трехлетним мальчишкой, который производит столько энергичных движений, что взрослый человек уже через час соревнования с младенцем умер бы от разрыва сердца.

Впрочем, Андрей не жалел, что встретился со шкипером. Михай был переполнен удивительными и невероятными историями и, как утверждали знавшие его свидетели, не грешил против истины. А происходило это оттого, что Михаю обязательно надо было сунуть нос в любую драку или авантюру. Потому-то он уже полгода не мог вернуться домой. Некогда было — его затягивали авантюры, которые не приносили денег, а постепенно вели к разорению. Зато Михая знали все, любили почти все, ненавидели немногие, большей частью обманутые мужья.

За хорошим вином и жаркими беседами, в которых участвовал калейдоскоп незнакомых лиц, возникавших из ночи и в ночь проваливавшихся, за песнями грузинскими, румынскими и российскими ночь благополучно миновала, наступил рассвет, и Михай решил, что пора будить Лидочку и перебираться на фелюгу, которую звали «Императрица Мария» — официально в память броненосца, загадочно взорвавшегося в Севастополе в шестнадцатом году, а в самом-то деле в честь тети Михая, которая живет в Констанце.

Андрей, голова у которого была хрустально ясной, как бывает после хмельной и полной шумных бесед ночи, пошел было собираться, но тут к пансиону подъехал черный мотор из комендатуры порта, тот самый, на котором Андрею за последние недели приходилось неоднократно ездить вдоль побережья, обследуя трупы погибших на «Измаиле» и обеспечивая их охрану от мародеров.

В автомобиле прибыл знакомый унтер-офицер Герасимов. Он вошел в нижний зал пансионата, где умирало ночное веселье.

— Ваше благородие, — обрадовался он тому, что не придется будить Андрея, — вам письмо от господина коменданта.

Появление шоффэра с письмом привело Михая Попеску в торжественное изумление — ему ранее не приходилось держать в друзьях столь высокопоставленных людей. На всякий случай он тоже поднялся из-за стола и стоял рядом с Андреем, чуть покачиваясь и держа пальцы у козырька фуражки.

Комендант, написавший письмо, полагал, что Берестов как

единственный действующий член комиссии по захоронению останков жертв с «Измаила» остается готовым к исполнению своих обязанностей.

Море выбросило еще один труп, очевидно, с «Измаила». Случилось это у Чаквы, а так как у гражданина коменданта нет достаточно надежных сотрудников для того, чтобы провести доследование, а гражданин Берестов имеет опыт в делах подобного рода, комендант направляет ему свой автомобиль для выполнения поручения и принятия на месте должных мер.

— Еще чего не хватало! — вырвалось у Андрея, который был совершенно убежден в том, что ни в какую Чакву он не поедет.

Но тут он увидел направленный на него снизу взгляд лучшего друга Михая Попеску, который жаждал удивительных приключений и который никогда не простил бы Андрею такого отступничества.

— А долго ехать? — спросил Андрей Герасимова. — А то мы сегодня отчаливаем.

— Недолго, — ответил Герасимов.

— А дорога хорошая?

— Дорога отличная! — сказал Михай, который никогда по ней не ездил.

И случайные собутыльники, которых к утру осталось немного, но были они решительны, тут же поддержали его.

— Дорога так себе, — сказал Герасимов. Он тоже предпочел бы не ездить: покойником больше, меньше — в наши-то времена.

— Ну что ж, — сказал Андрей, — значит, не меньше двух часов.

— Я с собой всего возьму, — сказал Михай, — вы не волнуйтесь. И продукты, и удовольствия возьму.

Большую часть дороги Андрей проспал, а Михай, в праве которого участвовать в путешествии никто не усомнился, сидел рядом с шоффэром и развлекал того разговорами. Потом они с Герасимовым пили взятое с собой вино и угощали шоффэра. Ближе к Чакве шоффэр развеселился и тоже стал петь песни. К выбоинам и лужам от вчерашнего шторма он стал относиться с великолепным презрением, от чего совершенно трезвому и печальному Андрею было не по себе.

Когда они наконец доехали до поселка Николаи верстах в двух от Чаквы, куда волны закинули несчастного утопленника, Герасимов прервал пение и сообщил Андрею, что скоро будут на месте. Очки Герасимова съехали на красный носик, а глазки были голубенькие и мутные под очками, будто разбавленные молоком.

Свернули на узкую дорожку и съехали к морю. Утопленник лежал далеко от воды — его оттащили еще вечером. Голова и грудь утопленника были закрыты застиранной тряпкой.

Возле утопленника сидел местный милиционер с красной повязкой на рукаве и хрустел сочной грушей. Пятеро или шестеро ребятишек, черные и почти голые, стояли, глядя на грушу, и это Андрею показалось странным, потому что смотреть на утопленника вроде бы интереснее, чем на грушу. Но он был не прав — утопленник уже не был новостью.

При виде приближающегося мотора милиционер встал, ребятишки кинулись навстречу новому развлечению — из кустов, скрывающих дома, в мгновение ока появились местные жители. Все смотрели на Михая в фуражке с золотым крабом — он был похож на начальника, и это ему нравилось. Михай встал в автомобиле и смотрел на утопленника сверху — как бы в перспективе.

Андрей вскочил, открыл дверцу, выскочил из мотора, сказал милиционеру:

— Откройте его.

Милиционер посмотрел на Михая, ожидая подтверждения.

Михай сказал:

— Давай! Сказали же!

Один башмак держался на ноге — вторая нога была босой, пальцы ног были голубыми.

Милиционер открыл тряпку — местные жители сдвинулись, словно видели тело впервые.

Это был Иван Иванович. Он был в розовой рубашке и черных студенческих брюках. Лицо его было гладко и красиво. Пшеничные волосы высохли и обрамляли лицо так, что создавали сходство с богатырем на картине Билибина. Глаза крестьянского сына были закрыты. Он никогда уже не купит имения.

Андрей понимал, что в смерти Ивана виноват только он, только тряпичность его характера. Он должен был поехать к его сестре, отыскать и предупредить Ивана, что приехали Аспасия и Васильев — ядовитые, как гремучие змеи.

Чем же ты так рассердил их? Что ты утаил от синдиката кобр? Что было в твоем чемодане, Иван?

— Что? — спросил Михай, который спустился с автомобиля и встал рядом с Андреем. Все смотрели на Михая и ждали, что скажет начальник в фуражке.

— У него должна быть рана, — сказал Андрей. — В спине.

По толпе местных жителей прокатился гул — уважение их перешло к Андрею.

— Его ножом убили, — сказал милиционер, — под лопатка. Потом море кидали.

— Вот это дедукция! — сказал Михай Попеску. — Я уважаю.

И, признав эти заслуги Андрея, он приказал перевернуть Ивана на грудь. Разрез в спине был невелик и не кровоточил.

— Его надо отправить в Батум, — сказал Андрей. — Но он не имеет отношения к пароходу.

— Ясное дело, — сказал милиционер.

— Кто-нибудь видел этого человека раньше? — спросил Андрей.

Никто не ответил.

— А кто видел, — спросил Андрей, — очень красивую молодую греческую женщину в черном платье и вот такой широкой шляпе? А с ней военного летчика, офицера, капитана, у него рука на черной перевязи?

Но никто не видел или не хотел сказать, что видел Аспасию и Васильева.

Унтер-офицер Герасимов, сообразив, что мертвец проходит по уголовному ведомству и не имеет отношения к «Измаилу», пожелал тут же ехать обратно в Батум, бросив Ивана Ивановича на произвол судьбы. Но Андрей проявил упорство, а Михай, будучи сентиментальным человеком, Андрея поддержал.

Завернув крестьянского сына в старый парус, купленный Андреем там же, в поселке, они положили тело в машину и отвезли к местной церкви. Кладбище начиналось за церковью, и к ее алтарной стене были прислонены сохнущие гробы — там и работал плотник.

Договорившись о службе через час, Андрей поехал в дом к Покровским, надеясь передать сестре дальнейшие заботы об Иване Ивановиче.

Дом отыскали довольно быстро, но сестры найти не удалось. По простой причине — домик Покровских, оказывается, прошлой ночью сгорел. Почему — никто не знал. Домик стоял в отдалении от других домов, и никто не обратил внимания, куда делись его обитатели.

Вернулись к церкви. Герасимов с шоффэром улеглись спать в автомобиле. Андрей с дядей Михаем отстояли скорое, скомканное отпевание раба Божьего Ивана. В гробу Иван Иванович приобрел солидность и постоянство черт, чего ему так не хватало при

жизни. Лицо его было строгим и красивым. Дядя Михай заметил, что Андрей плачет, и сказал:

— Ну, полно, полно, ты не виноват.

— Я виноват, — сказал Андрей.

Андрей отдал все свои деньги батюшке, но у шкипера нашлось еще двадцать рублей могильщику, который выкопал яму и написал на табличке, прибитой к кресту, имя и фамилию крестьянского сына.

Андрей спросил у желтолицего, раздражительного батюшки, что случилось с домом Покровских и куда делась его сестра. Священник ничего ответить не смог — никто в Чакве толком не знал Покровских. Иван Иванович и Полина жили уединенно, с людьми не сходились. Пожар случился ночью, но дом, как говорят пожарные, был пуст.

Любопытно, подумал Андрей, что сталось с чемоданом? Достался ли он Аспасии или сгорел?

Когда гроб выносили, Андрей разбудил Герасимова и шоффэра — они вчетвером отнесли Ивана Ивановича к могиле и помогли могильщику опустить его в неглубокую яму. Андрей, как бы родственник, первым кинул ком сухой земли на крышку гроба. Комок гулко ударился о дерево, словно Андрей стучался к Ивану в домик.

— Наверное, хороший был человек, — сказал Михай с маленьким знаком вопроса в конце фразы.

— Хороший, — согласился Андрей.

На обратном пути Андрей рассказал спутникам о том, что Иван был великим знатоком древних рукописей и чуть-чуть не дожил до профессорства.

— Кто же мог поднять руку на такого человека? — патетически вопрошал Михай.

— Грабители, — сказал Герасимов. — Их здесь теперь как собак нерезаных. За три рубля готовы зарезать. А у него, наверное, из Турции добра было на тысячу рублей.

— Один чемодан, — сказал Андрей. — Мы же на «Измаиле» были.

— Ну если на «Измаиле»... — согласился Герасимов. — Только бандиты об этом не знали.

В комендатуре Андрей доложил, что утопленник был в таком плачевном состоянии, что пришлось захоронить его в Чакве. Комендант был рад, что с него сняты лишние заботы, и долго тряс Андрею руку. А когда тот сказал, что назавтра уезжает, комен-

дант искренне расстроился и попросил остаться еще на неделю-другую.

— Поймите меня, Андрей Сергеевич, — сказал он, — не дай Бог, завтра или послезавтра еще кого выкинет. Ведь, кроме вас, мне другого человека с совестью в этом городе не отыскать.

* * *

Супруги Ахвледиани пошли проводить Берестовых до пирса. Отар нес плетеную бутыль чачи.

— Ты бери подарок, — говорил он Андрею. — Ты бери, потому что в России это все равно что золото.

Вещей у них почти не было — небольшой чемодан у Лидочки, у Андрея все с собой. Как у Диогена.

Даже странно было уезжать в другой город, в другой мир, так вот, налегке, неся в руке нетяжелый Лидочкин чемодан. На площади был митинг. Кроме красных флагов, под утренним ветерком реяли и грузинские. Оратор, стоявший на сиденье автомобиля, кричал по-грузински.

— Как нехорошо, — сказала лояльная госпожа Ахвледиани. — Зачем кричит?

Фелюга «Императрица Мария» покачивалась саженях в ста от берега. Михай увидел Берестовых, когда они еще спускались к берегу, и спрыгнул в ялик, привязанный к борту фелюги. Он греб резкими частыми движениями, и ялик шел рывками.

Андрей наблюдал за ним, это была картинка из какого-то читанного в детстве романа про пиратов — на Михае был красный платок, а одежда ограничивалась серыми штанами.

— Батоно Отари! — закричали сверху. К ним бежал мальчик, который разносил чай по номерам и иногда подметал на галерее. Он размахивал белым конвертом.

Письмо было адресовано господину Берестову в собственные руки.

Почерк на конверте был уверенным, наклонным, резким — почерк интеллигентного человека. Обратного адреса не было.

— Сейчас почтальон принес! — сообщил мальчик, довольный тем, что успел передать письмо. — Я так бежал!

Лидочка дала мальчику полтинник. Андрей разорвал конверт.

Дорогой Андрей! — Буквы были крупные, быстрые. — *Раз ты получил письмо, значит, мои дела плохи. Другими словами, значит, меня больше нет на свете. Только при получении известия об этом*

письмо двинется в путь. Это так глупо — неужели возможно, что я, такой молодой, красивый, сильный и даже веселый, могу прекратить существование. Как это прикажете понимать?

Андрей перевернул большой лист, чтобы взглянуть на подпись. Он и без этого догадывался, что письмо — от Ивана, который и в самом деле умер и теперь разговаривает с ним с того света. Ему даже стало зябко, хотя солнце грело, обещая теплый день.

— От кого? — спросила Лидочка.

— От крестьянского сына, — сказал Андрей. Лидочка не поняла, она не знала этого прозвища. Но переспрашивать не стала. Ялик с фелюги уже приближался, видно было, как блестят капли пота на плечах Михая. Андрей быстро читал дальше:

Дело прошлое, но могу признаться, что ты — один из очень немногих приятных мне человеков. И поэтому, разрывая связь с миром живых, делаю тебя своим наследником. Ты помнишь о царском погребении в башне? Ты догадываешься, кто мог его ограбить? Правильно. Твой покорный слуга.

— Этого не может быть! — воскликнул Андрей.

— Эге-гей! — Михай отпустил весло и поднял руку, приветствуя их. — Доброе утро!

— Что там? — спросила Лидочка.

— Я потом тебе дам, — сказал Андрей. — Я сам еще не понимаю.

Он спешил дочитать, прежде чем Михай достигнет берега. Он понимал, что в письме могут заключаться сведения, которые заставят его изменить планы и, может быть, даже отложить отъезд из Батума. Лидочка тоже ощутила эту опасность — кожей ощутила. Но не знала, как бы сжечь, пустить по ветру это зловещее письмо.

Не время и не место рассказывать сейчас, как мне это удалось и как мне способствовал в этом ливень, отогнавший под крышу бдительных часовых. Не спеши рвать письмо и осуждать меня. Ты беседуешь с мертвым человеком, которому все равно, что ты о чем думаешь. Но если в тебе осталась малая толика объективности, ты признаешь, что ценности (а их число невелико), бывшие в гробу, достались бы корыстному Авдееву и, вернее всего, даже без гибели «Измаила» до музея не добрались. Больших мерзавцев и жуликов, чем чета Авдеевых, я не видел. Но «Измаил» погиб, и с ним погибло все экспедиционное имущество. И все ее трофеи. Спасен был лишь мой чемодан, в чем ты принимал деятельное участие.

— Андрей!

Тот отмахнулся:

— Сейчас, одну минуту!

За неблагородным занятием спасения погребения от корыстного Авдеева меня застал один человек. Не важно кто. Мне надо было его убить. Я же от него откупился. Теперь я буду до конца моих дней ждать, когда он проговорится Аспасии или Рефику, а может, гражданину Метелкину. Не столь важно кому. И раз ты читаешь это письмо, дружище, значит, он уже проговорился.

Я спешу кончить письмо. Надеюсь, что у меня еще будет возможность написать продолжение или даже вместе с тобой когда-нибудь посмеяться над моими страхами. Но запомни, что чемодан я оставил сестре. Там некоторые из находок, не представляющие финансового, но имеющие исторический интерес. Там же научное описание погребения. Может пригодиться. Остальная часть ценностей мною спрятана надежно. Ты получишь о том сообщение — этому же письму я не могу доверить столь много и подвергнуть опасности твою дурацкую жизнь, мой друг.

По натуре я не вор, но мне надоела бедность — она унизительна.

— Андрей, чего не встречаешь!

— Сейчас!

Твой: Москва, Почтамт, до востребования. Иван Покровский.

Андрей сложил письмо и спрятал в карман. Он вернул способность видеть и слышать окружающее. Михай Попеску уже вытащил нос ялика на гальку. Отар Ахведиани передавал ему чемодан.

— Что случилось? — спросил Михай. — На тебе лица нет!

— Все в порядке!

— Мы уезжаем? — спросила Лидочка, страшась услышать отрицательный ответ.

— Разумеется, мы уезжаем, — сказал Андрей. — Я тебе потом дам почитать.

— Я понимаю!

Лидочка расцеловалась с мадам Ахведиани. Отар сам поставил бутыль в ялик. Михай поглядел на нее с уважением и сказал:

— Теперь мы наверняка промахнемся мимо Крыма.

Лидочка прочла письмо, когда фелюга уже шла к Крыму и кавказский берег скрылся из глаз.

— Как это гадко, — сказала она, возвращая письмо.

— Он умер. Его убили. Наказание страшнее, чем проступок.

— Чемодан остался у сестры?

— Дом сгорел. Или сестра увезла чемодан с собой, или он погиб вместе с домом.

— А что будет дальше?

— А дальше я зайду в Москве на почтамт, — сказал Андрей.

— Зачем?

— Потому что Иван просил меня об этом.

— Объясни. — Лидочка насупила брови.

— Прочти последнюю строку письма.

— Ты думаешь, это намек?

— Да, я так думаю.

— Мне не хочется, чтобы ты с этим связывался.

— Я не хотел бы, чтобы все погибло.

Михай высунул голову из люка и закричал:

— Чай пить будете, голуби?

— Спасибо, сейчас идем.

Глава 6

Октябрь — декабрь 1917 г.

25 октября, в ночь, в России совершалась революция. Нынче известно, что она победила. В те часы об этом никто не знал.

Без двадцати одиннадцать меньшевик Дан открыл заседание 2-го съезда Советов.

Одного из лидеров большевиков Владимира Ульянова (Ленина) на съезде не было — он прятался в небольшой комнате рядом с залом заседаний. Кто-то принес матрас и подушки — видно, предполагалось, что там будут спать дежурные. Ленин бегал по комнате, подходил к двери, приоткрывал ее, заглядывал в пустой коридор, прислушивался, напрягая слух, к далеким звукам, доносившимся из зала. Он хотел быть сейчас там, но в то же время полагал, что больше нужен партии живым, — ведь неизвестно, чем кончится переворот. В случае поражения снова предстоит эмиграция.

Все важные центры Петрограда уже были заняты большевиками, лишь в Зимнем дворце под ничтожной охраной из трехсот юнкеров и женщин-ударниц продолжало держаться Временное правительство. Силы большевиков, стянутые к Зимнему, многократно превышали силы тех, кто его оборонял, но командовали

штурмом весьма неопытные в проведении революций молодые люди, а отсутствие разведки порождало среди остановившихся на почтительном расстоянии от дворца солдат и красногвардейцев слухи о мощных и несокрушимых силах защитников Временного правительства. Как известно, революционные штурмы побеждают лишь тогда, когда превосходство революционеров исчисляется в сотни раз. Так было со штурмом Бастилии и с убийством Юлия Цезаря. Революционеры отважны, только когда видят вокруг себя значительную и грозную дружественную толпу. Во всех иных ситуациях они скрываются за баррикады, дожидаясь, когда каратели возьмут эти баррикады штурмом. Само возведение баррикад — яркое свидетельство поражения.

Владимир Ильич Ленин таился в пустой комнате, ожидая, когда из зала забежит кто-либо из его соратников и поделится впечатлениями о ходе съезда.

Чем кончится съезд, было трудно предсказать, несмотря на то что большинство делегатов на нем поддерживало большевиков. Но это совсем не означало, что за большевиками большинство в стране, тем более подавляющее большинство. И меньшевики, а также социалисты-революционеры, которые были в меньшинстве, вовсе не были таковыми в стране.

Все еще напуганный корниловским мятежом, которого он не предусмотрел и не смог заранее должным образом оценить, Ленин вопреки своей склонности к чистоте партийных рядов и лишь тактическим соглашениям с иными силами, которые нужно немедленно разрывать, как только к тому есть возможность — власть не делится! — незадолго до переворота выступил с призывом к объединению всех демократических сил в России. Он писал так: «Исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к Советам, сделал бы гражданскую войну в России невозможной. Ибо против такого союза... никакая буржуазией начатая война немыслима, такая «война» не дошла бы до одного сражения».

Набегавшись по комнатке, Ленин садился на подушку и утыкал обритый подбородок в ладони — что же они медлят! Именно сейчас нужно решать! Общий союз!

Его усталому воспаленному мозгу чудились гвардейские дивизии, что спешат с фронта на спасение Временного правительства — в любой момент они могут ворваться в Петроград, и тогда снова бегство, снова ночевки в шалаше или закат жизни в швейцарской квартирке. Неужели те, что в зале, не найдут способа уговорить меньшевиков и эсеров на союз?

Ленин, вскакивая с подушки, кидался к двери, осторожно высовывался — он бы отдал полцарства, чтобы оказаться в зале! Но полцарства у него пока не было.

В это время по коридору спешил пан Теодор, который не хотел упустить исторический момент победы революции, хотя и сам лишь подозревал, что он будет историческим.

Из-за белой двери выглядывал, прислушиваясь, невысокий плотный, бритый наголо человек. Пан Теодор с трудом узнал лидера большевиков Ульянова-Ленина.

— Владимир Ильич? — спросил он.

Тот поднял палец к губам, но в его движении не было страха, а скорее удовольствие мальчика, который играет в шпионов и надел на голову ведро, чтобы его не узнали.

— Вы, товарищ, откуда? — спросил Ленин. — Вы делегат?

— Нет, — сказал Теодор, — я с фронта. Я из военной группы.

— Большевик? — Голова склонилась набок, будто вопрос звучал, человек ли он либо исчадие ада, некое животное, от которого можно ждать любой пакости.

— Большевик, — ответил Теодор, знавший из долгого опыта предсказателя, что своей жертве всегда надо говорить то, что она желает услышать. Гадание — это не попытка установления истины, а попытка установления желанного мира в душе того, кому ты гадаешь. Человек всегда забывает несбывшееся гадание — помнит же то, что сбылось. Любит он ту гадалку, которая может угадать его желания и поведать об их возможном исполнении.

— Товарищ, — не скрывал своей радости Ленин, — принесите мне откуда-нибудь стакан чаю. Один стакан. Бутерброда не надо. Мне все обещают, но никто не несет.

Из зала донеслись аплодисменты.

— Нет, — сказал Ленин, — не там решается судьба страны. Все решается даже не перед Зимним дворцом. Все решается на подступах к городу — как вы думаете, товарищ, встанут ли солдаты на поддержку Временного правительства?

— Не думаю, Владимир Ильич, — сказал пан Теодор.

— А я вот не уверен! — сказал Ленин. — У вас найдется гривенник? Вот возьмите у меня.

— Зачем?

— На чай. Могут не дать бесплатно. Вы же знаете русских.

Раздобыв за три рубля в гардеробной, где бывшие швейцары и дворники, ожидая, пока успокоятся революционеры, гоняли чаи, целый чайник заварки и два стакана, пан Теодор вернулся в

маленькую комнату, где, сидя на матрасе, скрестив ноги в поношенных черных ботинках, его ждал Ленин.

— Ого! — обрадовался он. — Целый чайник! Не ожидал. А вы, знаете, произвели на меня неблагоприятное впечатление. Этот тип, сказал я себе, никогда не принесет чаю. Никогда! Типичный агент охранки! — И Ленин рассмеялся веселым, заразительным, искренним смехом. — Где же вы, батенька, так разжились?

— Вы еще не знаете всего, Владимир Ильич, — сказал, улыбаясь, пан Теодор и вытащил из кармана целую горсть дешевых, но в фантиках конфет «Забава».

— Это пир, это настоящий пир! — воскликнул Ленин.

Он сам разлил чай по стаканам. Они сидели на подушках на полу и искренне наслаждались горячим крепким напитком.

Ленин был интересен Теодору. Он давно уже выделял его из числа большевистских лидеров, да и вообще русских политиков, полагая, что если ему не свернут голову соратники, то настоящих соперников у него в России нет — он оказался на голову хитрее, решительнее, беспринципнее и гибче любого Милюкова или Керенского. Он понимал, что главное в политике — вопрос о власти. Он рвался к ней и, упуская ее — а это с ним не раз случалось в карьере, — начинал метаться, яростно интриговать и энергично спорить и каждый раз возвращал себе главенство в партии. Он всегда умел быть старше иных, даже если иные родились раньше его на десять или двадцать лет. И вел себя с соратниками так же круто и безжалостно, как с политическими врагами. Второе великое качество Ленина заключалось в том, что его ни на чем нельзя было подловить: ни на деньгах, ни на славе, ни на женщине — ему нужна была только власть, к остальному он был равнодушен. Как прикажете шантажировать, запугивать политического лидера, если он сидит на полу в необставленной комнате, пьет из лакейского стакана пустой чай, искренне полагая, что купил его за гривенник, а мысли его заняты тем, что происходит в соседнем зале, что делается на площади перед Зимним дворцом, что творится на близких к Петрограду железнодорожных станциях, и притом ему глубоко интересен его собеседник, потому что он может высосать из него сведения. Ленин давно понял, что его сила не только в характере, умении плести интриги и называть черное белым. Главное — информация, знание всего, что происходит в стране и в мире, желательно знание того, что творится в каждом человеке. Его русские коллеги и соперники были, как правило, ленивы и нелюбопытны — Ленин же всегда трудился.

— Это бессмысленно, — сказал он, вдруг прервав собствен-

ную фразу. — Бессмысленно топтаться на площади перед Зимним дворцом и уверять себя, что охрана дворца так велика, что Подвойскому с его силами ее не одолеть. Я убежден, что ударницы уже сбежали, потому что ночью темно и страшно, вот-вот придут матросы и всех изнасилуют. Вы со мной согласны, товарищ?

— Они уже ушли, — сказал Теодор. — И самокатчики ушли.

— Там осталось человек триста, не больше. И никто не хочет драться. Вперед же! — Ленин выбросил руку вперед.

Он так и замер с протянутой вверх рукой. Теодор подумал, что когда-нибудь в России поставят Ленину памятник — именно в такой позе.

Ленин вскочил, подбежал к двери, приоткрыл ее.

— По-моему, говорит Мартов, — сказал он.

Говорил Лев Мартов — один из основателей партии социал-демократов, человек уважаемый и независимый, вернувшийся в Россию вместе с Лениным. Мартов призвал к согласию между социалистическими партиями. Он убеждал съезд, что только союз со всеми левыми партиями спасет революцию.

Штурм Зимнего дворца продолжался, а зал, растерянно затихший после речи Мартова, ждал, что будет дальше.

Пройдет много лет, и революция будет постепенно введена в русло общепринятых мифов. Большинство из них будет создано сознательно людьми, которые захотят переписать историю в своих интересах и получат возможность это сделать. Одни — потому, что истинная роль в событиях их по прошествии времени уже не устраивала, иные потому, что имели основания бояться, что современники или потомки узнают неприглядную правду.

Некоторые из важных деталей той ночи — с 25 на 26 октября — в официальных учебниках и трудах пропадут. Пропадет великий вождь, который сидит за стенкой, на подушке, брошенной кем-то на пол, боясь выйти в шумящий революционный зал, и неистовствует от полного незнания того, что происходит вне и помимо его воли. На общем полотне победившей революции затерялся и забылся в протоколах, которые не принято было публиковать и даже читать, тот этап революции, когда отряды большевиков стояли перед Зимним дворцом, не решаясь начать наступление, а в зале заседания съезда Советов большевики старались сколотить общий фронт против Временного правительства и правых, которых считали непобежденными.

Жест Мартова, предложившего мир и переговоры, был пробным шаром, которого ждали большевики. Следующими должны

сказать свое слово самые сильные и решительные из союзников, ныне оттертые от власти и потому ревниво следящие за событиями — левые социалисты-революционеры.

От их имени на трибуну поднялся член Центрального Комитета, красивый, элегантный и каждым жестом подчеркивавший свою элегантность, Сергей Мстиславский, носивший громкую фамилию русских князей, которые не раз решали судьбы России.

На самом деле фамилия этого эсера была иной, куда более плебейской. Княжескую фамилию он принял из куража. Приятно быть знаменитым и знатным князем, выходящим притом с пистолетом на Сенатскую площадь. Мстиславский не мог бы стать большевиком.

От имени левых эсеров Мстиславский поддержал Мартова — партия была согласна на объединение усилий всех левых сил ради спасения революции от натиска буржуазии.

Ждали выступления большевиков. Каменев, сидевший на председательском месте, ничем не выказал своего неприятия позиции Мартова или Мстиславского и дал слово Луначарскому — представителю либерального крыла большевиков.

Луначарский заявил, что большевики полностью поддерживают меньшевика Мартова и эсера Мстиславского. Да здравствует единство демократических сил! Да здравствует единение большевиков, меньшевиков, эсеров, анархистов! И нет силы в России, которая посмеет подняться против такого союза!

Каменев поставил предложение Мартова на голосование.

2-й съезд Советов единогласно принял его под овации всего зала.

Большевики так мечтали о союзе с остальными демократами, что не могли поверить собственному счастью. Они были как рыбак, поймавший на удочку осетра в две сажени. Ходит тот рыбак вокруг осетра и не верит: неужели это все мне одному?!

Но тут наконец штурм Зимнего дворца начался.

Когда штурмующие ворвались во дворец, то лишь в двух местах они встретили цепи юнкеров, но цепи стрелять не стали, а при виде противника тут же сложили оружие. Так что штурмовать было некого — единственная задача заключалась в том, чтобы не заблудиться в бесконечных коридорах и залах дворца. И пока наиболее решительно настроенные революционеры, набившись в комнату, где обреченно ждали конца министры Временного правительства, кричали, что наступила заря новой власти, большинство солдат и матросов, рабочих и гимназистов, взявших дворец, разошлось по бесчисленным комнатам, выламывая, выковыривая, рассовывая по карманам и за пазуху сувениры, которые можно было вытащить наружу, — тем более что охранять отныне народное достояние было некому. Кроме победителей, по комнатам бродили раненые — часть дворца была занята в то время под солдатский госпиталь, и раненым не хотелось оставаться в стороне от первого грабежа царской собственности.

Зимний пал! Еще не было объявлено об этом официально, еще не вывели из дворца понурых и сонных министров Временного правительства, а до Смольного донеслось известие: революция, «о которой столько твердили большевики», свершилась! Следовало немедленно разрушить достигнутое на съезде единство.

И тогда на трибуну поднялся совсем другой большевик — из крыла решительного и боевого, подобно вождю, сидевшему в соседней комнате. Пришел человек безликого псевдонима — Лев Троцкий, позаимствовавший фамилию у русского генерала Троцкого, начальника штаба русских войск при покорении Средней Азии.

Речь Троцкого открыла его сверкающий путь великолепного оратора, который умел словом поднять армии.

— Восстание народных масс, — кричал он, уткнув в зал острую эспаньолку, — не нуждается в оправдании! То, что произошло, — это восстание, а не заговор... народные массы шли под нашим знаменем и победили!

На следующем заседании съезда, когда во всем Петрограде не осталось организованного сопротивления большевикам, уже присутствовал Ленин и сделал там доклад.

Теодор провел не один час, стараясь отыскать альтернативы той ночи, — он полагал, что ночь важна для истории и историков, потому что она во многом определит судьбы XX века на всей Земле. Была ли надежда на то, что блок левых партий сохранится хотя бы на время? Ведь Теодор собственными глазами видел, как радостно и воодушевленно зал проголосовал за единство! И как на глазах разрушилось это единство.

Большевики согласны были делить власть только до того момента, пока не были уверены в своей безопасности. Как только они победили, союзники им стали не нужны, а потом и вредны. Ленин тут же забыл о собственной идее общего фронта, против которого буржуазия не посмеет начать гражданской войны. И в наступающей гражданской войне на стороне врагов большевистской республики во многих случаях оказались отвергнутые ею демократы, и судьба их была трагична. Но не более трагична, чем судьба тех анархистов и левых эсеров, которые остались с большевиками и погибли.

* * *

Партия большевиков в силу особенностей ее доктрины и людей, стоявших во главе ее, никогда не намеревалась заработать власть. Она хотела ее захватить. Она годилась для страны тоталитарной, где переход власти может быть только насильственным.

Но то, что получилось в Петрограде, в других городах и весях Российской империи проходило далеко не так гладко и убедительно. Ведь половина большевиков скопилась в двух столицах, а в иных крупных городах, даже губернских, о большевиках и не слыхали. Так что во многих губерниях власть перешла не к большевикам, а к тем левым партиям, что имели преимущество в местных Советах, а то и к центристам, если у левых преимущества не оказалось.

В Симферополе в томительном противостоянии с органами власти Временного правительства набирали силу татарские националисты, готовившие выборы в курултай, чтобы освятить волей народа свою власть. Объявившая в начале ноября о своей самостоятельности Украина в обмен на северные крымские уезды согласилась способствовать татарской автономии и также, что было весьма важно для Крымской республики, помочь в быстрейшем переводе в Крым Татарского Уманского полка.

С попустительства киевских властей многочисленные офицеры, застрявшие в Крыму, собирались в эскадроны, объявляя себя сторонниками татарской власти. Еще не родившаяся татарская республика уже обзаводилась союзниками и армией.

В революционном Севастополе большевистский переворот тоже не получался.

И понятно: в отличие от других городов Севастополь уже полгода был самостоятельной республикой, до зубов вооруженной и профессионально привыкшей к войне. В ней были свои органы власти, и, не свалив их, большевики не могли присоединить Севастополь и Черноморский флот к своей державе.

Об этом откровенно рассказала Коле Беккеру трибун севастопольских большевиков — простоволосая, черноглазая и носатая Нина Островская, призвавшая его на беседу в начале ноября, через неделю после революции в Петрограде.

— Андрей. — Нина ходила по комнате, все время наталкиваясь на угол стола, останавливалась и вытягивала вперед руку. Нина привыкла выступать на площадях, она куда хуже разговаривала с людьми по отдельности. — Андрей, я обращаюсь к тебе, потому что ты нужен революции. А раз нужен, значит, хорош. А раз хорош, значит, любим народом.

Беккер устроился в углу между столом и шкафом, куда стремительные движения Нины Островской ее не заносили.

Нина Островская, профессиональная, но совершенно не устроенная в женской жизни революционерка, была прислана в Крым из Петрограда в ту пору, когда стало совершенно ясно, что на базе Черноморского флота правят колчаки и эсеры, а редко появляющиеся большевики не пользуются решительно никакой народной поддержкой.

Женская непривлекательность придавала Островской некую патетичность — ее жалели и в то же время доверяли ей больше, чем мужику или молодой красавице, — не повезло по вопросу внешней красоты, зато головастая баба! Как писал ее большевистский современник: «В течение двух недель она подняла на ноги не только маленькую организацию большевиков, но и весь Черноморский флот. От ее речей сразу же повеяло северным ветром большевизма».

С тех пор прошло несколько месяцев, в Петрограде правили большевики, старые товарищи Островской по партийной работе неслись на службу в реквизированных автомобилях, она же, рискуя жизнью и промерзая на палубах линейных кораблей, выкрикивала лозунги и призывы... но Севастополь не становился большевистским.

Коля Беккер, выслушивая монолог, обращенный к нему, не понимал, чего же от него требуется. А непонимание смущало и тревожило. Островская отлично знала, что в Севастопольском Совете лейтенант Андрей Берестов служит ушами и глазами тех, кто заменил адмирала Колчака: полковника Баренца и нового командующего флотом контр-адмирала Немитца. Большевичка никогда раньше не скрывала своего прохладного отношения к штабным офицерам, а тут вдруг попросила о конфиденциальной встрече.

— Чем я обязан? — спросил Коля, уловив паузу в монологе большевички.

— Вы хватаете быка за рога, — сказала Островская и поправила волосы, похожие на измазанную сажей солому. — Тогда и я не буду тратить время даром. Вы пользуетесь некоторым авторитетом среди моряков...

— Это преувеличение.

— Знаю, знаю, сегодня ни один офицер не пользуется авторитетом у матросов. Гнев матросов справедлив и исторически обоснован. Но нам бы хотелось, чтобы гнев был направлен в интересах революции. Ведь вы понимаете, что не все офицеры готовы

служить врагам революции. Среди них есть выходцы из демократической среды, преисполненные сочувствия к страданиям угнетенных!

Островской стоило немалого труда оставаться в рамках беседы — ораторские позывы заставляли голос срываться, а язык составлять патетические фразы.

— Мы предлагаем вам союз, лейтенант Берестов! Ради торжества мировой революции!

Именно в этот момент открылась дверь, и в комнату — одну из незаметных комнат на втором этаже городского управления, занятую под канцелярские нужды, — вошел невысокого роста человек средних лет и среднего телосложения, лысый, крутолобый, с глазами узкими к внешним краям, что придавало лицу несколько азиатское выражение. Лицо было украшено усами и небольшой бородкой, как у Ульянова, что вкупе с толстовкой переводило этого человека из породы диктаторов в отдыхающего на юге бухгалтера.

— Очень рад, — сказал он с порога. — Я рад, что вы, Берестов, пришли к нам. Наша задача сегодня — сплотить вокруг себя все здоровые силы общества.

Он протянул Беккеру руку и представился:

— Гавен, Юрий Петрович Гавен.

На самом деле это был псевдоним. Сорок с лишним лет назад его крестили в Латвии как Яна Эрнестовича Даумана. Пока он учился и сам учительствовал, имя не вызывало сомнений и вполне устраивало будущего большевика, и лишь когда он со всей ответственностью латышского учителя отдался партийной работе, то, как и все большевики, он прибегнул к псевдонимам. После ряда попыток он и остановился на странном варианте: Юрий Петрович Гавен. В этом сочетании нет ни сентиментальности, ни изящества, ни связи с собственным народом — сочетание скорее даже неблагозвучное. Но именно такое его устроило, и с таким он вошел в историю как вождь крымских большевиков во время революции и Гражданской войны.

Склонность к псевдонимам свойственна крайне радикальным, обычно даже террористическим партиям. И связана она не только с необходимостью таиться от полиции, но и с душевной склонностью к авантюрам. Переодевание становится их составной частью, а смена имени — частью камуфляжа переодевания.

Порой кажется, что большевикам было безразлично, под каким именем существовать, — они были до крайности рациональны. Нередко их псевдонимы, что сохранялись и после победы ре-

волюции, когда уже не от кого хорониться, были никак не более благозвучными, чем собственные имена. Фамилия Ленин ничем не лучше фамилии Ульянов, а Киров ничем не превосходит фамилию Костриков. Псевдоним должен был работать — больше, чем ассоциация с молотом, от него не требовалось.

Коля видел Гавена раньше, на последнем заседании Севастопольского Совета, куда Беккера недавно кооптировали как беспартийного от Морского штаба. Коля не вызывал раздражения у матросов и был неизвестен рабочим. Коля подозревал, что его кооптация исходила не только и не столько от Немитца и Баренца, как от самого Колчака, который и в Америке не забывал о старых коллегах и неким неизвестным Коле образом влиял на решения Морского штаба. Коля не был рад такому избранию — ему не хотелось быть на виду. С уходом Колчака, как он понимал, командование флота было обречено. Не сегодня-завтра власть в городе и на флоте захватят те же типы, что смогли взять власть в Петрограде, — их Коля мало знал, заранее не любил, хотя бы потому, что не любил толпу, частью которой эти люди были. Отражая точку зрения, царившую в штабе, он полагал, что большевики имеют целью погрузить страну в хаос, гражданскую войну и голод, для того чтобы самим укрепиться у власти.

И вот теперь Коля понадобился большевикам.

— Судя по всему, — улыбнулся Гавен одними губами, будто сделал усилие над мышцами своего лица, неспособного по доброй воле улыбнуться, — Нина изложила вам нашу просьбу.

— Я не успела, ты слишком рано пришел, Юрий, — сказала Островская, убирая со лба клок черной соломы.

— Ну что ж вы, товарищи! — укоризненно произнес Гавен. — У революции каждая минута на счету, а вы тут занимаетесь интеллигентскими разговорами.

— Я не совсем понимаю, о чем речь, — сказал Коля, сдерживая раздражение.

Гавен уселся на стул и показал жестом на второй, но Коля не хотел садиться.

— Скажите, молодой человек, — сказал Гавен, — вы любите сражаться на последней баррикаде или предпочитаете командовать эскадроном, который вот-вот займет эту баррикаду?

Островская, словно удовлетворенная тем, что Гавен взял разговор на себя, уселась за стол, достала помятый блокнот и принялась быстро писать.

— Не пожимайте плечами, — сказал Гавен. — Не исключено,

что сегодня для вас решающий в жизни момент. Надеюсь, вы знаете, как складывается военная обстановка?

— Приблизительно.

— Украина объявила о своем отделении от России, на Дону начинается реакционное восстание, которым руководят царские генералы. Но в самой России — от Выборга до Владивостока — власть нашей партии уже утвердилась. Со дня на день начнет работу Учредительное собрание, которое даст нам легитимное оправдание власти. За нами, товарищ Берестов, будущее.

— Это ваше предположение.

— Нет, Андрей, — сказал Гавен добрым, учительским голосом. — Это действительность. Мы объявили мир, и за нами идут солдаты. Мы отдали крестьянам землю. Чего вы еще хотите?

— Но почему я вам понадобился?

— Потому что нашей России необходим Крым. Необходим как воздух. Нам нужен Черноморский флот, нам нужно море, нам нужны эти матросы... Мы не можем никому отдать Крым. А на него сейчас претендует Украина, его объявили своей собственностью татары, завтра его захотят захватить и сделать своим тылом Каледин и Корнилов. А мы его никому не отдадим.

— Как вы это сделаете? — искренне удивился Коля. — У вас же нет сил. Я знаю — матросы не поддержат большевиков.

— Правильно! Умница! — сказала Островская, подняв голову от блокнота. — Но не диалектик.

— Еще летом в стране за большевиками шли лишь тысячи людей. Сейчас у нас миллионная поддержка. Завтра с нами будет вся Россия, потому что русские любят одно — силу, — твердо сказал Гавен.

— Именно ее у вас и нет. Вы же не сможете прислать армию! Ее не пропустят украинцы.

— Мы сделаем свою армию здесь, — сказала Островская. — И с вашей помощью, Андрей.

— Я не состою в вашей партии.

— А мы тебя и не зовем, — сказал Гавен. — Оставайся нашим беспартийным другом.

— Почему я должен вступать в союз?

Островская громко рассмеялась.

— Потому что мы — победители. Победители завтра, — сказал Гавен. — И мы даем тебе, лейтенант, одну ночь на размышление.

— А я?

— А вы, Берестов, беспартийный молодой патриот, который

нам нужен как попутчик. А завтра вы станете активным членом партии.

— Почему именно я? — спросил Коля.

— Вы не один, — кратко ответил Гавен, и Коля понял, что он не назовет ни одного имени. И правильно. «Если я соглашусь на сотрудничество с большевиками, я тоже не хотел бы, чтобы мое доброе имя трепали на всех перекрестках». — Если бы мы публиковали списки наших друзей, то вскоре бы их лишились. Большевики никогда не предают своих товарищей. В этом сила нашей партии.

Гавен говорил с легким латышским акцентом, но Коля, уловив акцент, все никак не мог понять, откуда этот человек родом.

— Вы ничем не рискуете, Берестов, — сказала Островская, кончив писать и пряча блокнот в карман кожаной тужурки, взятой у шоффэра или самокатчика. — А приобретаете по крайней мере жизнь.

— Идите и думайте, — сказал Гавен. — Женщины бывают слишком категоричны.

* * *

План, придуманный Гавеном и Островской, для исполнения которого требовался и Беккер, был авантюристичен и при нормальном порядке вещей не имел шансов на успех.

Но Гавен полагал, что при беспорядке, господствующем в Крыму, когда наиболее мощные силы — татарский курултай, севастопольский Центрофлот, Симферопольский Совет и земство — противостояли друг другу и никто не мог взять власть, именно большевики смогут победить — потому что они практичнее прочих.

Разработав план, Гавен стал торопить события, которые развивались следующим образом.

8 ноября заседал Центрофлот — реальная власть в Севастополе. Эсеры и меньшевики насчитывали в нем вкупе 49 человек, а большевики, временно объединившиеся с украинскими националистами, — 39. Еще человек десять представляли беспартийную часть флота. Собственно большевиков было чуть более десяти.

На этом заседании обсуждались проблемы с экспедиционными силами. На двух образовавшихся театрах военных действий требовались черноморские моряки: их просили украинцы в Киеве, чтобы защитить Раду от контрреволюции, их просили большевики в Ростове и Нахичевани, где разгорался мятеж во главе с генералом Калединым.

Идея с посылкой отрядов была подхвачена по разным причинам почти всеми членами Центрофлота. Для большевиков эта экспедиция была первым шагом к захвату власти и ликвидации этого самого Центрофлота, для врагов Гавена и даже для нейтралов, заинтересованных в спокойствии, она казалась замечательным поводом удалить из Севастополя наиболее шумных моряков в надежде на то, что они сложат головы на Дону. Так что Центрофлот дружно проголосовал за обе экспедиции и даже согласился выделить отряду, идущему на Ростов, два тральщика и два миноносца.

В отряд вошли некоторые большевики, но не была закрыта дорога и для буйных головушек, не подвластных никакой партийной дисциплине.

До конца ноября отряд спорадически сражался то с юнкерами, то с казаками, и преимущество было на стороне моряков, которые обладали мобильным тылом — тральщиками и миноносцами — и были куда лучше, чем их противник, вооружены. Об этом можно судить по телеграммам, получаемым Центрофлотом:

...В ночь на 28 ноября станция Нахичевань захвачена нашими войсками. Юнкера отступают по направлению к Новочеркасску. Утром юнкера выбиты со ст. Ростов. Казаки сдались. Генерал Потоцкий со штабом арестован... днем юнкера с Калединым повели наступление на линию Нахичевань. Идет непрерывная перестрелка. Черноморская флотилия подбила несколько орудий... 29 ноября. Город Ростов и станция в наших руках. В Новочеркасск прибывают юнкера и кадеты... целый день проходил бой.

В подкрепление из Севастополя в Ростов был послан дивизион миноносцев, который заодно провел рейд по портам Азовского моря, находившимся в руках Украинской Рады, и там славно побезобразничал.

Возмущенная Рада запретила матросам-украинцам в составе экспедиции на Дон воевать с казаками — союз с большевиками распался.

Экспедиционный отряд вернулся в Севастополь 12 декабря, привозя убитых и раненых, овеянный боевыми воспоминаниями и пропахший порохом, — за месяц матросы сплотились в боевую часть, которая не намеревалась рассредоточиваться по кубрикам, а желала и далее править кровавый бал, как то ей отлично удавалось в Ростове и на пути домой. Главными врагами матросов были Каледин и юнкера, и естественно, как бы ни старался Центрофлот сохранить в Севастополе внутренний мир, вкусивший крови отряд был смертельной опасностью для мира в Севастополе. И это радовало Гавена.

В отряде побывали Островская, Гавен и другие большевики, они жаловались на буржуйские порядки, заведенные в Севастополе, на предательство Центрофлота, на то, что офицеры готовят заговор против революции. Эти слова находили горячий отклик в матросских сердцах. На следующий день после возвращения матросы устроили похороны своих товарищей, привезенных в гробах, но никакого массового торжественного шествия и скорби всего флота и города не вышло — к отряду в Севастополе относились сдержанно, как в стае собак к приблудшему псу, вкусившему человечины.

Матросы были оскорблены невниманием города к их подвигам и жертвам. Большевики подсказали: виноваты офицеры и демократы!

Коля в отряде не появлялся, он был нужен Гавену для более тонкого дела.

Как и было договорено, Беккер поменялся на ту ночь со Свиридовым, чтобы дежурить по штабу флота. К нему сходились телефонные звонки и телеграммы. И он должен был либо давать им полный ход, либо останавливать их движение.

Поздно вечером заступив на дежурство, Коля получил сообщение из Севастопольского Совета — невеликая, но шумная фракция большевиков заявила, что «выходит из состава Совета, не желая больше сотрудничать с теми, кто окончательно скомпрометировал себя перед массами».

Это сообщение Коля положил на видном месте, но не стал беспокоить адмирала Немитца, который уже уехал домой. В случае чего он всегда может объяснить, что новость не показалась ему достаточно серьезной. Он не обязан был догадываться, что это — знак к началу переворота в Севастополе.

В половине двенадцатого в штаб позвонил деятель из Совета меньшевик Елисей Мученик.

— Берестов! Андрей! — закричал он в телефонную трубку. — Ты знаешь, что уже происходит?

— Это Мученик? — переспросил Коля. — Говорите громче, я плохо слышу.

— Я говорю, ты обязан прислать охрану в исполком Совета. Мы заседаем беспрерывно. Только что приходили два матроса с пулеметом и велели нам всем расходиться по домам. Но мы не

расходимся. Прошу сообщить адмиралу Немитцу. Ты меня слышишь?

— Я немедленно сообщу, — сказал Беккер, впервые за этот вечер испытав сладость злорадного чувства.

— Андрей! — кричал в трубку Мученик, который не пытался скрыть страх. — Ты не представляешь, что может произойти! Кто-то подогревает этих солдат. Они пьяные, они всех называют предателями. Они хотят перебить офицеров.

— Я доложу адмиралу, — обещал Беккер.

— Андрей, я тебя умоляю!

Беккер повесил трубку.

Следующий звонок последовал из полуэкипажа. Там появились пьяные матросы, увешанные гранатами и обвязанные пулеметными лентами. Они грозились перестрелять офицеров. Высокий голос дежурного мичмана дрожал. Он просил прислать патруль.

— Разбирайтесь сами! — раздраженно прикрикнул на мичмана Беккер. — Для того вы и поставлены.

В течение часа последовало еще несколько телефонных звонков. К тому же в штабе появились посыльные, один пришел, вытирая расквашенный нос. Оказывается, на него напали на Нахимовском бульваре. Смысл всех сообщений был один: в городе бесчинствуют пьяные матросы, которые требуют разогнать Совет и ищут офицеров, чтобы расстрелять их как союзников Каледина.

Коля кому-то обещал прислать патруль или сообщить командующему, других обрывал и требовал, чтобы они сами принимали меры.

Коля любил сильных людей, независимо от их позиции или намерений. Именно таким был Юрий Гавен. Всего два часа назад, кратко сообщив Коле, что большевики выходят из Совета и этим развязывают себе руки, он добавил:

— А вам, Берестов, предстоит в нашей революции самая трудная роль: вы должны сделать вид, что никакой революции, никакого переворота не произошло. Кто бы и как бы ни обвинял вас во лжи и предательстве, игнорируйте. На вашем месте ваши обвинители вели бы себя куда хуже и подлее. Необходимо сделать так, чтобы переворот миновал точку, после которой его остановить нельзя. Для этого его следует не замечать. Вы — нож, которым мы рассекаем нервные узлы Севастополя в самом важном месте.

— Бунт на «Фирдониси»! — рапортовал незнакомый бас,

словно читал по бумажке. — Выстрелом в спину убит мичман Скородинский. Вы меня слышите? С «Фирдониси» световым телеграфом передают на другие корабли приказ бить офицеров. Вы меня слышите?

Коля молчал. Ему вдруг стало страшно. Когда об этом рассказывал Гавен, это была теория, красивая и стройная теория пролетарской революции. Но нельзя же убивать мичманов в спину!

Коля понял, что должен сообщить обо всем адмиралу. Именно сейчас. Если он промедлит еще секунду, то никто и никогда не поверит, что он — нейтральный свидетель. И будет нетрудно догадаться, что честный молодой офицер Берестов выполняет задание большевиков, которые могут и не победить.

Коля протянул было руку к телефону, чтобы доложить адмиралу Немитцу, как телефон зазвонил вновь.

Это был Юрий Гавен.

— Андрей? Что у тебя? Звонят?

— Звонили от коменданта порта — на «Фирдониси» убит мичман...

— Скородинский. Я знаю. Теперь польется кровь офицеров по всему городу!

— Но вы же обещали! Ваши матросы могут выйти из-под контроля. Неизвестно, кто тогда выиграет...

— Не тряситесь, Берестов, — оборвал его Гавен. — Вас мы всегда вытащим. А офицеры, даже нейтральные, завтра обязательно станут нашими врагами — помяните мое слово. Они давали присягу государю и помнят до сих пор, что это такое. А люди с присягой нам не нужны, Берестов.

— Я с вами не согласен.

— А вот этого у тебя никто не спрашивает, голубчик. Тебя может спасти только послушание. Держитесь, лейтенант, пролетариат не забудет вашего скромного вклада в революцию.

И Гавен коротко засмеялся голосом человека, смеяться не приученного.

— Можно позвонить Немитцу?

— Ты позвонишь ему, но не раньше чем через час, — сказал Гавен. — Я хочу быть спокоен, что революцию уже не остановить.

Но все вышло иначе. Не успел Коля повесить трубку, как позвонил сам контр-адмирал Немитц. Ему уже сообщили на квартиру о матросских беспорядках.

— Кто дежурит? — закричал он в трубку.

— Лейтенант Берестов, — отозвался Коля.

— Вы что, не знаете, что происходит в городе?

— Мне только что сообщили об инциденте на «Фирдониси». Я жду подтверждения.

— Почему не позвонили мне?

— Как только получу подтверждение, сразу позвоню вам.

— Господи, идиот! — закричал Немитц. — Своей неповоротливостью вы губите Черноморский флот! Я тотчас же еду в штаб!

Но Коля зря ждал приезда контр-адмирала.

После разговора с Колей и коротких переговоров с другими людьми адмирал Немитц приказал подать ему автомобиль и с одним небольшим портфелем в руке, в котором хранились документы, поехал на вокзал, где стоял под парами его собственный поезд — три вагона с паровозом. Семья адмирала покинула Севастополь за день до этих событий.

Вскоре он уже был в Одессе.

Не дождавшись адмирала Немитца или звонка от Гавена и с каждой минутой все более ощущая свою беззащитность, вздрагивая, когда на улице раздавался выстрел или крик, Беккер не выдержал.

Он вошел в кабинет адмирала и быстро просмотрел один за другим все ящики письменного стола. В прихожей надрывался телефон, но Коля не подходил к нему.

В столе он отыскал пистолет с запасной обоймой — неизвестно, кто из трех последних командующих флотом оставил его здесь, затем коробку гаванских сигар, Евангелие, какие-то бумаги и письма.

Сигары и пистолет он взял с собой.

К последнему звонку он подошел. Из полуэкипажа сообщали, что пришли матросы и увели всех офицеров.

— Так и надо, — сказал Коля.

Он накинул плащ, закрыл за собой дверь и, постояв в пустом коридоре, прислушиваясь к тревожным звукам ночного города, вышел из дома задним ходом. Не нужны ему были ни большевики, ни офицеры. Он хотел покоя.

Улицей Коля не пошел — та была царством озлобленных матросов и тех городских подонков, которые, таясь по темным углам, в моменты социальных потрясений лишь ждут возможности выйти хозяевами на ночные улицы.

Коля проскочил задами до чахлого садика у реального училища и нырнул в узкий переулок. Было зябко и сыро, будто открыли дверь в подвал и оттуда выходил застоявшийся зимний воздух. Издалека донесся женский крик. Он мог и не быть связанным с

теми событиями, которым способствовал Беккер, но воображение подсказало Коле растрепанную, в ночной рубашке женщину, выбежавшую к открытой двери, — только что увели ее мужа и он еще оборачивается и видит ее и велит ей, движимый страхом за семью:

— Уйди же, простудишься! Уйди в дом...

«Не переживай, — сказал в последнем разговоре Гавен, — ничего с твоими братьями по классу не случится — попугают их, пошумят, может, кому-нибудь и синяков наставят, но мы проследим, чтобы никого не убили, — можешь быть спокоен, мы же не убийцы».

Уже тогда Коля не до конца поверил Юрию Петровичу, но теперь, прижимаясь ближе к заборам и слушая напряжение ночного города, он понял, что Гавену и его партии нужна была власть, и чем больше оппонентов этой власти погибнет, тем лучше партии.

Выходя из переулка на площадь и желая пересечь ее, Коля в задумчивости забыл об опасности и чуть не погиб — именно в этот момент раздались выстрелы, мимо переулка пробежал человек в расстегнутой шинели, потом два матроса, которые на ходу стреляли из карабинов. Один из них, на бегу крикнув что-то дикое, развернул карабин и выстрелил в переулок, где стоял Коля, — то ли краем глаза увидел его силуэт, то ли так, на всякий случай.

Пуля отбила кусок дерева от забора, и деревяшка ударила отшатнувшегося Колю по плечу.

Коля сосчитал до трехсот, прежде чем осмелился выглянуть на площадь.

Площадь была пуста.

Через несколько минут запыхавшийся Коля открыл калитку во двор к Раисе.

* * *

Коля не успел пересечь узкое пространство дворика, как дверь в дом резко отворилась и дворик затопило слишком ярким желтым светом.

— Коля! Коленька... Живой!

Раиса охватила его полными короткими руками, она прижималась к нему, и Коля чувствовал, как быстро бьется ее сердце. Он хотел было оттолкнуть ее, но не посмел, потому что именно тогда понял, что на всем свете есть только один человек, который

думает о нем и боится, дойдет ли он живым до дому. О сестре Коля в тот момент и не мог подумать — она была слишком далека.

— Ну что ты, полно, — сказал Коля, отстраняя Раису. Он пошел в дом. Раиса семенила следом и говорила счастливо и сбивчиво:

— Я уж не чаяла, честное слово, офицеров по городу хватают, Елика арестовали, а как же так — он же ихний начальник, а они его арестовали?

— Ты с чего взяла?

— Ты заходи, заходи, Мария Алексеевна подтвердит, ты ее знаешь...

Еще чего не хватало! Коля еле сдержался, чтобы не выругаться. Никаких сил общаться с посторонними людьми у него не оставалось, а по виду худой непричесанной женщины, глаза которой были настолько зареваны, что еле раскрывались, он понял, что его сейчас будут просить, уговаривать... Коля уже сталкивался со склонностью Раисы преувеличивать возможности Коли и его желание помогать страждущим. Она и не скрывала своего к этому намерения. «Елик, когда за мной ухаживал, всегда с людьми разговаривал и советы давал. Сегодня он совет даст, а завтра и мне помогут». И Раиса довольно смеялась, понимая, впрочем, цену своей хитрости. Она была существом добрым и хотела, чтобы всем было хорошо.

— Вот, Андрюша, ты Марью Алексеевну помнишь...

— Ну, что у вас случилось? — Коля пытался говорить сухо, но вежливо. Получилось — брезгливо. И женщина сразу поняла.

— Я не просить, вы не думайте, — сказала она сразу. — Я к Раисе зашла, рассказала, что видела, а она мне сказала, чтобы я вас подождала, сказала, что вы в штабе, может, знаете...

— Я ничего не знаю! — сказал Коля.

— Да ты послушай! — вдруг рассердилась Раиса. — Ты же не знаешь, о чем говорят, не выслушал, о чем разговор, а уже не знаешь!

У Коли раскалывалась голова. Сейчас бы на сутки заснуть.

— Ну рассказывайте, — сказал он, присаживаясь за чисто выскобленный кухонный стол.

И заплаканная женщина рассказала, что к ней в дом поздно вечером вошли три матроса. Они были пьяные и с ружьями. Они велели ее мужу, поручику из полуэкипажа, собираться. Они грозились его убить. А когда они его увели, то жена побежала следом, и матросы не могли от нее отделаться, хоть один и ударил ее

прикладом. В этом месте Раиса сказала: «Я синяк видела, как утюгом прижгли».

По дороге им встретился автомобиль, в котором везли еще двух офицеров. Матросы начали спорить, потому что одни хотели отправить офицеров в тюрьму, а другие отвезти на Малахов курган и расстрелять без суда как предателей рабочего класса. Они уже были готовы ехать на Малахов курган, куда было ближе, но тут приехал еще один автомобиль. В нем был Елисей Мученик, который, как оказалось, презрев опасность, кинулся от имени Севастопольского Совета пресечь расправу над офицерами. Елисей произнес грозную речь перед матросами о революционной дисциплине, но им скоро надоело его слушать, и они спросили, к какой партии товарищ относится. Елисей сказал, что он эсдек-меньшевик! И тогда главный из матросов сказал: значит, и тебе туда же дорога! Машину Мученика конфисковали, всех отвезли в тюрьму.

Кончив свой рассказ, женщина снова начала плакать. Раиса дала Коле горячего чая и смотрела на него, будто ждала, что он сейчас хлопнет в ладоши и прибегут адъютанты, чтобы освободить офицеров и отважного Елика.

Ничего больше не сказав, Коля взял стакан с чаем и пошел к себе. Там поставил стакан на стул у кровати, снял сапоги и блаженно вытянулся во весь рост. Но физическому блаженству мешал страх, что Гавен и его товарищи могут не удержать в руках революционный гнев толпы, она родит нового Пугачева, который отрубит головы не только офицерам, но и большевикам, и, уж конечно, Коле Беккеру, который поторопился сделать свой выбор... Когда Коля уже засыпал, он запоздало удивился столь неожиданной отваге нескладного Елисея. Чего он добился? Интересно, а что ему грозит?.. Раиса пришла, когда Коля уже спал, так и не раздевшись. Она была сердита на него, потому что он вел себя невежливо.

Как бы помимо воли, она стала свидетельницей поединка между ее бывшим верным поклонником и новым, блестящим и завидным любовником. И в этой дуэли, как ни грустно было сознавать, победу одержал отвергнутый Мученик. Худой и лохматый, он кричал, уперев в матросов обличающий палец: «Возводя беззаконие в постыдный обычай, вы позорите нашу революцию! В ней не место бандитам и насильникам!» Может быть, он кричал не так, но жена арестованного офицера запомнила именно такие слова.

А Коля оказался неспособным на такой подвиг. Он был холод-

ный и робкий в душе. Природа наградила его красивым лицом и стройной фигурой, но обделила живостью и крепостью духа.

Раиса стояла над Колей и глядела на его лицо, разглаженное сном. И думала о том, что, если бы Елик вернулся к ней, она бы бросила Колю, который вовсе и не Коля, а черт знает кто!

И, совсем рассердившись, Раиса пошла в комнатку к сынишке, легла с ним на оттоманке, немного поплакала и заснула.

Глава 7

Декабрь 1917 г.

Фелюга Михая Попеску заходила в Новороссийск, и там они узнали, что люди, недовольные большевистским переворотом в Петрограде, съезжаются в Ростов и Нахичевань, чтобы восстановить старые порядки. Людям мало было войны с германцами, они устраивали еще одну — внутри собственной страны, наподобие войны между Севером и Югом в Америке.

Из Новороссийска пришлось уходить в тот же день, несмотря на опасную погоду. На следующее утро, после бессонной штормовой ночи Михай сказал, что в Евпаторию заходить не будет, а держит путь домой, в Одессу. Он предложил Андрею остаться на борту и из Одессы добираться до Москвы поездом. Но Андрей уже настроился посетить Симферополь, свой старый дом, так что после недолгих уговоров Попеску согласился оставить пассажиров в Севастополе.

Севастополя достигли рано утром. Был синий рассвет, по воде пополз туман, огонь маяка с трудом пробивался в море, звук ревуна угасал в белесой мгле. Спустили ялик — плеск тихой воды, стук уключин, голоса матросов звучали гулко и нереально. В ялик положили немногочисленные вещи Берестовых, и Михай сам сел за весла. Подводить фелюгу к причалам он не посмел, запуганный еще в Новороссийске слухами о грабежах и матросских разбоях.

На берегу, у Графской пристани, они попрощались. Михай неожиданно заплакал. Заплакала и Лидочка, но не столько от грусти расставаться с добрым человеком, как от страха перед неизвестностью, которая ждала их.

Они постояли несколько минут на пристани, глядя, как удаляется ялик, а когда он исчез в зябком тумане, пошли искать извозчика — в Севастополе делать было нечего, — чем скорее удастся уехать в Симферополь, тем лучше.

Чемодан был нетяжелый, но, пока шли в гору, Андрей устал. Рука коченела от мокрой декабрьской стужи. Лидочке очень хотелось спать, но ни извозчика, ни трамвая не было.

Туманная синева редела, над головой быстро бежали серые облака, которые выкидывали заряды мокрого снега и дождя. Впереди послышались выстрелы. Потом женский крик.

По улице, приближаясь, зацокали копыта — ехал извозчик.

Андрей выскочил из подъезда и замахал, останавливая его.

Извозчик испугался, стегнул лошадь, но, к счастью, лошадь была меланхолического темперамента, и, пока она думала, слушаться ли ей или презреть удар, Андрей с Лидочкой догнали извозчика и тот смог разглядеть, что у них с собой чемодан.

Он согласился отвезти их до вокзала, но за астрономическую плату и не через центр, а переулками, вокруг.

— Матросы расшалились. Мне что, меня не тронут, а вас могут порезать.

Согласные ехать как угодно, хоть через Евпаторию, Берестовы забрались в пролетку, Андрей поставил чемодан в ноги.

— У нас нечего грабить, — сказала Лидочка, поправляя шляпку.

— А может, вы сами кого пограбили, — сказал извозчик. — На вас не написано.

— Нет, мы здесь из Батума проездом, — сказал Андрей, — мы хотим поскорее уехать. Поэтому и едем на вокзал.

— Наверное, поезда на Симферополь не ходят, — сообщил извозчик.

— А почему не ходят?

— Так у нас же с татарами война! — Он расхохотался, то ли удачно пошутил, то ли радовался такой войне.

Не дождавшись вопроса от пассажиров, что за война, извозчик сказал:

— А может, и с хохлами, с Киевской Радой. Матросы хотят повоевать.

Всю недолгую дорогу извозчик почему-то рассуждал о воинственности матросов, но потом Андрей понял, что извозчик просто пьян.

Улицы только просыпались, даже толком не рассвело, в окнах не был потушен свет, день обещал быть таким же сумрачным, как рассвет. Навстречу быстрым шагом прошел небольшой отряд матросов, впереди него шел человек в черной куртке, у матросов были винтовки со штыками.

Потом, уже у вокзала, видели два автомобиля, они обгоняли

извозчика. В автомобилях сидели цивильные люди официального вида.

Иногда слышались выстрелы, но неблизко.

Площадь перед вокзалом сначала показалась совсем пустой и сонной, даже извозчиков на ней не было, и редкие люди не ходили, а столбиками стояли, охраняя свои мешки или чемоданы, видно, ждали трамвая.

Зато внутри было столпотворение: духота, крики, давка — многие спят вповалку на полу. Андрей подумал, что, может быть, все приезжие или бесприютные, опасаясь беспорядков в городе, собираются к вокзалу, который стал общим прокуренным убежищем.

Большая часть людей на вокзале была простонародной, словно люди приезжали на базар или к своим родственникам — солдатам и кухаркам. Но порой встречались интеллигентные или породистые лица, которые часто не соответствовали бедной одежде. Встречались среди пассажиров матросы и солдаты, но офицеров не было видно.

Перед кассами была толпа, так что Андрей, в надежде что-нибудь узнать, оставил Лидочку в углу стеречь чемодан, а сам стал пробираться к окошку кассы, правда, безуспешно, потому что толстые украинские бабы и кряжистые мужики лезли без очереди. Он потерял полчаса и отчаялся.

Потом Андрей увидел, что по залу быстро идет человек в фуражке с красной тульей. Если заговорить с начальником станции, может быть, он поможет? Но когда уже на перроне он пробился поближе, то увидел, что начальник станции шел в сопровождении двух матросов, которые отгоняли всех, кто пытался приблизиться к начальнику.

Средних лет мужчина в тужурке путейца стоял возле крана с кипятком и ждал очереди наполнить чайник. Это выдавало в нем невольного обитателя вокзала.

— Простите, — сказал Андрей, — я здесь человек новый, мы с женой только что приехали из Батума, и нам надо в Симферополь. Я никак не могу понять...

— И не поймете, юноша, — ответил путеец, не дожидаясь конца вопроса. — Говорят, что татарский курултай перекрыл движение поездов в Севастополь, но это только разговоры, а реальность такова, что уже третий день нет поездов и все, кто может себе это позволить, нанимают извозчиков и едут до Бахчисарая. Но так как никто оттуда, насколько я знаю, еще не вернулся,

я не могу сказать, насколько это предприятие сумасшедшее. Так что предпочитаю ждать! И вам советую.

Наверное, Лидочка беспокоится. Он решил вернуться к ней и все рассказать — он не думал, что их положение настолько критично, чтобы отправиться в такой дальний путь на извозчике. Да и найдешь ли извозчика, который решится на путешествие, должное занять не менее двух дней в один конец?

Андрей уже вошел в главный зал вокзала, как услышал обращенные к нему слова:

— Гражданин студент, разрешите поинтересоваться?

Голос был вполне дружелюбным, обыкновенным, так что Андрей остановился и оглянулся. За ним стояли два матроса: за плечами винтовки, пулеметные ленты наискосок через грудь как знак принадлежности к великому братству революционеров.

Несмотря на миролюбие матросов, Андрей сразу понял, что все кончено, и ему стало страшно и горько понимать, что Лидочка сидит на чемодане и не узнает, что же с ним произошло.

— Простите, — сказал он ближайшему матросу, — мне только надо жену предупредить.

— Успеешь. Ты документы покажи и пойдешь.

Андрей полез в карман — у него было всего только удостоверение, что он член археологической экспедиции в Трапезунде. По тому, как матрос медленно двигал губами, стараясь одолеть смысл прочитанного, он понимал, что с таким удостоверением по улицам Севастополя лучше не гулять.

Андрей сделал движение в сторону общего зала, надеясь увидеть Лидочку, позвать ее, чтобы подошла, но второй матрос резко схватил его за рукав.

— Стой, — сказал он, — не прыгай.

Скуластостью, узкими глазами и неподвижностью черт лица матрос напоминал Бориса Борзого.

— Придется, гражданин, проследовать за нами, — сказал, будто извиняясь, старший матрос, — документ у вас сомнительный.

— Хороший документ, — сказал Андрей. — Послушайте меня: я только что приплыл из Батума, и мы с женой пришли на вокзал, чтобы ехать в Симферополь. Дайте нам уехать!

— Ты из Трапезунда — турецкого города — приехал сюда. Зачем? Загадка.

— Но я ничего плохого не делаю. Меня ждет жена — дайте хоть предупредить ее!

— Сейчас пройдем в комендатуру, там посмотрят твои документы и отпустят. Чего не отпустить?

— А пускай его жена тоже с нами пойдет, — сказал второй матрос. — Раз они вместе приехали, пусть вместе и пройдут.

— Бог с ней, — сказал старший матрос. — Мало ли как выйдет, чего с бабами воевать?

В этих мирных словах была угроза для Андрея, для его жизни, как в добрых словах врача: «Сделаем-ка мы вам, молодой человек, реакцию Вассермана». «Что выйдет?» — хотел спросить Андрей, но не посмел.

К счастью, его повели прямиком через зал, но он, увидев Лидочку, не стал кричать — матросы могут передумать и забрать ее тоже, а забрав, заглянут в чемодан.

Хотя шли они тихо и не скоро, молчали, толпа, шкурой чувствуя опасность, исходящую от матросов, и не желая заразиться приближением к Андрею, разваливалась, таяла вокруг, и в ней образовались прогалины. В какое-то мгновение никого между ними не оказалось. Лидочка поглядела в ту сторону и сразу поняла, что Андрюша арестован. Она ринулась было к нему, но Андрей перехватил ее испуганный взгляд и прижал палец к губам — к счастью, никто из матросов не заметил этого жеста. Лидочка замерла, чуть присев и дотронувшись пальцами до ручки чемодана, словно поняла, как важно, чтобы чемодан со всеми бумагами отчима не попал в руки матросам.

Когда они прошли мимо, Лидочка подхватила чемодан и пошла следом, не приближаясь, чтобы никто не разгадал ее связи с Андреем.

Она видела, как Андрея затолкнули в комнату, на двери которой была пришпилена бумажка «Военный комендант». Эта дверь как раз распахнулась, и оттуда, покачиваясь, вышел пьяный матрос с большим револьвером в руке.

Он остановился в дверях, и матросы, приведшие Андрея, стали просить его посторониться, но тот не хотел подчиниться, и произошла задержка. Андрея все же протолкнули внутрь, и Лидочка встала так, чтобы видеть дверь в комендатуру, уговаривая себя, что сейчас они разберутся и отпустят Андрюшу, иначе она совершенно не представляет, что ей делать в этом сумасшедшем городе.

Дверь то и дело открывалась, и туда входили люди, а другие выходили, сопровождаемые клубами голубого дыма, словно в той комнате был пожар. Выходило людей меньше, чем входило, потому что по примеру матросов, приведших Андрея, другие матросы заводили в комнату показавшихся им подозрительными людей.

Лидочка прождала минут десять, полагая, что Андрюшу там допрашивают, но на самом деле Андрей вместе с другими задержанными стоял в углу душной накуренной комнаты перед пустым, заваленным исписанными бумагами столом и ждал кого-то, должного решить его судьбу.

Между тем в комнату вводили все новых задержанных, и стало совсем тесно. Часто раздавался вопрос:

— А он где?

Спрашивали о человеке, который должен был все решить. Но он не появлялся, и в конце концов один из матросов, взяв на себя ответственность, крикнул:

— Перевози их в тюрьму, чего здесь держать! Потом разберемся.

— Зачем в тюрьму, на гауптвахту! Она поближе будет.

— На гауптвахте и так набито — а тюрьма еще не полная.

Все засмеялись — почему-то показалось смешным, что тюрьма еще не полная.

Так, толпой, не слушая возражений, слившихся в общий беспомощный гул, к которому Андрей не стал присоединять своего голоса, задержанных погнали через зал к выходу из вокзала.

Андрей вытягивал голову, чтобы рассмотреть Лидочку и дать ей знак, но он смотрел туда, где оставил Лидочку сторожить чемодан, тогда как она ожидала его у дверей к коменданту и оказалась на какие-то секунды сзади. Пока она пробивалась сквозь толпу, чтобы догнать задержанных, Андрей отчаялся ее увидеть и потому решился на необдуманный и роковой для себя шаг: он сообразил, что только сейчас, пока они идут по вокзалу, у него есть возможность нырнуть в поток времени хотя бы на день и исчезнуть — его даже никто не хватится.

Но действовать надо было быстро, и потому Андрей, сочтя, что никто на него не смотрит, полез в карман и извлек портсигар. Но в тот момент за ним следили два человека: Лида, которая бежала близко, почти рядом, мысленно уговаривая Андрея посмотреть на нее, но не решаясь его окликнуть, чтобы не сделать хуже, и матрос, который вел задержанных и, оказавшись всего в двух шагах сзади Андрея, увидел, что студент, одетый по-летнему, в одной тужурке, лезет во внутренний ее карман и вытаскивает пистолет — угол серебряного портсигара, зажатого в руке Андрея, показался ему рукояткой пистолета.

Матрос не стал рассуждать. Испугавшись, что студент начнет стрельбу, он прыгнул вперед и, схватив Андрея за руку, рванул на

себя так, что не ожидавший нападения Андрей чуть не упал и выпустил портсигар из руки.

Лидочка ахнула — ей показалось, что портсигар сейчас разобьется. Она ринулась вперед, чтобы подобрать его, но матрос оказался куда проворнее — он оттолкнул Лидочку, не поглядев на нее, схватил портсигар и только тут сообразил, в чем дело. Он туповато улыбнулся и доверчиво сказал Андрею:

— А я думал — пушка.

— Пошли, пошли, не отставай! — крикнул другой матрос, который замыкал процессию.

Толпа цыган неожиданно вклинилась между Лидочкой и Андреем.

И тут Андрей увидел Лиду.

— Все в порядке! — крикнул он. — Это недоразумение!

Он мысленно заготовил эти слова для Лидочки и произнес их, хотя, конечно же, в тот момент страх потерять портсигар — палочку-выручалочку — охватил его остро и больно.

Лидочка кивала, слушая, но смотрела на матроса.

— Отдайте, пожалуйста, — сказал Андрей матросу.

— Что с возу упало — слыхал такое? — осклабился матрос.

Андрей навсегда запомнил его улыбку и золотые коронки во весь сверкающий рот, лица не запомнил, а запомнил улыбку.

— Пошел, пошел, чего разговорился! — Андрея толкнули в спину дулом карабина, и он, чтобы не потерять равновесия, вынужден был пойти вперед. Он оглядывался — теперь уже не из-за портсигара, а чтобы увидеть Лидочку, потому что вдруг понял, что, потеряв портсигар, стал самым обыкновенным человеком, которого могут убить и, вернее всего, скоро убьют, и он больше никогда не увидит Лидочку.

На площади перед вокзалом, заранее подогнанная туда, стояла длинная черная тюремная фура. Арестованных быстро, с криками, чтобы не задерживались, толкая и ругаясь, погнали через площадь.

Лидочка бежала за арестантами.

Андрей помахал ей и крикнул:

— Не бойся! Я вернусь!

В тюремной фуре было тесно — туда набилось человек двадцать.

Стояли, держась друг за друга и за стены. В фуре пахло блевотиной и мочой. Было душно.

Фура дернулась и нехотя покатилась по мостовой. Внутри было темно, и люди молчали, они старались сохранить равновесие.

Путешествие было недолгим, но Андрей очень устал.

Потом фура остановилась, задняя дверь раскрылась. Андрей сразу догадался, что они находятся в тюремном дворе.

Снаружи стояли несколько матросов и тюремные стражники в серых, плохо сшитых мундирах.

— Руки назад! Выходи по одному! — закричал матрос. Матросы и тюремные надзиратели, не скрывавшие недовольства прибытием арестованных, выстроились в два ряда, пропуская задержанных. В стороне какой-то чин, видно, начальник тюрьмы, собачился с молодым телеграфистом в шинели. Он отказывался принять заключенных, а человек в шинели угрожал ему именем революции.

В ожидании конца спора заключенные остановились, стараясь не дотрагиваться друг до друга, как будто каждый подозревал соседа в заразной болезни и надеялся, что начальник тюрьмы окажется победителем, а матросы будут вынуждены отпустить их по домам. Но человек в студенческой шинели нашел неотразимый аргумент, который подействовал даже на привыкшего ко всему начальника тюрьмы:

— Тогда мы их прямо тут расстреляем!

— Почему?

— Не везти же их назад?

Этот революционер и подчиненные ему матросы были настолько серьезны, что начальник тюрьмы махнул рукой и велел старшему надзирателю:

— Принимай партию.

Андрея провели в низкое, с серыми захватанными стенами и решетками на окне помещение, где за столом сидел писарь крысиного облика, а посреди комнаты стояли три надзирателя, которым было скучно и которые спешили оформить новую партию заключенных. Они быстро и равнодушно обыскивали людей. Когда очередь дошла до Андрея, надзиратель провел руками по бокам, по бедрам и между ног, вытащил из карманов все мелочи, высыпал их на стол и, не найдя ничего подозрительного, ссыпал в мешочек.

— Когда будете покидать тюрьму, — сказал писарь крысиного вида, — получите назад все по описи. Если что, то отдадим родственникам. Так что не волнуйтесь.

— Я не волнуюсь, — сказал Андрей. И успокоился. Он понял, что если бы пришел сюда с портсигаром, его бы все равно отобрали.

* * *

Камера, в которой очутился Андрей, была переполнена. Судя по нарам в два этажа, она предназначалась для восьми заключенных, а в нее набили человек двадцать или более того. Многие остались на полу, особенно вновь прибывшие.

День за окном был тусклый, в камеру попадало совсем мало света. Прошло несколько минут, прежде чем глаза Андрея настолько привыкли к полутьме, что он смог отыскать себе место у стены, рядом с грустным лохматым человеком, который сидел на корточках, прижавшись спиной к стене, и, казалось, дремал.

— И где вас взяли? — спросил сосед, не раскрывая глаз.

— На вокзале, — сказал Андрей.

— И сейчас вы скажете, что совершенно случайно.

— Случайно, — сказал Андрей.

— Я так и думал.

Лицо лохматого человека казалось надменным — нижняя губа презрительно оттопырена. Разговаривая с Андреем, он смотрел мимо него.

— Офицер? — спросил лохматый.

— Нет, я студент. Мы с женой приехали из Батума и пошли на вокзал за билетами.

— Ой, только не говорите мне, что вы студент!

Андрей не стал отвечать — в конце концов, он никому не навязывался в собеседники.

Андрей почувствовал голод и удивился себе. Вот ты сидишь в тюрьме и ждешь разрешения своей судьбы, а так как ею правят сейчас чужие люди, они могут решить, что тебе больше не следует жить на свете. И они выведут тебя к кирпичной стене, уже забрызганной кровью других людей, таких же, как ты, случайных и ни в чем не повинных.

— А вы не правы, — сказал лохматый человек. — Категорически не согласен с вами. Невиноватых не бывает. Особенно когда в России революция. Революция должна карать, и если вы покажетесь невиноватым, то она в вашем лице накажет вашего отца или деда, которые были угнетателями народа.

— Я не угнетал, — сказал Андрей.

— Мне и это все равно, — сказал лохматый. — Индивидуально мне вас жалко. Но исторически я оправдываю вашу смерть.

— А вы большевик?

— Не сходите с ума! Неужели я похож на Гавена и компанию? Будем считать, что я — случайный обыватель, схваченный, как и вы, потоком времени и насилия.

— Потоком времени? — Андрей насторожился, уловив в этих словах возможный намек на обстоятельства, известные лишь ему.

— Назовите иначе, — не стал настаивать лохматый человек. — Назовите наш век шабашем, назовите, если хотите, прологом к светлому будущему.

— А вам самому как кажется?

Лохматый не ответил, он резко обернулся, потому что со скрипом отворилась дверь. В дверях стоял надзиратель. За его спиной виден был еще один.

— Зачем спешить? — спросил лохматый. — Гильотина ждет на рассвете.

— Обед! — объявил надзиратель. — А ну давай от дверей!

Из лохматого словно выпустили воздух. Он сполз по стене и лежал, подогнув ноги, словно чудом избегнул гибели.

— У меня живое воображение, — сказал он. — При всем моем равнодушии к смерти, которая мне, кстати, не грозит, — последовал острый взгляд, словно лохматый проверял, поверили ли ему, — при всем моем стоицизме я не могу не воображать. И знаете, что я вижу? Мрачный зал в тюрьме Консьержери, аристократы, красавицы света, герцоги, архиепископы, генералы, матери семейств — все смотрят на якобинского капрала со списком в руке. Сейчас его губы назовут твое имя...

Заключенные по очереди подходили к двери и принимали от надзирателя миску с супом и ложку. Второй надзиратель внимательно следил, чтобы миски и ложки были возвращены по счету. Андрей и лохматый тоже получили свою порцию. Пожилой усач с отвислым лицом, в морском офицерском кителе без погон, посторонился, освободив край нар, чтобы им было где поесть.

Похлебка была горячая, больше ничего хорошего о ней нельзя было сказать. Но Андрей не чувствовал вкуса. Горячее — было приятно. А вкуса не было.

Лохматый, видя, что Андрей отвернулся от него, обратился к усачу, который уступил им место на койке:

— А вы, если не секрет, почему здесь?

— Я здесь вторые сутки, — сказал усач. — Меня взяли вчера, в облаве... а всех остальных расстреляли!

— Какое варварство! — сказал лохматый, словно речь шла об утопленных котятах. — А вас не расстреляли?

— Они неразборчиво записали мою фамилию, — улыбнулся усач. — А я не стал отзываться — народу в камере было много, сумматоха, офицеров увели, а я вот жду второй очереди.

— Может, отпустят? — сказал лохматый.

— Посмотрим — все зависит от того, когда кончится террор.

— Кто-то их должен остановить. Должен что-то сказать Центрофлот! Это же анархия, — сказал Андрей.

— Если это анархия, то она была кому-то нужна, — сказал усач. — Городом правят две сотни матросов, которые вернулись из Ростова. Остальные достаточно пассивны.

— Вот именно это я хотел сказать, — согласился лохматый.

Надзиратели собрали миски и ложки и ушли, заперев камеру.

— А почему вы решили, что их расстреляли? — спросил Андрей усача.

— Об этом весь город знает, — ответил за моряка лохматый.

— Но зачем?

— Не сегодня-завтра в городе возникнет новая сила, — сказал усач. — Я не знаю, кто это будет — Украинская Рада, анархисты, большевики, — они заявят, что вынуждены взять власть, чтобы остановить бесчинства.

— Как вы умно рассуждаете! — воскликнул лохматый и протянул усачу руку: — Елисей. Елисей Евсеевич. Торговый агент.

— Оспенский, не так давно капитан второго ранга, механик на «Георгии Победоносце».

Андрей тоже представился:

— Берестов. Андрей Сергеевич.

У Оспенского это имя не вызвало никакой реакции, но удивило Елисея Евсеевича.

— Берестов? — повторил он. — Просто не может быть!

— А что вас удивило?

— У вас нет тезки?

— По крайней мере я не знаю.

— Правильно, — сказал Оспенский. — Я тоже подумал: почему мне знакома ваша фамилия? Есть Берестов в штабе флота. Я, правда, не знаю, как его зовут. Кажется, лейтенант — он был адъютантом адмирала Колчака.

— Вот именно! — сказал Елисей Евсеевич. — Вот именно. Вам не повезло, молодой человек.

Он улыбнулся, показывая крепкие лошадиные зубы.

— Почему не повезло?

— Когда они узнают, что вы — адъютант Колчака, с вами не будут церемониться.

— Но я не адъютант Колчака! — возразил Андрей. — Да и Колчака, насколько мне известно, давно нет в Севастополе.

— Колчак в Америке, — сказал Оспенский. — Он в безопас-

ности и имеет куда больше шансов, чем все мы, дожить до старости.

— Да, кому-то везет, а кто-то вытягивает несчастливый номер, — вздохнул Елисей Евсеевич. — Значит, вы утверждаете, что не служите на флоте?

Андрей отрицательно покачал головой.

Елисей Евсеевич отстал от него. Совсем рядом, над его головой он мирно беседовал с Оспенским о какой-то общей знакомой в Балаклаве, словно они находились на даче и вышли на лужайку отдохнуть после сытного обеда. Андрей не мог не слышать голосов. Он не верил в то, что его соседи по камере так спокойны. Он не знал, почему тут оказался Елисей Евсеевич, хотя он не похож на офицера или на чиновника и вообще ни на кого не похож, но ведь Оспенский, если верить ему, чудом избежал смерти прошлой ночью и не имеет шансов спастись сегодня. Как же они могут разговаривать!

Впрочем, и остальные обитатели камеры вели себя вяло, словно пережидали этот долгий день, чтобы потом вернуться по домам. Никто не метался, не стучал в дверь — почему же Андрею хочется молотить кулаками по двери?

А что за глупая идея, будто он — адъютант Колчака? Не дай Бог и в самом деле кто-нибудь из матросов взглянет на список арестантов и прикажет отправить Берестова вместе с Оспенским.

Нары были жесткие, сидеть невозможно — Андрей поднялся, ему хотелось ходить, двигаться, но на полу сидели и лежали люди. Можно сделать два шага и остановиться.

Как убедить себя, что все происходящее — лишь сон?

Почему-то хотелось есть.

Андрей обратил внимание на то, что начало темнеть — за окном была синь и в камере почти ничего не видно. Только голоса, кашель и дыхание. От этого было еще теснее и нечем дышать...

* * *

Необходимо было что-то делать. Срочно. Но последовательность и относительная важность действий мешались в голове, и потому Лидочка еще некоторое время после того, как Андрея увели и она, выбежав на площадь, увидела, как его сажают в крытую тюремную фуру, продолжала стоять на месте, глядеть, как закрывают дверь и как фура отъезжает. Потом она спохватилась, что украли чемодан, — а в нем все вещи и бумаги. Лидочка кину-

лась обратно, и, к ее искреннему удивлению, чемодан не был украден, а дожидался ее у стены. Лидочка даже приподняла его, чтобы убедиться, он ли это.

Теперь надо бежать... бежать, освобождать Андрюшу! Или сначала отыскать того скуластого матроса, который отобрал у Андрея портсигар, — но ведь он не отдаст! А где искать этого матроса?

Держа в руке чемодан и согнувшись влево под его тяжестью, Лидочка пошла к комнате коменданта, но, не доходя до нее, увидела, как некто в военной шинели дергает за ручку двери, но дверь заперта. Лидочка поставила чемодан на пол и подумала: «Вот мне сейчас очень хочется разреветься, а главное — не разреветься. Ни в коем случае. Потому что сейчас что-то случится и станет лучше — не бывает же совсем безысходных положений. Господи, помоги мне выручить Андрюшу».

И как бы в ответ на ее молитву совсем рядом, над самым ухом раздался тихий, знакомый голос:

— Лидочка, ты что здесь делаешь?

Она резко оглянулась.

— Молчи, — сказал Ахмет. — Не надо меня узнавать.

Если бы он ее не окликнул, Лидочке бы никогда не догадаться, что это ее старый приятель. На Ахмете была широкополая шляпа, подобная той, в какой любил фотографироваться Максим Горький, и широкое серое пальто с поднятым воротником.

— Ой, я сейчас заплачу, — честно предупредила его Лидочка, — я сейчас зареву.

— Что с Андреем?

— Его арестовали!

— Этого еще не хватало!

Ахмет подхватил чемодан и понес его к небольшой боковой двери, которая, оказалось, вела в вокзальный ресторан, наполненный публикой, жаждущей хоть как-нибудь перекусить. Лидочка сразу поняла, что места им не отыскать, да и не хотелось ей есть, но у Ахмета были совсем иные планы. Он прошел через зал и, откинув малиновые шторы, нырнул на кухню. Лидочка последовала за ним.

— Направо, — сказал Ахмет. Лидочка повернула в коридор, мимо ярко освещенной кухни, и они оказались возле склада, где стояла скамейка, на ней сидели два молодых человека, немедленно вскочившие при появлении Ахмета и разом заговорившие по-татарски. Ахмет оборвал их и сказал: — Садись, Лида, мои ребята постараются, чтобы никто сюда не зашел. И рассказывай.

— Все ясно, — сказал Ахмет, выслушав рассказ Лиды о событиях нынешнего утра. — Ситуация не такая трагическая. Андрюша не офицер, он вообще приезжий и не должен вызывать ненависть революционных моряков.

Ахмет говорил уверенно, хотя не был ни в чем уверен. Когда начинается террор, соображения рассудка отступают.

Но утверждение Ахмета о безопасности Андрея было настолько желанным, что Лидочка сразу успокоилась — будто гуляла в лесу, заблудилась, а тут ее нашел старший брат и ведет к выходу из леса. Главное теперь — слушаться его.

— Я тебе постараюсь помочь, — сказал Ахмет.

— А как?

— Чем меньше ты знаешь, тем лучше. Если ты чего не знаешь, не проговоришься. Погоди, не сердись, я могу тебе только сказать, что у меня дело в той же тюрьме. Там сидит совершенно невинный наш товарищ, которого отправили сюда из Симферополя, потому что в Симферополе мы бы его обязательно освободили. Знаешь кто?

Лидочка отрицательно покачала головой.

— Верховный муфтий Крыма.

Звание ничего Лидочке не говорило, но она поняла, что это какой-то религиозный чин.

— Мы должны освободить Челибиева. Это очень хороший человек, прогрессивный, можно сказать — социалист, — сказал Ахмет. — Его свои же муллы русским отдали. Сайдемат сказал: «Ахмет, ты должен привезти Челибиева», и я сказал: «Я привезу, Сайдемат». Тебе ясно?

— Ясно, — сказала Лидочка, не спросив, кто такой Сайдемат.

— Сегодня же мои люди узнают, где сидит наш Андрюша. А завтра мы будем Челибиева брать, постараемся и Андрюшу с собой взять, тебя это устраивает?

— Да, — тихо сказала Лидочка, которой очень хотелось поцеловать небритую черную щеку Ахмета, но она не знала, имеет ли право русская женщина целовать настоящего мусульманина?

— Тогда пойдем отсюда, мы тебя пока поселим у хороших людей.

Ахмет тихо свистнул, один из молодых людей появился рядом, будто и не отходил, и взял чемодан.

Лидочка с облегчением пошла за спутником Ахмета, но уже через несколько шагов почувствовала такую слабость в ногах, что остановилась и оперлась рукой о стену.

— Нельзя стоять, — сказал молодой татарин, несший ее чемодан.

Лидочке не хотелось признаваться в своей слабости, но она не могла сделать ни шагу. Тогда молодой татарин поставил чемодан на пол, показывая этим, что умывает руки. Обернувшись и увидев это, возвратился Ахмет. Лидочке было стыдно, хоть сквозь землю провались. Но тут она увидела, что в зал вошел и остановился, словно отыскивая взглядом очередную жертву, тот самый скуластый матрос, который отобрал у Андрея портсигар. Карманы его бушлата были оттопырены, и Лидочке даже показалось, что она угадывает в правом кармане очертания портсигара.

— Он, — прошептала она.

Как раз в этот момент матрос обернулся и встретился с ней глазами. На какое-то мгновение их взгляды слились, и Лидочка испугалась, что он прочел ее мысли, но матрос вдруг весело подмигнул ей, и Лидочка непроизвольно улыбнулась ему в ответ — такая у матроса была широкая и открытая улыбка веселого негодяя и пьяницы.

Матрос тут же забыл о хорошеньком личике, увиденном в толчее — не для этого он здесь был, — он был охотником на беззащитную дичь мужского пола.

И как только он выпустил Лидочку из поля зрения, она кинулась к подошедшему Ахмету:

— Это он, Ахмет, миленький, это же он!

— Что с тобой, не волнуйся.

— На нас смотрят, — с осуждением сказал молодой татарин.

— Он отнял у Андрея портсигар. Вон там, в правом кармане!

— Какой портсигар, объясни.

— Когда они схватили и повели Андрея, он отнял у Андрея портсигар, его надо обратно взять.

— Украл, да? — спросил второй молодой татарин, подойдя к ним.

Ахмет смотрел на нее удивленно, и Лидочка прочла в его взгляде вопрос, можно ли говорить о каком-то портсигаре, когда Андрею грозит смерть.

— Это самая ценная вещь! — чуть не кричала Лидочка, которой казалось, что без портсигара Андрей бессилен, никогда не вернется к ней. — Это подарок Сергея Серафимовича!

— В карман положил? — спросил Ахмет.

— Я видела, в правый карман. Ахмет, миленький, у меня есть деньги, сколько хочешь, я все отдам — пойди купи у него портсигар, объясни, что это память об отце...

— Если подойти, — сказал молодой татарин, — то плохо. Он подумает — какой ценный вещь, сразу не отдаст и еще смеяться будет, он пьяный, он русский, я знаю, какой подлый.

— Иса прав, — сказал Ахмет. — Просить нельзя.

— Не просить — купить!

— Попробуем иначе, — сказал Ахмет и обратился к Исе с вопросом по-татарски, тот пожал плечами и тут же пошел прочь.

— Ну что? — спросила Лидочка.

— Ничего, пойдем на площадь. Ты не бойся. Сделаем.

— Может, я все-таки деньги отдам?

— Лида, ты глупый человек, — недобро улыбнулся Ахмет. — Раньше ты мне другом была. А теперь немного с ума сошла.

— Я так волнуюсь за Андрюшу.

— Ты и раньше волновалась, когда мы в Батуме жили. А что? Разве он не приехал? Ты меня знаешь?.. Иди к трамваю.

Ахмет шел чуть впереди и сбоку, сунув руку в карман пальто.

Молодой татарин, который нес чемодан, медленно топал за Лидочкой, согнувшись от веса чемодана и изображая носильщика.

— Иди к трамваям, — сказал Ахмет, полуобернувшись. — Не не садись, пока я тебе не скажу.

Они вышли на площадь. Как раз перед Лидочкой патруль матросов со смехом и грубыми шутками гнал перед собой стайку цыганских женщин. Мужчины-цыгане осторожно, стаей лисиц за волками, шли сзади. Один трамвай, совсем пустой, зазвенел, покатился через пыльную площадь прочь от вокзала. На его место устало, еле-еле, приехал другой.

— Пошли, — донесся голос Ахмета.

— Пошли, — сказал носильщик.

Откуда-то появилась толпа солдат, они были плохо одеты, папахи и шинели изношены и грязны, некоторые с винтовками, но большей частью безоружны. Завидя трамвай, они побежали к нему. Лидочка смешалась с этой толпой, она совсем не боялась солдат, которым тоже не было до нее дела; солдаты буквально внесли ее в трамвай, открытый, без стекол, — словно дачная веранда на колесах. Носильщик с чемоданом был поблизости — Лидочке была видна его серая фуражка, а Ахмета она увидела, только когда трамвай со звоном и веселым грохотом колес покатил в гору, мимо одноэтажных привокзальных домиков. Ахмет стоял на передней площадке, рядом с ним стоял Иса.

Лидочка еле удержалась, чтобы не закричать:

— Ну что? Что, удалось?

Ведь если не удалось, теперь этого матроса не отыскать.

Через три остановки Ахмет вдруг поднял руку и крикнул:

— Сходим, Иса!

— Сходим!

Молодой татарин подхватил чемодан и, расталкивая матерящихся солдат, полез к выходу, увлекая Лидочку.

Ахмет поднял руку, резко дернул за шнур, протянутый под потолком, трамвай отозвался грустным звоном, будто не хотел расставаться с Лидой. Но начал тормозить.

Ахмет первым успел соскочить с трамвая и подхватил Лидочку, которая замешкалась на подножке. Солдаты смеялись.

Трамвай тут же покатил дальше, солдаты махали с задней площадки.

— Быстро пошли, — сказал Ахмет. — Сегодня не надо гулять по улицам.

Лидочка не успела спросить про портсигар, потому что Ахмет нырнул в узкий переулок, взбирающийся в гору, и побежал. Его спутники следом, Лидочке нельзя было отставать.

Отдышалась она только в небольшом винограднике, пока татары стучали в дверь и ждали хозяйку.

Хозяйка, злобная на вид старуха с носом, тянущимся к острому подбородку, сказала:

— Эту еще где нашли?

— Неужели не видите, госпожа Костаки, — вежливо сказал Ахмет, — что вы имеете дело с благородной дамой? И ей мы уступаем маленькую комнату.

— Только без этого, — сказала старуха.

— Мы не будем настаивать, госпожа Костаки, — сказал Ахмет.

Он провел Лидочку в маленькую белую комнатку, единственным предметом мебели в которой была покрытая кружевным покрывалом продавленная кровать, а над ней на стене был прикреплен простой крест, вырезанный из темного дерева.

Ахмет вошел в комнату следом за Лидой и на открытой ладони протянул ей портсигар Андрея.

— Ахмет, — сказала Лида, — Ахметушка...

— Без сантиментов, — сказал Ахмет, — наше превосходительство этого не выносят.

— И за сколько вы его купили? Я отдам.

— Мы не купили, у Исы ловкие пальцы.

— Он украл?

— По-моему, это для тебя трагедия, — сказал Ахмет, — ты сейчас побежишь искать матроса, чтобы вернуть украденное...

— Прости.

— Потом, когда все обойдется, сделаете Исе подарок. Я с тобой прощаюсь ненадолго, нам надо посоветоваться, каким образом лучше проникнуть в тюрьму. А ты отдохни.

— Только недолго!

* * *

Когда совсем стемнело, надзиратель принес два фонаря «летучая мышь». Один поставил на стол посреди камеры, а второй повесил на железную перекладину, протянутую через камеру.

— Расскажите мне о себе, — попросил Елисей Евсеевич, — я очень люблю биографии других людей. Во мне есть писательский дар, я его чувствую.

— Ничего интересного со мной не случалось, — сказал Андрей.

— Но вы — историк? Студент-историк? Я прав?

— Я археолог.

— Моя мечта, — сказал Елисей Евсеевич. — Я всегда мечтал стать археологом. И теперь я займу ваше место.

— Почему займете?

— После вашего расстрела, — сказал Елисей Евсеевич. — К сожалению.

Он тонко засмеялся, потом неожиданно оборвал смех и добавил:

— Честное слово, мне вас жалко.

— Шутки у вас дурацкие, — сказал Оспенский, который дремал на нарах, подложив под голову свернутый китель.

— Но шутник не я, — ответил Елисей. — Шутники ходят снаружи.

— А здесь ужином кормить будут? — спросил Андрей, и ему стало стыдно, потому что Елисей засмеялся, а Оспенский улыбнулся в темноте, и стали видны его голубые зубы.

— Как нам трудно поверить в собственную смерть, — сказал Оспенский. — Особенно если мы молоды.

— Честное слово, я не вижу оснований, — сказал Андрей. — Ведь революция уничтожает только своих врагов.

— Революция сама решает, кто ее враг, а кто нет, — сказал Оспенский. — Дети аристократов, погибшие в Париже, не замышляли дурного.

— А вы меня забавляете, капитан, — сказал Елисей, дергая за длинный, торчащий, как у Дон Кихота, ус. — В отличие от других

вы ведете себя спокойно и даже позволяете себе спать, хотя кому нужен сон на пороге вечности?

— А я рассчитываю на счастливый поворот событий, — сказал Оспенский, — на мою фортуну. Ведь она оградила меня от смерти вчера — почему бы ей не расщедриться и нынче? Я вам скажу: террор недолговечен. Он нажирается своими изобретателями.

— А во Франции? — вмешался Андрей. — Там года три убивали!

— А опричники? — сказал Елисей. — Это же годы и годы!

— Разрешите возразить вам, господа, — сказал Оспенский, — вы говорите о политике террора — о сознательной и организованной кампании устрашения. Но сейчас мы имеем дело с банальным разбоем, с погромом. Когда все перины вспороты и бабы изнасилованы, наступает отрезвление. По моим расчетам, оно наступит уже сегодня. На кораблях и в городе есть разумные силы.

Елисей стал серьезным. Даже голос звучал иначе, без смешка и попыток развлечь собеседника.

— Мне кажется, — сказал он, — что мы имеем дело с опричниной. С тем явлением, которое вы назвали организованной кампанией устрашения.

— За такой кампанией кто-то должен стоять.

— Вот именно.

— Так назовите мне эту силу! Адмирал Немитц и Морской штаб?

— Адмирал Немитц уже бежал из Севастополя.

— Значит, вы хотите сказать, что это татары?

— Татары не имеют никакого влияния на солдат и матросов, да и не хотят на них влиять.

— Совет?

— Уже теплее, — сказал Елисей. — Но сдвиньтесь еще левее.

— Украинская Рада?

— Опять холоднее, — сказал Елисей.

— Не томите меня, — сказал Оспенский. — Что за дьявольская сила стоит за погромом?

— Это большевики, — сказал Елисей.

— Какие еще большевики? — не понял Оспенский.

— Это часть партии эсдеков, — пояснил Андрей. — Они взяли власть в Петрограде.

— Так бы вы сразу и говорили! — сказал Оспенский.

Вспышка спора, затем какая-то возня возникла в другом конце камеры. Гулкий голос матерился и грозил всех вывести на чистую воду. Разговор, который вели рядом Оспенский и Елисей

Евсеевич, вполне мог и должен был состояться в гостиной или на веранде, а не в сыром, пропахшем мочой темном погребе. Надо потереть глаза, тогда все это кончится и окажется сном. Незаметно для окружающих Андрей ударил себя по виску — отдалось в голове, но ничего не исчезло. Лишь Елисей Евсеевич бубнил:

— Расскажите мне, как еще большевикам взять власть, если даже после переворота, организованного ими в Петрограде, после того, как они провозгласили себя законной властью, находятся люди вроде нашего сокамерника господина Оспенского, которые утверждают, что и названия такого не слыхали.

— Простите, я так далек от современной политики, — сказал Оспенский извиняющимся тоном.

— Фамилию Романовых вы знали даже без политики. А что вам говорит фамилия Троцкий? А фамилия Зиновьев?

— Ничего.

— А заговорит, — убежденно сказал Елисей Евсеевич. — Скоро заговорит, если вы переживете эту ночь. Потому что они крепко сели на престол и теперь распространяют свою власть по России.

— И здесь? — спросил Андрей.

— И неизбежно здесь! Севастополь им нужен как воздух — это господство над Черным морем. Это тысячи вооруженных моряков и солдат. Но как захватить власть? Как — если их здесь единицы и никто не принимает их всерьез?

— Как? — повторил вопрос Оспенский.

— Я бы на их месте сколотил компанию пьяных матросов, которым хочется крови и разгула. Я бы дал матросам оружие, я бы науськал их на офицеров и спустил бы с цепи! А они бы устроили Варфоломеевскую ночь, после которой я бы вмешался, навел бы порядок с помощью тех же убийц и бандитов и заявил бы перепуганному обывателю, что больше погромов и убийств не будет, что я сожалею о них и что виноватые в них матросы получат устный реприманд...

— Вы меня пугаете, Елисей Евсеевич, — сказал Оспенский.

— Вы бы знали, как я пугаю себя! — ответил Елисей. — Я не могу спать.

Он сделал паузу и закончил фразу словно бы заученными словами:

— И хотя я не имею никакого отношения к вашим делам и мне ничего не грозит, я очень боюсь за вас и других молодых людей, которым сегодня не повезло. И знаете, чего я еще боюсь? Я боюсь, что, когда большевикам удастся этот кунштюк в Сева-

стополе, они повторят его еще в тысяче городов и будут повторять, пока не подавят, не подомнут всю Российскую империю.

— Такие долго не удерживаются, — сказал Оспенский.

— Дай Бог вам их пережить, — сказал Елисей Евсеевич.

Андрея удручали запахи — они были застарелыми, въевшимися в стены, в пол, да и сам воздух никогда здесь не менялся. И было подвально холодно. Андрей поджал под себя ноги, он был бы рад прижаться к Елисею — но неловко было спросить разрешения. Хотелось пойти к параше — но ведь неприлично мочиться при посторонних, как животное.

— Почему вы здесь? — спросил Оспенский.

— Я торговый агент, — сказал Елисей Евсеевич, — меня задержали по подозрению в контрабанде. Они сказали, что я буду сидеть, пока за меня не внесут пять тысяч. Наверное, сегодня к ночи моя жена вернется из Ялты с деньгами, так что ночью я вас покину.

— Или мы вас покинем раньше, — сказал Оспенский.

Андрей все же подошел к параше. Там пахло еще сильнее, и тем, кто сидел неподалеку на полу, было совсем гадко. Хотя неизвестно, замечали они это или нет.

Он провел рукой по карману, будто портсигар чудесным образом мог возвратиться на место. «Господи, если бы он у меня был, я бы унесся на двадцать лет! Я бы вылетел из этой войны и этого сумасшедшего дома. Я бы вынырнул из потока в тридцать седьмом году, когда эта тюрьма уже будет никому не нужна, когда все двери будут раскрыты. Ведь человечество обязательно станет лучше, и это случится скоро... Но ведь эти матросы, которые стреляют в офицеров, они тоже хотят хорошей жизни — для всего народа. А большевики, которые взяли власть, чтобы заключить мир и чтобы больше не погибали солдаты, — неужели они хотят дурного?»

— Ну ты что, так и будешь стоять? — Плохо различимый в темноте мужчина толкнул Андрея — ему понадобилась параша.

Возвращаясь на свое место, Андрей вдруг подумал: «Как же я рассуждал — неужели я так струсил, что не думал о Лидочке? Хотел оставить ее одну? Нет, главное, чтобы меня отпустили, тогда мы уедем, и не нужны нам будут эти портсигары — изобретения дьявола, которые дарят тебе видимость свободы, но на самом деле выбрасывают тебя, как кукушка чужих птенцов из гнезда».

Елисей Евсеевич поднялся навстречу Андрею.

— Можно поговорить с вами конфиденциально? — спросил он.

— Меня можете не брать в расчет, — сказал Оспенский.

— Отдыхайте, отдыхайте, — мягко сказал Елисей Евсеевич.

Длинными пальцами он твердо взял Андрея за локоть и повел к двери, к параше, откуда Андрей только что с таким облегчением отошел.

— Я вас не задержу, — сказал Елисей Евсеевич, — меня тревожит одна маленькая проблема.

Андрей начал считать про себя, чтобы дотерпеть до конца разговора.

— Вы уверены, что вы именно тот Берестов, за которого себя выдаете? — спросил он.

— Такой я с детства, — ответил Андрей и продолжал считать.

— Я совсем не шучу, — вздохнул Елисей Евсеевич. Свет фонаря освещал, хоть и тускло, одну щеку и глаз, который загорался при повороте головы адским пламенем. — Я беспокоюсь за вашу судьбу.

— А что натворил мой тезка?

— Он сотрудник полковника Баренца — это вам что-нибудь говорит?

— Я же сказал, что я первый день в Севастополе, — уклонился от ответа Андрей. Ему вдруг стало стыдно признаться в знакомстве с Баренцем.

— Как хотите, — сказал Елисей Евсеевич. Он был на самом деле расстроен. — Но вы такой молодой, и мне не хочется, чтобы случилась трагедия.

Андрей перестал ощущать вонь от параши. Его собеседник был абсолютно серьезен и расположен к нему, он хотел помочь. Андрей вдруг вспомнил вопрос тонкогубого Баренца: знакома ли вам фамилия Беккер? Но при чем тут Беккер?

— Баренц — начальник морской контрразведки, — сказал Елисей Евсеевич. — Ненавистная фигура для матросни. Берестова они тоже знают.

— Знают? Значит, меня с ним не спутают.

— Вы думаете, они знают вас в лицо? — удивился Елисей Евсеевич. — Ни в коем случае! А вы недавно женились?

— Месяц назад, в Батуме.

— Ай-ай, какое несчастье! И вы, наверное, любите свою жену?

— Что за вопрос!

— Мне за вас страшно, вы даже не представляете. — Елисей Евсеевич смахнул мизинцем маленькую слезу, зародившуюся в уголке глаза, — а может быть, Андрею это показалось. — Но мы будем думать, как вам помочь...

Они вернулись к нарам, Оспенский не спал — он подогнул

ноги, чтобы им можно было сесть. Андрей чувствовал себя усталым и разбитым. Хотелось вытянуться на нарах — но как прогонишь Оспенского? Андрея охватило раздражение против моряка: нары в камере не были его собственностью. Может быть, это последняя возможность для Андрея вытянуть ноги.

Но Оспенский ни о чем не догадывался. Андрей прислонился спиной к стене, но стена была такая холодная, что стало зябко даже сквозь тужурку.

— Андрей, Андрей! — звал его чужой голос, и Андрею показалось, что он идет по лесу и впереди светит огонек избушки — до нее надо дойти, но впереди столько могучих стволов...

Оспенский толкнул Андрея и этим разбудил.

— Ложитесь, — сказал он, поднимаясь, — а то вы во сне упадете.

Оказывается, Андрей заснул сидя. Не в силах сказать что-нибудь, Андрей покорно улегся на нары и сквозь забытье слышал, а может быть, воображал разговор, что велся рядом.

— А вы одинокий? — Это голос Елисея Евсеевича.

— У меня есть жена и взрослый сын. Они в Петрограде.

— По крайней мере в безопасности.

— Они могут начать охоту и за родными офицеров.

— До этого они не дойдут. Даже царь этого не делал, — возразил Елисей Евсеевич. — А вот я одинок. Как перст. Я любил одну женщину, но она отдала сердце другому. Это буквально трагедия. Так что мне все равно — сидеть в тюрьме, гулять по Нахимовскому бульвару или уехать в Турцию.

— Гулять лучше, — сказал Оспенский.

— А Берестов уже женат, — сказал Елисей Евсеевич укоризненно. — Это же удивительно, в каком возрасте дети стали жениться! Ему еще восемнадцати нет. Ей, наверное, тоже.

— Будет очень грустно, если его пустят в расход, — сказал Оспенский.

«Они думают, что я сплю и ничего не слышу, — подумал Андрей. — Иначе бы они молчали. А ведь я совсем не молод, я только молодо выгляжу...» — и Андрей снова уснул.

* * *

— Ахмет, — сказала Лидочка, — мне нужно с тобой поговорить.

Ахмет сидел на веранде, его молодцы — рядом, они чистили

оружие. Оказалось, что пистолеты состоят из многих маленьких частей, о чем Лидочка раньше и не подозревала.

Ахмет был недоволен тем, что она вышла на веранду, — он думал, что Лидочка отдыхает.

— Тебе нужно что-то? — спросил он, поднимаясь и идя к ней навстречу. Лампа горела сзади, и его тень была огромной и зловещей.

— Да, ты прав, — сказала Лидочка. — Ты прости, что мне всегда приходится тебя просить. Я даже не могу выразить словами, как я тебе благодарна. Но за просьбой бывает следующая. Если я смогу что-то сделать для тебя — ты же знаешь, я все сделаю.

— Пока что такой возможности не было, — сказал Ахмет.

— Я даже сердиться на тебя не буду, — сказала Лидочка. — Если тебе хочется обижать меня, унижать, ругать — ты можешь это делать.

— Глупая женщина, — сказал Ахмет. — Говори, а то нам скоро идти.

— Этот портсигар, — сказала Лидочка.

— Ну и что?

— Его надо отдать Андрею.

— Вот вернется, тогда и отдашь. Сама отдашь. Зачем мы будем с собой такую ценную вещь таскать?

— Ахмет, я ведь не дура?

— Ты умная, хоть и дура.

— Хорошо. Ты можешь поверить, что этот портсигар нужен Андрею?

— Очень даже могу поверить. Он из него папиросы достает.

— Ахмет, этот портсигар может спасти ему жизнь.

— Но его жизнь не надо спасать! Это мое дело. Я его сам спасу.

— А вдруг случится, что ты не сможешь? Ты же только человек!

— Я очень хитрый человек. Если они нам не отдадут Андрея, мы всех поставим к стенке.

— Но если не выйдет, передашь?

— Если не выйдет, мы так будем бежать, что некогда отдавать портсигары.

— Ахмет!

— Давай сюда свой портсигар. Только я ничего не обещаю.

— Я знаю.

— А теперь иди внутрь, а то совсем холодно, простудишься.

— Вы когда уходите?

— Мы пойдем в одиннадцать, — сказал Ахмет.

— Вы не будете штурмовать тюрьму?

— Глупо! Зачем нам умирать? Мы должны внутрь пройти, у нас там люди купленные.

Они ушли раньше одиннадцати, и Лидочка была обижена — она сидела в комнате, смотрела на часы, ждала одиннадцати, чтобы проститься с татарами, тайком перекрестить их. Но они ушли раньше, и когда она выглянула на веранду, их и след простыл. Для Лидочки началось тягучее и томительное ожидание, в котором медленнее улитки двигалось время.

* * *

После завтрака Коля Беккер заснул и проспал почти весь день, приказав Раисе всем говорить, что его нет дома. Но Раиса и сама ушла, все еще сердитая на Колю за то, что тот не хотел освободить Елисея Мученика. Это не значит, что она поспешила выручать старого друга, — Раиса была привязана к людям по-кошачьи: пока мужчина рядом, он хорош и любим. Но людей, которые были в каком-то другом, далеком месте — в отъезде, в тюрьме или померли, — она любить и даже помнить не умела, даже имена их вспоминала с трудом. Так и с Мучеником — он и без того отступил далеко назад перед Колей, а теперь пропал. Коля поступил плохо, не по-людски, не порадел за Елисея, но его тоже можно понять: чего ему вступаться за Раисиного любовника? Обидно было, что Коля недобрый, но Мученика не было жалко.

Так что Коля спокойно проспал весь день, а к вечеру проснулся от выстрелов на улице, совсем близко. И решил не выходить: был велик риск ходить по улицам, а к тому же неясно было — куда идти? В Морской штаб? А если его громят матросы и топят офицеров? А может, пойти к Гавену? Нет, Гавен совсем уж чужой, он может придумать для Коли дело, которое запачкает его репутацию, — а Коле не хотелось, чтобы его связывали с большевиками.

Коля поел, сам себе согрев еду, и стал ждать возвращения Раисы, а пока что играл в шашки с ее сынишкой, который, хоть и маленький, был в шашках силен...

Гавен, которому матрос принес из тюрьмы списки арестованных, страшно устал, он с ног валился — вторые сутки почти без сна! Он читал список, а думал о том, как бы поспать хотя бы полчаса. После каждого имени, написанного большими полуграмотными буквами, стояли пометки: «о», что означало офицер, и «п» — подозреваемый, или вовсе не было пометки, что означало,

что составитель списка не представляет, почему заключенный оказался в тюрьме.

Гавен понимал, что он, волей судьбы вершитель жизни и смерти этих людей, должен всматриваться в этот список и быть холоден, но объективен. Но это было невозможно сделать без того, чтобы самому не допросить всех заключенных, — ведь доверять матросам было невозможно. Но ни он сам, ни его немногочисленные помощники не имели ни времени, ни формального права допрашивать тех людей. Больше того, ни один из узнаваемых членов его партии не должен был и близко подходить к тюрьме, чтобы никто никогда не связал с большевиками кровавые события в Севастополе.

Гавен, впрочем, отлично понимал историческую миссию, возложенную на него. И в частности, без всякого озлобления и даже с печалью осознавал, что обязан отдать на заклание офицеров, содержащихся в тюрьме, — иначе город не будет достаточно запуган, другие партии подавлены страхом, иначе не будет оснований и возможности захватить власть, имея в своем распоряжении лишь горстку заговорщиков. И для того чтобы совесть, существовавшая в Юрии Петровиче, как и в каждом человеке, молчала и не мучила его, Гавен не хотел видеть офицеров — пускай они останутся именами в списке врагов революции, но не людьми, у которых есть жены и дети.

Гавен, как недавно приехавший в город, мало кого знал на флоте и в полуэкипаже, так что, ставя крестики у фамилий, уже помеченных роковой буквой «о», был по-своему объективен. За двумя исключениями.

Среди первых же фамилий встретилась знакомая: Берестов Андрей Сергеевич. Возле фамилии стояла буква «п».

— Бред и чепуха, — сказал Гавен.

Нина Островская, которая как раз заглянула в комнату в поисках своего блокнота, услышала реплику и спросила:

— Что случилось, Юрий?

— Мои архаровцы перестарались, — сказал Гавен. — Видно, он шел с дежурства, его и прихватили. То-то я его сегодня не видел.

— Ты о ком?

— Андрей Берестов в тюрьме ждет расстрела.

— Полезный мальчик, — сказала Нина Островская. — Было бы жалко, если бы его пустили в расход.

— Хорошо, что я потребовал списки, — сказал Гавен. — Так можно лишиться перспективных товарищей.

— У меня идея, — сказала Нина Островская. — Я сейчас поеду как раз мимо тюрьмы, заскочу туда и его освобожу.

— Зачем?

— Пускай спасение у него будет связано с моим образом, — сказала Нина, резко поправляя черные прямые волосы. — Попутчики должны чувствовать, что партия о них заботится.

— И не мечтай, — сухо сказал Гавен. — Не смей близко к тюрьме подходить! Ты хочешь, чтобы завтра каждая собака в Севастополе кричала, что мы расстреливаем людей?

— Хорошо, хорошо, — устало ответила Нина. Она тоже не спала уже вторую ночь. — Только убедись, что его не шлепнут.

Гавен крупно написал возле фамилии Берестова: «Освободить». И потом, подумав, подчеркнул ее.

Рассчитывая увидеть еще одно знакомое имя, Гавен проглядел список. Его взгляд упал на фамилию Мученик.

— Нина, смотри, чего матросы натворили! — слишком громко сказал он.

Островская подошла и наклонилась. От нее пахло дешевым табаком и потом.

— Мученик? Как же наш соглашатель туда угодил?

— Вспомнил! — сказал Гавен. — Мне же Шашурин говорил, что он той ночью требовал прекратить расправу над гражданами свободной России, — тут его, видно, и прихватили!

Гавен не выносил Мученика, даже его громкий голос вызывал в нем внутреннюю дрожь. Если Мученик на заседании Совета вскакивал с очередным запросом, Гавен попросту выходил из комнаты.

— Анекдот, — сказала Островская. — Наш революционный соперник вместе с офицерьем! И чего его понесло?

— Я сам удивляюсь. Я думал, он наложил в штаны и сидит под кроватью, а он ночью на Малахов курган поперся.

— Теперь берегись, — сказала Нина, — Он в тюрьме получит информацию... лишнюю информацию. Это плохо.

— Не получит, — сказал Гавен, ставя возле фамилии Мученика буковку «о» и крестик для надежности. — Не получит он никакой информации, потому что его отправят в штаб Духонина. Вместе с его подзащитными.

— Ты решил его не освобождать?

— Вот именно. Трагическая случайность.

— Трагическая случайность неожиданно оборвала жизнь нашего старого товарища, члена Севастопольского Совета от партии социал-демократов меньшевиков... Нет, не трожь его. Меньшевики поднимут вой.

— История не прощает либерализма, — возразил Гавен. — Мученик для нас опаснее, чем сто офицеров, — он враг внутренний, маскирующийся под революционера.

— Ты просто его не выносишь. И сам велел его арестовать.

— Его не выносит мое классовое чутье, — сказал Гавен.

— К какому классу принадлежим? — ядовито спросила Нина.

Гавен сложил список, подошел к двери и крикнул:

— Шашурин!

Вошел толстый вольноопределяющийся с красным носом.

— Товарищи из тюрьмы ждут?

— Сидят, чай пьют.

— Отлично. Передай товарищам этот список. Они знают, что делать.

Гавен вернулся в комнату и сказал:

— Как я хочу спать!

— Революция — это бессонница, — сказала Нина Островская. Потом подумала немного и добавила: — Но я продолжаю настаивать на освобождении Мученика.

— Я учел ваше мнение, товарищ Островская, — официально сказал Гавен и улегся, не снимая сапог, на продавленный кожаный диван. — А теперь можно поспать. Хотя бы час.

Островская вышла, хлопнув дверью.

* * *

Странное, тягучее, почти праздничное напряжение все более овладевало Андреем по мере того, как приближалась ночь. И это происходило не только с ним, но и с прочими обитателями большой камеры. Никто не спал. Многие стояли или пытались ходить, вызывая раздражение и ругань тех, кто оставался сидеть на полу. Люди не разговаривали, а перебрасывались отдельными фразами как будто для того только, чтобы не упустить тот момент, когда начнет отворяться дверь. «Я провел с этими людьми почти целый день, — думал Андрей, — но за исключением Елисея и Оспенского я никого не заметил, и если когда-нибудь судьба, уберегши меня, столкнет с одним из соседей по камере, я же его не узнаю!»

— Почему все страшное происходит ночью? — сказал Андрей. — И чудеса, и смерть.

— Люди даже умирают под утро, — сказал Оспенский, — это медицинский факт.

— У нас все объясняется просто, — объяснил Елисей Евсеевич. — Днем матросы и прочие власти заняты на митингах и грабежах, вечером они пропивают награбленное, а ночью занимаются делами.

Елисей Евсеевич будто сам себя уговаривал, потому что и он оробел перед лицом безжалостной ночи.

Дверь раскрылась часов в одиннадцать — сначала все услышали, как по коридору идут люди, и ждали — у этой камеры они остановятся или пройдут дальше. Остановились. Щелкнула заслонка, потом со скрипом, будто что-то железное упало на пол, открылся замок, и дверь поехала внутрь. Надзиратель с фонарем крикнул, светя на лист бумаги:

— Ладушкин!

По камере пронесся облегченный вздох и потом прервался. Все слушали, как с нар сполз и, прихрамывая, шел к двери черный сутулый силуэт — память о человеке, который мелькнул в жизни и никто не разглядел его лица.

— А что? — спросил этот человек у надзирателя в двери. — Куда меня?

— Домой вас, — сказал надзиратель. — Я так понимаю, что домой пойдете. Хлопотали за вас.

— Вот видишь, — сказал Елисей Евсеевич, — значит, и меня вот-вот позовут. Попрощаемся... и, вернее всего, навсегда!

Андрей испытывал неприязнь к Мученику — к этому самодовольному торгашу, который и на самом деле выйдет отсюда и будет на радостях пить сухое вино и заедать цыпленком. «А я в эту самую минуту... в ту минуту, когда он будет худыми жадными пальцами разрывать цыпленка, буду стоять у стены и ждать, когда некто безликий крикнет: «Пли!»

— Андрюша, Андрюша, — сказал Елисей Евсеевич тихо, — а ваша жена совсем молоденькая, это так?

Андрей не стал отвечать — в горле был комок, так хотелось заплакать.

— У меня есть один план, — сказал Елисей. — Только ты, Оспенский, отвернись, мы будем шептаться.

— Идите вы к чертовой матери, — буркнул Оспенский, он лежал и глядел в черноту невидимого потолка.

— Вы понимаете, что шансов у вас почти нету?

— Шансы всегда есть, — буркнул Оспенский.

— Разве можно им доверять? — удивился Елисей Евсеевич. —

Если так рассуждать, то мы можем просто лишиться такого человека.

Андрею хотелось надеяться, и он боялся надеяться на то, что в голове Елисея Евсеевича родился какой-то спасительный план. Вся неприязнь Андрея к нему мгновенно испарилась.

— Интересно, а как вы его спасете? — спросил Оспенский.

— А как бы вы спасли?

— Я бы молился, — сказал Оспенский.

— А я думал, — сказал Елисей. Он наклонился ниже, и Андрей тоже наклонил голову. — Как все гениальное, мой выход прост. Сейчас придут за мной — они освобождают тюрьму от лишних ртов. Они придут за мной, и вы, Андрюша, отзоветесь на мое имя.

— Почему?

— Потому что они выкинут вас на улицу. Кому нужен торговый агент Елисей Мученик?

— А если они постановили сегодня шлепать торговых агентов? — спросил Оспенский.

— Не говорите глупостей! Торговых агентов сажают в тюрьмы и даже бьют, но их никогда не расстреливают.

Андрей молчал. Спасение, забрезжившее рядом, было слишком невероятным.

— А какой вам в этом смысл? — спросил Оспенский.

— Прямой, — сказал Елисей Евсеевич. — Я помогаю молодому человеку и доставляю радость его семье.

— Ага, вы еще намерены и сами остаться в живых!

— Неужели я похож на самоубийцу?

— Но когда вас выведут на расстрел под именем Берестова, как вы намерены выкрутиться?

— А вот вы посмотрите! Я подниму такой крик, что из-за российской расхлябанности матросы собираются под видом офицера расстреливать бедных евреев. Вы взгляните на мой профиль — неужели кто-нибудь может принять меня за офицера? Поверьте моему слову: матросню легче всего брать за горло. Это — на случай, если Берестова вызовут первым.

— А если первым вызовут Мученика? — спросил Оспенский.

— Тогда Андрюша уйдет, а я останусь ждать, пока всех уведут. А потом спрошу: «Господин офицер, а почему меня не вызывали?»

— Нет, — сказал Андрей, — это для вас опасно.

— Вы думаете, что я не хочу жить? Какая наивность! Я вам должен сказать, что во мне заложена такая жажда жизни, что вам

и не снилось. Меня можно топить, как кутенка в сортире, а я все равно выплыву. Но пожалуйста, молодой человек, не думайте, что я все это делаю совершенно бескорыстно и только из-за ваших прекрасных глаз. Ничего подобного: будьте готовы, что в решающий момент жизни к вам в дверь постучится некто в черном и потребует долг. Вы этого не боитесь?

— Нет, что вы!

— Тогда по рукам!

— Вы все сошли с ума, — сказал Оспенский, глядя, как Андрей пожимает руку Елисею Евсеевичу. — Перед лицом вечности не дело заниматься глупыми шутками.

— Запомните, — сказал Елисей Евсеевич, — вы теперь Мученик, Елисей Евсеевич.

— Елисей Евсеевич Мученик, — послушно повторил Андрей.

— Вы живете на Нижней Николаевской в доме вдовы Петерсон. Запомнили? У них есть паспорт, к счастью, без фотографии, и когда будете уходить, обязательно его возьмите. Когда я освобожусь, я сразу отыщу вас, и мы поменяемся документами.

— Сумасшедший дом, — сказал Оспенский. Он сидел на нарах разувшись и постукивал пятками по грязному полу.

— Я думаю, этого достаточно, — удовлетворенно сказал Елисей Евсеевич. — Теперь будем ждать.

— Чего? — спросил Андрей.

— Кого вызовут первого. Хотите пари?

— Хочу, — сказал Андрей. В голове шумело, словно он выпил бокал шампанского. Мученик казался прекрасным, умным и остроумным другом. «Почему мы не встретились раньше, мне так недоставало старшего друга!»

— В наших общих интересах, — сказал Мученик, — чтобы сначала вызвали Мученика.

— Почему?

— Со мной им придется разбираться, может подняться шум — тогда наш с вами план будет погублен. Но если вас вызовут первым и сразу отпустят — тогда мы победили.

Конечно, Мученик рисковал, потому что Берестова могли счесть за офицера и расстрелять. Зато Мученика Гавен убьет наверняка.

В камере снова наступила тишина. Все ждали, что шаги остановятся у двери. Но надзиратели прошли мимо, и еще некоторое время тишина сохранялась, слушали, как открывается дверь соседней камеры...

Начали возникать голоса, шевеление — и тут снова пауза: по

коридору идет молчащая, но шумная множеством шагов группа людей.

Перед дверью возник шум, возня, потом кто-то крикнул:

— Прощайте, господа! Передайте всем, что мы невиновны!

Камера молчала, будто никто не слышал.

Оспенский сделал несколько шагов к двери, хотел что-то прокричать в ответ, но остановился и понял, что опоздал, — люди в коридоре уже ушли.

Оспенский не стал возвращаться к нарам. Он так и стоял посреди камеры, руки в карманах.

Андрей молчал. Он боялся, что их заговор обнаружится и его наверняка расстреляют. Он старался думать о других вещах, о приятных, но ничего другого в голову не вмещалось. Но он так старательно заставлял себя думать о приятном, что прослушал тот решающий момент, когда дверь открылась снова. И случилось неожиданное.

— Всем на выход! — крикнул надзиратель от двери. — Хватит вам прохлаждаться. Выходи по одному.

Он сделал шаг от двери в коридор, и обитателей камеры охватила растерянность — надо было шагнуть к открытой двери, за которой обещана вроде бы свобода, а может быть, и смерть, — и неизвестность эта может разрешиться только в случае, если ты уйдешь из относительно темной, душной безопасности камеры.

— А ну давай, кто первый! — крикнул надзиратель.

Оспенский, который стоял близко к двери, решительно пошел вперед — и это движение потянуло за собой других. И повлекло Андрея, словно он был щепкой.

Когда Андрей, протолкнувшись сквозь узкое горнило двери, попал в коридор, он увидел, что в коридоре стоят несколько надзирателей и матросов. Старший надзиратель спрашивал каждого, кто показывался в двери:

— Фамилия!

Потом отыскивал ее в списке, который держал в руке, и показывал рукой направо или налево, — две кучки людей стояли в коридоре под охраной надзирателей.

— Чистые и нечистые, — сказал кто-то за спиной Андрея, но Андрей не стал оборачиваться. Внимание его было приковано к пальцу надзирателя, который замер над списком.

— Ну? — крикнул он вдруг и уперся в лицо Андрея маленькими очками. Андрей обернулся, будто ожидая поддержки от Елисея Евсеевича, и в самом деле услышал подсказку:

— Мученик.

— Мученик! — с облегчением произнес Андрей. Главное — прыгнуть в воду, потом уже не так страшно.

— Ну и фамилия, — сказал надзиратель, ведя карандашом по списку, и Андрей заметил, что возле фамилий были какие-то значки.

— Есть Мученик, — сказал надзиратель с облегчением, а у Андрея было чувство усталости, будто он вместе с надзирателем целый день перекапывал списки в поисках Мученика.

«Я — Мученик, в этом есть перст судьбы, — думал Андрей. — Сейчас они спохватятся».

— Направо! — сказал надзиратель, Андрей замешкался, и второй надзиратель грубо подтолкнул его. Андрей не видел, кто стоит рядом, впрочем, это не играло роли. До него донесся голос Елисея Евсеевича:

— Берестов. Андрей Сергеевич. Будьте любезны!

Группа людей, невидимой и безгласной частицей которой был Андрей, двинулась по коридору прочь от камеры.

Они миновали открытую железную решетку, затем еще какие-то двери, узкую лестницу вниз и оказались у выхода из тюрьмы: сквозь приоткрытую дверь проникал холодный мокрый воздух.

— Сколько? — спросил матрос, появившийся в этой двери. На нем была мокрая офицерская фуражка и черный бушлат.

Надзиратель передал ему список.

— Тридцать два, — сказал он, — всего тридцать два.

— Отлично, — обрадовался матрос. — Хорошо работаете. Никого себе не оставили?

От черного прямоугольника двери отчаянно дуло.

Матрос сложил список, положил в карман и приказал:

— Выходить по одному!

Андрей понимал, что он сейчас окажется на улице, и в то же время поведение матроса было таким, будто он не собирался отпускать арестантов. Люди выходили, и матрос громко считал их. Андрей оказался тридцатым. Ему вдруг захотелось остаться в тюрьме, но сзади стояли надзиратели, которые были рады избавиться от Андрея.

Андрей прошел сквозь дверь и оказался в мире, где не место живому человеку, — сверху хлестал ледяной дождь, под ногами было скользко, ветер был таким промозглым, пронзительным и яростным, что Андрея начала бить дрожь. Выбегая из тюрьмы, люди оглядывались — и другой матрос приказывал: вперед, вперед!

Там стоял большой открытый грузовик с высокими бортами.

Матросы велели людям лезть в грузовик, и тогда Андрей вдруг окончательно понял, что произошла ошибка — их везут убивать! Никто не будет везти людей ночью в открытом грузовике для того, чтобы выпустить на свободу. Нет, это неправда, просто надо освободить тюрьму, тесно в тюрьме, и поэтому их перевозят в Симферополь. Это объяснение было таким здравым, что он почти успокоился.

Когда тридцать два заключенных были в грузовике, в кузов забрались два матроса с пистолетами, и один из них приказал всем арестованным сесть на пол.

Сразу стало теплее и не так дул ветер.

Матросы уселись на задний борт.

— Ну что, спаслись от смерти? — спросил Оспенский, который оказался рядом.

— Вы здесь? — Андрей даже обрадовался, что есть знакомый человек.

— И я, и вы, и еще тридцать офицеров и угнетателей трудового народа, — сказал Оспенский. — Если когда-нибудь вы встретите на том свете господина Мученика, плюньте ему в лицо!

— А вы думаете, что ему лучше? — спросил Андрей. — Ведь не исключено, что нас везут на вокзал, чтобы отправить в другую тюрьму.

— Это еще зачем? — спросил Оспенский.

— Сидеть! Сидеть! — кричали матросы, следя, чтобы заключенные расселись.

Андрей повторял для себя: «Все-таки на вокзал — вот мы поедем и увидим, что едем на вокзал».

— Сидеть!

Над бортом рядом с Андреем поднялась рука, которая осторожно кинула ему на колени портсигар и исчезла. Андрей инстинктивно накрыл портсигар обеими ладонями.

Он потянулся к борту. Там в матросской одежде и в заломленной назад бескозырке стоял татарин Иса, которого Андрей помнил по партизанскому отряду Ахмета. Иса улыбался, показывая голубоватые в темноте зубы.

— Вы что? Вам плохо? — спросил Оспенский, обнаружив способность переживать за других в момент, когда на свете уже не остается никого, кроме тебя самого.

— Спасибо, — сказал Андрей, чувствуя, как в нем поднимается торжество, именно торжество превосходства над этим миром,

над прочими людьми, прикованными к своему часу и покорно плывущими, подобно щепкам, по реке времени.

Торжество питалось гордыней, словно Андрей сам придумал и изготовил портсигар, словно он и есть Дедал, уже испытавший крылья.

Сидя в той же позе, Андрей осторожно и уже привычно провел по ребру портсигара. Портсигар вернулся к владельцу, а это могла сделать лишь Лидочка, которая видела, как он пропал. Надо уходить. Уходить и забыть об этом сумасшедшем доме, о страшной камере и ночном путешествии под ледяным дождем. Андрей нащупал кнопку, но не нажал ее, он понял, что этого не надо делать в грузовом автомобиле, потому что обязательно упадешь на землю с большой высоты — сначала надо выйти из грузовика.

Грузовик ехал довольно долго, и заключенные жались друг к другу, и никто не разговаривал, словно все уже умерли, даже матросы на заднем борту казались мокрыми статуями. Сейчас можно кинуться на матросов, невольно начал рассуждать Андрей, — их тут всего двое, — свалить их и бежать!

Как бы в ответ на его мысли грузовик прибавил скорость. На такой скорости спрыгнуть с мотора — значило искалечиться. И матросы, как бы уловив мысль Андрея, зашевелились, положили ладони на раскрытые кобуры.

Он уйдет... а Оспенский? У него же двое детей! Как ему помочь? Обнять его и нажать на кнопку — а если портсигар не может взять двоих, вернее всего, он не сможет этого сделать, значит, они оба погибнут?

Грузовик остановился. Вокруг была темная мокрая пустота, и кто-то сказал:

— Малахов курган.

— Последняя остановка, — ответил второй голос и хихикнул: — Трамвай дальше не идет.

— Бежим, — сказал Оспенский. — Другие тоже побегут.

Вспыхнул прожектор, ударив в людей, вылезавших из грузовика, Андрей скорее угадал, чем увидел, группу матросов, стоявшую в стороне.

— Давай, давай, без задержки!

Матросы — их набралось человек десять — погнали арестованных вниз под горку, к какой-то яме, чуть задетой лучом прожектора.

— Беги! — крикнул Оспенский и бросился в сторону.

— Стой!

И сразу застучали выстрелы...

Далее нельзя было ждать ни секунды.

Андрей нажал на кнопку, передвинутую на три дня вперед.

И провалился в уже знакомый поток времени.

* * *

Елисею Мученику, освобождая его из-под стражи, отдали мешочек с личными вещами Берестова. Мученику было неловко брать этот мешочек, и от вида его радость избавления, умиление собственным умом, выручившим его из безнадежного положения, тут же сменились раскаянием перед юношей, который пошел на смерть вместо него. И Елисей стал доказывать себе, что это не совсем так, вернее, совсем не так. Он пошел на эту уловку ради своей партии, ради революции, ради спасения миллионов людей. Идет война, он на войне, он солдат, и военный закон велит ему прибегать к различным хитростям, чтобы остаться в живых и продолжать борьбу за правое дело.

И все же Мученику было гадко, и он решил обязательно отыскать молодую жену Андрюши Берестова и отдать ей мешочек с вещами. Выйдя из тюрьмы и ожидая трамвая, он развязал мешочек Берестова и увидел в нем стальные наручные часы, триста рублей денег, свернутых в рулон, и мелочь, что бывает в карманах, но ни фотографии, ни письма — ничего, что могло рассказать о погибшем.

До дому Мученик добрался еле живой и весь следующий день не вылезал наружу, ожидая, чем кончится игра большевика Гавена.

Он оказался прав.

На следующий день в городе, потрясенном ночными расстрелами на Малаховом кургане, начал действовать временный военно-революционный комитет, составленный из большевиков. Первым приказом комитета был арест всех офицеров флота во избежание их поголовного уничтожения вошедшими в раж убийцами.

На некоторых кораблях матросы сопротивлялись и не отдавали своих офицеров. Если там дело срывалось, Гавен не расстраивался. Город был парализован — лидеры меньшевиков и эсеров либо прятались, либо оказались в тюрьме, а некоторые были убиты вместе с офицерами. Военно-революционный комитет стал единственной властью в городе, достаточно решительной, чтобы, использовав матросский террор, через несколько дней вернуть своих опричников в экипажи.

Весь день Елисей Евсеевич бродил по своей девичьей комнатке, в которую так ни разу и не привел свою Раису. Порой он присаживался к узенькому гимназическому столу и начинал писать, волновался, ломал перо, менял его, пачкая пальцы чернилами, снова писал и рвал листы бумаги.

Так и не написав, чего хотел, он лег в постель, не заснул, вскочил, ночью зажег лампу, хоть хозяйка и сердилась, берегла керосин, и без помарок, быстро и легко, написал заявление о приеме в социал-демократическую партию большевиков.

С утра он пришел в Совет, там еще бродили растерянные и никому не нужные вчерашние правители города, узнал от них о создании военно-революционного комитета, отнес туда заявление и, не моргнув, выдержал яростный взгляд Гавена.

— Как ты ускользнул? — спросил наконец Юрий Петрович с искренним удивлением.

— Откуда? — сделал большие глаза Мученик.

— Ладно уж притворяться. Тебя должны были расстрелять.

— Откуда ты знаешь об этом, товарищ Гавен?

— Птичка донесла.

— У тебя уже и птички в доносчиках?

— Я вызову караул.

— Подожди, Юрий Петрович. Сначала прочти.

Он протянул Гавену заявление о вступлении в партию большевиков.

Тот прочел, окинул Мученика ироническим взглядом и сказал:

— Заходи.

— Может, вы не пожалеете, что меня не расстреляли, — сказал Елисей.

Пока Мученик ждал убежавшего куда-то Гавена, он раскрыл свежую севастопольскую газету. В ней был список жертв матросских самосудов. Под номером 23 шел Е. Мученик. Видно, в редакцию попал заранее составленный список. Под номером 29 числился капитан Оспенский.

* * *

На этот раз путешествие было относительно коротким. В плавании по реке времени Андрей научился оценивать длительность прошедшего времени. Это было, как оказалось, уникальное качество, не свойственное более ни одному из путешественников.

В полете Андрей потерял равновесие, упал и ушиб локоть. Так

что сначала он почувствовал острую боль и лишь затем смог открыть глаза. Ему показалось, что он остался в той минуте, из которой бежал, — вокруг было так же темно, так же моросил ледяной дождик и дул порывистый ветер.

Андрей приподнялся, потирая локоть, и оглянулся — вокруг было пусто. Как будто никогда сюда не приходили люди.

И тут же он услышал легкие шаги...

Он не успел подняться и встретить Лидочку — она налетела на него и чуть не опрокинула вновь.

— А знаешь, — говорила она, целуя при том его щеки, уголки губ, глаза, лоб мокрыми, но горячими губами, — знаешь, я видела, как в точке твоего появления возникло зеленое свечение и потом лопнуло — как будто очень большой воздушный шар. Ты слышишь?

Андрей прижал ее к себе:

— Ты ждала меня? Ты долго ждала?

— Какое счастье! — сказала Лидочка и громко чихнула. — Я жду тебя всего вторые сутки. Я знала, что ты ненадолго улетишь. Но ты не бойся, я сказала Ахмету, что я тебя дождусь, и он поверил — он дал мне такую теплую бурку, ты просто такой не видел. Идем, а то ты замерзнешь! Я когда узнала, что Иса передал тебе портсигар, я упала в обморок, честное слово. Когда увидишь Ахмета, спроси, он подтвердит, а Ахмет повез в Симферополь главного муфтия Челибиева, это очаровательный мужчина, ты не представляешь, он не мог тебя дождаться...

— Погоди, моя любимая, погоди, моя хорошая, — сказал Андрей. — Пойдем отсюда. Они же могут вернуться.

— Нет, — уверенно возразила Лидочка. — Они не вернутся. Они выполнили, что от них требовалось, — они запугали город, а теперь власть захватили большевики.

Лидочка провела его за невысокий каменный забор, за которым, под одиноким тополем, было устроено ее логово.

— Садись, — сказала она, — тебе надо немного отдохнуть.

Большая кавказская бурка сохранила внутри Лидочкино тепло. Они забрались в нее и прижались друг к другу очень тесно, чтобы поместиться под буркой. Они стали целоваться, потому что им не хотелось больше говорить — ими овладело неуемное страстное, нервное желание — как истерический смех. Еще два дня назад они не знали, что когда-нибудь будут снова вместе, и теперь их тела как бы требовали убедиться в том, что они вернулись друг к другу. И это соединение было более мучительным и сладким, чем их первые ночи в Батуме.

А потом им надо бы идти в город — зачем оставаться в нехорошем месте. Но так и не разъединившись, они заснули. И проспали до утра, когда дождь пошел сильнее и они уже не могли согревать друг друга. Накрывшись буркой, как громадным зонтом, они побежали в тот дом, который им достался по наследству от Ахмета, и налетавший порывами ветер хотел вырвать у них бурку или хотя бы опрокинуть их на землю.

Старуха, хозяйка домика, еще спала, они на цыпочках прошли в свою комнату и снова заснули.

* * *

Новый, 1918 год Лидочка с Андреем встретили в Симферополе в доме тети Маруси. Уже неделю они жили там, намереваясь уехать в Москву, что с каждым днем становилось сделать все труднее. Они надеялись на помощь Ахмета, ставшего при татарском правительстве немалым человеком. Надежда была на специальный поезд до Киева, которым туда отправлялась депутация Крымского курултая для переговоров с Украинской Радой о трех северных уездах Крыма и о военной помощи Украины Симферополю. Но поезд все откладывали из-за боев с Центрофлотом в Евпатории и Феодосии.

Андрей полагал, что Новый год они встретят одни. С утра тридцать первого он отправился на оскудевший рынок, где ему повезло — там торговал мукой его бывший однокашник Киприати. Андрей вернулся домой с добычей: три фунта муки, два фунта яблок и, что удивительно, — принес полголовы сахара.

День тридцать первого был сумрачным, ветреным, но без снега. В комнате не было света, и в полумраке Андрей остановился пораженный — в углу перед трюмо стояла небольшая зеленая елка, на которой поблескивали серебряные гирлянды.

— Лидия! — закричал Андрей. — Это еще откуда? Ты прорвала блокаду?

Лидочка вошла из кухни, вытирая руки передником.

— Подойди ближе, мой повелитель, — сказала она.

Андрей уже сам ступил ближе и догадался, что елка нарисована на большом листе картона, а гирлянды и блестки к ней приклеены.

— Тогда и я покажу тебе, что и я достоин твоего внимания.

Андрей начал выкладывать на стол сокровища, добытые на рынке.

Лидочка тут же решила сделать настоящий пирог с рисом и изюмом, что отыскала в буфете.

Андрей наколол дров — их осталось немного, чтобы хоть на Новый год как следует протопить печку. Стало тепло, как до революции. Потом он сказал:

— Лидуш, а что, если я позову Нину Беккер? Она же здесь совсем одна.

— Я буду рада, — сказала Лида, она не хотела огорчать Андрюшу, хотя Нина Беккер ее раздражала своей немощью и демонстративным христианским смирением. Она понимала, что Нина бесконечно одинока и несчастна, но жалость к ней была сродни жалости к нищенке на дороге — хочется кинуть монету и более ее не видеть.

Андрей пошел к соседям. Нина встретила его на дворе, как будто сидела перед окошком и ожидала, — она выбежала в одном платье, застиранном до того, что потеряло цвет.

Она затащила его в такие холодные сени, что Андрей догадался — она вообще не топит всю зиму.

— Приходи сегодня к нам, — сказал Андрей. — Встретим Новый год. Может, он будет лучше, чем семнадцатый?

— Хуже некуда. Одна прорицательница обещала конец света в будущем году.

— Ты придешь?

— Нет, что ты! Мне совсем нечего надеть.

— Глупости, — сказал Андрей. — Мы же будем втроем.

— На праздник наряжаются не для других, а для себя, — строго сказала Нина и поджала без того тонкие губы.

— Приходи часам к десяти, — сказал Андрей. — Проводим старый год, а потом встретим новый. Хорошо? У нас пирог будет!

— Спасибо.

Андрей хотел было спросить, нет ли вестей от Коли, — он все забывал об этом спросить, потом решил: спросит вечером.

Вечером, когда стемнело, Андрей зажег коптилку — единственный источник света в доме, потому что керосин кончился, а на базаре керосину достать не удалось.

И тут в ворота постучали.

Андрей решил, что это Нина. Ей стало скучно, и она пришла пораньше. Но, выйдя к воротам, Андрей увидел высокого мужчину в длинной кавалерийской шинели и папахе.

Он узнал пана Теодора по глубоким, как ямы, глазницам — его мефистофельская бородка исчезла.

— Принимаете гостей? — грудным голосом спросил Теодор.

— Хорошо, что вы приехали на Новый год, — сказал Андрей. — Мы и не ожидали, что будет столько гостей на праздник.

— Много гостей? — Теодор обернулся, будто гости уже приближались.

— Только соседка, она милая девушка, совсем одинокая.

Лидочка была рада Теодору — она знала его ближе и понимала лучше, чем Андрей, хотя бы потому, что они вместе были на не существующей в этом мире могиле Андрюши.

— Я рад, что застал вас в отличном настроении, — сказал Теодор.

Он положил на пол вещевой мешок и вытащил оттуда три большие свечи, бутылку шампанского и банку свиной тушенки.

— Пир грозит превратиться в праздник чревоугодия, — сказала Лидочка.

Теодор помылся холодной водой и вышел в гостиную в казачьей черкеске, которая ему шла. Андрей даже с некоторой ревностью поглядывал на Лидочку, стараясь перехватить обмен взглядами между ею и гостем, — это было первым в их совместной жизни испытанием ревностью.

— Вы сейчас откуда, Теодор? — спросила Лидочка.

Теодор словно ждал вопроса. Он вытащил из мешка сложенную карту и расстелил на столе. Карта была велика и охватывала Европейскую Россию. Она была исчерчена стрелками, крестиками и линиями.

— Я из Петрограда, — сказал Теодор, — но по дороге сюда побывал в Новочеркасске.

— Расскажите тогда, что же происходит, мы здесь как на краю света — даже газеты не знают правды, — попросила Лидочка.

Андрей рассматривал карту. Лидочка зажгла одну из свечей, и от контраста между ее светом и светом коптилки казалось, что в комнате взошло солнце.

— Большевики твердо держат власть в центре, — сказал Теодор, указывая длинным ногтем сначала на Петроград, потом на Москву. — Но за пределами Центральной России их власть почти везде под сомнением. Некоторые губернии признали ее формально, другие и не знают толком, кто правит державой. Но, в общем, большевики — народ вполне серьезный, и они не питают иллюзий по части чести и благородства — как своего, так и соперников. Вернее всего, первый шок от их возвышения уже прошел, и оппозиция начинает расти как снежный ком. Мое путешествие, — Теодор провел пальцем от Петрограда через Москву

и далее на юго-восток, к Дону, — показало, что оппозиция большевикам уже находит свои лозунги, идеалы, строит свои армии, и чем больше большевики будут совершать ошибок, тем скорее будут крепнуть их враги.

— А что сейчас в Москве? — спросила Лидочка.

— В чем беда Петрограда и Москвы? — ответил вопросом на вопрос Теодор. — Они могут давать России станки и машины, ситец и ложки, но сами не могут себя прокормить. А вот сельскохозяйственные области большевики удержать не смогут. Так что в самые ближайшие месяцы обе столицы будут поражены страшным голодом. А от голода два шага до голодного бунта. Голодный бунт в феврале прошлого года свалил императора, голодные бунты в Москве и Петрограде сметут большевиков.

— А выхода нет?

— Выхода нет. Радикалы впервые захватили власть в стране — словно исполнили завет Пугачева. Но удержать ее они не в состоянии. Недаром я принес карту. Глядите: на западе, совсем близко от Петрограда, находятся стальные немецкие армии. В их руках Прибалтика, на их стороне значительная часть прибалтийского населения, которое почитает себя куда более связанным исторически с немцами, чем с русскими. Южнее — обособилась Украина. Это житница империи, и она не намерена кормить большевиков. Чуть восточнее — земли казачьи. Здесь уже собрались тысячи и тысячи оппозиционно настроенных офицеров и генералов. Они — непримиримые борцы с большевиками. Следовательно, у движения, которое в знак протеста против красных большевиков именует себя белым, есть уже не только ресурсы, но и военные кадры. Исход войны не вызывает у меня сомнений. Но это будет страшная война, в которой население больших городов будет задушено голодом и болезнями, а остальные местности России вернутся к каменному веку, потому что городская промышленность будет полностью разрушена.

— Вы в этом уверены? — спросила Лидочка. Ей стало страшно.

— К этому выводу меня приводит немалый жизненный опыт, — сказал пан Теодор, — и умение анализировать. Если вы задумаетесь, как задумался я, боюсь, что вы придете к тем же выводам.

— Значит, нам не стоит ехать в Москву? — сказала Лида.

— Но университет? Твое художественное училище? — сказал Андрей.

— Забудьте на год, на два — дайте истории поставить точку. Москва — это ловушка. Перед своей гибелью большевики при-

бегнут к устрашению и террору. Оставайтесь здесь — или попытайтесь перебраться в отдаленные губернии.

— Куда? — спросил Андрей. — В Среднюю Азию? На Кавказ?

— Боюсь, что и там начнутся национальные движения и возникнут независимые государства, подобно Финляндии или Польше, в освобождении которой я не сомневаюсь. Нет, пока эта буря не успокоится, лучше отсидеться.

— Что вы сами будете делать?

— Я, так сказать, нахожусь на службе. На службе Хроноса.

— Вы должны наблюдать? — спросила Лидочка.

— Не только наблюдать. Наша задача — обеспечить движение цивилизации по ее основному пути, не допустить, чтобы Земля попала в тупиковую ветвь, которая приведет ее к гибели.

— А мы? — спросил Андрей.

— Путешествие во времени оказалось для вас небесполезным, — сказал Теодор.

— Я бы просидел эти годы в тюрьме.

— Они у тебя остались. Как в банке. И тебе еще предстоит их истратить — в будущем. Пока что ты был рабом обстоятельств, в которых умение плыть в потоке времени было лишь полезной для тебя способностью. Но со временем твоими путешествиями все более будут руководить воля и долг.

— Долг?

— Долг не перед конкретным человеком, но перед своей страной, перед всей Землей. Как только ты осознаешь свою силу, свою возможность оказывать влияние на судьбы миллиардов людей, ты обязан будешь трудиться ради их блага... Не улыбайся, Андрей. Громкие ли это слова или истина, тебе предстоит разобраться самому. В отличие от прочих твоих учителей я не утверждаю, что прав. Лишь ты сам можешь в этом утвердиться.

— Мы можем от этого отказаться? — спросила Лидочка.

— Боюсь, что поздно.

— Почему?

— Если бы наш разговор состоялся хотя бы десять лет назад, мне бы никак не доказать вам, что нынешние обстоятельства трагичны и ужасны, что человек — песчинка, он летит по ветру и нет ему места приклонить голову и нет надежды пережить события. Но сегодня вы меня понимаете куда лучше, чем я понимал своего учителя.

— А когда вы были... когда вас учили? — спросил Андрей.

— Очень много лет назад, — сказал Теодор. Он увидел разочарование в глазах Андрея и добавил: — Триста с небольшим лет. Биологически мне сейчас чуть меньше пятидесяти.

— А вам не жалко? — спросил Андрей.

— Не жалко чего?

— Не жалко тех лет, которые вы пропустили?

— Жалеешь ли ты, Андрей, о тех двух годах, когда тебя не было?

— Не знаю.

— Вот и я. Я прочел о том, чего не увидел. И потом увидел результаты пропущенных событий. Это куда интереснее.

— Если наша цель — следить за людьми Земли и исправлять, как вы считаете, какие-то пункты и тупики истории, значит, кто-то должен был придумать ваш долг. Кто?

— Не знаю.

— Вы их не видели?

— Не знаю.

— Что вы хотите сказать?

— Мне приходилось встречаться с людьми, облик и знания которых были для меня удивительны.

— Значит, вы слуга?

— Каждый из нас, выбирая правду и дело в жизни, должен кому-то довериться. Я доверился наставнику.

— А как мы можем довериться, если мы его и не видели! — сказал Андрей. — Вы нам предлагаете отдавать, а что даете взамен?

— Это неправда, Андрюша, — сказала Лидочка. — Пока что нам только давали.

— Андрей хочет сказать, — произнес Теодор, — что ему не нравится мой прогноз относительно будущего России и, в частности, его поездки в Москву. Я не настаиваю. Я не способен смотреть в будущее. Я могу лишь предполагать. И ужасаться тому, что может случиться.

— Так же говорил мой отчим...

— Он оказался не прав?

— Он оказался прав.

В дверь стукнули — коротко. Теодор не успел схватить со стола карту, как дверь распахнулась. В дверях стоял офицер в фуражке и черной кожаной куртке. В первое мгновение они не узнали Ахмета.

Ахмет шагнул вперед — пламя свечи осветило его.

— Вы решили, что к вам с обыском? — сказал он, усмехаясь. — Но не успели спрятать вещественные доказательства.

— Ахмет, как славно! — воскликнула Лидочка. — Но ты же сказал, что тебя не будет в городе.

— Я приехал за пулеметами, — сказал Ахмет, подходя к столу и глядя на Теодора. — Мы с вами незнакомы, — констатировал он.

— Ты забыл, — сказал Андрей. — Вы знакомы. Господин Теодор — старый приятель моего отчима, он приехал к нам на Новый год.

— Простите, — сказал Ахмет, — я помню, как вы гадали судьбу моей любимой княжне Татьяне.

Он снял фуражку, кинул ее на диван и сказал:

— У вас слабое освещение во дворце, мадам, очень слабое освещение. Наверное, слуги воруют оливковое масло.

— Глупости, — сказала Лидочка, — мы отапливаемся китовым жиром, разве вы не чувствуете аромата?

Ахмет подошел к столу и принялся смотреть на карту.

— Какой маленький Крым! — сказал он. — А я с утра от Джанкоя сюда добирался. На дрезине. Еле отогрелся.

Глаза Ахмета блестели — он был немного пьян.

— Садись, — сказала Лидочка, — я сейчас тебе кофе сделаю.

— Спасибо, Лида-ханум, — сказал Ахмет. Отстегнув и поставив в угол саблю, Ахмет уселся у стола и отогнул край карты, как бы показывая этим, что ее надо убрать.

«Смешно, — подумал Андрей, — как Ахмет изменился за считаные дни. Ладно, будем привыкать к Ахмету в новой роли: великий татарский полководец».

— Погодите, не надо убирать, — сказал Теодор. — Если не секрет, я хотел бы узнать, какая сейчас ситуация в Крыму.

— Ситуация как ситуация, — сказал Ахмет тоном полковника, который не желает разговаривать со штафирками, но Теодора поддержала Лидочка:

— Ахмет, нам это важно знать. Мы же хотим уехать в Москву.

— О Москве пока забудьте, — сказал Ахмет. — Матросы нас провели как маленьких. И не знаю, как исправлять положение.

— А что случилось?

— Центрофлот послал против наших эскадронцев, которые занимали Феодосию, крейсер «Память Меркурия» и три миноносца с десантом. Я там был... Может, мы бы и устояли, но на их стороне был феодосийский гарнизон. И мы отступили к Джанкою.

— Когда это было? — спросил Теодор.

— Позавчера — мы отступали по железной дороге. Они соору-

дили бронепоезд с японскими скорострельными орудиями и на нем ворвались в Джанкой на наших плечах... Вот и все.

Андрей поглядел на карту. Симферополь оказывался в кольце: моряки уже заняли Евпаторию, Феодосию и начали наступление от Севастополя на Бахчисарай. А на севере в их руки перешел Джанкой. Татарская республика, не успевши толком родиться, уже была на краю гибели.

— И что будем делать? — спросил Теодор заинтересованно, как будто ждал решения Ахмета по поводу какой-то сделки.

— Что делать? Завтра утром мы пускаем к Джанкою отряд пулеметчиков. А ночью туда пойдут эскадроны крымцев.

— Только ты осторожнее, — сказала Лидочка.

— Я не могу осторожнее, потому что я командую поездом, который будет освобождать Джанкой, — если мы не выкинем отряд Мокроусова из Джанкоя, нас задушат в считаные дни.

Лидочка пошла на кухню.

Теодор рисовал на карте крестики и стрелки. Ахмет взял у него карандаш и, перечеркнувши одну из стрелок, провел ее севернее — от Феодосии на Карасубазар.

— Вот так они близко, — сказал он.

— Сейчас будет чай! — крикнула из кухни Лидочка.

От плиты шло тепло.

— У вас хорошо, господа, — сказал Ахмет. — Так не хочется с рассветом на мороз! Думаешь, я на авто поеду? Нет, на платформе. Может, до смерти замерзну. А жалко.

— А их там много? — спросила из кухни Лидочка.

— Я надеюсь на эскадроны.

— Значит, еще один барьер, — сказал Теодор. — Еще один.

В дверь постучала и вошла Нина Беккер. Она была причесана, под суконным старым пальто — мамино праздничное платье. Она принесла сумку, в которой была бутылка вина и мешочек грецких орехов. При виде стольких гостей она оробела, но потом узнала Ахмета и даже обрадовалась ему, потому что для нее гимназические годы брата, его друзья казались теперь светлым временем жизни. Тогда их дом был живой и родители были живые, и все надеялись, что дальше будет еще лучше.

Начали собирать на стол и провожать старый год: Ахмету надо было выезжать на фронт, а Ниночка сразу сказала, что до полуночи не останется — она так поздно не ложится.

Пирог получился румяный, а Лидочка говорила, что, если бы были дрожжи, он бы получился лучше. От тети Маруси остались высокие бокалы для шампанского.

Андрей увидел прижавшееся к окну человеческое лицо — как светлый круг на черном квадрате.

— Там кто-то есть! — крикнула Нина, проследившая за взглядом Андрея.

Ахмет кинулся в угол, почему-то схватил саблю. Но сабля ему не понадобилась. Андрей распахнул дверь и увидел, что на улице стоит замерзший, переодетый в мастерового, но в остальном живой и здоровый Коля Беккер.

Больше всех обрадовалась, конечно, Нина, которая упала в обморок, и ее пришлось отпаивать водой.

— А я приехал домой, — сказал Коля, — приехал, а заперто. Вышел в переулок. Вижу, свет горит. Я к вам, гляжу и глазам не верю: все вместе! И Нина, и Андрюха, и прекрасная Лидия! И даже Ахмет, который уже стал генералом.

— А ты, я вижу, генералом не стал, — сказал Ахмет.

— Нет, не стал, — признался Коля. — Мне все надоело. Хватит. Я дезертир, и если хотите — выдавайте меня властям.

— Власть здесь я, — сказал Ахмет, — так что я тебя прощаю. Но если ты к нам надолго, то могу мобилизовать тебя в армию свободного Крыма. У нас много русских офицеров.

— Ахмет, не так сразу, — сказал Коля, усаживаясь за стол. — Может быть, и придется с тобой вместе воевать. А ты кто будешь?

— Ты видишь перед собой, мон женераль, — сказал Ахмет, — заместителя полковника Макухина, командира отдельного Джанкойского железнодорожного отряда капитана Керимова. Удовлетворен?

— Завидую, — сказал Коля. — Я так и не дослужился до таких чинов.

— У нас в армии дослужишься. Во времена революции легче всего стать генералом.

— Если правильно выберешь сторону, — сказал Коля.

Лидочка передала ему кусок пирога, и он впился в него белыми ровными зубами.

— Я жутко голодный, — сказал он, — с утра ни маковой росинки.

— Из Феодосии? — спросил Ахмет.

— Оттуда.

— Не боишься?

— Господа, товарищи и просто граждане, — сказал Андрей. — Вы не представляете, как я счастлив, что вы собрались здесь в такую ночь. Я и не мечтал, что увижу здесь всех моих друзей.

Потом Коля вытащил плоскую немецкую фляжку со спиртом,

дамы пили вино, но еды было мало. Нина смотрела на брата и все время плакала — Коля даже морщился и сказал наконец:

— Растаешь, сестра!

Потом Андрея уговорили рассказать, как он спасся в Севастополе. И он рассказал всю правду, кроме конца. Он сказал, что в темноте убежал и скрылся. Рассказал он и об удивительной истории с Елисеем Мучеником, который предложил поменяться именами, чтобы спасти Андрея, а спасся в результате сам.

— Боюсь, он знал заранее, что Берестов будет спасен, а его должны расстрелять, — сказал молчавший до того Теодор.

— Вряд ли, — сказал Андрей, — он же торговый агент. И я рад, если он спасся.

— Он не торговый агент, — вдруг сказал Коля. — Он приезжал к нам. Он известный политик, эмиссар меньшевиков.

— Не может быть! — ахнула Лидочка. — Неужели он был так коварен?

— Почему коварен? — сказал Ахмет. — Он купил себе жизнь, а взамен отдал чужую. Хорошая коммерческая сделка.

Андрей смотрел на Колю. Неужели он ничего не знает о втором Берестове? После разговора с Баренцем Андрей почти уверился в том, что именно его гимназический приятель и сосед, полагая, видно, что сам Берестов сгинул, взял себе его имя. И то, что было бы немыслимым в мирное время, в бессмысленной суматохе революции могло сойти, по крайней мере на время, и избавить Колю, к примеру, от немецкой фамилии... Но не мог же Коля надеяться, что его обман не будет в конце концов открыт? Вот полковник Баренц навел справки, вот и сам Андрей уже подозревает Колю. И он сейчас спросит Колю: «Послушай, мне сказали, что ты выступаешь в Севастополе под именем Берестова?» И Коля тогда смешается, покраснеет и вынужден будет признаться.

Андрей понял, что не посмеет задать Коле такой вопрос. Его труднее задать, чем ответить на него. Ну как ты спросишь у старого приятеля: «Ты меня обокрал?» Нет, это немыслимо! А вдруг Андрей ошибается и нанесет Коле несправедливое оскорбление?

Андрей стоял, опустив глаза, и как сквозь шум водопада слышал продолжение разговора.

— Этот полковник Баренц говорил Андрею, — произнесла Лидочка, — что Берестов приближен к Колчаку. И матросы его ненавидят.

— Я бы слышал об этом, — сказал Коля. — Мне как социал-демократу приходится много бывать среди матросов. Они дове-

ряют мне свои секреты. Но я никогда не слышал о Берестове, тем более приближенном к Колчаку.

Андрей наконец осмелился поднять глаза и встретился взглядом с Колей. И тот, глядя в упор, закончил свою мысль:

— Впрочем, я не бывал в окружении Колчака и не знаю, кто там к кому приближен.

— Все равно он обманщик и мерзавец! — со злостью сказала Нина. — Я бы его задушила вот этими руками!

Она протянула над столом тонкие слабые руки, и Андрей понял, что ей не задушить и цыпленка. Но он так и не понял, имела ли она в виду лже-Берестова или коварного бунтовщика Мученика.

* * *

Ахмет поднялся — стройный, невысокий, но кажущийся выше ростом от того, как он прямо держал спину и чуть закидывал назад голову. Он надел фуражку, привычно, будто всю жизнь ходил в военной форме, проверил ребром ладони, точно ли по центру оказалась кокарда — белый полумесяц на красном кружке. Затем наклонился, поднимая саблю.

Все смотрели на него, как смотрят товарищи на актера, гримирующегося, чтобы выйти на сцену.

— Я буду в Джанкое, — сказал он. — Завтра мы вышибем оттуда большевиков.

Он пожал всем руки — поцеловал Лидочку в щеку и сказал:

— Прости, Андрюша, у нас в Париже такой обычай.

Последним он попрощался с Колей.

— Я не верю, Беккер, — сказал он, — что ты дезертир. Не твоя это специальность. Ты должен быть с сильными. И если ты не с нами, то, всего вернее, ты агент большевиков и тебя прислали в Симферополь, чтобы убить нашего премьера Сейдамета.

— Ахмет! — воскликнул Коля.

— Он шутит, шутит! — испугалась Нина, которая кожей почувствовала опасность.

— Или убить меня, — закончил Ахмет с улыбкой. — Я ведь тоже большой начальник в нашей деревне. До встречи, господа!

После ухода Ахмета некоторое время стояла тишина. Нарушил ее Коля Беккер.

— Я думаю, мы с Ниной тоже откланяемся, — сказал он.

— Может, зайдешь завтра? — сказал Андрей, которому не хотелось задерживать Колю. С уходом Ахмета людей осталось слишком мало, чтобы сохранялось ощущение праздника.

— Я постараюсь, — сказал Коля. — У меня много дел. Мне не хотелось говорить этого при Ахмете, но я представляю Центрофлот. Надеюсь, это останется между нами?

После ухода Беккеров Лидочка зажгла еще одну свечу и поставила ее возле елки.

— Я ночую у вас, — сказал Теодор как само собой разумеющееся. — По улице ходить опасно.

— Конечно, конечно, — сказала Лидочка. — Я вам постелю в комнате Марии Павловны.

Лидочка убирала со стола и потом мыла посуду, хотя ей интереснее было бы остаться с мужчинами. Но ее не догадались позвать, хотя никто, конечно, и не погнал бы прочь. Лидочка не хотела возвращаться без приглашения. В этом была ее неуверенность в себе и в собственном праве быть такой же, как мужчины. Это преодолевается не сразу. Из гостиной до нее доносились голоса: неровный, порой взволнованный голос Андрея и чуть монотонный, низкий — Теодора, голоса эти складывались в некую музыку беседы.

Закипел чайник, и Лидочка заварила чай.

— Мы так ничего и не решили, — сказал Андрей, когда Лидочка вернулась в гостиную.

— Мы не можем рисковать вами, — сказал Теодор, — у нас слишком мало молодых агентов.

Слово «агент» неприятно покоробило Лидочку.

— Теодор предлагает нам отправиться в будущее. Он считает, что нас ничего здесь не держит, — сказал Андрей.

— Неужели вам не интересно поглядеть — увидеть воочию, чем завершится грандиозное действо русской революции? Клянусь вам, если бы не неотложные дела сегодня, я бы тоже уплыл лет на десять вперед. Ведь есть шансы, что Россия сможет построить новое общество. Что она станет добрым примером для иных народов. Большевики исчезнут как накипь — придут достойные люди, Россия заслужила это.

— Как странно, — сказала Лидочка. Она налила чай и подвинула чашку поближе к Теодору. — Мне казалось, что вы очень трезвый и скептически настроенный человек. А вы поете гимн нашему будущему. Неужели люди изменятся?

— Если изменятся условия их существования, то последовательно будет меняться и природа человека.

«А ведь Теодор — не очень умный человек, — подумала Лидочка и испугалась собственной догадки. Прежде он казался ей ипостасью Бога, существом, способным таинственным образом

преодолевать пространство и время. — Впрочем, неизвестно, кто из нас прав. Я, которая видит, как вокруг все сильнее волнуется море, поднимая со дна вонючую тину, или он, которому видится светлое будущее».

— Мы будем там чужими, — сказал Андрей.

— В обществе строителей, творцов никто не будет лишним, — возразил Теодор. — А сегодня, здесь, что связывает вас с этим миром?

— Мама, — сказала Лидочка, — я очень тоскую без мамы. Я так надеялась ее увидеть.

— Вы увидите свою мать через пять или десять лет. Она почти не изменится.

Глаза Теодора казались черными провалами, и лицо было неподвижно.

— У вас была мама? — спросила Лидочка агрессивно.

— Да, — сказал Теодор. — Но я ее не помню.

— А жалко!

Теодор не дал втянуть себя в спор. Он подвинул чашку к Лидочке и попросил подлить чаю.

— Я повторяю, — сказал он, — вы еще не вкусили по-настоящему счастья и трагедии полета во времени. Вы еще живете среди своих сверстников, и они даже не догадываются, что вы уже стали на два года их моложе. Я вам могу предсказать — само время заставит вас плыть дальше и быстрее. И наступит день, когда окружающие вас люди станут не более как тенями. Какими они стали для меня. Вы будете вступать с ними в отношения, но не сможете породниться. Ибо нельзя быть моложе собственного внука.

— У меня не будет детей? — спросила Лидочка.

— Вряд ли.

— А у вас есть дети?

— Если были, то давно умерли, — сказал Теодор.

— Я не согласна на такую жизнь, — сказала Лидочка. — Андрюша, ты слышишь, что я не согласна!

— Хорошо, — сказал Андрей. В отличие от Лидочки его совсем не беспокоило в ту минуту, будут у него дети или нет. Он куда острее помнил, как портсигар спас его на Малаховом кургане.

Лидочка поняла, что Андрей ей не союзник, и сразу замолчала.

— Мы боимся... вернее, я боюсь оставлять вас на эти переломные годы. Вероятность гибели молодых людей в катаклизме русской революции слишком велика. Недопустимо велика! Давайте пойдем на компромисс: вы улетаете лишь на три года впе-

ред, ну максимум на четыре. Ничего особенно не изменится — и мама ваша вас дождется. Но будет главное — мир.

Лидочка поднялась из-за стола. Она посмотрела на нарисованную елку. Язычок пламени свечи заколебался от движения Лидочки, и елка будто шевельнула ветками.

За ее спиной Теодор сказал:

— Мне завтра уезжать. Рано. Разрешите, я лягу спать. А завтра перед отъездом мы все решим, хорошо?

Он поздравил Андрея и Лидочку с наступающим Новым годом, до наступления которого оставалось меньше часа, и ушел в комнату Марии Павловны, где Лидочка ему постелила. Он взял с собой свечу, чтобы помыться перед сном. Лидочка его спросила:

— Вы привыкли жить без дома?

— Иногда у меня бывал дом. Но это вовсе не обязательно.

— Спокойной ночи.

Лидочка вернулась к Андрею. Они говорили тихо, чтобы не мешать Теодору. О Коле Беккере, о том, как он высох, изменился, о том, что Ахмет, конечно же, догадался, что Беккер здесь по какому-то политическому делу и что они с Ахметом давно не выносят друг друга, но какие-то гимназические правила поведения удерживают их от открытой вражды, о Нине, как ей трудно будет найти себе мужа или хотя бы друга, о том, как естествен Ахмет в роли татарского офицера, потом они еще говорили о Мученике, и Андрею все не хотелось верить в коварство этого человека... Часы пробили двенадцать. Они разлили по бокалам последнее шампанское и выпили его. Потом Лидочка сказала:

— Может быть, мы вернем эти портсигары?

— Как так вернем?

— Я боюсь прожить жизнь бродяжкой, я боюсь не увидеть более моей мамы — ты не представляешь, как ужасен бег времени, бег без родных, без близких, без дома...

— Но зато у нас есть защита. Если станет плохо и надо будет убежать — мы убежим.

— Какой ты еще мальчик! — сказала Лидочка. — Ты превратишься не только в Вечного жида, гонимого проклятием, ты еще и станешь слугой неизвестных нам сил, и, вернее всего, сил злых!

— Почему?

— А почему им надо таиться и наблюдать за нами исподтишка? Ты не был в параллельном мире, а я там была — и ты там умер! А сколько раз мне предстоит увидеть твою смерть, а тебе — мою? Мне страшно, Андрюша, я тебя умоляю, не надо нам этих дьявольских подарков. Я христианка, я рождена ею. Это не важ-

но, что я не хожу в церковь, но убежать от своей судьбы — это же грех!

— Кто сказал? Где это сказано?

— Ты не хочешь? Тогда я боюсь, что мне придется уйти от тебя.

— Пойдем спать, ладно? Ведь пока что мы с тобой вместе...

* * *

Утром в шесть, когда уходил Теодор, Андрей еще спал. Лидочка вскипятила Теодору чайник, дала на дорогу последний кусок вчерашнего пирога. Теодор принимал ее заботу как должное, он привык проводить всю жизнь по явочным квартирам, всю жизнь принимать услуги людей, которые только и ждут, когда ты уйдешь...

— Я еще раз прошу вас обдумать мое предложение, — сказал Теодор. — Три года. Всего три года, и вы избавитесь от ужаса гражданской войны.

— Извините, но мы ночью решили, что мы не будем больше нырять в реку времени.

Она положила на стол перед Теодором небольшой сверток, обернутый белой тряпкой.

— Что это? — спросил Теодор, уже догадавшись, что в свертке лежат портсигары.

Лидочка не ответила.

— Ничего не выйдет, — сказал Теодор и улыбнулся одними губами. — Вы уже заражены. Не было случая, чтобы зараженные выздоравливали.

— Мы оба решили.

— Решили вы и своей женской силой, силой молодой самочки, убедили Андрея, который без вас никогда бы такого не сделал.

— Но ведь он со мной!

— Мне нравится ваш характер, — сказал Теодор. — Мы с вами еще славно поработаем.

— Вам пора идти?

Теодор взял в левую руку сверток с портсигарами, правой — руку Лидочки и, низко склонившись, поцеловал ее. Лидочка чувствовала себя неловко, будто она предала этого человека.

Теодор сказал:

— Не провожайте меня, на дворе мороз.

Он вышел из дома, все еще держа сверток в руке. Лидочка хотела сказать ему, чтобы он спрятал портсигары в мешок, но по-

том подумала, что его заботы слишком далеки от нее. Пускай несет, как хочет. И в ней не было раскаяния.

Она проводила Теодора до двери. Еще только-только светало — морозная синь сразу ворвалась в сени.

— Закрывайте дверь, простудитесь! — Это были последние слова Теодора.

Через час проснулся Андрей.

— Отдала? — спросил он.

— Да, мой милый.

— Вообще-то жалко.

— Очень жалко?

— Нет, не очень.

Андрей пошел мыться.

— Интересно, — сказал он за чаем, — Ахмет сегодня отвоюет Джанкой?

— Я очень на него надеюсь, — сказала Лидочка. — От этого зависит, сможем ли мы уехать.

— Я верю в Ахмета, — сказал Андрей. — И надеюсь, что через неделю я уже буду в университете, а ты в училище.

— Мы как три сестры: в Москву, в Москву... — улыбнулась Лидочка. — Принеси дров, а то печка холодная. Чего теперь их беречь.

Андрей накинул тужурку и пошел на улицу, а Лидочка осталась в странном, неприятном предчувствии скорой беды. Неужели Ахмет не победил? Или мама уехала из Одессы?

Вернулся Андрей.

— Погляди, что я нашел на дровах, — сказал он.

И Лидочка поняла, о чем предупреждало ее предчувствие: Андрей держал на ладони развернутый белый сверток, а в нем один на другом лежали два портсигара.

Андрей положил портсигары на стол:

— А он хитрый, ведь выкидывать мы не станем!

— Андрюша, милый, ты не прав! Давай выкинем! Сейчас же — или жалко, оставим в этом доме, в подполе — никто не найдет. Если увидим Теодора, то скажем ему, где искать.

Андрей кивнул, вроде бы соглашаясь, но он был не уверен в том, что оставит портсигары в Симферополе. К нему возвратилась радость и надежность существования, словно ему, герою американского Дикого Запада, кто-то вернул верного иноходца... теперь берегись, коварный шериф!

Они больше не говорили о портсигарах. И Лидочка даже не стала спрашивать Андрея — взял он их с собой или оставил, как

договаривались. Ей казалось, что, если она станет от них избавляться, они появятся вновь, как неразменный пятак...

Колю Беккера они больше не видели — когда Андрей зашел попрощаться к Нине, она сказала, что Коля ушел еще на рассвете. Глаза ее были красные, распухшие, она находилась в таком глубоком горе, что Андрею было стыдно: ведь он не один!

Вечером прискакал нарочный. Джанкой был взят татарскими эскадронами и бронепоездом Ахмета Керимова. Мокроусов с феодосийцами бежал в степь. Ночью отходит литерный поезд в Киев.

Они приехали на вокзал в уговоренное время и думали, что поезд стоит где-то на дальнем пути и к нему проходят на цыпочках, повторяя пароль.

На самом деле поезд стоял у главного перрона и его штурмовали толпы людей различного звания. Весь Симферополь знал о поезде, и никто не был уверен, что после него будет еще много других. Эскадронцы Ахмета смогли втиснуть Берестовых в вагон. К счастью, вещей у них было мало.

Джанкой поезд прошел без остановки, зато долго стоял у Турецкого вала, будто не решался переправиться через Сиваш. Только утром он не спеша выполз в украинскую степь. Степь была покрыта тонкой непрочной снежной простыней. Ветер рвал ее и пытался смять, затыкая снегом овраги. Было пасмурно, студеный ветер гнул вершины тополей. В вагоне было душно, шумно, но уютно, как уютно птенцам в переполненном гнезде.

Впереди был Киев — столица вольной Украины, а потом Москва.

Содержание

НАСЛЕДНИК (1913—1914 г.) 5

Глава 1. *Август 1913 г.* 7
Глава 2. *Рождество 1913 г.* 87
Глава 3. *Июль — август 1914 г.* 132
Глава 4. *Октябрь 1914 г.* 163
Глава 5. *Октябрь 1914 г.* 238

ШТУРМ ДЮЛЬБЕРА (1917 г.) 291

Глава 1. *Декабрь 1916 г.* 293
Глава 2. *Март 1917 г.* 344
Глава 3. *Март 1917 г.* 391
Глава 4. *Март — апрель 1917 г.* 415

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ТРАПЕЗУНДА (1917 г.) 541

Глава 1. *Снова март — апрель 1917 г.* 543
Глава 2. *Май 1917 г.* 603
Глава 3. *Лето 1917 г.* 665
Глава 4. *6 сентября 1917 г.* 706
Глава 5. *Осень 1917 г.* 744
Глава 6. *Октябрь — декабрь 1917 г.* 787
Глава 7. *Декабрь 1917 г.* 808